

Владислава  
Заклятые Враги



Король Дарнаэл и королева Лиара — заклятые враги. Стереотипы матриархата, ненависть к магии, игра в чужие жизни тянется уже который год на землях Эльвенты и Эрроки. Даже дети Лиары — навеки без признанного отца — просто разменная монета. Слепая верность короне, пустым идеалам, богам — разным на двух концах материка, — всё это их вечная игра, в которой нет победителя. Но думали ли они, что в своём бесконечном сражении столкнутся с силами куда древнее, чем привычные враги?

---

Двадцать три года назад

Ламир не узнал её. Далла не понимала, что в этом настолько радостного, но проклятый брат не сумел разобрать черты её двадцатилетней в маске сорокапятилетней женщины. Самодовольство полыхнуло волной; она тогда была бы прекрасной королевой, молодой и красивой, а сейчас всё пошло наперекосяк, и она поправляла яркую когда-то, а сейчас посеревшую уже прядь волос, всматриваясь в зеркало. Далла гордо вскинула голову и попыталась вспомнить чётко очерченную линию подбородка в сегодняшней расплывчатой. Пройдёт ещё двадцать с чем-то лет, и она превратится в какую-то стандартную бабушку, но сегодня повторится день её триумфа.

Её дочь никогда не нарушит материнское слово. Далла надеялась на это, когда выходила встречать короля Ламира Эрроканского — это чудовище, столкнувшее сестру с трона двадцать пять лет назад, опозорившее её на весь мир, сейчас казалось таким самодовольным. Он давно потерял все остатки родительской красоты, которые только у него были, и эти бабские черты тоже потолстели, лоснились от горы кремов, которыми он призывал к себе молодость, но всё равно хватило смелости явиться сюда, принять решение повенчаться с красивой девицей, которую он увидел где-то на охоте; которую он посчитал чем-то вроде очередного оленя, которого следует подстрелить.

Далла усмехнулась. Её дочь не была оленем, её дочь была ведьмой — или станет ею. И Королевой тоже станет.

Эррокой с самого её основания правили женщины. Мужчины не способны владеть магией: даже если у них есть какие-то задатки, то они всё равно не смогут ничего с ними сделать, они не воспринимают волшебство. Королевы Эрроки правили страной так, что она только разрасталась от Эррийских гор и тянулась почти до другого конца континента. И проклятая Дарна не могла ей мешать, и воссозданная из пепла Эльвента тоже не могла: она осыпалась в руины, сколько б ни воевали короли.

И это продолжалось до той поры, пока Последняя Королева не умерла родами, произведя на свет трёх сыновей. А ведь в Эрроке нельзя прерывать королевскую династию, ведь они — дети самой Богини Эрри.

Далла позволила улыбке немного смягчиться. Она уже чёрт знает сколько времени не была здесь, в королевских палатах. Когда двадцать шесть лет назад она взошла на трон, первая Королева за последние века, первая дочь за столько лет, сумевшая получить престол, она была готова окатить весь этот мир магией и оживить его. Эррока столько лет мучилась под давлением проклятых мужчин, а теперь на целый год сбросила их кандалы... И вновь оказалась в них.

Ламир был таким же, как и тогда, таким же подлым и наглым. Он всё так же с лёгкостью всех обманывал, подписал ей приговор, заявив, что королевская дочь умерла и

был совершён подлог, а самое главное, с такой же лёгкостью приказал её казнить. Она бежала со всех ног из своей же столицы, вынужденная пропасть где-то в Вархве и выйти замуж за человека, которого она почти не уважала, но была благодарна ему за то, что он был слеп и не знал, на ком женится. Но он был болен, буквально умирал, когда она стала его женой, и сколько своей магии она вливала в него, чтобы он всё-таки сумел прожить ещё несколько лет. У него были старшие дети, которые так не ценили его, и ему исполнилось уже сорок пять, когда она стала его женой. Он почитал те века, когда миром правили Королевы, и поэтому, узнав, что она — ведьма, почти боготворил её. А после она родила ему дочь — восемь лет попыток, и их Лиара, прекрасная, любимая дочь появилась на этот свет.

Он умер через три года после её рождения, с улыбкой на губах, даже не зная — его кровь, кровь человека глупого, но всё же отчасти благородного, потекла в жилах будущей Королевы.

Теперь, когда Ламир в свои пятьдесят решил поискать девушку для продолжения рода, свою молодую жену, он по мановению руки пришёл именно сюда. Он не узнал сестру, не узнал её яркое отражение в юной красавице, потому что давно уже был уверен в том, что Далла умерла. Но умерла только Далла Первая — во имя своей же дочери, которая тоже встанет на трон.

...Она ещё раз пристальным взглядом осмотрела себя в зеркале. Да, воистину, мать королевы всё ещё красивая, в отличие от расплывшегося, растолстевшего на лице брата, высокая, натянутая, как самая настоящая струна, хотя чего-то в ней уже, естественно, не хватало, ведь вечных людей не бывает. И даже платье радостно-голубого цвета, что ей было совсем не к лицу, но полагалось, по мнению Ламира, сидело хорошо, пусть и немного смешно.

Далла ещё раз провела ладонью по волосам — они были убраны в странную причёску с миллионом заколок, каждая из которых может быть отравлена, если вдруг Ламир вернётся к своим привычным деяниям.

...Он так грубо хватал её дочь под руку, когда вёл её к венцу, что матери хотелось рвануться вперёд и спасти несчастную, вот только она удержалась и шла сзади, чтобы присутствовать при этом проклятом акте кровосмешения, о котором не знал Ламир, но прекрасно знала Лиара.

Но в покои её дочери он поднимется только после того, как примет вызов. Только вызов сначала надо бросить. Но есть ещё люди, которые верны ей, и они найдут кого-то подходящего на эту роль.

...Дверь открылась с невероятным грохотом. Брат её мужа, уставший, грузный седой мужчина, который тоже уже был на последнем издыхании, поклонился своей королеве — он знал, в отличие от того, кого она то ли использовала, то ли действительно любила.

— Привели, — едва слышно прошептал он. У Вьена — какое странное имя, как она вновь и вновь думала, ловила себя на глупой мысли, — был очень тихий голос, словно мужчина пытался скрыть какие-то сведенья от всего мира. Он кланялся очень низко, так, что седые волосы служили практически заслонкой между ним и реальным миром. Впрочем, с каждым годом поклон казался всё более жалким, и ему приходилось прикладывать руку к животу не потому, что так требовалось по уставу, а потому, что он должен был поддерживать своё непомерное брюхо.

Но Вьен был очень добрым — по крайней мере, настолько, насколько могут быть добрыми люди в этом подобии настоящего мира. Он никогда не пытался переступить

определённые границы, и Далла знала, что такой, как он, никогда не предаст; она смогла утаить с его помощью свою личность от Ламира, и сейчас, когда ей потребовался парень, который погибнет за её дочь, Вьен тоже с радостью отправился исполнять эту маленькую прихоть. Ему от этого ничего не будет, естественно, да и не может быть, но зачем просто так перечёркивать всё то, что можно назвать хорошими, нормальными отношениями? Он не стал бы предавать других людей просто так, но отыскать мальчишку-жертву ради любимой племянницы, которая станет королевой, должен.

— Вьен, ты же знаешь, что я этого никогда не забуду, — прошептала совсем тихо Далла, остановившись рядом с ним и прикоснувшись кончиками пальцев к лицу. Он как всегда слишком сильно вспотел, и кожа тоже была влажной и липкой, но она проигнорировала короткий приступ отвращения, напоминая себе, что он не просто полезен.

— Мне нужна только ваша память, Ваше Величество, — верно пропыхтел он. Его брат был таким же бесхарактерным, но хотя бы периодами умудрялся думать головой, а вот Вьен — нет, он считал это просто лишним трудом. Но он прожил долгую и не слишком счастливую жизнь, а самое главное, он никогда не пытался перебежать с одной стороны на другую. Далла была в этом уверена, к тому же такими, как Вьен, слишком просто манипулировать, чтобы она отказалась от столь дивного шанса заполучить такого верного соратника.

— Введите! — уже громче приказала она, взмахом руки предлагая Вьену посторониться. Богиня, как не хотелось сейчас идти на какие-то глупые жертвы, но кровь одного человека ей нужна. Ей нужен дух, который покидает тело, чтобы её могущество передалось дочери до её смерти и без её смерти. Королева должна быть с Даром Королевы, а значит, Далла должна была усадить на трон полноправную правительницу. Дочь будет её слушать, вот только силы ей нужны собственные, те, которые будут течь в её жилах, а не в жилах её матери.

Двери вновь со скрежетом раскрылись — пусть она была в королевском замке, но тут никто ничего не услышит, — и в помещение вошли два стражника. Прямо перед ними вполне уверенно, без особого страха шагал юноша, напомнивший ей почему-то что-то из прошлого, какой-то странный образ.

Ей даже стало жаль на мгновение мальчишку — ему от силы двадцать лет, а может, и того не было, хотя внешность бывает обманчива, пусть и очень редко. Красивый, знакомые черты сейчас проступали в памяти как-то размыто, и она бросила эту глупую затею и попытки узнать, кто такой стоит перед нею.

Он был высок — даже на фоне далеко не мелких стражников, — и походил чёрными волосами и худощавостью на одного из дарнийцев, удивительно сильных воителей как на то, что горой мышц их никогда нельзя было назвать, хотя и на слабых внешне они тоже отнюдь не тянули. Необычно синие глаза сияли так, словно он сюда пришёл на приём, а не на заведомую смерть, но Далле это даже понравилось.

— И как же тебя зовут, дитя моё? — подойдя ближе, спросила Далла, одёрнув себя и решив, что больше эти два слова использовать она точно не будет, по крайней мере, до тех пор, пока не получит определённую власть.

— Тьер, Ваше Величество, — голос его звучал вполне уверенно: юноша словно не задумывался над тем, зачем его сюда привели, знал это заведомо, и смотрел на неё почти с вызовом, но в тот же момент удивительно спокойно. Далле показалось, что её дыхание перехватило — откуда он мог знать, что она королева? Она даже бросила недовольный

взгляд на стражу в этих дурацких чёрных доспехах, которые они на себя напялили, но юноша, впрочем, не стремился подставлять их, а те всё равно ничего не говорили. — Не смотрите на них так, я хорошо знаю историю, а у меня в доме был ваш портрет. Вы почти не изменились.

Она усмехнулась. Конечно же, изменилась, ещё и очень сильно, но это особого значения не имело — по крайней мере, если этот юнец узнал, всегда можно его отпустить и найти нового. Но времени оставалось слишком мало, а её брат слишком сильно желает по наступлению ночи явиться в покои её дочери. Конечно, Ламир не так уж и отвратителен, но ведь он дядя Лиары, и это будет ужасным кровосмешением, если она, не приведи Богиня, всё-таки забеременеет от него.

Да и Лиаре, её семнадцатилетнему цветку, куда больше подошёл бы этот красавец; у Ламира никогда, даже в молодости, красота не была действительно мужской, он унаследовал слишком много мягких черт лица, и его даже путали с девочкой. Да, Ламир тоже был силён, но его рыжеватые, блеклые волосы, гасли в свете солнца; эти, чёрные, как и у каждого коренного дарнийца, которым юноша, несомненно, являлся, пылали, как на них не свети, чем-то непонятным. А самое главное, эти синие глаза не успеют поблекнуть, сегодня их передёрнет пелена смерти.

— Если ты знаешь о том, кто я, нам будет куда легче, — кивнула она. Это должно быть обоснованное убийство, и он погибнет не от её руки, а в ритуальном зале. — Моя дочь не может попасть в руки этого узурпатора, — она положила ладонь юноше на плечо. Он лишь понимающе кивнул, вероятно, зная, что периодами стоит всё же промолчать, а не допускать какие-то лишние комментарии, которые откровенно помешали бы им сейчас. — И я должна предупредить тебя, что просто не будет точно, но ведь Ламира должен кто-то победить... Ведь истинная королева просто обязана взойти на трон. Богиня Эрри предвещала, что править должна только дочь крови её...

Далла умела красиво говорить, и ей показалось, что юноша действительно заслушался. Он послушно кивнул, не собираясь возражать против её слов, а она сжала его запястье, надеясь на то, что получится убедить паренька без того, чтобы просто силой выталкивать его на поле боя. Ламир очень сильный фехтовальщик, но кто не захочет встать против пятидесятилетнего короля на короткую дуэль и победить его, получив принцессу... Королеву — сегодня её Лиара стала королевой. А совсем скоро, когда она придумает, как убрать Ламира с дороги, будет единоличной правительницей Эрроки.

— Лиара не должна стать пленницей этого жуткого человека! Я столько дней пыталась отыскать Достойного, что сможет отвоевать её, и почувствовала в тебе силу, дитя моё!

Все юноши хотят, чтобы их назвали избранными, сказали, что именно их искали столько дней и столько лет, а после ещё и предложили сразиться и получить принцессу. Только сумасшедший откажется от подобного предложения, а он ведь не сумасшедший, а просто глупое дитя, которое ещё совершенно не понимает, что происходит и как продолжать жить дальше в этом странном, очень глупом мире.

— И ты можешь спасти её! — продолжила Далла. — Всего одна дуэль с Ламиром. Он слаб и стар, он не сможет даже бороться с тобой. Я знаю, тебя избрала магия, — её голос превратился в таинственный шёпот. — Магия говорит мне. Ламир умрёт сегодня от твоей руки, если ты вызовешь его на дуэль и сразишься. Сразишься там, где рунами осыпаны стены...

Тайную комнату почти никогда никто не открывал — может быть, теперь её наличие

так упростит всё. Она ведь вложила столько сил в то, чтобы подобрать нужный день. Там должен кто-то погибнуть, так сказано в пророчестве: должна быть задействована королевская кровь, чтобы её силы перешли к Лиаре, и она сделает всё, чтобы это случилось, чтобы её дочь была полноценной королевой. После она придумает, как убрать Ламира, после поймёт, что делать, чтобы её доченька была счастлива, а сейчас надо немного потерпеть.

Он едва заметно кивнул — конечно, влить столько магии, чтобы только убедить несчастного юнца, тут бы кивнул и кто-то более опытный, но всё равно Далла радовалась этому незначительному, но в то же мгновение огромному успеху. Она знала, что так сможет принести своей дочери счастье, сможет сделать так, чтобы у той всё было хорошо, и это заставляло её идти вперёд, шагать навстречу риску. Всё уже готово, достаточно только рискнуть.

— Ты победишь, дитя моё, — прошептала она. — И если ты сможешь убить Ламира, Лиара будет твоя. Так велено Пророчеством.

Двадцатилетних юношей слишком легко обманывать, они доверчивы и поддаются магии с такой лёгкостью, что её даже не описать обыкновенными словами.

\*\*\*

Ламир едва сдерживал смех. Он провёл рукой над шпагами, словно выбирая самую желанную, после выбрал ту, которая была самой острой, и вновь заухмылялся. Сегодня был такой удачный день — и надо же какому-то проклятому мальчишке прийти и при всех, прямо после венчания, потребовать дуэль с ним. И он даже не мог отказаться, вынужден был поднять проклятую перчатку, даже не посмел приказать казнить его в это же мгновение, ведь юнец сделал всё по правилам.

Король откупорил бутылочку, которую всего пару минут назад взял у лекаря, а после взял кисть. Макнув её в жидкость, он провёл тонкую водянистую полосу по лезвию шпаги, и то на мгновение вспыхнуло странным зелёным оттенком, а после вновь вернулось в абсолютно адекватное состояние.

— Как это мило, — прошептал он, прикрывая глаза на несколько секунд. Хотелось сейчас же овладеть прекрасной супругой, но она никуда не денется, а ему надо сначала триумфально победить проклятого юношу. Дуэль в зале, где стены все пестрят от рун — что может быть веселее, чем плясать по центру старой пентаграммы! Сестрица Далла могла бы оживить эти знаки, воспользоваться ими, но она ведь была убита, а её тело развеяли прахом по воздуху, чтобы проклятая ведьма не посмела вернуться в реальную жизнь, не посмела перейти ему дорогу в очередной раз. Как легко он это сделал, как легко уничтожил сестру, занимая трон!

Лиара напоминала её чем-то, только была куда красивее; он вновь метнулся мыслями к юной красавице-жене, что должна родить ему ребёнка, самодовольно усмехнулся и взвесил в руке отравленную шпагу.

Он король и должен себя беречь, и гори пламенем всякое понятие чести — он должен победить и наконец-то отправиться к той, что так его ждёт. Он ещё раз осмотрел лезвие, чтобы понять, не похоже ли оно на отравленное, а после уверенным шагом направился в зал, где стены исписаны рунами. Ему было ужасно весело от одной только мысли, как будет мучительно умирать проклятый, когда он как раз переступит порог спальни юной красавицы, что отныне принадлежит ему одному.

...Он гордо переступил порог, вскидывая свою шпагу. При свете десятков свечей, выставленных вокруг них, она заискрила зелёным, но Ламир не думал о том, честен он или

нет. Его интересовала исключительно собственная победа, а её цена не имела совершенно никакого значения.

Юноша, представившийся Тьером, держался не слишком уверенно. Казалось, свечи совершенно его не радовали, а оружие было самым обыкновенным — не ядовитым, в отличие от королевского. Но это смертельная дуэль, а Ламир рассчитывал исключительно на победу, а не на то, чтобы просто так сдаться чёрт знает кому, поэтому все факторы играли ему на руку, да и только. Он усмехнулся и остановился на своей точке, уже заблаговременно отмеченной каким-то мелком, чтобы король знал, куда именно ему стоит становиться.

Волосы юноши внезапно потускнели — черноте негде было отыскать свет, чтобы отражать его, — но вот синие глаза пылали всё той же ненавистью, хотя к ней примешалось ещё какое-то незнакомое, неведомое чувство. Он выпрямился и тоже занял своё место.

Можно было даже не отравлять клинок — этого он съёдет первым же ударом. Не защищённый, даже не подумавший о том, что следует прикрыться как-то от нападения врага. Какая глупость!

Ламир не стал ждать. Мысль о прелестной супруге грела душу, и он атаковал так быстро, как только мог в свои пятьдесят лет, но да тут, против неопытного противника, любая комбинация оказалась бы выигрышной. Он даже не понял, когда чёртов Тьер увернулся, принимая основную массу удара на собственную шпагу. Зазвенела сталь, и зелень вновь полыхнула, вместе с аналогичным пониманием во взгляде юноши.

Он отбил следующий удар, но Ламир не собирался переживать. Юноша мог только кружить под градом его нападений, всё ещё уворачиваясь, но слабея с каждым отступлением. Казалось, его лицо пронзила просто хроническая бледность, у которой были определённые причины, и он мог лишь кружить, не выходя за круг свеч.

У Ламира были коронные удары. Ему так хотелось проткнуть наглеца шпагой, но ведь хватило бы и тонкой царапины, чтобы он умер, корчась в муках!

Противник не атаковал.

Кружась по узкому кругу у самих свеч, он словно плясал — казалось, вот уже сколько времени прошло, пока Ламир постоянно атаковал, убедившись, что противник может только защищаться, а теперь осознал, что бой затягивается. Ему было уже пятьдесят, и он устал от постоянных сражений...

Но юнец допустил ошибку.

Шпага почти мазнула по запястью, и Ламир был готов поклясться, что видел тонкую кровавую полосу, царапину, но яд ещё просто не подействовал. Эта мысль тешила его, и он позволил себе почти опустить шпагу, не желая больше растрачивать столь нужные силы. Он был так опытен, вот только давно уже выдохся, потерял силы, а они ему ещё сегодня пригодятся.

Можно было перерезать напоследок сопернику горло, но на это тоже надо было тратить своё драгоценное время, а Ламир не знал, имеет ли это хоть какой-то смысл. Кривоватая улыбка заиграла на его губах, когда он посмотрел на своего соперника, а тот, словно ещё не ощутив яд, ударил по его шпаге собственной.

Из ослабленных пальцев оружие вылетело с ужасной простотой. Шпага отлетела не так уж и далеко, но прокрутилась — и Ламиру надо было до неё дотянуться, чтобы не пострадать прежде, чем на Тьера подействует яд. Он протянул руку, желая достать рукоять, но увидел блик чужого оружия и рванулся слишком быстро и неуклюже. Только спустя мгновение Ламир почувствовал резкую, пронзительную боль в собственной ладони. У него

подкашивались колени, и тошнота моментально бросилась к горлу.

Противник так и замер с поднятой шпагой, даже не сдвинулся с места, и стоял слишком далеко, чтобы это было реальностью. До него нельзя было даже дотянуться рукой — в противоположной точке проклятого круга он замер с занесённой шпагой и думал, что обрушит её на своего противника, но стало слишком поздно.

Ламир оглянулся, растерянно посмотрел на темноволосого соперника и понял, что случилось.

Зелёный яд пронзил его насквозь и заставил закричать. Король умирал, и не было ни единого свидетеля, кроме старика Вьена и матери его молодой невесты. Та перевела на юношу ошалелый взгляд, а после едва заметно кивнула, приказывая ему покинуть круг.

Ламир почувствовал, что нечто неизвестное тисками сжимает его сердце. Оно пытается пронзить его насквозь и уничтожить в корне, просто разорвать на мелкие частички, у которых не существует совершенно никакой связи. Он был таким хрупким, а жизнь растворялась в глазах.

— О, — женщина позволила себе скупую улыбку, которой и наградила юношу. — Я... потрясена. — Она говорила очень тихо, так, чтобы те, кто толпился за дверью зала со стенами, исписанными рунами, ничего не услышали, и улыбалась тоже едва-едва заметно, будто бы мечтая о чём-то удивительном и прекрасном. — Я уверена... Он совершил такую подлость...

Юноша посмотрел на неё сначала таким наивным, полным доверия волшебнице взглядом, а после протянул руку, словно собирался что-то попросить или предложить. Она удивлённо посмотрела на его раскрытую ладонь и нахмурилась, будто бы в ней было что-то интересное или важное.

Жест с его стороны был очень коротким — лишь неощутимое прикосновение к рукаву, и на ладони уже лежал кинжал с лезвием, которое отливало всё тем же зелёным оттенком. Юноша грустно усмехнулся, а после отбросил кинжал куда-то в круг из свеч, словно пытался избавиться от ядовитой змеи. Далле показалось, что она вспомнила, у кого видела эти живые синие глаза, на чьём портрете встречала их прежде, и она удивлённо прошептала знакомое имя из прошлого, которое имело значение только в контексте длинной истории Эльвенты.

— Думаю, — он показался слишком грустным, — вам лучше уделить больше внимания своему брату.

Он задержался лишь на несколько секунд — остановился рядом с мужчиной, чьи глаза уже успели остекленеть, и вытащил зажатый у него в руке ключ, который до сих пор казался слишком горячим, пусть руки его постепенно стыли. Крови на этом не было — может быть, потому, что порезана не эта рука, а может по той причине, что она слишком быстро свёртывалась после этого яда. Шпагу через мгновение нельзя было бы вынуть из раны.

Кинжал валялся где-то на земле, и Далла вновь скосила на него взгляд. Её дар уже перешёл к дочери — не весь, но большая его часть. Она сумела сделать её королевой. Всё сложилось так хорошо!

Вот только имя чужого короля то и дело звенело в ушах.

\*\*\*

Лиара прежде никогда не ненавидела свою мать, но сегодня у неё впервые в жизни появился настоящий повод. Ей хотелось просто провалиться сквозь землю и больше никогда не видеть ничего в этом мире; хотелось ослепнуть и не думать о том, что к ней сейчас явится её дядя. Она только потянулась к шпильке, единственному доступному ей оружию.



Она была готова даже заколоть этого человека — противного, гадкого, ненавистного...

Со скрипом отворилась дверь.

Лиара подняла голову слишком резко, выдав своё предельное беспокойство, автоматически прижимая одеяло к груди, хотя её одеяние было совсем даже не прозрачным, и тут же выронила его — слабость сама разжала пальцы, но шпилька так и осталась лежать совсем рядом на матрасе.

На пороге её комнаты, уже прикрыв за собой дверь, стоял какой-то юноша. Наверное, такому могла бы отдать своё сердце любая девушка — и Лиара вряд ли стала бы исключением, если бы, конечно, сейчас не ждала чего-то, что для неё было в разы хуже, чем обыкновенная казнь.

Он напомнил ей портрет короля Дарнаэла Первого, умершего уже лет сто, если не двести, наверное, назад: такой же синеглазый и черноволосый, с бледной кожей, но с отчётливыми дарнийскими чертами — это можно было прочесть словно какую-то книгу. И впервые за сегодняшний вечер Лиаре стало немного стыдно за то, что она была растрёпана, что рыжие волосы торчали в разные стороны после отчаянных попыток разобрать высокую причёску.

— Ламир умер, — наконец-то с некоторым оттенком спокойствия в голосе промолвил юноша, прикрыл глаза, словно пытался прогнать какую-то картинку, что назойливо становилась у него перед глазами, а после сделал несколько шагов и присел на край её кровати, протянул руку, словно предлагая познакомиться. Он выглядел вымученным и обманутым, но зато победителем — это была та самая неудавшаяся матушкина жертва, которую она хотела так просто обмануть и спрятать в своих слишком грубых сетях. — Я — Дар.

Дар. Она уже знала о том, какое у него полное имя, для этого не надо было даже долго задумываться. Будущий король Эльвенты, умерший принц, юный Дарнаэл Тьеррон, и не важно, как он представился её матери. Она тоже носила иную фамилию до того момента, как вышла замуж.

Он силком повернул её к себе спиной, и быстрые, ловкие пальцы юноши скользнули по сотне шпилек в её волосах. Получалось это у него легко и быстро, и рыжие густые пряди падали на плечи. Лиара впервые чувствовала что-то к мужчине за исключением отвращения и впервые была готова отказаться от бесконечно втолковываемых ей принципов эрроканского матриархата, основы всех основ.

— Когда Её Величество ещё думала, что я там умру, она вполне официально тебя мне пообещала, — прошептал Дар ей на ухо, а после едва ощутимо прикоснулся губами к её бледной, белой коже без единого следа веснушек.

Какой бы дрянью ни была Далла Первая, однажды Лиара её переиграет. Но пока что, что бы он там ни думал о женщине и о собственной матери-узурпаторше, она была безумно красивой семнадцатилетней девчонкой, а он — девятнадцатилетним идиотом, который согласился на глупую авантюру, что могла его убить.

Комментарий к Пролог

Эта работа должна была быть опубликована гораздо раньше (или гораздо позже), но автор (я, то бишь) больше не имею сил держать в черновиках.

Спасибо всем, кто прочтёт, двойное — тем, кто оставит свой комментарий.

Разыскивается человек, который будет готов заняться редакцией этой работы и детальной вычиткой глав. Если у вас есть желание — пожалуйста, обращайтесь в личные

сообщения.

===== Глава первая =====

Вообще-то об Элвенте никогда не говорили так уж и плохо. Часто заявляли, что король местный — та ещё скотина, сволочь и гадюка, но твердили это те милые люди, которые только что попали во владение Его Высочества Дарнаэла Второго, будь он трижды проклят и двадцать раз распят. Собственно говоря, нельзя было так уж радикально говорить о человеке, вот только Бонье, посол из Торресского Архипелага, островной недодержавы, которая никогда не знала, к кому бы прибиться, был уверен в том, что имеет полнейшее право обзывать Дарнаэла Второго за глаза и себе под нос кем угодно, хоть скотиной, хоть самым прелестным мужчиной во всём мире, от этого ничего не изменится.

Бонье был ещё очень молод. Двадцать четыре года для посла — это безумно рано, а он периодами не умел вести себя так, как полагается, поэтому отчаянно опасался, что критика окажется попросту неизбежной. Более того, обычно даже в родной Державе, в Торрессе, он иногда допускал то, что люди именуют глупостями, но что уж сейчас пересчитывать подвиги своего не слишком бравого прошлого?

Он скосил взгляд на зеркало, которое висело в приёмной. Достаточно большое, вывешено оно было прямо у двери в какие-то коридоры, словно для того, чтобы король мог посмотреть на себя перед тем, как поворачивает туда по своим особенным государственным делам. Бонье попытался предположить, как именно выглядит король, но после принял решение, что поймёт это по тому, кто будет сидеть на троне. Не так-то уж и трудно узнать царственное лицо, ведь на голове у него корона, на плечах — красная накидка, да и вообще, короли — штука узнаваемая. Надеясь выглядеть прилично, Бонье попытался поправить свои излишне кудрявые и чрезмерно длинные, как для подобной структуры волоса — сестричкина фраза, — “локоны”, что торчали в разные стороны и упрямо делали его идиотом с вороньим гнездом на голове, но ничего не вышло. Серые глаза сверкнули недовольством, будто бы отражая стандартное настроение каменных стен. Бонье ещё раз выпрямился и одёрнул свой тоже серый посольский костюм. Провернув на пальце перстень, который свидетельствовал о том, что он и вправду наделён определённой властью, молодой мужчина покосился на стражника. Тот минуту назад вышел из тронного зала и выглядел каким-то слишком весёлым. Типично чёрные дарнийские глаза полыхали неподдельным интересом, и он трижды покосился на дверь тронного зала, даже собирался вернуться и уточнить, но не стал всё-таки этого делать.

— Проходите, — откровенно сдерживая хихиканье, промолвил наконец-то стражник. — Вас там ждут. О-о-очень, — последнее слово он как-то смешно протянул и тихо фыркнул, словно демонстрируя, что там, внутри, будет нечто крайне необыкновенное. Понять, что конкретно ожидает его за стенами, увы, Бонье никто не позволил, и тот постарался просто проигнорировать пристальный взгляд темноглазого. Дарниец открыл перед ним дверь, скривился и, казалось, едва сдержался, чтобы не втолкнуть внутрь, но Бонье вновь показал свою воспитанность и не стал отвечать ему тем же, более того, даже не взывал к королю, чтобы тот навёл порядок в своём государстве.

— Вы не должны вести себя так с дворянином, — проходя мимо, не удержался от язвительного комментария Бонье. — Вы всего лишь стражник, так что стойте тут и помалкивайте!

Парень позволил себе сдавленное хихиканье в спину Торресского посла, но Бонье уже и не оглядывался, а гордо вошёл в тронный зал, надеясь на то, что прямо сейчас король

радушно бросится его обнимать и просить прощения за глупое и ненормальное поведение собственной стражи. Но как бы ни так!

...Картина, увиденная сейчас, была вообще непонятной и ну просто до безумия странной. Первым взгляд скользнул не по трону и не по королю, а по шпаге, воткнутой в обыкновенный табурет, стоявший прямо перед дверью. Шпага опасно колыхалась, откровенно собираясь свалиться прямо на дорогостоящий мраморный пол. По мрамору расходились в разные стороны цепочки не слишком чистых следов, и вели они к брошенным в углу грязным сапогам, которые никто не собирался отмывать.

Посреди тронного зала стоял стол, за которым по обыкновению собирался совет. Это было бы вполне нормальным предметом мебели, если б на столе не возвышалась гора из трёх табуретов, поставленных один на другой. Прямо на вершине этого неведомого строения находился какой-то незнакомый темноволосый мужчина. Очевидно, стулья были единственным способом дотянуться до слишком высоких потолков, и незнакомец, балансируя на хлипкой четырёхметровой конструкции — если считать и стол, — держался за хрустальную люстру, которую вполне уверенно сейчас протирал. На посла он даже и не посмотрел, и Бонье в очередной раз почувствовал себя оскорблённым — какой-то непонятный слуга даже не обернулся, так и стоял к нему задом, не спустился вниз, не поклонился! А ведь он дворянин, как ни крути!

Когда Бонье наконец-то заставил себя отвернуться от этого милого, дивного существа, наводившего чистоту на люстре и посмеявшегося не вымыть грязные следы, что тянулись по всему залу, он заметил трон. Красная королевская накидка с меховой каймой, вполне стандартной для каждого короля, как и цвет атрибута, небрежно валялась где-то посреди стола, но вот корона была на троне — повешена на колышек, с правой стороны от короля, на вполне уместном декоративном элементе.

Трон оказался высоким и явно неудобным для восседавшего на нём мужчины. Впрочем, восседавшего — это громко сказано. О короле ходили слухи, что он выглядел в полтора раза моложе своего истинного возраста, но в таком случае на самом деле ему было лет девяносто. По крайней мере, другой диагноз толстому, неопрятному мужчине Бонье поставить не мог. Живот его свисал вполне успешно на колени, вокруг плечи торчали в разные стороны редкие седоватые волосы, а лицо было тупое-тупое, хуже не придумаешь. Руки с толстыми и некрасивыми пальцами, на которых красовались перстни, были сложены на груди, но от этого живот меньше не стал. Нос картошкой, губы толстые, зубы жёлтые — прямо писанный красавец! Это в очередной раз подтверждало, что любили женщины короля Дарнаэла не за то, что он красив, а за то, что богат, ну, и откровенно показывало причину того, что жены и детей у него ещё нет. Какому идиоту захочется плодить такое убожество?

Бонье, впрочем, приехал с дипломатической миссией, а значит, не имел никакого права продолжать демонстрировать своё недовольство. Пройдя мимо стола, да ещё и так, чтобы совершенно случайно задеть плечом хлипкую конструкцию из стульев, он наконец-то добрался до трона и, посмотрев, не упадёт ли он на какую-то гадость, сию минуту рухнул на колени, как и велел этикет.

— Лазают тут всякие слуги, мешают королевским беседам! Мужчина, слезьте со своего постаменты и марш отсюда, говорить будут дворяне!.. О, великий король Эльвенты, Ваше Высочество Дарнаэл Второй! Я, негодный слуга Торресского Архипелага, Бонье...

За спиной послышался грохот падающих стульев, громкое мужское восклицание, к слову, не слишком цензурное, а после — ещё и парочка возгласов.

— Вирр, зараза ты такая! — возопил свалившийся слуга. — Я тебе что сказал, протереть трон? Так вот, это делается тряпкой, а не штанами! — голос был преисполнен безумного недовольства. — И вынести эти грязнучие сапоги, какого чёрта они вообще забыли в тронном зале?!

Возмущению незнакомца не было предела. Бонье удивлённо поднял взгляд на Вирра, по мнению слуги за спиной у посла, протиравшего на троне штаны. Значит, это не король? Если нет, что как его ещё до сих пор не казнили за подобное своеволие?! Вот будь Бонье королём, он бы им обязательно показал, всем этим слугам! Проклятый стражник просто пустил его, чтобы поиздеваться, вот и хихикал, а он, дурень, ещё и поверил...

Бонье не успел, впрочем, подняться на ноги, как прямо под зад кто-то самым наглым образом пнул его тяжёлым сапогом. Посол взвился, вскочил на ноги и сердито взмахнул кудрявой головой, собираясь продемонстрировать собственное предельное недовольство и возмущение, но сделать он это не смог.

Мужчина, свалившийся, а точнее, успешно спрыгнувший со стульев, стоял у него за спиной. Бонье почему-то поймал себя на мысли, что происходит что-то не то, пока вышеупомянутый Вирр вихрем слетел с трона и поклонился незнакомцу раз двадцать. Стулья лежали за спиной огромной кучей, а незнакомец, взблеснув синими глазами, схватил королевскую накидку, небрежно набрасывая её на плечи, а после устроился на троне.

Подцепив корону, что до сих пор висела на том псевдокольшке, он кое-как надел её себе на голову. Та съехала по чёрным волосам набок, придавая королю небрежный вид, но, несмотря на это, он не выглядел глупо. Даже расслабленная поза и насмешливый взгляд не убили в нём какую-то предельно королевскую осанку, а надменный взор пусть и сменился на весёлый, всё равно что-то было не такое в этих незнакомых синих глазах. Корона взблеснула сапфирами и рубинами, а мужчина вздохнул.

— Теперь можно падать, — вполне спокойно сообщил он, но договорить так и не успел — черноволосый стражник внезапно ввалился в тронный зал и вполне испуганным и встревоженным взглядом посмотрел на короля.

— Вы живы? — спросил он. — Дядя, что тут гремело?

— Выпавшие по дороге мозги господина посла и мои соскочившие во время прыжка грани жестокости, — довольным тоном отозвался Дарнаэл. — Сейчас прикажу казнить с особой жестокостью. Вирр... где там наш бамбук?!

Бонье подскочил на месте, только заслышав про давнюю торресскую казнь, когда несчастного протыкали этими жуткими кольшками и заставляли истекать кровью... Или когда заталкивали его в подвал с крысами или какой-то мошкаррой, и та поела живого человека...

Дарнаэл коварно усмехнулся и кивнул стражнику. Тот вошёл в помещение и прикрыл поплотнее за собой дверь, явно испытывая отчаянное желание ещё и поучаствовать в казни и собственными руками ввинтить кольшек прямо в наглые глаза Бонье. Тот заморгал, сгоняя слёзы, и попытался успокоиться, но получалось из рук вон плохо.

— Ваше Величество! Вы не имеете права! — взвизгнул он, но Дарнаэл лишь равнодушно пожал плечами.

— Я чуть шею не свернул. Имею абсолютное право мстить, — довольным тоном отозвался он.

Бонье был готов признаться в том, что ему прежде никогда не бывало так страшно, а уж если вспоминать о том, зачем он вообще сюда прибыл... А ещё ему нужно было как-то

склонить к собственной точке зрения по этому делу самого Дарнаэла Второго, которого он по идиотству совершенно случайно чуть не убил, задев тот проклятый стул... И специально же задел, пытался отомстить наглому слуге, который посмел вести себя вот так в тронном зале!

— Возможно, вы снизойдёте до милости, — он сдержался, чтобы не упасть вновь на колени — и так едва встал, — и выслушаете всё-таки меня... Торресса мечтает о том, чтобы Эльвента и её великолепный король всё-таки пошли с нами на союз... Моя единоутробная сестра, торресская принцесса, сочла бы за честь, если бы вы уделили ей хотя бы пару секунд своего драгоценного времени...

Стражник опёрся спиной о дверную створку, издевательски ухмыляясь. Дарнаэл, как выразился бы дядюшка Бонье, даже в ус не дул, хотя усов у короля никаких и не было. Сладкие речи он слышал по сто раз на день и уже успел от них устать.

— Дядя, можно, я его выведу? — не сдержавшись, спросил дарниец, но Бонье вновь проигнорировал прямой намёк на родство стражника и самого короля, порываясь едва ли не плюнуть тому в лицо. Он пришёл сюда, чтобы добиться этого брака, и его сестра обязательно станет супругой Дарнаэла Второго! Чего бы Бонье это ни стоило, он добьётся желаемого!

— Мне интересно послушать, — возразил вполне самоуверенно Дарнаэл, скрестив руки на груди. Показалось в какой-то момент, что он отчаянно подавлял желание расхохотаться прямо в лицо послу, что, пожалуй, вёл себя ну уж слишком нагло, чтобы не сказать что побольше. Но это исключительно его проблемы — Бонье понимал, что достаточно серьёзно пострадает, если не сумеет исправиться, да и...

Стражник с самого начала показался знакомым, а теперь, услышав фразу на дарнийском наречии, Бонье не смог сдержаться. Он бросил подозрительный взгляд на парня, а после обомлел, едва не свалившись вновь на колени.

— Ваше Величество! — возопил он, глядя на короля так, словно впервые увидел, и вновь на баррикаде из табуреток. — Молю всем сердцем! Не хотите — не берите мою сестру в жёны, но запретите вашему подданному на ней жениться! Слуга и моя сестра!.. — он так дипломатично начинал, а теперь, чёрт подери, наконец-то сумел сказать правду, пусть и так неуклюже. — Ваш слуга!.. Стражник!..

Дарнаэл молчал минуты две, а после покосился на стража у двери, насторожившегося и побледневшего даже немного. Словно в ожидании приговора.

— Ну что, Кэор, — король выглядел предельно весёлым. — Кажется, я придумал ему достойное наказание. Веди свою невесту...

\*\*\*

Бонье люто ненавидел и Дарнаэла Второго, и его проклятого племянника Кэора, будь он неладен, и свою сестричку, причём последнюю — больше всего на свете. Это ж надо было додуматься, выйти замуж за стражника! Стражника!

Конечно, Бонье успокаивал себя тем, что торресская принцесса стала супругой не просто стражника, а ещё и племянника самого Дарнаэла Второго, а значит — наследника престола, потому что ни сына, ни дочери у короля нет, но от этого проще не становилось. Поэтому Бонье, оставив сестричку с её ненавистным мужем и от своего имени объявив ей анафему от местной церкви, решил, что, раз уж король Торрессы ему отчим, он имеет полнейшее право вершить судьбу державы.

Именно поэтому, пожалуй, он и отправился в Эрроку, даже не задумавшись над тем

вопросом, как это обернётся для родного государства. Как-нибудь да сложится, им же необязательно быть самым богатым архипелагом этого мира! В конце концов, Эррокой правит женщина, а женщину всегда можно соблазнить.

Посол, правда, мог и мужчину соблазнить, настолько он был уверен в собственной красоте. Но с женщинами как-то проще, и, к тому же, Бонье считал, что вольные обычаи Торрессы, из-за которых сестра удумала и вовсе выскочить за дарнийца без родительского благословения, — это не самое лучшее на свете. По крайней мере, пристрастия к мужчинам он ну никакого не испытывал, и поэтому успешно проигнорировал заинтересованную фразу отчима относительно того, не предпочитает ли часом Дарнаэл Второй именно не слишком прекрасную, зато сильную и мужественную половину общества.

Дарнаэл Второй, по мнению Бонье, предпочитал собственную наглость, упрямство и всё в том же духе, поэтому посол с чистым сердцем направился покорять Её Величество Лиару Эрроканскую, и было б неплохо, если всё пройдёт немного удачнее, чем в прошлый раз. Ну, не будет же королева протирать люстру!

...Город Кррэа впечатлял своей красотой. Великолепная столица поразила бы каждого, и посол Торрессы прекрасно понимал, что это отнюдь не слухи — то, что рассказывали о её великолепии. Врата раскрылись перед всадником сами, потому что ими управляла магия, и красоты долины, в которой лежала столица, на мгновение пропали и померкли перед его взглядом, стоило только увидеть витые улицы с мощёными дорогами. Красивые люди и красивые здания, белые ряды стен и магия, магия всюду! Бонье чувствовал, что преисполняется этим великолепием, и оно буквально наполняет его чем-то новым, невероятным и прекрасным.

Стоило ему только восхититься мысленно этой пустой, выложенной едва ли не драгоценными камнями дорогой, как внезапно над головой промчался пламенный пульсар, ударившийся в белую стену и растянувшийся на ней странным коричневым пятном. Он замер, не понимая, что происходит, а после едва успел пригнуться, чтобы только в него не врезался очередной пульсар.

— Что за люди! — возопила неизвестная магичка, подоспевшая из боковой улочки, судя по всему, куда менее прекрасной, чем всё остальное. — Вечером праздник, только всё вылизали, а он не может поехать боковой улочкой!

Женщина выглядела достаточно воинственно, казалось, в её ясных зелёных глазах сияло самое настоящее раздражение, которое вряд ли утихло бы, если бы Бонье извинился. На вид он дал бы ей лет тридцать, но посол поймал себя на мысли, что, возможно, это отнюдь не уменьшает её могущество. Она сжимала в одной руке меч, во второй полыхал пульсар, а светлые волосы и вовсе причёской напоминали какую-то сильную, могущественную даже ведьму, что готова убить каждого, кто только попытается сделать шаг в её сторону.

— Брысь с главной дороги! — воскликнула она, топнув ногой. — Кому сказала? Быстро в сторону! Тьер — и тот может проехать боковыми улицами, а этот не соизволит подвинуться!

Она выпрямилась и упёрла руки в бока, наконец-то вернув меч в ножны, закреплённые у неё на спине. Казалось, женщина могла убить несчастного прямо на месте, но, вместо того, чтобы продолжать кричать, она прошептала себе под нос короткую, но витиеватую формулу, и конь Бонье свернул в сторону.

— Вечером — праздник, — холодно провозгласила она.

— Я — посол Торрессы! Мне нужно попасть к королеве, и мне плевать, что какой-то

Тьер может проехаться улочками! Я — посол, а он — простолюдин!

Женщина сложила руки на груди, не позволив себе ещё один комментарий, но взгляд зелёных глаз стал ещё более насмешливым. Она прищёлкнула пальцами, когда светлый локон свалился на глаза, и волосы сами по себе заплелись в косу. Бонье посмотрел на неё с таким удивлением, словно никогда прежде не видел магию, но она лишь ухмыльнулась, собираясь наколдовать что-то такое, что не позволило бы ему избежать злой участи.

— Езжай по центральной дороге, посол Торрессы. Когда кто остановит, скажи, что тебя пропустила Тэзра. Езжай, опереди Тьера, — она кивнула, а после прошептала короткое заклинание, и конь пустился вперёд, не позволяя Бонье собой управлять. Парень только хватался за поводья, чтобы не свалиться и не умереть под копытами верной лошади.

Замок вскоре показался на глаза. Бонье его красотами насладиться не сумел, лишь когда перед его глазами скрестили мечи, прокричал, что он от Тэзры. Удивительно, но это помогло — мечи разомкнулись, и его пропустили без единого препятствия.

Он попытался лихо соскочить с коня, но получилось плохо: он едва не сломал ногу, когда спрыгивал на землю, да ещё и в голове всё перепуталось. Бонье чувствовал, что должен поспешить и как можно скорее добраться до королевы. Что-то подсказывало ему, что если он сейчас не попытается с нею поговорить, то всё закончится, закончится слишком быстро, чтобы вообще это могло быть реальностью. Бонье боялся последствий, но ничего не мог изменить. Только сейчас он осознал, насколько опрометчиво принимал решение за всех: и за свою страну, и за сестру.

— Ваше Величество! — он увидел королеву при входе в тронный зал. — Ваше Величество!..

\*\*\*

Лиара пыталась отыскать Дару замену вот уже который год. За последние три месяца Бонье был уже восьмым мужчиной, переступившим порог её спальни, и, если ему очень повезёт, он будет первым, попавшим в её постель — за исключением чёртова дарнийца, которого королеве так хотелось выбросить из головы.

Она прекрасно понимала, что сама была против того, чтобы стать женой человека, которого если не любила, то, по крайней мере, не считала тряпкой под ногами, но... так уж вышло.

Явившийся час назад посол смотрел на неё полным вожделения взглядом и ради родной Торрессы был готов на всё, что угодно. Вот и сейчас он так рьяно вызвался провожать королеву, что Лиара даже удивилась подобной наглости.

— Прекраснее женщины, чем вы, я никогда и не видел. — Он опустился на колени, касаясь губами кончиков пальцев королевы. Она ничего не отвечала, словно всё просто растворилось в воздухе, а жизнь потеряла своё истинное значение. — Торресса была бы безумно рада, если бы вы сообразовали хотя бы посмотреть в её сторону. Эльвента не должна получить такого союзника, как наша страна, только вы, Ваше Величество, этого заслуживаете...

Королева мягко улыбнулась. Бонье был, конечно, привлекателен, да и это трепло моментально перескажет всему миру, особенно Дарнаэлу, что именно он был удостоен чести быть с Её Величеством.

Семь человек за последние три месяца. Семь человек, которых она вытолкала за дверь после первого же поцелуя, потому что в голову упрямо лезли дурацкие воспоминания о Даре.

Бонье стоял на коленях перед нею и смотрел таким щенячьим взглядом, что ей становилось просто смешно, но это всё ещё не было поводом прогнать несчастного юношу. Она попыталась улыбнуться чуть мягче и выдернула руку — королева терпеть не могла, когда кто-то целовал её пальцы.

Ей так хотелось отомстить проклятому Дарнаэлу, что столько себе позволяет! Она, конечно, не считала любовниц короля Эльвенты, но была уверена в том, что они существовали. И не одна или две.

Бонье казалось, что он уже получил свой выигрыш. Он действительно сможет принести пользу Торрессе, сможет сделать так, что никто никогда не посмеет коснуться его державы. Дарнаэл Второй ни за что не поднимет войско против Лиары Эрроканской, что бы их ни связывало, и поэтому Торресса будет защищена.

А уж если он сумеет жениться на королеве, то всё будет и вовсе идеально, их великие державы объединятся, и он сможет получить трон...

Он склонился ещё ниже, хоть и так стоял на коленях, и уже коснулся губами кончика платья королевы. Она была так хороша, так прекрасна даже в своём возрасте, да и выглядела в полтора раза моложе, и даже простая зелёная ткань, подчёркивающая цвет её глаз, красила её лучше, чем самые дорогие камни и бархат на других королевах.

Он коснулся ладонью ткани, надеясь наконец-то добиться того, ради чего сюда приехал, и ещё кое-чего большего, чем можно было рассчитывать, собирался поцеловать её уже не в кончик платья...

Бонье был так увлечён прекрасной королевой, что ничего не слышал вокруг себя. Он уже надеялся, что его ладони скользнут по её великолепным, стройным ногам, и уже почти коснулся этой великолепной женщины, что умудрилась очаровать его за несколько часов... Неважно, сколько любовников у неё было до него, он всё равно будет куда лучше, чем все остальные, он подарит ей великолепную ночь...

Бонье закричал от неожиданности, когда кончик меча упёрся в самое неподобающее для того место. Хватаясь за свою верхнюю часть бедра, он буквально взвился на месте, забывая о том, что там он собирался целовать у королевы.

Торресский посол попытался отползти куда-то в сторону, но получалось у него из рук вон плохо. Меч кольнул его вновь, и он попытался перевернуться, чтобы увидеть того, кто сейчас напал на него.

...Вполне обыкновенно одетый мужчина стоял напротив королевы и сжимал в руке подозрительно знакомую шпагу. Взгляд Бонье скользнул по высоким сапогам, простым, но безумно дорогим, если судить об этом по материалу, по банальным штанам и по тёмной рубашке, переместился на лицо с насмешливой улыбкой...

Его высочество Дарнаэл Второй стоял посреди спальни эрроканской королевы со шпагой наголо, и это могло означать только одно — Её Высочеству Лиаре грозит огромная опасность. Неужели это всё-таки случилось, и Эльвента решилась напасть на Эрроку, чтобы весь континент был сосредоточен в руках проклятого тирана?

Бонье отползал до тех пор, пока наконец-то не упёрся спиной в дверь. Он ошарашенно смотрел на королеву, которая казалась то ли испуганной, то ли расстроенной, после перевёл взгляд на Дарнаэла и его оружие.

— Вы не сможете победить свободу этого места! Если вы посмеете коснуться хотя бы пальцем Лиары Первой, если вы убьёте её, то Её Величество Эрла встанет на трон!

— У Лиары ещё сын есть, — сообщил язвительно Дарнаэл, скрестив руки на груди. —



Или он плохо подходит?

Бонье взвизгнул и открыл дверь, вылетая из помещения. Нужно было найти стражу, немедленно вернуть сюда магов, чтобы спасти королеву Лиару и несостоявшийся союз Торрессы и Эрроки. Бонье прекрасно осознавал, что если не сделает этого, то проблем им не избежать, и он чувствовал, что обязан спасти свой статус.

— Королеву убивают! — завопил он, помчавшись по коридорам и удивляясь, что из спальни Её Величества не слышны крики пытающейся спастись женщины. Неужели она уже погибла? — На королеву напал враг! Королеву убивают!

\*\*\*

Стража колотила кулаками в дверь. Магическая защита на королевской двери была слишком сильной, чтобы они могли её открыть, для этого надо было дожидаться Высшую Ведьму, она бы сняла свои же заклинания. Торресский посол, испуганный, вжался в угол. Казалось, ещё немного, и он начнёт рыдать и всхлипывать, словно это способно спасти его от королевской кары или от смерти Лиары.

Молодая магичка-стажёр побледнела, постепенно догоняя по цвету белые потолки, страж, который примчался с нею первым, напротив, так побагровел, что сливался бы с Эльвентским флагом. Синие мундиры вспыхивали в полумраке коридора, словно подчёркивая темноту стен — тоже такого же оттенка, как и флаг Эрроки...

Дубовая дверь не поддавалась, хотя её попытались вышибить плечом. Кто-то завопил от боли, потому что заклинание уже начинало сопротивляться — казалось, у какого-то божества оборвалось терпение, или, может быть, Высшая Ведьма была слишком близко.

— Тэзра! — махнул рукой кто-то, увидев в конце коридора нужную им магичку. — Королеву убивают, открывай дверь!

Бонье уставился на почти знакомую женщину так, словно только что успешно сошёл с ума. Ещё несколько часов назад она казалась самой настоящей неряхой — всколоченные светлые волосы, бешеный взгляд зелёных глаз и странное подобие наряда. Теперь это была истинная красавица, и Бонье смотрел на неё совершенно иначе. Тэзра, Высшая Ведьма Кррэа, оказывается, могла выглядеть почти что лучше, чем сама королева — настолько, насколько это вообще реально. Совсем ещё молодая, с такими яркими глазами...

Ведьма презрительно фыркнула, взмахом руки разгоняя в стороны стражников.

— Мужчины, — усмехнулась она повелительно, а после коснулась кончиками пальцев к руны, почти невидимой — на стыке дверей. От её пальцев расползлась странная золотистая паутина, почти совпадающая с цветом волос, и кожа стала казаться ещё бледнее. Победоносная улыбка на лице Тэзры появилась на короткое мгновение, а после она вновь позволила себе надеть равнодушную маску. — Вперёд.

Мужчины рванулись к двери одним сплошным потоком. Бонье вжался в синюю стену, чувствуя под пальцами приятную фактуру шпалер, и зажмурился, надеясь на то, что врага сейчас обезвредят, и он сможет спокойно продолжать своё соблазнение королевы.

Они уже собирались топором прорубить вход в покои Лиары Первой, даже принесли вышеупомянутое орудие, вот только не успели его даже занести, потому что дверь наконец-то открылась, ещё и с такой силой, что стражник, который был ближе всего, схватился за нос, очевидно, пострадав довольно серьёзно.

Бонье вскрикнул.

На пороге застыл растрёпанный, со шпагой наголо, Дарнаэл Второй. Рубашка на нём успешно отсутствовала, и, судя по всему, если бы стража подоспела минут на пять попозже,

он стоял бы вообще без ничего, но вряд ли выглядел бы смущённым. Сейчас, правда, король Элвенты казался по меньшей мере злым.

— Ваша королева занята, — рявкнул он. — Брысь отсюда!

— В-ваше величество, — стражник отступил на шаг и попытался заглянуть через плечо Дарнаэла, чтобы уточнить, жива ли королева, или, может быть, этот чёртов извращенец всё-таки её убил. — Мы просто боялись за Её Величество, не знали, всё ли в порядке...

— Я сказал — брысь! — он красноречиво взмахнул шпагой, показывая, что ещё шаг, и чья-то голова точно полетит с плеч. — У нас деловые переговоры относительно мирного договора.

Дверь с грохотом закрылась, а Бонье, который так рвался проникнуть в палаты Лиары, шмыгнул носом в полнейшей тишине так отчётливо, что на него все обернулись. Тэзра, казалось, оставалась единственной, кто только сохранял предельное спокойствие.

— Идите, — повелительно взмахнула рукой она. — А ты! Посол! — она скривилась, пристально глядя на Бонье. — Какого чёрта ты лезешь? — она вновь напоминала всё ту же вредную ведьму. — Ты понимаешь, какое значение для нашей страны имеет этот мирный договор?

Бонье отступил на шаг — точнее, отступил бы, если б было куда, вот только за спиной оставалась исключительно стена, и он прижался к ней, косясь на ведьму так, словно она могла его убить. Впрочем, Тэзра могла.

— Я слышал, — неуверенно проговорил он, зажмурившись, чтобы не получить пульсаром в лоб, — что короля женщины не интересуют...

— Вы, мужчины, слишком слабые, чтобы интересовать короля. И королеву тоже, — скривилась Тэзра. — Так что позволь королеве наслаждаться временем с единственным вашим достойным представителем, — она повернулась спиной к Бонье и гордо зашагала вперёд, но заклинание вполне чётко сообщило парню, что стоит ему только отстать, и будет очень плохо.

Постепенно осознание всего происходящего становилось более ясным, но от этого Бонье ни на секунду не стало легче. Он поссорился с королём Элвенты, помешал его... отношениям с королевой Эрроки, причём влез в самый неудобный момент, разозлил Высшую Ведьму Кррэа, а теперь ещё и позволил себе в мыслях представить последнюю без одежды. А она, судя по всему, ох как услышала его ментальный посыл...

\*\*\*

В мире вряд ли существовало что-то хуже, чем Дарнаэл. Это и пыталась донести каждым своим поступком Лиара Эрроканская — и именно по этой простой причине, пожалуй, нынче её голова покоилась на плече у ненавистного короля, а на лице застыло умиротворённое выражение лица, легко сочетаемое с милой, приятной улыбкой, которую никто не смог бы стереть, сколько б ни старался. В любом случае, именно стараниями этой ночи Лиара наконец-то решила окончательно — и без единого сомнения, — что Элвенту стоит уничтожить как можно скорее, пока Элвента не разрушила её персональную независимость.

— Как приятно было увидеть эту пародию на посла почти у тебя в постели, — язвительно отметил Дарнаэл. — Надо сказать, неожиданно даже отчасти. Интересно, приди я на пару минут позже, что бы я застал? Он бы целовал твои ноги?

— Может быть. Не помешало бы. В любом случае, тебе стоит поучиться у юного торрессца определённым манерам. Это бы отнюдь не помешало. К тому же... — она

поднялась, сталкивая руку короля Элвенты со своей талии. — Мне, пожалуй, не помешало бы укрепить трон. Мне нужна вторая дочь, в наше время с одним ребёнком очень трудно.

— Одним ребёнком? — Дарнаэл тоже сел, совершенно не подумав о том, куда соскользнуло одеяло. — Обожаю, когда ты забываешь о том, что у тебя двое детей.

Лиара выпрямилась, будто бы пыталась оскорбить его одним своим видом, и потянулась к платью, но так и не взяла его в руки. Вместо этого ладони королевы скользнули по какой-то маленькой нише в её комод, и она извлекла оттуда мирный договор, ради которого всё и затевалось. Длинные рыжие волосы волнами спускались по спине, и она соблазнительно улыбнулась своему любовнику, с которым провела долгие ночи после того, как овдовела, и от которого родила и сына, и дочь.

— У меня только один ребёнок, — наконец-то отозвалась она. — И Эрла займёт престол. Я не позволю этим позорным законам о старшинстве дать сесть на трон мужчине. Эррока признала верховность женского начала, и тебе однажды тоже придётся это сделать.

— Мирный договор? — Дарнаэл покосился на текст, словно насквозь сотворённый из сплошных витых букв, и недовольно скривился. Можно было подумать, что его недовольство передавалось по воздуху, и Лиара тоже нахмурилась, пристально глядя на руки мужчины. Она протянула ему перо, уже обмакнутое в чернила, и мужчина занёс его над пергаментом, изучая какие-то детали. Казалось, его заинтересовал один пункт, и он вновь и вновь вчитывался в него.

— Ты предлагаешь даровать мне своих магов в качестве молодых специалистов для того, чтобы Элвента процветала, ну, и для того, чтобы Эрроке было как шпионить... О, как это мудро, — улыбнулся он. — Безумно мудро.

— Разве тебе мешает несколько магов в королевстве, — Лиара соблазнительно подалась вперёд, и её узкие ладони скользнули на его плечи. — Дарнаэл, мы уже столько лет не можем друг от друга избавиться, и тут ты мне говоришь, что единственная твоя проблема в этом маленьком глупом договоре — это лишь то обстоятельство, при котором часть моих магов будет служить в твоём королевстве? Давно пора было признать, что Элвента с магами стала бы сильнее, чем без них.

Она поцеловала его в губы, откровенно намекая на продолжение исключительно в том случае, если договор будет подписан. Конечно, пользоваться такими женскими уловками Лиара терпеть не могла, но Дарнаэл редко оставлял ей право выбора. Увы, но королева отлично знала, сколько это значит, и не собиралась рисковать державой. В последний раз они подписывают этот договор, в последний раз, а после не будет больше ни единой попытки вот так пойти с ним на примирение. Эррока устала от помывания, устала от постоянных мытарств, и она должна выиграть. Сначала маги. Потом воины. Она научилась пользоваться некоторыми исключительно мужскими слабостями, поэтому теперь могла манипулировать даже таким королём, как Дарнаэл.

Он с лёгкостью расписался, а после поднял на неё преисполненный улыбкой взгляд. Синие глаза пылали неизвестным доселе огнём, но Лиара не чувствовала в нём страсти. Казалось, что-то в Тьерроне на несколько секунд угасло, и она не могла понять, как такое вообще случилось. Магия полилась по рукам — ей надо было задержать его сегодня и заставить подписать всё, что только она предложит, вот только такого, как Дарнаэл, периодами довольно трудно вынудить что-то делать.

Волшебство нагло проникало в его разум, и взгляд немного затуманился. Лиара вновь наклонилась, чтобы поцеловать его, но касание горячих пальцев Дарнаэла обожгло почему-

то талию и заставило на мгновение отпрянуть. Синева темнела — королева Эрроки прежде не видела у него ничего подобного, но теперь с удовольствием вернулась бы в то прошлое, когда не знала оборотную сторону души своего любовника. Дарнаэл казался довольно странным, словно что-то в нём переменялось.

— Дорогая, — улыбнулся он. — Мне пора.

Лиара разочарованно фыркнула, когда он столкнул её ладони со своей груди и поднялся, потянувшись за одеждой. Разочарование было слишком явным — женщина знала, что не имела права так ярко его проявлять, но остановить себя не вышло. Дарнаэл хитро улыбнулся, словно уже что-то задумал, и больше даже не смотрел в её сторону. Можно было подумать, что он не подписал мирный договор или высмотрел в нём что-то для себя интересное — но королева, что никогда не считала важным мужское внимание, внезапно почувствовала себя ущемлённой из-за откровенной наглости с его стороны.

— Мы подписали договор на десять лет, дорогая, и он не запрещает мне самому выбирать магов, которых я желаю, — с усмешкой протянул Дарнаэл. — А относительно твоей неудовлетворённости, то Бонье составит отличную компанию, не так ли? Как мне казалось, он был бы очень рад оказаться в королевской постели, а, учитывая нравы Торрессы, ему абсолютно наплевать на то, кто именно будет в ней из Королей — ты или я.

Лиара вскочила на ноги, отчаянно стараясь сдержать собственное раздражение. Возможность проклясть как-нибудь Дарнаэла сейчас подпитывала её отличными перспективами, но что-то подсказывало женщине, что ничего не выйдет. Она не могла даже продемонстрировать слабость, ведь он обязательно воспользуется этим, стоит только заметить одно неверное движение со стороны извечной соперницы.

— Очень надеюсь на то, что в стране всё будет в порядке, — уже одевшись, буквально пропел Дарнаэл. — Приятного тебе времяпровождения.

Он открыл дверь не с ноги, а абсолютно спокойно и культурно, так, как полагается, но оттенок недовольства Лиары стал только ярче. Она потянулась за своим платьем, а после устало опустила плечи. Это не может больше вот так продолжаться. Если у Дарнаэла будет ещё хотя бы одно удачное завоевание, то Эррока окончательно отойдёт на задний план, а самое главное, без помощи Тьеррона и его проклятой династии потеряет всё то значение, что у неё прежде было. Пора бороться. Пора вытравить этих проклятых мужчин из собственной жизни. И она обязательно справится, если постарается.

— Слуга! — крикнула она слишком громко, как для королевских палат. — Мне нужны мои горничные, пусть уберут тут и помогут мне одеться. И позови Тэзру. Немедленно!

Он сам пожелал эту войну, даже если она и боролась с соблазном предложить сражение прежде. И мирный договор — это просто прикрытие. И для неё, и для него тоже, пусть Дарнаэл и думает, что она ничего не знает о его предельной подлости и умении портить людям жизнь.

\*\*\*

За его следом рванулась вся зелень, а трава потянулась к солнцу. Рука случайно коснулась поводьев, и по ним промчался целый поток мха, волной скользящий к небу. Лес всколыхнулся, откликнувшись на призыв, и дорога простелилась перед ним. Холод за спиной ничего не значил, никто не посмеет тронуть короля Элвенты, даже если он будет путешествовать в гордом одиночестве. Ему не хотелось вскипеть при проклятой Лиаре, что всё пыталась его перехитрить, но и возвращаться домой прямо сейчас было глупо. Нет, он направлялся в Вархву, величественный город, обладающий ещё и одной прекрасной

особенностью. Именно в Вархве находилась магическая академия, готовившая основную массу волшебников, часть из которых должны были вступить в качестве союзников на земли Эльвенты и встать на защиту лучших мужей королевства.

Впрочем, местные вархвские ведьмы отличались ещё и недюжинной привлекательностью, но на данный момент Дарнаэла интересовали отнюдь не они. Он пришпорил коня, не собираясь тратить на дорогу много времени, и верная лошадь прибавила шагу. Наконец-то он почти пробрался к дороге, а там и вовсе останется всего-ничего.

О Шэллатском лесе ходили не самые приятные легенды, и это было высшей мерой глупости — одному отправиться в Вахрву, выбрав короткий путь, минуя реку Цэrrрэ. Но зелёный лес сделал своё дело, и Дарнаэл не мог отказать себе в удовольствии остаться наедине с не слишком-то и радостными мыслями, а ещё — военными планами, которые вскоре, судя по всему, благодаря драгоценной Лиаре, станут более чем важными.

Ну, что же, он не мог так просто пропускать угрозы мимо ушей, и теперь оставался ещё один шанс исправить подписанный договор.

...Но до Вархвы ещё надо было доехать, а кто-то неизвестный явно не собирался дать ему это сделать. Дарнаэл едва успел опустить голову, когда мимо пролетела стрела, и моментально пришпорил коня, заставляя его мчаться во весь опор. Говорил Кэор: «Дядя, вы король. Вы понимаете, какая это ответственность? Вы понимаете, что будет, если вам снесут голову где-нибудь среди леса, когда вы окажетесь без стражи?»

Но говорить — дело Кэора, а попробуй тайно приехать в город, когда за тобой тянется самая настоящая армия, ещё и такая наглая, хоть бы под кустом спряталась! Именно потому все тайные дела подразумевали огромную опасность и интерес для Дарнаэла.

Он на ходу выпрыгнул из седла, и шпага словно вылетела из ножен, скользнув в руку. Острое лезвие перерезало летевшую мимо стрелу, и он успел подхватить перья — вторая часть даже не потеряла собственное направление и мчалась с такой скоростью, что страшно было представить, сколько боли ждало того, кого она пронзит.

Вариантов было два. Либо на него напали какие-то местные разбойники, не разобравшись, что к чему, либо это было преднамеренное покушение.

Первый вариант Дарнаэл отмёл сразу, стоило только бросить один короткий взгляд на оперение. Никто, кроме профессиональных наёмников, таким не пользуется — слишком дорого. К тому же, есть опасность, что внезапно разбогатевшую банду с лёгкостью вычислят, и уж король точно мог это сделать.

Тогда напрашивался логический вывод, что кто-то отправил наёмного убийцу. Кто-то, кто знал, где он. Кто-то, кому была выгодной его смерть. Кто-то, кто уже получил желаемое.

Лиара.

Или нет?

Делать поспешные выводы Дарнаэл не смог, времени и на это не хватило. Вторая стрела попала в его коня, и тот рухнул, в последний раз защитив своего хозяина от того, кто на него напал. Наёмник в чёрном появился посреди дороги — тут редко кто-то проезжал на ночь глядя, хотя до Вархвы не так и далеко, и он мог не переживать о том, что его посмеют остановить. Если осознавал, конечно же, с кем имеет дело.

— Прощайтесь с жизнью! — вообще-то, у убийцы должен был оказаться голос скрипучий, холодный и презрительный, но Дарнаэл услышал нечто вполне мелодичное и молодое, вероятно, убийца только-только решил вступить в профессию и сразу добавить в своё портфолио крупную птицу. Правда, крупная птица подозревала, что в кустах сидит ещё

трое или четверо таких, как вот этот великий герой, и все они бросятся на него сразу же, как только Дарнаэл отвлечётся на своего нынешнего собеседника. До ужаса смело, но, кажется, такие убийцы королей немного эффективнее.

Но никто не спешил выбегать из кустов. Фигура в чёрном всё так же целилась ему в грудь — словно незнакомец определил себя всесильным магом. С этого расстояния Дарнаэл мог рассмотреть исключительно шрам, точнее, его след, что тянулся по шее и рвался вверх, вероятно, к глазу.

— Глупо убивать короля посреди дороги после наглого предупреждения, — холодно отметил Дарнаэл.

— Короля с одной шпагой против стрелка?

Надменный вопрос не был предназначен для ответа. В то же мгновение стрела сорвалась с лука и помчалась в мишень. Дарнаэл определённо недооценил её скорость — шанса спастись у него не было. Шпага ничем не поможет — убийца перезарядил лук и выстрелил ещё раз, стрелы полетели градом.

Дарнаэл едва успел отпрыгнуть в сторону, но лук продвигался по кругу, выпуская новые стрелы. Долго так не попрыгаешь — оружие явно магическое, а запас довольно велик.

Магия сработала сама по себе. Тонкая лоза рванулась вверх и обвила лук, выдирая его из цепких пальцев того, кто напал на него. Ещё один росток отбросил капюшон, но всё, что Дарнаэл запомнил в исчезающем человеке, так это его шрам. Тот тянулся от светлых волос через глаз, а пропадал где-то под одеждой. Взгляд пострадавшего глаза оказался волчьим, острым, но в нём было что-то знакомое.

Мужчина смахнул выступивший на лбу пот и устало вздохнул. Он не пользовался своим даром — чёрт знает сколько лет, и теперь магия прорвалась сквозь пелену, но отобрала слишком много сил. Дарнаэл устало посмотрел на ногу, всё-таки задетую стрелой — надо было что-то делать, а коня у него как не было, так и нет, мёртвое существо вряд ли чем-то поможет вполне живому королю.

Дар выдернул стрелу и внимательно осмотрел её. Даже если яд и был, это всё равно не так уж и страшно. Кровь только дважды капнула — Дарнаэл знал, что стрела попала в сапог и лишь оцарапала ему кожу. Голова не кружилась, и он, прокручивая опасное оружие в руках, сделал пару шагов вперёд. Шпага вернулась в ножны.

Он быстро и уверенно направился в сторону уже виднеющегося города. Растения потянулись следом, но Дарнаэл махнул на них рукой, а после подбросил стрелу в руке ещё раз. Та прорезала кожу, но ни одного важного следа на ней так и не оставила. Расстраивало другое — Дарнаэл не хотел, чтобы хоть кто-то в этой стране знал о его волшебстве, равно как и в его собственной, но незнакомец уже успел вскрыть один козырь.

Ничего, второй нынче учился в Вархве и не собирался выдавать собственное существование.

Ну что же, Лиара, ты это или нет — всё равно мстить не за горами.

У земли не может быть два хозяина.

## ===== Глава вторая =====

Воздух разрезала маленькая, почти невидимая, но зато весьма болезненная молния. Она же попала именно по преподавателю, причём подожгла не самое благоприятное место. Несчастливая учительница, стряхивая с юбки пепел, повернулась и строго уставилась на пустой коридор. Метали издали и явно поспешили сбежать, но оставлять безнаказанными

учеников она не собиралась. Это ж прямое нарушение дисциплины!

Она рванулась в коридор, наколдовав пульсар, и собиралась уже было отловить ненавистного старшекурсника, но не успела — и волшебство полетело в пустой поворот.

...Колыхнулись ставни. Шэйран подтянулся и устроился на подоконнике, а после постучал в окно. Балансировать на тонкой перекладине было крайне неудобно, а местные форменные мантии всё равно даже на него, с ростом далеко выше среднего, были слишком длинны. Это ж на какого великана шили орясину трёхметровой длины? Как минимум треть всего этого была лишней даже для Рэя.

Он подобрал мантию и постучался вновь. Поймают — мало не покажется, и так собираются выгонять из Вархвы, а ведь он тут уже почти доучился.

Наконец-то окно открылось, и он с лёгкостью впрыгнул в помещение. Мантия едва ли не застряла там, снаружи, но Шэйрана это не остановило. Он был тут не впервые в жизни, к тому же, Моника явно не обрадовалась его прибытию, да и всё получилось как-то странно. Она сверкнула чёрными глазами, мотнула головой и указала пальцем на дверь.

— Вон! — гордо провозгласила девушка. — Мне тут не нужны серые троечники в помещении!

Шэйран сбросил мантию — под нею была самая обыкновенная одежда, конечно же, просто в коридорах принято носить форму, — и устроился в кресле. Моника, сокурсница, ему определённо нравилась, хотя он метил в окно той, которая будет радостно улыбаться и бросаться на шею, а не царапаться.

— Я поджѐг зад преподавательнице, — поделился новостью Рэй. — И уйти никуда не могу. Иначе меня выгонят. Спасай негодника, Мон, иначе мне конец.

Моника вполне стандартно схватилась за голову, отчаянно пытаясь уместить в сознании сообщѐнную ей новость. Рэй походил на самого настоящего сумасшедшего — несмотря на то, что у него, как и у всякого нормального мужчины, не могло быть больших магических сил, парень продолжал творить столько глупостей, что спасти его от изгнания могло только покровительство Высшей Ведьмы Вархвы. Но пресловутая Самаранта, она же директор Вархвской магической академии госпожа Тальмрэ, люто ненавидела не только Рэя, а так и же всех, кто только принадлежал к ненавистному ей мужскому роду. Увы, но выгнать Шэйрана она не смогла по другой причине, что таилась в каком-то из поворотов его родословной. Несколько лет сама кррэанка Тэзра приезжала сюда как раз в мгновение последнего отчисления, и Самаранта вынуждена была подчиниться начальнице. С тех пор Шэйран навеки застыл в понятии серого троечника и больше из списка ненавистных учеников не выбирался.

Вообще-то, парней на всю группу было трое. Они, выпускной курс, оказались почти уникальным собранием. Двадцать две к троим — это ещё было идеальным сочетанием, курсом младше не существовало ни одного представителя столь ненавистного в Эрроке мужского пола. Увы, но магия и так вырождалась, а мужчины были первыми, кого от неё отсекали, дабы сохранить великую ведьмину силу. Рэю, можно сказать, повезло.

Моника его ненавидела. Ненавидела за то, что он едва-едва учился, ненавидела за то, что он, скотина, вообще был в её группе, да и вообще — ну просто ненавидела! Безо всякого повода, вот был он — и вызывал такое отчаянное раздражение, что хоть ты плачь! К тому же, Шэйрана так отчаянно считали привлекательным сокурсницы, что Лэгаррэ это выводило из себя. Она порывалась вытолкать его прямо в окно, но сделать это не так уж и просто — к тому же, самое главное было не поддаваться соблазну и не смотреть в его проклятые синие

глаза. Ибо она подозревала, что на самом деле что-то в Шэйране есть не просто ведьминское — а сила пусть не самого масштабного, но всё-таки приворота. Но на подвешенный язык девушки клевали ещё лучше, чем на прекрасные очи, высокий рост или заострённые скулы. И на Эрроку он не тянул, потому что тут все бледные и светловолосые, а он, зараза, смуглый и с чёрными волосами. А самое главное, Лэгаррэ хотела убедить себя в том, что он ей отнюдь не нравился. Девушка отнюдь не признавала то, что в нём есть хотя бы одна привлекательная черта, но если Рэй не вылетел до сих пор из их учебного заведения, то магом он был всё-таки не самым плохим. Впрочем, раз уж тут до сих пор держали Антонио, то выгонять Шэйрана почти грех!

— Я надеюсь, — наконец-то, собравшись с силами, заявила Моника, — ты сейчас же поднимешь свою пятую точку с моей кровати... Какого ты вообще туда сел?! — в ответ на возмущение Шэйран ещё и самым наглым образом разлёгся на ложе невинной девы и закинул ноги в грязных сапогах на девственный стул, отчего на белой обивке появилось два знаменательных пятна. — Ты... проклятый дарниец!

Шэйран ни капельки не обиделся и гордо фыркнул. Казалось, когда его называли дарнийцем, вероятно, за смуглую кожу и за чёрную копну на голове, которой позавидовала бы любая девица, хотя Рэй вроде как не растил себе косы и не планировал заплетаться, парень ни капельки не расстраивался, а, напротив, гордо задирал нос и так улыбался, будто ему мёдом помазано на этом проклятом звании.

— О, да! А мне это говорит хрупкая сероокая блондинка с такой бледной кожей, что можно попутать её со стеной или с призраком, всё зависит от того, под каким углом падает свет, — довольно сообщил Шэйран. — Мил-моя, да будь ты такой нудной и рафинированной белявой дурой, фиг бы я на тебя посмотрел!

— Я не прошу на себя смотреть, а очень даже запрещаю, между прочим!

— Оно и видно, — Рэй скользнул взглядом по её отнюдь не соблазнительному наряду и фыркнул. Если он не дарниец, то Мон тогда следовало обозвать самой настоящей торресской. В конце концов, волосы, аки угли, глаза, словно из жара только-только вытащили и остудили дочерна, кожа смуглая и статус «сирота» в школьном журнале. Зачем воротить носом, если ты и есть дарнийка, которая по велению судьбы умудрилась оказаться в Эрроке и стать верным патриотом. Да будь кем хочешь, но отрицать родную кровь — это почти что глупо.

Но Шэйран не мог выдать диагноз относительно глупости по поводу родни, ибо у него, полноценного ребёнка из полноценной семьи с мамой, папой и придурками-родственниками тоже было записано «сирота», ибо первая ненавидела второго, а второго бесили третьи. Шэйран догадывался, что однажды родня его догонит, но пока что предпочитал жить так, как жилось.

— Как же я вас, мужчин, ненавижу! — Лэгаррэ устроилась на свободном стуле. Её собственная длинная чёрная мантия вокруг развеялась сплошным ореолом и заняла почти весь пол. — Ужасные, тупые существа, ни на что не способные, самонадеянные, заносчивые, бездарные...

— Я всё слы-ы-ышу! Или ты скажешь, что я — исключение из правил? — Рэй в свою очередь терпеть не мог женщин. Конечно, это не подразумевало истинное целомудрие, как у Моника, но он ненавидел их не в том, физическом, плане. Скорее потому, что они в основном не только ни на что не способные, самонадеянные, заносчивые и бездарные, а ещё и уверенные в том, что являются абсолютной этому противоположностью.



В Эрроке, родине матриархата, со всем этим было очень строго. Мать — Богиня, королева — богиня над богиней, мать королевы — начальница Богини над Богиней. Про бабушку можно было не упоминать.

Вот Эльвента — другое дело! Король Дарнаэл плевал с высокой башни на матриархат и патриархат, ценил труд, мозги и хорошую войну. Магию, правда, не любил, но Рэй не считал это достойной преградой для того, чтобы не рвануть туда сразу после распределения.

— Какое ты исключение! Ты самое яркое отражение всего этого! — возмутилась Моника. — Убери ноги со стула!

Рэй убрал. Причём прямо на кровать, да так удачно, что грязные следы остались прямо на застиранных государственных простынях. Желание добиться равенства если не для всего рода мужского, то хотя бы для себя любимого, распирало парня прямо из души, и он не собирался запирать этот отчаянный порыв у себя в груди, а то ещё рёбра поломают.

— Между прочим, — довольно протянул Шэйран, — ты рано или поздно всё равно обзаведёшься семьёй и вынуждена будешь терпеть какого-то остолопа рядом, чтобы родить от него милую дочку... Ты ж сына не хочешь.

Патриоткой Мон была — хоть с ума сходи! Только женщины, только дочка, могла бы — от женщины б и родила, да не положено.

— Ничего, я рожу от кого-то с хорошим генотипом и взращу дочь ведьмой, поселю в её душе те же идеалы...

— И убьёшь в утробе ещё все шансы девочки быть счастливой, — дополнил Шэйран. На пальцах серого троечника нагло заиграло пламя как раз предназначенного для уже магистра первого уровня — до второго не дотянет, — и Мон недовольно фыркнула, ударив его по руке. — Ну, драгоценная, раз ты хочешь родить ведьму, тот будет беда-а-а... У тебя ведьмина кровь-то есть, раз ты ведьма, но и в хорошем генотипе мужчины она тоже должна присутствовать. От отца и от матери, только тогда будет результат. Где мага найдёшь? Будешь соблазнять Антонио?

— Шэйран...

— Не-е-е! Со мной не пойдёт, — уверенно покачал головой он. — У меня уже очередь! Целых восемь человек из тех, кто хочет только ребёнка, а сколько желающих на свадьбу! О-о-о... А знай они, кто мои родители! Бог мой, тогда б ты была первой в этой очереди, мил-моя.

— И кто ж твои родители? — язвительно уточнила Моника.

— Как кто? Король и Королева! — хитро подмигнул ей Рэй, но девушка только отмахнулась, мотнув головой. Чёрные волосы рассыпались по плечам, грозясь по цвету самым наглым образом слиться с чёрной мантией, но Мон это явно не волновало.

— Врун! — она так взблеснула глазами, что Рэй даже погасил пылающие кончики пальцев и внимательно посмотрел на неё. — А если серьёзно, то ведь правда и у того, и у того должна быть сила. Твой дар в отца или в мать? — она фыркнула, вспоминая о том, как эта дрянь, серый троечник, чтоб его, на занятиях едва мог зажечь свечу, а потом устраивал после них наглое кострище, свойственное откровенно не ученику без степени. И экзамены вроде бы должен был хорошо сдать, а ничего подобного. — Но чего я спрашиваю! Конечно, в мать, у мужчин слабо развита...

Шэйран задумчиво посмотрел на свою руку, а после одарил взглядом вазон. Тот под действием его магии уже с подоконника дорос до плеча Мон, что сидела в противоположной стороне комнаты, а теперь ненавязчиво стягивал с неё мантию. По уставу, собственно

говоря, под мантией допускалось только нижнее бельё. Мантии не застёгивались, едва-едва подпоясывались, и Рэя не прельщало бродить в трусах и этом наглом подобии одежды по всему миру, тем более, мантию он и вовсе не затягивал, позволяя ей волочиться сзади, посему устав был им проигнорирован. Точно так же поступила и Мон — из-под чёрной подвязанной хламиды виднелось вполне приличное светлое платье, как раз в цветах Эрроки. Но у платья был вырез, у этой тряпичной гадости на ней — нет, потому вазон уже подцепил край мантии и потянул её на себя. Моника не почувствовала, она была весьма сосредоточена на общении с наглым существом, именуемым Рэем, и не собиралась от этого отвлекаться. Именно по этой причине растение возымело определённый успех, намотало на свой крайне гибкий росток край ткани и рвануло на себя активнее.

— В отца, наверное, — задумчиво протянул Шэйран. — Он, коль пожелает, может лес вырастить на ровном месте, но нагло это игнорирует. Говорит, сжигать вас надо, детей матриархата, синем пламенем. Вот таким!

В руке появился огонёк уже второго уровня магистрата, и Моника запустила в Шэйрана наколдованной подушкой, а после высунулась в окно, сделав вид, что не заметила, что её мантия успешно оказалась на полу, а не на её плечах.

— Ого, дарниец, — она упёрлась ладонями в подоконник, сбросив параллельно вазон с него, и преподавательница внизу, та самая, подождённая несколькими минутами ранее, недовольно возопила от подобного надругательства. Вопль прервался на длинной высокой ноте, потому что после него наступило беспамятство, а Моника тем временем, несмотря на свои оценки, без зазрения совести, пялилась на незнакомого мужчину.

Рэй тоже подошёл поближе. В Вархву попробуй доберись, особенно если через лес, да и река Цэррэ — далеко не для новичков. Именно по этой причине все путешественники обходили Город Магов десятой дорогой. Чужеземец почти вызвал у Рэя удивление — тем более, в последнее время на единственной безопасной дороге завёлся какой-то гад, что перестрелял уже троих, и все, как один, синеглазые брюнеты. В школе девки, да и преподавательницы, чего греха таить, подшучивали, что это какой-то ревнивец искал Шэйрана, но сам молодой маг уж очень в этом сомневался. Во-первых, он с женатыми, обручёнными и просто занятыми сумасшедшими убийцами не водился, а во-вторых, портрет хитро подмигивающего мужчины — то бишь, короля Дарнаэла Второго, по мнению Самаранты, того ещё женоненавистника и почему-то, как она заявляла, женоненавистника нетрадиционной ориентации, — гласил о том, что, вопреки ненависти к милому Тьеррону всей прекрасной половины Эрроки, он был тоже синеглазым темноволосым красавцем.

Шэйрану что-то подсказывало, что ненависть была основана именно на том, что Дарнаэл Второй вроде как предпочитал мужчин. Сам Рэй в эту гадость ни минуты не верил и имел на это серьёзные причины. Дарнаэл, а в народе просто Дар, говаривали, не раз и не два бывал в королевской спальне, а королеву Лиару можно было назвать мужчиной только сильно-сильно перепив смертельного яду. К тому же, черты лица милой принцессы Эрлы и... и тщательно скрываемого королевского сына старательно указывали на отцовство бездетного короля, а женская незамужняя часть Эльвентского замка, та, что не особо целомудренная, любила рассказывать истории о том, что король Дарнаэл, несмотря на свои сорок два, даст фору двум двадцатиоднолетним. Вот в это Рэй верил больше, да и, к тому же, слух о нетрадиционных предпочтениях Дарнаэла распространяла именно Самаранта.

Дама худая, как та доска, высокая, словно каланча, бледнолицая, аки кикимора болотная, рыжеволосая, аки побитая собака, да ещё и засаленная вся с ног до головы,

подслеповатая и подстароватая, но зато очень хорошо слушающая, когда-то мечтала о том, чтобы король Элвьенты был именно её. Король Элвьенты предпочитал если и стройных, то красивых уж точно, а госпожу Тальмрэ послал куда подальше на интересное буквосочетание. С того дня она убедила себя и всю округу в том, что Дарнаэл интересуется исключительно мужчинами и повторила тридцать раз Рэю и Антонио о том, что им обоим следует от короля держаться как можно дальше, ибо коварный змей может сравнить их хороший генотип своим соблазном.

Нет, Дарнаэл, конечно, мужик привлекательный, но, во-первых, Шэйран предпочитал девушек, особенно Монику, пусть и отчаянно это отрицал, а во-вторых, от короля Элвьенты исходила совсем иная опасность. Эта опасность именовалась наследными королевскими реликвиями, что передавались вместе с синими очами и даром растить всякую гадость на своей дороге, а самое главное, король Дарнаэл, в конфликте с королевой Лиарой, отнюдь не собирался позволять себе упустить из рук выгоду. Шэйран предпочитал выскальзывать без его благоволения, но получалось не всегда. Он грустил, вздыхал и мысленно посылал его ко всем чертям.

Дарнийцем, преодолевшим отвратительного маньяка на въезде в Вархву, оказался тоже синеглазый статный брюнет. К нему кто-то рванулся за налогом, он рывкнул таким тоном, что тот отлетел самостоятельно, даже не остановился ни на минуточку. Почему-то вазон внизу, на голове преподавательницы, поспешил прорости, и Рэй прекрасно знал, что это отнюдь не его рук дело.

— Ой, — прошептал он, бросаясь на пол. — Чёрт! Знаешь, кто это?

— Наглый дарниец?

— Очень! — возопил недовольно Рэй. — Прямо всем дарнийцам дарниец! Это ж король Дарнаэл Второй, Эрри его подери...

— А ты чего? — удивилась Моника. — Какое тебе дело до того, что он приехал? Или... Он всё-таки того... неоднозначные намёки... Может, ты в его вкусе?

— Ты в его вкусе! — возопил Шэйран. — Да женщины ему нравятся, женщины! Но, прошу, меня тут нет.

— Да почему?

— Потому!

Моника с сомнением вспомнила портрет короля Дарнаэла. Заострённые скулы, синие очи и чуть вьющиеся чёрные волосы передались Шэйрану явно не от какого-то уroda.

— Слушай, Рэй, встал бы ты рядом с его портретом... Там, в коридорчике...

— Нет! Это случайность! — возмутился он.

— И, говоришь, дар растения возвращать у тебя тоже от папочки...

— Мон!

Он недовольно фыркнул, выглянул в окно и, не заметив там ни единой опасности, вновь полез на подоконник. Моника поспешила поймала его за рукав и втянула обратно.

— Одурел, — прошипела она. — Ну куда? Куда?! Шестой этаж!

У здания их общежития была весьма странная особенность — комнаты своевольно, безо всякого постороннего разрешения, периодами менялись местами. В основном это случалось в периоды наибольшего отвлечения хозяина; таким образом спальня Мон за последние двадцать минут, пока Шэйран так старательно отвлекал хозяйку, успела уже дважды изменить расположение. Теперь, пока девушка смотрела в окно, гадость эта ей не грозила, но стоит только отвернуться — перемещение может случиться опять. Эти игры в пятнашки

давно надоели всем студентам, но что поделать! Несколько сотен лет назад вредный выпускник — тогда ещё женщины не были на троне, и мужчины в магическую академию допускались весьма охотно, — решил, что достаточно родное учебное заведение потрепало ему нервов и что надо ему как-то отомстить. Изначально юный гадёныш смог придумать только весьма тривиальный способ и просто подсыпал преподавателям слабительного в тарелки, но на этом его гадкое богиненеугодное дело не умерло.

Маг оказался талантливым, несмотря на то, что из академии его не выперли только по политическим причинам. Моника, чувствуя, что комната перемещается, периодами мысленно называла Шэйрана его ближайшим родственником, по крайней мере, порывы были те самые. Вьюноша отправился самообразованием — и вернулся только лет через пятьдесят, всё таким же моложавым красавцем, что и прежде, только уже с высшей степенью, магическим посохом и неиссякаемым резервом. После этого он с посохом побродил по общежитию и ткнул им в каждую дверь. Отказать уважаемому ну никак не смогли — потому что проклянёт, кости не соберёшь. С тех пор, казалось бы, неудобства должны были преследовать несчастных студентов, ведь именно они пострадали и жили в перемещающихся комнатах. Но выпускник отлично знал, что он делает — теперь можно было сказать, что за этой дверью скрылся кто-то иной, и пакостники научились отлично выкручиваться из разнообразных неприятностей. По крайней мере, неуловимые школьные мстители отныне могли творить всё, что хотели, и больше так просто поймать их и вычислить по комнате не получалось. Главное — сделать такое спокойное выражение лица, чтобы никто не догадался, ну, и пот утереть, но с этим старательные студенты отлично справлялись.

Сейчас Мон силком усадила своего однокурсника на пол — увы, но запрыгивал он в окно отнюдь не такое высокое, а сейчас рванётся на свободу, запугается в полах мантии, и будет король Дарнаэл вместе со всем преподавательским составом столичного любимца — иначе почему он ещё тут учится?! — оттирать от мостовой.

— Ты чего, одурел? — возмутилась она. — Совсем с ума сошёл? Ты хоть понимаешь, насколько это опасно? К тому же, — голос Лэгаррэ немного смягчился, — что тебе может сделать чужеземный король? Поверь, Дарнаэл Второй, судя по внешнему виду, любит не женщинами, не мужчинами, а собой в высоком потолочном зеркале! Так что, такую мошку, — двухметровая мошка недовольно наморщилась, — как ты, даже и не заметит! На кой ты ему нужен, Рэй? Маг посредственный, отметки плоховатые, и... не до конца из Дарны, — она хмыкнула. — Для них ты чуть бледноват, да и глаза синие... В общем, на кой прятаться-то? Тут скорее талантливым магам прятаться надо, говорят, Дарнаэл решил отобрать себе сотрудников, в Эльвенту, в Лэвье, в замок! А кому ты нужен? Ты и твои двойки!

Лихорадочный взгляд Шэйрана радости девушки отнюдь не разделял. В конце концов, парень устроился поудобнее на полу и недовольно покачал головой — складывалось такое впечатление, что всё-таки с королём Дарнаэлом у него были свои счёты.

— Хоть в зеркала, хоть под ноги, но меня он видеть не должен, — радикально отозвался парень. — И вообще, тебе так трудно? Ну, коль хочешь, можешь ещё меня в рупор из окошка представить.

Моника покачала головой. Представлять она никого не собиралась, привлекать к себе внимание — тоже. В конце концов, они уже почти сдали все экзамены, остался только завтрашний, а потом выпускной. Если она всё успешно завершит, то обязательно попадёт по

распределению к королеве Лиаре. Это была мечта девушки — она так надеялась на то, что сможет трудиться на благо отечества!

— Ну чем так страшен король Дарнаэл?

— Тем, что он — король Дарнаэл, — безапелляционно заявил Шэйран. — Благодарю за подмогу, увидимся, — и, подмигнув девушке, он вышел совершенно адекватно, через дверь, оставив её в лёгком недоумении относительно собственного поведения.

Моника грустила недолго. Подумав минутку о том, что с Рэя станется поджечь именно ту преподавательницу, которой завтра сдавать экзамен, она вернулась к книгам, собираясь выучить всё назубок, чтобы на следующий день не иметь ни единой проблемы с любым из вопросов.

\*\*\*

...Больше всего каждый нормальный студент боялся именно экзамена по Боевой магии. Оно и логично, боевая — она шутка коварная. Бегать надо быстро, стрелять метко, магией пользоваться вовремя, а экзамены в основном принимали в полевых условиях. Именно по этой причине сейчас всё сорище студентов протрусил на миленькое фантомное поле у дельты реки Цэррэ и рассредоточилось по площади. Преподаватели, точнее, комиссия — экзамен по Боевой магии должен был оказаться заключительным и самым важным, на нём решалась и проблема распределения учеников. Потому экзамен принимал не сам преподаватель, а целая группа, да и задания для каждого придумывали индивидуальные, по крайней мере, практику.

Шэйран обречённо уступил место как минимум десяти девицам и разлёгся прямо на зелёной траве, проигнорировав милое приглашение на покрывало. На сей раз студенты окончательно наплевали на форму; по крайней мере, на неё наплевал Рэй, и мантия мирно перекочевала на пугало в соседствующую с Вархвой деревню. Не исключено, что вместе с мантией там оказалось и два десятка отпугивающих заклинания, потому как селянин очень настойчиво пихал юному дарованию (или скорее вредителю) несколько сверкающих монеток. Рэй не грустил по тому поводу, что лицензии на чары у него до сих пор нет, да и не будет до выпуска, и сверкающую монету принял.

Первой послали Моника. Как самую ответственную и самую прилежную. Естественно, появилась она довольно скоро, радостная, но молчаливая, заявляя, что поклялась ничего, кроме слова «сложно» не рассказывать. Пресловутое словечко она повторила раз двадцать, из чего был сделан успешный вывод, что беда не пришла одна, а расселась там, на месте комиссии, и спешила давать страшные-престрашные задания.

Очередь моментально развеялась. Шэйран с душой отъявленного троечника отчаянно не хотел идти вторым и убеждал, что комиссию это только разозлит, но его самым наглым образом вытолкали в самое начало очереди.

— Чёрт, Антонио, может, ты хочешь? — он посмотрел на юного Карра, переползавшего с курса на курс с таким трудом, словно ему явно не хватало хорошего кнута. — Ну, право слово, там сидит твоя ма... — он умолк. — В общем, давай ты?

— Нет! — заупрямился Антонио. — Я ж ничего не знаю!

— Я тоже ничего не знаю, — грустно сознался Шэйран. — Я ж не учил.

— Ты хоть не учил! — возопил Антонио. — А я в боевой магии могу только три заклинания прошептать, и те без успеха. Но...

Рэй дослушивать не стал. Махнув рукой на незадачливого собеседника, он быстренько скользнул в образовавшуюся щель и моментально задёрнул за собой полотно, не планируя

позволять наглым сокурсницам запихнуть свой нос туда, куда не просят.

Комиссия сидела живописная. Справа, отчаянно косясь влево, устроилась Высшая Ведьма Кррэа, Тэзра. Она впервые в жизни кокетливо накручивала прядь на палец и так мило улыбалась, что было ясно — улыбка приурочена явно не к показательному выступлению Шэйрана. Но Тэзра — дело десятое! Самаранта, всё такая же восково-бледная, ненавистно-серо-рыжая и холодная-прехолодная, согнала любимую пташку с плеча, спустила с того самого костлявого плечика платице — немного, но Рэю с головой хватило впечатлений. Она тоже явно играла в соблазнение, и ответ на вопрос, кого две ведьмы соблазняли, сидел ровно посерединке.

Игнорируя этикет, уложив локти на стол, схватившись за голову руками, восседал сам величественный Дарнаэл Второй Тьеррон. Нельзя было сказать, что на его лице отражался хоть намёк на положительную эмоцию, но вот Шэйрану он откровенно порадовался, едва ли не раскинул руки в старательных объятиях.

— День добрый, — тихо поприветствовал он выпускника. — Становитесь, юноша, вопрос первый... — впервые за пять минут, что Шэйран торчал в этой палатке, Дарнаэл соизволил на него посмотреть. Рэй, конечно, подозревал из-за стандартной реакции некоторых особ женского пола, что лик у него животворящий, но не столько же. Тьеррон взвился едва ли не под самый верх палатки, искренне разулыбался, впихнул ему в руки билет и выглядел так, словно только что пал под действием стрел любви, или чем металась богиня с небес, нагло соблазняя мужчинами величественного короля. — Я проведу экзамен! Да-да! А вы б прогулялись, дамы.

— Чёртов извращенец... — пробормотала себе под нос Самаранта. — Не позволю ученика с пути праведного сводить!

— Чёртова извращенка, — вторила ей Тэзра, так же тихо — только не для чуткого уха заядлого троечника, — выбрать не может, кого в постель скорее хочет, Рэя или Дара. А чтоб ты подавилась!

«Бедное Высочество, — мысленно сопроводил сию вакханалию Шэйран. — А их всего две, и то ведьмы. А что ж на балах-то творится? Штабелями они в своей Эльвенте падают, что ли?!»

«Вот ты Магистром станешь, — мстительно дополнил всё так же мысленно эту встречу Дарнаэл, — Рэй, и будешь знать, как оно — ни в одну деревню не зайти, все селянки массово стремятся генотип повышать! А чтоб им пусто было!»

Самаранта взялась за теоретический опрос. Стоять было неудобно, потому что потолки в палатке оказались крайне низкими, и Шэйран не хотел склонять голову перед склочной бабой. Дарнаэл, не понимающий ровным счётом ничего в волшебстве, почти что дремал, а Тэзра откровенно делала вид, что ничего не слышит. Её возмущал тот факт, что король Эльвенты решил лично проследить за тем, кого именно отправят в его страну — и Рэй на все сто процентов знал, что напротив его фамилии не окажется этой чёртовой галочки. Нет, сиди, родной, в замке, под крылом у Её Величества Лиары, подальше от войны и от тех вакансий, что предлагает Эльвента или, скажем, Торресса! А сидеть Шэйрану хотелось меньше всего на свете.

— А теперь практика, — после того, как она услышала только два ответа на двенадцать своих вопросов, Тальмрэ была уверена в том, что ничего толкового из всего этого не выйдет. Она, истинный и преданный своему предмету теоретик, ограниченный в магических предпочтениях и иже с ними, отчаянно ненавидела каждого, кто не мог ответить на её

коварные вопросы. Именно по этой причине в основном её все так и ненавидели.

Шэйрану было абсолютно наплевать, теорию ему загадают или практику. Старательным учеником он никогда не был, это и нереально в условиях Эрроки. Либо ты троечник, либо ты двоечник, третьего не дано, когда ты учишься в Вархве. В конце концов, отличницы и хорошистки — это удел девушек.

У Рэя были все тройки. У Антонио за пять экзаменов тройка — всего одна, и это отнюдь не означало, что Карра сумел хоть в чём-то переплюнуть сокурсника. Остальные четыре у него гордо занимало стойкое «два».

Зато Лээн, третий парень из их группы, отличился. Получил четыре единицы и одну — о чудо! — пятёрку. Это подтягивало его бал и позволяло не вывалиться отсюда не просто выпускником, а и позорищем. Пятёрка была по искусствам — только не боевым, а какого-то чёрта изобразительным. Шэйран в своей жизни нарисовать мог разве что фигу под нос преподавателя, а вот Фарни, единственный, кто выбрал живопись в качестве факультатива, мог изобразить отличнейшую карикатуру.

Лээн, вопреки тому, что вроде бы художников не особо тут жаловали и ценили, да и магии в нём маловато, был парнем весёлым и хорошие шутки любил. Собственно говоря, шутить тут было в основном некому. Шэйрана постоянно тянуло что-то натворить, а Антонио, с которым он вынужден был дружить — жили рядом, — ещё с самого первого курса, да и с более раннего периода тоже, постоянно ныл, что так нельзя. На всевозможные шалости у Карра стоял строгий запрет.

Фарни таким не был. Он постоянно поддерживал друга во всех его затеях, какую бы глупость ни задумал Рэй, и помогал изобразить преподавателей в самом непотребном виде, если только требовалось это для удачной шутки. В любом случае, Лээна можно было дёрнуть в любое мгновение, и он с радостью отзывался. Антонио шалил только с разрешения своей благоговейной матери.

Ни Рэю, ни Лээну это отнюдь не нравилось.

...Увы, но картинка изменилась поразительно быстро — Тэзра наводила чары профессионально. Практика в полевых условиях проводилась с учениками впервые именно на экзамене, и об этом отлично знали все, за исключением парочки учеников. В конце концов, отправляли в самые трудные ситуации самых нелюбимых — либо тех, кого подозревали в отчаянной лени.

Шэйран даже не мог сказать, к какой именно категории он относился, потому что, кажется, терпеть его не могли многие, ещё больше попросту считали, что большего лентяя на этом свете не сыскать. И единственное, что он услышал, так это слова Тэзры Самаранте, чтобы звала остальных — будут принимать теорию, пока незадачливый несчастный проверяемый ученик поносится по локациям.

И Тэзра исчезла, вероятно, тоже.

Место Шэйрану не понравилось. Полянка казалась слишком обыкновенной, вокруг пели птички, а значит, они были в лесу. И по характерным дубам легко можно было сказать, что это всем известный лес Паррэт, от человечества и здравого смысла избавленный. Правда, существовало одно маленькое «но».

Если бы Рэй действительно был таким тупым, каким казался, он бы не знал о том, что в том лесу колдовать нельзя. Значит — и телепортироваться туда и оттуда тоже нельзя. Значит — это фантом.

Но если он был хоть в половину умнее того уровня, что догадается, что это фантом, он

не покажет, что знает. Потому что сволочная Тэзра именно этого и ждёт. Ждёт, пока он проявит находчивость и ярко продемонстрирует, что не место ему в серых троечниках. Конечно же, с этого ничего хорошего не выйдет, ибо самый главный закон Эрроки заявляет, что мужчина не может быть силён ни в чём. Ни в магии, ни в каких-либо ещё видах умственного труда.

В конце концов, отбиваться от глупого мужского стада Рэй не порывался. Потому, горемычно вздохнув, опустив голову и уставившись на свои ноги, он медленным шагом направился туда, где брезжил свет — то есть, на предполагаемую опушку. Как любой тупой студент, что едва-едва добрался до звания магистра, он должен был продемонстрировать собственную глупость и забыть о том, что магия есть, да и вообще, можно б попытаться иллюзию развеять. В конце концов, скорее всего, он как придурок бродит нынче среди однокурсниц, принимая за ветви дуба соблазнительные выпуклости.

Или не очень соблазнительные.

Спустя минуту ему едва ли не на голову приземлился Лээн. Рэя это отнюдь не порадовало — друг был силён в определённых шалостях, вот только ждать от него хотя бы каких-то усилий в плане магии не следовало. Тут он был немного глуповат и уж точно не одарён великим талантом. В конце концов, не всем колдовать — просто Фарни хотя бы что-то мог, в отличие от остальных, оставшихся там, вне академии.

— Сильно по теории дёргали? — грустно поинтересовался тот, потрянув головой. Рэй только равнодушно пожал плечами.

Лээну не везло. По документации и он, и Рэй, и Антонио были бедными сиротами и получали скудную государственную помощь, но только Фарни являлся сиротой настоящей. Остальным просто повезло на мам, желающих скрыть «позор» — потому сын величаво говорил, что родителей не знает, а после жалобно обнимал дражайшую мамочку и периодами подвывал у неё на груди. Ну, подвывать любил Антонио, к нему мать приезжала каждый раз, как только могла. Рэя так отнюдь не баловали, поэтому он довольствовался обоюдным равнодушием.

Лээн, кроме всего прочего, не мог похвастаться и физической силой. Он был среднего роста, не слишком широк в плечах и не особо красив. Тоже темноволосый — русым среди них троих оказался один лишь Антонио, блондинов в компании не было вообще, — с заострёнными чертами лица, но вот его заострённость отнюдь не радовала, потому что напоминала отнюдь не то, что следовало напоминать. По крайней мере, глядя на Фарни, назвать его боевым парнем нельзя было — мелкие черты лица, только глаза большущие, как у девушки — почти. Впрочем, ну, девушкой он уж точно не был — не та страна, да и после поджигания мантии злощей Моникой Лээна однажды тушили так старательно, что главное мужское достоинство в итоге полчаса прикрывалось исключительно лопушком. В общем-то, он был мужчиной — и это самое главное несчастье бедного Фарни.

Его светлые, сероватого оттенка глаза внимательно скользнули по Шэйрану, словно подмечая элементы для будущего портрета. По крайней мере, Дарнаэл Второй для школьного холла срисован был именно с Рэя.

— Эх, — вздохнул грустно парень, — всё мы провалим... Хорошо тебе, Рэй, за тобой дамы вон на деревья лезут, хоть бы дал посмотреть, ты-то не пропадёшь.

Шэйран не стал делиться желанием те самые деревья вместе с девушками поджечь, чтоб не видеть никогда надоедливых дам, по крайней мере, особо наглых, но Лээну, у которого никогда не было переизбытка женского внимания, этого явно не понять.



— Сильно грузили? — уточнил Рэй, отбросив в сторону отчаянные попытки показаться глупым. Подвоха всё не было; они просто шли пешочком в сторону какой-то тропинки и отчаянно желали выбраться из давно надоевшего леса. Так или иначе, всё это не приносило ни малейшего удовольствия ни одному из парней, так что, они оба торопились.

— Не особо, — отмахнулся Лээн. — А тебя?

— Да так себе, — по правде говоря, Самаранта его так ненавидела, что выбрала самый трудный билет, но хороший диплом Шэйрана не волновал. Чем в большую дыру его запрут, тем лучше, с дыры легче сбежать. С такими оценками, как у него, в королевский дворец не отправят — туда-то как раз Рэй и не хотел. Очень не хотел.

...Рано или поздно это должно было свершиться. С двух сторон на парней посыпался вихрь стрел — вот вам оно и начало препятствия. Так или иначе, по логике не особо сильных, но и не самых глупых магов, Рэй и Лээн должны были встать спина к спиной и молниеносно вскинуть руки, останавливая стрелы на подлёте. Это было очень просто — и сработало бы. Так Тэзра определила бы, что они оба — две посредственности, и успокоилась. Сфокусировать магию, даже копеечную, прямо перед собой довольно просто, так что, ничего сложного в испытании магички Рэй не видел.

Не видел бы, если б не несколько маленьких нюансов.

И самым важным являлся тот, что Лээн, каким бы хорошим парнем он ни был, колдовать не умел вообще. И стрелы должны были пронзить его насквозь — как фантомы, естественно, и ничего бы Фарни не сделалось, кроме как нуля в графе баллов и невыдачи диплома.

И, к тому же, Шэйран не мог сфокусировать воздушную стену с двух сторон с помощью стандартного заклинания, ибо оно предполагало, что ты сверлишь стрелы взглядом, а глаза у Рэя, к счастью, росли не там же, где и уши, а всё же ближе к носу.

Он необдуманно вскинул руки, заблаговременно пнув коленом под зад Лээна, чтобы тот хотя бы по земле распластался. Ладони призывно полыхнули пламенем — не так чтобы сильным, но на стрелы хватило. Волной жара окутало по обе стороны магический, а самое главное, несуществующий лес, и они пеплом мирно так осыпались на дорожку.

Рэй уже почти слышал недовольное хмыканье Тэзры по ту сторону фантома — она поняла. Чёрт, столько лет с лёгкостью обманывать всю академию, а какая-то столичная ведьмачка вот так взяла и раскусила — пусть она хоть сто раз Высшая!

Шэйран рывком поднял Лээна на ноги — тот всё ещё был растерян. Предназначавшаяся для него одинокая стрела полетела прямо парню в грудь. За нею рвался поток как минимум из десятка, так проверяли силу спонтанной стены.

Фарни хватило ровно на одну. За остальные он должен был сказать огромное «спасибо» своему другу.

— Наши дороги расходятся, — недовольно прошептал Рэй.

— Почему?

— Потому, что ты — бездарный, а я — ленивый, — успел ответить Шэйран, когда наконец-то полыхнуло, и Фарни отправился за положенной ему жалкой двойкой или тройкой. Конечно же, поставят, стену он вроде как остановил, кто ж предположит, что это делал Рэй? В конце концов, вряд ли он стал бы так рисковать, ведь его могут разоблачить! Но да что тут разоблачать, усилитель магии? Для той же Моники или королевы Лиары, например, это считалось уровнем поступления, вот только для мужчин они значительно упрощали задания.

И нельзя сказать, чтобы Рэю это нравилось.

...Следующими он ждал увидеть ножи или что-то в этом роде, но навстречу мирно почалапало чудище. Красивое такое — шерсть лоснилась под фантомным солнцем, а глаза отражали яркий свет. Уши торчали в разные стороны, подобно непонятному сооружению явно магического происхождения, трёхметровый рост отнюдь не мешал быстрому продвижению. Внешне чудище походило на медведя, им оно и являлось — только значительно усиленным и отвратительным.

После пламени, которое было принято преподавательницами, как случайный выброс магии, Рэй должен был бы побежать подальше от чудища. Тогда его телепортируют обратно, нехотя поставят четыре за проявленную смекалку и талант, а после и отпустят с миром. Он не мог позволить себе результат лучше — поступать следовало именно так, как от него этого и требовали, то бишь стандартно, глупо и по шаблону.

Именно по этой простой причине парень и не стал ждать у моря погоды, а побежал так быстро, как только мог. Но ведь будь тут одна Тэзра, она б успокоилась! Самаранте хотелось учеников ещё и унижить, показать, насколько мужчины бесполезные существа и как они были глупы, когда смели игнорировать её благословенную особь. Парень просто не мог заставить себя согласиться с её заявлением, и гордость выиграла прежде, чем мозги вообще успели подумать.

Да, он не был самым сильным магом королевства, и такие, как Мон, заслуживали лавр почёта куда больше, чем он сам, но прослыть слабаком с лёгкой подачи Тальмрэ парень просто не мог.

Он остановился у камня и повернулся к твари. Огромная животина поспешным темпом мчалась к нему, расставив лапы. Надо бы её припугнуть — тогда четвёрка из слабой станет твёрдой, но его всё равно никто не тронет.

Шэйран был уверен в том, что посылает в фантом всего лишь жалкую искру смелости. Вместо этого польхнуло, и сквозь медведя проросло нечто огромное и страшное. Зелёный столб какого-то растения прорезал с горой крови жалкое животное и превратил его в банальную меховую тряпицу. Стало противно и страшно — а после чудище заревело, и фантом скрылся с виду.

Опять появился шалаш. Побледневший Дарнаэл пялился на семечко на своём столе, явно отговаривая его расти, подчиняясь магии, Тэзра едва заметно улыбалась, словно впервые узрела Рэя, а Самаранта побледнела до такой степени сильно, словно это она сама была тем самым отвратительным медведем, которого он пронзил насквозь.

Шэйран ждал потери сознания или хотя бы усталости. Так должно случиться после большой потери волшебства, после того, как он иссушил свой резерв, а ведь иначе и быть не могло, разве он не несчастный слабый мужчина, который в Эрроке не имеет совершенно никакого права на своё полноценное существование?

Но свалиться в обморок не получилось. Не было ни капли усталости, даже единого следа от чар или намёка на то, что он устал, не осталось.

Тэзра поднялась на ноги и подошла к палатке, немного отогнув край полотна. В шатёр хлынул яркий солнечный свет, и теперь Шэйрану хотелось зажмуриться и попросту не видеть того, что находилось там, снаружи. Ибо вид огромного зелёного ростка, что пророс сквозь растворившийся уже фантом, его совсем не радовал. Да, он помог Лээну не завалить его экзамен, да, доказал Самаранте, что она далеко не всегда права, но какой ценой?

— Идите, Рэй, — наконец-то сухо промолвила директриса, но в её голосе всё ещё

чувствовалась странная, опасливая дрожь, словно только что случилось нечто нарушившее весь нормальный жизненный уклад всего королевства. — Идите. Пять.

Хуже могло звучать только «отрубите ему голову». Да и то не факт.

\*\*\*

Об успехах мужчины — неслыханное хамство! — никто даже не подумал поведать гордым представительницам матриархальной системы общества. Шэйран ушёл оттуда молча, сдавать ему больше ничего не хотелось. Он уже знал, какой приговор теперь стоит при распределении — и понимал, что король Дарнаэл приложил ко всему этому свою руку. И очень старательно приложил.

Но был ещё один выход.

Распределительную таблицу им вынесут уже завтра, на выпускном, перед этим на неё никто не посмотрит, и никто после сегодняшнего вечера не посмеет внести в неё изменения. Никто, кроме самого Рэя. Будь он проклят, этот король Дарнаэл, но Шэйран собирался в Эльвенту, и его ни королевское высочество, ни кто-то ещё другой не смогли бы остановить в отчаянном желании вырваться из этого жерла матриархата.

Идти приходилось очень медленно и осторожно, потому как опасность быть пойманным всё ещё нависала у него над головой. Шэйрану не хотелось попасться в такой ответственный момент, ещё и тогда, когда остался последний шанс что-то изменить.

Таблицу уже перетаскивали в сумрачный Центральный Зал. Там, конечно же, её намертво прибили к стене и наложили все возможные заклинания защиты, что обязаны защитить от наглых учеников. Её ещё и прикрыли какой-то тряпкой, но исключительно от любопытных особей, что решили узнать о том, куда попадут по распределению. Рэй знал, что как минимум половина успеет побывать тут, но чуть позже. Он вынужден сделать это первым — иначе будет скандал.

Тряпицу снять было просто. Он отбросил её в сторону, даже не обращая внимания на непрозрачную серую ткань, и пробежался взглядом по распределениям.

На месте его фамилии стандартно стоял сиротский прочерк. Он провёл пальцами по тонкой линии, которую можно было бы превратить в правдивые слова, но — не стоило бы так рисковать. Завтра ему не простят подобную вольность, спасибо, если сами не полезут вносить изменения в таблицу.

Он ещё раз окинул взглядом таблицу. Начертанное напротив своего имени «двор Лиары Первой» его почти не удивило; казалось, именно этого парень и ожидал. Но ещё одна знакомая, самая верхняя — первый рейтинг — строчка не могла его не смутить.

Моника Лэгаррэ — стража Первого Советника Его Величества Дарнаэла Второго Вирра Кэрнисса.

Шэйран сжал зубы, чувствуя, как всколыхнулась в нём ненависть. Проклятая Тэзра, проклятый Дарнаэл! Это должно быть её место при королевском дворце, а не его, троечника, которому просто повезло во время выпускного экзамена. Ну, стал ногами на энергетическую жилу, потянул лишнюю магию, ну, прорастил через монстра деревце, делов-то! Отец мог вырастить целый лес на ровном месте, рассыпав щедрой рукой жёлуди, и от этого ничего не менялось — просто надо стать на нужное место. В свои силы Рэй ни капельки не верил — но больше всего ему не хотелось бы пытаться продемонстрировать подчинение там, при Эрри. Богиня — вот так они называли проклятую королеву, которую, кажется, должен был почитать каждый в этом мире. Правда, Эльвента отнюдь не собиралась склоняться ей в ноги и смотреть с подобострастным выражением испуганного щенка в глаза.

Нет. В Эрроке он не останется. Мон хотела к королевскому двору — и она получит эту прелестную возможность.

Самаранта навешала как минимум два десятка заклинаний на таблицу, чтобы к ней нельзя было даже прикоснуться, не вскрыв печать королевской кровью. Принцесса Эрла была весьма далеко, королева Лиара — тем более, так что, вряд ли бы им помог этот способ. Наверное.

Шэйран собирался пойти окольным путём. Ничто не помогает лучше банального камешка — в конце концов, надпись можно прорезать и не магией, а творческим трудом и ручками, ручками. Он направил камешек в сторону первой надписи, чтобы убрать длиннущее свидетельство напротив имени Мон, но вместо того проклятый камень впился в палец острым краем, и по нему сбежала маленькая капелька крови. Рэй смахнул её, даже не зная, попало ли на таблицу, а после принялся за старательную работу.

Шло легко. О глубинах заклинаний он даже не догадывался, но вскоре нужные надписи появились именно там, где им следовало быть. Таблицу создавали заранее, распределили их тоже куда раньше, и следовало лишь снять поверхностную пыль, чтобы его отправили в Эльвенту, а Монику, что так мечтала о служении королеве, в Эрроканский замок. В конце концов, она заслужила на то, чтобы однажды подвинуть Высшую ведьму Кррэа — девушка была действительно той, кому Рэй мог вполне искренне пожелать удачи. Правда, она всё так же раздражала его надменным отношением ко всему, что касалось матриархальных залогов общества, но Шэйран давно уже научился различать глупое повиновение местным стандартам и собственное пренебрежение, так что попросту игнорировал её периодическую холодность, надменные взгляды и прочую ерунду, которой так пестрело поведение буквально каждой в этой академии.

Он устало набросил обратно серое полотно, не позаботившись о том, чтобы стереть из каменной поверхности собственную кровь, и опустил камешек в карман. Мантии больше не было, сию чёрную дрянь у них забрали ещё утром, чтобы перед экзаменами можно было почувствовать себя выпускником. Завтра — бал, а после все они отправятся туда, куда им предназначено, и забудут вскоре об их выпуске и вообще обо всём, что прежде было между ними. Шэйран ненавидел это место больше всего, если не считать Вархву, и ему было плевать на то, куда его занесёт потом, а самое главное, чем закончится счастливое и великодушное пребывание на службе у Вирра Кэрнисса. Всё лучше, чем замок и королева Лиара, бесконечные блуждания по коридорам и повторения на одной ноте «мужчины глупы, мужчины ни на что не способны».

Служить живым подтверждением глупости собственного пола? О, как прелестно и мудро это со стороны королевы Лиары — назначить его именно на эту дурацкую должность! Но парень подчиняться не собирался — его просто не научили делать это в своей жизни, и он не планировал переучиваться.

Центральный зал остался у него за спиной. Рэй даже не оглянулся на него, уверенно зашагав по коридорам. Сейчас главное угадать до конца, где именно дверь его комнаты, но для этого существовали особенные метки, которые каждый выпускник оставлял внутри и на которые ориентировался.

Завтра будет выпускной. Завтра все они наконец-то разойдутся с этого проклятого места и больше никогда, скорее всего, не увидятся. И завтра наступит самый счастливый день в его жизни.

Его наконец-то официально выпроводят из этой ненавистной страны.

Выпускной вечер — это всегда повод для того, чтобы огромная масса влюблённых дам искали поспешно себе пару на вечер, младшекурсники отчаянно лезли в окна, надеясь попасть в Центральный зал, а самые успешные выпускники уже мечтали увидеть таблицу.

Шэйран не относился к влюблённым дамам, скорее к их жертвам, это во-первых. Правда, тут ему надо было сказать спасибо матриархату — именно благодаря ему, родимому, парень и вправду мог успокоиться и не переживать о том, что целая масса влюблённых девушек бросится ему на шею. К огромной радости парня, влюбляться тут тоже считалось позорным, потому сию прискорбную миссию он с огромной лёгкостью с себя сбросил. Во-вторых, он уже заглянул в таблицу вчера вечерком, и если никто не постарался — а никто не постарался, таблица от магии запечатана, а его нелегальное вмешательство никто не мог заметить, учитывая характер магической печати, — то отправится именно туда, куда всё время хотел. В любом случае, всё сошлось на том, что он вполне мог радоваться жизни и не думать о том, что будет через ближайшие пять минут.

Теперь они дружно стояли полукругом у таблицы. Самаранта говорила прощальную речь. Казалось, она так любила учеников, что попросту не могла их оторвать от сердца, но это только если верить сладким речам. Шэйран, естественно, не верил.

Рядом стояла Моника. Они, конечно, терпеть друг друга не могли, но обычно девушка не сторонилась уж так настойчиво. Теперь, когда выпускникам принято в предвкушении своей судьбы подрожать и взяться за руки, она одёрнула ладонь так быстро, как только смогла это сделать.

— И вот, наступил момент, когда я вынуждена отпустить вас, выпустить из-под своего крыла и дать возможность уйти в свободное плаванье! — гордо провозгласила Самаранта. — Это очень многое значит для нашего государства, и я уверена, что вы были распределены именно так, как следует, и сможете принести наибольшую пользу на своих местах!

С этими словами она, мотнув головой, наконец-то дёрнула серую тряпицу. Рукава безмерно чёрного платья директрисы взмыли в воздух, словно стая ворон, на время прикрыв таблицу, а после она опустила руки и отошла на несколько метров, в недоумении уставившись на текст. Тэзры и Дарнаэла тут уже не было, поэтому удивление сказалось только на Самаранте, единственной законно видевшей эти таблицы.

Красовавшееся напротив фамилии Моника «королевский двор, служение Её Величеству Лиаре Первой Эрроканской», казалось, больше всего повергло в шок саму Лэггаррэ. Она сделала шаг назад, словно пытаясь прикрыться от собственного счастья, что так и лучилось с таблицы.

Шэйран усмехнулся. Менять что-либо было поздно, и теперь ему ясной звёздочкой светил Вирр Кэрнисс со всей его подлостью, надоедливостью и так далее. Но Вирр, и это самое главное, жил в Элвенте, а это означало, что завтра же Рэй окажется на такой желанной земле.

Не в родной стране.

— А теперь, — дрожащим голосом провозгласила Самаранта, отчаянно пытаясь отбросить с глаз свои седо-рыжие волосы, — три избранные пары почтят наш выпускной вечер своим прощальным танцем.

Твою ж мать!

Конечно же, девушки могли выбирать, хотят они танцевать или нет. Рэй выбирать не мог, потому что парней всего оставалось трое — и что-то ему подсказывало, что они

помчатся явно не к Лээну и не к Антонио. Причины были разными. Лээну не хватало роста, он едва доставал до плеча Шэйрану; Антонио, напротив, был кавалером хоть куда, но таким безумно нудным, что хоть ты плач.

Выбора не оставалось. Схватив за руку одуревшую Мон, Шэйран потянул её в сторону освободившегося центра зала. Вот-вот заиграет музыка, и следовало б им и ускориться при выборе партнёра.

Антонио, со всей своей логичностью, которая обычно хромала на обе ноги, а то и на все три, прихватил вторую по успеваемости ученицу, Мизель. Молодая Кредэуа никогда не обладала ни особым уважением, ни чувством такта, но танцевала она действительно прелестно. Хрупкая, словно тот первый весенний цветок, всегда дрожащая, с большущими синими глазами, она вызывала странные, смешанные впечатления. Даже сейчас она была в белом, только платье казалось настолько тонким, что сквозь него просвечивалась снежная кожа. Нельзя сказать, что Мизель была доброй или хотя бы немного положительной, но рядом с Антонио смотрелась она хорошо. Светлые волосы вольно спадали по плечам, обрамляя худенькое личико, и Карра смотрел на неё поразительно влюблённым взглядом.

Лээн, очевидно, предпочитал скульптурные формы. Именно потому его избранницей стала пухлая, с длинными, почти до пола, волосами, сильными руками и слабой магией Реза Ятли. Учитывая то, что единственный танец, который позволялось тут танцевать, имел в себе поддержки, Фарни совершил огромную ошибку — прелестная Реза, конечно, не могла не привлекать взгляды, вот только всё равно была слишком тяжёлой для невысокого и слабоватого парня.

Шэйран вновь перевёл взгляд на свою партнёршу. Бледная, вопреки своей смуглой коже, Моника смотрела на него, словно на какого-то врага народа. Её нежное синее платье, как нельзя хорошо отражавшее цвета Эрроки, было не таким тонким, как у Мизель, что страшно коснуться даже к подолу, но и до тяжёлого бархата Резы не дотягивало уж точно.

К тому же, впервые за долгое время Лэгаррэ позволила себе распустить волосы — неслыханное чудо!

Самаранта взмахнула руками, активируя заклинание, и заиграла таинственная музыка, что вскоре должна была перерасти в знакомую мелодию. Три пары, что тщательно репетировали или, напротив, забыли о том, как переставлять ноги, все эти месяцы, должны были сплясать попросту идеально.

Шэйран поймал себя на том, что не помнит, в которую сторону ему поворачивать. Поскольку девушек было двадцать две, примерно семнадцать из них в парадной обуви были равны ростом с Лээном, а то его и превосходили по этому пункту, то как минимум эти кандидатки не желали плясать с ним на еженедельных репетициях. Антонио, парень высокий и сильный, отличался такой любовью к нытью, что оставшиеся пять низких и семнадцать высоких были готовы броситься Лээну на шею, лишь бы надоедливый Карра не читал им мораль. Именно потому все двадцать две, за неимением четвёртого варианта, регулярно желали репетировать исключительно с Шэйраном. Кто весьма неохотно, как Моника, по принуждению, кто с отвращением, начертанным на лице Мизель, кто подружески, как Реза, а кто-то с широко распахнутыми от предельной влюблённости или предельной дурачности глазами. Именно по этой причине был Рэй, право слово только на одной репетиции, где посмотрел на танец в исполнении их хореографа. А, нет, ещё пришёл на заключительную, схватил сопротивляющуюся Мон в охапку и сделал вид, что они взаимно влюблены, а остальные не вызывают у него никакого вожделения даже в плане танца.

Мон ходила тоже не слишком старательно, танцевать с мужчиной для неё казалось презренной обязанностью, поэтому Рэй решил, что куда повернут, туда и будет правильно. Музыка заиграла настойчивее, и они закружились против часовой стрелки. Шэйрану казалось, что он вот-вот либо сам врежется в стену, либо случайно швырнёт в опасном направлении прелестную партнёршу, но она была сильна и стойка, так что пронесло.

Наверное, Мон случайно воспользовалась магией, но Рэй чудом вспомнил, что в этом танце присутствуют поддержки, а столь старательные ученики, как Лээн и Антонио, вероятно, будут ровняться на него, как танцующего с лучшей выпускницей.

Лэгаррэ не была пушинкой, конечно же, но поднималась весьма просто. Правда, казалось, то, что руки соскользнули чуть ниже талии, её отнюдь не порадовало, но времени фыркать не было.

Уже в третий раз за последний круг подхватывая партнёршу на руки, а теперь ещё и поднимая её куда выше, чем следовало, Шэйран краем глаза отметил, что несчастный Лээн едва ли не упал под весом Резы. Поднять её выше своей головы, а при этом ещё и закружиться, у него не получилось.

Мизель, хотя её было куда меньше жаль, чем Резу, походила на пушинку.

В самый неподходящий момент, когда дыхание вернулось на место, а партнёрше можно было сказать хотя бы пару слов, Самаранта сделала какой-то непонятный жест, а после партнёрши, ловко вывернувшись из рук последних мужчин академии, перебрались к следующим партнёрам.

Шэйрану хотелось взывать. Самое наглое и отвратительное существо всея академии, Мизель Кредэуа, теперь так мило ему улыбнулась, что парня едва ли не вывернуло. Антонио весьма недовольно обнимал за талию Резу, Моника терпела Лээна.

Несколько па у Мизель прошли ещё нормально. После она взяла моду при каждом шаге наступать Рэю на пальцы своей шпилькой. В туфле моментально образовалась милая такая дырка.

Увы, после наглые когтистые пальчики хрупкой блондинки продырявили стандартный синий камзол, который всем им троим выдали. Её белое платье успешно развевалось впереди. Шэйран в качестве мести, на которую не сподобился Антонио, сжал покрепче ладошку Мизель, дабы часом не выпала, и, послав короткий магический импульс, чтобы музыка тоже изменила ритм, закружился быстрее. Блондинка широко распахнула глаза, возмущённо раскрыла ротик, явно собираясь продемонстрировать всем её и змеевидный язык, но явно не успела. Как бы Кредэуа ни старалась, с вестибулярным аппаратом у неё всегда были проблемы, и головокружение моментально заставило девушку забыть о своих маленьких вредностях.

Она моментально сделала вид, что загордилась, и попыталась продемонстрировать, какая прекрасная.

— Как хорошо танцевать с первой красавицей школы, — запыхавшись, прошептала она во время очередной поддержки. Пушинка, к слову, что-то такое напихала в платье, что была куда тяжелее Моника, ну, или это просто устали руки.

— Да, жаль, первая красавица на один круг улизнула к другому партнёру, — томным взглядом провожая Мон, протянул Рэй, проигнорировав намёк Мизель на то, что вышеупомянутая красавица — она сама.

Музыка вновь изменила темп, и Антонио с такой благодарностью отпустил Резу, словно был готов опустить её себе на голову и совершить таким образом самоубийство. Пышка

танцевала хорошо, но, очевидно, Карра к ней был морально не готов, ну, или проповедь с горячей душой и сердцем Ятли не удалась.

Самаранта мстительно изменила ритм. Мизель, дама высокая, выше и Моники, и Резы, казалось, вела в танце сама, вместо Лээна, и получала от этого огромное удовольствие. Девятнадцать завистливых взглядов уставились на Резу. По их мнению, пухлая шатенка имела на этот танец права столько же, сколько и мышь под столом или сама Самаранта, с кандидатурами Мизель и Мон они почему-то упрямо не спорили.

Это была самая отвратительная часть мелодии. Партнёршу следовало не только поднять, а ещё и подхватить на руки, вытянуть их, так промчаться в жутком темпе целый круг, подбросить её, поймать уже за талию, повернуться вокруг своей оси, опустить на землю, а после раскорячиться от жуткой боли в спине. Реза весила ровно центнер, но Шэйрана это отнюдь не испугало — хотя бы не было опасности, что она выцарапает ему глаза, к тому же, вопреки формам, Ятли казалась красивой.

Самое главное, Ятли была доброй — и единственной, кроме мужского коллектива, естественно, считавшей его своим другом. С Мон это были скорее отношения кошки с собакой, а Мизель вела себя так, словно тигр явился задира́ть шакала. Причём каждый в этом разговоре был уверен в том, что шакал — это собеседник, а не он сам.

...Поддержка прошла без всевозможных эксцессов. Может быть, Реза очень сильно похудела, может, после Мизель даже Самаранта была идеальной партнёршей, но последние пару кругов они прошли спокойно. Поднимать больше никого не требовалось, Ятли шепнула несколько смешных фраз на ухо, а после выразительно подмигнула.

— Двор короля Дарнаэла? — весело спросила она. — Ах, смотри, пропадёшь, Рэй! Сведут с ума синие очи его высочества!

— Я могу ещё посмотреться в зеркало, тоже сходить с ума? — язвительно поинтересовался Шэйран.

— О, смотри, не сойди с ума. Мало ли, что может только наобещать такой коварный соблазнитель, как Тьеррон! А что, синие очи не вызывают у тебя безумной дрожи, королевские-то?

— Мужские? Нет, как-то без энтузиазма. Мне по вкусу классическая дарнийская внешность.

— Племянник короля?

Шэйран выразительно кивнул в сторону Антонио и Моники. Вряд ли он имел в виду Карра — и Реза даже не стала шутить по этому поводу.

Последний круг каждый проходил уже со своей партнёршей. Мон выглядела сердитой — компания каждого из партнёров её отнюдь не порадовала, а Лээн, кажется, попросту уронил.

Когда проклятый танец окончился, внезапно оказалось, что мест осталось всего шесть, и те рядом. Отвратительные однокурсницы уже давно расселись там, где им было удобно, и не думали почитать тех, кто танцевал, а нынче смачно уплетали за обе щёки.

Увы, но на этом Самаранта их в покое не оставила. Музыка сменилась, заиграла весёлая мелодия, и пары потянулись к столу, недовольно ворча относительно того, что их никак не оставят в покое. Плясать они неотрепетированный танец не собирались, одна только Мизель задержалась, не намеренная тратить время с кем-то званием меньше, чем королевский сын или племянник.

...Дарнаэла эти мужененавистницы увидели как-то сразу и все вместе. Самаранта чуть



крылья не отрастила, чтобы броситься к нему в объятия, даже прикусив тот самый язык, что весь год трепал о любовных предпочтениях короля. Тьеррон не обрадовался и как-то поспешно повернул в противоположную сторону от настойчивой Тальмрэ, поймав по пути Тэзру под руку.

Насколько помнил Шэйран, Тэзра не только не любила, нет, она скорее ненавидела это больше всего на свете. Но Дарнаэл у неуверенно приплясывающей ведьмы разрешения не спрашивал.

Самаранта плюхнулась на своё место. Музыка от этого даже не подумала стихать, Тэзра чуть поосвоилась, Дарнаэла по сию минуту не удушила, а выпускницы старательно принялись за еду. Не кормили их с самого утра, а ведь ещё надо было обсудить распределение.

Увы, но еда вскоре закончилась — её было стандартно мало. Кто-то помчался танцевать, кто-то продолжал сидеть, наблюдая за всем этим. Моника потянула его сама. Будь это другая однокурсница, Рэй послал бы её далеко и надолго, но Лэгаррэ — исключение из правил, и он согласился.

— Я видела таблицу до изменений, — прошептала она, как только музыка загрохотала достаточно громко, чтобы никто их не услышал. — Я уверена, что была распределена в Элвенту, Рэй.

— Они передумали, может быть, — пожал плечами Шэйран. — Почему ты меня спрашиваешь? Ты ж всегда хотела в Эрроканский замок, служить Лиаре!

— Её Величеству Лиаре Первой, — автоматически поправила она парня, хотя знала, что у этого заявления ни за что не будет достаточного эффекта. Почему-то все официальные звания короля и королевы Рэй успешно забывал. — Нет, ты знаешь, что никто ничего не менял. Это ты внёс изменения.

— С чего ты взяла?

— Рэй! Ты же знаешь, что оно заговаривается на королевскую кровь и кровь заклинателей! — воскликнула она. — Кто твои родители?

Музыка вновь немного изменилась, стала чуть тише, и Шэйран лишь неопределённо фыркнул, явно не собираясь так просто открывать все карты. Нельзя сказать, что подобная халатность в поведении хотя бы немного порадовала несчастную Моника, окончательно запугавшуюся в собственных впечатлениях относительно происходящего.

— Тэзра или Самаранта? — серьёзно спросила девушка, явно не собираясь просто так прощать Шэйрану внесённые изменения.

— Прекрати! — возмутился он. — Я не пользовался кровью.

Он соврал. Капелька скользнула по камню, но Рэй не был уверен, что она попала на таблицу. Нет, ему просто повезло всё поменять, и кровь не имеет к этому совершенно никакого отношения.

— Кто твои родители?

— Королева Лиара и король Дарнаэл, — раздражительно ответил Шэйран. Моника только обиженно вывернулась из его рук, но догнать её Рэй так и не успел, потому что её место моментально заняла другая партнёрша.

Кое-как протанцевав до конца надоевший давно уже танец, Шэйран вернулся на табурет у стены. Его откровенно раздражал собственный синий камзол, светлый, в тонах Эрроканского флага. Всё, что было связано с Эррокой, его так или иначе раздражало.

Короткий взгляд на зал дал определённые результаты. Великая патриотка Мизель

Кредэуа на самый медленный танец, во время которого партнёру полагалось обнимать партнёршу очень крепко, танец прошлого поколения в Эрроке, она выбрала себе в пару именно чужеземного короля.

В Эльвенте, а особенно в Дарне, предполагалось, что танец должен быть быстрым. Вопреки возрасту, король Дарнаэл мог бы подпрыгнуть прямо до высокого потолка Центрального Зала при потребности, как казалось периодами Шэйрану, но сейчас мирно топтался рядом с проклятой Мизель. Естественно, причиной недовольства Рэя была далеко не ревность, нет, он даже не смотрел в сторону девицы — но было видно, что подобные пляски явно не радовали парня. Мизель же уцепилась в Дарнаэла так, словно собиралась ещё и корни пустить, то ли кокетничала, то ли пыталась растерзать на мелкие кусочки несчастного короля.

Самаранта разрешила алкоголь. Вина и ещё что-то, более крепкое и схожее с местным самогоном, пошло по прелестным представительницам матриархата, забывая о том, что вообще-то нельзя. Дамам ещё колдовать и рожать, а завтра ехать на место распределения, но кого это сейчас волновало?

Рэй тоже пил. Наверное, странное горькое чувство, осевшее в груди после разговора с Мон — и как она только могла полезть к нему с этим вопросом, к круглому-то сиротинушке?! — не давало покоя.

Моника тоже пила. Он поймал её краем глаза, когда девушка так отчаянно сжимала бокал, словно это было нечто крайне ценное для неё самой. Впрочем, парень давно уже перестал обращать на всё внимание — общего веселья не вышло.

Шэйрану давно уже наскучило это глупое празднество. Он поднялся со своего места и уверенным шагом направился в сторону выхода. Больше смотреть на своих сокурниц не хотелось; Кредэуа отстала наконец-то от короля, он отыскал себе кого поприятнее и явно планировал доказать Самаранте, а заодно и девушке, что его вкусы отнюдь не ограничиваются мужчинами, если вообще оных задевают.

Рэй прошёл ещё несколько метров по коридору и остановился, зажмурился даже, пытаясь успокоить собственную и без того расшатанную нервную систему. Желание кого-то удушить становилось просто невероятным, но он отчаянно его подавлял и отгонял от себя как можно дальше, стараясь игнорировать и поразительную страсть к удушению собственных врагов.

Моника смотрела в окно. Платье умудрилось где-то порваться, и теперь с одной стороны появился такой соблазнительный разрез до середины бедра, что желание обнять девушку немного превышало реальные возможности предполагаемых кавалеров. Ну, или очень превышало.

— Это очень плохая шутка, — прошипела она наконец-то. Голос Мон сбивался — Лэгаррэ была пьяна, плохо стояла на ногах и упиралась ладонями в подоконник только с целью не упасть.

Шэйран почувствовал, что алкоголь и ему ударил в голову, но пока что ещё соображал, правда, слабовато. Шутка? Хотелось заявить, что он на такие серьёзные темы никогда не шутит, но слова с языка так и не сорвались, вообще ничего не надо было ей говорить. Пусть отправляется к своей драгоценной королеве и лобызает её туфельки, раз столь предана.

Ему почему-то до жути хотелось Монике испортить. Хоть как-то, чтобы из неё ушла эта проклятая наивность и отчаянная вера в Богиню Эрри и её новое воплощение, прелестную Лиару Первую, её дочь Эрлу, мать Даллу и всех прочих. Они ж разве от непорочного зачатия,

в конце концов?!

Он рванул её к себе и поцеловал в губы, обнимая за талию. Усадить на подоконник после таскания Резы Монику было весьма просто, а на поцелуй она почему-то ответила. Ладонь скользнула по новоявленному вырезу её нежно-голубого, почти белого платья, а чёрные волосы девушки окончательно растрепались после ненавистного танца.

Всё это было так неправильно, но Лэгаррэ почти подчинилась. Уже когда чужие пальцы скользнули издевательски по шнуровке её платья, девушка одумалась.

— Во имя Богини, что ты творишь! — она оттолкнула его от себя, покраснев, пылая праведным гневом. — Никто не имеет права прикоснуться к женщине, тем более к волшебнице! И ты тем более!

— А рожать ты как будешь? — пьяно уточнил Шэйран.

— Вот тогда и поговорим. Но вы, мужчины, недостойны, да и...

Он не стал слушать проповедь, а попросту повернулся к ней спиной и направился к выходу их Академии.

Покинуть Вархву завтра, послезавтра, через неделю, когда всё соберёт и чинно отправится с конвоем короля Дарнаэла? Остальные-то Его Величеству не откажут точно, это только Моника ещё может ударить или оттолкнуть. А прочие фанатички? Да рухнут в широко распахнутые объятия, а так и сами поймают где в углу. Заодно все дружно разочаруются в правдивости директрисы, но да чёрт с нею и со всеми остальными!

Он отправится сегодня же. Сейчас. И больше ничего не сдержит его в проклятой, ненавистной Эрроке.

\*\*\*

Пожалуй, если б не громкое «от короля Дарнаэла», ему б никто лошадь и не выдал. Магия тут ничего не значила, в Вархве к ней привыкли, и паренёк давно уже равнодушно относился к отсутствию власти.

Паренёк, пустивший его к лошади, казённой и замшелой, оказался покровителем Дарнаэла. Он так благоговейно смотрел на Шэйрана, словно тот имел возможность общаться с богом и эту божественность на себя перенял.

Русый, светлоглазый, худенький юноша благоговейно прошептал, что кони для короля Дарнаэла в противоположном углу, а после предложил выбрать. Ему определённо попадёт, когда он узнает, что никто Его Величеству ещё ничего не привёл, а коней поубавилось-то.

Рэю почему-то стало его жаль. Несчастный вряд ли выберется из этого повального матриархата, рано или поздно его заставят уверовать в Эрри, покорно склонить голову и поддаться всеобщему сумасшествию.

— Ты главное верь, — слабовато усмехнулся Шэйран. — И... Я — не для короля Дарнаэла. Но мне надо как-то доехать до Эльвенты.

— Тебе повезло, — завистливо вздохнул паренёк. — Да бери, бери коня, мне не жаль. Они ничего не сделают. Сегодня дежурство женщины, просто она убежала, а я так, ключи подобрал... Они даже не узнают. На неё кричать не будут, ведь наш хозяин мужчина, а он боится, как бы его не посадили...

— Верю, — хмыкнул Шэйран. — Передавай хозяину привет и скажи ему, что Эльвента всегда рада новым гостям. И... — он на мгновение умолк. — Отправляйся сам. Если хочешь — бери коня и езжай сейчас.

Паренёк кивнул, но было видно, что он так и не решится ничего сделать. Шэйран как-то грустно вздохнул, но и спорить не стал — в этом не было совершенно никакого смысла.

Он запрыгнул в седло коня, что ему предоставили, а после дал мальчишке монету. Болезному было едва четырнадцать, а в голове столько мечтаний...

— Отправляйся в Эльвенту с королём Дарнаэлом. Скажи, что тебя послал Рэй, и что ты его друг, — наконец-то выдал из себя он. — Дарнаэл не будет спрашивать. И ты навсегда покинешь эту сумасшедшую страну.

— А в Эльвенте притесняют женщин так, как тут мужчин? — заинтересованно уточнил парнишка.

— Нет, — покачал головой Шэйран. — Король Дарнаэл считает, что главный орган человека — это всё-таки голова, а она и у мужчин, и у женщин периодами барахлит.

Он наконец-то выбрался из конюшни. Мальчишка смотрел в спину с благодарностью — а ведь у него ещё есть шанс. У них всех ещё будет шанс, когда Эльвента однажды поглотит Эрроку, а королева Лиара вынуждена будет избавиться от большей половины своих амбиций.

Вархва сияла ночными огнями. Складывалось впечатление, словно кто-то осторожно подкрался к краю города и поджёг невидимую нить. Странное сияние распространилось практически повсюду, и теперь яркое, невообразимое счастье огней не позволяло жителям уснуть.

Этот город, расположенный на острове среди реки Цэррэ, всегда был довольно странным. Шэйран, сколько себя помнил, отлично знал, что Вархва сияла практически всегда. Магия излучалась в атмосферу этими мириадами огоньков и чего-то ещё удивительного, такого, что пояснить довольно трудно.

Вархву боялись. Конечно, вся Эррока знала, что именно местная академия дарит миру магов, но всё равно страх никуда не пропал. И Шэллатский лес тоже вызывал определённые опасения — каждый раз, стоило только въехать в него.

Впрочем, у сегодняшних огней был повод. Они, стремясь в чёрное беззвёздное ночное небо, осведомляли мир о том, что Вархва вновь выпустила двадцать пять лучших ведьм. Но нет. Двадцать две лучшие ведьмы этого мира и три отброса общества среди них.

Шэйран усмехнулся. Бесконечная ненависть ко всему, что получалось у противоположного пола, была свойственна этому матриархату. Сколько б ни повторяла его бабушка, что так нельзя, всё равно ничего не изменится. Сейчас ничьё слово не имело фактической силы, кроме драгоценной королевы Лиары, будь она неладна!

Впереди Шэллатский лес приветственно зашелестел своими вековыми дубами, осинами и грабами. Тут всегда был странный подбор разнообразных деревьев, словно однажды шаловливый бог насыпал в мешок разнообразных семян, а после пробежался по свежей полянке. В его ноше пробилась дырочка, и семена рассыпались по миру, разнеслись драгоценными пташками и менее почитаемыми мышами. В любом случае, в этом лесу всегда, сколько Шэйран себя и историю помнил, плутали армии и сходили с ума естествоиспытатели.

Правда, для того, чтобы оказаться среди тенистых деревьев среди ночи, что вообще считалось весьма опасным, для начала следовало миновать надоедливую стражу, что поспешила оцетиниться копьями. Рэй посмотрел на них отчасти презрительно — стражники, конечно же, были мужчинами, местные управительницы, дамы редкостной стержовности, не взвалили бы на представительниц сильного и прекрасного одновременно пола братья за гадкую деревяшку с железякой на конце. Удел женщины — колдовать, ну, по крайней мере, так они провозглашали на каждом углу.

Рэй вполне радостно на этот вечер взвалил на себя тяжёлую ношу прелестной половины

общества. В руке взблеснул огненный шар; вне пределов академии, хотя всё ещё в Вархве, он заметно осмелел и снял как минимум первый ограничитель со своего резерва. Конечно, сейчас поспеет кто-то из градоправительниц, устроит скандал, но Шэйран знал, что к тому моменту будет довольно далеко.

Стражник недоверчиво откашлялся, а после в свете пламени поджёг от рук неожиданного всадника факел и ткнул прямо ему под нос.

— Что-то ты не похож на прелестную ведьму, — язвительно протянул мужчина, мгновенно осмелев. — Парень, лицензии, как и инстинкта самосохранения, у тебя, естественно, нет, значит, придётся отвести к Тальмрэ... Не знаю, откуда ты там, но в Эрроке колдовать мужчинам не положено.

Рэю на этом моменте положено было сто раз пожалеть о том, что он избавился заблаговременно от формы родной академии, потом броситься в ноги нещадным стражником, взмолиться о пощаде и рассказать долгую душещипательную историю о том, что он, бедный и несчастный выпускник, всего лишь рвался на работу. Собственно говоря, он уже почти нацелился повести себя именно так, как каждого парня в этой академии старательно учила Самаранта, но что-то заставило его вспомнить о том, что есть более прилежные способы.

Наглый взор стражника сменился почти напуганным, когда Шэйран старательно, искренне по-ведьмовски ощерился, всмотревшись пристальным взглядом синих глаз в стражников, спрыгнул со своей лошади и, поймав за подбородок ближайшего стража порядка — они были примерно того же роста, что и Рэй, — покрутил его головой взад-вперёд, а потом справа-налево.

— Знатная шея, знатная, — прищёлкнул языком парень. — Так-с... — он поднял одну руку мужчины, потом вторую, предварительно отобрав копьё, окинул пристальным взглядом с головы до ног, вздохнул. — Госпожа Самаранта сказала искать тело в лесу, но зачем мелочиться? Ты мужик здоровый, на три зелья хватит...

— Зелья?! — опасливо и со странным вскриком переспросил мужчина. Он, казалось, уже сто раз пожалел, что вообще остановил наглого мага, а теперь старательно косился на молчавшего до сих пор его напарника.

Напарник, только заслышав имя Тальмрэ, моментально выровнялся и смотрел на Шэйрана не иначе как с благоговением. Судя по мелькнувшей жалости, принял юного мага ещё и за её любовника, а тут уж как не пожалеть! От Самаранты, благодаря её выдающейся внешности и гадкому, надо сказать, характеру, шарахались практически все мужчины Вархвы, но она умудрялась всё равно ловить тех, кто ей нравится. Накладка вышла только один раз, и то с королём Дарнаэлом.

Говаривали, когда он посмел задержаться в местной гостинице, Тальмрэ явилась с ультиматумом — то есть, в своём ночном одеянии, но почему-то без колпака и в полупрозрачном, вероятно, протёрлось до дыр. Дарнаэл не стал благоговейно взирать на столь же злую, сколь и худую Самаранту, а старательно среди ночи вытолкнул её на светлые улицы Вархвы и заявил, что женщины преклонного возраста с вампирскими клыками его мало интересуют. Самаранта, естественно, комплиентам очень обрадовалась — именно по этой причине король Эльвенты сразу же был записан в чёрный список вельмож, что ни разу не помешало ему приехать сюда.

— Да, — грустно провозгласил Шэйран, — язык длинноват. Придётся выбрасывать продукт, да, а жаль... Или даже на два зелья хватит?

Стражник бросился в бегство. Позорное такое, бросив копьё, меч и даже лук, которым онный обязан был прицелиться и выстрелить в Рэя на поражение. Шэйран двинулся было ко второму, но тот не стал ждать, пока к нему примеряются, и убежал.

— Вот глупые люди. А я ж только размерчик прикинул... — покачал головой он, взлетая в седло, и пришпорил лошадь, понимая, что маленькая шутка будет понята минут через десять, и тогда же стража, передрожав, бросится ловить надоедливого путника, что так их наколол. И при личной встрече они не будут спрашивать, чей он сын и чей выпускник.

Шэллатский лес отнюдь не радовал своей темнотой. Минут пять Рэй мчался вперёд во весь опор, но теперь немного притормозил, потому что стража вряд ли так далеко умчится в опасный лес. Сначала, пока впереди была часто используемая дорога, он ещё переживал, но поскольку быстрее всего к границе Эльвенты можно было добраться именно тайными тропами, и поэтому пришлось свернуть, теперь вообще мало кто мог бы его догнать. Так или иначе, все дурацкие предубеждения вылетели из головы просто-таки мигом, и парень спокойно потрусил на отборном коне куда-то в сторону родной, но всё же такой далёкой для него страны.

Тут было прохладно. Зная, что духи леса не возрадуются огоньку в его руках, Шэйран не использовал магию — к тому же, он всё ещё пребывал в милом заблуждении относительно состояния собственного резерва. Парню упрямо казалось, что там после пламенного шара почти ничего нет, только заглянув туда, где плескалась мысленная магия, он почти что осознал, что волшебства в нём более чем достаточно.

Скоро должен был наступить рассвет, но Шэйран, вопреки тому, что имел теперь на пребывание в Эльвенте полное право, всё равно не собирался останавливаться для того, чтобы отдохнуть. Нет, достаточно, потом уже наотдыхается, когда окажется на месте. А пока что ничего с ним не случится от лишней парочки часов в седле и от того, что он поедет чуть быстрее, чем следует.

Ещё ведь надо пересечь границу, и чем быстрее он это сделает, тем лучше. Если король Дарнаэл попытается вновь потрудиться над изменениями распределительной таблицы, то его могут завернуть.

Конечно же, там, на месте, уже никто не открестится от надоедливого мага, а до того придётся постараться и потерпеть уже его наглое присутствие, да и вообще, само только существование, как бы ни хотелось послать юношу куда подальше самому королю.

Он вздохнул. Настроение было просто-таки отвратительным. Алкоголь окончательно выветрился, радость от того, что покинул Вархву, улетела ещё быстрее, стоило только перейти с галопа на обыкновенную трусцу. Конь тоже откровенно заскучал, а Рэй засыпал на ходу.

Задав с помощью магии своему скакуну направление, Шэйран попытался было вздремнуть прямо в седле, но резкая остановка заставила его буквально подпрыгнуть на месте — чревато последствиями в виде сломанной шеи подобное поведение, конечно, но в дороге другого выбора в основном нет, либо ты спишь, либо тебя... Спят, скажем так.

Он поднял голову. Прямо на тонкой тропинке стоял незнакомец. Он протянул руку и крепко ухватился за поводья, чтобы лошадь не посмела без его ведома куда-то умчаться и унести всадника.

Вспомнились глупые истории о синеглазых и темноволосых, которых миленько так привозили их лошади уже трупам в седле. Шэйран выпрямился — ему было не особо-то и страшно, если страшно вообще, а парень не вызывал соответствующего страха.

Среднего роста, насколько с лошади мог прикинуть Рэй, довольно стройный, хотя видно, что позволь ему чуть больше отдыхать, плечи моментально станут шире, да и вообще, усталость сойдёт с вечно искривлённого лица, со светлыми, пшеничного цвета волосами, мужчина напоминал кого-то, но маг так и не смог вспомнить, кого именно.

Единственное, что могло поразить в этом мужчине, так это его глаза и шрам, пересекающий щёку и забравшийся дальше, поглубже к шее. Казалось, от этого всё искривилось; чернота, что пылала в глазах, действительно вызывала что-то сродни страху, да и вообще, ничего положительного в этом гадком взгляде даже близко не было. Шэйран буквально чувствовал маслянистую тьму, что растекалась так же и по глубокому шраму, что его не могла исцелить ни одна магия.

Незнакомец попытался выдавить из себя подобие улыбки, словно успокаивая остановленного Рэя, но парень к нему ни капли симпатии не испытывал, почему-то подавляя отчаянное желание воспользоваться волшебством. Резерв, во-первых, не железный, а во-вторых, засекут же!

— Ты — маг, который должен отправиться в Элвенту для служения королю Дарнаэлу Второму?:

Фраза прозвучала так заученно, что Шэйран только и мог, что кивнуть. Раздражение в нём вспыхнуло с новой силой, но он, как бы ни старался, не сумел до конца его подавить. Парень спешил, и на долгие разговоры с незнакомцами времени у него отнюдь не было.

Он попытался выровняться в седле, потому что коняшка весьма нагло топталась на месте, заставив парня сползти куда-то на правый бок, а после пристально посмотрел на незнакомца.

— Не понимаю, почему это послужило причиной так нагло меня останавливать, — протянул он, стараясь игнорировать собственное просто-таки отвратительное, даже не банально плохое предчувствие.

Увы, но на такой прямой вопрос никто не дал ему прямой ответ. Светловолосый только нахмурился и шумно вдохнул воздух, будто бы пытаясь ограничить себя хоть как-то в приступе ненависти. Его глаза ещё больше потемнели, вот-вот, и вовсе чёрные маслянистые слёзы потекут по щёкам. Может быть, оно так только показалось, но Рэй не собирался становиться естествоиспытателем.

— Меня зовут Рри, — представился таинственный незнакомец, а после протянул свободную руку для рукопожатия, но Шэйран даже не подумал отвечать на этот вроде бы как дружеский жест. Рри проследил за руками мага, а после неправдоподобно улыбнулся, настолько широко, что блеснули зубы.

Почему-то он напоминал волка. Такого себе разодранного, но всё ещё слишком сильного для того, чтобы банально сдаться, сложить лапы и уложить на них свою мохнатую уставшую голову. Волков Шэйран терпеть не мог — они причиняли много вреда одиноким путешественникам, а Рри тоже был явно не против им отобедать.

— Ты убьёшь короля Дарнаэла.

В голосе незнакомца почувствовался какой-то гипнотический оттенок, тонкая нотка принуждения, но Шэйран как можно равнодушнее пожал плечами, будто бы пытаясь доказать, что на самом деле отнюдь не стоит так перед ним распинаться и устраивать вот такие концерты на заказ.

— Зачем? — наконец-то язвительно уточнил он. — Работодатель меня вполне устраивает, зарплата, поговаривают, хорошая.

— Ради справедливости, — Рри смотрел на него уже не по-волчьи, а словно на маленького ребёнка.

— Итак, ты работаешь на королеву Лиару?

Мужчина отрицательно покачал головой. Можно было бы догадаться — тот, кто старался бы ради Её Величества, так просто к мужчине-магу не полез бы. Да и вообще, представительницы прекрасного пола, по мнению Лиары, справились бы с поставленной задачей куда лучше, чем самый сильный и благородный мужчина, хотя таковых, по её же мнению, не существовало и вовсе.

Парень недовольно вздохнул и вновь покосился на Рри. Тот до сих пор не убрал руку, а от своего весьма странного и опасного предложения даже не собирался отказываться. Это звучало смешно, но Шэйран чувствовал подвох, и это ему отнюдь не понравилось. Чёрт, надо было просто представиться перед той стражей и спокойно покинуть пределы Вархвы, а не заниматься сотворением столь опасных огненных шаров, после которых в собственном резерве днём с пульсаром силы не сыщешь.

— Хорошо. Что мне за это будет? — деловито поинтересовался Шэйран, покосившись на кустики.

— Я тебя не убью.

— Хорошая сделка, — присвистнул парень. — Жизнь за жизнь? А что гарантирует, что я не откажусь от своей прелестной миссии там и не перескажу всё королю, учитывая твой детальный портрет?

— Ты дашь мне магическую клятву, что в течение двух месяцев убьёшь его, иначе обязательно умрёшь сам. Мучительно.

— Короля тоже убивать мучительно?

— Не обязательно, главное, чтобы сдох.

Шэйран вновь окинул пристальным взглядом своего милого собеседника, а после вздохнул. Этот Рри — хотя кто его знает, какое у сумасшедшего настоящее имя, — совершенно не заботился о том, чтобы о нём вообще-то никто ничего не мог узнать, да и вообще, Рэю явно не понравился тот самый оттенок безумия во взгляде, на который он обратил внимание ещё в самом-самом начале.

— И всё же, — протянул он неуверенно, — я очень сомневаюсь в том, что мне следует на это соглашаться. Сомнительные условия, сомнительная история, да и я, может быть, тайный фанат правления Дарнаэла Второго и всей династии Тьеррон. Ну, какой тебе толк, что он помрёт? Подкупил наследника престола.

Рри осклабился.

— Я буду наследником престола, — сообщил он. — По правду, данному мне кровью, по праву, что у меня столько лет назад отобрали!

Шэйрану очень хотелось высказать сомнения по этому поводу. Во-первых, у Дарнаэла Тьеррона был племянник. Племянник признанный, правда, не пылающий отчаянным желанием восседать на троне. Во-вторых, пусть и скрываемый, но у Дарнаэла Тьеррона был сын, который вот так отпихивать от себя корону всеми руками и ногами ради какого-то дурака Рри не собирался.

Ну, и в-третьих, этим сыном был сам Шэйран.

Условия ему, соответственно, ну никак не подходили.

...Когда отец заявил на Рэево четырнадцатилетие, чтобы тот даже не думал колдовать и уподобляться собственной матери в её ведьмином деле, а лучше бы уехал с ним в Эльвенту



от греха подальше, что сделал Шэйран? Правильно, сбежал в Вархву, представился сиротой и проучился там все положенные восемь лет. Когда Дарнаэл строго-настрого запретил ему отправляться в Эльвенту по распределению, потому что это, чёрт возьми, опасно, парень скрылся, не заключив до конца магическую клятву, не показываясь папе на глаза чёрт знает сколько времени, подделал распределительную таблицу и поехал в сторону родной страны, чтобы встать на защиту Первого Советника Короля, Вирра. И что делать, когда отец повторил не один и не два раза, чтобы Рэй даже не вздумал защищать его от врагов страны, врагов личных и претендентов на трон, тем более с помощью собственной магии? О, он поступил невероятно предсказуемо.

Швырнул в Рри первым заклинанием, которое только пришло в голову.

Светловолосый такой прыти от будущего придворного мага отнюдь не ожидал, хотя вроде как не питал иллюзий относительно того, что мужчинам колдовать не положено. По крайней мере, заблокировать магический всплеск он не успел и отлетел прямо к живописным кустикам, увенчав их собственным тельцем.

Увы, формулу Шэйран вспомнил сильную, но против наглого убийцы не особо действенную. По крайней мере, Рри весьма поспешно слетел с вышеупомянутых кустиков обратно, сложил руки в заманчивой знакомой пирамидке и противным голосом, аки Самаранта в кабинете директора, запел какое-то заклинание.

Шэйран должен был вспомнить теперь контрзаклинание, запеть его в унисон и остановить противника своими же стараниями. Но это было мучительно и долго, а самое главное, чревато последствиями. Потому, поступая так, как поступил бы банальный стражник, а не уважаемый дипломированный маг, он, недолго думая, посильнее врезал проклятому Рри в челюсть сразу же, как только смог оказаться рядом и спешиться.

Твёрдая земля Шэллатского леса не внушала доверия, конечно, и противник едва-едва отшатнулся, но бормотать перестал. Наглость соперника его откровенно смутила, и он только через секунду попытался отловить проклятого мага за воротник, чтобы придушить его голыми руками и без отлагательств.

Пора паниковать.

Но Рэй решил, что паниковать он будет всё-таки чуть позже, когда отъедет подальше, и не преминул оказаться поближе к дереву. Рри потребовалось всё-таки встать на какую-то опору, чтобы схватить парня за воротник и иметь возможность его поднимать, и это мгновение Шэйран использовал для того, чтобы поступить ну отнюдь неправильно для серьёзного волшебника, а именно врезал ногой прямо в колено противнику.

Тот окончательно растерялся. Наглость противника вызвала у него лютую агрессию, и Рри в стремлении перегрызть Рэю горло, попытался сбить его с ног, параллельно плюясь молниями с пальцев и нецензурной лексикой изо рта.

Чёрт.

Пора б воспользоваться собственным даром, но сделать это, когда тебя так нагло прижимают к земле, пытаясь перегрызть горло, неудобно. Откуда в проклятом Рри взялось столько силы, Шэйран спросить не успел. Единственное, что он смог сделать, это столкнуть его на секунду с себя куда-то на землю, а там уже лоза взялась за дело, нагло опустошая резерв Рэя.

Тот не стал ждать, пока до Рри дойдёт, почему наглая лоза с плющом нагло приковывают его к земле, не стал и добивать, хотя это казалось весьма логичным действием. Впервые проснувшиеся за последние пару часов здравый смысл подсказал, что убить

проклятого соперника не получится ни голыми руками, ни ритуальным кинжалчиком, ни даже двуручником, что свалится ему прямо на отнюдь не лебяжью шейку. По сей причине Шэйран впрыгнул в седло и пришпорил коня, справедливо полагая, что, каким бы быстрым ни оказался его соперник, во-первых, сначала надо избавиться от плюща, во-вторых, коня опередить трудно, а в-третьих, он не догадывается, что умудрился попасть не на просто несговорчивого придворного мага-недоучку, а на сына самого короля. Собственно говоря, Шэйран так отрицал этот факт, что сам уже периодами задавался вопросом относительно того, насколько реальным было его родство с Дарнаэлом Вторым.

\*\*\*

Дорога впереди стелилась гладко, позади содержала в себе кочку с именем Рри, и Шэйран уже почти было успокоился, но впереди возникла граница. Сама по себе она мало что значила, но вот стража, что стояла, выпятив копья и магические шары, его бы отнюдь не порадовала.

Молодая ведьма, дежурившая на контрольно-пропускном пункте, недовольно подняла голову, собираясь пропустить коллегу-волшебницу. При виде мужчины её вполне справедливо перекосило, и она покосилась по ту сторону магической преграды, словно пытаясь вспомнить, какие очередные идиоты стерегут кордон Эльвенты.

— Причина? — нехотя уточнила она, уже почти уверенная в том, что парень сейчас же повернёт обратно и больше даже подойти не попытается.

— Распределительная таблица, — сухо ответил Шэйран. — Направлен придворным магом в королевский дворец Эльвенты. Вопросы есть?

— Есть!

Ведьма весьма нагло заступила ему дорогу. Загнанный конь недовольно заржал и, кажется, был готов приземлить своего всадника на голову противной, склочной дамочке.

— Не пропущу, — строго промолвила она. — Велено было мужчин через границу — ни одного не выпускать, предварительные данные распределительной таблицы я получила, там была какая-то выпускница Вархвы.

— Не выпускница, а выпускник! — строго поправил её Шэйран, но ведьма была непреклонна. Продемонстрированный приказ показался ей крайне неубедительным, и она упёрла руки в бока, уже явно собираясь послать надоедливую путника куда подальше. Прямо на Рри или, что хуже, злого, как тысяча чертей, отца. — Ну и не надо, сам пройду, — он горделиво выпрямился, спрыгнул наконец-то с уставшего коня, и бедная лошадка ткнулась ведьме носом в плечо, прося о помощи и защите от надоедливой, наглой, отключившего мозг как нечто полезное, парня.

— Куда! — возопила недовольная ведьма. — Ты в курсе, что граница замкнута на королевской крови? Куда?! — она отловила его за запястье и, как непослушного ребёнка, вернула на место. Женщине было лет под сорок, она вполне годилась ему в матери и смотрела примерно таким же взглядом. — Ну, вот дурак. У меня сын — твоего возраста, но он — послушный парень, а не гоняет через королевскую границу без должного на то разрешения. Сгореть хочешь?

— Меня пропустит, — упрямо покачал головой Шэйран. — Или отпускайте и проводите сами, коль так беспокоитесь.

— Приказа не...

Шэйран не дослушал. Конечно, не было, разве мама отправит в Эльвенту кого-то, кроме бесконечных надоедливых ведьм, которые будут на неё шпионить. Но Рэй явно не переживал

по тому поводу, что граница на королевской крови. Он потянул коня за собой и прижал ладонь к тонкой, полыхающей стене.

Ведьма ждала взрыва, но юноша сделал шаг вперёд и прошёл сквозь стену, словно её и не было. Пограничница только устало оглянулась в поисках то ли хладного трупа, то ли горки пепла, ни того, ни другого не заметила и покачала головой, явно пытаясь выбросить из воспоминаний надменного и вреднючего мальчишку.

Тем не менее, если Шэйран рассчитывал на то, что по ту сторону его никто ждать не будет, то очень ошибался. Меч, зажатый в вытянутой руке девушки, коснулся его горла, и он остановился, почти прижавшись спиной к отвратительной магической черте. Та его приняла за отца в первый раз, но во второй такую оплошность не повторит точно — и уведомит о незаконном вторжении всех, кого не стоило бы вообще оповещать о его приезде.

Девушка мгновение смотрела на него, и в её ясных синих глазах отразилось что-то вроде отчаянного удивления. Несколько секунд она искренне пыталась проткнуть горло незаконно вторгнувшегося на территорию державы юноши, а после отшвырнула тяжёлую железяку в сторону и бросилась ему на шею.

— Анри?

Голос Шэйрана прозвучал как-то глупо, и он был уверен в том, что всё же ошибся, но, судя по радостной попытке кивнуть, это была всё-таки Сандриэтта. Он не видел ещё со времён своего четырнадцатилетия, когда в последний раз бывал в Эльвенте, в отцовской резиденции в Дарне. Она тогда казалась хрупким двенадцатилетним ребёнком, такой худенькой, слишком даже, с большущими голубыми глазами, похожей на гадкого утёнка. Сандриэтта никогда не казалась красивой в детстве; слишком тонкие косточки, словно у той птички, обычно бесформенная одежда и отсутствие внимания со стороны драгоценной матушки.

Тогда мечты Сандры о том, чтобы стать стражницей, казались настоящим абсурдом. Сейчас, когда она стояла перед ним уже в двадцать лет, такая же худенькая, но по-девичьи красивая, в этой тонкой кольчуге с флагом Эльвенты и красными полосами на ножнах меча, означающими страну, которой она служила верой и правдой, девушка была самым настоящим парадоксом. Уж кому-кому, а Сандре теперь явно место не в армии.

От неё так и веяло той женской слабостью, что обычно вызывает у каждого адекватного мужчины обнять, прижать к себе и больше никогда, ни на одну секундочку не отпускать. Конечно, если б Шэйран относился к тому самому подвиду адекватных, то было бы намного легче.

Конечно, Анри казалась ему красивой, но в памяти всё равно застыла тем самым гадким утёнком, который, кажется, всё равно не может завоевать хотя бы каплю его внимания, как бы ей ни хотелось.

Он немного недовольно вздохнул, будто бы пытаясь заставить себя относиться к девушке иначе, и обнял в ответ крепче, чтобы показать, что всё же холодное равнодушие первых секунд было вызвано исключительно неожиданностью.

— Ну, слушай, — он чуть отстранился от неё и окинул весёлым взглядом, — ты с годами стала просто красавицей, Сандра! Вероятно, уже от женихов отбою нет.

Она потупилась, словно таила в сердце большую любовь к кому-то крайне недоступному, а после выдавила из себя кроткую улыбку, которая должна была бы что-то пояснить. Шэйран не стал выпрашивать — ну, не хочет девушка делиться своими проблемами, так зачем заставлять её это делать?

— А сам-то? — Сандра наконец-то перестала его обнимать и отошла на несколько метров, будто бы пытаясь оценить. — Как две капли воды похож на Короля. Наверное, каждая девушка мечтает стать твоей супругой.

— Анри, ты забыла, из какой я страны? В Эрроке могут мечтать разве что о том, чтобы меня убить, — отмахнулся он. — Чтобы не порочил собственным существованием доброе имя королевы.

Кажется, она не поверила, но спорить не стала — мало ли. Сандра никогда не покидала Элвьенту, хотя внешне потянула бы больше на эрроканку, да и вообще, пагубными веяниями матриархата её никто не заразил. Она мечтала лишь защищать своего короля, быть рядом с ним и никогда-никогда не оставить Его Величество в беде. Кажется, спроси кто у Сандриэтты о том, как именно она хотела бы умереть, девушка с готовностью отозвалась бы, что хотела бы встать на пути стрелы, что мчится в сердце короля. Естественно, сам Дарнаэл обычно противился, нельзя сказать, что подобный вариант спасения вообще входил в его планы, но мало ли.

Баррэ отбросила в сторону светлую прядь — длинные волосы упрямо лезли в глаза, и пусть она заплела их в косу, это всё равно не особо помогло. Складывалось такое впечатление, что она отчаянно пыталась победить хаос на собственной голове, но никак не могла этого сделать.

Конечно же, быть похожей на Сандру мечтали почти все. Стройная — да настолько, что позавидовать ей могла бы, наверное, даже Мизель, в отличие от Баррэ в принципе не одарённая теми женскими выпуклостями, в которых худеть могла только самая сумасшедшая девушка, лёгкая, как пушинка, с нежной улыбкой на губах, казалось, не способной исчезнуть с прекрасного личика, с длинными тонкими пальцами прирождённого музыканта, никак не воина, которым она хотела бы стать, пушистые ресницы, длинные мягкие волосы, пухлые губы, большие глаза. Мечта — не девушка, но именно эта мечта и желала больше всего на свете стать защитницей.

В стражники в Элвьенте брали в основном мужчин, и король Дарнаэл не особо-то и стремился портить эту милую традицию. Скорее всего, Сандриэтта смогла попасть в Пограничники только по той причине, что её мать когда-то очень хорошо знала самого Дара. Может быть, ему даже пришлось отправлять лично подписанную грамоту о том, чтобы её взяли в отряд.

Так или иначе, девушка была невероятно горда собственной должностью и не собиралась от неё отказываться ни за какие коврижки.

— Представляешь, мне сказали, — продолжила она восторженным взглядом, продолжая смотреть на Шэйрана так, словно только что узрела кого-то крайне похожего на бога, — что если я ещё раз успешно проведу какую-то операцию, то меня переведут во дворец! Осталось только поймать нелегального перебежчика, провести его к Вирру или Кэору, ну, или к самому королю, и всё, я официальная королевская стражница!

Шэйран хитро прищурился, внимательно посмотрел на неё, словно оценивая все риски, перебрал в голове с десятков местных законов и сошёлся на мысли о том, что от помощи ещё никому плохо не становилось.

— Анри, может быть, ты не в курсе, но я нелегальный перебежчик.

— Ты ж наследный принц! — воскликнула она, и лицо покрылось до жути милым румянцем. Девушка даже бросилась перебирать свою косу, за пять минут превратив её в нечто такое, что даже причёской трудно было назвать. — Как можно назвать тебя

нелегальным перебежчиком?

— Ну, а кто знает о том, что я наследный принц? — фыркнул Шэйран. — В конце концов, папа до сих пор меня не признал...

— Вы ж похожи как две капли воды!

— А ещё я вредный чаровник со стороны Эрроки, что решил покуситься на жизнь Дарнаэла. Ты в стражницы хочешь или нет?

Сандра ещё минут пять боролась с отчаянными приступами собственной совести, а после вымученно кивнула, подписываясь под этой сомнительной затеей. Шэйран не заставил себя долго ждать и моментально протянул ей руки.

Девушка набросила для них — скорее для виду, — кандалы, что были тонкой цепочкой приторочены к её поясу, и повела пленника за собой.

...Начальство откровенно удивилось. Складывалось такое впечатление, что они не верили не только в способности девушки, а и вовсе в то, что она однажды в собственной жизни будет способна кого-то отловить.

— Вот! — гордо заявила она. — Это незаконный перебежчик. Теперь я могу отправляться в королевскую стражу?

Усатый огромный мужчина кривовато усмехнулся и прищурился, внимательно глядя на парня. Складывалось такое впечатление, словно он его почти вспомнил, но всё же не до конца.

— Этот незаконный перебежчик, — протянул он, — мне так напоминает короля, когда Тьеррону было только лет двадцать...

— Это отменяет мою незаконность? — хитро поинтересовался Шэйран. — Вы смотрите, вот король узнает о том, что какие-то там его двойники так нагло пересекают границу, и вам же хуже будет...

Мужчина нахмурился.

— И вот когда я однажды его в казне за ворот поймал, говорил он примерно таким же тоном, — мрачно промолвил он. — Сандриэтта, ты кого поймала?!

— Незаконного перебежчика! — дружно провозгласил Рэй. — И если вы не поставите галочку в её грамоте и не отправите в королевский дворец нас вместе, меня на повешенье, а её на повышение, то я вас заколдую.

В подтверждение своих слов Шэйран уже в десятый раз за последние тридцать минут нарушил закон и продемонстрировал маленький шарик огня в своих руках.

Вообще-то, по его подсчётам резерва хватило бы максимум на что-то немного большее в диаметре, но пограничнику знать об этом не следовало. Он только неуверенно покачал головой, будто бы пытаясь оценить, насколько далеко зашла наглость современной молодёжи, а после мрачновато хмыкнул — явно не остался доволен собственными результатами исследований.

— Давай грамоту, — наконец-то холодно промолвил он. — А то кто тебя знает, Баррэ... Сандриэтта радостно улыбнулась. Первый шаг к её счастью был уже совершён.

— Но смотри, ты уверена, что мага на цепочке через полстраны проведёшь?

— Проведёт, — фыркнул Рэй. — Я не особо-то и планирую сопротивляться, между прочим. Мне, собственно говоря, к королю надо бы, — он потянулся за грамотой, на которой стражник уже успел поставить нужную печать. — В конце концов, папу давно не видел, поговорить бы. Да и по распределению... Мне ж этого вашего советника вроде как положено защищать.

Стражник побледнел, только-только осознав, что его так надули, а после подозрительно покосился на Анри.

— Девочка, — протянул он с каким-то странным оттенком в голосе, — скажи-ка мне, а кто его отец?

— Как кто? — притворно удивилась Сандриэтта. — Дарнаэл Второй!

...Молоденький слуга в углу комнатухи самым прекрасным образом поперхнулся собственным бубликом и мысленно попрощался с головой своего драгоценного начальника, ну, или хотя бы с его постом.

Вот не повезло же!

===== Глава четвёртая =====

Эрроканский дворец изнутри буквально лучился множеством магических камней. В тронном зале белый мрамор пола сиял каким-то странным молочным оттенком, по прожилкам мчали силовые импульсы, сбегаясь к единому своему источнику — трону. Королева Лиара сидела на нём прямо, но очень естественно, положив руки на подлокотники.

На её голове красовалась великолепная корона. Она сияла даже издали, и переплетение изумрудов и сапфиров с мелкой россыпью алмазов не могло не вызвать восторг. Королевское синее платье так прекрасно гармонировало и с короной, и с бледной кожей Лиары, так хорошо сидело на её стройной фигуре, что ни один мужчина смог бы отвести взгляд от благословенной королевы, если б только кто ему позволил даже покоситься на неё, украсть одну секунду её времени.

Длинные рыжие волосы сегодня спадали по плечам простыми волнами. Она словно подчёркивала бледность и тонкие черты своего лица этой видимой небрежностью, выделяла что-то особенное, но понять, что именно, было нереально, ведь королева казалась красавицей в любом состоянии.

На алых губах застыла вечная улыбка, благоволящая её подданным. Пальцы иногда постукивали по покрытым позолотой подлокотникам, пуская мелкие магические искорки по всему залу. Лебяжья шея не могла не привлечь взгляд, даже если б на ней и не было этого тонкого, но такого красивого колье.

Большие золотисто-карие глаза сияли изнутри такой добротой и благоговением, словно предлагали в них окунуться, и пушистые ресницы...

Эрла упрямо мотнула головой. Её мать своими чарами могла покорить кого угодно, и девушка не сомневалась, что отчаянная красота Лиары Первой ещё и усилена её волшебством. Конечно же, девушка знала, насколько прекрасна её матушка, но отдавала себе отчёт в том, что никогда не стала бы это восславлять, если б не волшебство. Её мысли просто не повернули бы в ту сторону, ведь они виделись ежедневно.

Лиара Первая не могла позволить, чтобы хоть кто-то был красивее, чем она сама. Да, даже дочь, моложе её на двадцать с чем-то лет, должна теряться на фоне матери, хотя великая Эрри, как её иногда называли в честь Богини, очень любила свою доченьку.

Лиа, как её называл Дарнаэл, вообще не могла избавиться от глупой привычки красоваться перед всеми, кого она только увидит, и от дурного нрава тоже никто её по жизни не избавит, это было попросту невероятным.

Бонье, что сидел чуть дальше, не мог оторвать от королевы взгляда. Они все заняли свои места в тронном зале на расставленных полукругом стульях, а теперь пристально смотрели на королеву и выслушивали каждого из её просителей.

Просительниц, точнее.

Мужчины в королевский дворец в основном не допускались, какими б родовитыми они ни были. Это казалось противным, вот только Эрла не могла вмешаться в дела своей матери.

Она вспомнила указ двухмесячной давности, в котором Лиара Первая провозгласила, что мужчина не имеет права носить дворянский титул и передавать его по наследству, право это оставалось исключительно женщине. В отличие от старого «жена графа — графиня», теперь всё обратилось в «муж графини — граф», равно как и дети не мужчины, а женщины перенимали титул — только от матери, независимо от пола, а мужчина не мог передать собственное звание никому, кроме разве что самого себя, да и то — сомнительно.

Самым противным было то, что мать умудрилась прописать закон так, что все те, у кого не было на этот момент жены или матери, или хотя бы дочери, теряли свой статус. Так она уничтожила своих самых главных соперников — все прекрасно знали о том, что герцоги Марсаны не имели женщины в своём старом, забытом королевстве. Эррока завоевала Ламаду чёрт знает сколько лет тому назад, но с той поры герцогиня и герцог умерли, а после них остался лишь сын. Сейчас ему должно было исполниться лет двадцать пять, и, не имея ни матери, ни жены, ни дочери, он автоматически терял свой титул и земли. Лиара убила своего врага вот так, а теперь ещё и обозвала его — вполне закономерно, пожалуй, — врагом и всего народа, а после провозгласила охоту на несчастного юношу.

Эрла ни разу его не видела, разве что на портретах, но уже автоматически жалела, потому что слишком много людей пострадало от руки её благословенной матушки.

...Сейчас же на совете единственным присутствующим мужчиной, за исключением дедушки Вьена, дяди королевы, был только надоедливый Бонье.

Мигнул пульсар, и Тэзра, Высшая Ведьма, покосилась на королеву. Та едва заметно кивнула, и волшебница с коротким жестом согласия растворилась в воздухе, даже не подумав позёрствовать перед королевой и пользоваться слишком ярким волшебством. Лиара этого терпеть не могла.

Между Эрлой и Бонье освободился стул. Посол Торрессы завертелся на своём месте, а после, рискнув, придвинулся-таки поближе, явно порываясь наконец-то поближе познакомиться с той, что могла оказаться для него таким выгодным браком.

Бедный мальчик и не догадывался даже, что на самом-то деле Эрла никогда не выйдет замуж. Не то чтобы ей не хотелось; нет, на самом деле принцесса мечтала о том, что однажды встретит свою любовь. Но ведь в государстве не положено! И мать её была замужем лишь один день, чтобы получить трон, а у неё трон будет и так, значит, можно не стараться и не портить свои нервы свадьбой.

Конечно, был ещё папа. Дарнаэл Второй, мечта каждой нормальной женщины, хотя в Эрроке нормальные и не водились, вряд ли позволит своей дочери просто так прожить всю жизнь без семьи, но когда ещё он успеет обратить на неё внимание? По некому уговору папа уделял больше времени Рэю, мама — Эрле, и Шэйран, хотя и злился, от подобного распределения только выигрывал.

Бонье попытался взять её за руку. Эрла только равнодушно одёрнула ладонь, не позволив даже прикоснуться к ней. В конце концов, это было отвратительно — позволить кому-либо, особенно такому мужчине даже пробежаться по кончикам её пальцев, по её коже. Она недовольно нахмурилась и перевела взгляд на матушку, стараясь игнорировать отчаянное раздражение, что колотилось в её душе.

Мать нахмурилась. Мужчина на соседнем стуле с её дочерью совершенно не порадовал

Лиару, и она сжала легонько подлокотник. Соскользнуло пару искорок, но Бонье проигнорировал даже само её присутствие.

— Ваша матушка считает, — прошептал он, склонившись к её уху, — что я — идеальная партия для вас, Эрла...

— Зато я не уверена в этом, — сухо отозвалась девушка, даже не повернув голову. Она-то знала, что посол Торрессы отчаянно лжёт, поэтому старалась игнорировать раздражение, что теперь закрутилось в ней, словно маленький ураган. Эрла попыталась сосредоточиться на том, что говорила матушка, вот только всё равно ничего не получалось. Она попыталась продемонстрировать, что совершенно равнодушна, но очередное наглое прикосновение вывело её из себя.

— В конце концов, кто ещё может стать вашим мужем? — страстно шептал он. — Неужели вы думаете, что у Дарнаэла Второго есть сын? Или что он сам возьмёт вас в жёны?

Папа? Нет, папа её в жёны точно не возьмёт, и Шэйран тоже, но Эрла к этому отнюдь не стремилась. Ей очень хотелось отыскать кого-то хорошего, вот только есть ли шансы, когда столь высока планка?

Она покосилась на Бонье. Серые глаза парня вызывали только исключительное раздражение, и девушка выпрямилась, словно мгновение назад проглотила неизвестную палицу, даже не улыбнулась надоедливому послу. Торресса в последнее время была не на лучшем счету у Эрроки. К тому же, Эльвента порывалась завоевать сидевший поперёк горла архипелаг, и Лиара не собиралась становиться на пути у Дарнаэла Второго.

По крайней мере, в этом вопросе.

Эрла закусила губу, и Бонье с какой-то радости решил, что это должно быть сигналом к действию для него. Он положил ладонь ей на колени, и девушка со слишком большим раздражением столкнула её, стараясь и самого парня от себя оттолкнуть подальше. В конце концов, какое он вообще имеет право вести себя подобным образом с наследной принцессой?

Лиара коротким жестом оборвала просительницу. Она поднялась со своего трона и подошла поближе к ведьме, что только что высказывала свою проблему. Та договорила уже совсем тихо, и королева явно дала своё согласие.

То, что королева поднялась, уже было требованием встать и уйти. Эрла помнила, что мать желала поговорить с нею после собрания, потому остановилась и ждала мгновения, когда остальные покинут зал.

Тем не менее, Бонье не понял, что и ему самому следовало поскорее покинуть это место. Он даже не поднял голову, не оглянулся с подобием растерянности, а только самодовольно улыбнулся и вновь порывался обнять девушку.

— Оставьте мою дочь, — ледяным тоном промолвила над его головой Лиара. — Я надеюсь, вы сейчас же уйдёте отсюда, пока мне не пришлось использовать более радикальные меры. Разве нет?

Эрла усмехнулась. Хотелось вскочить на ноги и прогнать Бонье самой, но это дело королевы.

— Разве я...

— Да, вы сделали и сказали многое выходящее из границ разумного, — не дала ему договорить женщина. — Уходите отсюда. Немедленно.

Бонье попытался возражать, но магия королевы вынудила его подняться на ноги и направиться к двери тем самым странным шагом, свойственным людям, что не управляют



своими движениями. Сопротивляться Лиаре было уже нереально, и теперь оставалось только довести его до двери и бросить парня там.

Бонье позволил только один страждущий взгляд. В конце концов, он лишь простая игрушка в руках Лиары Первой, и не стоит надеяться на что-то. Даже Дарнаэл не столь уверен в своих силах, а его с Королевой связывает не только гора договоров, а ещё и умение владеть магией и двое общих детей.

Двое общих детей, что ненавидят свою мать и с радостью умчались бы с папой просто на край света.

Эрла предчувствовала, что всё это не закончится добром, но предпочитала не влезать и не портить свои же нервы. Бонье мог сколько угодно дразнить её мать, но всё равно никогда не сможет, да и не посмеет, её обидеть или, может быть, как-нибудь ранить, навредить, попросту остановить. Королева Лиара достаточно могущественна, чтобы разобраться с этой нежелательной проблемой, если она вдруг станет чуть значительнее, чем прямо сейчас.

Сама девушка не особо обольщалась по тому поводу, что её мать прогнала совет исключительно ради того, чтобы поставить Бонье на место. Она могла с лёгкостью сделать это и так, без лишней траты времени, телепортировать его или подчинить одним взглядом. У Эрлы не получалось, вопреки всем стараниям Лиары, увы, её дочь так и не смогла впитать всё умение управлять магией.

Женщина недовольно нахмурилась, наблюдая за тем, как её дочь тоже поднялась со своего места.

Эрла была чуть-чуть выше своей матери — и теперь, в практически одинаковой обуви, они тоже не были равны по росту. Почему-то Лиару это всегда смущало, и она предпочитала, чтобы её дочь попросту сидела, а не стояла напротив неё. К тому же, Эрла не соглашалась благоговейно склонять голову перед даром Королевы, и та пылала негодованием от одного проявления подобной собственной воли.

— Мне не нравится то, что какие-либо мужчины позволяют себе подобную вольность по отношению к тебе.

Голос Лиары звучал надменно, но с той самой медовой, чарующей многих ноткой. Сюда бы папу — он в подобных ситуациях с лёгкостью избавлялся от надменности в поведении матери одним только взглядом, и Эрле хотелось бы уметь что-то подобное.

Королева протянула руку, скользнув пальцами по щеке девушки, и от этого стало немного не по себе. Отчего-то она подумала, что надо было б и отступить немного от матушки, вот только магия, зависшая в воздухе, быстро стала явной.

Эрла содрогнулась, пытаясь подавить отчаянное желание сбежать. Оно появилось уже не от волшебства Лиары, а скорее вопреки ему, в качестве сопротивления. Мать — могущественная ведьма, но ведь как-то некоторые люди умудряются ей сопротивляться, и она сможет!

Ох, как бы хотелось быть немного другой. Не похожей на мать, по крайней мере. Но всё это оставалось вне пределов её нормального существования, в последнее время банально слившегося с окружающей средой до полубезумного состояния. Девушке хотелось бы, чтобы всё на определённый период времени отступило на задний план и потеряло своё значение, чтобы она могла окунуться в волшебство и позволить матери поглотить окончательно её разум, либо отступить навсегда, но ни первое, ни второе не получалось. Как же противно! Эрла не могла превратиться в повинующуюся дурочку, что только отчаянно кивает в согласие со своей королевой, ни в окончательно самостоятельную, взбунтовавшуюся

принцессу.

У них даже дар одинаково выстроен. Эрла никогда не считала себя красавицей, в отличие от матушки, но всё равно подобное отношение к себе ровным счётом ничего не меняло. Она — пленница этого замка.

— Ну, значит, тебе не стоит допускать таких людей в наш замок, — строго отозвалась принцесса.

— Рока!

В голосе Лиары отчётливо прощупывалось то самое скрытое обвинение, которое она умело прятала за сладкими речами.

Эрла нахмурилась. Мать называла её Роккой якобы ласково, но в этом почему-то извечно чувствовалась скрытая угроза. Девушке хотелось бы обойтись без кличек и сокращённых вариантов и так короткого имени, но порой лучше представиться вот так, чем именем дочери Богини Эрри, которую так нагло наследовала Лиара в собственных поступках — и не только в них.

Почему она должна быть похожей на мать? Такой же рыжеволосой — хотя волосы Эрлы отливали скорее каштановым оттенком, — с теми же карими глазами, хотя у матери чуть светлее, это отозвалась дарнийская кровь, с теми же чертами лица, пусть и чуть более заострёнными, как у отца. Почему она не могла оказаться такой, как Рэй, не родилась синеглазой брюнеткой, яро указывающей на то, где именно обычно заканчивались мирные переговоры Лиары с Дарнаэлом.

Но нет! Она — словно обличие своей матери, только на двадцать с чем-то лет моложе. Похожа, как две капли воды, и с тем же проклятым даром, что, кроме активных сил, подарил ещё и способность наводить очарование на каждого, будь то мужчина или женщина.

Что-то порой подсказывало Эрле, что очарование было единственным природным даром матери, но она не вникала в подобные вопросы.

Зато характером — ой, если б в Лиару! В глубине души Эрлы поселился навеки король Дарнаэл, свободолюбивый, ненавидящий всевозможные ограничения и всё, что только с ними связано.

Почему?!

Ей не хотелось об этом знать. Вообще знать ни о чём не хотелось, по правде говоря, и девушка отчаянно сопротивлялась всему, что не давало ей спокойно жить и тянуло куда-то в самую настоящую яму, что её девушка периодами так сильно ненавидела.

Она старалась вести себя так, как вела мать, но не выходило. Эрла вышла просто плохой пародией наследницы, уставшей от безысходности и попыток родительницы запихнуть её на столь желанный трон.

— Знаешь, Рока, — Лиара вновь протянула руку, но Эрла вовремя отпрянула, не позволив королеве даже коснуться её кожи — это обязательно привело бы к очередному приступу подчинения, что так и не позволил бы ей нормально жить и дышать, — ты слишком свободолюбива. Чрезмерно. Это периодически приводит к крайне негативным последствиям. Но... Это периодами положительное для королевы качество, я думаю. Ты способна справиться с уготовленной для тебя участью. Не расстраивайся, прошу тебя, всё будет хорошо. Ты почти готовая королева, что достойна...

Эрла отступила от неё ещё на шаг, обрадовавшись тому, что за спиной не было ни единого стула. Голова почему-то покруживалась, и девушка ощутила лёгкую тошноту, что упрямо не давала ей покоя. Вряд ли это было достаточно положительным проявлением

всего, что случилось с нею или могло случиться. Вряд ли это вообще было чем-то положительным, как ей в сие отвратительное мгновение показалось.

— Мама, чего ты хочешь?

— Мне казалось, ты понимаешь, что ни о каком замужестве не может быть и речи, — промолвила женщина. — Да, мужчины недостойны, и на примере Бонье ты отлично это понимаешь, но...

— Но?

— Какие гарантии того, что ты не ускачешь за этим недостойным существом, что только-только махнёт хвостом где-то на пороге моего дома?

Женщина недовольно усмехнулась.

Это вызывало опасения. Странные, должно быть, немного неуместные, но юная принцесса отчаянно хотела верить в то, что когда-то они пропадут. Она сможет завоевать спокойствие в доме собственной матушки, чего б это для неё ни значило. Она сможет быть достаточно сильной, чтобы вызывать у неё уважение. Нет, она просто сможет, и всё остальное не так уж и важно.

— Зачем тебе нужны гарантии, мама?

Эрле не хотелось искренних разговоров. Она мечтала о том, что сейчас окажется где-то далеко-далеко, где в спокойном и равнодушном мире никто не станет даже прикасаться к её плечу в отчаянной, к примеру, надежде заполучить капельку внимания. Она не собиралась выходить замуж, но кто сказал, что не сделает этого никогда.

— Как только магия найдёт способ избавиться от мужчин, мы это сделаем, — довольно улыбнулась Лиара.

— Зачем?

Лиара не ответила. Ей казалось, что это и так понятно, ведь зачем сии жалкие, никому не нужные существа вообще понадобились её дочери? Королева выпрямилась и попыталась заглянуть в глаза Эрлы, но та лишь сжала тонкими пальцами подол своего тёмно-зелёного платья, почти не соответствующего цветам флага.

— Мама, что такого плохого в том, чтобы любить и быть любимой? Неужели тебе так плохо с отцом, что ты сто раз отклоняла его предложение пожениться и объединить ваши государства?

— Я способна управлять всем сама. Мне не нужен этот заносчивый... — она закусила губу. — Эрла, как ты не можешь осознать, что ты — моя единственная надежда? Мне повезло, что я смогла родить во второй раз и смыть с себя этот... позор.

— Значит, Шэйран — это позор? Попросила бы тебя об этом при нём не упоминать, но, боюсь, он и так в курсе, как ты к нему относишься.

Лиара отпрянула. Недовольство просто-таки отражалось в её взгляде — предельное, мрачное, холодное и практически издевательское. Она будто делала какое-то одолжение, у которого не существовало особого смысла. Слушать даже об этом одолжении не хотелось; Эрла повернулась к двери, но та слишком громко захлопнулась, даже не успев открыться, под силой магии королевы.

— Ты никогда не выйдешь замуж. Разве ты видела хотя бы одного достойного мужчину в округе? Разве они вообще существуют, эти достойные?

Почему-то Эрле показалось, что её мать просто перешла через все границы. Она обернулась и подошла к королеве поближе, отчаянно сопротивляясь соблазну столкнуть мать с её невидимого помоста.

— А папа? А мой брат?

— Ты собираешься выйти замуж за отца?

Лиара наконец-то приловчилась и схватила Эрлу за подбородок, заставляя её смотреть в глаза. Девушка не могла сопротивляться — странное золото взгляда походило на жуткий сон, и тот ежесекундно возвращался в её воспоминания. Девушка дёрнулась, а после осознала, что не может управлять собственным телом.

— Доченька, я сделаю всё, чтобы ни один мужчина никогда не коснулся тебя, — в голосе Лиары почти что ощущалась забота. — Ты ведь знаешь, всё это исключительно ради того, чтобы ты была счастлива. И, поверь, Эрла, оно того стоит. Как только тебе исполнится двадцать один... Думаю, мы попробуем.

Эрле не хотелось даже слышать о том, что попробует её мать. Сотворить ребёнка — обязательно девочку, — с помощью одного только женского начала. Мужчину должна заменить её магия. Каждая ведьма избавится потребности искать себе мужа или хотя бы любовника на одну ночь, подбирать такого, чтобы в нём был ещё и дар, надеяться, что она родит одарённую дочь.

Не одарённого сына, не приведи Богиня.

Эрле это всегда казалось всего лишь очередной глупостью сумасшедших ведьм, но теперь она с неожиданной ясностью осознала, что всё не так уж и просто, как могло показаться, что мать завершит начатое, чего бы ей это ни стоило. Она почти уверена в успехе — и, конечно же, попробует на своей дочери.

— Во-первых, мама, я считаю, что это бред, даже высшая магия на подобное не способна! — Рока едва сдержалась, чтобы не навести то сравнение, которое использовал бы Дарнаэл по отношению к собственной сумасшедшей возлюбленной и извечному заклятому врагу. — Во-вторых, кто тебе сказал, что я не могу выйти замуж и родить ребёнка от любимого, а не от какого-то волшебного духа? Ты же сама рожала не от стихии!

Лиара гордо вскинула голову. Её безумие отчётливо чувствовалось во взгляде, а убеждение текло сквозь пальцы, но Эрла не зря была дочерью своего отца.

Она отбросила в сторону матушкину руку, заставив её разжать настойчивую хватку, и постаралась выглядеть как можно спокойнее.

— Почему б не поискать кого-то достойного? — оставшись довольной собственным успехом, продолжила Эрла. — Ты ведь сама виновата в том, что изничтожила половину королевства, по крайней мере, половину мужчин уж точно, и начала с самых лучших! Вот чем, к примеру, тебя не устроил бы в качестве моего мужа тот же герцог Марсан? Молодой, разумеется.

Дожили! Во всех сказках мать и отец, ну, либо кто-то один из них, заключают брак по расчёту, а дочь рыдает по конюху или соседнему свинопасу. А тут что?! Если б, уже сама дочь отыскала того, кто мог бы достойно продолжить её род, но нет! Драгоценная матушка отчаянно стремится защитить её от этого, а папа так ненавидит дворянство и родную супругу, впрочем, незаконную, что его во всё это никто не пустит. Вот и живи тут... С пренепорочным зачатием.

К тому же, Эрла догадывалась, что Лиару стандартно кто-то обманывал — не её ли любимая Тэзра, утверждавшая, что это реально? Она именовала себя «жертвой эксперимента», конечно, но её любимый Антонио от всего непорочного взял только вечный бубнёж о том, как поступать правильно, а как — нет.

...На сей раз Лиара не сдержалась. Времени для нежного убеждения у неё не было —

она с силой ударила дочь по лицу, вложив в это прикосновение столько магии, что всей Вархве и не снилось. Эрла не успела отскочить и осознала, что легче притвориться покорной, чем показывать, что внушение не сработало.

Через месяц ей исполнится двадцать один, это как раз совпадёт с нужными лунными фазами, и что тогда? Почивай, свобода, да здравствуют магические эксперименты, пока дочь не сорвётся с крючка?

Лучше притвориться сейчас.

— Как прикажешь, мама, — она старалась точно скопировать голос потерявшего свою собственную волю человека, и присела в реверансе настолько искусственном, что Лиара почти что поверила в то, что её дочь поддалась очарованию.

— Ну вот и замечательно, — выпрямилась королева. — «Моя кровь, моя кровь»... О, Дарнаэл, ты слишком глуп, если веришь, что это не действует и на твоих детей тоже...

Лиара собиралась повторить ещё что-то, но в дверь тронного зала бесцеремонно постучались. Она отворила её взмахом руки, заставив дочь — точнее, попытавшись это сделать, — опустить голову и встать за её стеной.

На щеке ещё виднелся красный след; у молоденькой брюнетки он вызвал удивление, но та не стала присматриваться к принцессе, а рухнула на колени, склоняясь перед королевой не только потому, что так гласила церемония, а и потому, что истинно верила в её величие.

Эрла сдержала отчаянное желание фыркнуть и толкнуть матушку в спину, чтобы та тоже упала. Нет, конечно же, она сейчас безвольное существо, что ни на что не способно, и не стоит даже позволять усомниться во всём этом.

Драгоценная мать посмотрела на молодую ведьму сначала недовольно, а после с нарастающим интересом.

— Ваше Величество, — девушка даже не оторвала взгляд от пола, хотя Эрла и так могла увидеть, что она казалась слишком красивой и слишком верной. Вот эта с радостью испытает на себе всё, что прикажет Лиара, да и добровольцев таких в стране немало, почему надо дёргать именно родную дочь?! — Я прибыла из Вархвы по распределению...

Лиара оборвала её коротким жестом.

— Я знаю, — ничего она не знала, конечно же, но Эрла понимала, что у Королевы сейчас на молоденькую ведьму не было времени. — Милая... как вас там?

— Моника Лэгаррэ.

— Так вот, милая Моника, отправляйтесь к Высшей Ведьме. Она подыщет вам соответствующую работу, а вечером мы поговорим с глазу на глаз, — королева выдавила из себя подобие улыбки, и Моника, раскланявшись, поспешила покинуть зал. В конце концов, кто она такая, чтобы отвлекать королеву?

Эрла вновь потупилась, показывая, что отнюдь не рассматривала ведьмочку с перспективой на женитьбу своего брата; не чувствовать магический след родной крови было очень трудно, а вряд ли поцелуи были в исполнении короля Дарнаэла, его магию Эрла чувствовала намного меньше, чем Шэйранову.

— Видишь, как ты должна меня вести? — Лиара с гордостью выпрямилась. — А сейчас, — она посмотрела на след на щеке, — ты отправишься в свои покои и не покинешь их целых пять дней. Я позабочусь о том, чтобы еду тебе переправляли магией.

Эрла покорно склонила голову и даже поблагодарила матушку за оказанную ей милость. Конечно же, как и полагается потерявшей чувство этого мира и вообще реальности девушке, которой она нынче так активно притворялась.

Нет, верить матери нельзя. Она ни за что не позволит ей ощутить хотя бы подобие свободы, да и, если на то пошло, не надо поощряться, что Лиара рассмотрит её предположения относительно того, что герцог, которого сама Эрла в жизни не видела, хорошая партия.

Почему-то девушке казалось, что хороших партий не существует, но всё лучше, чем магия матери. С мужем хоть справиться можно, а с Лиарой — только попробуй...

Тем не менее, она всё так же тихо проследовала в свои покои. Мать лично наложила целый десяток заклинаний на двери и окна, требуя заставить подумать — а Эрла только тогда, продолжая свой театр, позволила себе разрыдаться под наглые увещевания матери о её слабости.

\*\*\*

Рыдания принесли свою пользу, возле покоев Эрлы матушка выдержала не больше получаса. После, припечатав последним заклинанием, она вернулась к своим стандартным делам, не собираясь тратить время на драгоценную дочь, что так противится магическим экспериментам.

Девушка моментально села и утёрла собственные слёзы. У неё — пять дней, и за все эти минуты мать даже не подумает заглянуть её в покои, только будет усиливать свои заклинания и делать вид, что посылает ещё и ментальные приказы. Конечно же, Эрла могла притвориться, что всему внимает, отсидеть тут срок, а после попытаться что-то сделать, но действовать надо быстро, пока весь дворец не узнает о том, что она в плену, а выпускать её нельзя.

Обычно принцессу никто не ограничивал, а теперь мать скажет Тэзре, и в Кррэа будет не протолкнуться от попыток помочь королеве и помешать Эрле броситься навстречу наглым, отвратительным и презреннейшим мужчинам.

Не то чтобы Эрлу особо к ним тянуло, но всяко лучше, чем нынешнее положение дел.

Она бросилась к своему шкафу, едва-едва нащупала потайной отдел и выудила оттуда заплечный мешок, тот, с которым обычно путешествуют. Шкаф подарил ей отец, и матушка заставить Эрлу послать Дарнаэла вместе с подарком не смогла.

Папа не раз говорил, что рано или поздно мать сорвётся с катушек, и тогда придётся действовать как можно быстрее. Вероятно, такая минута уже наступила, и бежать надо немедленно, если только она не желает играть в подчинение — а она не желает.

Эрла принялась запихивать в мешок всё, что только смогла бы унести и что дало бы ей некоторую пользу. Отец оставил и обыкновенную, дорожную одежду, именно для этой цели, и даже прекрасное, хорошо свёртываемое одеяло и милый плащ — или наоборот, свёртываемый плащ и милое одеяло? Эрла разбираться не стала, всё равно, чем скорее она будет у папы, тем лучше.

Мать же рано или поздно ощутит, что её нет, а если она будет рядом со столицей, то найдут её очень быстро. Взять лошадь до Шэллатского леса не получится, вдоль реки Цэррэ тоже не поблудишь, спасибо хоть, о компасе и о карте отец тоже позаботился, она хотя бы не собьётся с курса, если не будет особых магических аномалий.

Идти, идти скорее вперёд, чтобы спастись от глупых экспериментов, во время которых она как минимум потеряет своё счастье, а как максимум — даже жизнь.

Вещи оказались не такими лёгкими, как была уверена Эрла, к тому же, зелёное платье из тяжёлой ткани явно не прибавляло ей счастья. Деньги тоже удалось найти довольно быстро, но сейчас она проклинала тяжёлые эрроканские монеты на все лады, потому что

попробуй донеси!

Она успеет? Пять дней, но до Лэвье, столицы Элвенты, не так уж и далеко, а там уже будет папа, может даже и брат, и никто не позволит королеве Лиаре просто так взять и разрушить судьбу своей дочери! Пусть экспериментирует на этой... Лэгаррэ, или как там её вообще зовут?

Эрла бросила взгляд в зеркало. Корсет, будь он проклят! Но избавиться от платья нельзя, пока она не покинет столицу, ведь в противном случае дорожная одежда её выдаст! А уж там она вспомнит о том, как это — колдовать, — и сожжёт эту зелёную бархатную гадость.

Туфли... Шпилька не для скоростного бега, но ходить на них довольно быстро Эрла всё-таки умела, и её определённо радовала подобная способность. Она постаралась реагировать как можно спокойнее на отчаянный соблазн переодеться, а после бросилась вновь к шкафу.

Тут оно должно быть. Портал не слишком-то и сильный, скорее ерундовый и между парными шкафами, больше пробить магическую защиту дворца в Кррэа не смог бы и её отец, ведь его магия всё же другого характера, но этого должно хватить.

Девушка наконец-то открыла потаённую дверцу и шагнула во взбеленившийся от горы защиты портал, что порывался вот-вот угаснуть и раствориться — его не хватит больше, чем на пять минут, после этого о побегах можно забыть, так что у неё только одна попытка преодолеть подобные стены со стороны драгоценной матушки.

...Она знала, что окажется в не самой желанной комнате на свете. Парный шкаф Дарнаэл всучил Зэльде Виэст, местной управительнице, что вроде бы как отвечала за магическую подоплёку замка. Увы, но Зэльду было в чём подозревать, особенно когда речь шла о тайной связи с Его Величеством, вот только это отнюдь не означало, что она подсобит Эрле в побеге.

К счастью, хозяйки в комнате не оказалось, и Эрла выскользнула на свободу, планируя поскорее оказаться на улице и помахать королевскому замку ручкой. Виэст устроит скандал, если узнает о портале, но Эрла постаралась затереть все следы, а комнату покинула через окно, напоследок прикрыв его с помощью волшебства, его всё равно в столице было так много, что ведьма и не ощутит.

Умудрившись испортить куст роз — ничего, Зэльда припишет это очередному любовнику, их у неё, когда она живёт в Эрроке, то есть, ровно полгода, великое множество, — принцесса помчалась в сторону сада. Там, в заборе, есть дыра, магическая, правда, и через неё можно проникнуть на свободу. Там даже нет столичных высоченных стен, можно уйти спокойно, и Тэзра тоже не поймает.

Впрочем, Высшую Ведьму врагом Эрла считала только номинально, на самом же деле всё было не так плохо, как могло показаться со стороны.

Идти по саду было трудно. Мешок казался с каждой секундой всё тяжелее и тяжелее, более того, самым наглым образом пригибал её к земле, заставляя недовольно шипеть. Королевский двор был огромен, и до противоположной стены забора без тропинок можно было добраться практически незамеченной, разве не для этого тут насадили столько деревьев? Вот только удовольствие от путешествия тоже далеко не громадное, и девушка отчаянно старалась проделать этот путь настолько быстро, насколько представлялось возможным.

Уже спустя минуту сил не было вообще. Она не привыкла к тому, что в подобной обуви придётся бегать по саду, а тот за пределами дорожек оказался вязким и неухоженным. Вот

что значит мужчина-садовник!

Впрочем, Эрла моментально прогнала дурацкую мысль о том, что можно было бы вернуться к маме, покаяться и принять её веру. С неё станется и работу садовника подделать, чтобы только заманить дочку на свою сторону, и ничего у проклятой ведьмачки не выйдет, пусть и не надеется!

Она сделала ещё несколько неуверенных шагов, стараясь ступать и тихо, и быстро, и зашла в тень фруктовых деревьев.

К счастью, яблоки только-только завязывались, но цветочков тут уже не было, так что возможность встретить кого-либо казалась ничтожно малой. Эрла подобрала надоедливые юбки и подавила желание переодеться уже тут — так или иначе, это не облегчит её котомку, а выброшенное по пути платье или запах жжёного корсета могут очень даже уменьшить её шансы на спасение.

К тому же, мало ли, как скоро мать заметит её исчезновение! Вдруг решит прийти и помириться, и тогда это окажется последним, что она успеет сделать на свободе — переодеть платье!

Может, мать не так уж и страшна, но каждый раз, когда сия глупая мысль посещала воспоминания Эрлы, она касалась руками щеки. Та уже не была красной, но всё ещё неприятно тянула и немного ныла, словно напоминая о преступлении родительницы, и юная принцесса принималась шагать в разы быстрее, чем прежде.

Она уже проделала путь примерно на три четвёртых, как вдруг услышала тихий шелест в кустах. Не успела Эрла и оглянуться, как кто-то резко дёрнул её за руку, а шею полоснуло холодное лезвие.

#### ===== Глава пятая =====

Первой была мысль о том, что это расстаралась мать. Вот только что-то подсказывало юной принцессе, что в таком случае её бы упаковали бережно и без вреда для здоровья, максимум заколдовали бы.

Теперь же кожу холодило отвратительное лезвие кинжала, и Эрла вынуждена была запрокинуть голову назад. Откровенно мужская рука обхватила её за талию, и она окончательно разуверилась в причастности родителей ко всему этому, когда поняла, что рука ей явно незнакома, а этот причудливый шрам на запястье она никогда не видела.

Незнакомец прижал кинжал к её горлу ещё сильнее, и девушка всхлипнула, скорее от неожиданности, чем от боли.

— Может, не стоит? — наконец-то совсем тихо предположила она, пытаясь тонкими пальцами нашарить что-то в воздухе.

— Стоит.

Голос был довольно приятным, но Эрле как-то об этом тоже в сию секунду не думалось. Она попыталась вырваться, но соперник оказался очень силён, к тому же, у него было оружие.

— А сейчас я отведу тебя к твоей матушке и получу всё, что мне нужно.

Этот вариант был с одной стороны и выгоден для Эрлы, по крайней мере, ей светила бы свобода, но свобода относительная, потому что матушка вряд ли поверит в изворотливость похитителя её дочери, а значит, обвинит и саму принцессу в побеге. Этого хотелось меньше всего на свете; к тому же, не следовало опрометчиво забывать тот факт, что к матери она вообще не рвалась, а это послужило бы очередным доказательством отвратительного поведения всех окружающих мужчин на примере одного проклятого похитителя.



— С ума сошёл? — вместо криков «помогите» возопила Эрла. — Ну, веди-веди. Она тебя прямо на месте заколдует, и ты покорным идиотом ляжешь перед её ногами, а потом ещё сам этим кинжалом и заколешься!

Она сама попыталась было вспомнить о том, как это — применять то самое магическое очарование, вот только от подобной идеи пришлось как можно быстрее отойти, ибо девушка ну очень сильно сомневалась в её правильности. Может быть, конечно же, она и сумеет вырваться на свободу, вот только...

Далеко ли?

— Значит, — провозгласил незнакомец за спиной, сжав её в своих руках ещё крепче, чем прежде, — ты пойдёшь со мной.

— А далеко?

— А тебе какая разница? — возмутился разбойник. Эрла только успела уцепиться пальцами в его запястье, оттянув немного кинжал от горла, как тот вернулся на положенное место. — Ну, далеко, — наконец-то вполне миролюбиво сознался он. — И я советую тебе не вырываться, а то...

Страшную кару он ей так и не пообещал, потому что она вроде бы и не проявляла такого отвратительного, а самое главное, столь ожидаемого сопротивления. Парню хотелось почти возмутиться; как поняла Эрла по голосу, ему было лет двадцать пять максимум.

Дальше её прозорливость не зашла, и она смогла лишь тихо ойкнуть, когда кто-то повёл её подобным образом к вышеупомянутому проходу в заборе. Так или иначе, девушка сердито наступила на ногу своему похитителю и ткнула пальцем куда-то в траву.

— Там моя дорожная сумка! — воскликнула она. — Подбери, а?

— Совсем одурела?! — возопил похититель. — Какая сумка? Это увеселительная прогулка, что ли?

Почему-то Эрле показалось, что он не такой злой, как пытается казаться, но такой прирежет от дури скорее, чем надо будет.

— Если ты не хочешь, — деловито промолвила она, — чтобы я сейчас же разоралась на половину замка и надеешься обойтись без вклада моих ногтей, то подбери сумку и убери кинжал, и пойдём отсюда.

Он сердито вздохнул, спрятал кинжал, впрочем, хватку на талии не ослабив, подхватил сумку, перебросил её через правое плечо, а после с такой же лёгкостью, но уже через левое, перекинул Эрлу, самым наглым образом держа её за талию.

Увидеть лицо похитителя или хотя бы его волосы девушка не смогла из-за корсета, он самым наглым образом не позволял воспротивиться и вырваться на свободу. Она безвольным плетнём повисла на его плече и теперь изучала пристальным взглядом то ли конец его рубашки, то ли начало штанов.

Рубашка и штаны, а ещё грязные сапоги вполне тянули на разбойничьи. Девушка попыталась даже попробовать ткань, но в подобном положении — головой вниз, — попробовать ничего не вышло. Навскидку незнакомец оказался высоким и стройным, ну, и сильным — Эрла не особо обольщалась относительно своего веса, а проклятое платье потянуло примерно на четверть её самой, не говоря уже о том, что она успела упихнуть в сумку, вопреки тому, что папа счёл бы это очень нерациональным, воду именно в стеклянной бутылки, прихватив её со стола Зэльды, пару лишних фруктов, найденных в саду, а самое главное, абсолютно глупое оружие — зеркальце, то бишь.

До дыры они добрались вполне спокойно — ту кто-то умудрился расширить до

размеров приличного портала, поэтому снимать её с плеча похитителю не пришлось, и он через секунду уже был по ту сторону.

Теперь Эрле ещё и предоставлялась прелестная возможность любоваться на длинные ноги весьма породистого и явно очень дорогого коня. Такие кони не бывают у разбойников, она готова просто поклясться в этом!

Увы, но её, словно какую-то непосильную ношу, перекинули через седло. Сам похититель запрыгнул в него с преувеличенной лёгкостью, но коню не понравилось распределение ноши.

Теперь Эрла могла любоваться на грунтовую дорогу под ногами. Ну, спасибо, что не столичную, а ту, что вела в лес — краем глаза, кроме сапог парня и стремени лошадки, она могла наблюдать ещё и ряд деревьев, что росли вокруг Кррэа, а вскоре явно будут сожжены Лиарой в приступе гнева и поисков доченьки. Главное, чтобы не сожгла вместе с доченькой, а то накладка получится.

Сопротивляться она не видела совершенно никакого смысла. Во-первых, если её похитили у матери без особых претензий на деньги, а с надеждой восстановить справедливость, то похититель — кто-то благородный. А если за деньги, то надо всего лишь рассказать о том, что её отец — Дарнаэл Тьеррон, и вопрос относительно того, у кого с грустных родителей требовать откуп, отпадёт сам собой. Королева Эрроки будет колдовать и портить похитителю нервы, ещё и заявит, что тут можно похищать только женщинам мужчин, а не наоборот, а вот эльвентский правитель запросто отдаст то, что от него потребуют, заберёт доченьку — и был таков!

Во-вторых, сама Эрла беспрепятственно смогла бы отыскать коня только в следующем селении, а до него ещё дойти надо. Тут конь уже был, конь, между прочим, бесплатный, а об ориентировках принцессы он ещё ничего не знал. Значит, можно поскорее выбраться из матушкиного логова.

Ну, и в-третьих, Роке настолько надоели все царедворские интриги, что она была почти рада нормальному, простому мужчине, а не чокнутой ведьме, собирающейся проводить над её детородными возможностями свои наглые эксперименты!

Впрочем, через минут пять, когда конь потрусил быстрее, отчаянная радость сменилась немалым раздражением. Висеть вниз головой было трудно, а Эрла ещё и позавтракала, и последствия приёма пищи нагло стремились вырваться на свободу — тошнило сильно. К тому же, перед глазами окончательно примелькались проклятые камешки, и девушка надеялась на то, что совсем-совсем скоро дорога закончится, а она не заканчивалась.

— Эй! — окликнула она похитителя сдавленным голосом. — Ты, как там тебя зовут... Кстати, как тебя зовут?

— Рсан, — рвано представился парень.

— А я Рока... Эрла, то есть, — она мотнула головой, и рыжевато-каштановые волосы окончательно утратили подобие причёски, последняя шпилька опознавательным знаком свалилась на дорогу, а кудри принялись волочиться по земле. — Ты не мог бы меня хотя бы посадить?

— Даже не подумаю. Вашему королевскому кодлу только дай одуматься, и я моментально превращусь в камешек!

Эрла нахмурилась. Вообще-то, превращать в камень не умела даже мама, таким заклинаниям учиться надо до самой последней, пятой степени Магистра, а то и до Высшего Мага, то есть, Высшей Ведьмы.

— Я не буду! Честное королевское! — девушка попыталась поднять голову, но попытка сменилась только сильным чувством тошноты. — Ну, слушай, мне плохо уже. Переверни меня и посади нормально, коню ж трудно!

Минуты две её преследовала абсолютная тишина, а после горестный и усталый вздох.

— Хочешь, я тебе денег дам? У меня есть в котомке! — проклятый корсет, что ж так давит-то?

Молчание усилилось.

— Ну хоть корсет развяжи, задохнусь же...

На этом заявлении конь остановился и фыркнул. Всадник, очевидно, потерял терпение, а с ноющими принцессами общаться не планировал.

— На кой чёрт сдались мне твои деньги? — сердито прошипел он. — У меня свои были, пока твоя мать не расстаралась!

— Ну я ж не знала, — возразила девушка. — Слушай, ну будь другом, раз черкани своим кинжалом по спине, там, где шнуровка, и всё...

Он, кажется, с большим удовольствием черкнул бы кинжалом по её шее, но вместо того, чтобы убить принцессу, прошипел сквозь зубы что-то не шибко цензурное, потянул её за невесть когда связанные руки — даже сам не понял, когда успел лишить принцессу подобной привилегии хотя бы царапаться и пинаться, — и усадил на коня уже по-человечески, перед собой, правда, боком, словно в дамское седло.

Девушка завертелась — шнуровка корсета порвалась сама, благодаря то ли магии, то ли разбойнику, — и уставилась на молодого парня, решившего заняться её самым наглым похищением.

Он, казалось, сначала даже немного смутился, но после быстренько выпрямился и подбоченился, показывая, что строгие взгляды принцесс на него тоже не действуют. Эрла немного недовольно фыркнула и мотнула головой, пытаясь превратить колтых на голове в что-то пристойное.

Если верить своей интуиции и слабым телепатическим способностям, на которые Эрла редко полагалась вообще, то парень ехал в замок явно не похищать принцессу. Она подвернулась ему под руку скорее случайно. Несчастный был не до конца трезв, до чёртиков зол, а самое главное, намеревался прирезать королеву на месте. Холодная расчётливость в его взгляде проснулась только после секунд тридцати рассматривая юной невинной девы, да и то не до конца.

— А я тебя знаю! — окончательно перебила его порывы всадить кинжал ей в сердце Эрла. — Ты из Марсанов, верно?

В подтверждении она отнюдь не нуждалась. Так или иначе, действительно высокий и статный молодой мужчина меньше всего тянул на селянина, мечтающего о наживе. О непригодности к сельскому хозяйству свидетельствовали и светлые волосы до плеч, не выгорелые на солнце, а того самого дворянского цвета, которого обычно пытаются достигнуть крайне безуспешно женщины. Мужчине явно повезло и с этим, и с яркими, словно сочная весенняя трава, зелёными глазами.

Черты лица заострились, правда, не только от чистой дворянской крови, а и от долгого голода, да и глаза смотрели очень зло. Скулы — пальцы порезать можно, ласково потрепать по щёчке не получится, и той грани между тонкими чертами лица и банальной худобой, что всегда можно было увидеть у Шэйрана, и периодами, если он не слишком долго задерживался на войне, у Дарнаэла, у него не было. Заострённые, словно кто-то рисовал

слишком быстро эскиз и немного перетянул часть линий, но не лишённые своей, странной немного привлекательности.

После она поняла, что меньше всего на пользу мужчине играл цвет лица. Просто бледный у отца и брата (нашла с кем ровнять, конечно же, за папу вот уже двадцать лет подряд хочет каждая женщина Эльвенты и каждая вторая Эрроки, и это только те, кто не скрывают свои желанья), тут тон кожи превратился в банально мертвенный.

Эрла должна была бы испугаться, увидев кровного врага, но у неё возникло жуткое желание его обогреть и накормить. Взгляд ещё раз пробежался по чуть длинноватому носу, обескровленным, словно на морозе просидел, губам, по словно небрежно нарисованным странным художником бровям, что придавали и без того острому взгляду ещё какой-то оттенок опасности, она окончательно сошлась на той мысли, что после тёплой ванны и недели нормальной еды злоба и та излишняя острота пропадут окончательно, и девушка вроде бы даже примирилась с положением вещей.

— У меня в котомке... — она даже забыла о том, что руки связаны, и рванулась к притороченным к седлу вещам. Мужчина успел только перехватить за талию, возвращая обратно на место, но девушка уже вытащила то, что хотела, и вполне добродушно протянула ему.

— Это что? — удивлённо переспросил похититель. Усталость окончательно вытеснила действие алкоголя, и Эрла вспомнила о том, что сегодня мать пообещала его казнить.

А ещё поняла, где видела до этого.

...Герцог Марсан, последний в своём роду, не собирался так просто отдавать звание, герцогство и всё, что только у него было. Ламада, прежде независимое королевство, рухнуло, но он не спешил подчиняться вот так просто, с лёгкостью склонять голову. Он боролся до последнего.

Конечно же, королева постаралась поставить зарвавшегося подчинённого на место. Он, конечно, герцогом уже не был, и Лиаре только ради потехи захотелось отдать приказ о том, чтобы дать ему хотя бы десять ударов плетью — как ничтожному рабу, подобно тем, что совершили убийства.

Десять — не смертельный приговор, но на груди остался ещё один тонкий шрам. Эрла видела его через вырез рубахи, вероятно, кнут задел и лицо, так королевские ведьмы пытались усмирить сопротивляющегося мужчину, хотя полагалось бить по спине.

Они и били. Ровно десять раз. Эрла предпочитала не вспоминать о том, что обычно творилось с людьми, получившими подобное наказание.

А после его вышвырнули на улицу в столице, и он столько времени набирался храбрости для мести... Кажется, сначала даже не понял, что происходит, а теперь, когда пьяное веселье окончательно выветрилось, вновь вспомнил о том, что мстить действительно есть за что.

Эрла застыла, всматриваясь в зелёные глаза. Конь так и не сдвинулся с места, подчиняясь своему хозяину — и где он только его украл? Хотя, может быть, лошадь сбежала сама, решила не служить супостату.

Это кобылу б не отпустили.

Она неуверенно протянула то, что сжимала в руках, и во взгляде отразилось повторение всё того же вопроса.

Она буквально слышала застывшее в воздухе неуверенное «что это».

— Я булку прихватила с кухни, — тихо отозвалась она, хотя мужчина больше не нарушал молчание. — Вот. Ты голоден, наверное... Да? Ешь.

Он молча дёрнул коня за поводья, и тот принял это за сигнал к действию, сорвавшись с места. Проклятую булку мужчина в руки так и не взял — то ли из гордости, то ли из опаски, — но Эрла не смогла даже откусить от неё.

Она зажмурилась, будто бы ожидая удара или приговора, но Марсан продолжал молчать.

— Эльм, — наконец-то сухо представился он. — Эльм — моё настоящее имя.

Она кивнула. Рсан, скорее всего, выдумка мужчины, решившего не убегать далеко от своей фамилии.

...Лес потемнел, булка, обветрившись, почерствела, хотя казалась куда свежее, чем то, что он ел в последние дни своей свободы.

Эрла так и сидела на лошади, не дёргалась, но и не говорила, понимая, что смысла в этом никакого нет.

Прошло несколько часов, прежде чем конь, выдохшись, остановился. Она немного неуверенно подняла взгляд на Эльма, но тот молча спрыгнул с лошади, а после ссадил и её, стянул даже котомку, которую она так умоляла его взять.

Он усадил её у какого-то дерева, пару минут молчал, а после высвободил из затёкших пальцев ту самую булку, разрывая её пополам.

— Ешь.

Она хотела было отказаться от своей же еды, но вовремя поняла, что это будет очень не вовремя. Хлеб оказался невкусным, но тошнота уже схлынула, так что, повода привередничать не появлялось.

Девушка иногда поднимала на своего похитителя взгляд, но тот упрямо молчал, не собираясь делиться впечатлениями о матушке и наказании плетями.

Было страшно.

Она попыталась мысленно успокоить себя, но, кажется, зря. Эльм поднял на неё короткий, мрачный взгляд, после вновь отвернулся и шумно выдохнул воздух.

— У меня ещё есть, — наконец-то выдавила она. — В котомке. И вода.

Мужчина нехотя потянулся к её вещам, но сам больше есть не стал, только упаковал немного иначе. Водой пришлось воспользоваться, и Эрла немного жадно смотрела на флягу, понимая, что сама слишком сильно хочет пить.

Спустя минуту он поднёс посудину и к её губам, даже поддержал за затылок, но так и не развязал.

— Мы остановимся тут на привал, — его голос звучал отрывисто, так, словно он зачитывал ей или самому себе приговор. Эрла об этом думать не хотела, поэтому даже не воспротивилась, когда её прижали к ближайшему дереву и примотали к нему верёвкой. Хоть рот не закрыл, и на том спасибо.

Мужчина расстелил что-то на земле, подложил себе под голову какую-то тряпку и, казалось, порывался спать.

— А если волки?

Он поднял голову в ответ на её вопрос и как-то неопределённо фыркнул, будто бы отмечая, что идея-то неплохая.

— Я б не отказался от съедения представительницы королевской династии, — сухо ответил он.

Больше ни слова Эрла от него и не дождалась. Страх в очередной раз нахлынул сплошным потоком, но что-то подсказывало девушке, что упоминать о нём совсем

необязательно, это вряд ли поможет.

...Ночь постепенно опускалась за лес, за несколько часов окончательно утянув во тьму весь мир. Девушка едва дышала, опасаясь разбудить своего спутника — но, в конце концов, подобное обращение — это уже выше её терпения!

Он спал, забыв и о волках, и о преследовании, и Эрла только сейчас вспомнила о том, что она вообще-то маг. Конечно, не такой уж и сильный, как хотелось бы маме, и не то чтобы она верила в возможность своего побега далеко от куда более опытного лесного жителя Эльма, но хоть освободиться можно! А там он и не посмеет её опять связывать...

Или она напрасно верит в его благородство?

Девушка попыталась сосредоточиться на верёвке хотя бы на своих запястьях. Та была хотя бы близко, её можно было увидеть — и заодно представить себе, как она начинала потихоньку тлеть. Быстренько сжечь её Эрла очень боялась — мало ли, вдруг и себя подожжёт?

Теплом опалило руки, сначала слабым, потом всё большим и большим, и она испугано остановила магию. Верёвки, правда, не сгорели, но немного опалились, и теперь их можно было как-то раскрутить.

Сумев избавиться от сдерживающих её запястья пут, она воззрилась на ноги, а после запоздало вспомнила о том, что ещё вроде как привязана к берегу.

Девушка попыталась сконцентрироваться на основной массе верёвок, надеясь перетереть из в одном месте, чтобы те после попросту рухнули, но вместо этого с громким треском пламя на мгновение вспыхнуло и обратило в пепел всю длину.

Она громко вскрикнула.

Пламени больше не было, Эльм вроде бы ещё спал, и девушка потянулась к тому, что сдерживало её ноги...

\*\*\*

Эльм проснулся от какого-то шума. Глаза открывать не хотелось, не слишком-то хорошая и сытная пища всё равно не могла позволить ему нормально спать.

Верёвки на пленнице вспыхнули сплошным потоком, и он только сейчас понял, что молоденькая принцесса тоже может быть волшебницей.

Чем он думал, когда перебрасывал её через коня и волок с собой? Чем руководствовался? Тем, что хотел отомстить проклятой королеве на пьяную голову, хотя до этого хватило ума не высовываться целый месяц и пережить бурю. Но уже поздно, и несчастная принцесса, что не сделала ему ничего плохого, среди леса и в компании разбойника, которого с лёгкостью может выдать.

Но то наивное предложение поесть определённо выдавало в ней что-то получше, чем Лиара, а ещё даровало надежду на то, что однажды с неё вырастет нормальная правительница.

Первая мысль о том, что её можно как-то использовать, моментально схлынула. Это было так глупо, что он даже не понимал, на что надеялся. Чёртов маг! Подсыпал увеселяющее зелье в еду — и сбежал непонятно куда, а ты теперь разгребай всё то, что натворил под его действием!

Девушка оказалась не такой уж и плохой, и второй порыв — немедленно убить её, — тоже не прошёл. Эльм уже почти занёс нож, вот только всё равно смог лишь забросить его обратно, осознав, что юная принцесса ещё ничего такого не совершила. Может быть, попытаться с нею договориться?

Но как? Что ещё эта девчонка, кроме лишнего груза, за которым теперь ещё и бросится целая толпа?!

Нет, этот маг определённо переборщил с дурманом.

Зашелестело зелёное бархатное платье, и тонкие пальцы девушки сжались вокруг котомки. Складывалось такое впечатление, словно она никак не могла отыскать желанный для побега путь.

Луна издевательски вынырнула из-за маленькой тучки, освещая её медные, будто бы пылающие волосы, что словно светились в небесах, и возникло отчаянное желание схватить девицу за руку и немедленно вернуть на место. Принцесса тоже опасливо покосилась на небесное светило; ей явно некуда было уходить, по крайней мере, так можно было решить по взгляду, перепуганному, словно девчонку только что сбили с толку.

Она замерла на несколько минут, положила свои вещи обратно, больше не стремясь куда-либо убежать, по крайней мере, на секунду-вторую её спокойствия, напускного, впрочем, хватило.

Эльм потерял всякое терпение. Он вскочил на ноги, умудрившись, впрочем, в пылу выронить собственный нож, и перехватил её запястье, удерживая от подобного наглого и отвратительного побега.

Полыхнуло.

На мгновение глаза заслепило подобие солнца, непонятно откуда появившегося среди ночного неба и скорее всего послужившего всего лишь нелепой галлюцинацией, а после он посмотрел на Эрлу как-то совсем иначе.

Магия подействовала прежде, чем Эльм успел от неё откеститься.

Тонкие черты лица показались внезапно не просто красивыми — манящими к себе настолько, что отвести взгляд от неё было невозможно. Прекрасная принцесса неизбежно тянула к себе, и руки совсем иначе, не грубо и не в попытке вернуть на место легли на тонкий стан.

Проклятое платье теперь было не просто лишним — кощунственным показалось само его наличие. В лунном свете каштановые, отнюдь не рыжие, как казалось днём, волосы рассыпались пышными локонами по плечам, а ясные карие глаза сияли, словно два драгоценных камушка. Прежде, будучи в здравом уме, Эльм подумал бы о волке или каком-то живом мертвце, которых вдоволь бродило по прелестному лесу; и девушка показалась бы ему нереально, уж точно свалилась откуда-то с дерева и пытается своими русалочьими чарами затащить в озеро поглубже и накрыть тиной попротивнее, той, что больше всего воняет.

Но кто сказал, что так близко к ведьме он вообще сможет думать головой?

Марсан попытался мотнуть головой — королева на него так не действовала, но он и не пытался обнимать королеву. Вместо того, чтобы проясниться, взгляд только алчно скользнул по пухлым губам, проигнорировал сопротивляющуюся речь, что с оных слетала, и нагло — явно против воли принцессы, — поцеловал её.

...Эрла, не будучи девицей настолько романтической, чтобы верить на слово девушкам в Дарне, никогда не надеялась на то, что её первый поцелуй будет прелестным дарованием небес, а губы возлюбленного на вкус аки мёд волшебный. Но всё же фантазии не хватило и на вариант, что целовать её будет изгнанник-похититель в рубахе с чужого плеча, среди леса, а из кустов в тон ему завоет волк.

Платье подвело в самый неподходящий момент. Корсет треснул уже давно, а тут, то ли

от переизбытка чувств, то ли от превышения магической концентрации, сдалась и одежда, самым настоящим грузом свалившись под ноги внезапно влюблённому — вот уж мамины чары, гори они пропадом! — похитителю. Нельзя сказать, чтобы тот очень расстроился по этому поводу, напротив, девушку в одной только тоненькой сорочке он явно оценил.

Не оценила сама Эрла, воспользовавшись самым актуальным отрезвляющим средством, которое только смогла придумать, то есть, без зазрения совести влепившая Эльму звонкую, ощутимую такую пощёчину.

Он широко распахнул глаза, отпрянул и обратил внимание на облизывающегося волка. Волк тоже заметил, что внезапно стал центральной фигурой событий и, явно очарованный Эрлой, бросился на неё с таким же отчаянно влюблённым взглядом, как и Эльм до этого, но, кажется, даже не лишать чести, а самым наглым образом перегрызть горло.

Одумался Марсан довольно вовремя для того, чтобы оказаться на пути у волка. Они кубарем покатались по траве, пока Эрла, порядка ради взвизгнув и отпрыгнув, принялась перебирать в голове все подходящие заклинания.

В Вахрву её мама не пустила, справедливо рассудив, что раз уж туда приняли её сына, то делать дочери там нечего. Посему обучали принцессу лично, а поскольку ожидаемого рвения она не проявила, то тоже крайне неохотно.

От этого нынче было ни холодно, ни жарко.

Эрла позабыла о том, что стоит посреди леса ещё и в крайне непотребном виде, и призадумалась. Резерва хватило бы либо на волка, либо на коварного похитителя. С одной стороны, второй не съест. С другой, второго, приваленного первым, можно потом и добить, а то и приручить, если капля волшебства ещё останется, а после мирно вскочить на лошадь и скакать к папе.

Но скакать к папе с мужчиной, способным хотя бы её защитить, было как-то сподручнее, а когда первый страх прошёл, поцелуй Эрла очень даже оценила и почти что утвердила Эльма где-то в списке предполагаемых кандидатов на сердце девы, временно состоявшим только из одного человека.

Прицелившись и заметив, что волк крайне нагло смыкает зубы — точнее, планирует это сделать, — на шее Марсана, да никак не ухватится, ибо она не девичья, так запросто и не укусишь, она швырнула в него первым заклинанием, что пришло в голову.

Волк, то ли настоящий, то ли крайне магический, превратился в дымящуюся шкурку под деревом, Эльм, тяжело дыша и потирая оцарапанные руки, поднялся.

Тогда-то до Эрлы дошло, что тонкая ткань просвечивает, а она как раз стала на самом прекрасном обзрении.

— Отвернись, — дрожащим голосом потребовала принцесса, тряхнув каштановыми кудрями. — И отойди подальше.

Эльм бы с радостью, но, кажется, заклинание вновь почти ударило в голову. Эрла, правда, бросилась к котомке, и он воззрился на поджарого — и поджаренного, — волка.

Спасать милого зверя было откровенно поздно, так что пришлось ограничиться констатацией его безвременной кончины, а после и успокоиться, ибо мёртвый зверь — он не мёртвый человек, не оживёт и не убьёт.

Эрла к тому времени облачилась в рубашку мужского покроя и брюки, уже точно её собственные, сменила туфли на высокие сапоги, а после вспомнила о том, что юной госпоже полагается свалиться в громком восклицании о спасении и потерять сознание на руках рыцаря.



Рыцаря рядом не наблюдалось, и принцесса решительно воздержалась от возлежаний на протянутых руках Эльма.

— Ведьма, — прошипел он. — Чёртова коварная ведьма.

— Это мне говорит похититель, коварный соблазнитель, и вообще редкостный гад? — уточнила она. — Который чуть не лишил деву невинности прямо посреди холодного и тихо внемлющего преступления леса?!

— Деву?! Это с каких пор девы расшвыриваются боевыми заклинаниями, вместо того, чтобы подобно королеве Лиаре не соблазнять волка своими золотыми очами?!

— А ты дай мне меч, и я ещё ним пошвыряюсь! — возмутилась Эрла. По правде, ничего тяжелее шпаги она в руках не держала, но, раз уж понадобится, то и с двуручником управится. Правда, кого она тем двуручником зашибёт, себя или врага, ещё надо было спросить, но да ладно.

Эльм потянулся за остатками верёвки, а после вновь покосился на неё. Магия уже схлынула, но и без неё принцесса была девушкой крайне соблазнительной и интересной. Поцеловать, по крайней мере, хотелось точно, а может и что большее. Не будь она дочерью Лиары, Эльм вообще питал бы к ней исключительно позитивные чувства, но — она уродилась у этой наглой рыжей ведьмы, отобравшей у него всё, от чести до последней монеты, и Марсана это не радовало.

— Пора отправляться, — наконец-то сухо промолвил он. — Тебя скоро искать будут.

— Не будут, — отмахнулась Эрла. — Я вообще-то сама сбежала, мама ещё дней пять уверена, что я сижу в своей темнице, то есть, в комнате, и думаю относительно своего плохого поведения. В общем-то, на женщин её чары плохо действуют, но лучше ей об этом не говорить.

Эльм широко распахнул глаза. Те вспыхнули хитрым зелёным огоньком, словно он вместо надоедливой принцессы только что встретил кого-то очень полезного, а после мужчина подошёл-таки ближе, поигрывая краем верёвки.

— Ну, так оно и лучше. Уедем подальше, — рассуждал он, поймав девушку под локоток, — может быть, королева горше плакать будет потом. Сразу два повода...

— А верёвку зачем переводить? — удивилась Эрла. — Я и сама-то пойду, а откуп можно попросить за меня с целыми запястьями, а не затёртыми наглыми путами. А?

Эльм призадумался.

— Деньги мне не нужны, — холодно промолвил он. — Но сделать твою мать несчастной я б не отказался.

— Папа уже двадцать лет старается, ничего не вышло, — отмахнулась Эрла. — Она какая-то непробиваемая в этом плане.

Марсан не стал уточнять о том, кто папа, но верёвку спрятал, а после протянул ладонь, словно для рукопожатия.

Эрла осторожно сжала его пальцы, словно пытаясь проверить, не будут её тут же перекидывать через седло, но Эльм, когда дурацкий шал уже тоже прошёл, и овладеть принцессой тут и сейчас перестало быть его первой жизненной перспективой, успокоился и явно не собирался портить себе и милой даме настроение. По крайней мере, рукопожатие получилось скорее дружеским, чем грубым или, напротив, безумно льстивым.

— Значит, ты сбежала от своей матери, оказалась посреди сада, а тут я очень не вовремя подвернулся? — наконец-то уточнил он, на что Эрла только вполне согласно кивнула и вновь покосилась на дымящуюся тушку волка.

Эльм вздохнул.

Чем он думал, когда крал принцессу? Ну, примерно тем же местом, когда её целовал, конечно, но всё же! Проклятые маги, насыплют какую-то дрянь в кружку, а потом вспоминай, чьи наглые чёрные очи... чёрные очи?!

Чёрт!

Поминая незлым тихим все царедворские интриги, экс-герцог лишь со вздохом покосился на Эрлу.

Надо было что-то делать. Она выглядела явно уставшей, котомка после первого дня путешествия почти пустой, конь — загнанным после дурацкой скачки, а собственная голова — пустой, как и желудок, хотя не ныла, а самым наглым образом гудела.

— Может, всё-таки вернуть тебя домой, пока не поздно? — сам у себя спросил Эльм.

— Поздно. Она два дня как твой портрет на позорный столб напялила, просто там плохо нарисовали.

Марсан вздохнул. Лиара была той ещё стервой и гадиной, отомстить ей хотелось, конечно же, но что делать с молодой принцессой, так старательно улепётывавшей от своей драгоценной матушки?!

— Слушай, — вновь прервала лесную тишину девушка, — врагов с нас не вышло, похититель с тебя тоже странный, может, тогда будем действовать заодно? Я в замок не хочу, — она сиротливо покосилась на луну. — Мама магические эксперименты задумала, а я как-то не спешу обзаводиться детьми от потусторонних демонов, которые, между прочим, тоже мужчины, только она этого не понимает! — Эрла грустно вздохнула. — В общем, идти мне некуда, а я ничего не умею.

— Волк с тобой не согласен. Я, — он почесал затылок — длинные светлые волосы и до того не были в таком уж и порядке, — между прочим, тоже.

— Я случайно, — потупилась Эрла. — Эти её... Чары, или как там оно называется, у меня сами по себе выходят, но они мне вообще-то не очень нравятся. Мне больше боевая... Или шпаги там. Лук, стрелы... Ты чего хочешь?

— Прямо сейчас или вообще? — хитро уточнил Эльм. С того момента, как чары схлынули, а волк перестал казаться опасным в своём мёртвом облики, Эрла казалась пусть не той лесной нимфой, но более чем хорошенькой девушкой.

— Ну, давай прямо сейчас.

— Хм... — Эльм окинул её пристальным взглядом, но принцесса моментально покраснела и отступила на шаг.

— Мама тебе не простит даже приближение ко мне, но если ты сделаешь реальностью своё нынешнее желание, то если уж я не постараюсь, то мимо отца ты точно не пройдёшь, — сердито проворчала она. — Он без магии тебе голову успешнее оторвёт, чем мать со всей армией во главе!

— Если я пережил королевское отбирание статуса, — сердито проворчал он, — то прямо-таки не переживу какого-то эрроканца...

Эрла выразительно закатила глаза, а после, не меняя выражения лица, ткнула на котомку. Эльвентский штамп Эльма порадовал не особо, догадка — ещё меньше.

— Папа и мама, — наконец-то протянула девушка, — вот уже десять лет никак не могут придумать, как им развязать войну. И, кажется, — она вздохнула, — то ли папа, то ли доброжелатель очень старательно через пять дней её устроят.

Эльму не хотелось ничего спрашивать. Он и без того терялся в догадках, но всё ещё

верил в то, что максимально плохой новостью за вечер будет то, что глава, например, пограничного гарнизона — это отец Эрлы.

— Надейся-надейся, — фыркнула она. — Просто не будет.

— Итак, твой отец...

— Ты абсолютно прав, — грустно покачала головой Эрла, подтверждая, что общие проблемы по развязыванию войны и побегу из надоевшей Эрроки в Эльвенте только продолжаются. — Именно по причине своих прелестных отношений с ним королева Лиара так сильно ненавидит Дарнаэла второго. И, да, он мой отец.

Эльм что-то простонал себе под нос. Кажется, он ничего другого уже и не ждал, просто искренне верил в то, что хотя бы однажды эта проклятая Богиня посмотрит в его сторону и немного сжалится.

Нет, украсть дочку Лиары — это было почти преднамеренным жестом, даже приятным, надо сказать. Но стащить дочку короля Дарнаэла, затащить её в лес, едва не оставить волку на один зуб, а потом ещё и так нагло к ней приставать...

Нет, дальше было точно некуда.

А он-то, дурак, отчаянно надеялся на то, что спяну не натворил ничего непоправимого.

===== Глава шестая =====

До Эльвенты они добирались как-то на удивление долго, хотя путь, казалось бы, не должен забрать столько времени; казалось, Сандриэтта специально тянула, хотя её в королевскую стражу приняли без единого лишнего вопроса. Девушка только и успела, что мотнуть головой в ответ на его «ты меня не знаешь, а родителей моих — так тем более, и не ведаешь, кто они», как её моментально утянули куда-то на инструктаж. Как оказалось, король ещё не прибыл, и Шэйрана это безумно радовало.

Ему же следовало отправиться к своему работодателю, причём явно не в облиии королевского сына, иначе проблем не оберёшься. Так или иначе, наследные принцы советников не охраняют.

— Господин маг?

Рэй обернулся на смутно знакомый мужской голос, сталкиваясь со взглядом чёрных глаз стражника.

За годы, что они не виделись — восемь лет, серьёзный срок, как ни крути, — Кэор успел превратиться из мальчишки в полноценного стража и, судя по ободку обручального браслета, жениться тоже. Правда, даже на его извечно смуглой коже оставила отпечаток усталая бледность, а в тёмных глазах плескалось раздражение.

Мужчина смотрел на него, прищурившись, и откровенно не силился узнать. Шэйран хотел было ответить что-то, но не успел — одного взгляда синих глаз было достаточно для того, чтобы в Кэоре проснулась память.

Он на мгновение отступил от мага, после ударил себя ладонью по лбу, словно коря за то, что не узнал, и протянул руку для приветствия.

— Здравствуйте, — усмехнулся ему в ответ на рукопожатие Шэйран. — А вы тут, вероятно, стражник? Не подскажите, где искать Первого Советника?

— В тронном зале, — с той же неумолимой холодностью отозвался кузен, едва заметно кивая, показывая, что поддерживает игру. — Надолго вы к нам, господин маг?

— Предпочитаю остаться для дальнейшей работы.

— Тогда успехов. Как будет время, загляните в «Две берёзы», — речь шла о местной таверне, расположенной совсем рядом с замком — Рэй проезжал мимо, когда они

направлялись сюда, во дворец. — Можете даже там поселиться, если не будет возможности отыскать работодателя, способного предоставить вам место.

— Обязательно воспользуюсь вашим советом и попытаюсь вечером заглянуть на огонёк, — кивнул Шэйран. — Его Величество, как я слышал, ещё не во дворце, но вскоре должен приехать?

— Да, он в двух часах от Лэвье, но, говорят, безумно злой. Я б не стал попадаться ему на глаза, по крайней мере, до завтрашнего утра.

— Как видите, «Две берёзы» всё же не обойдутся от моего присутствия там.

Конечно, отец зол! И Кэор прекрасно понимал, почему именно — дядя Дарнаэл, ну, или Его Величество, кому как удобнее, терпеть не мог, когда его приказы нарушали. Шэйрана не должно здесь быть, не тогда, когда Лиара только и ищет повод для того, чтобы развязать войну, но ничего не поделать.

Вряд ли Рэй приехал бы сюда, если б у него были другие варианты, да и вообще — Лиара периодами действительно перепрыгивала через границы разумного, может, это и привело её сына сюда.

Во дворец их «кровного врага».

Во дворец его отца.

Шэйрану не понадобилось показывать, где именно находится тронный зал. Парень сам прекрасно отыскал нужную дверь и постучался в неё, услышав только писклявое «открыто».

Во времена отсутствия короля Первый Советник справедливо занимал его место. Нельзя сказать, что Вирру было положено таскать на голове королевскую корону или запахиваться в и для Дарнаэла даже длинную мантию, но всё же, на трон он уселся и ждал того момента, когда сирые и убогие, а заодно богатые и несчастные придут к нему опустошать свои карманы во время прошений.

Впрочем, сегодня Вирр не рискнул творить ничего подобного. Кэрнисс совершенно спокойно восседал на прелестном стуле, поставленном перед тронном, чтобы нельзя было увидеть само место для короля, и ждал кого-то или что-то. Дарнаэл скоро прибудет, и Вирр был первым, кого об этом уведомили, естественно, так что, можно было рассчитывать почти на тёплый приём.

Шэйран за три шага в тронном зале трижды разочаровался в том, что вообще решил перебраться в Эльвенту. Королевский советник не понравился ему с первого взгляда, разозлил со второго, с третьего вызвал отвращение. По крайней мере, судя по всему, больше всего его защищать придётся от самого Рэя — потому уже на четвёртом шагу он подавлял отчаянное желание рвануться вперёд и шибануть прямо в лысину могущественным заклинанием.

Тем не менее, парень выпрямился и внимательно посмотрел на работодателя, словно дожидаясь того момента, когда тот проронит хотя бы парочку слов.

— День добрый, господин Советник, — наконец-то промолвил он. На улице и вправду уже разгорелась отвратительная летняя жара, которую Шэйран, как северянин, терпеть не мог, и через пару часов прибудет король, сгонит Кэрнисса с его облюбованного стула, а тогда можно не переживать относительно отвратительного работодателя.

Папа придушит его первым.

— День добрый, день до... — Вирр проследил за тем, как через весь стол, между прочим, длиной в добрых метров двадцать, перелетела какая-то бумажка, которую он даже и не просил ему бросать.

Гонимая то ли ветром, то ли чем-то ещё, она скользнула в пальцы Первого Советника, и тогда он всё-таки соизволил ознакомиться с этой, несомненно, важной бумажкой.

— Хм... кхм... хэ-хэ-хэ-хэ-эм, — последний вздохнул был каким-то слишком затяжным, но Шэйран терпеливо ждал, пока ему соизволят уделить капельку внимания. Вирр перечитал грамоту раза три, пока наконец-то соизволил поднять голову, но взгляд его стал куда веселее, чем прежде. — О, господин маг! Рад вас видеть, господин маг, — довольно промолвил он. — Каюсь, ждал, ждал! Был уверен, что Его Величество из Вархвь приедет с магом, но...

— Я решил, что не стоит заставлять вас ждать, поэтому с позволения Дарнаэла Второго немного его опередил, — холодно отозвался Рэй.

Был уверен он, как же! Ясное дело, Вирр ждал на его месте молоденькую ведьмочку, хотя вряд ли та ведьмочка, даже если станет выбирать, между королём и Вирром предпочтёт последнего.

— И, должен признаться, — продолжил Вирр, — я сам неделю был не в столице, отпраиваясь, знаете ли, кхе-кхе, по делам. Да и мне казалось, что в Вархве магическая академия принимает исключительно женщин...

— Нет, просто в Эрроке в последнее время совсем туго с мужчинами, которым действительно позволяют колдовать, — сухо отозвался Шэйран. — Мне повезло.

— Ваши родители непредвзято относятся ко всему, что происходит, или являются кровными врагами королевы Лиары и решили таким образом ей насолить? — поинтересовался Первый Советник. О том, что творится обычно в Эрроке, он прекрасно знал, поэтому существование мужчины-мага вызвало немалое удивление.

— У меня нет родителей.

— О... — Вирр поднял на него стандартно безжалостный взгляд. Когда родителей нет, таким, как он, это только на руку. Никто не придёт взывать моральную компенсацию за несвоевременно убиенного кормильца. — А, позвольте спросить...

— Жены, детей и прочих родственников у меня тоже нет, — холодно отозвался Шэйран. — Никто казну в случай моей смерти не потревожит.

Кэрнисс довольно заухмылялся, даже не стал принимать подобное недовольное заявление за личное оскорбление. Молодым магам можно быть и немного резкими, а от него не убудет, если он продемонстрирует, что способен спокойно и с определённой ноткой сочувствия относиться к ним. Снисходительность во взгляде выводила ещё больше, и Шэйран предпочитал такое откровенное издевательство.

— Ну что же, это прекрасно, — Первый Советник наконец-то поднялся на ноги и, потирая маленькие потные ручонки, обошёл стол. — Рад слышать, что вы прибыли так быстро. Думаю, завтра вы вполне можете приступать к исполнению собственных обязанностей, но сегодня предоставить комнату ещё не могу.

Конечно, не мог. Ибо, предвкушая молоденькую магичку, он собирался предложить ей провести ночь в его палатах, чтобы охранять и ночью от всякой заразы.

— Скажите пожалуйста, господин маг, — продолжил Вирр. — Как мне вас именовать? У вас ведь есть имя...

— Можете не трудиться, «господин маг» меня вполне устраивает.

Вирр возмущённо бросился к грамоте, вычитал там имя и вновь вернулся, пытаясь занять полную благочестия и самодовольства позу, вот только получалось как-то плоховато. Шэйрану он доставал до груди, как и королю, а маг ещё и нагло взирал на него, не собираясь

демонстрировать уважение.

— Ну что ж... господин маг, — вероятно, противный советник так и не соизволил запомнить имя или так плохо разбирался в особом почерке эрроканских ведьм, что принял короткое «Шэйран» за нечто тридцатибуквенное, — и каким же объёмом магии вы располагаете? Мне хотелось бы быть в курсе...

Кто-то дёрнул за дверную ручку. Вирр нахмурился — ему хотелось пообщаться с магом наедине.

— Эй, вы, там, можете подождать хотя бы минуточку?! Я занят! — возопил Кэрнисс, а после повернулся к Рэю, словно дожидаясь ответа на свой вопрос.

Под аккомпанемент пристального взгляда Шэйран прищёлкнул пальцами, и в это же мгновение, когда язык пламени с его пальцев сорвался и домчался уже до люстры, временно перевешанной — или это стол кто переставил? — дверь отворилась, явив миру злого, как целая стая голодных волков, короля.

\*\*\*

«Две берёзы» оказались довольно шумной и при этом крайне дорогой таверной, но тем, кто трудился в замке на благо короля, а не местной торговли, цены уменьшали по крайней мере раза в два. Конечно, на Шэйране никто не отбил огромными буквами «королевский маг, защищающий Первого Советника», но Кэора хорошо знали, и все, кто только садился за стол вместе с ним, автоматически причислялись к служителям добра.

Шэйран сделал ещё один глоток из своего бокала — медовуху он недолюбливал, но уважал больше, чем, к примеру, самогонку, ту вообще в рот взять невозможно. Этот напиток тоже слабо тянул на что-то вкусное, но в «Двух берёзах» дорогие вина не подавали, а попивать водичку или чай как-то не с руки.

— Думал, он мне голову оторвёт, — протянул Рэй. — Такой злой приехал, словно Самаранта его проводила до самой границы, а тут встретила бабушка и довела уже до замка.

— О, да, Её Величество умеет, — фыркнул Кэор. Её Величество была бабушкой и ему самому; сестра Дарнаэла Тьеррона особо на свет не показывалась, но с матерью была на ножах, равно как и все остальные.

— Ну, ты ж сам понимаешь, — Шэйран отмахнулся от наглой служанки, что уже в третий раз осведомилась, не надо ли ему что-нибудь ещё подлить. — Он не особо рад тому, что я дал матери...

— Ещё один повод?

— Именно.

— Будто бы она станет за тобой следить, — стражник скривился. — Дядя Дарнаэл твою мать в последнее время последними словами клял, говорил, что она совсем уже потеряла остатки совести, но не буду ручаться, что до того совесть лилась в ней реками добра и радости.

— О, не надейся, — покачал головой Рэй. — Когда моей матушке нужно найти повод, а Эрла в это время смирно сидит на поводке дома, то не стоит ждать от неё столь яркой ненависти ко мне. Она вспомнит о том, как в младенчестве качала на руках, проливая по ночам слёзы, что родила сына, а не дочь, какой прекрасной матерью она была, соберёт своих вредных ведьм... Ну, а дальше ты и сам понимаешь, — парень поставил пустую кружку на стол. — А сам-то как? Женился, счастлив?

— Женился, — он как-то уж очень грустно вздохнул. — Думал, люблю, на край света готов за ней пойти, а оно...

Он махнул рукой в каком-то неопределённом направлении, словно пытался показать, что где-то туда оно пошло, то счастье, за край света, вместо счастливого влюблённого мужа.

— За Мартой Торрэсса? На край света? Наивный, — Шэйран покосился на шумную компанию, состоявшую из напрочь пьяных стражников-конвоиров, которые только-только прибыли в «Две берёзы», но служанку себе переманить уже успели. Девушка сначала только мелко хихикала, но после демонстрации золотой монеты явно разобиделась на эрроканский герб, повернулась к ним спиной и отправилась обслуживать другие столы.

В простой таверне цены были — что надо, только стража и гуляла, остальным даже споловиненными эти беспредельные расценки были не по карману, так что, служанка из новеньких, иначе с радостью бы поддалась, ещё и спасибо сказала за то, что уплатили хорошо, а не чёрт знает как.

Шэйран отвернулся — ему было не шибко весело наблюдать за всей этой пьяной компанией, но больше ничего хорошего всё равно на глаза не попадалось.

— Ну, знаешь, любовь зла. Вон, видел бы ты её братца сводного! — Кэор почти вздрогнул. — Бонье Торрэсса, сын королевы! О, да, дядя его знатно вышвырнул.

— Так он помчался в Эрроку, кланяться в туфли королеве, — отмахнулся Шэйран. — Знаем, плавали — побегает-побегаёт, да и опять сюда зайвится, потому что мать пошлёт его куда подальше.

— Наглый — жуть!

— Охотно верю.

Кэор пивом не побрезговал, а выпил даже залпом, только и утёр пену с губ рукавом. Недовольство во взгляде так и читалось.

— Она думала, что раз королевский племянник, то жить она будет в царских палатах, — прошипел он, — и считала, что это прекрасная партия, раз уж с Дарнаэлом не вышло...

— Бывает.

— Бывает, — охотно подтвердил Кэор. — Но да только что-то всё со мной да со мной, гори оно синим пламенем!

Он с такой силой толкнул кружку со стола, что та описала знатный круг и вписалась прямо в голову одному из стражников, судя по всему, не одному из приближённых, но всё же при должности, иначе б не рискнул обернуться и посмотреть на дебошира. Но королевского племянника он не признал и моментально вскочил на ноги, явно собираясь уменьшить Кэору количество зубов.

Шэйран был вполне трезв, но у кузена явно уже поплыло перед глазами. Ненависть то ли к супруге, то ли к её родне, то ли ко всему вместе копилась в нём две недели — король Дарнаэл свершил свою маленькую месть, а что дальше будет, так ему не шибко-то и важно.

Пусть хоть разведётся и выбросит на улицу, да только всё ещё хотелось верить в то, что Марта исправится.

Но ждать Марту Кэор не стал. Он поднялся на ноги и закачал рукава простой чёрной рубашки, которая на время сменила униформу стражника, ту самую, с красными полосами, а то и вовсе красную, чтобы свежую кровь не было видно. Второй, его соперник, оказался в кольчуге, и в обхват как знатный дуб в саду в Кррэа, вот только королевского племянника это явно не остановило.

Остальная компания одобрительно закричала и захопала, явно подгоняя своё начальство и подготавливая к бою.

— Сядь, — Шэйран дёрнул Кэора за плечо, пытаясь усадить обратно. — Их — десятеро,

оно тебе надо?

«Две берёзы» голосу разума не подчинялись, отнюдь. Напротив, драку ждали практически все, и маг только горестно вздохнул, подозревая, что вынужден будет принять в ней непосредственное участие.

Кэор не стал ограничиваться пивом и медовухой. Он ещё и демонстративно, с горла, добил бутылку «от заведения», что притащила ему та самая несговорчивая молоденькая служанка.

Она же быстро укрылась в дверном проёме — вероятно, таверну громили довольно часто, потому владелец заведения не особо-то и спорил, знал, кому можно будет потом предъявить счёт за порчу имущества.

Шэйран недовольно вздохнул. Остановить кузена не удалось, вселить в него здравый смысл тоже, а тот теперь от выпитого покачивался на месте и явно не собирался вести себя так, как полагается здоровому взрослому человеку.

Пьяный — он и в Эльвенте пьяный.

...Обиженный и ударенный бросился нападать первым. Размахнувшись, он попытался с первого же приёма уложить Кэора, но тот пошатнулся как раз вовремя, чтобы оказаться вне досягаемости чужого кулака.

Рэй скривился. Ну вот почему всё должно происходить именно тогда, когда резерв скорее наполовину пуст, чем вообще когда-то был хоть на капельку полон?!

Издавательство какое-то, право слово.

Тем не менее, Кэор не утомился на первом ударе. Последовал и второй — и получил его подвернувшийся под руку стражник из компании, но не тот, обиженный в первый раз.

Теперь все десятеро моментально взъелись и сочли это оскорблением. Кэора взяли за грудки и попытались вправить ему мозг путём уменьшения здоровья и целостности носа.

Он успешно отбил. Годы тренировок давали о себе знать, а личная охрана короля умела чуть больше, чем обыкновенная державная.

Первого и второго Кэор положил сам, но на большее парня не хватило. Кто-то за спиной отловил его за чёрные волосы и хотел уже было повыкалывать глаза, вот только не особо получилось. Пламя пролетело прямо у нападавшего перед носом и расколосось на миллион искорок. Желание держать соперника за волосы моментально пропало, и Кэор, вырвавшись на свободу, с силой ударил следующего нападавшего.

Остальные переметнулись на Шэйрана.

Первым был тот, по которому и попала кружка. Он надвигался на молодого мага самой настоящей горой, а Рэй запоздало вспомнил о том, что мог бы хоть меч прихватить или шпагу — у остальных, и у Кэора тоже, оружие было при себе, а он, как волшебник, ничего и не таскал.

Но, впрочем, сил на то, чтобы запрыгнуть на стол, более чем хватило. Поддев ногой какую-то тарелку, он магией направил её ровнёхонько в сторону несчастного нападавшего.

С того потекла парочка струек замечательного мясного соуса.

Клиенты не расстроились. Казалось, «Две берёзы» только и ждали, как бы это понаблюдать за дракой — все сбились в один угол и подпрыгивали, выглядывали, пытались увидеть побольше деталей.

Стражник полез за магом на стол. Шэйран перепрыгнул на следующий, а второй без особой помощи волшебства запросто проломился под «подмогой» в кольчуге.

Двое дебоширов заревели в один голос, отчаянно пытались убедить то ли себя, то ли



окружающих в том, что они пострадали.

Выбравшись из-под обломков стола, они рванулись напрямик на Шэйрана.

Времени спастись не было. Четверо уже лежало по уголкам — стараниями магии и Кэора, — но сам стражник тоже едва держался на ногах, а маг истратил всё, что только мог истратить.

Против мага без меча неударённый с мечом считался честной дракой, именно потому пришлось хвататься за близстоявший стул и принимать на него удар двуручником. Несчастливая спасительная деревяшка раскололась на две ровные части и тут же была выпущена Шэйраном.

Он вынужден был подпрыгнуть, чтобы избежать следующего удара, но приземлился удачно, наступив ногой прямо на пальцы того, кто посмел попытаться прирезать наследного принца, не догадываясь, впрочем, о его статусе.

Минус один.

Пока кто-то там выл на полу о своих сломанных пальцах, Рэй окончательно разочаровался в собственном волшебстве. Руки действовали как-то надёжнее. По крайней мере, следующий получил уже кулаком.

Кэор за спиной опасно накренился, а после свалился на пол уже от чрезмерного количества употреблённого алкоголя.

О маге моментально забыли. Уцелевшая четвёрка обозлённой стражи бросилась к повалившемуся парню, не разбирая, чем и куда бьёт, и вряд ли их мог бы остановить простой крик или даже удар.

Шэйран отреагировал скорее интуитивно, тоже врываясь в толпу, а после «Две берёзы» потряс громкий взрыв.

...Результат был живописным. По одному из стражников сиротливо пробегался язычок пламени, стремительно выписывающий на нём будущий ожог. Второго оплело какими-то побегам, вероятно, вазон решил стремительно взрасти и прорасти прямо сквозь него.

Лица ещё двух было рассмотреть нереально — но вот ноги из завала стульев торчали вполне живописно.

Сапог повис на люстре.

Шэйрану казалось, что его вывернули наизнанку. Один желающий, и можно даже не сомневаться в том, что мага тут же прирежут.

Но, увы, все желающие валялись по углам.

Кэор тоже не казался особо живеньким.

Впрочем, Рэй стражников недооценил. Они всё-таки решились напасть ещё раз, вытянули осторожно мечи и двинулись на него так неспешно, словно загоняли волка в угол или в волчью яму.

Тот не пытался метаться, но знал, что максимум, на что он способен — это вырастить проклятый вазон ещё сантиметров на двадцать. Физически сил тоже не осталось, пальцы едва сгибались, не говоря уже о магии — он и так воспользовался заклинанием куда сильнее, чем следовало.

Один стражник уже прижал было меч к горлу и вот-вот готовился провести им, чтобы ненавистный маг если не подох, то хотя бы серьёзно пострадал, но почему-то остановился. Глаза его расширились от удивления, а по рукам проползли знакомые веточки плюща.

Но Шэйран был готов поклясться в том, что в живую зелёную статую превратил врага не он. По крайней мере, если б так расстарался, то давно уже лежал бы тут мёртвой зелёной

статуей, в простонародье — банальным трупом.

Он нехотя обернулся, впрочем, вместе со всей таверной, и в дверном проёме узрел короля.

— Ну что, драгоценные, — Дарнаэл взвесил в руке свою шпагу, обманчиво тонкую против двуручного меча, — есть желающие подраться со мной, или я могу соскребать кости своего племянника с пола без особого вмешательства?

Сдавленный стон Кэора подтвердил, что особого сопротивления со стороны зала не последует.

\*\*\*

...Марта оказалась хрупкой девушкой лет двадцати со злым, колючим, преисполненным ненависти взглядом. Госпожа Торрэсса променяла дорогостоящие платья на вполне простое, потому что зарплата стражника не предусматривает ежедневный поход к швее, а её кожа стала какой-то мертвенной. Волосы были светлого оттенка, но до конца назвать её блондинкой всё же не получалось — скорее уж что-то серое, пепельное, смешанное с цветом пшеницы.

Со всем этим резко контрастировали насыщенно-карие глаза и тёмные брови, впрочем, настолько тонкие, что сама королева Лиара могла позавидовать их форме — но вряд ли сделала бы это. Длинные худые пальцы теперь были отнюдь не в идеальном состоянии, девушке явно приходилось хотя бы периодически что-то делать, и нельзя было сказать, что она получала от этого удовольствие.

Она отшвырнула тряпку, которой протирала стол, в сторону, и та теперь бесформенной грудой старой формы Кэора валялась в углу.

Шэйран девушке представляться не стал, мужа и короля она узнала и так. Кэор был в откровенно плачевном состоянии, но к утру обещал поправиться, и Дарнаэл косился на племянника не слишком-то уверенно, словно предполагая, на сколько дней ему давать отпуск.

— Ох, Ваше Величество! — Марта успешно проигнорировала мага и так милос улыбнулась королю, что Шэйрана почти перекосило. — Благодарствую, что привели этого... этого...

Найти достойную характеристику для Кэора она так и не смогла, только посмотрела на него с таким презрением, словно собиралась прямо сейчас, как только мужчины уйдут, и она останется с супругом наедине, пронзить вилкой и добить до смерти.

— Не стоит, Марта, — взгляд короля Дарнаэла казался грустным. Он устало — кажется, всего лишь делал вид, — опустил на предложенный стул и посмотрел на дражайшего родственника, откровенно поражаясь тому, как Кэор мог натворить подобные глупости.

...Стража как-то при виде короля растеряла весь свой пыл, оружие быстренько сдала и сама уплатила положенную ей долю разбитого, но инцидент нельзя было назвать исчерпанным. Кэору как минимум раза три тяжёлым сапогом заехали в живот, и раз в десять больше — по иным частям тела. Дарнаэл не просто разозлился — складывалось такое впечатление, что он собирался растерзать каждого, кто только посмел устроить драку. Впрочем, в результате большинство присутствующих всё же обошлось испугом, хотя король и приказал завтра же каждому прибыть к нему — вероятно, за выговором, а то и понижением.

За всю дорогу мужчина не проронил ни единого слова. Теперь он смотрел на Шэйрана так, словно тот собственноручно толкнул двоюродного брата на противников, да ещё и

приправил это неплохим магическим толчком.

— Может быть, вы чего-то желаете? — Марта склонилась над королём с таким видом, словно избили до полусмерти тут его. Дарнаэл отрицательно покачал головой, и в синих глазах его мелькнуло что-то схожее с презрением и раздражением. Торрэсса не стала настаивать, но воду всё-таки принесла; Тьеррон сделал лишь несколько глотков и передал стакан магу.

Резерв был выпит до последней капельки, и вода ему вряд ли могла помочь, но Шэйран не отказался. Казалось, что в горле кто-то провернул нож, а глаза жгло до такой степени, что он практически ничего не видел.

Вода отчасти помогла. По крайней мере, он смог нормально видеть и даже дышать, вот только от этого счастья как-то особо не прибавилось. Напротив, Марта показала настолько двуличной, что лучше было бы не видеть её вообще.

— Господин маг, — холодно промолвил Дарнаэл, поднимаясь на ноги, — я надеюсь, вы излечите моего племянника достаточно, чтобы завтра он мог хотя бы ходить?

— Да, Ваше Величество, — согласие далось с трудом. Рэю казалось, что одно ещё колдовство, и он превратится в испытый сосуд, который уже даже наполнять бесполезно.

— Рад слышать, — король похлопал его по плечу. — Уверен, у вас всё получится. Завтра жду вас на рабочем месте.

Марта скользнула по ним внимательным взглядом, а после улыбнулась магу на удивление мило, будто бы только сейчас поняла, что от него может быть какой-то толк. За всё это время она даже не посмотрела на Кэора, и отчаянная холодность вызывала практически отвращение — за что? Может быть, она пыталась продемонстрировать что-то ещё, открыть хотя бы что-то новое в своём поведении, но заметно не было. Кэор не лгал — действительно, жену хуже ещё надо было поискать.

Кошмарнее не бывает.

К огромному удивлению Рэя, магия появилась. Похлопывание по плечу путём передачи волшебства не прошло даром, и теперь волшебство в нём пусть не кружилось ураганами, но хотя бы жило.

Шэйран очень сомневался в том, что этого хватит на исцеление Кэора, но попробовать стоило. Если оставить его вот так, как он есть, да ещё и без моральной и физической поддержки со стороны супруги, то не факт, что стражник доживёт до утра.

Рэй сжал его запястье, посылая направленную магическую волну. Увы, но по пути волшебство уходило во все царапины, что только были на его теле; конечно, это неприятно, да и забирает капли крови и сил, вот только когда человека так сильно избили, последнее, чем стоит заниматься, это мелкие ранения.

Марта зависла над головой; она уже проводила Дарнаэла за дверь, а теперь явно дожидалась чего-то.

— Может быть, и не стоит, — внезапно холодно проронила она. — Ему не помешает хотя бы немного научиться отвечать за свои поступки.

— Его спровоцировали, — парень попытался ответить равнодушно. Почему-то подобное отношение вызывало отчаянное отвращение — разве она имеет право вести себя вот так? Разве вообще нормальная жена будет так отчаянно ненавидеть собственного мужа и желать ему смерти?

Впрочем, будет. Если она из Эрроки, то ждать можно чего угодно, его драгоценная матушка тому пример.

Тем не менее, Марта из Торресского архипелага. Тоже не самое лучшее место на земле, конечно, но до эрроканских правил там очень и очень далеко. И принципов матриархата там тоже никто не придерживается, разве что некоторые ярые последователи Королевы Лиары, но в таком же количестве на островах можно отыскать и последователей Дарнаэла, и вряд ли принцесса принадлежала хотя бы к одной из этих групп.

Она устроилась на стуле по ту сторону кровати и для вида взяла Кэора за руку. Тот что-то хрипловато простонал, и это отнюдь не были благодарственные слова в сторону супруги.

Шэйран склонился над ним, расстёгивая пуговицы рубашки — грудь превратилась в окровавленную кашу, и как минимум четыре ребра было сломано.

Он осторожно коснулся кожи ближе всего к сердцу и пустил волну по крови. Послышался хруст, и Кэор едва слышно застонал — но это свидетельствовало о том, что рёбра стали на место и срастались. Конечно, не факт, что у него не отбиты внутренности, но была хотя бы какая-то гарантия того, что при первом же движении стражник не отправится в мир иной, к своему дедушке и многим другим родственникам.

А он ведь тоже мог бы быть принцем, и был бы им, признай Дарнаэл племянника своим наследником.

Впрочем, оно и так подразумевалось, что если Тьеррон-старший погибнет, то следующий мужчина в их роду возьмёт бразды правления в свои руки. И Шэйрану очень не хотелось бы оказаться тем самым следующим.

Только не это.

Постепенно магия иссякала, но и Кэору становилось лучше. Конечно, проще колдовать без пристальных взглядов со стороны Марты, но прогнать он её тоже не мог, разве что попросил не брать мужа за руку — это только приводило к лишней растрате волшебства и на её мелкие болезни тоже.

— Откуда вы? — наконец-то спросила она. — Откуда родом, я имею в виду.

— А что?

— Вы с королём похожи, — отметила Марта. — Не так, как похожи друг на друга дарнийцы, стандартный набор глаза-волосы-кожа. Нет, во-первых, у вас тоже синие глаза, во-вторых, вы бледны, а в-третьих, черты лица...

— Просто сходство, — отмахнулся Шэйран. Внешность могла стать неприятной преградой; конечно же, тут его ещё проигнорируют, но в Дарне, где синеглазые и бледные временно представлены были только королём Дарнаэлом, могли возникнуть вопросы. Впрочем, если не представляться коренным жителем, то он никому не будет нужен.

— Так всё же откуда?

— Из Эрроки. Закончил местную магическую академию в Вархве, — сухо ответил Шэйран.

Марта ему не нравилась, причём во всех смыслах этого слова. Хоть она и считалась довольно красивой, но что-то в этих уложенных в обыкновенную косу светлых волосах, состоявших то ли из пшеничных, то ли из мышинных прядей, в её взгляде было не так. Что-то, что не давало ему покоя.

Конечно, карие глаза смотрели уже немного мягче, да и теперь она просто мирно теребила ткань своего простого платья, но Шэйрану казалось, что такая, как Марта, запросто может вытащить нож и ударить неудобного оным в сердце.

— Вы не похожи на эрроканца. Неужели вы родом оттуда? — удивилась она. — Никогда бы не сказала.

— Уж поверьте, Эррока не состоит из сплошных златоволосых, — отмахнулся он. — Там встречаются даже те, кого можно принять за настоящего дарнийца, не говоря уж обо всём остальном.

— О, внешность — это ерунда! — Марта отмахнулась. — Она не имеет значения. У вас взгляд отнюдь не эрроканского мужчины, — он так удивлённо посмотрел на неё, что девушка поспешила пояснить: — Ну разве вы в своей Вархве не видели никого из мужчин? Глаза опущены в землю, при виде женщины желание упасть на колени так и вспыхивает... Это чувствуется. Эрроканские мужчины покорны, как те овцы, — она закинула ногу на ногу, и проклятое платье, оказавшееся с длинным разрезом, хотя вроде было абсолютно простым, — спало длинными полосами ткани по сторонам. Обнажённые колени никакого удивления у Шэйрана не вызвали, и она лишь весело улыбнулась, словно пыталась спровоцировать, да только попытка не увенчалась особым успехом. — Ну, это ведь так просто! Они готовы умолять женщину, чтобы она хоть посмотрела в их сторону, соизволила остаться рядом... Готовые рабы, королеве удалось обратить их в тех, кого она желала видеть.

— И чем же я не тяну на эрроканца? — издевательски изогнул бровь Шэйран. Магия уже перестала литься по его пальцам, и он откинулся на спинку стула, на котором сидел. — Пора отпускать глаза, или, может быть, даже рухнуть на колени, госпожа Торрэсса?

— О! Вот этим и не тянете, — она рассмеялась. Смех был довольно звонким, словно какие-то маленькие колокольчики, да и вообще, улыбка озарила лицо экс-принцессы крайне неожиданно. — Вы спорите, пререкаетесь, не признаёте моё превосходство! Это ведь великолепно! Вы из тех мужчин, что на коленях перед королевой Лиарой будете смотреть на неё с вызовом... Не говоря уж о какой-то ведьме. Мне это нравится, — она подмигнула ему.

Шэйран не отреагировал на этот жест, словно и не заметил. Может быть, Марта с каждым заводит такие разговоры, но это было совсем не признаком её крайней верности своему супругу.

— Я не собираюсь падать перед королевой Лиарой на колени, — скривился он. — И даже если у вас похожий дар, ничего не получится, госпожа Торрэсса.

— Почему это?

Он поднялся, игнорируя пристальный взгляд — в конце концов, Марта умела соблазнять только не владеющих магией мужчин.

— Потому что, как и каждый уважающий себя маг, я способен игнорировать ментальное вмешательство.

— Я видела королеву Лиару, — Марта расправила плечи, соблазнительно посмотрела на него и вновь рассмеялась. Вряд ли в ней было магии больше, чем на этот звонкий смех — но он способен забить голову каждому мужчине, что пройдёт мимо, если он, конечно, не ждёт нападения. — Никто не способен сопротивляться её чарам, даже если выставляет самые мастерские блоки.

— У меня иммунитет от природы, — осклабился Шэйран. — И, пожалуй, нет никакого желания продолжать этот разговор.

— Вы останетесь? — она подошла к нему слишком близко, платье вновь приняло нормальные очертания, а снежно-белая кожа будто бы сияла в полумраке комнаты. — Вероятно, вам ещё не успели выделить комнату, да и... — она покосилась на супруга. — За Кэором надо присмотреть, разве нет?

— Надо, — кивнул Шэйран. — Но присмотреть — это означает занять стул рядом и смотреть на него всю ночь, или хотя бы дремать где-то рядом. Это я и собираюсь сделать,

когда вы отправитесь спать.

— А если не отправлюсь?

Она говорила почти с вызовом, но было видно, что особого желания отвечать на её слишком уж наглые попытки его соблазнить у Шэйрана нет. Слабость от опустошения магического резерва зияла дырой в настроении, ауре и всём, что только зависело от морального состояния парня.

Марта разочарованно вздохнула и тоже заняла стул напротив Кэора, не спуская, впрочем, с гостя внимательного взгляда.

— Нет, — протянула она, — нет, вас нельзя назвать эрроканцем, это кощунство. Ни капли страха, словно воспитывались... — она осеклась. — Вы напоминаете мне дарнийца, но не до конца.

— Я полукровка, — холодно ответил Шэйран. — И отнюдь не собираюсь водить пространственные речи относительно моего происхождения, госпожа Торрэсса.

— С вас получилась бы прекрасная партия.

— Где-то я уже это слышал, — он вытянул ноги и откинулся на спинку стула, словно и не услышал недовольный скрип этого предмета мебели. — Что тогда, что сейчас мне кажется это весьма сомнительной перспективой.

— Может быть, когда-то вы передумаете, — весело заулыбалась она, но звонкий соблазнительный смех больше не прозвучал. — Во мне есть несколько капель Эрроки, и этого достаточно для того, чтобы подчинять большинство мужчин, но вы кажетесь более интересным экземпляром.

— Рад слышать.

Когда-то о хорошей партии ему говорила Тэзра. В Эрроке считалось счастьем родить девочку-мага, но для этого надо было ещё найти мужчину с корнями магии, чтобы у ребёнка действительно проснулся дар. Периодами это казалось довольно трудным, а теперь, когда мужчинам запретили использовать магию... Впрочем, сейчас Шэйран не думал о дурости матриархата и матушки, что старательно сталкивала свою собственную страну в пропасть бездарности и всех прочих последствий отсутствия волшебства. Это казалось страшным, да, но ведь ещё есть время всё исправить.

Но не его время.

Он вытянулся и недовольно покачал головой, скосил взгляд на Кэора, посылая по пальцам дополнительный поток волшебства.

Тот что-то просипел сквозь сон — вероятно, завтра уже вполне сможет встать и нормально ходить, даже доберётся до короля Дарнаэла, вот только разговор ничем хорошим точно не закончится, по крайней мере, Рэю так казалось.

Марта склонилась над мужем, коснулась холодными, тонкими губами его лба, а после выпрямилась и пристально посмотрела на мага. Она будто бы пыталась намекнуть ему, что что-то знает, но взгляд явно оказался не до конца действенным, и девушка лишь немного недовольно покачала головой, но поспешила уйти.

Складывалось такое впечатление, что с магом она связываться боялась. Коварная месть при участии Кэора не сложилась, родное государство рыдать не стало, а король Дарнаэл не спешил умирать.

Хотя до сих пор не назначил своего официального наследника.

Коварство всегда было свойственно торрессцам, но думать об этом сейчас казалось глупым.

Шэйран попытался игнорировать отчаянное желание и вовсе уснуть тут навсегда и больше не слышать ни единого восклицания со стороны недовольной дамы или кого-то в этом роде. К тому же, Вирр, которого ему следовало защищать, тоже не внушал доверия, вот только парень ещё ни разу не пожалел о том, что всё-таки приехал в Эльвенту. Родная страна его ещё не сломила, но уже почти намеревалась это сделать — ни один мужчина в своём уме не останется в Эрроке, если у него будет шанс оттуда сбежать.

Королеву Лиару можно остановить — но непобедимая Эрри, как она любит себя называть, никогда не позволит врагу ужиться на собственной территории, ограниченной вполне логичными границами.

Всё рано или поздно заканчивается, и хорошее и плохое, вот только плохое затянулось на двадцать два года.

И чёрная полоса ещё не спешила подходить к своему логическому завершению, уступив всего одному-двум белым денькам.

\*\*\*

Утро наступило как-то неожиданно. Шея затекла, глаза слипались, да и выпитое вчера тоже давало о себе знать. Шэйран понимал, что виновен в этом не алкоголь, а магическое истощение, но, поднявшись, внезапно почувствовал, что волшебство почти полного резерва всколыхнулось в нём сплошной волной.

Это почему-то не обрадовало. Магических жил в Эльвенте хватало, конечно, и он мог задремать на одной из них, вот только об этом хотелось бы знать. Странно, складывалось такое впечатление, словно силы в нём не восстановились, а скорее...

Скорее озеро увеличилось в два раза, и наполовину оно уже было залито магией.

Шэйран, впрочем, не спешил об этом думать — потом, когда будет возможность, вернётся к этому вопросу. Он встал, потянулся, а после перевёл взгляд на всё ещё израненного, но всё равно более-менее здорового Кэора.

Тот тоже нехотя открыл глаза. Супруга и не думала дежурить рядом с ним, но от Марты этого никто и не знал.

Чернота радужки показалась излишне неприветливой — сквозь боль пробивалось понимание того, что его почти что бросили на произвол судьбы, хотя неженкой, нуждающейся в постороннем внимании, Кэор никогда и не был.

— Доброе утро, братец, — оглянувшись и убедившись в том, что госпожи Торрэсса рядом всё равно нет, протянул Шэйран. — Вставай, драчун, Его Величество желает видеть тебя у него в ногах с объяснительной.

— Ты уверен, что после вчерашнего мне вообще полагается подниматься на ноги? — как-то неуверенно уточнил Кэор.

Казалось, он всё ещё был уверен в том, что его парализует — Рэй вчера полночи просыпался каждые десять минут и добавлял целительские заклинания, удивляясь тому, что сам ещё не умер.

Переломы рёбер оказались ещё очень и очень маленькими повреждениями — кто-то с такой силой ударил несчастного по позвоночнику, что паралич был ему практически гарантирован. На одном из ранений Шэйран сам чуть не отправился к праотцам, но вроде бы справился и сумел излечить двоюродного брата.

— Полагается, — Шэйран протянул ему руку, предлагая подняться. Кэор почти благодарно схватился за неё, рывком вскакивая с кровати. Марта так и не появилась — она, вероятно, уже успела куда-то улизнуть, а теперь отнюдь не планировала возвращаться к

драгоценному супругу.

Кэор сначала прихрамывал, но после выпрямился и вроде бы как нормально шагал вперёд. У двери в тронный зал — на его законном месте, — никого не было, поэтому Шэйран справедливо рассудил, что они вполне могут зайти и так.

На троне восседал Дарнаэл. Короны на его голове не было, правительственной мантии на плечах тоже, а скипетром он размахивал так, словно собирался пришибить Вирра на месте. Кэрнисс, казалось, едва подавил желание спрятаться за спиной собственного мага, но, как только Шэйран и Кэор переступили порог, моментально успокоился, да и король больше никого душисть не пытался.

— Замечательно, — холодно промолвил Тьеррон. — Рад, что вы наконец-то сюда явились. Вирр, позови стражницу.

— Но...

— Вирр, позови стражницу, — сухо повторил король. — Немедленно, если ты хочешь, чтобы она заняла его место, а не твоё. Ты меня понял?

Кэрнисс сорвался с места и моментально покинул тронный зал, умудрившись как-то поразительно быстро пересечь его на своих коротких ножках. Несчастный так стремительно захлопывал за собой дверь, что даже прищемил палец и взвыл, но вернуться не осмелился.

— Садитесь, господин маг, — Дарнаэл указал ладонью на стул, предлагая Шэйрану занять положенное ему место. — А вы, Кэор, скажите-ка мне, как дошли до того, что подрались с десятком пограничника в таверне?

Кэор молчал. Казалось, в ответе не нуждался и сам Дарнаэл — он уже давно придумал и наказание, и то, как всё должно пройти.

— Будь на моём месте кто-либо другой из вашего начальства, — проронил король, бросив короткий взгляд на дверь, словно упоминая Вирра, — вас бы уволили, а то и отправили на исправительные работы. В любом случае, радуйтесь, что королевская казна не отказалась уплатить «Двум берёзам» заслуженную ими компенсацию, а я отговорил их писать на вас жалобу, — скипетр в его руке, казалось, собирался разломиться на две части. — Но позволить вам оставаться на занимаемой ныне должности я не могу. Личная стража короля не должна его компрометировать.

Шэйран опустил голову.

Это был приговор. Дарнаэла уже вряд ли кто-то переубедит, да и желающих подвернуться под его горячую руку не будет. Кэору надо радоваться, что его не отправили на публичную кару, вероятно, преступление, совершённое в проклятой таверне, король прощать не планировал.

— Ваше Величество, я...

— И вы переводитесь в обыкновенный гарнизон. Будете охранять королевский замок, возможно, займёте место привратника, всё равно наш старый специалист теперь пострадал... вашими молитвами, — было видно, что привратник тоже принимал в драке непосредственное участие, и король был крайне недоволен тем, какой он посильный вклад сделал в совершённое. — Так или иначе, работа у вас будет.

— Как прикажете, Ваше Величество, — Кэор вытянулся и постарался смотреть прямо в глаза королю.

Шэйран мог себе только представить, каким отчаянным было желание немедленно отвернуться и уйти подальше отсюда — но Кэор попросту не мог позволить себе это сделать. Если ему хочется получить хоть какую-то должность, конечно же, а не вылететь пробкой из



замка.

— К тому же, — продолжил равнодушно Дарнаэл. — На вашу должность пришла достойная замена.

Словно подчиняясь словам короля, отворилась дверь. Сначала миру явился Вирр, а за ним и девушка в стандартной униформе местной стражи.

Красные полосы на её рубашке горели особенно ярко, это было явно новый вариант, к тому же, девушка казалась невероятно гордой тем, что сумела получить работу. Её яркие синие глаза вспыхнули уверенностью в собственных силах, и она поклонилась королю, готовясь в благодарностях пасть на колени.

Шэйран едва посмотрел на неё, но знал, что Сандриэтта не из тех, кто откажется от подобной милости.

Кэору можно даже не надеяться на то, что он вернётся на прежнее место, никто ему сделать этого не позволит.

Возможно, никогда.

— Кэор, свободен, — повелительский жест Дарнаэла показывал, что спорить и сейчас смысла нет. — Сандриэтта Баррэ, вы готовы занять место своего коллеги сегодня, или смену будем проводить завтра?

— Как вам будет угодно, Ваше Величество, — Сандре удалось как-то удержать тонкую грань между подобострастным выражением и обыкновенной благодарностью и верностью. Она склонила голову, уже во второй раз, выражая всем своим видом, что сегодня готова остаться хоть до ночи, если Король пожелает.

— Тогда, Кэор, у вас день отдыха. Надеюсь, воспользуетесь им по назначению, — холодная ненависть в голосе Дарнаэла куда-то пропала, сменившись на почти попечительский тон. — И отправьте письмо матери, скажите ей, что отделались лёгким испугом после этой драки. Я не желаю видеть её в этом замке с ужасом во взгляде.

Кэор поклонился и ушёл. Задерживаться он больше не собирался, даже не испугался подобного холода со стороны родного дяди, словно и не надеялся ни на что большее. \

Шэйран перевёл взгляд на отца, но тот теперь смотрел на своего советника.

— Прикажете, чтобы завтрак для нас... и господина мага принесли сюда, — сухо проронил он. — Немедленно. Сандриэтта, приступайте к своим обязанностям.

Девушка вышла в ту же секунду и заняла место у двери. Она казалась даже в униформе настолько хрупкой, что вряд ли удержала б хоть одного врага, вот только король Дарнаэл явно не волновался по этому поводу. Вирр улизнул, чтобы отправиться на кухню и заказать завтрак — с королём не шутят.

Шэйран так и не поднялся со своего места. Он опустил голову на руки, словно пытаясь рассмотреть что-то в поверхности стола и ткани своей собственной одежды, что отнюдь не совпадала с униформой мага.

— Вы, господин маг, тоже можете получить одежду, паёк и ключ от комнаты у кладовщика, — продолжил Дарнаэл тем же сухим, официальным тоном, что и прежде. — Думаю, пора избавиться от эроканских знамён.

— Как прикажете, — Шэйран поднялся было, но король осадил его коротким жестом.

— Позже.

...Вирр довольно скоро вернулся. Рэй только сейчас заметил его шутовской наряд — зелёные штаны, красный камзол, что едва-едва смыкался на округлом животе. Кэрнису надо было срочно садиться на диету.

Король не пожелал, чтобы к нему придвигали стол, поднялся и сам занял место за столом, даже не согнав Первого Советника с того места, что предназначалось главному. Он уже потянулся было за кубком, вот только, кажется, Вирр не был настроен так радикально и отравлению короля собирался воспрепятствовать.

— Может быть, господину магу стоит всё-таки проверить, всё ли в порядке с напитками? Слуги вели себя сегодня довольно странно... — протянул он.

Шэйран беспрекословно поднялся со своего места и взял в руки кубок короля, сделал даже глоток той самой ненавистной медовухи из «двух берёз».

— Всё в порядке, — он поставил посудину на месте. — И еда тоже. А вот у вас, господин Первый Советник, что-то не так с тарелкой.

Вирр подпрыгнул на месте, но удостоился только короткого смешка со стороны короля.

— А что с ней не так? — осведомился он.

— Еда, — Шэйран оставался всё так же холоден и равнодушен. — Позвольте, королю свинина не помешает, а вот вы б не занимались каннибализмом.

— Это человечье мясо?!

— Конечно же, свиное.

Казалось, до Вирра только сейчас дошло, о чём шла речь, и он отбросил в сторону вилку и возмущённо посмотрел на мага. Впрочем, король усмехнулся и, кажется, перестал желать придушить каждого своего собеседника, потому и Кэрнисс не стал провоцировать его на новый приступ гнева.

В любом случае, нынче это имело наименьшее значение. Еда казалась пресной, Рэй почти не чувствовал вкуса, да и аппетита не было — ему покоя не давала собственная магия, что почему-то рвалась на свободу.

— Сегодня должен прибыть Изгнанник, — наконец-то проронил Первый Советник. — Мне казалось, вам будет полезно с ним пообщаться...

— Будет, — кивнул Дарнаэл. — Надеюсь, господин маг способен встретить своего коллегу, не так ли?

Шэйран только кивнул.

О том, кто такой Изгнанник, он до этого даже не догадывался, но отказать не имел ни малейшего права.

— И вечером зайдёте ко мне в покои.

Рэй кивнул. Получать от отца очередную выволочку хотелось меньше всего, но отказать опять-таки не получилось.

Вирр как-то смущённо кашлянул и перевёл взгляд на короля.

— Ну, сказали бы, что вам нравятся такие, я бы мигом... — пробормотал он, но король, подхватив понравившееся яблоко, метко запустил его прямо в советника, откровенно намекая, что водить с ним такие разговоры не намерен.

Уже за дверью, окончательно осознав, о чём шла речь, Шэйран поперхнулся от смеха — но возвращаться и поправлять Вирра не стал.

\*\*\*

Конь недовольно фыркнул. Тащить его в королевские конюшни было обязательным уговором; с кладовщиком Шэйран уже повидался, ключи и паёк получил, вот только лошадь явно стремилась отыскать дом родной.

— Здравствуйте, господин маг, — окликнул его звонкий девичий голос. Парень обернулся — Марта Торрэсса тоже остановилась у входа в конюшню, словно планировала

отправиться на прогулку верхом и искала себе спутника. Правда, там она уже явно побывала; симпатичная белая лошадка топталась совсем рядом с девушкой и даже почти ей подходила.

На сей раз Марта решила отказаться и от дамского седла, и от неудобного платья, а была в костюме для верховой езды, но Шэйран интересовался ею исключительно как супругой двоюродного брата.

— Здравствуйте. Вы в курсе, что Кэору лучше б не иметь контактов с лошадьми примерно неделю, пока кости не укрепятся? — магия магией, но Шэйран был уверен в том, что на полноценное исцеление ему не хватило бы сил, а значит, его кузену было б неплохо побережться.

— Я собираюсь ехать одна. Но если вы желаете составить мне компанию...

Шэйран отрицательно покачал головой. Даже если б у него нынче не было срочного задания — встретить того непонятого мага, — он и не подумал бы составлять Марте компанию. Госпожа Торрэсса была той ещё коварной искусительницей, конечно же, но это отнюдь не означало, что её «подлые да коварные чары» влияли абсолютно на всех. По крайней мере, Шэйран не испытывал никакого желания общаться с отвратительной ему девушкой, для которой верность, как и для всех торрессок, казалась пустым словом.

— Очень жаль, что вы отказываетесь, — покачала головой она. — Но, впрочем, не смею заставлять, если уж придворный маг столь занят...

Она потянула лошадку за собой, и та нехотя повиновалась. Короткое касание тонких пальцев и хрупкой ладошки Марты вызвало только раздражение, но наконец-то конюх вспомнил о том, что можно было бы любоваться не только на точёную фигуру замужней дамы, а ещё и на коня, которого ему привели, и Шэйран выбросил её из головы.

...Королевские ворота открылись с тихим скрипом. Марта могла бы прогуляться и в саду, но там одиночества искать не следует, да и всегда можно увидеть Кэора, не слишком обрадовавшегося подобным прогулкам драгоценной супруги.

Конечно же, девушка не стремилась нынче к абсолютному спокойствию, но видеть мужа не желала.

Всего лишь разменная карта.

Она надеялась, что он, как законный наследник короля Дарнаэла, будет заявлять хотя бы что-то, будет требовать повышения, а не торчать в простых стражниках, а чем оно всё закончилось?!

Даже понизили!

Марте не хотелось и думать о том, что она теперь супруга не личного стража короля, а какого-то привратника. К тому же, теперь у Кэора служба далеко не круглосуточная, много выходных, а значит, дома придётся терпеть его ещё дольше.

Она легонько коснулась каблуками боков лошади, и та немного ускорила, въезжая в подобие сада вокруг города.

Тут, вне границ Лэвье, дышать было куда легче. Марта ненавидела рыночные площади и вечный шум столицы, поэтому здесь, в тёплом, спокойном подлеске чувствовала себя почти свободной.

Конечно, до Трийского леса ещё ехать и ехать, но девушка и не собиралась этого делать. Насладиться отсутствием суеты можно было и тут, около столицы, а возвращаться до позднего вечера она не хотела.

Могла бы — не вернулась и до утра.

...Она собиралась пустить лошадь рысью, чтобы отъехать подальше от дороги, но та не

проскакала и нескольких метров, как поводья перехватила чья-то излишне грубая рука.

Марта пугливо оглянулась — она никого не ждала, и теперь подобная остановка послужила неожиданностью не только для лошади.

Незнакомец нехотя вышел из тени. Среднего роста, но сильный, хоть и стройный — пожалуй, иначе он не смог бы остановить лошадь. Конь смотрел на него крайне недоверчиво, фыркал и пытался вывернуться, но Марта оценила взгляд прищуренных чёрных глаз, холодный, мрачный, но, тем не менее, принадлежавший точно уж волевому и сильному человеку.

Человеку, что, в отличие от её мужа, хотя бы немного желает власти.

— Госпожа Торрэсса, — он повернулся к ней другой стороной, показывая уродливый шрам на щеке. — Я думаю, нам есть о чём поговорить.

— Я вас не знаю.

Марта пыталась говорить с максимальным достоинством, вот только интерес съедал её изнутри.

Светловолосый ей понравился. Она окинула его оценивающим взглядом, задержавшись на сильных пальцах, сжимающих поводья её лошади, и едва заметно улыбнулась.

— Меня зовут Рри, — холодно представился он, протягивая ей руку. — Госпожа Торрэсса, я думаю, нам есть о чём поговорить.

Марта задумчиво кивнула, приняла помощь и тут же звонко засмеялась — смехом, содержащим ту единственную капельку магии, что только у неё была.

\*\*\*

День постепенно дошёл до своего пика. Жарило невероятно — Шэйран недовольно косился на солнце, что так и стремилось вывести его из себя, и вздыхал. Казалось, единственным логичным желанием в сложившейся ситуации могла быть только страсть к побегу подальше от города.

Коня он оставил в конюшне, а теперь битый час торчал у ворот, надоедливых стражников приходилось попросту отгонять.

— Господин маг! — в очередной раз одёрнул его какой-то юнец, невысокий и такой худой, словно три дня не видел даже грамма еды. — Может быть, вам помочь? Опишите, кого ждёте, и идите себе, мы его поймаем... встретим, то есть, и тут же к вам и отошлём! А?

— Я сам понятия не имею, как он выглядит, — отмахнулся Шэйран.

— А узнаете?

— Узнать-то узнаю, — он покачал головой, — вот только не факт, что смогу описать так, чтобы узнали вы. В общем, постою, ноги не отсохнут.

Паренёк вздохнул. Он явно был чужим для прочей стражи и стоял тут только временно, подменял кого-то. Из внутреннего гарнизона, с рубашкой с чужого плеча, в тонкой, но плохо сделанной кольчуге, зато без заостренной злобы стражников Вархвы, готовых растерзать каждого, на которого только укажет благословенным перстом хозяйка, будь она неладна.

Какая королева, такие и Высшие. Какие Высшие, такая и стража.

Какая стража, такой и народ.

Шэйран оперся плечом о ворота и ещё раз вздохнул. О том, кто такой Изгнанник, ему сказал спешивший куда-то Вирр. Маг, ещё и Высший, могущественный волшебник, которого вытолкали из замка ещё при правлении Королевы, матери Дарнаэла Второго.

Магию в Элвенте, мягко говоря, не любили. Нет, официально закона, запрещающего магам здесь жить и править, не было, да и Дарнаэл смотрел на ситуацию сквозь пальцы, вон,

даже своему советнику позволил штатного завести. Но и в Эрроке официально было утверждено разве что то, что наследная линия идёт по женской линии, а остальное королева Лиара старательно дополняла толкованиями и прочей ерундой, изгоняя куда подальше неугодных ей людей.

А как только ей удастся искоренить мужчин, она возьмётся за ведьм, чтобы остаться единственной могущественной во всём своём королевстве, что к тому времени от женского тщеславия Лиары вымрет, да и было таково.

Парень покачал головой, отгоняя дурные мысли. Он даже не знал, как звали Изгнанника, не понимал, почему тот решил почтить своим визитом короля, хотя вот уже сколько лет прятался на стыке двух королевств, шагая туда-сюда через магическую защиту, но принять его был обязан.

— А в Эрроке правда так много колдунов? — неуверенно переспросил паренёк. Кроме новоявленного мага у него компании больше не было, и тот решил, что имеет полное право доставать Рэя — пока тот не соизволит отогнать его от себя подальше, но Шэйран пока что не шёл на столь кардинальные меры.

— Да, правда, — кивнул рассеянно он. — Не так чтобы уж очень, но в основном волшебники есть в каждом городе в большом количестве.

— Так если мы на них нападём, или они на нас, то мы всё равно проиграем? — как-то грустно уточнил паренёк.

— Не факт.

Конечно, всякое может быть, но Дарнаэл не вышел бы с той войны окончательным победителем. Он сужал круг вокруг Эрроки, но не лез туда сам, предпочитая откусывать мирными договорами каждый год по ещё одному метру земли.

Конечно, такими темпами, когда Эльвенте будет принадлежать всё на континенте, кроме проклятой Эрроки, он сможет добить Лиару, но до того... Впрочем, Шэйран до конца не понимал, на что рассчитывает отец, старательно отказываясь от помощи магов.

Волшебство нужно Эльвенте. Ведьмы могут выкосить половину армии, пока их изничтожат, и даже если Дарнаэл победит, он всё равно выйдет после проклятой войны слишком потрепанным, растеряв всю былую мощь.

Но это только его дело.

По крайней мере, Рэй предпочитал не вмешиваться, не сунуть нос не в своё дело, да и вообще, поменьше думать о том, что вообще-то его не касалось. Пока что не касалось, конечно же.

Он всмотрелся в толпу и облегчённо вздохнул. Что б ему ни говорили, но не узнать Высшего было довольно трудно, пусть тот давно уже пересёк черту в сто лет и должен был оказаться не мужчиной годов пятидесяти, а древним старичком.

...Маг знатно выделялся из толпы. Среди потока дарнийцев и коренных жителей Эльвенты, в преимуществе своём если не темноволосых, то хотя бы русских, он буквально светился отчаянной, грязной какой-то сединой.

Да и черты лица были странно мятыми, не так, как у старого человека, скорее уж это потянуло бы на отпетого любителя алкоголя.

Шэйран пожал плечами, приближаясь к волшебнику — кто их, Высших, знает? К тому же, двадцать с лишним лет изгнания — это не один день, каждому они пойдут во вред, и маг не обязан оставаться исключением.

Рэй немного недовольно нахмурился, когда увидел, что тот свернул в основную очередь.

Потерять из виду мага было довольно трудно, но, тем не менее, всё возможно, когда человек самым наглым образом старается слиться с толпой, вопреки тому, что вообще-то из неё выделяется.

Светлые волосы торчали каким-то глупым ёжиком, да и вообще, всё во внешнем виде откровенно намекало на то, что маг был отнюдь не зажиточным. Старый наряд больше напоминал женский цветастый халат, а не одежду порядочного мага, да и вообще, недовольство отпечатывалось в каждой морщинке.

Впрочем, Шэйрана это не остановило.

Маг уже почти сбежал куда-то, когда Рэй наконец-то успел отловить его за руку и остановить.

Тот обернулся, досадливо стряхнул ладонь парня со своего плеча, а после расслабленно вздохнул.

Глаза, светлые, почти водянистые, воззрились на него с таким выражением, словно Шэйран свалился на Изгнанника с того света, а теперь стремительно тянул за собой.

— Здравствуйте. Вы...

— Да, — устало улыбнулся волшебник. — Вы местный маг, как я понимаю? — он вышел из толпы и последовал за Рэем, даже не порываясь отставать и тянуться в толпу вновь, чтобы затеряться среди неё. — О, да, как замечательно, что Дарнаэл решился всё-таки пойти на маленькое содействие... Ох...

Шэйран остановился уже тогда, когда они оказались во дворе замка. Маг оглянулся и вновь посмотрел на него.

— Тэллавар Гартро к вашим услугам, — заулыбался он и даже протянул руку для рукопожатия, будто бы ждал ответного жеста.

Шэйран действительно сжал его старую, сухую ладонь, понимая, что иначе обидит старого человека. Тот улыбнулся, а после нахмурился и словно пытался что-то понять.

— Какая у вас магическая степень?

Всего их было пять — от первой, низшей, которую получал ученик после того, как выпускался из магической академии, до высшей пятой. Существовали маги ниже первой — самоучки, которым так и не дали до конца раскрыть дар, те, кого не допустили на экзаменах, те, что так и не рискнули отправиться в Вархву или куда-нибудь ещё. Мало ли, сколько по земле носит магов-недоучек? Даже те, кого прогнали с занятий на восьмом, последнем году обучения, всё равно не считались магистрами первой степени.

Пятую можно было получить только постепенно, да и мало кто до неё добирался. Но существовала и та ступень, на которую опасно косились даже те, кто получил и её.

Высший Маг — или Высшая Ведьма.

Конечно, в Эрроке это вскоре превратилось в нарицательную должность, так называли, грубо говоря, управительниц городом, но Высшие могли существовать и без бюрократии.

И именно к ним относился Тэллавар.

— Первая, — пожал плечами парень.

— Вы уверены? — уточнил Гартро, а после недоверчиво так покачал головой, словно порывался отрицать очевидное.

— Конечно же, — кивнул Шэйран. — Куда мне выше, спасибо, если лет через двадцать доползу хотя бы до своей.

— О Богиня! — Тэллавар посмотрел на него так, словно парень свалился с неба и серьёзно стукнулся головой. — Проклятые Эрроканские ведьмы! Проклятые! — он, кажется,

проигнорировал и крайне заинтересованный взгляд со стороны стражи, что уже стекалась со всех сторон, дабы посмотреть на представление. — Молодой человек, да вы, право слово, сошли с ума! Первая... с таким резервом?!

Шэйран поперхнулся. Язвительный вопрос относительно того, почему это его резерв показался маловатым даже для первой степени, почему-то застрял в горле и так и не вырвался на свободу.

Слишком уж лихорадочно и довольно горели водянистые глаза Высшего Мага.

===== Глава седьмая =====

Моника взмахнула руками над тарелкой, и та, вместе с возложенными на неё яствами, покорно телепортировалась на место назначения. Девушка вздохнула — это была отнюдь не работа её мечты, отправлять еду принцессе, что не желает выходить на глаза к собственной матери, вот только спорить всё равно не могла.

Мон чувствовала себя уставшей. К её огромному сожалению, королева Лиара не стремилась уделять время серьёзным магическим вопросам, и хотя всё ещё казалась Лэгаррэ попросту идеальной, всё же немного выходила из тех рамок, в которые это понятие ставила прежде Моника.

Девушка покосилась на кухарку. Та уже устала терять свои тарелки только по той причине, что принцессу замкнули на долгих пять дней.

— Мне кажется, — промолвила женщина, расправив плечи и попытавшись как-то пробудиться от странного полусна, свойственного ей с безумно пышными формами и страстью к чему-то вроде лени, — что принцесса ничего и не ест, а мои яства лежат бесформенной грудой на её столе.

— Ну, почему же? Может быть, Её Высочество, напротив, благодарна вам за то, что вы делаете для неё, к тому же, Её Величество Лиара уверена в том, что принцесса Эрла всё ест и решила ступить на истинный путь, — Моника повторила эту фразу как-то заученно. Ей не хватало настоящей работы в этом замке, быть придворной ведьмой оказалось не так уж и прекрасно, как она могла подумать.

— Не думаю, что принцесса Эрла пять дней то и делает, что благодарствует матушку за домашний арест, — покачала головой кухарка. Впрочем, её мнением никто не интересовался, Моника же разговаривала со слугой исключительно из вежливости, потому женщина принялась наконец-то перемывать посуду, не тратя время на ожидание судомойки.

Мон уже и не планировала продолжать наскучивший разговор. Так или иначе, не так уж и просто было справиться с усталостью — мелких поручений хватало, пусть для них и не стоило напрягать голову.

— Мон!

Девушка с готовностью бросилась к двери, безо всякого удивления узрев на пороге кухни Высшую Ведьму.

Тэзра выполняла куда больше магической работы, чем королева, да и вообще, основные заботы пали именно на её довольно хрупкие плечи, вот только магичка даже не думала жаловаться.

Складывалось такое впечатление, что она попросту привыкла к тому, что вынуждена выполнять безумное количество обыденной работе. По крайней мере, она обрадовалась появлению Моника куда больше, чем сама королева.

— Да, госпожа Высшая Ведьма? — Моника подошла к ней поближе, заправляя за ухо выбившийся из косы чёрный локон.

Тэзра вздохнула. На её голове царил стандартный беспорядок, и приводить его в благое состояние, угодное королеве, она не собиралась. В Кррэа люди давно привыкли к тому, что светлые волосы ведьмы торчат колтуном.

О внешнем виде женщина не волновалась вообще. Сейчас, в какой-то обыкновенной рубашке и штанах, в высоких сапогах, она не вызывала никакого удивления — в платье Высшую Ведьму можно было увидеть куда реже.

Первые пару дней Мон ещё цеплялась за тот нежно-голубой наряд, в котором приехала, а после сдалась и сама. Положенная мужчинам одежда оказалась куда удобнее, и она уже не останавливала себя тогда, когда безумно хотелось натянуть банальную рубаху, затянуть ремень брюк да заправить их в сапоги.

Сейчас, естественно, она и сама была не в платье, но волосы стандартно заплетала в косу, потому что так было удобнее.

Кому что.

— Королева сказала, что пора выпустить принцессу, — вздохнула Тэзра. — Мол, желает пообщаться с нею перед экспериментом. Пойдём, выпустим пленницу, если ещё есть кого выпускать...

Моника так и не поняла, почему фраза вот так прозвучала — её куда больше волновал вопрос эксперимента.

— Как вы думаете, у Её Величества получится? Да и не факт, что Её Высочество согласится на...

— Она не согласится, и правильно сделает! — грубо отрезала Тэзра. — Не будь наивной, девочка, — женщина тряхнула головой, а после ткнула пальцем в волосы, и те моментально пришли в нормальное состояние, особенно сравнительно с тем, что было прежде. Косу ведьма заплетала на ходу, бросая кривые взгляды на коридоры. — Королева одержима этой идеей, но сие ещё не является стопроцентной гарантией правильности того, что она планирует...

— Разве вы не...

— Не! — Тэзра отозвалась грубо, предельно грубо, а после пристально посмотрела на Моннику, словно пыталась пристыдить. — Если ты думаешь, что то, что получилось с моего ребёнка, это демонстрация высших сил Богини Эрри, то фиговые у нас высшие силы, скажу я тебе!

Лэгаррэ едва сдержалась от уверенного кивка. И вправду, Антонио назвать творением магии было трудно. Мало что мужчина, он ещё и вёл себя как-то... Настолько странно, что даже Моника не выдерживала его компанию.

Они наконец-то оказались рядом с желанной дверью, и первым делом Тэзра постучалась, словно собираясь дождаться того мгновения, когда принцесса откроет-таки им дверь.

Пять дней — нешуточный срок, по крайней мере, для девушки, что сидит наедине там, запертая сильными заклинаниями, но Эрла даже не отозвалась.

— А вообще, ерунда это всё! — фанатичной Высшая Ведьма Кррэа казалась только тогда, когда была рядом с Лиарой, теперь, подальше от неё, она превращалась в ту ещё реалистку. — Думаешь, Рэ... Рэйл от непорочного зачатия?

— Рэйл?

— Ну, да, — кивнула Тэзра. — Мы так иногда называем принцессу.

Принцессу — Рэйл, Шэйрана — Рэем, плохая фантазия у местных ведьм, то Тэзра не



собиралась оправдывать свою глупую оговорку.

— Нет, не думаю, — вздохнула Моника. — Но, может быть, тогда стоит сказать Её Величеству о том, что с этой идеи не выйдет ничего хорошего?

— Между прочим, я всё ещё хочу жить, — холодно отозвалась Тэзра. — Поэтому обойдусь без этих глупых комментариев. Ладно, давай. Сдвоенный!

Хотя Мон была только магистром первой степени, отреагировать на приказ Тэзры оказалось не так и трудно. Ведьмы одновременно вскинули руки, и волшебство сорвалось с пальцев, проникая в блокировку Лиары Первой и раскусывая её изнутри.

Одному тут управиться, конечно, было довольно трудно. Знатная паутина — заклинания переплелись друг с другом, и приходилось их расщеплять. Но Лиара что-то явно не так думала о способностях своей вроде как могущественной дочери — в одиночку за трое суток перепилить это Моника смогла бы.

А если б было откуда пополнять иссякающий резерв, то хватило бы и двадцатитридцати часов.

Наконец-то заклинания взорвались сплошным вихрем и слетели с двери — впрочем, нет, скорее с оставшейся дыры. Створки слетели вместе с заклинанием и с грохотом приземлились посреди коридора, но Тэзра и Мон вовремя отскочили, правда, в разные стороны.

— Рока, ты там жива?!

Увы, ответа не последовало. Тэзра нахмурилась, но разочаровываться вот так сразу не стала. Она ещё пару раз позвала принцессу, а после, махнув рукой, направилась прямо в глубины комнаты.

— Так можно год ждать, — пояснила свои действия ведьма, вполне мирно осматриваясь. — Твою ж...

Действительно, хорошего было мало. Комнату, конечно, не перевернули вверх дном, но еда, свежая и даже пятидневной давности, горкой лежала на столе. Тарелки соскальзывали, несколько и вовсе побилось, упав на землю, и воняло чем-то тухлым, но окна были плотно закрыты, так что никто ничего не заподозрил. Части вещей не хватало, а шкаф был как-то небрежно прикрыт. Вещи из него частично вывалились, и тот, кто это сделал, очень хорошо знал, где что лежит, вот только безумно спешил.

Тэзра первым делом бросилась к кровати, словно опасаясь, что увидит там мёртвую Эрлу, Моника потянуло к шкафу.

— Тут был портал! — окликнула она Высшую Ведьму. — Не сильный, метров на двадцать-тридцать, если сквозь стены, но вот перебраться в соседнюю комнату или даже на другой этаж его бы хватило.

— А если учитывать то, что следы уже пятидневной давности, — сухо добавила Тэзра, — то он может быть и куда могущественнее, чем нам кажется. Сбежала, чертовка!

Не следовало спрашивать о том, кто сбежал, и так понятно — драгоценная принцесса Эрла.

— К Лиаре, быстро! — прикрикнула Высшая Ведьма на Моника. — Давай, скорее, чтобы только Королева тебя не пришибла...

Девушка содрогнулась, но сопротивляться не стала, приказ есть приказ.

Она повернулась к двери, но не сделала ни шагу. Она и так увидела королеву — та, бледная, словно стена, остановилась в проёме, оставшемся после снятия заклинаний, и теперь, бледная и уставшая, отчаянно пыталась себя успокоить.

— О Богиня! — прошептала Лиара. — Пропала. Моя дочь! Пропала!

Она не потеряла сознание и даже не стала кричать, не отреагировала никак, только побледнела немного, словно случилось что-то пусть из ряда вон выходящее, но всё же не настолько плохое, как можно подумать.

Она словно вдруг решила, что это может быть полезным, и во взгляде мелькнуло что-то любопытное, заинтересованность какая-то, удивительная, почти жуткая.

— Общайте тут всё, — выдавила она из себя. — Проверьте сад. Её могли украсть! Её могли украсть! — она повторяла это раз за разом. — Моника... После осмотра заглянешь в тронный зал. Нам надо будет поговорить. А ты, Тэзра... Ты знаешь, должна отследить все посторонние вмешательства в магическое полотно, ты поняла меня?

— Поняла, — сухо ответила Высшая Ведьма, хотя почему-то Монике показалось, что она не пышет радостью от выполнения этого отвратительного задания.

Потому что не факт, что это будет настоящим ответом на вопрос Лиары.

\*\*\*

В тронном зале было удивительно тихо. Королева Лиара не выдала своего беспокойства, но отчаянная немота замка свидетельствовала о том, что о принцессе Эрле думал каждый подданный Эрроки.

Моника не утруждала себя попытками постучать в дверь, она попросту миновала стражу, такую же тихую, как и всё остальное, и склонилась перед королевой.

Лиара застыла у окна. Её платье, небесно-голубое, как и флаг родной страны, развевалось на ветру, врывающемся в зал короткими потоками. Она сама походила на изваяние — даже не шевельнулась, когда услышала, что к ней подошли, а кожа излучала странное сияние. Можно подумать, пять дней, которые она отвела короткому заключению Эрлы, стали последними днями жизни королевы. Теперь белоснежная кожа даже отражала свет, и складывалось впечатление, что женщина светилась изнутри.

Моника могла бы внимать этому очень долго, но короткий блик света почему-то разрушил сияющую пелену, и Лиара превратилась в обыкновенную женщину, от которой попросту сбежала её родная дочь.

Это вызвало у неё короткий, едва слышный смешок — Эрлу, конечно же, похитили, но Лэгаррэ почему-то казалось, что принцесса была не совсем против. В Эрроке трудно жить, королеву Лиару почти невозможно перетерпеть, и всё это сплеталось в одинаковый поток сплошного возмущения и бессмысленных возражений.

Она попыталась успокоиться. Это вызывало глупое желание сбежать, но Её Величество всё никак не могла уделить хотя бы капельку внимания молодой ведьме — и только спустя несколько минут величаво оглянувшись, посмотрев на девушку так, словно это она была виновата в пропаже Эрлы.

— Моника, — Лиара коротко склонила голову. — Очень рада, что ты явилась всё-таки исполнить моё поручение.

— Вся моя жизнь — служение вам, — покорно отозвалась Лэгаррэ, вот только почему-то вновь утонуть в чарах королевы не вышло. — Вы говорили, что есть поручение для меня, и я поспешила...

— Да, ты всё сделала верно, — кивнула женщина, отбрасывая рыжую прядь в сторону. Казалось, собственные волосы мешали королеве смотреть на подданных, то и дело ссыпаясь на её лицо неудержимым потоком, и периодами Лиару это действительно раздражало. — У меня будет для тебя одно довольно... щекотливое задание. Уверена, ты справишься.

Моника продолжала почтительно смотреть на неё, хотя в душе что-то трусливо дрогнуло. Она так и не смогла понять, что именно, но Лиара всегда оставалась достаточно загадочной, чтобы никто не мог проникнуть в её мысли или понять их течение.

— Мне нужен кто-то при дворе Дарнаэла Второго, — королева подошла ближе, и её золотые глаза словно попытались поглотить Моника. — Я подозреваю, что виновен он. Моя дочь не могла просто так взять и уйти, она — совершенно не такой непослушный ребёнок, как можно было бы подумать.

Моника послушно склонила голову. Конечно, она выполнит всё, что ей прикажут, конечно, отправится туда, куда скажет королева Эрроки.

Родная держава молилась на Лиару, и Лэгаррэ не была большим исключением. Во всей их стране нет волшебницы могущественнее и женщины прекраснее, чем она, и никогда не будет.

Разве что её дочь.

— Дарнаэл Второй давно пытался заставить меня напасть первой, — почему-то сейчас слова королевы напоминали змеиное шипение, хотя обычно Моника проводила параллель с прекрасной певчей птицей. — Ему выгодно завоевать моё государство. Ему выгодно украсть мою дочь...

Никто не знал, кто отец Эры, но все одинаково подозревали в том, что это был Дарнаэл. Казалось, одно только подобное подозрение могло оскорбить Лиару, но Моника никак не могла избавиться от глупого впечатления, что во всех словах есть двойное дно.

Избавляться от плохого предчувствия пришлось силком. Она буквально вышвырнула все мысли о дурном и попыталась взирать с благоговением на королеву, что будто бы вливала в неё каждое слово.

Пронизывала насквозь своим взглядом, до той степени пристальным, что его невозможно было как-нибудь понять или расшифровать. Нет, что-то в ней было не так, что-то лживое и предельно несовпадающее с реальной картиной.

Что-то, с чем следовало срочно бороться, но у Моника так и не получилось выиграть это важное сражение.

Лиара осторожно коснулась кончиками пальцев её щеки, и магия пронзила девушку насквозь — та даже ничего не поняла.

Она верна.

Она навеки верна королеве Лиаре.

— Дорогая, я не могу подобрать кандидатуру лучше, чем ты. Ты отправишься в Лэвье, как мой шпион, разведает, нет ли никаких слухов об Эрле... И отыщешь все тайные сведения короля Дарнаэла. Моя страна не должна подвернуться подобному глупому нападению, и следует атаковать первыми. Даже если тайно.

Моника кивнула. Она старалась не слышать тех слов, что звучали в подсознании, тех, которые настойчиво пробивались сквозь стену в её разум.

Шпионка.

Она не могла поверить в то, что соглашается и так легко кивает, но если это нужно для Эрроки... Разве она не способна на мгновение отодвинуть в сторону принципы, чтобы родная страна была счастлива? Разве не подарит королеве Лиаре ещё несколько лет спокойного правления.

— Мне надо знать всё, — прошептала тихо Лиара. — Всё, что ты только сможешь услышать. И... Мне нужно кое-что получить. То, что обеспечивает им защиту. То, что

поможет им победить. Ты сразу поймёшь, о чём я говорю.

Моника кивнула. Отчуждённость отступила, волна схлынула, словно её и не было, и теперь девушка выглядела какой-то испуганной — будто бы видела своё отражение во взгляде Лиары, хотя это казалось невозможным.

Королева улыбнулась. Может быть, она просто пыталась таким образом задеть её, дразнила, может быть, всё получилось чисто автоматически — Моника не знала.

Она будто бы забыла всё, что слышала.

— Я уверена, что король Дарнаэл украл мою дочь. Он давно пытался лишить меня последнего оплота, моей наследницы, и у него почти получилось это сделать, — голос женщины практически дрожал.

Девушка кивнула.

Найти Эрлу. Найти её в проклятом Лэвье и вернуть домой, даже если это будет стоить молодой волшебнице жизни. Она была готова пожертвовать собой ради королевы и страны, переступить через все границы, лишь бы только всё встало на нужные места, и теперь... Теперь она способна перешагнуть границы.

Она с радостью бросилась бы в Элвьенту прямо сейчас, отыскала бы там Её Высочество, но отыскать принцессу может быть не настолько просто, как ей показалось сначала. Всё способно вызвать трудности.

Даже вот такая ерунда, такая обыкновенная глупость, о которой никто не подумал бы в самом начале.

Всё может служить преградой, и...

Моника вновь тряхнула головой. Почему всё так старательно плыло перед глазами, когда они успели сесть? Что за волшебные прожилки мчались к богатому трону, отчаянно минуя пустой зал? Почему к горлу подкатывала тошнота?

Во взгляде Лиары мелькнуло беспокойство. Она опустила руку, отступила окончательно, а после выпрямилась и глядела на Моника уже совершенно по-другому. Сам взгляд изменил значение.

Королева стала иной.

— Я приказываю тебе немедленно отправиться в Элвьенту, — к ней вернулся тот тон, та царственность, отсутствие которой почему-то почти испугало Моника. — И отыскать там мою дочь. Чем быстрее, тем лучше. И ты будешь обязана провести при дворе Короля Дарнаэла довольно много времени. Ты это понимаешь?

— Да, Ваше Величество.

— Обследуй там всё. Будь старательной и не забудь о том, что в замке много опасности. Но у них нет ни единого толкового мага, тебя никто не остановит. Следует быть внимательной к мелочам.

— Да, Ваше Величество.

— К тому же, мне кажется, король Дарнаэл что-то замышляет. Что-то, что не пойдёт нашему государству на помощь. Тебе стоит постараться узнать, о чём речь. Он может пойти на провокацию. Может пострадать. Это ясно?

— Да, Ваше Величество.

Сухой, деловой тон призвал спокойствие. Она почти позабыла о том, как доверительно Лиара касалась её щеки, и теперь всё превратилось в банальную деловую беседу. Страх тоже больше не было, и можно не задумываться о том, что кто-то подслушивает разговор.

— Ты понимаешь, что надо сделать, — Лиара отвернулась от Моника. — Нам рано

воевать. Нам не нужна война. Эльвента слишком сильна. Но Дарнаэл сам провоцирует меня, — она направилась к трону, и нежная ткань платья шелестела за спиной. — Он сам сделал это. Украл мою дочь. И ты должна найти её, доказать, что он виноват. Только тогда мы получим достаточную причину. Достаточный повод. И будь осторожна, мне хотелось бы, чтобы ты вернулась живой и с полезными сведениями.

Моника кивнула в последний раз. Ей показалось, что кожа королевы в очередной раз засветилась, но уделять внимание таким деталям она не могла. Пора отправляться, поскорее, причём нежелательно продолжать идти по сплошной линии глупости.

— Ты получишь дополнительные указания от Тэзры. Выедешь завтра утром. Повтори, что ты должна сделать?

— Отыскать принцессу Эрлу, узнать о планах короля Дарнаэла и о его военной мощи, — она повторяла слова, что плотно засели в голове, хотя Лиара говорила не так. — И понять, что именно способно сдержать магию Эрроки в случай войны. Если будет возможность... — она сглотнула. — Уничтожить это.

— Верно, — Лиара превратилась в статую, восседающую на троне, и Монике показалось, словно в её взгляде что-то жестокое воплотилось в живой кошмар. Она, впрочем, не пыталась отпрянуть, только мысленно сопротивлялась сплошной волне холода, что так нагло накатывала на неё.

Можно было дышать. Наконец-то способность двигаться вернулась к девушке, и она, поклонившись в очередной раз, вышла.

Мысли набросились на неё с ужасной скоростью. Теперь, когда Эрлу похитили, это было всего лишь поводом заслать шпиона в чужое войско и заставить его выведать всю тайную информацию?

Это казалось глупым.

Шпиона можно было отправить и прежде, по распределению, а принцесса пропала, к тому же, возможно, в противоположном направлении отправились и её похитители. При чём тут Эльвента?

Вот только сопротивляться сплошному потоку глупых размышлений она попросту не могла — увы, но слишком много всевозможных мыслей скопилось в голове. Магия Лиары не могла укорениться в женщинах.

Из-за их силы или её слабости?

\*\*\*

Отправляться надо было рано утром. Моника собрала вещи и уже даже забрала из конюшен Кррэа своего коня, вот только почему-то не спешила выезжать. Она знала, что следует дождаться Высшую Ведьму — для дальнейших указаний, как выражалась Лиара.

Тэзра не заставила себя ждать. Она появилась из пустоты, но это было скорее зрелищно, чем полезно, и Моника почти не обратила на это внимание. В конце концов, совсем чуть-чуть, и мгновенные перемещения станут доступными и для неё самой, настолько неслышные, насколько она пожелает.

— Здравствуй, дорогая, — Тэзра пристально смотрела на неё, будто бы пытаясь придумать оправдание приказу Лиары. — Итак, ты понимаешь, куда отправляешься? В логово... — Высшая Ведьма сглотнула, — логово врага.

— Её Величество сказала, что я должна собрать как можно больше ценной информации, — тихо отозвалась Моника. — И отыскать Её Высочество Эрлу, если у меня будет такая возможность. Но это может стать поводом для войны.

— Да, — Тэзра подхватила под уздцы своего коня — тот тоже появился из воздуха, а теперь недовольно переминался, постукивал копытами по земле и явно рвался на свободу, желая помчаться по дороге куда-то вперёд, лишь бы только не допускать позорной паузы или заминке поглотить его и не дать достигнуть до места предназначения.

Высшая Ведьма с лёгкостью вскочила в седло, а после коротким жестом приказала Монике сделать то же самое. Девушка понимала — по крайней мере, некоторое время Тэзра будет ехать рядом.

— И всё же, — выдавила она из себя какую-то странную форму сомнения, — я не понимаю, почему мы ищем принцессу только в том направлении. Неужели королю Дарнаэлу настолько хочется затеять войну? Так объявил бы её первым.

— Ну, во-первых, сделав это, он очернит себя в глазах народа. А вот если б Эррока первой нанесла ему оскорбление, тогда да, народ бы пошёл куда угодно. Ты должна понимать, что политика наших держав не так уж и ясна... К тому же, первым рисковать никто не хочет. Виноватым обычно оказывается зачинщик. Если же Эрла будет в Эльвенте, даже на правах драгоценной гостии, но без ведома её матери, то тогда королева Лиара будет иметь полное право расторгнуть мирный договор, потому что Дарнаэл сделал это первым. К тому же... Ты ведь понимаешь, у нас множество волшебниц, и должны быть веские причины, чтобы мы не могли смести человеческую армию с лица земли. Одного мага хватает на многих воинов. Так почему же мы просто не можем атаковать Дарнаэла? Победитель ведь всегда прав, — Тэзра опустила голову. — Ты задавала себе этот вопрос, я знаю. Эльвента постоянно сужает кольцо. Но бороться с ним не так просто, как можно подумать. Нам нужна информация. Сведения. В конце концов, договор скреплён магией, и без должной причины мы не можем его разорвать, даже если очень пожелаем. Нужен повод. И нужна сила, которой пока что нет.

Мон кивнула. Ей не хотелось об этом слушать, как и не хотелось участвовать в политических играх, что всегда вносили сплошную смуту в сердца и заставляли удивляться каждому жесту.

— Провокаций в последнее время слишком много. Тот, кто развяжет эту войну, потеряет поддержку Сил, — выдавила наконец-то из себя Тэзра. — Таковы условия договора. Против того, кто всё это начнёт, обернётся даже сама граница. А ты понимаешь, что магия, которая в наших руках является оружием, пойдя наперекор своим владелицам, только всё уничтожит.

— Тогда почему нельзя жить мирно? — удивилась Моника. — Вдруг принцесса Эрла просто отказалась от магического эксперимента и сбежала, а мы уже подозреваем Эльвенту в преступлениях...

— Может быть, и так, — пожалала плечами Тэзра. — Это не имеет настолько серьёзное значение, как тебе кажется. Да, в Эльвенте почти нет магов, и волшебство там не приветствуется... Но тогда и магия не может повернуться против них. Им проще развязать войну. Их не остановит граница, если там от силы один маг на всю армию. А мир... Он — существо хрупкое. Лиара просто хочет избавиться от обязательств, под которыми сама же и поставила свою подпись.

— Что может быть лучше мирного сосуществования?

— Только власть, — коротко отозвалась Высшая Ведьма. Её лошадь немного замедлилась, и Монике тоже пришлось осадить свою, что так и рвалась в неведомые края. — Лиара её хочет. Дарнаэл — тоже. Они — короли до мозга костей, и вряд ли мирный договор

однажды удержит их от желания владеть всем континентом. Это назревало давно, но... Вылезло в наше время. Если ты сможешь отыскать что-то, в чём Дарнаэл ищет силу, что-то, что способно сдержать нашу магию, то, что удерживает границу — цены тебе не будет. Это станет доказательством того, что он начал битву первым.

— А если нет? — Мон немного неуверенно улыбнулась, пытаясь понять, зачем вообще происходит всё это безумие.

— То тогда всё будет ещё проще. Лиара продлит мирный договор, и мы получим ещё лет пять спокойной жизни.

Моника кивнула. Для этого следовало постараться, но соврать и сказать загодя, что там ничего не будет, она не могла. Это подведёт родное государство, даст ложную надежду, что никогда не помогает — ведь если Дарнаэл нападёт, сумеет обойти договор, Эррока рухнет?

К тому же, она до сих пор не могла понять, как такой огромной страной может править мужчина. У него должен быть хотя бы нормальный советник, но тот тоже явно не блещет умом, да и вообще...

Возможно, оно было бы куда лучше — если б только королева Лиара могла завоевать земли, принадлежавшие её заклятому врагу!

— Я не понимаю, — наконец-то не смогла сдержать предположение Моника, — как такая огромная страна может держаться на мужчинах! Разве они не должны вносить разлад в дело?

— Всяко бывает, — фыркнула Тэзра. — Среди них бывают достойные.

— И вы знаете хотя бы одного?

Неверие в голосе девчонки вызвало у ведьмы короткий смешок, и она только покачала головой, вновь устремив взгляд куда-то в небеса. Деревья смыкали кроны над их головами, и оставалось только подгонять лошадь, дабы успеть отъехать довольно далеко.

— Знаю, — кивнула Тэзра. — Мне повезло быть ему хорошим другом, но на большее, увы, я не способна. И единственной его глупостью, — Высшая Ведьма прикрыла глаза, — был выбор возлюбленной. Что он отыскал в ней — понятия не имею, и... — она запнулась, а после весело засмеялась. — Ну, что же, это та самая мужская глупость сыграла с ним злую шутку. Будь он в своём уме, то никогда бы даже не подошёл к ней.

Моника не стала даже спрашивать, о ком шла речь. В конце концов, личная жизнь Высшей Ведьмы — это отнюдь не тот вопрос, который должен её интересовать.

— Антонио — его сын? — не смогла всё-таки удержаться от вопроса девушка. — Ведь так?

— Если бы! Тогда он смог бы немного больше, чем вызвать две паршивые искры! — она покачала головой. — Эта глупая легенда, в которую верит одна только Лиара, как было бы хорошо, если б она не мучила с этим Эрлу, может быть, принцесса и не посмела бы сбежать, — ведьма усмехнулась. — Но, в конце концов, я тоже верила. Даже пошла на тот ритуал, единственная дура, которая согласилась, и что я получила? Я столько лет верила, пока наконец-то не пришло время для того, чтобы у моего сына появилась потребность в колдовстве. Он должен был родиться сильным магом, ведь это считалось Даром Богини... А что вышло? Богиня не подарила бы мне сына, начнём с того, да и Антонио ничего не может. Это просто глупая шутка, и точка. Чья-то попытка надо мной поиздеваться, — она усмехнулась. — Даже знаю, чья именно. А Лиара поверила. Она вообще во многое верит, когда не стоит.

Моника удивлённо покосилась на Тэзру, но уточнять не стала. Наверное, она не имела

на это никакого права — к тому же, дорога вилась вперёд, и они ещё полчаса ехали молча.

Высшая Ведьма как-то неожиданно осадила собственную лошадь, а после спешила и кивнула Монике, предлагая и ей оказаться на земле тоже.

— Лучше б тебе было не разочаровываться в истинной вере, — прошептала она. — И тогда, может быть, нам не следовало заводить и этот глупый разговор.

Девушка даже не успела никак отреагировать. Тонкие пальцы Тэзры коснулись её висков, и по ним пробежала волна магии.

Она забудет то, что слышала.

...Эрроке нужна верность. Пусть самой Тэзре было противно то, что она делала, но верность следовала по пятам, догоняла её и тут. Влияние Лиары нельзя было так просто стереть, и она достаточно сильна — даже как для того, что происходило вокруг. В конце концов, молодой ведьме надо всего лишь отыскать в Лэвье, столице Элвенты, принцессу Эрлу, чтобы доказать вину Дарнаэла, или тот артефакт, что мог стать его преимуществом. И не следует думать о короле или его придворных, как о друзьях. Тэзра однажды допустила эту ошибку, и за это она расплачивалась до последнего мгновения.

Увы.

Молодая ведьма рухнула без сознания на дорогу, но Тэзра только покачала головой. Через несколько минут она очнётся, будет уверена в том, что её сбросила лошадь, и ни одного следа этих сомнительных разговоров она в своей памяти не оставит.

Не бывает достойных мужчин. У Высшей Ведьмы Кррэа нет детей, и ей всего тридцать лет. Королева Лиара всегда права. Принцесса Эрла в опасности.

Если то, что говорят о замыслах Дарнаэла, чистая правда, то они должны быть готовы. И должны остановить Элвенту, когда она станет у них на пороге своими войсками, чего бы им этого ни стоило.

Лучше бы они отправили юную фанатичку пять дней назад. До того, как Лиара перестала казаться ей самой прекрасной и идеальной королевой на свете. Впрочем...

Если Тэзра учла все факторы, то опоздание нельзя было отменить.

Главное, чтобы они знали о детях королевы Лиары то, что надо было знать. Чтобы факторы не перепутались в последнее мгновение.

Чтобы Лиара в силу своей материнской слепоты не перепутала два Предназначения.

===== Глава восьмая =====

Эрла устало вздохнула. Идти пешком по Эррийским горам — далеко не самое простое задание на свете, но пересечь границу она могла только в одном месте, где магия давала сбой.

Лошадь у них была всего одна — одна на двоих. Еды не хватало. Эльм, вопреки тому, что вроде бы оттаял, всё равно относился к Эрле, словно к пленнице, и она не могла избавиться от глупого предчувствия, что глодало её изнутри и не давало ни единого шанса освободиться от невидимых оков, хотя сделать это очень даже хотелось.

Марсан казался мрачнее тучи. Ненависть к королевскому роду засела в нём весьма прочно, и Эрле периодами казалось, что он вот-вот сорвётся с цепи и обязательно превратит её в какой-то порошок.

— Никогда не думала, что наша страна такая большая, — наконец-то со вздохом поделилась она своими впечатлениями. — И такая... Странная.

— О, это ты ещё не знакома с королевой Лиарой.

Эрле хотелось возразить, но мать, Впрочем, никогда не была милостива к остальным.



Так что, да, Эрла знала только жалкую тень того, что почувствовал на себе Эльм.

— Может, мы всё-таки разойдёмся? — в очередной раз предложила она, опасливо покосившись на парня. — В разные стороны, словно и не знакомы, да и точка. Какая разница, кто меня крал, если я сама сбежать хотела?

— А потом тебя в этом лесу найдут милые звери под названием волки, и я буду нести за это ответственность, — сухо ответил Эльм. — Иди и не ной.

Раздражение уже давно натянулось сплошной нитью между ними. Эрла боялась, что кто-то их догонит, к тому же, магия у неё работала с перебоями, едва-едва, резерва — на три капли! И это ещё Шэйран ныл, что у него ничего не получится, с его-то силами? Но его почему-то не называли великим магом.

Высшая и Воин.

Почему-то хотелось, чтобы всё перевернулось. Шэйрану светила магия — не меча или лука, а магия, что текла в его крови. Эрла получила от матери свойство к очарованию, знала пару ерундовых заклинаний, но всё же, её тянуло к чему-то другому. Она даже не понимала, о чём речь, но править, равно как и продолжать колдовать и отправляться в Вархву, девушка не желала.

Магия была ей почти что противна.

Наступала ночь. Луна как-то медленно и нехотя проявлялась на небе, и Эрла рванулась в тень дерева. Лунный свет действовал на неё странно — в конце концов, при нём магия работала лучше всего, а вновь поджечь волка не хотелось.

— Нам надо найти вторую лошадь, — сухо промолвил Эльм. — И оказаться подальше от этого места, затеряться в горах, раз уж ты не хочешь отправляться к своему отцу.

Сначала Эрла загорелась идеей добраться до столицы, но осознание всей глупости этого поступка дошло до неё поразительно быстро. В конце концов, если мать и отправит погоню, то замок папы будет первым, что она проверит. Эрлу вернут домой, а после примотают к каменному столику и отправят на истязания жуткому зверю — магии, эксперименту, задуманному магией.

Нет, ей надо было пережить всего один месяц тут, в лесах, а после хоть ты возвращайся, хоть нет, всё равно мать не сможет больше проделать ту гадость, что запланировала.

— Надо так надо, — Эрла вздохнула и уверенно двинулась по дороге. Конь Марсана шагал следом, нехотя стуча копытами по утоптанному пути — тут ходили редко, но большими группами, поэтому сейчас, летом, дорогу можно смело выбирать. Эррийские горы летом опасны — одного дождя достаточно для того, чтобы они похоронили под завалами людей, потому и отправляются сюда в период засухи, осенью или весной, будто бы климат гор неподвластен нормальным законам природы.

Покров деревьев казался вполне надёжным, но девушка сама не поняла, когда луна успела спрятаться за тучи. Она подняла голову, посмотрела на неё с надеждой, словно подзывая там и сидеть, в пелене серых осколков непогоды, а после ускорила шаг, желая перейти открытый участок дороги.

Эльм уже четвёртый день отворачивался от неё столь старательно, что Эрла убедилась в его отвращении ко всему, что только было связано с престолом, королевой и, что самое главное, её отпрысками.

Они миновали Ламаду, даже не заглянув туда, и Марсану было неприятно смотреть на высокие стены родного города. Эрла не хотела тревожить его душевные раны; ей и самой отчаянно хотелось сбежать подальше от окружающего мира, и Эррийские горы показались

самым лучшим вариантом.

Сегодня днём её начали искать.

Эрла была в этом практически уверена, но делиться подозрениями с Эльмом не особо спешила. Может быть, опасалась чего-то, может, не доверяла, но это всё равно не имело большого значения.

Надвигалась буря. Им ещё следовало добраться до укрытия, что находилось довольно далеко, чтобы переждать там непогоду, и Эрле казалось, будто бы дорога невероятно длинна. Эльм знал, о чём говорил, вёл её вполне уверенно, но тут, когда пришлось спешиться — конь слишком устал, — она рванулась вперёд, словно желая не смотреть больше ему в спину.

Как будто это было отчаянно неприятным.

Ещё один порыв ветра запоздало открыл дыру в туче — и луна нагло высунулась в неё, заливая путь своим сиянием.

В этом, собственно говоря, не было ничего страшного. Эрла даже не заметила, когда что-то случилось, не изменила темп. На самом деле, ей очень хотелось бы перестать быть в глазах Эльма отвратительной — хотя бы так. Прежде примером нормального, а не того, стереотипно эрроканского, мужчины был отец, после — брат, но Рэя она уже очень давно не видела.

Марсан, конечно, отличался отвратительным характером, стремлением к одиночеству, а в голосе иногда мелькали какие-то слишком странные нотки, будто бы гордыня в нём затмевала всё вокруг, вот только Эрла считала, что бывает куда хуже.

Гордыня лучше пустоты во взгляде. Лучше отсутствующего выражения лица. Лучше отвратительного, глупого подчинения, что только и могло сотрясать насквозь стражу и кого-нибудь вроде них.

Ей хотелось бы быть в его глазах хотя бы немножечко красивой — глупое женское желание, несвойственное женщинам Эрроки. Она должна была родиться в Элвенте, и была бы там счастлива, но почему-то стала дочерью той, кто так яро проповедовал безумные принципы.

Дочерью королевы Лиары.

...Девушка содрогнулась от неожиданности — чужие пальцы сомкнулись на предплечье, и Эльм дёрнул её на себя, словно пытаясь вытащить из лунной полосы. Но вокруг не было тени, а магия отзывалась то ли на луну, то ли на собственное желание понравиться ему. Быть привлекательной. Разве она не имеет такого права?

— Какого... Зачем ты это делаешь? — наконец-то прошипел он, потянув её вдоль дороги. Конь нехотя плёлся за спиной, постепенно замедляя шаг, будто бы пытался отбиться от рук. Вся поклажа осталась на скакуне, и Эрла только сиротливо оглянулась, но впереди уже виднелось дерево — хорошая, надёжная защита.

— Делаю что?

Она была уверена в том, что не колдует. Уверена, что не пытается воспользоваться маминым даром, который проклинала изо дня в день. Зачем ей это? Зачем портить собственную жизнь глупым колдовством?

Эльм прижал её к стволу огромного дуба, и девушка запрокинула голову назад, глядя на тучи, что стремились поскорее скрыть луну от посторонних глаз. Похолодало, и ей хотелось обыкновенного уюта, а не постоянной смены рывков ненависти, страсти и равнодушия.

— Колдуешь, — он склонился над нею, и зелёные глаза сияли почти по-кошачьи. Грунтовая дорога в последний раз мелькнула серебряными оттенками лунного камня, а

после тучи сделали своё дело, и ночь заняла положенное ей место. Ветер усилился, и листья шелестели в унисон с Эльмом, повторяя его голос, будто бы пытаясь заставить Эрлу понять, что именно он от неё хочет.

— Я не колдую, — отмахнулась она. — Ты придумываешь. Зачем мне это?

Марсан промолчал.

Они то и дело примирялись, вновь ругались, расходились и сходились, будто бы ходили по тонкой линии сплошного предательства или, напротив, попытки примириться. Было холодно, и, казалось, вот-вот польёт дождь; до убежища оставалось ещё около получаса ходы, а они торчали тут, под деревом и, как два дурака, выясняли, колдует молодая принцесса или нет.

— А почему тогда... — он запнулся. Очередной порыв принёс с собой первые капли, и Эльм молча сорвался с места, потянув её за запястье. Эрла так и не удосужилась вырвать руку из его железной хватки, только покорно последовала за мужчиной; она понимала, что сама обязательно заблудится и не выживет в этом проклятом месте, а Эррийские горы только смыкали свои вершины над их головами.

Пришлось бежать. Дождь буквально мчался по пятам, и если не добраться до убежища сейчас, то можно не сделать этого никогда.

Только вчера Эльм свернул в последнюю деревеньку близ Ламады и за деньги, что взял у неё, смог купить еды — им хватило бы её на неделю, и позволить бесценным припасам просто так промокнуть они не могли.

На коня тоже бы хватило, тут принимали и деньги Эльвенты, но Марсан разумно решил их беречь, к тому же, в деревне осталась только парочка старых шкап да один жеребец, что не прошёл бы и ста метров, так и падёт где-то по дороге.

Они уже добрались до узкого прохода между горами, когда грянули громы. Дождь полил, словно из ведра, но и он не имел такого особого значения — удалось сбежать прежде, чем он коснулся припасов или их самих.

Пещера, точнее, вход в неё, был совсем-совсем рядом, и под дождём они шли всего минуты две, потому что непромокаемый плащ пришлось набросить на припасы и, соответственно, лошадь.

Конь сопротивлялся — удивительно, он едва-едва втиснулся в очередную трещину, а после яростно заржал и бросился куда-то вперёд.

Эрла была уверена в том, что до пещеры ещё далеко, но скакуна, как оказалось, они пропихнули именно туда. Тут даже ещё поросло травой — на день коню хватит, а потом уже можно будет тянуться за тем, что они взяли с собой, купили в деревне.

Казалось, её запястье отекло и почти не шевелилось. Эрла была уверена, что Эльм всё же немного перестарался с отчаянными попытками её удержать. Или, может быть, это следует считать наказанием за магию?

Ярость в зелёных глазах так и не пропала, но Эльм был занят делом. Он даже не принимал её помощь — столкнул, как ненужную поклажу, на какой-то уступ, и она прижалась к стене, обхватив себя руками. Было ужасно холодно, но смысла возражать всё равно не появилось — пока что Марсан был слишком занят лошадью и попытками устроиться там, в глубине пещеры.

— Это как минимум на полтора дня, — он бросил взгляд в сторону выхода, где стена из дождя уже окончательно перекрыла пути к отступлению. — Но сюда не полезет даже сумасшедшая ведьма.

— Моя мама куда угодно полезет, — мрачно ответила Эрла, сжимаясь там, в своём углу. Эльм уже подошёл поближе, даже почти замахнулся, но унял ненависть и присел рядом, будто бы от того стало немного теплее. Во взгляде его чувствовалось что-то странное — между ненавистью и заинтересованностью, вот только она не могла истолковать его до конца.

— Тогда зачем ты колдуешь? — он запрокинул голову назад, и мокрые волосы наконец-то отлепились от плеч и затылка, бесформенными прядями прильнув к камню.

— Я не колдую. Между прочим, ни разу с той поры пять дней назад.

— Лжёшь, — Эльм сжал руку в кулак, словно пытался схватить в воздухе что-то невидимое для Эрлы. — Тогда почему... — он вновь запнулся и скосил взгляд на неё, будто бы пытаясь отыскать таким образом ответ на собственный вопрос. — Иногда, в лунном свете, ты мне кажешься до одури привлекательной. Почему?

— Может быть, потому, что я при лунном свете до одури привлекательная? — глупо хихикнула Эрла, а после отвернулась от него в противоположную сторону. — Я пробовала сдерживать дар, но сдерживать нечего. Я пуста. С меня такой же отвратительный маг, как с Шэйрана воин. Предвестники!.. Ложь это всё.

Она закрыла глаза, словно пытаясь перенестись в тот жуткий день, когда мать вдруг решила внимать богине Эрри. Может, вся эта глупость с матриархатом — часть её плана? Но нет, Лиара искренне верила во всю ту гадость, которую творила, даже тошно становилось.

— Ладно, я попытаюсь, — наконец-то послушно проронила она. — Может быть, я действительно колдую, но попросту этого не замечаю, и...

Он не дополнил её ни единым словом, и девушка попыталась успокоиться. Не получалось — к тому же, глаза закрывались от усталости, а холод пронзал насквозь.

Эльм поднял с земли лук, перенастраивая его — словно пытался перетянуть тетиву, заставить её лопнуть или, напротив, быть не настолько тугой, чтобы стрелять стало немножечко легче.

Эрла молча наблюдала за тем, как его пальцы пробежались по древку, скользнули по тонкой жиле, а после моментально переметнулись к колчану, вытягивая оттуда стрелы. Их яркое оперение будто вспыхивало в сплошном полумраке, и мужчина осматривал каждую, отбраковывая отсыревшие и промокшие после дождя.

— Опять? — тихо переспросил он. — И потом я буду слушать о том, что ты ни разу не колдовала за последнюю неделю?

— Если б я колдовала, — возмутилась Эрла, — ты бы тут валялся на коленях, а не перебирал стрелы!

Он вновь скосил на неё взгляд, будто бы подозревая в чём-то, но и луны не было, и дождь явно не способствовал волшебю. Эрла окончательно обиделась — глупые подозрения давно ей надоели, да и вообще, встречать постоянную ненависть она устала, та сидела странным камнем в горле.

— Может быть, — неожиданно охотно согласился Эльм. Он наконец-то завершил свою работу со стрелами и отложил колчан в сторону. — Я видел, как колдует твоя мать. Даже если очень стараешься противиться...

— То хочется рухнуть на колени и целовать ей подол платья? — Эрла испытывала что-то подобное, и, учитывая иммунитет, понимала, что для неё мамино колдовство примерно то же самое, что и для мужчин её слабые попытки.

— Вроде как да, — кивнул Эльм. — Даже вопреки тому, что очень сильно её

ненавидишь... Всё равно хочется почти что самому подставить спину под плётку. И ты колдовала... Тоже отличительно, — он покосился на неё. — Правда, не настолько, особенно в последние разы.

— Последние разы? — она устало вздохнула, отказываясь спорить. — Если б я колдовала, я бы почувствовала!

Он на сей раз не спорил с её уверенностью, только вымученно улыбнулся, будто бы пытался отговорить от очередной глупости, а после поднялся на ноги и вновь направился к коню.

Оттуда Эльм вернулся минут через пятнадцать, но зато с неким подобием еды. Эрле не хотелось даже пробовать её, но, впрочем, выбора не оставалось.

— Почему ты сбежала? — наконец-то спросил он. — Ты же беспомощная, принцесса — и в горах тоже принцесса! Не зашла бы дальше соседнего леса, порыдала бы и направилась искать каких-то людей.

— Потому что у меня не было выбора, — Эрле не хотелось бы говорить об этом, но, впрочем, собеседников выбирать не приходилось.

— У принцессы не было выбора?

— Представь себе! Ты бы сто раз пожалел о своём статусе, если б родная мать плела тебе о непорочном зачатии и отчаянных попытках на тебе поэкспериментировать! — она прикусила было язык, но не успела умолкнуть вовремя — Эльм уже вполне заинтересованно слушал и явно не планировал отворачиваться по первому же её приказу.

Девушка нахмурилась. Делиться секретами ей не хотелось, но, так или иначе, теперь они хотя бы разговаривали.

— Мама откуда-то взяла, что можно... Она желает, чтобы мы окончательно перестали зависеть от мужчин, поэтому планирует прибегнуть к магии... В качестве зачатия без... — она покраснела. — Без постороннего участия. Вот сама бы и рожала!

Эльм хмыкнул. Королева Лиара могла придумать что угодно, и он даже не удивлялся тому, что она рискнула проводить такие вот эксперименты над собственной дочерью.

— А через месяц, точнее, уже через двадцать пять дней, должно быть выгодное сочетание каких-то там звёзд на небе. И пропустить эту дату — прекрасный способ для меня избежать этой пытки до следующего расклада.

— И скоро следующий расклад?

— Лет пять. В общем, как раз время одуматься. Есть ещё более верный способ, но им я пользоваться не собиралась.

— Верный способ?

Во взгляде Эльма мелькали те самые искры заинтересованности, что и в первый день знакомства. Его рука совсем уж по-хозяйски легла на плечо принцессы, причём он явно не понял, когда успел переступить невидимую черту — может быть, тут было слишком холодно для того, чтобы жаться по углам.

— Ну... — Эрла покраснела пуще прежнего. — В общем-то говоря, чтобы всё это удалось... Девушка не должна... — она отвернулась. — Мама называет это позорными следами, но, думаю, имеется в виду то же самое, что и при жертвоприношениях.

— Девственница?

— Именно, — устало кивнула она, словно это слово могло обжечь ей язык. — Правда, там другая формулировка...

— Но она не имеет значения, — фыркнул Эльм. — И что мешало? Неприятие к

противоположному полу заставило тебя поддаться на уговоры относительно использования магии в этом вопросе?

— Да нет у меня никакого неприятия! — вспыхнула Эрла. — Но не прыгать же в постель с первым попавшим конюхом! Я, может, замуж хочу, по любви!

Он смотрел на неё минут пять, а после рассмеялся — как-то совсем искренне, весело, будто бы они были старыми друзьями, а не врагами, пусть и не до конца. Эрла возмущённо фыркнула — ему ещё и смешно!

— Это не весело! — возмутилась она, толкнув мужчину в плечо — но с тем же успехом можно было толкать стенку пещеры, ничего не изменилось. — Так нельзя! Нельзя так похамски относиться ко мне!

Эльм продолжал смеяться, но Эрла явно не спешила мириться с подобным издевательством. Она попыталась спихнуть его с помоста, но в результате свалилась сама, и они вдвоём покатались по каменному полу.

Девушка даже сама не поняла, когда оказалась прижатой к каменной поверхности. Эльм сжимал её запястья и как-то совсем весело, не так, как прежде, смотрел в глаза, будто бы планировал в очередной раз поиздеваться, но внезапно принял радикальное решение изменить способ собственного влияния на её поведение.

Эрла дёрнулась, отчаянно пытаясь вырваться на свободу, но получилось очень плохо. Она смогла оставить разве что тонкую царاپину на его руке да почти порвать рукав рубахи, но особого вреда не нанесла.

— И что мешало тебе выйти замуж по любви до непорочного зачатия и не морочить себе голову мамочкиными экспериментами? — почти издевательски поинтересовался Эльм.

Казалось, страх перед её колдовством покинул его так же быстро, как и приходил — одной бесконечной волной.

— При маме? По любви? Ты сумасшедший или притворяешься? — фыркнула Эрла. — И слезь с меня немедленно!

Эльм усмехнулся.

— Ну, да, твоя мамочка — отпугивающий фактор, — согласился он. — Но можно было найти жениха, не уведомляя его о том, кто твоя мать.

— Да кому я нужна...

— Ну, тут бы я поспорил, — он мотнул головой. — Ты красивая, хоть и волшебница. Хотя в этой чокнутой стране волшебница и женщина — слова синонимы.

Он поднялся с земли и рывком поднял на ноги, а после потянул котомку, словно собираясь уже ложиться спать. В ней всё равно было мало полезного, но одеяло можно было использовать хотя бы как подстилку.

В конце концов, не спать же вот так, на голой земле, они и без того пять дней дремали разве что в седле, когда второй шагал рядом и вёл лошадь за поводья.

Эрла неуверенно топталась рядом. В свою красоту она не верила, равно как и в способность нормально колдовать, потому не стремилась ни соглашаться со словами парня, ни пытаться их отрицать.

Марсан будто бы и забыл о том, что она тут присутствовала — куда больше нынче его волновало состояние собственной мокрой рубашки.

...Эрла так и не успела отвернуться.

Эльм, не обращая на неё внимание, мирно выжимал рубаху, и с ткани лились тонкие струйки воды, но не это было самым страшным. Она смотрела на то, как вместе с мышцами

на его спине будто бы перемещались отвратительные шрамы — десять длинных, тонких отметин.

Даже холод отступил на мгновение в сторону, когда она смотрела на этот истинный кошмар, отчаянно пытаясь отрицать то, что сейчас видела.

Крови, конечно, не было, да и раны давно уже зажили, но шрамы не денутся никуда. Их можно было убрать разве что магией, эти позорные следы сопротивления дурацкому закону, который придумала её мама.

— Ты чего? — Эльм обернулся к ней, будто бы не сам несколько часов назад обвинял во всех смертных врагах. — Что случилось? Ты б переделалась...

Эрла даже не сдвинулась с места. Шрамы её пугали, и она была уверена — не уснёт даже в том случае, если он сейчас же завернётся в одеяло и скроет отметины от её взгляда. Горло сжало спазмой, и она дёрнулась, будто бы пыталась избавиться от чего-то внутри себя, странного и в тот же момент страшного.

Девушка шумно выдохнула воздух и окончательно отступила от него, отчаянно пытаясь вырваться под дождь, на свободу. Её вина в этих шрамах тоже была — она не противилась, не спорила, не пыталась заставить матушку хотя бы иногда проявлять к людям милосердие.

Она тоже была очень виновата — перед каждым, кто пострадал от королевы Лиары, и перед Эльмом в том числе.

— Да что такое? — он сделал шаг в её сторону, и убежать было некуда — девушку окружили со всех сторон сплошные стены и вода, что лилась с небес, будто бы сошла с ума.

Она шмыгнула носом.

— Твои шрамы, — тихо прошептала Эрла. — Я могу чем-то помочь? Я не знала, правда, я...

Знала. Это было очередным подтверждением жестокости её мамы, очередным доказательством того, что нельзя даже и оспорить. Королева Лиара — ужасная правительница, и матриархат — худшее, что только могла придумать Эррока. Да, король Дарнаэл мог приказать даже выжечь позорное клеймо, да, у него в тюрьмах иногда оказывались невиновные люди.

Но никогда человек не считался преступником только за то, что родился мужчиной или женщиной.

Девушка зажмурилась, будто бы пытаясь забыть об увиденном. Эльм молчал, комментировать свои же шрамы ему хотелось меньше всего на свете — конечно же, так глупо было попросту напоминать о них, не говоря уже о чём-то другом. Вот только теперь Эрла чувствовала себя достойной виселицы — словно она была самым главным виновником всего, что с ним только случилось.

Шумное дыхание сливалось с дождём. Эльм до сих пор молчал и не стремился вытолкать её туда, под дождь.

— Переоденься, — наконец-то промолвил он. — Если заболеешь, лечить тебя возможности нет, а у тебя ещё месяц скитаний впереди.

Она зябко повела плечами. На языке крутилось упоминание о дурацком другом способе, но такое могла предположить — и предложить тоже, — только сумасшедшая без единой капли гордости.

Хотелось домой.

Переодеваться было не во что. Она только и могла что стянуть с себя одежду, оставшись в тонкой сорочке — но что толку, промокла ведь до нитки.

Даже стыда не было — Эрла молча расстёгивала пуговицы мужской рубашки, выкручивала её, пытаясь избавиться от воды, заплела волосы в косу, хотя и знала, что потом не приведёт их в порядок, и, всё ещё дрожа, забилась в угол.

Было уже не так мокро, но зато в разы холоднее.

— Иди сюда, — Эльм вытянулся на тонком одеяле, что служило и вместо мягкой кровати тоже. Рядом валялся плащ — им можно было укрыться, но Эрла сомневалась, что подобное может помочь. — Иди сюда, говорю, замёрзнешь.

Она сама не ожидала, что после всего, что с ним случилось, он сможет без отвращения обнять дочь королевы Лиары. Тем не менее, это ведь она только сегодня увидела шрамы, а Марсан имел удовольствие любоваться на них тогда, когда только ему будет угодно.

Это казалось страшным.

Девушка положила голову ему на плечо безо всякого доверия, но, впрочем, глаза послушно закрыла и даже обмякла, поддаваясь сну. Наощупь шрамы казались ещё кошмарнее, и миллионы вопросов крутились на языке, вот только Эрла никак не могла решиться задать хотя бы один из них.

— Они сильно болят?

— Средне, — покачал головой Эльм. — Периодами я почти ничего не чувствую.

Его мокрые волосы тоже пора было заплетать в косы, чтобы только не лезли в глаза, но заниматься этим не хотелось. Эрла попыталась устроиться поудобнее, но сон всё ещё не приходил.

За всё это время они так и не удосужились сойти с того отвратительного промежутка между врагами и хотя бы союзниками. Это могло быть просто равнодушием, но и на него жуткое подобие путешествия и отношений тоже не походило.

— А что будет завтра? Меня теперь ищут, — тихо промолвила Эрла. — И когда-то обязательно найдут. Она ведь просто оторвёт тебе голову.

— Она уже пыталась это сделать, — покачал головой Эльм. — Ну, попробует ещё раз. Мне почти всё равно.

Она слабо усмехнулась. Складывалось такое впечатление, что девушка уже просто не могла бороться с приступами собственного раздражения, какого-то глупого страха, что всё время просыпался и усиливался в душе.

Глаза закрывались. Усталость накатила сплошной волной, и ей почему-то захотелось услышать хотя бы несколько ободряющих слов.

Хотелось услышать о том, что они завтра поговорят о том, какой у них будет статус по отношению друг к другу. Может быть, определят, что делать дальше, куда идти, а сегодня надо было спать.

Вот только вопрос относительно магии, что так и не стремилась в ней проснуться, почему-то не желал оставлять Эрлу в покое. Ей казалось, что он выедает её изнутри, не желая позволить жить спокойно.

Так, как ей хотелось.

\*\*\*

Утро наступило как-то неожиданно. Эрле показалось, что она в своих покоях, вокруг служанки, а матушка больше не стремится превратить её в инкубатор для очередного волшебного чудовища. Всё в порядке. Всё хорошо.

Но в её покоях нечего делать чужому мужчине, нагло обнимающему её за талию, и это только мягко говоря.



Эрла почти вскрикнула — но вовремя вспомнила о том, что вообще-то до покоев множество километров, а она находится, кажется, в объятиях злейшего врага короны. От этой мысли стало как-то теплее — вот только что-то напомнило девушке о странном жаре, пытающемся пронзить голову изнутри.

Словно заболела.

— Доброе утро, — Эльм нехотя приподнялся на тонком полуодеяле, отнюдь не напоминающем мягкую перину. — Надеюсь, тебе спалось хорошо.

Эрла в ответ только кашлянула, выдавая собственную простуду. Она вчера, конечно, просохла, но непривыкший организм совершенно не радовался подобным видоизменениям, да и вообще, что-то в её душе подсказывало, что можно уже и не беспокоиться о здоровье, оно давно улепетнуло.

Дождь на улице немного успокоился, но от этого легче не стало. К тому же, кроме озноба сплошным потоком нахлынула скука, и от неё уж точно никуда не денешься, даже если очень и очень пожелаешь.

— Хочется домой? — хитро прищурившись, поинтересовался мужчина, но Эрла только отрицательно покачала головой.

— Домой? На растерзание? Нет уж, увольте, — хрипловато выдохнула она. — Просто тут очень скучно и... кхе-кхе... нечего делать... кхе-кхе...

Кажется, горло стремилось заболеть побыстрее, и девушка зашлась приступом кашля.

На шрамы она в очередной раз покосилась с опаской, но те не увеличились, пусть и не стали выглядеть лучше.

— Держи, высохло уже, — Марсан протянул Эрле одежду, выглядевшую уже довольно плачевно — настолько, насколько она могла сделать вывод.

Она недовольно осмотрела надоевшую уже рубашку, но лучше уж одеться, чем сидеть тут в полуголом виде, ещё и дрожать от давно надоевшего холода. Нельзя сказать, что у неё был такой уж и серьёзный выбор, но сбежать от своего отвратительного предчувствия, что дальше будет только хуже, упорно не получалось.

Эльм даже не стал требовать от неё попыток разжечь костёр — всё равно хвороста не было, — и не заставлял готовить еду, потому что предыдущую порцию Эрла успешно перепортила.

— Надо тебя куда-то довести, — он всучил ей в руки какое-то подобие бутерброда. — Королева снимет с меня три шкуры, а мне хотелось бы умереть уже после потери первой.

— А зачем вообще тебе умирать? — удивилась она.

— Не думаю, что твой отец погладит меня по голове за всё то, что я с тобой сделал, — протянул Эльм, словно и вправду совершил невиданное преступление.

— Ну, если преподать всё в правильном свете, то он всего лишь заставит тебя на мне жениться, но всё зависит от того, что кажется тебе более страшной карой, казнь или свадьба.

Он рассмеялся. Эрла тоже улыбнулась, но тут же разразилась приступом кашля, который ещё и временно останавливали громкие попытки чихнуть.

Здоровье — хуже некуда.

— И всё же, лучше было бы довести тебя до дома, — отметил как-то совершенно неуверенно Эльм. — По крайней мере, там ты будешь в безопасности от своей сумасшедшей матушки.

— А тебя волнует моя безопасность?

— Нет, но, думаю, в качестве благодарности вы отыщете мне при дворе какое-то

местечко?

— Даже не подумаю!

— Тогда придётся вытаскивать нож, приставлять его к твоему горлу и угрожать королю твоей же смертью.

Девушка неуверенно пожала плечами. Умирать, естественно, могла захотеть только последняя сумасшедшая, она оной не являлась, да и Эльм вызывал исключительно положительные мысли, по крайней мере, сейчас, но мало ли, что может произойти за столь короткое время?

— Знаешь, я думаю, нам всё-таки следует отправиться к отцу, или хотя бы пересечь границу, — вздохнула она. — А там я попытаюсь тебе помочь. Взамен на то, что ты меня доведёшь до дома. Идёт?

— Идёт. Договориться об этом пять дней назад мы не могли?

— Ты был уверен, что я колдую, — отметила Эрла. — И вообще, приставлял мне к горлу нож, украл мой первый поцелуй и вёл себя так, словно я тебе что-то должна, а сама репорттила тебе всю жизнь!

Эльм устроился рядом. Его светлые волосы торчали вокруг головы самым настоящим одуванчиком, наверное, по той простой причине, что он всю ночь ворочался и не дал им нормально просохнуть. Впрочем, девушка не особо задавалась этим вопросом — здоровье радикально подводило её, к тому же, Эрла подозревала, что не пройдёт и пары шагов.

Похититель, переqualифицировавшийся то ли в стражника, то ли в заботливую няню, сейчас хмуро рассматривал её, будто бы пытаясь придумать, что делать с надоедливой подопечной.

— Знаешь, — наконец-то с некоторым сомнением в голосе протянула она, — мне кажется, что я до папы не доеду, а помру по пути.

— От кашля?

— От твоей невнимательности и ненависти, что так и льётся через край! — возмущённо воскликнула Эрла.

Эльм хмыкнул. Невнимательность и вправду лила через край, но бегать с девушкой, словно курица с яйцом, причём единственным и очень ценным, он не планировал. Настроение и так казалось хуже некуда, да и вообще, планы на жизнь в основном заключались в мести, а не в выхаживании болезных принцесс.

— Знаешь, мне кажется, что сделка с тобой только приведёт меня на эшафот, — как-то неуверенно протянул он. — И почему я, дурак, соглашаюсь?

— Вот потому, что дурак, и соглашаешься, — фыркнула она, включая в себе ту уснувшую на несколько дней капризную принцессу. — И вообще, разве вот так положено относиться к венценосным особам?

Эльм содрогнулся. Когда-то он сам был почти наследным принцем, а после Эррока завоевала Ламаду, и всё рухнуло, словно карточный домик. Но он был хотя бы герцогом до того момента, как появился глупый, никому не нужный, кроме королевы Лиары, закон.

Конечно же, он не имел бы юридической силы, имей Эльм супругу, сестру или мать, но ни на одну представительницу женского пола в семье ему не повезло, потому и Ламада ускакала к королеве.

Но сейчас, судя по кашлю, срочной проблемой было отнюдь не это.

— Знать бы, почему я собираюсь с тобой возиться, — наконец-то протянул он, выглядывая на улицу — без костра им долго не протянуть.

— Потому что без меня тебя поймают и казнят, — с уверенностью заявила Эрла. — Поэтому можешь даже не ворчать, ничего у тебя не выйдет. Либо благосклонность короля Дарнаэла за то, что привёл меня живой и здоровой, либо голова на плахе.

Эльм покачал головой.

Куда и делась вредность в его характере? Эрла понятия не имела, стоит ли верить такому человеку на слово...

Но ни у него, ни у неё не было особого выбора.

\*\*\*

Если она прежде могла подумать о том, что способна быстро выздороветь, то должна была благодарствовать за это прелестных целительниц матери. Вот уже второй день они торчали в проклятой пещере, и за это время здоровье Эрлы не поправилось, а состояние лишь успешно катилось по наклонной, естественно, по законам природы, вниз.

Плохое самочувствие сменилось странным жжением в лёгких, последнее уступило долговому, странному приступу кашля, а после как-то быстро приутихло, смешалось с собственным дурным характером, и Эрла почти смирилась с тем, что из пут простуды не выберется и вовсе.

Эльм притащил довольно много хвороста — и теперь что-то готовил. Девушка могла бы ему помочь, но сегодня была очередь мужчины; они как-то неуверенно разделили обязанности между собой, признавая, что союзники, даже на добровольных началах, должны как-то разделить дела.

Эрла готовила ужасно, но всё остальное получалось у неё ещё хуже, поэтому Марсану оставалось либо иногда терпеть прогорклую кашу и трястись в плохо закреплённом седле, либо делать всё самому.

Нельзя сказать, что ему нравился хотя бы один из этих вариантов.

— Всё равно не понимаю, — со вздохом промолвил он, — почему я тебя терплю. Разошлись бы, и точка.

— Я предлагаю тебе политическое убежище, — сухо, деловито отозвалась Эрла, может быть, даже со слишком резким недовольством, которое не особо-то и вписывалось в её нынешнее положение беспомощной принцесски. Так или иначе, спорить с Марсаном не хотелось — только периодически.

Нет, всё то, что между ними происходило, всё-таки не было лишено той самой отвратительной логики, что периодически так сильно пугала Эрлу собственной яркой определённой.

Снаружи послышался треск. Эльм не обратил на него никакого внимания, будто бы и ждал чего-то подобного, а очень зря — через мгновение в узкую даже для двоих пещеру ввалилась, считай, целая шайка.

...Эрла как-то отстранённо подумала, что с разбойниками, даже с такой кучей — сколько их, семеро? — можно договориться быстрее, чем с Эльмом. И, может быть, накормят её тоже получше, и головой охотнее рискнут, потому что деньги короля Дарнаэла будут греть им душу больше, чем какое-то политическое убежище, по предопределению довольно шаткое.

В любом случае, она могла выкрутиться.

Пёстрая толпа не понравилась с первого взгляда. Странные какие-то, дёрганные, с отдалённой страстью к ненависти и попытками убивать людей, довольно оборванные, но в тот же момент слишком яркие для того, чтобы быть простыми разбойниками.

А потом вспомнила о том, где их видела в последний раз — когда экс-короля маленького царства, считай, точки на карте, приволочил вот этот главарь в столицу. Презренные, как и все мужчины, но, в отличие от того правителя, их отпустили, ещё и денег досыпали — нет, королева Лиара не пользовалась их услугами, но вот они с радостью принимали обещанную награду.

Того человека повесили.

Публично.

Эльм, вероятно, тоже узнал, но его спокойствие не пошатнулось. Он поднялся на ноги, выпрямился и пристально посмотрел на незваных гостей, будто бы планировал сказать что-то, но вот умолк.

Светлые волосы оказались выгодно длинными — скрывали и колющие зелёные глаза, и острые скулы, и даже характерные брови, разлетевшиеся в стороны, словно подчёркивающие неприятный коршуний — даже не орлиный, — взгляд.

Эрла отступила в тень пещеры. Ей ничего не будет, но королева — она ищет, и найдёт, а их семеро.

Эльм — один.

— Вам чего? — грубо, со странным горским говорком, свойственным Ламаде, спросил он. — Хэй, денег?

Главарь как-то странно покосился на него, будто бы пытаюсь определить, кто это.

— А поделитесь? — в его словах та самая грубость чувствовалась более резко, слова он противно тянул, словно пытался стать на одну ногу с дворянином. Эльм, напротив, выкрикивал их, словно та ворона, отрывисто — Ламада вообще не славилась красотами речи.

— Хэй, почему нет? — фыркнул он. О слова, казалось, можно было порезаться. — А чего вам ещё надо?

Разбойники переглянулись. Зачем терять кровь и силы, если тут и так предлагают — разве двое против семерых справятся? Смысла возражать не было, а какая ещё может быть польза?

— Пещерка, — хохотнул главарь. Остальные молчали, будто были немые — да и зачем, за них и так скажут, их не обидят.

— Ну, пещерка так пещерка. По добру, да и разошлись, м? — Эльм добрался до лошади, отвязал мешочек с деньгами. — Поймаете?

— Э! — главарь сделал шаг вперёд. — Неси сюда.

Эльм скривился, что-то злое в зелёных глазах сменилось пустым раздражением, и он подошёл ближе, протягивая кошель.

— Что есть, — криво усмехнулся он.

— Коня?

Марсан кривовато усмехнулся, тряхнул головой, и светлая прядь шрамом пересекла лицо, скрывая от лишних взглядов.

— Этого паскудника? Ну, берите, — фыркнул он. — Нам не жаль.

Они покосились на лук, но тот не был ни богато украшен, ни хорошо отлажен, а любимое оружие — не то, чем торгуют. Наглость, впрочем, возрастала до невероятной степени — главарь было двинулся к коняшке, но по пути отметил Эрлу, посмотрел тоже орлиным, типично горским взглядом, протянул шершавую и покрытую шрамами руку.

— А девку? — осклабились они. — Знаешь, как трудно отыскать в горах хорошенькую

девку?

Эльм скривился. Делиться Эрлой было глупо, если он собирался спасти шкуры их обоих, но если только свою...

Принцессе хотелось верить в то, что он не станет этого делать. Вспомнит о здравом смысле, всё-таки не решится продать её, как разменный товар.

— А берите, — пожал плечами он. — На кой она мне, без лошади и без денег, м?

Горский акцент сбивался на дворянскую чистую речь, но они ничего не заметили. Кто-то коснулся-таки руки Эрлы, и прикосновение огрубевших пальцев вызвало нервную дрожь.

Высшая и Воин.

Чёрт возьми, почему она не умеет нормально колдовать, раз уж ей предназначена такая великая, по вере матушки, судьба?!

Эльм хмуро двинулся в сторону выхода, где сбились шесть разбойников — с оружием, с оскалами и предвкушением, написанном на лицах. Эрла рванулась, но проклятые пальцы сжимали запястье.

Магия, магия! Она взывала к ней уже раз сто, но ничего не получалось. У матушки все они давно уже валялись на коленях, умоляя об одном только взоре, но ничего. Она сможет, она победит...

И без толку.

Только притянет к себе, а заставить пасть не сможет — куда до подчинения, если она даже с одним совладать не смогла, тогда, дней семь назад?

Эльм уже почти добрался до выхода, как солнце глупо осветило его лицо. В одном из разбойников мелькнуло что-то вроде понимания, главарь потянулся за ножом, почти прижав его к горлу принцессы, но не успел.

Кинжал, вытасченный из ножен разбойника, перерезал воздух.

Эльм мог уйти без Эрлы, она почти поверила. Но чтобы он ушёл без своего лука? Никогда и ни за что?

Главарь захрипел, падая с ножом в горле — насмерть. Эрла даже не стала проверять, в этом не было никакого смысла.

Но его, впрочем, успели узнать уже по первому кинжалу, а оружие он успел потерять глупым броском.

Надо было сначала прирезать эту шестёрку.

Эрла с криком отпрянула куда-то вглубь пещеры, привязанная к камням лошадь рванулась вперёд, а Эльма с силой толкнули вперёд, на колени, потянули за волосы, открывая вполне узнаваемое лицо.

Награда в несколько тысяч, а может и куда больше, улыбалась шайке ясным светом — особенно если учесть, что тут ещё и девка... Не важно, какая. Не важно, кто именно. Им наплевать.

Эрла бросила сиротливый взгляд на лук. Тот валялся под ногами, а к шее Эльма уже прижали меч.

Воин и Высшая. Где ж та чёртова магия?

Ему не перережут горло, если только не надоест. Впрочем, королеве Лиаре плевать, живого или мёртвого, даже если просто покажут голову, она всё равно даст награду, она не фанат пыток.

Ей просто плевать.

Почему она ничему не научилась, когда папа пытался показать, как следует драться на

мечам, как стрелять из лука или пистоля? Почему она слушала его одним ухом, уверовав в то, что магия ей поможет?

Она потянулась к луку, подобрала и колчан со стрелами, а после вновь посмотрела на разбойников.

— Девочка, ты даже не натянешь тетиву, — хитро улыбнулся новый главарь — с клоками светлых волос.

Стрела вряд ли вообще сорвётся — она чувствовала, что сил не хватит, это точно. Но... Они вот-вот отрежут ему голову.

Он мог уйти, его б отпустили — да и мог бы прирезать сначала этих, а потом главаря, исподтишка, и справился бы. Но он знал, что тогда её бы как минимум ранили, и Эрла чувствовала, что единственный фактор спасения сейчас — их смех. Хрупкая девчушка, сколько б в Эрроке не вводили матриархат, ещё и вроде как без магии, куда ей там стрелять? Куда уж!

И она выстрелила.

Вскрикнув, он повалился со стрелой во лбу, и в зелёных глазах мелькнул последний оттенок страха.

===== Глава девятая =====

Он коснулся портрета, и по пальцам пробежалась зелёная пыль плюща. Короткие ростки пронзили насквозь глупую картинку, разорвали на мелкие кусочки портрет Её Величества, а после тот рассыпался на мелкие кусочки, не оставляя ни единого шанса на восстановление. Тем не менее, стоило только осколкам свалиться на землю, как они срослись в единое целое, и травы вновь и вновь прорывали цельную на первый взгляд поверхность, и она собиралась из осколков, из которых можно было сотворить только глупый суррогат того, что люди привыкли называть подобием реальности.

Можно было воспротивиться. Можно было бороться. Можно было убедить её в том, чтобы перестать использовать проклятый дар.

— Ты не права. Ты не так толкуешь пророчество, — осипшим голосом прошептал он, и портрет в очередной раз вспыхнул пламенем, разливаясь по мраморному полу с прожилками.

...Королева Лиара умела привязывать к себе людей. Её Величество, наследница дара Богини... Ведьма!

Её волшебство действовало на мужчин. На женщин — слабо, но они тоже подчинялись, если очень постараться. Её волшебство заставляло каждого забывать о том, что в них есть хоть что-то из собственных мыслей, и красота, сияющая в ней изнутри, разрывала все их начинания, заставляя действовать так, как хочется Ей. Это ли богиня? Ведьма! Обыкновенная тёмная ведьма.

Разве король Ламир думал, кого выбирает в жёны? Он был очарован, с ума сходил от молодой прелестной ведьмы, и всё. Больше ничто его не интересовало. Он мечтал о ней, хотел её, желал овладеть юным телом собственной племянницы, о существовании которой даже не догадывался.

Разве они все, падая на колени перед великолепной Лиарой Эрроканской, осознавали, откуда это всё?

...Ему повезло. Повезло не чувствовать её магию. Видеть не сияющую бриллиантами кожу, а обыкновенную белую. И глаза её не золотились, и его не тянуло магнитом. Нет, его проклятие было хуже.

Свободный от чар Лиары, он, идиот, её полюбил.

— Высшая и Воин, — упрямо ответил портрет, словно мог что-то слышать, но мужчина только молча покачал головой.

Она неправильно всё истолковала.

\*\*\*

Как Эльм успел откинуть голову назад — она понятия не имела. Стрела впиалась в лоб тому, кто стоял за ним, и он свалился замертво с предсмертным хрипом. Эрла растерянно опустила лук, сама не зная, как рискнула и как смогла выстрелить. На неё моментально набросились — словно те коршуны, они рванулись вперёд, отчаянно пытаясь схватить и растерзать.

Марсан не остался в долгу. Выхватив стрелу, он ударил в горло первого, кто только подвернулся под руку, и тот захрипел, пытаясь оттолкнуть врага. Стрела пробила шею, и её острие от нечеловеческого порыва почти что вырвалось на свободу, но Эльм рванул назад, с она застряла в горле.

Эрла даже не поняла, когда ей скрутили руки. Выживших осталось трое — она даже не поняла, когда Эльм успел прикончить ещё одного, да и теперь был вооружён, но от этого легче не стало.

Она не умела бороться. Но колдовать получалось ещё хуже. По крайней мере, визуально.

Эрла только уцепилась в руку с ножом, отчаянно сжимая чужое запястье. Можно было бы и зубами вгрызться, но почему-то от одной мысли об этом стало до такой степени противно, что она и не рискнула.

Девушка вывернулась, чувствуя, что нож полоснул по плечу, и едва сдержала новоявленный приступ кашля. Держали её крепко, лук затерялся где-то в глубине пещеры, а Эльм сжимал в руках кинжал.

— Брось оружие, парень. Нам ничего не стоит её прирезать, — мужчина осклабил. Ряд зубов — гнилых и золотых, — сверкнул в пелене солнца.

Эльм так и не положил кинжал.

— Брось нож! — прикрикнул кто-то. По шее сбежала тонкая струйка крови, но Эрла как-то отдалённо поймала себя на мысли, что у того, кто держал её, столько порезов и столько участков голой кожи.

Три взрослых мужчины — а держали её вместе.

Эльм отшвырнул его в сторону, с ненавистью глядя на шайку. Двое отступили в стороны, явно планируя схватить и мужчину тоже.

Хороша награда.

— А за твою голову, девка, оглашена награда? — с кривоватой усмешкой уточнил разбойник. — Или тебя лучше сразу пустить по рукам? А потом головку отрежем и принесём королеве на тарелочке. Она обрадуется, какая ж ещё шваль будет таскаться с врагом короны... Или лучше потащить к Дарнаэлу? Может быть, ты ему больше придёшься по вкусу?

— Мою голову? — прохрипела Эрла. — А вы попытайтесь. Что мама, что папа одинаково отсыплют вам раскалённой меди в глотки. Голова принцессы, эка роскошь!

И она всё-таки вгрызлась зубами в запястье своего врага.

Тот зашипел, издав парочку непечатных слов, но это больше не имело значения. Ранка коснулась струйки крови, что стекала по шее Эрлы, и магия ринулась по бордовой жидкости — даже капли при таком близком контакте хватило бы.

Её магия не так уж и слаба. Но она плохо передаётся, и взгляда, даже прикосновения недостаточно.

А вот кровосмешения — более чем.

Разбойник разжал руки. Он замер, ладонь как-то запросто отпустила её шею, рука скользнула к груди, но обвисла безвольной плетью — сопротивляться смысла не было. Эрла вовремя выхватила нож из его пальцев, и разбойник изваянием застыл за спиной. Магия почти утихла, ещё мгновение — и он вырвется из-под контроля.

Эльм бросился в сторону, уклоняясь от грубого удара коротким кинжалом, а после подхватил оружие, свалившееся на пол, ударяя врага в горло.

Второй зашёл со спины, попытался обхватить парня руками, но тот вовремя ударил его локтём в солнечное сплетение, отбросил почти к спине. Послышался хруст костей.

— Умри, — едва слышно прошептала девушка, но магия не срабатывала.

Высшая и Воин.

Магия и Оружие.

Выбора не оставалось. И она с силой, невиданной для хрупких девичьих рук, вогнала нож в сердце разбойника.

Он в последний раз дёрнулся, пелена волшебства свалилась к ногам, а после захрипел и рухнул на землю. Всё закончилось. Осталось только двое.

Она и её спутник.

\*\*\*

Эрла осела на пол пещеры, зажмурилась, стараясь в узком проходе не замечать ни единого трупа. Воздух пропах медью — кровь разлилась лужами, — но совсем скоро к ароматам примешается и легко отличимый трупный запах.

Конь наконец-то сумел сорваться с привязи, а после с величавой поступью, словно тут не было резни, направился к выходу. Эльм не стал проявлять брезгливость — им нужны были деньги, даже в горах.

Он отобрал и свой мешочек, и кошель с награбленным — у остальных не оказалось и гроша, кассой заведовал главарь, судя по всему.

Пятеро.

Он убил пятерых, и на руках Эрлы было всего двое, но девушке казалось, что наоборот. Она вспомнила шрамы — десять шрамов... За каждого раненного при сопротивлении? За каждого убитого?

Она не помнила, за что мать назначала цену, но на руках Марсана была кровь. Когда-то. Наверное.

Он тоже позеленел, но не подавал виду. С силой рванул её за руку, утаскивая из пещеры, заставил идти быстрее, легонько толкнул в спину, не дав ни единого шанса остановиться.

Принцессе казалось, что земля под ногами попросту тает. Её тошнило, но глупое желание спастись теперь уступило отвращению к самой себе. Кровь, казалось, стекала по пальцам, и она никак не могла убедить себя в том, что иначе просто не могла поступить.

Всё это было таким жутким, и девушка устала даже делать вид, что борется, не говоря уже о чём-то другом.

Она рухнула на траве, пытаясь оттереть от крови руки. Узкое ущелье наводнилось вороньём — они словно чувствовали, куда надо мчаться, и слетались в пещеру. Кровавые следы на руках смешивались с собственной алой жидкостью, что била из плеча — Эрла только неуверенно скосила взгляд, будто бы пытаясь убедить себя в том, что всё хорошо, но



получилось как-то неважно.

— Пойдём, давай, — Эльм дёрнул её за руку. Рядом заржал чужой конь — вероятно, главаря шайки.

Марсан потянул его за поводья, за собой, ткнул какой-то хворостиной и родного, и процессия медленно потянулась по узкой горной дороге. Дождей уже не было, можно пройти спокойно — почти, — вот только девушке казалось, что она не ступит и шагу.

Он силком усадил её в седло, запрыгнул и сам, а после пришпорил своего коня. Её собственный помчался вперёд уже чисто автоматически, будто по приказу, и Эрла не шевелилась, не пыталась удержать его на особо опасных поворотах.

Они бежали. Бежали позорно, довольно быстро, потому что всякое может быть, потому что в шайке всегда куда больше, чем семеро — может, их двадцать?

...Эрла буквально выпала из седла на ходу. Она не помнила, когда они успели остановиться, но, так или иначе, Эльм не стал настаивать на том, чтобы ехать дальше, а ссадил её на землю, поддерживая за талию, а после устроился у противоположной стены, с таким же хмурым взором, как и прежде. Равнодушие и ненависть в одинаковой степени озарили его лицо, оставив след чего-то ещё, какого-то глупого упрямства.

Зелёные глаза зло прищурились, словно Эльм высматривал какую-то жертву, а после он рванул бутылку, привязанную к седлу того коня, на котором прискакал разбойник.

Его жертва.

Он откупорил её привычным быстрым движением, а после принялся пить — большими глотками, не чувствуя вкуса, и Эрла даже не знала, что это такое. Обычно так пьют воду — когда только-только пришли с долгой дороги и мечтают просто промочить горло.

Она неуверенно протянула руку, будто бы желая попробовать, но Эльм коротко презрительно фыркнул. Это не было отказом — тонкие девичьи пальцы сжались вокруг горла, и она даже сделала несколько таких же глотков, но после закашлялась.

Спиртное.

Она даже не поняла, что именно — перед глазами моментально поплыло, и девушка закашлялась не от болезни, а от того, что умудрилась обжечь горло. Эльм презрительно ухмыльнулся, бутылку вернул на место, а после подсел поближе.

Костёр они не разводили. Это была всего лишь маленькая полянка среди горных дорог, где лошади остановились пожевать траву, а остальное их мало волновало. Спать тут тоже казалось невозможным, но Эрла не знала, сколько времени она провела в седле.

— Тепличное растение, — презрительно выдавил Эльм, пьяно поглаживая её по спине. Эрла громко всхлипнула.

— Тебе легко... — прошипела она, закусывая губу. — Я никогда... Никогда не... — она задыхнулась. — Не убивала.

Чужие руки кольцом сошлись вокруг талии. Он выпил куда больше, но пробрало его так же, как и её. Постепенно всё кругами шло перед глазами.

Он — убивал. Эрла об этом знала; но он убивал в бою, может быть, неравном, но всё же. Это другое.

Может быть, и лично тоже. Глаза Эльма, колючие и злые, даже не смягчились от выпитого; казалось, перед ним тоже рваными рядами вставали трупы. Воспоминания постепенно ускользали, и она предпочитала не видеть того, что показывало его сознание.

Она устало провела пальцами по виднеющемуся шраму, что пересекал его грудь. И даже не знала, кто его оставил.

Убийца или жертва.

...Эрла прежде видела смерти. Не только во время публичных казней, там оно казалось чем-то обыденным, по крайней мере, отчасти правильным. Но она видела, когда человек убивал, потому что был загнан в угол.

На них тогда напали. Эрле казалось, что ей было лет двенадцать, может, чуть меньше, но тогда ещё Рэй точно был с ними. Мать куда-то удалилась, а после отец не раз говорил, что, может быть, проклятых убийц подослала и она — но к своей единственной принцессе...

Эрлу, впрочем, никто не тронул. Её отделили в сторону, явно собираясь убить тех, кто мешал. Она подозревала, что так просто пытались подставить бабушку или маму; маму, потому что бабушка любила Рэя больше всех на свете и не посмела бы отдать приказ даже ранить его.

И они понятия не имели, на что способен король Дарнаэл.

Он выстрелил ровно три раза — столько было противников. Быстро, методично, никто даже не понял, откуда в руках мужчины появилось оружие.

Короля убить было не так просто. Он уже воевал, но впервые в жизни, наверное, кто-то так нагло, без честной битвы, пытался перерезать ему и его детям горло.

Три выстрела. В голову. Три трупа. Три мёртвых разбойника, её собственный крик, потемневшие синие глаза отца.

Брат, у которого впервые в жизни магия сорвалась с цепи — а его ведь убеждали, что он не умеет колдовать.

Тогда они превратились в зелёные статуи. Так быстро, так мгновенно, словно Шэйран проделывал подобное тысячи раз.

Отец запретил говорить матери. Почему — никто не знал, но Эрла умудрилась как-то быстро справиться с тем. Да, она видела трупы. Но она никогда не создавала их собственными руками.

Эльм, вопреки тому, что жилось ему не особо легко, кажется, тоже

Пьяный дурман начинал разбирать. Она тихо фыркнула, пробормотала себе что-то под нос, потянулась к мужчине, устраиваясь поудобнее в его объятиях, и слёзы потекли по лицу сами по себе, не повинаясь здравому смыслу. Горло сжимало от странного ожога, и поцелуй случился уж совсем бессмысленно, на фоне глупого нетрезвого шала. Она не брала в рот ничего крепче вина, а теперь горе загорелось в душе, выжигалось насквозь одним только касанием.

Нельзя было так злоупотреблять алкоголем.

Она всхлипнула и провалилась то ли в жаркий и ненужный сон, то ли в какое-то подобие страсти.

\*\*\*

Открывать глаза было почти страшно. Она вчера натворила лишнего — и та попытка заглушить горе алкоголем тоже была далеко не идеальным примером поведения принцессы. Так или иначе, Эрла поймала себя на глупой мысли, что рано или поздно её ждёт возмездие за грехи — и оно явно пришло, даже если прошлое затянуло сплошной завесой забвения.

Чужая ладонь покоилась на её спине. Благо, не отрезанная, а вполне целая и принадлежащая известной руке, но наличие оной под рубашкой отнюдь не радовало. Вторая рука, благо, наглыми нарушениями личного пространства не занималась — на то плечо Эрла уложила голову и задремала.

Её собственные пальцы замерли примерно в районе его груди. Правой рукой девушка

обвила шею своего похитителя, левая не менее настойчиво устроилась на тонком шраме от меча или, может быть, плети. По крайней мере, далеко не там, где полагается быть ладоням принцессы.

Дальше — хуже. Эрла понятия не имела, когда она успела устроиться подобным образом, но собственная нога в полусогнутом состоянии покоилась где-то по другую сторону — тоже целая и принадлежащая телу, и лучше б её кто отрезал.

Потому что кошмарность положения — особенно того места, где было колено, — спасало только то, что они одеты.

Вроде бы.

...Эрла заставила себя открыть глаза. Пьяный дурман всё ещё бил в голову, но убитых она явно не жалела, по крайней мере, в это мгновение. Ну, да, одетыми они всё-таки были. Правда, не до конца — рубашка Эльма живописно увешала соседний кустик, а рядом живописно раскинулись пуговицы с одеяния Эрлы.

Дальше не зашло, вероятно, алкоголь подействовал, и они уснули. Так или иначе, принцесса ничего не помнила и вспоминать на особо желала.

Эльм что-то хриловато пробормотал, а после спихнул её с себя и попытался сесть. Солнце нагло осветило в глаз — Марсан не слишком обрадовался этому милому гостю, отмахнулся от лучей и перевёл взгляд на Эрлу.

— Чёрт, — голос его наполовину пропал и звучал тихо да хрипло. Эрла вообще боялась заговорить, ей почему-то упрямо казалось, что она и не сможет. Так или иначе, последствия были довольно серьёзными, и от этого убийство давить на совесть меньше не стало. — Твой отец теперь меня точно удушит.

Эрла, старательно приводя в порядок свою одежду — правда, рубашка теперь не застёгивалась, а только завязывалась под грудью, благо, принцессы — не простолюдины, и нижнее бельё у них присутствует не только в виде длинной полумонашеской ночной рясы. Признаваться не хотелось, но девушка была даже рада продемонстрировать обнажённый живот, а не изодранную ночную тряпку.

Пойти.

По крайней мере, пристальный и явно не преисполненный ненависти взгляд Эльма веселил и даже радовал. Правда, стоило подумать о последствиях, и вся радость куда-то моментально пропадала, вместе с хорошим отношением?

— За что? — удивилась Эрла. — Ты ж мне жизнь спас.

— Так и ты мне жизнь спасла, — отмахнулся Эльм. — Но нам не стоит, — он кивнул на бутылку, — вместе пить. Потому что, боюсь, в определённый момент причиной убить меня будет совращение царственных особ. Хотя, если ты не против...

— Я против! — возопила принцесса. — И вообще, с чего ты взял, что вот такое... — она окинула его красноречивым взглядом, — может меня соблазнить?! Тоже, красавец отыскался!

— Ну, начнём с того, — Эльм хитро улыбнулся, — что вокруг больше ни одного кандидата нет. А во-вторых, вы, женщины, существа странные... И со вкусом у вас периодами бывают сбои, — он вытянулся на зелёной траве, закинул руки за голову и закрыл глаза. — Так что я подожду. Ты побегай, отыщи кого получше, а потом мы об этом поговорим.

Эрла возмущённо фыркнула. Сейчас, когда ещё и проклятая головная боль набатом билась в виски, ей хотелось броситься на него и тут же удушить, но остатками разума

девушка понимала, что Эльм того и добивался.

— Ха! Думаешь, я и так не знаю мужчин получше? — возмущённо воскликнула она. — Да полно! Вот король Дарнаэл, и Рэй...

— Ну, относительно того, кем тебе приходится король Дарнаэл, я в курсе, а вот Рэй... — он задумчиво прищурил глаза. — Хм. Брат?

Эрла хотела было это отрицать, но вовремя прикусила язык. Она ещё только не опускалась до мелочных споров с вот таким, как он, только этого не хватало! Хотелось и вовсе отмахнуться от него и уйти куда подальше, вот только странное удивление бесконечно останавливало и возвращало на прежние позиции.

— Ну, брат, и что с того? — девушка поднялась на ноги и возмущённо сложила руки на груди. От резкого движения в голове помутилось, а перед глазами запрыгали тёмные пятна, но она попыталась проигнорировать желание рухнуть обратно на травку. — Вот, Кэор ещё, королевский племянник...

— Не буду уточнять, чей именно, от этого он не перестаёт быть твоим родственником, — Эльм хитро открыл один глаз, глядя на неё так, словно пытался разозлить ещё больше. — Неужели ты не можешь выдумать хотя бы ещё один повод? Ну, пожа-а-алуйста, поищи кого получше, я же страдаю от интереса!

Эрла топнула ногой, но легче от этого ни на мгновение не стало. Она отвернулась и постаралась выдохнуть воздух, успокоиться, принялась перебирать в голове всех знакомых представителей мужского пола.

Увы, но ни одно путёвое воспоминание в голову не пришло.

— А ещё, — уж совсем мстительно протянула принцесса, даже не заметив, как муки совести окончательно покинули её сознание, словно кроме перебирания кавалеров, ничего более страшного в жизни с нею и не случилось, — есть прелестный посол с Торрессы, Бонье... Между прочим, очень даже...

— Это такой тёмно-русый, сероглазый, смазливый и без единой капельки мозгов в голове? — уточнил Эльм. — Ох, какой у тебя отвратительный вкус... Хэй, принцесса, ну хоть бы кого попримечнее выбрала, правда?! Он же в столице торчит, кажется, не первый день, так чего ж ты не воспользовалась услугами посла для того, чтобы избавиться от возможности стать жертвой матушкиного обряда.

Эрла возмущённо швырнула в него первым, что попало под руки, как оказалось, рубашкой мужчины, а после вновь села на траву, подальше от него.

Взгляд упал на раненную руку, и воспоминания хлынули в голову, словно кто осторожно отворил дверцу, а после распахнул её так широко, как только смог.

Даже боль отступила назад — она слышала, как приказывала человеку умереть, слышала, как он пытался бороться — эти звуки будто бы шипели в голове нескончаемым ритмом. И когда ничего не вышло, она ударила его ножом в сердце, безо всякой жалости, будто бы не с человеком дралась, а с животным.

А она прежде была уверена в том, что не способна и муху обидеть! Как же... Сначала волк, но волк хотя бы был опасен...

А разве разбойник не был опасен? Словно дикое животное, преисполненный ненависти, боли и ещё чего-то. Казалось, что он мог растерзать её на кусочки просто по той причине, что ему так хотелось. Просто потому, что он испытывал огромное удовольствие от смертей посторонних людей.

Эльм тоже сел, натянул рубаху, а теперь пристально смотрел на неё, будто бы пытался

разгадать мысли, и Эрле почему-то показалось, что думает он о том же. Убить в первый раз всегда страшно, но ещё и в таких условиях... Ей хотелось бы броситься отцу на шею, разрыдаться, да и точка.

А чем всё на самом деле закончилось? Тем, что она не смогла даже отыскать помощь в своих родных, да и оказалась тут, по сути, из-за матери.

Если б она была в замке, Эльм никогда не смог бы её оттуда утащить. Или если пыталась бы освободиться, сбежать от него — может быть, она бы никогда в жизни не столкнулась с тем кошмаром, что случился вчера. Но ведь она бежала от матери, старалась оказаться как можно дальше.

Конечно же, всё закончилось убийством. И даже выбора у неё не осталось, это привело к и без того отвратительным последствиям.

Хотелось свалиться и сломать себе шею.

— Если ты думаешь, что с такими, как те разбойники, можно договориться мирно, то ты очень ошибаешься, — холодно промолвил мужчина, словно убийство для него было привычным делом. — Мне тоже не особо понравилось... — он зябко повёл плечами, словно о чём-то вспомнил. — Но лучше замарать руки их кровью, чем видеть твою.

— Ты ж меня ненавидишь, какая тебе разница, — Эрла уткнулась носом в собственные колени, поджала ноги к груди, пытаясь хоть как-то защититься от его пристального взгляда. — Оставил бы... Им...

— Ну, оставил бы, а дальше что? — он хрипловато рассмеялся. — Расправились бы с тобой, догнали, вспомнили бы, что меня тоже продать можно. Нет, лучше убивать врагов, чем смотреть, как гибнут союзники.

— Ты воевал?

Вопрос показался логичным. Папа всегда говорил, что война убивает в человеке чувство жалости.

Потому что там места для неё нет.

— Когда твоя мать завоёвывала Ламату, мне было лет... пятнадцать? Все воевали, и я попёрся, — он шумно выдохнул воздух. — Поймали уже после сражения, но там... Ты видела, как воюет Эльвента?

Эрла отрицательно покачала головой.

— Армия продуманно выманивает соперника на, казалось бы, такую местность, где им самим будет неудобно, а после нападает. Они малой кровью, но всё же с потерями, занимают вражеский форт, и нельзя сказать, что кто-то особенно сопротивляется. В конце концов, Эльвента богата, и твой отец никогда не заставляет людей платить подати больше, чем его собственный народ. Словно волна — рванулась и схлынула тут же. А Эррока? Методы своей матери ты знаешь?

— Мама говорила, что Ламата добровольно... — Эрла запнулась. — Нет, мне тогда было всего десять. Я ничего не знаю.

Он благодарно поднял на неё взор и кивнул, словно подтверждая собственное предположение.

— Эррока подходит, как тот шакал. Они не бьются, они затихают в кустах, проклятые ведьмы, потом плетут заклинание и пускают стаю своей маленькой армии — тех, кого не жалко. И мы тоже клюнули, бросились вперёд, перетоптали почти всю армию противника... А потом они вышли. Ведьмы. Знаешь, сколько их было? Всего пара десятков, а мы даже пошевелиться не могли.

Эльм запрокинул голову назад, упираясь в каменистую поверхность, и под пальцами заиграли мелкие камешки, будто бы пытаясь сбежать как можно дальше, словно в этом ещё оставался какой-то смысл.

Она шумно вздохнула. Всё превратилось в глупый фарс. Не надо было спрашивать.

— Меня отец выдернул из сражения за пять минут до... Всего. Мне кажется, я тогда даже подстрелил кого-то. А потом, когда мы ушли — он приказал вообще забрать всех, кто младше двадцати, и вовремя... Знаешь, что сделали ваши ведьмы?

Эрла молчала. Она догадывалась — мать считала это поводом для гордости, а не ненависти, потому никогда не скрывала.

— Они сомкнули паутину. И все, кто там был — ваши, наши, — они умерли от проклятия. В корчах, в мучениях. Она вот так разом уничтожила весь генофонд Ламады. Просто так. И что было бы, если б мы не покинули город, не вышли с армией, ты знаешь?

— Вы бы победили? — наивно предположила Эрла.

— Твоя мать приказала бы замкнуть круг вокруг города. И тогда погибли бы все, — Эльм зажмурился, и Эрле показалось, что он её сейчас убьёт — когда поймёт, чья она дочь. — И ей абсолютно наплевать на то, что там были старики, женщины, дети. Дарнаэл бьётся хотя бы с благородством. Но для вас, ведьм, все средства хороши. И только когда не надо, твой дар отключился!

Камень ударился в метре над её головой о скалу, а после отлетел в сторону. Эльм проследил за его траекторией и вновь зажмурился.

— А ты говоришь — как мы могли убивать благородных разбойников, — грустно подытожил он. — Действительно, как так можно? Ведьма...

Высшая и Воин.

Эрла вновь вспомнила те проклятые слова. Мама говорила, что так должно быть. Что с Шэйрана никогда не получится маг. Ведь он мужчина. Мужчины не умеют колдовать, иногда они способны разве что правильно вести войну — вот отец тому подтверждение.

А если мама ошиблась? Запуталась в своих стереотипах и ошиблась, сказала то, что не является правдой? Почему-то Эрле захотелось, чтобы это было так. Чтобы она освободилась от клейма ведьмы и могла жить, как захочет. Жить в своё удовольствие, а не постоянно мучиться от жутких ударов в спину.

Она устала прикрывать саму себя тем, чего у неё никогда и не было.

— Никакая я не ведьма, — наконец-то покачала головой она. — Периодами два-три заклинания с себя выдавлю, да и только... Если это — Высшая, то Шэйрану можно в боги записаться!

Она отмахнулась от своего спутника и направилась к лошади, будто бы собираясь куда-то сразу же уехать.

— Мама когда-то воспользовалась... Одним пророчеством. Услышала, что ей суждено родить... — Эрла запнулась. — В общем, сильного мага. И почему-то решила, что этот сильный маг — я. Не думаю, что она была права.

Эльм поймал её за руку, когда девушка уже почти вскочила в седло.

— Куда ты? Во-первых, голодная, а во-вторых, мне своего ещё оседлать надо.

— Я сама поеду, — упрямо покачала головой Эрла. — Раз тебе так неприятно, и я даже понимаю, почему, то я лучше отправлюсь одна.

— И погибнешь там? — фыркнул Эльм. — Ну уж нет. Обещала убежище в Элвьенте? Обещала! Так выполняй!

Она едва сдержалась, чтобы с благодарностями не броситься ему на шею. В том, что это было благородным жестом, девушка ни минуты не сомневалась. Эльму было более чем просто оставить её тут или отпустить, а после броситься и дальше в бега, и не факт, что для него безопаснее, быть рядом с принцессой или далеко от неё.

— А ты можешь научить меня стрелять из лука? — наконец-то попросила она. — И толково драться на мечах? А то папа учил, а я всё мимо да мимо... — Эрла вздохнула. — А? Научишь?

— Научу, — кивнул Эльм. — Только потом. А пока — поехали, раз мы собираемся в Элвенту, то было бы неплохо сделать это быстрее.

Он выпрямился. Воспоминаний как не было, так и нет, не до конца. Проклятое вещество, выпитое резко, залпом, из-за отчаяния, нахлынувшего в самый неподходящий момент, ещё действовало. Сколько осталось до того момента, когда они с Эрлой осознают, что убивали? День, два, три?

Неделя?

Лучше было бы дотащиться до того времени до мало-мальски приличного населённого пункта, а не душить друг друга в горах, как двух редкостных чудищ.

Девушка опасливо посмотрела на него, но спорить больше не стала, только молча наблюдала за тем, как Эльм оседлал своего коня, а после, словно невзначай, помог ей забраться именно в то седло — жеребец разбойников был куда более непослушным и вряд ли собирался вновь терпеть неумелую наездницу.

Эрла была уверена, что Эльм ещё и украдкой сжал её пальцы, осторожно, едва ощутимо, но так, чтобы она почувствовала.

Было ли это угрозой, или, может быть, жестом поддержки — этого девушка для себя так и не решила.

Но, впрочем, теперь считать его врагом до конца не получалось.

\*\*\*

Эррийские горы тянулись тонкой длинной цепочкой. Кони совершенно не желали взбираться на вершину, поэтому Марсан, ориентируясь по карте, что её Эрла совершенно спокойно доверила своему спутнику, вёл их по тонким, почти незаметным дорожкам.

Конечно же, на её карте этого не было. Но он отыскал в кармане маленький клочок бумаги с указателем, ориентировался с его помощью и тянул их в обход горных склонов, такими дорогами, где могла пройти лошадь.

К вечеру Эрле казалось, словно все внутренности и кости в ней перемешались в сплошную кашу.

— Мне так хочется домой, — пожаловалась она. — Давай мы хоть на привал остановимся? Сколько можно!

Эльм сердито покосился на неё.

— Мы уже остановились на пару дней, — сердито промолвил он. — И чем всё это закончилось? Прости, но больше разбойников я не перенесу.

За этот день он как минимум три раза пил из бутылки, привязанной к седлу, и Эрле почему-то казалось, что Эльм волнуется из-за совершённого куда больше, чем это показывает.

Она зажмурилась, словно противясь глупой мысли о том, что сейчас прямо тут и рухнет, а после вновь покосилась на него.

— Давай хотя бы пешком пройдемся, — вновь пожаловалась она. — Я устала, а мы так

быстро... И кони тоже!

Эльм закатил глаза, но спорить не стал, а лишь потянул за поводья своего жеребца, останавливая его, и спешился.

Эрле он руку помощи не протянул, пришлось справляться самостоятельно, но она и не спорила особо.

На земле, конечно же, стало легче. Голова уже не кружилась настолько сильно, как прежде, и Эрла почти успокоилась — по крайней мере, отвратительное настроение у неё отступило и позволило некому странному спокойствию мирно угнездиться в голове.

Послышался шум, и девушка подпрыгнула в седле, но это были всего лишь птицы. Эльм проводил их заинтересованным взглядом, а после вытащил свой лук.

— Ты хотела учиться, — промолвил он. — Вот попытайся попасть хотя бы в дерево.

Эрла хотела возмутиться, что она не только в дерево, а и вон в ту пташку, что над ними кружит, попасть может, но почему-то прикусила язык.

Может быть, на самом деле её предназначение всё-таки магия? Или мама должна родить третьего ребёнка, что и станет Высшей или Высшем, а она — всего лишь брак? В конце концов, Эрла всегда считала себя бесполезной, пусть многие наперебой и называли её великой наследницей великого рода.

Так что, никакой она не воин. По крайней мере, воин бы не струсил так сильно, только-только увидев врага, а она...

Она даже поднять взгляд боялась, дрожала, как самая последняя трусиха, да и вообще, не следовало рисковать и просить Эльма о чём-то подобном. А он, дурак, повёлся, решил помочь.

— Я устала, — отмахнулась от него Эрла, понимая, что ничего ей не удастся. — Может быть, не стоит и пробовать, всё равно ничего не выйдет, да и...

— Возьми лук и попытайся хотя бы натянуть тетиву, — строго повторил он, но Эрла сиротливо повела плечами, оглянулась, будто бы в поиске спасения, а потом грустно вздохнула.

— Не надо, Эльм, — она поискала взглядом место, предназначенное для того, чтобы присесть.

Они остановились прямо посреди дороги, но в сторону вела тонкая, сужающаяся тропинка. Вероятно, там, на её конце — каких-то метров сто, можно и пройти, — прежде ночевали люди, а то и вовсе был домик, но после всё размыло дождями.

Эрла устроилась прямо на траве, но Эльм так быстро сдаваться не планировал. Он дёрнул её за руку, заставляя подняться, встряхнул за плечи и всучил в руки лук.

— Давай, — сердито промолвил он.

Девушка вновь отрицательно мотнула головой, но Марсан впихнул ей оружие в руки силком, даже сжал пальцы вокруг древка. На мгновение ладони замерли — он словно пытался понять, зачем это делает, — а после мужчина помог ей натянуть тетиву. Он стоял у неё за спиной, и дыхание обжигало шею, можно было даже поиздеваться и укусить принцессу, но Эльм напомнил себе, что не вурдалак из местных лесов, а как минимум уважающий себя герцог. Даже если с приставкой «экс».

Эрла дышала подозрительно тяжело. Желание поиздеваться и поцеловать-таки её усилилось, но мужчина напомнил себе о том, что надо быть сдержанным, и направил лук.

— Ну, давай, — шёпотом подбодрил он девушку. — Выстрелишь ты когда-нибудь или нет?



Она отпустила стрелу, и та со звучным шлепком ударилась о дерево хвостовой частью, умудрившись по пути врезаться в ветку и напрочь сменить траекторию. Эрла разочарованно вздохнула, а после шмыгнула носом.

— Никакая с меня воительница, — прошептала она. — Ни на что я не пригодна, так, только и могу, что проедать всё.

Она сердито подняла руки и, прищурившись, сделала вид, что целится. Это было так, скорее шуткой, и Эльм отступил на шаг — силы девичьих пальцев хватало только на то, чтобы едва-едва натянуть тетиву.

Она сердито фыркнула и отпустила стрелу.

...Взрыв в небо, та острием пронзила птицу, и та камнем свалилась прямо к ногам не умеющей стрелять принцессы. Где-то в лесу надрывно взвыл кто-то, смутно напоминающий живого мертвеца.

===== Глава десятая =====

Шэйран удивлённо уставился на пожилого мага. Тот уже десятый раз провёл ладонью по своим седым волосам, они будто бы и помолодели от его прикосновений и зажглись прежним цветом, но морщин от этого на лице ни на минуту не убавилось.

— Вам пора идти к Его Величеству, — наконец-то раздражённо напомнил Шэйран. К Изгнаннику он особого уважения не питал, даже не с первого раза запомнил его странное, заковыристое имя.

Тэллавар покачал головой и схватил парня за руку, словно пытаясь что-то проверить.

Рэю показалось, что кто-то — даже понятно кто! — самым наглým образом роется у него в голове. Когда-то в академии учили избавляться от столь назойливого вмешательства, и он действительно воспользовался знакомым способом, запахнув сознание и закрыв за собой замок, а только потом осознал, что против Высшего вообще-то никакая защита не поможет.

Или не помогла бы.

Гартро прищурился. Казалось, он порывался протянуть руку и прижать пальцы к вискам юноши, но вовремя сдержался, напомнил себе о том, что они не на допросе.

— Скажите-ка мне, молодой человек... Ваше имя...

— Шэйран.

— Замечательно. Шэйран, — пожилой маг завертелся на месте, после прижал ладони к своему одеянию, и по нему пробежалась магическая волна. От жёлтого яркого цвета не осталось ни единого следа, он был одет в чинные серые цвета, словно так и должно быть. По крайней мере, теперь не возникало сомнений, что Изгнанник относительно адекватен.

— Вам надо к королю, — строго повторил Рэй. — Тут вообще-то не особо позволяется разгуливать магам, а Его Величество надеялся, что вы сразу же...

— Нет-нет! Дарнаэл подождёт, — сердито замахал руками Гартро. — Он действительно приказал, чтобы я сразу же отправлялся к нему?

Шэйран нахмурился. По правде говоря, король сказал, чтобы мага где-то поселили, а после он когда-то к нему заглянул. Мысль глупо вырвалась из защиты, и губы Высшего растянулись в приторной улыбке.

— Вот и замечательно, молодой человек, — Тэллавар выпрямился и даже приосанился, будто бы пытался справиться хорошее впечатление. — Скажите-ка мне, есть ли тут хорошее тихое местечко, где мы можем пообедать, и нас никто не тронет? — Шэйран кивнул и указал было рукой в сторону таверны, собираясь уходить, но маг придержал его за рукав. —

Нет-нет! Именно вместе. Мне надо кое-что обсудить!

— Есть «Две берёзы», — неохотно отозвался Шэйран. — Тут совсем недалеко, но, думаю, мне там рады не будут.

— Пойдёмте туда! — преувеличенно обрадовался Тэллавар, а после, не спрашивая направления, потянул Рэя за собой.

Можно было подумать, что маг прожил тут всю свою жизнь — ну, или как минимум лет пять. Между людьми он лавировал с поразительной лёгкостью, а “Две берёзы” отыскал без единого дополнительного указателя, ввалился туда, открыв дверь с ноги, да ещё и почти силком усадил Шэйрана за стол в центре таверны. Парень поёжился — резерв он-то зарядил, вот только легче от этого не становилось. В конце концов, очередная драка может очень дорого ему стоить, а парню меньше всего на свете хотелось получить проблемы от отца на свою собственную бедную голову.

Гартро призывно махнул рукой. Пухлая, даже слишком, служанка, отнюдь не та, что была в прошлый раз, поспешила к столику. В таверне было не пусто, но и свободных мест хватало, потому она могла позволить себе и подзадержаться, но, вероятно, обычно работала при куда большем завале, потому и судьбу старательно отказывалась испытывать.

— Что пожелаете? — спокойным, равнодушным тоном уточнила девица, швыряя меню на стол с таким видом, словно гости заведения были ей чем-то обязаны. Она смерила Шэйрана взглядом, преисполненным мрачного довольства, но вот на второго мага даже не посмотрела.

Вероятно, его серые одежды не внушали веры в платёжеспособность мужчины, потому служанка справедливо решила, что платить будет Рэй.

Тэллавар государственные деньги и личную зарплату встречающего его мага не экономил. Заказывал он много, самое дорогое и вкусное, да и не преминул потребовать отборное спиртное.

— Денег-то хватит? — заметив, с какой кислой миной сидит Шэйран, поинтересовалась девушка.

— Король оплатит, — по-господски проронил Тэллавар, а после так повелительно махнул рукой, рассыпав по пути десятка три волшебных искр, зелёных, синих и фиолетовых, что девушка подпрыгнула на месте и помчалась на кухню. — О, вот теперь они не станут тянуть с готовкой...

— Если король откажется платить, будете вытаскивать монеты из своего кошелька, — сухо промолвил Шэйран. — К тому же, в замке вас могли накормить и получше — можно отправиться туда прямо сейчас.

— Меня интересует не еда, а приватная беседа.

Рэй удивлённо изогнул бровь — казалось, ему отнюдь не внушало доверия подобное заявление, посему парень не особо стремился водить разговоры с чужим магом. Дешёвые фокусы с изменением цвета одежды и позёрство с искрами отнюдь не вызывали желания откровенничать, а волшебник внушал некоторое опасение.

— Так говорите. Тут могут нести долго, — помина незлым тихим Кэора и его драку, промолвил Шэйран.

— Итак, молодой человек, — Тэллавар откинулся на спинку своего стула и скрестил пальцы в некое подобие пирамиды. С такой позицией обычно применяли некоторые защитные и множество садовых, полезных для хозяйства и поля заклинаний, боевую магию — никогда, и Гартро явно демонстрировал свои мирные намерения. — Вы говорите, что

всего лишь магистр первого уровня, верно? Не второго, не пятого? — он скривился. — Даже не третьего? Первого?

— Первого, — кивнул Шэйран, опасливо оглядываясь, словно дожидаясь, как откуда-то появится Самаранта с отвратительным кнутом в руках.

Кнутом она, конечно, учеников не погоняла — исключительно работников, да и то ленивых, нарушивших привычный порядок, но приятного от этого зрелища было мало, тем более, проклятую Тальмрэ боялись все, кто только сталкивался с нею. Все мужчины, разумеется.

Тэллавар подался вперёд. В его скрещённых пальцах мелькнул маленький огонёк, но тут же погас — Рэй запоздало узнал сканирующее заклинание, но и возразить или выставить защиту не успел.

— Так я могу вас порадовать, молодой человек, — Гартро вновь довольно устроился на своём месте. — Я могу знать множество заклинаний и всю жизнь работать над тем, чтобы быть могущественным магом... А вам это дано от природы.

— Знать заклинания? — фыркнул Шэйран.

С магией у него дело было худо. Правда, с воинской частью, на которую пыталась его нацелить мама, а после и отец, тоже довольно охотно, тоже ничего не клеилось, но волшебство в руках Рэя то и дело срывалось, он передавал силы в заклинание или слишком осторожничал, да и не пытался никогда отработать своё мастерство.

Бездарь — она и в Эльвенте бездарь.

— Знать заклинания?.. — Тэллавар рассмеялся и умолк — им наконец-то принесли еду.

На мясо он набросился так, словно ничего не ел вот уж несколько лет. Учитывая то, насколько странными бывают Высшие, Шэйран не удивился бы, окажись оно и вправду так.

— Между прочим, — едва глотнув, поднял голову Изгнанник, — я говорю о магическом резерве. Вы — кладезь магии, и хотите сказать, что за четверть века не удосужились заняться повышением уровня собственных знаний?

— Кладезь магии? — Шэйран едва сдержал горький, недовольный смешок. — Полно вам. Разве мужчина может быть кладезем магии? Так или иначе, спасибо, если мне хватит сил на что-то стандартное.

— Спасибо, если тебе хватит ума на что-то стандартное! Недоучка! — Тэллавар с неожиданной резкостью толкнул в сторону тарелки, и те, вместе с мраморной говядиной и чем-то ещё в том же роде, полетели на пол.

Шэйран вскинул руку автоматически, даже не думая, что это чем-то поможет. Тарелки дружно застыли в воздухе, но назад так и не поплыли.

Гартро подхватил одну, вторую, после и третью, укладывая её на стол, и вновь занялся пищей.

— Магия не бывает мужской или женской, как не бывает светлой или тёмной, — сердито буркнул он. — Мужчиной или женщиной может быть её обладатель! И магии наплевать, в ком возвращать себя. Что вы знаете о живых источниках?

— Вода?.. Озёра, пруды, подземные реки?

Шэйран поймал себя на мысли, что, пожалуй, в определённый период своей жизни следовало меньше прогуливать, но поздно было жалеть о случившемся. О живых источниках он не слышал ничего — о природных чуть больше, но да толку-то?

— О, да, я вовремя приехал, — заключил Гартро, устало смахивая седую прядь с глаз. Его морщинистые руки дрожали то ли от злобы, то ли от возбуждения, и он не мог удержать

вилку в своих покрытых шрамами пальцах. — Молодой человек, живые источники магии — это люди, способные возвращать в себе волшебство. Люди, которым не надо пополнять резерв. Даже океан может закончиться, — он скривился. — Если постоянно черпать из своего запаса силы, то Высший может исчерпаться за день, два, год. В битве он простоит несколько суток, переложит половину вражеской армии, но воды его резерва... если проводить сравнения — всё равно иссохнут, и придётся ждать, пока аура подтянет это из внешнего мира.

— Ну, — хмыкнул Шэйран, — у меня нет океана. Так, лужа и три капли дара на дне, и те сворованные у родителей.

Гартро схватился за голову. Его возмущению не было предела, казалось, мага только что окончательно повергли в шок.

— Чем вы меня слушаете, молодой человек? — он запустил пальцы в свои седые, почти серебристые волосы. — Маг ограничен резервом. Вы ограничены своим здравым смыслом... и знаниями. Потому что, чёрт возьми, вы продуцируете магию сами!

Парень фыркнул, словно поднимая надоевшего ему старика на смех.

— Продуцирую магию? Всё, что я могу — это выпустить с десятков искр и шарахнуть заклинанием парочку стражников.

— А всё из-за упрямства! Ребёнок! — Гартро схватил его за запястье, сжимая до того сильно, что пальцы Шэйрана побелели. — Вырой лужу — и она наполнится за одну секунду. Исчерпай её заклинанием — она будет полна вновь, но на заклинание ты сможешь потратить только эти три капли. Вырой озеро — и на одно заклинание ты сможешь потратить его всё, потому что оно заполнится. Чуть медленнее, надо время, но заполнится. Вырой, подери тебя Богиня, — он уже перешёл на эрроканское наречие, и акцент в голосе чувствовался очень сильно, — океан, и ты наполнишь океан! Окажись ты в самом сухом в плане магии месте, в пустыне, где нет ни единой капельки животворящей энергии, и ты сможешь наполнить свой резерв самостоятельно! Не черпая внешние силы, как все нормальные маги, а быстро, изнутри! Магическое образование... Да Самаранта — дура! Была дурой, дурой и осталась! — он вновь швырнул тарелку, уже пустую, на пол, переходя на слишком громкий говор. Остальные посетители “Двух берёз” смотрели на магов крайне удивлённо, но пока что не возражали. — Ты — золотая жила, в которой столько драгоценного металла, что хватит на несколько поколений! Они могли научить тебя, заставить расширить резерв — и черпать из тебя волшебство. Ничего б не случилось! Прирождённый маг — ты бы пополнял за день то, для чего нормальному Высшему понадобится несколько недель, а то и больше. Сколько артефактов можно зарядить, какое оружие сотворить... И что?! Вместо того, чтобы этим пользоваться, они оставляют в тебе лужицу магической энергии и огромную гору лени!

Шэйран равнодушно пожал плечами. Сейчас великое могущество и всё в том же роде звучало заманчиво, но ему этого не хотелось — напротив, парень с радостью оказался бы где-то в спокойном месте, где никто не догадывается о его даре, о том, что он вообще способен на колдовство.

Так или иначе, ему не хотелось этого шума.

— Вам надо к королю. Там и расскажете Его Величеству всё, что думаете о резервах придворных магов и так далее, — Шэйран вытащил из кошелька деньги, положенные на прокормку Тэллавара — недельный запас мужчины истратил за один обед, но Рэй расплачиваться своими не планировал. Всё равно нечем.

Раздражение накатывало волнами. Парню хотелось поскорее покончить с этим разговором — и он махнул было рукой служанке, чтобы та поскорее забрала деньги, а после с подозрительной ясностью ощутил, что в спину упирается нечто явно схожее с револьвером.

— День добрый, господин маг, — поприветствовал его разжалованный праздник. — Садитесь, что же вы. Будем сводить счёты.

\*\*\*

Погода на улице была — что надо. Солнце светило достаточно сильно, чтобы можно было нежиться под его лучами, но не так, что превращаешься в засушенный сухарь от первого соприкосновения с ним. К тому же, на небе — ни единой тучки, и народ высypал на улицу, занимаясь своими срочными и не очень делами.

Дарнаэл вышел на балкон на первом этаже и вдохнул чистый, свежий воздух. После душного тронного зала тут было и вовсе прекрасно, и он закрыл глаза, наслаждаясь дуновениями ветра.

За спиной послышались настойчивые шаги. Тьеррон даже не оглянулся — сегодня ему не хотелось обращать внимание на назойливых подданных.

— Ваше Величество!

Неприятный голос Вирра за спиной свидетельствовал о том, что царские дела не ждали, но Дарнаэл позволил себе сделать вид, что ничего не услышал.

— Ваше Величество!

— Ну чего тебе? — досадливо скривился мужчина. — Чего ты хочешь... Вирр! Это что за ограбленная лисья нора у тебя в руках?!

— Это ваша мантия, — Кэрнисс протянул королю нечто длинное, пушистое внутри и красное снаружи. В подбитую лисьей шерстью мантию можно было заворачиваться в мороз, причём при этом следовало надеть на себя разве что нижнее бельё — иначе поджаришься. Как южанин, Дарнаэл обычно мёрз холодными зимами, но с позорищем, которое оказалось ещё и королевским атрибутом, ему это явно не грозило.

Вирр с явным облегчением повесил отвратительную вещь Тьеррону на плечи. Дару показалось, что пот с него полился моментально — причём ручьями.

— Ты сдурел, что ли? — мантия весила по меньшей мере центнер. Дарнаэл с лёгкостью подхватывал на руки свою драгоценную возлюбленную, а Лиара была далеко не пушинкой — но вот царедворский наряд на вытянутых руках удержать не смог уж точно. Если измерять в королевах соседнего государства, то проклятая мантия весила по меньшей мере три Лиары или две с половиной Даллы.

— Вам положено это носить, — заявил Вирр, одёргивая лисьи хвосты, прицепленные к концу мантии.

Шлейф оказался непомерно длинным. Тянулся он до тронного зала, то есть, метра на три, и Дарнаэл живо представил, как обрадуется его лошадь, узрев на себе не одного худого короля, а минимум четверых.

— Когда меня будут хоронить, заверните в это моё брненное тело, — сердито отозвался он, — а гроб поручите нести врагам королевства. Их придавит насмерть, и мой сын будет править долго и счастливо!

— Сын? — моментально оживился Вирр.

Дарнаэлу даже не понадобилось выкручиваться — он попросту не успел. Вероятно, пресловутые “Две берёзы” полным составом решили спасти любимого короля от каверзных вопросов.

...Широкие двери таверны отлично просматривались из этого балкончика — он, считай, выходил на знаменитое заведение, столь горячо любимое половиной городской стражи и всею дворцовой. Нынче они широко распахнулись, и на свежий воздух вырвался владелец, размахивая руками, словно только что ему объявила войну по меньшей мере поглощённая Лиарой Ламада.

— Да чтоб вам пусто было, отрепье магическое! — завопил он. — Богинины дети! Шпионы! Вредители!

Из таверны вырвалось пару непечатных фраз, и Дарнаэл поспешил воспользоваться возможностью вмешаться в дело и избавиться от мантии. Оное одеяние он быстренько перебросил на Вирра, да так ловко, что тот едва не упал от неожиданной тяжести, а сам перемахнул через невысокие перила и оказался уже на земле.

Впрочем, помощь оказалась запоздалой.

Сначала из таверны в прямом смысле этого слова вылетел стражник, которого только вчера Дарнаэл существенно понизил в должности. За ним полетел и именной револьвер, правда, уже явно разряженный — он описал занимательную дугу и приземлился в ногах у самого короля.

После гордо, словно ему полагалось за членовредительство ещё и медаль вручить, вышел Тэллавар собственной персоной. Голову он задрал непомерно высоко, а стражник при одном только виде Изгнанника принялся отползать куда-то назад, прямо на Дарнаэла.

Последним, злой, как стая волков, вырвался Шэйран, мрачный, всколоченный и сердитый. Он безо всяких церемоний подхватил под локоть господина Гартро и поволок его прямо к королю.

Стражник принялся отступать стремительнее, пока его голова не упёрлась в колени Дарнаэла.

— И как это понимать? — король хмуро посмотрел на господина мага, проклиная чёртова Вирра за одну только идею пригласить волшебствующее лицо. Так спокойно жили, так нет же!

— Вот — нарушитель порядка, — Шэйран красноречиво кивнул в сторону стражника. — С неположенным оружием в неположенном месте совершал покушение на убийство. Вот, — он встряхнул мага, уже не такого довольного, как прежде, — тот, кто активно защищал мирных граждан. Пожалуй, он с радостью справится со всеми заклинаниями, которые расшвырял по таверне, потому что я, как абсолютно бездарный маг с лужицей вместо резерва этого сделать, — он красноречиво посмотрел на Гартро, — не могу. И... Чёрт, Ваше Величество, что случилось с господином Вирром?!

\*\*\*

Вирр едва-едва открыл глаза. Он чувствовал себя из рук вон плохо, но ещё собирался сделать несколько важных заявлений, да только, кажется, не успевал совершить задуманное.

Рядом, на стуле, восседал главный — ибо единственный, — маг. Кресло занял король, но сидел на самом краешке и подался вперёд. Дарнаэл и Шэйран, склонившись друг к другу, тихо перешёптывались.

Вирр притворился бессознательным телом и попытался было подслушать разговор, но маг явно позаботился о том, чтобы больной не смог узнать совсем ничего секретного. До его ушей доносилось исключительно бормотание — раздражённое со стороны иноземного специалиста-волшебника, но нежное, как будто отцовское, в исполнении короля.

Неужели Его Величество и вправду предпочитает молодых юношей, и именно потому

до сих пор не женился?

— Очнулся, — уже чуть громче и понятнее для Кэрнисса промолвил Дарнаэл. — Вечер добрый, господин советник.

Маг оживился и подался вперёд, вытянув руку, словно проверяя жизнедеятельность Вирра. Тот навскидку был жив и здоров, хотя явно непригоден для серьёзной работы.

— Что со мной случилось? — умирающим голосом поинтересовался Кэрнисс. — Повстанцы во дворце? Преступники, посланцы королевы Лиары... — он запнулся и посмотрел на мага, словно в случившемся был виноват именно этот парень.

— Тепловой удар, — возразил Шэйран. — Я осмотрел ту мантию и понятия не имею, кто наложил на неё столько утяжеляющих и утепляющих заклинаний, что через две минуты она бы просто убила короля. Активировалась при соприкосновении с аурой Дарнаэла Второго, но, очевидно, в ней не предусмотрели автоматическое отключение.

Тьеррон обеспокоенным не выглядел. Ему прямо говорили о покушении на жизнь с помощью лисьей мантии, но складывалось такое впечатление, словно Дарнаэл даже не думал пугаться по этому поводу.

— Так надо усилить охрану! — Вирр попытался подняться. — Может быть, у нас получится отыскать незнакомого мага по следам... А вдруг это Изгнанник?

— Я пригласил его не для того, чтобы бояться, — возразил Дарнаэл. — Мне нужны маги в королевстве, так что, Вирр, даже не вздумай меня отговаривать.

Кэрнисс недовольно покачал головой. Его переживательная натура не позволяла вот так просто взять и позволить королю ходить по белу свету без сопровождения, вот только Дарнаэл стремительно отказывался от любых проявлений защиты, которые можно придумать.

Вирр обиженно вздохнул. Он даже не знал, что это Дарнаэл пригласил Изгнанника, а не тот сам пришёл, решил навестить правительственную ветвь. Неужели наступили времена, когда от Первого Советника принято скрывать информацию?

Впрочем, Гартро и вправду когда-то числился специалистом высшего уровня.

— Когда я смогу вновь приступить к своим обязанностям? — поинтересовался Вирр. — Мне нужно скорее...

— Послезавтра, — сухо ответил Шэйран. — Если вы желаете пережить своих врагов и врагов короля, конечно же.

Кэрнисс попытался пожать плечами, но вместо этого столкнулся с бесконечным всплеском боли в голове и во всём теле. Казалось, его прожигало насквозь — а плечи так и вовсе едва ли не кровоточили. Совершённое покушение оказалось неудачным, вот только большое чудо, что маг был рядом, да и смог действительно помочь.

— Где вы взяли эту мантию? — наконец-то спросил Рэй. — Может быть, вы помните, кто доставил её во дворец...

— Понятия не имею, — покачал головой Вирр. — Но, если она ещё цела, то можно посмотреть, там должна быть эмблема королевства, которое её прислало...

— Так это ещё и не наша?! — возмутился Дарнаэл.

Очевидно, он собирался высказать Вирру всё, что думал, а тот не сумел бы и рта раскрыть в попытке возразить, вот только это явно не обрадовало молодого мага. Тот поднялся и положил руку королю на плечо, осаждая его — и Дарнаэл удивительно быстро притих.

Они вышли куда-то вместе, всё ещё перешёптываясь, и Кэрнисс покачал головой. Нет,

ну, мага можно было счесть привлекательным...

Но неужели король и вправду?..

\*\*\*

Мантию расстелили на полу тронного зала. Сквозь открытые окна постоянно врывались порывы ветра и детский смех, но ни король, ни маг не обращали на него никакого внимания.

— Зачем ты пригласил Тэллавара? Считаешь, что тут действительно нужна магическая защита? — Шэйран опустился на колени перед огромной мантией, проводя по красной ткани кончиками пальцев.

— Считаю, что тут действительно нужен профессионал, — отозвался Дарнаэл. Он к мантии не подходил — устроился на троне и, кажется, засыпал на месте, но уходить не собирался.

Мимо пробежала служанка с очередным бокалом вина, и Дарнаэл едва заметно ей подмигнул, опуская в ладонь золотой — вино было явно сверх нормы, а Вирр почему-то старался сделать так, чтобы король был трезвенником. Сейчас советника рядом не было, и Тьеррон справедливо полагал, что монета с лёгкостью спасёт его от нужной беседы о том, что он правитель, может позволить себе всё, что пожелает, а здоровье у него — дай Богиня каждому, как выражается Лиара.

— Хм, так зачем ты позволил сюда приехать неопытному магу из Вархвы? — скривился Шэйран.

— Я написал Тэллавару уже после того, как узнал, что прибудешь именно ты. Я ведь составлял распределительные таблицы и прекрасно понимаю, кто старательно их подделывал.

— Вдруг это мои однокурсники? — Шэйран оторвался от мантии, но пальцы автоматически хватались за мягкий рыжий мех.

— Твои однокурсники сумели стереть распределительную таблицу и заново начертать на нём им удобное, изменив именно твоё предназначение, да ещё несколько строк о той милой девице? — фыркнул Дарнаэл. — Не смейся мои седины.

— У тебя их нет.

— Будут, если мой родной сын продолжит творить такие глупости, — возразил Дарнаэл. — Тебе нужен нормальный учитель, который способен рассказать куда больше, чем эта бездарь Самаранта... И твоя сумасшедшая мать. Лиара, кажется, скорее научит бревно, чем родного сына! — он сердито отставил бокал в сторону и поднялся на ноги. — Шэйран, Тэллавар два часа отчитывал меня за то, что ты в двадцать два года знаешь примерно двадцать два заклинания и не ушёл дальше минимальных потребностей в волшебстве. И он, между прочим, как и я, считает, что твоя мать ошиблась, когда истолковывала пророчество.

Высшая и Воин.

Шэйрану в детстве хотелось порвать ту назойливую бумажку, которую ему пихала под нос мать. Магии у него вообще не должно быть, но раз уж проявилась, очевидно, отец решил воспользоваться этим, как козырем.

— Будто бы сумасшедший старикашка способен выжать что-то из того позора, что у меня называется магией.

— А если он прав относительно живого источника? — Дарнаэл опустился на коленях перед мантией с другой стороны, прощупывая её пальцами.

Отвратительный наряд в результате оказался длиной метра в четыре, а шириной — в



полтора, и Дарнаэл предполагал даже, что воспользуется оным как ковром, если магический осмотр признает шкурку безвредной. Маяться такой ерундой Тэллавар, естественно, не собирался, а вот Шэйран не возражал, охотно просматривая отвратительную вещь.

Нет, определённо, сына надо было постоянно учить — и Дарнаэл, в отличие от Лиары, не собирался верить в какие-то глупые пророчества относительно того, что кому предназначено, особенно если их до конца так и не расшифровали.

Они начинали с двух разных концов мантии, но, переползая всё дальше и дальше в попытке осмотра оказались слишком близко друг к другу — и столкнулись лбами.

Шэйран, обиженно потирая лоб, откинулся назад, Дарнаэл сердито вздохнул, косясь на недопитое вино, и именно в это мгновение дверь должен был открыть противный, надоедливый, больной Вирр.

...Дарнаэл мог только представить себе, что именно он подумал, узрев развалившегося на пушистой мантии мага, но догонять советника, а уж тем более рассказывать долгую и интересную историю о том, что Шэйран — его сын, не собирался.

— Завтра уже весь дворец будет слушать о том, как я завёл роман с магом, — сердито проворчал Дарнаэл, поднимаясь на ноги.

На Рэя эта фраза подействовала не хуже вил, потому что вскочил он с такой прытью, словно собирался в последствии прыжка достать головой люстры.

— Да не догоняй, — сердито мотнул головой король. — Во-первых, оно всё равно не поверит, заявит, что это глупое прикрытие, а во-вторых, ты правда думаешь, что женское население поверит в сплетню? Воины — так уж точно нет, мы ж воевали вместе.

— Хм, это та часть женского населения не поверит, что мечтает оказаться у тебя в постели? — усмехнулся Шэйран.

— Та, что там побывала, тоже, — подал плечами Дарнаэл. — Тут я целиком и полностью, как и твоя матушка, выступаю за женщин.

Они переглянулись и одновременно, не сговариваясь, расхохотались. Король Дарнаэл пользовался несомненным успехом у женщин, раз уж даже Лиара признавала в нём привлекательного мужчину.

Тем не менее, советник Вирр упрямо пытался уличить Тьеррона в позорной связи с женщиной — такую подрывную деятельность он вёл уже десять лет, и в графу “любовник короля” были записаны по меньшей мере тридцать-сорок мужчин. И все они дружно издевались над самим Вирром.

— Ничего, Рэй, — Дарнаэл всучил сыну второй бокал, разливая вино, — станешь принцем — узнаешь, как оно — терпеть этих идиотов. Осталось только официально объявить тебя своим наследником.

— А если я не хочу? — усмехнулся Шэйран.

— А кто тебя спрашивает?

Парень покачал головой.

— И когда же ты собираешься это сделать? — язвительно уточнил он.

— Как только опасность королевской жизни станет достаточной, чтобы подразнить врагов, — покачал головой он.

— То есть, после первого более-менее удачного покушения?

— Именно, — кивнул он. — После первого более-менее удачного покушения страна наконец-то узнает о том, что у меня есть дети.

\*\*\*

Вирр Кэрнисс оказался существом живучим. Шэйран же пожалел об этом как минимум раз десять с поры того злосчастливого вечера, когда Первый Советник короля, больше походивший на шута, сделал неправильные выводы относительно исключительно сыновье-отцовских отношений Рэя и Дарнаэла Второго.

По крайней мере, к третьему дню о странной связи красавца-короля и не менее привлекательного мага ходили не просто слухи — о, целые легенды и мифы, да такие, что можно было писать целую энциклопедию, просто одного опровержения точно было недостаточно.

...На торжественном приёме присутствовала куча важных людей. Дарнаэл приёмы терпеть не мог, но на них прибыл. Косились то на него, то на мага, маячившего то ли за спиной советника, то ли за спиной всё-таки короля, а шёпот не прекращался и вовсе.

Вирр переставлял кубки, менял их порядок, то так, то сяк выстраивал длинные ряды. Казалось, что собирался сыграть в игру со смертью, хотя причины подобного поведения не мог разгадать даже король.

Рядом с Дарнаэлом восседала экс-правительница Эльвенты Сандрин Первая. Прослышавшая узурпатором и наглой ведьмой, женщина обычно была нежеланной гостьей и вызывала настоящую бурю эмоций, но на сей раз “любовник” Его Величества оказался куда более интересной для знати темой, чем его сумасшедшая мать.

Сандрин была женщиной крайне властной. Своего супруга она успешно, говаривали, отравила, а может, подстроила какую-то другую смерть. Так или иначе, отец Дарнаэла не дожил до совершеннолетия собственного сына, а драгоценная матушка отправила единственное чадо мужского пола куда подальше, в соседнюю державу. Относительно собственной дочери она так не беспокоилась, девушка, по закону, не могла опередить мать в праве наследования престола.

Дарнаэл свою мать ненавидел и боготворил одновременно. С одной стороны, это она отправила его в то злосчастное путешествие, в котором его поджидали наёмные убийцы; это благодаря собственной матери Дарнаэл вынужден был отбыть в Эрроку под чужим именем, скрываясь от всего мира, жить с Лиарой в качестве не то мужа, не то просто слуги, да и после отвоёвывать родное государство. С другой стороны, ему не пришлось привыкать к дворцовым интригам и преступлениям, потому что Сандрин была ярким примером что первого, что второго, а потом ещё и своими руками боем научила Дарнаэла сражаться с подобными людьми.

Сейчас она чувствовала себя неловко. Казалось, женщина порывалась подсыпать яд, но пока что было некуда, да и толку-то? Если она умудрится убить Дарнаэла, в чём Шэйран очень сомневался, то правителем станет Кэор; когда же отец признает своего сына законным наследником, то ветвь рода Тьерронов в разы расширится, и тогда склочных женщин и вовсе можно будет не бояться.

Мага она отравить не сможет, это не в её силах.

— Господин маг, — Сандрин отодвинула от себя тарелку. — Не подскажите мне, когда подадут еду?

Шэйран едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Вопреки тому, что он являлся сыном короля, придворный маг — это всего лишь слуга. Тэллаваара усадили за стол только по той причине, что он — могущественный Высший, а вот магистрам, ещё и первого уровня, ничего не светило.

Конечно, Рэй тарелки не разносил, вот только и садиться за стол он права не имел, как

бы это ни злило короля Дарнаэла.

— Ждать ещё около получаса, Ваше Высочество, — равнодушно отозвался он.

— Господин маг, — она скосила взгляд на Гартро, словно испытывая его, — не подскажите мне, где здесь находится комната, где я могу привести себя в порядок? Мне надо привести причёску в порядок.

— На первом этаже, Ваше Высочество.

— Проводите меня, — Сандрин поднялась и вновь обожгла Тэллавара взглядом. Ходили слухи, и слухи небезосновательные, что её дочь, старшая сестра Дарнаэла, на самом деле была чадом Изгнанника, может быть, именно по этой причине королева и постаралась отвести его от дворца.

Дарнийская внешность Кэора объяснялась корнями бабушки — такая же черноволосая и темноглазая, со смуглой кожей. Да и никто не мог сказать, как выглядел Гартро в молодости, хотя Шэйран подозревал, что лет сорок пять назад, когда родилась его тётушка, он был так же стар, как и сейчас.

— Как прикажете, Ваше Высочество, — Шэйран протянул ей руку, помогая подняться, хотя женщина в свои почти семьдесят тянула лет на пятьдесят. Она отчаянно убеждала всех, что не обладала ни капелькой магии, но это помогало ей не стареть — непонятно по какой причине. Сила чар иногда отражалась на внешнем виде, вот только Рэй был готов поклясться, что это не искусственное. Она просто слишком сильна, пусть волшебство не открылось в полной мере.

Если не открылось, конечно.

Опираясь на руку мага, Сандрин бойко направилась к выходу из помещения. Вслед им полетел короткий шепоток, и почему-то Шэйран не был уверен, что он предназначен именно экс-королеве.

Особенно если верить своему слуху.

...Стоило только дверям закрыться за ними, как Сандрин убрала руку и строго уставилась на внука, будто бы готовясь к очередной морали, которую должна зачитать.

— Эйр, солнце, — она мотнула головой, и чёрные локоны с лёгкими вкраплениями седины рассыпались по плечам, — что за гадости я слышу о тебе? Почему этот противный советник мелет такую ерунду о придворном маге и короле, если ты ему сын?!

— Противный советник может молоть всё, что ему придёт в голову, — отмахнулся Шэйран. — Ему вряд ли кто-то верит.

— Верят, Рэй. Даррэ не беспокоится о своей репутации, после связи с Лиарой её вряд ли что-то испортит, но ты...

— Бабушка! — он потянул её в сторону первого этажа, игнорируя пристальный взгляд удивлённого стражника. — Вот только не говори мне, что ты тоже среди тех, кто верит, а?

— У Дарнаэла нет детей, ты — привлекательный мужчина...

— Это у папы-то нет детей?

— Ну, хорошо. Если посмотреть со стороны, их нет, — Сандрин покачала головой. — Мне хотелось бы, чтобы Даррэ признал своих законных наследников. Моя милая Рока тоже чёрт знает где, и всё почему? Потому что вместо того, чтобы найти нормальную, достойную женщину, Даррэ вот уже который год крутит роман с твоей сумасшедшей матерью.

— Бабушка...

— Неужели он не видит, что это за стерва? Желание получить власть затмевает её мир, и я не удивлюсь, если...

— Бабушка, мне напомнить, почему ты стала королевой?

Сандрин фыркнула. Эту страницу своей биографии она почему-то по странному обыкновению игнорировала, как-то не спеша признавать, что едва не отправила родного сына на тот свет. Но всё это давно уже забылось, а Лиара была бичом современного общества, и устои матриархата не устраивали даже экс-королеву Сандрин.

Эррока и Эльвента, давно уже могущественные страны, что нынче доходили до своего пика развития, никогда не отличались простым развитием. Эррока, родина матриархата, утратила королев много лет назад — и только Далла Первая сумела вернуть великолепную и страшную, если брать во внимание последствия, традицию.

В Эльвенте женщины правили редко. Ещё с тех пор, как страна именовалась Дарной, а правила там совершенно другая династия, было лишь две королевы, да и те задержались не на такое уж долгое время. И Сандрин хотелось быть третьей, но и она продержалась восемь лет — больше, чем остальные, но меньше, чем ей хотелось. Дарнаэл чудом пощадил родную мать, и теперь получил в её лице верную советчицу, вот только Шэйран сомневался, что подобный вариант укрощения будет удачным в случае с Лиарой.

...Причёску она так и не поправила, а лишь вытащила последние шпильки и вновь повернулась в ту сторону, откуда они пришли, опёрлась почти немощно о руку Шэйрана, а после медленным шагом направилась к залу, где проходило пиршество.

Там как раз подавали еду и разливали вина. Служанки, обычно довольно бойкие, сменились на чопорных девиц из какого-то острова, что их привезли в качестве рабынь их господ.

Судя по внимательному взгляду Дарнаэла, Эльвента вскоре пополнится на один рабовладельческий остров, если его правители не решат отпустить на свободу подданных, ну, или хотя бы хорошо оплачивать им рабство.

— Господин маг, — оживился Вирр, когда особо красивая девушка налила полный бокал Дарнаэлу, — а если оно отравлено? После случившегося... Да, вы призваны охранять меня тоже — попробуйте и моё вино, пожалуйста.

Шэйран нехотя взял бокал Вирра и пригубил красную жидкость.

— В порядке, — отозвался он. — Ничего лишнего.

— А королевское? — оживился Кэрнисс, игнорируя холодный, недовольный взгляд Дарнаэла.

— Мне кажется, — вмешался тот, — мы приглашали мага сюда не для того, чтобы испытывать на нём вино, отравлено оно или нет.

— Но ведь лучше пожертвовать магом, чем королём, разве нет? — хитро прищурился Вирр. — Или этот юноша значит для вас больше, чем просто маг? В конце концов, мы всегда можем попросить Эрроку о новом волшебнике и...

Шэйран схватил бокал, не дождавшись одобрения со стороны короля. Все эти сплетни здорово выводили его из себя, и он уже почти донёс чашу до губ, планируя сделать всего один глоток.

С чего бы вину быть отравленным?

Он так и не успел ничего сделать. Дарнаэл рванулся вперёд и, выхватив из его рук бокал, выплеснул жидкость на стол. Деревянная поверхность зашипела, и на мрамор полилась кислота — красная, ничем не отличимая от вина.

Шэйран замер. Пристальный взгляд скользнул по каждому присутствующему — вино было не просто отравлено, оно должно выжечь короля Дарнаэла изнутри, при этом не

повредив бокалу, вероятно, кислота не действовала на этот металл. Золото, как же.

— Всем оставаться на своих местах, — Дарнаэл выпрямился и отбросил в сторону уже совершенно безопасную чашу. — Служанку, что наливала мне вино, отправьте, будьте добры, приведите, она будет отправлена в тюремные камеры до выяснения обстоятельств. Господин маг... Раскопайте вашу лужу до размеров хотя бы озера и проверьте каждого из присутствующих.

Шэйран кивнул.

Судя по всему, Тэллавара просто так игнорировать не получится.

\*\*\*

— Да, Кэор. Едва ли не отравили, — Марта остановилась рядом с воротами, пристально глядя на своего супруга. — Служанку уже отправили в камеры, вероятно, скоро её должны казнить.

— Будет ли допрос? — Кэор попытался выглядеть заинтересованным, вот только, кажется, особого любопытства в его голосе не было.

— Наверное, — неохотно отозвалась она. — Жалко девчонку, она могла даже не знать о том, что случилось.

Кэор покачал головой. Ему не хотелось соглашаться с этим самонадеянным предположением, ведь убийцы всегда знают о том, что ждёт их жертву. Король Дарнаэл попросту не пережил бы подобное несчастье.

— Ты должен беречься, — она коснулась его плеча, но жест выглядел неестественно.

— Да, госпожа Торрэсса, — казалось, в голосе Кэора почувствовалось отчаянное раздражение. Он был правонаследником, и Марта знала об этом, но на кронпринца стражник короля тянул меньше всего на свете.

Иногда ей казалось, что всё это — просто фарс.

— Ты меня обижаешь, — вздохнула девушка. — Я пойду.

Она так и не вернулась в замок, а направилась в сторону дворцового сада. Супруг раздражал — к тому же, его усталость на работе и нежелание даже поцеловать её на ночь постепенно раздражали.

Госпожа Торрэсса полностью соответствовала стране, в которой выросла. В её жизни было много мужчин; она никогда не считала их, хотя обмануть Кэора оказалось так просто... Может быть, он даже думал, что будет у неё одним-единственным.

Замужество сковывало. Марте хотелось внимания со стороны других мужчин. Она думала, что становится кронпринцессой Эльвенты, а кем оказалась? Племянник Дарнаэла — просто стражник, и она при нём — глупая супруга, которая никогда не станет ничем важным и стоящим внимания.

...В саду было воистину светло и тепло. Марта опёрлась спиной о тёплый ствол дерева и улыбнулась кроне.

— Я тут, — тихо прошептала она, будто бы обращаясь к природе, словно та до такой степени слепа, что не видела девушку без короткого восклицания.

Ждать пришлось долго. Рри появился тогда, когда Марта уже почти разочаровалась в собственном предназначении и собиралась было уходить. Госпожа Торрэсса всегда была нетерпеливой, и то, что теперь она носила совершенно другую фамилию, ничего не изменило. Принцесса всегда останется принцессой, даже если натянуть на неё какие-то тряпки и убедить, что выше стражника ей никогда никто не светит.

— Моя дорогая, — он обольстительно улыбнулся, и Марта раскрыла объятия в ответ.

Рри не был идеалом, но её он почти устраивал — по крайней мере, пока что. Менять положение она будет потом, когда добьётся всего.

— Здравствуй, — она поцеловала его первой, не заботясь о том, что это считалось неправильным.

Поцелуй оказался рваным, грубым, резким, но Марта привыкла к подобному обращению. Что-то в таких прикосновениях было скрытым, но на диво приятным, хотя она так и не могла до конца придумать, что именно, вероятно, величины её понимания не хватало для этого, вот и всё.

— Представляешь, — с её губ ни на мгновение не сходила улыбка. — Два покушения за последнюю неделю. Сначала мантия, а теперь вот гадкая служанка подсыпала отраву в вино Дарнаэла Второго.

Рри довольно осклабился.

— Удачно?

— К счастью, нет, король даже не попробовал его. Хотя, — она разочарованно вздохнула, — мне кажется, что он разлил вино не потому, что что-то заподозрил, а потому, что испугался за своего мага.

— А что с ним не так? — удивлённо переспросил Рри.

— Ну, поговаривают, у них роман, — фыркнула Марта. — А теперь вот служанка... Она заслуживает смерти, верно?

— Верно, — кивнул Рри. — Неужели ты считаешь, что короля Дарнаэла действительно интересуют мужчины?

— Ну, а с чего бы он так о нём пёкся? — удивилась Марта. — В любом случае, жаль. Шэйран — красавец... Я бы хотела его в свою коллекцию, — она покачала головой.

— А вдруг у него есть причины? — Рри покачал головой. — Впрочем, неважно, ты не должна допустить, чтобы Дарнаэл назначил своего наследника.

— Ну, да. Если Кэор станет королём, я буду королевой, — она кивнула. — А потом ты станешь моим мужем.

— Я и так должен стать королём, — прошипел Рри. — Ведь ты знаешь, кого ограбили Тьерроны? Прекрасный род! А теперь держит последнего его представителя, как шута, только советником и прозывает...

Марта легкомысленно пожалала плечами. По её мнению, единственным человеком, заслуживающим трона, была она сама. А то, что Вирр Кэрнисс был из того рода, что проиграл Тьерронам корону много сотен лет назад, когда погибла первая династия, так что это значило? Не будь Дарнаэла Первого — не было бы объединения с Элви, не было бы настоящей Элвенты...

Не было бы такого лакомого куска, которым она вот-вот должна завладеть.

===== Глава одиннадцатая =====

— Итак, Мон я отправила в соседнее королевство, пусть поищет мою Эрлу там, у Дара, — устало подытожила Лиара. — Но мне кажется, что Тэзра ошибается... Вряд ли у нас получится что-то настолько впечатляющее.

— Получится, — Далла поудобнее устроилась в своём кресле. Дочь стояла у окна; казалось, её рыжие волосы впитывали солнечный свет, чтобы в последствии стать ещё ярче, но вряд ли это было тем, что сотворило магию Лиары.

Много лет назад Далла передала почти весь свой дар дочери — и теперь поняла, что совершила огромную глупость. Лиара была властной, сильной, но... Всё равно ей не хватало

чего-то до великой завоевательницы.

Иногда Далле Первой — а теперь просто бабушке двух внуков, потерявшей свой дар женщине, — так сильно хотелось вернуть трон! Она видела, что если б не Тэзра, то всё давно бы пропало. Лиара порывалась сдаться — почему у неё иногда появились подобные желания, бывшая королева не понимала.

Лучше б она была матерью Дарнаэла! Из парня можно было многое выжать, потребовать от него проявление силы, да и только. Он бы завоевал весь мир — вот только убить его было бы слишком трудно.

Бедный её внук! Весь в отца — Далла была уверена в том, что однажды её Рэй получит власть, вот только Лиара погубила и дочь, и сына в отвратительном стремлении к этому подобию власти.

— Знаешь, — Лиара отвернулась от окна и устало потёрла виски, — странно всё то, что мы делаем, мама. Мне кажется иногда, что всё зашло чрезмерно далеко. Эльвента разрастается, и помириться с Даром было бы проще, чем его завоевать.

Далла отрицательно покачала головой.

За что ей это?! Почему она смогла воспитать ученицу, а с собственной дочерью потерпела такие лишения? У Тэзры никогда не было столько лишних вопросов, она даже легла на тот проклятый алтарь, а с Лиарой приходилось действовать тайно и осторожно, чтобы не загубить всё то, что у них есть.

— Солнышко, — Далла поднялась и откинула за плечо седую прядь. — Я понимаю, что ты очень устала, но нам ещё немного...

— Да, мама, — в золотых глазах Лиары вспыхнула уверенность. — Эльвента будет наша. Вот только маги выбросят столько сил уже на преодоление границы... Лэвье ведь постоянно под защитой — понять бы, под какой именно...

— Ну, для того мы и отправили туда Монику. Девочка талантлива, — Далла покачала головой. Её светлые глаза превратились с возрастом практически в бельма — она выцветала, превращалась в жалкое подобие себя-прежней, но всё ещё можно исправить. — Всё будет хорошо, поверь мне.

Лиара кивнула. Её чары на мать не действовали, а больше рычагов управления относительно Даллы у женщины попросту не было.

— Я помогу тебе всем, чем смогу, — наконец-то проронила она. — И всё будет хорошо, доченька.

Далла умела убеждать. Она отдала свой дар Лиаре, но, тем не менее, сумела удержать крупницы в себе, и они помогли ей пробиться на свободу сквозь постоянные, густые потоки волшебства в королевстве.

— У Эльвенты есть только два преимущества, — промолвила она. — Это Дарнаэл, но мы уже знаем, что сделаем... И то, что держит границу. Магическая защита страны сильна, но разве мы так слабы, что не сможем её победить?

Так или иначе, всё это зашло слишком далеко.

Эльвента была сильной — даже когда звалась просто Дарной и лежала лишь близ Лиггерского моря. Тогда на континенте было множество стран, и они могли сражаться и с другими врагами. Тогда всё было куда проще.

Тьерроны воскресили Эльвенту пять сотен лет назад. Они подняли страну из пепла, и если род Кэрнисс ещё глупо считает, что мог бы справиться лучше, то они очень ошибаются.

Но Флоджи! Нет более бездарных правителей, чем те, что сменили династию Дарни —

они так и не смогли дать Эльвенте, нет, тогда ещё Дарне достойную защиту.

Первородная династия, как знала Далла, полностью состояла из магов. И именно они заложили в Дарне магическую защиту. Вот только почему-то женщина была уверена в том, что тот артефакт, что обеспечивал границу и прочный щит от магии, перенесли в Лэвье, нынешнюю столицу.

Так или иначе, если Моника действительно настолько талантлива, как утверждает Самаранта, как постоянно повторяет Тэзра, то она не остановится, пока не отыщет ключ к магии.

Пока не остановит всё, что могло бы спасти Эльвенту перед её длительным падением и пленением Эррокой.

— Я сделаю всё, что смогу, — выдохнула Далла. — Поддержу тебя, солнце моё. И мы сможем получить то, чего нам так сильно не хватает!

— Да что ты можешь, мама!

Лиара отмахнулась от не так сердито, что Далла едва удержалась на ногах.

— Я отдала тебе свою магию, Лиа. Я сделала для тебя всё, что могла. Я сделала тебя королевой!

— Королевой я стала сама, — сухо ответила Лиара. — Можешь себе представить, твой братец полюбил меня не потому, что ты постаралась, а благодаря моим природным чарам. Именно они мне помогли! А что сделала ты? Последнее, что мне хотелось — это взойти на трон через постель.

Далла покачала головой. Она знала, что её дочь далека от благодарности, но подобного плевок в лицо от не попросту не ожидала.

— Разве он хотя бы пальцем тронул тебя? — удивилась Далла. — Нет, я уверена в том, что ты была невинна, как...

— Да тебе было плевать, кого выставить против него, — резко повела плечами Лиара. — Тебе было бы плевать, если б он был настоящим отцом Шэйрана. Моих детей ты рассматриваешь, как ценный сосуд с магией. В конце концов, ты даже... — она отмахнулась. — Чёрт с тобой. Иди. Спасибо я должна сказать Богине Эрри, что она ниспослала мне Дарнаэла в качестве противника Ламира, что дядюшка слишком глупо поступил, намазав меч ядом, что, в конце концов, первая брачная ночь моя состоялась не с пятидесятилетним родственником, а с Даром. Но в этом нет ни капельки твоего труда! Ты хотела трон, даже если я возглавляла бы страну формально, разве нет?

Лиара шумно выдохнула воздух. Иногда ей казалось, что она любила мать больше всего на свете, иногда — что именно та виновата во всех её несчастьях. Разве не Далла отдала её от Дарнаэла, разве не благодаря ей Эльвента и Эррока до сих пор не одна страна? Ведь могло бы быть настолько проще...

Она покачала головой. Ничего не могло. Всё, что должно случиться, уже случилось.

— Знаешь, дочь моя, ты ещё одумаешься, но может быть уже поздно. Я бы на твоём месте так просто не отбрасывала мою помощь, — протянула Далла. — Ни за что на свете, солнце моё.

— Иди, мама. Я справлюсь сама, — Лиара сжала тонкими пальцами подоконник, словно пытаясь его раскрошить.

Далла вздохнула. С таким подходом они точно ничего не достигнут, даже не успеют пошевелиться, как Дарнаэл раскопает-таки артефакты атаки и подомнёт Эрроку под себя.

Кто-то должен объединить страны. И если Лиара не сможет этого сделать, то она



воспользуется своим последним козырем.

Шэйран сможет.

...Далла едва смогла добраться до своей комнаты. Старость постепенно подкосила её, сделала бесцветной и пустой, но ведь она ещё могла сражаться, у неё были силы. Так или иначе, они таились в знаниях — и она вытащит на свободу своё могущество.

Королева не делала этого очень давно. Она знала, что превращения старят постоянное тело, так что удерживалась от использования второй ипостаси, но если у неё не осталось выбора, то придётся рискнуть.

Далла дрожащими пальцами вытащила маленький, невзрачный предмет из тайника, такого же серого, как и вся её комната, опустевшая изнутри за долгие годы жизни. Он больше всего походил на банальный камень с морского берега, не драгоценный, а такой, которых на свете море, хотя и был обёрнут тонкой полосой то ли закостеневшей травы, то ли особой ракушкой — трудно было разобрать.

Она пробежалась пальцами по ободку, всё ещё взвешивая все “за” и “против”. Стоит ли рискнуть? С одной стороны, это было необходимо, с другой... Ещё несколько принятий второй ипостаси, и сможет ли она ходить в первой? Хорошо тем, у кого это первородный дар, но ведь она пользуется артефактом! Даже тот человек, у которого подобное происходит само собой, не способен до конца остановить ускорение старения одной из частиц своего “Я”, а как только она изменится, то крышу сорвёт окончательно.

Но Далла больше не могла терпеть свою старость. Она пробормотала заветное заклинание и наконец-то закончила долгий путь коротким росчерком ногтя по ободку.

Полыхнуло — чрезмерно ярко, как на такое маленькое помещение. Свет сорвался с поверхности камешка и отбился от четырёх маленьких зеркал, расставленных в подходящих местах в комнате.

Магические лучи завертелись в сплошной круговерти, сплетаясь в одно целое, а после раскрылись огромным цветком по центру, пронизывая Даллу насквозь.

Она запрокинула голову, позволяя волшебству проникнуть под кожу. Казалось, что тело выворачивалось наизнанку — вот и ещё один недостаток того, что она вынуждена пользоваться артефактом.

Будь это природным даром, то могла бы безболезненно, даже для себя самой незаметно обращаться.

Но в том и проблема, разве нет?

...Больше разумные мысли в голову не стучались. Вспыхнуло в последний раз, по комнате пронёсся потусторонний ветерок, а после всё стихло, будто бы тут никогда никто не колдовал.

Как её зовут?

Кто она такая?

Далла Первая Эрроканская... Нет. Седая, сероглазая старуха осталась за границами сознания; от неё были только мелкие отголоски да время, отведённое артефактом.

Лиррэ сжала маленький камешек в руке. На сей раз её свобода продлится чуть дольше, пока старухе не надоест сидеть там, на границах сознания. Она высвободила свою магию и устало улыбнулась — личность сидела как влитая, и казалось, что новое тело способно на то, на что Далла не решилась бы и в молодости.

Она подошла к огромному, во весь рост, зеркалу, и призывно улыбнулась собственному отражению.

Белая, будто фарфоровая кожа. Чёрные длинные волосы, что мягко стелились по плечам. Чёрные, обсидиановые глаза.

Она протянула руку к зеркалу и коснулась отражения пальцами. На мгновение там, в зеркальной поверхности, отразилась отвратительная Далла, но тут же погасла, и Лиррэ поприветствовала себя новой улыбкой.

Единственное, что ей не нравилось, так это чуть тонковатые губы — но эту проблему решит любая помада.

...Она расправила плечи, с со стройного девичьего стана соскользнуло грузное, большое платье Даллы. Бывшая королева Эрроки никогда не была худой женщиной — и теперь Лиррэ наконец-то могла почувствовать себя здоровой, в молодом, даже юном, прекрасном теле.

Она бросила на своё отражение ещё один оценивающий взгляд, скользнув по стройной фигуре — нисколечко не стыдясь наготы. Её всё равно никто не видел, да и что это могло повлечь за собой, кроме очередной порции восторга?

Лиррэ вздохнула. Знания Даллы ещё таились в её уме. Трудно было признать, но они всё же один и тот же человек, с тем же умом, но с немного разным телом — и характером, пожалуй, тоже.

В Лиррэ отразилось всё то, чем хотела быть Далла, но чем стать так и не смогла за всю свою долгую, бесполезную жизнь.

Девушка открыла шкаф, перебирая платья, пока не отыскала то, нужное ей, сшитое по фигуре — не Даллы, её собственной. Оно, казалось, должно было служить второй кожей, и Лиррэ почти поддавалась соблазну нарядиться, причесаться и явиться перед Лиарой в своём новом образе.

Но она не имела права. Она была суррогатом желаний, а не полноценной личностью, она даже имя одолжила у дочери и её несложившегося супруга, а теперь боялась, что артефакт у неё отберут.

Нет, придётся повременить с красотой и прихорашиванием. Она должна иметь возможность двигаться быстро, а делать всё, что только ей будет нужно. А потом, когда всё закончится, она утвердит эту ипостась как основную, и Далла, старуха с седыми волосами и излишне пышными формами, останется там, в глубине рассудка, будет лишь шептать на ушко короткие советы.

Лиррэ нехотя взяла рубашку и брюки, вытащила сапоги, благо, они оказались ей не слишком велики.

Казалось, это кощунство — обречь свою красоту на подобное запустение, — но девушка почти что не жалела.

Она покинула комнату тихо, незаметно, прихватив лишь кошель с деньгами. Никто её не остановит, ведьмы в Кррэа не в новинку, а она прекрасно подходила под этот образ. Надо сделать всё, что от неё зависит, чтобы наконец-то этот мир принадлежал ей — или хотя бы её внукам, если не получится завладеть всем самостоятельно. Её устраивала жизнь в тени, когда она руководит, но не подвергается нападениям.

Столичные мужчины что-то бурно обсуждали за углом. Лиррэ бросила на них презрительный взгляд, но заметила коня отличной породы, что крутился рядом.

А вот это прелестная находка.

Она подошла ближе и властным движением схватила скакуна за поводья. Казалось, взгляд должен был остановить мужчин от препирательств, но хозяин не слишком спешил расставаться с прекрасной лошадью.

— Стой! — он попытался поймать её за запястье, когда Лиррэ запрыгнула в седло. — Это мой конь!

— Тут нет ничего твоего, — презрительно выдохнула она. — В этом мире мужчинам принадлежит разве что осознание собственной низости.

Она дёрнула коня за поводья, и тот встал на дыбы, копытом ударяя хозяина в грудь. Незнакомец упал, остальные бросились в рассыпную, и Лиррэ лишь ударила по лоснящимся бокам лошади каблуками, приказывая ей рвануться вперёд.

Их ещё ждали великие дела.

===== Глава двенадцатая =====

Шэйран осторожно потянул за последний магический узел, крепко завязывая паутину заклинаний вокруг хранилища. На то, чтобы выстроить нормальную защиту, потребовалось три дня, но Тэллавар, казалось, и вправду не соврал — да, Рэй из-за собственной неумелости мог тянуть разве что по ниточке, но зато безостановочно, на пополнение резерва ему требовалось совсем мало времени.

Заклинание опутывало маленькую комнатку — оно проходило тайными нитками внутри, невидимыми, но зато прочными, способными остановить врага, если вдруг что-то ему понадобится.

Это было уже третье помещение, над которым возился молодой маг — в конце концов, Дарнаэл сдался и согласился, чтобы на его крови замкнули королевскую сокровищницу, местную библиотеку с магическими фолиантами и этот вот чулан, в котором обычно держали некоторые артефакты.

Конечно, магия в Эльвенте не пользовалась особым уважением, но всё же кое-что важное для защиты города и страны в целом здесь осталось, поэтому Дарнаэл решил, что и сию комнатку следует обернуть магией со всех сторон.

К тому же, в отличие от остальных помещений, именно она отличалась серьёзным волшебным фоном. Заметить его мог даже слепой, если у него присутствовала капелька магии, а значит, все шпионы Эрроки, если таковы когда-то будут, бросятся именно сюда в поисках чего-то, что поддерживает могущество Эльвенты.

Шэйран предпочитал не вникать в содержание — большинство артефактов его интересовало очень и очень мало, парень с радостью бы и вовсе сюда не подходил, — но вот стандартную паутинку выплел с лёгкостью.

— Молодой человек, — слышался за спиной хриловатый голос, — вы могли бы выстраивать целые невидимые сети одним взмахом руки, если бы потрудились поработать над своим резервом.

Гартро с ужасно надменным выражением лица стоял за спин молодого мага. Его седые волосы уже были приведены в порядок, да и сам мужчина выглядел более опрятным, чем прежде, вот только это отнюдь не отменило раздражение, вспыхнувшее в душе Шэйрана. Складывалось такое впечатление, что Тэллавар выводил его из себя уже одним своим присутствием, и плевать, как он при этом будет выглядеть.

— Я не намерен тратить на это время, — равнодушно отозвался Шэйран. — А развить лужицу до размеров пруда смогу и сам.

Конечно, он пытался что-то учить, но предпочитал делать это наедине с самим собой, а не с надоедливый Изгнанником. К тому же, Тэллавар обладал милой такой репутацией того ещё вымогателя, и Дарнаэл, очевидно, вынужден будет расстаться с чем-то весьма важным, если внезапно Шэйрану взбредёт в голову согласиться на учёбу.

Гартро бы не предлагал просто так, да ещё и с подобной настойчивостью. Его внешнее сходство с божьим одуванчиком — это всего лишь подтверждение того, как лицо может обманывать.

— Очень зря, молодой человек, — покачал головой Высший. — Я могу научить очень многому, да ещё и в короткие сроки.

— Я не спешу, — буркнул Шэйран, минуя надоедливого волшебника. — Да и вообще, мягко говоря, вам не верю.

— Почему?

— Я видел много Высших. Не сказать, что очень ими интересовался, но видел. И они очень неохотно делятся своими знаниями. Вы же так активно предлагаете помощь, что мне даже не хочется спрашивать о цене.

Тэллавар недовольно вздохнул. Он то ли сетовал, что юноша неблагодарно отвергает его искреннюю помощь, то ли откровенно демонстрировал, что тот абсолютно прав, а платить придётся очень и очень долго.

— Ведь ты знаешь, Шэйран, — он отбросил немного своего внешнего официоза и смотрел уже довольно пристально, — что в Дарне есть много интересного. Мне нужны ключи от многих замков.

— Так с этим лучше обратиться к вору, — фыркнул парень. — Я плохо вскрываю замки, если что.

— Тебе не придётся их вскрывать. Королевская кровь, — он покачал головой. — Словно я не вижу. Мальчик, не обманывай меня, — он возвёл глаза к небесам. — И король, и королева оставили в тебе значительный след — и не только внешне. Я это вижу. Учитывая твой магический потенциал... Все ворота откроются сами.

— О, да, и на вас хлынет древнее могущество, — скривился Рэй. — Нет, я не собираюсь быть игрушкой в руках кукловода.

Тэллавар вновь попытался успокоить себя, внешне продемонстрировать что-то вроде равнодушия, но получилось у него это очень и очень плохо, будто бы мужчина не мог до конца решить, как должен себя вести.

— Зачем же игрушкой, — он положил морщинистую ладонь на плечо Шэйрану. — Нет, напротив, собратом. Другом. Коллегой, в конце концов. Я ведь не собираюсь рушить весь мир, я просто хочу больше узнать.

— А я не собираюсь становиться жертвой очередного эксперимента, — грубо отозвался Шэйран. — Так что, нам не по пути.

Тэллавар недовольно скривился, но спорить больше не стал. Можно было подумать, что он даже собирался согласиться со всем, что говорил Шэйран, вот только Рэй очень слабо верил в понимание со стороны старого волшебника.

К тому же, отец очень хотел бы, чтобы Тэллавар занялся воспитанием его негодного сына, которого лень толкает на отчаянное нежелание вообще что-либо делать. Так или иначе, Рэй даже не собирался бороться с собственной магической необразованностью. Мать говорила ему что-то о пути воина, но и в это Шэйран тоже не верил. Так или иначе, все его попытки удержать меч в руках заканчивались ох какими проблемами, а про стрелы и вовсе не стоит зарекаться.

— Мы ещё вернёмся к этому разговору, — покачал головой Гартро. — И я уверен, что на следующий раз всё будет довольно успешно.

— Я б не зарекался, — Рэй посмотрел на мага с таким постным лицом, что Тэллавар

сам решил, что разговор на сегодня окончен. По крайней мере, уходил он довольно быстро, не остановился на повороте и ни разу не оглянулся, чтобы проследить реакцию собственного собеседника.

Шэйран вновь повернулся в зачарованной двери, но заклинание уже было завершено, оставалось только подкрепить парочку нитей.

Он уже подтянул все, кроме последней, ослабленной меньше всего — вероятно, потерял концентрацию, когда протягивал эту ловушку, но не до конца. Она шла до самого важного места в комнате, и Шэйран охотно ухватился за волшебную нить, постепенно доливая в неё пополняющуюся магию, чтобы та окрепла и стала чуть толще.

— Господин маг!

Он нехотя обернулся. За спиной стояло как минимум четыре стражника — в узком коридоре он не мог гарантировать, что за этими громилами не прячется кто-нибудь ещё. Один даже показался смутно знакомым, но Шэйран предпочёл не копаться в своей памяти.

Рэй всё-таки затянул нить, прежде чем вновь повернуться к страже. Вариантов их прибытия существовало всего два, и один из них Шэйрана совершенно не радовал. Впрочем, он втайне верил в то, что резерв всё же походит на пруд, а не на лужу, он ведь промучился столько времени в надоедливой академии, от которой выть уже хочется! А пруд, он пруд и есть — на стражу хватит.

Первый вариант его устраивал. Стража пришла от короля Дарнаэла, потому что отцу вновь что-то понадобилось. Второй был уже похуже — может быть, те проклятые пограничники из “Двух берёз” никак не могут угомониться? Они уже проявили отчаянное рвение к его убиению, но ничего так и не вышло.

— Его Величество велел проводить вас в подвалы, в тюремную часть, — пробасил главный, с капитанскими отметками на плечах.

— В тюремную часть? — изогнул бровь Шэйран. — Скажите, а Его Величество не изволил уточнить, зачем я ему там?

— Нет, господин маг, но советую вам пройти с нами, — стражник оглянулся и покосился на своих коллег. — Я уверен, вам нечего волноваться, если б Его Величество желал упечь вас за решётку, нас было бы куда больше, да и с соответствующим предписанием.

— Я думаю, там что-то случилось, — Шэйран поймал себя на мысли, что если папе вдруг пожелается бросить его в тюрьму, то это лучше делать в месте, где есть как установить магический щит для стражи, иначе получится накладно. — Ведите, что уж.

Стражники кивнули. Двое пошло вперёд, оставшиеся чуть подзадержались, чтобы оказаться за спиной Шэйрана.

— Вы не подумайте, — не оборачиваясь, промолвил главарь, — мы отнюдь не конвой, просто если вдруг что-то случится...

— Король считает, что во дворце опасно?

Стражник откашлялся, будто бы задумывался, можно ли делиться подобными подробностями, но в результате остановился на том, что не такая уж и секретная это информация, чтобы главный — и единственный, — королевский маг её не знал.

— Пожалуй, да. Он говорил, что мы должны доправить вас в целости и сохранности, и без глупостей, — мужчина наконец-то оглянулся, глядя на Шэйрана из-под седоватых пышных бровей. — Собственно говоря, Его Величество о вас беспокоится. Конечно, Вирр уже придумал объяснение этой заботе, — Рэй едва ли не поперхнулся, осознав, что и до

стражи слухи уже добрались, — но мы с Дарнаэлом воевали плечом к плечу, и не раз. И я совершенно уверен, что проблемы тут в длинном языке советника, не в предпочтениях Его Величества. Или я ошибаюсь?

Последнее было сказано уже с нажимом; конечно, стражник мог хорошо знать Дарнаэла, но маг вполне имел шансы быть записанным в ряды его личных врагов.

— Отнюдь, — покачал головой Шэйран. — Я думаю, что господин Вирр немного... преувеличил увиденное, а заодно и собственное чувство здравого смысла.

— Он может, — добродушно рассмеялся кто-то сзади. — Я как-то раз подал руку одной симпатичной девушке, так с доброго языка Кэрнисса прослыл её тайным любовником. Я так понимаю, король похлопал вас разок по плечу?

— Скорее, король один раз решил, что маги не казённые, травить их сотнями не положено, — фыркнул Шэйран. — Но Вирр решил, что забота о подданных может осуществляться только в том случае, если подданные имеют с королём интимные отношения. Мало ли, вдруг Вирр просто представляет на месте Дарнаэла себя, или так оправдывает неудачи на поприще труда?

Стража дружно загоготала, и отношение к магу у них явно изменилось явно к лучшему. По крайней мере, на него больше не смотрели волком, да и казалось, что стражники отчаянно желали продемонстрировать верность и всё в этом роде.

— Дальше я сам, — тот самый, с пышными бровями и капитанскими отметками, остановился у узкого прохода и тряхнул ключами.

Они уже прошли по меньшей мере половину подвалов, но тут оказалось слишком узко, чтобы сопровождать парня вчетвером.

— Может быть, ещё я? — оживился тот, что показался Шэйрану знакомым. — Прикрою спину, а вы пойдёте плечом к плечу?

Главный кивнул и быстро направился вперёд. Рэй не отставал; идти было неудобно, особенно в подобной близости к тюремным камерам.

Конечно, на самом деле рядовых преступников тут не держали. Камеры строились скорее для того, чтобы заключать в них на время до казни или освобождения, когда надо было отгородить человека от излишних союзников или слишком настойчивых врагов, иногда — для того, чтобы король мог провести лишний допрос.

Шэйрана все эти сказки отнюдь не задевали, правду он знал и так. Ещё при Дарнаэле Первом, или, может быть, его внуке-правнуке эти помещения использовались, как пыточные, и с первого дня создания Лэвье подвалы дворца отнюдь не вызывали приятных чувств.

Дарнаэл Второй не был фанатом дыбы и чего-то в том же роде, поэтому криков тут было поменьше, но в тюрьму проникнуть казалось до ужаса сложно — если у тебя нет ключей, конечно же.

А ключи, заряженные магией, находились у стражников высшего ранга.

Шэйран бывал тут лишь раз — они с Кэором в детстве порылись в личных вещах Дарнаэла и украли оттуда подходящий ключик. Он скорее подходил на отмычку, но в замке каждый раз приобретал новые очертания, такие, как надо было, чтобы открыть дверь.

Теперь у Кэора, как у одного из защитников короля, пусть теперь он и был привратником, наверное, найдётся и свой комплект, только не от всех дверей, как у Дарнаэла. Без короля или ещё нескольких приближённых дальше третьего уровня не зайдёшь.

Командир сорвал со стены один из факелов и сделал уверенный шаг вперёд. Они спускались только на второй, но мужчина открывал дверь довольно долго, вероятно, почему-то задержался.

Второй стражник осторожно тронул Шэйрана за плечо и протянул ему какой-то свиток.

— Просили передать, — прошептал он, а после уже громче спросил своего командира: — Я могу идти?

— Иди, — мужчина повернулся, распахнув наконец-то двери. — Прошу, господин маг. Вы первым или вторым?

— Первым, чего уж, — Шэйран переступил высокий порог, давясь отвратительным, спёртым воздухом. Дышать тут было практически невозможно; на стенах красовалась новая форма жизни, причём на целую цивилизацию, а где-то в глубинах, наверное, уровне на шестом, оживали от присутствия мага бранные кости покойных пленников. Всего уровней было семь, но последний никто не открывал лет уже эдак двести, и там, как подозревал Шэйран, бродило огромное количество живых мертвецов.

На его памяти, впрочем, ниже третьего никто и не опускался.

...Они остановились по центру второго. У двери в одну из камер замер король, он благодарно кивнул стражнику и сделал короткий жест, приказывая ему подзадержаться — хотя это скорее походило на дружескую просьбу помочь и высказать собственное мнение. Очевидно, для Дарнаэла оно было ох каким важным.

— Полюбуйся на это, — король указал на двери.

Служанка-рабыня, которую задержали несколько дней назад за то, что она подлила королю в вино кислоту, ещё и волшебную, валялась на полу в неестественной позе. В камере без окон и с одними, непробиваемыми дверями её явно убили — причём большой вопрос, как именно.

В помещении было неуютно, хотя трупный запах до сих пор не появился, наверное, убили девушку совсем недавно.

— Её должны были сегодня допросить, — промолвил Дарнаэл. — До того не получалось никак, приходилось разбираться с хозяином девушки — невиновный человек, но он столь слеп, что требовал компенсацию. Так и не дошли.

— Чисто так, — стражник огляделся. Его взгляд остановился на небольшой лежанке, а после переметнулся на веник в углу — словно рабыня пыталась тут убрать до того, как её постигла смерть.

— Да, удивительно, — кивнул Шэйран. — И самое главное, ни следа магии. Словно она вот так села и умерла.

Он опустил на корточки рядом с трупом и коснулся пряди волос. Единственным следствием насилия была отрезанная прядь — и перекошенное от ужаса лицо девушки.

— Может быть, всё-таки магия? — наконец-то подал голос стражник. — Ваше Величество, мало ли... Теперь вокруг расплодилось слишком много магов.

— Скорее уж девушку чем-то угостили, а потом это что-то... — Шэйран пробежался пальцами по её тонкой, весьма холодной, как для этого помещения одежде. Тут даже король набросил камзол на плечи, да и Рэй, хоть и привык к тому, что в Вархве жара бывает только пару месяцев в год, чувствовал себя неуютно. — А потом это что-то разорвалось в её желудке.

Он отодвинул наконец-то тонкую полоску ткани, оказавшейся весьма искусственной и не пропускавшей кровь, и отпрянул. Казалось, желудок девушки и вправду разорвало

изнутри.

Дарнаэл тоже не выглядел особо радостным. Он не скривился от отвращения, когда наклонился к девушке, рассматривая страшную рану, но вскоре, стоило только увидеть предмет, убивший её, отшатнулся.

— Я знаю, чьё оно, — он так и не решился коснуться кровавого месива. — Это штатное оружие, что-то вроде метательных звёзд, только очень маленьких. Их никто не глотает, просто они раскрываются, когда касаются врага, а тут... Очевидно, замедлили действие.

— Вы до сих пор таким пользуетесь? — Шэйран повернулся к стражнику. Тот молча протянул небольшой шарик, который и вправду казалось довольно просто глотнуть. — О, так на них есть именные надписи... Может, и на этой? — он вернул мужчине его оружие и провёл ладонью над раной, вытаскивая из неё метательную звезду.

Начертанное имя заставило их отшатнуться — всех троих одновременно.

\*\*\*

Дарнаэл устало отвернулся. Сына он вынужден был отправить куда подальше — заниматься лекцией относительно того, что в этом мире многое бывает несправедливым, просто нет времени, а тянуть с этим делом король не мог.

Рядом стояла Сандриэтта. Конечно, от девчонки было мало толку, но она так отчаянно пыталась продемонстрировать верность стража, что Дарнаэл даже не стал на сей раз спорить. К тому же, после двух покушений действительно следовало водить с собой личную охрану, только очень жаль, что она подразумевала именно юную Баррэ.

Тьеррон хорошо знал её мать — мудрого воина, сильную женщину, что почти стала главой стражи. Но, увы, это работа не для молодых матерей — и её отправили растить ребёнка, а потом как-то потерялась сноровка, всё стёрлось, осталось только желание добиться успеха. Именно его женщина и вселила в родную дочь; Анри выросла такой же упрямой, если не больше.

Марта Торрэсса рыдала, уткнувшись носом в подушку. От неё доносились только короткие всхлипывания и обрывки фраз.

— Как ты мог! — оторвавшись в очередной раз от своего убежища, взвыла она. — Ведь он твой дядя!

Стража перевернула в комнатухе всё верх дном — стоило ли говорить, что тут и нашлась прядь волос несчастной покойной рабыни. Кэор, казалось, был бледен, словно стена — он даже не пытался оправдывать, только сжимал руки в кулаки.

— Виновен, — безапелляционно заявил глава стражи. — Ваше Величество, казнить сразу или...

Дарнаэл покосился на племянника. Его лицо перекосило от боли — словно Кэор пытался донести до него какую-то мысль, но не мог даже заставить себя выдохнуть несколько слов. Слишком уж плохо ему сейчас было.

— Ведите. Пока в тюрьму, — Тьеррон попытался смотреть парню в глаза открыто. Сандриэтта, остановившаяся справа, всем видом показывала абсолютную ненависть к тому, кто посмел покуситься на жизнь Его Величества, но жизненный опыт заставил Дарнаэла не рубить сплеча, а потерпеть хотя бы несколько дней. От тюрьмы не убудет.

Он вышел первым; стража схватила Кэора за руки и поволокла следом под рыдание Марты.

Кэор шёл с опущенной головой; его бледность, казалось, усиливалась с каждой секундой, особенно когда открылись первые двери тюрьмы. Стража уверенно потащила



парня на нижние уровни, но Дарнаэл отрицательно покачал головой.

— Сюда, — он открыл дверь в самую первую, просторную и чистую камеру. — И приставить охрану, не так, как было со служанкой. Мне он нужен живым. Прикажите привести сюда как минимум двоих... Из высших рангов, — он бросил взгляд на всё того же, что первым имел несчастье прочесть имя на оружии. — Кальтэн... Приведи мне двух самых верных людей, которых только сможешь найти. Из тех, кто воевал с нами.

— Как прикажете, Ваше Величество, — склонил голову Фэз. Казалось, ничто на свете не могло избавить его от глупой привычки величать короля по званию, хотя они и считались знакомыми, если не друзьями. Дарнаэл кивнул — при людях пусть будет сколько угодно церемониала.

— Анри, иди с ним. Жди меня у тронного зала, — кивнул он Сандриэтте. — Пока не прибудет стража, я постою тут.

Он словно попытался проверить, крепко ли держит дверь, а после устало вздохнул, как только все разбрелись по поручениям, оставляя короля наедине с преступником.

— Дядя? — Кэор остановился совсем рядом. — Ты ж не веришь... Я никогда бы на тебя не...

— Сиди там, — Дарнаэл устало вздохнул. — Я не хочу устраивать казнь, но без этого не обойтись.

— Но ты ведь знаешь, что я не...

Ответом несчастному послужила немота; Дарнаэл в последний раз бросил взгляд на крепкую, способную выдержать даже нападение могучего мага дверь, а после отошёл. Стражники уже показались за поворотом, но отдавать приказы им уже не было толку; Кальтэн и так сказал всё, что надо было, и Тьеррон так и не засомневался в его верности и трудоспособности. Не существовало ничего, что капитан Фэз сделал бы не так, как следует.

\*\*\*

Тронный зал встретил его грустным одиночеством. Служанки вновь принесли вина, и хотя Сандриэтта протестующе вскинула голову, пытаясь остановить его от очередной глупости — и это без человека, что попробует напиток! — но остановилась.

Дарнаэл пил залпом, не обращая внимания на вкус. Вином нельзя напиваться, для этого есть всякие гадкие настойки или, что ещё хуже, то, что подают в “Двух берёзах”, но королям не полагается навещать такие заведения. Он устало смотрел на бордовую жидкость в своём хрустальном бокале, а после, опустошив ёмкость до дна, швырнул её в стену, с такой силой, что мелкие серебрящиеся при свете появляющейся на небесах луны крошки рассыпались по всему залу.

Сандриэтта сделала неуверенный шаг в его сторону, словно пытаясь успокоить, и перевела взгляд на целую шеренгу бутылок с вином. Король пил, не чувствуя вкуса, лишь бы для того, чтобы потерять рассудок, и она наконец-то рискнула — подошла вплотную, положила узкую, хрупкую ладонь на плечо.

Дарнаэл криво улыбнулся, поднимая на неё затуманенный взгляд синих глаз, и кивнул на предназначенное для советника кресло.

— Ваше Величество... Поверьте, есть ещё множество верных людей, и то, что Кэор посмел поступить вот так, это ещё ничего не значит, — несмело проронила она, впрочем, с таким благоговением в голосе, словно сидела рядом с богом, а не рядовым королём, которому рано или поздно придётся умирать.

— Я знаю, — Дарнаэл бросил взгляд на опустевшую бутылку, а после пьяно улыбнулся

закрытым дверям.

Анри задержала дыхание. Ей почему-то казалось, что стоит только немного нарушить тишину, и он обязательно прогонит её отсюда, старательно сотрёт всю эту минутную слабинку, а то и вовсе утонет в алкоголе.

Она неуверенно подняла на него взор, пытаясь впитать каждую чётточку лица короля. Мать в детстве говорила, как истинная эрроканка, которой, наверное, и была, что нет такого мужчины, что способен посягнуть на её сердце, но Сандра не смогла удержаться. Мать давно умерла; мать не смогла бы посмотреть на неё горьким взглядом, не позволяя натворить глупости.

Король был единственным добрым к ней человеком за долгие годы, король позволил ей защищать его, пусть даже Сандриэтта была уверена в том, что когда придёт опасность, он обязательно вырвется в бой первым, оттеснит её. Чем думала Лиара, когда отталкивала от себя Дарнаэла? Разве нормальная женщина или девушка может не мечтать о нём?

Он не оттолкнул её, по крайней мере, пока что, и Сандра подалась вперёд, то ли желая успокоить, то ли надеясь на короткий, мимолётный поцелуй.

Может быть, это и глупо. Утром он и не вспомнит о том, что случилось; но Сандриэтте было важно уже то, что он находился рядом. Хотя бы в метре, в соседней комнате, а то и в пределах одного короткого касания.

...Дверь открылась с громом, и Баррэ отшатнулась так резко, что едва ли не свалилась на пол.

— Даррэ! — бывшая королева Сандрин явно не спешила вспоминать о правилах приличия. — Как ты мог? Он же твой племянник.

Дарнаэл устало оторвал взгляд от очередной бутылки и посмотрел на мать, словно она была всего лишь зудящим насекомым.

— Сандриэтта, можете идти, — устало махнул рукой он. — Мне надо успокоить Её Высочество и отправить её в покои... Будете вино, матушка?

Он хрипло рассмеялся под возмущённый взгляд женщины, и Сандра поспешила выйти. Она понимала, что не имела права становиться свидетельницей этого короткого, бессмысленного разговора — но и так было ясно, что Сандрин пришла, дабы просить о помиловании для Кэора.

Он не имел на это никакого права. Предатель должен умереть — Сандра даже не сомневалась в этом, ни на одну секунду, но ведь кто она такая, чтобы говорить о своём мнении тут?

При короле?!

В любом случае, это уже не имело никакого смысла; девушка просто немотно заняла свой пост у входа в тронный зал, чувствуя, что разочарование и испуг бьётся в душе израненной птицей. Ей не хотелось думать о том, что то, что она собиралась совершить — самая большая глупость в её жизни. Может быть, она и не верна королю, а просто слишком ослеплена его достоинствами, чтобы видеть недостатки. Может быть, она исключительная дура, решившая, что имеет хотя бы какое-то право на этого мужчину — даже на то, чтобы стоять рядом.

Девушке стало стыдно — до боли.

Как она посмотрит в глаза Шэйрану? Как сможет потом поглядеть на короля — хотя он вряд ли запомнил хотя бы один жест с её стороны.

Сандриэтта только устало закрыла глаза, пытаясь отгородиться от криков там, в

тронном зале. Она не имеет права слушать.

Она просто стражница, и плевать, что успела себе надумать об этой глупой должности — ничего не значащая букашка, да и точка. Вряд ли от неё вообще есть какая-то польза, а Дарнаэл... Держит из жалости, да и только. Он всегда был хорошим человеком.

### ===== Глава тринадцатая =====

Столица раскрылась перед её глазами, словно огромная роза, расцветающая на бескрайних полях, соседствующих с лесом. Моника всегда была уверена, что не видела ничего лучше ровных улиц Кррэа, но прекрасный лабиринт Лэвье укутал её. Словно пеленой опустились перед нею красоты столицы Эльвенты, и Лэгаррэ была уверена в том, что столь прекрасное место не могло быть создано руками кого-то отвратительного и низкого, но уже это давало трещину в вере. Вряд ли строителями были женщины, а значит, мужчины на что-то да способны — она не могла вспомнить имя архитектора, но, так или иначе, была уверена в том, что он — представитель того самого гонимого в Эрроке пола.

Девушка мотнула головой, изгоняя глупые мысли. Оставалось радоваться тому, что она могла скрыться в разношёрстной толпе — дарнийцев было не то чтобы много, но достаточно для того, чтобы они не казались чудом. В Кррэа, среди множества северян, она выделялась даже больше синеокого Шэйрана — тот, вопреки тёмным волосам, ещё хоть как-то вписывался в понятия жителя Эрроки.

Впрочем, и то бред. Чтобы казаться стандартным представителем мужского рода в их стране, надо опустить голову, вжать её в плечи, становясь сразу же ниже на несколько сантиметров, и шарахаться каждой фигуристой тени. На деле же любая фигуристая тень предпочитала улучшать генотип своих будущих детей за счёт именно проклятого Рэя, и нельзя сказать, чтобы он прямо-таки каждую отпихивал.

Но в чём-то Шэйран был прав, когда говорил, что Монике в какой-то мере просто завидно. Она, конечно, просто не могла пользоваться популярностью, потому что нормальные мужчины в Эрроке такая же редкость, как маги в Лэвье, да и... Чёрт возьми, если рано или поздно ей захочется родить собственных детей, то лучше уж от такого, как Шэйран, чем от Антонио или Лээна, упаси Богиня.

... Тут никто голову в плечи не втягивал, не сбегал на противоположную сторону улицы, не бледнел перед ведьминым ликом, да и Мон не спешила представляться представителем магической общины.

Так или иначе, когда она остановила коня, то руку ей подали сразу трое. Один явно выполнял обязанности и уже ждал монету, неприятный такой тип, сгорбленный, уже лет тридцати пяти — для подобных людей это уже старость, но зато двое других!

О, ей позавидовала бы даже сама Мизель, что метила не ниже короля.

Дарниец и северянин, может быть, родом из леса Паррэт или устья реки Цэррэ — владения короля Дарнаэла, чёрт его подери. Так или иначе, оба парня были высокими, стройными и привлекательными, и оба явно собирались завоевать сердце незнакомки.

Моника выбрала дарнийца. Она старательно отгоняла мысли о том, что он напоминал ей Шэйрана, но в представителях Дарны многое схоже — те же чёрные волосы, стандартно тёмные глаза, смугловатая кожа. Конечно, там можно отыскать и самую нежную блондинку на свете, но Лэгаррэ как-то не тянуло заниматься поисками.

Сообщать королю о собственном присутствии тоже не следовало. Если она действительно желала что-то получить, то должна следовать тайным указаниям Тэзры и не открывать свою личность до поры до времени. А вот уже потом, когда придёт время, можно

и представиться королю, авось это принесёт какую-то пользу?

— Какие приятные гости в нашей столице, — проворковал незнакомый дарниец, прытко подхватив поводья лошади и руку Моники заодно. — Милая дама, куда направляетесь?

— Милая дама, — немного резковато, как истинной эрроканке в хорошем настроении и полагается говорить с мужчиной, отозвалась Лэгаррэ, — направляется во дворец и желает устроиться на работу.

— Так это мигом можно устроить! — моментально оживился юноша. — Позвольте отметить, перед вами королевский конюх! — он так порывисто склонил голову, что Моника едва удержала издевательскую улыбку. Королевский конюх помочь ей ничем не мог, но, так или иначе, отклонять так резко помощь, предложенную добродушным человеком, нет никакого смысла. — Меня зовут Тэр, а вас?

Он весело тряхнул головой, и длинные тёмные волосы осыпались на плечи. Только сейчас Моника отметила, что уши у него были чуть заострёнными. Говаривали, что такие должны быть у эльфов, но Лэгаррэ и вовсе сомневалась в том, что эльфы в их мире существовали. А если и да, то где-то на маленьком островке на юге, откуда, очевидно, и был родом её собеседник.

В остальном в его внешности не было ничего необычного. Да, юноша оказался и вправду красив, с тонкими чертами лица и чуть прищуренными глазами — кажется, не любил солнце, о чём свидетельствовала ещё и бледная кожа.

— Мона, — представилась девушка. — Конюх, говорите?

Пристальный взгляд упал на холёные, тонкие пальцы парня. Да, хороши конюхи у Дарнаэла Второго! С такими руками можно было смело отправляться в музыкальную труппу, играть на каком-то из инструментов, и почему-то девушка очень сомневалась в том, что от разгребания навоза они становятся столь нежными и белыми.

Тэр перехватил её взгляд, но оправдаться не успел. Они как-то незаметно добрались до ворот в дворцовые сады — те располагались совсем недалеко от въезда в город, хотя до парадного ещё ехать и ехать. Так или иначе, стражник был всего один, и тот при виде парня моментально бросился отворять ворота.

У Моники окончательно пропала вера к статусу конюха. Нет, может быть, он наблюдает тут за священной лошадьё, а моют и убирают за нею совершенно другие люди — вот тогда да. На самом же деле девушка отчаянно подозревала в незнакомце какого-нибудь представителя знати.

Парень направился по дорожке отнюдь не в конюшни. Он так отчаянно притворялся конюхом, что даже забыл об отчаянной потребности произвести на приглянувшуюся девушку впечатление, но теперь, кажется, и вправду решил, что пора бы и взяться за дело. По крайней мере, гордая улыбка, весело играющая на его губах, почему-то отчаянно выдавала кого-то бегающего по секретным поручениям Дарнаэла.

— Значит, желаете работать в замке? — весело уточнил он. — Я могу устроить так, чтобы вас мигом взяли на работу!

— Помощником конюха? — издевательски поинтересовалась Моника.

— Почему же, — он весело передёрнул плечами. — Тут недавно одну служанку уби... уволили. Так вот, её место вакантно. Король не особо следит за подбором персонала, но в...

Он так и не успел договорить, потому что на их пути вырос какой-то из стражников высшего ранга. На незнакомку он уставился со всем присущим недовольством, но одного

взгляда на островатые уши её спутника оказалось достаточно, чтобы гнев переметнулся на её сопровождающего.

— Тэрвальд! — возопил мужчина. — Что ты тут делаешь? Разве библиотекарю не полагается сидеть на рабочем месте до восьми часов вечера?! — он упёр руки в бока, словно таким образом пытаюсь произвести впечатление на беспечного дарнийца. — Бегом на рабочее место, а то король лично поотрывает тебе все твои уши!

Парень потупился. Притвориться прекрасным конюхом не получилось, хотя Моника и не понимала, зачем надо было это делать. Как по ней, так библиотекарь вообще должен быть самым желанным кавалером на свете — ведь у него есть прямой доступ к огромному количеству книг!

— Ну вот, — скривился парень. — Опять ты мне перебил прелестную возможность познакомиться с миловидной девушкой!

— Тебе мешает должность библиотекаря? — удивилась Моника. — Разве в ней есть что-то настолько плохое?

Уж точно не хуже придворного мага! А что говорить о том, чтобы носиться за каким-то королевским советником, как это делает Шэйран? Впрочем, девушка понятия не имела, куда занесло Рэя — он получил самое неприглядное по всеобщему мнению место, а это не может быть столицей. По крайней мере, на “унылую дыру, полную мошек” это место никак не походило. Ничего прекраснее, чем Лэвье, за долгое время Моника и вправду не видела.

— Кто захочет встречаться с унылым, нудным библиотекарем? Конюхи — другое дело, — парень скривился. — Я так никогда себе никого не найду, право слово, — он взвёл глаза к небесам, а после впихнул в руки стражнику поводья лошади. — Отведи в конюшню, пожалуйста, раз мне пора в библиотеку!

Стражник скривился так, словно только что к нему обратился самый отвратительный городской изгнанник, но удивительно быстро повиновался.

Моника так и осталась стоять на дорожке, не особо спеша убежать. В конце концов, ей и вправду надо было во дворец.

— Я даже помощника найти не могу, — посетовал Тэрвальд. — Никто не желает. Ну, то есть, желают, но тех я сам не хочу.

— А я люблю книги! — Моника даже не соврала. Книжки она и вправду обожала, а ещё очень надеялась в том, что библиотекари имеют полное право разгуливать по всему замку после окончания своего рабочего времени, а значит, она сможет разыскать принцессу Эрлу или хотя бы артефакт, что удерживает столицу в первозданном состоянии и не допускает сюда магов Эрроки.

Она едва-едва добралась до столицы, потому что по пути магия то и дело сбивалась и сплеталась в глубине рассудка в тугий узел. Управлять ею было непомерно тяжело, Моника даже забыла о том, когда в последний раз она вынуждена была так отчаянно сражаться за собственное нормальное состояние.

Её пропустили через границу свои, но пришлось искать лояльный пункт, чтобы никто не отметил её как перебежчицу границы. В конце концов, Элвента, если верить короткой записке Тэзры, не должна знать о том, что на её территории оказалась выпускница Вархвы.

Девушка не один раз задавалась вопросом, почему они не попросили Шэйрана. Если он рядом с королевским советником, то точно может узнать о том, где находится принцесса, только связаться стоит.

Вот только к помощи Рэя не прибежали, и Мон оправдала это тем, что парень

самонадеян и глуп. Серый троечник, что с него взять.

— Да? — оживился Тэр. — А ты не желаешь стать моей помощницей?

Она подняла на него удивлённый взгляд. Казалось, за глупыми мыслями, в сотый раз повернувшись в сторону Шэйрана, она практически позабыла о том, что тут вообще кто-то находился.

— Помощницей библиотекаря? — перепросила Моника, заметив, как от этой фразы скривился парень, словно она только что думала, что он её оскорбил.

— Так и знал, что откажешься, — грустно признал он. — Никто не хочет. А я б тебя взял даже без дополнительных утверждений...

Он окинул её таким плотоядным взглядом, что девушка даже не сомневалась в мотивах. Так или иначе, предложение казалось выгодным, и она радостно улыбнулась, едва ли чисто по-девичьи не бросившись парню на шею.

— Да почему откажусь?! — воскликнула она. — Вед это работа моей мечты! Признаться, я хотела попасть в замок только для того, чтобы посмотреть на великолепную библиотеку, о ней по всей стране слухи ходят... Тут уникальные труды, и мне так хотелось со всем этим ознакомиться, а теперь ты мне предлагаешь стать помощницей библиотекаря! Да ведь это уникальный шанс!

Странно, как ей только могло так повезти? Она за пару дней сможет посмотреть, что тут есть по магии, поискать принцессу Эрлу магическим импульсом, а после забраться и в тайник. Так или иначе, волшебников тут нет, чтобы они установили паутину, так что проникнуть туда должно быть не так уж и трудно.

— Ух ты, — удивился Тэравальд. — Не ожидал, что кто-то может так увлекаться книгами... А ты читала...

Он принялся перечислять ей длинный список классических трудов, упоминая и магические, и исторические, и что-то по математике. Несколько раз даже упомянул любовные романы, но Моника кивала честно — последних в списке её чтения никогда не было.

...Впереди показался замок, и девушка вновь послушно замерла. Огромная машина прежде на картинках казалась ей громоздкой, но, как оказалось, это просто художники Вархвы очень ненавидели Лэвье и короля Дарнаэла.

Воистину, дворец был прекрасен. Переплетение узоров, высокие, стройные башни никак не походили на громоздкую и страшную черепаху, рассевающуюся на пустынном берегу рядом с городом.

Моника поймала себя на подозрительной мысли, что если они так приукрашивали в рассказах дворец, который оказался совершенно не противным, страшным и тяжёлым, то действительно ли вся вера Эрроки и ненависть к мужчинам справедлива? Но эта мысль показалась ей кощунственной, и девушка поспешно избавилась от неё, будто бы вымела из своего сознания.

Библиотекарь не замечал восхищения дворцом. Он прошёл сквозь совершенно пустые, не обременённые лишней защитой в виде привратника двери и потянул её за собой, на ходу пересказывая дворцовые сплетни.

— Говорят, что местного стража посадили за попытку убить короля. Поговаривают, что это было совершено целых два раза, прежде чем Дарнаэл Второй узнал, кто именно постарался, и служанку он тоже убил, предатель этот... А король его до сих пор не казнил, между прочим. Кажется, это его родственник. Может, и не виновен вовсе, подставили. Он

недавно на иностранке женился — вот же стержовная баба...

Библиотекарь оказался истинной находкой для шпиона. Вероятно, он был не в курсе, что королям не нравится, когда о покушениях на них треплют на весь мир всяким незнакомым барышням, поэтому рассказ свой продолжал без единой запиночки, так старательно, что Моника едва подавляла смешки.

Впрочем, то, что на Дарнаэла покушались, казалось ей непонятным. Мелкие пограничные герцогства, через которые она проезжала на территорию Эльвенты, были отнюдь не теми, кто желал королю зла. В отличие от королевы Лиары, он не имел привычки уничтожать местную знать, если та не оказывала особого сопротивления, конечно.

Но кому ещё может быть выгодно? Конечно, Её Величество могла, да, вот только зачем тогда отправила Монику в логово врага? Не могла же она так глупо взять себя и выдать, просто посылая дополнительного шпиона!

К тому же, у Лиары пропала дочь. Это никак не способствовало попыткам убить Дарнаэла второго, особенно если Эрла действительно у него, ведь ей тоже может грозить недюжинная опасность.

Тогда кто? На мелких островах нет таких могущественных людей, которым смерть Дарнаэла и вправду была бы выгодна, а Ньева молчит и отчаянно дрожит перед ликом короля. Лиггерское море безопасно, но оно омывает берега не только их континента... Вот только династия Тьерронов в хороших отношениях с заграничными друзьями, а расстояние слишком велико, чтобы обрушить армию на Дарну или саму Эльвенту. Оставались ещё внутренние враги и надоедливый Торресский архипелаг, но вряд ли среди всех этих людей присутствовали смельчаки, пытающиеся убить короля Дарнаэла. Да и опасно это, если выживет и узнает, кто постарался, то потом может мстить очень долго и дотошно.

Девушка путалась в догадках. Ей хотелось бы, конечно, чтобы королева Лиара правила и Эльвентой тоже, но не ценой подлого убийства. Монике казалось, что раз уж мужчины настолько презренны, то почему королева не нападёт сама? Её сдерживает нечестно установленная граница, да и только.

Впрочем, может быть, её отношения с королём Дарнаэлом — это не просто слухи, а и что-то большее? Кто в жизни видел отца Эрлы? Почему-то Моника очень слабо видела в непорочное зачатие, да и Антонио казался слишком плохим примером этого магического эксперимента.

— Мы пришли, — напомнил её спутник, потянув за рукав дорожной рубашки. Моника подняла голову и так и замерла с приоткрытым ртом, внимательно осматривая огромную, прекрасную библиотеку.

Почему-то стало как-то страшновато. Длинные стеллажи тянулись вдоль стен, огромное помещение, казалось, задышалось от книг.

Вдалеке выглядывали ступеньки на второй этаж. Библиотека занимала целую башню замка, и Моника была уверена в том, что уровней тут отнюдь не два. Диво дивное, что всего лишь один паренёк мог справляться с таким огромным количеством работы.

— Ого, — только и смогла выдохнуть девушка. — Я не ожидала, что тут настолько прекрасно...

Она не удержалась и забежала в городскую библиотеку Кррэа, но пусть та и занимала роскошное здание, она отнюдь не была полна редких томов. Десять изданий одного и того же труда, множество экземпляров... Да, настоящее сокровище оказалось в покоях королевы, но это всего лишь маленькая комнатка, и там не больше трёх сотен книг. Тут же их

оказалось безумно много, даже слишком.

На двери и снаружи, и внутри красовалась одна и та же табличка. Моника попыталась сосредоточиться на ней — крупными буквами там было начертано “Тэравальд Са, библиотекарь”. Внизу оказалась ещё какая-то приписка, но на незнакомом ей языке, или, может быть, слишком корявым почерком, чтобы Мон смогла хоть что-то ещё разобрать.

— Итак, ты понимаешь, что помощники мне действительно нужны, — вздохнул парень. — Но сюда почти никто не приходит. Король иногда забредает, но у него отборные книги, которые ему нужны, где-то в кладовой отложены. Тут они тоже есть, наверное, но только в закрытых отделах. А то и вовсе сожгли, только Дарнаэл Второй несколько книжек и выхватил, кто их знает.

Он устроился за своим столом, где скопилось огромное количество книг. Коробки стояли повсюду, и Моника смотрела на них с некоторым удивлением.

— На третьем этаже и выше только в коробках всё и стоит. Раньше библиотека в Дарне была, — протянул парень. — Пока отсюда слуг и вельмож выгнали, пока всё перестроили... Вот я и раскладываю, сортирую, перекладываю обратно... Благо, в ящиках книги тоже выстроены в правильном порядке. Но в любом случае, всё это слишком трудно, — он покачал головой. Я уже поставил у каждого стеллажа ящики, которые стоит разместить именно на них, но видишь, какие тут потолки? На одну полку идёт целый день, когда она довольно высоко. Тома ветхие, пока переберёшь, пока протрёшь... И сиди, с восьми и до восьми, никакой личной жизни. Тут ещё ничего! На четвёртом ярусе и выше потолки до семи метров...

Моника едва сдержалась, чтобы не присвистнуть — у неё всё равно получился бы глупый и странный звук.

— Ну, я помогу, — промолвила она. — Сюда бы мага, он бы только полагающиеся заклинание наложил, да и всё на места возвратится.

Тэравальд только фыркнул. В магию он не верил, да и откровенно разочаровался в представителях колдовской братии за долгие годы жизни во дворце. Моника не стала настаивать; она уже предвкушала, как окажется на верхних ярусах и быстренько с помощью волшебства всё расставит на полагающиеся места.

Нет, она определённо не могла до конца ненавидеть короля Дарнаэла. Если он поддерживал такую библиотеку, если перевёз тома из Дарны, то ему нужны были эти книги. А книги может любить только умный человек.

Впрочем, если он забирал всё то, то должен перевезти и магические предметы. Артефакт обязан быть в стенах дворца, а она ведь прибыла именно за ним.

Монике почему-то стало жаль эту библиотеку. Ведь если на Лэвье нападут, то тут всё пострадает, рухнет...

— Завтра примусь к работе, — решительно промолвила она. — А где ночевать-то можно?

Парень с надеждой посмотрел на неё, словно предлагая одним только взглядом перебраться в его покои, но не встретил никакой взаимности.

— Там на самом верху есть заброшенная спальня, думаю, тебе места хватит, — вздохнул он. — Радует, что хотя бы с разбегу не спрашиваешь о зарплате.

Девушка пожалала плечами. Деньги её пока что мало интересовали, и она бодро направилась вверх по ступенькам, надеясь увидеть свою маленькую, грязную, очевидно, спаленку, прилечь и обдумать, что будет делать завтра.



\*\*\*

Когда Тэравальд проснулся, Моники в её затхлой комнатухе давно не было. Ему полагалось работать с восьми утра, но поднялся парень только в одиннадцать, когда Лэгаррэ успела осмотреть уже добрую половину дворца с помощью поискового импульса. До тюрем не дошла, а вот в жилой части, да и в той, где располагались рабочие помещения, никаких следов Эрлы не было. Если она тут и бывала, то только много лет назад. Конечно, надо было ещё добратся до тюрем и пустить искру там, но Моника сомневалась, что в темницах содержали принцесс.

Сейчас же она сидела у стеллажа на высоком стуле, поставила коробку на полку выше и тянула из неё по книге, устанавливая их на полке. Чудом обошлось без вопросов, как она такую тяжесть подняла на высоту, но Тэравальд, судя по всему, оценил изобретательность, ведь сам до такого не додумался.

Правда, от открытого способа работать ему легче не стало. Молодой библиотекарь как-то равнодушно относился к тому, что с книгами надо поработать физически, а не только путём поглощения новых знаний. Очевидно, ему не нравилось, что вообще надо трудиться, потому вьюноша старательно осмотрелся и присел на пол у противоположного стеллажа.

— И давно ты этим занимаешься? — как-то грустно спросил он у Лэгаррэ. — Неужели и вправду столько рвения...

Если б Моника могла остаться тут сама, работать много лет с восьми и до восьми не пришлось бы. Она пару раз прищёлкнет пальцами, наложит несколько заклинаний, и книжки мило встанут на свои места без единого замешательства.

Потихоньку черпая по капле из резерва, чтобы тот оставался полным хотя бы на три четвёртых, она наложила на книги отложенное заклинание — ночью, когда Тэравальд мило так уснёт, пара стеллажей уложится сама собой. А она утром будет свободнее, заместо того, чтобы торчать тут полное время, сможет побродить по дворцу, пока Са будет спать.

Так или иначе, планы у Моники оказались — хоть куда! Работы хватало, но она знала, что успеет проникнуть и в хранилище, когда ей будет нужно.

Тэр упрямо молчал. Он целых полчаса раскладывал книжки по местам, а после поднял на неё недовольный взгляд.

— Слушай, — протянул парень, — ты собираешься меня подвинуть, да? Чтобы король оценил твою старательность и...

— Не думаю, что королю нечем заняться, осталось только ходить по библиотекам и убирать лишних сотрудников, — фыркнула Моника, заставляя себя не срываться на проповедь в стиле “мужчины презренны” и “ты отвратителен”. Лень со стороны Тэравальда ей была непонятна, но спорить с подобными людьми толку нет. — К тому же, я просто пытаюсь хорошо выполнять свою работу. Могу сказать, что мы вдвоём всё это сделали, вот и всё.

Он на несколько минут успокоился, после вновь завертелся, но больше не возмутился. Складывалось такое впечатление, что из-за своей новой сотрудницы, которую он вечером умудрился и в расходную ведомость впихнуть, получив от короля размашистую подпись — Дарнаэл согласился, даже не посмотрев на лист бумаги, — теперь пропадёт возможность бродить по городу в рабочее время.

А когда она расставит всё по стеллажам, то будет знать, что и где лежит. Явится надоедливый Вирр со своим магом, скажет, что одного библиотекаря вполне можно упразднить, и останется тут заумная девица вместо него самого, коренного, между прочим,

жителя Лэвье!

— Хоть бы придворный маг не появился, — протянул наконец-то Тэллавар. — А то от него только беды...

— Придворный маг? — оживилась Моника.

Придворные маги — штука крайне опасная. Волшебник может разглядеть коллегу, а значит, есть все шансы, что её обман будет раскрыт. Лэгаррэ же очень не хотелось вот так просто вылететь из замка.

— Да, — закивал Тэравальд. — Неприятный такой тип, кажись, из родины короля, но говорят, что с островов. Понятия не имею, насколько могущественный.

Мон усмехнулась. С островов — значит, не её знакомый. Она понятия не имела, добрался ли до столицы Рэй, но радовал уже тот факт, что тут его не было. Ведь он никогда не скрывал, что родом из Эрроки, а обучался в Вархве, чего прятаться-то?

— А что за маг? — вежливо уточнила девушка. — Ну, не только по силам, а вообще... Чем дышит, что делает?

Тэр неуверенно передёрнул плечами. Складывалось такое впечатление, что он мог разве что передать парочку свежих сплетен, а вот до толковой информации доступа не имел. Да и вообще, не знакомство, а сплошное разочарование, хоть стой, хоть падай; библиотека оказалась хорошим местом для пребывания, конечно, но Монике вдруг сдалось, что она могла бы оказаться тут и без помощи настойчивого и мечтающего о чём-то серьёзном Тэравальда.

— Да их, магов, поймёшь... — досадливо махнул рукой библиотекарь. — Вот единственное, что скажу тебе с уверенностью, так то, что ведьму или ведьмака в толпе сразу видно! Вот прямо на лбу написано что-то вроде “это колдун”. Могу увидеть на расстоянии сотен метров!

Моника вздохнула. Пришлось доверчиво улыбнуться, но на самом деле раздражение сдавило горло, смешавшись со злобой. Да, как же, увидит он! А то, что ведьма сидит под носом, так то ничего страшного.

Посидит и встанет.

— Не поймёшь, стар или молод... Может быть как двадцать лет, так и сто, — продолжал вести пространственные речи парень. — Да и вообще... Какая разница-то? Наверное, хорош собой, раз такие слухи ходят.

Девушка пришла к выводу, что мага библиотекарь если и видел, то только со спины. Но чего расстраиваться-то, всё равно мужчины не склонны к нормальному волшебству. Скорее всего, какая-то бездарь-самоучка, не может толком три нити магического потока сплести. Иначе боялись бы, да и каждый, учитывая Тэра, знал, как именно выглядит маг. А то...

— Какие же слухи? — Моника отчаянно изображала заинтересованность. На самом деле она давно утратила интерес к разговору, но надо же что-то спросить, чтобы Тэравальд хотя бы немного ей доверял! И так на лице вот крупными буквами начертана отчаянная неуверенность в том, что к девушке стоит хотя бы подходить, а тут она ещё и продемонстрирует приступ равнодушия.

— Говаривают, — заговорщицки сообщил Тэр, — что этот самый маг спит с королём.

Мон поперхнулась и едва ли не свалилась с полки на которой сидела. Короля Дарнаэла она видела и понятия не имела, что ж должно было случиться, чтобы его внезапно увлекли мужчины.

Худшего позора не было. Два ничтожных существа, сошедшихся в паре! Нет, если

Тэравальд говорит хотя бы отчасти правду, то она просто-таки обязана помочь королеве Лиаре завоевать это место.

Иначе оно падёт от собственного же порока.

— Как видишь, — продолжил Тэравальд, — наше государство успешно падает в пропасть. Я сам не понимаю, как король мог на такое пойти, но... Мало ли, вдруг колдун наложил на него какое-то заклинание?

Девушка рассеянно кивнула. Уважение к Дарнаэлу Второму растворилось, словно его и не было никогда, а теперь темноволосая только и перебирала в памяти укромные уголки.

— Может быть, — протянул Тэравальд, — мы куда-нибудь сходим?

— Вечером, после работы, — отозвалась Моника. Она и так не понимала, почему во дворце любой паршивый библиотекарь имеет полное право притащить себе помощницу, а никто не удосужился проверить её личность, но искушать судьбу не следовало.

Она даже вытащила то самое невзрачное платье с вкраплениями традиций Эльвенты, чтобы не особо отличаться от остальных слуг, и отчаянно делала вид, что незаметна и сера, словно та мышь под веником.

Кот, ленивый и разжиревший, Эльвента, империя короля Дарнаэла, развалился на троне и не планировал сползать оттуда в ближайшие несколько десятков лет. Как только рухнет магическая защита, что не позволяет устроить войну между Эррокой и Эльвентой, они умудрятся установить свою власть и тут, а после избавятся от ничтожных мужчин, недостойных правления. Лиара победит и будет тут королевой — и вокруг установится матриархат, а эти проклятые существа узнают своё место.

Моника оттолкнула в сторону мечты и попыталась поймать нить разговора. Но, увы, нынче Тэравальд пересказывал подробности личной жизни короля и нового придворного мага, так что прислушиваться не хотелось — на девушку волнами накатывало спокойное, взвешенное отвращение.

— Ничего, — с короткой усмешкой промолвила она. — Главное, чтобы его Величество мудро нами правил, а остальное не имеет значения.

— И то правда, — Тэравальд окончательно утратил интерес к беседе, равно как и его спутница, и теперь тоскливо косился на дверь. — Знаешь, раз уж у меня теперь есть помощница... Я бы сейчас пошёл куда-то прогуляться, авось найду что интересное... — он покачал головой. — Может быть, принесу что вкусенькое поесть? Ты не против, если я уйду?

— Надолго? — с должным равнодушием спросила Моника.

Тэравальд почесал голову. Уйти он собирался до следующего утра, тем более, знакомый говорил, что познакомит с одной симпатичной девчонкой.

Он провёл ладонью по чуть заострённым ушам, словно поминая своих далёких родственников, которых давно уже нет на континенте, или, может быть, просто отчаянно проклиная родовую аномалию, а после бросил взгляд на дверь.

— Ну, может, к утру, а? — с надеждой уточнил он, а после тут же бросился в защиту. — Ты должна быть мне благодарной! В конце концов, разве не я привёл тебя во дворец и дал возможность работать в таком прекрасном месте, как библиотека? Ты должна только радоваться, что я встретился на твоём...

— Иди, я поработаю.

Он уставился на неё удивлённым, но почти благодарным взглядом. Девушка кивнула ещё раз, подтверждая, что не имеет совершенно ничего против и предлагая идти на все

четыре стороны.

Парень моментально вылетел с верхнего яруса, практически под самой крышей, бросился по ступенькам.

Внизу слышался поразительный шум. Библиотекарь, вчера пытающийся произвести хорошее впечатление, сегодня продемонстрировал себя во всей красе типичного ленивого мужчину, но Моника ни о чём не жалела. Какая разница, насколько он плох или хорош, если она всего лишь пыталась получить то, что было ей нужно?

Именно по этой причине она совершенно спокойно прождала ещё минут двадцать, дождавшись того момента, когда двери за Тэравальдом захлопнутся, а тогда выбралась из убежища, подумывая, куда бы уйти.

Надо обеспечить прикрытие, но девушка только досадливо махнула рукой. Она постоянно работала над развитием своего магического резерва и теперь надеялась на то, что вскоре сможет стать магистром второго уровня. А так и до Высшей недалеко, если делать всё быстро.

Так или иначе, фундаментальные труды писать пока что рано. Статус присуждают, когда сделаешь что-то выдающееся, а это не обязательно диссертация. Если она сможет отыскать тот артефакт, что ей сразу дадут магистра третьей, а то и четвёртой степени, так что, следует стараться и держать марку, развивать резерв, улучшать знания в области магии.

Но пока что — дело. Она должна была хотя бы обрыскать весь замок, чтобы определить, где находится тот самый артефакт и есть ли он тут. Ведь если нет, то придётся прознавать что-то ещё.

К тому же, ей ночью следовало бы добраться до тюрьмы и посмотреть магией, нет ли там принцессы. Но пока в самой ближней камере находится заключённый с постоянной стражей, ничего не получится. Единственный вариант — ждать, но Моника была довольно терпеливой.

Она прищёлкнула пальцами, и все книги послушно возвратились на место на полках. Коробки разбирались сами собой, и она поспешно направилась вниз по ступенькам, осознавая, что Тэравальд может и не задержаться до самого утра у дамочки, которую планировал совратить сегодня.

Но библиотека вряд ли сегодня будет ей интересна.

\*\*\*

...Дворец отнюдь не походил на запутанный лабиринт, но потеряться в нём с непривычки было довольно просто. Девушка дважды свернула в незнакомые коридорчики и оказалась в каком-то довольно узком, но со следами волшебства.

Внимание привлекла дверь ровно посередине коридора. Тут они все выглядели довольно красивыми, а эта, центральная, оказалась чуть хлипче прочих. Обычно это — следствие иллюзий работ каких-то магов, когда пытаются поймать на крючок, автоматическая вещь, которая творится без ведома колдовавшего. Но иллюзия почти развеялась, ведь колдовали, пожалуй, очень давно, поэтому дверь практически сливалась с остальными, лишь отличалась тонкой длинной царапиной от чужого меча — кто-то уже пытался её испытать.

Она, впрочем, не особо-то и спешила удивляться чудесам чужих рук. Напротив, осторожно коснулась дверной ручки, и та поддалась, словно тут никогда и не было полагающейся защиты.

Моника вдохнула воздух. Она чувствовала в нём слишком большое содержание

волшебства, чтобы можно было просто так проигнорировать — пожалуй, тут не просто колдовали, а влили немало особой силы.

Артефакт должен быть тут. Ни от какой другой двери в замке так не фонило.

Конечно, ей было бы куда легче, если б она знала, как выглядит нужная вещь. Может, это громадина размером с самого Дарнаэла, может, всего лишь маленькое тоненькое колечко, на которое и внимание никто не обратит, если не ткнуть носом. Даже не факт, что магический фон будет отличаться, ведь если артефакт тут давно, он давно пропитал волшебством всё вокруг, а значит, покажется обыкновенной вещью среди гор всего остального, такого странного и удивительного.

...Она осмотрелась ещё раз. Комнатушка без окон больше всего на свете походила на кладовую. В углу стояли старые доспехи, изредка позвякивающие, с огромным шкафу таились какие-то снадобья, но они мало интересовали Монику. Был тут и шкафчик с книгами, но и его девушка проигнорировала, осознавая, что не так выглядит искомое. Нет, надо быть внимательнее.

Скорее всего, артефакт в тайнике. Есть два варианта — либо он стоит в какой-то огромной зале по центру, излучает гору магии и кажется чем-то вроде народной святыни, либо припрятан в тайничке. Первое следовало отметить сразу, а значит, вещь достаточно неприметная, даже если оставить его на видном месте, то не каждый обратит своё внимание на вещицу.

Моника устало вздохнула. Ей почему-то стало не по себе от одной мысли о том, что придётся сейчас перерыть тут всё, но если артефакта тут нет, то где?

Королевская сокровищница вряд ли была подходящей целью. От одной из дверей в библиотеке здорово пахло магией, но, как сказал Тэравальд, там всего лишь книги по магии, вот маг и защитил их несколькими нитками волшебства, замкнул и сказал, чтобы библиотекарь туда и носа не совал.

Значит, только здесь, потому что места с вмешательством волшебства во дворце, не считая тюрем, было только три. Сокровищница, библиотека и глупый чулан.

Моника ещё раз оглянулась и наконец-то заметила маленький выступ в стене. Она устало вздохнула; казалось, тайник должен быть там. Логично — если артефакт не повредился от того, что его спрятали куда-то или просто вмуровали в стену, значит, там ему самое место.

Конечно, есть ещё тюрьмы, но в них ничто такое не внесёшь. Основной радиус действия любого предмета идёт на уровне его нахождения и ниже, кверху замыкается куполом. Тюрьмы в подземельях — если даже очертить примерный круг для артефакта, указать на территорию, то он обязательно зацепит все подземелья страны, но ни за что не послужит защитой от настоящей атаки. Нет, нельзя пихать куда-то в землю то, что должно защищать границу.

Лэгаррэ удовлетворённо кивнула своим умозаключениям и сделала уверенный шаг вперёд — но тотчас же об этом пожалела.

Паутина!

Она сначала подумала, что тут просто постарался какой-то паук, но осознание того, куда она попала на самом деле, пришло уже спустя несколько секунд.

Маг протянул тут волшебную паутину, чтобы защитить от неожиданно вторгшихся чаровников что-то важное. Вот только тянулась паутина не к выступу на стене — в той стороне и вправду стояли ещё одни доспехи, скелет и что-то ненужное, почему она, дура,

подумала, что там артефакт?! Нет, основная защита припадала на противоположную стену, но поздно уже было жалеть.

Моника рванулась, но выбраться не смогла. Паутина плотно сцепила её, не давая двинуться с места.

Чёрт!

Тут работал могущественный маг — силы надо было в паутинку вложить немерено, даже если вить по нити, а ещё и внутренний потенциал достаточно серьёзен, потому что иначе Монике оно бы не сдержало.

Так вот почему бродят слухи о связи короля и этого мага неопределённой внешности. Он — не мужчина; мужчины не способны на такую паутинку, сильное, древнее волшебство, что давно уже им не по силам, равно как и некоторым ведьмам. Скорее всего, это просто скрывающаяся магичка, вероятно, с мороком, что постоянно изменяется, а король знает и... скрывает её, конечно, но с определёнными ответными услугами, как выразилась бы Тэзра.

Она дёрнулась ещё раз, уже отключая магию, но спастись не успела. Взвыла магическая сирена, сообщая о том, что в волшебные сети попался незадачливый ворюшка.

— Господин маг, там вторжение! — громко заорали с противоположного конца коридора, и Моника поняла, что ничего уже её не спасёт. Придётся выкручиваться на месте. Зря она колдовала над теми проклятыми книжками, если б не истратила половину резерва, то, может быть, смогла бы втянуть паутинку и уйти тихо, не задев ещё одно заклинание.

Громкий топот тяжёлых сапог сменился тихими, размеренными шагами непонятого происхождения. Незнакомая ведьма открыла двери, явно собираясь оценить того, кто посмел совершить вторжение, хотя бы взглядом.

Моника услышала удивлённое, сдавленное фырканье, а после часть пут слетело — она могла повернуться лицом к врагу, хотя сражаться всё ещё не решилась бы, не в подобной ситуации. Если там стая стражи — а там стая стражи, — то ей не светит победа даже в самом лучшем случае.

Главное — не выдать ничего серьёзного и не сказать, откуда она.

...Лэгаррэ наконец-то повернулась к опасности, собираясь увидеть могущественную ведьму. Он придворного мага и вправду тянуло той же магией, что и от паутинки, накладывал её именно он — мудро, осторожно, тонкая работа, не топорная стена, пусть и не огромные залежи волшебства Высших, которые и заметить-то легко, потому что огромный резерв — это ещё не плюс.

Напротив неё, улыбаясь во весь рот, стоял волшебник. Определённо мужчина. Определённо молодой, а не двадцати-ста лет. И в замке он пребывал не больше двух недель — а с маленьким резервом и нормальным его пополнением на такую паутинку могли уйти целые годы.

Могущественный придворный маг оказался серым троечником Шэйраном, волшебство которого не могло бы остановить и птичку в полёте.

Вера дала сбой.

===== Глава четырнадцатая =====

Эльм ожидал от разбойников всякой пакости, но явно не поспешного оживления. Эрла, казалось, даже не поняла, что произошло, когда он бросился к коню, даже не подумав отобрать у принцессы лук.

— Бегом! — прикрикнул на девушку мужчина. — Если мы не уйдём отсюда поскорее, то превратимся в милый такой, вкусный ужин для семерых мертвяков!

Она растерянно оглянулась, будто бы пытаясь осознать, что происходит, а после наконец-то поняла.

Проклятье!

Девушка рванулась к лошади и взлетела в седло. Эльм потянулся к волшебному снадобью — оно ещё на какое-то время заморозит совесть, и ни он, ни Эрла не осознают, что совершили страшное убийство, последствие которого мчится за ними, методично пронизывая лес.

Раз уж вышло так близко, то мертвяки совсем рядом. В Эррийских горах они чувствовали себя более чем отлично; живого мертвеца можно было встретить в любом уголке страны, конечно, но тут — особенно часто. Много путников пыталось сбежать от королевы Лиары, и так уж вышло, что незаметно пересечь границу и попасть в Эльвенту можно было только через горы.

Неприступные и непроходимые, раз уж на то пошло.

Потому многие, спасаясь от тирании Лиары и всех её помощников да помощниц, рвались сюда, но с благоволения Богини как минимум девять из десяти тут и погибало.

Остаётся надеяться, что их восемнадцать уже давно сложили копытца и ручки-ножки да отправились на тот свет.

Мысль об убийстве уже назойливо билась в голове. Он понимал, что уничтожил живых людей, у которых, пожалуй, и семьи-дети были, но сейчас эта мысль не донимала. Были и были, ему тоже наследников когда-то захочется, да и Эрле.

Но если проклятое снадобье перестанет действовать, то на него моментально нахлынет вина. Усилившаяся от того, что он так долго откладывал её и позволил всему перевариться в голове. Отвратительная, гадкая, холодная. Липким потоком она свалится ему на голову, а после как минимум неделю придётся убеждать себя в том, что-либо он с Эрлой, либо семь разбойников, да и таких гадов действительно стоит сильно наказать.

Но он уже сражался. Не убивал, конечно, разве что кто-то после умер от нанесённых ран, но всё же.

А Эрла?

Девчонка выросла во дворце в тепличных условиях, мать берегла её, как зеницу ока, пусть и старательно придумывала проблемы доченьке на голову. Эрла ведь не выдержит, сломается моментально, стоит только отступить действию магического зелья, да и только.

Им в это время желательно быть в чём-то доме, выпить парочку горячительных напитков, а тогда неделю сидеть и думать о том, как они виноваты. Но не в условиях погони, когда зелья хватит на пару часов.

...Она уже устроилась в седле, и Эльм прищпорил коня. Выпить снадобье времени не было, оставалось полагаться только на собственную удачливость и счастливую звезду. А что первое, что второе, кажется, успешно отвернулись от Марсана ещё где-то в мгновение его рождения.

Лошади помчались вперёд. Их прыти хватило на несколько минут — впереди появился горный хребет и, соответственно, выбор. Можно бросить лошадей и мчаться на своих двух, но тогда они оставят и поклажу, и шансы на выживание, ведь мертвяки бывают быстрее самых прытких коней, не то что обыкновенных людей. Ещё и семеро.

А можно попытаться прорваться, и тогда один шанс из двадцати, что они выживут.

— Не останавливайся! — переходя на галоп, закричал Эльм. — Там тропа, узкая, между двумя горами!

Он тут никогда прежде не был и понятия не имел, насколько узка эта тропинка, но теперь имел прелестную возможность познакомиться с ней лично. И, надо сказать, особого счастья это Эльму не придавало.

Эрла вскрикнула. Глаза её расширились от ужаса, когда она увидела тонкую щель между скалами — протиснуться там на конях...

— Пригнись!

Но не помогло. Девушка остановила лошадь и едва ли не сползла на землю, от испуга прижимаясь к тёплому боку своего коня.

— Вот, пей, — он оторвал от седла проклятую бутылку. Конечно, ещё на четыре-пять часов действия бы хватило, но зачем экспериментировать, если можно обезопасить себя хотя бы от совести?

Она не успела.

...Стрела вырвалась откуда-то из леса, и бутылка разорвалась на мелкие кусочки, поранив руки — но, благо, несильно.

— Проклятье!

Эльм уже их видел, всех семерых, и был уверен в том, что мертвяки ожили едва ли не раньше, чем умерли. По крайней мере, именно такой вывод можно было сделать с того, как они нагло наступали прямо сейчас.

Будь среди них пристойный маг, то можно было бы попытаться их выжечь. Но мага не оказалось, присутствовала только напуганная Эрла, и Марсан едва ли не силком впихнул её в седло.

Конь понёсся уже сам. Эльм оказался в процессии вторым — казалось, щель на мгновение расширилась, и они прорвались наружу, но мертвяки имели все шансы повторить этот наглый манёвр.

Казалось, у них куда меньше габариты, чем у двух лошадей, что протиснулись-таки через магический проход. Ходячие мертвецы посунули следом всем скопом, застряли, словно огурцы в узкой банке, но постепенно пришли к выводу, что можно и пролезть, встали шеренгой и двинулись вперёд.

Они мчались по тропинке вперёд и вперёд. Хмурыми великанами нависали над головами Эррийские горы, высокие и страшные, коварные в своей красоте. Один раз тропа прошла над озерцем, после рассыпалась на три развилки, и Эльм без секунды сомнений погнался коня по той, что поворачивала направо.

Лошади уставали. Марсан уже и обогнал Эрлу, потому что она не могла задать нужный темп, вероятно, потому, что привыкла к неспешным прогулкам. Оборачиваться назад казалось бесполезным — и без того понятно, что преследователи никуда из-за спины не делись.

Если б мертвяки дышали, то, наверное, сейчас давно сложились бы пополам. Если б они были живыми по-настоящему, а не так, только наполовину, то, очевидно, успели бы отстать от лошадей.

Но разбойники старательно бежали. Их, правда, было шестеро, седьмой, вероятно, не дожил. Один по пути потерял руку, а вот тот, чья нога держалась на честном слове, очевидно, протянет недолго. Поскольку времени прошло мало, то они ещё были свежи, прочны и даже не воняли, а от людей отличались чрезмерной выносливостью и кошмарными ранами на телах.

Чисто визуально, разумеется.



— Граница! — закричала Эрла.

Эльм не сразу понял, о чём она говорит. Звук голоса едва-едва пробился сквозь шум поднимающегося за спиной ветра, и Марсан отлично осознавал, что остановиться перед молочной, сгустившейся пеленой не получится. Границы обычно прозрачны всюду, кроме контрольно-пропускных пунктов, разве что потрескивают периодами, чтобы не пропустить лишнего перебежчика. Королева Лиара, вероятно, устанавливала их очень старательно вместе со своей стаей ведьм — чтобы хоть как-то скомпенсировать постоянное увеличение Эльвенты и остановить продвижение войск короля Дарнаэла. Теперь это не имело значения — они врежутся в проклятую преграду и превратятся в два милых поджаренных окорочка. Открыть без привратника её могут только король и королева вместе...

Вместе!

Эрла, казалось, тоже вовремя осознала это, потому что её лошадь вырвалась вперёд, когда они почти врезались в границу. Девушка вытянула руку, скользя по молочному боку заслонки, и кордон распахнул свои стены, пропуская наследную принцессу в соседнее государство.

Эльм рванулся следом — от долгого касания граница раскрылась слишком широко, а Эрла едва не выпала из своего седла — потому что резко повернула коня.

По ту сторону был не лес, а симпатичный дворик и милый такой домишко. Эльм натянул поводья изо всех сил, обернулся и осознал, что зря они сбили темп — потому что мертвяки, по крайней мере, пятеро из них, прорвались сквозь границу. Шестого разрезало пополам, но он всё ещё силился подняться, благо, не мог. Крови не было — только бордовые, отвратительные сгустки оставшегося в жилах покойника.

Марсан бросил взгляд на эрроканскую принцессу. Нога её запуталась в стремях, каштановые волосы разметались по плечах, и страх отчётливо виднелся во взгляде карих глаз.

Мертвяки подступали. Они уже умили темп, понимая, что одна жертва точно никуда не денется. Если коня понесёт, то Эрле конец — её просто протащит по камням, да и только. Останется кусок совершенно непривлекательного мяса.

Мужчина буквально вылетел из седла, бросаясь к своей спутнице. Твёрдой рукой перехватив поводья, чтобы остановить коня, он склонился над узлом, быстро перерезая его. Эрла, можно сказать, выпала из седла, но приземление на траву оказалось почти мягким — по крайней мере, максимальным вредом от него была разве что парочка синяков.

Девушка подняла голову на мертвяков. Те приближались, причём весьма активно, один протянул руку, а принцесса почему-то застыла, словно вкопанная. Казалось, ничто не могло сдвинуть Эрлу с места, и Эльм моментально понял причины.

Зелье перестало действовать.

— Это я виновата в том, что они тут, — прошептала ошалело девушка, испугано пятясь. Она уткнулась спиной в его грудь и вновь застыла, подобно истукану, а Эльм опасно оглянулся, надеясь отыскать место, куда они могли бы сбежать.

Оружие, как назло, осталось на лошадях. Кони интересовали мертвяков куда меньше, чем человечинка, ещё и та человечинка, что приложила свою вкусную, сочную ручку к их убиению.

Лука не было, меча — тоже, и Марсан с отчаяньем осознал, что единственный их вариант — сражаться врукопашную. Можно ещё постучаться в тот милый пустой домик, но двери мертвецам не помеха.

Из-за густой кроны и подступившего вечера они могли не бояться солнечного света. В расщелинах гор и вовсе нельзя было встретить ни единого лучика, а тут — попробуй продержись до утра, да ещё и отыщи действительно светлое, солнечное место. Ведь они не дня боятся, а только наглых лучей.

Мужчина затолкал Эрлу, дрожащую, как осиновый лист, себе за спину, подхватил по пути какой-то камень и швырнул им в первого подвернувшегося под руку мертвяка. Тот не выказал никакого возмущения, только утробно взвыл и протянул посиневшие, но ещё весьма целые руки.

Пустые глазницы смотрели на них, словно в какой-то кошмарной книге. Мертвяки решили поступить по-умному и наступали на жертву сплошной шеренгой. Да, их было пятеро, но и этого хватало для того, чтобы уложить воина и принцессу. Сюда бы боевого мага — он бы их мигом...

И, словно в подтверждение того, что желания иногда, раз в год, всё же сбываются, за спиной у мертвяков послышался подозрительный шорох.

Мертвяки, естественно, не обернулись. Они только продолжили своё наступление на двух несчастных путников, под громкие всхлипывания Эрлы.

Впрочем, дорога была крайне недолгой.

...Магия в разуме Эльма ассоциировалась с чем-то огненным, взрывающимся и исключительно демонстративном. И, естественно, неизмеримо зажавшимся, самоуверенным и не желающим помогать не то что бесплатно, а даже за умеренную цену. Парень даже и не думал, что однажды волшебник может совершить что-то просто так, даже не подозревая, оплатят ли спасённые ему хотя бы медяком.

Но, к счастью, этот оказался бескорыстным.

Мертвяки наконец-то дружно оглянулись. Перед ними во всей красе стоял высокий и худой, словно палка, маг. В руках он сжимал посох и презрительно щурил свои жёлтые, будто кошачьи, глаза.

Худые пальцы перехватили магическое оружие, а после незнакомец ударил им о землю. От обыкновенной палки в разные стороны растеклись веточки зелени. Мертвяки не бросились в рассыпную, будто бы тоже заморозились и превратились в статуи, а потом повернулись спиной к нападавшему на них магу и упрямым, быстрым шагом направились в сторону Эльма и Эрлы.

Но не судьба.

Зелень оплела сначала их ступни, потом ноги, руки, а после окутала с головы до пят. Казалось, на прелестных веточках лозы вот-вот расцветут цветочки, множество зелёных листьев сверкало при проявившемся солнечном свете. Мужчина возвёл посох к небесам, и кроны деревьев будто бы специально раздвинулись, пропуская солнце. Листва на мертвяках тоже посунулась достаточно, чтобы те в своих оковах попали под прямые лучи и теперь мило так сгорали и переправлялись.

Эрла вновь выразительно шмыгнула носом. Эльм старался не думать о том, что именно он — вина смерти большинства этих разбойников, ведь в довесок надо было ещё как-то успокоить принцессу.

— Кто вы такие? — маг повернулся к ним. Выглядел он и вправду устрашающе. По кожаному пальто и перчаткам вились побеги зелени, длинные, тоже с зеленоватым оттенком волосы спадали на плечи, а жёлтые глаза до того прищурились, словно он собирался испепелить новоявленных гостей. Мужчина провёл ладонью по своей узкой козлиной

бородке, потянул за эту прядь волос, словно пытался её оторвать, потом взвесил в руках посох, словно пытаясь предположить, что можно сделать с новоявленными гостями. — Никто не смеет беспокоить Мэллора-Лесничего!

— Мы... Путешественники, — коря себя за проклятый акцент — эрроканцы и эльвентцы говорили на одном языке, но на разных наречиях, — отозвался Марсан. — Спасались бегством от...

— Молчать! — Мэллор-Лесничий вновь ударил своим посохом о землю, а после двинулся к ним медленным, тяжёлым шагом. Эрла даже не выдала свой испуг, со стороны могло показаться, будто бы ей всё равно — вероятно, девушка терзалась, что уничтожила столько живых людей.

Мужчина смерил девушку пристальным взглядом, дёрнул за руку, отрывая от её спутника, и что-то забормотал.

Эльм вопреки собственной воле уставился на высокие зелёные статуи, в которых не осталось уже ни кусочка мертвецов. Он — убийца, и это слово отпечаталось на сердце десятком повторений.

— На ваших руках, — прошипел Мэллор, — кровь. Кровь людей, неважно, добры они или злы, — он сжал ладони в кулаки, отбросив посох в сторону, и того одной сплошной волной поглотили листья, взвившиеся вокруг маленькой тучкой.

— Мы... — говорить было трудно. Вина захлестнула с головой, и сейчас Эльму хотелось всего лишь забыться.

— А смерть людей, — с маниакальной улыбкой продолжил Мэллор, — это очень хорошо. Люди убивают деревья. Они их рубят, сжигают, уничтожают! Мои деревья превращают в пепел! — он любовно посмотрел на ближайший дуб. — Ты! — он ткнул пальцем Эльма в грудь. — Ты лесник? Дроворуб?!

На девушку он даже не смотрел, очевидно, успев уже подписать ей приговор, или, напротив, помиловать за то, что столь хрупкое существо не могло навредить ничему живому.

Эльм хотел было сказать, что он дворянин, но запоздало провёл параллель между огромным замком в центре Ламады и тем количеством топлива, что было там нужно.

— Нет, — покачал головой он. — Я мечник. Воюю. С людьми.

— С людьми — это хорошо, — Лесничий довольно закивал, словно подтверждая, что готов их помиловать. — Заходите!

Эльм сделал шаг вперёд, приобняв Эрлу за талию, и потащил её за собой, словно пытаясь удержать от очередной глупости. Так или иначе, она повиновалась и не стала возражать, хотя отчаянное желание спастись бегством просто-таки резало взгляд.

Мэллор открыл дверь в свой дом, пропуская туда гостей. Комната изнутри оказалась такой же деревянной и зелёной, вот только что-то тут было не так. Эльм приглядывался несколько минут, пока не осознал, что стены в помещении живые. Деревья выросли сплошным рядом, а крона так старательно переплеталась над головами, что служила лучше любой, даже самой прочной крыши. Вероятно, снаружи на домишке была иллюзия, чтобы путники не смели тронуть Лесничего со своими очередными человеческими проблемами и заботами.

— А как звали твоего отца, деточка? — хитро уточнил мужчина, отбрасывая прядь длинных волос с глаз.

Эльм помрачнел. Он уже удовлетворил его рассказом о собственной профессии, но что делать Эрле? Соврать? Вот только маги вряд ли...

— Дарнаэл.

Девушка, казалось, даже не старалась скрыть имя папы — короля этого государства. Впрочем, Эльм ничему уже не удивлялся, он был уверен, что единственное, чего хочет сейчас Эрла — чтобы её оставили в покое. Никогда прежде смерть не представляла перед нею во всей красе, а нынче буквально ярким букетом расцвела, что хочешь, то и делай.

— О, Дарнаэл, — прищёлкнул языком Мэллор. — Как мило, тёзка короля?

— Король, — нехотя ответила Эрла, а после отвернулась, глядя на деревья. Пустота в её голосе даже немного пугала, словно из девушки выкачали всю жизнь до последней капельки, а после выбросили на помойку.

— О, король! — захлопал в ладоши Лесничий. — Как мило, как мило. Ну что ж... — он покачал головой. — Король — друг деревьев. Он убивает много людишек и выращивает очень, очень много зелени. Это хорошо, что ты дочка короля... У вас такие голодные лошади! Их надо помыть и накормить.

Эрла никак не отреагировала. Эльму хотелось кивнуть, но он тоже не мог. Почему-то от одной мысли о том, что нынче придётся заниматься благоустройством кого-либо ему становилось дурно. Так или иначе, плохое самочувствие подошло комком к горлу; их могли убить, а убили они сами.

Не надо было пользоваться тем снадобьем. Промучились бы в дороге, а после мертвяки запросто выбили бы из них всю совесть. А так — теперь попробуй оправдай камень, повисший на душе...

— Я пойду, покормлю лошадок, — не дождавшись ответа, вновь промолвил Мэллор. — А вы... Может быть, чего-то желаете? Али голодные? — он прищурился. — Дети короля не должны быть голодными.

Эрла никак не отреагировала, пока мужчина рылся где-то на возвращённых из веток полках.

— Король молодец. Он выстроил свой замок из камня и стали, — улыбнулся он. — Он не тратит дерево попусту... А эти проклятые селяне только и рубят мой прекрасный лес! — он скрестил руки на груди на мгновение, а после вновь вернулся к перебиранию чего-то там на полках. — Вот! Мой прекрасный нектар, моя еда! Угощайтесь!

Он поставил на стол хлеб, мясо, а после пузатую бутылку со странной жидкостью.

— Вот это на сосне, — ткнул Мэллор в ёмкость пальцем. — А вот это, — он поставил вторую, — на дубе. Ох как они друг друга не любят... отдельно можно пить, как обыкновенный сок, хотя берёза всё равно полегче, — он осклабился. — А вместе... Так что, выбирайте, какую бутылку оставлять.

Он широко улыбнулся, но взгляд жёлтых глаз остался прежним, злым, холодным, полным ненависти.

Эрла сложила руки на столе и, уткнувшись лбом в локоть, разрыдалась. Казалось, она отчаянно пыталась сдержать слёзы, но те текли непрерывным потоком, даже не требуя с её стороны никаких стараний.

— Оставляйте две, — Эльм зажмурился. Перед глазами он видел мёртвых разбойников.

Просто молчать казалось глупым. Он лишь ждал, пока Мэллор уйдёт, а после подтянул к себе два стакана, что тот поставил на стол, и принялся переливать настойки — сначала наполнил до половины сосновой, потом дубовой, ещё и разболтал.

Эрла устало оторвала голову от локтя и посмотрела на него, словно на сумасшедшего. А после, безо всякого приказа, тонкими пальцами сжала наполненный уже стакан, тот, где всё

уже было смешано, и принялась пить.

Эльм обречённо вздохнул и наполнил второй, поднося его к губам. Вкус был ужасным, но жидкость, судя по всему, убойная, так что должно на время пригасить проклятую совесть. А может, за пьяным дурманом всё и пройдёт постепенно — Марсану хотелось в это верить.

— Эй, — он протянул руку, почти нежно касаясь девичьей щеки. — Выше нос. Мы всё правильно сделали.

Она покачала головой, пошатнулась... и упала. Вытянулась на полу с пустым взглядом, направленным на потолок, и даже не шевельнулась, когда он опустился рядом с нею на колени, пытаясь пробудить.

В голове потемнело. Да, он почувствовал сначала опьянение, но не такое сильное, чтобы свалиться с ног.

Деревья рванули корнями пола вверх, возвращая подобие постели. Эльм уже ничего не соображал. Он рухнул рядом с Эрлой и закрыл глаза, устало принимая сон, что свалился на него волной облегчения. Казалось, это было единственным здоровым выходом из положения — просто уснуть, забыться, не думать о том, что случилось или могло случиться.

Мир расцвёл ярким приступом зелёно-жёлтых цветов.

\*\*\*

Эльм открыл глаза и скривился от сильной головной боли. Та нахлынула внезапно, непонятно откуда, но воспоминания в голове крутились с отчаянной быстротой. Совесть проснулась было, но стоило осмотреться, как моментально удалилась на задний план.

Воистину, нет лучшего средства против душевных мук, чем новые проблемы и враги!

В маленьком домике из дерева не было теперь ни окна, ни двери. Ветки плотно сплелись над головой, чтобы их нельзя было разжать, стены стали толще в несколько раз, что можно было увидеть через тонкие щели для дыхания. Они сами лежали на постели из деревьев и каких-то мягких, приятных листиков, но стоило Эльму шевельнуться, как ветвь лозы оплела его запястье, утягивая обратно на импровизированную кровать.

Всё тело было окутано зелёными полозьями, и Эльм по привычке едва ли не помянул незлым тихим Эрлу и её ведьмовскую породу, да только девушка лежала рядом в аналогичном положении.

Она тоже очнулась, тоже мучилась от головной боли и тоже позабыла о мертвяках и обо всём на свете, как только увидела их импровизированную тюрьму.

Бледность, конечно, была Эрле к лицу, но явно не настолько. Она же будто бы посерела от ужаса, а когда попыталась дёрнуться посильнее или применить магию, наглая лоза обхватила ещё и её шею, угрожая задушить.

Изобилие сочетания зелёного и коричневого вызывало отчаянное беспокойство. Хотелось сбежать, но встать они не могли.

...Деревья двинулись в разные стороны, пропуская в помещение Мэллора-Лесничего. Он смотрел на молодых людей с весёлой усмешкой, будто бы показывая, что те окончательно попались на его крючок.

— Как это мило! — в очередной раз использовал он уже давно надоевшую фразу. — Вы такая прелестная пара.

Эльм хотел было рвануться вперёд, но лоза так крепко сжала руки, что стало понятно — добра из этого не выйдет.

Эрла сдавленно зашипела — одна из ветвей заползла куда-то под рубашку и выбралась только через вырез, оставляя след на нежной коже и прижимая её ещё крепче к деревянной

постели.

— Милые, я предлагаю вам сотрудничество, — протянул Мэллор. — Вы сейчас зачнёте мне одного ребёночка, и я вас отпущу. А когда он родится, то я сам приду за ним и займусь его воспитанием.

— Какого ребёночка?! — Эрла попыталась вскочить, но лоза оставалась предельно настойчивой и держала её весьма и весьма крепко. Казалось, прутья её были стальными, а кожу кололи невероятно, до боли, выворачивали насквозь — почти.

И почему всем нужны от неё дети? Непорочное зачатие для мамочки, ребёночек для сумасшедшего мага!..

— Мне нужен наследник, — передёрнул плечами Лесничий. — А вы можете оказать мне подобную милость и произвести это милое дитя на свет... Я даже не буду держать вас весь срок. Зачните ребёнка, и вы свободны.

Эрла дико взвилась, словно та кошка, собирающаяся за любимых котят изодрать назойливого гостя в клочья.

Впрочем, это помогло очень слабо, потому что маг даже бровью не повёл и на её крики отреагировал очень равнодушно.

— В общем-то, — ослабился он, — где еда — вы знаете, вода там же... Приятного времяпровождения. Ванная вот там, во втором отделе, — он кивнул в то место, где деревья отгородились маленькой дверцей, выводящей, увы, не на улицу. — Удачи. Будете глупить — мои деревья заберут у вас немного пространства.

Он выскользнул сквозь щель, и та с прежней прытью затянулась, не оставив даже просвета.

В тот же момент лоза постепенно, очень медленно, принялась втягиваться обратно, будто бы пытаясь показать, что даже в тюремной камере им полагается капелька свободы.

— Только коснись меня! — угрожающе прошипела Эрла.

Лоза презрительно свернулась вокруг её шеи ещё раз, но свободные руки позволили оттолкнуть наглуую ветвь.

— Боюсь, — устало вздохнул Эльм, — если у нас не получится отсюда выбраться, придётся этому проклятому подыграть.

Надо сказать, девушку это совершенно не порадовало.

===== Глава пятнадцатая =====

— Ну здравствуй, милочка, — Шэйран сделал шаг вперёд, ничуть не стесняясь магической паутины. — Как странно увидеть здесь самую верную служительницу... — он наклонился и заговорил тихо, чтобы слышала только Моника, — моей драгоценной королевы Лиары.

Почему-то Лэгаррэ показалось, что он собрался назвать Её Величество каким-то другим словом, вот только в последний момент отказался от глупой идеи и выбрал нейтральное словосочетание.

— Кто сделал эту паутину? — спросила Моника, беспечно дёрнув за магический узел. Нити натянулись до предела, но не разорвались.

Шэйран уверенными движениями развязывал волшебные узлы, словно прекрасно знал, что надо делать. Но Моника не желала верить. Рэй никогда не отличался особыми способностями в плане колдовства, и она не сомневалась в том, что и сейчас на многое его дара ни за что не хватило бы.

— Я, — фыркнул он. — Ну, не буду спрашивать о том, кто тебя послал, это ведь и ежу

понятно... — он покачал головой в абсолютном неодобрении, показывая всем своим видом, что Лэгаррэ поступила просто-таки отвратительно. — Но это больше не имеет никакого значения. Скажи мне, милочка, что ты тут искала?

— Ты не мог это наколдовать, — упрямо мотнула головой девушка. — Для этого нужен резерв Высшего... или очень много времени. А ты тут лишь полторы недели.

— Значит, какие выводы ты из этого сделаешь? — рассмеялся Шэйран, а после оглянулся через плечо на стражу. — Вы свободны, можете идти. Так что, шпионка, — последнее было обращено уже к Монике, — скажешь, что ты тут искала? А не ты ли замешана в последних покушениях на короля?

— Нет! — Лэгаррэ мотнула головой. — Я только...

Он хмыкнул. Может быть, парень и поверил, но всё же не до конца — Моника прекрасно это чувствовала.

Он наконец-то вытянул её из сплошной паутины и потянул на себя, сжал запястье, окутанное ещё несколькими полосками магических оков, а потом как-то странно, слишком открыто улыбнулся.

— Ты только пыталась раскопать тайные сведения по приказу королевы Лиары, верно? — уточнил он. — Верно, милочка, верно. Отведу к королю, а он пусть разбирается.

— Но...

Моника не договорила. И так было понятно, что сделает король — либо швырнёт в темницу, либо прикажет незамедлительно казнить, а после ещё и воспользуется фактом её присутствия в замке, чтобы напасть на Эрроку, причём на законных основаниях.

— Предлагаешь тебя отпустить? — издевательски фыркнул Шэйран. — Но зачем мне это делать? Мне прекрасно и при короле.

Стража ещё стояла в коридоре, но от мага держалась на почтительном расстоянии, опасаясь попасть под руку девушки, которую вывели из запертого на серьёзное волшебство чуланчика.

— Ну, да, конечно! — вполголоса фыркнула она. — Никогда не была о тебе высокого мнения, но что ты позволишь себе спать с мужчиной...

Шэйран остановился, как вкопанный, и Моника едва ли не упала, с такой силой он дёрнул её на себя.

— Это грязные, ложные слухи! — прошипел он. — И они не имеют никакого отношения к моим делам с па... Его Величеством.

— Па? — Моника скривилась. — Это кто же? Заботливое прозвище? Или, может быть...

Шэйран подтолкнул её в спину, стараясь не замедлять шаг.

— Иди, преступница.

— И куда же идти?

— К королю, — равнодушие в голосе Рэя смешалось с чем-то ещё, крайне похожим на раздражение или презрение. Монике внезапно показалось, что она просто в одно мгновение его разочаровала, да и только. Впрочем, какое ей дело до того, что подумает Шэйран, кем бы он тут ни был, если самое главное — не выдать родную страну? Она обязательно что-то придумает там, перед Дарнаэлом — может быть, соврёт, что действовала по собственной воле, если станет уж совсем худо.

Погибнуть было не так страшно, как предать королеву Лиару, решившую довериться Монике в такой важный для Эрроки и всего народа момент. Она не имеет никакого права

подвести — даже если будут грозить пытками или...

Шэйран не дал додумать до конца. Он втолкнул её в тронный зал, такой же большой, как и в Кррэа, только с огромным столом. Теперь, правда, стол сдвинули ближе к стене, а у окна растянулось огромное пушистое нечто. Между ним и мебелью оказалось метров десять как минимум, и на ковёр неизвестный предмет тоже походил мало. Король же, восседавший на троне в конце зала, то и дело бросал недовольные, пусть и не пугливые взгляды на это подобие покрывала, или чем там оно являлось, а вот своего советника абсолютно игнорировал.

Первый Советник, которого и должен был по распределению защищать Шэйран, оказался невысоким, седым мужчиной с залысинами на голове. Он был обрюзглым, неприятным и каким-то скользким — хотя на вид совершенно безобидным. Впрочем, то, что он представитель мужского пола — уже приговор всем умственным способностям, не говоря о чём-либо другом.

Моника внезапно вспомнила, что именно она должна была защищать его днём и ночью. Если б Шэйран не влез в распределение — и как только ему удалось это сделать? — то была бы она сейчас придворным магом тут, в Лэвье, бегала бы за противным Первым Советником, не имея права отказать ему в любом из требований.

— Ваше Величество, — почтенно склонил голову Шэйран, будто бы демонстрируя крайнее уважение.

Король передал бумаги советнику.

— Здравствуйте, господин маг, — кивнул он. — Вирр, можешь идти. Подготовь все нужные бумаги, а до завтра надо бы устроить слушанье относительно новых законопроектов. Там ещё мелкие доносы, вечером займёмся ими.

— Да, Ваше Величество, — послушно закивал Кэрнисс. — Желаете чего-нибудь?

— Тишины и спокойствия, — вздохнул Дарнаэл, — но она мне не светит. На выходных во дворце дни открытых дверей, мы принимаем просителей, их накопилось слишком много — обратитесь к капитану Фэзу, чтобы он выделил стражу. Скажите, чтобы были не особо рьяные, спокойные ребята, способные справиться с задачей, пусть он выбирает сам, но утвердит со мной кандидатуры. Может быть, я внесу кое-какие изменения. И... Да, подготовьте достаточную сумму, оставьте её в подсобных помещениях тронного зала, чтобы, если проблема станет за деньгами для больных или в чём-то подобном, мы могли воспользоваться этим запасом, а не посылать каждый раз в казну. Это понятно? Никаких отборов не проводить, чтобы потом я не возился с одним дворянством. С животными не пускать, максимум — коты-собаки, никаких кур и коров, как в прошлый раз! Лошади... Тоже не надо. Свободен.

Вирр отчаянно закивал, соглашаясь с королём, и направился к двери.

— Да, господин маг, — король посмотрел на Шэйрана отчасти устало, а Монике удостоил разве что беглого взгляда. — Вы что-нибудь хотели? Что это за милая особа?

Моника отчаянно постаралась избавиться от ощущения ревностных ноток в голосе. Во-первых, ей должно быть абсолютно всё равно, какие отношения между магом и королём, а во-вторых...

Додумать она не успела, равно как Шэйран даже не раскрыл рот, чтобы дать ответ Его Величеству.

Вирр отворил дверь и с визгом отскочил обратно.

Молоденькая стражница, которую Моника заметила при входе, рухнула на землю — она



была то ли ранена, то ли без сознания. Глупо доверять безопасности короля такой хрупкой особе, если это не ведьма, но даже могучий стражник не устоял бы против ворвавшейся толпы.

Как они умудрились проникнуть во дворец, было огромным вопросом. Нападающих оказалось десятка полтора, и они просто подмяли под себя Первого Советника и в пылу битвы отшвырнули его в сторону.

На лице Шэйрана отразилось что-то сродни удивлённому страху. Он вскинул руку, и от тонких пальцев оторвался пламенный шар, так и зависший над ладонью в нескольких сантиметрах.

Король вскочил с трона, коротким движением руки расстёгивая булавку, державшую мантию на его плечах. Противный тяжёлый кусок бордовой ткани остался на троне, корона, использованная в качестве оружия, полетела на первого нападавшего, что с удивительной, магического происхождения быстротой бросился к королю.

Дарнаэл выхватил из ножен привычную шпагу — удобное, но не самое эффективное оружие при прямом ударе мечей. А если сталь не выдержит?..

Шэйран наконец-то очнулся от странного оцепенения. Он оттолкнул Монику в сторону, то ли как преграду, то ли для того, чтобы девушка не пострадала, и выпустил огненный шар в спину нападавшего на короля мужчины.

Тот рухнул на колени; пламя разорвалось уже где-то в грудной клетке, украсив каплями крови мраморный пол.

— Стража! — противно, тоненьким голоском завопил Вирр, старательно отползая к двери. На него никто не обращал внимания — что может значить Советник, когда тут пятнадцать мечников против короля и жалкого мага?

Дарнаэл, впрочем, не собирался ждать того прелестного момента, когда его прирежут. Терять сознание в надежде, что его пропустят и не тронут, он тоже не стал.

Король запрыгнул на стол, справедливо рассудив, что только прыгать легче, чем прыгать и пригибаться, вот только нападавшие решили последовать его примеру. В лёгких кольчугах, защищённые хотя бы немного от прямых ударов, они имели преимущество перед Его Величеством не только в количестве, а и в броне — рубашка и брюки слабо защищают от ударов.

Мечник уже занёс своё страшное оружие для удара, понимая, что его кольчугу, вероятно, усиленную ещё и металлическими пластинами, только почему-то внутри — ещё бы доспехи натянул, проклятый, а не нарядился в три слоя! — не пробьёт королевская шпага.

Его нападение сопровождал противный треск.

Меч не успел рухнуть на стол — король перехватил его прежде, чем убиенный успел свалиться вниз, и отбросил в сторону непригодную для этого боя шпагу. Из простреленного глаза текла кровь, и нападавший был определённо мёртв.

— Изолировать мага! — закричали откуда-то из середины отряда.

Полыхнуло. Кто-то в лёгкой одежде, оказавшийся в самой гуще стражников, послал в Рэя потоком магии, и заклинание, очевидно, достигло своей цели. Пламя на пальцах колдуна погасло, и Шэйран, считай, был беззащитен перед толпой нападающих — даже больше, чем король.

Моника это заклинание знала — оно выпивало резерв врага, и попробуй потом восстановись, когда ты в бою.

На мага ринулись практически все. С королём довольно лениво сражалось несколько

мужчин; изолировать волшебника было куда важнее, справиться с вооружённым мужчиной можно, а вот с магом — может оказаться довольно проблематично.

Дарнаэл успешно проигнорировал опасность быть прирезанным. Ещё раз раздались выстрелы, и двое из стражников рухнули — одному он попал в шею, второму, стоявшему боком, в висок.

Лэгаррэ почувствовала, что шок, парализовавший её, отступает. Но ведь... Она должна радоваться нападению, да? Если король погибнет, Эррока захватит Эльвенту за несколько месяцев.

Шэйран не стал подхватывать оружие. Он словно забыл о том, что резерва его лишили минуты две назад, и сосредоточенно бормотал какое-то заклинание, требующее, как поняла Моника, довольно много сил.

Король рубанул ещё одного нападавшего, а после, перехватив взгляд волшебника, спрыгнул со стола, отступая к тому пушистому ковру.

Волшебник обернулся на Дарнаэла. Его манёвр, очевидно, вызвал у мужчины удивление — но маг не собирался сдаваться. Он старательно зашептал очередную формулу атаки, но тонкий, сотканный из воздуха клинок врезался ему под рёбра, так, впрочем, и не пробив дыру.

Зато — уничтожив щит, который, как поняла Моника, выстроил маг.

Он не стал моментально атаковать, а вновь вернулся к восстановлению своей защиты, переживая за собственную жизнь больше, чем за судьбу короля и его придворного волшебника.

Шэйран тоже подхватил меч. В руках он его держал крайне неуверенно, но пару ударов отбил. Он оглянулся на короля — да, мастерство Дарнаэла было велико, но и он начинал уставать.

Нападающих было всё так же девятеро.

Шэйран ступил на пушистую поверхность, едва ли не свалился на неё, но вовремя перекатился по ней к мраморному полу. Король замер где-то на самой середине подбитого лисой квадрата, будто бы привлекая внимание, и все, кроме мага, ринулись к нему.

Дарнаэл стоял на месте, словно издеваясь над нападающими. Он устал, тяжело дышал, но словно прикипел к центру того, в чём Моника наконец-то узнала мантию.

Рэй вырвался за пределы пушистой поверхности, а после, вытащив откуда-то з-за пояса кинжал, рубанул себя по раскрытой ладони.

Король, казалось, прорубил себе путь на свободу — прежде, чем незнакомцы успели рвануться за ним, он буквально рухнул на мраморную поверхность и прокатился по ней, игнорируя короткие искры волшебника.

В руках мага уже созрел пламенный шар. Короля он должен был убить незамедлительно — Дарнаэл же пока что не мог и подняться, сильно ударившись головой о пол.

...Стоило каплям крови Шэйрана долететь до мантии, как она вспыхнула потоком пламени.

Под крики умирающих чужой волшебник методично бормотал направленное заклинание, уже почти сорвавшееся с его пальцев. Щит вокруг него сиял странной синевой, показывая, что даже если Рэй выльет в него всю мощь своего резерва, то от этого лишь пробьёт защиту.

Но ведь смерть Дарнаэла выгодна Лиаре!

...Моника повторила эту мысль про себя уже раз двадцать, но сдержаться всё равно не смогла. Губы зашептали короткую, знакомую формулу, и клинок, сотканный из пустоты, рванулся к мечу — то же заклинание, что использовал Рэй, дабы пробить защиту.

Магия Шэйрана рванулась первой. Он воспользовался силовой волной, безо всяких ухищрений, и это было последнее, что смог отразить щит. Казалось, маг не успел даже понять, что произошло — осколки отбили остатки силы, возвращая её в Рэя, и того оттолкнуло к стене.

Воздушный клинок пронзил мага насквозь, выпивая из него всё волшебство, а после растворился в воздухе. Рана постепенно затягивалась, но на неё уходили последние капли миль.

Маг был не просто могущественен — очевидно, это один из Высших, и без подмоги два магистра первой степени и король с мечом с ним не справятся...

Наверное.

Маг уже почти сконцентрировал силу. Дарнаэл поднялся, игнорируя растущий шар в руках соперника, и, пошатываясь, вскинул руку. Разумнее было бы рубануть мечом — Моника отчаянно пыталась отыскать в себе хотя бы каплю магии, но помочь уже ничем не могла, а Шэйран, кажется, потерял от удара сознание — иначе чего б ему валяться на полу?

— Вы покойник, Ваше Величество, — как отчаянный любитель картинных преступлений, пробормотал незнакомый Высший.

Вместо того, чтобы отступить, попытаться спастись, что явно не помогло бы в этой ситуации, Дарнаэл разжал кулак, и на мраморный пол полетели какие-то семена.

...Они проросли моментально. Зелёные ветви опутали Высшего с головы до ног, сплели его запястья вместе, заставляя ладонями погасить волшебство, и будто бы приковали к мраморному полу.

На месте мантии осталась только тонкая тряпица, с которой до сих пор шёл дым, и обугленные кости. Незнакомый маг захрипел — лоза сжала ему горло, — и от недостатка кислорода потерял сознание. Зелень держала его крепко, не позволив свалиться, но силы, отданные на сопротивление, наконец-то иссякли.

...Дарнаэл не ждал стражу, не бросался наутёк, не спасал корону, скипетр или что-то в этом роде. Вместо того, чтобы бежать в сторону своих защитников, он рванулся к Шэйрану, проигнорировав осевшую на каменный пол магичку, у которой вся магия ушла на всего лишь одно глупое заклинание.

— Живой? — в голосе короля чувствовалось отчаянное беспокойство. Тьеррон протянул уже пришедшему в себя магу руку, явно предлагая помощь. — Врача? Может быть, в больничное крыло?

— Ни царапины, — приняв предложенную помощь, ровным голосом отозвался Шэйран. Выглядел он бледным, но не более того. — Там твоя стражница...

На пороге уже застыл Вирр, явно собирающий дополнительный материал для своей гадкой, отвратительной сплетни. Король даже не посмотрел на него, явно решив, что какой-то противный Первый Советник не имеет никакого значения, по крайней мере, в сложившейся ситуации.

Пошатываясь, он направился в сторону своего трона и буквально рухнул на него, тяжело дыша.

Внимательный взгляд Его Величества скользнул по тому, что осталось от мантии. Казалось, он отсюда видел какое-то клеймо, но оно уже не имело значения. Было видно,

король узнал нападавшего на них мага, хотя понятия не имел, что это были за люди.

Стража, ворвавшаяся в помещение, только облегчённо вздохнула. Где-то там, снаружи, они подбирали раненную или мёртвую девушку, но Моника смогла увидеть только светлую косу, свесившуюся с носилок, на которых несчастную несли в больничное крыло.

— Всё в порядке, — Дарнаэл сумел проронить это с потрясающим спокойствием. — Я цел, маг тоже.

— Ваше Величество... — в зал буквально вбежал мужчина с капитанскими пометками. — Что случилось?

Он явно услышал тревогу, когда направлялся к королю, но быстрее прибыть не смог — должен же кто-то направить стражников, чтобы осмотрели остальной дворец.

— Нападение, — Тьеррон словно и не устал. — Кальтэн, уведи эту толпу отсюда, приставь двух людей к дверям, ещё троих в коридор, — он на секунду закрыл глаза. — Приведи сюда Кэора. Только осторожно, без рукоприкладства, увижу, что с ним что-то случилось — повешу всех, — он потянулся к скипетру, словно собирался убить кого-то им прямо сейчас. — А ещё... Нет, не сюда. На шестой уровень. Этого, — он кивнул в сторону зелёной статуи, — туда же. И жену Кэора. Только попозже. Живо!

Моника побледнела. Шестой уровень — это тот, где не действует магия. Пыточные.

— Ваше Величество, — нахмурился Кальтэн. — Без вас мы туда не пройдем. Вы ведь не дадите свои ключи.

— Не дам, — кивнул Дарнаэл. — Ладно, капитан Фэз, я иду сам, — он двинулся к выходу из тронного зала уже настолько бодро, словно только что плясал с понравившейся девушкой, а не бился с таким количеством мечников.

Стража поспешно вышла. Мага в зелёных ветвях пришлось нести сразу троим — но колдовать в таком состоянии он явно не мог, исчерпав весь свой резерв. Пожалуй, всё же не Высший. Пятый уровень, да, но не Высший.

— Рэй, точно всё хорошо? — Дарнаэл остановился на выходе. — Если что-то случится, ты знаешь, — в его голосе звенело отчаянное беспокойство.

— Всё в порядке, — склонил голову в согласном кивке маг. — Я же говорю, ни царапины.

— А кто это с тобой? Зачем ты сюда её притащил?

— Помощница, — Шэйран выпрямился и уверенно посмотрел на короля. — Мне нужна помощница, а она подходит. Из моего курса, её собирались назначить сюда. Можно?

— Конечно, можно, — слабо улыбнулся Дарнаэл. — Проводи её... куда-нибудь. Я жду тебя на шестом уровне.

Дождавшись кивка со стороны Шэйрана, он наконец-то вышел в коридор.

\*\*\*

Всю дорогу в свою комнату Рэй упрямо молчал. На сей раз Монике предлагалось следовать за ним самостоятельно, и девушка могла бы сбежать, но не рискнула. Вопреки тому, что Шэйран колдовал больше, чем она сама, с его пальцев всё ещё периодически срывались магические искры, а резерв Лэгаррэ был пуст, как тарелка после стараний Резы.

Он открыл дверь и посторонился, предлагая девушке зайти первой. Моника покосилась на него, отчасти удивлённо, словно задавая вопрос — зачем вообще смотреть на неё так, зачем меры предосторожности, если можно просто заколдовать, — но зашла.

— Помощница? — наконец-то переспросила она.

— А как ещё можно оправдать присутствие ведьмы в помещении? К тому же, моя

помощница имеет полное право лазить по чуланам, заколдованным мною. Ошиблась девчонка, что уж, — Шэйран презрительно скривился, ясно показывая, что в первый и в последний раз делает ей хоть какое-то добро.

Он осмотрелся и открыл шкаф. Там, к удивлению девушки, была не одежда, а какие-то очередные артефакты и оружие.

— Почему я тут? — вновь задала вопрос девушка. — С какой целью?

— Ты жить хочешь?

— Хочу, — кивнула она, слабо понимая, какое это вообще имеет отношение к месту её нахождения.

— Ну вот, — Шэйран потянулся за ножнами, прикрепляя их к поясу. — С предателями тут разговор короткий, а я предпочитаю побеседовать с тобой подольше и потом. Не при свидетелях.

Он потянулся за ещё каким-то предметом, но пальцы замерли в нескольких сантиметрах от него — и Рэй тут же одёрнул руку, словно обжёгся.

Он запер шкаф, пробормотал одному ему понятную формулу над дверцей и повернулся к Монике.

Девушке показалось, что, будучи здоровым человеком, он должен по меньшей мере связать её магией, но парень не порывался этого делать.

В одно мгновение сложилось впечатление, что ему абсолютно наплевать на присутствие тут девушки, после Моника подумала, что Шэйран, наверное, переживает потому, что ему придётся идти на шестой уровень тюрем, по слухам, самый опасный — и последний доступный из нынче существующих.

— И что мне делать? — наконец-то спросила Лэгаррэ.

— Сидеть тут и никуда не высовываться. Подумать над своим поведением, может быть, помолиться во имя великой Лиары?

Он сжал руки в кулаки, словно пытаясь подавить отчаянную ненависть, что так и вырывалась на свободу, но в результате ни слова так и не проронил. Почему-то Монике показалось, что он словно заставляет себя ненавидеть королеву, но до конца не может этого сделать.

Знать бы причины.

Шэйран никогда не был законопослушным гражданином, терпеть не мог законы Эрроки, которые придумала Лиара, да и вообще, если так посудить, он должен являться её врагом номер один.

— А почему бы меня просто не убить или не запереть в ваших подвалах? — хмыкнула Моника. — Возни меньше, разве нет? Каковы причины того, что ты до сих пор держишь меня тут?

— Соскучился, — осклабился Шэйран. — Давно не виделись, милочка, а мне так хотелось задать тебе несколько вопросов.

— Я тебе не милочка!

— Ой, — отмахнулся парень. — Как хочу, так и называю. Мать отца вообще в минуты нежности зайчиком величает.

— Значит, ты не сирота? — Лэгаррэ вздохнула. Она своих родителей помнила плохо, хотя верила в то, что они пережили те проклятые ночи, когда пытались сбежать из пылающей от праведного гнева королевы Сандрин Дарны. Монике хотелось выжечь эти мысли из своей головы, но она не могла забыть прошлое до конца, равно как не имела

никакого права отгородиться от того, кем прежде была.

— Не сирота, — сухо отозвался Шэйран и направился к двери, очевидно, решив, что приготовления закончились, а король долго ждать не будет, ещё чего, и самого отправит в те отвратительные темницы.

— А о твоих отношениях с королём всё-таки правда? — не сдержавшись, спросила Моника, прежде чем он ушёл.

Она сама понятия не имела, почему вдруг сочла это важным, но... Они ведь столько времени провели вместе там, на обучении, и никогда Шэйран не выказывал, так сказать, особых склонностей.

Но в Эрроке это считалось позором.

Нельзя сказать, что в Эльвенте к подобному относились позитивно, но королю простят всё, что угодно. Хоть мужчину-любовника, лишь бы он в своё время соизволил отыскать какую-нибудь девицу и произвести на свет наследника, а после воспитать его таким же, как и сам — могущественным, мудрым правителем.

— Я же тебе говорил, что нет, — Шэйран с такой силой сжал дверную ручку, что его пальцы побелели от напряжения.

Моника присела на край кровати и уткнулась взглядом в ковёр.

— Но он ведь о тебе заботится! — не удержалась она от возражения. — Рэй, он думал о тебе больше, чем о себе во время этого проклятого нападения. Какая ещё этому может быть причина?

Шэйран обернулся. Синие, равно как и у короля, глаза сияли праведным гневом.

— Ты должна видеть в людях всё самое плохое, — прошипел он, — но, упуская те моменты, что ни меня, ни короля мужчины в этом плане не интересуют совершенно, заруби себе на носу, помимо романа у человека могут быть причины заботиться о ком-то другом.

— Так почему же? — Моника отодвинулась чуть дальше, буквально ощущая на себе гнев бывшего сокурсника.

Серый троечник, как же, разве с его резервом можно хоть искорку наколдовать? А такая паутина...

— Да потому что он мой отец!

Шэйран выдохнул это с невероятной злостью. Мон содрогнулась. О Богиня! Отец? Во имя Эрри, но ведь...

Но ведь они были так похожи... не стандартно дарнийскими признаками вроде чёрных волос, а этими проклятыми синими глазами, чертами лица, да даже сложением фигуры.

Если бы она не была так слепа, то могла бы понять это ещё в первый раз, когда король только-только прибыл в Вархву. Не надо было представлять Дарнаэла двадцатью годами моложе — для этого достаточно посмотреть на Шэйрана.

Но ведь король бездетен — и уж точно неженат!

Смысл ему скрывать своего наследника? Разве что... Разве что из-за его матери. Магический дар не мог передаваться только от короля — для этого нужны были две составляющие.

Пусть и Дарнаэл тоже считался бездарным, но она видела, что это не так.

— А мать? — несмело, словно опасаясь, что Рэй окончательно сорвётся с цепи, уточнила девушка.

— А мать, — усмехнулся он, вкладывая в свои слова куда больше яда, чем прежде, — королева Лиара. Ваша прекрасная, провозглашающая ненависть ко всем мужчинам, убившая

бы, как она говорит, своего сына, если б только произвела такое позорище на свет вопреки молитвам Богине Эрри, королева Лиара. Подумай об этом, милочка.

...Громко, как последний аргумент, хлопнула проклятая дверь.

===== Глава шестнадцатая =====

Дарнаэл остановился посреди коридора — длинного, мрачного и пронизанного невероятным холодом. Здесь, на шестом уровне, он в последний раз бывал лет десять назад, да и то в качестве экскурсии, но сегодняшняя цель немного отличалась от той.

...Послышалась хода стражи. В месте, где нет магии, с волшебника давно слетели зелёные оковы, но его это не спасёт — ни свободные руки, ни даже вернувшийся дар. Хотя, на шестом уровне ведь никогда не было колдовства.

Пыточные продумывали с учётом фактора магических сил.

Громыхала своими тонкими кольчугами стража. Воины — не просто охрана замка. Дарнаэл знал, кого они ведут — слышал по тому, как звенели цепи.

Наконец-то они показались на ступеньках, что вели сюда, вниз. Уставший, бледный Кэор при свете факелов походил на странное чудище из книжек, которые никогда не дадут в руки детям. Глаза запали, на скуле виднелся свежий порез, а чёрные волосы спадали на лицо. Его крепко держали под руки; стража понимала, что на шестой уровень король просто так бы не пригласил преступника, покушавшегося на его жизнь.

Стража швырнула Кэора прямо под ноги Дарнаэлу и потянулась было за мечами или кнутами, чтобы напомнить парню о том, в чём он провинился, но король остановил их коротким, быстрым жестом.

— Я говорил, чтобы с ним обращались вот так? — с холодной ненавистью в синих глазах спросил мужчина. — Вставай, Кэор. Человек, находящийся в очереди на трон, не должен лежать в грязи.

Кэор поднялся, но смотрел на него всё ещё волком — словно преданный пёс, которого внезапно обвинили в том, что он загрыз хозяина.

— Мне никогда не нужен был трон, — прошипел парень. — И даже если бы был нужен, я бы ни за что не стал тебя убивать.

— Я знаю, Кэор, — он бросил взгляд на стражу.

— Так зачем же вести меня в пыточные?

— Только для того, чтобы ты был свидетелем справедливости, — пожал плечами Дарнаэл. — Эй, вы, двое. Снимите с него цепи. Он свободен.

— Но, Ваше Величество...

— Он свободен!

Мужчины повиновались. Загремели кандалы, и проклятые цепи рухнули на землю. Кэор выпрямился. В его карих, почти чёрных глазах плескалось удивление, смешанное с оскорблённой, подвергнутой таким испытаниям верностью.

— Я могу приступить завтра к своим обязанностям стражника? — спросил Кэор, с отчаянным спокойствием игнорируя людей у себя за спиной.

— Нет, — покачал головой Дарнаэл. — Не можешь.

— Но... — запнулся парень. — Ведь если я оправдан...

— То это не значит, что тебя минует больничное крыло, — король вздохнул. — Ты похож на вставшего из могилы мертвеца. Я не могу своего племянника, ещё и в таком состоянии, сразу же отправить на работу.

Кэор послушно кивнул. От отдыха мог отказаться только сумасшедший, особенно если

отпуск предлагает сам Дарнаэл. Так или иначе, кажется, парень окончательно поверил в то, что его оправдали — но не понимал, что забыл на шестом уровне.

— Но мне нужна твоя помощь сейчас, — проронил король. — Просто опознать одного человека.

Стражник за спиной Кэора мерзко засмеялся. Он словно надеялся на то, что сейчас племянник Дарнаэла узнает человека, что находится в соседней камере, а после его вновь упекут за решётку, может быть, оставят прогнивать в пыточных. Так или иначе, опознание не пройдёт без результатов.

...В камере было не так уж и душно, хотя веками сюда не поступал свежий воздух. Станный, леденящий не только тело, а и душу холод проникал из седьмого уровня. Там, внизу, было царство смерти, туда сбрасывали покойников много лет назад, а теперь никто уже и не рискнёт сунуться ниже шестого — ниже пыточных.

Мага подвесили к потолку за вытянутые руки. Даже если бы к нему в подвалах, вопреки всем законам, вернулось волшебство, то он не смог бы ничего сделать — потому что сомкнутые ладони не позволяли возродить силу. Конечно, не для каждого заклятия нужны пассы руками, можно просто пробормотать что-то скороговоркой себе под нос, а противник свалится с остановкой сердца, вот только тут, в подвалах, даже Высшие теряли основу собственного могущества.

— Ты знаешь этого человека? — король указал на волшебника.

Короткие волосы топорщились ёжиком — вопреки традициям Эльвенты, где стричься вот так было не принято. Длинный нос был сломан как минимум в трёх местах, тонкие губы сжались в одну сплошную полоску, а острый подбородок, казалось, был заляпан кровью, но в темени помещения рассмотреть что-либо оказалось нереальным. Маг был очень худ и высок, но сейчас, без рубашки, справлял жалкое впечатление. Ноги его почти касались пола, руки напряглись от боли, по плечам стекал пот, вопреки всему холоду этого места.

Король отобрал факел у одного из стражников и поднёс пламя поближе к магу. Островок света, казалось, старательно огибал мужчину, но высветлил в причудливых изгибах теней черты лица.

— Это ведь... — Кэор отступил на шаг, едва не столкнувшись со стражником. — Да, узнаю.

— Вот и я узнаю, — Дарнаэл грустно опустил факел, и теперь свет плясал вокруг его ног, открывая не слишком приятную картину — вокруг валялись кости, в углу можно было даже увидеть череп, если хорошо присмотреться. Пыточные, что с них взять.

— Неужели... — Кэор покачал головой. — Мне хотелось бы, чтобы мы ошибались, но это определённо он. Молчит?

— Молчит, — кивнул Тьеррон. — А мы пока ждём. Эй, стража... Где капитан Фэз и придворный маг? Я просил их спуститься сюда.

— Уже идут, Ваше Величество. Вы же знаете, что сюда опасно спускаться одному, — отозвался стражник. Конечно, ни одни двери не закроются, пока особа королевской крови тут, внизу. Потому держать на уровнях ниже третьего Кэора было глупо — и так опасно находиться тут слишком долго.

— Может быть, нам стоит поторопиться? — спросил второй. — Ведь если из седьмого на свет полезет всякая гадость...

— Уважаемые, ожить кости не могут. Им уже полтора века, ничто из седьмого вас не тронет, — сухо ответил Дарнаэл. — Мне нужно время. Маг...



Маг волновал всех. Так или иначе, живым из шестого уровня ему не уйти. В месте, где заканчивалось царствование магии, он был беспомощен, и лучше бы умереть волшебнику тут, чем устраивать показательное выступление снаружи.

...Капитан и маг не заставили себя ждать. Шэйран подтвердил личность немым кивком; он не знал этого волшебника, конечно, но должен был сказать, он ли был там, в зале. Глупая мера предосторожности — но маг мог натворить всё, что угодно, и только второй колдун способен отличить правду от лжи.

— Кто отдавал тебе приказ? — Дарнаэл повернулся к пленному. — Меня интересует только одно имя.

— Я назову, — осклабился маг, — но меня интересует не быстрая смерть, а долгая и счастливая жизнь. Золото...

— Значит, купили, — грустно подытожил король. — Ты зачаровал звезду?

— Я, — кивнул тот. Казалось, руки внезапно перестали его беспокоить, и он обвис на цепях, внимательно глядя на Тьеррона. — Но не я отдавал её служанке. Для этого есть много других интересных личностей.

Дарнаэл не удивлялся. Его скорее интересовали эти самые интересные личности.

— С какой целью? — спросил он. — Кто тебя нанял и зачем ему моя смерть? Или ей? — в голосе прозвучали предупредительные нотки, но маг даже не шелохнулся.

— Он не скажет, — подал голос Кальтэн; меньше всего на свете он верил в то, что подобные существа до сих пор способны на искренность и правду.

Шэйран смотрел на мага молча. Казалось, ему хотелось применить волшебство; тем не менее, шестой уровень сковывал и его, единственное, что парень мог увидеть. Так это невидимые цепи угасшей тут, в подвалах, магии.

— На нём клятва, — покачал головой он. — Не переживёт и первый вздох, как только войдёт в силу волшебство. Третий... Может, второй. Страшная смерть, — Рэй казался поразительно спокойным. — Всё, чем мы поможем... Это отрубим голову, максимум.

Маг скривился.

— Если он выдаст имена, конечно же, — закончил Шэйран. — Если нет...

— Сгноим в пыточной, — завершил Кальтэн.

— Господин маг, — Дарнаэл перевёл взгляд на сына. Попытки проклятого мага — последнее, на что ему надо смотреть. — Отведите Кэора, будьте добры, в больничное крыло. И проследите... чтобы довели преступника, — он перевёл взгляд на волшебника. — Он знает имя и цель. Первое меня не интересует, но второе хотелось бы услышать. Идите.

Кэор покосился на дядю, но его не собирались спрашивать, желает он уйти или нет. Казалось, это давно уже было предрешено, а Дарнаэл не собирался тянуть с собственными делами.

Как только за сыном и племянником хлопнули двери шестого яруса, король повернулся к пленнику.

— Приступайте, — коротко приказал он, а после, демонстрируя отъявленное равнодушие, вышел из камеры. — Когда он захочет рассказать, позовёте меня. Или я сам услышу.

Подтверждением этому стал громкий, прерывистый крик мага, когда на него обрушился первый удар.

\*\*\*

Дарнаэл плотно закрыл за собой дверь четвёртого яруса и направился вперёд. Мага

сбросили в дыру между шестым и седьмым уровнем — никто не станет хоронить предателя, но, так или иначе, он заслуживал того, чтобы лежать среди могильников, а не в провонявшейся смертью камеры.

Три удара. А ведь это был даже не батог, которым карают на площади за различные преступления, кнут действовал куда легче. Впрочем, волшебник явно понимал, что ничего его уже не спасёт, и почти принял смерть. У таких, как он, есть отвратительная привычка не ждать подмогу, а сдавать всех, кто был на его стороне, и если б не клятва, которую дал колдун, может быть, Дарнаэл даже задумался бы над публичной казнью.

Но пусть.

Король терпеть не мог пыточные и то, что в них стандартно, по определению, происходило, но никто его о пристрастиях, естественно, не спрашивал. Существовало простое и понятное слово “надо”. Ради королевства, ради своего сына, которого он ещё планировал усадить когда-то на престол.

Сына, или племянника, или, может быть, однажды свою дочь. Никак не таинственного претендента на королевский престол, который всё это подстроил.

...Комната Кэора вновь, во второй раз за столь короткое время, забыла заполнена огромным количеством стражи.

Кальтэн тоже был здесь. Он, истинный великан — выше на голову далеко не низкого Дарнаэла, столь широк в плечах, что едва проходил в небольшую дверь, — держал Марту. Она, хрупкая, с тонкой костью, походила в руках капитана стражи на глупую игрушку, которую собираются сломать.

— Госпожа Торрэсса, — безо всякого почтения усмехнулся король, склоняя голову в издевательском кивке. — Вы, я вижу, уже дождались стражу.

— Это ошибка, — упрямо промолвила Марта, тряхнув головой. Светлые волосы разлетелись по плечам. — Я не понимаю, почему тут столько стражи! Неужели мой муж вновь что-то натворил и наплёл, будто бы я тоже в этом замешана? Но как он посмел... — она закусил губу, игнорируя тяжёлую руку на своём плече.

— Я вижу, вы безумно верны своему мужу, госпожа Торрэсса.

Марта была в тонкой ночной сорочке, почти не скрывавшей голое тело — но главным признаком Дарнаэл счёл всё-таки поспешно одевающегося стражника. Конечно, вплетать его в свой заговор девушка не собиралась, она разве что просто решила развлечься.

— В тронный зал, — уверенно кивнул король. — Поговорим с нею там.

Кальтэн подтолкнул девушку к двери. Она не особо сопротивлялась — но шла с такой поразительной уверенностью, словно красовалась положением. Если б Дарнаэл решился казнить Кэора, она стояла бы точно так же, только вместо испуга в своих глазах прятала бы короткую, минутную радость.

В тронном зале было уже чисто. Убрали и мантию, и стол, изрядно подпорченный мечниками.

Марту туда почти втолкнули — она зацепилась за порог и подлетела к ногам короля, но тут же повисла на его руке, прижалась к нему, тяжело дыша.

— Я торресская принцесса, — прошептала девушка. — Но вы — король. Если вы так желаете меня, разве стоит казнить Кэора? Он и так бы не смог нам помешать...

Её губы вытянулись в соблазнительной улыбке, но Дарнаэл только досадливо оттолкнул девушку от себя.

Она казалась ему самым отвратительным существом на свете. Безмерно лживая,

безмерно пустая и безмерно ненавистная — что может быть хуже, чем Марта Торрэсса?

— Вы уже не принцесса, — холодно промолвил он. — Когда вы вышли замуж за моего племянника, то автоматически стали гражданкой Эльвенты. Так гласит закон, и вы велели ему подчиняться.

— Разве закон запрещает быть безмерно влюблённой в короля? — на её лице застыла всё та же улыбка.

— О, нет. Но, боюсь, он запрещает его травить, — покачал головой Дарнаэл. — И, как ни прискорбно, в этом случае я с буквой закона абсолютно согласен, хотя подобное совпадение в наших и его мнениях бывает очень редко.

Марта смотрела на него непонимающе, сделала ещё один шаг вперёд, но Кальтэн вовремя оказался рядом.

Он схватил её вновь так же легко, словно девушка ничего не весила. Приговор ей уже давно подписали, но казнить до того, как Кэор хотя бы немного оправится от тюрьмы, Дарнаэл не собирался.

— Госпожа Торрэсса, за измену короне полагается отрубить голову, и палачи обычно избирают тупые топоры за то, что кто-то пытался убить короля. Но так как вы дороги моему племяннику, так уж и быть, мы вас расстреляем.

Марта дёрнулась. На её лице отпечатывался ужас.

— Ах да, — король довольно усмехнулся. — Раз уж вы идёте на плаху, запомните, это было лишним. Убрав меня и моего племянника, вы не получили бы трон. На престол сел бы мой сын, — он бросил взгляд на Кальтэна. — Отведи её куда-нибудь... Хоть в ту же камеру. Чтобы к завтрашнему дню была цела и невредима. Кто там есть из стражи... Перепоручи. Мне плевать.

Марта не смогла заставить себя пройти путь достойно. Она рванулась с силой, равной крепкому мужчине, но капитан Фэз оказался куда более могучим. Он с лёгкостью перекинул её через плечо и, словно кошку, вышвырнул из тронного зала в руки остальной страже. Чем они будут заниматься с госпожой Торрэсса, его не волновало; каждый знал, что если завтра она будет плоха или, упаси Дарнаэл Первый, пропадёт али погибнет, то полетят головы. И не врагов, а их собственные.

Дверь тронного зала захлопнулась, и Дарнаэл наконец-то позволил себе устроиться на уцелевшем стуле.

— Торресский архипелаг заигрался, — со вздохом заключил он. — Это ж наследная принцесса... Но, да ладно. Riskнут напасть — отобьём.

— Тебе б отдохнуть, Даррэ, — Кальтэн занял второй свободный стул. — Тебе ещё вон... Новость прекрасную племяннику сообщать. Нашёл бы себе какую-то девицу, а?

— О, так вы, капитан Фэз, уже перестали верить в милые рассказы драгоценного Вирра? — удивлённо переспросил король. — Как это так...

— Ой, Даррэ, я знаю тебя тридцать лет, ещё с детства, — отмахнулся мужчина. — Какое там прелюбодейство с магами, где там... Тем более, — он прищурился, — ты можешь заливать кому угодно, но не мне, что вы с магом чужие люди. Если люди не помнят тебя в двадцатилетнем возрасте — это их проблемы, но этот Шэйран — вылитый ты. Хорошего сына воспитал, да, Даррэ. Смелого.

— Догадался? — с усмешкой переспросил Дарнаэл.

— А как же! — хмыкнул Кальтэн. — Ну, тут правда слепым надо быть, чтобы не видеть сходства. Вирр ищет то, что ему удобно. Отечественные жесты выдаёт за влюблённые. Но

нормального человека в этом обмануть трудно.

— И то правда, — кивнул король. — Да чёрт с ним, с Вирром. Ну, хочет он на трон, будто бы не видно. Кэрниссы когда-то проиграли нашему роду в отчаянной борьбе за престол, вот он и бесится. Вот только Вирр на это не способен. Мне куда больше не нравится этот Рри, о котором нам талдычил маг.

— Да плюнь. Что мы, одного мужика, во славу Первого, не отловим? — Фэз расхохотался. — Ты его хоть видел?

— Да видел вроде бы. Что-то такое среднего роста и со шрамом. Светловолосый, если память не подводит, — передёрнул плечами Дарнаэл. — Сын рассказывал, встречались они по пути. Эх... Сюда б настоечки Мэллора. Взболтать и не смешивать, чтоб его...

— Ну, ты захотел! Ты ещё скажи, что решил вернуться под крыло к возлюбленной, там сподручнее Лесничего дёргать.

— Ай, — отмахнулся Дарнаэл. — Друг ещё, называется. Торчит на пограничных территориях, ловит каких-то идиотов, дурит им голову своей идеей. Ты представляешь, писал недавно. Говорит, парочки через кордон лезят едва ли не каждую неделю, как мёдом им там помазано. Там лазейка, молочная такая, пройти можно и без волшебства, болезненно только немного. Так они повадились перебираться там, раз за разом, от Лиары бегут, она ж за очередное безумство, наверное, взялась.

— И чего ты до сих пор нормального никого не отыскал? — вздохнул Кальтэн. — Дались же эти ведьмы...

— Молчи! Ты своего сына сколько лет назад видел? — покачал головой Дарнаэл. — Вон, олух — одногодок моего, и где он лазит?

— Ты ж знаешь его мать.

— А ты знаешь мать Шэйрана, — скривился король. — Уж поверь, если попытаться даже очень сильно, трудно обнаружить что-то хуже, чем королева Лиара.

— Ну, — Кальтэн вздохнул, — есть и похуже. А уж мать её... Боги-святы! Клянусь Первым, такую гадюку искать и искать, — он зажмурился. — Но мой сын жив и здоров, и это главное. Так знаешь, что Мэллор делает? — очевидно, друг писал и капитану. — Они ж ему все представляются дочерьми короля Дарнаэла! Словно на Мэллоре написано, что он твой друг. Так он их с кавалерами в домике своём запирает, мол, “родите мне ребёнка”. Преемника себе ищет.

— И заводят?

— Ай, большая половина даже не сопротивляется. Он их потом повенчает и отпустит. Но ты знаешь, если попасть под горячую руку, Мэллора может и переклинить, как тогда, — Кальтэн поёжился. — Столько вместе пережили...

Пережили они и вправду много. Когда королева Сандрин решила покончить жизнь сына до того, как он успеет испортить свой и без того отвратительный характер, из отряда выжило только трое — сам Дарнаэл, маг трав Мэллор, умевший взрастить растение на ровном месте, и Кальтэн. Принц, правда, тоже колдовал; Лесничий говорил, что дар у них одинаковый, только Дару было лень его развивать.

Фэз, тогда никакой не капитан, мечтал стать мечником и служить королю, но короля чуть не пришибли, равно как и всю его свиту. До Ламады они добрались втроём, тогда ещё Мэллор вытащил впервые свою ядрёную настойку — опоил и сбежал. От проблем, от ответственности, от всего. Кальтэн и Дарнаэл направились дальше, до столицы, и оба на свою беду нашли, в кого влюбиться.

Мэллор обнаружился уже потом. Дарнаэл обнаружил его, когда завоёвывал полосу земли между Эррокой и берегом моря, и тогда-то столкнулся со старым другом. Тот упрямо колдовал и периодами сходил с ума.

Дарнаэл хорошо помнил, как Кальтэн тогда попал в ловушку. Старый добрый друг с радостью и придушил бы Фэза, но не успел. Тьеррон воспользовался магией так серьёзно впервые в своей жизни, но зелень, переставшая повиноваться Мэллору, отреагировала неожиданно позитивно на клич короля.

Так или иначе, с тех пор они только переписывались. Теперь, слыша о глупышках, которые назывались его дочерьми, Дарнаэл ждал подвоха. Мэллору давно хотелось получить в ученики кого-то с нужным ему даром, дочка Дара могла бы стать матерью такого ребёнка. Эрла, впрочем, никак не могла оказаться в тех землях, потому король не особо-то и обращал внимание на старания волшебника. Маг трав, конечно, силён, но... Пусть укладывает дурочек в постель с их спутниками, нечего вмешиваться и заводить войну. Он мог быть хорошим спутником.

Почему-то Дарнаэлу казалось, что Мэллор ждал отпора. Дочь короля не могла бы просто так склонить голову и поддаться на его требования, и вот та порода и нужна была Лесничему. Но ведь... Что в лесах делать Эрле?

— Мэллор, конечно, дрянь ещё та, — вздохнул Тьеррон. — Но всё же настойка у него хороша.

— Да, вырубает знатно, — согласился Кальтэн. — Слушай... Ты б племяннику сообщил о том, что его жена натворила. Или, если хочешь, я пойду. А то парень не переживёт. Представь, приходят тебе и говорят, что твоя Лиа решила убить дядю-короля... И изменяет тебе направо и налево.

— Ну, дядю я бы ещё простил, — резонно отметил Дарнаэл. — А вот измены... в общем, поговорю я с ним. Пойду прямо сейчас. Слушай, а та девчонка, что на чатах стояла, молодая Баррэ...

— Дочь той самой?

— Да, такая хорошенькая хрупкая блондинка, — согласился мужчина. — Её ведь ранили, верно? Как она?

— Плоха, — вздохнул Кальтэн. — Даже слишком. Я бы дал тебе оптимистичный прогноз, но всегда был уверен в том, что ты терпеть не можешь лжецов. В общем, проткнули девочку насквозь, лёгкое пробито... Там разве что маг поможет. Я не знаю, если ещё жива, то хорошо. А если уже...

Дарнаэл поднялся.

— Я пойду к ним. Отправлю этого Высшего, чтоб его, проклятого... — он шумно выдохнул воздух. — И потом навещу Кэора и Сандриэтту. Может быть, обойдётся ещё. Её мать помнишь сколько продержалась? И помнишь, от чего, бедная, умерла?

— Помню, — вздохнул Кальтэн. — Красивая она была, хорошая. Говорят, единственная любовь Мэллора. Он так и не смог перенести то, что она его отвергла. Стражницей хотела быть... а всё равно ведь родила.

— Родила, — согласился Дарнаэл. — И мы до сих пор не знаем, кто у Сандры отец.

Кальтэн как-то грустно вздохнул, но спорить не стал. Всё равно королю сейчас не до того, чтобы копаться в прошлом. Ему бы хоть с нынешним и будущим разобраться, и то было бы хорошо.

\*\*\*

На Тэллавара ему и вправду повезло. Изгнанника мужчина терпеть не мог, но тот говорили, знатный целитель, и если Сандриэтта сумела дожить до той секунды, пока до неё доберётся волшебник, то переживёт ещё и короля, и его сына, и внуков, если не правнуков. Девочка не так хрупка, как кажется, она многое может, пусть иногда излишне упряма и творит много глупостей.

Теперь надо было как-то рассказать обо всём Кэору.

...В больничном крыле было тихо. Анри, вероятно, поместили в отдельную комнату, чтобы её никто не тревожил, так что маг и стражник оказались единственными присутствующими в этом неприятном, бело-сером помещении, в котором отчётливо слышался запах лекарств.

Шэйран даже не поднялся, увидев короля. Теперь не было смысла, всё равно весь медицинский персонал уже успел уйти, так что никто фамильярность его и не заметит, так, разве что Кэор — но ему ли не знать, что Рэй — сын короля Дарнаэла, а не просто его придворный маг?

— Как поживаешь? — Дарнаэл присел на стул напротив кровати.

— Да вот, — Кэор привстал на подушках. — Уложили, но я могу хоть сейчас...

Через всю его грудь тянулась тонкая полоса. Вероятно, кто-то из стражников в пылу выполнения королевского приказа резанул легонько мечом, а рана из-за отсутствия лечения загноилась и выглядела не слишком хорошо. Впрочем, заживёт, Кэор не получил никаких серьёзных повреждений.

— Не надо хоть сейчас, — оборвал его Дарнаэл. — У меня для тебя есть одна очень плохая новость. И... Поприсутствуешь завтра при расстреле.

— Кем? Тем, кто встанет у столба?

— Нет, — покачал головой король. — Мне бы не хотелось сообщать тебе такую новость, конечно, но лучше услышать её сейчас, — Дарнаэл выглядел измученным, но нельзя сказать, что особо страдал из-за того, что пленили именно Марту. — Дело в том, что торресского придворного мага сюда притащили не особо богатые люди, сумевшие заплатить достаточно много, чтобы он рискнул изменить своему королю.

— А кто? — Кэор выглядел обеспокоенным, но пока ещё до конца не понимал, что происходит.

— Приказала Марта. Приказала прямо, отправила письмо. Предъяви нам маг эту бумажку, я бы, конечно, решил, что её подставили, как и тебя, но, увы. Нашёл и того, кто заколдовывал ту чудную мантию, и оплачивала ему хрупкая светловолосая женщина. Марта не настолько умна, чтобы умудриться скрыть свою личность. Она уже видела себя королевой с сотнями рабов вокруг.

Кэор осел на подушки. Он смотрел в потолок невидящим взглядом.

— Как её казнят? — голос прозвучал почти равнодушно, хотя король прекрасно понимал, насколько его племяннику больно.

— Расстреляют. Из стрел, думаю.

— Я... Я имею право стать среди тех, кто будет стрелять?

— Кэор...

— Дядя, пожалуйста, — он сжал белые простыни и отвернулся от него. — Я должен отрезать эту нитку.

— Хорошо. Ты имеешь право стать среди тех, кто будет стрелять. Только без глупостей, Кэор. Это добром не закончится.

Тот слабо улыбнулся, словно подтверждая, что в первую очередь жаждет праведной мести, и больше ничего говорить не стал.

Дарнаэл поднялся. Он ещё должен был дойти до Сандриэтты — если девочка, конечно, пережила проклятое нападение. Он почти забыл про неё... Выбросил из головы, будто лишнее, ненужное звено на момент беспокойств с магом, но сейчас — должен же хоть как-то загладить свою вину.

...В проходе он столкнулся с Тэллаваром. Руки Высшего были заляпаны кровью, а вот вид оказался до ужаса довольным.

— Исцелил, — доложил он королю. — Всё время шептала так тихонько: “Дарнаэл, Дарнаэл”...

Дар не проронил ни единого слова, только опустил тонкую цепочку незначительного артефакта в раскрытую ладонь волшебника. Тот не стал возмущаться — исцеление простой стражницы, пусть даже и хорошей, не могло стоить много.

— Вы поговорили с сыном? — деловито уточнил волшебник. — Вы ведь знаете, Дарнаэл, насколько важно то, о чём я вам рассказывал...

— Он не согласится.

— Но ведь можно на него надавить? — любопытно спросил маг, но в ответ последовал только короткий и логичный ответ. Гартро вздохнул — рано или поздно он доберётся до молодого волшебника, но пока что... Пока что рано.

Дарнаэл наконец-то зашёл в комнату. Сандриэтта лежала на кровати, бинты валялись где-то рядом. Она выглядела целой и почти здоровой — казалось, собиралась продемонстрировать предел солдатской верности.

— Ваше Величество! — девушка попыталась рвануться ему навстречу, но от слабости рухнула обратно на подушки. — Вы в порядке...

— Конечно, — мужчина ласково улыбнулся, присаживаясь на край кровати. — Да что мне станет... Живой и здоровый. Сама-то как?

Сандриэтта протянула руку и сжала его ладонь, словно пыталась защитить даже в собственном плачевном положении.

— Всё в порядке, — выдохнула она. — Я... Маг меня исцелил. Ваше Величество, ведь вам это дорого стоило, да? Он такой...

— Анри, ты мне дороже, — он осторожно убрал прядь с лица девушки. — Где я ещё найду такую...

Мужчина не договорил. Сандриэтта смотрела на него до того влюблённым взглядом, что становилось не по себе — Дарнаэл не понимал, к чему это выражение собачьей, предельной верности, почти до тошноты.

Она привстала на локтях, а после как-то слишком резко ринулась к нему, прильнула к губам — от неожиданности король даже не успел её от себя оттолкнуть.

...Бесспорно, Сандра была красива. И, конечно, только сумасшедший мог не желать её — хрупкую, нежную и прекрасную, невинную, словно весенние цветы.

И, естественно, король сумасшедшим не был.

Руки как-то сами по себе скользнули по обнажённой спине; она прижалась к нему, и эта глупая преданность в глазах...

Дарнаэл сжал тонкие запястья, снимая её ладони со своей шеи, и легонько толкнул на кровать.

— Не стоит.

— Ваше Величество... — она покраснела, прижимая одеяло к груди — всё такая же незащищённая и прелестная. — Я... Вам было неприятно, я понимаю...

— Прекрати. С такой, как ты, не может быть неприятно, — покачал головой он. — Ты красавица, Сандриэтта. Но ты не заслуживаешь быть игрушкой на одну ночь.

Она смотрела на него с постепенно засыпающей надеждой.

— Ваше Величество... Дарнаэл, я бы никогда не подумала...

— Подумала бы. Завтра или через неделю, подумала бы. Сандра, не стоит, — он криво усмехнулся. — Ты мне как дочь, и лучше оставайся в этом статусе, ладно? — Дарнаэл осторожно сжал её ладонь. — Любовница короля — не лучшее, что может с тобой случиться. Поищи кого-то, кто действительно будет тебя любить.

Она шмыгнула носом, но... что это? Минутная слабость, секундный порыв с его стороны и выдуманные, фантомные чувства с её. Никогда это не перерастёт в что-то серьёзное, а он переломает её жизнь, если посмеет этим воспользоваться. Навеки станет её клеймом, как однажды Лиара оказалась его собственным.

— Ты должна понимать, — Дарнаэл криво усмехнулся, — кто бы не был со мной рядом, любить я всё равно буду её. Спи, Анри. Завтра будет новый день.

— Завтра будет новый день, — она посмотрела в потолок, не в силах столкнуться с ним взглядом, и сглотнула.

Но лучше переболеть сейчас, чем страдать от боли потом. Когда всё закончится, и появится новая девица, что-то вроде Зэльды.

Она действительно заслуживает большего.

===== Глава семнадцатая =====

Почему-то Моника вспомнила глупое выражение — время утекает сквозь пальцы. Ей сейчас бы хотелось, чтобы оно хоть немножечко ожило и поползло вперёд даже скоростью черепахи.

В комнате было тепло, но неудобно. Она так и сидела неподвижно на кровати, поджав к груди ноги, хотя логичнее было бы поискать выход. Впрочем, Мон сделала бы это, если бы в подобном оставался смысл. Она — не Богиня, чтобы миновать все магические ловушки, на которые способен, оказывается, не только придворный маг, но и Его Величество, и... Что значит слово ведьмы из Вархвы, оказавшейся на чужой территории, против местного волшебника? Ну, так, средне, а если они ещё и учились вместе, то к её мнению могут даже прислушаться и поверить в то, насколько отвратительный Шэйран или сколько от него было проблем.

Но что значит слово кого угодно для короля, если в противовес будет мнение его родного сына?

И Моника была готова поклясться, что Рэй тут — вполне признанный. Не явившийся наследник, что желает познакомиться с папочкой, а принц, что его воспитывал с самого младенчества сам король.

Девушка не могла сбежать. Не могла ничего сказать или попросить о помощи, равно как и оказаться в каком-то месте, где ей помогут. Дарнаэла в Эльвенте любят все, за исключением тех, кто мечтает занять трон. Такие, конечно, есть, но Моника была уверена, что их интересы идут вразрез с планами Её Величества Лиары Первой.

А ещё — она внезапно почувствовала, что вера в её душе успешно раскалывается на две половины. С одной стороны, ведь королева никогда не говорила, что сына у неё нет, да и во всём остальном она — великое чудо своей страны, а с другой...



Эти проклятые крики о недостойных мужчинах... Ведь у Эрлы тоже был отец. И Моника не знала, кто.

Может, Лиара однажды рискнула и воспользовалась магией, что подарила ей дочь. А может, это была всего лишь очередная бурная ночь с любимым врагом.

...Лэгаррэ смотрела на солнце, прячущееся где-то за линией лесов. В небеса прорывались бордовые струйки лучей, что будто бы пытались воскресить день, но светило упрямо ускользало и желало отправиться на покой.

Сейчас от него осталась только тоненькая полоска багряных листьев на самых верхушках деревьев. Моника старалась сосредоточиться хотя бы на ней — да на чём угодно, лишь бы не на назойливом потоке собственных предельно глупых мыслей.

Шэйран не возвращался. Казалось, ему в одно мгновение захотелось изменить место жительства, чтобы не видеть больше надоевшую сокурсницу; не то чтобы Лэгаррэ очень хотелось его видеть, но, тем не менее, она с радостью покинула бы комнатку, если бы знала, что имеет на это право, без его присутствия. Связаться телепатически... Резерв всё ещё был слаб, хотя потихоньку силы собирались воедино.

Может, оно и хорошо, что Рэя ещё нет. Если она должным образом сконцентрируется, то быстро наполнится волшебством и потеряет свою глупую беспомощность. Трудно быть ведьмой первого уровня, даже если ты дотягиваешь до второго, а то и третьего — так или иначе, ограничения стоят что надо.

Мир от попыток медитации плыл и прыгал перед глазами. Сосредоточиться на определённой точке, как того требовал учебник по магической концентрации, не получалось. Моника ощущала себя безмозглым слепым котёнком, что окончательно затерялся в потоках времени и теперь не знает, когда уже можно открывать собственные глазки. Наверное, именно потому единственное, на чём удалось сконцентрировать внимание, то есть, дверная ручка, по закону подлости дёрнулось через минуты две после того, как Лэгаррэ направилась по протоптанной дорожке в транс. Дёрнулось основательно, а после дверь от раздражения её побеспокоившего едва не сорвалась с петель и не осыпалась занимательной кучкой пепла.

Шэйран на пороге оказался уставшим, недовольным, но не грустным. Скорее массово убивающим всех, кто попадался под взгляд, вспышкой синих глаз. Говорили, что это умела делать Самаранта, но почему-то Монике казалось, что это враки, а Высшая Тальмрэ просто активно набивала себе цену, пытаясь завладеть постом главы магической академии Вархвы.

— Что случилось? — Моника вынырнула из транса и попыталась сесть нормально, но Шэйран только досадливо отмахнулся, плюхнувшись рядом на, благо, достаточно широкую кровать.

— Ты случилась, — протянул он. — Ты и весь ваш проклятый, надоедливый женский род, от которого проблем в десятки раз больше, чем пользы!

— А конкретнее? — Моника не удивлялась, что Рэй так говорил. После матриархата Её Величества Лиары трудно было относиться к женщинам положительно. Наверное, именно по этой причине Моника и поверила в то, что между придворным магом и королём может что-то быть. Вот только о том, что эта связь вполне имеет шансы оказаться родственной, она как-то не предполагала.

— Что ты знаешь о Марте Торрэсса? — Шэйран зажмурился. Говорить с Моникой было просто, он знал её уже столько лет, что просто не мог поверить в то, что где-то в разговоре допустит досадную оплошность, а она за неё ухватится. В конце концов, Лэгаррэ не была

предательницей своего государства, а он...

Наполовину принадлежал, к своему огромному сожалению, Эрроке.

— Её брат приезжал в Кррэа и что-то там требовал у королевы. Или пытался подписать договор, я уже ни в чём не уверена, — тихо ответила Моника. Надо было, по правде говоря, потребовать свободу, но Шэйран вообще-то не особо её держал, поэтому девушка решила не портить тихую, мирную атмосферу. Может быть, из этого ещё получится вытащить хотя бы капельку выгоды для державы или свободы для себя самой.

Впрочем, отрицать то, что Рэй вызывал у неё хотя бы симпатию, пусть и на одном уровне с холодным раздражением, казалось глупым. Особенно теперь, когда даже королеву Лиару нельзя было однозначно называть правительницей, что выполняет абсолютно все свои обещания и придерживается слова.

— Значит, слышала, — кивнул Шэйран. Его взгляд стал почти пустым — словно парень не видел перед собой потолок, на который уставился, а из неведомости постепенно появлялись очертания незнакомой Марты.

— Что-то с нею случилось? — спросила Моника, повернувшись на бок. Желание ударить в него магией пришлось подавить — да, это мужчина, они должны быть слабы, но она видела Рэя в действии... И она видела его отца. — Или, может быть, это твоя великая любовь, а, Шэйран?

Парень усмехнулся. На пальцах забрезжил маленький огонёк, но он погасил его коротким, раздражённым щелчком, словно пытался утопить всевозможные воспоминания о присутствии волшебства в этом всём.

— Упаси Первый, — стандартной эльвентской фразой помянул первого короля своей династии Рэй. — Нет, она супруга моего кузена по папиной стороне. Бывшая уже, наверно. Завтра её казнят.

Моника едва ли не свалилась с кровати. Вряд ли информация была тайной, хотя странно то, что Шэйран подобным делится, но... Ведь есть причины казни принцессы Торресского архипелага, за исключением, естественно, личной неприязни короля к девицам подобного склада?

Да, Торресса отличалась свободными нравами, но... ведь это ничего не означает, верно? Всюду есть исключения. В Эрроке каким-то боком исключением из правил, которые она же и устанавливала, стала на время королева — если б она была такой идеальной, то сейчас Шэйран не сидел бы рядом.

— Это она подстроила все нападения на Его Величество, — уловив немой вопрос в так и не произнесённой фразе, наконец-то промолвил парень. — На отца, то есть. Сначала мантия, на которой, ты видела, сгорели солдаты. Потом кислота в вине... Кэора подставила, подбросила в жидкость служанке его звезду, только предварительно заколдованную магом. А потом она отправила этот отряд. Уж не знаем, на что надеялась. Мы не будем её допрашивать, она не скажет ничего нового. Она даже не знает, кому так старательно помогала. Все нити ведут к Вирру... но ты его видела. Вирр Кэрнисс не способен обидеть и муху, не потому, что он так любит весь мир, а потому, что он бессилён. Глупо обвинять его в подобном. Марту завтра расстреляют. Кэор сам изъявил желание встать среди ряда лучников.

— Почему ты рассказываешь об этом мне?

— Ты служишь моей матери, а дальше неё информация всё равно не уйдёт, — передёрнул плечами Шэйран. — К тому же, кроме тебя о том, кто мои родители, знают они

сами, что логично, Кэор, но ему сейчас не до надоедливового непризнанного принца, кажется, догадывается парочка папиных друзей, бабушка... Тэзра, но она не здесь, и ещё Анри, раненная — с нею даже поговорить сейчас нельзя, закрыли на карантине, хотя Тэллавар должен был подлечить.

— Тэллавар... — Моника уцепилась за знакомое имя. — Тэллавар... Гартро?!

— Изгнанник, — коротким кивком подтвердил её правоту парень. — Отвратительный мужчина, если по правде, но он тут надолго.

Моника поднялась. От новости о том, что Изгнанник был тут, стало как-то не по себе. Она слышала о Высшем-мужчине довольно мало, но... но того, что знала, хватало с головой, чтобы опасаться его. Ещё один камень в лицо матриархата, ещё одно подтверждение того, что не следует верить на слово Лиаре и Тэзре.

Лэгаррэ постаралась отогнать эти мысли. Может быть, Лиара по молодости просто не смогла причинить вред своему собственному ребёнку, но ведь она от этого не стала плохой королевой, разве нет? Всё та же могущественная, великолепная женщина, на которую они должны молиться всей страной.

Бордовый закат превратился в глубокую синеву ночного неба. Время теперь и вправду утекало незаметно, хотя Моника старательно отгоняла от себя голод.

— Где ты рос? — она попыталась изменить тему, хотя обычно на откровения с Шэйраном девушку никогда не тянуло. Да и вообще, разве можно открыто и откровенно разговаривать с мужчиной?

— В королевском замке, где ещё.

— Здесь?

Шэйран рассмеялся, как-то издевательски, и Монике показалось, что он сейчас разобьёт на кусочки всю её веру, на чём бы она не основывалась до этого. Предчувствие было странным, непонятным, но, возможно, очень даже верным.

— Нет, конечно же, — фыркнул он. — В замке у матери. Если ты думаешь, что твоя прекрасная королева Лиара так мило отказалась от своего сына ради веры и приказала сбросить его со скалы, а отец спас своё дитя от кары, но потом по случайности отдал его в Вархву... О, какая же ты наивная, — он вновь заулыбался. — Мон, мои родители — как малые дети, что не могут поделить игрушку. Будь это страна, дети, власть или даже любовь. Каждому хочется доказать, что он ненавидит и любит больше другого. Заклятые враги, чтоб их... Королева — далеко не тот идеал. Это обыкновенная женщина, просто она предпочла одного мужчину множеству и сделала его своим антагонистом, чтобы смело заявлять, что нет более ярой последовательницы матриархата...

— Не смей! — взвилась девушка. — Как ты смеешь говорить такое о Её Величестве?! Если она дала тебе часть своего дара, поделилась...

Шэйран поднялся, а усмешка превратилась в язвительную гримасу, полную отчаянного раздражения.

— Крошками со стола поделилась? Смела, как собачке, под стол — на, вылизывай, можешь сотворить пару заклинаний, вот твоя лужица вместо резерва? Да вашу королеву запереть надо на шестом уровне!

Моника побледнела. Она видела прежде злого Рэя, но такого, как сейчас, пылающего ненавистью изнутри, никогда.

— И тебя тоже надо было сдать, — он упёрся ладонями в подоконник, и девушка оказалась зажата между своим извечно надоедливым сокурсником и окном. — Шпионка.

Что ты там искала? Смерть Элвенте?

Лэгаррэ упрямо молчала. Делиться информацией с человеком, который служит чужеземному королю... ни за что.

— Милая, у моей матери могут быть все козыри, но ей даже народ не нужен. Ей нужен зайчик на цепочке, понимаешь? Дура ты, Лэгаррэ, если во всё это веришь. Матриархат, демократия... Завоевания... Отец воюет, потому что ему это нравится. И мама колдует только по этому поводу. Но она слепа в плане политики. Далла... Да, Далла — истинная королева. Но её дочь, моя драгоценная матушка — это всего лишь заслепленная собственной властью женщина!

Моника оттолкнула его от себя. Магия всколыхнулась на кончиках пальцев, но далеко Шэйрана не отбросила.

— Серый троечник! — она против собственной воли воспользовалась этим обидным, старым прозвищем, что сохранилось ещё со времён Вархвы. — Да ты должен благодарить Богиню и свою мать, за то, что не только жив, а и имеешь право пользоваться теми крохами магии, которые отпущены тебе миром...

— Милочка, — он осклабился, — если б моя драгоценная мать правильно расшифровала пророчество, может быть, ты бы и молчала нынче о крохах. Но только из-за её стереотипов Эрла старательно пыталась колдовать, хотя у неё дара на две капли, а я, как вещает этот сумасшедший, “кладезь”, сижу тут с лужицей вместо резерва и тихо задыхаюсь от собственного бессилия. Но рано или поздно всё заканчивается, Моника. И если я захочу... А я захочу — я стану высшим быстрее, чем ты сможешь достигнуть хотя бы третьего уровня.

— Нет, королева обещала, что если я найду... — она запнулась. Говорить об этом было строго запрещено.

Шэйран выпрямился и повернулся к собственной куртке, что доселе полдня провалялась на кровати. Он подхватил её и встряхнул, дожидаясь чего-то — и вправду, спустя мгновение на пол выпал какой-то свёрток. Парень бросил на него недовольный взгляд, поднял, переложил на стол в углу комнаты, но после вновь забыл, будто не было тут никаких важных бумаг, что могли отвлечь его от тирады.

Он внезапно приобрёл черту поразительного, наглого равнодушия к Монике. Лэгаррэ и без этого прекрасно понимала, какую натворила глупость, но теперь осознание предательства билось в голове сумасшедшим ритмом.

— Если король Дарнаэл настолько бесчестен, что позволяет себе утаскивать чёрт знает куда принцессу, не заляпанную его грязной кровью...

Шэйран повернул голову к ней. Моника запнулась; синие глаза Рэя блестели с таким энтузиазмом, словно он планировал открыть окошко и вытолкать её туда, за границы дворца.

— Повтори-ка ещё раз суть фразы, там, о крови.

— Ну ведь принцесса Эрла — это чистое творение магии и...

— Эрла — такое же творение, как и я — вполне... ну, не совсем рукотворное, но уж явно не магическое. Непорочных зачатий не существует, даже моя мать это понимает.

— Но...

Моника умолкла. Об этом вообще не стоило говорить, как и заводить разговор о силе Шэйрана или дразнить его. Она хотела верить в то, что маг ни на что не способен, но проклятый серый троечник уже отбивал на её глазах нападение проклятых мечников, и либо его резерв был огромен, что очень вряд ли...

Либо восстанавливался с нечеловеческой скоростью.

— Но? — Шэйран приобнял её за талию, грубо притягивая к себе — словно настойчиво пытаюсь заставить закончить фразу, но Моника попыталась расслабленно улыбнуться, будто б не имела ничего важного в виду. Так или иначе, королю и принцу не обязательно знать о том, что задумала Лиара.

Но Эрлы тут явно не было. Рэй даже не заметил её оговорку, когда девушка попыталась заявить, будто принцесса пропала. Казалось, состояние сестры — как оказалось, не просто единоутробной, — его нынче беспокоило меньше всего.

— Бедная Рока, — вздохнул он. — Ей приходится жить между набитых дураков и сумасшедших женщин.

— А королева Лиара правда называет короля Дарнаэла зайчиком? — не отыскав другого способа перевести разговор на менее опасную тему, спросила Лэгаррэ. Вопрос прозвучал смешно; вообще-то, ей следовало столкнуть руку Шэйрана с талии и заявить, чтобы он больше никогда не смел к ней прикасаться, но подобное в сложившейся ситуации было определённно лишним.

Девушка с радостью убедила бы себя сейчас в том, что действует исключительно в интересах короны, если б её наследник не стоял в нескольких сантиметрах от неё, ещё и так активно занимаясь рукоприкладством.

— Правда, — вторая ладонь Шэйрана легла на подоконник. Моника сначала не придала этому никакого значения, но когда с шипением от деревянной поверхности оторвался клуб дыма, всё-таки скосила на руку взгляд.

— Что у тебя с резервом?

Шэйран отпустил её поразительно резко, хотя прежде — даже в те времена, когда он считал себя куда большей бездарью, чем ею являлся, а остальные активно это подтверждали в угоду требованиям королевы, — никогда так быстро не сдавался в глупых попытках ухаживать за первой ученицей их параллели. За могущественной, чёрт возьми, ведьмой, особенно если сравнивать с ним самим.

А сейчас, когда она воочию видела, как его рука прожигает подоконник вплоть до камня, а кровь активирует магическую ловушку, когда он после потери сознания швыряется в чужого мага полноценным резервом — нет, это не могло быть правдой.

Моника могла сколько угодно жить в фантазиях и верить в матриархат, быть уверенной в том, что королева Лиара идеальна и никогда не врёт, но вот глупой её точно никто не решился бы назвать.

Она чувствовала, что что-то тут шло не так.

— Шэйран, посмотри мне в глаза.

Он бросил на неё опасливый взгляд. В Рэе — и Моника об этом знала, — не успел умереть испуганный, уставший мальчишка, которого затравило окружение. Он всё ещё в глубине души оставался той бездарностью, человеком, не способным произвести два десятка искр подряд, хотя это Моника могла сделать уже лет в шесть. Замученный, без талантов ребёнок, “ошибка природы”, как периодами противно улыбалась Самаранта Тальмрэ. Они успокоились со всеми этими подколками, когда Шэйран вырос — потому что даже Мизель больше не могла игнорировать то, каким он стал, пусть и натягивала маску холодного равнодушия, — но ведь травмы никуда не пропали. Никто не беспокоился о том, чтобы ему было хорошо или легко.

Лэгаррэ не хотелось нынче строить из себя учительницу. Он подавил страх прошлого за считанные секунды, сменяя его маской ненависти, но до конца спрятать не успел — какой-

то кусочек ещё оставался заметным и упрямо пугался откуда-то из глубины, теперь уже отступая на задний план более старательно, мнительно и поспешно. Всё это потеряло значение несколько минут назад, но теперь вновь вышло на первые позиции.

И Монике не было его жаль.

Но и назвать себя равнодушной она тоже почему-то не могла, будто бы чувствовала к этому парню что-то куда теплее стандартной маски холода и предельного раздражения.

Жалость унижала. Унизить Шэйрана почему-то не получалось.

— Шэйран? — она осторожно коснулась кончиками пальцев его подбородка, заставляя чуть опустить голову и посмотреть ей в глаза. — Скажи мне, что у тебя с резервом. Ты же знаешь, что можешь мне рассказать.

Он оттолкнул её руку, перехватив запястье, и толкнул на кровать — на самом деле, лишь бы избавиться, — а сам занял стул напротив.

— Ну, слушай, если верить тебе, то такого со мной случиться не могло точно. Ведь я мужчина, а мужчины не достойны быть носителями магии.

— Я попытаюсь поверить, — честно заявила Моника. — Обещаю, я не буду говорить тебе ничего, пока не дослушаю историю до конца.

— Зачем тебе это? — недовольно переспросил он. — Нет ничего интересного. Потом ты всё равно скажешь, что мне приснился отвратительный сон о лжи и о том, чего быть не может.

— Боги, Шэйран! Ты наследный принц этой чёртовой державы, а ещё до сих пор боишься женского неодобрения?

— Тэллавар Гартро преисполнен желания сделать меня своим учеником и открыть какие-то там врата. Потому он торчит тут и полощет отцу мозг вот уже который день. Он обозвал меня “кладезем магии” и сказал, что, если я захочу, могу наполнять свой резерв моментально, потому что не должен черпать силы, а могу продуцировать их сам. Заявил, что это работает как с моим слабеньким запасом магии, так и в случае Высших, и намерен — не за просто так, — из меня этого высшего воспитать. И, да, я знаю, что человек не в состоянии сотворять магию из ничего, потому, скорее всего, это бред сивой кобылы. Знаю, что такого не бывает. Довольна?

Он отвернулся и долго смотрел на непримечательный пергамент на столе, словно планировал испепелить его одним только своим взглядом. Монике почему-то вдруг захотелось рассмеяться — просто так, не в качестве издевательства над ним, а чтобы снять проклятое напряжение.

— Шэйран...

— Слушай, я и так не дал тебя казнить, повесить рядом с Мартой на соседнем суку. Может быть, ты от меня отстанешь и наконец-то уйдёшь.

Мон поднялась и подошла поближе. Пальцы как-то сами по себе пробежались по волосам — Рэй ещё ниже склонил голову, будто бы самым любопытным в этой комнате был пейзаж на ковре.

— Шэйран, я правда старательно пыталась забыть о своём прошлом, но это не делает меня настоящей эрроканкой, — она вздохнула. — Но это не делает тебе чести, что ты не знаешь ничего о своих же предках.

— О каких предках? — парень устало потянулся за свитком и раскрутил его, внимательно всматриваясь в закорючки, начертанные малограмотным человеком.

— Элементарных. О Дарнаэле Первом, например.

— И что я должен о нём знать?

— Ну... — Моника запнулась. — Это, конечно, государственная измена, наверное, — она мотнула головой.

— Я тебя помилую, — Шэйран поднял голову. — Давай, порадуй уже или добей окончательно. Пойду, повешусь на этом свитке, авось выдержит?

— У Дарнаэла Первого, говорят, был неисчерпаемый резерв, — выпалила она. — Ходили слухи, что король может магией испепелить полстраны, а потом восстановиться за полдня и закончить дело, а ему за это ничего не будет, потому правительство Элви и пошло на союз с Дарной, а Тьерроны получили трон. Потому что первая династия так колдовала. Вот. Но я тебе ничего не говорила!

Рэй кивнул и молча, с каким-то раздражённым выражением передал девушке список с начертанными на нём символами.

\*\*\*

Потемнело окончательно. Полночь разорвалась на кусочки от яркого света — лунное сияние смешивалось с потоком мелких, надоедливых звёзд, и те вспыхивали то тут, то там, старательно падая под загаданные желания несносных романтических парочек.

Дворец, казалось, тянулся шпилем к небесам. Виднелась башня библиотеки; Шэйран подарил ей короткий мрачный взгляд и зашагал в противоположную от замка сторону. Конечно, выходить среди ночи никто ему не запрещал — но всё равно Рэй как-то опасливо осматривался.

Площадка, что была его целью, оказалась сразу же за дворцом, в преддверии садов. Тут часто сражались на мечах, а самое главное, наблюдать за полем боя можно было только став рядом или заняв специальные лавки вокруг. Среди ночи множество желающих так и не появилось, но, впрочем, огни магических боёв заметить всегда легче, чем сражения на мечах.

Шэйран остановился как раз по центру площадки и возвёл взгляд к небу, с отчаянным раздражением поминая незлым тихим тех, кто его сюда вызвал. В том, что противник будет не один, он даже не сомневался.

Они решили надавить на гордость. Довольно непрофессионально, но кто их знает, эту стражу. Чем они вообще думали, когда пытались выдать множество за одного, подписавшись в одной и той же точке одинаковым крестиком? Они сами начали играть не по правилам, ну что ж... Обходить установленные нормы не так уж и трудно, если твои соперники — всего лишь стайка самонадеянных людей, у которых магия хромает на все три больно выпрямленные извилины.

В свитке среди громадных формулировок, рассчитанных на, очевидно, необразованного человека таилось множество опасностей. Лишение магии — самая важная из них, но Шэйран не собирался отказываться.

Король Дарнаэл считал бои с помощью договорных свитков глупыми и ввёл на них запрет. После тот сменился строгим ограничением, но оно подразумевало, что несколько раз особо одарённые мстители могут воспользоваться подобным видом сражения. Вызывали с помощью особых свитков на магической бумаге, на которой невозможно было ограничить своего противника и лишить его силы окончательно, но можно было поставить условия, при которых она была бы действенна.

И они попытались поймать на этот крючок Шэйрана.

Откажись он — и на следующий день проклятые пограничники, решившие, что мстить

на придворном маге легче, чем на королевском племяннике, распускают такие слухи, что даже объявление короля о том, что у него есть сын и, соответственно, законный наследник, не только его не спасёт, а ещё и похоронит.

Рисковать парень не собирался, по крайней мере, молвы ему в жизни хватало и без надоедливой отцовской стражи, что никак не могла успокоиться в своём приступе зависти.

Прошло ещё минуты две, прежде чем стражник наконец-то появился. Он был без тяжёлых доспехов и кольчуги, с одной, сиротливой шпагой — по условиям боя, они не имели права защищаться с помощью дополнительных материалов, кроме выбранного оружия да собственных сил.

Магия, конечно, считалась собственными силами, если относительно неё не прописывали несколько условий. Они в равной мере касались каждого участника боя, но Шэйран прекрасно понимал, что как раз это ограничение может сыграть только против него.

Могло бы, если б стража была чуть умнее.

— Прекрасный вечер, — промолвил он, внимательно глядя на своего соперника. Ладонь сама по себе скользнула на эфес шпаги, проверяя, есть ли оружие. Шэйран знал, что оно мало чем ему поможет, но всё же... хоть какое-то прикрытие в случае чего.

— Жаль, что придётся омрачить его трупом одного надоедливого мага, — протянул стражник. — Или ты наивно...

— Нет, я не считаю, что ты тут будешь один, — весело пожал плечами Рэй. — Так или иначе, вот те семеро, что спрятались в кустах, наталкивают на совершенно противоположные мысли.

Его собеседник вполне живенько, ещё и с довольной ухмылкой на лице, махнул рукой, вызывая своих милых спутников. Сомнений относительно их намерений у Шэйрана не возникало, и он был уверен в том, что нынче будет лицезреть отчаянную попытку пришибить его на месте.

Но не факт, что сработает.

— Ну, волшебник, — хохотнул тот, что у милой восьмёрки был главным, — если ты не был в курсе относительно того, что могут участвовать в бою только те, кто поставил собственные подписи... — он покачал головой. — Мне жаль тебя. Но ты ведь выполнил обещание, когда ставил подпись?

— Право на магию только в доме отца? — уточнил он.

— Именно.

Глупая заковырка, и пришлось выполнять. Впрочем, нельзя сказать, что в пользу драгоценных противников, ну да ладно.

...Они атаковали незамедлительно. Ждать было нечего — в конце концов, беззащитного парня с лёгкостью можно разрубить на мелкие кусочки. Он — не король Дарнаэл, сражается едва-едва.

Уже после первого удара стало ясно, что Шэйран даже не умеет бороться за свою жизнь. Шпага прошла мимо, укол пришёлся в камзол, а не в живого человека, вспорол ткань, а после оружие было наглым образом потеряно где-то на земле. Его ударили в спину, правда, не лезвием, после толкнули с такой силой, что Рэй распластался на земле и успел только приподняться на локтях, когда лезвие чужой шпаги прижалась к горлу. Выступила капелька крови, и маг едва заметно улыбнулся.

— Загадывай последнее желание, — буркнули откуда-то из толпы. Его обступили



ровным таким полукругом, но сбегать магу было некуда. Из круга не выйдет, пока его не признают победителем... а эти не признают. — Мы сегодня добрые, но тебе всё равно лучше поспешить, дружок...

— Ответьте мне на вопрос.

Стражники переглянулись. Они даже не воспользовались той гадкой сплетней о Рэе и короле, вероятно, опасались, что Дарнаэл потом им подобного не простит, а вот смерть придворного... Сегодня он притащил помощницу, вот пусть девчонка и колдует, а проклятый колдун покоится в мягкой земле. Или не очень мягкой.

— Валяй, — с улыбкой согласился кто-то с правой стороны.

— Что считается домом короля Дарнаэла? — Шэйран осторожно отклонил в сторону лезвие шпаги.

— Его Величество дома в любом уголке своей страны, — раздражённо ответил стражник. — Глупый вопрос, но...

И тут кто-то осторожно постучал ему в плечо.

— Тогда у меня для вас три новости. Первая заключается в тайне родословной, ибо... — преисполненным ядом голосом, глядя на осыпаящуюся песочком шпагу, протянул Шэйран. — Я королю Дарнаэлу не любовник, как треплет Вирр, конечно... но вполне законный сын.

...Зелёные полозья схватили вооружённого за ноги и поволочили его по земле. Стражник от неожиданности не успел даже вскрикнуть — длинная зелёная лента, сотканная из плюща, уже примотала ему руки к туловищу и вышвырнула за границы круга, предположительно повесив на ближайшее деревце.

Шэйран вскочил на ноги. На пальцах заблестел огненный шар, и стража попятилась. Кто-то поспешно бросился наутёк, но магические стены сдержали его — всё-таки, они тоже приняли правила боя.

Рэй швырнул клубом магии под ноги ближайшему сопернику. Тот завизжал пронзительнее барышни при виде крысы, а после решил повторить успех местного пса и нагло, активно подрывал магическую преграду. Шэйран взвесил в руке следующий волшебный шаг и пристально осмотрел оставшуюся пятёрку, вероятно, из самых смелых.

Они справедливо рассудили, что даже если о Дарнаэле правда, то это не значит, что магрезерв настойчивого гада нельзя истощить. К тому же, он мог вполне оказаться сыном соседнего садовника и притвориться королевским, потому что так выгоднее и они могли бы его пощадить.

Первым делом рубанули по ногам. Шэйран подскочил, отпрыгнул в сторону и ощерился, глядя куда-то им за спину.

Поток волшебства пролетел над их головами совершенно бездумно. Насколько стража разбиралась в магии, то после заклинаний этого рода несчастные бедные волшебники падают на землю и молятся богам, чтобы те немножечко их защитили. Именно это у них вызвало воинственный клич и попытку броситься на Шэйрана.

— Новость вторая, — он говорил это уже мечтательно, игнорируя приближающуюся толпу, — у меня не истощается магический резерв.

Во всём есть свои плюсы. Шэйран не знал длинных и интересных заклинаний, управлял силой практически интуитивно, но резерв возрастал не только от магии, а и от того, насколько он часто её эксплуатировал.

Может быть, лужи, даже хорошо пополняемой, было бы мало, если б у него не было

огромного количества простых заклинаний. Но за последнее время парень добрался до уровня ну хотя бы пруда.

Посему стража врезалась в невидимую стену. Воздух рванулся на них, до этого нагло сжатый, хотя это казалось невозможным, и сбил с ног, разбрасывая по всей площади.

Один из стражников справедливо рассудил, что парень всё же не бессмертный. Размахивая шпагой над головой, аки заправским двуручным мечом, он бросился в атаку, и Шэйрану защититься было определённно нечем.

Он подхватил свою собственную, благо, лежавшую совсем близко, и в последнее мгновение успел заблокировать удар. Дальше средства выбирать не приходилось — Шэйран с силой ударил открывшегося профана-противника эфесом шпаги между глаз, а дальше зелень сделала своё дело, уволакивая его на деревце.

Четверо не подвешенных за нижние конечности к лучшему другу магии короля, кажется, стремились нападать быстро и стремительно. По крайней мере, хорошего воина опознать было не так уж и трудно, и Рэй в последнее мгновение осознал, что магия не всесильна.

Он сам сумел отбить от силы три или четыре удара. Следующий оказался обманным, и теперь рана красовалась на плече — рваная, болезненная. Конечно, шпагу Шэйран не выронил, но он должен был сосредоточиться для того, чтобы колдовать. Да и залечивать сейчас свои же ранения казалось немного несвоевременным.

Острые шпаги оказались у горла. Он сам упёрся спиной в потрескивающую от волшебных зарядов магическую стену, и стражник уже направил лезвие, чтобы пронзить незадачливого мага насквозь, но Рэй отступил на несколько сантиметров в сторону.

Шпага осыпалась пеплом. Раздражённая, злая магическая стена швырнула в того, кто посмел ей помешать, остатками скопления собственной силы, замерцала и поспешно погасла, отказываясь от сотворённого, но её реакция больше не имела никакого значения.

Шэйран понимал, что нет времени тянуть. Проклиная себя за то, что всё-таки не озаботился расширением резерва в своё время, он выплеснул всю доступную магию на стражу, уничтожая их оружие.

Волшебные ростки прорвались со стороны дерева, скручивая ноги предателей-стражников и утягивая их обратно к деревцу.

Он отряхнулся. Проклятье, и зачем только было соглашаться на это?

Сражение оказалось лёгким, да, но рана не планировала затягиваться, да и Шэйран отлично понимал, что справился только потому, что соперники слишком глупы. Может быть, если б они не верили в то, что человек не будет колдовать, то не допустили бы такое количество досадных оплошностей, а теперь уж ничего не поделать.

Единственный не подвешенный за ноги к дереву оказался именно тем, что и писал это послание и был инициатором мести. Он лежал у линии магической стены, что уже давно успела погаснуть, и тяжело дышал.

— Какова будет третья новость? — хриловато поинтересовался он. — Если ты думаешь, что мы не найдём пути, будь ты трижды маг и хитрец...

— Третья новость, — послышался за спиной уж больно знакомый и от этого ещё более опасный голос, — заключается в том, что за этим подобием драки, когда восемь взрослых мужиков пытались прибить одного почти безоружного наследника престола, следил начальник стражи, — Кальтэн сделал шаг в сторону бывшего магического круга. — Ну, и этот начальник стражи очень недоволен тем, как ведут себя его подчинённые. Ребята! — он

окликнул небольшую группу мужчин — как осознал Шэйран, всего лишь патрульных, услышавших шум.

На самом деле третья новость должна была оказаться совершенно иной, но, впрочем, договаривать он уже смысла не видел.

Пусть их уносит капитан Фэз, Шэйрану было абсолютно наплевать на то, что случится с его соперниками.

— Погрузите этих... Я сам подпишу указ о заключении, — Кальтэн подошёл поближе к магу и деловито осмотрел его порез. — Марш в больничное крыло!

— Обязательно, — Рэй подобрал магический свиток — тот уже очистился и был пригоден для новых вызовов, — собственную шпагу впихнул в ножны, а свободной и при этом здоровой рукой зажал рану на плече, из которой до сих пор лилась кровь.

\*\*\*

До больничного крыла Шэйран, естественно, не добрался. Нынешний пациент, то бишь, Кэор, обязательно спросит, что случилось, Рэй соврёт как-то не так, а после кузена потянет на очередные геройства. Конечно, король способен вытащить из передраги родного племянника или сына, но почему-то Тьеррон-младший не горел желанием узнать, что его двоюродный брат вновь воспользовался магическим вызовом и решил расправиться с обидчиками.

Кэор был всего на пару лет старше, но иногда складывалось такое впечатление, что он годы превратил в десятилетия, именно так воспринимал все неприятности Шэйрана — будто ему был дядей или и вовсе отцом. Учитывая то, что у самого королевского племянника были значительные проблемы с тормозами в голове и умением разбираться в людях, спасать приходилось скорее его. До определённого времени Шэйран вообще мог похвастаться примерным поведением, в отличие от родственника.

Вот только нынче его тоже тянуло чёрт знает куда, а впутывать Кэора в столь опасные дела было невероятно глупо.

По этой причине, Шэйран пометил королевской кровью по меньшей мере три ближайших коридора, в которых он умудрился заблудиться, ибо забыл заклинание ночного зрения, а в простонародье банальный факел, внизу. Ну, не тащиться же в собственную комнату с этой деревянной палицей и огоньком на конце! А то Мон опять прицепится, заявит, что профессиональный волшебник мог бы и поколдовать и видеть в темноте безо всякого фонаря или чего-то в этом роде... Ну, не учился он, ну, не читал дополнительные книги, так что от того, вешаться идти? Так вытянут из петли, отчитают, а потом всё равно усадят на трон, чтоб им пусто было.

Он искренне верил в то, что Моника видела на его мягкой кровати под действием волшебного порошочка, который мирно переключал в девушке в чай в один из некоторых милых моментов, десятый сон, вот только стоило открыть дверь, как Рэй понял, что немного ошибся с соперницей.

Чай Лэгаррэ не тронула. Естественно, это вам не Реза, доверчивая и добрая, хотя и не Мизель, что тебя заставит попробовать, а только потом удовлетворённо закивает и позволит и себе сделать пару глотков. Но нельзя сказать, что уверенных и без сбора противоядий в сумке, что её повесила на крючок рядом со столом.

Моника сердито скрестила руки на груди и смотрела на Шэйрана так, словно он только что смертельно её оскорбил. По этому пристальному взгляду парень окончательно осознал... не свою вину, конечно же, но глупость точно.

Она не просто не хотела чай или заподозрила его в чём-то, она прекрасно понимала, что именно за средство там оказалось.

...Шэйран порадовался, что единственным светильником в комнате была луна. Колдовать не хотелось, равно как и познавать гнев Моники, поэтому он успешно спрятал шпагу куда-то в угол комнаты и принялся переодеваться.

Пожелает — отвернётся.

— С какой целью ты насыпал эту дрянь мне в чашку? — спросила она как можно более холодным тоном, хотя возмущение буквально дрожало в голосе с такой невероятной силой, что можно было задохнуться от его мощи.

Причём задохнуться не Моники, а Шэйрану.

— Ну...

— Я спрашиваю, с какой целью? — Лэгаррэ всё-таки слишком заигралась в суровую преподавательницу, но у Шэйрана не было сил спорить с нею. Парень молча разлётся на кровати, так и не удосужившись сменить брюки, все изгвазданные в земле, или перевязать собственную очевидно глубокую рану.

— Отстань.

Моника поднялась. Шэйран не видел, но зато слышал и вполне мог представить её невероятно грозный вид.

— Если ты надеялся, что получится воспользоваться мною... О Богиня!

По характерному щелчку пальцев, что прозвучал после первого предложения, Шэйран понял, что свет включили — Моника зажгла огонёк, а ещё что он и вправду необразованный дурак, что не смог вспомнить настолько элементарную с магической точки зрения вещь, как небольшой пульсар, способный осветить коридор в радиусе трёх метров. Это ж даже не боевой, а так, светильник... А он вспоминал заклинание ночного зрения, придурок!

По тону предложения уже второго с внезапной ясностью парень понял, что на самом-то деле рана немного серьёзнее, чем он мог себе представить.

Моника прекрасно знала, куда он шёл, потому что видела свиток, но если б Рэй поступил так, как они договаривались, шарахнул магией сразу же...

Но на сразу же хватило б ширины её резерва. Его же — максимум на четверых одновременно, потому что свой спектр силы следует расширять, если, конечно же, он не собирается напрямик на тот свет. И силу контролировать учиться тоже следует, ведь только сумасшедший действительно может рискнуть и позволить себе такую отчаянную глупость — игнорировать дар.

— Как же тебя так угораздило? — прошептала почти испуганно Моника. — Это... Это кто? Больше ран нет?

— Спи.

— Шэйран! Это надо залечить и забинтовать! — возмутилась Лэгаррэ.

— Ты мне не родная мама и не бабушка, чтобы беспокоиться о сохранности моей руки, — прошипел Шэйран. Боли он почти не чувствовал, потому что уничтожить её смог — но лучше б учил не это заклинание, а кровоостанавливающее.

Моника и вправду забралась в постель и положила узкую, прохладную ладошку куда-то на поверхность раны.

Рэй зашипел от боли, сцапав по пути подушку, словно собираясь возместить всю ненависть на неё.

— Расслабь руку, — приказным тоном сообщила Моника. — Немедленно. Если хочешь,

чтобы я правильно всё вылечила.

— Зачем ты это делаешь? Как же это ваше... А, вот! Мужчины — презренные существа, и ни один из них не заслуживает...

— Ты, горе луковое, наследник королевский! — возмутилась Моника. — Во-первых, я не могу оставить на произвол судьбы сына Её Величества Лиары, даже если лично мне его хочется придушить, во-вторых, ты представил меня своей помощницей, а не выдал королю Дарнаэлу, значит, мне лучше с тобой сотрудничать, а в-третьих, если ты не лжёшь относительно своего волшебного дара, то это очень любопытный и магически парадоксальный случай...

— Я в этом списке однажды услышу, что я тебе немного нравлюсь?

— Ни за что! — уж слишком самоуверенно, чтобы это было правдой, ответила Лэгаррэ, и Шэйран едва заметно улыбнулся.

Заклинание работало исправно, но срастались мышцы поразительно долго, словно магия сопротивлялась изнутри. Рэй понимал, что ещё минута, и пальцы сами по себе сожмутся в кулак, а после заживлённое разорвётся, и придётся начинать всё по новой. Вряд ли Моника действительно сможет это сделать.

— Отвлеки меня как-то, — промолвил он, даже не пошевелившись.

— Ты обнаглел, парень. Мало того, что я тебя лечу, я ещё должна водить пространственные беседы? — язвительно уточнила Моника, но придвинулась чуть ближе, разрывая нить надоевшего расстояния. — И вообще, почему я должна ночевать в твоей комнате? Никакого хамства я не потерплю.

— Хамства... — Шэйран зажмурился. Приятное тепло чужой магии наконец-то привыкло к его собственной, и теперь два потока работали в одном направлении. Можно было не истощать Монику, от неё требовалось только сотворить направление для волшебной реки, а всё остальное заполняли восстанавливаемые силы Рэя. Правда, от этого дело пошло ещё медленнее, но Лэгаррэ, кажется, вполне удобно устроилась и убежать пока что не спешила.

Шэйран с досадой осознал, что завтра придётся рано вставать, но, увы, задуманного не отменить. Никто не станет переносить казнь, если придворному магу хочется выспаться.

Вот ради королевского наследника, может быть, и расстарались бы, но, впрочем, Рэю нравилось то, что его пока что никто не грузил тронем, обязательствами и кучей государственных дел.

Жизнь обыкновенного мага ему нравилась куда больше.

— А у тебя есть где ночевать? — перекрутив в голове фразу, пророненную Моникой, поинтересовался Шэйран. — Правда?

— Более чем, — фыркнула Моника. — Я не нуждаюсь в заботе каких-то наглых бывших сокурсников.

— Ну... — Рэй едва сдержал короткий смешок. Наглые бывшие сокурсники — это и вправду хорошая для него характеристика, но почему-то у парня она вызывала исключительно усмешку.

В конце концов, сильным магом ему никогда не быть, равно как и не оправдать вселенских надежд, потому что он отказался от помощи Тэллаваара. А теперь, когда рядом появилась излишне умная и целеустремлённая Моника, всё, включая такие желанные отношения с нею, на пару мгновений стало реальным. Может быть, Шэйрану просто хотелось затянуть действие иллюзии, но верить в то, что однажды она станет правдивой,

хотелось больше всего на свете.

— И где же ты работаешь? Ведь ты понимаешь, что в замке в любом случае куда безопаснее, так что... — он покачал головой и скосил взгляд на плечо, но видел только тонкие пальцы молодой ведьмы.

— У меня есть комната в замке.

— Впервые слышу, чтобы этим местом пользовались, словно гостиницей. Но тогда король не спрашивал бы, кто ты.

— Наверное, Тэравальд не описывал, как я выгляжу...

— Библиотекарь?! — Шэйран едва ли не подскочил на месте, и только короткая вспышка успокоительной магии заставила его вернуться на место. — Ты работаешь в библиотеке? Помогаешь тому эльфу на одну восьмую? Какой кошмар...

— Как по мне, — попыталась защитить своего спасителя Моника, — Тэр вполне милый парень, просто немного ленивый...

— Немного ленивый, да! Большого сплетника, пустобрёха и гада в этом замке не сыскать, — повторил ёмкую характеристику, выданную библиотекарю при личном разговоре самим королём, Шэйран. — О, ты ещё скажи мне, что нашла в нём много чего хорошего и считаешь исключением из сплошной мужской тупости, а может, он даже посмел покуситься на твоё сердце. Успешно?

— Прекрати! — возмутилась Моника. — Среди мужчин не бывает достойных людей, и, несомненно, Тэравальд далёк от идеала...

— И?

— И, естественно, ни о каком успехе и речи быть не могло, — всё так же спокойно дополнила девушка.

Он облегчённо — отчасти, — вздохнул, а после улыбнулся, словно подтверждая подобным жестом собственные мысли.

— Это прелестно, — довольно провозгласил Шэйран. — Интересно, как ты думаешь, кто ещё, кроме Тэравальда, мог бы покуситься на твоё сердце более-менее успешно?

— Ты прекратишь когда-нибудь нести этот бред или нет?

— Нет, — фыркнул парень. — О Первый, эта девушка отвергает внимание наследного принца двух крупных держав — единственных держав! — континента, но принимает его со стороны отвратительного библиотекаря...

— Когда это я тебя отвергала?

Шэйран усмехнулся и повернулся на другой бок — рана уже окончательно затянулась, остался только грубый, не интересующий его в это мгновение шрам. Парень дёрнул Моника за оставшуюся лежать совсем рядом руку и притянул к себе.

— Ну, вот сейчас, например, — протянул он.

Моника никогда не соглашалась с ним, именно потому немного притихла — а может, и вправду вдруг решила, что Шэйран был всё же не самым отвратительным кандидатом на её измученное матриархатом сердце.

— Ты отвратительный человек, Рэй, — вздохнула она. — И невыносимый. Зачем я тебя исцеляла?

Она столкнула его руки со своей талии и направилась к двери, явно собираясь переночевать в библиотеке, но почему-то остановилась, словно вспомнила о чём-то. Велик шанс, что нынче Тэравальд очень пьян и ждёт её для явно неприятного предложения, ну, или уже успел притащить парочку не слишком приличных девушек. Что первое, что второе

Лэгаррэ не нравилось, ни отбиваться, ни слушать чужие вопли она не желала, а работать в библиотеке радикально хуже, чем помощником придворного мага.

— Между прочим, — будто бы прочитав её мысли, чего, естественно, Шэйран делать не умел, протянул парень, — если завтра окажется, что помощница придворного мага — ещё и библиотекарь, то у меня, а потом и у тебя появится несколько серьёзных проблем, связанных с вопросами со стороны короля Дарнаэла. А я бы не советовал испытывать его терпение и внимательность. Потому никуда ты от начальства, Лэгаррэ, не денешься. Будем считать Тэравальда досадной ошибкой.

— Мне действительно нравится работать в библиотеке, — неуверенно промолвила девушка, но больше отрицать не стала.

Она вернулась обратно, отошла подальше от двери и теперь замерла прямо напротив кровати.

— Если ты думаешь, что намного привлекательнее, чем Тэравальд, в моих глазах... И это был не комплемент в сторону Тэра!

— Я знаю, — Шэйран подвинулся. — Да не кусаюсь я! Тут можно десятника вместе со всеми подчинёнными уложить, полигон, а не кровать, ты просто уснёшь на одной половине, а я — на другой. Но я не собираюсь отправлять в библиотеку законную сотрудницу собственного отдела, ещё и отпускать к конкурентам.

— И сколько людей в этом отделе? — уточнила Моника.

— Двое! — гордо провозгласил парень. — Считаю меня, конечно же...

Моника рассмеялась. Ненависти не было; вероятно, все замашки матриархата тут, на родной земле, немного отступали на задний план, и она могла вести себя, как нормальная дарнийка. Иногда Лэгаррэ казалось, что всё очень просто отмотать назад, отбросить глупые верования, но...

Нет. Пожалуй, Шэйран может быть поразительно полезен и подсказать, где именно находится тот самый артефакт-оберег.

А после она выполнит задание королевы Лиары. Наверное.

...Вопреки стандартным обещаниям уже минут через десять руки настойчиво легли на талию, нос уткнулся в её чёрные волосы, и Моника возмущённо фыркнула, но почему-то вместо того, чтобы отталкивать парня, положила голову ему на плечо. На больное, конечно же, да, чтобы болело... Будто бы что-то болит, она ж его сама исцелила!

Но это всё только для задания, исключительно ради него!

===== Глава восемнадцатая =====

Маленькая деревенька уютилась под боком озера Шэллаттэ. Нельзя было сказать, что в ней вообще нужны маги, но Самаранта Тальмрэ решила показать надоедливый мужчинам их место в этом мире, поэтому направила именно сюда, дабы Антонио и Лээн ярко осознали, что делать им в магах нечего.

Но Фарни никогда не унывал. Он не считал это таким уж оскорблением и практиковался в своём творчестве, напрочь игнорируя волшебство. В маленькой таверне на самом берегу у него никогда не было отбоя от клиентов, и парень зарабатывал неплохие деньги на призвании, что его почти уничтожили маленькие способности к магии. Нет, Лээн определённо был счастлив.

К нему даже приезжали из Вархвы, Ламады и Кррэа, хотя Антонио не считал, что у друга такой уж и большой дар к рисованию.

Тем не менее, самому Карра, как он думал изначально, повезло чуточку больше.

Благодаря крови своей драгоценной матери он мог колдовать чуточку больше, чем Лээн, и ещё сохранил способность волшебствовать на пользу местных жителей. Мог, например, паразитов из поля изгнать, после чего пластом лежал три дня, или немного подсобить с большим зубом, но в прошлый раз промахнулся и телепортировал изо рта здоровый, и то не весь, а только внешнюю часть, и местная магичка, оказавшаяся тут проездом, ещё минут тридцать удаляла последствия стараний Антонио.

Грубо говоря, терпеть его в деревне не могли. Столичный франт, выпускник Вархвской академии оказался банальной бездарью, и он каждый раз чувствовал на своей шкуре, что к нему относятся отвратительно.

По правде сказать, повезло у них только одному человеку. Шэйран сбежал так быстро, что его даже не успели остановить, а теперь, наверное, уже получал бонусы от служения королю Дарнаэлу. Как минимум прелестные девушки уж точно были в его распоряжении, в этом Антонио ни на секунду не сомневался. Он так же был уверен, что на самом деле Рэю очень и очень повезло с работодателем, потому что те самые вышеупомянутые прелестные девицы, деньги и так далее в селе на дороге не валялись. В Лэвье их было великое множество, а красавцу-магу можно было даже далеко не ходить, и в замке его тоже никто не прогонит.

Правда, у Антонио была мама, прекрасная, великолепная мама... Но да что с того? У Шэйрана тоже была мама. Более того, существовал и папа, да не такой, что его прятать надо от всего мира. Лээн в великую тайну господина Тьеррона-младшего посвящён не был, а вот с Антонио они вместе выросли во дворце, ничего толком не скроешь.

И Антонио даже отчасти ненавидел своего друга. Почему? О, за ответом не следовало далеко ходить. К огромному сожалению парня, Тэзра, его мать, тоже предпочитала именно Шэйрана. Она говорила, что мальчик талантлив и умён, что он может даже стать однажды королём, а вот её Анио... О, позорище на её голову, не умеющее колдовать, переползающее с курса на курс только благодаря тому, что она каждый раз являлась в экзаменационную комиссию и ненавязчиво повторяла Самаранте, что статус Высшей у той заберут, как только узнают какой-то её важный-преважный секрет.

А Карре отчаянно хотелось, чтобы он мог хоть что-то. Имел определённое влияние всё в тех же определённых кругах, что были, увы, недоступны практически постоянно. Ему хотелось власти, счастья, хотя бы чего-то, но никто не собирался этого ему давать. И мир так старательно рушился, что Антонио каждый раз сжимал в пальцах исключительно его осколки.

...Сейчас в маленькой таверне было пусто. Конечно, Шэллаттэ — популярное местечко посреди лета, но все нынче торчат на берегу, а не в затхлом помещении.

Лээн же отказался уходить. Он что-то там старательно рисовал и не планировал отвлекаться на всяческие мелочи, поджидавшие его за каждым углом. Портрет был уже почти окончен, но Антонио хотелось только ныть и требовать внимания. К Лээну приходили часто, с Фарни много общались, а Карра постоянно оставался не у дел. Вероятно, ему так и светит быть вечным неудачником, тащиться последним за лучшими, более весёлыми товарищами.

Заскрипела дверь, и владелец таверны оживился. Одна его рука упала на бутылку дорогого вина, вторая быстренько сменила прејскурант для местных с низкими ценами на тот, что гостевой, с огромными, взвинченными, как говорится, до самых небес. Позорище, а не прејскурант, но таковы правила торговли.



Лээн оживился. Фарни в последнее время отчаянно искал яркие типажи, а прелестная ведьма — именно ведьма, она не могла быть обыкновенной девушкой, — моментально привлекла его внимание.

Красавица обладала поразительными тонкими чертами лица, была бледной, но так благородно, словно кожу кто-то сделал из фарфора. Высокие скулы, большие глаза... О, её внешности позавидовала бы сама Мизель! А уж какими красивыми казались эти чёрные волосы, собранные в непонятную высокую причёску.

— День добрый! — залезил владелец таверны, выбираясь из-за барной стойки, и бросился к девушке. Он отобрал у неё сумку, что, вероятно, весила не больше килограмма, и потащил к своему стандартному месту обитания, постоянно рассыпаясь в благодарностях. Слушать его было невероятно противно, но, впрочем, Антонио не проронил ни единого слова.

Это Лээна могла вдохновить незнакомая красотка. Карра перехватил взгляд чёрных глаз и сразу же ощутил, что что-то тут не так. Предчувствие раненной птицей билось в его груди, и почему-то парню отчаянно хотелось куда-то от неё спрятаться, причём немедленно. Может быть, девушка не желала ничего злого, но впечатление возникало абсолютно противоположное, будто бы она только и ждала, как всадить нож в спину.

К огромному сожалению Антонио, не к кому было взывать. Здравый смысл в Лээне уснул, стоило только увидеть лебяжью шею и длинные пальцы истинной магички или музыканта.

— Не к добру это, — Антонио подался вперёд, стараясь говорить как можно тише, но незнакомка вряд ли интересовалась их личностями. — Тут что-то не так. Она не зря припёрлась в наше захолустье.

— Такие не припираются, такие могут только нахлынуть, словно морская волна... — вдохновлённо прошептал никогда в своей жизни не видевший ничего больше лужи за окошком, то бишь озера Шэллатэ, огромного и красивого, но несравнимого с океаном, Фарни. — Нет, определённо, я должен с нею познакомиться... Сейчас я подойду и попрошу нарисовать её портрет...

— С ума сошёл? Если нам повезло, то она тут проездом, побродит-побродит, да и успокоится. Максимум уведёт парочку клиентов.

— Ты думаешь, что она художница? — Лээн на мгновение вынырнул из собственных мечтаний. — Но нет. Ведь это самая пре...

— Дурень! — зашипел Карра. — Она ведьма! И все клиенты, что у нас были, моментально перейдут к ней... А если она на постоянной основе, решила воздухом озёрным подышать, то всё, крышка!

— Ты странно разговариваешь. Складывается такое впечатление, что за время в деревне ты смог сделать что-то большее, чем мелкое членовредительство.

Антонио покраснел. На самом деле, тут и не требовался никакой волшебник, так обходились, но ему нравилось чувствовать себя полезным. Нравилось приносить людям хоть что-то кроме вреда, нравилось, в конце концов, радоваться тому, что вырванный зуб встал на место, а поле будет плодоносить!

— Она обязательно нам навредит. Я ещё не могу понять, как именно, но добром это не закончится, — с должной долей упрямства заявил Карра. — И мне кажется, что лычше нам убираться от...

Он не договорил. Прелестная незнакомка оторвалась от барной стойки и посмотрела на

него своими чёрными, обсидиановыми глазами, а после Антонио сам не понял, как успел скоропостижно отдать ей своё сердце в отчаянной борьбе с рассудком.

— О Богиня...

Девушка направилась к ним бодрым шагом. Казалось, мужского покроя одежда ничуть её не портила, даже наоборот, приукрасила, и можно было подумать, что это не обыкновенная красотка, а самая настоящая нимфа, которой хорошо и в обносках.

— День добрый, мальчики, — голос у неё оказался почему-то немного хриловатым и резким, не таким идеальным, как всё остальное, но в мыслях парни сто раз простили прелестнице все её минусы. У каждого человека должны быть свои недостатки, а значит, она продемонстрировала свой так просто и открыто, что других просто не существует. — Вот тот владелец таверны сказал мне, что вы здесь работаете магами.

— Я больше художник, — пожал плечами Лээн. — Так, рисую портреты на заказ, пытаюсь помочь человечеству столкнуться с прекрасным... Магия — это, увы, не моё. А вам что-то нужно?

— А я маг! — воскликнул Антонио с невероятным энтузиазмом. Казалось, прелестница давно уже стала менее прекрасной для чем-то недовольного Лээна, что теперь осмотрел её на диво пристальным взглядом, а вот Карра был готов продать за неё душу. Диво дивное, как меняются предпочтения за считанные секунды. Он вроде бы не желал даже смотреть в её сторону, а теперь выглядел на диво возбуждённым и восторженным, словно случилось нечто необыкновенное.

— О, как это прекрасно, — девушка подтянула стул к их столику и устроилась, закинула ногу на ногу, демонстрируя всем грязные сапоги, все в пыли после долгой дороги, и вновь призывно улыбнулась. — Меня зовут Лиррэ, и я действительно собираюсь воспользоваться вашей прелестной помощью, как магов.

— Антонио, — с готовностью подался вперёд Карра. — А это... — он скривился, — Лээн Фарни. Но я могу помочь и сам!

— О, да, ты можешь, — скривился Лээн. — Но маг с меня и вправду никакой, пусть уж лучше Анио.

Лиррэ покачала головой.

— Мне нужны вы оба.

Антонио воспрянул духом и подался немного вперёд, откровенно собираясь заявить, что нынче готов молиться на красавицу.

— Да? А что надо делать? — не спеша соглашаться, спросил Фарни. — Может быть, мы и поможем, но если это вдруг окажется не по силам, то будет некоторая проблема с исполнением. Мне искренне жаль.

Лиррэ покачала головой.

— Это довольно просто. Не надо делать ничего особенного, — она улыбнулась. — Я направляюсь нынче в Эльвенту. Но ведь вы знаете, что там привыкли к верховенству мужчины... И что туда без сопровождения отправляться опасно?

— Именно! — возопил Антонио. Лээн бросил на него непривычно строгий взгляд, словно стремясь удержать от очередного приступа глупостей, но, увы, друг уже сорвался с цепи и потерял всяческое подобие самообладание.

— Ну, я б так не сказал, — покачал головой Фарни. — С нас плохие защитники, уж поверьте.

— Но компания-то хорошая! — улыбнулась Лиррэ и устремила на Лээна свой строгий,

уверенный взгляд. Он сглотнул — подействовал практически безотказно, словно девушка превратила его в свою собственную марионетку. — Там, по пути, можно и рисовать, если хочется, да и повидать много интересного. Разве есть смысл отказываться от такого рода предложения? Я плачу.

— Мы согласны!

Антонио отозвался вновь за двоих, но Лээн охладил его порыв одним коротким жестом. Что-то в девушке было не так. Что-то, за что цеплялся взгляд, что-то неправильное, неверное в каждом её движении. Фарни внезапно показалось, что перед ним не молодая двадцатилетняя, ну, может быть, плюс парочка лет, девушка, а уже измученная жизнью и постоянными метаниями женщина лет шестидесяти. Грузноватая, осунувшаяся, посеревшая?

Он даже не мог понять, в чём это выражалось. Но видел. Видел в каждом её жесте, когда незнакомая Лиррэ не таилась и не следила за тем, что делала. Лээну показалось, что проблема в том, что сейчас она не пытается его очаровать. Но если б только пустая ревность упрямо толкала его на глупости!

Пальцы сами по себе сжали карандаш. Он посмотрел на Антонио почти ревниво, убедив себя в том, что красавица вызвала у него подозрение только по этой глупой причине. Ведь как можно мысленно поставить её в пару к Анио? Он почти бездарен, и...

Фарни мотнул головой. Его магия не намного лучше, а то, что он умеет хорошо рисовать, ещё ничего не значит. Шэйран вот всегда преуспевал в колдовстве на фоне их троицы, да и женщинам нравился куда больше, но ни разу не обвинял своих друзей в том, насколько они плохи. И даже если от Рэя отбегали подальше потому, что Лээн стоял рядом, тот не пытался отойти.

Впрочем, это Шэйран. Если б подобное случилось при Антонио, то, пожалуй, тот бы с радостью отрёкся и от родителей... Нет, не от матери. Не потому, что любил, а потому что что может быть полезнее Высшей Ведьмы Кррэа? Разве что сама королева, но должность её сына занята.

— Послушайте, — Лээн подался вперёд. — Может быть, Карра и согласен, но я предпочитаю услышать условия договора, а не бросаться вслепую.

— Трусите, молодой человек? — Лиррэ подалась вперёд и осторожно коснулась его запястья. Пальцы безвольно разжались, и карандаш рухнул на пол. Она действовала и вправду невероятно — парню хотелось заключить её в объятия и не отпускать.

— Я хочу узнать условия, — настойчиво промолвил он. — Мы не можем просто так терять удобное место.

— Вы просто меня сопровождаете, — пожала плечами девушка. — Будете меня защищать, но не думаю, что кто-то нападёт.

Её сети были прочны. Антонио уже успел дать собственное разрешение, и теперь слово оставалось за Лээном. А тот просто физически не мог быть единственным человеком, что сопротивлялся отвратительному, страшному влиянию. Ему казалось, что он сейчас, сию секунду, задохнётся, и всё.

Голова закружилась. Прекрасная девушка слишком настойчиво подалась вперёд и сжала его ладонь, будто бы пытаясь намекнуть на что-то.

— Я согласен, — наконец-то выдохнул Лээн. — За вами, прекрасная, хоть на край света!

— Мне не надо на край свете, — пожала плечами Лиррэ. — Мне надо отправиться в Лэвье, вот и всё. Это не настолько далеко. И... Я заплачу.

Фарни хотелось отказаться. У него были определённые накопления после магической академии, потому что это только магички от мужчин-волшебников воруют носы, да и тут он успел немного подзаработать.

Но у Антонио за душой не оказалось ни гроша. Сын Тэзры, как же... Он просто не мог просить у матери денег, потому что считалось, что должен доказать самостоятельность. Ну... Пусть доказывает!

Лээн осознал, что поразительно сильно устал. Он больше не мог спокойно реагировать на эту девушку, не мог смотреть на неё без отчаянного вожделения, что так и вырывалось на свободу в сплошном потоке. Это походило на отчаянное безумие, с которым он боролся, но очень и очень слабо.

— Знаете, — протянула Лиррэ, — мне не к спеху... Если вам нужно подумать...

— Нам не нужно, — уже и не сомневаясь в этом, ответил Лээн. — Мы можем отправляться тогда, когда вы пожелаете. Как вам будет удобно. Да и вообще... Мы не имеем значения.

Антонио уже теперь смотрел на неё неуверенным взглядом. Лиррэ своей красотой и чем-то ещё сводила с ума, и умудриться как-то сдержать порыв было невероятно трудно.

— Хорошо, прелестные. Давайте встретимся тут завтра утром... Соберите вещи, найдите лошадей. И отправимся. Как только, так сразу. Ведь вы знаете, какая дорога в Лэвье самая короткая?

— Конечно! — Антонио не был выдающимся магом, но в картах он разбирался хорошо. Наверное, именно потому вызубривал то, что давалось ему легче всего, чтобы в один определённый момент иметь полное право возглавить процессию.

Лиррэ кивнула. Она уже была уверена в том, что её затея окажется поразительно, невероятно успешной.

\*\*\*

Их маленькая комнатка оказалась внезапно опустевшей. Лээн смотрел тоскливо на картины, что собирался отдать тавернщику. Когда он вернётся, мужчина отдаст ему хотя бы часть денег из выручки, и то уже будет поразительно хорошо. Так или иначе, отказать прекрасной незнакомке он не мог. Не хватало моральных сил, что ли? Удивительно, как просто у хрупкой девушки получилось связать их с Антонио!

Карра выглядел удивительно счастливым. Его глаза лучились счастьем и довольством, словно ехал с Лиррэ он один, да и вообще, апломб главного уже твёрдо закрепился, и теперь Антонио ни за что не расстанется с ролью, что сам для себя придумал. Главный! Самонадеянный, самоуверенный, он словно собирался открыть себя, показать во все красе этой странной девушке.

— Знаешь, зря мы согласились, — наконец-то неуверенно, с тихим сомнением в голосе протянул Лээн. — Сдаётся мне, что это просто не может закончиться добром. Рано или поздно...

— Не будет никакого рано или поздно! — беспечно отмахнулся Антонио. — Разве ты не видишь? Она прекрасна. Идеальна... Волшебна!

— Вот в том-то и дело, что вижу. Волшебна, — кивнул Лээн. — А просто так волшебными не бывают. Это не начинается на ровном месте.

Но Антонио не планировал его слушать. Он уже закрылся в собственных мыслях на тяжёлый висячий замок, а теперь не собирался отпирать, будто бы сокровенное должно было спрятаться где-то в душе.

Это вызывало раздражение. Фарни и себя тоже корил за отчаянную глупость, но всё же старался как-то удержаться на плаву. С этой девушкой что-то было не так. Рядом с нею он забывал о том, как дышать, а самое главное...

Что случится, когда столь отчаянная красавица явится в Лэвье? Может быть, соседнему государству грозила опасность?

Лээн знал, что думать об Элвьенте он тоже не должен. Эта страна его не волнует, есть и есть, пусть себе живёт. Но ему не хотелось думать плохо о Дарнаэле Втором, что поднимал её из падения и завоёвывал земли. Нет, тот слишком многое вложил в свой маленький, новоявленный мирок, чтобы неизвестные вот так легко всё расколотили.

Но Фарни понятия не имел, куда они направлялись.

Он отбросил тёмную прядь со лба, устало вздохнул и выпрямился, будто бы пытаясь понять, что забыл. Краски на месте, карандаш тоже, несколько чистых листов для рисования... холст...

— Ты б одежду взял! — фыркнул недовольно Антонио, старательно упаковывая запасные штаны в свой мешок.

Лээн досадливо ударил себя ладонью по лбу, словно напоминая этим жестом о том, что игнорировать такой важный предмет гардероба нельзя, и грустно вздохнул. Так или иначе, он был неприспособлен к жизни.

Вархва отняла у него шанс стать прославленным художником с дипломом. Зачем он отправился туда и потратил годы своей жизни на бессмысленное обучение, парень понятия не имел, но возвращать течение времени назад не было ни времени, ни смысла. Всё как-то так само пошло, и он не успел оглянуться, когда чудом получил отвратительную бумажку с распределением.

Те таблицы сначала показались приговором. А после он понял, что ничего лучше озера не видел в своей жизни и рисовал его часами, пока наконец-то не увидел второе идеальное существо.

Лиррэ.

Она занимала мысли слишком нагло, будто бы ураган. Выталкивала всё, выгоняла, вышвыривала из головы то, что могло бы ей противоречить. Холодная, с глазами, сотканными из сплошной тьмы, она явно не была доброй, но при этом тянула к себе, словно магнит.

Лиррэ должна была говорить с человеком, чтобы привлечь его к себе. Единственное неидеальное, что было в ней — голос, но именно он завораживал. Конечно, Лээн видел, что она очень красива, но то всё было напускным... Когда таинственная красотка обращалась к нему, сердце переполнялось любовью. Хотелось быть рядом, хотелось ради неё всё рушить, уничтожать на пути каждую преграду, и такой преградой становился Антонио.

Ведь она просто желала добратся до столицы, да и только! Может, у девушки там важные дела или родители? Она бы потянула на жительство Элвьенты, ведь в Эрроке много светловолосых...

А она — темноглазая брюнетка.

— Знаешь, — вздохнул Антонио, — мне тоже вдруг показалось, что тут что-то не так. Но я потом подумал... Чем может сделать девушка? Они ведь слабы.

— Это мысль элвьентца, а не эрроканца, прошептал Лээн. — Что-то не так, да, но... В общем, мы же уже согласились?

Карра показался Лээну грустным. Больше оттягивать было некуда — им оставалось

только взять свои вещи и уйти, вот только... Казалось, опасность дамкловым мечом зависла над головой и отчаянно пыталась её отрубить — поспешно, грубо, нагло. И как бы из всего этого не получилось ничего плохого...

\*\*\*

Лиррэ стояла на улице. Со стороны озера доносился лёгкий ветерок, и она вдыхала приятный, влажный воздух, словно пыталась пропитаться им. Настроение было отличным — уловка работала.

Она отдала свою магию когда-то давно, но в этой ипостаси умела колдовать. Да, чары Лиары остались только в голосе, вот только Лиррэ прекрасно знала, что способна заставить своими словами любого мужчину подчиниться. Или почти любого.

Брюнетка плохо помнила собственное прошлое. Ей казалось, что оно растворилось в далёкой пустоте и теперь только осторожно касалось её сознания будто бы пером, щекотало издалека и отступало.

Как её звали в прошлой жизни? Лиррэ не знала. Вторая ипостась со всеми её личностными переживаниями отступила на задний план.

Девушка помнила, что она собиралась завоевать для кого-то трон и уничтожить короля Дарнаэла. Что же, это она сделает, но потом... Наверное, потом изменит тактику. Ей тоже хотелось власти, но пока что Лиррэ не могла определиться со своими целями до конца.

Она попыталась ухватиться за нитку мыслей, вытащить прошлое на свободу. Почему-то казалось, что в другой жизни она тоже была кем-то интересным, но кем? Девушка не знала, да и вникнуть не особо получалось.

Додумать ей не дали. Откуда-то из домишки за углом появились два её кавалера — две пешки, которых она превратит в ферзей, а после воспользуется, как разменной монетой. Впрочем, Лиррэ до конца не понимала, что именно должна сделать для достижения цели, вот только это не имело никакого значения... Пока что.

— Мы готовы, — подоспевший Антонио уклонился перед Лиррэ, и она подарила ему короткую, ничего не значащую улыбку, что, впрочем, могла бы призвать к приступу обожания практически любого мужчину.

Дар постепенно утихал. Способности Лиррэ менялись с огромной скоростью. Иногда она могла метать молнии взглядом, хотя более чем на одну не хватало сил, после оказывалась почти бездарной, потом внезапно получала возможность соблазнять мужчин голосом. Это, последнее, продержалось достаточно долго, но даже самое хорошее имеет свойство рано или поздно заканчиваться, поэтому Лиррэ предпочитала не особо надеяться на магию. Главное — это её разум.

Шэллаттэ постепенно зацветало множеством синих красок. Сегодня вечером должен был состояться очередной праздник, и хрупкие девушки уже пускали цветы с берега на водную гладь.

Лилии плыли по поверхности, не желая падать вниз, венки стекали по почти отсутствующему течению, рвались в противоположную от реки, что впадала в Шэллаттэ, сторону. Вода терзала нежные лепестки, но Лиррэ это нравилось — акт насилия природы над самой собой.

Она хмыкнула и запрыгнула на лошадь.

— Мы спешим, — промолвила она, — но сначала надо кое-куда заехать. Тут, в дне пути, есть одна деревушка, я куплю там воды. И, конечно же, мы... Должны решить одну маленькую проблему.

Антонио доверчиво пожал плечами. Художник тоже не показал собственного беспокойства, хотя оно присутствовало, и Лиррэ поняла, что они уже попались к ней на крючок. Для этих ребят всё кончено, пусть они и не догадывались о том, насколько много проблем ждёт их в будущем. Но... Пусть. Это не имело никакого значения — колдунья чувствовала, что старая сущность может возжелать вернуться, а этого она желала меньше всего на свете.

Вторая ипостась ничего не помнит о первой. Первая знает о второй всё, но не факт, что всегда может ею воспользоваться.

Лиррэ хотелось победить. Это была её магия, её могущество, а ту, что оказалась по другую сторону сознания, она старательно оттесняла, пусть женщины и являлись частями одного целого. Магия превратна, её трудно понять, но обыграть, если обладать должной долей умения, более чем можно.

Всё это затягивалось в долгую, холодную канитель, и девушка просто повела лошадей вдоль берега озера. Они никуда не спешили, за ними никто не гнался, преследователей не было... почему бы и не потянуть время? Разве от этого кому-то может стать хуже?

\*\*\*

Маленькая деревушка появилась уже ближе к вечеру. Совсем крохотная, на пару десятков домов, она ещё меньше походила на курортный центр. Таверны в ней не было и вовсе, но Лиррэ направилась куда-то весьма уверенно, ещё и потянула лошадь за собою.

Остановились они, как оказалось, в пустом доме. Людей на улицах деревушки нельзя было заметить, волшебство действовало стандартно, и Лээн с Антонио уснули практически моментально.

Ведьма вышла на улицу и вдохнула свежий озёрный воздух. Тут Шэллаттэ наконец-то заканчивалось, дорога огибала наглое озеро и тянулась дальше, прямо к Лэвье. Никуда не сходить с неё, и они появятся в столице уже довольно скоро. Но Лиррэ нужны были гарантии, иначе она бы уже гнала лошадей во весь опор туда, где её ждала собственная цель.

На берегу озера дышать было довольно хорошо. Девушка села на огромный камень и заглянула в воду.

Там отражалась не она. Не было обсидиановых глаз и чёрных волос, не было фарфоровой кожи — в тонкой струйке лунного света виднелась среднего роста полноватая женщина. Светлые пряди спадали сединой на плечи, выцветший взгляд поражал своей серостью. Если б Лиррэ не знала, что искать, то ни за что не рассмотрела бы на тонкой дорожке никого, кроме себя самой.

Далла Первая, бывшая королева Эрроки, появилась перед нею, вытянулась во весь рост и тонким призраком встала на тропе. Её пальцы тянулись к кулону на шее, но Лиррэ крепко сжала его пальцами, не позволяя надоедливой старухе добраться до того, что давало девушке жизнь.

Ноготь зацепился за зелёный ободок, но Лиррэ только крепче ухватилась за маленький артефакт, понимая, что закончить круг не имеет никакого права.

— Я преследую совершенно иные цели, — прошипела она, пытаясь коснуться девушка. — Я не давала тебе права поступать так.

— Ты забываешься, — досадливо улыбнулась Лиррэ. Озеро Шэллаттэ молча внимало её разговору, Даллу никто больше не мог увидеть. — Я — это тоже ты. Это твои желания и порывы, это то, какой бы ты стала, если бы вместо замужества попыталась бороться. Ты была бы королевой, и ты хочешь ею быть, но то глупое чувство, что живёт в тебе... Ох, не

могу понять, что это.

— Оно называется любовью.

— О, госпожа Эрроканская... Любовь — это тоже абсолютная глупость! Ты просто не понимаешь, насколько оно неправильное — чувство, которое ты испытываешь. Надо его победить. И я умею это делать, поверь мне. Ты — это я, мы одно целое. Просто я соткана из того, что в тебе умерло.

Далла вновь бессильно рванулась своей второй ипостаси навстречу, но ничего не получилось. Она только столкнулась с холодной стеной магии.

— Зачем ты пришла? — устало прошептала женщина. Старость окончательно поглотила её. Волосы поседели, не оставив ни единой живой пряди, лицо покрылось морщинами, нервная дрожь пальцев выдавала забытую уже давно болезнь. Если Лиррэ станет Даллой, то это тело умрёт за несколько месяцев. Нет, старухе давно пора было отступить, и она собиралась заставить её это сделать.

— Меня достало то, что мои способности постоянно пляшут, словно взбесились, — досадливо промолвила Лиррэ. — И я хочу, чтобы ты это наладила. Немедленно.

— Иначе что?

— Иначе я тебя убью.

Далла поморщилась. Казалось, она ещё лелеяла возможность воскреснуть, поэтому погибать ради постоянного круговорота умений надоевшей ведьмы не собиралась. Она сама допустила эту отвратительную глупость, когда Лиррэ оказалась на свободе.

— Ты ведь понимаешь, что из всего спектра я могу выбрать только что-то одно, — ослабилась женщина. — Понимаешь, что остальное отсеется?

— Понимаю, — Лиррэ кивнула. — Но спектр велик. Если я получу дар Лиары Первой то смогу очаровать любого мужчину, и он рухнет передо мною, кем бы ни являлся. Если я смогу заполучить свои молнии, то никто не устоит передо мною... У моей ипостаси неограниченный резерв!

Далла усмехнулась.

— Это пока я жива, — отметила она. — Пока ты можешь тянуть силы из меня, дорогая, ты вечна. А как только я погибну, вся твоя власть моментально осыплется и перестанет иметь значение.

— Но ты не можешь покончить жизнь самоубийством, — ослабилась Лиррэ. — Давай. Говори мне, кем я буду!

— Ты... — Далла покачала головой и подалась вперёд. — Ты будешь ведьмой, — она почти коснулась поверхности магической стены. — Волшебницей без особых способностей.

Лиррэ расхохоталась. Казалось, выражение её лица на мгновение повторило ту маску злобы, что иногда натягивала на себя и Далла, показывая, насколько она преисполнена ненависти и холода. Нет, Лиррэ надо было остановить. Она... Чудовище — вот кого выпустила на свет бывшая королева.

У девушки слишком много амбиций. Слишком много остатков старой Даллы, что так быстро проснулись в душе отвратительно девицы.

Но они связаны. Если умрёт Лиррэ, пока тело принадлежит ей, умрёт Далла. Если умрёт сама королева, овладев телом хотя бы на секунду... То погибнет и гадкая волшебница со всеми планами, что только крутились в её голове. Но сейчас женщина не могла рисковать в атаке. Надо было ждать подходящего момента.

— Милая... Ты будешь ведьмой с неограниченным резервом, — улыбнулась наконец-то



седовласая. — Это большая редкость, ты же знаешь.

— Конечно, — Лиррэ протянула к ней руку. Тонкие пальцы будто бы светились в воздухе. Она не ожидала, что Далла сделает ей такой подарок. — А ты будешь постоянно рядом, чтобы не уступить место, чтобы атаковать... И я буду знать всё. Не пытайся отравить меня своей любовью, — она тихо рассмеялась, и озеро Шэллаттэ отразило этот звук. Место скопления силы, могущественные воды, что текли откуда-то из урочища далеко-далеко отсюда. — Все заклинания. Все артефакты, о которых ты знала. Как же просто мне будет получить то, благодаря чему Элвента всё ещё цела...

— Дорогая, я не буду рядом, — Далла отступила. — Я спрячусь. Мне необязательно вести войну. Я устала, Лиррэ, — она улыбнулась так мягко, словно и вправду уступила ей место. — Я ухожу, дорогая. И когда-то ты меня увидишь.

— Значит, ты не будешь мне мешать? — в голосе девушки почувствовалась надежда.

Далла растаяла. Она так и не решилась ответить на вопрос, и Лиррэ, нырнув в собственную память, не отыскала следы отвратительной старухи. Она вновь провела кончиками пальцев по шероховатому камню, чувствуя, как сила плещется в ней, а после...

Поняла, что ничего не помнит.

Она знала свою историю жизни. Свои цели. То, что успела познать сама. Но понятия не имела, где все те артефакты, что давали Далле силу. Не знала, что именно ищет у короля Дарнаэла, что оберегает границы его постоянно расширяющейся державы. Ни одного заклинания не было в её памяти!

Проклятье!

Сейчас пропал и волшебный голос. Сначала опомнится художник, потом он заставит и второго, с магическим даром, бороться против неё, и они сбегут, неважно когда. Пешки поспешат скрыться, и она не успеет их схватить, остановить, заставить вернуться. Она вообще ничего не успеет.

Лиррэ опустилась на колени. Ладони слепо скользили по поверхности озера, но ничего не случилось. Она обязана привязать их к себе. Немедленно. Она должна заставить этих ребят служить ей, пока даже это знание не ускользнуло от неё.

Отвратительная старуха всё рассчитала. Она оставила девушку без того, что должно было стать её козырем. Она даже не могла вспомнить привычек проклятого Тьеррона, будь он трижды неладен! Прокляни его Богиня!

Зачем ей теперь резерв, который нельзя исчерпать, если магия плещется только на дне? Зачем ей могущество, если им нельзя воспользоваться, ведь ей для этого просто не хватит мудрости и разума? Зачем?!

Лиррэ закричала. Громко, так, что в деревушке залаяли два пса.

Но тянуть нельзя. Она должна была совершить то, что намеревалась. Если нет голоса, надо воспользоваться озером, пока оно рядом. Далла спряталась тут, развеяла свой дух над местами скопления силы. Шэллаттэ ей поможет. Там, дальше, она станет простой, глупой ведьмой, у которой просто слишком много волшебства в запасе, но совсем мало магии, но пока что ещё есть шансы.

...Она впотьмах добралась до нужного домика и открыла дверь. Парни, естественно, спали, и вряд ли что-то, включая собственный здравый смысл, могло разбудить двух лентяев.

Лээн уснул прямо над своим полотном. С него смотрела красивая девушка — темноволосая, тоже темноглазая, как и Лиррэ, только немного смугловатая. Узнать её оказалось трудно, и Далла тщательно спрятала всё, что могла поведать о незнакомой девице.

Ведьма? Пожалуй, но дальше знания не заходили, и пришлось оставить портрет там, где он был. Ненавистный художник даже его не подписал!

Она сжала в руке тонкий длинный нож, остановилась рядом с ним, а после легонько провела по тыльной стороне ладони. Несколько капелек крови упало в подставленную заблаговременно бутылочку, Фарни дёрнулся, но не проснулся.

Заклинания держали их крепко. А завтра они проснутся и не поймут, что происходит. Они будут незабвенно верны ей, а самое главное, даже не заподозрят в том, что прекрасная Лиррэ содеяла что-то плохое.

Девушка приблизилась к Антонио. Глупый маг! Она мало что помнила о нём, кроме имени и фамилии, но этого, казалось, должно хватить.

Капли крови упали в следующую ёмкость, и она выскользнула из домика, вновь шагая в сторону озера. Шэллаттэ походило на самый настоящий каток, хотя оно не всегда замерзало зимой до конца, часто южные ветры растапливали лёд на середине озера, и ступить можно было только метров на двадцать от берега.

Водная гладь казалась бесконечной. Эта громадина развеет их крови и навеки свяжет с нею, никто не сможет её остановить, но... Ничего больше не имело значения. Знания Даллы уходили так же стремительно, как рухнули на неё, когда старуха появилась перед глазами.

Наконец-то капли крови растеклись по воде. Теперь они тоже серебрились под луной, и Лиррэ чувствовала, как невидимые узы сковывали двух наивных идиотов. Они обязательно покажут ей то, что она попросит, и не посмеют сопротивляться, даже если очень захочется.

Марионетки.

Лиррэ, впрочем, не чувствовала себя счастливой. Впервые за долгое время она казалась себе действительно обманутой.

Все прежние обращения Далла руководила ею. Она вынуждала девушку делать то, что желала сама, подливать разнообразные зелья, творить глупости, а потом, когда наконец-то постарела достаточно, забрала всё, что смогла. Откуда столько жадности? С этим артефактом Лиррэ могла прожить полноценную жизнь, держа Даллу на задворках сознания, и всё!

Старуха не пожелала воспользоваться правом на молодость, но битва ещё не закончилась. Всё ещё впереди. Всё ещё может быть хорошо.

Жаль только, что могло бы быть чуточку лучше, но разве противная Далла способна делиться? Нет, её гадкое желание захватить всё, получить для себя больше, чем даже для второй ипостаси — оно слишком сильное, то, что руководит, движет ею. Но рано или поздно старуха сорвётся.

Рано или поздно Далла проиграет финальную битву.

===== Глава девятнадцатая =====

Дарнаэл положил ладони на перила балкона на втором этаже и осмотрел толпу. По белой поверхности вверх от волнения медленно поползли ростки какого-то растения, но Тьеррон успешно его проигнорировал, пристально глядя на тех, что были вокруг. Кричали, пытаясь дозваться до убийцы короля.

Он должен был бы сегодня выходить сюда для того, чтобы огласить своего наследника, представить народу сына. Не для того, чтобы сказать о том, кого казнят, пару ласковых слов. Не для того, чтобы подписать чужой приговор.

Впрочем, Марта сама виновата. Никто не вынуждал её становиться предательницей. Никто не заставлял её подставлять всю Торрессу, да и разве виновата держава в том, что

отвратительная принцесса так нагло уничтожила всё, что могла?

Маг умер сразу же. Он не желал оказаться тут, быть растерзанным клятвой, которую дал. Волшебство оказалось сильнее человеческой воли, но это в его случае больше не имело особого значения, а Дарнаэл предпочитал временно не думать о прочих делах.

Предателей всегда казнили. Он бы с радостью по-тихому убрал бы её там, в камерах, но народ должен знать, что ему грозит в случае неповиновения. Это ещё хорошо, что её просто расстреляют.

Его мать приказала бы сжечь.

— Даррэ, — королева остановилась рядом и положила сыну руку на плечо. — Ты не передумал? Мне кажется, это слишком мягко.

— Нет, — король покачал головой. — Ты же знаешь, выбора у меня нет, облегчить её участь я не могу, но сделать это ещё хуже... Пусть уж лучше будет расстрел.

— Предателей карают четвертованием.

Дарнаэл криво усмехнулся. Ну, конечно же. Может быть, вспомнить ещё десяток старых казней, чтобы уничтожить Кэора окончательно и бесповоротно?

— Она — супруга твоего внука, — холодно промолвил он. — Прояви уважение к Кэору, постарайся ничего не комментировать во время казни. Толпа собирается, и тебе пора отсюда уйти.

Сандрин нахмурилась. Она так и не смогла наладить отношения с сыном и почему-то постоянно удивлялась этому факту. Дарнаэл этого вящего удивления стандартно не разделял. Как можно относиться к женщине, толкнувшей родного ребёнка в западню? Он не считал свою родную мать хорошим человеком и терпеть не мог, когда она принималась ему указывать, только, увы, пока что не имел никакой возможности окончательно избавиться от присутствия Сандрин тут.

Королева отправится в Дарну довольно скоро. По закону, предательницей была и она.

— Я всё равно не понимаю, почему ты постоянно оказываешь им милость, — тонкие пальцы дарнийки тоже сжали белый поручень, и она бегло покосилась на тонкий побег, пытавшийся окрутить её запястье. О да, как же, её сын не владеет магией! Если б... — Эта жалость не раз приводила тебя к беде.

Дарнаэл повернулся к матери. Во взгляде пылала отчаянная холодность; ему хватило доклада Кальгэна с утра, дуэли родного сына с целой толпой чёрт знает кого, восьмерых стражников в тюрьме за предательство и нападение на королевского мага, а тут ещё и “родной да близкий человек” решил активно действовать на нервы. Правда, Тьеррон никогда не питал особых иллюзий относительно собственной матери, но она могла иногда меняться. Очень редко, правда.

— Напомнить тебе, что я должен был сделать? — усмехнулся он. — Я должен был вывести тебя на эту же площадь и предать огню или вздёргнуть на дыбе, — магия наконец-то успокоилась. — А сказать за что? Тебе инкриминировали отравление короля, но не знаю, потому ли погиб отец. Но никто не сотрёт с моей памяти отряд, направленный родной матерью. Не так ли?

Она отступила на шаг вглубь дворца. Зашуршали юбки пышного платья, которому Сандрин была предана вопреки всяческой моде.

— Убирайся-ка в Дарну, мама, — Дарнаэл вновь повернулся к площади, на которой уже почти собралась толпа. — И я отчаянно надеюсь на то, что как минимум год не увижу тебя в Лэвье. И чем дольше ты не будешь писать, тем лучше.

— Я твоя мать!

— Ты заказала моё убийство, — отрезал он, даже не оборачиваясь к женщине. — Сестра как раз родила Кэора, действительно, почему бы и нет? Ты была бы королевой-регентом ещё восемнадцать лет, а потом? Убила бы и его?

Сандрин ничего не ответила. Она семь лет считала своего сына мёртвым, пока он не ожил вновь, и за эти годы и раскаивалась, и радовалась решению, пока страна медленно падала в пропасть. Королева из неё получилась отвратительная, но Дар успел всё исправить — вовремя вернулся. Дождался, пока даст трещину то, что натворили его предки, а после взошёл на трон и воскресил Элвенту.

Когда-то страна займёт весь континент.

Женщина давно уже простила себе преступления. Но её родной сын не мог этого сделать, хотя почему-то женщина была уверена, что причина холодности совсем не в его предельной ненависти, а в чём-то другом.

Но она же принесла ему пользу. Если б Дарнаэл оставался изнеженным принцем, ничего бы хорошего с него не было. Очередной король Века Упадка привёл бы страну к огромной яме.

Эррока дала ему силу. Испытания заставили юнца превратиться в настоящего мужчину.

В конце концов, он нашёл там ту, которую любил, хотя последнее назвать плюсом Сандрин уже не могла. Лиара разбивала сердце её сыну не раз, и удивительно, что он каждый раз находил в себе силы возвращаться к ней.

...Ещё один сердитый взгляд заставил королеву уйти. Юбки назойливо красного платья шелестели, но Дарнаэл больше не оборачивался.

Толпа собиралась очень быстро. Пёстрое смешалось с серым, но радость у всех была одинаковой.

Кто-то прекрасно знал, что их король ещё жив. Кто-то был уверен в том, что покушение оказалось удачным, ведь Дарнаэл Второй несколько дней не появлялся на глаза столичных жителей, и они успели убедить всех соседей и ближайшие несколько кварталов в том, что Его Величество сегодня будут хоронить.

Первые радовались тому, что предателя удалось поймать. Вторые скорбели, ведь без короля долго страна не выдержит.

Дарнаэл, стоя на балконе, упрямо внушал верну и тем, и другим. На ходячего мертвеца он тянул меньше всего на свете, к тому же, следов от вчерашней усталости благодаря очередному лекарству не осталось. Могло б оно ещё так просто справиться с головной болью, и Дарнаэл и вовсе был бы счастлив, но, очевидно, он желал невероятного.

Мужчина упёрся руками в поручни, чувствуя, как камень холодит ладони. Казалось, сейчас вся толпа вспыхнет и расколется пламенем изнутри — он не мог победить жар магии, что разрастался где-то в глубине души. Нельзя было до конца понять, какова причина всего того, что творилось, но Дарнаэл был готов признать — где-то в Эрроке случились серьёзные магические неувязки.

Именно благодаря им он теперь и кипел. Что-то всколыхнуло фон на континенте, и теперь последствия на себе ощущали все маги.

Шэйран и его помощница, наверное, тоже.

...Дарнаэл огляделся. Маги стояли в толпе, вполне заметные, но не настолько, чтобы привлекать излишнее внимание. Естественно, черта стражников окружала то место, где должен был производиться расстрел, а придворного колдуна и его драгоценную помощницу

вытолкали наперёд и установили перед вооружёнными ради дополнительной защиты.

И чтобы Марту Торрэсса не разорвали, и чтобы, если что, она не посмела сбежать к каким-то ценителям трона и любителям выкрадать власть прямо из королевских рук — а и тех, и тех хватало.

Тьеррон усмехнулся. Помощница, как же! На сыне крупными буквами написано “влюблён”, всматриваться необязательно, а на девчонке что-то вроде “верна Эрроке и не могу разобраться со своими чувствами” — то есть, точно такая же фраза, только в другом контексте.

Будто бы Рэй мог подумать, что у короля настолько плохая память на лица. Девицу звали Моникой, распределили её изначально к Лиаре, и против матриархата она не особо возмущалась на том празднике. Кажется, с нею Шэйран и танцевал, и тогда ведьма активно его сторонилась.

Причём так натянуто, как Лиара самого Дарнаэла на официальных праздниках, именуя отвратительным мужчиной и ничтожеством под ногами.

Перед этим несколько дней шепча в опочивальнях нечто противоположного содержания, надо сказать.

В лживость Эрроки Дарнаэл верил. Но девушка не казалась опасной, а шпионки Лиары тут и так хватало, так что король предпочитал просто не обращать на её никакого внимания. Будто бы Моника могла сделать что-то действительно опасное.

На неё, правда, несколько дней назад, если короля не подводила память, и Тэравальд притащил разнарядку. Кричал, что помощница ему нужна.

Бестолковый библиотекарь, впрочем, мог быть уверен, что его никто не уволит, вот и творил всевозможные глупости каждый раз, как ему давали свободу. Но пусть он всего лишь на одну восьмую несёт в себе кровь эльфов, всё равно помнит о магии в разы больше, чем Вирр, и советник с него краше.

Особенно если учитывать, что двадцатилетний на вид юнец — почти что ровесник самого короля.

Они познакомились очень давно, и с тех пор господин Са не только не постарел, а ещё и не вложил в то, что именовалось головой, хотя бы несколько капель знаний. Может быть, большинство слухов о нём было ложью, но когда Тэравальд два года назад ввалился к нему в тронный зал и заявил что-то вроде “я ищу работу”, отказать Дарнаэл не мог.

Магов у него не было давно, а то позорище, что занимало место Первого Советника, король держал рядом только по той причине, что так было безопаснее и для себя самого, и для страны.

Почему-то большинство тружеников его дворца считало, что Дарнаэл слеп, глух, невнимателен и совершенно ничего не знает. По крайней мере, служанки смотрели глаза невероятно искренним взглядом, предварительно прогуляв два дня работы, Тэравальд, ответственный за библиотеку, бывал в ней раз в три дня, а сын вот решил убедиться, что отец ведьму от простулюдинки и возлюбленную от помощницы не отличит ни за что.

Конечно. Он ведь первый день на свете живёт!

Впрочем, был один раз, когда король и вправду просчитался. Марта Торрэсса как-то умудрилась его обмануть, и он по глупости своей позволил Кэору на ней жениться. А ведь та казалась столь милой девушкой...

Хотя была, как и большая половина женского населения Торресского архипелага и её дражайший братец Бонье, потаскухой и предательницей.

— Ведут! — закричали где-то из толпы, и ворота дворца и вправду отворились.

Дарнаэл вернулся в зал, который выходил на балкон, и устремился к ступенькам. Вещать предстояло из помоста. Можно было бы и не покидать дворец, но он терпеть не мог прятаться за его стенами.

Конечно, встать на открытой местности, да так, что каждая стрела с лёгкостью проткнёт насквозь, было верхом безумия, но Тьеррон предпочитал творить глупости тогда, когда мог. Увы, но чувство самосохранения в нём умерло ещё в утробе матери. А если б не погибло — то он и не родился бы, от такой-то отвратительной женщины.

Самым благоприятным выходом для тогда ещё не рождённого принца был бы несвоевременный выкидыш или мертворождение, а не царствование спустя сорок три с половиной года.

...Он взошёл на помост и улыбнулся народу, впрочем, скованно и слабо. Маги повернулись к королю — Моника явно терзалась относительно того, защищать ли чужого владыку, но совесть победила, и её тонкая нить вплелась в заклинание Шэйрана.

Дарнаэл предпочёл проигнорировать мрачный взгляд Тэллавара. Проклятый старый маг многое обещал и многое требовал, но до сих пор оставался не самым желанным гостем.

Марту тоже вывели. Её тащили под руки два стражника — девушка отказалась взойти на плаху достойно и с гордо поднятой головой. Нет, её пришлось тащить, и камень сбивал ноги в кровь.

Король бросил короткий взгляд на Гартро. Тот кивнул. За это исцеление он не должен был ничего отдавать. Тэллавар ненавидел Торрессу, и он с радостью бы разнёс архипелаг на мелкие кусочки. Дарнаэл не мог назвать точную причину такой реакции, но никогда не возражал. Ему-то какое дело?

Толпа застыла. Серые, белые, чёрные, цветные. Все они превратились в одно сплошное месиво — крики вырывались из застывшего воздуха только иногда, воздух пронзали недовольные вопли и возмущения. Всё это собрать в единый образ было трудно, но каждый на этой площади желал Марте Торресса жестокой смерти.

Её ноги исцелились словно сами собой — Высший знал своё дело. Побои, которые девица наносила себе сама, вооружившись тяжёлым камешком, тоже пропали. Она не безвинная жертва, из которой выбивали признание. Нет, увы, но она нарушила слишком много законов, чтобы оставить себе право на гордость или телесные повреждения.

Марта Торресса будет казнена без единого пореза, без единой царапинки, и единственной причиной её гибели, кроме стрел, проткнувших грудь, может оказаться только вина за то, что она разбила Кэору сердце. Король мог бы пережить покушения на себя-любимого, но в какой-то момент принцесса из архипелага перешагнула ту тонкую границу, потеряла всякую меру в приступах отчаянной ненависти.

В неё раздражённо тыкали пальцами, словно показывая, что это “та самая”, и крик то и дело обвинительными птицами проносился над головами толпы.

Госпожа Торресса выглядела бледной. Она попыталась вырваться и побежать, но стража вновь остановила её и подхватила под руки, не позволяя уйти.

— Сегодня, — Дарнаэлу не требовались обвинительный приговор или подготовка к торжественным речам, как смеялась Лиара. Ему было достаточно видеть свою жертву там, где ей и место, — нашу страну и наш мир навеки покинет Марта Торресса, кронпринцесса Торресского Архипелага. Каждый из вас, из тех, кто стоит в толпе и кто наблюдает за происходящим с помощью магии, каждый, кто намеревался совершить преступление или

уже сделал его, должен помнить, что наказание настигнет и его. Марта Торресса была виновницей трёх покушений, — король остановил взгляд на какой-то башне позади толпы. Смотреть на неё было проще хотя бы потому, что он позволил себе не замечать внимание окружения и попытки уничтожить Марту ещё до того, как её расстреляют. — Покушений на короля. Моё Величество, — эту фразу он больше всего терпеть не мог, считая её верхом самохвальства, — с благоволения Высокого Совета, — это того, что состоит из короля, Первого Советника и придворного мага, ага, — приговаривает Марту Торресса к расстрелу несмотря на её высокий статус и положение на родных землях. Справедливость коснётся вас, независимо от того, кто вы, принц или нищий. И если вы посмеете нарушить законы нашего государства, то погибнете. От стрелы, от пламени, от меча или от магии — это не имеет значения. Вы умрёте, и ваше имя будет навеки покрыто позором. А теперь... — он перевёл взгляд на Марту.

Оставалось сказать одно только слово.

Лучники уже натянули тетивы. Дарнаэл тянул — он понятия не имел, чем обернётся присутствие в отряде Кэора. Руки племянника дрожали, король видел это уже отсюда. Если тот прострелит грудь Марте, то, вероятно, избавится от её мятежного духа навсегда. Может быть, поверит в то, что ненавистной супруги, женщины, которую он когда-то умудрился полюбить, больше нет в его жизни, и отпустит навсегда. Если он повернёт лук против кого-то из отряда, если попытается остановиться, просто не сможет выстрелить, то толпа не даст ему уйти.

Лучников охраняли, конечно, но стража первой уничтожит Кэора, и им будет плевать на благоволение короля. Дарнаэл вообще не ставил бы его в эти ряды, но парень сам загадал подобное желание, и не дать ему шанс распрощаться со всем Тьеррон просто не мог.

— Отец объявит вам войну! — воспользовалась шансом Марта. Она рванулась вперёд, и звонкая тишина прервалась, рассыпалась миллиардами маленьких кристалликов среди толпы. — Торресса введёт войска!

Дарнаэл повернулся к ней.

Лук в руках Кэора дрожал. Он не мог отпустить его, не мог рухнуть, пока не выстрелит, и казалось, что оружие расколется на две части под давлением его рук.

— Эльвента не станет ждать, — холодно промолвил Дарнаэл. Магия Шэйрана усиливала его голос уже безо всяких стараний со стороны самого короля. — Эльвента объявляет войну Торрессе. Правительство всегда должно нести ответственность за то, что совершило. Залп!

Последнее слово прозвучало как-то неожиданно. Тьеррону казалось, что мир вновь раскололся на несколько частей, и он был почему-то практически уверен в том, что Кэор ни за что не сможет выстрелить.

Он повернёт лук в другую сторону.

В какое-то мгновение Дарнаэл был уверен в том, что стрела смотрела на него. А после она самой первой сорвалась с лука...

И пронзила горло.

Марта Торресса захрипела, и остальной залп ворвался уже в мёртвое тело. Кэор не выронил оружие и не бросился к супруге, хотя на него смотрели и без этого. Он передал лук кому-то из тех, кто тоже стрелял, и сделал несколько неуверенных, медленных шагов в сторону покойной. Её уже ничто не держало у столба, и она рухнула на деревянный помост, мёртвая, прострелённая насквозь.

Кэор стянул с запястья венчальный браслет и вложил его в раскрытую ладонь Марты, в последний раз сжал мёртвые пальцы в кулак и закрыл глаза, словно назло распахнутые так широко, словно Торрэсса собиралась ослепнуть от этого.

— Мертва! — во всеуслышание крикнул он, а после медленно, едва передвигая ногами, направился в сторону дворца.

Дарнаэл стоял на подмостке. Спуститься означало попасть в толпу, и он упёрся ладонями в перила, порываясь ударить по народу шаром пламени. Они наблюдали за мелодрамой, за тем, как развиваются события, с интересом читателя или зрителя в театре, не как люди, а как посторонние слушатели. Глупцы.

Шэйран, оставив Монику где-то в толпе, бросился за братом. Девушка, кажется, порывалась остановить мага, понимая, что то ли новую сплетню на него повесят, то ли он случайно сорвётся со своим волшебством.

Дарнаэл осмотрел толпу. Надо было ждать прелестную стражу, спускаться, ещё и приняв чью-то помощь, словно король инвалид и без посторонней помощи не может сделать эти чёртовы три шага.

Народ постепенно разбрехался. Дарнаэл не собирался ждать того момента, пока их всех разгонят, и осмотрелся. Пустота там, у самого помоста, показалась ему достаточной, и король, быстро обернувшись, попросту спрыгнул с надоевшего местечка.

...Спустя секунду в место, где он стоял, вонзилась стрела.

Дар обернулся. Стреляли откуда-то из возвышения, явно целясь, и если б он не рискнул прыгнуть с двухметровой высоты — хотя это же не высоко, — то сейчас тоже валялся бы с прострелённой шеей.

Взгляд подозрительно метнулся по лучникам, хотя тем и выдавали только по одной стреле, и Тьеррон выдохнул с облегчением, когда заметил, что Кэор разговаривал с Рэем и молодой магичкой у входа, а значит, повода для подозрений не было.

Покушения не прекратились.

...Подоспел Кальтэн, стража окружила короля кольцом, маг воздвигнул новый щит, но это больше не имело значения. Дарнаэл понимал — опасность близко. Зима ступает по пятам.

А с зимой принято бороться не методами защиты.

\*\*\*

— Ваше Величество, но ведь...

— Брысь отсюда! — Дарнаэл взвесил в руке скипетр, откровенно намекая на то, что играть в доброго дядю-короля не будет и запустит оным в каждого, кто посмеет подвернуться под руку. Похоже, угроза показалась людям вполне реальной, потому что после пяти минут неуверенных попыток переубедить Тьеррона, они всё-таки решились уйти.

— Мы стоим у ваших дверей, — отметил Кальтэн. — И усилим охрану под окнами. И...

— Это всего лишь стрела!

— Ваше Величество, у нас один король, — несмело отметили стражники, а после, по приказу капитана Фэза, поспешили покинуть помещение. Сам Кальтэн, увы, считал, что правила на него не распространялись. Он устроился поудобнее на стуле, который отодвинул от стола, и пристально смотрел на Дарнаэла, словно тот мог рассыпаться, будто сделанный из песка, или расколоться на несколько частей.

— Ничего страшного, — хмыкнул Дар. — Если первый король отправится к праотцам, у



вас появится второй или третий.

Кальтэн вздохнул.

— У вас семейное — притягивать неприятности! — заявил он, скрещивая руки на груди. В кольчуге это было бы сделать неудобно, но с каких пор капитан Фэз выполняет свои же правила? Нет, это король должен сидеть в жаркой мантии, натянув на голову корону, а проклятый капитан может взять лишь меч, ибо шпаги он терпеть не может, ими ничего толком не отрубишь, если не приложить зверскую силу, а после наивно посчитать, что тонкая рубашка и брюки — это отличная защита.

Дарнаэл терпеть не мог народные приёмы. Сейчас же, через пару дней после казни, они стали попросту неизбежным бедствием, и вот-вот во дворце должна была появиться целая стая надоедливых просителей. Естественно, стража опасалась, что короля могут попытаться убить, и Дар с радостью отменил бы всё, что назначил, но нет! Можно только усилить меры безопасности!

Стол в очередной раз оттянули к стене, причём короля, принимавшего в прошлый раз в этом деле весьма активное участие, сейчас отогнали, словно стрела его вообще задела, под каждым окном поставили стражника, а капитан Фэз решил, что от друга ни на шаг отходить не будет.

— Не велено! — послышался громкий крик снаружи. Дарнаэл недовольно нахмурился. Он не помнил, какие особо старательные люди стояли там, но, так или иначе, посетитель тоже был весьма настойчив.

Кэор на пост так и не вернулся. Он ещё день провёл в больничном крыле, а теперь, как думал Тьеррон, и вовсе заливал собственное горе где-то в комнате. Шэйран к нему заходил, но магу так и не открыли, отвечали из-за двери, и парень справедливо рассудил, что врываться не стоит.

В принципе, Дарнаэл был уверен в том, что его сын и вовсе не склонен к вышибанию дверей, но спустя несколько минут моментально разочаровался в этой убеждённости.

Створки дверей распахнулись. Два стражника, что собирались костью лечь, но не пустить к королю никого, теперь подрагивали, прижавшись к дверям. Открывали, судя по всему, вместе с ними и при активном их сопротивлении.

— Во имя первого, как это называется?! — возмутился Дарнаэл, увидев своих гостей. — Какое вы имеете право не пускать ко мне моего сы... сильнейшего придворного мага?!

— Дар... — Кальтэн неуверенно покосился на короля. — Там как раз толпа. Сделаем официальное объявление, и...

— Отстань!

Огласить Шэйрана официальным наследником в такое время — всё равно что завести его на плаху. Моментально оживится Эррока, потому что придётся сказать имя матери парня, если не сейчас, то очень скоро, а таинственные убийцы, что со всех фронтов старательно атакуют короля, переключатся ещё и на наследника.

Они не считали Кэора действительно опасным. Убрать простого стражника было просто, достаточно организовать мало-мальски удачное нападение на дворец. А вот хорошо охраняемого короля, отлично владеющего оружием и, что самое противное, периодами бестолково, но успешно колдующего, поймать никак не получалось. К тому же, теперь при дворе появились волшебники, и они всеми силами постараются уберечь Его Величество от всевозможных посягательств на жизнь.

Но Дарнаэл знал — это не помогает. Так что, если Шэйран не окажется в качестве

придворного мага на посту, никто не пойдёт искать его в спальне, дабы перерезать горло, ибо никому простой колдун не нужен.

А если он окажется наследником престола, то ещё как заглянут! И ещё как удушат подушечкой, мирно так.

К тому же, король понятия не имел, знала ли о происхождении Рэя его вечная спутница. По крайней мере, спрашивать почему-то было неловко, и он предпочитал временно не дёргать кровинушку по поводу и без.

— Придворный маг, — сердито промолвил Шэйран, — должен присутствовать на приёме и защищать своего короля. Но какого-то... почему-то драгоценные твои прислужники решили, что могут меня не пустить!

Обращение к королю на “ты” вызвало вящее удивление исключительно у прилипших к двери стражников.

— Через тридцать минут начинать, — отмахнулся Дарнаэл. — Так что, всё в порядке. И не надо тут поминать слуг чужой Богини, будь добр, Шэйран.

Придворный маг больше ничего не сказал, только относительно спокойно занял своё место за тронем. Моника не отставала; двое магов обеспечивали защиту куда лучше, чем один, так что, её присутствие считалось хорошим знаком. Правда, Дарнаэл не был уверен в том, что Лэгаррэ в случае опасности будет колдовать на пользу Элвэнтцы, но пока что не мог убедить себя в потребности изгонять девушку. Пусть будет.

— Ваше Величество, а какого чёрта он к вам так... — забормотал стражник.

— Я просил не поминать тут эту гадость! — Дарнаэл замахнулся скипетром, и хотя докинуть его до стражников не смог бы даже Кальтэн, зал был настолько огромен, что в нём можно кричать и в одном конце не слышать, если тут окажется слишком много мебели и откажется трудиться эхо, те поспешили ретироваться.

Чертями — и непонятно почему, — эрроканцы называли неизвестных слуг Дарнаэла Первого, элвэнтцы величали последователей Богини Эрри. Вообще-то, Эрри появилась не много тысяч лет раньше, чем вышеупомянутый король и предок нынешнего, но легенды переплетались между собой так причудливо, что пояснить их происхождение было невозможно. Кто-то говорил, что Богиня — это лишь выдумка Эрроки, а имена настоящих богов затерялись, но они позволили своим верным людям сойти на континент и привести мир к процветанию. Справедливо полагая, что этими самыми верными могли оказаться либо первые правители, династия Дарни, либо третьи — вторые оказались такими успешными, что страна едва пережила их вмешательство, — собственно говоря, Тьерроны. Поэтому, не церемонясь, обоих Первых причислили к лику то ли богов, то ли святых ещё очень и очень давно.

Насчёт основателя династии Дарни нынешний Тьеррон ничего сказать не мог, он его знать не знал и на портретах никогда не видел. Но, так или иначе, о Дарнаэле Первом Второй был наслышан ещё как, и портреты тоже видел, и даже дневники его читал, из чего сделал вывод, что это такой же обыкновенный с долей вредности и скверного характера мужчина, как и его тёзка. После этого вера в Царствие Первого у наследника рода пошатнулась, но что чертей, что Богиню, что своего “посланника богов” он поминал вперемешку и тогда, когда выражаться надо было цензурно.

Говорили, что чертями именовали каких-то там существ, похожих на детей, только с рожками, с шерстью и хвостом. Сия легенда тянулась откуда-то с соседних континентов и ещё помнилась староверами тысячу лет назад. Но староверы умерли, с ними пропал и образ

таинственного врага, и с тех пор сие громогласное название получили прислужники двух “богов” сражающихся стран. Имея опыт с собственной прелестной верой, Дарнаэл был готов сказать, что Эрри — это тоже отнюдь не Богиня, а какая-то обыкновенная королева. Может быть, чуть постарше, чем Тьеррон-Первый, подревнее, но это сути дела не меняло. Её благоволения никто никогда не видел, да и вряд ли увидит, хотя изображали прелестную покровительницу Эрроки по-разному.

И, как ни странно, теми самыми прислужниками что у Дарнаэла, что у Эрри оказались змеи. Разноцветные ядовитые змеи, что шлейфом тянулись за королём (или Богиней, смотря чьё верование выбирать) и превращались в магические браслеты на запястьях или длинный шлейф мантии. Змеи — они же черти, — ничем не отличались от тех обыкновенных, что их можно повидать где-то на соседних континентах или в лесу, но их нарицательное имя уже вошло в привычку, а когда прежнему королю вдруг оно перестало нравиться, менять что-либо оказалось поздно.

— И где те люди... — покачал головой Дарнаэл, вырываясь из сплошного потока истории, которую, к слову, терпеть не мог. — Так, стража, вы запустите просителей, или мне выйти к ним?

Маги, пожалуй, уже давно установили свою сеть защиты; надо было бы ещё поговорить с Шэйраном по этому поводу... Дарнаэл терпеть не мог Тэллавара Гартро, но позволить сыну погубить своё призвание всё же не мог. Хотя — как будет, так будет.

— Впускаем, Ваше Величество! — оживился Кальтэн.

Естественно, позволить королю выйти к людям после очередного нападения он просто не мог, иначе какой этот к чёрту начальник стражи?

...Так или иначе, а толпа не уменьшалась. Складывалось такое впечатление, что к королю решили стечься со всего королевства. Дарнийцы или из Сарны, столичные жители, гости с берегов реки Цэrrэ...

Король провожал каждого скучающими взглядами. Благо, ни одно заявление не было действительно серьёзным, долго думать не приходилось, а ещё никто не догадался притащить сюда очередную свинью или курицу. Дарнаэл старался не показывать, что отчаянно скучает, его радикальное спокойствие даже пугало некоторых посетителей, а сам правитель периодами подозревал, что огромное количество просителей объясняется угрозой королевской жизни. Всем хотелось посмотреть, действительно ли жив Тьеррон, раз уж он так активно приглашает всех спросить совета.

Очередь подвигалась очень быстро, и постепенно толпа под окнами начала иссякать. Дарнаэл практически закончил, а стража вроде как даже успокоилась, позволив следующему дворянину зайти без особого обыска. Тот выглядел спокойным, равнодушным к царубийству человеком, о проблемах вещал тихо, вполголоса, ведал о какой-то ведьме, что наведальась в Сарну, спрашивал королевское разрешение на изгнание незнакомки. Дарнаэл отказывать не собирался — он посмотрел в окно, а после обернулся, слыша громкое, назойливое шипение.

Дворянин очень вовремя поклонился. Отравленный дротик пролетел прямо над его головой, направляясь прямо королю в глаз, и Дарнаэл глупо дёрнулся, понимая, что чёртово оружие умудрилось преодолеть все магические преграды. Корона весьма вовремя сдвинулась на глаза, раздался звон, и в металл, как раз у драгоценного камня, впилось ненавистное оружие, почти пробив золото.

— Все вон! — закричал Кальтэн, моментально оживая. Дворянин ушёл

беспрепятственно; метал явно не он. Люди бросились в рассыпную, о спокойствии не могло быть и речи. Два покушения за неделю, а маги так ничего и не могли сделать. Это вызывало отчаянное раздражение у колдунов и короля, а вот капитан Фэз, кажется, переживал за жизнь Его Величества сильнее, чем сам Тьеррон. — Вон!

Людей оставалась всего лишь кучка, и они были там, в преддверии зала приёмов. Недовольный шум смешался с осознанием, но стрелка среди них не было. Король не собирался задавать себе вопрос, с чего он это взял, но магические стены перед носом и коробка из стражников давно уже ему надоела. Сколько можно жить, будто бы в клетке, если эта клетка только мешает, а не защищает от напасти?

Он поднялся на ноги, равнодушно отмахиваясь от слишком заботливого Кальтэна. Если б капитан стражи мог, то усадил бы короля в куриное яйцо, усадил бы на него курицу-наседку, а сам устроился б рядом, чтобы не дай бог несчастное животное не посмело подняться с королевской камеры.

Чувствовать себя пленным вместо правителя это Дарнаэлу не мешало, и он едва сдержал порыв магии, что так и пытался сорваться с пальцев, наглым потоком обрушиться на тех, кто стоял рядом.

— Я должен закончить, — он сделал ещё несколько шагов к толпе, но стража весьма нагло заступила дорогу.

— Ваше Величество, — напомнил о себе Кальтэн из-за спины, — это безрассудно. Вы ведёте себя, как маленький ребёнок.

Дарнаэл коротким жестом отстранил стражу, заставляя их подвинуться. Если королю хочется умереть, он это сделает.

— У кого какие ко мне вопросы? — он посмотрел на толпу. — Если это не важно, и вы считаете, что этот человек прав, вы можете уйти.

Кто-то попятился. Дарнаэл успешно проигнорировал три широко распахнутых окна, из которых на него могли ощериться очередные луки-алебарды, и внимательно смотрел на тот десяток оставшихся. Коровы, неподделенные куры, лишняя провинция, которую не могут между собой поделить два глупых барона.

— Ваше Величество, вы как...

Дарнаэл обернулся.

Когда ему было семнадцать лет, его впервые провозгласили королём, потому что отец умер. Конечно, он только подписывал то, что ему подсунули, не имел никакого права сопротивляться законам и приказам, а самое главное, мать вела себя так же, как Кальтэн сейчас. Тогда это закончилось тем, что королева Сандрин наняла убийц, что должны были подстеречь её сына на большой дороге.

С тех пор он ни разу не слушал своих защитников и до сих пор оставался жив.

— Ваше Величество, — настойчиво повторил Кальтэн, — вам надо вернуться. Это опасно. Вам было бы неплохо вообще не выходить из своих покоев.

Он вновь посмотрел на толпу, превратившуюся уже в троих человек. Двое, очевидно, какие-то спорщики, переглянулись между собой и уверенно отступили на шаг назад, словно оставляя короля без обязательств. Больше не было просителей, и Его Величество вполне мог вернуться куда-то в безопасность.

Осталась только одна девушка. Дарнаэл мог со смелостью заявить, что только у неё одной и появилась серьёзная причина для присутствия здесь, раз она не испугалась покушения на короля. В такие моменты нормальные представительницы женского пола

убегают, но она даже не содрогнулась, когда кто-то из стражников потянулся за мечом, пытаясь защитить своего короля.

Он её знал.

Эррока.

— Ваше Величество, — Кальтэн положил ему руку на плечо. — Я думаю, эта девушка способна отложить свой вопрос ради безопасности королевства.

— Не способна, — ответила она прежде, чем Дарнаэл успел открыть рот. Он улыбнулся. Подобный настрой определённо пришёлся Его Величеству по вкусу; незнакомка была готова бороться за себя и собственные права.

— Вот видите, капитан Фэз. Человечеству нужна моя помощь, — Дарнаэл вновь упрямо шагнул вперёд, даже не оборачиваясь на назойливого стражника. Так или иначе, раз уж она пришла...

Эрроканки редко являются на подобные публичные приёмы.

— Девушка подождёт. Дарнаэл...

Король отмахнулся. Женщины привлекали его довольно редко — не в том смысле, чтобы это было подтверждением сплетней Вирра, нет. Конечно, Дара меньше всего на свете волновали мужчины в качестве любовников. Но изо всех красавиц, которые, казалось бы, стоили того, чтобы от них не отводили взгляда, он разглядел умную, действительно достойную внимания только в нескольких.

В Лиаре, например.

Остальных можно было пересчитать на пальцах одной руки, и они упрямо приходились родственниками либо Лиа, либо самому Дару. В списке его бесчисленных любовниц, половину из которых он и не вспомнил бы уже — ни имя, ни внешность, были и были — не появилось ни единой достойной звания королевы. Ни одной, которую можно было смело брать за руку и вести под венец.

В этой чувствовался ум. Нет, красота тоже была, но он не обратил на внешность никакого внимания.

Ведьма.

Ему даже не потребовалось спрашивать, откуда он её знал, где мог видеть, откуда знать. Король мог смело гарантировать — перед ним стояла могущественная ведьма, и плевать, что это опасно.

— Ваше Величество, вам бы поужинать... — отметил Кальтэн. — И желательно без просителей.

— Все уже разошлись, — отмахнулся король. — Ну, приказывайте. Пусть накрывают.

Капитан Фэз облегчённо вздохнул. Покорность со стороны Дарнаэла была редким явлением, даже если его пытались убить. Правда, мог бы отойти от окна и незнакомки, но тут хоть бери и тащи короля силком, а он и в тюрьму за подобное преступление против короны может закинуть на пару дней, чтобы подчинённые вспомнили, что благоволение Его Величества имеют высочайшее значение, в отличие от приказов капитана стражи.

— И, Ваше Величество, ведь вы понимаете, что отужинать лучше бы в собственных покоях, где вас вряд ли кто-то сможет достать? — уточнил Кальтэн. — И что на дверях мы вынуждены выставить стражу и...

— Да, — кивнул Дарнаэл. — Я не против, капитан. Делайте так, как считаете нужным.

— Хорошо, — казалось, Фэз был готов сплясать от подобного благоразумия со стороны короля. — Прикажи принести ужин на одну персону в покои...

— На две персоны, — поправил его Тьеррон, предлагая девушке руку. — Возможно, вы пожелаете рассказать мне суть своего прошения, дорогая?

Она предложение приняла, касаясь тонкими пальцами раскрытой ладони. Казалось, кожа незнакомки была холодной, словно лёд, и она была столь же бледна, как и сердитый до неимоверного Кальтэн.

— А ещё, — Дарнаэл бросил взгляд на начальника стражи, — вы не подскажите мне, капитан, почему ни при последнем, ни при предпоследнем покушении моего советника не было рядом? Почему он поднёс мне огненную мантию, которая стоила жизни девятерым, он предложил моему магу отпить ядовитую жидкость, стражницу едва ли не убили при нападении, а он отделался лёгкими царапинами?

\*\*\*

Дарнаэл имел пагубную привычку приглашать некоторых... дам к себе в спальню, но вот тем, чтобы таскать их в рабочий кабинет, не страдал. Эрроканка, не знакомая ему, но напоминающая тень собственной молодости, была первой, кто удостоился подобной чести.

Конечно, здесь была Эрла, но ведь она его дочь. Конечно, тут бывала мать, но она — королева. Ну, и Лиару он бы, разумеется, пустил, но разве Её Величество имеет возможность переступить порог вражеского замка? Лиа бывала в Дарне, но не ступала на земли Лэвье.

— Присаживайтесь, — он отодвинул для девушки кресло, предлагая ей расположиться поудобнее, и сам занял такое же напротив. На ужин незнакомка даже не взглянула, хотя бокал в руки взяла. — По какому же вы вопросу?

Она и вправду была красива. Правильные черты лица, карие глаза, каштановые волосы до плеч — всё это складывалось в старую, давно забытую картину.

— Меня зовут Сэя Тальмрэ.

До того, как Самаранта превратилась в худую, страшную женщину с отвратительной маской вместо лица, она была такой же.

Не узнать её дочь... Дарнаэл не знал, как так вышло.

Ей должно быть где-то двадцать шесть. Он с трудом продирался сквозь глубины памяти.

— Помните, — она подалась вперёд и положила руку ему на плечо, — нескладная девчонка в Вархве лет десяти, за матушкиной спиной? Мама тогда уже стала отвратительной. Вы были с королевой Лиарой, она тогда держала вас за руку, а Шэйрану было лет семь. Или шесть? А потом прошёл год, королева пошла своей дорогой, а вы с просто Дарнаэла Второго стали ещё и Завоевателем. Верно?

Она не могла вырасти такой красивой. Нескладная, гадкий утёнок, как две капли воды похожая на свою мать.

— Помню, — Дарнаэл ответил с должной долей равнодушия, но всё равно не так, как полагалось. — Но, впрочем, не вижу никакого сходства с Самарантой.

Сэя резко передёрнула плечами.

Она откинулась на спинку кресла, игнорируя тихий шелест зелёного платья. Карие глаза взблеснули интересом, внимательный взгляд выдавал что-то большее, чем любопытство. Складывалось впечатление, что она отчаянно пыталась оценить его и понять, что именно будет правильным сказать дальше. Тонкие длинные пальцы сжимали подлокотник кресла чуть крепче, чем следовало, дабы не выдать собственное беспокойство — обычная, в конце концов, девушка, только немного с оттенком независимости. Но типичной эрроканкой он её назвать тоже не мог, ведь иначе она не держалась так открыто, да и...

Нет. Независимость женщины и понятия свободы — это одно. А вот то, что он видел в

ней — совсем другое. Она умела думать, умела делать правильные выводы, а самое главное, пришла сюда действительно с целью.

— Оно не отравлено? — наконец-то поинтересовалась Сэя. — Я понимаю, Кальтэн Фэз избавился бы от меня с огромным удовольствием.

— В этом замке от моей гостьи никто не может избавиться. Нет, ну, я могу, — усмехнулся Дарнаэл. — Но даже если мой начальник стражи допустил подобную оплошность, разве на ведьму подействует очередной элементарный яд?

Она засмеялась. Смех тоже был мягким и певучим, словно перед королём нынче восседала идеальная девушка, но Дарнаэл не собирался вот так, с первого взгляда, позволять себе поверить в неё. Всяко бывает, и, может быть, эта ситуация — далеко не исключение из правил.

— Как мило. Всемогущий король, — покачала головой Сэя. — Мне это определённо нравится.

— У вас есть причина, по которой всемогущий король должен тратить свои всемогущие минуты на незнакомую девушку, или, может быть, всё же позвать капитана Фэза? Он с радостью вышвырнет любую незнакомку из моей спальни или их кабинета во имя безопасности, — Дарнаэл усмехнулся. Если ему вдруг вздумается избавиться от надоевшей посетительницы, то он, конечно же, в силах совершить сей подвиг в одиночестве, вот только...

Ведьма — не проблема.

Проблема — это то, почему ведьма пришла.

— Всё очень просто, — протянула Сэя. — Я не собираюсь просить о чём-то. Я всего лишь хочу заключить сделку.

— Сделку? — Дарнаэл тоже откинулся на спинку своего кресла и зажмурился на мгновение, словно пытаясь погасить синеву взгляда.

После внимание вновь привлекла упорная зелень её платья, и король попытался сконцентрироваться на чём-то ещё, кроме постоянного потока слов. Мир вообще переменчив, почему бы не реагировать на всё одним махом?

— Да, — кивнула девушка. — Я хочу стать королевой.

Дарнаэлу было положено поперхнуться и задать вопрос относительно того, не ошиблась ли она парочкой фраз, но мужчина лишь усмехнулся, едва заметно, словно показывая, что удивить его будет куда сложнее, мало просто сказать какую-то глупость и ждать на неё реакции.

— Ну, королева — это прекрасно, — хмыкнул Дарнаэл. — Вы собираетесь стать королевой Эрроки?

— Нет, — отрицательно покачала головой Сэя. — Королевой Элвьенты. Я хочу быть королевой Элвьенты.

Он не смог сдержать короткий смешок. Даже если бы она попросила Эрроку, выполнить это было практически невозможно.

— Дорогая, только не говорите, что попытаетесь меня убить и захватить трон, — протянул он так лениво, словно ему могла угрожать только смерть от сильного смеха. — Это довольно опасно, даже если вы самая сильная ведьма изо всех, что я видел в своей жизни.

— О, ну... — Сэя тоже спокойно покачала головой. — Ведь есть много способов стать королевой. Я не сказала, что хочу стать единственной правительницей, даже не сказала, что мне действительно нужна власть. Я хочу стать королевой — да, мне нужен этот статус, —

она подалась вперёд. — Я вам нравлюсь, это видно. Я вам интересна. И... Как вы думаете, вы действительно так мешаете мне на троне?

— О, нет, — король покачал головой. — Но стать королевой можно либо убрав всех остальных со своего пути, либо выскочив за кого-нибудь из официальных наследников замуж. Ну, что же... Кэор, Шэйран?

— Вы тоже холосты, Дарнаэл.

Она вытянулась, так, словно сейчас собиралась отдавать честь. Волосы, не слишком длинные, но красивые, приятного каштанового оттенка, странно отражали уже рассеивающийся солнечный свет.

Король не стал ждать, пока станет совсем темно. Он зажжёт свечи и вновь покосился на неё, словно спрашивая, что именно она планирует сделать дальше. Но, впрочем, Сэя своего уже добились — она заставила его не отводить от неё взгляда и ждать того момента, пока наконец-то молодая ведьма выдаст свой план.

— Допустим, — наконец-то кивнул Тьеррон. — но сделки обычно бывают взаимовыгодными.

— Жениться на мне — не выгода?

— Нет, — хмыкнул он. — Вряд ли. Красавиц в мире много, есть и привлекательнее. И умных женщин тоже. Иногда встречаются даже комбинации, а порой эти самые комбинации начинают вызывать интерес и привлекать к себе. Очень редко, но всё-таки удаётся завоевать сердце одной из них. Сэя, выйти замуж за короля — это не сделать ему милость.

— Действительно, — согласилась она безо всякой попытки отказаться от своих слов. — Но я многое знаю. И многое могу сделать.

— Например?

Она прищурилась.

— Я не собираюсь пользоваться любовными зельями, — промолвила она с таким равнодушием, будто бы пыталась заморозить то в Дарнаэле, что он успел почувствовать в первое мгновение. — И, конечно же, никогда король не женится на той, которую просто затащил в постель. Но есть кое-что, в чём я действительно могу помочь. А потом стану королевой.

— Именно в такой последовательности?

Девушка не стала возражать или соглашаться. Она продолжала смотреть на него, просто выпрямившись, затаив на губах внимательную, отчасти дерзкую улыбку. Это казалось привлекательным, и, может быть, молодая Тальмрэ была бы хорошей кандидатурой, если бы всё не началось вот так.

— У каждого короля есть свои недостатки. Это даже не одиночество, как у вас, Дарнаэл, — она вздохнула. — У вас есть любимая женщина. Мне же не нужно, чтобы меня кто-то любил. Мне нужен трон. Символ власти.

— Попытка что-то доказать?

— Так легче мстить, — отозвалась она.

— Я всё же не понимаю, что в этой сделке выгодного. Прекрасное слово “много”, может быть, обязано меня соблазнить, но оно не выполнило свою центральную функцию. Очевидно, в этом плане всё же есть несколько недостатков, и с ними приходится иногда бороться, да, Сэя?

— Да, — согласилась практически моментально она. — Но не в том дело. В моём предложении действительно были недостатки. Но... Что вы знаете о Тэллаваре? — король



промолчал. Отвратительный маг ему мешал, но это ни на что не влияло. Пока что. — А что вы знаете о магической защите Эрроки и Эльвенты? Ничего, мой дорогой. Об этом никто ничего не знает, — на губах Сэи появилась весёлая улыбка. — А ещё — ведь какой соблазн всё-таки получить силу...

— Меня это не интересует, дорогая. У меня уже есть всё, чего бы мне хотелось... Госпожа Тальмрэ, боюсь, сегодня вам не светит статус королевы.

— Я никуда не спешу, — отмахнулась она и вновь осклабилась, демонстрируя свои ровные белые зубы. — Я могу научить Шэйрана руководить его даром. Это непросто, и Тэллавар, а уж тем более та девчонка, что крутится рядом с ним, никогда не совладеет с его волшебством, Ваше Величество.

Шэйрана она знала довольно хорошо — ведь тот учился в академии, которой руководила её мать. И помнила, насколько трудно было справиться с молодым принцем. А ещё отлично знала, что ей и вправду это под силу.

Но Дарнаэл не собирался сдаваться. В синем взгляде мелькнуло равнодушие, настолько отчаянное, что Сэя почти смирилась с собственным поражением. Да, мать учила её никогда не сдаваться, но это не имело нынче значения.

У неё были учителя куда сильнее и старше, чем Самаранта Тальмрэ. Да и следовало сознаться, что она сама тоже оказалась куда сильнее... И куда старше, может быть, тоже. В далёком прошлом — именно так.

— Ну, — протянула девушка, заправляя каштановую прядь за ухо, — у меня есть ещё один, последний козырь, Ваше Величество.

— Милая моя, — он усмехнулся, — ничего не выйдет. Терпеть не могу сомнительные сделки. К тому же, если вы считаете, что, став хотя бы кем-то рядом со мной...

— О, нет, — она отмахнулась, — стать возлюбленной короля Дарнаэла? Есть ли что-то более нереальное? — она передёрнула плечами. — Меня меньше всего на свете волнует моральная подоплёка. Только результат. Мне нужен этот трон, и точка, — Сэя вновь откинулась на спинку кресла, но пальцы сжимали подлокотники, словно собирались расколотить на мелкие кусочки всё, что только было рядом. — Я знаю, что никогда не буду первой. Это не помешает мне занять место второй. Так будет легче и мне, и вам, Ваше Величество, — она смотрела словно сквозь него, будто бы вспомнила картину из своего прошлого.

— Это последний козырь?

— Хм, — Сэя скривилась. — Нет. Я дарю кое-что большее. Я дарю вам королеву Лиару, Ваше Величество. Безраздельно вашу королеву Лиару.

Дарнаэл смотрел на неё, казалось, бесконечное мгновение, а после медленно, но уже без тени сомнения кивнул.

— Я согласен.

Она поднялась и, склонившись над ним, закрепила бессмысленную сделку долгим и таким же лишённым сути поцелуем.

\*\*\*

В дверь отчаянно громко стучали. Казалось, кто-то там, снаружи, планировал по меньшей мере растерзать короля за то, что он не желал открывать, но от этого Дарнаэл не воспылал огромным желанием броситься на помощь незнакомым людям, да и просыпаться вообще.

Солнце ворвалось в спальню безо всякого стука и теперь самым наглым образом светило

в глаза. Просыпаться не хотелось, но стук повторился с ещё большей настойчивостью.

— Пошли вон, — себе под нос пробормотал Тьеррон, порываясь натянуть одеяло на голову и никого не думать. — Единственный выходной, и тот портят отвратительные посетители.

— У королей нет выходных, — так же сонно ответил ему женский голос. — Вставай, Высочество.

Дарнаэл даже не подумал послушаться короткого заявления со стороны проснувшейся, только и вправду натянул подушку на голову, успешно проваливаясь в сон после не слишком обременённой оным ночи.

Дверь загрохотала пуще прежнего.

— Интересная у вас, мужчин, логика, — Сэя подушку отобрала и приподнялась на локтях, словно пытаясь что-то высмотреть в лице сонного короля. — У королей появляются выходные, отвлекать их нельзя... Короли могут позволить себе любить одну, таскать в постель десяток других, а третьей предлагать жениться...

Словно они не понимали, чего друг от друга хотели, а самое главное, всё это в какое-то мгновение перестало быть взаимным. Да, конечно же!

Королю Дарнаэлу всегда будет нужна только его Лиара. Сэе... А чёрт его знает. Тьеррон был лучше тех, что она встречала до него. Ей нужен был статус до королевы и доступ до всего, что только можно — мужчина мог ей это подарить. Мог дать и просто так, за одно обещание в виде Лиары, но, впрочем, то, что молодая Тальмрэ ему понравилась, а она пришла за беспринципной сделкой, не отменяло того, что Дар как представитель противоположного пола тоже вызывал у девушки интерес. Почему бы и нет?

— Всяко бывает, — Дарнаэл едва заметно улыбнулся, обнимая её за талию и осторожно подтягивая к себе, словно опасаясь превратить хрупкую фарфоровую куклу во всплеск невозможных осколков. — Я ж не спрашиваю, зачем тебе быть королевой.

Она покачала головой, словно отмахиваясь от глупого вопроса.

Могло показаться, что они знали друг друга уже много веков; у Сэи над Лиарой действительно было одно огромное преимущество — с ней было проще. Не так чтобы уж совсем легко, как с надоедливymi любовницами, не пусто, как с той же Зэльдой, но от всего случившегося не тянуло сплошным потоком мести. По крайней мере, от этой ночи.

— Моя мать купила себе магию, — скривилась девушка. — Купила довольно дорого.

— У Самаранты было что продавать?

Дарнаэл словно не удивился тому, что ненавистная Тальмрэ действительно родилась без особого дара, разве что с предрасположенностью. Она ему не казалась особо одарённой.

— О, да. Она продала свою красоту, — Сэя усмехнулась. — А потом родила меня не от мага, ибо какому магу нужно такое страшилище, — девушка рассмеялась. — Естественно, без магии.

Дарнаэл без особой нежности провёл рукой по её волосам, перебирая мягкие пряди.

— Ты ведьма. Тоже купила себе дар?

— Именно, — кивнула она. Лёгкое касание губ пришлось куда-то на скулу, и она недовольно отпрянула. — Ваше Величество, когда вы в последний раз брились?

— Позавчера утром.

— Почему не вчера? — недовольно уточнила она.

— Потому что, видите ли, “вы можете порезаться, а это опасно, Ваше Величество, брать в руки что-то острое, когда рядом находятся убийцы! Они вас напугают, и вы перережете

себе горло!”

— Дар, сколько войн ты прошёл?

— Семнадцать, — пожал плечами мужчина.

— И что ж это надо сделать убийце, чтобы ты сам прирезал себя бритвой?!

Дарнаэл на мгновение призадумался, словно перебирая в голове все способы, к которым можно бы прибегнуть на случай желания довести его до самоубийства.

— Ну, не знаю. Можно запустить мою неудавшуюся тещу. Я перережу горло себе раньше, чем они проронят хоть слово.

— Это о Самаранте или Далле?

— Об обеих! Ты отвлеклась от темы, — Дарнаэл усмехнулся. — Ты купила себе дар. Что было платой?

— Моя первая любовь, — вздохнула она.

— Это так уникально? У Самаранты-то была одна красота, — Тьеррон покачал головой. — Кому-то нужна первая любовь?

— Он, — ну, конечно же, это был мужчина, — подпитывался этим. У него не было особой красоты, пока он не взял её у матери и не перекрутил на свой лад. Это оказалось не таким уж и сложным, как сначала думалось. И он не мог влюбиться, пока не одолжил у меня первую любовь. Их тоже не так уж и много. Некоторые её пропускают, путают с симпатией, смешивают с лишними чувствами. У меня одна была одна, а теперь нет никакой.

— Мне не спрашивать, к кому это было?

— Нет, — Сэя откинулась на подушки. — Не стоит. Разве это сейчас имеет значение? — на её пальцах заиграло волшебство. — Сам сок был в том, чтобы я жалела о цене всю свою жизнь. Я жалею. Вот. Достаточно. Но он немного просчитался. Мы просто переиграем ситуацию, и всё будет хорошо, — в её глазах вновь загорелась искра улыбки. — Может быть, я...

Дверь наконец-то поддалась и распахнулась настежь. Дарнаэл, не озаботившись о том, чтобы прикрыть от прелестной толпы, или кто это был, свою любовницу или себя самого, равнодушно покосился на гостей, ожидая увидеть кого угодно, начиная от вездесущего Кальтэна и заканчивая родным сыном, у которого внезапно появилась потребность в совете любящего отца.

Но, увы, всё оказалось куда прозаичнее. На пороге завис надоедливый Вирр Кэрнисс, а за его спиной стояло несколько стражников. Первый Советник, кажется, очень удивился.

— О... — он посмотрел на девушку, словно в постели короля скорее окажется ядовитая змея, чем привлекательная особа. — О... А разве ваш придворный маг...

Дарнаэл потянулся к печати, что стояла на тумбочке, и взвесил её в руке.

— Хм... — протянул он. — Может быть, мой придворный маг и составил бы мне компанию, но, боюсь, родственникам не положено. Вы сами уйдёте, или мне всё-таки швырнуть?

Вирр попятился.

— Я просто волновался... — проблеял он.

Дарнаэла, впрочем, куда больше волновал испуганный, какой-то слишком обиженный взгляд молоденькой стражницы за спиной надоевшего советника. Словно она и вправду вместо Сэи обнаружила отвратительную гадюку.

Кэрнисс соизволил покинуть комнату, но двери так и не закрыл. Он даже не повернулся к королю спиной; Дарнаэл ещё раз недовольно взвесил в руке тяжёлую печать, совершенно

ненужную, если её не использовать в качестве метательного снаряда, и сердито уставился на своего треклятого Первого Советника. Подозрений было достаточно, но доказать вину Вирра — это ещё надо постараться. Королю периодически казалось, что тот вот-вот вытащит нож и превратится в могучего мага, способного разорвать стражу на мелкие кусочки, но чудеса не случалось, и его советник оставался таким же безалаберным, глупым, полноватым человеком, от которого толку так же мало, как и реального вреда.

— Ваше Величество, — молодая стражница поклонилась, — мы пытались до вас достучаться полчаса. Вы не открывали. Мы вынуждены были пойти на непредвиденные меры.

Сандриэтта говорила тихо, уверенно, как и следовало бы объясняться стражнику, а то, что в её глазах заблестели слёзы, в принципе, не должно было иметь никакого значения.

— Непредвиденные меры против желающего выпасться короля? — Дарнаэл покосился на её напарника; теперь по одному стражу Кальтэн не расставлял. — Будьте добры, прикройте двери и избавьте меня от повода злиться.

Сандриэтта поразительно равнодушно кивнула, а парень, что нёс службу рядом с нею, бросился выполнять приказ. Единственный день, в который Его Величество может позволить себе отдохнуть — и тот испорчен из-за надоедливого советника, где это видано! Хотелось бы верить, что подобное поведение короля понимали именно так, вот только Дарнаэл уже предвкушал очередную порцию слухов, призванных перепортить ему и так шаткую нервную систему.

— Во имя Первого, сколько обид в голосе, — рассмеялась Сэя, стоило дверям захлопнуться.

— Ты веришь в Первого? — удивлённо изогнул бровь Дарнаэл. — Разве Эррока не признаёт официальной богиней Эрри?

— Признаёт, но это не означает, что я должна быть подвержена этой глупой тенденции. К тому же, женщине легче верить в мужчину. Кажется, что есть кто-то сильнее, кто решит все проблемы, — пожалала плечами она. — Я бы не оказалась познакомиться с Дарнаэлом Первым, знаешь ли.

— Он уже много веков мёртв, — передёрнул плечами Тьеррон. — Мой предок никогда не страдал особым бессмертием, хотя, несомненно, это вещь хорошая и весьма интересная — вечно жить.

— Его ведь не просто так возвели в ранг богов, даже не святых, — рассмеялась Сэя. — Но не будем спорить. Просто Дарнаэл Первый мне нравится больше, чем богиня Эрри. К слову... Вы ведь очень похожи, не просто так тебя назвали в его честь? — она прищурилась. — Очень похожи, уверена.

— Ну... — Дарнаэл улыбнулся. — Всё может быть. Предок всё-таки, пусть его теперь как только не называют. Разве это важно? Ты вот тоже мне кого-то напоминаешь, только я вспомнить не могу, кого именно.

— Может быть, саму богиню Эрри? Неплохая подобралась бы пара, — девушка притянула тонкое одеяло к груди и привстала на локтях, словно планируя выбраться наконец-то из постели. — Между прочим, Ваше Величество, вы обещали на мне жениться. Этой девчонке тоже? Интересно, сколько раз она бывала в этой постели?

Сэя весело рассмеялась, словно только что очень удачно пошутила, но заработала только мрачноватый, немного недовольный взгляд со стороны короля.

— Хм... — она цинично усмехнулась, словно напоминая Дарнаэлу о том, что он напал

не на нежную, краснеющую от каждого дуновения ветра девочку. — Хорошенькая стройная блондинка из личной стражи короля. Раза три-четыре?

— Я так похож на ловеласа, что тащит в постель всё, что шевелится и смотрит на него полным обожания взглядом?

— Похож-похож, — заверила его ведьма. — Ты не грусти, Тьеррон, уверена, дамы ещё ни разу не пожалели, что поддались на уговоры коварного соблазнителя. Ну так сколько? Почему она так оскорблённо на тебя смотрит?

— Потому что я предпочитаю не морочить детям голову тем, что они убеждённо называют великой любовью, — сердито отозвался король.

— Ты у нас честный и благородный повелитель? — Сэя покачала головой. — Да ну. Честный и благородный повелитель, — она подвинулась поближе и положила узкую ладонь ему на грудь. Пальцы сами по себе подбирались к шее, словно пытаясь задушить короля — будто бы ей хватило сил это сделать, — не далее как вчера соблазнил невинную девицу и безо всяких гарантий лишил её возможности найти кого-то прелестного, доброго, а самое главное, свободного... Ах, моё сердце разбито, — ногти царапнули скулу, но Дарнаэл только молча перехватил запястье девушки.

— Я обещал на тебе жениться, прекрасно понимая, что тут ты воспользуешься положением, — покачал головой мужчина. — И ещё слушаю претензии? Только не надо сцен ревности, пожалуйста.

— О чём речь? — весело улыбнулась она. — Я совсем не ревную, поверь мне. Девочка просто глупа, да и только. Король Дарнаэл... Ну, правда, ты её соблазнил?

Дарнаэл закатил глаза.

— Нет, — нехотя отозвался он. — Я просто старательно пояснил ей, что ничего хорошего от меня ждать не следует, что больше чем на пару недель моего интереса к ней всё равно никогда бы не хватило и что лучше я буду вечно считать её чем-то вроде дочери, чем пару дней — неплохой любовницей. Она ровесница моего сына, совсем ещё дитя!

— И твой сын — тоже дитя? — Сэя выбралась из постели, рывком подтягивая валявшееся где-то на полу платье. — Не смей меня! Двадцать два года — это уже взрослый, сознательный человек, который способен отвечать за свои поступки. На твоё кровное дитя, между прочим, привлекательное дитя, в Вархве вешались уже курса с третьего, когда ему стукнуло семнадцать. Много женщин, даже эроканок — это не всегда минус, уж поверь мне. Почему было не порадовать стражницу? Ну, рыдает девчонка от великой любви, — она сердито дёрнула платье, и то едва не соскользнуло с плеч. Затянуть шнуровку самостоятельно не получилось. — Она была бы на седьмом небе от счастья, если б оказалась на моём месте, и плевать на то, что тебе через пару дней надоест очередная игрушка. Проклятое платье! — она пробормотала парочку заклинаний, и одежда, казалось, сама позаботилась о том, чтобы сидеть на стройной фигуре девушки действительно хорошо. — Так вот, Дарнаэл, так она бы порыдала пару дней потом и всё, а тут — о Первый, она ведь ужасна, если король отказал ей даже в этой маленькой милости и...

Зелёные полозья обвилились вокруг её рук, рывком потянув вниз, и девушка буквально рухнула на кровать. Всплеска магии хватило только на то, чтобы сковать её на пару секунд — но это окончательно прервало глупую, разозлившую короля тираду.

— Послушай, дорогая, — он сидел за её спиной, и Сэя чувствовала горячее дыхание на своей коже, — если я согласился на эту сумасшедшую сделку и даже подписался на то, чтобы сделать тебя королевой, это не подразумевает твоё всевластие. Ты так и не ответила,

зачем тебе статус Её Высочества, но меня это волнует, пока ты не переходишь границы. Поэтому советую тебе придерживаться понятия минимальной дистанции.

— Согласись, Дарнаэл, — она отпрянула, оттолкнула его руку. — Тебе со мной весело? Я вызываю интерес. Я просто чуть хуже Лиары. Но, — она обернулась, — я ведь лучше всех остальных?

— Конечно, — в его глазах блеснул лёгкий оттенок понимания или раздражения, понять до конца она не смогла. — Ты лучше многих, Тальмрэ. Но это ничего не меняет.

— Всё меняет то, кто был моей первой любовью, — карие глаза маниакально сияли. — Это ведь...

— Это ведь ничего не значит, верно? — Дарнаэл прищурился. — Потому что сколько бы ты не рассказывала мне сказки о прекрасном молодом спутнике королевы и испуганной десятилетней девчонке, сколько б я не слушал историй о том, что мой сын уже лет пять как не ребёнок, по крайней мере, в глазах противоположного пола, какой бы хорошей лгуньей ты ни была, я правлю этим государством уже чёрт знает сколько лет. И знаю, что такое люди.

— И что же?

— Это всегда манипуляторы, — осклабился король. — Особенно когда у них появляется маленькая тайна. Ты никогда не соврёшь мне в ответ на вопрос, кто был той любовью, что у тебя отобрали. Не скажешь, чувства к кому у тебя выжгли. Но ты никогда не ответишь мне правдиво. Ты скорее просто помолчишь.

— Почему же? — Сэя гордо подняла голову, словно пытаясь продемонстрировать ему свою предельную независимость.

— Потому что как только я из твоих уст и вправду услышу, что это был не я, ты потеряешь главную карту в своей игре. И ещё... Ты прекрасна, Сэя, — он усмехнулся, — но должен отметить, что всё равно не поймала саму суть партии. Лиара хороша не тем, что отвратительна и безумна в своих поступках. Лиара хороша тем, что я видел её до того.

===== Глава двадцатая =====

В домике из сплошных деревьев время тянулось безлико и равнодушно. Борьба с ним не предоставлялось никакой возможности, а настойчивые, отвратительные деревья в случае потребности росли настолько быстро, что и укрыться от них не существовало ни единой возможности. Да и вообще, Эрле и Эльму упрямо казалось, что в этом мире всё играло против низ, даже случайный спаситель — и тот оказался самой последней сволочью!

Девушка устало вздохнула, отчаянно пытаясь успокоиться. Она не знала, какое нынче было время суток, ведь сквозь кроны деревьев не пробивалась ни капелька света, а маленький фонарик светил постоянно, даже когда они спали.

— Он даже не навевается, — устало проронила она. — Мне почему-то кажется, что он должен бывать тут довольно часто, это ведь его дом...

— Принцесса, ты такой наивной стала в последние дни, али твоя стерва-матушка умудрилась воспитать нечто совершенно противоположное себе-любимой? — Эльм пытался говорить с сарказмом, но получалось как0-то вяло. — Это не его дом. Это его темница. Вот скажи, твоя мать часто навевается в тюремные камеры? Не к тем преступникам, которых она только собирается судить, а к тем, что уже давно приговорены к пожизненному заключению?

— В конце концов, мы ведь не приговорены к пожизненному заключению! — возмутилась Эрла. — Мы вполне живые пленники, которых нагло кормят, но совершенно не планируют навещать. Это возмутительно!

Парень только коротко хохотнул, будто бы издеваясь. Он не собирался читать Эрле лекцию по тому поводу, что она сама виновата, что не соглашается, н... Так или иначе, отсюда надо было выбираться, пока деревья не решили отобедать или отужинать прелестными людьми внутри своей камеры.

Он вновь возвёл глаза к потолку и упрямо посмотрел на прекрасную крону, скрывающую их от окружающего мира.

— У тебя такие родители, — устало проронил он, — такие бесконечное изобилие силы. И что теперь? Ты даже не можешь им воспользоваться, в конце концов! — он недовольно осклабился, будто бы пытался разозлить девушку пуще прежнего. — Ты ведь ведьма!

— Это моя мама ведьма, — отмахнулась Эрла. — А то, что мне какие-то дураки напророчили, так это они очень сильно ошиблись. С меня такой маг, как с... — девушка закусила губу. — Не будем проводить параллели.

— Ты подстрелила птицу, в которую я мог бы и не попасть, когда едва-едва натянула тетиву, но при этом, когда следует сосредоточиться, ничего сделать не можешь. Bravo. Более бесполезной спутницы я ещё в своей жизни ни разу не видел!

Эрла ничего не ответила. Ей самой, конечно же, хотелось отсюда сбежать, но подобной возможности не представлялось.

— К тому же, — продолжил Марсан, отловив молодую принцессу за руку, — есть прелестный способ отсюда уйти.

— Ты веришь в то, что он и вправду нас отпустит? — фыркнула Эрла. — Не выдумывай! Это только временная уловка, от которой нам никак не избавиться, пока не проверишь. А проверять с тобой я ничего не намерена!

Она поднялась на ноги и принялась упрямо, уверенно бродить вокруг сплошного ряда деревьев.

Если б она была хорошим магом, то могла бы направить на дерево стену огня. Это не так уж и трудно, как говорил Шэйран, и вообще, сотворить огонь представлялось слишком простым в последнее время. Может быть, он мог сделать это даже тогда, когда не концентрировался, и это при том, что в Шэйране и в мужчинах в принципе не должно быть ни капельки волшебства. А она что? Ведьма, дочь могущественных родителей, как же! Иногда так и хотелось закричать, что она не желает слышать ни единого слова о волшебстве, да и вообще, не имеет к нему никакого отношения.

Впрочем, сбежать всё равно следовало.

Мэллор не приходил уже который день, и порой Эрле казалось, что это место навеки станет их маленькой тюрьмой. Потом в ней вновь просыпалась надежда на то, что деревья можно победить, но ведь не было ни оружия, ничего...

Ничего вообще.

— Мы должны что-то сделать! — она устроилась на том небольшом возвышении, которое почему-то тут называлось кроватью, и попыталась сесть поудобнее, дабы не затекала спина. Ходить тут тоже было негде, но и не поправишься особо, после той гадости, которую впихнул им Мэллор, она вообще чувствовала себя каким-то растением.

— Должны, конечно, — согласился Эльм, присев рядом и обняв её за плечи. Девушка привычно дёрнулась, но всё же не решилась его оттолкнуть, будто бы уяснив за последние несколько дней, что выполнять глупый приказ Лесничего он тоже не собирается.

Эрле было холодно. Холодно, страшно, привычно пусто, да и вообще, она уже сотню раз пожалела, что сбежала от матери. Может быть, не случилось бы ничего страшного, матушка

немного поворчит, да и успокоится, не станет проводить никакие магические эксперименты... Да где там!

— Мы ведь уже всё осмотрели, правда? — наконец-то спросила молодая принцесса. — И тут нет ни единой щели?

— Ни единой щели, — подтвердил Эльм.

Он вновь подошёл к небольшому шкафу, тоже сотворённому из старательных деревьев, и вытащил оттуда бутылку с чем-то напоминающим сок. Нормальной воды не было, а перестать пить эту гадость просто не хватало сил. Как ни крути, а жажда мучила страшно.

Голоса закружилась. Приятный сосновый запах всегда заставлял немного пошатываться, тошнота привычно подступала к горлу, а порой казалось, словно жидкость пьянила куда лучше, чем весь алкоголь этого мира. Правда, когда они делали первый глоток, но всё успокаивалось, но, воистину, запах казался действительно умопомрачительным.

Эрла недовольно покосилась на своего спутника и тряхнула головой. Её каштановые волосы, всколоченные и влажные после очередной ванны из сока несчастных деревьев, отяжелели до такой степени, что уже не собирались мерно разлетаться по плечам и содрогаться от дуновения ветра. Они больше всего на свете походили на мёртвый груз, испуганно-ужасающийся от каждого прикосновения очередного сока.

Сначала девушке казалось, что это они тут пленники, а зелень, окружившая со всех сторон — тюремщики, что желают своим жертвам только страшную, отвратительную смерть. А после она внезапно пришла к мысли, что они тоже несчастны и не могут освободиться, вынуждены расти так, как им не нравится, противоестественно изгибаться в угоду очередному надоедливому магу.

У отца был подобный дар, но он никогда не пользовался им настолько нагло. А что теперь?

— Не пей это, — сердито промолвила она. — Мы только пьянем!

— Жидкость похожа на сок, — отмахнулся Эльм. — А пить всё равно хочется, он же не даёт нам нормальную воду.

— Может быть, потому мы до сих пор не смогли найти выход?! — возмутилась Эрла. — Нет, прекрати!

Она вскочила на ноги и подбежала к тому самому подобию шкафчика, потому что жажда вновь своими бесконечными объятиями сковала горло и заставила подойти поближе. Но, увы, новой бутылки не оказалось.

Они, тоже плод очередной магии, создавались заново только в то мгновение, когда они до последней капли выпивали предыдущую.

Эрла устало улыбнулась своей слабости и протянула руку к бутылке, на которую теперь так задумчиво смотрел Эльм. Они казались друг другу измученными наркоманами, но что делать, если так плохо, а бороться с ситуацией всё равно как-нибудь приходится?

— Нет, — лениво покачал головой Марсан, отступая куда-то к стене. — Ты ведь сама призывала к смелости, Эрла... Разве тебе не хочется отказаться от этого отвратительного напитка, победить собственную зависимость?

Он попытался выплеснуть содержимое на пол, но запястье схватила какая-то неведомая сила. Казалось, отвратительная бутылка прилипла к пальцам, и выронить просто так он её тоже не смог, только досадливо покосился на руку, сжимающую ёмкость с такой силой, что она давно уже должна была развалиться на мелкие кусочки.

Эрла мотнула головой.



— Ведь ты сам не собираешься терпеть, слабак, — устало вздохнула она. — Я просто хочу сделать один глоток. Это просто сок!

Она давно пыталась отрицать это отчаянное желание выпить ещё хотя бы несколько глотков. Мэллор заявлял, что жидкость совершенно безопасна, конечно, но когда она в последний раз действительно доверяла кому-то вроде Лесничего? Может быть, он просто старательно отравлял их, сводил с ума своим таинственным средством, которое выдавал за воду? Да и от воды порой бывает плохо.

Где-то вдалеке, казалось, заиграла странная мелодия. Едва слышная, но довольно настойчивая, она тихонько продиралась сквозь незаметную завесу деревьев, проникала сквозь листья и распространялась по небольшой комнатке с потрясающей скоростью.

— Дай мне выпить, — Эрла сделала упрямый шаг вперёд. — Я устала. Меня мучит жажда.

Она протянула руку с настойчивым требованием отобрать у Эльма надоедливое средство.

Сначала они, конечно, мучились. Это был первый этап, когда волной нахлынуло бездействие, муки совести и ещё какая-то гадость. После, когда ничего не изменилось, они принялись старательно сбегать отсюда, вот только ни один план так и не оказался успешным, и тогда единственным выходом оказалась апатия.

Сейчас отвратительное чувство схлынуло, и Эрла почувствовала жуткую потребность сделать хотя бы один глоток. Жидкость тянула, словно на неё было наложено неизвестное заклинание, вот только возразить и заявить хотя бы шёпотом, что она не подчинится, не получилось.

Девушка знала, что заранее проиграла отвратительное сражение.

Она рванулась к Эльму первой, и пальцы почти сомкнулись на тонком горлышке, вот только Марсан оказался куда сильнее — он явно не желал отдавать собственную добычу, поэтому с лёгкостью, будто бы обыкновенную зверушку, оттолкнул Эрлу.

Она не собиралась сдаваться и, наловчившись, выхватила бутылку из его рук. Но жидкость — это даже не крупа, а стекло всегда скользкое, и ёмкость выскользнула из ледяных пальцев.

Принцесса застыла, наблюдая за тем, как бутылка раскалывалась на мелкие кусочки. Деревья, казалось, рыдали, и странная музыка откуда-то снаружи доносилась чуть громче.

Жидкость разъедала те места на деревьях, которых только касалась, будто бы формируя подобие ступенек.

— Проклятье! — прошипела девушка, рухнув на колени. Она пыталась коснуться убегающей поспешно жидкости — последнего, что у них было, — но Эльм только грубо дёрнул её за руку, заставляя подняться.

Его зелёные глаза сияли подобием безумия, нагло смешавшегося с отчаянным подобием почти радости — словно он наконец-то смог понять, каким именно был способ спасения.

— Что?! Ты разбил последнее, что у нас было, — выдохнула она. — Мы теперь умрём от жажды, если Мэллор вовремя не появится нам на глаза!

— Тут ещё есть дубовая, — покачал головой мужчина. — Смотри.

Он почти сделал глоток, когда Эрла вырвала бутылку из его рук. Она и сама до жути хотела пить, но ведь деревья... Небольшой дыры, которую можно было обеспечить с помощью этой жидкости, не хватило бы и на то, чтобы выбраться на свободу, но если подняться наверх...

Крона зашевелилась. Казалось, деревья принимались бороться за свою судьбу и медленно, настойчиво сжимали круг.

Музыка поднялась до самого пика и внезапно оборвалась, слишком резко для того, чтобы это было правдой. Тишина моментально нарушилась громким скрипом деревьев, словно пленники нарушили очередное главное правило, о котором Мэллор немного забыл — или знал, но решил, что они и так не станут тратить желанную жидкость.

Возвышение за спиной превратилось в сплошной неприступный форт. Деревья росли с невероятной скоростью — то там, где их выжгла ненавистная жидкость, они так и не смогли ожить, и потому у Эрлы и Эльма остался ещё один, совсем маленький островок, за который они так старательно цеплялись.

Первым очнулся Марсан. Бутылку он разбил прямо о надвигающуюся стену — деревья скрипели корнями и явно пытались перешагнуть линию, но стать толще не смогли.

Деревья ринулись в стороны. Казалось, они теперь уже понимали, чего следует опасаться, и Эльм рванулся вперёд, в образовавшийся проход.

Эрла проскользнула в него беспрепятственно, но деревья не стояли на месте. Как только проклятая, дурманившая жидкость впиталась в землю, они сомкнули вокруг Марсана свои ветви, упрямо втягивая его обратно.

Голова болела. Казалось, в сознании молодой Тьеррон билось набатом только одно слово — она должна была бежать. Так или иначе, свобода оказалась такой близкой и желанной, что девушка почти повиновалась первому порыву.

Почему она не настоящая ведьма? Тогда не было бы никаких проблем, она заколдует деревья, и всё закончится...

Но магия не пришла.

На свежем воздухе дурман почти отступил, а она практически повиновалась своему глупому порыву сбежать, такому логичному...

Но не смогла.

Эльм вроде бы даже выдохнул что-то вроде “беги”, но Эрла вполне логично приняла это за короткое и звучное “спасай” и рванулась к ветвям, сломав первую настойчивую ветку, что так сильно сжимала его запястье.

Марсан рванулся вперёд, тоже стремясь вырваться из плена, хотя само дерево не хотело делиться добычей. Какая-то наглая ветвь уже успешно тянулась к его горлу, под руками не было ни единого подобия оружия, и, казалось, с жизнью Эльма можно было распрощаться.

Эрла вновь безуспешно воззвала к магии. Ничего, пустота, только хрупкие ветки раскрошились под настойчивыми пальцами.

...Бутылка лежала совсем рядом. Девушка даже не надеялась, что там осталась хоть капелька жидкости на дне, но всё равно плеснула на Эльма всё, что могла. Риск — благородное дело, и ветви зашипели. Впрочем, в унисон с Марсаном, но думать об этом было поздно, Эрла рванула его на себя, пытаясь вытряхнуть из бесконечного, наглого плена.

Деревья зашуршали за спиной, протянули свои ветви вновь, но она упрямо потянула парня вперёд. Найти лошадей — и не будет никаких проблем, и...

— О, как это мило! — мерзкий смех напомнил шелест весенней листвы, и Эрла обернулась, сталкиваясь взглядом с Мэллором. — Зачем выбирать лёгкий путь, если можно пытаться вырваться? Значит, ты не соврала?

Она попятилась. Эльм — тоже, но как-то совсем пьяно и неуверенно. Смотреть на него нынче не было времени, но девушка понимала, что случилось что-то совсем не хорошее.

В бутылках был яд?

Или, может быть, ему не хватало очередной дозы отвратительной жидкости? Или она обожгла его?

Эрла даже не успела скосить взгляд на своего спутника. В принципе, бросить его и сбежать — это всё ещё вариант, но она вынуждена была только дёрнуть Эльма в противоположную сторону от взрыва зелени, ведь бесконечный поток листиков и какой-то ещё гадости не отпускал их.

Мэллор взвесил в руке свой посох.

— Я ждал этого момента. Настоящая дочь Дарнаэла не стала бы покорно рожать мне одарённого ребёнка. Но ничего! — он ослабилась. — Теперь ты у меня в руках, а значит, дело за малым — поймать тебя и запихнуть в клетку.

Эрла воздержалась от комментариев.

Очередной рывок зелени отшвырнул её в сторону. Девушка сползла по стволу дерева под приступ мерзкого хихиканья.

— Как это прелестно! — промолвил он. — Дар смотрел на меня, аки на пустое место, столько лет, а теперь у нас будет отличный шанс объединить силы. И какой повод — маленькое прелестное дитя... Мне так хотелось завести ребёнка!

Мэллор сделал шаг в её сторону.

— Они все думали, — сумасшедше улыбаясь, продолжал он, — что я просто издеваюсь над глупыми лгунями. Я писал Дарушке докладные письма, в которых говорил, что мне постоянно попадаются девушки, что представляются его дочерьми. Это было так просто! Я пустил клич по округе! Ни одна мне не отказала, представляете? Им хотелось жить, радоваться, встречать рассветы и провожать закаты, а мне хотелось отыскать ту, в которой будет его кровь. И его волшебство!

Мэллор явно не закончил. Бесконечно глупая тирада была прервана грудкой земли — Эльм, не сдержавшись, швырнул оной в надоевшего мага.

Эрла бросила на своего спутника короткий взгляд.

Он не просто плохо выглядел — нет, всё было гораздо запущеннее. Грудь превратилась в кровавое месиво, казалось, вот-вот она увидит белые кости. Марсан едва стоял на ногах и вызывал то ли короткий приступ страха за его жизнь, то ли раздражение от того, что кто-то достаточно слабый ещё имел смелость делать вызов. Пристальный взгляд Мэллора не желал ничего хорошего — он был уверен, что получил слабого соперника, потому отбросил, очевидно, церемониальный посох, так и не рассказав, для чего конкретно ему понадобилась королевская дочь.

Движения были похожи на кошачьи. Мэллор приближался дёргано, словно ему могли помешать, и Эрла задержала дыхание, стараясь убедить себя в том, что у них ещё есть шансы.

“Бежать”, - дико билась в сознании мысль.

Было ещё время.

...Эльма сбило с ног первым же заклинанием. Логично, что он позвал Мэллора к себе исключительно ради того, чтобы привлечь его внимание и дать своей спутнице время на побег. Коварный похититель, как же! Почему-то сейчас Эрла больше не могла заставить себя поступать так, как велел собственный страх.

Мэллор глупо усмехнулся. Только сейчас стало понятно — это он играл на флейте, уронил её сейчас в траву, и...

И был чертовски пьян, явно смешал и первое, и второе средство, почти разочаровавшись

в тех, кого закрыл на сей раз.

Вот только почему-то сие отнюдь не мешало ненависти во взгляде отвратительного мага, не мешало потокам зелени, что, повинуваясь ему, выбирались из-под земли. Эльма сковало по рукам и ногам, и он уже едва дышал. Впрочем, на сопротивление у несчастного не хватило бы сил — казалось, рёбра и вправду можно было увидеть отсюда, сквозь обрывки одежды белела то ли кожа, то ли кости.

Эрла, пошатываясь — ей невероятно хотелось отпить прелестного средства, — потянулась к посоху и сжала его в своих руках. Бороться? Она же ведьма! Маг! Призовёт сейчас его силу, и та хлынет в отвратительную палку, наполнит её, заставит послужить отличным проводником, а после вся мощь изольётся на Мэллора.

Над несчастным Эльмом, потерявшим сознание то ли от боли, то ли от потери крови, зависло что-то смутно напоминающее змею. Она уже раскрыла свою зелёную, травянистую пасть, протянула ядовитый язык-иголку, явное растение.

Мэллор шатался.

Магия не шла. Эрле давно пора было признать, что в ней не было ни капельки волшебства, да и всё, закончилось бы мучения. Но разве она не пыталась овладеть этим подобием таинственного искусства? Разве каждая попытка не обрывалась бесконечным провалом?

Высшая и воин?

Будь проклята мать с её постоянными предсказаниями, теперь-то Эрла могла с уверенностью заявить, что она не оправдала ожидания.

Змея распахнула пасть ещё шире, Эльм даже не мог дёрнуться. А он ведь пытался спасти её своим окриком.

Он пытался отвлечь внимание этого пьяницы.

Что там действует на магов?

“Сестричка, запомни, — она видела смеющиеся синие глаза брата, — ничто не помогает против Высшего лучше, чем парочка ударов мечом. Не бессмертные ж они, правда?”

Не бессмертные ж они, правда?

Ведьма пропустила бы силу через отвратительный посох и обязательно направила заклинание в сторону противника. Мэллор ждал ведьму. Дочь короля... кем ещё она могла оказаться?

Эррока слишком забита стереотипами, чтобы они не распространялись на Эльвенту.

Но Эрла слишком отчётливо понимала, что в ней очень мало ведьмы. Она взвесила тяжеленный посох в руке, а после быстро, рывком направилась в сторону Мэллора.

Тот и не обернулся. Всё его внимание распространялось исключительно на несчастного Эльма.

Особые удары. Попытки подсесть. Уколы, нападения, отвлечение, манёвры...

Эрла абсолютно по-женски рассудила, что на это времени у неё не было, поэтому изо всех сил саданула противника посохом по голове. Палка соскользнула с черепушки мага и врезалась ещё и куда-то в шею, и он только едва заметно оглянулся, подарил ей короткий удивлённый взгляд...

И рухнул.

Змея обмякла, травы вокруг несчастного Эльма из магических превратились в самые обыкновенные.

— Здравствуй, дорогая, — послышался за спиной тихий, певучий, абсолютно точно женский голос.

===== Глава двадцать первая =====

На душе было противно. Почему-то в одно мгновение Сандриэтте показалось, что из-под ног вырвали почву, а после её ещё и толкнули в ту пропасть, что образовалась за спиной. Под ногами мгновение назад была стойкая земля, после появился тоненький мостик, на котором приходилось балансировать, а теперь и вовсе зияла отчаянная пустота, и она падала туда, в пропасть.

Баррэ мотнула головой. За спиной не было пропасти, всего лишь обыкновенная дверь в королевские покои, а под ногами — только каменные плиты, на которых она вполне прочно стояла. И в руках не цветы и не пузырёк с ядом, а только абсолютно стандартный набор для стражника короля Дарнаэла.

Дверь широко распахнулась, являя свету не только Его Величество, а и сегодняшнюю его спутницу, вот только Сандриэтта вынудила себя смотреть в противоположную сторону. Несколько дней назад он говорил, что всё только потому, что Лиара никогда не покинет его сознание, но сегодня всё слишком закружилось, завертелось...

Впрочем, возвращать что-либо назад было поздно.

Прошло ещё два дня, но красавица никуда так и не пропала. Все знали только её имя — кроме того прелестного факта, что король Дарнаэл совершенно не планирует расставаться со своей гостьей.

Королева Лиара, да!..

Безмерная любовь к своей не сложившейся супруге как-то очень быстро почилла, оказалась в прахе, а теперь не планировала даже оживать. Может быть, стоило ухватиться за возможность поговорить с королём, сказать ему это в лицо, вот только почему-то девушка слишком ярко понимала, что опоздала с объяснениями.

Дарнаэл не собирался терпеть всё это, и её фамильярность тоже. Так что, не грозили несчастной Анри ни долгие пространственные беседы, ни короткое “просто я не вижу в тебе привлекательную женщину”.

Если б он тогда сказал так, а не нашептал на ухо что-то о безмерной любви к Лиаре, как казалось Сандре, было бы легче.

— Свободны, сменить конвой, — послышался строгий голос за спиной.

Кальтэн кивнул ей едва заметно и с пониманием, будто бы специально следя за тем, чтобы девушка и её напарник быстро покинули собственное рабочее место. От этого ни на мгновение не стало легче, но почему-то Сандра подумала, что без этой отвратительной Сэи она определённо почувствует свободу.

Та позволяла себе такие взгляды, что подавить собственное отвращение было нереально.

Сандра в последний раз отдала честь и уверенным, чеканным шагом направилась по коридорам куда-то в распорядительскую — надо было сдать наконец-то оружие, ведь у неё после долгой смены, длившейся почти пятнадцать часов, наступил наконец-то отдых.

Баррэ шла скорее как-то автоматически, будто бы не замечая сменяющихся вокруг декораций. Словно ничего не случилось, так, мир немного перекрутился, а она только лишь прикрыла глаза и не собиралась вновь нырять в бесконечный круговорот таких же надоедливых событий, которые невозможно было предугадать. Холод, спокойствие и пустота — ей так всего этого отчаянно не хватало, что возник даже отчаянный порыв

сорваться и вправду поискать пустоту.

...Без стандартной амуниции дышать было легче. Сандриэтта не надевала платье уже несколько месяцев, и теперь ей упрямо казалось, что выглядела в нём девушка отвратительно или хотя бы смешно. Она пыталась не обращать на себя никакого внимания, убедить в том, что и так никому не нужна, но назойливое зеркало на стене упрямо притягивало внимательный взгляд и заставляло отталкиваться от собственного ненавистного отражения.

Потерянные души ищут потерянные миры.

Спать хотелось невероятно, но стоило только прикрыть глаза, как ненавистная Сэя появлялась перед глазами. Они ведь были такими разными — ненавистная ведьма и глупая стражница, поверившая в то, что у неё с королём могло что-то получиться.

У Сэи были немного коротковатые тёмные волосы, переливающиеся на солнце странными оттенками красноты. Сандриэтта видела, когда шагала конвоем за спиной короля, провожая его и его спутницу в тронный зал, и ей так хотелось метнуть копьем в отвратительную девушку, но...

Разве у неё было копье?

Сандра так и не рассталась с образом хрупкой блондинки. Тонкая кость, слишком детские, словно срезанные формы, длинные белые волосы, рассыпающиеся по плечам только тогда, когда она наконец-то распускала собственную косу. Тонкие пальцы не воспроизводят одним щелчком молнию, они только короткой вспышкой добавляют оружие мало-мальски серьёзного значения.

Она сжала руки в кулаки и закрыла глаза вновь, отчаянно пытаясь уснуть, вот только получалось поразительно плохо. И мир тоже в очередной раз поплыл, растворяясь в потоке несвоевременного пристрастия к кошмарам и ужасам, а девушка отчаянно хваталась за образ счастья, застывшего в той форме надежды где-то далеко впереди.

Анри так и не смогла задремать или хотя бы расслабиться. Она только спокойно отмахнулась от отражения в очередной раз и, подавляя чувство голода и отчаяния, выскользнула из комнаты.

Хватит сидеть в пустоте. И хватит страдать по человеку, что никогда не должен был принадлежать именно ей.

\*\*\*

В “Двух берёзах” всегда было много мужчин. Девушки здесь оказывались редко, да и то не слишком тяжёлого поведения, но Сандриэтта справедливо рассудила, что раз она королевская стражница, то имеет право на пребывание в данном заведении точно такое же, как и все остальные.

Правда, блондинка до конца не понимала, как она что-то закажет, в конце концов, девушка толком даже не знала, как называется большинство напитков, что потребляют в подобном случае. Но... Ведь она всегда может спросить?

Анри хотела было отойти куда-то в сторону и занять местечко в углу, но так и застыла посреди помещения, словно не зная, куда ей повернуть. Кто-то закричал, кто-то махнул ей призывно рукой, и Сандра отшатнулась в сторону. Отчаянное желание напиться моментально подвинулось, уступая место глуповато-жуткому сбежать.

Уйти казалось слабостью. Быть слабой Сандриэтта боялась — она пошатнулась, попыталась взглядом отыскать хоть что-то, за что можно зацепиться, и наконец-то увидела знакомый силуэт где-то в углу заведения.

Добраться до закоулка казалось до ужаса трудным. На пути то и дело стенами появлялись пьяные мужчины, но Сандре удавалось как-то обойти их стороной, словно задача оказалась относительно реальной.

Кэор, сидевший за столом, поднял на неё полутрезвый взгляд, словно пытаясь понять, кого видит перед собой, а после кивнул на так и не озвученный вопрос относительно того, может ли она присесть.

Девушка присела на свободный стул, отмахиваясь от очередного наглеца-стражника, пытающегося настойчиво привлечь её внимание. Девушка с радостью отогнала бы и вовсе всех, но подобной возможности у неё не было. В “Двух берёзах” представительницам женского пола делать нечего, но Анри понятия не имела, есть ли где-то ещё место, где можно было отдохнуть.

— Красавица, ну чего ты села рядом с этим нудным типом? — возмутился кто-то над ухом. — Присоединяйся ко мне!

Сандра сделала вид, что не услышала. Кэор тоже не оторвал взгляд от бокала с чем-то крепким.

Наполовину пустая бутылка стояла по центру стола, а сам парень сложил руки на деревянной поверхности и уложил на них голову, будто бы пытался уснуть. Бледность едва заметно коснулась привычно смуглой кожи, да и болезненный вид ещё не до конца отступил.

— Красавица — личная стража Короля! — рявкнул он. — Думаю, вам не хочется познакомиться с пыточными Его Величества?

Стража в противоположном углу заведения загоготала, но кто-то из толпы шикнул на них, подтверждая, что Кэор не лжёт. Тот отвернулся от моментально сникнувших противников и вновь воззрился на девушку.

Сандриэтта вдруг подумала, что надо было идти сюда в рабочей одежде, а не в дурацком, тонком платье. Она чувствовала себя крайне неудобно, да и вообще, привлекала слишком много внимания. Столы, стулья, множество дерева и мужчин — и только служанки в каких-то девичьих нарядах, но они для того тут и бродят, чтобы радовать внешним видом мужчин. Анри не должна была распускать длинные светлые волосы, да и платье оказалось явно неуместным.

— Как там на работе? — Кэор болел уже который день, но только теперь Сандра осознала, что не так физически, как морально.

Он был явно пьян, но ещё сохранил прелестную способность разговаривать. Это определённо радовало, да и вообще, внезапно Сандриэтта поймала себя на мысли, что без его поддержки потерялась бы, почувствовала себя лишней, а вскоре и вовсе либо сбежала бы, либо попала в какую-то серьёзную передрягу.

— Да так, всё в порядке, — передёрнула она плечами.

Служанка остановилась прямо перед ними, поставив перед Сандриэттой пустой бокал.

— Приятного, — холодно промолвила она, будто бы блондинка нанесла девушке личное оскорбление, а после вновь вернулась на рабочее место.

Баррэ даже не обратила на неё должного внимания, справедливо рассудив, что оно того не стоит. А настроение и без того плохое, нечего портить его окончательно дурацкими выяснениями отношений.

— Как думаешь, — Кэор вновь сделал большой глоток из своего стакана, — на какую должность меня могут принять теперь? — он криво усмехнулся. — Пойду, наверное, в

палачи. А что, есть даже опыт труда...

Сандриэтта не смогла отыскать в себе силы проронить хотя бы несколько слов соболезнования. В конце концов, они претендовали на одну и ту же должность, и было бы глупо отказываться от того, о чём она так сильно мечтала всю свою сознательную жизнь.

— Можно? — она потянулась к бутылке. Заглушить глупую детскую мечту хотелось сильнее всего на свете. — Я, наверное, уйду с должности, так что ты вернёшься к охране короля. Уверена, король простит своего племянника...

Она попыталась выпить отвратительную, маслянистую отчего-то жидкость залпом, наскоком, но поперхнулась и закашлялась. Кто-то с противоположного конца зала бросил на девушку презрительный взгляд, но она только скривилась и оттолкнула от себя стакан. Пить надо уметь, а она так и не научилась. Стражница короля, чёрт возьми, должна вести себя соответствующим образом, и плевать на то, что она ни на что не способна.

— А ты-то чего? — хохотнул Кэор. — Это я притащил предательницу короны во дворец и умудрился на ней жениться.

Сандриэтта передёрнула острыми плечами. Алкоголь действовал на неё странно — перед глазами мириадами искр забила пустота, и она с отчаяньем попыталась ухватиться за неё, но так и не смогла. Пальцы царапнули пустоту, и Баррэ криво усмехнулась, будто бы пытаясь с этим жутким оскалом, изогнувшим губы в презрительном подобии улыбки, отпугнуть Кэора.

— Да чего мне тут... — она запрокинула голову назад и уставилась на деревянный потолок, который почему-то едва ли не вызвал очередной приступ хохота. Что такого смешного может быть в банальных досках, Анри понятия не имела, вот только напускная весёлость быстро превратилась в настоящую.

Кэор протянул руку, перехватывая её запястье, и вновь привлёк к себе внимание, словно надеясь на то, что сплошная стена мыслей наконец-то схлынет и покажет настоящую, живую, предельно реалистичную Сандриэтту.

— Действительно, зачем девушке подобная работа? — передёрнул плечами парень. — Вот только ты же почему-то оказалась тут. И не просто так, я уверен.

— Мне хотелось... — она запнулась, — до жути хотелось поразить одного мужчину. Но так ничего и не вышло.

Кэор вряд ли сейчас был способен на логические умозаключения, поэтому, как показалось Сандриэтте, даже не перебирал кандидатов на её сердце в голове, просто признав, что таковые когда-то в природе существовали, да и всё на этом.

— Выпьешь со мной? — предложил он ещё раз, словно Анри было мало уже проглоченной отвратительной жидкости.

Он выплеснул ей в стакан остаток жидкости в бутылке, вскинул руку со своим, словно пытаясь отсалютовать, и осушил залпом. Сандриэтта тоже так и не вспомнила об осторожности, хотя почему-то на сей раз прошло намного легче. В горле уже не жгло до такой степени сильно, да и она наконец-то смогла расслабиться.

— Воспользовался? — с кривой усмешкой спросил Кэор, словно вспоминал что-то своё, но Анри отрицательно покачала головой.

— Уж лучше бы он... — девушка запнулась. — Нет. Сказал, что достойна большего, повернулся и ушёл, — она коротко хохотнула. Со стороны это должно было звучать как радостное заявление одумавшейся девушки, но она чувствовала себя просто пьяной.

Анри и не думала, что алкоголь проберёт её настолько сильно. Перед глазами всё так



плыло и прыгало, что она едва-едва могла удержаться на ногах. Хотелось задохнуться, да и точка — может быть, в окружающей пустоте она с радостью доберётся до своего персонального наказания в виде вечной жизни рядом с этой счастливой семейной парочкой?

Сандриэтта вынудила себя сделать ещё один глоток. Ведь она пришла за этим, разве нет?

— Лучше бы? — Кэор отрицательно покачал головой. — Ну, не стоит так заявлять. В конце концов, — он прищурился, — я уже выбрал такое “лучше”.

Ах да.

Любовь всей жизни обернулась самым страшным кошмаром для него — и для государства тоже обернулась бы, если б только король Дарнаэл не сумел справиться с очередным нападением собственных врагов. А ведь он сумел — страшно даже осознать, что на самом деле могло случиться...

И думать об этом тоже не хотелось.

— Всё ещё будет хорошо, — попыталась ободрить его Анри стандартной и глупой фразой, вот только Кэор лишь отрицательно покачал головой.

— Я тебя провожу, — он толкнул бутылку на деревянный пол, и та покатила по доскам к ногам следующего посетителя. Драгоценная жидкость расплескалась лужей под ногами посетителей, и “Две берёзы”, казалось, давно уже успели пропахнуть насквозь. Осталось внести маленькую искорку пламени, зажечь свечку, опрокинуть её случайно, и заведение вспыхнет, словно та спичка. И они, его посетители, тоже вспыхнут.

— Сиди, — отмахнулась девушка от своего коллеги. — Зачем? — душу сжимало невидимыми кольцами. — В конце концов, я ведь... — она хмыкнула, — ещё день как королевская стражница.

— Он тебя не прогонит, — Кэор рассмеялся. — Скорее уж меня. Есть за что.

Третья бутылка оказалась где-то под столом — и ещё закрытой. Он подхватил её и нетвёрдым шагом направился в сторону двери. Сандриэтте не хотелось уходить, и она только проводила Кэора грустным взглядом. Если б он знал, что тот глупый рассказ о мужчине её мечты был приурочен как раз к новой пассии короля, то, может быть, отреагировал бы иначе вот только раскрывать секреты подобного рода глупо, и девушка не могла рискнуть сделать это.

Она попыталась проглотить остатки огня в собственном стакане, но тот только опалил губы и вновь ускользал куда-то в сторону. Перед глазами всё оказалось до жути размытым и наполовину пустым, словно некто решил вдруг поджечь мир одним щелчком пальцев.

— Хэй, красотка, — рядом с нею вновь кто-то плюхнулся, руку нагло водрузили на колено, и Анри едва заставила себя поднять отяжелевшую внезапно голову, — пойдём с нами?

Она едва разбирала личности. Опьянеть-то до конца и не получилось, забвение всё никак не приходило, а вот с координацией движений появились серьёзные проблемы.

— Да пошёл ты, — Баррэ поднялась на ноги, отчаянно хватаясь за крутившиеся в голове беспорядочно мысли. — И я... Тоже пойду.

Она направилась к выходу так, словно там было спасение. Вместе с “Двумя берёзами” за спиной останутся все проблемы, вся накопившаяся душевная боль, и она выйдет в прохладную ночную пустоту, там растворится среди невидимых звёзд, и наконец-то спокойствие схлынет на неё смертью.

Но этого не случилось.

Там и вправду было прохладно. Анри с удивлением осознала, что всё ещё сжимает в руках бутылку, что подобрала её по пути, но не решается сделать глоток. И вокруг — только романтично настроенные парочки, прогуливающиеся под луной.

Она скосила взгляд. Мелькнули знакомые чёрные одеяния с вкраплением алых нитей. Стража? Нет, у тебя попросту красный мундир.

Придворный маг.

И не один.

Даже Шэйран, у которого всегда возникали проблемы с выбором второй половины — на эрроканок тянуло парня, по месту жительства, — смог отыскать ту, что завладела его вниманием на один вечер. Не такую, что можно использовать и выбросить — с ними не прогуливаются, взявшись за руки, с ними не смеются в проклятой ночи посреди центральной площади — их сразу же волочат куда-то в постель.

Может быть, король Дарнаэл был прав? Может, он и вправду всего лишь пытался её не обидеть, не причинить очередной приступ боли? Мало ли, вдруг всё это было сделано из лучших побуждений?

Вот только верилось очень слабо.

Анри шагала вперёд весьма уверенно. Плевать, что она умудрилась уже трижды наступить на платье, да ещё и едва не упала — это опять-таки не было достаточно важным, чтобы обращать собственное внимание.

Девушка остановилась у балкона и долго-долго смотрела на окна тронного зала. Оттуда едва слышно доносился смех — попеременно то мужской, то женский. Свечи сияли так ярко, что мягкая, золотистая лужица их света распространялась и на брусчатку под ногами Анри.

Тонкие лучики невидимых светил касались и Кэора. Тот сидел на небольшом возвышении, упёршись спиной в стену, и то и дело тянулся к бутылке. Сандриэтта опустилась рядом и вытянула длинные ноги. Кусок платья утонул в сиянии окна, но зато всё остальное будто бы слилось с темнотой, только в лунном мерцании показывались снежные волосы.

— Ты его сильно любила? — хриловато спросил Кэор. — Того, о ком упоминала?

Его язык уже не заплетался. Казалось, прохладный ночной воздух и отсутствие людей на улице действовали на парня благотворно, и он почти отошёл от своего отвратительного состояния, но с огромным удовольствием вернулся бы в него прямо сейчас.

— Я не знаю, — покачала головой Анри. — Мне кажется, что очень. А ему — что это только детская прихоть.

— А я сильно. Её, — Кэор сглотнул. — Думал, что горы могу свернуть ради этой проклятой... А она, казалось, почти отвечала взаимностью.

— Но не ответила?

— Для Торрессы это нормально — толпами водить любовников или любовниц в родной дом при живом муже или живой жене. Это мы тут очень консервативно и скованно живём, а там ценится только моральная верность. Спать и любить, она говорила, разные вещи.

Кэор позволил себе ещё одну короткую улыбку — и большой глоток алкоголя. Горло обожгло с удвоенной силой, но он подавил усмешку, что так и пыталась появиться на губах, и протянул бутылку Сандре.

Она, в конце концов, считалась его коллегой. Так воспринимать эту пародию на общение оказалось поразительно легко, и девушка почти не задумывалась над глупыми

вопросами о целесообразности своего пьяного состояния.

— Первое без второго и второе без первого, — хихикнула она, — вполне возможно. Так что это разные вещи.

— Ага. Но как-то не прельщает перспектива быть вечно брошенным мужем, а потом гадать на кофейной гуще, от тебя ли рождает твоя супруга, или кто их детей твоих любовниц кому принадлежит, — рассмеялся Кэор. — Говорят, и Марта тоже от первого супруга госпожи Торрэсса-старшей, а не от короля.

Сандра сжала крепче бутылку в непослушных пальцах и будто бы попыталась вывернуть в себя её содержимое. Получалось из рук вон плохо, её упрямо тошнило, да и вообще, алкоголь обжигал всё, что только можно было обжечь.

Под балконом сидеть оказалось удобно. Спадали на глаза тонкими плетениями зелёные ветви, которых вчера-то толком и не было, и Сандра внимательно смотрела на них, изучая взглядом, будто бы пыталась найти какую-то закономерность.

— Мало ли, что говорят, — Сандра вздохнула. — А они... король... — она возвела глаза к балкону.

— Наш, кстати, завтра обещал огласить какую-то невероятно важную новость, — Кэор вновь отхлебнул жуткого пойла, словно пытаясь убедить себя в том, что это может быть полезной жидкостью. — Иди спать, Анри. Тебе ещё выходить в караул с утра-пораньше.

— Я скажу Его Величеству, чтобы нас поменяли местами, — проронила девушка. — Чтобы... чтобы потом ты...

— Спасибо.

Кэор больше ничего так и не сказал — они ещё оба были в достаточно адекватном состоянии, и Сандриэтта поплелась в замок, старательно пряча собственные чувства за очередную заслонку, будто бы что-то в этом роде действительно могло помочь. Всё равно слишком страшно да горько, но она устала справляться сама с собой и устала бороться с тем, что не позволяло сделать хотя бы один шаг вперёд.

\*\*\*

В тронном зале после вчерашнего царило запустение. Вокруг валялись какие-то тряпки, обрывки книг и заклинаний, а бедный библиотекарь ползал по мраморному полу и собирал по страничке редкий том по какому-то там магическому искусству.

Сандриэтте уж очень не хотелось бы принимать участие в уборке, но сегодня Кальтэн запахнул её внутрь зала со словами, что стражница должна хранить короля и от его спутницы, и от бесконечной вереницы подданных. Что это такое, когда Его Величество сидит в гордом одиночестве и не может рассчитывать на помощь со стороны?

Девушка уже было бросилась подбирать очередную кипу бумажек, но Дарнаэл остановил её коротким взмахом руки. Господин Са разбросал всё это собственноручно, и собственноручно должен убирать.

— И только ты подумай! — возмутился он так громко, что от этого могли рухнуть стены тронного зала. — Ведьма! Я — и не отличить ведьму от какой-то обыкновенной уличной девки, если это смог сделать даже наш придворный маг! — Тэравальд выпрямился. — Кстати, как у тебя с ним, что, разошлись из-за глупой девки?

Мантия Его Величества в очередной раз валялась где-то на полу, Сандриэтта была нагло усажена на подлокотник трона, а сам король до этого стоял у окна и, перегнувшись через подоконник, раздавал указания стайке солдат.

Анри подозревала, что в подобном положении Его Величество может очень и очень

сильно пострадать не только от случайной стрелы, а и от того, что самым наглым образом вывалится из окна, но делиться своими мыслями не стала. Мало ли, как король отреагирует на указания с её стороны?

— Что?! — Дарнаэл захлопнул окно и повернулся к библиотекарю. — Ты, представитель вымирающей расы, недавно на Ньевидде побывал и отрастил себе вместо длинных ушей длинный язык?

Тэравальд усмехнулся.

Притворяться молоденьким пареньком было весело. По крайней мере, когда тебе двадцать, посторонние короли не явятся в три часа ночи с интересным вопросом к на одну восьмую мудрецу. На остальные семь восьмых, правда, Тэр оставался безалаберным человеком, но сие ничего не значило. Эльфийская кровь, даже когда её мало, играет весьма и весьма ярко.

Сандриэтта сделала вид, что ничего не слышит. Конечно же, рассказы о том, что Шэйран и Дарнаэл были любовниками или чем-то в этом роде — абсолютный бред, учитывая тот факт, что они отец и сын, вот только всё равно надоедливый библиотекарь был не той личностью, на язык которой она хотела бы попасться. Стражники всегда должны закрывать уши и ничего не слышать.

— Собирай трактат, — сухо проронил Дарнаэл, — и не морочь мне голову. Да побыстрее, всё равно не нашли то, что нужно.

Сандриэтта понятия не имела, для чего библиотекарь был вызван в тронный зал. Она прибыла на пост тогда, когда листки уже валялись по всему залу, и Дарнаэл, естественно, не думал даже ничего пояснять.

Ей хотелось наконец-то поговорить с Его Величеством и рассказать о том, что она справедливо именовала собственной проблемой, сообщить, что больше не может работать его личной стражницей, но почему-то заговорить при чужом человеке не получалось. Сандриэтта косилась на Тэравальда крайне недоверчиво, словно ждала, пока он провалится куда-то, дабы только в ту секунду и начать полноценную беседу.

Спокойствие разлилось сплошной рекой. Анри не могла его нарушить, потому что понимала, что тогда ответственность за совершённое падёт именно на неё и окажется слишком большой. Она просто не могла разрушить то идиллическое молчание, воцарившееся в помещении, и теперь только шелест бумаг периодами заставлял отрывать взгляд от короля.

Дарнаэл был неспокоен. Казалось, он чего-то ждал, то и дело подходил к балкону, а после вновь переводил взгляд на Тэравальда. Он не пытался попасть в сплошную пелену равнодушия, что растеклась густым сиропом по комнате, и будто бы выбился из общих понятий единогласного молчания.

— Сандриэтта, — король повернулся к девушке, — ты не видела моего Первого Советника?

— Сегодня — нет.

— Очень жаль, — Дарнаэл вновь посмотрел в закрытое окно, словно пытался сейчас переместиться туда, за грань помещения, но не мог рискнуть это сделать. — Надо будет его найти. Тэравальд, поищешь то, о чём я тебя спрашивал.

— Поищу, — согласился библиотекарь. — Но ты должен будешь когда-то отправиться со мной...

— Я помню, — взмахом руки оборвал его Тьеррон. — Свободен. Мне через час

предстоит это чёртовое выступление.

Выступление?

Сандриэтта даже не стала уточнять или отговаривать короля от любых публичных заявлений, это всё равно не имело смысла. Он никогда не мог заставить себя поступать так, как полагается, напротив, творил чёрт знает что и постоянно подвергал себя опасности. Вот только Анри на сей раз даже не испытала желания что-то сказать, наверное, потому, что самой тоже было слишком больно.

— Свободен, — Дарнаэл занял какое-то кресло, успешно проигнорировав неудобный для него стул, и посмотрел на Сандриэтту, словно ожидая от неё какой-то особенной реакции.

Дверь за Тэравальдом захлопнулась. Эльф на одну восьмую — странная должность при дворе короля, и, наверное, потому его и именуют просто библиотекарем. Сандриэтте же упрямо казалось, что за личностью господина Са таится что-то куда более серьёзное, чем они только могут себе представить.

В любом случае, спокойствие могло только присниться им в прекрасном, но давно уже потерянном сне.

— Ваше Величество...

Анри соскользнула с подоконника, который занимала. Ей так хотелось, чтобы сейчас никто не посмел отвлечь его или потребовать внимания со стороны короля. Может быть, удастся сказать хотя бы пару слов относительно...

Она буквально чувствовала, что уже готова к своему признанию, вот только всё равно не успела. Широко распахнулась дверь, и в помещение буквально влетела всё та же проклятая Сэя.

— О, Ваше Величество, вы опять не на троне, — она пересекла зал настолько быстрым шагом, словно та королева Сандрин.

Это казалось не странным даже, не подозрительным, ведь король сам позволял девушке вести себя подобным образом. Нет, от всего просто слишком настойчиво веяло самоуверенностью и магией, будто бы отвратительная девица или женщина, кем она там была, умудрилась заколдовать короля одним только взмахом руки.

— Дорогая, нам выходить только через час, — он поднял на неё холодный взгляд, но после всё же едва заметно улыбнулся.

Сэя устроилась в кресле напротив, а после испытующе посмотрела на Анри, словно ждала, пока девушка признается в том, в чём желала.

— Ваше Величество, — девушка сглотнула, — я поняла, что мне не по силам быть вашей личной стражницей.

Дарнаэл поднял на неё взгляд, будто бы всё прекрасно понимал, но не мог задать вопрос о причинах при молодой Тальмрэ.

— Я надеюсь, ты не собираешься покинуть замок вообще. У нас сейчас слишком мало стражи, особенно после того, как обнаружился десяток предателей, да и Марта Торрэсса добавила работы.

В его голосе не было даже той отцовской теплоты, что она прежде чувствовала. Сандриэтта отогнала дурное предчувствие от себя в сторону — имеет ведь право Его Величество пребывать в плохом настроении?

Он явно не получил того, что желал, от Тэравальда, а значит, уже произошло нечто непредсказуемое, непредвиденное и неприятное. Увы, но повлиять на это девушка никак не

могла — только едва заметно кивать в попытке поддержать Его Величество. А теперь сама позорно сбегала.

Разве так завоёвывают любовь и доверие?

Но она устала. И без того понятно, что Дарнаэл никогда не посмотрит на какую-то там двадцатилетнюю стражницу, особенно если рядом находится Сэя. Слишком прекрасная, чтобы Сандриэтта могла с нею сравниться.

Наверное, слишком похожая на Лиару, дабы околдованный король вообще посмел от неё отвернуться.

— Я просто поняла, что не справляюсь с вашей личной охраной. Я не... Я готова служить там, где вы прикажете, и...

— Я думаю, у нас достаточно вакантных мест во внутренних гарнизонах, — кивнул Дарнаэл. — К тому же, явно не хватает кого-то рядом с придворным магом. Сандриэтта, вы можете занять пост рядом с ним?

Девушка, казалось, не могла понять, о ком идёт речь, пока не вспомнила, что роль придворного мага исполнял Шэйран. Охранять его?

Нет ничего труднее, если учитывать то, что король передал своему сыну всю личную вредность, а девушка будет единственной, что вынуждена его защищать. Но, так или иначе, в Рэе никто не признал пока что законного наследника, а значит, пытающимся покуситься на жизнь короля нет никакого смысла лезть к магу.

— Конечно, — кивнула она.

Если б Анри боялась трудностей, то, наверное, попросила бы вернуть её на границу, но ведь она просто старательно бежала от короля, а не от ответственности. Она не выдерживала рядом с ним, вот только всё равно никак не могла заставить себя оказаться достаточно далеко.

Не получалось, и всё тут.

— Замечательно, — кивнул король. — Скажи Кэору, пожалуйста, что он может занять твоё место с завтрашнего дня.

— А сегодня?.. Ваше Величество, — добавить последние два слова оказалось слишком трудно, они словно свинцом ворочались у неё на языке, и девушка грустно вздохнула. Почему-то эта её глупая попытка намекнуть ему хотя бы на свою расположенность, тот пустой, бессмысленный поцелуй разорвал все намёки на будущее.

— А сегодня мне не понадобится охрана, ты можешь отдыхать, — отмахнулся король. — Ты и так два дня простояла на посту без выходного, а теперь опять тут стоишь, — он покачал головой. — Иди, Анри. Ты свободна. Кэора тоже можешь не особо старательно искать, если что, я сам об этом позабочусь.

— Как прикажете, Ваше Величество.

Девушка склонилась в коротком поклоне, потому что отдавать честь показалось глупым — он ведь не начальник стражи, он король, пусть и ведёт каждый раз армию в бой на войне.

Будто бы она хоть раз в своей жизни воевала.

Она надеялась на то, что сможет покинуть помещение как можно быстрее, но даже за закрытыми дверями тронного зала из-за настойчивого, наглого эха слышала весёлый женский смех.

\*\*\*

Толпа и вправду собралась вновь. В прошлый раз вот так судили предателей, но если бы что-то случилось, то Анри обязательно знала бы об этом.

Она и толпу-то увидела чисто случайно, из окна в коридоре, но проигнорировать её не могла. В конце концов, услышать обращение короля хотелось незамедлительно, а не потом собирать слухи по всему дворцу.

Идти по ступенькам оказалось почему-то трудно. Вероятно, Его Величество говорил правду, когда отмечал её усталость, и девушке следовало бы немного отдохнуть. Но заставить себя расслабиться она всё равно не могла, а с завтрашнего дня надо будет сторожить Шэйрана.

Правда, это стандартно превратится в долгие попытки уговорить Рэя вообще принять чью-либо защиту.

Но король не мог выбрать кого-то, кроме тех, кто знал о происхождении придворного мага. Стража не должна допустить наследного принца к Дарнаэлу, если на последнего нападут. Стража должна держать Шэйрана в приоритете, что бы ни случилось вокруг, ведь от его жизни зависит будущее государства.

И от Дарнаэла, конечно, тоже, но если они всё же потеряют короля, то должны уберечь хотя бы принца.

Сейчас Шэйрана поблизости не было, существовала только сплошная человеческая масса, в которой было так просто заблудиться. Тысячи, сотни тысяч — сколько людей может поместиться на центральной площади столицы?

Ряды ощерившейся оружием стражи, Кальтэн, носящийся туда-сюда со своими указами, беснующиеся люди, ожидающие то ли кровавой схватки, то ли вести о смерти короля, будто бы о таком им не сообщили бы сразу же. Казнь?

Но не было где и кого казнить.

Сандриэтта попыталась отойти подальше, но почувствовала, как кто-то схватил её за запястье, не позволяя отойти.

Девушка было дёрнулась, но соизволила всё-таки посмотреть на того, кто столь нагло привлёк к себе её внимание, и вовремя осознала, что это всего-навсего Кэор.

— Привет, — с облегчением выдохнула она. — Ты тут давно стоишь? Ожидаешь новостей от короля?

— Ага, — кивнул парень.

Он выглядел всё ещё довольно грустным, хотя был абсолютно трезв. Может быть, Кэор выполнял тут роль человека рационального и адекватного, должен был остудить толпу или заставить её повернуть в нужную сторону, если что потребуется, но что-то подсказывало Сандриэтте, что он просто пытается спрятаться от повального одиночества среди сотен и тысяч людей.

Казалось, Кэор всё ещё ожидал, что откуда-то вновь абсолютно здоровой и живой покажется его супруга, что она бросится ему на шею, попросит прощения, а потом всё будет просто прекрасно.

Но это, естественно, не могло произойти по мановению волшебной палочки, и приходилось мириться со стандартной мыслью о прошедшем, о страшном и давно забытом.

Мир скрестил мечи где-то за спиной.

— Я отказалась от своей должности, и Его Величество сказал, что будет ждать тебя завтра утром на посту, — выдохнула Анри, решив, что раз уж они столкнулись тут, то это подходящий момент для сообщения важных новостей.

— Да, спасибо, — ответ Кэора был максимально равнодушным, даже обидно стало за его подобное отношение, хотя сделать замечание девушка всё же не смогла. Она сама

виновата, что всё так получилось, наверное.

Не следовало прибывать с границы сюда, в замок, не надо было тратить время на столичную жизнь.

Жила бы себе дальше мечтаниями о короле, да и всё, так нет, её потянуло на активную демонстрацию собственных чувств. Так что, это её проблемы, её вина, что обернулось всё против неё.

Она могла бы этого избежать.

С лёгкостью.

— Ты выглядишь расстроенной, — отметил Кэор. — Хотя сегодня вроде бы как и большой праздник для нашего государства.

— Большой праздник?

Кэор так и не ответил на её то ли вопрос, то ли утверждение, но девушка и не ждала от него ни единого слова. Рано или поздно она всё узнает, сейчас король всё огласит, расскажет, что надо делать.

...Толпа зашумела — это было откровенным признаком прибытия Его Величества. Но когда Анри подняла голову, то осознала, почему так бесновались люди. Дарнаэл Второй стоял не в привычном одиночестве, как стандартно это было, хотя всё так же в обычной одежде и чуть съехавшей на бок короне. Рядом с ним величественно смотрела на народ Сэя — в ритуально красном платье, с тонким венцом на голове.

Дарнаэл говорил коротко, быстро, отрывисто, словно сообщал военные сводки, но речь шла не о том, что они готовили нападение на Торрессу, не о том, что на него вновь покушались, не о казни.

Речь шла всего лишь о том, что Его Величество Дарнаэл Второй Тьеррон избрал себе жену.

И повенчался с нею вчера вечером.

Анри показалось, что земля выскользнула из-под ног. Она опёрлась о руку Кэора, пытаясь удержаться на ногах, и хватала ртом воздух, старательно игнорируя духоту, нахлынувшую одним сплошным потоком.

Дышать было всё труднее и труднее.

— Тебе плохо? — Кэор казался равнодушным. Конечно, ведь он племянник короля, он знал о том, что его дядя вчера взял в жёны эту отвратительную женщину. Чему она удивляется? Как она вообще может удивляться?

Король — свободный человек.

Он имеет полное право делать всё, что ему взбредёт в голову, а их личное мнение не имеет никакого значения.

— Плохо, — отозвалась Сандриэтта. — Душно так, и... — он бросила тоскливый взгляд на бередившую память вывеску. “Две берёзы” нынче пустовали, весь народ празднует свадьбу короля, такую внезапную, неожиданную, непонятную, но такую желанную для каждого в стране!

— Когда её... — Кэор запнулся. Он тоже смотрел на надоедливую вывеску так, словно там укрылась какая-то тайна, до которой им всем хотелось дотянуться. Всем без исключения. И Анри, и самому парню, и даже королю.

Сандриэтте хотелось позорно и малодушно сбежать. Так быстро и безоглядно, как только может обиженная на весь мир, потерянная и глубоко несчастная девушка.

Кэор, может быть, вовремя это понял, но дальше слушать об избраннице короля, так или



иначе, не стал. Он осторожно сжал запястье Анри и потянул её в сторону, туда, где красовалась знакомая вывеска.

С “Двух берёз” в прошлый раз всё началось. С проклятой драки, беспамятства и жены, строившей глазки сначала Дарнаэлу, потом — придворному магу. В таких случаях обиженному супругу следовало бросаться уничтожать всех конкурентов на сердце возлюбленной, но Кэор никогда не был глуп. Он понимал, что дядя и кузен тут ни при чём — его супруга найдёт кого угодно и где угодно, стоит только дать ей волю.

Он предпочитал об этом просто не думать. Сейчас прошлое не имело значения, а Марта давно умерла. Он даже сам поучаствовал в её смерти — и почти не пожалел об этом, потому что какая-то часть души желала убедиться в том, что госпожа Торресса мертва. И что ему можно уже вернуть своё сердце на место.

Эльвента позволяет разводы. Тут не такие уж и строгие законы, да и сам король не один раз говорил, что ради счастья человек всё равно способен на многое, так зачем его останавливать? Вот только Кэору почему-то казалось, что смерть — это единственный выход; равно как и уничтожение Марты, может быть, чему-то научило всех прочих.

Завтра ему придётся вернуться в нормальную жизнь. Новость от Анри оказалась внезапной; завтра надо будет переступить через себя, отмахнуться от прошлого и сделать хотя бы один шаг назад, к прежнему Кэору, чтобы воскресить хоть какие-то умения и научиться быть человеком заново. Но сегодня он ещё не был королевским стражем — всего лишь брошенным мужем, которого предала собственная возлюбленная.

Возлюбленная, утонувшая в собственном разврате и отвратительном приступе желания получить власть в свои руки.

Это больше не имело значения.

...Сандриэтта немного неуверенно покосилась на уже знакомую вывеску. Она словно сомневалась, что вообще имеет право переступить порог заведения — вчера после нескольких глотков стало плохо, но забвение, такое отчаянно-желанное, увы, не наступило.

— Думаю, — Кэор кривовато улыбнулся, словно пытаясь поддержать её, — нам было бы неплохо отметить смену должностей. Ты отпразднуешь свою свободу, я — возвращение к желанной работе.

— Ты опять хочешь про неё забыть, — Анри отвернулась. Быть “той, с которой можно выпить” неприятно в случае общения с королём; Кэор — просто её коллега, и она, казалось, должна была поддержать его в трудную минуту.

Неделю назад, или чуть больше — за датами следить оказалось трудно, — Анри и вправду считала, что Кэор предатель. Что он — тот, кто пытался уничтожить короля, тот, на ком лежит ответственность за всё совершённое. После парень оказался просто обманутым, несчастным человеком, выброшенным за границы реальности его же супругой, но нашёл в себе смелость победить эту жуткую, надоедливую, словно ядовитая змея, противную слабость.

Марта Торресса отравила его изнутри, но он отчаянно пытался избавиться от просочившегося под кожу яда.

— Хочу, — кивнул Кэор, открывая дверь. — И, так или иначе, пойду туда. Сам или с тобой, это не имеет значения.

Он её и не приглашал. Просто жаловаться пустой бутылке на тяжёлую долю брошенного человека казалось отвратительным; яма в душе только разрасталась, и сколько б стражник не старался, он ничего не мог с собой поделать. Сердце давно уже билось не так быстро, как

хотелось бы, но ледяной корки тоже не было. Не было ничего, способного закрыть его от этого отвратительного мира, той преграды, тонкого забора с ажурным плетением металла, что мог бы превратить в кровавое месиво каждое лишнее воспоминание.

— Имеет, — возразила мрачновато Сандриэтта. — Неужели это помогает забыться?

Впервые за долгое время в “Двух берёзах” было пусто. Кэор не стал церемониться с выбором и направился всё в тот же угол, даже не обращая внимания на то, что Анри шагала за ним. Она тоже превратилась в придаток к отвратительному вечеру.

— Может быть, завтра, когда у меня наконец-то появится нормальная работа, это уже не будет нужно, — пожал плечами Кэор. — Но когда я пью, она мне, по крайней мере, не снится.

Сандриэтта не могла его понять. Её сердце разбили — нагло, отчаянно, запустили в хрупкое хрустальное строение камнем, чтобы не оставить ни единой целой арки или переплетения кровавых нитей. Но... Это не было сделано специально. Умом-то Сандра прекрасно понимала, что король просто пытался её уберечь — от себя, от того, что мог бы себе позволить относительно неё.

Власть Дарнаэла не ограничивали даже боги; если верить религии Элвэенты, то его же предок и являлся местным божеством. Разве кто-то имеет право противоречить Его Величеству? Но почему-то Тьеррон не хотел этим пользоваться; даже если она и привлекала его физически, в его душе никогда не окажется места ни для кого, кроме Лиары.

Может быть, Сэя — это только мудрый политический шаг? Та, кого ему не жалко? Может, Сандра и вправду была ему дорога, как дочь?

Ей хотелось так думать. Девушка не понимала, почему цеплялась за спасительную мысль, но считать короля отвратительным и расчётливым не получалось всё равно.

С госпожой Торрэсса было совсем другое дело. Она — из тех, что никогда не меняются в лучшую сторону, из тех отвратительных людей, что вытирают ноги о других, не задумываясь об их чувствах.

— А она тебе снится?

Служанка поставила перед ними два стакана и какую-то местную самогонку без единой просьбы, но напиток был временно проигнорирован. Анри вообще не собиралась пить, словно осознала, что таким образом унять душевную боль всё равно не получится, а Кэор вновь сгорбился, положил руки на стол, зажмурился, будто бы пытался перед глазами восстановить картину прошлого.

— Когда я ничем не загуманиваю свой рассудок, она приходит, — наконец-то промолвил он. — Не то чтобы слишком часто, но... Мне кажется, что еженощно стоит призраком над головой и что-то шепчет. Говорит, что я её предал, посмел...

Кэор запнулся. Разговаривать больше не было никаких сил — даже не то чтобы не хотелось дать ответ на очередной отвратительный, сжимающий горло вопрос. Нет, проблема была в другом — он не мог заставить себя выдохнуть то короткое признание в предательстве перед самим собой. Кэор чувствовал себя потерянным; вот уже сколько дней он был просто придатком к прежнему стражнику короля, обыкновенной, потерявшей всё самое дорогое тенью, которой никогда не светит исправление.

Он схватился за бутылку. Пить — не выход, парень об этом прекрасно знал, но сил сдержаться у него попросту не было. Он устал от бесконечной безысходности и отлично понимал, что ещё несколько таких недель, и даже оболочка превратится в пропитое нечто, но...

Даже война с Торрессой ещё не началась. Хотя Дарнаэл и говорил, что он не станет ждать нападения, а делает это первым, очевидно, что-то мужчину всё же остановило.

Жидкость была огненной. Кэор, казалось, привык; ему надоел этот горький, сжигающий внутри всё, что можно, привкус, но никуда не денешься. Когда он был пьян — хотя бы немного хлебнул этой отравы, — Марта не корила по ночам. Не приходила с обвинением, что он даже не попытался её спасти. Не смотрела в глаза.

— Это помогает забыться? — спросила Анри. Она смотрела на свой наполненный пива стакан так, словно пыталась заколдовать его с помощью какого-то хитроумного заклинания, но додумать оное до конца так и не смогла. Волшебства в Сандриэтте не было ни капли, и она всё ещё пыталась разобраться в себе без помощи посторонних, надоедливых и откровенно лишних в жизни большинства людей магов.

— Да, помогает, — кивнул Кэор. — Мне — точно. Пусть лучше болит голова или желудок, чем душа.

Сандриэтта кивнула. Ему-то хоть было на что жаловаться; его супруга мало что изменяла ему направо и налево, так ещё и оказалась отвратительной предательницей. А ей на что? На то, что король поставил её на место и заявил, что нечего маяться глупостями?

Пальцы непроизвольно сжали стакан. В “Двух берёзах” умели хорошо кормить и могли принести лучшее вино, вот только почему-то на это пошло вкус не распространялся — это Анри поняла после первого глотка. Вновь обожгла себе горло, почувствовала, как губы будто бы вспыхивают от странного пламени, но больше никак отреагировать не могла. Это было определённо странно — как пламя спокойно катится внутри тебя и затихает, когда добирается до нужной точки.

Дышать тоже стало трудно. Она попыталась проигнорировать отвратительное ощущение, а после внезапно поняла — воспоминания о прошлом и о собственных выдумках да глупостях немного передёрнулись пеленой, словно планировали и вовсе уйти.

Да, в “Двух берёзах” умели позволять напиваться, да так, чтобы сразу до беспамятства, до полубезумия, чтобы утром можно было только пытаться вспомнить, что происходит.

Кэор выпил свой стакан, наполненный до края, залпом. Его чёрные глаза тоже передёрнуло дымкой, а сам дарниец ещё больше позеленел, будто бы его кожа специально пыталась приобрести тот характерный зеленоватый цвет. Он шумно втянул носом воздух, а после откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на Сандру, будто бы пытался пронзить её этим слишком настойчивым взглядом.

— Ты на неё похожа, — внезапно выдохнул Кэор.

Сандра быстро подняла голову — она не знала, понимать ли это как оскорбление или как комплимент, но так и не успела ответить. Кэор едва заметно покачал головой, будто отрицая то, что уже успел ляпнуть, но больше ни единого слова так и не проронил.

— На Марту?

Королевский стражник кривовато улыбнулся и потянулся за бутылкой. Он вновь плеснул в оба стакана и опустошил свой одним только глотком.

Сандриэтта больше пить не собиралась. Это в прошлый раз она наивно полагала, что расслабится и получит отличный шанс обо всём позабыть. Она могла верить верить в это столько, сколько ей взбредёт в голову, но легче не становилось. И от горячего, отвратительного напитка в прошлый раз только неимоверно жгло в горле, и больше никакого эффекта.

Пожалуй, девушка смогла бы с лёгкостью отмахнуться от всего того, что крутилось у неё

в голове, сосредоточиться на разговоре, если б только никто не решил прийти. Если б только вновь не наводнились “Две берёзы” настоящей толпой посетителей, от которых ей хотелось взвыть, спрятаться куда-то под стол и больше не выходить. Ведь Кэор предупреждал, что это больно, ещё вчера, когда они говорили — при нём обсуждали и откровенно осуждали Марту слишком часто, чтобы парень ничего в этом не понимал.

Но нет. Он отчаянно старался бороться, пока не оказался тут, наедине с бутылкой местного ядовитого напитка, способного вышибить весь здравый смысл из головы за считанные секунды. Кошмар, нет разве?

— Очень похожа, — продолжил он. — Только всё равно не такая. Ты... чище?

Анри ничего не сказала. Перед глазами рябило. Больше не было приятных деревянных стен и пола, в который она могла уставиться. Нет, всё вокруг затмили люди — много людей. Они набивались в маленькое заведение, тянулись за алкоголем и все были до такой степени радостными, что Сандриэтта не могла понять даже примерно причину. И только спустя минуты две, когда наконец-то пришло глупое осознание собственной очередной ошибки, она поняла, почему те настолько весело смотрели друг на друга и были готовы плясать вместе со стульями. Они радовались за короля, пытались отпраздновать конец его безмерного одиночества. Только двое — сама Анри и Кэор, — не могли присоединиться ко всеобщему веселью. И то, второй потому, что ему было слишком больно, а вот первая...

Сандриэтта хотела быть на её месте. Как бы гадко это ни звучало, она бы с огромным удовольствием украдала бы у Сэи Дарнаэла, если бы была ему хоть немного нужна. А так — можно и не надеяться на благосклонность короля, ведь она всего лишь бывшая стражница, когда рядом есть столь прекрасная супруга.

— За забвение, — Кэор поднял свой полупустой стакан, будто бы пытался намекнуть на то, что она имеет полное право расслабиться, пусть нынче кто-то нагло отбирает у неё это неземное наслаждение. Отпустить всё и плыть по течению — что может быть лучше? Анри понятия не имела, как отвечать на его тост; она только молча отсалютовала своим и выпила напиток залпом, чтобы не ощутить вкуса.

Горло ольше не обжигало. На самом деле, это получилось почти просто — Сандриэтта, вероятно, пострадала до этого достаточно, чтобы нынче просто не обратит внимания на то, насколько горьким оказался напиток. Есть — и точка, а больше её ничего не интересовало. Только собственное дыхание упрямо сбивалось и не желало восстанавливаться, возвращать свой привычный ритм.

Перед глазами старательно запрыгали цветастые пятна. Их было очень много, даже слишком, и они так нагло появлялись перед нею в непонятной последовательности, что Анри едва ли не протянула руку, дабы коснуться хоть одного. Всё это вызывало странные приступы удивления и страха.

Они выпили ещё раз, хотя девушка не помнила, за что именно. В любом случае, коварная жидкость теперь принсила удовольствие, и Анри мягко улыбнулась Кэору, словно пыталась призвать его к чему-то хорошему — например, к долгой и интересной беседе. Правда, толку-то, но... Почему-то она больше не могла спокойно дышать — ещё с прошлого раза это дивное умение вдруг куда-то пропало и не желало больше возвращаться ни на одну короткую секунду.

— Безумно, — вновь заговорил Кэор. — Ты... Ты только светлее. У неё всегда был грязный оттенок волос, — парень протянул руку, поправляя прядь. Он уже едва-едва мог выстраивать цельные фразы, но Анри предполагала, что и сама не свяжет и трёх слов до

кучи. — А у тебя такие... ох, такие...

Она не отпрянула, когда Кэор взял её за руку.

— И глаза, — он зажмурился на мгновение. — Какие красивые глаза. У неё они тоже были... грязными. Как и она сама.

— Ты тоже, — выдохнула Сандриэтта в приступе откровений. — В смысле не... Не грязные, не... Ты тоже похож. На... — девушка запнулась.

— На него?

— Да, — кивнуть было проще простого. — Очень. Ну, не как по национальности, а... — она мотнула головой. Признание было бы лишним, Кэору не обязательно знать о том, в кого она настолько сильно влюблена. Но разве что-то вообще имеет значение?

Стало душно. Он поднялся на ноги, рывком поднял её со стула, повёл куда-то за собой, но Анри уже могла разве что повиноваться.

В шёпоте сумасшествия, когда он тихо именовал её Мартой, Сандриэтта не могла гарантировать, что не назвала его Дарнаэлом.

\*\*\*

Почему-то было холодно. Сказать, откуда появилось странное впечатление подбирающейся откуда-то снаружи тьмы, было довольно трудно, но ледяное ощущение странного, полуудивлённого равнодушия не оставляло ни на одно мгновение. Может быть, виноватым в этом было открытое окно и ливший за окном дождь, а может, солнце, воспоминания о котором застыли в далёком прошлом, но полумрак, совершенно несвойственный утреннему пробуждению, затопил всё вокруг. Можно было хвататься за будущее или прошлое столько, сколько взбредёт в голову, вот только почему-то от этого так никуда и не делся тот противный холод.

Сначала он только скользил по обнажённой коже. Медленно касался плеч, опускался по позвоночнику, после пропадал и пробирался по ноге. Где-то в районе талии застыл пояс сплошного тепла, и от него холод успешно убегал, старательно скрывался в далёкой пустоте, но вновь стремился вернуться.

Следующая диверсия была уже откуда-то из-под пола. Сначала холод старательно поднялся по кончикам пальцев рук, после перебрался на лодыжки и пополз вверх одной сплошной пеленой. Коснулся шеи, на мгновение вновь отступил, а после мелким порывом капель из открытого окна опрокинулся на обнажённую спину, заставляя сердито ёжиться. Ветер развеял волосы, сгоняя их подальше, на подушку, обнажая шею, и после вновь приступ ледяного дождя промчался по коже, оставляя на ней влажные следы.

Рука сама по себе потянулась куда-то к предположительному расположению одеяла. Анри пошарила где-то справа — там должно оказаться хоть что-то, чем можно укрыться! Ан нет, к её огромному разочарованию, ни следа тепла или способов его получить.

Сандриэтта так и не распахнула глаза. Что же за ветер поднялся на улице, что окно само раскрылось, а дождь так нагло заливает в помещение? Что же делать? Она понимала, что только сумасшедший поставит кровать тут, так близко к окну, но, может быть, комнатка маленькая? Её собственная обычно стояла далеко, а тут... Или куда она легла вчера спать?

После того отвратительного пьянствования трудно было воскресить хотя бы половину воспоминаний. Казалось, девушка помнила практически каждое слово, что говорила, вот только, к её огромному сожалению, сейчас всё куда-то пропало. словно неизвестный волшебник — хотя тут кроме Рэя и его помощницы больше никого и нет, — подлил в алкоголь какое-то зелье.

Нет, она больше никогда не будет пить!

Голова болела невероятно. Сандриэтта почему-то представила себе, какой бардак творится у неё на голове, и раздражённо поёжилась. Холод вновь накатил одной волной, а после мелкие капельки оросили плечи и обнажённую спину. Тут должно быть одеяло! Даже если она не сможет закрыть окно, потому что встать не хочется, сейчас подвинется ближе к стене и укроется с головой, а вот попозже проснётся... Или ей на работу? Но да кому нужен Рэй? Никто его не тронет, ведь король вчера ничего не говорил о своём наследнике...

Неприятным жжением отозвалась мысль о вчерашнем обращении короля. Он женился. Не просто привёл невесту или решил огласить о собственных намерениях, нет, именно взял её в жёны, повёл под венец, и на его запястье уже красовался венчальный браслет. Интересно, почему тайно? А ведь теперь у них новая королева; конечно, официально ещё не было никакой коронации, но Дарнаэл — не из тех, что будет этого ждать, его распрекрасная Сэя, пожалуй, уже давно получила королевские права, а теперь радуется жизни в новом статусе.

Наконец-то девушка попыталась дотянуться до одеяла со второй стороны, но пальцы скользнули по чему-то тёплому, но тоже влажному от дождя. Анри провела ладонью по неизвестному предмету... И распахнула от ужаса глаза.

Кэор мирно дремал рядом. Одна его рука покоилась на её талии, но парень отвернулся в противоположную сторону, к распахнутому окну. Дождь за окном лил непрерывным потоком, но короткие порывы ветра старательно загоняли холод окружающей среды сюда, внутрь.

Анри хотела подняться, но её немного придержали, утягивая обратно на кровать. Дышать стало немного труднее, и она мотнула головой, старательно отгоняя от себя безумно глупую мысль о том, что совсем скоро могло бы случиться. Всё будет хорошо, она не должна дрожать, успокоиться... Ведь они могли просто уснуть рядом? Ну, снял Кэор рубашку, и... И всё.

...Нет, увы, переубедить себя не получилось. Сандриэтта едва заметно скосила взгляд и моментально отвернулась, чувствуя, как к щекам прилинула волна бесконечного жара. Она закусила губу и зажмурилась, надеясь, что сейчас отвратительное видево рассыплется на куски, и всё окажется просто сном. Но нет — ничего не случилось.

Анри отвернулась и теперь смотрела на пол. Одеяло действительно оказалось там, на досках, валялось бесформенной кучей, куда они его вчера отшвырнули. Или уже во сне. Почему Сандриэтта не смогла его нащупать сквозь сон, она понятия не имела, но это уже не имело значения. На беловато-жёлтой ткани, разрисованной какими-то цветами, которые выбирала эта чёртова Марта Торрэсса, трудно было не увидеть пятнышко; Анри впервые осознала, что до жути боится крови. Или проблема не в ней, а в самом факте, в том, что это случилось, и время назад не вернуть?

Да, и вправду, она даже не солгала. Они действительно похожи; странно представить себе отсутствие сходства у дяди и племянника.

Но то, понял Кэор или нет, о ком она говорила, больше не имело значения.

Голова раскалывалась на маленькие кусочки. Руки дрожали; казалось, её колотило от одной только мысли о том, что случилось, и Сандриэтта никак не могла унять тошноту, подкатывающую к горлу раз за разом. Волны продолжались, а дождь полил ещё сильнее. Сегодня, пожалуй, из дворца не выйдет ни один здравомыслящий человек; там залило всё, что только можно залить.

Кэор шевельнулся и наконец-то открыл глаза. Его взгляд был как минимум удивлённым; он покосился на Анри и шумно, досадливо выдохнул воздух. Пальцы непроизвольно попытались сжать простыню, но та валялась вместе с одеялом далеко от них, на полу, поэтому королевский стражник просто царапнул воздух.

— О Первый... — прохрипел он. — Сандра?

Она ничего не ответила. Хотелось отпихнуть его, но... Сможет ли она вообще на что-то решиться после случившегося? Она вообще хоть что-то может в этой жизни, или теперь есть шанс успешно похоронить себя и поставить свечку у небольшого памятника?

Воспоминания прорезались сквозь сплошную пелену пьяного полубезумия, и ей стало противно от себя самой. От того, что она могла по глупости натворить, и от того, что уже всё-таки сделала. Эта глупая тошнота пробивалась сквозь сплошную пелену забвения, и головная боль уже не могла ей воспрепятствовать. Да и вообще, самокопания — штука странная, они вроде бы и руководимые, а вроде бы и нет; по крайней мере, Анри никак не могла убедить себя в том, что мыслями делу не поможешь.

Было стыдно. Она до сих пор не могла вывернуться из его объятий, да и прикрыться было нечем, потому что Сандриэтта так и не смогла дотянуться до одеяла. Холод стал уже наименьшей проблемой, нет, стыд красным пламенем оттеснил всё, что только мог оттеснить.

— Доброе утро, — наконец-то прошептал он. — Анри, я... — он так и не закончил свою фразу, оборвал на полуслове и отвернулся, глядя в окно. Дождь с каждым мгновением только усиливался и усиливался, и парень заставил себя сесть на кровати и задёрнуть окно.

Сандриэтта зажмурилась. Она старательно пыталась вытолкать из головы те глупые мыслеобразы, что так старательно вспыхивали перед глазами, но не могла даже сосредоточиться на чём-то нейтральном. Нет, взгляд застилала бесконечные вспышки стыда и мысли о Дарнаэле.

И о том, что она натворила.

— Вот, держи, — Кэор протянул ей какое-то полотенце — но Анри смогла понять это только наощупь. Она так и не решилась открыть глаза, поэтому старательно завернулась в кусок ткани и только тогда посмела посмотреть на мужчину, с которым сегодня провела сегодняшнюю ночь.

Племянник короля уже успел натянуть брюки, а теперь отчаянно рыскал по комнате в поисках рубашки. Вчерашняя куда-то пропала, и Сандриэтта справедливо заподозрила, что она могла перекочевать в широко распахнутое окно. Наверное, через него они вчера и попали в помещение, но вспомнить это не получилось. Сандра была даже благодарна очередному приступу забвения, потому что он напрочь лишил её лишних мук совести. Хотя бы что-то набатом не билось в голову и не отражалось бесконечным зудом в висках.

— Спасибо, — наконец-то промолвила она. Кэор выглядел куда свежее, вероятно, у Тьерронов переносимость к алкоголю — семейное. Анри с трудом вспомнила, как когда-то давно, полтора десятка лет назад, вернулась её мать после попойки стражников, когда она первый и последний раз позволила себе лишнее. Потом госпоже Баррэ было очень плохо, а совсем скоро...

Совсем скоро это перестало иметь значение. Баррэ-старшая могла и не вспоминать о том, что она натворила памятной ночью. Смерть стирает всё, что только человек оставляет за собой. И это королям стоит беспокоиться о репутации или о чём-то подобном. Простые люди пропадают и растворяются в потоках истории в тот же отвратительный день, когда

наконец-то наступает их...

Их что?

Смерть равняется забвению.

— Ты называл меня Мартой, — просто, как констатацию факта, выдохнула Анри. Это не звучало как обвинение, просто единственный факт, который Сандриэтта сумела вытащить из вороха образов и эмоций, свидетельствовал именно об имени. Кэор только криво улыбнулся и кивнул, будто бы подписываясь под каждым её словом.

— Да, — согласился он. — Прости.

— Всё в порядке, — девушка попыталась сесть, всё ещё прижимая ткань к груди. — Я... Мы оба сглупили, правда? — Кэор кивнул. Возражать он не собирался; в конце концов, как подумалось внезапно Сандриэтте, ей следовало радоваться тому, что она этой ночью оказалась с королевским племянником, а не кем-то вроде бестного библиотекаря. По крайней мере, история о том, какова она в постели, останется между ними двумя, а не превратится в прелестное достояние республики и какого-то крохотного бара вроде “Двух берёз”.

Кэор присел на край кровати, и Сандра интуитивно отшатнулась от него. Думать было трудно, возражать — ещё труднее, но девушка понимала, что просто так подчиниться — значит признать собственное глупое и отвратительное поражение. А ей просто хотелось немного расслабиться и отдохнуть вчера, не думать о том, что Его Величество женился на какой-то отвратительной девушке, и точка. Жаль, ничего не получилось, и всё обернулось самым настоящим позором.

Стражник протянул руку и осторожно коснулся её щеки, словно пытаясь привлечь к себе внимание. Анри на сей раз не стала отодвигаться и даже не оттолкнула его ладонь, напротив, слабо, сквозь сплошную пелену смущения, улыбнулась в ответ.

Его растрёпанные чёрные волосы почему-то вызывали ассоциацию с огромным вороньим гнездом, и Сандра внезапно позволила себе едва заметную, но радостную и почти весёлую улыбку. Стало чуть легче, да и... Он — вдовец, но уж явно не женатый человек, она — точно свободная девушка. В этом нет ничего предосудительного, если вдруг кто-то решит почесать язык на тему общения стражников в гарнизоне королевской стражи.

Нет ничего предосудительного, что могло бы привлечь внимание людей и потянуть за собой сплошную молву, но кто сказал, что это так же привычно и нормально для них самих? Ведь это не Торресса и бесконечное спокойствие людей, равнодушие по отношению к изменам, даже если речь идёт о короле и королеве! Это Эльвента, пусть не самая строгая страна на свете, но всё же с некими моральными устоями, и они — тоже не последние развратники на свете. Поэтому и Кэору, и Анри было до ужаса стыдно за вчерашнюю слабость; слабость, последствия которой приходилось разгребать сегодня и уже на трезвую голову.

— Мне уже пора, — вздохнула девушка, пытаясь отыскать взглядом свою одежду. — Я... А где...

— Понятия не имею, — покачал головой Кэор. — Надеюсь, мы не потеряли по пути, — на его вымученном, бледном лице появилась едва заметная улыбка. — Возьми что-то... её. Тебе должно подойти по размеру.

Марта. Конечно.

Если бы Анри была влюблена в Кэора, она, пожалуй, вынуждена была бы приревновать его или потребовать хоть каких-то объяснений. Но она об этом даже не думала никогда,



поэтому сегодня всё получилось как-то само собой.

Прощение пришло даже без особых возмущений и препирательств, девушка отреагировал ана упоминание госпожи Торрэсса так, как отреагировал бы Кэор на упоминание того, в кого она была влюблена — спокойно, без удивления, напротив, с предельным пониманием.

И всё же, что-то было не так. Кэор смотрел на неё пристально, будто бы ждал очередного признания, и девушка упрямо пыталась подавить глупое ощущение тяжести его взгляда. Казалось, парень отчаянно пытался пригвоздить её к кровати.

Даже когда он отвернулся, позволяя Анри самой и без особого смущения выбрать наряд из гардероба Марты, ощущение никуда не исчезло. Она всё ещё была под удивительным прицелом и понятия не имела, откуда только появилось предчувствие.

Она тоже что-то натворила.

Уже совсем скоро, спустя несколько минут, она почти окончательно поняла, что именно это было.

— Анри, ты... — парень запнулся. — Я могу повернуться?

— Да, — Баррэ уже застегнула последние пуговицы чужой блузы и испуганно, почти чуждо смотрела на Кэора. — Да, конечно. Ты хотел что-то сказать? Что-то случилось?

Разыгрывать спокойствие стало ещё труднее. Напряжение повисло между ними невидимой, но всё же очень ощутимой нитью. Девушка чувствовала, что раздражение тоже разгоралось — оно сначала было незаметным, тянулось, словно какая-то отвратительная временная лента, а после что-то лопнуло и расколосось на мелкие кусочки, оставляя по себе только следы былого понимания, растворившегося в вечерней глупости. Не стоило вчера даже брать алкоголь в рот, она же знала, что опьянеет! А самое противное, знала, что в таком состоянии не сможет себя контролировать, но только предвкушала это, радовалась тому, что наконец-то сможет позабыть о невзгодах и порадоваться жизни хотя бы пару минут. Порадовалась?! Счастлива?!

— Ты называла меня вчера... — Кэор запнулся. Он смотрел на неё пристально, и чёрные глаза, казалось, пытались просверлить в Сандриэтте глубокую дыру, чтобы он мог увидеть что-нибудь сквозь неё.

— Я... — она запнулась.

— Даром, — кивнул парень.

Можно было солгать. Дар — имя не такое уж редкостное; это полную, королевскую версию мало кто решится использовать, но и Дарнаэлы встречаются на улицах Лэвье и на просторах Эльвенты. Мало ли, сколько сумасшедших мам желают детям королевской судьбы? И Шэйранов да Эрл великое множество, хотя никто не знает, что это дети короля — ведь выбирали произвольно. Тут не сохранялось правило наследования имени, и именно потому за долгие века Дарнаэл оказался всего лишь Вторым, после первого.

После Многоликого.

Да, Кэор знал, что он похож на мужчину, в которого влюбилась Анри. Вот только мало ли в мире дарнийцев? Они все похожи — чёрные волосы и чёрные глаза. Может быть, есть даже что-то общее в чертах лица, не следует этому удивляться.

Она могла солгать. Могла сказать, что это совершенно другой человек, могла просто помолчать.

— Это Дарнаэл, да? — Кэор смотрел на неё почти осуждающе, вот только Сандриэтте показалось почему-то, что во взгляде смешалось странное подобие жалости и чего-то ещё

такого же. — Наш король? Анри?

Соври, соври, соври!

— Да, — Сандра опустила голову. — Я не... Никто не должен был знать, я просто выпила вчера лишнего, да и...

Кэор протянул руку, словно пытаюсь поманить её к себе, и девушка послушно подошла поближе, сжимая протянутую ладонь.

— Несбыточные мечты, — вздохнул он. — Я понимаю тебя.

Королевский племянник поднялся и рывком притянул её к себе — и Сандриэтта только успела ухватить за осколок удивлённую мысль о том, что почти ни о чём не жалеет. Руки Кэора скользнули на талию, она уткнулась носом ему в плечо и тихонько всхлипнула, то ли провожая мысль о том, что однажды всё наладится, то ли внезапно поверив в неё.

— Тебе уже на пост пора, наверное, — выдохнула она. — Сегодня... Королевский стражник... Ты...

Приходилось стараться, чтобы не захлебнуться слезами. Допустить это нельзя. Сандриэтта знала, что как только первая слезинка скатится по щеке, всё сразу же превратится в руины — особенно её выдержка.

— Если тебе будет нужна моя помощь, — прошептал ей на ухо Кэор, — ты в любое мгновение можешь меня попросить. Ты знаешь, я ни за что и никогда не откажу тебе. Ведь знаешь, правда?

— Знаю, — согласно кивнула Анри. — Я пойду?

Кэор кивнул. Отпускать Сандриэтту упрямо не хотелось; ему внезапно показалось, что так, с её помощью, можно вернуть хотя бы подобие веры в себя. Ведь если он поможет кому-то, то поможет в скором будущем и себе самому, разве нет? Но осознание старательно терялось где-то в пустоте, и хвататься за него было слишком поздно. Парень знал — это не Марта, не её новая ниспосланная с небес ему версия, вот только избавиться от ощущения, что Анри — последняя его ниточка, связывающая с нормальной жизнью, всё равно не мог.

Сандриэтта напоследок выдавила из себя кроткую улыбку и выскользнула за дверь. Ей тоже надо было отправляться на пост, разве что переодеться перед этим, а она всё никак не могла избавиться от дикой мысли, что, может быть, ей и не должно быть стыдно за допущенную слабость. Ничего особенного не случилось. Никто — и Кэор в том числе, — не станет её судить.

Но это потом.

Сейчас она должна отправляться к Шэйрану, оберегать его покой — и его помощницы тоже. Королевский сын нуждается в защите, даже если Дарнаэл ещё не огласил его наследником, и Сандра должна быть на посту.

И узнать, сколько сейчас времени, в принципе, тоже должна.

===== Глава двадцать вторая =====

Оборачиваться не хотелось. Эрла была уверена, что за спиной её ждал очередной кошмар, что-то вроде Мэллора — вновь зелень, вновь потоки, оплетавшие Эльма, вновь плен. В том, что в этом лесу хватает сумасшедших личностей, девушка даже не сомневалась — скорее наоборот, она была абсолютно уверена, что ничего хорошего среди множества деревьев и стаи кошмаров её не ждёт.

Эльм хрипловато застонал и попытался открыть глаза, но лишь моргнул и вновь провалился в небытие. Кровавое месиво, в которое превратилась его грудь, вздымалось и опускалось с каждым вдохом, но отчего-то Эрле показалось, что долго он не выдержит. Ещё

несколько минут, и мужчина обязательно покинет её одну в этом проклятом лесу.

— Ты оглянешься или нет? — мелодичный женский голос вновь прозвучал за спиной, но эрроканская принцесса ринулась к своему спутнику, осторожно касаясь ладонью его лба. Эльм горел — казалось, Марсан решил сам себе послужить погребальным костром, и вряд ли что-то, кроме хорошего целителя-мага, может ему помочь.

Девушке не хотелось сдаваться. Дочь она короля Элвенты или нет?! В конце концов, ни папа, ни мама никогда не опустили бы руки, соглашаясь со смертью близкого человека, нет. Они умели бороться до последнего, а если Эрла в этом плане беспомощна, то какая с неё к чёрту Высшая? Какая Воительница? Разжаловать и больше не допускать к престолу даже близко, потому что от подобного рода девиц бывают одни только проблемы.

Оглянуться — это не выход. Она должна помочь Эльму любой ценой, но если ради этого вновь надо будет наражаться на опасности...

Может быть, та, что стоит за спиной, поможет?

Нет!

Эрле не хотелось вновь рисковать. Не хотелось смотреть в глаза сумасшедшей вроде Мэллора, или кто там стоял, не хотелось иметь дело с очередным кошмаром собственной жизни. Она пыталась как-то зажать рану Марсана ладонью, вспомнить о том, что способна исцелять, но результата не было — оставался только один шанс попросить о помощи.

И она обернулась.

Незнакомка, стоявшая за спиной, была эльфийкой. В этом у Эрлы не возникло ни единого сомнения — у кого ещё могут быть такие острые ушки и тонкие черты лица, чуть раскосые глаза и... куча зелени вокруг?

Дома за спиной больше не было. Бесконечные зелёные деревья теперь превратились в нормальный участок леса.

— Кто ты? — голос принцессы звучал сипловато, она была напугана, но старательно боролась с собственными ощущениями. поддаваться нельзя, она не имеет никакого права сейчас бросить Эльма в подобном положении!

— Меня зовут Нэмиара, — с едва заметной улыбкой промолвила незнакомка.

Она была невероятно бледна. Даже слишком, словно лицо кто-то посыпал мелом. К тому же, к этой самой бледности добавились обескровленные губы, светло-голубые глаза и русые, пшеничные даже волосы. Толстая коса была перекинута через плечо — с вплетёнными в неё травами выглядела весьма внушительно и, казалось, тоже напоминала о могуществе чаровницы. Зелёные одеяния с вкраплениями белого напоминали о берёзах — словно незнакомка была деревом, а нынче смогла оказаться на свободе.

Эльфийка?

Эльф Эрла никогда в своей жизни не видел. Папа рассказывал, что библиотекарь в Лэвье, а по совместительству настоящий советник Его Величества, что приходил на помощь тогда, когда удавалось уговорить вездесущего Вирра, был эльфом на одну восьмую. Сколько ему? Кажется, лет сорок пять, хотя Дарнаэл Второй со смехом заявлял, что Тэр будет выглядеть и думать на двадцать, пока мир не погаснет.

Тэрравальда, правда, госпожа Эрроканская всё же встречала. Но его уши были едва заметно остры, так, что под должно отросшими волосами и не разглядеть, а вот у этой девушки, представившейся Нэмиарой, никакого шанса спрятать свою отличительную черту за волосами не было. Казалось, о кончики её ушей можно было уколоться.

Она выпрямилась и улыбнулась уже чуть шире.

— Тебе помочь?

Эрла слабо кивнула. Заявлять, что о потребности в помощи можно было догадаться и так, не повернулся язык — слишком уж сильным был ужас, оставшийся после случившегося с Мэллором.

Нэмиара перемешалась по траве и слою опавших листьев совершенно спокойно. Платье, пышноватое для подобной местности, да ещё и явно неудобное, ей не мешало, серебристый плащ, который только-только рассмотрела Эрла, тем более. Девушка подобрала посох Мэллора и вновь внимательно посмотрела на валяющегося мага.

— Как же он мне надоел, — эльфийка зло пнула ногой Лесничего и посмотрела на Эльма. — Может быть, ну их, этих мужчин?

— Ты эрроканка? — удивлённо переспросила Эрла.

На самом деле, вопрос был вполне логичным. Женщины Эрроки привыкли винить мужчин во всём, что бы ни случилось, и если Нэмиара относится к ним, то не следует диву даваться по поводу каждой демонстрации её предельного презрения. А если же нет — тогда уж и надо расспрашивать о том, откуда незнакомка родом, да и вообще, что она задумала и как оказалась в лесу.

— Нет, — рассмеялась она. — Я с острова Ньевидд.

Последнее место эльфов близ их континента. Остров, с которого всё начиналось. Остров, на котором всё закончится.

Эрла слабо помнила историю. Она знала её только по коротким пересказам отца — мать предпочитала потчивать её постоянными текстами воззваний к прелестной Эрри, а не древними истинами. Впрочем, и Дарнаэл не мог поведать многое — скорее всего, его знания пришли от знакомства с Тэравальдом, но тот не был посвящён в самые главные тайны.

Пришли эльфы до людей или после — никто не знал. Континент создали Боги — была ли это Богиня Эрри, или кто-то другой, или и вправду Дарнаэл Первый имел божественное происхождение — Эрла понятия не имела, да и знать не особо-то хотелось. Ей казалось, что подобное не так уж и важно — по крайней мере, не настолько, насколько говорила мать. Кто-то прав или все ошибаются — а смысл говорить о прошлом? Но эльфы не имели к Богам никакого отношения, они ступили на земли, то ли приплыв, то ли прилетев откуда-то издалека. Говорили, только Ньевидд и существовал, прежде чем пришли первые Высшие, и восстали из вод нынешние земли Элвенты и Эрроки.

Когда-то их было очень много. Долгожители, способные запоминать таинственные пересказы, а после передавать их из поколения в поколение, мудрые советники...

Но, очевидно, о потомстве они думать не собирались.

Никто не понял, почему эльфов становилось всё меньше и меньше. Они ушли из Элвенты и Эрроки ещё до предположительного завершения династии Дарни, до того, как прервалась линия королей Эрроки, и короли захватили престол. Ушли и не появлялись. Тогда никто особо не путешествовал морями, не стремился к водной глади, и только за несколько поколений до рождения Дарнаэла Второго наконец-то люди добрались до таинственного острова. Но до столицы Ньевы мало кто мог дойти, и оттуда чаще всего на возвращались.

Для простых жителей Элвенты и Эрроки эльфы были всего лишь красивой легендой. Теми, кого не существует. По правде говоря, Эрла долго думала, что и острые уши Тэравальда — только причуды природы.

Но Нэмиара не могла не быть эльфийкой.

— Как мило, — протянула она, — что хоть кто-то решил стукнуть старого хрыча по голове, — по мнению Эрлы, Мэллор отнюдь не был старым, вот только возражать она не собиралась. — Это так прелестно, что ты догадалась не пользоваться магией, а просто стукнула его по голове. Посох я заберу, ты не против?

Тонкие пальцы девушки обвили вокруг дровца, и она подхватила магическое оружие с невероятной лёгкостью, словно занималась подобным ежедневно.

— Он много попил моей крови, — довольно протянула она. — Может быть, ты и не догадывалась о моём существовании, но я долго находилась здесь.

Эрла оглянулась. по её мнению, ничего не изменилось, но... разве совсем рядом не было какой-то милой берёзки?

Вроде бы была.

— Он был так уверен в том, что я смогу восстановить его возлюбленную из пепла, что я загадала ему отыскать дочь Королей, только чтобы сама пришла, и потребовать от неё дитя, — протянула Нэмиара. — И сказала, что его прелесть восстановится в этом теле. И знаешь что? Послала мысль, чтобы эти дуры, что приходят с мужчинами, представлялись дочерьми Дарнаэла, а он задумал проверки! И ни разу так меня и не освободил. Я столько лет проторчала в виде дерева, что можно с ума сойти. А тут ты... Такая вся вольная. Не знаю, он обо мне, наверное, забыл, но как только потерял контроль над посохом и своим сознанием, моментально снял с меня и личину этой берёзки.

Она смотрела на валявшегося без сознания Мэллора с таким презрением, что Эрле даже стало не по себе, вот только жалеть Лесничего всё равно не хотелось.

— Пусть валяется, Воительница, — продолжила девушка. — А теперь посмотрим, что с твоим кавалером, пока он не помер. Ты ж спасла меня.

— Я не Воительница, — отрицательно покачала головой Эрла.

— О, не будь я Шэ! — возмутилась её собеседница. — Воительница, ещё какая! Но пока что толку спорить, если этот лежит и едва дышит... Ну-ка, брысь!

Она склонилась над Эльмом, а после опустилась на колени, словно вознамерившись рассмотреть что-то в его кровавой ране. Пальцы осторожно скользнули по тому месту, где должно находиться сердце, а после Нэмиара зашептала странную магическую формулу. Заклинание звучало певуче, но ни единого слова Эрла так и не смогла понять.

Рана затягивалась прямо на глазах.

Сначала Эрла попросту не верила в то, что такое возможно. Эльм ещё мгновение назад умирал — он был так же бледен и сейчас, однако дышал уже немного легче, чем прежде, да и не выглядел смертельно больным. Нет, казалось, он просто очень устал и прилёг отдохнуть. Однако Нэмиара отчего-то не разделяла оптимизма принцессы. Она всё так же крепко сжимала запястье Марсана и продолжала напевать своё бесконечное заклятие незыблемой формулой, будто бы старательно удаляясь куда-то далеко-далеко от сознания.

Вспыхнуло. Крови больше не было, осталась только изорванная рубашка, и Эрла ринулась к мужчине. О том, что он был ранен, напоминали красные следы на волосах и одежде, да ещё тонкий шрам на груди, вот только признаков жизни он так и не подавал, словно умудрился уже умереть и позволить исцелить мёртвую плоть. Кошмарность ситуации до Эрлы доходила постепенно, сначала она будто бы не осознавала, где находится и что, собственно говоря, случилось, а теперь уже могла только едва-едва дышать, жмуриться и молиться Богине Эрри, чтобы Эльм вновь хотя бы шевельнулся.

— Да живой он чего выть-то? — презрительно протянула Шэ. — Ничего с парнем не

станется. Но, да, лежать он будет довольно долго, а этот скоро придёт в себя, и у нас появятся очень большие неприятности, — девушка поёжилась. — Так что, принцесса, у тебя есть замечательный выбор — либо встать на мою сторону и помочь сделать всё так, как надо, либо сидеть тут до того момента, пока Мэллор-Лесничий не решит оторвать своё брэнное тельце от места, на котором развалился, и очень старательно помочь нам отправиться к праотцам. Так что, ты на моей стороне и будешь помогать, или...

— Буду помогать! — моментально заявила Эрла. — Я... Я сделаю всё, что надо! Чем я могу помочь? Может быть...

— С каким оружием ты умеешь управляться?

Вероятно, Нэмиара терпеть не могла тянуть кота за хвост и ещё некоторые деликатные места — именно по сей причине она теперь действовала напролом и требовала от Эрлы того же. Принцессе было непривычно так быстро принимать решения, но она отлично понимала, что выхода нет. Не оставаться же с Мэллором, в конце концов, и полумёртвым Эльмом на руках посреди леса безо всякой посторонней помощи!

— Лук, — вздохнула она, понимая, что говорит крайне неуверенно, но Шэ, кажется, поверила. По крайней мере, на её губах появилась весёлая улыбка.

— Значит, найдём тебе лук и отправимся в долгое старательное путешествие. Ты какой предпочитаешь, красный, белый... Глаза не слезятся?

— А разве цвет... Да не тот лук! — возмутилась Эрла. — Не овощ. Я стреляю из лука Стрелы, понимаешь? Тетива...

— А-а-а... — разочарованно протянула Нэмиара. — А было б интересно посмотреть. Ну, такой лук я тут видела. Найдём, проблем нет. Только ты поторопись, у нас мало времени. Сначала надо разобраться с Мэллором.

— А Эльм?

Эрле не хотелось отходить от её похитителя и спасителя по совместительству ни на метр. Он так часто помогал ей, что это уже почти вошло в привычку — полагаться на постоянно находившегося рядом мужчину. А теперь от Марсана осталась только одна оболочка, и та вымученная, уставшая, будто бы из него внаглую выпили все соки. Отрицать это девушка никак не могла — её так и тянуло броситься к нему и попытаться помочь, вот только у Шэ были абсолютно противоположные планы. Хотя, конечно, никто не мешал принцессе отступить от новоявленной помощницы, но что-то подсказывало ей, что справиться самой в подобной ситуации не получится, а своими силами сделать это — тоже не вариант.

— Ну что же, — протянула наконец-то Нэмиара, хотя пауза должна была затянуться как минимум на пару минут — вероятно, времени и вправду было мало, — мы можем сначала откатать твоего красавчика... — Эрла даже прикусила язык, чтобы не сказать “он не мой”, — а потом мирно доживать век в плену у этого умалишённого...

— Если ты скажешь мне, что надо делать, я сделаю, — выдохнула Эрла. — Но оставить Эльма... Ведь он умирает!

— Он может умирать медленно, и тогда мы успеем его спасти. Кровь же не течёт? — Нэмиара хихикнула, словно в её словах было что-то до безумия весёлое. — Ну, а можем, конечно же, спасти его сразу, и тогда медленно умирать будем мы все. И вообще, если ты в него так влюблена, то почему не согласилась родить ребёнка? Этот придурок поверил бы, что ты не дочь Королей, потому что принцесса бы так быстро не сдалась, и отпустил в тот же день. Ан нет, вы решили сопротивляться... Так, прочь разговоры! — эльфийка

выпрямилась и довольно заулыбалась, будто бы старательно планируя очередную пакость. — Надо сделать так, чтобы он не мог воспрепятствовать... Сбегай-ка в домик, принеси сосны и дуба...

— Домик?

Эрла обернулась. Дома из деревьев, как ей казалось, не было, и только теперь она осознала, что растения просто чуть разошлись в разные стороны и превратились уже в нормальные творения природы. В конце концов, тирания Мэллора над лесом, который он, как сам заявлял, “любил”, не закончилась после потери сознания; просто ощущение свободы было таким пьянящим, что что-то позволило себе отступить и расслабиться. Вот только часть корней всё ещё изгибалась в форме кровати, готовясь сойтись, стоит только Мэллору открыть глаза, а какое-то дерево, особо крупное, кажется, дуб, с одной стороны так и не приняло нормальную форму, а оставило существовать полочку из ветвей. Дверцы её были распахнуты, и там вновь появилась парочка бутылок, очевидно, заколдованных. Сосны рядом девушка не заметила, но была уверена, что нужное снадобье отыщет там с лёгкостью.

Дуб отступил в сторону, стоило ей только подойти, а после попытался закрыть полочку, но будто бы осознал, что с Лесничим надо что-то делать, поэтому больше не препятствовал. Он лишь приветливо заскрипел, словно обращаясь к девушке, и та из постепенно оживающих ветвей ещё успела выдернуть нужное снадобье.

Впрочем, проблемы возникали только с дубовым; сосновое дерево отторгло само по себе, даже не попытавшись задержать на секунду отвратительное, гадкое его природе вещество. Эрла едва успела перехватить нужную бутылочку и прижать к груди, как дуб внезапно разверз свою крону над головами и зашелестел зелёными листьями. Без предметов внутри своей “полочки” он наконец-то смог вернуться в природное состояние. Корни, причудливо изогнутые, втягивались под землю, и могучее древо явно не собиралось вновь превращаться в раба обезумевшего мага. Нет, оно только расслабленно шевелило ветками — вольное, вдохнувшее воздух так, как ему было угодно, позволившее себе проигнорировать бессознательного тирана.

— Нашла?! — Нэмиара не собиралась сидеть на месте. Казалось, она боялась восстановления своего плена, поэтому очень спешила. Эрла, впрочем, её прекрасно понимала, но игнорировать факт плохого самочувствия Эльма тоже не могла, поэтому душа её разрывалась на части. Надо было помочь парню, а её не пускала проклятая эльфийка.

— Нашла, — Эрла протянула ей снадобья. — Только я не понимаю, зачем тебе...

Но та не проронила больше ни единого слова. Половину соснового снадобья она выплеснула на траву, и та зашипела, плавясь под действием этого ядовитого для природы вещества, а после залила дубовое и быстро взболтала.

— Вот, держи, — она впихнула Эрле в руки остатки средства из дуба. — Постарайся сохранить, оно может однажды нам помочь. А вот эту ядерную смесь, дорогой... — она покачала головой, — мы используем обязательно. Да, Мэллор? Я тебе покажу пророчицу...

Принцесса содрогнулась. От одного слова о пророках ей всегда становилось не по себе. Мама утверждала, что пророчество — это основа её жизни, вот только неправильные расшифровки всегда грозят большими неприятностями, и часть из них Эрла уже успела испытать на себе. Повторять плачевный опыт ей совершенно не хотелось, так что, девушка старательно избегала любого упоминания об этой удивительной, но кошмарной в тот же момент магии.

Девушка понятия не имела, что делать дальше. Она так и застыла рядом с недвижимым

пока что телом Мэллора и будто бы отчаянно пыталась победить свой собственный страх. Получалось, само собой, отвратительно, но никто и не спрашивал о её самочувствии. Только абсолютное спокойствие Нэмиары свидетельствовало о том, что Лесничий не может причинить им вред, и Эрле очень хотелось бы верить в то, что так оно на самом деле и есть. Но, увы, за долгое время, проведённое в том домике из пленённых деревьев, она уже успела запомнить, что самоуверенность даже самых могущественных на свете магов может оказаться ложной. И если эльфийка ошибается, то...

— Что ты собираешься делать? — не сдержавшись, спросила наконец-то девушка. Молчать больше не было сил, Эрла и так чувствовала себя просто игрушкой в руках кукловода. Она смотрела на эльфийку широко распахнутыми глазами, будто бы пыталась призвать магию, которой толком не умела пользоваться, и от одной мысли о том, чем всё может однажды закончиться, становилось не по себе. Эрле было страшно — действительно страшно, как бы она ни убеждала себя в том, что всё будет хорошо. Убедить-то не получалось — ведь совсем рядом находился чёртов Мэллор, не бояться которого казалось невозможным.

Нэмиара не ответила. Она сжала бутылочку в руках и то отступила было на секунду, то вновь приблизилась к Мэллору.

— Помоги мне его посадить, — выдохнула она. — Только быстро, принцесса.

Эрла даже и не думала задерживаться. Она давно уже убедилась в том, что промедление может стоить ей жизни, так что не собиралась больше рисковать. И так уже многое совершено, и вернуть время назад не получается, вопреки тому, что очень сильно хочется. А жаль.

Она бросилась к Шэ, помогая той поддержать Мэллора и дотащить его до дерева. Почему-то маг внезапно показался до безумия тяжёлым, словно поднимали они не человека, а все его грехи. Зелёные травы старательно цеплялись за его одежду, тоже обвитую потоками плюща, и старались утянуть мужчину обратно, вернуть на место. Он едва заметно содрогнулся, и Эрла тут же отпрянула в страхе, что отвратительный маг вновь проснётся и атакует их.

— Вот что за люди эти царедворцы?! — возмутилась эльфийка. — Ничего не можешь... Отойди от меня и отнеси посох подальше от Мэллора, поняла?

Эрла коротко кивнула. Посох навскидку показался ей безумно тяжёлым, и она поволочила его по траве, стараясь двигаться как можно быстрее и не задерживаться ни на мгновение. Шэ, очевидно, не собиралась останавливать свою помощницу, может быть, посох ей был попросту не нужен.

— А если ты его сожжёшь, то будет ещё лучше! — слышалось издали восклицание девушки.

Принцесса услышала. Уничтожить сие отменное орудие для пыток? О, да она с радостью выполнит эту работу! Эрла понятия не имела, почему посох так важен, но отрицать казалось глупостью.

Всё-таки, зря мама не дала ей нормального магического образования. Если бы Эрла даже со своими следами магии отправилась в Вархву, то, возможно, узнала бы много важного или хотя бы интересного, а теперь не оказалась бы до такой степени беспомощной. Ан нет, королева Лиара была уверена, что нечего Избранной делать в таком месте, в школе, принявшей в свои стены Шэйрана. Может быть, мать и была в чём-то мудрой, но тут она проявила себя как исключительная сумасшедшая, не умеющая выставлять хотя бы



элементарные границы разумного. В своём фанатизме она заигралась, да и... Эрла не могла не судить её. Если б не мама, то она бы не стояла тут, с отвратительным посохом в руках, а была бы дома. Да и Эльм... Эльм должен сейчас спокойно управлять Ламадой, а не бежать со всех ног подальше от королевы, которой мало отобрать статус, нет, она мечтает получить ещё и его жизнь. Благодаря Лиаре теперь Марсан валяется на траве на грани жизни и смерти.

Эрла мотнула головой. Нельзя так далеко уплывать в своих глупых мыслях. Это не приведёт ни к чему хорошему, а ей надо не стоять на месте, а сделать хоть что-то полезное!

Как поджечь посох? Эрроканская принцесса понятия не имела, что делать, если пламени нет, и только положила магический предмет на землю. Был бы тут Шэйран...

Но, может быть, в посохе встроены какие-то заклинания? Может, это реально сделать с его помощью — сначала зажечь огонь, а после попытаться сжечь его самого? Ведь... Ведь должен же быть способ!

Девушка оглянулась. Рядом валялось довольно много сухих палок. Спешить-то она спешила, но от задания никуда не денешься — и Эрла поспешно собирала хворост, всё, что только подворачивалось под руку, и накладывала это на одну кучу.

Когда количество сухой древесины устроило девушку, она вновь покосилась на посох в своих руках. И что дальше? Как поджечь?

Ну почему она не маг?!

Эрла вновь взвесила его, а после, вознамерившись поступить так, как велит судьба, ткнула наконечником в кучу дерева. Сначала единственным результатом была лишь парочка зелёных побегов, во второй раз почти проросло новое деревце, но на третий раз остатки сухой древесины наконец-то вспыхнули.

Посох не горел. Очевидно, он был для этого слишком большим — чтобы просто так вспыхнуть, — да ещё и пропитан чем-то. Эрла отчаянно попыталась как-то разломать его пополам, а после посмотрела на верхушку.

Она была не слишком уж естественным продолжением обыкновенной палки, и принцесса справедливо заподозрила, что вся магия предмета сосредоточена именно в его верхушке.

Эрла посмотрела ещё раз на зелёные веточки и отломил первую. Палка словно на мгновение перестала быть скользкой и гладкой, и девушка приняла это за свидетельство успеха. Она отрывала побеги один за другим и швыряла их в огонь. Сквозь посох пытались прорасти новые, но, очевидно, это было не так уж и просто, потому что в большинстве своём попытки оказывались бесплотными. В конце концов от посоха осталась только одна лишь палка, и принцесса ткнула её в пламя.

Вспыхнуло с такой силой, словно пламя только и ждало очередную жертву. Посох теперь весь покрылся тонкой короной огня, словно две стихии сплелись воедино, сталкиваясь с общим врагом — волшебством, и теперь одна жертвовала второй, но отдавала себя целиком ради того, чтобы Мэллор не мог вновь ухватиться за оружие. Впрочем, Эрле показалось, что такого глубокомыслия от природы ждать не следовало. Просто в одно прекрасное мгновение у неё получилось отчасти перехитрить это коварное создание волшебства, сотканное из мириад ниток магии и обыкновенного дерева.

Она отступила на шаг, отчаянно надеясь, что огонь не перекинется по деревьям. Но он не особо приносил вред зелёной траве, а ближайшие дубы и грабы оказались довольно далеко. Эрла попятилась, зажмурилась, отчаянно надеясь на то, что сможет сейчас не

смотреть на бесконечное пламя, а после повернулась наконец-то спиной к небольшому костру и побежала к Нэмиаре. Внезапно ей стало страшно — ведь она оставила с Мэллором совершенно незнакомую девушку. А если та попытается разбудить Лесничего? Если на самом деле Шэ его соратница, ещё и только что сотворила что-то целебное, и Эрла только помогает ей в этом отвратительном деле? Кто может гарантировать, что не это стало причиной не позволять излечить Эльма, пока не будет всё улажено с их общим врагом или, возможно, её другом?..

Когда принцесса выбежала обратно на ту крохотную поляну, где пребывала эльфийка, Мэллор всё ещё был без сознания. Девушка старательно вливая в него жидкость, словно пыталась вынудить выпить всё, и тот, казалось, глотал сквозь полудрёму.

— Он этой отравой кого только не травил, — осклабилась Нэмиара. — Пусть теперь сам попытается перенести её действие на его полностью заросший зеленью мозг... — она открыла какой-то второй, незнакомый флакон, который вытащила из кармана плаща Мэллора, и щедро плеснула им на дерево. Ветви зашевелились, несколько веток плюща скользнули в землю, а после принялись обвивать мужчину. Его руки были максимально возможно заведены назад, почти до хруста в плечах, а голова безвольно опустилась на грудь — очевидно, средство всё-таки действовало. Волосы теперь закрывали лицо, и Шэ довольно наблюдала за результатами собственных плодов, но пока что не спешила подбивать итог. Было видно, что она чего-то ждёт.

Мэллор захрипел, распахнул на мгновение глаза, и эльфийка осклабилась.

— Спокойной ночи, дорогой, — выдохнула она, а после щедро плеснула на ладони Мэллора оставшимся средством.

Он зашипел то ли от боли, то ли от злобы, а после будто бы моментально потерял сознание. Казалось, бледность его стала чрезмерной, да и мужчина вновь закрыл глаза. Впрочем, его руки оказались такими же, как и прежде, Эрла не видела никаких видимых изменений, ничего того, что случилось с Эльмом. Только зелень старательно оплетала своего нового пленника, словно пытаясь задушить его.

Эльфийка поднялась. Очевидно, если б у неё была такая возможность, то девушка с радостью убила бы Мэллора прямо тут, на месте, но что-то пошло не так. Совершить сие преступление она попросту не могла — не то чтобы не имела права, но... Не могла. Что-то не пускало. Эрле казалось, что тут в дело вступал какой-то неизвестный кодекс, о котором она то ли что-то слышала, то ли и вправду знала из старых пересказов матери или отца.

— Так-с, принцесса, а теперь нам надо отсюда убираться. Рано или поздно он всё равно сможет высвободиться, — протянула Нэмиара. — А на мне печати, я не могу задушить его.

— Но ведь... — Эрла запнулась. Смерть Лесничего была бы выходом — свободой от очередной порции страха.

— Да, тут есть ещё и ты. И если ты сейчас с лёгкостью сомкнёшь пальцы на его шее или возьмёшь нож и вонзишь в грудь, я буду очень и очень рада. Не упрекну никогда ни словом. Ты сможешь это сделать? — Шэ выпрямилась. Эльфийка смогла бы, но волшебство держало её всё так же крепко, как и прежде, и ничего поделаться с его непереборной силой девушка не могла.

Эрла почти было решилась сказать “да”, а потом сослаться на то, что ножа у них нет, а у неё слишком хрупкие руки, но это было бы очевидной трусостью. Она отрицательно покачала головой. Убийство — это слишком страшно, чтобы творить его с непередаваемой частотой, и Эрла отлично это осознавала. Убийцей она никогда не была, даже если те

разбойники запятали своей кровью её руки. Это ведь совсем другое. То — самозащита, а это — преднамеренное нападение на человека, что не может даже попытаться себя защитить. То можно оправдать, а это непередаваемым грузом повиснет на её шее.

— Ну что же, вот и порешили, — кивнула Шэ. — Никто его убить не может, парень всё равно ещё не пришёл в себя, а значит, нам надо немедленно отсюда убираться. Вперёд, принцесса, я...

— А Эльм? — вновь задала всё тот же вопрос Эрла. — Ведь мы уже разобрались с Мэллором, вроде бы как обезвредили его...

— И ты собираешься заняться парнем здесь?! — возмутилась Нэмиара. — Ты хоть понимаешь, что с этого полутрупа станется прорасти взглядом парочку деревьев прямо сквозь нас? Это освободиться он не может, а вот напасть — ещё как! А если мы начнём твоего красавца лечить прямо тут, то будут большие проблемы...

Шэ не стала даже слушать никаких возражений. Остановка не входила в её планы, впрочем, как показалось Эрле, равно как и помощь Марсану. Единственным желанием эльфийки оставался побег, и та не собиралась отступаться от своей прелестной цели ради незнакомого и неважного для неё парня.

Она быстрым шагом направилась куда-то вглубь леса, в противоположную сторону от той, где Эрла сожгла посох. Принцесса не сделала ни шагу. Её почему-то стало беспокоить то, что она могла выжечь весь лес, ведь если пламя с посоха перекинется на деревья...

— Чего ты встала там?! — возмутилась Нэмиара. — Ты идёшь со мной или собираешься торчать тут до скончания веков? Так твой конец наступит очень быстро, в тот момент, когда Мэллор придёт в себя!

— А что будет с лесом? — проигнорировав возмущение Шэ, спросила Эрла. — Ведь я оставила там костёр, когда сжигала посох, что случится с ним? Может быть, стоит вернуться и посмотреть? Мы можем навредить такому количеству деревьев...

Эльфийка зло поёжилась и одёрнула свои зеленовато-серебристые юбки. Она недовольно прищурилась и осмотрела лес, а после запрокинула голову назад, словно спрашивая совета у неба.

— Ничего не будет, — спустя мгновение выдохнула она. — Это магический посох, и пламя пропадёт в то же мгновение, как в нём не останется ни капли чар. А чары закончатся тогда, когда посох окончательно догорит. В общем, если ты не разжигала его с помощью кремня и кресала и прочих ваших человеческих глупостей, то всё будет в порядке. В крайнем случае, выгорит магия раньше, чем посох, но от той деревяшки мало толку, — эльфийка вздохнула. — Всё, природе ничего не грозит. Пойдём со мной, найдём какое-то спокойное местечко, что-то вроде деревеньки, и попытаемся...

— Ты только что предложила мне оставить больного Эльма тут и уйти, — нахмурилась Эрла. — Я же сказала, что не оставлю его. Либо мы идём с ним, либо ты и вправду дальше этот прелестный путь продолжаешь в гордом одиночестве, а я с больным, так уж и быть, не буду тебе мешать!

— Но ведь... — Нэмиара вздохнула и подошла поближе. Теперь она выглядела почти жалобно. — Неужели ты не понимаешь? За такое время, проведённое берёзой, я стала бояться людей. Я не могу идти туда сама. К тому же, мой резерв практически истощён, если на меня кто-то нападёт... А ты Воительница, если вдруг понадобится, то ты сможешь мне помочь, какое бы оружие не оказалось в твоих руках!

— Мы пойдём втроём, либо ты отправишься одна, — Эрла строго посмотрела на

эльфийку, пытаясь впервые в своей жизни действительно отдать важный приказ. Нельзя больше тянуть. Она не имеет никакого права мямлить и оставить тут Марсана. Если б не Эльм тогда, в пещере, когда на них напали разбойники... Да и потом! Разве не Эльм вытащил её из материнского сада? Эрла, конечно, была уверена в том, что сбежит, но от этого умений у неё больше не стало, а они важны, как воздух. Поэтому остаться без него — это всё равно, что оказаться навечно беззащитной. Девушка это отлично понимала, пожалуй, потому и не могла просто так оставить его, казалось бы, своего врага тут.

Да и вообще... враги! Какое глупое слово. Они ведь должны помогать друг другу, если они нормальные люди, а всё остальное попросту не имеет значения.

— Хорошо, — вздохнула Нэмиара. — Но я тогда вынуждена буду растратить последнее волшебство, что у меня есть, и тебе придётся делать всё самой, поняла? Самой найти лошадей...

Эрла не стала возражать. Она даже не ждала того момента, пока Шэ начнёт что-то делать, а обернулась в поиске своих коней. Ведь куда-то же Мэллор их запихнул, не мог он просто так убить нормальных животных!

— Он отправил их на свободу, — ядовито отметила Шэ. — А ты тут морочишь мне голову... Так, девица-красавица, тут осталось только твоё оружие. Бери его и пойдём. Я исцелила только внешние раны парня, он не будет долго мучиться.

Эрла попыталась успокоиться. Унять сбившееся дыхание, которое, очевидно, решило сыграть с нею злую шутку, перестать дрожать от ужаса и непонятного возбуждения. Она ещё сможет всё исправить.

— Ну, Воительница! — поторопила её эльфийка.

— Откуда ты знаешь, что я воительница?

— Так я же пророк, мне ли не знать о том, кого я назначила Высшим, а кого Воительницей, — равнодушно передёрнула плечами Нэмиара. — Пошевеливайся давай, не то напророчу ещё какую-то гадость! — она засмеялась, будто бы действительно считала, что то, что она только что сказала, было хоть немного смешным.

Эрла содрогнулась. Перед нею стояла та, кто виноват во всём этом. Именно эта девушка придумала глупое пророчество, записала его, то попало в руки королеве Лиаре... благодаря Шэ происходит всё это, благодаря Шэ Рэй так и не смог получить нормальное магическое образование, а Эрлу постоянно заставляли чувствовать себя избранной и волшебствовать. Плевать, что она не способна на это. Плевать, что она не могла выдать из себя искру тогда, когда из-под пальцев Шэйрана вытекали целые реки магии.

— Где оружие? — она ещё раз посмотрела на Эльма, побледневшего с поры получения раны ещё сильнее. — Я пойду возьму то, чем умею пользоваться, и мы двинемся... Раз уж ты уверена, что... — она запнулась. Смотреть на Марсана было больно. — Что он, считай, мертвец. Не можем же мы двинуться безо всякой защиты, даже самой элементарной!

Нэмиара радостно улыбнулась. Сказанное Эрлой её явно порадовало, и она совершенно спокойно кивнула, словно подтверждая её заявление относительно смерти Эльма.

— Оружие вон там, — она махнула рукой в сторону живых деревьев. — Он пихал его под корни, потому что сам не умеет пользоваться. Так что, поищи там хорошо, по крайней мере, что-то да должно быть!

Эрлу не надо было долго просить. Она бросилась к деревьям с такой скоростью, что Шэ даже удивилась прыти девушки. Впрочем, удивление явно было приятным, поэтому эльфийка расслабилась и даже присела на траву, закрыв глаза. У них ещё много времени,

ведь нужны как минимум сутки, чтобы Мэллор отошёл от отравы, что она в него влила, а после этого ещё следует восстановить свои волшебные силы, вспомнить о том, как руководить магией без извечного посоха, а самое главное, это всё без воды, без еды и с кучей природных потребностей! И голова будет раскалываться. Может быть, они обрекают-таки его на мучительную смерть, и больше никогда Лесничий не встанет на их пути?

...Принцесса склонилась над корнями деревьев. Действовать следовало быстро — она первым делом бросилась к тому огромному дубу, что служил полочками, оглянулась и вспомнила о том, что деревья принимали нормальный вид, когда их обязанность уже была выполнена. Дуб хранил жидкость. Значит, остались в прежнем, зачарованном состоянии те, что берегли их оружие!

Среди изогнутых ветвей Эрла обнаружила только какую-то котомку с едой и ещё несколькими баночками зелий. Увы, никто не планировал отдавать сей груз ничего не понимающим в магии людям, поэтому подписей на них не было, но сие не являлось поводом отказываться от прелестной находки. Принцесса только кивнула и продолжила свои старательные поиски, разгребая целые кучи неизвестных вещей.

Оружие оказалось под корнями. Правда, девушка понятия не имела, сможет ли она воспользоваться шпагой, вероятно, принадлежавшей Мэллору, зато лук Эльма был бы очень кстати. Всё остальное куда-то пропало, и девушка предпочитала даже не задумываться, что проклятый Лесничий с ним сделал. В любом случае, ей больше ничего и не нужно. Только лук и колчан со стрелами — тот был найден ещё раньше.

Она подхватила котомку с пропитанием, лук, прицепила ножны к поясу, удивляясь тому, какой приятной оказалась тяжесть шпаги, и быстрым, уверенным шагом направилась к эльфийке.

— Ты уже готова, — улыбнулась она, — как мило! Я рада видеть, что больше никаких глупостей...

Девушка повернулась к ней спиной и уже устремилась в сторону леса, но что-то заставило её обернуться.

Эрла размеренно, как и учил Эльм — впрочем, сколько их было, тех уроков, от силы один? — вытащила стрелу, натянула тетиву и направила своё оружие, не такое уж и грозное, но довольно действенное, на Нэмиару. Оперение сначала ещё подрагивало, то ли от ветра, то ли от дрожи в руках, но наконецник смотрел прямо в шею.

Один выстрел — и эльфийка погибнет. Не следовало даже сомневаться.

Эрла прекрасно знала, что она может не попасть в мишень, но ведь признала себя Воительницей в глазах Шэ. Нэмиара не в курсе, что ей почти ничего не грозит.

К тому же, принцесса всё ещё верила в то, что в моменты особой опасности у неё получается всё так, как надо. Что если она соберётся, то обязательно сделает то, что ей будет нужно, без единой неприятности, можно даже в этом не сомневаться.

Она отвоюет того, кто однажды спас ей жизнь.

— Вернись, — холодно, как и полагается будущей королеве, промолвила Эрла. — Подойди к Эльму. Сейчас же.

— Ты одурела? Я же сказала тебе, что...

— Если ты не сделаешь то, что я тебе говорю, я выстрелю. И попаду, ты знаешь. Ты сама своим гадким пророчеством переломала мне всю судьбу, теперь пожинай плоды, — девушка выпрямилась и строго, холодно посмотрела на Нэмиару. — Ты меня слышала? Вернись к Эльму. Присядь рядом с ним на траву.

Эльфийка сомневалась, но что-то то ли в выражении лица Эрлы, то ли в её стойке заставило Нэмиару подойти ближе к недвижимому Марсану. Она опустилась рядом с парнем на колени, но всё ещё не предпринимала никаких действий.

Принцесса знала, что её испытывали. Самым наглым образом проверяли, стоит ли доверять, продолжит ли она игру... Может быть, стоило сдаться, пока эльфийка не начала колдовать и против неё, вот только почему-то Эрла была уверена в том, что сможет победить. Хватит опускать голову в очередном приступе подчинения. Она — царственное лицо, а не обыкновенная девица с улицы, она не будет подчиняться каждому, кто того пожелает. Она не отдаст смерти единственного человека, кроме отца и брата, что пытался когда-либо ей помочь. Только не сейчас, не так глупо.

— Исцели его.

— Но я не могу! — возмутилась Нэмиара. — Неужели ты не понимаешь, что это опасно для моей жизни? Резерв почти на нуле, и если я не смогу защитить себя хотя бы немного... — она сложила руки на груди. — Я ничего не буду делать.

Только бы попасть.

Стрела просвистела в нескольких сантиметрах от Нэмиары и застряла в земле. Эрла ещё мгновение смотрела на дрожащее оперение, а после вновь перевела строгий взгляд на эльфийку.

— Ты сама видела. Я могу взять немного левее, и она проткнёт тебе горло.

Принцесса понятия не имела, как она сумела попасть. Как стрела пролетела так близко от Нэмиары, как оперение задело её шею едва ощутимым, но таким страшным порывом ветра. Она сумела доказать, что не промахнётся, что не лжёт и не блефует, пусть даже это было просто удачей, и это самое главное. У Эрлы столько времени ничего не получалось с волшебством, что иногда удача была просто обязана стучаться во врата её судьбы.

— Послушай, это длительная процедура, — сердито отозвалась Нэмиара. — Я остановила кровопотерю, но удар магический. Проклятье из него надо вытягивать, а это дело не одного часа и не одного дня. А мы находимся рядом с Мэллором, который каждое мгновение может очнуться. У нас есть сутки на то, чтобы сбежать, не говоря уже о чём-то другом, и...

— Ты можешь призвать лошадей? — Эрла заставила себя думать логически. Если они должны бежать — они это сделают, и плевать, что пророчице придётся потратить на это все её силы.

— Могу, — без единой заминки отозвалась Шэ. — На это пойдёт минут пять. Лошади ускорят наш путь, да... Если мы выйдем на дорогу.

— Ты выведешь нас на дорогу.

— Но это тоже опасно, — отрицательно покачала головой Нэмиара. — Я не могу так рисковать. Выйти на дорогу — это почти что обозначить направление для Мэллора. Если ты думаешь, что он так глуп...

— Призывай лошадей, или я стреляю, — упрямо промолвила Эрла. — И не вздумай тянуть, я не позволю тебе меня обмануть.

Не позволит? Собственно говоря, что она может сделать? Но, как показал короткий опыт общения, уверенный тон тоже очень многое значил, а менять тактику пока что девушка не планировала.

Нэмиара наконец-то выпрямилась, шумно вдохнула воздух носом, будто бы втягивая в себя силу леса, а после на всё том же мелодичном незнакомом языке пропела несколько

фраз.

Сначала ничего не было, а после из пустоты леса послышалось громкое ржание.

— Кони, — сообщила она. — Не те же. Те, которые были рядом. Дикие кони, воительница. Два.

— Призывай третьего.

— Если ты думаешь, что он сможет... — начала было Нэмиара, но после лишь равнодушно махнула рукой. — Твоё дело. Парень умрёт в дороге или тут, какая мне-то разница? Я просто хочу на свободу.

Она повторила фразу, только на сей раз она звучала более отрывисто и громко. Эрла не знала, причиной тому было раздражение эльфийки или то, что так было нужно, но и возражать тоже не стала. Она только поняла, что конь откликнулся — три скакуна наконец-то показались из глубин леса.

Их нельзя было назвать отборными или сильными — просто заблудившиеся лошади предыдущих жертв Мэллора. Худые, один конь даже со впалыми боками, уставшие, с нечёсанными гривами — но на что-то получше, очевидно, Нэмиаре попросту не хватило мастерства и сил. Впрочем, останавливаться на таком глупом вопросе Эрла не планировала — у них было о чём думать, и красота коней последнее, чем ей хотелось сейчас заниматься.

— А теперь вытягивай столько вредоносной магии из него, сколько сможешь, чтобы Эльм мог хотя бы добраться до седла, — строго промолвила Эрла. — Немедленно. Он поедет с нами.

— Ну, не глупи! — возмутилась Нэмиара. — Я не могу возиться над ним несколько суток, пока мы не доберёмся до населённого пункта.

— Он не доживёт до того момента.

Эльфийка грустно покосилась на раненного, превращающегося в отвратительную обузу, и кивнула. Эрла была права — если парень выдержит хотя бы пару часов, то было бы неплохо.

— Если я пополнию резерв, — наконец-то промолвила Шэ, — то смогу сделать это быстрее. Но пока что ты можешь надеяться только на его личные силы. Всё, что я могу — это заблокировать распространение, пока мы не доберёмся до нужного места, но тогда тебе понадобится жила, чтобы в посёлке я могла им заняться.

— Блокируй, — устало кивнула Эрла. — Если у нас нет другого выхода — блокируй. А там разберёмся. Если мы сможем довести его до столицы, то там папа поможет. И маги... Там есть маги сильнее, чем ты, — девушка зябко повела плечами.

— Только это можно сделать на ходу, — моментально ожила Нэмиара. — Поможешь мне усадить его на лошадь, поедем сами... Черти б меня побрали, лошади-то без седла!

Эрла кивнула в сторону вытасченного из-под корней. Седла там были — великое множество, ещё и разнообразные. Кажется, этот факт немного успокоил Нэмиару, та, по крайней мере, лишь с предельным равнодушием кивнула и принялась седлать лошадей. Они слушали эльфийку, словно знали её всю свою жизнь, и Эрла была уверена в том, что сама ни за что не справилась бы с этими великолепными, но постоянно пугавшими почему-то её животными.

Шэ сделала своё дело за полчаса. После конь послушно опустился на колени, и Эльма усадить в седло оказалось не так уж и трудно, как она думала. Это было даже почти лёгким заданием — Эрла отложила на время оружие, но Нэмиара больше не пыталась говорить о том, чтобы бросить мужчину тут. Может быть, в ней проснулась совесть, но Эрле почему-то

казалось, что причина куда проще. Нэмиара поняла, что легче будет согласиться, чем возражать, поэтому и выполняла то, что про себя называла только минутной блажью.

Конь поднялся. Эльм кренился в сторону, но они примотали его к седлу какими-то тряпками и одной верёвкой, поэтому можно было об этом не беспокоиться. Нэмиара тоже быстро запрыгнула в своё седло, а Эрла подобрала лук и только тогда двинулась в сторону своей лошади. Ей почему-то было не по себе от одной мысли о том, что дальше без самостоятельных решений тоже не обойтись, вот только другого выхода не было.

— Заблокируй проклятье, — напомнила она своей спутнице, и Нэмиара бросила на неё недовольный взгляд.

Очередной мелодичный стишок, и Эльм, казалось, превратился в восковую фигуру. Нет, он всё ещё выглядел живым и покачивался взад-вперёд, но его кожа приобрела этот отвратительный мертвенный оттенок, а Нэмиара устало закрыла глаза, лишаясь очередной порции своей силы.

Лошади мерно двинулись вперёд. Тянуть было некуда — они и так немало пострадали за долгое время, так что теперь следовало добраться до селения или чего-то вроде этого как можно скорее, во избежание неприятностей.

\*\*\*

Путь к деревне оказался не таким уж и длинным, как изначально думала Эрла. Удивительно, но на самом деле они прибыли туда уже через день пути. На самом деле, скорее ночь — когда они наконец-то добрались до дороги, уже смеркалось, но когда добрались до деревушки, солнце только-только начинало пробиваться сквозь сплошной мрак небес. Эрла старалась игнорировать странное предчувствие, зародившееся в груди, и своими подозрениями с Нэмиарой не делилась.

Деревушка, что раскинулась перед ними, была не такой уж и маленькой. Некоторые, вероятно, особо трудолюбивые селяне уже вышли на улицы. Какая-то женщина старательно тянула свою корову за собой, убеждая её, очевидно, в том, что лучше будет вкушать травку не в соседском огороде, а на поле, до которого всего минут двадцать идти. Детей ещё не было, но зато собаки уже старательно принялись будить весь мир.

За ночь Эльм побледнел ещё сильнее, и Эрле казалось, что Шэ не особо сумела ему помочь. Впрочем, было видно, что силы Нэмиары иссякали, та едва ли не выпадала из седла.

— Утро доброе, девочки! — послышалось громкое восклицание откуда-то со стороны, и Эрла едва ли не подпрыгнула в седле. На заборе висел смешной дедок — казалось, ему самому было уже лет сто, вот только удивление и смех вызывало отнюдь не это. Мужчина, сухонький и маленький, был с ног до головы обвешан какими-то странными амулетами и гроздьями трав. — Куда вы трупа-то тащите? Али у него ещё бьётся сердце?

Эрла содрогнулась. Она перевела быстрый взгляд на Эльма, словно опасаясь, что от того на солнце начнёт вонять, а непонятно откуда ещё и возьмутся вездесущие мухи, но в то мгновение он широко распахнул глаза, шумно втянул воздух, содрогнулся, будто бы тело пробило судорогой, и вновь впал в беспамятство. Нет, ещё жив, но всё же проклятье постепенно расплзлось по телу и не собиралось оставаться только в какой-то одной локации.

— Доброе, — слабо отозвалась она, стараясь подделаться под местный говор, дабы никто не узнал в ней жительницу Эрроки. Король Дарнаэл с королевой Лиарой могли подписать миллион договоров о мире, вот только народы всё равно не питали друг к другу особой привязанности и по мере возможности не контактировали.



— А куда это все по дороге шастанут-то? — дедок подался вперёд. Говорил он удивительно чётко и чисто, словно всю свою долгую жизнь провёл в столице, а только сейчас решил осесть в глуши. — Совсем недавно проехала какая-то барышня, гордячка, ух, а за нею, как на цепи, два паренька, теперь вы вот всей честной компанией...

— Да мы так, совпадение просто, — Эрла старалась отвечать спокойно. — Скажите, а у вас тут какого-то знахаря нет? А никто комнатушку не сдаёт?

Дедок мерзко захихикал и потербил на шее какие-то гроздья чеснока. Принцесса едва сдержалась, чтобы не скривиться — чеснок она терпеть не могла, да и совершенно не верила в полезные свойства оного, но спорить, когда знахарь пытается сделать вид, что тебе помогает, не полагалось.

— Чего ж нет? — удивился он. — Заезжайте, девицы, заезжайте, красные. Сейчас подлечим. И паренька подлечим... — он выразительно покосился на Нэмиару. — Если б ты ещё ушки спрятала...

Она схватилась за уши руками, словно только сейчас поняла, какую отвратительную глупость совершила, но мужчина так ничего больше и не сказал, будто и забыл об угрозах. Он уже подошёл поближе к Эльму и принялся внимательно его рассматривать, явно ставя диагноз. Конь вновь послушно сел, но всадник на сей раз почти выкатился из седла и безжизненно растянулся на траве. Теперь, казалось, помочь ему могло только чудо, но дедок на оное явно полагался.

Для порядка подёргав Эльма за волосы, он так зычно свистнул, что Эрла аж подпрыгнула на месте, а Нэмиара поспешно натянула на голову капюшон. И очень кстати, ибо из соседнего дома моментально высунулся лихой, причём пьяный на вид мужик.

— Да что такое, дед, а? — возмущённо поинтересовался он. — Чего опять будишь? Отправили мы ту девку из Эрроки, отправили! Всё, нет её больше, можешь не читать лекцию о том, какая она опасная!

— Да тьху на тебя с твоей девкой-то! Об одних красавицах только и думаешь, а рожа не просыхает! — не остался в долгу дед. — Иди сюда, дело есть государственной важности! Парня надо в дом ко мне занести, ну же!

— Я согласен нести этого парня, только если это непризнанный королевский сын, — мужик вновь скрылся в окне и захлопнул ставни, но дед свистнул во второй раз, явно не планируя отступить.

— Бегом, кому сказал! Может, королевский сын и есть! А что, пор-р-рода! — уверенно заявил дедок. — Ну, ну! Давай, и брата разбуди, да занесите его ко мне в дом. И супругу пригони, пусть она высокородную госпожу, — он уверенно ткнул пальцем в Нэмиару, — немедленно проводит к источнику. Барышне обмыться надо, а если она ещё и водички попьёт, — он весело подмигнул ей, и серые, бесцветные глаза старика на мгновение вспыхнули каким-то непонятным сиянием.

...Брат оказался таким же пьяницей, что едва-едва переставлял ноги, но выбирать не приходилось. Посмотрев на Эльма, они в один голос авторитетно завопили “не похож”, явно ссылаясь на предполагаемого королевского сына, но спорить не стали и в комнату занесли, а после какая-то пухлая женщина потянула Нэмиару за собой, ещё и так быстро, будто бы это грозило смертью то ли Эльму, то ли ей самой, то ли всей деревеньке.

Дедок вытащил как минимум половину склянок из своего шкафа и теперь старательно кропил непонятной водичкой развалившегося на скамейке Эльма. Эрла сидела рядом — в этом опять деревянном, но уже не страшном, а абсолютно нормальном домишке ей было

почти спокойно. Девушка старательно наблюдала за каждым движением и старалась не думать о том, что они могут и не успеть.

— Не бойсь, — покачал головой дедок, — это совсем не страшно. Оживёт, милоч, никуда не денется... В конце концов, и не таких вытягивали! — он устроился на скамейке рядом и вновь повёл странным платком над головой Марсана. — Сейчас, подружка твоя энергии подтянет и спокойно ему здоровьице-то подтянет...

Эрла не стала спрашивать, с чего мужчина взял, что Нэмиара умеет колдовать. Говорили, что колдовать умеют все эльфы, и вряд ли Шэ была исключением из правил. Дедок жил слишком близко к лесу, чтобы не знать все эти древние легенды, поэтому задавать ему глупые вопросы принцесса не собиралась. Она просто коротко констатировала факт происходящего — знает и знает.

— Эх, жаль будет, если не успеет, — вздохнул мужчина. — Я — военный лекарь, знаю, что говорю, это бесовство эрроканское — штука плохая! Шутка ли, завоёвывать магией... Вот у нас король людской, и воет тоже правильно, а эта... Шельма! — ёмкая характеристика Лиары Первой, как показалось Эрле, вполне совпадала с действительностью. — Знаешь, сколько перебеженцев тут в последнее время было? И всё парами, парами, парень и девка... — он умолк. — А девка-то в основном беременная, — дедок прищурился и посмотрел на Эрлу. — На сносях, то бишь. Иногда я даже роды принимал. Ну, красавица, сколько тебе-то, а?

— Нисколько, — зло отозвалась девушка. — Я... — она запнулась. — Я из верующих, ясно? Честь берегу. Для Первого.

— О, ну, смотри, чтобы не для Второго, — фыркнул дедок. — Наш король-то, говаривают, женился...

Слушать эти сельские сплетни девушке не хотелось. Папа — и женился? Как бы ни так! Вот только спорить она не пыталась, всё равно дурное и бесполезное дело, только равнодушно склонила голову в согласном кивке, даже не подумав о том, что, может быть, дедок поймает её на слове.

...Он болтал и болтал — так и задремал над Эльмом, положив на его грудь какие-то травы. Девушка сидела рядом совсем тихо, как мышка — дыхание Марсана, как ей показалось, стало ровнее, вот только кожа всё так же и оставалась обескровленной, словно кто-то долго и старательно вытягивал из него жизненные силы.

Нэмиара вернулась через несколько часов. Солнце уже настойчиво заглядывало в окна, но она не стала обращать на него никакого внимания, напротив, захлопнула ставни и, бесцеремонно столкнув проснувшегося дедушку, присела на скамью рядом с Эльмом. Она положила ладонь на его грудь и зажмурилась.

— Всегда мечтал посмотреть, как эльфы колдуют, — дедок пересел поближе к Эрле. — Может, она мне секрет какой целительский откроет, как знахарка знахарю...

Вот только секретов почему-то никаких на горизонте не появлялось, и дедок разочарованно вздохнул. Он собирался было уходить, но внезапно замер, почувствовал что-то, провёл ладонями по длинной белой бороде и заулыбался.

В тот же момент Шэ завела длинную, заунывную песню, чем-то похожую на обыкновенную похоронку. Слушать было весьма неприятно — по коже пробежался мороз, и почему-то Эрла никак не могла избавиться от дикого ощущения беспокойства.

Рубцы на коже вспыхнули краснотой, и следы от батога словно загорелись пламенем. Ладонь Нэмиары вжалась в грудь Эльма, и на его коже выступала какая-то чёрная, словно

смола, жидкость.

Дедок подставил миску, и тонкой струйкой чернота потекла в неё, клубами пара поднимаясь в воздух, но вновь оседая на дно. Казалось, волшебство тянулось невероятно долго, и Эрла уже почти устала от бесконечной дрожи. Парнем не колотило, конечно, но в почему-то широко распахнутых глазах его теперь мелькал даже не страх, а первобытный ужас. Мужчина оживал, но проклятие в нём всё ещё колотилось — держалось так крепко, как только могло.

Песня зазвучала громче. Заколотили с силой дверь, требуя прекратить завывания, но хозяин домика даже не шевельнулся, вероятно, решив, что поколотят и успокоятся. Нэмиара ускорила темп, и чёрная струйка всё увеличивалась и увеличивалась... Первая миска сменилась второй, голос её охрип, а чернота вокруг всё плескалась и плескалась, пока наконец-то последняя нота не положила заклинанию конец.

Шэ рухнула без сил на пол. Она бы и остановилась, да не могла — эльфийкой колотило, и она, будто обезумевшая, только тянулась к воздуху и хваталась за что-то руками. Эльм так и не открыл глаза — но дыхание его стало ровным и спокойным.

...Дедок равнодушно разливал черноту по склянкам, бормоча себе что-то под нос.

===== Глава двадцать третья =====

Улицы Кррэа передёрнуло тонкой вуалью траура. Принцесса пропала окончательно и бесповоротно; отыскать её не удалось даже посланной волшебнице, да и от той долгое время ни ответа ни привета.

Тэзра прищурилась. Они должны были завершить этот ритуал; много лет назад она просто немного ошиблась в компоновке, не нашла помощника, и... Антонио — это и вправду огромная ошибка природы. Но ведь не значит это, что ошибка повторится, верно? Есть способ вернуть всё на круги своя, сотворить и вправду нормальное дитя, только приложить немного сил, стараний, волшебства, и всё получится. Надо верить, надеяться, пытаться.

Они смогут.

Ведьме хотелось в это верить. Хотелось убедить себя всё-таки в том, что однажды на этот свет появится идеальное дитя, дитя, переполненное волшебством. Раньше в этом её поддерживала и Далла Первая, но теперь королева куда-то пропала, а Лиару всё так же терзали невероятные сомнения. Не было больше шанса сделать то, что они планировали, но Тэзра прекрасно понимала, что Эрла — слишком большая жертва. Нет, надо отдать сначала что-то меньшее.

...Она шагала по центральной улице и внимательно рассматривала строения. Выбор королевы, то есть, дворец, казался неоднозначным. Если во время ритуала что-то пойдёт не так... Но, с другой стороны, в прошлый раз она могла просчитаться именно по такой причине. Ведь она избрала не дворец, а какую-то хибару, вот без охраны Кальтэн и посмел вмешаться в ход ритуала и... О том, что было дальше, вспоминать не хотелось. Та отвратительная ночь подарила ей почти бездарного сына — сына, которого она так старательно пыталась полюбить, но всё равно до конца не смогла. Это почти не имело значения, получилось у неё тогда или нет, потому что самым главным объектом, той, о ком и вправду следовало думать, окажется новая избранная. Девушка, которой они смогут подарить этого ребёнка, дитя Богини.

— Тэзра, почему ты не на посту?

Ведьма обернулась. Королева стояла прямо у неё за спиной, скрестив руки на груди.

Выглядела Лиара сердитой и словно... прозревшей. Казалось, впервые за долгое время в её взгляде и вправду мелькала какая-то осознанность, и женщина не позволила безумию власти поглотить себя в этот день окончательно.

Тэзра вздохнула. Королева требовала от неё постоянного присутствия на рабочем месте, но это довольно трудно было сочетать с постоянными заботами о ритуале.

— Я выбираю место, — вздохнула Высшая Ведьма. — Ведь ты понимаешь, Лиара, что просто так провести ритуал довольно трудно...

— Я уже выбрала место, — сухо отозвалась королева. — Это будет дворец, и возражения не принимаются.

— Если мы неправильно рассчитали...

— Ничего страшного, ему всё равно давно нужна была реконструкция, — отмахнулась Лиара. — Не выдумывай, это призвание Богини, а не отчаянная попытка вызвать на голову Эльвенты все кары этого мира. Пойдём, посмотрим, у меня есть три зала, среди которых я выбираю...

Тэзра нехотя повиновалась. Спорить с королевой — пустое занятие, она ведь только Высшая, не имеет никакого права вмешиваться в дела Её Величества. Этой фразой женщина успокаивала себя уже много-много лет, но до конца так и не получилось. По крайней мере, сколько бы она ни пыталась убедить себя в том, что на самом деле Лиара правит так, как надо это делать, толком ничего не получалось. Каждый раз она отворачивалась от основной цели и отвлекалась на какую-то ерунду.

— Теперь нам осталось только отыскать подходящую жертву... — протянула Тэзра. Они переступили порог замка с совершенно разными настроениями — Лиара сделала это преувеличенно радостно, словно старательно пыталась перепрыгнуть через очередную границу, а теперь тащила свою спутницу посмотреть на то, что она подобрала, а Высшая Ведьма...

Нет, Тэзра не могла радоваться. У них не было подходящей кандидатуры. Конечно же, можно использовать Монику, но... Нет, не так. Можно было бы использовать Монику, ведь девочка верна королевству и не позволила ни одному гадкому мужчине коснуться её, но это отнюдь не означало, что девушка окажется тут. У неё совершенно другое задание. Она должна немедленно вернуть сюда принцессу Эрлу, а уж если это будет невозможным, то хотя бы уничтожить артефакт, что так старательно хранит Эльвенту. Если Эррока действительно собирается занять все свободные земли континента, то эта граница будет большой помехой для неё.

— Я уже нашла подходящую жертву, — слово в слово ответила Лиара. Она сейчас походила на маленькую радостную девочку, которая собиралась едва ли не подпрыгивать от непонятого приступа счастья. Трудно было понять причины подобного её поведения, вот только справиться с приступом веселья всё равно оказалось невозможным. Невыполнимая миссия, гори она пропадом!

— И кто же это?

Но королева не ответила. Она распахнула двери с помощью волшебства, и теперь они стояли посреди зала, о котором Тэзра уже успела забыть. Она столько не была тут, что... Какой кошмар! Как она могла так просто вычеркнуть сие прекрасное место из головы?

...На одной из стен красовался портрет богини Эрри в полный рост. Великолепная, кареглазая, темноволосая, с точеными чертами лица, словно кто-то вылепил идеальную скульптуру, Эрри смотрела на них повелительно-заинтересованным выражением. Почему-

то Тэзра не могла избавиться от стойкого впечатления, что где-то уже встречала этот взгляд, вот только сказать о своих подозрениях Лиаре тоже не могла. Та моментально принимала все фразы подобного характера на свой счёт, и хоть ты плачь, в этом плане бороться с нею было невозможно. Впрочем, сейчас это не было целью, которую должна ставить перед собою Тэзра — она просто не могла оторваться от портрета божества.

Она чувствовала тут силу. Потрясающее скопление, невероятное могущество, всё так и пылало тем волшебством, которое она вдыхала очень, очень давно. Как можно... Как можно было позабыть о нём, отложить в глубины памяти и не вытащить оттуда сейчас? Как?!

По центру виднелась огромная, нарисованная самим волшебством на бело-синем мраморе пентаграмма. Тэзра теперь понимала, почему она стала жертвой Кальтэна, а всё остальное полетело в пустоту. Если б она зачала своё дитя тут, то ничего такого не случилось бы. Неважно, кто стал посланцем богини, главное — где именно! А тут, на этом каменном алтаре, где каменные цепи-змеи тянулись к небесам и к портрету повелительницы... Разве существует место лучше? Разве вообще...

О, если б она могла оказаться в этом месте тогда, двадцать три года назад, в избранный день! В ту ночь должны были зачать ребёнка, что переменит судьбу, должны были...

И что с того вышло?

Впрочем, Шэйран и Антонио родились с разницей в три дня, и шансы есть. Если Лиара тогда так грубо выдернула этот шанс из её рук, то сейчас Тэзра всё сделает правильно. Она не позволит королеве испортить этот день.

— Мы не будем ждать Эрлу, — сухо промолвила она. — Прости, Лиара, но мы не можем пропустить такую ночь. Только не в этот раз. Твоя дочь сможет воспользоваться алтарём позже, когда мы откроем магический канал, и...

— Хорошо, пусть, — с лёгкостью согласилась Лиара. — Я не против.

Тэзра едва заметно улыбнулась. Ну наконец-то! Хоть одна здравая мысль в этой рыжеволосой голове, хоть что-то разумное!

— Я уже выбрала жертву вместо Эрлы, ту, которая с радостью выполнит мой приказ, — продолжила Лиара, и Тэзре показалось, что её сердце буквально падает вниз. Уже выбрала? Как она могла? Без Высшей Ведьмы, без поддержки со стороны той, кого так уверенно именовала своей лучшей подругой. Почему Лиара всегда делает всё сама? Почему она не прислушивается к разумным советам, к людям, что желают ей добра и только добра? Неужели это настолько трудно?!

Лиара, правда, не собиралась слушать свою подругу. Она ещё раз осмотрела мраморные полы, остановила взгляд на портрете богини Эрри, а после, сделав церемониальный жест, уверенным и быстрым шагом направилась в сторону выхода. Тэзре оставалось только спешить за нею и стараться не отставать, ведь королева решает, что происходит в её государстве, а не кто-либо делает это за неё.

Впрочем, выбора не оставалось. Лиара бросилась к витой лестнице, и ладонь её скользила по поручням, словно оставляя волшебный след. Уверенность королевы буквально зависла в воздухе, и она не собиралась останавливаться ни на одну минуту.

Перед нею почтенно распахнули дверь тронного зала. Королева пересекла его за считанные секунды, хотя тот оставался невероятно длинным, да и широким тоже, и опустилась величественно на свой трон, расправив белые юбки.

Она и вправду была похожа на Эрри. Богиня.

Вот только почему-то Тэзра не могла избавиться от глупой мысли, что видела оную ещё

где-то. Не помнила, когда именно, в каких условиях, но прекрасное величественное лицо уже восставало перед её глазами, и тогда она тоже удивлялась поразительному сходству и не понимала, как такое могло случиться.

Богиня стояла перед нею, но только когда? Где? Как это могло случиться и почему она ничего не помнит о том моменте?

Может, это был всего лишь сон, и она перевела его в реальность по той простой причине, что слишком сильно этого хотела? Ведь всяко бывает, когда ты пытаешься превратить столь желанное в действительное...

Но позже об этом. Королева и верность. Верность и королева.

— Эй, стража, — Лиара жестом приказала Высшей Ведьме встать за её спиной. — Приведите сюда ту, о ком я вам сегодня говорила.

— Да, Ваше Величество, — послышались снаружи мужские голоса.

Они так её боятся! Тэзра мечтала о том, чтобы этот невероятный ужас появлялся в их голосах и в те моменты, когда она отдаёт приказы, но нет. Только королева Лиара Первая, только та, в которой они окончательно признали властительницу. Есть только один мужчина, неподвластный её чарам, и тот торчит в соседнем государстве, а Тэзра тут не может насладиться даже той властью, что дана ей. Почему так? Почему несправедливость преследует её с самого рождения? За что?

Королева расслабленно улыбнулась. Зависть со стороны своей вечной соратницы она словно и не ощущала, будто бы та превратилась в банальное пустое место, которым, впрочем, всю свою жизнь и являлась. Приятное дополнение к статусу королевы — это шанс иметь свою помощницу и вечную прислужницу, вот и всё.

...Снаружи послышалась какая-то возня и недоумённые вскрики. Тэзра поёжилась — жертва должна быть добровольной, чтобы всё прошло хорошо, но ведь там есть оковы для того, чтобы непокорные тоже были рядом с богиней и могли ощутить её благодать. Значит, Лиара выбрала жертву не так, как должна. Не дарит Эрри ту, которая может принести ей хорошее потомство, а просто избавляется от неудобной девицы, что слишком надоела ей собственным присутствием... Но как так можно? Разве Лиара не понимает, что навлечёт на себя гнев? Или это просто непонятливая стража не ведёт себя так, как следует, с избранной, а смеет причинять ей вред, и сегодня утром уж точно случится чья-то казнь?

Ответы на вопросы открыли свои двери вместе с дверями в тронный зал.

На пороге замерла Зэльда Виэст. Управительница замка была взъерошена, зла и, кажется, явно стремилась придушить королеву Лиару на месте за то, что Её Величество посмела отвлечь великолепную девушку от её невообразимо важных занятий. То, что в стране априори не может быть ничего важнее королевы, она явно не учитывала.

Серо-зелёные глаза сияли отменным недовольством. Казалось, они, такого себе болотистого и немного неприятного цвета, были единственной неприятной деталью в образе Зэльды. Если слухи о связи прелестной управительницы замка и короля Дарнаэла были правдой, то у Дара определённо хороший вкус на женщин — прелестница Лиара, эта вертихвостка...

Среднего роста — даже немного ниже, чем королева, — но всё же стройная, Виэст словно не чувствовала своих годов. Она пропускала мимо себя возраст, как нечто лишнее, ей несвойственное и ненужное. Она оставалась молодой вопреки тому, что время шло, и Тэзра не раз заподозрила её в том, что Зэльда воспользовалась какими-то незаконными способами омоложения, чтобы переплюнуть саму королеву.

Впрочем, на самом деле ей было лет тридцать, на вид — двадцать пять, и Высшая Ведьма Кррэа понятия не имела, как эта девушка, нет, даже женщина могла им помочь с высшей целью — шансом наконец-то привести в этот мир кого-то, кого девушке подарит не мужчина, а великолепная Богиня Эрри, что снизойдёт с небес и оставит свой дар Избранной.

В этот образ вписывалась Эрла — юная, двадцатилетняя принцесса, хороша собой, одарена, родители — прекрасные люди, даже Дарнаэла можно назвать достойным, не говоря уже о Лиаре. К тому же, никогда Эрлу даже не целовал ни один мужчина, и Тэзра могла поклясться — ни человечество, ни Богиня не усомнятся в моральной чистоте и невинности этой девушки.

Но Зэльда!

Мало того, что о ней ходили всевозможные nepотpeбныe слухи, она ж даже не пыталась их опровергнуть. Да и разве была такая возможность? Виэст нарушала великое множество правил, а на должности своей она доселе держалась только благодаря хорошему вкусу, и именно поэтому дворец в Кррэа всегда поражал своей пышностью и богатством, хотя и требовал немедленной реставрации.

...Зэльда поправила причёску, заправила локон длинных вьющихся чёрных волос за ухо и мягко улыбнулась королеве, словно и её тоже планировала соблазнить. Выглядело это невероятно дёшево, и королева испытывала явное отвращение, но ни единого слова управительнице не сказала. Виэст успокаиваться не собиралась — она одёрнула своё простое тёмно-синее платье, словно призванное напоминать столице Эрроки о том, какого цвета глаза у короля Дарнаэла, выпрямилась, коснулась кончиками пальцев приколотой к груди красной розе, что только подчёркивала излишне откровенный вырез, и натянула на лицо улыбку. Её пухлые губы, впрочем, изобразили нечто не приветственное, а скорее презрительное, и королева раздражённо фыркнула.

Они не были похожи. Зэльда казалась выточенной из резких линий, и обязательно прямых. Её формы можно было назвать соблазнительными, но ей не хватало той кошачьей гибкости Лиары. Королева умела быть великолепной, Виэст в те моменты оставалась просто красивой. На месте любого мужчины Тэзра однозначно выбрала бы именно Лиару, вот только госпожа Эрроканская — слишком властная женщина, и справиться с нею может разве что Дарнаэл. А вот Зэльда... Зэльда — игрушка.

Высшая Ведьма Кррэа могла сказать об этом с абсолютной уверенностью. Нет, конечно, хорошенькая. Правильные, пусть и острые черты лица, умение правильно плакать, тонкая талия и вызывающие одежды. Но Лиара и в сорок два оставалась прелестной, и в сорок два выглядела органично, да и, посмотрев на неё, вспоминать о куклах не приходилось. А Зэльда будто бы подписалась в своей предельной неестественности.

Даже противно.

Почти.

Говорили, рыжевизна свидетельствовала о ведьмовстве. Конечно, Тэзра в это не верила. Да, королева Лиара была золотисто-рыжей, а принцесса Эрла унаследовала от неё золото в её каштановых волосах. Но... Моника Лэгаррэ — типичная дарнийка, король Дарнаэл — и не надо врать, что он не имеет магической силы! — тоже брюнет, но бледен, и Рэй унаследовал его черты... Самаранта Тальмрэ соткана из серого, Сэя, дочь, кареглазая шатенка. Сама Тэзра — синеока, да и волосы у неё светлые.

Нет, от цвета волос ничего не зависело. Но если б зависело, то Зэльда Виэст была бы напроць лишена рыжевизны.

Впрочем, почему “бы”? В её бледно-чёрной фигуре не наблюдалось ничего красного. После искусственных слёз никогда не краснели глаза. Кровь не прилиwała к щёкам в моменты смущения, ибо Зэльда, естественно, абсолютно не умела смущаться. Зачем? Она привыкла к тому, что её хвалят, и к тому, что ругают, тоже привыкла. Для неё любые порицания или внимание были такими же привычными, как и для всех остальных дыхание или вода. Она пила посторонние взгляды, но никогда не захлёбывалась ими. Её чёрные волосы казались практически неестественными, но в будущем, возможно, они окажутся поразительно седыми, но тоже минуют этап осенней тусклости. На кожу никогда не ляжет загар. В болотистых глазах не мелькнёт ни единой тёплой искорки. В абсолютно бездарной Зэльде от магии и от красного была только пришпиленная к платью вечно алая роза, что никогда не увядала. Роза, что ей вручил Дарнаэл, сотворённая его магией, та, что словно клеймом выделяла Зэльду среди остальных. Роза, которую Лиара так сильно мечтала растоптать. Роза, владелицей которой хотела бы стать каждая женщина этой страны, да и Эльвенты тоже — кроме Лиары, потому что у неё было кое-что большее, кроме Эрлы, потому что Дарнаэл был способен осыпать дочь цветами прекраснее, чем алый осколок волшебства, кроме Даллы, ибо Её Высочество взаимно ненавидела Дара, и кроме... Нет. Это будет лишним.

Тэзра когда-то тоже сильно мечтала о подобном цветке. Просто сейчас это успело в ней выгореть, но вряд ли имело достаточное значение то, что будет дальше.

— Зэльда, — Лиара радостно, открыто улыбнулась, — скажи мне, готова ли ты послужить государству, как клялась мне вчера вечером?

О, да, конечно же, Лиара ревновала. И понимала, что у Зэльды нет никаких шансов на сердце Дарнаэла. Для этого надо быть умной. Королева не опускалась до вырывания волос соперницам, да и, пожалуй, не задела бы Виэст никогда, но той ведь так хотелось продемонстрировать своё преимущество над Её Величеством! Она буквально из кожи вон лезла, чтобы открыть королеве её низость, показать, в чём она оказалась слаба и когда проиграла.

— Вчера вечером? — не удержалась от удивлённого комментария Тэзра. — Ваше Величество, разве...

Да, она привыкла к тому, что знала всё о королеве. Приятно быть доверенным лицом, как ни крути. И если Лиара и вправду старательно скрывала что-то от неё, то назвать это действие приятным, конечно же, женщина никак не могла. Тэзре хотелось, чтобы все доверительные разговоры происходили на её глазах, и никак иначе.

— Вчера молоденькая волшебница, что прибыла из Вархвы во дворец — я послала за несколькими магичками, потому что нам не хватает новой крови тут, в столице, — определила, куда именно сквозь зачарованный портал в комнате вытащили Эрлу, — Лиара вздохнула. — Удивительно, Тэзра, что столько опытных магов не смогло заметить портал в шкафу, а какая-то жалкая... Как её? А, Мизель, кажется... Так вот, какая-то волшебница, что училась с Шэй... С Моникой на одном курсе, вроде бы была вторая по рейтингу и попала по распределению в Вархву, с лёгкостью отыскала его следы. Она говорит, что учила это заклинание когда-то. Так вот, мы нашли второй, парный шкаф к тому. Следы человека определить было уже слишком трудно, почти всё затёрто, но вот парный шкаф находился прямо в покоях Зэльды. Я вынуждена была провести с нею беседу относительно этого...

Тэзра осклабилась. Ну, конечно же! Почему бы и нет? Ведь Зэльда могла принять от своего любовника и такой странный подарок, как шкаф. Дар действительно имел все шансы



помочь своей дочери бежать от матери и её идей, но Тэзра не собиралась позволить ему сделать это напрямую. Вот только эльвентец оказался куда умнее, чем они со своим ведьминским советом, как ни прискорбно это нынче признавать.

— Так вот, мы с Зэльдой мило поговорили, и она сказала, что понятия не имеет, как этот зачарованный шкаф мог оказаться там. Естественно, ни о каких подарках от мужчины и речи не могло идти, — Лиара мягко улыбнулась. Если б Тэзра не знала её, то даже не подумала бы о том, что в этом прекрасном говоре таится такое количество отчаянного яда. — Ведь Зэльде глубоко противны представители мужского пола, и она, конечно же, должна быть девицей сейчас, если это правда. Потому что ни один эрроканец не посмеет взять женщину силой, а эльвентец... Ну, ведь сюда прибывал только король Дарнаэл, а это не в его стиле. Он не стал бы принуждать женщин, в родной стране эти жалкие пародии на богиню Эрри вешаются на него гроздьями... Мы потом займёмся просветительской работой относительно них. Так вот, Зэльда, я сделала логический вывод, что ты девица, верно?

Тэзра едва сдержала короткий смешок. Лиара умела мстить, это да. Конечно же, Зэльда нынче не может ничего отрицать, ведь получится, что она солгала королеве. А значит, замешана в преступлении, и тогда... Конечно, Высшая Ведьма была бы не против избавиться от надоедливой Виэст, может, и Лиара преследует именно такие цели?

— Да, Ваше Величество, — Зэльда осторожно коснулась цветка на своей груди, словно передавала какой-то нерушимый магический сигнал через телепатический мост. Но Дарнаэл подарил ей просто красивый цветок. Лиара прекрасно разбиралась в магии, она посвятила ей почти всю свою жизнь, так что за несколько минут с лёгкостью перерезала все нити связи, что только могли натянуться между Эррокой и Эльвентой. Да и нечего королю делать, сотворять через цветки телепатические мосты, учитывая то, что он колдует очень редко, да и то неохотно.

— Ну вот. А верная невинная девушка — это как раз то, что нам нужно, да, Тэзра? — уточнила Лиара.

— Конечно, Ваше Величество. Это самое лучшее сочетание качеств для связи с Богиней Эрри, которое только можно представить, — согласно кивнула Тэзра.

Они же всё испортят! Нет, Тэзре хотелось буквально закричать о том, что так нельзя, но ведь переубедить Лиару невозможно. Если она задумала месть, значит, она отомстит, и плевать на то, каковыми могут оказаться последствия. Они уж точно не имеют совершенно никакого значения, и важность проблем королеву тоже не беспокоила. А ведь у них так мало шансов было завершить этот ритуал действительно успешно! Неимоверно мало... О Богиня, зачем всё так портить?

Но Высшая Ведьма не могла отрицать. Если она не желает сама стать той, на кого прольётся гнев Богини, точнее, королевы, конечно же. Богиня предрешила, что Лиара взойдёт на трон, и даровала ей свою власть.

— Ну, значит, Зэльда отлично подойдёт для того, чтобы даровать нам новую Высшую Ведьму, — довольно заключила Лиара. — И будет первой, кто сможет привести в свет ребёнка, дарованного Богиней... Это, конечно же, подразумевает то, что она будет причислена в королевский род и получит право на корону по второй линии наследования — сразу же после моей дочери Эрлы, и...

Тэзра понимала, что можно и не слушать. Зэльда тоже это осознавала — такие милости, и она даже не понимает, что от неё требуется.

— Так ты согласна, милая моя? — спросила Лиара. — Согласна на этот прекрасный

ритуал? Это великая честь для любой из нас, но нужна именно девица!

Зэльда побелела, если это вообще было возможно в её случае.

— Но... — заикнулась она. Тэзре тоже хотелось вставить свои возражения, но Лиара была непреклонна. — Конечно, Ваше Величество. Это большая честь для меня...

— Прекрасно, моя дорогая, — протянула Лиара. — Тогда ты можешь сейчас идти, а я уж загляну, когда мне это будет нужно. Тогда мы пообщаемся относительно ритуала и выясним ещё несколько интересующих меня вопросов. Или ты хочешь сказать что-то прямо сейчас, Зэльда?

— Нет, Ваше Величество. До встречи, Ваше Величество, — Виэст почтительно поклонилась и последовала к выходу. Там её встретили уже куда приветливее, чем в первый раз, но поскольку королева Лиара не сказала страже ни единого кривого слова, Тэзра сделала вывод, что грубость их была не случайной. Возможно, Её Величество решила отдать короткий приказ, не уточняя, стоит ли быть спокойными и уравновешенными, нежными и культурными с Зэльдой, а может, она и вправду сказала, что надоедливую управительницу дворца следовало бы привести сюда немедленно и не церемонясь. В любом случае, Тэзру нынче волновало кое-что другое. Она смотрела на королеву, словно на сумасшедшую — и имела на это полное право, ведь Лиара только что старательно разрушила всё, что они выстраивали столько времени.

Пока дверь не закрылась достаточно плотно, Высшая Ведьма вынуждена была молчать. Подрывать авторитет Лиары Первой, когда тут столько лишних ушей, она не собиралась, прекрасно осознавая, что для неё же потом такой поступок обернётся проблемами. Вот только молчать и просто наблюдать за всем этим Тэзра тоже спокойно не могла — нет, только не тогда, когда госпожа Эрроканская старательно рушит то, над чем они столько лет трудились!

Тэзра молча изучала взглядом пол. Мраморные прожилки, что сползались к трону, прежде казались ей просто красивым украшением зала, а вот сейчас она внезапно впервые в своей жизни предположила, что и они могли оказаться свидетельством волшебства королевы. Почему-то Высшая Ведьма никогда не акцентировала внимания на том, есть ли тайные, похожие на молнии знаки на мраморных плитах, когда Лиара не в тронном зале, не восседает на своём престоле. Может быть, Тэзра была просто недостаточно внимательной, однако беспокойство от глупого осознания никуда так и не пропало. Спросить, что ли, Лиару?..

Но дверь наконец-то захлопнулась — причём довольно плотно. Лиара, правда, не спешила заводить разговор — она смотрела куда-то в окно.

— Столько проблем, — выдохнула она. — Сначала куда-то запропастилась Эрла, а теперь ещё и мама... Остались только её старые наряды, груда на полу, — королева сложила пальцы в некое подобие пирамиды и теперь смотрела на искорку волшебства, что зародилась между её ладонями. Та билась, словно в клетке, и стремилась выйти на свободу, старательной синевой вырываясь из своего почти добровольного плена.

— Почему ты не сказала мне, что пригласила новую волшебницу из Вархвы? Ведь я Высшая Ведьма, я должна знать, — Тэзра сегодня не была настроена выслушивать пространственные речи Лиары относительно её несчастной судьбы и тяжёлой доли. Казалось, она прямо-таки пылала презрением и раздражением по отношению к королеве. — Я даже не знаю, как её зовут!

— Их, — равнодушно выдохнула Лиара, словно Высшая Ведьма превратилась для неё в

банальную служанку, что посмела только что перешагнуть через какую-то черту. — Я пригласила трёх молодых волшебниц.

— И как их зовут? — строго поинтересовалась Тэзра.

— Ты бывала в Вархве, тебе лучше знать, — пожалала плечами женщина. — И я никак не могу понять, почему моя же подчинённая отчитывает меня, словно маленького ребёнка, перевернувшего любимый матушкин сервиз. Тебе надо поучиться у молодёжи уважению, Тэзра, иначе это не закончится добром.

...Это началось уже давно. Холодность, равнодушие, попытки поставить её на место или, может быть, банальное презрение, но точно назвать это, увы, Тэзра не могла. Обозначенные черты между подругой и подчинённой внезапно стали наведены двойной линией. Высшая Ведьма всё ещё делала очень многое для государства, да и власти у неё было почти столько же, сколько и у самой королевы, но каждый раз она ловила себя на мысли, что что-то пошло не так. Сказать, что именно это было, женщина не могла, но знала, когда это началось.

Когда Моника Лэгаррэ отправилась по королевскому заданию — и когда пропала принцесса Эрла, естественно. Тогда Тэзра впервые в жизни сказала лишнее и моментально исправила свою ошибку, но... Да, Мон забыла обо всём, что случилось, и у королевы не было ни единого источника, из которого она могла бы узнать об этом, вот только что-то подсказывало Высшей Ведьме Кррэ, что так просто победить не получится. Но она же радеет за общее дело! Даже сама королева не приносит столько пользы государству, как Тэзра.

— Я должна их увидеть, — Высшая Ведьма выпрямилась и двинулась было к выходу.

— Нет, — остановила её коротким возгласом Лиара. — Ты останешься. С молодыми ведьмами можно будет поговорить после того, как мы решим основные государственные проблемы. Или ты считаешь, что нет ничего важнее?

— Как скажешь, — Тэзра вернулась на своё место. Она знала, что Лиару всегда раздражала эта фраза — она всех раздражала, подразумевая под собой что-то большее. “Как тебе будет удобно” — вот ещё один способ отравить отношения с человеком. А Богиня его знает, как будет удобно, но ведь есть польза общего дела, есть задания, есть правила... Никогда — ни с подчинёнными, ни с теми, кого она считала другом, Тэзра не пользовалась этой фразой. Очевидно, сегодня, нарушая внутреннее короткое правило, она подвергала себя опасности, но что поделать, если нет больше методов спорить с Лиарой — да так, чтобы в этом споре потом победить. Она слишком могущественна, слишком сильна, слишком Королева, чтобы люди имели полное право спорить с нею.

— Прелестно, — кивнула Лиара. — Я рада. Спустя несколько минут у меня будет приём, надеюсь, ты останешься тут.

— Да, Ваше Величество, — послушно кивнула Тэзра. Она старалась даже не удивляться тому, что прежде о каком-либо торжественном или не очень приёме, о том, что у неё будут посетители, Лиара и словом не обмолвилась. Королева, конечно же, имела на это право. И, естественно, она могла забыть о том, что о ней думал кто-либо, особенно её подчинённые. Госпожа Эрроканская из тех, кто не станет останавливаться на перепутье из-за глупых чужих людей. Это попросту не имеет для неё значения. И если Тэзра в одно мгновение потеряла её доверие, то сие ставит под вопрос множество её планов — и то, что они должны были совершить вместе, тоже может не произойти. Магия сильна, но не настолько — без помощи королевы множество из задуманного просто нереально будет совершить.

...Вновь пробежалась какая-то волна силы по маленьким прожилкам в мраморе. Тэзра демонстративно отвернулась и уставилась в окно. Смотреть на прекрасную природу столицы было куда приятнее, чем просто дожидаться гостей или посетителей, и женщина даже умудрилась немного отвлечься. Дыхание её тоже успокоилось, и Высшая Ведьма теперь могла отмечать разве что прелесть зелени там, снаружи.

Кто-то вошёл и церемониально представил посетителя, как показалось Тэзре, сегодня единственного. Она даже не расслышала имя, но парня узнала и так — всё тот же безмерно надоедливый посол из Торрессы, который слишком увлёкся использованием гостеприимства Лиары Первой и Эрроки в целом. Впрочем, пусть его внешность осталась неизменной и такой же слащавой, что-то переменялось. Тэзра была готова поклясться, что в его чертах лица застыла грусть, смешанная со страхом, и пояснить её причины она не могла, хотя привыкла быть в курсе всего.

— Ваше Величество, — Бонье на сей раз упал на колени безо всякого театрального представления, не кривлялся, как прежде, а действительно дрожал от ужаса. — Я вынужден просить вас о помощи и...

— Что случилось? — устало спросила Лиара.

— Дарнаэл Второй публично казнил мою сестру, Марту Торресса.

Лиара выглядела всё такой же уставшей и отчасти сердитой. Тэзре хотелось, чтобы важную новость первой принесла она, но уж как вышло, так вышло — поздно требовать от всевозможных посетителей, чтобы они сначала докладывали, по какому поводу прибывают. Холодный, мрачный взор женщины можно было сравнить разве что с каким-то льдом, всё таким же неприятным и неприемлемым. Да и вообще, Тэзра не испытывала, конечно, страха, но что-то скользкое, такое же ледяное всё равно скользнуло по её коже, нагло уничтожая всю уверенность в будущем.

— Вероятно, — Лиара сжала руки в кулаки, и волшебство вокруг неё сгустилось практически до видимого состояния, — у Дарнаэла Второго были на это определённые причины, — она казалась сердитой — по крайней мере, частично. — И если это действительно так, то причём тут я?

— Вы... — Бонье захлебнулся своими же словами. — Если... Если Торресса и Эррока — почти союзники, то вы должны поддержать нашу страну в надвигающейся войне! Вы обязаны это сделать!

Прямо выступить против Дарнаэла? Тэзра считала эту идею почти хорошей. Эльвента давно уже подобна бельму в глазу, и если бы был шанс напасть на неё с двух сторон... Сначала Торресса оттянет на себя основные силы, а после Эррока посмотрит, как будет идти игра, и станет на ту сторону, на которой ей будет выгодно. Вот только почему-то королева Лиара не стремилась вступить в политическую игру, не рвалась в бой — для того, чтобы Торресса рискнула, надо пообещать хотя бы на словах поддержку, а она молчала, словно набрала в рот воды.

— Вы сегодня же будете изгнаны из Эрроки, — сухо промолвила она. — Немедленно. Собирайте вещи и отправляйтесь домой. Вам тут не место.

Лицо Бонье перекосила судорога. Он ещё мгновение тому был уверен, что королева Лиара защитит Торрессу и его самого от напасти короля Дарнаэла. Если Эльвента действительно собирает войска, то Торресса ни за что не выстоит. Страна слишком слаба, чтобы сопротивляться гигантской, а самое главное, думающей армии Тьеррона. Да и король сам слишком много земель и сил сконцентрировал в своих руках, чтобы так просто

отступиться.

Без магии Эрроки Торресса не выстоит и одного дня против мощи Дарнаэла. С нею... Могла бы победить, если Моника всё-таки сумеет уничтожить тот артефакт, который сдерживает их волшебю.

— Но... Ведь ваша дочь могла бы стать моей женой... — Бонье отступил. — Вы не можете нас бросить. Только не сейчас.

— Моя дочь никогда не станет ничьей женой. А если и станет, то это будет не такой жалкий прихлебатель, решивший завладеть чужим государством таким назойливым путём. Дарнаэл был прав, когда решил вытолкать вас из своего государства, и мне кажется, что пора бы повторить опыт. Надеюсь, вы понимаете, что стража не дремлет, — она совершенно равнодушно смотрела на Бонье. — Уходите. Это приказываю вам я, королева. Если, конечно, вы не желаете, чтобы род Торресса почтил своим присутствием ещё и местную виселицу. Это мы уж точно можем устроить.

Тэзра обмерла. Да, конечно, Элвента — это не та страна, с которой можно ссориться, но зачем Лиаре так открыто выступать на стороне Дарнаэла? Они — извечные враги.

— Ещё минута, и я позову стражу.

Бонье больше не требовалось уговаривать. Услыхав о страже, он сам попятился назад, а после повернулся к королеве спиной, позорно отступая. Руки парня дрожали, да и сам он, казалось, вот-вот собирался разрыдаться прямо у ног правительницы, но она не знала жалости. Может быть, всё это не просто так — сказать точно никто ничего не мог.

Тэзра закусила губу.

— Это был отличный шанс победить Дарнаэла, — протянула она. — Шанс, которым ты могла воспользоваться, Лиара.

Королева поднялась. Казалось, венец со своей головы она снимала очень устало, и во взгляде чего-то тоже не хватало.

— Пока тут была моя мать, мне казалось, что я поступаю правильно, — вздохнула она. — Но Эрла — и его дочь тоже. А Шэйран — мой сын, как бы мне не хотелось отказаться от самого факта его существования. Почему один мой ребёнок Богиня знает куда пропал, а второй предпочитает служить при дворе отца, а не матери, если ты сама говоришь, что распределение было подделано? — Лиара прикрыла глаза только на секунду, а после вновь посмотрела на Тэзру. — Где-то мы совершили ошибку. Если ещё через несколько дней я не увижу ни единого следа Эрлы, я отправлю к Дару официальный запрос. И если он ничего не знает о расположении моей дочери, то...

— Ведь я сказала... — Тэзра запнулась.

— То ты будешь виновата, — равнодушно дополнила Лиара. — Потому что если те магические следы Эрлы в Лэвье, о которых ты мне говорила, должны были свидетельствовать о её присутствии там.

Тэзра сжала зубы. Почему королева Далла так не вовремя пропала? Как она могла оставить своё государство на родную, но такую бестолковую дочку, и что вообще толкнуло её на подобную глупость?

— Думай, Тэзра, — дополнила Лиара.

Её чары, способные задурить голову любому мужчине, действовали всё так же прекрасно. Но если Далла решила отдалиться от дворца, то её волшебю, заставлявшая действовать Лиару так, как раньше, тоже постепенно слабела. А Тэзра не могла этого допустить.

Вечер старательно заглядывал в окно, пытаясь своими тусклыми лучами осветить хотя бы что-то в маленькой комнатухе. Впрочем, пожалуй, она была бы куда больше, если б сюда не затащили всю возможную литературу, которую только был шанс впихнуть в помещение, да и ещё огромное количество артефактов. Окошко же оказалось маленьким, и хотя его, естественно, распахнули, впуска в чулан воздух, легче от этого не стало.

Естественно, ни один на свете принц — будь он хоть Шэйран Первый, хоть Густав Пятнадцатый, — не занимается подобной ерундой, то бишь, не проводит инвентаризацию помещения. Но поскольку отец был весьма увлечён своей молодой супругой, а драгоценная матушка — матриархатом и его основными постулатами, то вместо Шэйрана Первого Тьеррона (или Эрроканского, тут как карта ляжет), кронпринца Эльвенты и просто принца Эрроки, на стуле восседал обыкновенный природный маг Рэй, злой на весь мир и на то, что от надоедливой Тэллавара Гартро скрыться было просто-таки невероятно.

Монику он держал при себе, как говорил, исключительно ради государственной безопасности. Естественно, девушка сейчас помогала ему только потому, что Рэй боялся, дабы наедине с самой собой и огромным количеством всего интересного и опасного во дворце она не принесла вред государству! И тут абсолютно ни при чём было то, что он каждый раз буквально пожирал её взглядом, по ночам она ему снилась в совсем уж непотребном виде, а по примеру девушки ленивый, в принципе, Шэйран был готов даже заниматься изучением волшебства.

— Что дальше? — Моника оторвала взгляд от регистрационной книги, в которой и велась перепись местных артефактов. Запись она вносила под милым таким номером семьсот сорок восемь, посему на книгу смотрела, аки на врага Эрроки, королевы и своего лично, то бишь, с огромной ненавистью. Шэйран, который переставлял артефакты из одной стороны комнаты в другую, устал не меньше — торчали они тут с самого утра и, естественно, пропустили обед, а то уже и ужин.

— Записывай. Шар прорицательный, семьсот сорок девять. Уровень опасности первый, уровень полезности седьмой... восьмой, наверное, толку от этой дряни-то? — он отложил подобие хрустала в сторону. — Ценность третьего уровня, хрусталь — вещь дорогая. Дальше... инвентаризационный номер семьсот пятьдесят. Название... Так, что это, глянь? Ага, веник самоподметающий. Уровень опасности второй...

— Что опасного в венике? — язвительно уточнила Моника. — Второй уровень — это уже всё-таки какой-то вред!

— Хм, ты просто не была в этом замке в возрасте восьми лет и с жутким любопытством в качестве оружия, — фыркнул Шэйран. — Знаешь, сколько раз этим веником я получал? Так, уровень полезности шестой, подметает хорошо. Ценность второго уровня.

— Веник?!

Рэй вместо комментария продемонстрировал ей рукоятку, украшенную как минимум тремя здоровенными рубинами, а после швырнул его на огромную кучу уже переписанных книг и артефактов так нагло, что Монике аж стало не по себе от того количества, которое Шэйран этим жестом мог разбить.

Она торчала тут уже далеко не первый день и не первую неделю, а самое главное, умудрилась как-то себя убедить, что этот для блага Эрроки. Она просто пытается выяснить, где именно находится тот самый оберегающий страну артефакт, и именно по этой причине занимается переписью каких-то самоподметающих веников и далее по списку. Ну, а что?

Почему веник не может оказаться до жути полезным, а самое главное, невероятно опасным предметом? И почему под ним не может лежать то самое, что она так старательно ищет?

Поэтому, занимаясь успешным самовнушением, Моника как-то умудрилась переубедить себя, поверила в то, что нет ничего лучше для Эрроки, чем сидеть в Эльвенте и помогать этому серому троечнику, а самое главное, даже не искала безвременно пропавшую принцессу Эрлу, да и вспоминала о ней раз в несколько дней. Так или иначе, Лэгаррэ тут почему-то нравилось. Сказать, почему именно? Ну, а Богиня его знает! С Шэйраном оказалось так... поразительно легко, что она даже не могла понять, откуда у мужчины могли появиться хотя бы малейшие познания и способность к волшебству.

Она собиралась уезжать уже раз десять. Каждое утро повторяла про себя, что сделает этой ночью то, что уже давно планировала, а потом вернётся в родное государство, но нанести вред Эльвенте — это дело трудное. Короля душить подушкой — глупости, Шэйрана — тем более, даже если он действительно наследный принц. А то, что мужчины ни на что не способны...

Вера Моника гасла с каждым днём. Сначала она была готова отдать душу за Эрроку и её правила, была готова на всё, что угодно, лишь бы доказать собственную предельную верность, а теперь вдруг поняла, что не стоит. Что что-то в этих заявлениях и вечных криках королевы Лиары всё равно не так. Что есть подвох, который она не может отыскать, и...

А потом она нашла тот артефакт.

Это было совершенно случайно. При записывании хрустального шара номер триста пятнадцать Шэйран внезапно отыскал в куче маленький кулончик от ментального влияния — и, будто бы Моника не была подшефным врагом, вручил ей этот предмет.

Предмет, восстановивший ей память.

И рассказ Тэзры с её сомнениями, и... И то, что было в детстве. То, что было правдой. То, что она не придумала бы сама, потому что просто не решилась бы на подобную подлость. А после этого Моника уже не смогла вытащить из глубин своей души ту верность, которая прежде там жила.

— Номер семьсот пятьдесят один, — продолжил Шэйран. — Книга Многоликого, записки. Автор — Дарнаэл Тьеррон Первый. Дата... Ого!

Он присвистнул — записки Дарнаэла Первого на самом деле были большой редкостью, да и искали их уже далеко не первое столетие. А они всё это время просто пылились в Лэвье, и никто даже не удосужился посмотреть, есть ли там хоть что-то.

Моника устало вздохнула и поднялась. Грусть обмана съедала её изнутри вот уже который день, но ведь то, что случилось с её родителями, ещё не повод... Не повод отказываться от доверия королевы, просто так нарушать данное слово, рисковать всем, что у неё было. Она ещё имеет определённые обязанности — просто теперь, когда известно чуть больше фактов, чем прежде, ей стало чуточку труднее. Монике не хотелось так просто проигрывать и сдаваться, не хотелось перебежать на сторону Эльвенты, но... Ведь её мама и папа погибли не просто так. И не во всём виноваты Тьерроны.

Теперь она это помнила — слишком отчётливо и ясно, как для событий, что произошли лет пятнадцать назад, — и не могла окончательно вытолкнуть из головы.

— Может быть, мы продолжим завтра? — предложила Моника. — Уже третий день торчим среди этих артефактов в чулане, а не перебрали даже половину. Неужели нельзя отдохнуть?

— Мне предлагает моя прекрасная отличница? Отдых?! — возмутился Шэйран. — О

боги, вы сошли с ума! Неужели я наконец-то услышал от тебя эту фразу!

Моника кивнула. На самом деле, пыль давно уже успела ей надоесть, в горле неприятно першило, да и хотелось поскорее покинуть затхлое помещение.

— Давай отнесём это в библиотеку, — пожал плечами Шэйран. — Всё равно веде записки рано или поздно придётся сдать.

Моника посмотрела на книгу в руках парня. Ей бы её прочесть... Девушка была практически уверена в том, что именно там находится ответ на её вопрос о таинственном сдерживающем артефакте. Но просто так попросить у Шэйрана она не могла — равно как до сих пор не убедила себя в том, что он действительно тот, кому она имела полное право доверять. С доверием у девушки вообще были постоянные проблемы, а теперь бороться с подозрениями оказалось труднее, чем прежде.

К тому же, она так и не добралась за это время до библиотеки и ни разу не видела Тэравальда. Почему-то девушке было немного страшновато посмотреть ему в глаза, будто бы этот на одну восьмую эльф мог что-то сказать или остаться недовольным тем, что она бросила его наедине с горой неразложенных книг. Идти туда не хотелось, но Моника старательно напомнила себе о том, что не может возражать и требовать что-либо у Шэйрана, если не хочет навлечь на себя очередную порцию подозрений.

— Ладно, — кивнула девушка. — Но... разве тебе бы не хотелось почитать этот дневник?

— Нет, не хотелось, — пожал плечами Шэйран. — Существует всего два варианта характера Дарнаэла Первого. Либо он такой же не терпящий официоз с лёгким налётом вредности человек, как и мой отец, либо бесконечно нудный и требующий чёткого выполнения правил этикета, поклонения и ещё какой-то ерунды вельможа. Первый вариант каждый день мелькает у меня перед глазами, пытаюсь избавиться от своей надоедливой мантии и короны, второй... О, их ещё больше, чем ты только можешь себе представить.

Моника слабо улыбнулась. Получить эту книгу после того, как она окажется в руках у Тэравальда... Вряд ли это действительно будет возможно, особенно если Са действительно оскорблён её поведением просто-таки до глубины души, да и Моника чувствовала себя как-то неуверенно. Лэггаррэ вообще с радостью избавилась бы от большинства обязанностей перед Шэйраном, да и находиться постоянно у него на глазах казалось странным.

— Тогда пойдём? — неуверенно переспросила она. — Всегда знала, что ты не тянешься к знаниям... Серый троечник!

Шэйран рассмеялся. На подобное прозвище он в последнее время реагировал исключительно добродушно, безо всяких возмущений, поэтому весёлый смех тоже показался абсолютно нормальным вариантом.

Мон мотнула головой. Нет, поддаваться нельзя. Она ненавидит его — ненавидит, и точка. Равно как и мужчин как таковых в этом мире, как Эльвенту и короля Дарнаэла, ведь она верна Её Величеству Лиаре и принцессе Эрле. А то, что Тэзра попыталась... То, что она сделала... Разве это имеет хоть какое-то значение? Конечно, нет! Это всего лишь Высшая Ведьма, да и только. Может быть, она считала, что Монике лучше не знать то, о чём по глупости рассказала.

Но это пугало Лэггаррэ куда меньше, чем воспоминания о её родителях — и той смеси жестокости и верности законов со стороны Эрроки. Зачем уничтожили всё, что она только могла помнить о них? Почему даже сильный артефакт, сумевший стереть новое, свежее волшебство, только немножко скovyрнул старое?



...Она помнила глаза отца — карие, как и у каждого дарнийца, — и его едва заметную улыбку, когда явились Они. Высшие — это всегда отвратительный народ; уже тогда серая, гадкая Самаранта Тальмрэ. И лицемерие, с которым она смотрела на Монику, обозначая её будущей колдуньей, навсегда отпечаталось в затёртых воспоминаниях. А прочее вытрусить из глубин своего сознания оказалось куда сложнее, и девушка уже даже и не пыталась этого делать, будто бы признав, что без воспоминаний будет легче. Но прогрешения Самаранты Тальмрэ не должны быть основанием для того, чтобы предать родную страну. То, что законы Эрроки обернулись против её родителей — так всякое же бывает! К тому же, она почти всё забыла, с той поры много воды утекло, и воскрешать теперь то, что осталось в прошлом — глупо. Надо сначала выполнить задание, а только тогда бросаться в омут мыслей и пытаться найти среди них хотя бы какое-то рациональное зерно.

Шэйран, словно почувствовав, что она буквально тонет в своих мыслях, осторожно коснулся её руки. Это заставило распахнуть глаза, выныривая из бесконечной пропасти, будто бы затягивающей её, и девушка мягко улыбнулась. Ненавидеть его до конца не получалось и по другой причине, не только потому, что перед нею стояли её родители.

Королева Лиара говорила, что скорее уничтожила бы собственного сына, чем позволила бы ему жить, конечно же. Но Рэя никто не задушил и не швырнул в реку, его даже не передали отцу. Его растила мать — та самая Лиара Первая, что так старательно подчёркивала свою ненависть ко всему противоречащему постулатам матриархата. И... В конце концов, если б она сохранила ему жизнь только ради невероятного магического источника! Да вот только не факт, что королева хотя бы знала о том, какой дар на самом деле таил в себе её сын.

Главное — не ляпнуть ничего лишнего.

— Ты идёшь или нет? — бархатный голос Рэя вырвал девушку из размышлений, и она, содрогнувшись, резко, до хруста в шее, подняла голову. — Лэгаррэ, чем дальше, тем больше я подозреваю тебя в каком-то тайном заговоре!

— Что за ерунда, — отмахнулась Моника. — Я же сказала, твоя мать...

— Ты мне ничего не сказала, — хмыкнул парень. — Ты только заявила, что не станешь предавать королеву, а тут находишься исключительно по собственной воле. А мне, может быть, до жути интересно, что именно моя бывшая сокурсница забыла в моей же стране, да ещё и по приказу драгоценной матушки! Между прочим, дорогая, это вопрос не такой уж и простой, как тебе кажется, раз ты не можешь на него ответить.

Рэй, казалось, и забыл уже о том, чтобы вытягивать из неё важную информацию, а теперь вновь взялся за старое. Моника только весело улыбнулась, словно отказываясь от любых возможностей предъявить ей претензии, и прищурилась, повернулась в сторону окна, показывая, что любит закатом.

— Я просто должна была сообщать, что происходит в государстве, — со вздохом заявила она. — Собрать информацию и вернуться. Но, как видишь, не суждено.

— Вижу, — покачал головой парень. — Вот только что-то мне от этого не становится легче, да и доверяю я тебе не больше, чем прежде.

Моника только передёрнула плечами, демонстрируя, что ей абсолютно всё равно — не так уж и важно, что именно он думает, важно то, во что это в результате выльется. Подобная позиция почти что веселила; она лгала не то чтобы мастерски, но так, что Шэйран пока что продолжал доверять, вот только насколько долго это может продлиться?

Лэгаррэ не знала.

...За дверью в коридоре их стандартно дожидалась стражница. Сандриэтта Баррэ взялась за выполнение собственных должностных обязанностей только вчера, но с такой прытью, что Монике уже до жути хотелось от неё избавиться. В конце концов, почему она считает нужным провожать Рэя почти что до кровати?!

Не следовало упоминать тот факт, что опасность — эрроканка, практически каждый раз засиживающаяся до полуночи с коллегой, которого именует серым троечником, за очередным артефактом, — никуда не пропадала после того, как Сандриэтта ушла. В конце концов, пусть Монике и выделили соседнюю комнату, в которой она должна бы ночевать, в основном всё заканчивалось тем, что она зачитывалась, засыпала над столом, и Рэй коротал ночи либо на полу, либо, обнаглев, рядом с нею в своей же постели — правда, поверх одеяла и старательно делая вид, что в первом, что во втором случае, что в одежде спать очень и очень удобно. Лэгаррэ почти не спорила — она так и не разобралась до конца в том, как к нему относится, поэтому и сопротивляться, и поддаваться на соблазн не собиралась.

— Почему ты за мной так бегаешь? — недовольно поинтересовался Шэйран. — Сандра, может быть, лучше дополнительную стражницу короля, а?.. Ну, Дарнаэл Второй сейчас находится в большой опасности, ты знаешь, а я всего лишь придворный маг и только перебираю артефакты, которые могут нести потенциальную опасность, — он усмехнулся, вспоминая о венике, — и ничто моей жизни не угрожает.

...На этих словах из-за угла в каждом порядочном любовном или приключенческом романе вылетает стрела. Увы, за Шэйраном, словно решив, что его оценки не соответствовали достойному принцу, что заслуживает, дабы на него тратили стрелы, вылетел всё тот же веник — да ещё и отвесил довольно болезненную затрещину.

Парень выругался сквозь зубы и, подпрыгнув, ибо даже на его немаленький рост веник оказался поразительно высоко, подхватил наглый артефакт.

Тот старательно вырывался, а Рэй так и не додумался использовать умиряющее заклинание. О нём вовремя вспомнила Моника — короткая формула прозвучала очень привычно, и веник моментально угомонился, расслабился и мерно вернулся на своё место.

— Вот видите, господин маг, — язвительно промолвила Сандриэтта, занимая место за его спиной, — нет никакого смысла оставлять вас наедине, опасности вылетают из каждой комнатки.

— Слово ты способна с ними справиться, — ворчливо отметил парень, но спорить больше не стал.

— Шэйран, если б ты принял помощь Тэллавара и попытался чему-то научиться, — отметила Моника, — то таких бы проблем у тебя точно не было. Ты же знаешь, магия — это не шутки, и с нею надо уметь обращаться.

Парень так ничего и не ответил. Придворный маг вообще старательно обходил тему Высшего, словно тот казался ему костью поперёк горла. Что-то подсказывало Шэйрану, что добром общение с Гартро не закончится уж точно, и он не мог так просто взять и отмахнуться от чутья ради постоянного ворчания отца, стражницы и своей помощницы, которая на самом деле — шпионка его матери во дворце его же отца. И что за ерунда тут происходит, в конце-то концов?!

— Я не буду тратить своё драгоценное и явно не бесконечное время на развитие дара с таким, как Тэллавар, — отмахнулся Рэй. — И открывать печати ему я тоже не буду.

— Вот последнее тебя делать точно никто не просил, — вздохнула Лэгаррэ. — Ты ведь понимаешь, что опасно так просто распускать и распылять направо и налево собственный

волшебный запас?

Шэйран закатил глаза. С одной стороны, изучить магию ему хотелось, а с другой — только не с надоедливym, даже назойливым Высшим. Но Моника не собиралась с этим мириться. Ей словно вдруг стало интересно, что будет, если её сокурсника попытаться научить чему-то толковому, и теперь девушка постоянно наседала на него с требованиями учиться, учиться и ещё раз учиться.

...Сандриэтта мирно шагала за спиной. Она больше не вмешивалась в разговор, будто бы наконец-то приняла для себя решение, что не имеет право лезть в общение магов. В последнее время она выглядела очень бледной и уставшей, а когда вчера явилась на свой новый пост, вообще будто бы сливалась со стеной. Сначала Рэю показалось, что причина в том, что у неё отобрали высокую должность, но ведь девушка сказала, что отказалась сама. Ни одного понятного момента в её истории не существовало и вовсе, но парень решил, что лучше просто не лезть в душу, да и не трогал её больше, играя в абсолютную безучастность.

До библиотеки по коридорам они добрались безо всяких приключений. Впрочем, тем, что не огласил официального наследника, король Дарнаэл сделал своему сыну огромную услугу — того даже не думали трогать постоянные сумасшедшие, что завели было привычку постоянно нападать на дворец. Тьеррон, очевидно, подвергать сына опасности не планировал, а ждал того момента, пока всё наконец-то уляжется, и Шэйран был ему за это очень и очень благодарен.

Дверь, впрочем, оказалась запертой.

— Ты тут работала целый день, что может делать Тэравальд? — поинтересовался Шэйран у своей спутницы, стараясь удержать предельное возмущение, что так и kloкотало в груди. — В конце концов, я притащил в эту дурацкую библиотеку книгу, которая может значить практически всё для нашего государства!

— И именно по этой причине ты даже не удосужился её прочитать? — язвительно уточнила Моника. — Сразу потащил в библиотеку, чтобы жажду знаний утолили те, у кого особо пересохло сознание?

— Именно! — кивнул Рэй.

— Ну, думаю, сейчас господин Са как раз тем и занимается — утоляет жажду. Либо сонную, и дрыхнет где-то у себя в комнате, либо горлышко пересохло, тогда он в баре, либо и вправду жажду сознания, но в таком случае уткнулся в очередной роман, и не вытащить его оттуда даже самым могущественным заклинанием, — протянула Моника и попыталась постучать в дверь.

Естественно, ни с первого, ни со второго раза им никто не открыл. Можно было бы попросить стражника, чтобы постучался тот, но ведь с ними в качестве защитницы Анри, а это словно насмешка! Сандриэтта была ниже Моника, да ещё и столь хрупкая, что её к оружию подпускать было боязно.

Нет, конечно, матриархат и равноправие — это вообще штука отличная, вот только Лэгаррэ упрямо не могла понять, как стражницей могла стать такая тоненькая, как травинка, девушка! Ведь кроме разнообразных принципов есть ещё и такое замечательное понятие, как здравый смысл, и обычно королю Дарнаэлу в нём не откажешь, а тут... Впрочем, не её собачье — то бишь, ведьмовское, — дело.

— Открывай! — Шэйран отеснил в сторону Моника и вновь ударил несколько раз кулаком в дверь. — Ну! Не то я вышибу эту чёртову дверь магией!

— О, — послышалось недовольно-ворчливое с той стороны, — господин маг

пожаловали... Полюбовничек королевский, чтоб тебя Первый побрал!.. Ой.

Тэравальд открыл наконец-то дверь и теперь узрел живописную компанию. Первым делом он уделил внимание, конечно же, женским двум третьим процессии. Сандриэтта его не заинтересовала, наверное, Тэру не нравились блондинки, а с Моникой он был уже знаком и почти разразился гневной тирадой, но в это мгновение “королевский любовничек” мирно схватил библиотекаря за ворот рубашки и прошёл вглубь помещения.

— Где Вирр? — всё таким же спокойным, как и его движения, тоном поинтересовался Шэйран. — Где этот мерзкий сплетник, которому надо отрезать язык? Или, господин Са, это вы уже занимаетесь распусканьем грязных слухов?

Сандриэтта посчитала нужным вытащить из ножен шпагу, вот только что-то подсказывало Монике, что с Тэравальдом куда лучше справится острый язык или кулак — на последнее он нынче активно напрашивался, судя по линии поведения и по тому, что он нынче так нагло бормотал Шэйрану.

— Простите, — буркнул неожиданно Тэр, будто бы внезапно всё его желание острить куда-то пропало. — Я не знал, что придворный маг имеет с королём тесные родственные связи.

— Это какие? — слышался откуда-то сверху весёлый голос Вирра. — Погодите, неужели вы являетесь родственником новой супруги короля? Или Его Величество решил, что должен включить вас в род, дабы не возникало подозрений...

Шэйран моментально оставил в покое надоедливую остроухого библиотекаря. Пульсар на его раскрытой ладони выглядел вполне внушительно, и Вирр, прижимая к груди какую-то очередную занимательную книжицу и рассыпаясь в извинениях, решил, что он вполне себе должен удалиться куда-нибудь отсюда и больше не морочить голову порядочным людям собственным отвратительным поведением. Рэй усмехнулся, с невероятным удовольствием услышав, как за его спиной хлопнула дверь. О том, что Шэйран должен был защищать именно Первого Советника, никто уже даже не заикался, за последнее время слишком многое случилось, чтобы тратить время на подобные мелочи.

— Ваше Высочество, — моментально расплылся в улыбке Тэравальд, — ещё раз прошу прощения, — казалось, дальний родственник эльфов явно понимал, что до этого говорил абсолютную ерунду, — мы не были знакомы лично, и я даже предположить не мог, что Дар и вправду усадил в кресло придворного мага своего родного сына.

Шэйран закашлялся. Сейчас весьма уместным был бы вопрос о том, откуда вообще этот Са знает о родстве короля и придворного мага, но спросить подобное — это выдать себя с головой, а так в случае чего можно даже немного отнекиваться.

— Да не стоит отмахиваться от меня, — фыркнул мужчина. — Я уже на этом свете торчу почти пять десятилетий и способен различить родственников. Дар в молодости выглядел точно так же, разве что его больше интересовали шпаги и лук со стрелами, чем заклинания, да и по вкусу ему не брюнетки, — он кивнул на Моника, — а рыжие. Но такие же стервы, должен сказать.

Пульсар на раскрытой ладони Рэя вспыхнул и погас, будто бы напоминая о том, что волшебника явно застали врасплох. Впрочем, Моника тоже никак не могла понять, куда пропал тот странный лентяй Тэр и откуда тут появился утверждающий, что ему уже почти пятьдесят, но всё такой же молодой на вид Тэравальд Са.

— О, барышня, — усмехнулся он. — Вы что-то мне принесли, али всё-таки решили вернуться на своё рабочее место?

— Вот, отыскиали среди артефактов, — абсолютно равнодушно протянул Шэйран небольшую книжицу. — Если верить подписям, какой-то из дневников Дарнаэла Первого, но я даже не могу гарантировать, что он настоящий. В конце концов, не уверен, что у короля было время тратить время на писанину.

Тэрвальд взял книгу довольно небрежно, а после жестом поманил Монику за собой.

— Пойдёмте, я хочу положить его на полку при вас, моя милая, — осклабился он.

Последовала за господином Са девушка весьма неохотно. Почему-то подсознание буквально кричало ей, что делать этого не стоит, но воспротивиться и отказаться не было ни малейшего шанса. Ей внезапно показалось, что это и вправду нереально — вот так взять и прогнать куда-то надоедливую, назойливую эльфа. Девушка даже не понимала, откуда у него появилось такое почти магическое влияние на неё, ведьму с, в конце концов, полным высшим образованием, пусть только первого уровня.

Тэрвальд следовал по лестнице библиотеки куда быстрее, чем обычно — точнее, быстрее, чем тогда, когда она тут ещё работала, трудилась свои положенные полтора дня. После её самым наглым образом раскрыл Шэйран, а девушка даже не подумала хотя бы заглянуть к Са и попросить прощения за то, что натворила.

Нельзя было сказать, что мужчина вёл себя слишком холодно или слишком самоуверенно. Теперь, правда, эльфийское в нём чувствовалось куда лучше, чем прежде, было что-то гордое и в чертах лица, и в том, как он презрительно кривил губы, когда косился на неё.

Когда они добрались до нужного этажа, Тэр явно не спешил бросаться к полкам и возвращаться обратно к непризнанному отцом принцу. В конце концов, равнодушие или весёлость вместе с молодостью моментально пропали из его глаз, и теперь их чернота казалась вполне взрослой, даже немного тусклой, что характерно для людей такого возраста.

— Мне казалось, что я хорошо разбираюсь в людях, но гадюку всё-таки приволок однажды в этот дворец, — Моника даже не могла гарантировать, что эта фраза имела к ней прямое отношение. — Что же, может быть, однажды всё повернётся к лучшему.

Он направился к полкам и поставил на нужную дневник Дарнаэла Первого, да ещё и так показательно, что от этого становилось дурно. Выражение лица у Тэрвальда оказалось весьма запоминающимся, он то ли корил девушку за то, что она натворила, то ли только пытался это сделать.

— Дорогая, — он подошёл поближе и положил руку ей на плечо, но этот жест не казался дружеским, скорее был призван не позволить ей так быстро уйти, — я бы посоветовал тебе задуматься над своим поведением и быть очень осторожной. Не всегда то, что мы знаем, правда, а то, что задумали, пойдёт на пользу.

Девушка не успела даже кивнуть — выражение лица Тэрвальда оставалось таким же мрачным, как и прежде, и он словно старался не показывать ей собственной грусти, спрятанной где-то в отсутствующих, тоже невидимых морщинах. Лицо эльфа ни на мгновение не состарилось, но что-то во взгляде, что-то в этом странном холодном прищуре заставило Монику на мгновение отступить от него на шаг. То, что он тут вообще присутствовал... Это было неправильным — поразительно неправильным. Она старалась уместить в своём сознании одновременно всё, что она знала об эльфах, все эти глупые факты, совместить их или выстроить одну, цельную картину, но не получалось.

Скорее, напротив, всё путалось с такой скоростью в голове, что она даже не могла ухватиться за нить сознательности.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я отправился к королю и рассказал ему о том, как встретил свою милую помощницу и кто она на самом деле? У Шэйрана на это есть полномочия, но он, дурья башка, решил пройтись по тем же гвоздям, что и его отец. Не хочешь, правда?

Моника не смогла выдавить ни единого слова из себя. Здесь, среди гор книг, помещения, в котором она прежде мечтала оказаться, витал странный дух подавляющего, пугающего волшебства, которое она не могла принять. Может быть, в нём существовало какое-то ответвление, что она однажды разбирала на занятиях, но от этого легче не становилось. Впервые за долгое время Лэгаррэ действительно чувствовала себя до безумия слабой — она даже не могла ничего сделать с собой. Руки не шевелились, только она едва-едва заметно кивнула.

— Ну, прелестно, что ты согласна. Заставь его учить магию, деточка, — Тэравальд вновь улыбнулся, и озорные искорки запрыгали в его взгляде. — С таким даром нельзя просто всю жизнь просидеть на первом уровне, его ждут великие дела.

Он больше ни единого слова не проронил, но почему-то Моника была уверена, что всё ещё слышит в голове обрывки фраз. Становилось не то чтобы страшно — но неприятно уж точно.

Тэр повернулся к ней спиной и быстрым шагом направился по ступенькам вниз. На мгновение Монике показалось, что от его пальцев отрываются зелёные побеги, и именно они застывают тонкими узорами на каждом из поручней. Она внимательно смотрела, как на деревянных досках вырисовывались едва заметные, но такие знакомые очертания, вот только стоило к ним лишь коснуться, как сразу всё растворялось прямо на глазах. Девушка старалась не обращать на это внимания, не смотреть, вот только лестница превратилась в самый настоящий поток зелени. Она зажмурилась и спускалась вслепую — подобная магия от Тэравальда, магия иллюзий, была всего лишь его маленьким наказанием за то, что она посмела отказаться от того, чтобы трудиться от него, да и, по мнению мужчины, предала его.

Вниз они спускались очень медленно, а когда Моника наконец-то распахнула глаза, то столкнулась с удивлённым взглядом Шэйрана.

— Ты могла бы ещё задом пойти, чтобы окончательно потерять шансы выжить на этой лестнице, — язвительно отметил он. — Вы отнесли книгу? Мы уже можем идти?

— Можете, — Тэравальд вновь покосился на стражницу, словно считал её лишней, попросту непосвящённой, но, очевидно, вспомнил девушку — ведь он видел её, когда та бродила за королём и смотрела на него, аки на божество, — и решил, что при ней тоже можно сказать что-то важное. — Шэйран, вы, конечно, достаточно талантливый маг, если верить Его Величеству, но я бы на вашем месте не рисковал и изучил хоть что-то новое. Грядут великие перемены.

— Вы советуете мне обратиться за помощью к Тэллавару Гартро? — неожиданно холодно спросил Шэйран, словно большего оскорбления в своей жизни он никогда не слышал.

— Не важно, кто именно будет учителем. Важно то, что именно ты узнаешь, — мудро изрёк Тэравальд. — А вообще, ну, не дело это! — последняя фраза прозвучала уже совсем весело, — не просто так же народ считает, что единственное достоинство местного мага — так это то, что он согревал постель Его Величества! Не надо так активно и упрямо портить Дарнаэлу репутацию, ещё один слух о мужеложстве он просто не перенесёт, — Тэравальд рассмеялся. Все прекрасно знали, что Вирр в любовники королю пихал каждого, кто смел

оказаться ближе, чем метров на пять от него, и, естественно, народ во все эти бредни не верил, но довольно трудно вечно игнорировать глупые рассказы о том, насколько ты отвратителен и что себе позволяешь. Именно поэтому дразнили Вирра все — но доставалось и предположительным “любовникам” короля. Сам Дарнаэл никогда не слушал долгие пространственные рассказы о том, с кем он весело проводит время, он просто иногда равнодушно советовал Кэрнису прочистить свой разум. Вдруг поможет от лишних мыслей? А как известно, ничто не очищает сознание лучше, чем отменная виселица.

Хотя, ведь есть ещё топор, расстрел или даже сжигание на костре! От этого точно никак не отвертишься, если хочешь очистить голову от слишком большого количества крови и дури, ударивших в неё одновременно.

Шэйран так ничего и не ответил. Совет со стороны Тэравальда его откровенно разозлил, и парень последовал к выходу, даже не попрощавшись. Его отвратительное настроение буквально чувствовалось в воздухе, и почему-то в одно мгновение Монике показалось, что парень сейчас готов буквально испепелить всех присутствующих, каждого, кто посмеет его задеть.

Моника направилась за ним и даже осторожно коснулась руки Рэя, будто бы пытаясь его успокоить. Тот в ответ сжал её ладонь, дёрнул на себя, словно призывая девушку шагать поближе, совсем рядом, но не проронил больше ни единого слова.

— Может, он и прав, — отметила девушка, когда дверь библиотеки закрылась за их спиной. — К тому же, ты и вправду будешь чувствовать себя в большей безопасности, если научишься чему-то новому.

— Может, и прав, но всё равно мне кажется, что в его словах что-то не так, — передёрнул плечами Шэйран. — Но думать об этом мне всё равно не хочется.

— Банально лень?

— Именно.

Шэйран обернулся. Анри всё так же стандартно, без единого комментария, шагала за ними, и от этого ему становилось немножко смешно. В конце концов, не стоит таскаться за банальным придворным магом. А он не признанный принц, а только пародия — для матери ненужный ребёнок, а для отца — сын, которого могут в каждое мгновение уничтожить. И всем им он так и не смог доказать, что избрал магию не вопреки пророчеству, а благодаря тому, что понял его правильную трактовку, что ощутил в себе силу — не Воина, а Высшего.

На самом деле, он и вправду тогда бежал. В четырнадцать лет многое кажется преувеличенно страшным или дивно прекрасным — так и тут. Оно сложилось само по себе, и парень даже не понял, когда им овладело пристрастие к волшебству. И... Рано или поздно всё гаснет, погасло и это, так что, Шэйран просто переползал из курса на курс, то ли от того, что ему лень, то ли от того, что он не способен, не отрываясь от стандартного “три”.

А так не должно быть.

— Может, и вправду стоит поучиться? — повернулся он к Монике, и та едва заметно кивнула, согласно склоняя голову.

\*\*\*

Лэгаррэ никогда не спала долго. На сей раз, правда, ночевала она всё-таки в своей комнате, потому что всё интересное прихватила с собой — и парень был уверен в том, что нынче она просиживает за учебниками, не отрывая взгляда от назойливо мелких строчек, выведенных пером неугомонного волшебника. Разучивает новые заклинания, старательно практикуется, и всё только ради того, чтобы достигнуть не совсем понятного, не совсем

логичного и не совсем предсказуемого успеха.

Он ждал. Будить девушку не хотелось — надо было выдержать хотя бы до двух часов ночи, в такое время она уже всегда крепко спала, а не напрягала слух, пытаясь понять, сидит ли придворный маг в своей спальне или бродит по дворцу. Конечно, Рэй до конца не верил в это заявление в стиле “просто разведать информацию”, королева Лиара не отправила бы столь талантливую волшебницу на такое пустое и глупое задание. Нет, что-то она скрывала, но Шэйран не поделился своими подозрениями с отцом, да и сам не планировал вникать в происходящее.

Наконец-то часы в башне пробили два — ночь на улице была безветренной и холодной, ни звёзд, ни луны — всё спряталось за тучами, и придётся, наверное, пользоваться пульсаром.

Шэйран сам не знал, что толкало его на ночную прогулку, но торчать у себя в комнате не мог. Мимо помещения, отведённого под спальню Моники, он прошёл крадучись, а вот оставшийся участок дороги казался совсем неопасным — тут редко кто-то спал, а если и были спальни, то для того типа прислуги или стражи, что не будет долго читать на ночь или прислушиваться к шагам под дверь. Мало ли, кто там ходит! До короля далеко, а безопасность Вирра Кэрнисса волновала исключительно его самого.

Рэй вытянул руку, и крохотный язычок пламени скользнул по ладони. Он медленно шагал по коридору, вдыхая холодный ночной воздух, и наслаждался спокойствием. Завтра вновь захочется спать посреди дня, но после долгих часов инвентаризации он буквально нуждается в этом коротком глотке свободы.

Парень сделал ещё несколько шагов и остановился. Там, в маленьком ответвлении коридора, он слышал чьи-то голоса — девичий и мужской. Мужчиной по самым банальным и отчего-то неправдоподобным подозрениям, как показалось Шэйрану, был Кэор, но останавливаться и подсматривать за кузеном, или кто на самом деле там стоял, глупо и низко. Рэй только пожал плечами и пошёл дальше, на тот момент, когда проходил мимо коридора, пригасив свет, дабы остаться незамеченным.

Он поднимался по длинной лестнице вверх, пока не достиг нужного места. Тут, если знать особые входы и выходы — а он, естественно, их знал, — было очень просто выбраться на крышу одной из маленьких сторожевых башенок. Обычно этим ходом пользовалась стража, когда занимала на башне своё место, прячась за зубцами на каменном полу и укрываясь под навесом, но война очень давно не доходила до столицы, так что некоторые особо романтические пары занадились назначать здесь свидания.

Рэй, естественно, был в гордом одиночестве. Всякая романтика или надежды на неё нынче уснули, положив голову на учебник, в соседней с его собственной спальне, а те девицы, что были в Вархве, и даже одна из местных служанок — всё это просто глупости, ничего не значащие приятные моменты жизни. В конце концов, о Монике он может разве что мечтать, хотя в последнее время она относилась к нему куда теплее, чем обычно.

Дышать свежим воздухом после затхлых коридорчиков было приятно. Рэй устроился на одном из выступов — обычно сюда клали дуло пушки, направляя его куда-то вниз на атакующих столицу, но пушку давно магией телепортировали на реставрацию, а возвращать не собирались. К тому же, убрали её ещё до века королевы Сандрин, а Дарнаэл не вёл войны в своём городе. Он просто не допускал ничего подобного — войска останавливали противника ещё на подходе.

Парень свесил ноги в пустоту, держась ладонями за каменную поверхность, и вновь



зажмурился. Он почти засыпал иногда тут, на этих шпилях — выбираться в башенку получалось примерно раз в неделю, но одной ночи не жалко для того, чтобы насладиться прекрасными ночными видами.

— Молодой человек, вы не опасаетесь, что можете упасть и банально погибнуть? Не на поле битвы, а вот так, просто, упав и распавшись на мелкие косточки. Мне кажется, королю будет очень горестно так просто потерять преданного придворного мага, — послышался за спиной вкрадчивый голос.

— Тэллавар, что вы тут делаете? Сами желаете испытать на себе такую прекрасную дорожку в пустоту? — язвительно уточнил Шэйран. — Или, может быть, вам немного придать ускорения?

— О, милый юноша! — воскликнул возмущённо Высший. — Вы совершенно не уважаете старших. В вашем возрасте я...

— Мой возраст был у вас примерно два столетия назад. О времена, о нравы, не так ли? — холодно спросил Рэй. Он надеялся на одиночество, и Тэллавар совершенно не вписывался в его понятия. Вот только нынче избавиться от надоедливого мага не получалось — тот встал прямо на небольшой, притупившийся уже от времени осыпавшийся мелкой каменной крошкой уступ и довольно зажмурился. Ветер поднимался довольно сильный, а соблазн подтолкнуть Гартро к краю был велик, но Высший на то и Высший, чтобы не погибнуть от элементарного падения.

— Шэйран, ведь ты действительно чувствуешь себя плохо с таким жалким запасом магии. А мог бы свернуть горы, если б действительно постарался, — покачал головой старый маг. — А я просто хочу помочь.

— И забраться с моей помощью туда, куда обычным волшебникам зась, не так ли? — уточнил Рэй.

— Меня интересуют только знания. Да, это было бы приятным бонусом — посмотреть на древность, увидеть то, что таили великие маги прошлого много лет до меня. Вот только... Всё это прекрасно, но я действительно никогда не работал с таким, как ты. Мне было бы интересно этим заняться.

Рэй поднялся. Учиться? В последнее время об этом ему напоминали слишком часто, и парень даже не знал, правильно ли он поступает, когда регулярно отказывается и возмущённо заявляет, что всё это совершенно его не волнует. Может, и вправду стоит согласиться и не морочить себе голову?

— Я не могу сказать однозначное “да”, если не буду знать, что именно вы собираетесь сделать потом с моей помощью, — наконец-то выдохнул парень. — Как только я узнаю, я приму решение. И что пообещал вам король за это обучение?

Тэллавар усмехнулся.

— Дарнаэл не глуп, — заявил он таким тоном, словно в этом и вправду кто-то сомневался. — И, надо сказать, далеко не наивен. Он бы никогда не позволил себе опростоволоситься в беседе со старым несчастным магом. Я сначала просил у него очень многое, просил, чтобы он сам помог мне в этом... Я хочу открыть тайную гробницу в Дарне. Гробницу Королей. Магии там великое множество, и знаний тоже... Я попросил о Ключе... И Его Величество согласился дать мне его. Только кто ж мог знать, что когда я думал о том, что действительно откроет Все Двери, он всего лишь протянет мне маленькую железяку с рубином на конце? О, это издевательство, право слово, вот только я уже не мог отказаться. Дарнаэл меня переиграл. Он, в принципе, не против, если я открою те врата. Только считает,

что если меня можно туда не допустить, то почему бы этого не сделать? Но, так или иначе, он знает, что даже с этим ключиком я зайду очень далеко, — Гартро нахмурился. — Только один зал... Усыпальница Дарнаэла Первого. Только туда я не могу открыть дверь, вот и всё.

— И что требуется от меня? У вопроса было две части.

Темнота словно сгустилась вокруг них. Шэйрану показалось, что он совершает самую большую глупость на свете, продолжая этот безумный разговор, но кто ж его знает... Вдруг Тэллавар и вправду сможет пояснить ему что-то толковое?

— Я научу тебя очень многому, я смогу сделать из тебя настоящего Высшего, — заговорщицки подмигнул ему Тэллавар. Увидеть это в темноте казалось практически невозможным, но старый маг засветил на ладони пульсар, и лучи света прекрасно освещали его лицо. — Так что? Ты согласен?

— Я так и не услышал, что требуется от меня. И не ответить на этот вопрос не получится, — холодно промолвил Шэйран. — И, пожалуйста, поскорее. У меня нет ни малейшего желания на обратном пути нарваться на стражу.

— Ну, да, конечно, ведь они не знают, что речь идёт о королевском сыне... — Тэллавар подмигнул ему довольно весело, будто бы пытался убедить, что от него ничего не скроешь. — Ладно, не волнуйся, Шэйран. Я всего лишь хочу, чтобы ты открыл мне усыпальницу Дарнаэла Первого, и всё. Я посмотрю на его кости и те манускрипты, которые Тьеррон уволок с собой в могилу, да и только. Это ведь не будет для тебя трудно? Капелька королевской крови, капелька королевской магии...

Усыпальница? И всё?

— И больше я ни о чём тебя не попрошу, — подтвердил его мысли мужчина. — Ну же! Я хочу просто...

— Я согласен, — выдохнул Шэйран.

Он устал от этого. Устал от того, что вечно вынужден скитаться по миру без достойных знаний волшебства, что должен терпеть “серого троечника” в свой адрес от Моники — в её исполнении это звучало особенно обидно, хотя, пожалуй, не потому, что девушка в слова вкладывала особый смысл, а потому, что она казалась ему куда важнее, чем все остальные, обыкновенные люди на фоне прекрасной Лэгаррэ. И чем ему так нравилась проклятая дарнийка? Ну чем? Неужели в этой бесконечно глупой принципиальности было хоть что-то хорошее? А подсознание считало, что было — и набатом било в виски, чтобы он согласился на дурацкое предложение со стороны Гартро. Ведь в усыпальницах нет ничего страшного, отец говорил, что это просто груда костей. Просто Тэллавар получил от двух сделок то, что планировал получить от одной.

Гартро протянул руку, и Шэйран сжал её в стандартном рукопожатии, прекрасно понимая, как именно следует скреплять подобного рода договоры. Сквозь тучи прорвалась тонкая, одинокая молния, а после небо разразилось летним громом. Медленно, словно кто-то заколдовал их, падали на землю капельки дождя.

Тэллавар запрокинул голову назад и позволял воде пронизывать его седые волосы, мочить одежду, смывать грехи тяжкие с души. Шэйран пока что не планировал вдаваться в подобного рода философию, да и мёрзнуть тоже не намеревался, поэтому отступил к окошку, через которое залез сюда.

В коридорах стало ещё темнее от навалившегося сплошной волной дождя, и он шагал довольно быстро, успешно игнорируя хитрые, затаившиеся по углам тени. Он — сын короля Дарнаэла, а наследные принцы не шарахаются от каждой вазы, будь они хоть сто раз не до

конца признанными. Папа руководствуется только понятием безопасности, и всё.

Не стоит придумывать ещё больше проблем и неприятностей в общении с родителями, ему хватает их и в реальности.

Некстати вспомнилось, что Моника когда-то боялась грозы. Шэйран остановился напротив её двери и замер — ему не надо было даже стучаться, мог открыть и так, но... Может быть, хватит с нею церемониться? Это его территория, да и девушка замешана не только в том, о чём ему рассказывает.

Он дёрнул дверь на себя, распахивая её, и остановился на пороге. Моника, оказывается, не спала — она сжалась в углу кровати, завернувшись в одеяло, и смотрела на грозное небо, содрогаясь от каждой вспышки молнии. Те откидывали на её лицо причудливые тени, рассекали воздух полосами и будто бы пытались пронзить насквозь. Стоило только взблеснуть разряду в небесах или прогреметь грому, как Моника содрогалась и натягивала одеяло на голову, словно пыталась от них сбежать.

Рэй зашёл в комнату как раз в такой момент. Она бросила на него пугливый взгляд, а после вымученно улыбнулась, и вся ненависть куда-то улетучилась, будто бы её и не было никогда. Парень переступил порог её комнаты и остановился совсем рядом — до безумия хотелось обнять или поцеловать, и приходилось в сотый раз напоминать себе о том, что Лэгаррэ в любом случае будет против.

— Почему не спишь? — тихо спросил он.

Моника придвинулась ближе и кивнула на окно, будто бы напоминая о том, как сильно она боится одного только понятия грозы. Парень едва заметно улыбнулся и обнял её за узкие плечи, притягивая к себе.

— Я согласился, — внезапно выдохнул он. — На предложение Тэллавара. В конце концов, от знаний хуже не бывает, правда ведь?

— Правда, — кивнула Моника. — Ты всё правильно сделал... Может быть, пора убедить всех, и меня в том числе, что ты не серый троечник?

— Может быть.

— Ты когда-то отвезёшь меня в Дарну? — внезапно спросила Моника.

Он рассмеялся, хотя в фразе не было ничего смешного, а после, не сдержавшись, наклонился и поцеловал её — равно как тогда, на их отвратительном выпускном вечере. Вот только на сей раз Лэгаррэ не оттолкнула его, пылая от ненависти, а даже почти ответила на поцелуй, только спустя несколько секунд несмело отстранилась, выпутываясь из объятий.

— Выучишься — тогда, — едва заметно улыбнулась она, касаясь губами его щеки. — Посиди со мной, пожалуйста. Мне страшно. Гроза за окном.

— Хорошо, — кивнул парень, вновь обнимая её за талию. Гроза... Конечно, страшно. Вот только бывают на свете вещи и похуже обыкновенной грозы.

===== Глава двадцать пятая =====

Лиррэ чувствовала усталость. Память старательно ускользала из её рук, оставляя за собой заметный след горечи и отчаянного раздражения. Смириться с этой пустотой в воспоминаниях девушка никак не могла — что-то мешало ей, не пускало, заставляло вспоминать о случившемся с грустью. Далла — единственное, что было в её памяти от прошлой хозяйки не этого тела. Увы, но её сознание пропало, спряталось на задворках, и стоило только девушке уснуть, как выбиралось на свободу и старательно забирало с собой всё, что могло.

После того, как они покинули территорию Эрроки, мужчины и вправду пригодились.

Сколько мужчин пыталось подобраться к ней, когда Лиррэ не могла воспользоваться ни одним толковым заклинанием? Сколько этих гадких, потных животных пытались коснуться её колена, подхватить лошадь за поводья? Только заученная фраза от Антонио, их “господина” — он согласился сыграть эту роль и вжился в неё весьма правдоподобно, — заставляла их отскочить. Девушка и парень — его слуги, они отправляются в Лэвье по велению короля, и кто посмеет задержать хотя бы одного из процессии на несколько минут, не говоря уже о “паре часиков”, того король Дарнаэл будет судить за государственную измену. Почему-то Лиррэ была уверена, что говори это женщина, ещё и путешествующая в гордом одиночестве, никто бы ей без приказа на бумаге не поверил. Приказ-то можно наколдовать, но она сама призвала Даллу и развязала ей руки, сама отдала ей шанс выбрать дар, по своей же вине всё потеряла. Найти себе оправдание оказалось довольно трудно, и Лиррэ сколько ни пыталась, так и не смогла отвоевать у мыслей хотя бы один маленький намёк на всепрощение. Получалось до ужаса плохо и трудно; она хваталась за волшебство и чувствовала резерв, что утекал сквозь пальцы, но ничего годного сделать не могла. Все её возможности упрямо ограничивались тем, что она держала на цепочке двух остолопов, и те старательно тащили её вперёд, к столице, забыв о привычном бахвальстве и о том, чем любили заниматься.

Сейчас они переступили порог большого города. Отвратительная чередка деревушек, где всем почему-то было до неё дело, наконец-то закончилась. Остался за спиной и наглый знахарь-дедок, что так и лез под копыта лошади со своими глупыми вопросами, и его соседи, что пытались стащить её с коня — и получили бы волшебством в грудь, если б Антонио не подоспел вовремя. Магия в деревушках такого типа старательно порицалась, максимально возможными чарами было разве знахарство, и Лиррэ отлично понимала этот факт. Он, впрочем, тоже выскользнул из её памяти, и из следующего пункта назначения они едва-едва вырвались. Пришлось влить огромное количество магии в дурацкую местность, и волшебство почти выжгло деревеньку, состоявшую из нескольких десятков домиков. Выжгло бы, да только на них бросились с пламенем и камнями, а Лиррэ не смогла удержать волшебство под контролем, и огонь затих гребнем льда на крыше одного из домов, а после опасными хрусталиками осыпался на землю. Всё это звучало красиво, и Лиррэ никак не могла избавиться от глупого ощущения, что делает всё неправильно, вот только из осознанных желаний у неё осталось только одно — желание власти.

...Лээн и Антонио вновь переглянулись. На широких улицах Сарны они внезапно воспрянули духом и теперь смотрели на мир совершенно иными глазами. Самодовольство, которым лучился Карра, смешалось с творческим вдохновением Фарни, и они оба никак не могли сделать адекватный выбор относительно того, где бы это заночевать и что поесть. Лиррэ валилась от усталости — ведь она вынуждена была держать ещё и заклинание, что заставляло их повиноваться её воле, а оно оказалось слишком трудным для того, чтобы его подкрепляла забывшая обо всём на свете магичка.

— Я надеюсь, вы сейчас немного ускоритесь, — сухо промолвила она, а после пришпорила своего коня, направляя его по прямым и красивым улицам Сарны. Народ с громкими криками разбежался в стороны, сыпанули из-под копыт дети, вот только Лиррэ было всё равно. Она ненавидела это место всей душой уже за то, что оно посмело возрасти тут, среди пути в Лэвье, и не собиралась оглашать помилование какому-то гадкому местечку.

Конечно, мчатся вперёд в городе — не самая лучшая идея, но довольно скоро Лиррэ

добралась до таверны. Она швырнула поводья первому попавшемуся мальчишке и оставила Антонио и Лээн разбираться с проблемами самостоятельно — нет уж, с неё хватит. Девушка даже не спросила о том, какие комнаты свободные, схватила ключ первой попавшейся, и плевать, была ли бронь на ней. Она даже не подумала о том, где будут жить её спутники, но те — не дети малые, пусть разбираются со своими проблемами самостоятельно.

Лээн бросил на неё подозрительный взгляд, но не проронил ни единого слова, пока девушка не скрылась в помещении. Он недовольно покосился на Антонио, ведь именно тот был виноват в их пребывании здесь, и повернулся к тавернщику, стараясь излучать только спокойствие и радость.

— Здравствуйте! — Лээн отдавал себе отчёт в том, что, скорее всего, говорит с сильным эрроканским акцентом, но изменить это, естественно, был не в силах. Язык — один, наречия — разные, вот уже и повод подозревать каждого, кто говорит немного не так, как ты, в шпионстве. Прежде, когда державы были дружны, этой ненависти между народами не было, но теперь... Началось всё ещё до Даллы, она — равно как и её братец, — поддержала новые веяния, а королева Лиара — что с неё взять? Королева Лиара исправно подписывала договоры с Дарнаэлом Вторым, не стремилась нападать на соседнюю державу, вот только тот жизненный устав, который она ввела на своих территориях, совершенно не сочетался с порядками Эльвенты. Матриархат был противен, само собой, каждому мужчине по ту сторону границы — нерушимой магической чертой, защищающей Эльвенту от Эрроки, разрастающейся с каждым новым завоеванием Его Величества.

— День добрый, — сухо промолвил мужчина, из рук которого только что вырвала Лиррэ ключи. — Барышня у вас, однако...

— Голубая кровь, — хмыкнул Лээн. — Нам бы ещё один номер... И прейскурант, конечно же. Сколько это будет стоить?

Парень уже давно не отдавал себе отчёта в том, что, вместо того, чтобы Лиррэ оплачивала все расходы, он частенько тянул собственные золотые монеты. В Эрроке всё было иначе, но по мере приближения к столице Лиррэ становилась всё злее и злее, а запросы её непомерно возросли. Фарни жалел о том, что согласился, стоило ей скрыться за дверью, но как только девушка показывалась ему на глаза, он тут же растекался такой себе влюблённой лужицей и понятия не имел, почему прежде считал её плохой или, того хуже, даже отвратительной.

Тавернщик скривился. Его заведение было далеко от идеала — разохшиеся доски, вывеска давно не обновлялась, да и ступеньки скрипели так, словно под ними засел не шибко талантливый скрипач. Но, вопреки всему этому, он собирался не снижать цену той поры, когда заведение казалось прекрасным и буквально процветало, а планировал её зависить. Лучше потом позволить постоянным клиентам пожить чуть дешевле, чем этой стерве и её двум подкаблучникам. К тому же, как бы парень ни старался притвориться местным, эрроканца в нём выдавал взгляд — чуть затравленный. Да и плечи опущены не от тяжёлого труда, а от того, что над ним всегда возвышается женщина с кнутом.

Он пару раз видел эрроканцев, что смотрели гордо. Те не скрывали собственную национальность; один из них даже напомнил мужчине самого Короля, то ли Второго, то ли Первого, это не имело значения. Тому парню он цену не затягивал до необъятных высот, наверное, потому, что испытывал определённое уважение к человеку, сумевшему не согнуться под гнетом их стервы-королевы, а вот этому — с радостью загнул бы Первый знает

куда!

— Ну что же... — протянул наконец-то таверщик. — Я бы с радостью, но... Цены с поры прошлого сезона вскочили, так что, двойная, — он подсунул прейскурант. — Придётся рассчитываться золотыми, ребята.

Лээн даже не возразил. Он вспомнил о том, как устала в дороге Лиррэ, и сердце внезапно наполнилось непонятной теплотой. Это же заставило его моментально вытащить из кошелька на поясе монеты и всучить их мужчине, жадному, но... Зато таверна должна быть хорошей, раз уж тут дерут такие деньги.

Ключ им хозяин вручил весьма недовольно, словно отрывая родное дитя от сердца и вручая гадким незнакомцам. Впрочем, Карра схватил его безо всякого возражения, даже не поинтересовался о том, какого качества будет номер. По правде говоря, рассчитанный на двоих взяла Лиррэ, так что кому-то из парней придётся покоиться в своём, одноместном, на полу.

Лестница под ногами разве что не выла, да и то ещё не окончательный диагноз. Местами казалось, что они обязательно провалятся под пол, если сделают ещё хотя бы один шаг, но после, уже через несколько секунд, через особо шаткие доски удавалось перескочить. Их номер был на самом последнем, четвёртом, больше походившим на чердак этаже. Антонио, отличавшийся довольно высоким ростом и широкими плечами, шёл боком, ещё и согнувшись, но худощавому низкому Лээну не составило никакого труда проскользнуть по коридорчику к нужной двери.

За нею таилась даже не комната — какое-то самое настоящее позорище. По крайней мере, более ёмкую характеристику помещению дать было весьма трудно, парень аж поперхнулся, узрев там только какую-то накидку на соломенном матрасе. Ни о каком “спать на полу” и речи не могло идти — ибо весь пол погрызли мыши, а то и крысы. Одна из них, особо крупная и жирная, размером едва ли не с кошку (хотя, у страха глаза велики), сидела в углу и, как показалось Лээну, потирала лапы, уже деля в своей голове шкуру посетителя на часть для себя, для любимых деток, для близких родственников, для дальних родственников и для врагов.

— Может быть, мы бы попросили что-то получше? — наконец-то подал голос Антонио. Его акцент был сильнее, чем у Лээна, и Фарни прекрасно понимал, что если бы парень вёл переговоры, то стало бы ещё хуже.

— Молчи. Есть первым будут тебя, — отмахнулся он. — У нас всё равно больше нет денег...

Карра вздохнул, но спорить не стал. Сам он не вложил в путешествие ни копейки, правда, всё больше по той причине, что у него этих денег и не было никогда. Ни драгоценная матушка, ни кто-либо ещё никогда ему ничего не давал, а отец... Своего отца Антонио никогда в жизни не видел. Когда мать была уверена в том, что в нём проснётся дар Богини, пусть и родился мальчик, Анио считался любимым, драгоценным ребёнком, но за магией Тэзра ни разу не увидела настоящую душу своего сына. Волшебство в нём едва-едва дышало, и стоило женщине это осознать, как она разочарованно отреклась от Антонио. Конечно, Высшая Ведьма Кррэа помогала родному ребёнку, конечно, перетягивала с курса на курс, и он любил её до потери пульса, свою прекрасную маму, вот только что-то всё равно было не так. Он чувствовал холодность, отношения натянулись подобно струне, и ничто не могло заставить молодую перспективную ведьму любить своего сына сильнее. Шэйрану — ему повезло. У того пусть мама и королева, пусть и заносчивая и с постоянными попытками

доказать ребёнку, что он — ошибка, но всё равно любила она в своём сыне не магию, а его самого. Что уж говорить про отца? Антонио хотелось бы, чтобы он мог именовать Его Величество Дарнаэла Второго папой, вот только личность собственного отца оказалась для него неизвестной. Мать так и не призналась, не раскрыла свой секрет, не поведала, когда предала возлюбленную Богиню и возлегла с мужчиной. Что же, Карра её почти понимал. Нет ничего отвратительнее в этом мире, чем он и ему подобные, и женщины Эрроки, следуя постулатам матриархата, абсолютно правы в своём странном, страшном и прекрасном выборе.

— Может быть, — протянул Лээн, пытаясь убрать с глаз мешающие пряди тёмных волос, — нам следует как-то потихоньку уйти? Мы не устали, лошади ещё скачут, можно избавиться от Лиррэ, да и точка.

Но Антонио только упрямо покачал головой. Он не мог.

— Предать госпожу? — подобострастным тоном поинтересовался он. — Нет! Ни за что! Это самая отвратительная идея, что только могла посетить твою голову, Фарни... — он зажмурился, будто бы старательно выталкивал саму мысль о том, чтобы оставить Лиррэ тут, из головы. — Нет, нет, нет... Так нельзя. Мы не имеем никакого морального права...

— Успокойся, я уже и так всё о тебе понял, — отмахнулся тот. — Ты даже свою прекрасную матушку готов продать, только бы с драгоценной Лиррэ всё было хорошо, я понял. Гадко это, Анио.

— Она дороже, чем мать, — покачал головой парень. — Она не пыталась получить от меня результат.

— Наверное, вовремя поняла, что это бесполезно, — Лээн рухнул на соломенный матрас и закрыл глаза. — Если ты не хочешь никуда уходить отсюда, то я сплю. И не беспокой меня, считай, что меня для тебя больше не существует. Хотя бы до утра.

Антонио ничего не ответил. Всегда всё складывалось вот так. Сначала от него что-то требовали, а потом, получали или нет, отворачивались и теряли всякий интерес к существованию такого глупого существа, как Карра. Но повиноваться женщине — это инстинкт любого мужчины Эрроки. Лээн просто не до конца понял это, а Анио слышал подобные речи каждый день. Магия Лиррэ захватила его с головой, а парень даже не попытался сопротивляться. Он знал, что “госпожой” девушку называл не он сам, а что-то в нём, такое испуганное, как маленький ребёнок, что старательно пытается вернуть себе счастье, одобрение матери.

Он покосился на засыпающего парня, которого считал своим другом. Ничего не выйдет — Фарни тоже не сможет воспротивиться Лиррэ. Против её могучих чар нужна сильная магия. Увы, но её ни у Лээна, ни у Антонио никогда даже близко не было — они уже давно привыкли к тому, что волшебство ускользнуло от них, только легонько поманив рукой. Это болезненно, особенно если учитывать то, что они обучались в магической академии, вот только ничего не поделать. Если всё сложилось до такой степени противно, остаётся лишь подчиниться сильным мира сего.

Антонио вновь выскользнул в коридор. Стены давили на него, будто бы пытались вытрясти из парня те остатки жизни, что ещё были в нём, но он старался идти быстро и не обращать внимания на старые, рассохшиеся доски и покосившиеся стены, на потолок, что грозился свалиться прямо на голову. На последних сантиметрах пути пришлось даже закрыть глаза, чтобы страх перестал застилать сознание, но Карра всё-таки сумел справиться и с этим испытанием тоже.

Дальше идти стало чуточку легче, и он расправил плечи, почти самодовольно шагая вперёд. Так было намного легче — он убедил себя в том, что не свалится с лестницы, ведь если та выдержала двоих, то сможет удержать и одного. Он шагал по ней довольно быстро, минуя опасные участки и стараясь не скрипеть, ведь где-то в комнатах могли спать люди.

Зависимость от Лиррэ нарастала. Не думать о ней казалось сущим адом, думать — ещё хуже, и Антонио знал, что поможет только одно. Если он её увидит, то сопротивление окончательно умрёт и позволит слабости захватить парня. Тогда он будет всецело ей предан, и больше ничто не станет беспокоить его сознание. Это главное. Не сдаваться — это, конечно, хорошо, вот только Карра всё равно проиграл бы бой.

К тому же, Лиррэ была не просто волшебницей, захватившей их с Лээном. Нет. Если бы так, то всё оказалось предельно просто — он бы остался её рабом до того момента, как схлынет заклинание. Но она успела превратиться в нечто большее, куда более важное, чем только мог прежде представить себе Антонио.

Он не влюблялся — по крайней мере, считал, что не влюблялся прежде никогда. Лиррэ была единственной, чувства к кому пояснялись не только психологией рабства и подчинением, но и не исключительно страстью. Она казалась идеальной смесью первого и второго, и парень давно уже смирился с тем, что истинные взаимные и искренние чувства ему не светят, а вот этот суррогат любви и подчинения — очень даже да.

Карра остановился у двери и осторожно, тихонько постучал. Он не был уверен в том, что это спальня Лиррэ, но в сей факт хотелось по крайней мере верить. Так или иначе, парню очень долго не открывали, и он повторил свою попытку постучаться, будто бы напоминая людям, что жили там, за тонкими стенами, что кто-то их ждёт.

Дверь наконец-то отворилась с характерным тихим скрипом. Лиррэ была взъерошена и казалась до безумия злой. Она теребила в руках какие-то бусы, волосы потеряли свой привычный лоск, да и во взгляде змеилась ненависть, смешанная с очередным отчаянным приступом боли.

— А, это ты, — она выдохнула почти с облегчением, и Антонио показалось, что сначала девушка его даже не узнала. — Заходи.

Она и вправду заняла номер для семейных пар — ухоженный, чистый, с большой кроватью и дорогими коврами на полу. Тут ничего не скрипело, да и свечи горели ровным ясным светом, не грозясь поджечь дом. Крыс, естественно, не было — девушка умела делать случайный выбор в свою пользу, так, чтобы её выгода оказалась неоспоримой, хотя сей факт сама же подвергала сомнению.

Лиррэ плюхнулась на кровать и расхохоталась. В её поведении всё ещё было что-то жуткое, правда, Антонио толком не мог понять, что именно, и ему хотелось, чтобы девушка успокоилась и перестала пугать его практически каждым своим жестом, движением, самым поведением тоже.

— Хорошо, что ты пришёл, — довольно изрекла она. — Садись, — девушка кивнула на вторую половину кровати. — Я как раз собиралась позвать кого-то из вас, но поняла, что не знаю, где вы находитесь.

Лээна и Антонио нельзя было оставлять вместе. Нет, это было бы самой большой ошибкой, а самое главное, последней, что она совершит в своей жизни. Потому что если они объединятся, если сольют свои силы воедино, то у них будет прекрасный шанс всё-таки избавиться от гнёта Лиррэ. А девушка не помнила, как восстановить свою власть, ведь отвратительная старуха забрала всё, что только смогла, и старательно продолжала свой путь.



— Я хотел спросить... — Антонио загнулся. — Зачем тебе ехать в Лэвье? Зачем тебе мы? Ведь ни я, ни Лээн толком не...

Лиррэ поймала его за запястье и придвинулась ближе. Карра будто бы только сейчас заметил, что её платье было почти полностью расстёгнуто и едва держалось на плечах. Обнажённая фарфоровая кожа словно обжигала взор; дышать стало труднее. Девушка улыбнулась — она перехватила его взгляд и придвинулась ещё ближе, почти полностью прижимаясь к нему всем своим хрупким, тонким телом. Может быть, это прогонит старуху? Конечно, ненависть к мужчинам — это прекрасно, но должна же хоть одна слабость эрроканки в её голове сыграть против неё самой.

— Я не помню, — шёпотом призналась она. — Я вообще ничего не помню. Ни о своих целях, ни о своём прошлом.

Она всё же соврала. Лиррэ знала, что мечтала о власти, просто всё остальное временно покинуло её память, да и только. Но от этого не становилось легче — она надеялась на то, что однажды сможет заполучить желаемое, но для этого надо отпугнуть проклятую старуху. Она завтра поищет способ, но если Далла вновь придёт ночью... А она не приходит, когда рядом кто-то есть.

— Хорошо, что ты пришёл, — повторила Лиррэ фразу, словно в ней таилось какое-то волшебство. — Я хочу, чтобы ты остался на эту ночь.

Она обвила его шею руками, и в чёрных глазах мелькнуло что-то предательски-злое, преисполненное ненависти. Антонио несмело дёрнул за нить, и платье само соскользнуло с её плеч. Казалось, кожа сияла фарфором — Карра не мог отвести взгляд от идеального очертания её тела. Руки сами по себе скользнули по её спине, сначала неуверенно, а после всё смелее и смелее. Лиррэ его не оттолкнула — может быть, она и вправду была почти не против. Ладони пробежались по позвоночнику, замирая чуть ниже талии, и девушка прогнулась навстречу его прикосновениям. Платье уже не служило помехой — оно осыпалось тонкими волнами ткани на пол, и Антонио теперь пытался поместить в своей голове хотя бы мысль, что эта прекрасная женщина находилась рядом с ним.

— Сегодня, — выдохнула Лиррэ, — я хочу подчиняться.

...В эту ночь старуха не украла у неё ни одного воспоминания.

===== Глава двадцать шестая =====

Эрла старательно боролась со сном. Ей отчаянно хотелось нынче провалиться в подобие небытия, закрыть глаза и больше ничего не видеть и не слышать, но вот только это оказалось неслыханной роскошью. Дедок дежурить около Эльма или Нэмиары за просто так не собирался, а денег, которые она могла бы ему дать, попросту взять неоткуда. В пустоте монеты не сотворяют, а принцесса не умела даже колдовать.

Марсан казался куда спокойнее. Он что-то шептал сквозь полудрёму, ворочался и выглядел пусть не здоровым, но уже вполне с претензией на выживание. К огромному сожалению Эрлы, Шэ похвастаться подобной выдержкой не могла, поэтому сейчас она лежала в полусознательном состоянии на соседней скамейке и то и дело тянула руки к пустоте. Дедок же старательно подливал масла в огонь, что-то там бормоча над двумя мисками черноты, в которые обратилось отвратительное проклятие.

— Ты бы легла, дитя, — наконец-то отчасти грустно предложил он Эрле. — А то ведь могут проблемы быть, если и ты, последняя, тоже с ног свалишься.

Она лишь повела плечами. Проблемы — дело такое, они в их жизни присутствуют в качестве констант, и Эрла даже забыла о том прелестном дне, когда она жила в тишине и

спокойствию. Впрочем, последние два блага подразумевали маму, “непорочное зачатие” и целую тонну волшебства, поэтому принцесса выбирала вариант проблемный, но зато безо всякой заботы со стороны Лиары Первой.

— Да куда ж я лягу, — наконец-то со вздохом отозвалась Эрла. Спать хотелось и вправду невероятно, и она отчаянно боролась с диким желанием закрыть глаза и провалиться в смутную полудрёму. Спокойствие постепенно занимало своё место — никто не валился ей на голову, никто не пытался проклясть, да и дедок на вид был совершенно спокойным.

Солнце уже успешно спряталось за тучи и горизонт. Планировался дождь, и ночь подбиралась поближе. Девушка устало посмотрела в маленькое окошко, и старик, словно расшифровав её просьбу, поспешно захлопнул ставни, не особо горя желанием пускать в их прекрасный, прелестный дом темноту и холод.

Эрла зевнула.

— Ну, девица, ты тут разбирайся, — он снял со своей шеи плетёнку чеснока, которая должна была, кажется, отпугивать злых духов, и повесил её на гвоздик у двери, — а мне пора.

— Так ночь наступает, куда вы? — удивилась Эрла, стараясь сосредоточить взгляд либо на спящем Эльме, либо на огоньке маленькой свечи, но дедок не особо-то и стремился отвечать. Он лишь неопределённо фыркнул и залил в бутылку частичку черноты, всё остальное старательно пряча под стол.

— Есть у меня дела, — вздохнул он. — И немалые. В общем, деточка, ты спи, а я разберусь.

— Какие дела? — не удержалась от очередного вопроса Эрла. Доброта добротой, но если этот человек планирует отравить половину деревни, то...

— Да не, дитя, это оно в больших дозах плохо действует, — хмыкнул он. — А вот в маленьких... Кур отвадить от укропа, волков отвадить от кур и лошадей, а людей — от самогонки. Трезвенников прямо сделаю! Хорошее проклятие, качественное, стоять долго будет. Мы так всех научим быть праведниками! — дедок улыбнулся. — Ты что ж подумала, что я кого со свету сжить пытаюсь?

Эрла только пожала плечами. На самом деле, она не подумала ровным счётом ничего, просто старательно пыталась избежать очередной не слишком приятной участи, которая обойдётся ей отмиранием нервных клеток и предположительно собственной способности к будущей жизни. В любом случае, девушке не хотелось просто так попадаться под раздачу от дедка, а деревня — это деревня и есть, тут у них свои законы. Знахарь злым не казался, а всё остальное...

Она успела услышать только то, что за дедком скрипнула дверь, и больше ни следа от седовласого не осталось. Сон упрямо напоминал о том, чтобы девушка почтила и его своим великолепнейшим присутствием — ведь, так или иначе, она не может бодрствовать всю ночь.

...Эрла и не помнила, когда она сомкнула глаза. Это случилось само по себе, и никакое сопротивление не смогло заставить её бодрствовать и дальше. Только проснулась она явно не в сидячем положении, хотя в доме было всё так же темно и немного душно — догорела свеча. Сквозь полумрак она могла рассмотреть разве что потолок, но зато слух и тактильные ощущения отнюдь не предавали, а работали так, как им полагалось. Сопение над ухом могло принадлежать только живому существу — и Эрла неуверенно повернула голову набок,

понимая, что не удивится, ежели дедок превратится в отвратительное чудовище, решившее затащить красну девицу в очередной свой подвал.

Чудовища рядом не было, только мирно дремал Эльм. Увидеть, бледен он или нет, девушка не могла, потому что темнота старательно мешала попыткам рассмотреть больного, но дыхание казалось почти здоровым. Рука его мирно покоилась у неё на талии, мужчина придвинулся непозволительно близко, но то, что он лежал на боку, свидетельствовало об отступившем проклятии. Выживет — уже прекрасно, а так, может быть, ещё и здоровым останется.

Эрла, впрочем, тщетно пыталась подняться. Не получалось — её будто бы пригвоздило к этому подобию кровати, и Эльм что-то пробормотал сквозь сон.

С третьей попытки она всё-таки села. Рука соскользнула чуть ниже, на бедро, но убирать её оказалось бесполезным делом — Эльм будто бы был уверен, что от близости принцессы зависело его дальнейшее выживание, поэтому обнимал её старательно и крепко, прямо железная хватка какая-то, право слово!

Эрла умудрилась дотянуться до ставен и толкнула их — едва ощутимо, но этого хватило для того, чтобы пустить в помещение тоненькую щель света. На улице уже давно был день, дедка не было, половины черноты в первой миске и трети во второй — тоже, и на этом следовало бы акцентировать внимание, да только как-то что-то не особо получалось.

Девушка устало вздохнула и вновь откинулась на неудобную подушку. Спина затекла, сонное настроение от этого никуда, естественно, не пропало, к тому же, она была почему-то до жути голодна. Вчера старик накормил её в обед каким-то мясом с хлебом, а вечером налил настойки, что должна была придавать силы, вот только принцесса проспала явно до обеда. Нет, путешествия — это точно не для неё! Как только матушка успокоится и оставит свою дурацкую идею со всякими непорочными зачатиями, Эрла осядет в родном дворце, выйдет замуж за...

Она прикусила язык — хотя не шептала себе под нос, а всего лишь думала. Рисовать себя супругой Марсана — это вообще глупость несусветная, и девушка понятия не имела, откуда такие мысли появились у неё в голове. Небось, дедок подсуетился, подлил чего-то в ту настойку, да и только! А она на самом деле совершенно ни о чём таком не думала, да и вообще, к Эльму испытывает разве что банальную человеческую благодарность, и ничего больше.

...Эрла бы и дальше продолжала отговаривать себя от прелестных мыслей о мужчине рядом да любовалась бы на потолок, с которого свисали плетёнки с какими-то растениями и множество разнообразных сортов чеснока на ниточках, но Эльм зашевелился. В принципе, шевелился он и до этого, но на сей раз что-то нагло пробормотал сквозь сон, и принцессе даже показалось, что он рассмеялся.

Девушка ещё минуты две лежала на спине, чтобы не разбудить мужчину, что мог спать довольно чутко, а после осторожно повернулась на бок и...

Зелёные глаза Марсана смотрели на неё безо всяких капелек сна, запутавшихся где-то среди травянистого оттенка радужки. Эрла отшатнулась так, что практически свалилась на пол, но парень довольно живо, как на человека, что старательно умирал пару дней назад, притянул её к себе. Девушка не взвизгнула, разве что упёрлась руками ему в грудь, толком не понимая, хочет ли оттолкнуть, или, может быть, старательно обнимает, но очень не желает признаться в своей угаённой страсти. Так или иначе, положения дел сие не меняло — чувствовала себя Эрла неловко, спрятаться было некуда, а Эльм улыбался так, что было

понятно — не спал он далеко не первую минуту.

— Слава богине, живой, — впрочем, с некоторым облегчением выдохнула Эрла. Она уже было и перестала верить в то, что Марсана было реально спасти, но Нэмиара определённо знала своё дело и не собиралась оставлять его в том полусознательном положении. Может быть, Шэ просто не желала ради чужого человека рисковать своим здоровьем, но Эрла была ей нужна определённо больше, чем собственное здоровье. По крайней мере, эльфийка так и не очнулась, да и выглядела не особо счастливой.

— А должен был оказаться мёртвым? — губы Эльма скривились в каком-то подобии улыбки, но после он упрямо мотнул головой, словно отказываясь от всего сказанного минутой ранее. — Ты как? Жива, в порядке?

Эрла кивнула. Волнение откатилось волной назад, словно освобождая место для какого-то нового, более светлого чувства, и она заставила себя не думать о том, как переживала за Марсана, как сильно ждала того мгновения, когда он наконец-то откроет глаза. Для него она всё равно лишь принцесса, дочь женщины, которую Эльм имеет полное право ненавидеть — и правом этим тоже очень даже активно пользуется.

— Я ничего не помню, — внезапно признался Эльм, обнимая её за талию. Эрле показалось, словно воздух полностью пропал из лёгких, она будто бы оказалась чёрт знает где, в мире, где нет возможности хватать его даже ртом — не то чтобы спокойно вдыхать через нос. Пальцы конвульсивно сжали плечи Марсана, и она даже не подумала о том, что после раны у него может что-то болеть. На сознательность теперь не хватало ни терпения, ни сил.

— Мэллор в тебя швырнул каким-то проклятием, а остальное тебе и не надо, — Эрла попыталась улыбнуться.

Ей хотелось, чтобы он всё помнил. Может быть, тогда он считал её чем-то большим, чем просто маменькиной дочкой, вот только надеяться на это, пожалуй, выше её собственных сил. Эрла не хотела дарить себе дополнительную, такую глупую и никому не нужную надежду. Мир практически полностью растворился в спокойствии и равнодушии, и она теперь разве что хваталась пальцами за равнодушную пустоту впереди.

Почему-то на мгновение принцессе показалось, что Эльм придвинулся ближе, обнял её чуть нежнее, не так требовательно, что пытался поцеловать её, вот только иллюзия разрушилась, не успев даже сотвориться. Её прервала Нэмиара — дугой выгнувшись на своей лавке, закричав — только шёпотом, а не в полный голос.

Они слишком увлеклись друг другом, пожалуй.

— Это кто? — Эльм сел, старательно борясь с головокружением. Что это за домик, он понятия не имел, хотя его хозяина, старичка с седыми волосами и, кажется, тысячами морщин, видел, когда просыпался среди ночи. Тот крутился у непонятной миски, что-то из неё набирал, а после вышел во двор и больше, вероятно, не возвращался.

— Эльфийка, — коротко ответила Эрла. — И она вытащила тебя с того света.

Марсану хотелось заявить, что он и сам бы прекрасно справился, вот только мужчина заставил себя прикусить язык. Добротой разбрасываться направо и налево нельзя, иначе она очень быстро иссякнет. Сначала океан превратится в море, потом в озеро, и человеку всё ещё будет казаться, что воды так же много, как и прежде. Ведь одному ни за что не иссушить такой водоём! И только тогда, когда иссякнет последняя лужица, придёт осознание собственной низости и ошибок.

Эрла буквально вылетела из постели, кажется, почти радостно избавляясь от его

объятий, и бросилась к девушке. Эльфийка, бледная, как смерть, уже распахнула свои голубые глаза, но словно не понимала, где они находились. От неё веяло холодом, а тонкие белые пальцы старательно сжимали пустоту, словно она что-то поймала.

Нэмиара, пошатываясь, тоже попыталась сесть, но руки принцессы упрямо отталкивала, как бы трудно ей ни было.

— Пришёл в себя, — она бросила холодный взгляд на Марсана. Ни капли беспокойства в нём не было, но девушка явно не стремилась заводить себе друзей. Теперь в её взгляде, уже почти ожившем, чувствовалась отчаянная спешка, смешанная со странным, до ужаса глупым желанием поскорее уйти из гостеприимного дома. — Мы тут давно?

— Со вчерашнего утра или даже вечера, — пожала плечами Эрла. — Я не помню, но довольно давно. Кажется, я не спала дольше, чем сутки.

— Это плохо, — прохрипела Нэмиара. — Очень плохо. Нам надо... Тут озеро... Там... Проведите меня.

Она поднялась, вновь пошатнулась и буквально рухнула на колени. Пальцы беспомощно схватились за воздух, а после девушка в очередной раз обмякла, будто бы отрицая собственное отвратительное самочувствие. Она едва-едва дышала, но всё равно горела уверенностью побега.

— Мы должны скорее уйти, — повторила она.

— Да что такое? Неужели этот дедок может причинить нам вред?! — возмутилась Эрла. — Я лучше отправлю письмо отцу, и он пошлёт за нами...

— Нет! — Шэ схватила её за запястья. — Никаких писем. Никакого короля! Мы должны добраться туда сами, и как можно скорее. Он уже идёт...

Девушка отвернулась в сторону и теперь равнодушно, таким же глупо-погаснувшим взглядом смотрела на деревянную поверхность — на стены, на пол, на потолок. После встала и ухватилась за плетёнку, что свисала особо низко, рванула её на себя, и мелкие цветочки рассыпались по комнате.

— Надо хотя бы дождаться хозяина, — не сдержавшись, промолвила Эрла. — Он может нам помочь...

Но Нэмиара не собиралась её слушать. Слабая, едва имеющая возможность переставлять ноги, она упрямо тянулась к двери.

Эльму хотелось, чтобы это поскорее закончилось. Хочет убежать — пусть, но он так устал от того, что постоянно надо куда-то мчаться! Казалось, куда проще было успокоиться, отложить в сторону все глупые предположения и страхи и действительно дождаться короля. Вот только эльфийка не собиралась идти простым путём.

Марсан вскочил на ноги, собираясь дотащить её силком до того озера, если понадобится, но внезапно осознал, насколько тяжело подниматься. Ноги не слушались, в голове будто бы кто-то набатом отбивал ритм, а перед глазами расплывались цветные круги. Мужчина тоже пошатнулся и едва успел ухватиться за подоспевшую Эрлу.

Нэмиара довольно осклабилась, словно радуясь тому, что её пациент тоже чувствовал себя очень плохо.

— Пойдёмте, — она наконец-то сумела отворить дверь. — Я покажу, куда надо идти. И что надо делать...

Эльфийка тяжело дышала, но была, очевидно, невероятно упорной. Её платье, совершенно не подходившее для путешествий, уже превратилось в некое подобие тряпки, но она не обратила на это никакого внимания. Девушка даже не стала направляться сразу же в

сторону озера, нет, она оглянулась в поисках лошадей.

— Где они? И вся наша поклажа? — она бросила взгляд на Эрлу. — Ты должна знать. Там твоё оружие, Воительница.

Эльм открыл было рот, чтобы упомянуть о том, что с Эрлы такая воительница, как с эльфийки нынче здоровая девушка, но вовремя прикусил язык. Сейчас нельзя признавать свои слабости, открыто или тайно, особенно если они толком не знают той, что так внезапно вызвалась им помогать.

— Нэмиара, к чему спешка? — сердито поинтересовалась принцесса. — Там всё, там, — она махнула рукой в сторону хлева.

— Так забирай оттуда! — возмутилась та. — Немедленно. Ты можешь пошевелиться, или мне опять применить... ох...

Шэ так и не смогла устоять на ногах. Она рухнула прямо посреди дороги, но Эрла, очевидно, правильно поняла причину крика, потому что ринулась в сторону хлева, а не к пострадавшей. Может быть, она была очень даже права — в конце концов, если они окажутся без своих коней, то что делать дальше?

Вот только, к вящему удивлению Эльма, который едва-едва доковылял до эльфийки, чтобы всё-таки поднять её с земли, лошади были ему незнакомы, седла казались чужими, да и вообще, их было три, а не две... И как это понимать? Девушки нашли где-то деньги и сменили лошадей?

Отвечать на немой вопрос Эрла не стала. Нэмиара схватила своего коня за шею, опираясь о него, и медленно, едва переставляя ноги, направилась по дороге.

— Может, всё-таки стоит верхом? — издевательски уточнил Эльм. — Или ты испытываешь удовольствие от ползанья по грязи?

— Надо было оставить его умирать! — возмутилась эльфийка. — Это всё ты, Воительница, виновата! “Я без него не пойду, я без него не пойду”... Вот теперь и пожинай плоды своего упрямства!

Эльм бросил на Эрлу беглый взгляд. Станным казалось уже то, что она о нём беспокоилась, но спрашивать принцессу об этом было предельно глупо. К тому же, Нэмиара всё так же упрямо ковыляла вперёд, а он внезапно осознал, что чем скорее они уберутся из этого места, тем и вправду будет лучше. Что-то тут присутствовало дикое, странное и отнюдь не хорошее, что прямо пробегал мороз по коже, только парень никак не мог понять, что это было.

...Продвигались они медленно. Кони тоже казались какими-то уставшими, а люди на дороге не обращали на них совершенно никакого внимания. Эльфийка набросила на голову капюшон, пряча уши, и вскоре они свернули по какой-то узкой улочке и оказались на берегу озера.

Сказать, что оно было красивое — не сказать и вовсе ничего. Нет, Эрла была уверена, что за всю свою не слишком долгую жизнь она уж точно не видела ничего прекраснее. Широкие берега, травы, что так и тянулись к солнцу, великолепный воздух, свежий, влажный, будто бы придающий силы.

Эльм отреагировал на красоты природы с куда меньшим энтузиазмом. Голова была ясной, а вот тело упрямо отказывалось слушаться, и он уж точно не был настроен на то, чтобы принимать в каком-либо озере ванну.

Нэмиару мало волновало то, что думали её спутники. Она потянула своего коня вперёд, и сама, не подумав даже снять платье, двинулась в сторону озера.

— Ну! — уже зайдя по колени и как-то приободрившись, воскликнула Шэ. — Вы идёте за мной или нет?

— А... — Эрла покосилась на Эльма. — Мы же промокнем до нитки.

— Я потом высушу магией, — досадливо отмахнулась эльфийка. — Скорее. У нас нет времени, повторяюсь!

— У нас нет времени, но мы принимаем в озере ванны и плаваем в нём вместе с лошадьми?! — возмутился Эльм. — Впервые в жизни вижу, чтобы нормальные люди вот так убегали от своих врагов.

Но эльфийка на него практически никак не отреагировала. Эрла же заставила себя двинуться вперёд, наблюдая за тем, как постепенно ободряется Нэмиара. Можно было подумать, что та напилась чего-то целебного или избавлялась от очередного проклятия, но вода вокруг неё, равно как и вокруг самой принцессы, оставалась чистой, разве что с лошадей смывало песок. Те тоже приободрились и явно радовались тому, что имели шанс попить воды всласть.

Конь Эльма, точнее, то дикое животное, на котором мужчина вынужден будет ехать, долго наблюдал, не понимая, почему его не ведут к воде. Марсану почему-то очень не хотелось переступить через грань влаги, что-то в нём старательно отступало, будто бы вдруг Эльм разучился плавать, да что там плавать — даже ходить, и то он не мог!

Наконец-то несчастный скакун не удержался и рванулся первым. Марсан не успел и воспротивиться — его буквально затянуло под воду.

Вместо облегчения, как у Эрлы и Нэмиары, тело пронзила страшная судорога. Он буквально захлёбывался водой, хотя в горных озёрах Ламады провёл всё своё детство и мало боялся холода, да и глубины тоже. Но нет, если б тут было глубокое дно, то мужчина обязательно утонул бы — но так, стоило только сесть, как вода даже не сомкнулась над его головой.

Конь тянул дальше. Эльм отчаянно сопротивлялся, насколько мог, но ничего не получалось. Вокруг него расплывалась чернота — сплошная, страшная, будто бы кто-то старательно выливал чернила на одежду Марсана, а те внезапно решили взять и отстираться.

Нэмиара повела своего коня первой. Озеро было глубоким, и вскоре она уже плыла, игнорируя тяжесть одежды. Эрла последовала её примеру, будто бы забыв о своём прежнем спутнике, и только Эльм никак не мог решиться нырнуть с головой в проклятое озеро.

Но лошадь была явно беспечнее — или, напротив, мудрее, — своего хозяина. Запястье запуталось в поводьях, и конь тянул его всё дальше и дальше, оставляя длинную чёрную струю.

Постепенно чернота иссякала. Прошло ещё несколько минут, и Эльм плыл уже сам, пытаясь догнать девушек — они направлялись к противоположному концу озера.

Время тянулось слишком медленно. Солнце, что было поднялось на самую высокую точку небосвода, сейчас старательно сползало вниз, мечтая о том, чтобы оказаться на дне, под всемирными водами. Усталости не было, чувство голода тоже прошло, и Эльм даже ощутил лёгкий укол разочарования, когда они оказались на противоположном берегу.

От озера и тут вилась тонкая дорожка.

— Мне сказали, что так будет чуточку быстрее, — протянула эльфийка, отряхиваясь и выкручивая свою длинную светлую косу. — К тому же, нас будет труднее поймать, ведь волшебная вода стирает все следы. Надеюсь, проклятье, что с тебя лилось, за сутки расползётся по жидкости и перестанет быть таким отличным указателем для каждого

нашего врага.

— И кому мы так сильно нужны? — Эльм пытался вытряхнуть воду хотя бы из волос, про одежду уже даже речь не шла.

Нэмиара не слишком-то спешила отходить от озера. Она наполняла водой каждую флягу, что у них были, и старательно привязывала их к седлу.

— Животворящая, — прокомментировала свои действия Шэ. — Если нам вдруг понадобится с кем-то сражаться, а потом нас ранят, то баланс пополнять — самое то. Но не это сейчас самое главное.

Она выпрямилась, скептическим взглядом окинула собственных путников и пробормотала короткое заклинание. Из одежды повалил пар — он застыл сначала тучками над головой, а после отбыл к озеру и пролился влагой уже туда. Нэмиара довольно улыбнулась и направилась к своему коню.

— Давайте, скорее, — проронила она, даже не пытаясь что-либо объяснить. Нельзя было сказать, что подобного рода расклад особо радовал Эльма или Эрлу — по правде говоря, идти туда, не зная куда, ещё и непонятно зачем, не хотелось.

Принцесса, впрочем, послушно запрыгнула в седло. Мужчина ещё минуту стоял на земле, но после решил, что можно будет задавать вопросы уже на ходу и тоже запрыгнул на лошадь. Нэмиара вновь ничего не прокомментировала, но как-то отчаянно самодовольно кивнула, улыбнулась так, словно ей только что сделали огромный подарок, а потом легонько коснулась боков лошади каблуками.

Удивительно, в том волшебном озере плыть не мешала даже обувь — оно словно не позволяло никому утонуть.

— Почему мы не попрощались с хозяином? — возмутилась наконец-то Эрла. — Ведь он нам так помог, да и на озеро это указал!

— Потому что посторонние связи — это всегда опасно, — сухо отозвалась Нэмиара. — Вы живы? Живы. Вот и радуйтесь этому, а об остальном я бы предпочла попросту не задумываться.

Эрла умолкла. После всего случившегося она почти не удивлялась тому, как странно могли вести себя люди, вот только что-то в этом всё равно было не так.

— Может, — не сдержавшись, промолвил Эльм, — ты всё же поделишься информацией, почему мы так старательно пытаемся убежать?

— Тебе проклятье понравилось? — эльфийка сердито посмотрела на мужчину. — Ну вот почему мы не оставили тебя там... Двое суток! Вся наша фора коту под хвост! А мы могли оказаться уже в Лэвье, когда он приближался бы, и там не было бы никакой угрозы... Ну почему всё так?!

— Да как — так?! — возмутился Марсан. — Поясни толком либо прекрати темнить, ведьма.

Та поёжилась — вероятно, подобное наименование она посчитала едва ли не личным оскорблением, потому как хмуро отвернулась и довольно долго ехала молча, перед тем как вновь обернуться.

— Если ты столь глуп, я всё же поясню, — наконец-то сердито выдохнула она. — Мы так спешим не потому, что мне нравится гнаться, не потому, что мне стукнуло что-то в голову, а можно было с комфортом дожидаться сопровождения, а потому, что Мэллор освободился и взял след. А догонять он умеет в кратчайшие сроки.



Во дворце уже довольно долго царил абсолютное спокойствие. Дарнаэлу хотелось верить в то, что так продлится ещё хотя бы несколько дней — неделя без покушений, но зато со свадьбой, казалась ему всё таким же сущим безумием, как и часы, обременённые казнью. Впрочем, Тьеррон ненавидел всякий официоз, считайся он отвратительным или приятным среди людей, посему вряд ли порадовался бы торжеству больше, чем очередной попытке его убить.

Сэя не казалась уставшей. Напротив, она была полна энергии и какого-то дикого рвения к работе. Может быть, проблема заключалась в том, что женщина ещё не успела привыкнуть к своему новому статусу — вот только Дар так и не заметил ни единой попытки отомстить кому-либо с её стороны.

Ему даже порой казалось, что мстить Тальмрэ решила своей матери, но для этого было достаточно уже одного факта её правления тут, в Эльвенте. Дарнаэл Второй даже не слишком старался ограничивать женщину, словно позволяя ей быть нормальной, абсолютно полноправной королевой, что, впрочем, пока король на месте, не особо зарывается и не особо нагло относится к данной ей чести.

— Это отвратительно, — выдохнула внезапно Сэя, отшатнувшись от книги. — Я никак не могу выбрать способ...

— Мести? — с усмешкой уточнил король, обнимая её одной рукой за талию.

Они находились в библиотеке — в этом царстве знаний обычно хозяйствовал Тэравальд, вот только сегодня Са стандартно куда-то убежал, ещё и не закрыл двери. Король не особо церемонился — насчёт выговора он будет думать тогда, когда Тэр вернётся на место, а всё остальное волновало его довольно мало. В любом случае, в библиотеку заглядывали поразительно редко, так что король не удивился бы, если б и через неделю открытого состояния её никто и не посетил бы.

Сэя казалась сердитой. Впрочем, не так, как её мать — та обычно пылала праведным гневом и заражала им всех, кто только был рядом. А девушка старательно скрывала от людей отвратительное настроение за приятными улыбками, и только когда ей удавалось наконец-то остаться наедине с самой собой, показывала всю злость, раздражение, накопившееся за много дней.

Дарнаэлу этот вариант нравился.

Нет, Лиару забыть он так и не смог, да и... Кажется, давно уже смирился с тем, что это нереально. К его огромному сожалению, эрроканская королева умела быть запоминающейся женщиной, да и у них двое детей. Лиара — часть уговора с Сэей, и Дара почти не волновало то, как его нынешняя супруга достигнет сего результата.

...Она казалась удивительной — в этих лучистых пятнах перекрёстных окон, что так и пронизывали насквозь её солнцем, Тальмрэ будто бы сияла. Он упрямо пытался понять, где видел её до этого, но память отказывалась приходить, и Тьеррон каждый раз оказывался в тупике. Что тут происходит? Почему она кажется ему до боли, до ужаса знакомой, отчего такое стойкое и непонятное впечатление, что он разговаривал с нею много-много раз?

Это больше не имело значения. Сэя не приходила ему в снах и не была женщиной его мечты, но, в отличие от многих других, она умела занимать второе место и чувствовала себя там вполне комфортно. Дар не мог её полюбить не потому, что она была плоха, а потому, что в его жизни уже существовала Лиара. Если б не госпожа Эрроканская, пожалуй, Тальмрэ была бы первой, на кого он обратил бы внимание.

Сейчас она больше походила на советницу, чем на супругу, и их обоих это вполне

устраивало. Сэя получила власть, он — обещание, и больше ничего, а совместное, так сказать, времяпровождение — всего лишь приятный бонус. Не обязательно любить для того, чтобы получать удовольствие; это совместимо даже с ненавистью и отвращением, а сердце Тальмрэ, впрочем, было свободно.

А если б Дарнаэлу мешала в этом плане Лиара, ему можно было бы на одиннадцать месяцев стандартно уходить в монастырь — хотя порой мужчина доходил до мысли, что вся бесконечная череда его любовниц, не считая Сэи, конечно, всего лишь особый способ мести слишком гордой возлюбленной.

— Да, почти, — кивнула девушка. — Мстить — это, конечно, весело, когда уже есть план, но с нуля... Я б не советовала тебе этим заниматься в будущем, дорогой.

— Я и не планировал, — пожал плечами Дарнаэл. — Мстить мне некому, всё в порядке. Даже Торресса боится сдвинуться с места.

— Это пока всё в порядке, — отчасти таинственно отозвалась Сэя. Дарнаэл на её тон не обратил совершенно никакого внимания — она часто говорила с загадочным выражением лица, будто бы отстранённо, словно находилась где-то далеко-далеко, а оттуда видела весь белый свет на симпатичном блюде с цветной каймой.

— И ты хочешь сказать, что совсем скоро всё изменится?

— Всяко бывает.

Больше Дарнаэл ничего спрашивать не собирался. Ему было немного скучно, но совсем лишь чуть-чуть, и мужчина старательно игнорировал глупое предчувствие, что зародилось уже где-то в сознании, а теперь ежечасно пыталось о себе напомнить. Мало ли, сколько раз он думал, что скоро всё закончится и наступит едва ли не конец света. Сколько раз его подводили эти мысли, и всё обходилось куда меньшими потерями, чем мог себе представить и сам король, и его враг? Вот только что-то всё равно назревало, и отказываться от предупреждения — глупо. Тьеррон это понимал, но, вероятно, слишком устал от собственного подобия жизни, чтобы заниматься его спасением.

Сэя потянулась за очередной книгой и раскрыла её посередине. Написанное девушку явно не устроило, и она, зло захлопнув томик, вернула его на место.

— Пойдём отсюда, — со вздохом изрекла Тальмрэ. — Может быть, дорогой, у тебя есть отдел поинтереснее?

— Может быть, и есть, — покачал головой Дарнаэл. — Но я не уверен. Да и вообще, мне как бы положено заниматься государственными делами, а нынче Вирр обещал принести новую кипу бумажек.

— Твой придворный маг, — девушка едва заметно улыбнулась, — как мне кажется, не справляется со своими обязанностями по охране этого Вирра. Господин Кэрнисс бродит вокруг, делает то, что ему заблагорассудится, и ты даже не пытаешься его контролировать. Мне это совершенно не нравится.

— Мне тоже, но что поделать, — рассмеялся король. — Ты же понимаешь, что бродить за моим Первым Советником, да ещё и молодому парню — сущее наказание.

— Особенно если это сущее наказание именуется твоим сыном, — фыркнула Сэя, перекручивая по привычке его слова.

С нею было удивительно легко — и смеяться, и обсуждать государственные дела. И почему-то на задворках сознания мелькнула глупая мысль, что Сэе очень к лицу красное. Сам Дарнаэл никак не мог привыкнуть к своей мантии, а после того глупого покушения даже имел отличный повод не надевать ничего подобного, но... Правила есть правила, не

всегда можно их избежать.

А как же хотелось!

Бархатное платье девушки умудрялось подчёркивать все достоинства её фигуры — вероятно, держава очень даже согласилась с выбором короля, по крайней мере, в плане внешних достоинств новой королевы. Дарнаэла это радовало — если бы он усадил на свой трон Лиару или Эрлу в том случае, если б девушка не была его дочерью, конечно, держава тоже поняла бы.

А вот Самаранта, например, была б идеальным поводом для новой дозы слуг от Вирра Кэрнисса и ему подобным.

— Ладно, — король всё-таки направился к дверям библиотеки. — Пойдём, мне всё-таки надо заняться этой ерундой вроде тех бумажек, что таскает мне драгоценный Первый Советник. И если Тэравальд не зайвится через пару часов, напомни мне, чтобы я оторвал ему его острые уши и повесил где-нибудь на верёвочке посреди библиотеки.

— Обязательно, — с хохотом отозвалась Сэя. Казалось, её абсолютно не волновало то, насколько жестоко прозвучала эта фраза в исполнении мужчины — девушке было просто очень весело.

Правда, в библиотеке она не осталась, а последовала за Дарнаэлом по коридорам. Можно было подумать, что они и вправду влюблены друг в друга — если б не Лиара. И если б не тот, кто отобрал у Тальмрэ возможность любить.

Они уже говорили об этом. Вместо первой любви может прийти вторая, не велика жертва, но только не у Сэи. Она отдала способность любить с концами, словно больше не было ни единого шанса обменять магию на что-то другое. И почти об этом не жалела — кроме любви есть страсть, увлечение, взаимное желание, даже уважение, если говорить о том, что случится дальше, когда супружеская жизнь между двумя людьми уже теряет постепенно свой пыл.

Впрочем, до того периода они вряд ли дотянут. Королеве нужен её статус только временно, а всё остальное не имеет такого уж значения, как могли бы подумать глупые служанки или стражницы вроде той же Анри.

...В тронный зал Дарнаэл так и не отправился. Когда никто не планировал стучаться в его двери из народа, старательно требуя помощи от короля, мужчина предпочитал работать если не в том кабинете, что примыкал к покоям, то хотя бы там, где его могли потревожить только советники — во второй комнате, той, что находилась совсем рядом с тронным залом, но была поменьше, раз эдак в десять, да и вместо отвратительного трона там стояла пара вполне нормальных кресел.

Сэя заняла одно из них и теперь равнодушно рассматривала какую-то картину на стене. На столе Дарнаэл расстелил огромную карту Эльвенты и примыкающих государств, а теперь смотрел на Торрессу, словно мог увидеть на бумаге продвижение вражеских войск.

— Не сказал бы я, что мне нравится их молчание, — наконец-то со вздохом отметил король. — Уж слишком оно, пожалуй, затянулось для того, чтобы быть правдоподобным.

— Ну, они выжидают, — пожалала плечами Сэя. — Мне кажется, там сначала королю надо разобраться с королевой.

— А что разбираться-то, у них дочь погибла, — передёрнул плечами Дарнаэл. — Если бы, не приведи Первый, что-то случилось с моими детьми, то я бы порвал эту страну на мелкие кусочки, забыл бы о том, что поклялся не использовать магию... Да вообще обо всём на свете!

— Так это ты! А теперь король отчаянно доказывает, что Марта не была его дочерью, что фамилию Торресса он ей даровал, как и Бонье, начинает бракоразводный процесс с королевой... Дар, неужели ты не понимаешь? — в карих глазах Тальмрэ светилось что-то такое весёлое, что мужчине даже стало не по себе. — Им страшно! Тебя боятся, словно... словно какого-то бога. Они не понимают, как у тебя получилось отвоевать столько стран, как получилось захватить собственный трон, но уверены, что Торресса не выстоит. Король просто пытается себя отмыть.

— Отмыть от чего? От родной дочери? — Дарнаэл схватил первый попавшийся карандаш и прочертил тонкую линию по карте, словно намечая продвижение войск. Конечно же, он думал о последствиях войны. Конечно, он её ждал. Только сумасшедший сейчас мог поверить в то, что ничего не будет.

— А кто тебе сказал, что она ему родная? — повела плечами Сэя. — Вольные нравы, ведь ты знаешь об этом. Королева с таким же успехом и вправду могла залететь от более симпатичного стражника. К тому же, тогда она претендует и на то, чтобы Бонье занял трон, а уж этого правитель не допустит. У него целая очередь своих внебрачных детей, и он не руководится принципом, что отец тот — кто вырастил, а не тот, кто зачал.

Дарнаэл скривился. Торресский архипелаг — это то, что давно надо было смести с лица земли, и он бы рискнул, если б не отвратительное предчувствие. Что-то должно было пойти не так, вот только король не знал, что именно.

Сказать о своих подозрениях Сэе мужчина не успел — в дверь самым наглým образом постучали. Дар поспешно свернул карту, понимая, что лучше её никому, кроме его союзницы, которую остальные считают супругой, не видеть, а тогда махнул рукой, позволяя волшебству открыть дверь. Кэора он сегодня вынужден был отпустить — темницы подорвали его здоровье, и парень едва ли не свалился без сознания в коридоре сразу после завтрака.

В больничном крыле, куда король самолично доставлял пострадавшего, сказали, что это может быть и отравление, но заявили, что ничего серьёзного с Кэором не случится и что смерть ему уж точно не грозит, поэтому Дар не так уж и сильно беспокоился о своём племяннике. Он отлично понимал, что официальный наследник никому тут не нужен, именно потому, пожалуй, и старался держать личность своего сына в таком секрете, в каком только можно было, но ведь и короли не всесильны. Посему приходилось тщательно всё скрывать.

На пороге стоял Вирр. Одет он был по меньшей мере странно — натянул на себя целых три камзола, шляпу на голову, да ещё и на руки перчатки. Шарф свисал практически до самого пола, подметая камни, и Дарнаэл не смог удержать короткий смешок.

— Что это за посмешище, Вирр? — усмехнувшись, уточнил он. — И почему мои бумаги лежат на подносе?

— Потому что, Ваше Величество, я болен, — пробормотал сквозь четыре слоя шарфа Кэрнисс. — И не хочу вас заразить, касаясь этих бумажек...

Дарнаэл нахмурился. Это всё походило на глупую уловку — он кивнул в сторону стола, приказывая положить поднос туда, а после устроился в соседнем кресле и бросил на Сэю подозрительный взгляд. Та кивнула — едва-едва заметно, но Дарнаэл и без всяких разъяснений отлично понял, что значил её жест.

— Вирр, мы не боимся никакой заразы. Моя супруга, к тому же, считает, что иммунитет что у меня, что у неё довольно высок. Можете снять шарф, шляпу и лишние камзолы.

Кэрнисс нехотя повиновался. Было видно, что дорожит он только перчатками, но всё же пытается поддерживать правила игры.

Дарнаэл впервые за долгое время пожалел о том, что шпага осталась в спальне, а у него под руками был разве что оставленный на столе скипетр — штука, впрочем, достаточно тяжёлая, — и парочка метательных ножей, спрятанных в известном одному только королю месте.

— Простите, что задаю этот вопрос, — промямлил Вирр, — просто я никак не могу понять, почему вы... Ведь вы с господином придворным магом...

Кэрнисс уже достаточно давно не считал Шэйрана своим подчинённым, вероятно, вовремя осознал, что всё равно вить верёвки из парня не получится. Дарнаэл, правда, не слишком-то радовался тому, что причины для подозрения у Вирра всё возрастали и возрастали. Не стоило Рэю прибывать сюда в такое время, да ещё и столь нагло играть с огнём — добром поведение сына точно не обернётся.

— Что я с господином придворным магом?

На лице Дарнаэла было начертано искреннее удивление. Конечно, публичное признание в Шэйране родного сына решило бы все проблемы двусмысленных взглядов и надоедливых разговоров за спиной, но какая-то часть его сознания почему-то упрямо твердила, что именно того от него и добивались. Признания. Заявления о том, что Рэй — его сын. Может быть, это поможет, вот только почему-то нынче король был уверен, что исключительно навредит.

— Ну, ведь у вас был... — Вирр закашлялся. Очевидно, говорить в лицо Дарнаэлу о его же мужеложстве было не так уж и просто, как он прежде думал. Тьеррон же старательно сдерживал смех — надоедливые слухи окончательно довели его до раздражительного состояния и отчаянного желания кого-то придушить, вот только выпускать на волю эмоции в его профессии — последнее дело.

— Что у меня было? — усмехнулся король. — Продолжайте, господин советник, продолжайте. И снимите наконец-то свои перчатки.

Вирр вновь повиновался.

— Ну, ведь вы с ним... — он деликатно кашлянул уже в третий раз. — Я был уверен, что у вас есть... определённая связь... Интимная, — советник наконец-то выдавил из себя это слово. Когда шарф упал на пол, Дарнаэл увидел блеск какой-то зелени на фоне камня, но почему-то значения этому не придавал. Ну, пусть будет хоть сто украшений. — А теперь вы женитесь...

— К вашему вящему удивлению, — король расслабленно откинулся на спинку кресла, — мужчины меня интересуют только в качестве союзников, врагов или, в крайнем случае, друзей. Ну, подчинённые ещё. И ни разу, вопреки тому, что сии слухи распускаются уже который год, Вирр, ни один представитель мужского пола не заинтересовал меня в качестве любовника. И, думаю, этого и не случится, — конечно, случись подобное лет десять назад, король не стал бы сидеть так спокойно, вот только сейчас Дар уже до такой степени привык к постоянной наглости своего советника, что и не пытался спорить, краснеть или показывать своё недовольство. — Так что, будем считать слухи бесплотными.

— Ведь вы не женились столько лет...

— Неужели вы думаете, что если бы я действительно предпочитал мужчин, то не смог бы создать достаточное количество законов, позволившее бы мне это? — осклабился Тьеррон. Беседа получалась практически занимательная, а Вирр будто бы расслабился,

осознав, что приказам сегодня внимание никто уделять не будет. — Я не женился столько лет исключительно по той причине, что не отыскал достойную женщину. А Шэйран — сын одной моей подруги детства, — мужчина скрестил руки на груди, — и именно потому и пользуется моим расположением. Увы, парень рано потерял своих родителей, и мне жаль, что в Эрроке его дар могли бы спокойно зарыть в землю. Я же постарался этого не допустить. Тебе понятно, Вирр?

Советник закивал. Дарнаэл весьма сомневался в том, что тот действительно уяснил, что именно король имел в виду, но спорить больше не было времени.

Перчатки легли на стол — довольно близко, так, чтобы можно было схватить их, если что-то случится, и Дарнаэл в очередной раз посмотрел на бумаги. Магия — и взгляд Сэи, — буквально кричали о том, чтобы он не вздумал этого делать, но мужчина всё-таки занёс руку, почти касаясь самой бумаги.

Он бросил короткий взгляд на супругу, на первый взгляд расслабленную и совершенно не думающую о том, что будет дальше. Она едва заметно улыбнулась и вновь повела глазами из стороны в сторону.

Это следовало понимать, как попытку покачать головой — просто нельзя было выдавать своими жестами то, что собирался сделать.

А после Дарнаэл неожиданно перевёл взгляд на Вирра.

Советник и вправду подался вперёд, а от интереса его глаза разве что не сияли ясным пламенем. Дыхание показалось Дару сбивчивым и слишком быстрым, но это уже не имело совершенно никакого значения.

Король одёрнул руку.

— Стража!

Там, снаружи, обязательно кто-то есть.

Они уже подозревали Вирра, но тот сумел оправдаться. Оправдаться в глазах закона — но не своего повелителя. Дарнаэл прекрасно знал, когда ему лгали; Вирр и вправду не помнил, что именно творил... Тогда.

А ещё Дар помнил, где именно видел этот зеленоватый блеск — и когда. Перед чем.

— Я просто нехорошо себя чувствую, — покосившись на супругу, пояснил Дарнаэл. — Стража, где вас носит?

Вирр попытался вымученно улыбнуться. Он будто бы сделал вид, что и вправду переживал за своего короля, вот только Дарнаэл давно уже поймал его на слишком плохой, дешёвой актёрской игре.

Стража никак не спешила. Если б ему сейчас шпагу, то можно было бы справиться, то так...

Дарнаэл вновь уже почти взял документ.

...Оттолкнуть поднос удалось в самый последний момент. Вспышка волшебства — и бумаги отодвинулись от него на несколько сантиметров. Дарнаэл довольно улыбнулся. Яд был слишком опасен, если Сэя идёт на такие радикальные меры.

Тут даже не было зелени. Нет, он больше никогда не покинет комнату без шпаги и парочки семян в кармане, а во всех кабинетах прикажет посадить растения, желательно — в какие-то рынки впихнуть максимальное количество плюща, на которое они только будут способны. Больше никаких рисков, больше никакой игры с собственной жизнью.

Стража наконец-то появилась в дверях. Двое мужчин застыли в одинаковых позах, вскинув оружие наизготовку.

Вирр — слаб. Он не сможет сопротивляться — не смог бы, пожалуй, если б только не странная волшебная особенность.

Сегодня он не был сам собой.

— Взять его, — равнодушно, словно собакам, приказал король Дарнаэл.

Вирр даже не пытался оправдываться. Он рванулся в сторону, стараясь убежать от стражи поскорее, и кончик шпаги одного из служивых задел шнурок у него на шее. Артефакт покатился по земле и, вспыхнув, превратился в пепел.

Дарнаэл перевёл быстрый взгляд на Кэрнисса.

...Среднего роста светловолосый мужчина смотрел на него чёрными, ничего не отражающими глазами. Его пальцы конвульсивно сжимали воздух — словно незнакомец планировал удушить короля прямо тут, на месте. Дыхание было сбивчивым, едва-едва слышным, но, впрочем, хриловатым, как у бешеного пса — или волка, что собирался броситься на собственную жертву.

Всё лицо пересекал шрам.

Сэя побледнела. Она будто бы узнала его, только не так, как Дарнаэл — словно с этим человеком было связано какое-то поразительно важное воспоминание из её прошлого, которое девушка старательно пыталась погасить и больше не вытаскивать на свободу.

Рри.

Дарнаэл едва-едва добыл его имя из своей памяти — точнее, вспомнил о том, как выглядел тот из Кэрниссов, у которого Тьерроны увели прямо из-под носа власть.

Нет, это не тот же.

Но очень на него похожий.

Стража ринулась на того, кто скрывался под выдуманной личиной Вирра, всем скопом. Их было трое — подоспел ещё один паренёк, — а Рри остался один, но, впрочем, стража не была ему помехой. Метательные ножи сорвались с его пальцев с такой лёгкостью, словно он убивал людей ежедневно, и два стражника рухнули в ту же секунду. Третий нож предназначался королю, но Дарнаэл вовремя вскочил со своего места, не собираясь ждать смерти.

Рри бросил взгляд на Сэю. Её губы шевелились в тишине, затянувшей своей пеленой всю комнату, и мужчина сделал шаг в её сторону. Третий стражник попытался на него напасть, но получил ещё одним ножом в грудь.

Кэрнисс явно узнал заклинание. Он смотрел на Дарнаэла, казалось бы, практически беспомощного в этой ситуации — против ведьмы и профессионального убийцы не выстоит ни один король.

...Магия рванула одновременно.

Волшебство сорвалось с пальцев Дарнаэла само по себе — но оно, пожалуй, не возымело бы такого эффекта, если бы Сэя не доплела своё заклинание. Рри вылетел через окно — и девушка рванулась туда, вновь бормоча волшебную формулу.

Он смотрел на неё дикими глазами — Дарнаэл чувствовал, что даже не может ничем помочь супруге. Резерв той значительно пострадал, и девушка явно не могла позволить себе ещё одно подобное заклинание. Рри посмотрел на рану на своей груди и отступил, а после, словно с ним ничего и не случилось, повернулся к ним спиной и побежал.

Король одёрнул руку. Только сейчас он осознал, что коснулся проклятых бумаг, и теперь с пальцев стекала кровь.

— Надо промыть, — Сэя бросилась к нему безо всяких сомнений, по пути хватая

кувшин воды и выливая её на большую ладонь. Вода смешалась с кровью и растеклась по полу розоватой лужицей, но Дарнаэл как-то удивлённо улыбнулся и вновь пошатнулся.

Волшебство отбросило бумаги в сторону, и девушка подманила жестом кресло.

— Врача! — крикнула она, хотя, казалось бы, некому было слушать. Слабость накатывала волнами, но всё же постепенно уменьшала свои порывы — всё-таки, Дарнаэл был не самым слабым на свете человеком и мог позволить себе сопротивляться действию очередного яда.

Сэя усадила его поудобнее и склонилась над мужчиной, всё ещё шепча какие-то охранные заклинания.

Послышались тяжёлые шаги за спиной. Они могли принадлежать разве что Кальтэну — тот оттолкнул девушку, словно пёрышко, но король лишь слабо покачал головой. Она не виновата.

Только не она.

Капитан Фэз явно смутился и протянул королеве, свалившейся на пол, руку, но она проигнорировала его помощь, поднялась сама, даже не посмотрев в сторону мужчины. Холодные пальцы едва ощутимо коснулись щеки Дарнаэла, и он слабо улыбнулся, кивая Сэе.

— Всё в порядке, — он сжал её ладонь. — Ты можешь не беспокоиться... — мужчина закашлялся, но тут же выровнял дыхание, будто б ничего и не случилось. — На меня плохо действуют яды. Достаточно плохо, чтобы совсем скоро всё прошло.

Сэя кивнула, но без особой веры. Складывалось такое впечатление, что она просто отчаянно пыталась его успокоить, да и только.

— Бумаги сжечь, — равнодушно-ровным голосом приказала она Кальтэну. — Не прикасайтесь к ним руками, только сквозь перчатки. Перчатки лежат на столе, возьмите именно их, не знаю, поможет ли всё остальное.

Она грустно вздохнула, опускаясь в соседнее кресло, и посмотрела на Дарнаэла, словно задавала ему очередной вопрос.

— Ты его знала? — наконец-то выдавил из себя король. — Этого... Рри?

— Это и есть моя первая любовь, — сухо отозвалась девушка. — Но, как видишь, я продала её не просто так. Лучше вообще не любить, чем столкнуться с чем-то... таким, как он.

Король слабо кивнул. Стража суежилась вокруг, но догонять Рри они не собирались — все искали Вирра Кэрнисса, а у Дара оказалось слишком мало сил, чтобы пояснить, что именно произошло. Сэя попросту молчала — она явно не желала рассказывать посторонним о том, что случилось.

Кальтэн завис над головой короля немым истуканом. Он словно корил себя за то, что посмел оставить Его Величество без защиты хотя бы на несколько минут, хотя сам Дарнаэл не сказал ему ни одного кривого слова.

Больше всего Дару хотелось куда-то сбежать. Конечно, это выглядело абсолютно несерьёзно, глупо даже, король нужен государству, он не имеет никакого права полностью пренебрегать своей безопасностью, но как же хотелось! Периодами Тьеррон был уверен в том, что если б его меньше охраняли, то, может быть, и покушавшихся оказалось бы на порядок... И, может быть, они бы оказались слабее, не так готовились, не переживали, что их сцапает стража. А то стерегут, хватаются за сердце, а как только доходит до дела, то за собственную жизнь Его Величество исправно борется самостоятельно.

— Кальтэн, ты не мог бы проверить посты стражи в другом месте, а не над моей



головой? — не сдержавшись, раздражённо поинтересовался Дарнаэл. — Разве вы все не видите, что попытки меня стеречь и защищать приводят только к тому, что преступник становится хитрее и изворотливее?

— И что ты... Вы предлагаете, Ваше Величество? — как ни крути, Даром король был только за закрытыми дверями, а при любопытных слугах и стражниках они были не друзьями, а начальником и подчинённым. И если король и именовал капитана стражи Кальтэном, то только потому, что имел право назвать по имени хоть самого Первого — его, между прочим, тёзку. — Поселитесь в хижине без охраны и будете ждать нападения там?

— В хижине, — сухо проронил Дарнаэл, — я, по крайней мере, буду кого-то ожидать, а не расслабленно брать всякие ядовитые бумажки в руки.

Кровь так и не остановилась. Чары Сэи помогли не до конца, и теперь мужчина отупело смотрел на окровавленные пальцы, будто бы от его взгляда должно было что-то измениться — например, затянутся все ранения и пропадёт эта дурацкая слабость.

Дар зажмурился. Во сне, очевидно, ему станет легче, только надо бы подняться и добраться до собственной спальни.

— Если что, — он с трудом встал на ноги, — я буду у себя...

Договорить король так и не успел — яд справился с его, впрочем, далеко не заурядным и слабым здоровьем быстрее, чем Тьеррон мог хотя бы предположить.

\*\*\*

Практически каждая девица, даже если ей уже стукнуло полсотни лет и она — счастливая бабушка маленьких внучат, мечтает хотя бы раз в жизни проснуться в окружении красавцев-мужчин, что смотрят на неё до безумия обеспокоенным взглядом, заглядывают в рот при первой попытке высказать собственное желание и поклоняются в ноги, стоит только закатить глаза и скорчить недовольную мину.

Король Дарнаэл, впрочем, девицей никогда не был. Компания вышеупомянутых красавцев — то бишь, зелёного, аки стена, племянника, который сам примчался из больничного крыла, наплевав на то, что ему в спину кричали врачи и целители, более бодрого, но, тем не менее, весьма сосредоточенного на какой-то проблеме сына и надоевшего до чёртиков (будь они змеи или что-то другое) капитана стражи, — его только раздражала.

Правда, в уголке можно было ещё отметить компанию красавиц, как на подбор на любой вкус, блондинка, брюнетка и почти рыженькая, хотя, по правде говоря, Сэя была скорее шатенкой, вот только нынешнее настроение Дарнаэла не располагало и к ним. Пожалуй, потому, что сына и племянника, равно как и прочих посетителей, он угадал скорее по смутным очертаниям, ибо от лиц остались сплошные пятна.

Как оказалось, валялся король на своей кровати, прямо поверх покрывал и в одежде. Ну, следовало сказать спасибо Кальтэну хотя бы за то, что на сей раз у него с верностью перебора не вышло и заниматься освобождением короля от особо тесной мантии или рубашки да камзола он не стал. А то в прошлый раз кто-то очень старательный после подлитого в вино яда попытался избавить короля от всех удушающих элементов шпагой и так умело перерезал пуговицу на рубашке, что едва не резанул для порядка по горлу венценосной особи.

Три года шрам был, потом Лиара устала от вида полосы на груди, шепнула какое-то заклинание и лишила Дара неприятной обязанности застёгивать-таки рубашку на последнюю пуговицу, чтобы знака в форме молнии не было видно. Вот уж постарался,

сумасшедший!

И поскольку Его Величеству не удалось сообщить о том, кто так старался его спасти, Дар вполне справедливо подозревал слишком настойчивого в попытках спасти правителя Кальтэна.

— Что за консилиум? — силясь подняться на подушках, недовольно поинтересовался он. — У меня всего лишь немного кровоточила рука.

— Так немного, — сухо сообщил Шэйран, — что мы сменили бинт трижды за двадцать минут, пока наконец-то не подобрали достойное кровоостанавливающее заклинание.

Три пятна женского пола наконец-то превратились в Сэю — ну, оно и логично, жена у одра умирающего супруга, — Монику и Анри. Последняя, к слову, больше всего походила на больную — наверное, даже больше короля, — и посерела от беспокойства почище чем Кальтэн. Вероятно, тут она присутствовала в качестве охраны господина мага. Интересно, от кого хранить-то? Пожалуй, от его возлюбленной, которую Шэйран называет своей помощницей и свято верит в то, что отец у него слепой и ничего не замечает.

— Сандриэтта, будьте добры, проводите госпожу ведьму в её покои и оставайтесь с нею, — вспомнив почему-то, что Анри до ужаса боялась крови в детстве, коротко приказал король. — Эта комната не так велика, чтобы в ней скопилось такое количество людей.

Ну, относительно размеров, конечно же, Дар немного загнул. В комнате можно было смело выращивать деревья и вести какие-то командные игры.

Скачки, например.

Но Сандра послушалась, и девушки успешно покинули помещение. Предназначение Моники тут было вполне понятным — очевидно, ведьма и вспомнила то самое нужное кровоостанавливающее заклинание. Отправить подальше хотелось всё-таки слишком впечатлительную Анри, но просто так она бы не ушла, утверждала бы, что королю нужна дополнительная защита, а так — про людское око у неё всё-таки есть основание поскорее уйти.

— Яд мы, кстати, обнаружили потом у Вирра в покоех, — продолжил Кальтэн. — И господин маг...

Дарнаэл скривился. От постоянного официоза его, мягко говоря, воротило, но убедить капитана Фэза в том, что тут все свои и можно называть вещи своими именами, а людей так уж точно, было невозможно.

— Господин маг, — абсолютно бесцеремонно оборвал его Рэй, — должен сказать, что яд умыкнули у короля прямо из-под носа из королевских запасов. Так что тебе, па... Ваше Величество, — моментально поправился он, — было бы неплохо тщательнее пересчитывать запасы, а не бросать всё мало-мальски важное в чулан до первого пришествия ревизора.

Сэя бросила на короля весёлый взгляд.

Ах да!

Эти двое до сих пор уверены в том, что Дар мог жениться, во-первых, по любви и не на Лиаре, а во-вторых, что его супруга ещё более слепая, чем он сам, и не в курсе не только относительно того, что происходит в сокровищнице, а ещё и по поводу количества королевских родственников. Более того, ещё и планирует немедленно придушить короля и занять его трон, ведь она единственная нормальная претендентка на престол, а если уж и забеременеет...

Ну, да. Ведь Дарнаэлу делать больше нечего — тащить в дом лишних законных наследников.

— Так вот, па... — Рэй вновь поперхнулся под внимательным взглядом Кальтэна, вероятно, инициировавшего эти меры безопасности, — Ваше Величество...

— Её Высочество Сэя в курсе, — язвительно отметил Дар, — что в очереди на трон она как минимум вторая. Можешь перестать называть меня Величеством.

— А как иначе, Ваше Величество?! — возмутился немедленно Кальтэн, поражённый подобной беспечностью со стороны короля. — Ведь мы все прекрасно понимаем, что слухи, которые распускал Вирр, абсолютно абсурдны, но всё же если господин маг будет величать вас по имени...

— Кальтэн, ты меня плохо слышишь? — Дарнаэл уже вполне спокойно сел. Кровь больше не текла, рана, кажется, почти зажила под действием магии, и он чувствовал себя почти хорошо. — Я же сказал, что она знает.

— Ну, конечно, знает, — заупрямился Фэз. — Все прекрасно осведомлены тем, что у вас есть племянник...

— Капитан, кажется, дядя имеет в виду кое-что совершенно другое, — сухо отозвался Кэор.

— Иди посторожи за дверью! — вспыхнул Кальтэн. — В конце концов, это же элементарные меры безопасности...

— Капитан Фэз, — Дарнаэл скрестил руки на груди, — вы не желаете посторожить за дверью вместе с Кэором и не кричать настолько громко?

Яд, конечно, в основном был направлен на то, чтобы создать сильное кровотечение, но Дар даже не сомневался в том, что у него было ещё и несколько побочных действий и средств влияния. По крайней мере, голова болела знатно, а во рту был такой привкус, словно в бокал вина или воды, которую в последний раз пил король, ходило в туалет по очереди как минимум семеро котов.

— Я же сказал, — продолжил он, когда наконец-то дотянулся до своего стакана и сделал несколько больших глотков, даже не удосужившись спросить, что это за жидкость и без вопросов опознав в ней целебную воду из озера где-то у лесов Мэллора, — что Сэя в курсе. Она знает, что у меня есть сын. И прежде чем ты, Кальтэн, ляпнешь очередную глупость, я дополню — она знает о том, что мой сын тут и...

— Мало ли в замке может быть... — вновь вмешался капитан Фэз.

— И, повторюсь, выполняет при дворе роль мага, — сухо ответил Дарнаэл. — И поскольку магов во дворце всего три, Моника не проходит по половому признаку, а Тэллавар годится мне как минимум в прадедушки, то, боюсь, она уже давно догадалась, о ком идёт речь. И хватит играть в шпионов, Кальтэн. Твои меры безопасности только дразнят нашего врага.

Фэз вздохнул. Он был уверен в том, что Дарнаэл самым наглým образом нарушал все правила безопасности, но уговорить его вести себя иначе попросту не мог. Король в праве творить всё, что только стукнет ему в голову.

Если ему хочется прыгнуть со скалы в пропасть — он может прыгнуть, и никто не должен его останавливать.

Если ему хочется прыгнуть со скалы в пропасть, взявшись за ручки со всей стотысячной армией, то стотысячная армия должна не сопротивляться, а прыгать так старательно, чтобы король приземлился на них и выжил.

Потом вернулся обратно на скалу и повторил акт самоубийства с остатками армии, если ему так будет угодно.

В любом случае, Дарнаэл никогда не был самодуром. Вот только когда доходило дело до его безопасности, что-то в голове у короля замыкало, и он начинал вести себя, словно маленький ребёнок, который не желает глотать горькую таблетку.

Впрочем, болел Дар довольно редко, поэтому Кальтэн понятия не имел, какова реакция будет на вышеупомянутую пилюлю.

Полынь-то Дар вышвырнул в окно, кажется. Прямо на короля соседствующей державы. Тот так рассердился, что даже войну объявил.

Ну, что же, Эльвента как раз не могла выбрать, на кого нападать дальше, так что выбросил травку король очень даже уместно, вот только в дурости его поступкам иногда и вправду не откажешь.

— Кальтэн, — Тьеррон провёл ладонью по поверхности излишне алого, ненавистного цвета покрывала, — на самом деле, было бы неплохо, если бы ты сейчас отправился к гарнизонам стражи и пояснил им, как выглядит враг. Ты видел Рри? Замечательно. Пусть ловят посмевшегося покушаться на королевскую жизнь уже Первый знает сколько раз, если тебе так не сидится.

Капитан Фэз только поспешно кивнул и направился к выходу. Спорить он не имел никакого права, и, хотя оставлять Дара без защиты ему не хотелось, пришлось повиноваться. Короля ничего уже не исправит, кроме могилы, он старательно не бережёт сохранность собственной жизни.

Просто надо делать всё тайно и тщательнее, теперь они хотя бы знают, как выглядит враг.

...Кэор казался предельно грустным. Он ещё раз поднял взгляд на дядю и решил всё-таки на вопрос:

— Значит, Марта не была виновата? И всё это делал тот... Рри?

— Ну, я бы на твоём месте не стал её идеализировать, — холодно отозвался Дарнаэл.

Госпожа Торрэсса никогда не отличалась порядочностью. Он сам виноват — позволил парню пойти на поводу у глупой юношеской влюблённости и парочки приворотных зелий и испытать на собственной шкуре, что такое предательство, а теперь приходилось старательно всё это разгребать.

— Послушай, супружеская измена — это повод для развода, а не для того, чтобы казнить человека! — не сдержавшись, воскликнул Кэор. — И если моя Марта... Если госпожа Торрэсса... — он запнулся.

— Нет, — покачал головой Дарнаэл. — Она была замешана во всём этом, она отдавала приказы для первых отравлений, и служанку убила тоже она. Даже те мечники — её рук дело. Просто она не организатор преступлений, а скорее соучастница. Вероятно, мой драгоценный советник... этот придворный шут во своей второй ипостаси наговорил ей много всего... хорошего или не очень, вот она и поддалась. Она была виновата, Кэор.

Парень кивнул. Эта фраза словно принесла ему некое облегчение, и мужчина вполне мог его понять. Трудно смириться с тем, что твой любимый человек подл и отвратителен, но ещё труднее — что ты его таковым обозвал, участвовал в его казни, а потом до тебя дошло, что это было всего лишь ошибкой.

Но нет. Марта Торрэсса пострадала за свои собственные прогрешения, и не имеет значения, сколько людей старательно пытались её убедить в том, что это будет полезно для её будущего и будущего её государства. Она подла и отвратительна, и то, что Марта умудрилась попасться именно в такое мгновение — только очередное свидетельство

существования справедливости хотя бы в очень редких, но отчасти ярких и заметных.

— И что теперь? — нарушил молчание Шэйран. Его взгляд был устремлён на какую-то картину на стене, и Дарнаэл силился вспомнить, что именно там было изображено. — Получается, Вирр скрылся в своей второй ипостаси, и в ней он явно сильнее...

— Это не вторая ипостась, — вмешалась наконец-то Сэя. До этого она старательно молчала и делала вид глупой, ничего не понимающей почти вдовы — отличный образ, если надо устроить показательное выступление перед Кальтэном, но теперь ведь Фэз ушёл, а повода притворяться дурой не осталось и вовсе.

— А что же?

— Есть такой артефакт, он дарует вторую сущность... Но все способности артефактов были украдены у людей или эльфов, — Сэя устремила свой взгляд на ковёр с причудливыми узорами. Она выглядела не слишком-то уж грустной, особенно если учитывать тот факт, что речь шла о её возлюбленном, а не постороннем человеке. О её бывшем возлюбленном. — Прежде существовали люди, что могли создавать себе так званную вторую сущность. А потом делался выбор — либо вторая жила за счёт первой, и первая старела намного быстрее, либо наоборот. После создали артефакт в нескольких вариантах, там вторые всегда оставались молодыми, пока не погибали первыми, но у Рри этот артефакт был просто... Удерживателем. Он — первая сущность, и я понятия не имею, сколько ему лет, — девушка пожала плечами. — А Вирр — выдумка.

— Вот почему он так старо выглядел, — кивнул Дарнаэл. — Когда Вирр прибыл сюда, лет... двенадцать назад, пожалуй, ему было столько же, сколько и мне. Конечно, привлекательным назвать его было довольно трудно, но он всегда казался довольно молодым — по крайней мере, на тот момент. Считался моим ровесником. Мне казалось, что у него просто слишком неправильный способ жизни, но когда в сорок три тянешь на шестьдесят, явно что-то не то со здоровьем.

— Или с магией, — пожала плечами Сэя. — Я знала Рри... И семь лет назад он был таким же. Разве что, — девушка осклабилась, — шрам. Шрама прежде не было.

Казалось, сделка с магом, что отобрал у неё первую любовь, но даровал силу, прошла довольно успешно.

Ни единой капли от чувств не осталось.

Кто-то выпил её способность любить до дна.

— Я бы не была столь самонадеянной. Рри так просто не поймать, — Сэя на мгновение прикрыла глаза. — Знали б вы, как трудно было... Этот шрам. На нём же всё так хорошо заживало. Чтобы его поймать, понадобится немало людей, и я не уверена, что оно того стоит.

— Но зачем? — Дарнаэл усмехнулся. Самочувствие почти вернулось в норму. — Это такие глупые попытки убить меня — разве что то, с мечниками, могло выгореть. Ну, и первый яд. Стрела — неплохой вариант, но надо быть прекрасным стрелком, чтобы попасть в человека с такого расстояния, а эти бумаги и та жаркая мантия — идеи профана... Шэйран, — он бросил взгляд на сына, — скажи-ка мне, с каким диагнозом Кэора отправили из больничного крыла сюда?

— Его не отправили, — хмыкнул парень. — Он сам сбежал.

— Так проводи его, будь добр, назад. Потом вернёшься... Или лучше завтра. Завтра поговорим. Если встретишь Кальтэна, скажи — я сплю и не собираюсь уделять ему внимания. Ясно? — Дарнаэл попытался было встать, но вновь упал на подушки. Краснота

постельного белья и покрывала постепенно начинала раздражать, равно как и бордовый оттенок платья Сэи.

Рэй кивнул и поднялся, жестом увлекая за собой Кэора. Дар подозревал, что тому тоже подлили какую-то гадость, но всё равно не мог понять, зачем поступать настолько банально. Прежние покушения были более продуманными, но ведь это определённая глупость.

— Знаешь, — вздохнула Сэя, стоило только дверям за Шэйраном и Кэором закрыться, — ведь ты не должен удивляться подобной глупости в покушениях.

Дарнаэл молча рассматривал складки её бордового платья, словно внезапно увидел в нём что-то интересное, а после протянул руку, сжал ладонь девушки, словно пытаюсь вернуть её на место, вырвать из объятий глупых воспоминаний.

— Почему?

— Ведь Вирр не был полноценным Первым Советником. когда тебе надо было что-то серьёзное в плане военных действий, само собой, ты отправлялся к Кальтэну или кому-то из старых военачальников. Когда речь шла о мирном правлении, под руками всегда находился эльф. В конце концов, если тебе было плохо чисто по-человечески, ты возвращался к матери — и не говори мне раз за разом, что ненавидишь её, мы оба знаем, что это почти не так. И... Всё это заканчивалось одинаково. Ты находил себе советников в другом месте, а Кэрнисс был шутком с известной фамилией. Знаешь, что-то вроде... “Посмотрите, что за чудело правило бы вами, если бы Тьерроны не пришли к власти в один прекрасный момент”, — Сэя усмехнулась. — В молодости ты был очень тщеславен.

Она села поближе и коснулась ледяной ладонью лба мужчины, будто бы пытаюсь унять жар и то, что так и пылало в сознании — удивительный набор странных мыслей, справиться с которыми в одно мгновение было выше его сил.

— Я должна бы судить тебя за это. Вообще-то, правильно называть тебя негативным персонажем этой истории, — Тальмрэ прикрыла глаза. — В тебе всегда было достаточно презрения, расчётливости и чего-то ещё такого... не гнилого, но и не светлого да чистого. Ты плохой человек, Дарнаэл, но ты об этом знаешь.

— Тем не менее, ты тут — и выторговала у меня трон в обмен на то, что нормальная женщина ни за что не предложила бы, — хмыкнул король.

— Конечно, — кивнула Сэя. — Но ведь я тоже плохая. Это только в глупых трактатах противоположности притягиваются. Всё просто. Вы с Лиарой два чокнутых, помешанных на власти человека, что не желают делиться, поэтому вы любите друг друга.

— Ну, ты ведь понимаешь, что в таком случае я никогда тебя не полюблю.

— Ну... — девушка улыбнулась, хотя это больше походило на оскал, — понимаю, конечно же, но кто сказал, что мне нужны чувства? В конце концов, я умная злодейка, учти это. Я хотела отомстить, но не тебе и не Лиаре, а кое-кому другому. Для этого нужно время. Ты мне его дал. Это... просто равноценный обмен с приятными дополнениями, — её тонкие пальцы скользнули по его скуле, словно девушка отчаянно пыталась на что-то намекнуть. — Мы все плохие, Дар. Сын твой, что ли, герой? Нет, он просто пока что ещё недостаточно испорчен. Но рано или поздно либо появится искушение, и он решится использовать свою магию во зло, либо...

— Либо?

— Либо случится что-то такое, что станет толчком, и ему внезапно захочется стать сильным, — Сэя вздохнула. — Я давно уже уяснила правила этой игры. Мама умела хорошо пояснять, — взгляд её был почти мечтательным, — не бывает сильных героев. Хорошо быть

добрым, если у тебя нет ни одного искушения. А ты попробуй, когда вокруг полно врагов. Человек, убивавший другого, уже по чьим-то меркам злой. А чем сильнее ты, тем врагов больше. У хороших людей их не бывает. Мы все плохие. Ты, я, Лиара, сын твой... Просто мы умные злодеи, Дарнаэл, умные, — она подалась вперёд, и теперь карие глаза заволокла какая-то пелена непонимания, — а ведь есть и глупые! Вот тем хочется... постоянно. Тебя, например, понесёт на другой континент завоёвывать? Не-е-ет! Потому что ты хороший король. Ты дал народу много земель. Ты для вельмож плохой, а для народа — невысокие налоги, безопасность, что может быть лучше? Они принимали твою армию с раскрытыми объятиями. Даррэ, знал бы ты, как хотели эти народы, чтобы ты их завоевал! И Эррока хочет. По крайней мере, все местные мужчины. Ну, и Лиара немножко. А там, на соседнем континенте, например, или на острове Ньевидд, где живут эльфы — думаешь, я не в курсе, что они там действительно есть? — тебе рады не будут. Ты всё равно будешь тянуть с них намного больше, потому что то не твой народ. То чужое. Ты туда не потянешься, потому что это глупо. А у тебя есть рассудок, ты не собираешься разбазаривать армию на какую-то ерунду. Так поступают правильные, мудрые злодеи. Творят добро тогда, когда оно им выгодно. А вот настоящие, те, книжные — они злодеи глупые. Им подавай всё! Весь мир, всю галактику... Отомстили одному, вступили на тропинку зла! А зачем? Толку-то? — грусть сочилась в голосе. — Они завоёвывать будут, пока не появится такой вот умный злодей и их не остановит. Такой, как ты. Отрубит голову дракону, пусть их хоть сто раз не существует, освободит народы, возьмёт себе тот, что поудобнее, и будет править. Даже боги... Думаешь, если они были, они были добрыми? Нет! Именно потому мы и существуем. Доброе существо никогда не уничтожит ни одно своё творение, будь оно хоть сто раз злое.

— Странная у тебя логика, Сэя.

— Ты можешь с нею не согласиться.

Дарнаэл усмехнулся. Клонило в сон, а мысли упрямо не желали собираться в единое целое. В чём-то, конечно, она была права, в чём-то, может быть, ошибалась. Откуда Сэе знать о том, каковы боги? Если следовать её философии, то добрые в этом мире только самые большие лентяи, которые никогда ничего не сделали, да и то сомнительно.

Впрочем, мужчину это мало волновало. Жить ради цели и жить ради постоянного добра — вещи разные, а второй пункт и вовсе невыполним. Ему хотелось просто спокойно править своим государством, немного избавиться от надоедливого официоза, увидеть однажды внуков и перестать грызться с Лиарой. В конце концов, ей, наверное, тоже. Может быть, когда они наконец-то помирятся, всем станет легче. Но цели всё равно... ограничены. Не можно требовать всегда одного и того же. В один момент ему надоело воевать, и в стране появилось понятие мирной жизни. Лиаре когда-то сядет в печёнках этот матриархат — она перейдёт к равноправию и согласится сливать государства воедино.

— Может быть, ты и права, — наконец-то выдохнул Дарнаэл. — Вот только это всё равно не даёт ответа на вопрос, какого чёрта ты вышла за меня замуж, при этом собираясь помочь мне наладить отношения с другой женщиной.

— Много хочешь знать, Тьеррон, — хихикнула Сэя. — Ну, потом ты сам поймёшь, зачем я это сделала. У всех своя судьба, и я собираюсь отыграть свою роль до победного конца. Но пока что — мне надо подготовиться к моей мести и к тому, чтобы выполнить свои обещания. А тебе — надо выздороветь. Спи, Дар. Утром поговорим.

Он хотел возразить, но глаза и вправду закрывались. Тальмрэ выдохнула только два коротких слова, и сон окутал его сплошной волной, не позволяя больше возражать.

Девушка поднялась на ноги, одёргивая юбки своего излишне надоедливого платья, и только равнодушно покачала головой.

Может быть, он никогда и не поймёт, какая у неё роль, но это не имеет никакого значения. Просто некоторым людям не повезло знать чуточку больше, чем отмерено богами.

Некоторым не повезло быть такими знающими людьми.

А некоторым не повезло отмерять и быть богами, в конце концов. Кто-то же должен пожалеть Первого или Эрри?

Или нет?

===== Глава двадцать восьмая =====

Лист бумаги лежал перед ними ровным слоем, словно распластавшийся на поверхности человек. Ассоциация, конечно же, была предельно глупой, но поделаться с собой ничего не получалось. В конце концов, никто не запрещал думать обо всяких глупостях во время работы, главное, чтобы самому заданию они не мешали. Шэйран же старался не отвлекаться на всевозможную ерунду и обычно решал проблему достаточно быстро, по крайней мере, настолько, что это устраивало заказчика, или кто там стремился что-то получить от волшебника.

Моника сидела совсем рядом, тоже склонилась над листом бумаги и выглядела сонной-сонной. Интересы в каре-чёрных глазах девушки уже почти не было, он умер несколько минут назад, когда они пришли к выводу, что это не интересная, уникальная смесь, а что-то банальное, просто вошедшее в реакцию с бумагой или волшебством короля Дарнаэла.

Можно было бы заниматься естествоиспытаниями, но Шэйран предпочитал не рисковать.

— Умный отравитель взял бы индивидуальный компонент. Что-то вроде аллергена, — со вздохом протянула Мон. — Может быть, ставка была сделана на то, что королю станет плохо чуть позже и...

— Так, стоп, — Рэй мотнул головой. — Напоминаю. Мы говорим о туповатом Первом Советнике моего отца, а не о каком-то гении преступного мира. Нет, никто ни на что не рассчитывал.

— Но ведь если верить рассказу Сэи Тальмрэ, то Рри — довольно умный человек, — возразила Лэггаррэ. — И его план не может оказаться банальной попыткой подсыпать яд королю в еду или полить им бумажки.

— Ты не учиываешь главное. когда придумывалось последнее отравление, его планировал не умный Рри, а недоразвитый Вирр в состоянии старческого маразма.

— Сколько ему лет, кстати?

— Сорок четыре или сорок шесть, не помню точно, — пожал плечами парень. — Чуть старше папы по документам.

Они сидели в библиотеке, где слышать их мог разве что Тэр, и обычно тут можно было смело именовать короля Дарнаэла отцом и допускать подобные глупости конспирации. Разве что где-то какая-то служанка старательно протирала полочку, и тогда появлялся ряд неоправданных неприятных проблем, но Шэйран в последнее время слишком часто забывался и не использовал нормальное наименование короля.

Всё это вызывало у Моника разве что тихие смешки.

Ей периодами хотелось заявить, чтобы он был немного... Сдержаннее в своих действиях, а иногда девушка думала, что лучше бы, если б Эльвента и вовсе рухнула, не оставив камня на камне.



Глупо осознавать, вот только Рэй — сын не только короля Дарнаэла, а ещё и королевы Лиары. То ли этот факт и вправду имел значение, то ли девушка постепенно старательно сходила с ума, но справиться с собой периодами было действительно намного труднее, чем она считала.

— Знаешь, — наконец-то, не сдержавшись, решила она высказать свою последнюю и, вероятно, самую правдивую гипотезу, — я слышала о таком яде. Не помню точно, какое у него научное название, вот только делается довольно просто. Дело в том, что всё зависит от сочетания древесины. Если взять бумагу, то, скорее всего, реакция будет положительной, и создастся яд. Вот только эти листы должны быть очень хрупки и разрушаться от малейшего постороннего вмешательства, разлагаться, как будто от времени.

Шэйран понимающе кивнул.

Монике показалось, что он просто притворяется человеком, который хоть что-то понимает в её словах. Ведь Рэй, судя по всему, мирно спал на каждом занятии. Если у него был действительно высокий магический потенциал, то надо было очень постараться, чтобы тот так и остался лишь потенциалом, а не действенной магической силой. А Моника не верила, что их преподаватели настолько глухи к настоящей силе, чтобы проигнорировать человека лишь потому, что “мужчины не могут иметь магии в своей крови”.

— Я слышал об этом, — протянул Рэй. — Но как ты думаешь, ведь для бумаги можно было использовать усилитель, разве нет?

Моника удивлённо на него посмотрела.

— Можно, — согласно кивнула она. — Значит, это не слабость короля Дарнаэла, а всего лишь достаточно глупый шаг со стороны советника? Усилитель не спас бы металл, и...

Словно в подтверждение листок внезапно чуть провалился в стол. Действовал яд медленно, концентрация была довольно слабой, но этот лист бумаги, если быстренько от него не избавиться, постепенно может пронзить весь дворец и добраться до земных глубин.

Конечно, яда на то не хватит, но стол они испаскудят точно.

— Ладно, — вздохнул Шэйран. — Сжигаем от греха подальше, и всё тут. Нечего тратить на подобную ерунду, тем более, папа не просил. Он лишь говорил, что надо найти способ избавиться, да и точка.

Лэгаррэ потянулась за щипцами и подхватила листик бумаги, водружая его на поднос. После под нос пробормотала короткое заклинание — формула подействовала безотлагательно, и листик поспешно вспыхнул на том месте, на котором лежал, превращаясь в банальную тучку пыли или чего-то в этом роде.

Мон вздохнула.

Настроение постепенно приближалось к отметке “хуже некуда” и тянулось в упрямую бесконечность. Ей почему-то было не по себе от постоянного осознания собственного двуличия — и ещё чего-то в этом же стиле. Нельзя себя так вести, нельзя постоянно испытывать судьбу.

— А ты за него сильно переживаешь? — внезапно спросила девушка.

Она уже минуту как глупо смотрела на дыру в столе. Конечно, это был всего лишь прямоугольник, да и дерево не прожгло до самого основания, только на пару миллиметров, но если не скрыть следы преступления, то Тэравальд обязательно устроит очередную истерику.

Она попыталась подвинуть какой-то огромный том о ядах, чтобы прикрыть дыру. Шэйран, кажется, понял идею — потому что незамедлительно водрузил на него ещё парочку

таких же.

— Переживаю, конечно, — пожал плечами парень. — Но отец, во-первых, взрослый человек и способен сам о себе подумать, а во-вторых... Ты знаешь, за долгие годы мне кажется, что Дарнаэла Второго прибить может разве что Первый. Даже у мамы не получилось.

О королеве Лиаре вспоминал Рэй редко и неохотно.

Моника отвела взгляд. Она упрямо делала вид, что смотреть на разноцветные стеллажи с множеством книг куда интереснее, чем на собственного собеседника. По крайней мере, от них нельзя было дожидаться очередного укора или чего-то в этом роде, а сие Лэгаррэ немного успокаивало.

Она много раз повторяла про себя, что давно следовало признаться Шэйрану в том, что она тут не просто так, но всё никак не хватало внутренней силы. И ещё чего-то неуловимого, чему она никак не могла дать толковое предопределение, вот только пояснить сие другому человеку ещё труднее, чем себе, а она даже сама справиться-то толком не могла.

Всё слишком запуталось.

Девушка подняла взгляд на своего собеседника. Серый троечник?

Или их преподаватели всё-таки были до такой степени слепы, что действительно не заметили его потенциал, а после долгие годы старательно пытались оправдаться плохими оценками?

— Пойдём отсюда, — Рэй поднялся со своего места и протянул руку Мон. Половицы под ногами почему-то настойчиво скрипнули, словно внезапно на лестнице оказался как минимум мифический зверь.

Моника улыбнулась про себя. Ей было почему-то нехорошо от глупых мыслях о том, что может случиться в будущем, но окончательно уничтожить нормальное утреннее настроение предчувствие всё-таки не смогло. По крайней мере, так ей казалось.

Шэйран обнял её за талию почти нежно, по крайней мере, такое сложилось впечатление. Девушка даже не оттолкнула руку — тут, на ступеньках, что вели с самого последнего яруса, всегда кружилась голова.

Рэй покосился на ещё одну лесенку, и вовсе примитивную, что вела на чердак. Это была обыкновенная, передвижная, а не с поручнями — и всё так, как полагается, чтобы любая пожилая дама могла по ней спуститься.

Нет, просто обыкновенная лестница, как и всегда.

— А что там? — кивнул он на приоткрытый люк.

— Чердак, — пожал плечами Моника. — Я там жила... целую ночь или даже две, представляешь, — девушка улыбнулась. — Мне всегда казалось, что на чердаках жить легче, чем где-нибудь в подвалах.

— Тут ты права, — согласился с нею Шэйран. — По крайней мере, в библиотеке явно уютнее, чем на нижних уровнях.

Моника поёжилась.

Ей там самое место. Если она трудится на благо отечества, то бишь, Эрроки, то король Эльвенты имеет полное право её уничтожить. Если наоборот... Ну почему всё так сложно? Почему нет третьей стороны, с которой так просто враждовать? И почему она вновь столкнулась с Рэем?

Смотреть на него порой было невыносимо. Моника никак не могла избавиться от ощущения собственного двуличия. Он всё равно в её мыслях никак не вязался с образом

принца — всё тот же отвратительный серый троечник, что проявлял определённые знаки внимания, да и точка.

— Поднимемся? — она покосилась на парня. — Я там часть вещей оставила, хотелось бы забрать...

— Тайнственное поручение от королевы Лиары и приказ об этом? — хитро улыбнулся Шэйран.

— Естественно!

Он рассмеялся, и Моника тоже не смогла сдержаться. Почему-то за границей Вархвы с Рэем стало вдруг как-то до такой степени просто... когда между ними не стоял миллион штампов, вообще всё превращалось в лёгкую и нормальную беседу. И будь парень просто талантливым магом, пожалуй, Лэгаррэ смогла бы ощущать к нему что-то большее, чем эту мучительную привязанность.

Вот только он оказался наследным принцем двух враждующих королевств, которые даже в этом своём приступе взаимной ненависти полностью пропитались ложью.

...Шэйран взобрался наверх первым. Моника не смогла заставить себя отказаться от протянутой им руки.

Тут, наверну, потолки были низковатыми, да и в воздухе оказалось слишком много пыли. Рэй, будто бы в подтверждение того, что даже у королевских особ бывает аллергия, чихнул и под нос пробормотал несколько нелицеприятных слов, а после вновь натянул на лицо весёлую улыбку и поднял взгляд на Монику.

— Тут не так уж и плохо, — прокомментировал он. — Только трудно постоянно пригибаться.

— Это тебе. Я головой потолки не задевала.

Чердак, правда, оказался бедноватым. Как тут можно жить, Шэйран не понимал. Впрочем, Моника провела тут всего несколько ночей, в темноте она не заметила ни множества пауков, что сновали по углам, ни даже того, что о потолок можно и вправду удариться, стоит только привстать на цыпочки.

По бокам действительно стояли вездесущие стеллажи. книг тут не было, вероятно, когда-то в старом плане библиотеки существовал ещё один этаж или просто каморка для библиотекаря, в которой тот хранил всё самое ценное, а сейчас традиция изжила себя.

Девушка буквально представляла себе какого-то седобородого старичка, который сидел здесь, а на стеллажах красовалось множество книг. Пахло травой — сеном, которое непонятно что забыло на верхних этажах королевского дворца.

Она даже нарисовала в воображении восстановленный стол, на котором красовалась целая куча свитков. Сейчас это банальный бардак и огромное количество пыли, покосившееся сооружение из стула и какой-то поверхности для письма.

Где-то в углу даже валялась чернильница.

Она подхватила свою котомку и попыталась оглянуться, но ничего толком не получалось — только разве что смотреть в окно на растянувшуюся у них под ногами столицу.

— Тут уютно, — внезапно отметил Шэйран. — Нет, правда. Я бы даже тут побыл, только шея затекает.

— Можно ведь сесть, — Моника кивнула на матрас на покосившемся подобии кровати.

Тут всё будто бы затянуло временами. Неизвестный волшебник знатно постарался, затирая следы собственного присутствия, и странным казалось разве что то, что он не смог

убрать отпечатки существования до конца. Здесь до сих пор витал дух чего-то уже мёртвого, но всё же такого понятного и... Не страшного.

Шэйран и вправду последовал её совету и попытался устроиться поудобнее. Конечно, среднего роста девушке на подобной кровати было чуть удобнее, чем высокому парню, вот только всё равно она помнила, что чувствовала себя неудобно, а уж что говорить о Рэе! Он минут пять старался сесть нормально, но в результате вынужден был вытянуть ноги и упереться спиной в противоположную стену.

Моника устроилась рядом.

Шэйран оказался как раз в пятне солнечного света. Он зажмурился, словно стараясь отбиться от назойливого луча, а потом улыбнулся, едва заметно, хитро так, словно что-то имел в виду, но не мог до конца пояснить ей, что именно.

— Знаешь, — внезапно протянул он, — ты можешь продолжать вести себя нормально, не любезничать со мной.

— То есть? — удивлённо переспросила Моника.

— Ну... То, что я сын Лиары, ничего не меняет, — передёрнул плечами Рэй. — Ты как об этом узнала, словно стала неживой. Не то чтобы мне нравилось, когда меня называли серым троечником, то можно и не любезничать, ещё и вот так... мёртво, — парень рассмеялся собственной странной шутке. — Правда. Я ведь и раньше был королевским чадом, правда? Это ничего не меняло.

— Да ладно, тебе показалось, — отмахнулась Моника.

Не показалось, но он немного промахнулся, определяя причины. Правда, дать такое определение собственному поведению Лэгаррэ не могла уже из-за надоедливой гордости, что упрямо стучалась в её сознание.

— Было б неплохо, — парень протянул руку и сжал её ладонь, словно проверяя, будет девушка вырываться или нет.

Вообще-то, полагалось содрогнуться и возмутиться, вот только девушка не смогла сделать ни первого, ни второго, только в ответ тоже сжала его пальцы и склонила голову набок, словно старательно изучая парня взглядом.

— Это всё слишком странно, — вздохнул он. — Ты прежде терпеть меня не могла, а теперь сама любезность.

— Может быть, у меня глаза открылись!

— На что, на статус? — Шэйран недовольно скривился. — Мон, я давно уже в это не верю. Может быть, потому и представлялся столько лет сиротой? — он оставался всё таким же грустным, как и прежде. — Не стоит, правда. Я не хочу, чтобы ты притворялась. Мне это знаешь как надоело?

— А что, много кандидатов в притворщики? — девушка придвинулась чуть ближе. Почему-то от прикосновений Шэйрана веяло странным теплом и спокойствием, только она никак не могла пояснить для себя, почему ей так казалось.

— Конечно. Вот Антонио, например, всё знал с самого начала. Ведь мы росли, по сути, в одном дворце. И что? От этого он стал меньшей занудой? Только пока рядом торчал Лээн, а это, впрочем, было очень часто, он вынуждал себя весело смеяться и упрямо поддерживал мои дурацкие идеи. Идеи Фарни — никогда. Потому что... Потому что если представить меня зачинщиком, они вызовут Тэзру. А Тэзра не посмеет мне сделать ничего плохого. Она на сына своего могла кричать, а на меня — нет. Потому что... Ай, да не важно. А если спихнуть всё на Лээна, если он будет виновен, если он придумает — так кто его оправдает,

настоящего сироту?

— Все относятся так к особам королевской крови, — пожалала плечами Моника. — Это подсознательно, понимаешь.

— О, да, — фыркнул Рэй. — Ты вспомни Мизель! Если б её убедили, что у неё на курсе учится настоящий сын Лиары... О, что бы это было! Ты видела, как она вешалась на папу?

Мон кивнула.

Она видела — конечно, Кредэуа так пожирала взглядом несчастного Дарнаэла, а тот оставался таким равнодушным к ней, что Лэгаррэ уже почти было поверила в глупые слухи о предпочтениях короля Дарнаэла.

Странно со временем осознавать, что у него просто есть другая. Хотя... вряд ли это Сэя, конечно же. Скорее не забытая до сих пор королева Лиара, к тому же, король ежегодно бывает в Кррэа...

Подписывает мирные договоры.

И, может быть, уделяет время королеве не только во время переговоров — и не только днём.

— Послушай, — девушка положила руку Шэйрану на плечо, словно стараясь его успокоить, — может быть, к тебе некоторые и относились... натянуто, но ведь статус принца и вправду не имеет такого уж особого значения для меня. Просто тут относиться к тебе нормально чуть легче, чем там.

— А, понял, — хмыкнул Рэй. — Просто тут у серого троечника вдруг появился магический дар — а тебе, как вечной отличнице, стало интересно узнать о том, как он работает. Вот и всё.

— А тебе будет легче, если моё отношение к тебе обусловлено магией, а не тем, что ты королевский сын?

— Намного.

— Тогда думай так, — послушно согласилась Моника.

Он подался вперёд — и девушка не успела отпрянуть. Руки как-то сами по себе скользнули ей на талию, а девушка вопреки собственной воле, вопреки сознательному пониманию того, что так нельзя, обняла его за шею, придвигаясь ближе.

Хватит себя оправдывать. Хватит убеждать себя в том, что он вызывает у неё интерес, как объект изучения магии или особь царского происхождения. Проблема совершенно в другом.

Просто тут, когда некому повторять, что он отвратительный тупица, а все мужчины гадки, когда никто не пытается убедить её в том, что истинный путь — это верность Богине и отсутствие всяческого контакта с противоположным полом, когда никто не пытается его очернить в её глазах...

Тут намного легче увидеть, что настоящий Шэйран — вне статусов и штампов, — действительно абсолютно нормальный человек.

Уж явно лучше тех остальных на улицах Эрроки, тех, на ком матриархат всё-таки успел оставить своё неусыпное клеймо.

И получается оно само по себе.

Вера эта появляется сама по себе.

...На сей раз поцелуй был уже не последствием выпитого алкоголя или какого-то глупого пьяного одурения. Они не пытались доказать себе что-нибудь или, может быть, сбежать от реальности. Мон почти убедила себя в том, что нет ничего плохого в том, чтобы

быть с мужчиной, ведь даже королева...

Даже королева не придерживалась принципов, которые так старательно проповедовала.

Просто Монике не хотелось прежде кривить душой. Это остальные могли ночью виснуть на шее у понравившегося сокурсника и делить с ним постель, а утром кричать в спину что-то вроде “троечник” или “дурень”.

Или просто это оскорбительное “мужчина”.

Моника вот так не умела. Ей хотелось раз и навсегда, точно, чтобы было понятно, что чёрное, а что белое. Чтобы даже существование полутонов ничего не испортило.

Чтобы если ненавидеть — так постоянно. А если любить — то и днём, и ночью, а не только подальше от людей.

— Твой отец тебя придушит на месте за то, что ты сидишь тут со мной, — выдохнула Моника, отпрянув от него наконец-то — хотя очень хотелось прижаться всем телом и вновь поцеловать.

Она не должна, не должна, но упрямая вера давала трещину в самый неподходящий момент, выпуская на свободу совершенно никому не нужные подозрения.

— Боги, Мон! Мой отец, в конце концов, воюет с моей же мамой десять месяцев в году.

— А оставшиеся два?

— А оставшиеся два они спят по ночам в одной постели и гуляют по саду, взявшись за руки, — фыркнул парень. — Он и слова кривого мне не скажет, тем более, ты дарнийка, а не эрроканка.

— Это не имеет значения.

— Это ты так думаешь, — фыркнул парень. — Всё на свете имеет значение. В общем, забудь.

Лэгаррэ, впрочем, всё-таки разжала руки. Она уткнулась лбом ему в плечо и зажмурилась, словно пытаясь отогнать все глупые мысли, что так старательно её одолевали.

— И что твоим родителям не сидится? — не выдержала она. — Почему нельзя помириться и просто править вместе континентом?

— Потому что упрямство, — хмыкнул парень. — Потому что хочется быть первыми — и ему, и ей. Я уже давно привык, Эрла тоже.

— И король Дарнаэл так спокойно ко всему этому относится? Даже не пытается бороться?

— Нет, — пожал плечами Шэйран. — А толку-то? Ну, выдаст он парочку глупых законов, запретит что-то ещё, вот только лучше от этого никому не станет. Потому у нас всё мирно.

— Но ведь королева Лиара поступает совершенно иначе! — Моника даже забыла о том, что обсуждать её не имеет никакого права. Ведь королева — нерушимый образ, вечный идеал. — Она даже... — девушка запнулась. — Она даже придумала этот глупый эксперимент с непорочным зачатием.

— Это проект Тэзры. Та тоже... родила Антонио от непорочного зачатия. “Сильнейший маг на континенте”. И что с этого сильнейшего мага? Одна искра в день — праздник жизни!

Монике полагалось умолкнуть, но что-то заставляло продолжать нести всякие глупости.

— Но ведь если это так неправдиво, почему королева согласилась пойти на это? Почему согласилась, чтобы в этом участвовала твоя сестра?

Тёплая атмосфера разрушилась моментально. Шэйран разжал объятия, словно держал ядовитую змею, и почему-то Монике показалось, что ляпнула она нечто не просто лишнее

— неимоверно лишнее.

И что пора было забрать слова назад.

— Что значит участвовала моя сестра? — повторил он каким-то уж слишком замогильным тоном.

— Но ведь... Разве ты не знал? — удивилась девушка. Ей так хотелось отмотать время назад, но... — Через несколько дней состоится то самое особое полнолуние, или от чего зависит ритуал, я просто не знаю, и... Ведь принцесса Эрла должна была в этом участвовать. Королева сама определила её как...

Она хотела сказать о том, что Эрла потому и сбежала, что королева сделала глупость, что что-то пошло определённо не так, но она не успела проронить ни единого слова, потому что Шэйран уже вскочил на ноги и бросился к той тонкой лесенке вниз.

Девушка отчаянно пыталась поймать его за рукав, но так и не успела, даже не проронила больше ни единого слова.

Стало горько и до боли обидно.

Что-то пошло не так.

Но если б это “что-то” случилось только в их несуществующих доньше отношениях, а не во всём мире, как же было бы хорошо!..

\*\*\*

Шэйран прежде никогда не переживал за Эрлу... Настолько. По крайней мере, прежде сестра была для него пусть и родным, но существующим где-то отдалённо, на краю пророчества человеком.

Высшая и Воин.

Ну, или Воительница и Высший.

В конце концов, от порядка ничего не менялось, и Шэйран за долгие годы жизни в Кррэа уяснил, что только дурак в Эрроке продемонстрирует своё могущество. Если он мужчина, разумеется. Женщины имеют полное право колдовать направо и налево, а мужчины считаются нейтральными к магии, и тут ничего не попишешь. Остальное просто не имеет значения.

Он не собирался забивать себе этой философской ерундой голову, просто жил, как жилось, вот и пришёл к нынешнему своему состоянию, когда пророчество решило внезапно перевернуться с ног на голову.

Но не это было главным, нет. Самым важным пунктом оставалось то, что он навеки уяснил, к чему приводят магические эксперименты, что производятся над неизученной областью, ещё и с непомерной частотой.

Примером тому был Антонио.

Конечно же, ни о каком непорочном зачатии и речь не могла быть. Максимальное вмешательство Богини — это либо разозлиться и ниспослать на несчастную девицу на алтаре все кары, которые Эрри только сможет придумать, либо спихнуть её на изголодавшегося по женскому вниманию стражника.

Желательно — бессознательную, привязанную к алтарю верёвками-змеями и не способную сопротивляться.

Это насилие.

Иначе сей процесс Шэйран назвать попросту не мог.

Но ему было бы плевать, если б на алтаре оказался кто-либо — кроме его сестры. Нет, ещё была Моника, конечно, но... То другое. Там бы он почти не отказался исполнить роль

изголодавшегося стражника, там всё пояснялось элементарной ревностью, а тут — скорее отношением к сестре. Она не должна стать жертвой какого-то сумасшедшего эксперимента.

Не должна стать жертвой обезумевшей матери, решившей, что она едва ли не могущественнее самой Эрри.

...Отец оказался в своём кабинете. Уже вполне здоровый, если сравнивать со вчерашним, и стандартно зарывшийся в бумагах.

Рэй даже не обрадовался тому, что рядом не было вездесущей Сэи. Она почему-то не вызывала у него совершенно никаких эмоций, если не вспоминать о том, чья это дочь, а всё остальное не имело абсолютно никакого значения.

Главное — Эрла.

Дарнаэл неохотно оторвал взгляд от приказа. Казалось, он выдумывал его уже несколько часов — по крайней мере, количество измятой бумаги вокруг именно об этом и свидетельствовало.

Перо тоже валялось в явно непотребном виде, опущенное в чернильницу не тем концом, и в свободное от проблем время Шэйран бы уделил сему факту некоторое внимание, но нет. Увы, но сейчас не время.

Эрла.

— Что-то случилось? — король сердито посмотрел на сына. — Вы там своей магией перевернули мне весь замок или просто сожгли библиотеку? Только быстрее, я немного занят.

— Эрла.

— Что — Эрла? — удивился Дар. — Что здесь делать твоей сестре?

— Ты помнишь тот... ритуал “непорочного зачатия”, который проводила Тэзра двадцать три года назад? — Шэйран тяжело дышал, и поэтому слова звучали до ужаса отрывисто, будто бы только что его вместо лошади запрягли в плуг и старательно вспахали целое поле. — Помнишь?

— Помню. Мы тогда едва... Впрочем, неважно. А что? Глупый ритуал, бесполезный, главное. Словно богине нечем было заняться, кроме как потакать подобной женской ерунде, — король вновь склонился над приказом.

— Мать вновь решила провести его.

— О, да удачи, — фыркнул мужчина. — Твоя мать, смею заверить, ну уж точно не девственница, поэтому богиня ей даже не ниспошлёт какого-то идиота для зачатия ребёнка.

— Мать — нет, но я не сказал, что она собирается тренироваться на себе, — скривился Шэйран.

— Да на ком угодно. Какую-то девицу нашла — пусть на ней и упражняется. Твоя Моника тут, так что не надо устраивать мне истерики. Лиара не настолько хорошо владеет мастерством телепорта, а для этого нужен ещё и алтарь Эрри. В Лэвье его нет, — Дарнаэл посмотрел на пятно от чернил на своей руке.

— Эрла, — выдохнул Рэй. — Эрла там. Мама решила проводить ритуал именно на ней.

Дарнаэл вдруг забыло том, что мгновение назад был ранен. Чернильница перевернулась — взмах рукой был слишком неосторожен, — и по бумаге растеклась огромная синяя клякса. На камзоле тоже осталось несколько заметных пятен, но они мало волновали короля, равно как и то, что рана на ладони могла разойтись.

— Как Эрла?! Она с ума сошла? — растение в рынке, что стояла где-то на подоконнике, моментально возросло как минимум сантиметров на двадцать от совместного старания двух



всплесков магии.

— Эрла — не знаю, а мама — точно. И я очень сомневаюсь, что её может остановить парочка писем, — Шэйран бросил взгляд на дверь. — Слушай, давай я поеду туда и...

— Нет, — сухо отказал Дарнаэл.

— Но Эрла...

— Нет, Рэй. Ты останешься здесь. Поеду я.

\*\*\*

Ночь старательно подбиралась к королевству. Обращать на неё внимание — дурное дело, и складывалось такое впечатление, что Дарнаэл даже и не думал спать. Ждал он с единственной целью — чтобы наступил тот благословенный момент, когда наконец-то уснёт капитан Фэз. Сопровождение в подобных случаях — дело дурное, должны ехать только люди, на которых не действует магия Эрри.

Увы, кроме своего сына, Дар других кандидатов не видел, а тащить ещё и Шэйрана — дурное дело.

Не поможет всё равно.

Лошадь, уже запряжённая, напоенная и накормленная, недовольно ударила копытом о землю. Король не оглядывался — свои распоряжения он успел отдать и так, для этого ему не следовало ждать момента своего отъезда. Он буквально взлетел в седло и тут же пришпорил скакуна.

...Магия полетела вслед.

Сэя сжала руки в кулаки, стоя у въездных столичных врат. Она практически растворилась в темноте — даже бледная кожа внезапно слилась с чернотой ночи, и только тонкие очертания пальцев виднелись — она сжимала ими деревянный рычаг.

— Наложил заклинания, — выдохнула наконец-то Тальмрэ, потянув его на себя. — Только быстрее. Резерва тебе хватит, он вряд ли истощается.

— А вам-то откуда знать? — Шэйран бросил на неё косой взгляд. — Ваше Величество.

— Высочество, — коротко поправила она. — Король жив — и он правит. А я всего лишь замещаю.

Парень ничего не сказал. Сэя была дочерью Самаранты, а этого казалось вполне достаточно для того, чтобы опасаться её или хотя бы немного ненавидеть. Может быть, она и не сделала ещё ничего такого плохого, как можно предположить, но всё же... не сделала — значит, сделает.

От таких, как Тальмрэ, можно ожидать чего угодно и когда угодно, так что Рэй даже не удивился б, если бы она тоже была замешана в попытках отравить Дарнаэла Второго.

— Не рычи на меня, — фыркнула женщина. — Я тебе не враг. И твоего отца я магией не охмуряла, будь уверен. Он просто пошёл на сделку.

— И что же ты могла ему предложить?

Сэя рассмеялась. Её смех показался неожиданно звонким и чарующим, и Рэй был уверен в том, что мужчины в соседних домах повскакивали из кроватей, а теперь удивлённо смотрели на своих жён, показавшихся им внезапно жалкими, серыми существами.

Светили фонари. Они медленно шагали в сгущающейся темноте в сторону замка — следовало взять хоть какую-то стражу с собой, но король ведь ясно сказал, что его делу не нужна огласка.

А официально придворного мага вполне должно было хватить для того, чтобы защитить королеву-ведьму.

— Ну, — Сэя внимательно всматривалась в пустоту перед нею, — я пообещала ему твою мать. Сказала, что они смогут быть вместе... По-нормальному. Не так, как сейчас. В конце концов, мне не нужна Эльвента. Я просто хотела временный статус королевы, потому что так надо. Потому что так гласят правила Игры.

— Какой игры?

— Всё тебе надо знать, мой мальчик, — хохотнула она.

Лэвье — не самый прекрасный город ночью. Холод сползался со всех сторон, и казалось, что сверкающие в переулке глаза принадлежали как минимум отвратительному существу, сотворённому Богиней. На самом деле там затаился всего лишь обыкновенный кот, даже не чёрный, а какой-то пёстрый, коричневый, вот только легче почему-то от осознания, что укрылась там лишь банальная зверушка, не становилось. Они шли быстро и старались не задерживаться нигде, чтобы не навлечь на голову дополнительную дозу неприятностей.

— Я тебе не мальчик, — отрезал Шэйран. — К тому же, Тальмрэ, ты старше меня всего года на четыре.

— Это не имеет значения, — покачала головой она. Силуэт во тьме едва-едва шевельнулся, тень перепрыгнула с бульжника на бульжник, существуя почти что отдельно от собственной хозяйки. — На четыре... года? Столетия? Миллиона лет? Это всё неважно. Я королева, а ты всего лишь придворный маг.

— Да? И кто-то только что мне говорил, что не стремится к власти?

Тальмрэ даже не повернулась. Шэйран был слишком похож на своего отца, чтобы она не знала, как полыхают гневом во тьме синие глаза. Его магический потенциал мог измеряться только в сотнях Высших, если б он был развит, вот только королева Лиара предпочла идти по пути своей глупой веры в Богиню. Откуда ей знать... Эрри мечтала о том, чтобы маги с сильным даром правили и получали всё, что им взбредёт в голову. Эрри никогда не была эгоисткой.

У Эрри тоже был мужчина, которого она любила, и это не значило, что она будет сравнивать его с землёй в попытке подчинить себе. И не значило, что он поддастся просто так.

Эрри нравилось быть с ним на равных.

— Мне нужен статус королевы для того, чтобы совершить... одну вещь. Мне надо отомстить, Рэй. Я не претендую на корону, — рассмеялась она. — В этой стране есть два законных наследника престола — ты и твоя сестрица. Да и Кэор не так уж плох, хотя для такого статуса парню всё же чего-то не хватает. Не стоит переживать. Я не буду ничего у вас отбирать.

Шэйран промолчал. Беседовать на эту тему с совершенно незнакомым, посторонним человеком было довольно странно, но спорить он не пытался.

— Я знала, что прошу у Дарнаэла. Когда надо будет отступить, я это сделаю, — она будто бы не касалась земли. — Когда надо будет освободить место для Лиары, я это сделаю.

— Как?

— Я умру, мой мальчик, — Сэя улыбнулась так широко, что это перестало походить на элементарную шутку.

===== Глава двадцать девятая =====

Мизель понравилась ей с первого взгляда. Лучше бы Мизель была её дочерью — её ребёнком. Не Антонио, этот глупый мальчишка, что совершенно не ценил то, что делала для

него родная мать. Нет, госпожа Кредэуа не была такой глупой, как молодой Анио. Она умела держать удар и смело смотрела в глаза опасности, но и не подставляла себя лишней раз, когда не следовало. Она была хитра, а это качество Тэзра ценить умела. Мизель понравилась ей больше всего — больше, чем наивная, глупая, полноватая Реза Ятли, эта наивная девица, уверенная в том, что постулаты матриархата глупы и никому не нужны.

Такие, как Реза Ятли, умирали быстро.

Впрочем, была ещё третья. Почти невидимая, такая посредственная, что Высшая Ведьма Кррэа даже заподозрила её в связи с Самарантой — но дочь Самаранты была не такая. О, да и это посланницы Богини на этом континенте... Ох! Да, Мизель — видная, красивая, пусть и чересчур нежная.

Сотканная из белого Мизель — такая хрупкая, что может расколоться на маленькие кусочки от первого прикосновения, такая сильная, что уничтожит всё на своём пути, умеющая ценить власть. Она — то, что им нужно, то, чего не хватало столько времени. Моника была более верной, конечно же, да и могущества Лэгаррэ Кредэуа определённо не хватало, вот только хитрость — она часто побеждает даже самую сильную ведьму. Это могло сыграть им на руку. Красота, совершенство и что-то ещё, что не могла до конца уловить Тэзра.

Сотканная из грубости Реза — сплошной монолит глупого сочетания тепла и доброты. Вот такие гибнут первыми и от рук своих же — почему-то в этом Тэзра была уверена. Она испытывала невероятное раздражение при виде этой наивной девицы и сама же с радостью столкнула её с самой высокой скалы, вот только не имела такого права.

Сотканная из тишины... Невидимка.

Она была симпатичной. Рыжей — как полагается ведьмам в глупых пересказах. Хорошенькая простенькая девушка с котом на руках. Чуть сероватая кожа от того, что она слишком мало бывает на свежем воздухе, глаза, в которых мутно плескалось волшебство, смешанное с чем-то ещё. Обыкновенных синих глазах. Не таких, как у Дарнаэла или Рэя, ярких, вспыхивающих в ответ на каждое слово, глубоких, но и не болотисто-отвратительных, как были у Марты Торрэсса, которую Тэзра Карра видела лишь раз в своей жизни.

Нет, у неё были обыкновенные синие, нет, даже голубые глаза.

И тонкие губы, тонкие, не слишком густые волосы — сама посредственность, непригодная для интриг и всего толкового, что только могла придумать Тэзра.

Её звали... Как?

Грета. Она представилась в самом начале, но до этого Тэзра не помнила её имени. Хотя она принимала у них выпускной экзамен, хотя она столько времени провела там, в Вархве, изучая досье, она не знала никакой Греты Паррии, словно названной в честь древнего леса на территории Эльвенты.

Её не было.

Не существовало девицы с таким именем. Она слилась с серой массой, была не хуже, но и не лучше других, и Тэзра понятия не имела, что заставило Самаранту при выборе трёх верных волшебниц прислать сюда именно сие создание — невинное, аки цветок.

О Мизель Тэзра много слышала от королевы. Этот небесный цвет платья, равно как и у Моника, шёл ей ещё больше, выделял несказанную белизну, и девушка со слезами на глазах, что подступали так близко к поверхности, была столь нежна и тонка, что от неё просто не отведёшь взгляд. О, наверное, она разбила не одно мужское сердце — и правильно. Нечего их щадить.

Она нравилась Лиаре.

Это хорошо.

Моника тоже нравилась, впрочем, но Лэгаррэ должна сейчас выполнить очень важное задание. Сделает она то, что надо, или нет — это почти не имело значения, успех заключался в чём-то совершенно ином, не в полноценном подчинении Её Величеству. Теперь Тэзре нужны были козыри.

Реза Ятли пылала своей предельной верностью почище, чем Моника. А ещё она очень любила смеяться, и это раздражало Тэзру. Ей хотелось уничтожить девицу, порвать её на мелкие кусочки.

Моника имела право на подобный смех. Лэгаррэ вообще на многое имела право, потому что она была сильной.

Мон...

О, да. Её чары чувствовались издалека, и Тэзра буквально упивалась ими. Она знала с том, что это колдовала именно та девушка, а не кто-то другой, знала, что её силу очень трудно будет победить, и получала удовольствие от того, что у неё в ученицах оказался кто-то такой.

На Резу можно было только жаловаться. Ни одного толкового заклинания нападения. Да ей в кухарки!.. В кухарки, именно.

А Грета была никакой. Тэзра не смогла её прочесть.

— Госпожа Высшая Ведьма... — из троицы, естественно, подавала обычно первой голос Реза, но сегодня начала Мизель. — Мне надо сказать вам кое-что важное, но это нельзя передавать при всех.

— Да, дитя моё.

Конечно, не реза. Реза плохо подходила на роль той, кто будет пересказывать о случившемся. Она не шпионка, она самая настоящая дура, что никогда не поймёт до конца всю прелесть интриг против королевы. А вот Мизель — совсем другое дело.

Блондинка подошла ближе и жестом указала на дверь за спиной Тэзры.

Они находились в кабинете Высшей Ведьмы, но тайную дверь могла видеть только очень сильная ведьма. Королева вот видела. Эрла — нет. Этот стервец Рэй, когда лазил по замку ещё в десятилетнем возрасте, сумел отыскать дверцу в темноте кабинета с такой лёгкостью, словно это для любого человека не составило бы никакого труда. Ему даже не надо было её видеть, он нашёл её по вспышке магического света и просто дёрнул за ручку, а после оказался там, где не положено бывать ни одному мужчине, в святая святых — месте, где проводила свои самые тёмные ритуалы ведьма.

И Дар тоже смог. Ему, правда, понадобилось несколько секунд для того, чтобы рассмотреть на стене хоть что-то, но после он внимательно присмотрелся и увидел, что дверь всё-таки существует. Ну, а как иначе?

Король был силён.

А Антонио — нет!

...Будь она беременной от Дарнаэла, от могущественного мага, который просто бестолково пользовался дарованной ему честью, всё было бы иначе. Но нет. У Дара всегда его Лиара стояла на первом месте, и он не мог даже представить себе жизнь без неё. Как так? Без драгоценной, прекрасной, прелестной — без его Королевы существование становилось пыткой.

Ох.

Почему ей не повезло? Почему всегда появлялся тот проклятый Кальтэн, почему именно Лиаре выпала честь родить действительно Одарённого сына? Тэзра столько лет убеждала Лиа в том, что её дитя такое ж глупое и бесполезное, как и все мужчины, но из своего она не смогла вырастить ничего толкового. Только глупца, что повёлся бы на первое мановение руки от действительно сильной ведьмы, если б та приказала ему превратиться в лепёшку.

Спрыгнуть откуда-то с высоты и попросту умереть за то, за что нормальные люди не умирают.

Вот только, увы, всё сложилось так, как сложилось. Её сыном был именно Антонио, не Шэйран. И у неё не было нормальной дочери, потому что она не могла позволить нормальному мужчине, словно те существовали в природе, прикоснуться к ней. Она и тот позор во время ритуала едва-едва пережила, когда верила в то, что придёт Богиня, а явился проклятый Фэз. Он просто отпугнул Эрри, не дал ей снизойти с небес, и потому всё так и сложилось. Потому она стала матерью глупца, от которого не дождёшься совершенно ничего хорошего, никакой пользы от её сыночка не будет, разве что он станет продолжением рода для кого-то, ведь одарённые мужчины нужны ведьмам хотя бы для того, чтобы те смогли родить одарённых дочерей.

Вспомнился Рэй — в очередной раз. На его фоне, особенно на фоне его дара, Антонио становился блеклым и ненужным. Потому что кто захочет посредственного мага и неполные шансы, если рядом стоит могущественный Высший? Конечно, Тэзра сделала всё, что могла, чтобы с Рэя не получилось никакого Высшего, но ведь он уже умудрился сбежать к отцу, а что дальше?

Тэзра, впрочем, отрицательно покачала головой. Они не могли отправиться в тайную дверь при совершенно чужих девушках. Нет, позволить себе это — раскрыть все секреты, которые ведьма столько времени берегла. Конечно, от сильных магов не скроешь, но ни Реза, ни Грета не казались ей достаточно сильными. Заурядные девушки, которые каким-то образом оказались в королевском дворце, а ещё — действительно талантливая Мизель, и вот с нею надо будет поговорить в совершенно другой обстановке. Тэзра не простит себе, если не привлечёт её на свою сторону. Таких, как Кредэуа, настоящая Высшая Ведьма Кррэа потерять не в праве, и она знает, что будет бороться до самого конца, победного или нет. Ей нужны союзники, что будут верны Тэзре или хотя бы себе, а не Лиаре. Королева творит много глупостей, нельзя позволить ей действовать по собственному усмотрению каждый раз, как появляется подобная возможность.

— Мизель, — наконец-то вздохнула она, — ты ведь знаешь, где находится у нас во дворце алтарь? Иди туда. Надо проверять... магический фон. Я подойду чуть попозже. Мне надо пообщаться с Резой и Гра... Гретой, — женщина бросила взгляд на девушек, отчаянно пытаясь подавить раздражение. Нельзя спешить. Нельзя делать какие-то глупые, несвоевременные выводы, это в любом случае не обернётся для неё добром. Надо лишь постараться выполнить собственное предназначение до конца, не сбиться с пути, и тогда они победят. Победят глупые предрассудки относительно женской слабости и получат столько власти, сколько пожелают. Женщины сильны, что бы там ни говорили в Эльвенте, и никогда не сдаются.

Мизель согласно кивнула. Она, кажется, уже понимала, с кем в этом дворце можно спорить, а с кем лучше не надо, потому что выполняла все приказания очень чётко и уверенно. Тэзре это было по душе, она даже не пыталась делать девушке какие-либо

замечания, ведь что может быть лучше, чем действительно послушная последовательница? Ничего. К тому же, просто так смириться с определёнными предназначениями не так уж и трудно; Тэзра помнила о том, что некоторым людям свойственно творить глупости, но Кредэуа явно была не из тех.

— Иди, дитя моё, — наконец-то промолвила Высшая Ведьма. — Я буду очень скоро. Но если придётся задержаться, ведь ты должна понимать, что у меня очень много дел, то...

— Я обязательно дождусь вас, госпожа Высшая, — склонила голову Мизель. — Алтарь. Магический фон. Будет выполнено сию секунду.

Она ушла — ступала тихо, словно была невесомой, да и со стороны могло показаться, что Мизель не касается ногами земли. Тэзре нравились такие излишне хрупкие на первый взгляд девушки — они так хорошо умели обманывать, когда им это было нужно! Тонкая, будто бы полупрозрачная Кредэуа, конечно же, преследовала свои цели, но ведь Высшая Ведьма Кррэа не требовала от неё моральной верности. Нет, девчонка могла думать всё, что ей взбредёт в голову, пытаться получить выгоду из происходящего — по крайней мере, она в праве испытывать всё, что не принесёт вреда государству и общей идее. Почему-то Тэзре казалось, что любая моральная повинность не должна считаться таковой. Самое главное — другой подвид верности, та самая... Не то чтобы хрупкая, нет. Это верность, которая действует. Она должна выполнять приказы, если те не противоречат её интересам, и если цели совпадают, то ничего не может быть лучше. Плохо, когда воин идёт на смерть. Он погибнет и не будет хитрить. Когда они идут, чтобы выжить, то обязательно добиваются успеха. Конечно, есть дезертиры, есть те, что позорно бежали с поля боя, вот только если ввести определённую систему поощрений, то... Можно добиться очень многого.

Тэзре хотелось бы сказать, что до этого она додумалась сама — до подобного метода управления людьми. Но нет, увы. Тут тоже постоянно всплывал проклятый Дарнаэл Второй. Он зависал немым подобием тени за спиной, словно шептал, что она что-то у него украла. Как там Дар говорил Лиаре?

“Мои воины борются не за великую цель. Они борются за тёплый дом, сытых детей и счастливую супругу. И я позволяю им руководиться подобными материалистическими соображениями. Они могут отказаться воевать и работать где-нибудь в другом месте — но война приносит достаточно дохода для того, чтобы они пытались выполнить своё дело хорошо. Толку мне с их патриотизма? Патриоты ненавидят тех, кого они завоёвывают. Патриоты маются мародёрством, орут на каждом углу и размахивают флагом. Люди, чей труд ты оплачиваешь, куда более экономны. Они знают, что надо делать, чтобы победить с наименьшими потерями. Народы, которых мы завоёвываем, рады. Среди них есть парочка крикливых на сотню, и те... Погибают, когда сталкиваются с ровными рядами моих солдат. Ибо ими руководят чувства, а моими людьми — деньги. Цинично звучит, но золотая монета порой полезнее, чем благие намерения. К тому же, не стоит забывать, когда армия сыта, у неё намного меньше отчаянного желания истребить всех на своём пути, убить каждого, кто попадётся под руку, взять женщину силой. Когда армия сыта, народ, к которому она приходит, не пытается её уничтожить. Потому у меня мало мародёров. Не потому, что их успешно казнят. Потому, что остальным за это очень хорошо платят”.

Как противно, да? И где тут честь, где правда? Как этого короля, беспринципного, не верующего в Богиню или хотя бы своего Первого, может носить земля?

Но вот что самое смешное — его любят. И армия любит, потому что он больше делает, чем кричит, потому что каждый раз выступает в первых рядах, когда это надо... и сидит в

палатке тогда, когда его разум нужен больше, нежели его сила. Тэзра могла ненавидеть его столько, сколько ей будет угодно, но не уважать за подобные подходы к правлению не получалось совершенно.

Вероятно, весь патриотизм и эти глупости из Дара выбили семь лет совместной жизни с властной, но иногда слишком глупой в этом плане Лиарой. Очень жаль, что она не собирается перенимать опыт своего несостоявшегося супруга, может быть, это оказалось бы не таким уж и лишним. Но... Королева никогда не стает действовать так.

Впрочем, Тэзра и сама не могла отречься от Богини. С Её именем на устах она совершила слишком многое, а вознаграждение всё никак не спешило приходить.

...Женщина мотнула головой, стараясь вырваться из плена собственных размышлений, а после перевела взгляд на Резу и Грету. Стоит ли с ними вообще о чём-то говорить? Или, может быть, разделить их, а тогда решить, какая будет полезной, а какая нет...

— Милая Реза, — она подошла поближе к Ятли и осторожно коснулась тонкими пальцами подбородка девушки. В карих глазах полноватой ведьмы плескалось что-то такое, чего не было даже в Монике.

Верность Лэгаррэ была мудрой и осознанной. Конечно, Мон умела думать — и чувствовать тоже умела. Тэзра чувствовала в коренной дарнийке то, чего порой не было и в самых эрроканках. Её дар был от природы слишком сильным, чтобы она позволила себе расхлябанно к нему относиться, и это оставило громадный отпечаток на том, как девушка вообще жила. Может быть, не следовало удивляться тому, что и результаты Лэгаррэ умела давать действительно потрясающие.

Потому она была полезной.

А в Резе эта верность светила иначе. В её круглом лице в первую очередь виднелась глупость, подчинение, само по себе не имеющее никакого смысла, и отчего-то у Тэзры это вызывало непомерное раздражение. Знать бы ещё, почему... Но она не могла так просто для себя признать в бессмысленности этой дурацкой затеи. Всё смешалось, переплелось, и она вдруг подумала, что даже от тихой, незаметной Греты получит больше пользы.

— Милая Реза, — повторила она, — ты свободна.

Ятли бросила на неё удивлённый взгляд, но не ослушалась. Она, впрочем, вышла излишне гордо, забыв склонить голову в почтительном полупоклоне. Тэзра была готова поклясться, что девушка сделала это специально, специально отказалась продемонстрировать собственное подчинение. Таким, как Реза, вечно хохочущим, а после пытающимся доказать собственную серьёзность, живётся зачастую трудно. И почему-то никогда их служение не заканчивается добром.

Тэзра провожала взглядом быстро-грузную походку, будто бы оставляла в своём сознании отметки, а после вернулась к столу.

Пальцы нервно скользили по бумагам, перебирали папки, и женщина даже бормотала себе под нос какие-то инструкции. Прошло минут пятнадцать, прежде чем она вспомнила о том, что обещала подойти к Мизель, а после обернулась — и поняла, что всё это время была не одна.

Грета.

Только теперь она поняла, почему Самаранта отправила сюда эту девушку. Нечто среднее между яркостью и незаметностью, серая масса в одном лице, сочетание ярких и невидимых в тот же момент черт. Тэзра смотрела на тонкие губы, сжавшиеся практически в одну линию, на внезапно старое и тоже сероватое платье, и постепенно приходила к выводу,

что эта девчонка понадобится ей куда больше, чем самая талантливая на свете ведьма. Нет, такими, как Паррия, просто так никто не разбрасывается.

— Скажи мне, дорогая, — Высшая Ведьма отчаянно пыталась скрыть своё замешательство, — в чём для тебя заключается верность государству?

— Служением ему, госпожа Высшая, — холодно, всё тем же бесцветным голосом отозвалась Грета.

— Откуда ты родом?

Тэзре отчаянно хотелось услышать прямой ответ. Она не знала эту девушку, она столько времени в Вархве не замечала её присутствия, и...

— Я не помню, госпожа Высшая. Вархва — мой единственный дом, Эррока — единственное, чему я готова служить.

В её словах слышалось что-то неправдивое, словно ложь умудрилась проникнуть сквозь тонкую полосу признаний, и теперь Тэзра насторожилась. Не ляпнула ли она чего-то лишнего? Может быть, эта девчонка уже работала на Лиару? Впрочем, не следовало сосредотачиваться на подобных мыслях. Служение Богине — всё, на что она пока что способна.

В девушке был какой-то знак. Тэзра никак не могла понять, что не так — ей казалось, что в тонких чертах лица ощущалось что-то змеиное. Будто бы в лице хорошенькой, пусть и недостаточно, девицы укрылся зверь, что так и пытается вонзиться клыками в горло первому, кто посмеет подойти к нему достаточно близко. Странное, двойное ощущение, с которым Высшая Ведьма Кррэа никак не могла справиться, но ведь всяко бывает. Она тоже человек, она тоже может немного запутаться.

— Иди, — на сей раз обошлось без приятного, слащавого тона, почему-то излишняя подозрительность попросту не дала возможность Тэзре говорить так же мягко, как с Резой или Мизель. — Может быть, когда-то я найду для тебя работу. Скажи мне, какой у тебя был средний бал?

— Три, — сухо ответила Паррия, и змеиное из её глаз так и не пропало, напротив, будто бы усилилось. — Ровно три, госпожа Высшая, — она выпрямилась и внимательно посмотрела на Тэзру. — Скажите, госпожа Высшая, я могу навестить свою преподавательницу, что покинула Вархву и удалилась в леса? Она болеет и отправила мне телепатический сигнал, просила попрощаться.

Тэзре показалось, что девчонка над нею в буквальном смысле этого слова издевается.

Но что самое смешное, отказать девчонке она попросту не могла.

\*\*\*

Мизель, как и обещала, ждала у алтаря. Естественно, нив какой магический фон она не вторгалась, просто стояла у огромного каменного стола. Пальцы её замерли на одной из таинственных каменных змей, что должны были служить кандалами для следующей жертвы.

Тэзра горестно вспомнила, что они просто пропустят возможность провести ритуал. Может быть, конечно, ей удастся переубедить королеву, но действовать открыто ведьма не имела совершенно никакого права. Конечно, спорить с Лиарой можно, но надо очень постараться, чтобы та не воспринимала её слова слишком резко, иначе проблем вскоре не оберёшься. Увы, но это действительно так.

— Помнится, ты хотела мне что-то сказать, — первой нарушила бесконечное молчание Тэзра, остановившись рядом с юной ведьмой.

Мизель только едва заметно улыбнулась. Её пальцы соскользнули со змеи и теперь едва



ощутимо касались невидимого ряда рун. Ей можно было доверять — об этом кричало буквально всё в комнате, и Тэзра привыкла верить собственному предчувствию. Она знала, что эта девчонка однажды ей обязательно пригодится.

— Да, госпожа Высшая, — кивнула Кредэуа. — Я всего лишь хотела передать вам сообщение от госпожи Тальмрэ. Она говорит, что её дочь Сэя отбыла в Эльвенту.

— Нам вскоре ждать хороших новостей из-за границы? — довольно улыбнулась Тэзра. Самаранта всегда была верной, и, пожалуй, она обязана была воспитать Сэю в точно таких же традициях, как и была воспитана сама. У них довольно много вопросов относительно волшебства, вот только семейство Тальмрэ всё равно самое влиятельное в Вархве, и Высшая Ведьма Кррэа была уверена, что может доверять этим женщинам.

— Госпожа Самаранта не уверена, — покачала головой Мизель. — Она считает, что её дочь могла бы пойти на непростительный договор с Дарнаэлом Вторым. Возможно, у нас есть шанс узреть всё-таки живую королеву Эльвенты, — девушка воззрилась на пол.

По мрамору теперь бежали в разные стороны магические волны. Они смотрели на него почти отстранённо, то и дело переводили взгляд на возвышенное лицо Богини, изображённой на противоположной стене. Казалось, Эрри осуждала женщин уже за одно присутствие тут. Может быть, только Тэзру, ведь вряд ли Мизель успела уже себя запятнать настолько сильно. А возможно, Богиня просто ждала очередного подношения и надеялась на то, что однажды сможет-таки привести в этот мир кого-то равного себе по силе.

Магия — сама суть богини Эрри.

Магия не свойственна мужчинам.

— Это очень плохо, — вздохнула Тэзра. — Впрочем, нам остаётся только ждать. Это всё, что ты хотела мне сказать?

Она уставилась на Мизель почти выжидательно, будто бы надеялась на то, что девушка не станет тянуть со слишком важным для ведьмы ответом. В конце концов, всё это превратилось в слишком сложную загадку в последнее время, вся их странная и удивительная жизнь, а Тэзре очень хотелось бы получить конкретный ответ, а не пространственные изъяснения.

— Я хочу сказать, — вздохнула Мизель, — что есть только один способ служить во благо державы — исполнять приказы той, что действительно желает ей добра, госпожа Высшая. И вы являетесь моим идеалом в этом плане.

В её словах не было ни одной искорки искренности или верности, но Тэзра всё равно верила девчонке, потому что и сама была такой. корысть — это не всегда так уж и плохо, как можно подумать со стороны, и, возможно, с этой молоденькой хорошенькой ведьмы ещё будет очень большой толк.

— Замечательно, Мизель, — склонила голову Тэзра. — Я буду рада сотрудничать с тобой, и прекрасно, что ты понимаешь, что иногда может ошибаться даже сама Лиара.

Когда они уходили, Тэзра слышала, как змеи за спиной сбрасывали каменные оковы. Они идут по правильному пути, говорила Богиня. Мужчины не могут владеть магией. И непорочное зачатие — первый шаг к избавлению от всего этого кошмара. Первый — и единственный правильный.

\*\*\*

— Эрри! — голос звучал звонко и почти весело, но женщина старательно игнорировала призыв. Не то чтобы прийти к нему ей до такой степени не хотелось, просто она была уверена в том, что должна закончить своё дело.

Каменные змеи появлялись из-под пальцев. Её верные слуги, первые, кто ступит на континент, чтобы следить за тем, чтобы воля Богини всегда была выполнена.

Эрри собиралась сделать ещё одну, последнюю, но мужская ладонь настойчиво коснулась плеча, и пришлось оглянуться. Синие глаза весело сияли, словно её спутник уже что-то задумал, и улыбка на губах тоже превратилась в нечто вызывающее подозрения, вот только Богиня никак не могла понять, что именно не так.

— Дорогая, хватит тебе лепить этих ползучих гадов, — весело промолвил он. — Ты идёшь или нет? Уже поздно.

— Отстань, — отмахнулась Эрри. — Я занята, разве ты не видишь? Ох, вы, мужчины, за своей магией не видите вообще ничего!

Она потянулась к своему оружию. Её спутник, такой же Вечный, как и она сама, носил своё с собой, но брался за него слишком редко. Зачем мучиться, натягивать тетиву или держать меч в руках, когда можно просто колдовать?

Но Эрри была твёрдо уверена в том, что магия не совсем для неё. Бог был сильнее, его резерв никогда не истощался. Она — художник, она могла сотворить образ тех, кого они сотворят, но не имела шансов вдохнуть жизнь во что-то большее, чем просто обыкновенная змея. Нет, конечно, её Слуги, её Жрицы будут верными всю свою жизнь, такую же бесконечную, как и у Вечных, но... Она не ведьма. Нет, её дело — война, пусть даже Богу нравится повторять, что это девушки должны колдовать. Что это куда проще, чем быть Воительницами. Воинам тяжелее идти по этому миру, потому что у них нет дополнительного бонуса в виде Силы. Силы, которую они даруют далеко не каждому — разве что исключительным Избранным.

— Ты уже решила? — на его губах заиграла едва заметная улыбка. — Кем ты явишься в этот мир первым делом?

— Решила, — Эрри обвила руками его шею, заглядывая в привычную синеву. — Но это всё равно не совсем то, что я бы хотела. Мне надоело быть Вечной. Мне интересно, что такое смертью

— Если тебя услышит кто-то из них, то примут за сумасшедшую. Почему ты не хочешь научиться нормально колдовать? — на его пальцах магия играла с невероятной лёгкостью, и её Бог был абсолютно уверен в том, что у девушки ничего не получалось исключительно благодаря лени.

— Но ведь ты тоже берёшься за оружие не каждый раз.

— Потому что колдовать проще и сподручнее. Зачем таскать на себе целый арсенал оружия, когда можно просто прошептать короткую формулу и направить сознание? Я сам — своё оружие, зачем мне какое-то ещё? — удивился он. — К тому же, это ты всегда попадаешь в цель, Эрри. Это тебе не предоставит труда найти слабое место в человеке. Это ты всегда выиграешь. А им для этого надо прикладывать недюжинный труд.

— Именно потому колдунов без ограничения мы создавать всё равно не будем, — строго промолвила Эрри. — Потому что тогда им срывает крышу, и они начинают вмешиваться в дела Вечных. А мы не можем этого допустить.

— Разве что некоторым, ну?

— Прекрати! И вообще... Может быть, стоит дать оружие в руки мужчинам? — она скрестила руки на груди. — Раз уж вы из-за физической силы периодически забываете о разуме? Ведь оружие — удел мудрых. Магия — место Силы, но лук и стрелы, меч... Всё это требует не только размахиваний руками.

— Естественно, когда ты Богиня и никогда не устаёшь, — Бог усмехнулся. — Но, дорогая, поверь, то, что ты называешь с моей стороны неумелым обращением, для них будет ещё божественным даром. Не каждому сравниться с Вечными.

— С магией так же. Но всё же, — девушка вздохнула, — магия — это удел мужчин. Это они могут, не думая, выплеснуть такое количество Силы в пустоту, а после даже не пожалеть о том, что её растратили.

— И потому ты вручаешь её женщинам? — язвительно уточнил мужчина.

— Да чёрт с тобой! Я же сказала, сила должна быть ограниченной. Поэтому вы — воюете, мы — колдуем. И только за редким исключением меняемся местами, чтобы всё было так, как полагается. Если все будут сражаться на мечах так, как ты, то этому миру опасность не грозит.

— Если все будут колдовать так, как ты, то это всё равно, что не даровать магию вообще. Но... Небеса с тобой, Эрри, пусть будет так!

Они рассмеялись в один голос. Эрри знала, что если каждый из мужчин будет сражаться так, как Дарнаэл, то миру не грозит ничего, кроме запустения. Но, тем не менее, если так, как она, запустение наступит куда быстрее, ведь они тогда ещё и будут думать.

Но если каждая женщина будет колдовать так, как Эрри, то добра с этого тоже никакого не будет. Поэтому, пусть они будут слабыми за редким исключением. Не всем становиться на одну линию с Вечными.

Эрри обняла своего супруга вновь, целуя его в губы.

Главное, чтобы была гармония. Чтобы никто не решил, что выше других. Тогда им придётся вмешаться. Но это пока что не имело никакого значения, ведь ни Эрри, ни её Бог ещё не вмешались в природное течение дел.

Она ещё никого не создала. Он ни в кого не вдохнул свою магию. Ещё слишком рано делить шкуру неубитого медведя. Континент ведь до сих пор не заселён, разве нет?

\*\*\*

Змеи на алтаре едва-едва слышно зашипели. Казалось, они напоминали о том, что не всё так просто, а за будущее полагается немного побороться. Каменные истуканы шевельнулись, а после вновь затихли, больше не подавая ни одного знака собственной жизни. Они превратились в очередной раз просто в статуи, которым ещё не пришло время выходить на первое или хотя бы второе место на этой сцене, но, кажется, подобное временно не имело никакого значения.

Девушка бросила на них только один взгляд, но совсем не подозрительный, скорее ласковый. Сёстры приветствовали её, а теперь вновь принимались к своему служению.

Она встала на колени перед огромным портретом Эрри и склонила голову. Губы шевелились в неслышной молитве, которую она возводила своей Богине, и казалось, что рыжие волосы ещё потускнели, практически сливаясь с серым камнем.

Взор Эрри был почти не строгим, даже скорее ласковым. Девушка не открывала глаз — она чувствовала, как невидимая рука Богини касается её головы, даёт одобрение на всё, что только сделает молодая жрица. Она говорила, как следует поступать. Говорила, что надо делать. Отправляла немой посыл того, как именно сила крови восстанет в молодых правителях — и как Боги вернуться на континент в своих новых обличиях.

Она, по правде говоря, терпеть не могла общаться с Эрри через молитву. Существовало множество других, более выгодных способов. Но она — всего лишь жрица, что должна выполнить волю собственной Повелительнице.

Змеиный взгляд на мгновение превратился и вправду в нечто слишком колючее, раздвоенный язык облизнул губы — и вновь стал самым обыкновенным. Едва заметные чешуйки на руках обратились в тонкую, почти прозрачную кожу, казалось, такую, что может порваться от первого же прикосновения. Впрочем, змеи тоже казались сначала совершенно не страшными.

Жрица поднялась. Свои указания она уже получила — теперь девушка отвесила короткий поклон Богине и подошла к алтарю. Кончики пальцев коснулись нужных рун, алтарь взблеснул и погас.

Приказ Эрри будет выполнен, даже если Змее придётся для этого окончательно распрощаться со своим временным телом.

Жрицы всегда были преданными своей госпоже.

===== Глава тридцатая =====

Это время определённо предназначалось для передышки. По крайней мере, именно так остановку позиционировала Эрла. Ей хотелось выпасть из седла на прекрасную зелёную траву, растянуться на ней, закрыть глаза и превратиться в милое деревце. Тогда она просто отдохнёт и расслабится, забудет обо всём плохом, что встречается на её пути, и больше никто никогда не посмеет её тронуть.

— Ты в курсе, — нагло вторгаясь в мысли, туда, куда вообще никому нельзя, протянула Нэмиара, — что вообще-то деревья иногда могут рубить?

Эрла содрогнулась и едва ли не свалилась на землю. Впрочем, спешила она по-человечески, безо всяких попыток падения.

— Мы тут только для того, чтобы отдохнули лошади, — наконец-то сухо проронила эльфийка. — Я не намерена вновь возвращаться к нему в плен. Если Мэллор так уверен в том, что ему нужны только вы, то можете повернуть к нему и броситься на шею, он будет невероятно рад.

— У нас ещё есть та вода? — Эльм тоже спешился, сел прямо на траву и закрыл глаза. — Воительница, доставай лук.

— Зачем? — удивилась Эрла.

Эльм над нею откровенно издевался. Почему-то её предназначение, поведенное пророчеством, приписанное Нэмиарой, вызывало у парня огромные сомнения, и он совершенно не пытался скрыть их от принцессы. Шэ ничего не понимала, в издевательствах она отказывалась чувствовать двойное дно, словно не было ничего противоестественного в попытках подколоть девушку, которая тебе нравится.

Впрочем, относительно последнего Эрла совершенно не была уверена. Ей почему-то упрямо казалось, что дело исключительно в попытках уничтожить её морально, а уж явно не в непонятной, неизвестного происхождения симпатии. Эльм терпеть её не мог, и за это следовало сказать огромное спасибо королеве Лиаре, это точно. Вот только самой принцессе Эрроканской как-то трудно стало мириться с такими мыслями. Ей почему-то нравилось думать о том, что Марсан только скрывается за постоянной маской ненависти, и всё тут. Может быть, на самом деле он считает её чем-то хорошим, каким-то тоненьким лучиком во всей его мрачной жизни, но не может признаться...

Девушка вздохнула. Это всё — сплошные глупости. В них, конечно, ужасно хочется верить, но она не имеет никакого права на то, чтобы просто так взять и поддаться такой ерунде. Нет, не стоит тратить свои силы и время, да и только. Ведь...

Ведь рано или поздно всё равно придётся прийти к выводу, что Эльм — это худшее, что

могло случиться с нею в жизни.

— Давай, неси лук, — настойчиво повторил блондин, устраиваясь поудобнее под каким-то деревом. — Будешь восстанавливать навыки стрельбы.

Это был его лук. То, что благодаря излишней настойчивости Нэмиары и попыткам Эрлы солгать самой себе обратилось в “оружие избранной”, принадлежало на самом деле Эльму, и периодами принцесса и вправду порывалась отдать ему эту маленькую прерогативу — стрелять.

По пути они заехали в какую-то деревеньку и смогли там купить достойное оружие — ещё два лука, для Эльма и Нэмиары, и шпаги тоже, — вот только почему-то сердитый взгляд Марсана упрямо преследовал девушку.

— Давай. Вот, к примеру, выбери мишенью вон то дерево и попытайся в него попасть, — строго проронил Эльм.

— Я устала и не хочу тратить силы.

— О, да, конечно, причина именно в этом, — хмыкнул мужчина. — Ты будешь стрелять или нет?

Эрла покосилась на Нэмиару. Вместо того, чтобы поддержать её, та лишь равнодушно взирала на деревья и совершенно не собиралась делиться собственным мнением. И вправду, просто так отвертеться не получится.

Принцесса нехотя сжала лук в руках. Стрелять ей не хотелось, да и, признаться, было немного страшно. Она знала, что не попадёт. Это получалось только тогда, когда она действительно находилась в ужасном положении. Тогда ладони как-то сами по себе делали всё так, как следовало, тогда она могла прострелить насквозь птицу в полёте. Но целясь...

Нет.

Эрле не хотелось признавать своё поражение. Она просто делала вид, что внимательно рассматривает красоты природы вокруг. Взгляд скользил по дубам, грабам, клёнам, что возвышались над ними зелёной армией, а в сознании крутилась только одна ясная мысль, да и та была излишне отчётливо связана с побегом. Конечно же, стыдно, но ничего поделать с собой девушка попросту не могла. А что, она в чём-то виновата? Чем-то отличается?

Почему она должна делать то, чего не могут сотворить другие? Стрелять, воевать, вызывать кого-то на бой в те мгновения, когда кто-то, как нынче Марсан и Шэ, просто будут стоять и смотреть?

Взгляд скользнул по особо массивному дубу и поднялся вверх. На небесах постепенно собирались тучи, ещё немного — и прольётся дождь, и Эрла могла себе только представить, как они намокнут и какими проблемами это обернётся.

Ну зачем так гнать?

Кому от этого станет хотя бы немного лучше?

...Лук в руках ходил ходуном. Стрела не то что не знала толкового направления — нет, всё было куда хуже, она и вовсе пыталась выскользнуть из рук, а оперением ударить Эрлу. В колчане за спиной, который она так и не сбросила, потому что при Нэмиаре было стыдно, красовались ещё две, и девушка отчаянно надеялась на то, что Эльм не заставит пользоваться ещё и ими.

— Ну вот скажи пожалуйста, — со вздохом протянула она, — зачем я, спрашивается, всё это делаю? Мне что, нельзя по-человечески отдохнуть, как вот вам?

— Нельзя, — покачал головой Эльм. — Назвался грибом — полезай в корзинку!

— Я грибом не называлась, — фыркнула Эрла.

Собственно говоря, и Воительницей её окрестили тоже силком, вот только это, судя по всему, крайне мало беспокоило недовольного, злого отчего-то даже Эльма. Он с радостью заставил бы её трудиться и дальше в поте чела, да вот только что-то не складывалось у них упорно с трудом и обороной. Увы, но Эрла чувствовала себя всё более и более беспомощной.

Девушка попыталась вновь по-человечески натянуть тетиву, но лук не собирался поддаваться излишне хрупким рукам. Стрела нагло ускользнула, царапнула запястье каким-то самым невообразимым образом и свалилась в траву.

— Я не могу при ней! — сердито кивнула на Шэ Эрла.

— Настоящей Воительнице такая ерунда может помешать? — хитро уточнил Эльм, поднимаясь со своего места.

— И почему мы не оставили тебя на растерзание Мэллору? Пусть бы помучил твой холодный труп, может, и отстал бы от нас ещё на парочку деньков! — сердито заявила Эрла.

Конечно же, она так не думала. Даже Нэмиара отлично понимала, что девушка если и испытывала к Эльму какие-то сильные чувства, то меньше всего на свете они были связаны именно с ненавистью. Но сейчас это не имело совершенно никакого значения. Увы, но девушка если не заигралась, то, по крайней мере, слишком долго поддерживала перед эльфийкой образ, чтобы так просто взять и отказаться от него.

— Ну, так пристрели меня сейчас, — Эльм подобрал стрелу с земли и выпрямился, внимательно глядя на принцессу.

Эрле хотелось бы признаться в том, что, может быть, она испытывает к нему симпатию. Или даже что-то большее, что ещё больше правда, чем хотелось бы думать. Вот только заявить это она ну никак не могла — почему-то упрямо не поворачивался язык. Нет, что-то было тут явно не так, и девушка отчаянно надеялась на то, что её переклинит ну хотя бы через пару минут.

Эльм вложил стрелу в колчан и повернул её к себе лицом, временно отбирая лук. Не следовало сомневаться в том, что вопрос относительно стрельбы ещё будет поднят, но нынче для него явно неподходящее время.

— Я за хвостом, — сообщила Шэ где-то за спиной — и, судя по шелесту трав и ветвей, поспешила скрыться в ближайшем кустарнике. Очевидно, им придётся посидеть тут довольно долго — провести в седле столько дней не так уж и просто, как могло показаться со стороны, и теперь Эрла почти радовалась отличной возможности отдохнуть.

Ещё б никто не заставлял её стрелять, и было бы чудесно!

— Знаешь, — протянул Эльм, — мне всегда казалось, что трудно отыскать что-то упрямее королевы, но тогда, оказывается, я просто не был знаком с драгоценнейшей принцессой. О, воистину, нет ничего хуже, чем её Высочество.

— Спасибо на добром слове, — сердито буркнула себе под нос Эрла и попыталась сбросить его руки с талии, но безуспешно.

Мужчина рывком притянул её к себе и, к вящему недовольству принцессы, ещё и прижал к какому-то дереву.

— Давай, делись своими мыслями, драгоценная, — протянул он. — Что-то вроде рассказа о том, как ты сильно страдаешь в гордом одиночестве без чужих объятий.

— Отстань, а? — она старалась, чтобы голос звучал как минимум устало, но получилось вновь из рук вон плохо. — Я есть хочу. И вообще, едва стою на ногах, а ты тут...

Эльм усмехнулся. Эрле хотелось его как минимум ударить. От того, что он стоял слишком близко, сердце билось чаще, чем следовало, дыхание оставалось прерывистым, а

ещё Эрла упрямо отказывала себе в осознании желания его поцеловать. Ведь она не имеет права проявлять такого рода слабость! В конце концов, она принцесса, а это разжалованный дворянин, и...

— Нет, — внезапно выдохнул Эльм, — право слово, лучше б ты меня тогда оставила у Мэллора. Если ты не желаешь учиться, то какая же с темя будущая королева!

— Мне казалось, ты ненавидишь всё, что связано с королевской семьёй, — неуверенно протянула Эрла, положив руки ему на плечи — благо, лук успешно перекочевал на траву. — Да и вообще, ты ведь так хоте бы скинуть с трона мою матушку...

— Ну и что? — удивился Эльм. — Ведь королева Лиара — это ещё далеко не вся Эррока. Если б отменить несколько безумных правил, то я, может быть, согласился бы там жить.

— А меня ты ненавидишь так же сильно, как и мою маму?

Вопрос сорвался с языка совершенно неожиданно. Эрла не планировала его задавать, вот только впервые за последние несколько дней путешествий они оказались действительно одни.

Чем она думала, когда согласилась отправиться с ним Первый знает куда? Может быть, если бы мать немного послушала её, то удалось бы с лёгкостью всё исправить, не появлялось бы больше никаких проблем, связанных с Богиней, не пришла бы ей очередная идея в голову относительно этого дурацкого непорочного зачатия. Вот только Эрла уже успела скрыться — с позором или без, она доверилась тому, кто самым наглым образом планировал её похитить, добралась неизвестно куда и неизвестно зачем, почти полностью потеряла возможность контролировать ситуацию, да и вообще... Это постепенно доходило до абсурда.

Загремел гром. Грозы в последнее время стали частым явлением, и Эрле так хотелось поскорее вернуться в родной замок и больше никогда в глаза не видеть ни лошади, ни дороги.

— Ну, ты не причинила мне столько вреда, сколько она, так что, наверное, нет, — пожал плечами Эльм. — Серьёзно, толку-то тебя ненавидеть?

Эрла вздохнула.

— А что тогда? Я тебя раздражаю, тебе хочется меня прибить или...

Она вздохнула. продолжать эту дурацкую логическую цепочку ей показалось странным, и девушка предпочла оборвать всё на знаке вопроса. Может быть, правильно предпочла — теперь становилось чуточку легче дышать, после того, как ушла эльфийка.

— Я так устала, — призналась она. — От всего этого. От предназначения, которое повесила на меня Нэмиара. Это ведь она... — смешно сказать, но прежде у неё не было даже шанса рассказать о том, кто такая Шэ. — Ведь это она вбила моей матери в голову, что у неё родится великий Воин и Высшая. А что с того вышло? Я не умею колдовать, Шэйран едва-едва стреляет...

— Примерно как ты, когда у тебя нет опасности над головой? — усмехнулся Эльм. Впрочем, его улыбка была почти добродушной, и Эрла послушно кивнула.

Она пыталась отвернуться, но отворачиваться-то было некуда. Может быть, в забвении и существовало спасение, вот только это путь для слишком слабых, а ей отчаянно хотелось, чтобы в ней кто-то когда-то признал сильную.

— Я не хочу править Эррокой. Я просто хочу нормальной человеческой жизни, — она уцепилась в плечи Эльма, словно когтями.

Вспомнился тот глупый первый поцелуй. Конечно же, серьёзно о дурацком инциденте

говорить было нельзя, ведь они выпили слишком много, да и вообще, то отвратительное средство убивало любое чувство рассудка.

Теперь Эльм смотрел на неё вполне осознанно, и ненависть в его взгляде не плескалась. Скорее бы добраться, и тогда, может быть...

Он уже почти коснулся её губ. Зелёные глаза сияли как-то странно, а на коже появились тени от слишком зелёного леса. Эрла было успокоилась, почувствовала что-то вроде умиротворения, тоже подалась вперёд. Его руки на талии были горячими, будто раскалённые угли, и её дыхание тоже совершенно не соответствовало нормальному, такому, как у здорового человека...

Громкий треск разорвал сознание.

Эрла резко обернулась. Она даже не успела вывернуться из его объятий, да и, кажется, это не имело особого смысла.

Не следовало смотреть на того, кто на них нападал. Нет, кажется, и так было понятно, что за невероятная личность проделала безумно длинный путь исключительно для того, чтобы месть тоже оказалась впечатлительной.

Мэллор был всё таким же растрёпанным, как и прежде, и по его плащу до сих пор тянулись зелёные ветки. Он вытянулся во весь свой немалый рост и будто бы шипел. Может быть, в этом самом шипении чувствовалось нечто схожее с... Нет, дать точное определение было довольно трудно — практически невозможно даже.

Плющ на его плаще взвивался огромными змеями. Мэллор был страшен — и в своём гневе, и в своём безумии тоже. Впрочем, кажется, эти два состояния у него совершенно не отличались друг от друга, по крайней мере, такое возникало впечатление у Эрлы.

...Эльм оттолкнул её в сторону прежде, чем девушка вообще успела что-то понять. Он даже как-то выдернул стрелу из колчана, подхватил лук, и принцесса осознала, что, может быть, от её попыток было бы куда больше пользы.

Эльм выстрелил прежде, чем Мэллор начал колдовать.

Плющ не собирался ждать. Он рванулся вперёд, и стрела так и не достигла своей цели. Её оплело со всех сторон, а после швырнуло обратно, уже оперением вперёд.

Эльм едва успел увернуться. Второй у него не было — зато была шпага. От неё, как показалось Эрле, будет слишком мало толку, но мужчина всё-таки успел выдернуть её из ножен и рубануть по первому ростку, что выбился из-под земли.

— Вы так наивно полагаете, что могли бы от меня сбежать, — хихикнул Мэллор. — Я же сказал, она мне нужна. А всё остальное не имеет значения.

Он опустил на одно колено, и ладони с лучами-пальцами коснулись земли. По траве в разные стороны разбегались волны, что будто бы пытались пронзить насквозь всех, кто имел смелость на них наступить, и в них буквально ощущалась отчаянная боль. Боль, которую слишком трудно и бессмысленно было толковать в очередном приступе страха.

Волны упрямо разбегались.

Эрла вскочила на ноги. Она видела уже, что может сделать с человеком растение, и не планировала всё это повторять.

Её шпага в руках выглядела косоруко, и сама принцесса очень сомневалась в собственных умениях фехтовальщика. На ногах она стояла едва-едва, но перерезать настойчивый зелёный побег, что уже подбирался к правому запястью, сумела.

Казалось, Мэллор зашипел от боли. В глазах Лесничего вновь вспыхнуло то самое безграничное безумие, что и прежде, и он вскинул руки.



От них зелень не оторвалась и не помчалась зелёными столбами в небо. Нет, ничего книжного и прекрасного, да и это вряд ли можно было назвать зрелищным. Скорее просто банальный росток ринулся к горлу — и Эрла попыталась изогнуться, вывернуться, направить оружие так, чтобы перерезать растение.

Зелень стала частью Мэллора. Его душой, чем-то таким, что дышало вместе с естеством волшебника.

Он без неё не мог жить.

Не мог существовать, как что-то свободное, самостоятельное, способное на мысли или хотя бы чувства.

Он давно уже был растением, которое не могло чувствовать ничего, кроме того, как соки земли постепенно поднимаются по нему, брызжут из каждого лепестка, старательно душат всё живое вокруг. Он ненавидел и лес, и всё на свете, кроме себя самого, кроме единственного растения, которое пытался хранить. Кроме проклятого, отвратительного ростка плюща, которым давно уже был сам.

Руки больше не руководились сознанием. Она не знала, что вообще направляло каждое движение шпаги, но лезвие внезапно вывернулось так, что острие оружия столкнулось с плющом.

Прежде чем Мэллор сумел остановить свой росток, он был ранен как минимум на несколько десятков сантиметров. Маг зашипел — на лице появился длинный кровавый порез, явное свидетельство этой пагубной для зелени связи.

В руках тут же появилась боль. Они словно налились в одно мгновение свинцом, превратились в что-то до такой степени тяжёлое и неподъёмное, что управлять собой не было никакой возможности.

Эрла скосила взгляд на Эльма. Ещё одно нападение он сумел отбить, но тоже выглядел уставшим. Плющ успел коснуться его кожи.

Сок его смог-таки пролиться на руки Эрлы.

Это было концом. Действительно, как они столь глупо, наивно могли себя вести, не догадались, что каждое прикосновение гадкого растения ядовито? А когда Мэллор оплетёт их этими жуткими творениями с ног до головы, что будет тогда?

Сплошную зелёную стену невозможно было изрубить. Она прижимала их к деревьям, но пока что обвивала только там, где кожу прикрывала одежда. Оплавленная шпага валялась где-то совсем рядом, Эльм вынужден был отступить и теперь с ненавистью смотрел на каждый паросток, что пытался к нему прикоснуться.

Мэллор пошатнулся. На мгновение зелёная стена пошатнулась, отодвинулась, посунулась на несколько миллиметров.

Он обернулся.

За спиной стояла Нэмиара. Волшебство клубилось вокруг её ладоней, и она была готова спустить его с цепи каждую секунду.

Растение вернулось к своему делу уже без ведома хозяина. Эрла не могла шевельнуться, хотя очень хотелось. Она бросила взгляд на Эльма, но тот сосредоточенно взирал на Нэмиару, и только теперь девушка поняла причину.

Мэллор обращал её обратно. Ноги уже превратились в ствол берёзы, волосы обращались в ветви и зелёными листьями спадали почти до колен, и только на руках до сих пор вспыхивала потоками магия. И она в отчаянье шептала что-то, повторяла, подобно формуле, одно и то же слово, значение которого Эрла никак не могла понять.

Лесничий повернулся к своим пленникам.

— Пророчица станет милой берёзкой в этом лесу, — протянул он с такой довольной улыбкой, что хотелось перестать дышать. — Твой кавалер превратится в пепел от моего яда. А ты, красавица, родишь мне Её. Поможешь мне воскресить Её, слышишь? — он подался вперёд. — Я знал, что королевская кровь поможет это сделать. Пророчица мне сказала. Ну что... начнём с...

Он перевёл взгляд на Эльма. Плющ уже тянулся к горлу, и было понятно, что стоит ему только притронуться, и это будет конец. Ничего не исправить, ничего не изменить, ничего хорошего не случится.

Им не спастись.

— Эй! — внезапно лихо, с горской бравадой воскликнул Эльм. — А как же моё последнее желание? Разве я не имею на него права?!

Мэллор устало покосился на Эрлу.

— Давай, — выдохнул он. — Только поскорее.

Принцесса бросила взгляд на Нэмиару и наконец-то прочитала слово у неё по губам. “Время”.

===== Глава тридцать первая =====

Злоба клокотала в груди с такой силой, словно он старательно подогревал её каждую минуту собственной жизни. Парень точно не мог пояснить, откуда появилось это глупое, отчаянное желание всех ненавидеть, что стало толчком к действию, но... Почему всё должно рушиться? Почему именно его мать должна оказаться безумной, именно его родственники ведут себя, словно стая сумасшедших, да и вообще, почему всё всегда оказывается именно вот так?

Отыскать объяснение, что звучало бы более-менее разумно, почему-то не получалось. Шэйран хватался за остатки собственных мыслей — в волшебстве тонуло всё, что только могло утонуть, и он больше не касался глупой, тонко-незаметной темы в своих мыслях.

Предателями оказались все.

От Лиары, что так старательно толкала свою дочь если не на верную смерть, то на кошмарный позор уж точно, и до Моники, так верно служившей своей госпоже, что от этого практически тянуло на рвоту.

В дверь постучались. Рэй поднял взгляд на деревянную, дубовую поверхность и едва заметно усмехнулся, будто бы старательно пытаясь открыть вход мысленно, не сдаваясь от того, что у него никогда ничего прежде не получалось.

Естественно, на самом деле Шэйран с радостью бы заколотил её такими же дубовыми досками, закрылся бы в маленькой комнатухе и больше никогда никого не видел.

Ему хотелось выжечь тут всё. Даже эти красные знамёна родного государства, привычный чёрный тон в одежде, что всегда, и в Эрроке, и в Эльвенте, обозначал мужчин-магов.

В Эльвенте это было цветом чести. В Эрроке — цветом позора.

Женщины никогда не носили чёрный.

Он мотнул головой. Пора бы обо всём забыть. И о проклятой Самаранте, и о её дочери, что так удачно оказалась на троне во время отсутствия его отца. Может быть, Сэя показалась бы ему чуть лучше, не отслеживайся так отчаянно просто её связь с Рри, тем, кто старательно пытался отправить Дарнаэла Второго на тот свет уже Первый знает сколько раз.

Всё это не просто вызывало подозрения, нет. Всё это буквально наталкивало на мысль о

том, что госпожа Тальмрэ, старшая или младшая, просто действовала по указке распрекрасной королевы Лиары.

Каждый раз.

Всегда.

Всю его чёртову, надоедливую жизнь, лети она к Змеям!

Стук повторился. Нагло, настойчиво, совсем не по-женски. Сэя бы так не стучала — у неё прозвучало бы требовательно, но довольно тихо. А у Моники после всего, что случилось, и вовсе несмело. Анри попыталась бы наследовать манеру стражников, но вместо громогласного грохота получилось бы что-то смелое между храбростью и попыткой сбежать куда глаза глядят.

И, конечно же, это была не стража, потому что не чувствовалось медвежьей прямооты, и не Тэравальд, ведь и лисьего куда больше, чем кошачьего. Не скребок, а именно стук, словно рыжехвостый старательно пытается выдать себя за серого, матёрого волка, попав в соответствующую компанию, но никак не может попасть в роль.

— Открыто! — холодно промолвил Шэйран, снимая наконец-то все заклинания, что висели на двери.

Тэллавар.

Может быть...

Нет. Всё это не имело значения. Парень совершенно не хотел учиться, не хотел тратить собственное время на то, чтобы возиться с проклятым, надоедливым Высшим Магом, что когда-то точно так же мучился в Вархве, сражаясь с матриархатом.

Хотя нет. Ведь, может быть, Тэравальд был учеником тогда, когда наступила эра Королей, а значит, никто не пытался изгнать его из учебного заведения, никто не морочил ему голову бесконечными глупыми постулатами, которые так отчаянно любила Самаранта.

— Здравствуй, — кивнул ему маг. — Надеюсь, юноша, вы готовы к тому, чтобы приступить к поглощению новых знаний?

— Нет, — сердито отозвался Шэйран. — Не готов и не стремлюсь. Я хочу отказаться, мне всё это не нужно.

Во взгляде Гартро мелькнуло что-то устало-раздражённое. Он сделал несколько шагов вглубь комнаты и остановился прямо напротив Шэйрана.

— Так нельзя. Договоры никто не разрывает. Ведь ты серьёзный человек, Рэй, ты должен нести ответственность за то, что говоришь людям.

— Нет, — отмахнулся он. — Я не собираюсь заниматься волшебством. Это не моё, поверьте на слово, пожалуйста.

— Ну как же не твоё! — возмутился Тэллавар. — Пойдём, и я докажу тебе обратное. Не сидеть же всю жизнь в болоте!

— Мне и тут нравится.

— И каковы причины очередного приступа депрессии? — язвительно поинтересовался волшебник. — Может быть, мне раскроют этот великий и страшный секрет, который никак не может дойти до сознания столь глупого существа, как я?

Шэйран промолчал. Больше всего это великое существо ему хотелось послать куда подальше, чтобы даже не вспоминать о том, что обещал.

— Я не желаю тратить своё время на магию.

— Почему?

— Потому что в этом мире магия принадлежит женщинам, непонятно разве? — вновь

некстати вспомнилась Сэя.

Что это за мысли? Почему опять перед глазами словно стояла надоедливая Моника, которая так легко обманула его? Ведь зачем она тут была? Шпионка? Действительно ли не знала о том, что на самом деле Шэйрану отнюдь не известно о планах его драгоценной матушки? Ведь она должна была понимать, что никто с Рэем планами Её Величества никогда не делился и, соответственно, не собирался вещать о том, какие именно магические эксперименты она планировала проводить. Откуда ему было знать?

Моника не дура. Лэгаррэ всегда в курсе всего, что происходит вокруг неё, так почему она не была осведомлена относительно осведомлённости королевского сына в таких вопросах?

Ах да, он ещё не был уверен, стало ли для неё такой новостью то, что Шэйран вообще принадлежал к королевской семье, да и вообще, не поведала ли королева Лиара прелестной ученице об этом прискорбном факте заранее.

Она ведь могла.

Мама вообще многое могла.

— Я не собираюсь тратить своё время на увещевание такого недовольного жизнью человека, как ты, я просто предлагаю всё исправить, — сухо промолвил Тэллавар. — Ты можешь не идти за мною, конечно же, но если пойдёшь, то я обещаю...

— Что? Вы просите меня об этих занятиях только по одной простой причине. Даже не потому, что вам интересен мой дар, а потому, что кто-то должен открыть Врата, или как там называется та зараза, что ведёт в усыпальницу Дарнаэла Первого? — Шэйран зло пожал плечами. — Пойдёмте, если вам так надо, потренируемся.

Гартро довольно кивнул. Кажется, он добился того, чего хотел, а вот способы не имели совершенно никакого значения, по крайней мере, в этом случае уж точно.

\*\*\*

Тэллавар притащил его в какую-то невероятную глушь. По крайней мере, иначе сие место Шэйран назвать попросту не мог — среди леса, что окружал столицу неплотным кольцом, было довольно много интересных полян, но они должны были остановиться именно посередине какого-то подобия бурелома.

— И? — сердито переспросил принц. — Что мне тут делать? Взрастить ещё одну линию леса, или как?

— Мне надо посмотреть на то, насколько хорошо восстанавливается твой резерв и как легко ты его тратишь на заклинания.

— У меня есть магическое образование, — отозвался Рэй. — И я спал всё-таки не на каждой лекции, а сначала даже внимательно слушал. Поэтому прекрасно знаю, что стандартные заклинания забирают одинаковые измерения силы, к тому же, это всегда можно регулировать. При наличии достойного опыта, естественно.

— Можно, — согласно кивнул Тэллавар. — Но как что до природного дара? Ведь у тебя есть что-то, что ты можешь делать без заклятий и образования? Да?

— Допустим.

— Меня интересует прямой ответ.

— Если вас, господин Высший, интересует прямой ответ, то вам надо было брать в ученики какого-нибудь ребёнка. Тот не утаил бы ни единого своего магического успеха за всё долгое существование на этом свете. А я, увы, не в том прекрасном возрасте, чтобы радоваться каждому листику на дереве или каждой капельке водички.

— Шэйран, не груби. Я должен знать потенциал. Чтобы начать работать над материалом, следует понимать, какой у него состав.

— А я повторюсь, — Рэй повернулся к нему спиной, — что я всё-таки выдержал несколько лет в той проклятой Вархве и даже получил диплом. Мне не нужно всё это. Не нужно обучение с нуля. Мне надо, чтобы меня оставили в покое.

Отчаянное недовольство буквально кипело в нём, превращалось в дикие и бурные волны, и сдерживаться парень совершенно не планировал.

Он вновь посмотрел на Гартро, а после присел на какой-то пенёк и уставился на ближайшее изломанное деревце.

Оно было совсем тоненьким, поэтому первый же бурелом посреди дубовой рощи превратил его в козла отпущения — сломил тростинку, обратил в давно уже изгнившее подобие в будущем могучего дерева.

— Сколько мне работать? — наконец-то спросил Рэй. — Я должен знать временной отрезок.

— Сплошной поток магии до полного истощения резерва. Обычно используют вторжение в ауру, чтобы посмотреть на скорость истощения, но ты, скорее всего, будешь сопротивляться.

— Разве полное истощение не приводит к тому, что мага потом надо долго и старательно откачивать?

— Приводит. Но ты остановишься в секунде от края, я думаю, сможешь, к тому же, учитывая скорость наполнения, плохое самочувствие не затянется дольше, чем на пару секунд. Ну, приступай.

— Только отойдите подальше, — Рэй уставился на сломленный дубок. — Я хочу заняться именно им.

Тэллавар лишь пожал плечами. Он явно был уверен в том, что отступать совершенно необязательно, всё равно парню даже примерно не хватит сил для того, чтобы превратить его хотя бы в маленькое порядочное деревце, у которого есть шансы на выживание.

Шэйран не стал тратить время на то, чтобы убирать или восстанавливать отмершую часть. Ему не понадобился даже тактильный контакт, который всегда нужен был прочим магам, даже с природным даром, при работе с чем-то таким.

Растения всегда получались у него очень просто — единственное место, где приходилось сдерживать свою силу, чтобы получить положенную тройку и не потерять тот самый прелестный образ, что так старательно к нему прицепился.

Шэйран игнорировал и то, что тучи в очередной раз старательно пытались сомкнуться над головой, и тени от огромных деревьев вокруг. Теперь не существовало ничего, кроме этого сломленного живого существа.

Гартро за спиной хохотнул. Прошло уже несколько минут, а ничего не изменилось. Деревце не начало восстанавливаться.

Шэйран сдержал улыбку.

Конечно, иногда это случается быстро. Но с травами всегда проще. У дуба была душа, пусть маленькая и несформированная. Рэю даже на мгновение показалось, что у них есть некоторые общие черты — его тоже так старательно ломали всё это время, и разве что чудо могло помочь исцелиться.

А после сила потекла по воздуху, вливаясь в дерево.

Осколки пропадали. Щепок больше не было. Омертвевшая часть так и осталась тонкой,

несформированной зелёной кроной там, под ногами, но ввысь устремились новые сочные побеги. Сначала росток возвращался в нормальную форму неохотно, после — уже более быстро, и вместо пустой палки появилась густая крона.

Рэй не собирался останавливаться. Он не чувствовал того, как уходила сила, но знал, что когда она наконец-то закончится, то всё остановится.

Это обычно отнимало у него не так уж и много энергии, но ведь парень понятия не имел, что именно творилось у него с резервом.

Может быть, там такая же лужица, как и прежде, и его максимумом останется разве что восстановление прежнего состояния бедного деревца?

Он посылал волшебство дальше. Крона становилась более густой, ствол — толще, чем прежде, и всё разрасталось быстрее и быстрее.

Парень так и не открыл глаза. Ему было проще отправлять волшебство вот так, вслепую, не направляя его действие. Ведь начинающие ничего такого сделать не могут, они просто непрерывным потоком, часто до собственной смерти, используют магию. Они не думают о том, чтобы пополнить резерв и выжить после использования магии, нет, любые меры предосторожности стандартно остаются для них чем-то лишним и незапланированным.

Много молодых магов, что так и не соизволили пройти обучение где-нибудь в официальном заведении, например, в Вархве, в местной академии, гибнет именно от того, что они не смогли контролировать свой волшебный поток.

Именно сию прописную истину в них так долго пыталась вбить Самаранта Тальмрэ, что за хлопотами даже забыла отдать на обучение родную дочь.

Нельзя сказать, что Сэе это очень помешало.

— Рэй! — окликнули его.

Парень не отозвался. Магия всё так же текла по пальцам, и он слышал, что деревце тянулось вверх. Скорость контролировать оказалось не так уж и просто, и он действительно пустил всё на самотёк.

— Рэй!

Наконец-то он ощутил, что волшебство начало заканчиваться. Ещё хотя бы минутку, чтобы дерево стало чуточку сильнее, и всё. Ему больше не нужно, он не будет использовать те остатки силы, что кружились вокруг его, нет... ещё немного.

Наконец-то по воздуху пробежалась разрядом последняя искра магии, и он почувствовал приятное опустошение. Потом — отпустил дерево. Стало спокойнее, и резерв вновь наводнялся волшебством, а Шэйран заставил себя открыть глаза.

Он думал, что увидит тот же маленький дубок, только чуть крепче, но сначала подумал, что ничего не получилось. Что погубил уже то, что было.

А после до него наконец-то дошло, почему ничего больше не отличается.

Поляны больше не осталось. Дубок обратился в огромный дуб, что своей кроной закрывал всё вокруг от дождя. Он был не выше остальных, но явно шире, к тому же, действительно казался намного могущественнее, как растение, чем всё остальное вокруг.

Шэйран широко распахнул глаза, а после бросил короткий, прерывистый взгляд на Тэллавара.

— Замечательно, — выдохнул Гартро. — Не могу поверить... Замечательно! Ты знаешь, я даже не ожидал ничего такого...

— Это означает, что природный дар забирает у меня мало сил или то, что я смог временно расширить свой резерв? — уточнил Шэйран.

Ему всё ещё не было интересно. Стоять в тени того, что взрастил сам, конечно, приятно, но... Всё равно оставалась некоторая горечь, что не позволяла наслаждаться какими-то дуновениями ветерка или чем-то приятным, хорошим.

— Нет, — покачал головой Тэллавар. — Это означает, что ты можешь поддерживать свой резерв в процессе. Подпитывать волшебством самого себя тогда, когда колдуешь... Невероятно! Конечно, надо ещё немного увеличить запас силы, поработать над резервом и над знаниями в первую очередь, но такого я за свою жизнь ещё не встречал.

Шэйран пожал плечами. Он вновь думал о Монике — вот она бы всё отдала, чтобы оказаться такой, как он сейчас.

Такой ненормальной, почти сверхъестественной, а самое главное, могущественной и способной приносить родному государству пользу.

— Я рад, — наконец-то сухо проронил он. — Теперь я наконец-то могу идти, или попытка обучением будет старательно продолжаться?

Почему-то Тэллавар рассмеялся, словно это была хорошая шутка, подошёл к дубу, будто бы в тени от зелени он мог почувствовать себя чуточку спокойнее, вновь выдавил из себя едва заметную улыбку и зажмурился. Это выглядело так странно...

Но Шэйран так и не задал ни единого вопроса, словно вся странность для него подразумевалась в поведении этого гадкого старика.

— Ты можешь идти, — вздохнул Тэллавар. — Но я бы хотел научить тебя ещё парочке заклинаний. Что ты думаешь, например, об энергетическом шаре?

Шэйран не сдержался. Смех сорвался с губ как-то сам по себе — от наивности этого гадкого мага ему стало дурно.

— Я же вам сказал, что прекрасно осведомлён относительно базы, — он вытянул руку, и на ней заиграл огромный пламенный шар. Это заклинание Шэйрану тоже всегда хорошо удавалось — проблема была только в том, что у него не существовало даже следа веры в себя, а теперь, после этого дерева, получалось колдовать именно так, как ему хотелось.

Тэллавар отступил. Он вновь прижался спиной к дубу и будто бы старался впитать в себя его силу.

— Иди, мой мальчик, — выдохнул он, вновь пользуясь этим стандартным и отвратительным обращением ученика к учителю. — Когда я решу несколько маленьких вопросов, я начну учить тебя чему-то воистину серьёзному.

— Хорошо, спасибо, — Шэйран едва заметно склонил голову, хотя это нельзя было назвать даже полупоклоном, а после направился в сторону замка, даже не оборачиваясь.

Гартро был готов поклясться, что там, где он топтал цветы, на остатках волшебства от следов они могли восстанавливать себя вновь.

И пил эту магию огромными глотками, отлично зная, что молодой маг даже не почувствует столь наглого вмешательства.

Шэйран Тьеррон был не просто источником магии — кладезем, который Тэллавар искал столько лет. Нет, он был не одним тонким ручейком волшебства.

Он был целой подземной рекой, что океаном прорывалась на свободу из-под глубин лесов и полей.

\*\*\*

Уставшим Рэй себя не чувствовал — разве что морально раздражение упрямо не желало оставить его в покое. Можно было встретиться с Сэей в очередной раз, вот только почему-то Рэю меньше всего на свете хотелось нынче её видеть. Ничего хорошего в подобного рода

ненависти не было, конечно, и он старался бороться с раздражением в себе каждый раз, когда видел её, но стоило столкнуться случайно в коридоре...

На сей раз обошлось. Он лишь кивнул ей, убивая это отвратительное натянутое отношение, что воцарилось между ними, и грустно вздохнул, проходя мимо. Королева не обратила на подобное отношение совершенно никакого внимания, для неё это не имело совершенно никакого значения. Рэй отлично знал, что мог хоть повеситься тут в приступе своей демонстративности, всё равно госпожа Тальмрэ только мило улыбнётся и кивнёт, когда отец приедет.

Мысли о сестре тоже никак не шли из головы. А что будет, если папа не успеет? Она ведь окажется невинной жертвой собственной матери, той, у кого не было ни единого шанса спастись! Она будет...

О Первый!

Её жизнь просто растопчет, превратит в крошечный ад родная мать, и никто ничего с этим поделать не может, потому что Королеву Лиару невозможно переубедить. Ведь она всегда права, даже если она приказывает всей стране покончить жизнь самоубийством.

Она просто не может ошибаться.

Шэйран остановился уже у двери в собственную комнату. Поскольку короля не было, у него — законный выходной, поэтому он не ожидал присутствия там хотя бы кого-то.

Конечно, Анри могла явиться, у неё хватило бы фанатизма, но ведь он самолично отправил её к себе и сказал не приходить до завтрашнего утра. Если б не Тэллавар, то так и просидел бы в гордом одиночестве столько времени, сколько у него получалось, вот только Гартро самым наглым образом вмешался в его планы и переколошматил всё, что только мог.

Ну ничего.

Дверь оставалась приоткрытой. Шэйран для порядка сотворил магический пульсар, понимая, что если там Рри, то действовать придётся незамедлительно, причём настолько, насколько у него будет возможность.

Сила билась в руках с невероятной скоростью, но он всё равно толком не мог справиться с нею. Да и понять, что именно имел в виду Тэллавар, когда говорил о том, что он может вливаться в поток и пополнять резерв параллельно, не получилось, по крайней мере, до конца. Всё это имело определённое значение только в контексте, а в это как раз Рэя забыли посвятить.

Он открыл дверь, вскинул руку и...

Замер.

На кровати сидела Моника. Бледная, словно та смерть, будто б от неё только что отреклась богиня, уставшая, с кругами под глазами, какая-то преисполненная жертвенного трагизма, явно пытавшаяся спастись от неизвестной напасти, что одолевала её изнутри. Такой Лэгаррэ Шэйран ещё никогда не видел.

— Привет, — прошептала она совсем тихо.

— Что ты тут делаешь? — Рэй скрестил руки на груди и строго посмотрел на неё, будто бы пронизывая насквозь ненавистью, хотя на самом деле не мог заставить себя ненавидеть её настолько, насколько ненавидел Сэю.

— Пришла... Ты вчера так меня и не дослушал, я не успела сказать тебе всё, и... А ночью узнала о том, что король отправился в... В Эрроку, да, Рэй?

— А тебе что? — усмехнулся парень. — Ты собираешься отправить магией сообщение моей драгоценной матушке или Высшей Ведьме? О, особенно Тэзре! Она же знаток в этих



делах, поможет остановить короля, чтобы он не вытащил дочь из лап Богини...

Моника вскочила — до этого она была просто бледной, а сейчас ещё и сердитой и наполненной отчаяньем.

Она схватила его за руку в предупредительном жесте, и Шэйран едва сдержался, чтобы не оттолкнуть от себя девушку. Не было противно, не было гадко, она вообще всегда вызывала только положительные эмоции, но что-то всё равно пошло не так.

— Ты можешь меня выслушать? — попросила она.

— Нет.

— Рэй, королю не надо было никуда ехать, — она отвела взгляд. — Серьёзно. Абсолютно зря... Я тогда не смогла тебя догнать, но не думала, что ты бросишься к отцу почти сразу же, правда. Мне казалось, ты не относишься к Эрле настолько трепетно, и... Что толку теперь спешить?

Он пожал плечами, будто бы игнорируя все заявления со стороны девушки, и отвернулся, собираясь поскорее уйти.

— Мон, пожалуйста, оставь меня в покое. Ты и так уже сделала всё, что могла, чтобы моя сестра оказалась-таки жертвой на том проклятом алтаре.

— Но она не может оказаться жертвой! — воскликнула девушка. — Она ведь сбежала! Давно, очень давно, и потому меня отправили сюда! Королева Лиара подозревала, что Его Величество похитил принцессу... то есть, дочь, но теперь-то я понимаю, что её тут нет. Значит, она сбежала сама. Я должна была её отыскать, и... ну, нашла второго ребёнка Её Величества. Сам видишь. Теперь, — она отошла на несколько шагов от него, — можешь меня изгонять. Я не против. Можешь даже проклясть пострашнее, правда.

Рэй усмехнулся. В голове роилось множество мыслей — упорядочить их казалось практически невозможным, и он едва сдерживал смех, что стремился так и сорваться с губ практически немедленно, сию секунду.

— То есть, Эрла не в Эрроке, а на алтарь положили кого-то совсем другого?

Моника кивнула.

Она сжалась, когда пульсар на его руке вспыхнул ярче, и Рэй поймал себя на мысли, что девушка, наверное, боится. Может быть, его сила чуть больше, чем ему самому кажется, может быть, и вправду не следует с такой лёгкостью игнорировать всё то, о чем твердит ему Гартро.

Не следует отступаться от собственного дара только по повелению отчаянного упрямства и нескольких капелек лени.

Магию он едва-едва сумел потушить, но не стал вдаваться в подробности, что она вырвалась из-под контроля совершенно случайно. Беззащитная Лэгаррэ вызывала странные ассоциации, но в первую очередь Шэйрану было действительно весело от одной мысли, что эта девушка вообще способна чего-то бояться.

— Изгонять, — повторил он, будто бы только сейчас понял смысл этого слова. — И Эрле не грозит весь этот кошмар? С алтарём, Богиней и компанией?

— Ну, почему кошмар! — возмутилась Моника, вновь сев на конёк распрекрасной религии. — Дитя, дарованное Богиней... нет, — она запнулась. — Не светит. А что?

— Да это же прекрасно! — рассмеялся Шэйран. — Какое изгонять! Это лучшая новость, которую ты только могла мне сообщить!

— Но твой отец...

— Ничего страшного, — покачал головой Шэйран. — Ну, пообщаются с мамой,

осознают собственные ошибки, в что я, правда, слабо верю. Главное, что сестре не грозит подобная гадость, — он отступил от Моники на шаг, окинул её каким-то подозрительно-оценивающим взглядом, но больше ничего так и не сказал, словно не видел смысла в том, чтобы пояснить причину собственного высказывания. Ведь должно же быть что-то, что толкало его на подобного рода слова — и девушке не особо хотелось копаться в сознании почти постороннего человека.

Она, впрочем, многого не понимала. Ведь она тут по заданию Её Величества, а значит, обязана быть верной до последнего, не имеет совершенно никакого права вот так просто говорить что-либо о тайнах Эрроки. Она должна, обязана быть верной, даже если это подразумевает предательство пустившей её на свою территорию страны. Ведь не просто так Тэзра хотела, чтобы она была тут, значит, существовали определённые причины. И если они достаточно загадочны, то сие не повод отказываться от державы.

Шэйран выглядел почти весёлым. Казалось, что он совершенно не грустил по тому поводу, что отца не было в стране, будто бы ничего плохого с Его Величеством во вражеском логове случиться не могло. Моника не могла заставить себя спокойно смотреть в глаза Рэю — её уверенности на это отнюдь не хватало. Впрочем, чего переживать? Если она хочет быть верной Эрроке...

А она хочет?

— Почему ты так боялся участия Эрлы в этом ритуале? — пытаюсь думать о чём-то хоть немного более понятном, спросила Моника. — Ведь разве в нём есть что-то плохое? Богиня дарует ребёнка своей верной последовательнице, и...

Рэй рассмеялся. Складывалось такое впечатление, что всё, что она скажет, вызовет у него новый приступ веселья, хотя на первый взгляд ни единой причины для подобного поведения не было и быть не могло. Но... Он и вправду смотрел на неё, словно на какой-то подвид безумной девицы, решившей внезапно, что такие вопросы в её компетенции.

— Ритуале? — фыркнул парень. — Да не приходит никогда никакая Богиня. Они уже Эрри знает сколько лет пытались его провести, совершенствовались и вновь пытались. Знаешь, чем это заканчивалось? К бедной несчастной жертве являлся стражник, что должен был охранять её покой, а дальше уж как сложится — по любви или не очень. Всё, что может ваша сумасшедшая Богиня, это швырнуть несчастную девушку в руки мимо пробежавшему извращенцу! Непорочное зачатие, как же... Да, конечно, — он кашлянул, словно пытался прочистить горло, — бывает всякое. В основном, если жертва нравится Эрри, та старается подобрать кого-то неплохого, и... Ну, да, образуются довольно крепкие семьи. Но учитывая то, что Эрла ни в кого не влюблена, это стало бы для неё самой большой пыткой из всех, что наша драгоценная мамочка только могла придумать.

Моника замерла. Неужели... Неужели правда? И нет ничего волшебного в глупом ритуале, разве что магия держит девушку достаточно крепко, а незнакомец, решивший её навестить, может оказаться неплохим человеком? Получается, Богиня ничего не может сделать, только задурить голову нужному парню, чтобы совесть и понятия чести его не останавливали?!

— Но Тэзра! — отчаянно воскликнула она. — Ведь Тэзра сумела родить ребёнка от...

— От Кальтэна она сумела родить ребёнка, — грубо, резко оборвал её Шэйран. — И думает по сей день, что кто-то, кроме матушки, в это поверил. А Кальтэн ходит кругами и вздыхает, пару раз пытался вытрясти из отца длительную и прекрасную историю о том, как его сын родился могущественным магом, а теперь счастлив и почти повелевает Эррокой.

Сказки только звучат хорошо, Моника.

Девушка даже не посмела возразить. Что-то подсказывало ей, что не стоит — в этом не было равным счётом никакого смысла. Она отступила к двери, старательно отодвигаясь от него, будто бы пыталась найти выход, который, впрочем, был слишком близко, слишком... Ясно, что ли.

— Ты куда? — голос Рэя звучал почти устало. В синих глазах плясали какие-то искорки, словно он то ли смеялся, то ли порывался поиздеваться. — Стоп... Мон, ты действительно собиралась тоже в будущем поучаствовать в этом ритуале? — его взгляд стал и вовсе злозаинтересованным. — Ну, мой дорогой помощник, ты проходишь по параметрам верности державы, это да. А по тому, обязательному?

— Магия? — Моника и вовсе прижалась к деревянной поверхности, словно пытаешься выжечь в двери дыру. — Ты же знаешь, что у меня есть волшебство...

— Я о другом параметре, — покачал головой он. — Относительно предыдущих связей с мужчинами. А, Лэгаррэ, — он подступил ближе. — Как относительно этого?

В прошлый раз Шэйран был пьян. Сегодня — нет, сегодня он просто отчаянно пытался сдерживать рвущийся на свободу смех, будто бы новость о похищении или побеге Эрлы была и вовсе единственным, что имело отличную возможность вернуть ему хорошее настроение.

Он подступился к ней поближе, ладони тоже коснулись сплошного, хорошо обработанного дерева, и девушка на несколько секунд зажмурилась, словно в поиске запасного выхода. Впрочем, искать его — трусость, и она надеялась на то, что сейчас всё закончится, а сдавливающее грудь ощущение и вовсе растворится в пустоте.

— Я бы никогда, — Мон с силой толкнула его в грудь, словно надеясь на то, что Рэй упадёт прямо на этот ковёр, да ещё и желательно разобьёт себе голову, — никогда не позволила — и не позволю! — коснуться ко мне кому-либо из вашего отвратительного мужского рода. Даже с поцелуем... Не говоря уже о чём-то большем. Ты понял?!

Увы, но, поскольку магию она не применила, попытки сопротивления были бесполезны. Шэйран только вновь рассмеялся в ответ на отчаянные попытки отпихнуть его в сторону; его руки на мгновение показались кандалами, сковавшими сначала её плечи, после талию...

Монике казалось, что шевельнуться она не может. Проблема была в магии... В проклятой Богине, где бы она ни присутствовала — это жуткое ощущение беспомощности, когда чужая сила сжимает тебя каменными кандалами, и ты можешь только беспомощно ненавидеть.

— Я бы тоже — никогда, — внезапно выдохнул Шэйран, — не подумал бы даже воспользоваться девушкой вопреки её желания. Но, заметь, Богине Эрри на это глубоко наплевать. Что на девицу на алтаре, что на моральные принципы того, кто должен поучаствовать в непорочном зачатии. Неприятно, правда?

Он отпустил её — и магия схлынула.

— Вот так она действует. Когда всё, что у тебя есть свободного, это только сознание. Если бы быть слепой и глухой, то можно даже верить в Богиню, правда? Вот только эту милость она никому не дарует, — Шэйран вытянулся на кровати, даже не избавившись от обуви. Волшебство сорвалось с цепи всего на пару секунд; не то чтобы ему было стыдно.

Королева Лиара, как ни крути, вела свою родословную от Богини.

— И, — продолжил он с неимоверным равнодушием, — если для вас важен сам факт... Чтобы это было дитя, дарованное Богиней... Что ж, думаю, — его лицо превратилось в

дикую и почти полную ненависти гримасу, — у тебя есть все шансы.

Она застыла в углу, всё ещё пытаюсь понять, одумался Шэйран или действительно разыгрывал перед нею сцену. Театр одного актёра — звучит странно, а на деле очень даже страшно. Какие похожие слова! От этого Монику едва ли не тошнило, и она отчаянно отпихивала от себя глупое ощущение цепей, кандалов, невидимых змей на руках.

— Значит... Вот так? Это — ритуал... — она запнулась. — Непорочного, о Первый?! Не ведь разве Богиня...

— Да, — отозвался Рэй. — Богиня действительно нуждается в посреднике. Как по мне ей глубоко наплевать на то, на алтаре это происходит или в обыкновенной кровати. Только на кровати, Мон, удобнее. И можно подобрать кого-то, кто даст тебе стопроцентный результат. Если бы моя мать об этом думала, когда ещё не была такой стервой, она всё равно выбрала бы отца.

— Почему?

— Ну, как почему? — фыркнул парень. — Порода же! Магия, пусть он ею и не пользуется, в наличии, значит, не стоит переживать, что будущие дети родятся безо всякого магического дара или с ним же, но слабо развитым. Она вполне довольна сложившейся комбинацией, я думаю. По крайней мере, Эрлой. Ну, а я — так. Первая неудачная попытка, — кажется, от этой фразы смешно было даже самому Шэйрану. — В любом случае, оно не имеет особого значения. Моя мать не настолько сумасшедшая, чтобы в это поверить. Просто Тэзра забила ей голову, да и всё. Она уверена, что Богиня наказала её за неправильное размещение свеч во время ритуала, но ведь это не мешало ей наговорить маме, что это действительно было без мужского участия... Да чего ты там стоишь у двери, я не кусаюсь? Я только демонстрирую, Мон, и то не до конца.

Лэгаррэ содрогнулась. Демонстрация ей не понравилась; до сих пор что-то душило. Или, может быть, виновно это платье, по-волшебному чёрное, сжимающее грудь излишне крепко. Пора избавляться от корсетов, но мысль явно неуместна в присутствии постороннего мужчины. А она случайно затянула его слишком крепко — тут, конечно, ни вам китового уса, ни ещё какой-то гадости, что использовали в прошлом, но всё равно Моника чувствовала, что шнуровка платья не шла на пользу её лёгким. И вообще, почему было не выбрать штаны и блузу, если она всё равно собиралась уезжать?

Оторваться от своей стеночки девушка всё равно так и не смогла. Ей на мгновение показалось, что это будет преступлением — отойти от собственного заключения, пусть оно и не до конца тюремное, устроиться рядом с Рэем. Словно в этом есть что-то противозаконное.

Хватит лгать.

Моника опустила глаза. На полу появился новый, тёмно-синий коврик. Предыдущий, с гербом Эльвенты, кто-то сжёг, кажется, Анри неловко уронила на него свечу, и тот вспыхнул прежде, чем Шэйран успел воспользоваться соответствующим заклинанием. И шторы тоже изменились, но, может быть, это так играет свет.

Дубовая мебель, тот же стул, на который ей вдруг так сильно захотелось присесть — потому что голова кружилась, аки обезумевшая.

— Я тут не только для того, чтобы отыскать Эрлу, — выпалила наконец-то девушка, сжигая последние мосты. Пусть выгоняет, что уж теперь. — Я тут для того, чтобы уничтожить или хотя бы найти артефакт, который обусловил волшебную защиту и существование границы между Эррокой и Эльвентой. Вот.

Она зажмурилась. Рэй, конечно, не был таким уж могущественным магом, чтобы её победить, он ведь всего лишь серый троечник...

Да кому она врёт! Она может совершить одну значительную атаку, а он — чуть более слабую, но зато в неограниченном количестве. Тут ни один волшебный щит не поможет, тут вообще ничего не поможет! Какое там сражение, она же превратится в горстку пепла после третьей или четвёртой попытки со стороны Рэя, максимум после шестой!

— Да? Тэзра послала? — голос Рэя был таким же, как и прежде, и Моника открыла один глаз. Маг всё так же валялся на кровати, вытянув ноги и наплевав на то, что покрывалам, расшитым гербами, не слишком по вкусу его сапоги.

— У тебя вся обувь в грязи, — отметила она, немного осмелев. — И ты устроил её именно на королевских гербах.

— Мне можно, — абсолютно серьёзно заявил парень. — Я принц. Я могу уложить сапоги на всю символику нашего государства... За одним исключением.

— Каким?

— Ну... Чисто гипотетически, — Рэй прищурился, — на короля тоже можно. Но, боюсь, папа оставит меня не только без сапог, но и без ног. Хотя бы без одной. Падай, — он подвинулся. — Я действительно не кусаюсь.

— А... — Мон запнулась. — Ты странный принц. Я только что сказала тебе, что прибыла сюда, дабы уничтожить артефакт, на котором стоит могущество Эльвенты, а ты предлагаешь мне лечь рядом с тобой в постель?

— Можно без этого платья и сразу под одеяло. Тогда я буду рассматривать это в качестве взятки, — довольно заявил Шэйран, — и не премину ею воспользоваться. Ты идёшь или нет?

Моника собиралась было возмутиться наглой беспардонностью своего бывшего сокурсника, но вместо этого подошла ближе и замерла рядом с ним, прищурилась, словно подумывала, что сделать лучше, удушить его или пронзить магией, а после осторожно присела на краешек кровати. Ложе было далеко не королевским, то бишь, на площадку для фехтования не походило, но Рэй отодвинулся к стене, поэтому...

В конце концов, если б они вот так лежали рядом на траве, это было бы не совсем близко и, соответственно, не вызывало бы совершенно никаких возмущений. Руки едва-едва соприкасались, ни о какой тесноте и вовсе не могло идти и речи.

— И всё равно, — устроившись поудобнее и уставившись на совершенно обыкновенный белый потолок, продолжила девушка, — я не понимаю. Я — считай, нарушительница закона. Ты пусть и не признанный официально, но всё-таки наследник престола. И вместо того, чтобы тащить меня в тюрьму, чтобы звать стражу...

— А ты представь, что я сейчас не эльвентский принц, а эрроканский. Тоже шпион. М? — парень повернулся на бок. — О Первый, Моника... Я даже богов поминаю то того, тс того, а не верую ни в единого. И ты будешь говорить мне о том, что я неправильно реагирую? Это ты неправильно воруешь артефакт и уничтожаешь Эльвенту! Правда, боюсь тебя разочаровать, ничего не получится.

— У артефакта слишком хорошая защита? — Лэгаррэ тоже повернулась к нему лицом, стараясь игнорировать то, что ещё на пару сантиметров ближе, и это уж точно будет немного... Двусмысленно. — Серый троечник, да что ты смыслишь в способах получить желаемое настоящих ведьм.

— О, тебе будет достаточно улыбнуться, и стража рухнет к твоим ногам. Я уже готов, —

совершенно искренне заявил Шэйран. — Но есть одна маленькая загвоздка — часть артефакта уехала в Эрроку, часть Эрри знает где носит, а третью часть... Нет, ты можешь убить, конечно, но вряд ли она не будет сопротивляться, правда.

— То есть? — удивилась Моника. — Его Величество увёз часть артефакта с собой во вражескую страну, а часть хранит тут и...

— Да нет же, — Шэйран уже точно забыл о том, что обещал её не трогать, потому что нагло привлёк к себе. — Я хочу сказать, что единственный артефакт, способный хранить Эльвенту — это королевская династия.

— Граница заговорена на вашу кровь?

— Граница ни на что не заговорена! — возмутился Рэй. — Она просто есть и всё! Периодами барахлит, глючит, отказывается нормально работать. И, к тому же, есть ещё один ма-а-аленький нюанс. Граница — это сама природа Дарны. Ты же не хочешь развалить весь город? — девушка отрицательно замотала головой. — Ну вот. Нет никакого артефакта. Дарнаэл Первый что-то там сделал, вот мы с этим живём. Предположительно он рассчитывал на весь континент, я думаю, но не успел.

— То есть...

— То есть, где правят Тьерроны, там она и растёт. Естественно, если эти земли соприкасаются с Дарной и находятся на нашем континенте, — пожал плечами Шэйран. — Можешь приступать к убийству, у меня где-то там был нож, я могу помочь.

Моника рассмеялась. Это уж точно было шуткой, и она не собиралась больше заводить разговор о подобных глупостях. Рэй тоже расслабился, успокоился, не кипел больше после встречи с Тэллаваром и просто обнял её крепче, привлекая к себе.

— Теперь всё хорошо, я надеюсь? — шёпотом поинтересовался он. — Ты больше не планируешь в ссылку? А то куда мне без помощницы, я ж тут одурею.

Она обняла его за шею, вместо того, чтобы сбежать, и вновь крепко зажмурилась. Верить в то, что мужчина может быть могущественным магом, способным защитить её, и просто приятным собеседником и хорошим человеком, казалось странным и почти страшным, но девушка старательно пыталась убедить себя смириться с сим прискорбным фактом. Может быть, когда-то у неё даже получится.

— Кстати, в дополнение к твоим принципам, — его пальцы нагло скользнули по шнуровке, чуть ослабляя её, и дышать стало заметно легче, — ты ведь уже целовалась. Даже не по принуждению, Лэгаррэ.

— Я была не до конца трезва.

— Вчера на чердаке?!

Девушка покраснела. Вчера на чердаке, Эрри его подери, она пьяна не была, но не сознаваться же в собственных грехах тяжких в пользу некоторых настойчивых и наглых существ, в конце-то концов! Она старательно отгоняла от себя все плохие мысли и старалась думать только о том, что будет, а не о том, что было.

— Прекрати, — прошипела наконец-то она. — Ты... Считаю, что это только потому, что я вижу в тебе... Ну, предположим, носителя частички крови Богини. Доволен?

— Мне плевать, что именно ты во мне видишь. Рядом — уже хорошо, — Шэйран явно не собирался вдаваться в пространственные философские рассуждения. — Это в книгах в основном кричат “я хочу, чтобы ты видела во мне душу, а не мой статус”. Папа обычно этой фразой прикрывается, когда его советники дружно уговаривают жениться. Говорит, все хотят быть королевами, а не жёнами простого мужчины Дарнаэла Тьеррона.

— А что, мало желающих стать жёнами простого мужчины Дарнаэла Тьеррона?

— Да на три гарема, — Рэй явно пребывал в приподнятом настроении. — Но это всё не то, понимаешь. Сердце с перцем должно быть. Так, чтобы жена по вечерам целовала, а по утрам старательно пыталась придушить тебя подушкой. Ну, в принципе, кому я рассказываю, ты не так далеко от моей матушки ускакала...

— Во-первых, — сердито промолвила Моника, — я не королева. А во-вторых, я не собираюсь за тебя замуж.

— Ты исправь второе, — Шэйран прищурился, — а первое — оно уже как-то само. М?

Моника в ответ только весело рассмеялась, но — что больше всего радовало Шэйрана, — радикального “нет” всё равно не сказала. И, что самое смешное, даже не спасалась позорным и поспешным бегством, хотя сначала желание, конечно, было, а так и задремала в неудобном платье с ослабленной шнуровкой у него на кровати.

А когда проснулась и окончательно стемнело, у неё появился второй отличный повод остаться, по крайней мере, подремать рядом — за окном разразилась очередная гроза, а девушка, как известно, боялась её до потери пульса.

Если её страх был примерно того же характера, что и ненависть к мужчинам, то Шэйран подозревал, что окажись на его месте Антонио, например, она предпочла бы выйти на улицу, стать под самым высоким деревом и ждать очередного разряда в небесах.

===== Глава тридцать вторая =====

Много веков назад

Рри давно уже успел примерить себе статус Короля. Рри Первый Кэрнисс, король Дарны. Новая династия Кэрниссов, прекрасные правители обновлённой страны... До того, чтобы его мечты стали-таки реальностью, осталось всего ничего. Не было больше ни одного существенного конкурента. Флоджи вымерли и потеряли своё право на корону — те новые, простолюдины, не коснутся венца власти. Остальные его соперники давно уже сдались, потому что их сил и власти не хватит.

Он выпрямился и направился к выходу из комнаты. Усталость одолевала его. В конце концов, трудно всё это — воевать за корону. Вообще, воевать в принципе трудно, но Рри не собирался делать это потом, в королевском статусе. А зачем, если и так всё есть? Кому надо территория?

Он провёл рукой по светлым волосам, словно пытался их пригладить. Конечно, не первый красавец страны, но мужчина не обязан быть красивым. Парень несколькими годами младше, сын их слуг, кажется, Дар, был куда привлекательнее, да, вот только кому он нужен? Кому нужен парень, у которого за душой всего несколько монет, и те не золотые? Конечно, он найдёт когда-то себе супругу, вот только такой карьеры, как у Рри, ему не видать никогда в жизни. Потому что королями могут быть только те, кто имеет дворянское происхождение, а остальное не имеет такого уж большого значения.

Это Дарни, творцы их державы, могли быть простолюдинами-воителями. Но их династия, как и Флоджей, Вторых, давно уже оборвалась, и теперь пришло время для Третьих. Для Кэрниссов. Рри знал, что так будет. Он ведь совсем ещё молод, ему нет и тридцати лет — что может быть лучше?

Кстати, а куда запропались те чёртовы Тьерроны? Семейство он видел — и её, и его, — а вот сына не было уже, кажется, года четыре как. Он тогда отправился воевать вместе со старым королём, и так и пропал. Но Рри это мало волновало — просто так, вспомнилось к слову, а где носило молодого Дарнаэла, не имело никакого значения. Ведь он

— слуга. Слуги воюют, слуги выполняют грязную работу, а вот дворяне наслаждаются жизнью. Рри будет королём, а остальные — кости под ногами.

...Внизу его повстречала всё та же Тьеррон — словно они назойливо пытались попасться ему на глаза в этот день, хотя минуту назад то было всего лишь осколками памяти. Какая-то в этот день излишне улыбчивая, красивая синеглазая блондинка, что странно для Дарны, уже, впрочем, немного осевшая из-за возраста. Но впервые за долгое время Рри видел у неё на глазах улыбку. Конечно, больно было потерять единственного сына, а она старше пятидесяти была уже тогда, поздно родила. Второго в мир не приведёшь, но они не короли, чтобы беспокоиться о продолжении рода.

— Господин Кэрнисс, — ничего, совсем скоро она будет говорить “Ваше Величество”, — к вам господин Высший, ему посоветовали расквартироваться у вас. Из Эрроки, — она подалась вперёд и проронила совсем уж тихо. — Он будет участвовать в голосовании за новую правящую династию, так просили передать.

Рри кивнул.

— Конечно, господин Высший, — склонил он голову почти почтительно. — Вы можете выбрать любую из гостевых комнат, какую только пожелаете. Никаких ограничений, — конечно, пусть волшебник тут делает всё, что хочет, это не имеет значения. Ведь у Рри был всего один недостаток при смуглой коже и тёмных глазах — эти назойливо-светлые волосы от матери. Он не тянул на настоящего дарнийца, и если это возьмут во внимание, ему понадобится каждый чужестранец.

Высший выглядел уставшим. Седобородый старик, сгорбившийся уже почти пополам, удивительное явление — в основном Высшими становились женщины, но этот явно заслужил свой статус. Он был невероятно стар, едва стоял на ногах и опирался на посох.

— Мне нужны две комнаты, — голос звучал хрипловато-каркающе. — Со мной ученик, что унаследует мой статус, — о, неужели “Высшим” можно стать просто по праву наследования? Ну, пусть, Рри было наплевать. — Так что ему тоже надо где-то быть.

Интересно, какой это ученик? Чуть менее сгорбленный и чуть более молодой, лет на пятнадцать, чем этот старик? В конце концов, ребёнку ведь статус Высшего не дадут, к этому надо идти поразительно долго.

— Эй, — старик попытался выпрямиться. — Ты там где? Иди сюда, расскажешь господину Кэрниссу, что мне подходит, мне трудно говорить...

Когда ученик показался на глаза, Рри моментально потерял все вопросы относительно радости пожилой Тьеррон.

...В отличие от облачённого в мантию Высшего, его ученик совершенно не разменивался на церемониальные одежды. Так у них ходили простолюдины. Ни вам подходящих галифе, камзолов с вышивкой и кружевных рукавов — банальные штаны, обыкновенные сапоги, правда, явно из дорогого материала, самая банальная белая рубашка, безо всяких причуд — Рри на такое не разменивался. Даже не совсем дарниец — волосы жгуче черны, но бледен, да и глаза сияют синевой, подобно сапфирам.

Ученику было лет двадцать пять, может быть, чуть больше.

Он напоминал сына Тьерронов — не как две капли воды, но следует делать скидку на возраст. Приятный молодой человек, вероятно, довольно талантлив...

— Любые гостевые? — мягкий, бархатный голос заставил Рри содрогнуться от нахлынувших воспоминаний. Дар Тьеррон погиб не просто так — он, в конце концов, отправился туда вместо Кэрнисса, и казалось, что его родители всё ещё винили будущего



короля в его смерти. Эта тень прошлого ничего хорошего не принесёт. — Я сам отыщу, я знаю, что тут и как. Да, господин Кэрнисс? — он усмехнулся. — Ведь вы не против?

Рри ничего не смог ответить. У него почему-то даже не поворачивался язык. Что-то пошло не так, что-то в нём было предельно неправильное, только отчего-то мужчина не мог понять, что именно.

— Если вы не заблудитесь в моём дворце... — Рри оглянулся. Тут было где запутаться.

— Не запутаюсь, — улыбка незнакомца стала ещё шире.

— Дарнаэл! — возмущённо прокаркал маг за спиной. — Ты должен быть культурнее с человеком, который может стать королём.

— А может и не стать, — пожал плечами парень. — Всё от вас зависит, господин Высший. Приятного аппетита вам... господин Кэрнисс. Как оно, тепло на этом свете?

...Рри понял, что зря так быстро простил себя за тот приказ — вот так, с лёгкостью, отправить его на передовую. Пусть повоюет. А если не вернётся — будет и вовсе прекрасно.

\*\*\*

Молодой маг не следовал хвостом за своим господином. Напротив, порой складывалось такое впечатление, что он уже был Высшим, а вот волшебник оказался всего лишь его прихвостнем, прикрытием. Может быть, просто старый маг давал определённую свободу своему ученику, но почему-то Рри казалось, что что-то тут не так. Естественно, он никак не мог осмелиться задать интересующий вопрос, вот только вот так не могло всё складываться — слишком всё сложно для того, чтобы продолжаться в подобном ритме и подобном темпе. Увы, но Кэрнисс теперь не чувствовал себя до такой степени уверенным.

Поэтому сегодня Рри очень удивился тому, что Дарнаэл следовал за мужчиной, считай, по пятам.

Сегодня ему предстояло очередное собрание. Скорее всего, оно будет безальтернативным. Абсолютно все кандидатуры уже отказались, перестали претендовать на корону, и Рри знал, что достаточно только всем членам единогласно проголосовать за него, и всё будет решено. А королю плевать на то, что кто-то там вернулся или нет — разве это имеет значение, что Дар оказался не трупом безымянным среди толпы таких же на войне, на которой умер Флодж, последний король, а перспективным магом с претензиями на Высшего.

Они уже все собрались. Множество дворянских семей и одна стандартная процедура смены династии. Всего лишь несколько правил, которых надо придерживаться, да и точка.

Глашатай что-то там оглашал, а потом, по правилам, дворянам предлагали представить свои кандидатуры. Всё это проходило без слов; Рри знал, что он — один из кандидатов, точнее, единственный, и он совершенно спокойно вышел на центр зала, который окружал круг стульев и кресел для высокопоставленных дворян, что будут голосовать.

Рри уже было ждал, что начнутся радостные возгласы, всё пройдёт на безальтернативной основе, но услышал за спиной благодаря особому мрамору кошачьи шаги его противника. Что ещё за франт?

Он обернулся.

**Больше книг на сайте — [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Кристалльно-синие глаза, два сапфира в оправе чёрных ресниц и идеально белой кожи, рама чёрных волос и всё та же совершенно не дворянская одежда, которую не должен надевать на себя ни один высокопоставленный человек. Простолюдин? Ну что за смех!

— Простите, — не сдержался Кэрнисс. — Но этот молодой человек...

— Этот молодой человек коренной дарниец, а больше ничего для того, чтобы стать новым королём, как мне кажется, не нужно, — сухо промолвил один из представителей дворянства. Дарнаэл смотрел прямо на него, и синие глаза едва заметно сияли каким-то странным свечением. Рри казалось, что каждый должен был обличить в колдовстве непокойного Тьеррона, и он уже почти выкрикнул очередное обвинение, но его соперник почти нехотя повернулся к нему и едва заметно улыбнулся — казалось, красивое лицо на мгновение превратилось в некую гримасу, он отчаянно показывал собственную ненависть или, может быть, улыбался и изображал абсолютную предрасположенность к прекрасному, приятному общению.

Это и вовсе не имело совершенно никакого значения. Потому что Рри видел эти синие глаза и понимал, что у него есть только одно желание: сбросить со своей головы невидимую корону и рухнуть на колени перед молодым магом, поклясться ему в верности.

Рри понимал, что добром это не закончится.

Он силой воли заставил себя отвернуться и смотреть куда-то вперёд, на членов совета. Дар излучал добродушие и радость от встречи с советом.

— Как нам известно, иногда королевская династия и благодать богов передаётся не по крови, а по волшебству, — прошамкал пожилой маг, кажется, единственный, кто удержался от влюблённого взгляда, — а мой ученик способен превратить в пепел это государство, если только дать ему один день спокойствия. Будьте уверены, если уж кто-то должен стать королём, то именно он, а не кто-нибудь из этой дворянской толпы.

Послышалось недовольное роптание. После столь непочтительных слов, кажется, многие отвернулись от волшебника, поэтому Рри почти успокоился.

Началось голосование. Он уже считал, что получит победу, пусть даже преимущество будет только на один голос, но... Советников оказалось парное количество, ведь к ним присоединился старик из Эрроки, и голоса разделились ровно пополам. Волшебник едва заметно поклонился, словно отдавая честь, и улыбка так и не пропала с его губ.

Рри кинулся к первому, кто проголосовал против него. Он заплатил столько денег для того, чтобы получить от него достойный результат, и что теперь? Почему за него не проголосовали, как за будущего короля, почему за этого проклятого мальчишку?

— Прости, Кэрнисс, — предвкушая этот глупый вопрос, протянул мужчина, — но я не могу не сделать выбор в пользу здравого смысла.

— Да он же всех очаровал! — возмутился Рри. — Никто просто не может устоять перед ведьмовством, это не ваш выбор! Так не должно быть!

— Какая разница? — удивился дворянин. — Рри, не будь глупцом. Если парень смог околдовать нас с первого раза, то что будет с советом страны Элви и молодой Розаной. Принцесса отдаст ему своё сердце и безо всяких чар, достаточно только довольно мило улыбнуться.

Рри отчаянно пытался возразить, но что-то в его голове стучало одним равнодушным ответом, отрицать который он не мог ни при каких условиях. Что бы он ни кричал, увы, но советник был абсолютно прав. Что бы он ни делал, этому проклятому Тьеррону достаточно будет поцеловать пальцы прелестной принцессы Розаны, и та моментально скажет своему отцу, за кого следует голосовать. А выступать против Элви, могущественной страны, им не по силам, пусть та постепенно и теряет свои силы.

Но Кэрнисс сдаваться не собирался.

\*\*\*

Казалось, Тьеррон был практически равнодушным. Рри едва ли не распилил тарелку на два куска, а в это время проклятый маг даже не шевельнулся, не проявил ничего схожего с волнением, да и вообще, можно было подумать, что он превратился в некий вид камня.

— Почему вас так трясёт, господин Кэрнисс? — улыбнувшись, поинтересовался соперник. — Мама, перестань таскать эти тарелки. Присядь, пожалуйста.

Хрупкая блондинка — от неё сын получил эти синие глаза, — слабо улыбнулась.

— Но ведь это моя работа.

— Мама, — голос молодого Тьеррона звучал бодро и весело, — когда закончатся выборы, ты будешь матерью короля. А королевская семья не должна тесниться и прислушиваться всякой швали, верно?

Рри едва ли не поперхнулся. Это его, без пяти минут нового представителя королевской династии, обзывают швалью? Вот только старый маг даже ничего не промолвил, и казалось, что он уснул, забыв о том, что происходит за столом, что за языком его ученика ещё должен следить кто-то более-менее адекватный.

Рри сжал руки в кулаки. Ему так хотелось высказать Дарнаэлу в лицо всё, что он думает, но это невозможно. Они должны дождаться прибытия короля Элви. Король — это вам не дрожащий совет, король моментально раскусит обман и обязательно проголосует за него, за Кэрнисса. Всё будет именно так, как должно быть. Никто не посмеет вот так просто взять и отобрать у него королевский статус.

Никто — и этот проклятый со смеющимися синими глазами, что словно издевается одним только своим видом, каждой улыбкой и каждым жестом, словно пытается вывести из себя, и смириться с его поведением практически невозможно.

— Будущие короли — не приживалы, — сердито отозвался Рри. — И они могут позволить себе собственный дом.

Вместо того, чтобы сказать что-то гордым и оскорблённым тоном, Дарнаэл только мягко улыбнулся, и синие глаза вновь засияли так же, как и тогда. Кэрнисс почувствовал, что его буквально переполняет любовь к этому ненавистному человеку.

— Если я захочу, — проронил Тьеррон с такой теплотой в голосе, что можно было сойти с ума, — то ты сам отдашь мне этот дом и будешь на коленях ползать, чтобы я принял этот маленький дар. Верно, Рри? Точно так же, как ты когда-то заставил меня отправиться на войну, — его голос даже на мгновение не стал напряжённее, словно он не был живым человеком, так, существом, способным исторгать из себя что-то, что заставляет остальных влюбляться. — Только тогда оружием был меч.

— А сейчас? Что будет оружием сейчас, это противоестественное колдовство? — Рри даже не подозревал, что выдавить из себя это будет до такой степени трудно.

— Нет, что ты, Рри, — Дарнаэл вновь улыбнулся, и пальцы сами по себе разжались, выпуская вилку и нож. — Моё оружие — это твои искренние желания.

Рри был готов поклясться, что даже взгляд старого мага в это мгновение был подобострастным.

\*\*\*

Делегация из Элви состояла из короля, принцессы Розаны и великого множества непонятных людей, советников, молодого принца, что должен стать наследником престола. И Рри, когда только увидел, как король общался с Дарнаэлом, осознал, что за него никто голосовать не будет.

На принцессу, впрочем, магия не действовала. Её восхищение было не таким ярким,

скорее напротив — гордячка отворачивалась от Дарнаэла, недовольно фыркала и всем своим видом показывала, что не настроена на тесное общение. Она и вовсе не желала подчиняться, скорее напротив, демонстрировала очень открыто если не презрение, то что-то другое, и единственным человеком, что не поддавался чарам, была именно она.

Она проголосовала бы за Рри. Кэрнисс чувствовал это, когда его осторожно взяли под локоть — тот, кто за него.

— Принцесса, — выдохнули ему на ухо, — на вашей стороне, Рри. Вам надо очаровать короля, и вы победили. В таком случае, мы получим нормального короля, а не мага-выскочку, разве нет?

— Да, — кивнул Рри. — Конечно. Я сделаю всё, что смогу. Вот только не уверен, что смогу справиться и с королём, и с наследным принцем.

— Вы попытайтесь. Если ничего не получится, мы найдём способы переубедить их, заставить думать, что вы — король куда лучше, чем какой-то непонятный маг, что ещё и учился в Эрроке. Говорят, что он даже умудрился заколдовать местное общежитие в Вархве, — советник хохотнул и отстранился. Рри, впрочем, было не до шалостей Дара, ему надо было поговорить с королём Элви. Его дочь и так на стороне разума, а не каких-то очередных глупостей вроде любви.

Он направился к мужчине вполне уверенно, поклонился, представился, но король смотрел на него как-то недовольно. В его общении с Даром не было подобострастия, как у остальных, а Рри не заметил характерного свечения во взгляде. Причина была в другом.

Король перекинулся с Рри парой фраз, а после вновь повернулся к Дарнаэлу, посмотрел на него чрезмерно внимательно, задал несколько вопросов, а после они уже уверенно обсуждали очередную военную компанию. И Тьеррон самоуверенно расписывал королю соседней державы слабые места того государства, на которое он планировал напасть, с такой лёгкостью рассказывал, что именно следовало сделать, что Кэрниссу было не по себе.

Нет. Он должен быть первым, чего бы ему это не стоило. Должен быть первым.

...Король сделал всего пару глотков вина, равно как и принц. Принцесса тоже поднесла бокал к губам, но внезапно он брызнул осколками в её руках — девушка лишь чуть-чуть задержалась, и этого хватило для того, чтобы магия не сработала.

Дарнаэл швырнул свой бокал на землю, и яд разлился кислотной лужей по полу. Принцесса вскрикнула, но его это уже мало волновало — парень бросился к принцу.

Королю помогать было поздно.

Мужчина выпил залпом и умер моментально, но новый король, Его Величество Нарен Третий ещё мог спастись. Он кашлял кровью, но волшебство, кажется, помогало.

Молодому королю стало чуточку легче — всего на пару секунд. Волшебство Дарнаэла давно уже должно было иссякнуть, а оно всё лилось по пальцам, и поток ничто не могло остановить, кроме его желания.

Но яд продолжал действовать. Нарен захрипел — и, вопреки всем попыткам спасти его, умер рядом со своим отцом. Его лицо не было искажено болью, как лицо Его Величества Нарена Второго.

Рри смотрел испуганно-радостным взглядом на всё это, а потом подошёл поближе к молодой королеве. Голосовать будет она, Розана Первая. Юная, семнадцатилетняя...

— Держитесь, моя дорогая, — выдохнул он. — Вы теперь королева, вы должны уметь держать удар. От ваших слов очень многое зависит.

Она повернулась к нему, смерила холодным взглядом и убежала куда-то, но Рри не мог

её судить. Только что умерли её отец и брат... Но королева должна справиться. Она ведь тут не просто так, а отказаться от обязанностей довольно трудно, да и заменять некому.

Дарнаэл наконец-то поднялся с колен. На его руках ещё были пятна крови принца — но он сам не выпил яд, значит, его можно обвинить в том, что случилось. Значит, можно обернуть всё так...

— Никто ничего не пьёт, — голос старого Высшего звучал необычайно чётко. — Дар, дитя моё, кто? Мы ведь учили. Ты должен определить.

Кандидат в короли повернулся на каблуках сапог, а после равнодушно поднял руку, указывая на человека, с которым Рри разговаривал до того, как подошёл к королю. Языки пламени почти сорвались с тонких пальцев Дарнаэла, но Тьеррон умудрился сдержаться.

— Он. Можете проверять.

— А почему не ты? — возмутился внезапно Рри. — Тебе было выгодно...

— Выгодно? — осклабился маг, подходя ближе. — Замечательно. Выгодно. Конечно, мне очень выгодно отравить человека, что собирался голосовать за меня.

Кэрнисс отступил. О, как же глупо! Он даже не успел возразить, потому что Дарнаэл повернулся к нему спиной и быстрым, резким шагом направился к выходу, будто бы у него были какие-то более важные места и задания, чем всего лишь зал, в котором только что умерли король и принц соседней державы.

Король и принц, что собирались голосовать за Дарнаэла. Теперь-то Рри наконец-то осознал, как это на самом деле выглядело.

\*\*\*

Он уже довольно долго искал молодую принцессу. Не могла же та запропасться неизвестно куда, так и не пообщавшись с окружающими, что так стараются ей помочь... Ведь нельзя быть такой неблагодарной! Рри не понимал, почему Её Высочество...

Величество.

Впрочем, не имеет значения. Она поступила глупо, ведь нельзя убегать, когда такое творится. Ей скоро проходить коронацию, и рядом должен быть человек, что поддержит её в этом, конечно же. Рри прекрасно разбирался в королевских делах, ему не понадобится даже особо стараться, чтобы вникнуть в дела её страны. Может быть, он предложит свою помощь, и она согласится. Ведь ей не понравился Дарнаэл. Не понравился — потому что она не поддавалась его коварным чарам. И Рри тоже умел с ними бороться. Принцесса Розана — королева Розана, — справится с его помощью. с этим коварным змеем, не склонит просто так голову перед супостатом, и всё у неё будет хорошо.

Он шёл на всхлипывание. Потому что девушка в таком состоянии обязана плакать, и это не имело значения, в одиночестве она или нет.

Он вышел на балкон, где сжалась в углу девушка, и казалось, что она почти позволила к себе прикоснуться. Это не имело никакого значения — то, что через мгновение послышалось покашливание откуда-то снаружи, Рри всё равно повернулся лицом к тому, кто мог навредить принцессе.

— Я не позволю отравить ещё и её! Королева Розана...

Он запнулся. Дар смотрел на него так осуждающе, словно только что Рри сообщил что-то противозаконное и противное.

— Розана, я провожу тебя в твои покои, — внезапно мягко промолвил Тьеррон, протягивая руку. — Проверю еду, которую тебе принесут, если хочешь.

— Я туда не пойду, — девушка прижалась к поручням балкона, и Рри почти гордо

улыбнулся, радуясь тому, что она с такой лёгкостью оттолкнула помощь ненавистного Дарнаэла. Но, тем не менее, что-то ещё заставляло его насторожиться, что-то было не так в её словах.

— Я прослежу за тем, чтобы никто сегодня к тебе не заходил. Роуз, пойдём, — Дарнаэл протянул руку, и она на сей раз приняла приглашение, последовав за ним с опущенной головой. Слёзы прочертили тонкие дорожки на её щёках, словно девушка пыталась смириться с тем, какую судьбу ей пророчили теперь.

Они остановились где-то в конце коридора — Рри надеялся, что Дар позволит себе лишнее, будет настаивать на том, чтобы она избрала его кандидатуру. Ведь, как бы он ни колдовал, он всё равно лишь обыкновенный простолюдин. У него нет манер, которые нужны для того, чтобы обмануть великолепную принцессу.

Нет, королеву.

Он не сможет убедить её, как бы ни старался. Для этого нужно мастерство посильнее, чем обыкновенная магия, и вряд ли таковое у Дарнаэла есть.

Они остановились у двери, и Тьеррон всё так же стоял на расстоянии вытянутой руки и никак не собирался его сокращать, словно боялся напугать девушку.

— Виновного уже нашли, — он говорил совсем тихо. — Они требуют, чтобы наказание придумала сама королева. Я понимаю, что...

— Я пойду, — упрямо промолвила Розана. — Только завтра утром. Пожалуйста... — она шмыгнула носом. — Я хочу побыть одна. Просто побыть одна.

Рри хотелось вмешаться. Это опасно. Она не имеет права быть наедине с самой собой, ведь у коварного отравителя могут быть сообщники, они обязательно выберутся сюда и попытаются её отравить — чтобы окончательно уничтожить королевскую династию. Это теперь тоже выгодно, хотя бы для того, чтобы банально замести следы. Ей в бокал тоже подлили какую-то гадость.

И спас её не он, Кэрнисс, а проклятый Дарнаэл — у которого самого в руках был бокал с ядом, просто он понял, что это отравка, чуть раньше, чем все остальные.

— Хорошо, — внезапно согласился Дарнаэл. — Это можно. Одиночество до утра. Я прослежу, чтобы никакой стражи рядом не было. Надеюсь, заклинания тебя не постесняжут? Для безопасности, совсем немного. Мне потребуется пять минут, чтобы всё сделать, а потом я уйду и вернусь завтра утром. Обещаю.

— Спасибо, — неожиданно облегчённо выдохнула Розана. Казалось, она испугалась за свою жизнь совсем чуть-чуть. — Ох, Богиня... Мой папа... Ох...

Она всхлипнула и неожиданно разрыдалась. Дарнаэл мгновение стоял отдалённо, а после осторожно обнял её за талию, привлекая к себе, и девушка, на которую не действовали его чары, растаяла, буквально повисла на шее проклятого волшебника, всхлипывая, будто бы отчаянно пытаясь ухватиться за то, что однажды станет легче, однажды ей наконец-то станет...

Хорошо или плохо, она понятия не имела, как будет там, за стеной из немых ипостасей будущего, вот только Рри явно уже терял все шансы быть королём. Он мог вмешаться, знал, что должен сделать это прямо сейчас, поэтому вышел из тени, направляясь к королеве.

— Ваше Величество! — начал он, не думая даже умолкнуть на секунду под укоризненным взглядом Дара. — Ваше Величество, я тоже готов вас охранять! Я уверен в том, что именно этот богопротивный маг, именно он виновен в смерти вашего отца и брата. Он борется за корону и...

Девушка смотрела на него так, словно впервые в жизни увидела что-то действительно настолько отвратительное, как Рри.

— Рри, какая корона? — не сдержался Дарнаэл. — Гори она пропадом, умерли люди! Её отец, в конце концов! Я надеюсь, это достаточный повод для тебя, чтобы отложить гонку и огласить траур хотя бы на несколько дней?

— Но голосование должно было быть завтра! — возмутился Рри. — Я...

Принцесса потянулась к дверной ручке, ещё раз всхлипнула и посмотрела на Дарнаэла.

— Я буду вам очень благодарна, — выдохнула она, — если вы наложите заклинания, что могут меня защитить, и уведёте этого назойливого молодого человека. Ни о каком голосовании завтра не может идти и речи. Пока тело моего отца не предадут земле...

— Разумеется, — кивнул парень. — Отдыхай. Я утром зайду. Завтра будет траур.

Она не смогла выдавить из себя церемониальную благодарную улыбку, и Рри едва сдержал собственное возмущение, но всё-таки не стал ничего говорить, понимая, что от этого станет только хуже. Вместо этого он недовольно фыркнул и ушёл.

Всё равно ничего ему не светит, по крайней мере, в этот день.

\*\*\*

Совсем скоро приехала королева Элви, супруга покойного короля и мать Розаны. Она не получила трон, потому что дочь была уже почти совершеннолетней, но, кажется, куда больше переживала из-за смерти сына и мужа, чем из-за этого.

Рри не понимал, почему эти люди так легко разбрасывались властью. Словно у них немерено государств, и каждое из них может оказаться нужным в следующее мгновение! Смешные люди, будто бы не понимают, что у них могут совсем скоро всё отобрать, если беспечность не превратится в хотя бы какое-то подобие организованности!

Вот только почему-то никто так и не начал голосовать на следующий день. И траур сроком в две недели был оглашён советом так же легко.

Её Величество Розана требовала этого несколько часов, но её не слушали. А потом Дарнаэл вышел вновь на центр сцены и совершенно спокойно, с немалой дозой аргументов и магии, заявил, что на самом деле следует и вправду позволить Розане и её матери спокойно проводить на тот свет отца и мужа, брата и сына. Позволить им отойти в лучший мир с лёгкостью, без вмешательства посторонних дел. И они согласились! Кэрнисс не понимал, как можно было так просто отдать всё, что было, эти две недели, но...

Но его радовало другое. На супругу покойного короля чары Дарнаэла тоже не действовали. И Рри знал, что она будет на его стороне, когда придёт время голосовать, и убедит дочь в том, что Кэрнисс — лучшая кандидатура.

Но у него оставался ещё один прекрасный вариант. Конечно же, они с Даром не обсуждали эту возможность, да и наивный волшебник со всеми этими глупыми понятиями чести не сможет даже коснуться принцессы, но если... Если на ней жениться, то Дарнаэла станет его в ту же секунду.

Рри это понимал. Но ведь Розана просто так согласия своего не даст. Она обязательно выберет кого-то другого.

Но если её спасти от какой-то опасности, то благодарная дева обязательно подарит ему свою невинность, а после не сможет отказаться от предложения руки и сердца, иначе она попросту будет опозорена. Этой идеей он горел уже много часов, поэтому отыскал нужного человека очень легко и быстро.

...Этот мужчина бывал на каторге, о чём свидетельствовало клеймо на плече, и мечтал

умереть. Он вешался вот уже три раза за последние несколько месяцев, но каждый раз клеймо магией вытягивало его с того света и не позволяло пострадать достаточно.

Чтобы после такого наказания погибнуть, следовало наразиться на чужой меч или, может быть, стрелу. На магию, в конце концов. Самоубийством покончить жизнь, впрочем, не удавалось, специально ведь вложили в заклинание кучу сил, чтобы каторжник мучился.

Его убьют с особой жестокостью, если он совершит проступок, но сам он умереть всё равно не может. Как удачно для пыток, как удачно!

Рри предложил ему очень простую сделку. Каторжник притворится, что нападает на королеву Розану, Рри её спасёт, и она бросится ему, радостная, на шею, забудет обо всём остальном и обязательно выйдет замуж за Кэрнисса. А потом он станет королём Дарны, ведь им нужны союзники, а Элви — та страна, которая угрожала прежде Дарне больше всего. И он будет править этим местом долго и счастливо, пока наконец-то не придётся занять его месту кому-то из их с Розаной общих детей.

...Каторжник был невероятно силён. Он рванулся к Розане, преодолев — магия на него плохо действовала тоже из-за клейма, — все защитные заклинания, и можно было подумать, что он заручился помощью Дарнаэла. Рри скрывался в соседнем ответвлении коридора и ждал нужного момента. Ещё немного — блеснула белая кожа, когда проклятый рванул на себя платье, когда сжал несчастную, столько пережившую Розану в своих отвратительных объятиях, и ещё минута — и он овладеет ею, а она могла только кричать. Ещё полминуты — и Рри выскочит из своего укрытия и отрубит ему голову, и...

Волшебство врезалось в него одной волной. Оно не должно было действовать, но Дарнаэл не выжидал никакие полминуты. Ему не надо было терпеть до паузы. Магия срывалась с его пальцев непрерывным потоком, словно у Бога, в которого верила Дарна, и каторжник плавился от заклинаний, что не должны бы на него действовать, будь они в нормальном количестве.

Вот только происходящее нельзя было назвать нормальным количеством. Сила не прекращалась — поток врезался в каторжника до тех пор, пока он не пал бездыханным.

Ещё можно было выбежать с мечом и обвинить Дарнаэла в жестокости, ведь он продолжает терзать волшебством труп, вот только он остановил волшебство в ту секунду, как только каторжник испустил дух. Оставил труп на том месте, где он был, и моментально бросился к девушке, свернувшейся комком на полу.

Он должен был спрашивать о том, не успел ли каторжник, должен был хватать её за руки и трясти за плечи, интересоваться о потерянной чести, но вместо этого только тихо, вполголоса, что-то успокаивающе бормотал, а волшебство срывалось с пальцев, заживляя места, где должны были появиться синяки.

Конечно же, на этом всё должно было закончиться. Рри больше не на кого было рассчитывать, ведь он столько ошибок уже подстроил для Дарнаэла, а тот упрямо обходил их стороной. Как можно не поцеловать спасённую, не смотреть на неё полным желанием взглядом, ведь Розана красавица, а платье разорвано почти полностью и ничего не скрывает!

Может быть, женщины не интересуют Тьеррона?

Было бы неплохим материалом для компромата.

...Впрочем, второй убийца не заставил себя ждать. Откуда он был — большой вопрос, но прежде, чем подросла стража, чем выскочил замешкавшийся почему-то Рри, знающего, что тут ему ничего под меч подставлять ради лёгкой смерти не будут, Дарнаэл вновь вскинул руку.



Магия на сей раз без садизма, короткой вспышкой отбросила нападавшего в сторону, и хотя той всё ещё был жив, Дарнаэл думал скорее о принцессе.

Рри знал, что этого недостаточно для того, чтобы завоевать Розану. Он завтра утром к ней придёт. Обязательно. Пусть сейчас Дар старательно зализывает её раны и провожает в её покои, пусть трясётся.

Он всё равно не заполучит её. Вряд ли Дара действительно интересуют девушки, если он так спокойно смотрит на почти обнажённую принцессу. А значит, он Рри даже не конкурент, можно подождать следующего утра и пойти на последний шаг, что у него только осталось.

\*\*\*

Рри знал, что это крайние меры. Что, по меньшей мере, он после этого должен быть сам себе противен. Но ведь это корона! А корона стоила и нарушений правил, и многого другого. Если Розана хотя бы однажды станет его, то она больше не сможет отказаться... она станет его женой. Это даже не обсуждается. А после Дарна ещё сотни раз поблагодарит своего короля за то, что он додумался до этого способа и не допустил какого-то жалкого правления до власти.

Поэтому он открыл двери без стука, даже не думая о том, что принцесса может уже не спать или закричать. Хотя она не принцесса, она королева.

И замер.

Розана спала, натянув одеяло на плечи, и это выглядело бы почти милым — если бы за спиной Рри внезапно не показалась закричавшая королева, если бы...

Если бы.

Дарнаэл, кажется, просыпался тоже нехотя, будто бы валялся на сеновале либо в своих королевских покоях, а не в постели принцессы. Розана содрогнулась, распахнула свои карие глаза — равно как и у любой из Дарны, словно она была местной, а не приезжей принцессой... королевой. Королевой, что валялась в объятиях постороннего мужчины до свадьбы, положив голову ему на плечо — и не невинно, в одежде поверх одеяла, тогда всяко бывает, а абсолютно обнажённой и... Нельзя было сказать, особенно если судить по смятым простыням, что красовались на полу, что всё прошло так уж и невинно.

Ненавистный Тьеррон!

Рри даже забыл о том, что он сам планировал сделать с этой девочкой. Забыл о том, что его соперник, по крайней мере, взял её не силой — а его волшебство не действовало на юную королеву. Забыл, что за спиной красовалась пышущая злом мать, что была готова растерзать Дарнаэла на мелкие кусочки.

Он просто не мог с этим смириться.

— Казнить, — прошипел он. — Казнить. Я, как король...

Дар даже не успел проронить ни единого слова в свою защиту. Мать королевы тоже не смогла вмешаться.

Голоса разделились поровну. Ему за преступление полагалась смерть, казнь за соблазнение принцессы, и точка. Вот только почти чёрные глаза королевы Элви пылали невероятным огнём, злым, почти преступным, и она явно не стремилась соглашаться с остальными.

— Голоса разделились поровну? — спросила она совсем тихо. — Я отдаю свой за Дара.

\*\*\*

— Я протестую! — возмутился Рри, вскакивая со своего места на совете. — Он

поступил противозаконно! Соблазнил принцессу...

Розана и Дарнаэл сидели рядом. Остальные члены совета оказались чуть поодаль, а сам Рри стоял на том самом месте, на котором прежде были кандидаты в короли. Тьеррон даже не счёл нужным, оторваться всё-таки от юной королевы и добраться до того места, где должны проводить голосование. Он в последний раз улыбнулся Розане, поцеловал её в щёку, совершенно не стесняясь присутствующих, наконец-то поднялся и двинулся туда, где стоял Рри. Кэрнису потребовалась вся его сила воли, чтобы не броситься на ненавистного соперника и не задушить его прямо на месте, но, увы, он внезапно ярко осознал, что не имеет даже близко подобных полномочий. Он вообще ничего в этой ненавистной державе не имеет, а скоро потеряет и собственную жизнь.

Зачем он когда-то отправил Дарнаэла воевать? Дар был из малообеспеченной семьи, его отец тяжело болен, да ещё и ветеран предыдущего сражения, молодой сын был единственным, кто мог помочь его матушке удержаться на плаву и не погибнуть от постоянного отсутствия еды. Они работали на Кэрниссов за копейки, Дар трудился на конюшне, а Рри пришла повестка — на войну. На войну, которой он боялся, словно до безумия.

...Чтобы голосование относительно новой династии не вызывало вопросов, результат должен быть единогласным. Иначе, естественно, ещё можно всё оспорить...

Рри заплатил ему. Не так уж и много, просто обещал, что мать и отец не будут голодать. Тьеррон-старший парализован до пояса, он может разве что сидеть и вытёсывать какие-то гадкие ложки, которые даже никто не покупает. Тьеррон-старший едва живёт.

А мать трудилась в поте чела, едва-едва передвигалась к вечеру, хрупкая блондинка безо всякого статуса, а в прошлом ведь, кажется, знатная дворянка. Голубая кровь — чёрт, почему в Дарнаэле оказалось столько от матушки, а не от грубоватого, простого мужика, отца.

...Единогласного результата, конечно же, никогда не будет...

Дарнаэл не должен был отправляться на войну. А тут вот так вышло — так просто, резко. Он согласился, потому что иначе Рри нашёл бы способы испортить ему жизнь, и отправился туда без денег, без коня, без средств выживания. И погиб, родителям, впрочем, так и не пришла похоронка, но Рри-то знал, что он погиб на поле боя, когда Флодж тоже сложил голову, когда они боролись с Эррокой.

А после вернулся. Молодой, прекрасный, цветущий, подобранный там, на поле боя, израненный и умирающий, стариком-магом. Излеченный. Могущественный, с проснувшимся даром, способный растерзать это государство на кусочки одной только своей магией. Как же противно! Как же гадко, что таким, как он, всё, а труженикам вроде Рри остались только крошки с барского стола! Почему настоящие короли не получают свои троны?

— Поднимите руки те, кто голосуют за Дарнаэла Тьеррона.

Почему начали с него?

Почему не с Рри?

Кэрнисс ведь был кандидатом первым, тем, за которого столько людей выступило. Даже если хоть один поднимет за него руку, его статус победит. Весь народ не зачаруешь. Весь народ не победишь.

— Желания есть у каждого, — внезапно тихо протянул Дарнаэл.

И его глаза засветились привычной синевой, улыбка показалась излишне обворожительной, и хотя предназначалась она только для Розаны, сидевшей прямо напротив, только для его прелестной невесты, руки взмыли вверх — и её, естественно, тоже.

— Единогласно!

Рри рухнул на колени.

— Я думаю, — усмехнулся Дар, — первым делом мы пересмотрим закон относительно того, кого можно вместо себя отправлять на войны, да, Рри?

— Во имя Бога, — выдохнул Кэрнисс. — Этого не может быть. Во имя Бога...

— Ну, и Бога тоже пересмотрим, — милостиво признал Дарнаэл. — Думаю, он уже немного устарел. Кто из вас видел Бога?

...А его, всемогущего, видели все.

\*\*\*

Дарнаэл и Розана стояли на балконе замка в Лэвье и улыбались огромной толпе. Толпа тянула свои руки к королю и королевы Эльвенты, Объединённого государства Дарны и Элви. Они сделали это. Народы наконец-то слились воедино, и эпоха запустения миновала.

Царили золотые годы.

Рри знал, что это ненадолго. Он уже почти отыскал способ победить. Революционеров было множество, все они прятали оружие, но могли немедленно его задействовать. Сначала падёт Дарнаэл, после Кэрнисс женится на Розане и будет править всем этим.

— Да здравствует Первый! — закричал кто-то.

— Да здравствует революция! — отозвались со второго конца те, кто должен был вести борьбу, и камень первый помчался к Дарнаэлу, и, казалось бы, уже всё было предрешено, как вдруг...

Король не звал стражу.

Король не пытался скрыться в замке.

...Он отпустил ладонь своей супруге, дождался её короткого кивка, а после ладони легли на поручни балкона — с которого можно было даже спрыгнуть вниз, в людям.

Улыбнулся.

И волна пробежалась по толпе.

Улыбка застыла в синих глазах — добродушная, весёлая, счастливая. Всколыхнулась молочно-белая полоса, помчалась к границам — как он и обещал, чтобы больше никто не посмел напасть на Эльвенту, пока его кости будут храниться на этой земле, пока его дети правят этой страной, пока мир стоит, Эльвенту никто не тронет. Её можно разрушить только изнутри, и Рри верил в то, что сможет это сделать, Рри уже почти совершил подвиг, но что-то пошло не так.

Он улыбался — так, будто бы не видел революционеров. Будто бы внезапно камни застыли в воздухе и потеряли возможность долететь до его головы, словно не существовало ничего, что могло бы ранить Дарнаэла Тьеррона Первого и его прелестную, кажется, даже беременную супругу.

Ладони сжали поручни крепче.

Камни превратились в пепел. А после первые ряды революции рухнули на колени. Со слепыми взглядами, равнодушно отталкивая от себя прежние идеалы, они все опускались на колени — толпа, вся страна, весь мир, что был под его властью.

И Рри внезапно понял, насколько прекрасен этот мир. Их король не отменил Бога, их король был Богом, их король даровал им просвещение. Он был всем для них — он был всей страной, он превратился в сплошную линию защиты Эльвенты навеки.

Рри не мог бороться. Рри опустился на колени вместе со всеми и радостно улыбался. Потом понял, что только от революционеров требовалось подчинение, а остальные стояли и

радостно смотрели на короля, но разве это имело хоть какое-то значение?

Король — вот что главное!

Он снизошёл к ним с небес, он — подарок, которого ждала страна столько лет. Он не отменил Бога, он был Богом. Он был тем, кто создал их народ много лет назад, и в синих глазах отбивались волны Лиггерского моря, и радость лесов, и озёр. И он не был воскресшим, не был узурпатором, и его дар тоже не имел никакого значения.

Они все были счастливы — и это счастье не прошло даже тогда, когда Дарнаэл Первый оторвал ладони от поручней, выпрямился, ещё раз поклонился и поспешил уйти вместе со своей беременной женой.

К Рри рванулись его подельники, словно пытаясь добиться ответа, вот только он лишь досадливо отмахнулся.

— Нельзя, — выдохнул мужчина.

— Что — нельзя?

— Вы разве не видели? — Кэрнисс, Рри Первый, отрекался от своих старых слов. — Вы разве не видели? Ему нельзя сопротивляться. Это Бог. Мы ничего не сделаем. Это Бог...

— Богов не существует, — недоверчиво ляпнул кто-то. — Всего лишь сильный маг...

— Нет, — выдохнул Рри. — Заклинаю всех, кто посмеет напасть на него или его потомков... Это Бог. Нельзя портить жизнь детям Бога и Богу... Пусть... Пусть каждый из тех, кто посмеет против него восстать, из моего рода каждый, пусть он будет награждён клеймом... Клеймом... Как я...

Рри схватил в руки нож и резанул по своему лицу. Через весь глаз прошла тонкая кровавая полоса — он всё ещё видел, потому что не тронул саму глазницу, и всё в порядке, просто через бровь и до шеи, почти до ключицы, тянулась кровавая полоса.

\*\*\*

Рри Кэрнисс остановился и коснулся своего шрама. Он стоял напротив высокого зеркала, а за спиной красовались портреты — Дарнаэла Первого и Рри... Первого? Нет.

Рри со Шрамом — так звали бы короля, если бы он был королём. Если б он смог победить. И Рри хотелось верить в то, что шансы всё-таки были, если б не эти проклятые чары.

Он коснулся своего шрама. Грубого, гадкого. Как у Рри Первого. Как у того, кто сдался Дарнаэлу, обозвал его богом, возвёл этот отвратительный культ Тьерронов, что портил их стране жизнь уже Эрри знает сколько лет! Но так больше не может продолжаться.

Никаких Тьерронов.

— Я ещё вернусь, — сердито выдохнул Рри. — Я ещё сумею сделать... Ох, вы даже не представляете, что я сумею сделать.

Он отвернулся от своего изображения и подошёл к портрету. Дарнаэл Первый походил на Дарнаэла Второго, как две капли воды — точнее, наоборот. Странно, что Второй не завёл ещё себе наследника рода, но до того, как его посетит эта мысль, надо отобрать трон.

Вирр служил ему верой и правдой. Вирр был всего лишь маской, жалкой и никому не нужной маской, в которую так хорошо умел играть Рри. Но Рри знал, что Вирр остался бы верным до конца, если б только не влияние со стороны первой, настоящей ипостаси.

Он провёл рукой по ёжику светлых волос, пробежался пальцами по шраму, тонкому и ненавистному, моргнул, глядя в пустоте на жутко-чёрные глаза. Он не сможет увидеть их закрытыми не потому, что сквозь веки никто не смотрит, а потому, что никогда их не закрое. Он уже получил клеймо, но это не имело никакого значения.

Рри со шрамом натворил дел, но это больше не имело никакого значения. Он победит. Он сможет сбросить иго Тьерронов.

— Я выиграю, — сообщил Рри отражению — осколочному и уставшему. — Я выиграю обязательно, и никакой Дар не сможет меня остановить.

Он так презирал Вирра. Он не принимал во внимание его советы, не желал ничего слушать, терпеть не мог даже само существование несчастного советника. Того будто бы и не существовало никогда на свете, а остальное толком не имело значения.

Ох, как прелестно!

Как прелестно...

Всё это давно потеряло своё предназначение. Очень давно. Ничто не будет важным. Ничто не будет прекрасным. Ничто не будет настоящим, пока Дар живёт на этом свете.

Но он не продолжил свой род. И не успеет. Ничего уже не успеет. Рри знал, что ему не позволит выжить Эррока, а следов по себе проклятый Тьеррон не оставил.

Шут! Надо же, взять его к себе шутком, эка радость! Помыкать каждый день, издеваться, смеяться в спину, пусть и выдавая себя за прекрасного правителя! Да какой он прекрасный?

Вирр...

Бедный Вирр — но ему больше не вернуться к жизни. Нет больше Вирра Кэрнисса, не было никогда. Он не родился на свет, он был выдумкой, его природным даром, а артефакт только поддерживал личину и помогал выдержать до прихода настоящего тела. Артефакт был его спасением, а Вирр был шансом немного приблизиться к королю и столько всего узнать.

Конечно, Рри с Шрамом уже допускал эту ошибку, считал Дарнаэла тем, кто предпочитает мужчин, а не женщин.

Розана была готова утверждать противоположное.

Но Рри больше ничего за ним не повторит. И уж точно не сделает эту дурацкую глупость относительно Бога, не станет таким наивным...

А потом... Потом он победит.

Ведь Сэя его так любит. И никогда не откажет ему в маленьком, крохотном кусочке власти. А потом будет поздно что-то менять.

===== Глава тридцать третья =====

Замок не казался таким уж неприступным местом, до которого никто не может добраться. Напротив, защитники как-то внезапно сникли, перестали трудиться в поте чела, по крайней мере, так показалось Рри. Эх, не может этот замок без вездесущего Вирра Кэрнисса! А совсем скоро Дарнаэл Второй и вовсе пятнами пойдёт, когда на него свалится то, что делал прекрасный, но так мало ценимый Первый Советник.

По правде говоря, Рри не до конца помнил, что именно он творил во второй ипостаси. На самом деле до него доходили только обрывки воспоминаний, отчасти нечёткие, размытые, давно уже забытые в бесконечно быстром временном потоке. И, конечно же, он старательно делал вид, что на сам-то деле всё прекрасно помнил, просто не желал нынче ворошить неприятное прошлое.

Мужчина провёл ладонью по той половине лица, которую украшал — или, напротив, уродовал, — шрам. Он не верил в то, что проклятье несостоявшегося Рри Первого действительно обрушилось на него. Нет, просто кто-то в один момент его жизни слишком сильно ударил его по голове и слишком сильно резанул, оставляя отметину.

Рри ненавидел своё отражение в зеркале. Ему было сорок четыре или сорок пять, он

казался куда моложе своего возраста, тянул лет на тридцать, но только благодаря тому, что последние пятнадцать лет провёл в другой ипостаси. И Вирр старел непомерно быстро. Сначала он пришёл во дворец среднего возраста мужчиной, не красавцем, конечно же, но таким, нормальным. Терпимым, как говорится. И Рри искал в Вирре убежище для себя самого, отчаянно надеялся на то, что сможет выкарабкаться из бесконечного перечня подтверждений несправедливости со стороны короля Дарнаэла Второго.

Вирр не знал о существовании Рри. У него было великое множество поддельных фактов из собственного прошлого, и разум сам соткал их из пустоты, эти подтверждения того, что Кэрнисс был реальным человеком. И он пришёл к Дарнаэлу Второму, когда тот только-только взошёл на трон, предложил собственные услуги, оказался принят. Наверное, у Вирра тоже были определённые коварные замыслы, вот только сейчас первой, истинной ипостаси оставалось о них только догадываться. Само собой, Рри понятия не имел, что думала его вторая ипостась.

Он пытался прижиться. Но Дар был сам виноват во всём, что случилось, сам перевернул всё с ног на голову. Никто не просил его возвращаться из Эрроки, а после этого — становиться королём, завоёвывать земли. когда Рри возвращался в своё настоящее состояние, он внезапно сталкивался с осознанием того, чтоб вся мощь Эльвенты по правду должна принадлежать ему. Тьерроны не заслужили всего того, что было у них в руках, они — просто шарлатаны, получившие в далёком прошлом то, что на самом деле не должно бы им принадлежать. К огромному сожалению Рри, Дарнаэл Второй не совершал ошибки. Вирр старательно творил множество глупостей, но те оставались незамеченными, а державе ни на мгновение не стало хуже.

Словно кто-то сотворил волшебный круг. Выйти из него было невозможно, хотя многие пытались, а самое главное, две ипостаси уже через лет пять ненавидели этого “благодетеля” Эльвенты сильнее всего на свете.

Но Рри надо было стать сильнее. Он понимал, что остатки умения любить испортят его, перекрутят всё, что можно, поэтому с лёгкостью пожертвовал ими — с поразительной простотой отдал возможность любить Вирру. Конечно, это сделало вторую ипостась сострадательной. Впрочем, Рри ждал, копил ненависть, и его просто карие глаза постепенно чернели и вспыхивали ещё большей злобой, чем прежде. Вот только в результате всё это одинаково не имело никакого значения. Шансов выбраться из водоворота событий оказалось ноль.

Сейчас уже прошло то время, когда можно было думать о Вирре. За пятнадцать лет своего существования он постарел, наверное, на все сорок, а то и больше, подурнел, стал отвратительно гадким, а самое главное, его попытки уничтожить Дарнаэла Второго только подставили их. Ведь сколько раз Рри был в нескольких сантиметрах у цели, Дарнаэлу просто везло! А когда за дело брался Вирр, то на успех можно было и не рассчитывать.

...Кэрнисс старательно зажмурился, пытаясь сделать вид, что большинство воспоминаний восстановились у него в голове. Теперь, когда он пробрался-таки через тайный ход, надо было понять, куда шагать дальше, и Рри понятия не имел, есть ли у него хотя бы малейший шанс отыскать дорогу.

Был вариант превратиться на время в Вирра, тот обязан найти путь и вывести свою первую ипостась туда, куда ей будет нужно, но Рри не мог гарантировать, что в нужную секунду он окончательно восстановит власть.

К тому же, Вирра искали. Нет, искали и Рри тоже, но Первого Советника короля знал

каждая собака. И странно, что сам Дарнаэл ещё не выступил перед народом с восклицанием его убить.

Он ступал по коридорам тихо, мягко касался пальцами стен, словно надеялся на то, что вот-вот выйдет из круга предподвальных помещений. Снизу веяло сыростью и полным отсутствием магии. Того места Рри боялся больше всего. Он знал, что в пыточных продержится не так уж и долго, особенно если за дело возьмутся профессионалы, ведь там не будет магии, способной скрыть всё, что ему только нужно.

Единственный способ спасти данные — это стереть себе память до того мгновения, как окажешься ниже третьего яруса. Там, где не работает магия, уже нет ни единого шанса даже горло перерезать каким-то подвернувшимся под руку ножом, не говоря о конфиденциальности мысли.

Впрочем, до того момента ещё далеко. Рри поднимался всё выше и выше, тюрьмы оставались у него под ногами, и серая мрачность замка смешивалась с алыми вспышками ковров, штор и бесконечных знамён, что свисали с потолков и со стен огромными полотнищами.

Послышалась чёткая хода стражников. За огромным флагом укрыться оказалось легко, и он даже не топорщился, только скрывал узкую нишу в стене.

Рри запрыгнул туда максимально быстро и тихо, вжался в стену, и руки теперь словно специально шарили по пустоте, пытаясь найти тайный рычаг для того, чтобы оказаться в тронном зале. Вероятно, это знамя оказалось точкой для стражи, они тут должны нести свою службу, и Рри уже десять раз проклял судьбу за собственную глупость и за то, что не успел пройти чуточку дальше.

Отходить они тоже не собирались.

— Всё-таки, — первый, кажется, был заместителем начальника стражи, вот только Рри всё равно не смог вытащить точную характеристику из осколочных воспоминаний Вирра, — жаль, что король не взял с собой никого ради защиты. Это может закончиться очень и очень плохо!

— Типун тебе на твой поганый язык! — искренне возмутился второй. — его Величество просто надеялся, что несколько дней его отсутствия обойдутся без излишнего внимания, а то, что задерживается, так Эррока — не близкий свет!

О, да! Как умно — разговаривать об отсутствии короля у знамени, что прикрывает нишу в стене. Вот только за долгими беседами тоже ничего не сделаешь. Есть Дар в замке или нет, действовать надо быстро, пока не подоспел тот проклятый маг. Вирр наивно верил в то, что у Тьеррона с парнем были какие-то там отношения, но настоящий Кэрнисс не допускал такую глупость.

Рри со Шрамом уже сделал однажды что-то подобное — уже предположил, что Дара мало интересуют женщины. Это, впрочем, было о Первом. И что? Он потерял Розану, за которую должен был бороться до последнего, а вместе с королевой Элви и трон. Рри, несостоявшийся Второй или Десятый, или даже Двадцатый, не планировал повторять ошибки своего драгоценного предка.

Но мысли в сторону.

Пальцы внимательно скользили по камням. Тут что-то не так, Рри об этом подсказывала непонятная, неизвестного происхождения мысль, что так настойчиво крутилась в голове. Осталось только найти то местечко, легонько коснуться пучками, нажать...

Без скрипа, безо всякого шума отворилась невидимая дверца в коридор. Пролезть туда будет довольно трудно, если придется не шуметь, но Рри знал, что обязательно справится. Он не может торчать тут до той поры, пока до важного поста не доберётся более смышлёный стражник или, чего хуже, кто-то из проныр-магов.

Хотя Рри и сам немного умел колдовать, волшебство он дико ненавидел. Иногда испытывал даже настоящее, неподдельное желание выдать указ об отмене чар — но это только тогда, когда фантазия заводила его слишком далеко, усаживала на трон и давала возможность отменять всё, что он пожелает. На деле магия была не слишком распространена в Эльвенте, но есть ещё Эррока, это наглое пятно на карте, что так старается увеличиться в размерах.

Но Эррока тоже будет принадлежать ему, надо только подождать. Рри умел обольщать, обещать и добиваться того, что было ему нужно. Осталось только разыграть парочку удачных партий. Ведь способ не имеет значения.

Цель оправдывает средства.

...Коридорчик, куда он попал, оказался маленьким и узким. Увы, но тут было до такой степени сыро, что Рри моментально продрог. Идти приходилось осторожно и медленно, но радовало уже то, что ход никуда не сворачивал.

Он достаточно долго шагал по витому коридорчику, несколько раз спускался и поднимался по ступенькам невидимых во мраке лестниц. Тут не было факелов, приходилось действовать наощупь, а в этой ипостаси Рри ничего не помнил о тайном ходе. Но он чувствовал, что поднимается вверх или хотя бы остаётся на том же уровне, к темницам точно не доберётся.

Наконец-то идти стало чуточку свободнее. Он натолкнулся пальцами на преграду, повернулся и понял, что дошёл до тупика. Стена?

Или дверь?

Пальцы поспешно искали нужный рычаг. Кэрнисс обнаружил его с трудом, но особых секретов тут не было. Если взять свечку, так и вовсе удобно. Может быть, он даже пропустил несколько ответвлений, когда шагал вперёд, ведь зачем строить такой простой тайный ход, если он не ведёт, к примеру, в королевскую сокровищницу?

...Но, стоило только распахнуть тоненькую дверцу и оказаться за спасительной тканью знамени в очередной нише, Рри по яркому, даже слишком яркому свету и широко распахнутым окнам, которые мог наблюдать в маленькую дырочку во флаге, моментально узнал тронный зал.

Когда король Дарнаэл присутствовал в городе, людей было слишком много. Вирр помнил это до такой степени чётко и ярко, что даже новое, точнее, настоящее тело не смогло окончательно похоронить подобные глупые воспоминания. Конечно же, Рри не хотел, чтобы людей оказалось больше, чем следует, а то, что присутствовала одна только королева, и вовсе безмерно его порадовало.

Он внимательно смотрел на Сэю, скучающую, сидевшую не на троне, а рядом с ним в кресле, и вспоминал о том, как безумно влюблена была эта девица в него. Как обещала отдать всё, что может.

Он тогда уехал. Обещал ей вернуться. Конечно, она его не забыла, это он заметил ещё тогда, когда вынужден был спасаться бегством.

Прекрасная и при этом не менее могущественная ведьма? О, да что за бред! Дарнаэл, как казалось Рри, никогда не был настолько глуп, чтобы поверить в это.



Самаранта Тальмрэ прятала от всего мира дочь только для того, чтобы никто не узнал об отсутствии волшебства у неё. И именно этим Сэя так приглянулась Рри тогда, когда он ещё умел немножечко любить. Это потом все поцелуи и мечты о прекрасном будущем оказались лишь поцелуями и мечтами. Это потом он окончательно отсек этого гадкого двуглавого змея любви и жалости.

Но Сэя не была пунктом его плана, а была девушкой, которая ему в своё время хорошо помогла — и хорошо навредила.

Это она оказалась виновницей появления шрама. Это она оказалась причиной, по которой он отказался от возможности любить.

Но она была всё так же в восторге от самого его существования, Рри знал об этом. А значит, она обязательно поможет, стоит ему только об этом попросить, швырнёт весь мир и даже немного больше к его ногам, не задумавшись о причинах, по которым он просит у неё что-то подобное. Это не имеет значения. никогда не имело. Влюблённая женщина — это всегда страшно, а Сэя теперь королева и может наконец-то обеспечить им прекрасную жизнь.

Рри был готов сыграть влюблённого. Он уже справлялся с этой ролью однажды, совсем недавно, когда под руки попала наивная Марта Торрэсса. От девушки тогда не требовалось ничего, кроме смерти короля. Ни верности Рри не хотел, ни денег, которые у неё были. Всё это не имело значения. Просто убить Дарнаэла Второго.

И что она сделала? Она лишь смогла покуситься на само его существование, и больше ничего. Сдалась так просто и быстро, но не до конца выдала его имя. Слабая и сильная одновременно, если б она знала, как сильно он её ненавидел.

Это, пожалуй, испугало бы её куда больше, чем обыкновенный расстрел.

Сыграть с нею влюблённого было трудно. С Сэей, к которой он питал по крайней мере некое уважение, будет чуточку проще, это Рри знал. Именно поэтому он не стремился убежать достаточно далеко, а теперь таился за шторой знамени. Именно за разговором он и пришёл. Именно с нею. Именно сейчас. Ох, сколько воды утекло с их последней встречи.

— Ваше Величество, — он наконец-то выпрыгнул с ниши и оказался на мраморном полу прямо у неё за спиной.

Вероятно, Дарнаэл или несколько его стражников пользовались ходом для лучшей защиты короля. Или, может быть, Его Величество понятия не имел, что тут существовал потайной ход?

Рри поверил бы в это, но там оказалось слишком чисто — никаких трупов. Ни человеческих, ни мышинных, ни даже заблудившегося случайно кота. И паутины тоже не было, а паукам двери не страшны, они умудряются пробраться куда угодно и когда угодно. Потому, конечно же, Кэрнисс был твёрдо уверен, что этой старой дверцей пользовались довольно часто, раз у неё не скрипели петли, да и коридорчик казался таким новым и чистым, пусть холодным и тёмным.

— Высочество, — поправила его Сэя. — Здравствуй, Рри.

Ей не понадобилось оглянуться. За долгие годы — сколько ж лет прошло, семь, восемь? — она так и не забыла его голос. Удивительно, но Рри даже не думал, что будет вспоминать об этом с таким разительным самодовольством и решительностью.

Он окончательно развеял свои сомнения и шагнул вперёд, оказался перед тронем и раскрыл объятия. Если она помнит его голос, то обязательно помнит и о том, как сильно его любила. А он не против, если она будет править рядом с ним, так почему бы и не

воспользоваться случаем?

Сэя не шевельнулась. Она поднялась со своего кресла, впрочем, минутой ранее, а теперь, подумав, опустилась на трон и застыла на нём, вся такая величественная и прямая, что становилось просто дурно от этой её самоуверенности.

Её платье оказалось чёрным — цветом магии и позора. Эррока, Элвьента, это не имело никакого значения. Рри так и стоял, словно глупец, с широко раскинутыми руками, и не мог понять, почему всё сложилось до такой степени... До такой степени...

Как?

Не хотелось спорить с собственной судьбой. Они вообще давно уже запутались со всем, что только могло существовать, и теперь Рри старательно отказывался от возможности забыть его. Он не бог, конечно, не идеален, но ведь она была влюблена. И есть — конечно же, просто скрывает свои чувства за привычно королевской гордостью.

— Сэя, — протянул он тоном таким, словно пытался загипнотизировать девушку, — разве ты меня не узнала? Разве ты не хочешь обнять свою первую и единственную любовь?

Сэя внезапно рассмеялась. Это выглядело гротескно — тонкие белые пальцы королевы сжимали подлокотники трона, как раз там, где были вставлены драгоценные камни, и на её ладонях, тонких и нежных, будто бы на глазах у Рри появлялись незаметные полосы невидимых шрамов. Рубины и алмазы оставляли свой отпечаток на её руках.

На голове — как только сейчас заметил Рри, — красовался венец. Корона действительно была королевской, такой прекрасной и тонкой, что он даже удивился существованию чего-то подобного. Странное дело, так старательно отрицал всё, что только мог, связанное с нею, все эти долгие годы, а теперь смотрел на корону на её голове и почти позволил своей сплошной ненависти отступить.

Это Сэя долго выбирала заклинание. Она так разозлилась от его предательства, что даже смогла найти в библиотеках проклятье, проявившее его гадкий шрам человеческим глазам. С тех пор никакая магия, ни маскировка, ничто не могло его скрыть. Стоило только кому-либо посмотреть на Рри, и его уродство, клеймо предателя, моментально бросалось в глаза.

Но он давно простил за это Сэю Тальмрэ, а она должна была просить его за маленькую измену, за то, что он оставил её на настолько короткий срок.

— Дорогой, — Сэя не стала шевелиться и сейчас, и казалось, что её взгляд стал почти змеиным, — ну, не всё так просто, поверь мне. Время прошло. Первая любовь забывается. Всё довольно трудно в этом мире, неужели я должна была запоминать, что ты существуешь?

Рри подошёл ближе. Если б он услышал в её голосе обиду, то было бы как-то спокойнее, но горечи почему-то не оказалось. Можно было подумать, что эта девушка самым наглым образом и вправду позабыла о его существованиях.

— Полно, — отозвался он вновь, занимая свободное кресло напротив Сэи. — Ну, что было, то было. Я совершил много ошибок, ты тоже... Жаль, конечно, что всё разрушилось так просто и быстро, но теперь у меня есть для тебя новое предложение.

— Какое?

Сэя выглядела довольной. Рри сжимал зубы в приступе раздражения, потому что не понимал, как этой девушке удалось стать королевой. Ведь в ней нет ничего особенного, а Дарнаэл столько лет не женился... Наследники престола очень мешали его стараниям. Кэрниссы займут трон только тогда, когда все претенденты наконец-то пропадут.

Но Кэор не был проблемой. Убить его окажется очень и очень просто. Главным гвоздём

программы оказался именно Дарнаэл, и Рри знал, что убрать его родственников будет в сотни раз легче, чем самого короля, даже если Дар не потрудится над своей защитой. А уж если он действительно приложит какие-то усилия к этому, то, пожалуй, проблем точно не избежать.

Но это опять-таки нынче не имело особого значения. Рри постарался убедить себя в этом прискорбно-простом факте, а потом вновь воззрился на Сэю. Стоило сфокусироваться на настоящем, а не искать спасения в диком прошлом или удивительном будущем.

— Ты станешь полноправной королевой, — Рри улыбнулся, — если только поможешь мне занять этот трон вместо Дарнаэла. Ведь для тебя это будет очень просто, верно? А потом мы будем вместе, и...

Он умел обещать девушкам. Вопреки тому, что обычно представительницы женского пола его раздражали, Рри умел говорить мягко и вкрадчиво.

Но Сэя почему-то смотрела на него немного... нет, не удивлённо. Во взгляде мелькало что-то совершенно другое, такое необычное, внимательное, словно она заподозрила неладное, а теперь старательно пыталась понять, что именно пошло не так.

— Знаешь, — внезапно проронила она, — я не могла без тебя жить. Я проплакала столько ночей...

На сей раз она протянула к нему ладонь. И вправду, на белой коже виднелись отпечатки от рубина, который она доселе так крепко сжимала. Рри смотрел на девушку и понимал, что не любить её довольно трудно. Жаль, что он упивался только ненавистью, но когда Дарнаэл погибнет, всё можно будет вернуть.

Сэе хотелось верить. Рри видел, что она предлагала ему мир, и тоже протянул руку, надеясь сжать её привычно холодные и тонкие пальцы.

— Только, знаешь, — она наблюдала за тем, как он медленно решался на этот маленький мирный пакт, на короткую уступку, — я так старалась с этим бороться. С чувствами к тебе...

— Уже не надо, — прошептал Рри.

— Конечно, не надо, — их пальцы почти соприкоснулись. — Потому что я уже победила.

Это произошло совершенно внезапно. Рри не успел отпрянуть или содрогнуться, не успел закричать или запротестовать. Луч синевы сорвался с её ногтей, будто бы сам по себе, и ударил его в грудь — достаточно сильный, чтобы оттолкнуть к стене Рри, обычно не реагирующего на волшебство.

— На старую память, — выдохнула наконец-то Сэя, — я, может быть, разрешу тебе уйти.

Рри уставился на неё. Чёрные глаза были широко распахнуты, а ненависть в них и вправду слишком быстро и старательно сменилась замешательством. Сэе удалось его напугать. Тальмрэ всегда хорошо играла, это да, но ведь надо помнить о мере!

— Ты не... — он не успел ничего промолвить. Обычно она не колдовала против него... Нет, не так. Она обычно вообще не колдовала. Сэя, его Сэя, никогда не была ведьмой. Она не могла выдать из себя даже крохотную искорку, в отличие от её отвратительной матери. И поэтому Рри она казалась привлекательной. Они сотворили бы мир без волшебства и Тьерронов вместе.

— Я — не? — хитро улыбнулась Тальмрэ. — О, ты ошибся. Очень даже “да”. Просто я забыла о том, что надо тебе рассказывать что-то о моей жизни. Ах да, тебя ведь не было.

Она всё ещё направляла указательный палец на Рри, и Кэрнисс подумал, что, наверное, она воздействует на него с помощью волшебства. Иначе почему сила не отпускает его ни на одно мгновение, почему всё продолжается до такой степени страшно и глупо? Ведь хотелось бы... Так хотелось, чтобы сию секунду он вновь смог дышать.

Сэя тогда, когда отыскала то кошмарное проклятье для его шрама, вынуждена была воспользоваться помощью посторонних. Чтобы заколдовать. Потому что сама не могла, не хотела, не умела, не являлась ведьмой. А теперь вот так просто, на вытянутом пальце, держала его, словно колечко, и её венчальный браслет сверкал в свете из окон.

Солнечные лучи выводили из себя. Рри что-то прохрипел и попытался к ней подползти, но получалось из рук вон плохо, наверное, в первую очередь потому, что он сам не чувствовал себя уверенно. Всё давно уже растворилось в прошлом, вот только она всё равно никогда не была ведьмой, а теперь внезапно стала ею, и ничего кошмарнее этого не было.

Он старательно пытался подняться. Солнце вокруг...

— Я стала ведьмой, — холодно отрезала Сэя. — Продала свою любовь к тебе и купила магию. Доволен?

— Я сделал бы тебя королевой и без этого волшебного проклятья, — выдохнул Рри.

— Мне б так хотелось тебя убить, — во взгляде девушки мелькнуло что-то до такой степени жестокое, что он уже почти попросился с жизнью, не имея шансов сражаться с магией. — Вот только, жаль, ты должен сыграть свою роль.

Он так ничего не понял. Сэя внезапно обмякла и опустила руку, резко, одним рывком, уничтожив нить магии подчинения, или что это было. Она отшатнулась от него в испуге и едва слышно выдохнула что-то, что до конца Рри не смог разобрать.

— Стража! — возопила она.

Рри почувствовал, что она ему только помешает. Просто лишняя наследница, лишняя претендентка на трон. Он бросился на неё с ножом, который прятал в сапоге, коротким и тупым, но способным нанести хотя бы несколько ранений, если ударить с достаточной силой.

Вот только Сэя не была так проста. Она бросила взгляд на его оружие, и то расплавилось в одно мгновение, и всё, что смог сделать Кэрнисс, так это в приступе своей ненависти уцепиться пальцами в её горло.

Вспышкой магии открылись двери, и очередной поток силы, уже стандартно бесполезный, врезался ему в грудь. Рри, впрочем, разжал руки, потому что магия была довольно сильной, и вынужден был отползти чуть подальше, потому что маг на пороге, тот самый, придворный, не внушал никакого доверия.

Рри вскочил на ноги. Стража скоро будет тут, а ему так хотелось уйти, сбежать, чтобы вернуться и уничтожить их.

Он бросился к балкону. Увы, не идеальный выход, вот только если бежать достаточно быстро, то он сможет их обмануть. Тут где-то был ещё один тайный вход, о котором он узнал от Вирра, чтобы пробраться в королевские покои.

— Куда ты лезешь, наследник престола?! — донеслось до него женское, возмущённое, и сквозь пелену своего побега Рри успел обернуться и заметить, как Сэя ухватилась за рукав Шэйрана, не позволяя ему догонять Кэрнисса.

Наконец-то прибыла стража, но Рри не планировал дожидаться её вмешательства. Он нырнул в тайный ход, надеясь, что большинство ещё не заметило его исчезновения, потратил секунду на то, чтобы запереть почти невидимые снаружи двери, а после ринулся вперёд.

Королевские покои. Ему нужен королевский кабинет только с одной целью. Он подберёт там нужный артефакт.

А потом ещё один — и телепортируется подальше отсюда.

\*\*\*

Отдышаться отказалось самым трудным заданием. Рри едва ли не кашлял из-за каждого своего шага, но теперь, уже растворившись в лесу, чувствовал себя спокойнее. Бежать пришлось очень долго, ведь он едва-едва достиг потайного хода под городом. Стража о нём знала — о ходе вообще знали практически все, просто старались им не пользоваться, ибо там очень много воды и слизи.

И он идёт с тюрем.

Конечно, Рри не хотел туда добираться, но вынужден был залезать через окно вновь в замок, когда увидел, что за ним гонятся солдаты, а после прямо у врат в тюрьму ринулся в потайной ход.

Тут было очень тесно и неудобно, конечно же, зато на конях никто гнаться не будет. Возможно, когда король покидал столицу, он тоже выбрал именно этот путь, чтобы покинуть замок — ведь выходов на свежий воздух было много, именно поэтому стража не могла гарантировать, шёл ли он всё так же этой системой поворотов и ответвлений или всё-таки выбрался на свободу.

Рри избрал стандартную технику, постоянно поворачивал в крайний правый тоннель — при обратном пути речь шла о крайнем левом, — и выбрался посреди леса, там, где можно было затеряться, через люк, о котором мало кто знал.

Теперь единственной проблемой оказалось действительно прийти в чувство, но мужчина ещё очень долго заставлял себя шагать вперёд. К тому же, на ходу легче было переваривать полученную информацию и мириться с мыслями, что теперь бесконечным потоком частичек крутились у него в голове.

Наследник престола? Тьеррон. Конечно же! Вирр был очень наивен, слагая свои собственные сказки об отношениях короля и его придворного мага. Вся эта забота со стороны Дара не была выдуманной, не была просто попыткой прикрыться, но не была и приуроченной к великой любви. Конечно, смешно было предполагать, что у сорокатрёхлетнего, абсолютно здорового, между прочим, мужчины, с которым мечтает переспать добрая половина страны, нет ни единого ребёнка, но всё же Рри надеялся на то, что рассчитывать следует максимум на девятилетних-десятилетних деток.

Вот только короля Дарнаэла после его семнадцатилетия где-то носило лет восемь. Конечно же, за то время он успел найти себе любимую женщину — а в том, что Шэйран приходился сыном Дару, Рри уже даже не сомневался.

Магия. Синие глаза. Внешность — до сих пор всё те же отвратительные отголоски Дарнаэла Первого. Да и кто может быть более важным наследником престола, чем признанный племянник, ещё и племянник по королевской линии, от родной сестры, дочери и короля, и королевы, да ещё и родная жена? Нет, всё это может победить только дочь или сын — кровные.

На дочь Шэйран... Шэйран Тьеррон походил крайне мало.

Рри устало остановился. Впереди, как ему показалось, весело трещал костёр, и он медленно поковылял в ту сторону, надеясь на то, что увидит хотя бы тень живого человека. Всё-таки, усталость старательно давала о себе знать, и он едва-едва передвигался, задыхался от усталости и, казалось бы, планировал немедленно превратиться в некое подобие...

Кого?

Кажется, чего-то вроде летучей мыши с запавшими глазами. Почему-то эта стойкая слепая ассоциация никак не желала лишать мысли Рри, вопреки всей её безумности укоренившись абсолютно чётко и плотно. Летучая мышь. Слепая летучая мышь.

Он остановился между двумя деревьями, кроны которых почти полностью срослись. Можно было подумать, что это портал в параллельные миры, вот только Рри предпочитал не вспоминать о магии.

Сын короля!

Почему было не начать с придворного мasha? Если Сэя успеет огласить его официально, а ещё хуже, если на это решится Дарнаэл, то до смерти Шэйрана не стоит и думать о престоле. А Рри почему-то показалось, что, как и отец, молодой Тьеррон просто так не уступит ему своё место. Проклятые маги, а этот, очевидно, ещё и получил силу деда, не планируя нынче ею делиться. А зачем?

Да и разве было с кем?

...Компания у костра была живописная. По крайней мере, ведьмаков и волшебницу Рри определил без единой заминки, пусть и отчаянно подавляя собственное раздражение. Он прежде никогда не встречал никого из компании, но парни уже вызывали раздражение. Какие-то безвольные, словно зомбированные их спутницей.

А вот ведьма, вопреки всем предрассудкам, показалась Рри любопытной. Что-то в ней было неправильное, такое едкое и отчаянное, будто бы мир старательно пытался подчеркнуть несколько лишних моментов в девушке, пытался что-то выделить. Чёрные глаза, чёрные волосы, снежная, фарфоровая кожа и знакомый амулет на груди.

Она была ипостасью.

Точнее, как показалось Рри, хозяйкой. Вторая ипостась не ведёт себя до такой степени уверенно, так что, девица — первая.

Он сделал шаг вперёд, и незнакомка резко подняла голову. Сила так и не вспыхнула в её руках, равно как не проявились и оттенки понимания, вот только дышать стало определённо легче, Рри словно переступил через какой-то контур.

— Здравствуй, — холодно поприветствовала она его, словно уже встречала в своей жизни, а теперь старательно пыталась не допустить до более-менее важных и трудных её аспектов. — Кем будешь?

Она обворожительно ему улыбнулась, но Рри умел только ненавидеть. Человеческие эмоции, равно как и возбуждение, были ему абсолютно чужды.

— Меня зовут Рри, — представился он. — А вы кто? Куда направляетесь?

— Я Лиррэ, — равнодушно ответила девушка. — Это мои рабы. Они выполняют любое моё пожелание, стоит только захотеть, — говорила она об этом безо всякой попытки утаить информацию, словно напротив стремилась поделиться новыми фразами, дабы потом не забыть. — И я прибыла сюда для того, чтобы стать королевой.

Рри осклабился. На жадных к власти девушек ему определённо везло.

===== Глава тридцать четвёртая =====

Дарнаэлу казалось, что его голова вот-вот превратится в какую-то стайку банальных осколков, и он ничего не сможет с собой поделаться. По крайней мере, ненависть, что разве что в горле не билась, уже успокоилась, и осталось только сплошное беспокойство за родную дочь, что почему-то осталась в руках его сумасшедшей супруги. И как он мог так легко отдать Эрлу и Шэйрана их матери, если знал, что у Лиары не всё в порядке с

сознанием?

Ведь... Ведь он был уверен, что с ним детям будет значительно хуже. Дарнаэла всё время пытались убить, и он просто отчаянно искал тот прелестный момент, когда наконец-то дети станут достаточно сильны, чтобы больше не страдать от бесконечных нападений на их отца.

Он дождался этого с Шэйраном, но Эрла принадлежала Лиаре всецело. Даже при коротких встречах оспорить это не получалось. И почему-то он верил в то, что прелестная любимая королева никогда не переступит эту границу между мстостью и откровенной глупостью да жестокостью.

Но она переступила.

...Кррэа давно уже ненавистный для него город. Дарнаэл спрыгнул с коня, и тот рухнул на мостовую, кажется, планируя как минимум отправиться к Богине. Впрочем, короля это уже мало волновало — ему следовало спешить.

Ночь спешила сомкнуть собственные оковы над всем миром. Было холодно, хотя не слишком ощутимо, и звёзды уже загорелись именно в правильных позициях, хотя ни одной тучки так он и не узрел. Увы, но всё поспешно превращалось в безумие — луна, такая же полная, как и в тот день, когда он убил предыдущего короля Эрроки. Всё это смешалось воедино.

Луна такая же, как в ту ночь, когда Лиара забеременела. И хотя Дарнаэл терпеть не мог соотносить факты волшебства с рождением их сына или дочери, если б у него спросили, на чью магию он поставит, мужчина однозначно выбрал бы Шэйрана. Эрла уже с рождения отторгала все проявления Силы, предпочитая оружие, но и последним не могла пользоваться, ведь над головой неусыпно нависала мать, что запрещала ей всё, включая и возможность свободно дышать воздухом, в котором присутствует дух мужчины.

Что это за вечное безумие, что одолело Лиару, стоило ему уехать достаточно надолго? Всё это Тэзра, проклятая Тэзра.

Дарнаэл не успел сделать даже нескольких шагов вверх, по ступенькам, ко входу в замок. Он понимал, что должен бежать, но что-то в голове нарастало бесконечным напряжением, и мужчине показалось, что цветные осколки впиваются в глаза, старательно уничтожая их и убивая всё то, что существовало прежде. Он словно слышал этот гадкий крик со стороны, хотя хотелось только воспротивиться и поспешно ретироваться с поля боя.

“Я её нашёл”.

Эти слова набатом разразились в голове, и почему-то Дарнаэл внезапно ощутил острую потребность на них сосредоточиться. Но он не понимал, кто это говорил, хотя в голосе чувствовались знакомые нотки, да и отвращение ко всему стало слишком сильным. Он должен бороться за дождь, а не слушать глупые предупреждения со стороны.

В голосе угадывался Мэллор. Это Дарнаэл осознал, когда сумел преодолеть несколько ступенек, и сила вновь добралась до него.

“Я её нашёл”.

— Будь ты проклят, — мужчина с силой вытолкнул всех посторонних из собственной головы, и бол отступила, позволяя ему наконец-то выполнить собственное предназначение. Он не может просто так оставить на растерзание родную дочь, только не это. Посему плевать на Мэллора и даже на стражу, Эрла не будет участвовать в этом ритуале.

...Пять минут.

Дарнаэлу даже не потребовалось думать о том, где они проведут ритуал. Конечно же,

существовал в этом дворце специальный зал. То, что Тэзра проигнорировала его в прошлый раз, имело свои последствия. Теперь то, что две сумасшедшие дуры-ведьмы называют непорочным зачатием, произойдёт обязательно на глазах нарисованной Богини.

Первый стражник встал у него на пути.

— Туда нельзя, — сухо проронил он. — Тем более мужчинам. Одним своим присутствием...

Дарнаэл сбросил его руку со своего плеча. Он знал, за кого его приняли. За того, кто до сих пор не смирился с тем, что ритуал произойдёт. Для того, кто не желает подчиняться и признавать, что ему не место на этом континенте. В этой стране.

Стражник тоже казался грустным, равно как и остальные. Дарнаэл знал, что может сквозь них пробиться, но на всё это требовалось время, которого у него не было. Ни капельки. Ни единого осколка. У него не было даже намёка на это чёртово, никому не нужное время, и... Всё это — проклятье! — происходит тогда, когда на кону жизнь его дочери.

— Если это случится, то вас казнят первыми, — холодно проронил он. — Если у них получится, мужчины всё равно будут больше не нужны.

— Королева Лиара приказала никого не пускать, — равнодушно отозвался служивый. Его глаза смотрели таким пустым выражением, что Дарнаэл едва сдержал короткий смешок. Конечно же, Лиара не особо заботилась о том, чтобы эти люди были умны и образованы, но ведь она тоже не самая глупая на свете женщина и должна понимать, кого ставит тут работать, в конце-то концов!

Как смешно.

— Замечательно, — Дарнаэл даже не добывал револьвер, хотя стоило, пожалуй. — Как там у вас в религии? Мужчины не умеют пользоваться магией? Ну что ж, — он бросил взгляд на стража, что взирал на короля, словно на сумасшедшего, и никак не мог узнать, — считайте меня дамой. Посторонитесь, мальчики.

...Семена сыпанули на пол. Больше ничего не требовалось — магия зелени ринулась сплошной стеной на несчастных стражников, грозясь задушить, и те безо всякого сопротивления ринулись в противоположные стороны. Они всего лишь хотели жить.

Дарнаэл всего лишь надеялся на то, что с его дочерью всё будет в порядке, да и только. Больше его ничего никогда не волновало.

...Дверь открыть оказалось довольно легко. Он не обрушил на неё ни единого заклинания, которыми, впрочем, толком пользоваться и не умел, просто толкнул створки, и те с такой лёгкостью распахнулись, словно были сотканы из невидимого, совершенно не прочного, невероятно хрупкого материала.

Из сухого песка.

Богиня — её портрет, — сиял Силой.

И одного взгляда на алтарь хватило для того, чтобы понять, что уже поздно.

...Застывший у пока ещё одетой в это тонкое ритуальное одеяние девушки показался Дарнаэлу смутно знакомым. Словно он уже сталкивался с этим человеком, хотя не понимал, где именно. Но, впрочем, в незнакомце не чувствовалось того безумия, что одолевало Кальтэна двадцать три года назад, когда он точно так же рванулся к Тэзре, пусть и место было не то.

Девушка оказалась без сознания. Змеи сковывали её руки и ноги, а мужчина, стоявший в пол-оборота к Дарнаэлу, кажется, кривился от презрения.



— Ну что за ерунда, 0 протянул почему-то знакомый бархатистый голос, — мало того, что дёргают по всякой ерунде, так ещё и подсунули бывшую... Ай, чёрт с ней.

Она едва заметно шевельнулась и широко распахнула глаза, а после король наконец-то осознал, что его смущало во всём этом больше всего.

У ног мужчины вились змеи. Точно такие, как на тех глупых картинах, с раздвоенными языками, что часто выглядывали из рядов острых клыков, с громким шипением. Змеи вились почти подобострастно, иногда поднимались по его ноге вверх, тянулись к запястью, но, вопреки всему, даже не думали кусать. Они относились к мужчине так, словно он был их господином.

А после Дарнаэл наконец-то оказался достаточно близко, чтобы все его сомнения рухнули окончательно.

— Это не она, — протянул незнакомец, и каменные змеи тоже зашевелились. — Это не принцесса Эрла... И даже не девственница, в конце концов. Боги безумно оскорблены.

...На алтаре растянулась бессознательная Зэльда. Дарнаэл едва-едва узнал её — всё-таки, не виделись достаточно давно, да и когда в последний раз бывшая любовница была у него на глазах без косметики и маскировочных чар, что наконец-то перестали скрывать её истинный возраст?

Но это не имело никакого значения. Виэст волновала его меньше всего на свете, потому что она, в конце концов, не была его дочерью. Она не была той, за кого он мог бы на самом деле, достаточно сильно, как за самое ценное в мире существо, переживать.

“Я нашёл её”, - разлился шёпот Мэллора в голове.

Эрлы тут нет. Эрла не во дворце, а где-то в лесах, и он, идиот, сейчас стоит у алтаря, к которому змеями прикована его бывшая любовница.

— Дорогие, — незнакомец обратился к змеям, — пусть она пока что не сестра вам, но ведь разве у кого-то из вас не вышел срок?

Одна из змей скользнула на протянутую руку, зависла на секунду на плече, а после склонилась над Зэльдой. Клыки сомкнулись на тонком запястье.

А потом мужчина повернулся лицом к Дарнаэлу.

...На мгновение королю показалось, что он смотрит в зеркало. Проклято-чёрная, словно след магии, рубашка, с красной вышивкой — потому что надо отметить свою принадлежность к Эльвенте. Королевский герб, вышитый, как ни крути, довольно заметно. Не хватает только одной буквы, что значила бы, что он король, а после всё смывается в окончательном приступе чёрного, и красная кайма теряет своё первоначальное значение.

Синие глаза-сапфиры, сияющие волшебством. При первом же взмахе руки хочется рухнуть на колени и умолять о том, чтобы король почтил своим существованием их мир, вот только что-то сдерживает, как и с Лиарой. Он ещё способен здраво думать, хотя Зэльда широко распахивает глаза, игнорирует укус и то, что змея тенью буквально втягивается в её тело, и пытается склонить голову в почтительном кивке, но каменные пресмыкающиеся всё ещё держат её очень и очень крепко.

Чёрные, как смола — как шёлк, — волосы. Чётко очерченное лицо, будто бы он сошёл с портрета, и едва заметная синева выбритой щеки — подтверждение древней легенды картин о том, что короля Дарнаэла Первого рисовали отнюдь не с Дарнаэла Второго.

Тонкие пальцы застывают на рукояти меча. Белизна кожи кажется почти неестественной, равно как и сам Первый.

— О боги... — Дар отступил на один шаг от того, кто показался ему предком. — Это...

— Не стоило так гнаться, — сухо проронила мужчина. — Моя драгоценная наследница рода всё равно смогла бы управлять этими змейками, да, дорогие?

Змеи зашипели так согласно да ладно, что Дарнаэл вынужден был мотнуть головой, дабы прогнать в сторону своё опротивевшее наваждение. Вот только от этого жеста никуда Дарнаэл Первый так и не пропал — увы, но король оставался королём.

Богом.

— Я же говорил, — протянул покойный король, — что веры приходят к беде. Даже правнука парализовало. Да, милая? — он повернулся к огромному изображению Эрри. — Удачи, Даррэ. Советую тебе очень постараться выжить.

И, равно с тем, как распахнулись наконец-то двери, он растворился вместе со всеми змеями в воздухе, не оставив даже той, что укусила Зэльду и оставила отметину на запястье уже едва дышащей женщины.

...Дарнаэл не мог отвести взгляда от Эрри. Он был уверен в том, что наконец-то узнал её — и мог поклясться Богами, да всем, что только было в его жизни, что это именно она. Не может быть никакой ошибки, просто не может быть.

Она. Именно она.

Мужчина не успел даже подумать о том, что произошло. Руки скрутили за спиной, и на запястьях защёлкнулись волшебные браслеты. Венчальный свалился сам по себе, покатился по земле, к портрету Богини Эрри.

— Едва дышит! — провозгласил со стороны женский голос. — В темницы его! За нарушение целостности ритуала!

Он не мог сопротивляться. Оружие отобрали, магии больше не было, и Дарнаэл оставил в себе силы только для того, чтобы поднять коротко-холодный взгляд на ненавистную Тэзру, отдававшую приказы. Лиары не было. Лиара, возможно, даже не знала.

А после волна бессознательности накрыла его с головой, и Дарнаэл знал, что в этом замешана отнюдь не магия, а старательный удар эфесом по голове.

\*\*\*

Тэзра улыбнулась. Наконец-то! Наконец-то они получили эту птичку, наконец-то смогли запереть его там, где ему и место. Она даже не расстроилась от того, что с Зэльдой ничего не вышло, Боги так и не явились к ней — или явились, потому что женщина уже едва дышала.

— Как прекрасно врать королеве, правда, Виэст? — поинтересовалась Высшая Ведьма, склоняясь над умирающей. — И идти на ритуалы, на которых ты не имеешь права даже присутствовать! Бездарная, бессмысленная, ещё и спала со всеми, с кем не лень!

В голосе слышалось плохо скрываемое торжество. В конце концов, Тэзра ведь добилась своего, она сумела заполучить Дарнаэла Второго. Достаточно только заставить его отречься от трона, от волшебства, признать собственную слабость, и тогда власть окончательно будет в руках матриархата. Ведь Шэйран запропастился неведомо куда, а остальные мужчины сопротивляться вере не могут. И Элвьента склонит голову с такой же лёгкостью.

Одобрительно зашипела невидимая Богиня. Тэзра была уверена в том, что она зависла где-то над головой и собиралась дать своё благоговение на каждое действие со стороны ведьмы. В конце концов, не было ничего, что могло бы остановить нынче почитательницу культа Эрри.

Жаль только, что Лиара пришла.

...Отворились вновь двери, с размахом, шумно, от одного взмаха рук, так, как принято

— приветствуя королеву. И Лиара наконец-то оказалась в зале, совершенно спокойно и равнодушно перешагнула порог.

— Твой любовник, — холодно проронила Тэзра, — прервал ритуал, ворвавшись сюда, и Зэльда теперь при смерти! Боюсь, Лиа, нам не удастся её спасти.

— Где он? — Лиару мало интересовало дело, нет, зачем? Она скорее была готова броситься на шею этому “распрекрасному Дарнаэлу”, чем хотя бы на мгновение подумать головой и сделать то, что следовало.

От этого Тэзру буквально колотило. Впрочем, женщина умела терпеть поражения и старательно боролась с подобным беспределом, не позволяя действовать Лиаре так, как той хотелось.

— Он едва не угробил огромное количество стражи. Словно обезумел, — легко ответила она. — Отправила пока что в закрытые комнаты, туда, вниз, чтобы не натворил беды. Сам понимаешь, он осквернил Алтарь Богини...

Лиара опустила голову.

— Мне надо будет к нему сходить, — наконец-то проронила она.

— Ну, — отмахнулась Тэзра, — у тебя ещё будет такая возможность. Но пока что... Как жаль, что мы не сможем её воскресить. Но зато есть прекрасная возможность победить.

— Какая? — во взгляде Лиары загорелись знакомые огоньки.

— Ты ведь знаешь, Эльвента и её король — символы сопротивления. Как только Дарнаэл подчинится, его страна подчинится тоже, — проронила Тэзра. — Мы должны заставить его сказать нужные слова исключительно для того, чтобы вся страна стала нашей. Это в интересах Эрроки. И это будет довольно просто, Лиа. Ведь он только мужчина.

Лиара уверенно кивнула. Она знала, что на это надо пойти.

— Отправьте письмо в Эрроку, Ваше Величество. Пусть его советники почитают о том, где их распрекрасный король находится сейчас, а потом готовят документы для того, чтобы отдать нам страну.

Лиара кивнула. Губы растянулись в улыбке — казалось, она наконец-то оценила план Тэзры и была почти готова ему повиноваться. Это несказанно радовало женщину, по крайней мере, хоть какие-то отголоски разума у её королевы появились, а это уже очень многое значило.

...Королева ушла довольно поспешно, вероятно, загоревшись новой идеей, и Тэзра довольно кивнула. Она знала, как достигнуть своего.

Она коснулась Зэльды, и та захрипела. Не умирает, дрянь! И как она только может влачить ещё своё жалкое существование? И так уже стала козырной картой, но ведь именно на её смерти столько всего и основывается, разве ж нет?

— Помоги... — каменные змеи наконец-то отпустили Виэст, и она протянула руку, отчаянно пытаясь схватить Тэзру. — Пожалуйста... Воды... помогите...

Женщина нахмурилась. Нет, если она протянет ещё несколько часов, то это может оказаться серьёзной проблемой. а уж если выживет, так и вовсе может рассказать очень много лишнего.

— Тут был Бог... — внезапно выдохнула Зэльда.

— Богиня, ты хотела сказать, — сердито поправила её Тэзра. — Богиня Эрри, — она упрямо кивнула в сторону прекрасного портрета их божества.

— Нет, — Зэльда говорила почти ясно. — Бог. Такой, как Дарнаэл. Первый... Первый! — она словно прозрела. — В Эльвенте не врут... Их вера праведна, Бо

действительно существует...

Тэзра сердито отпихнула её руку. Этого только не хватает, в Первого она уверовала! А после того, как эта чёртова Зэльда явится к людям, пережившая ритуал непорочного зачатия, она станет практически пророком, как та... Нэмиара, что принесла им столько вреда своими баснями. И Тэзре тоже. Значит, надо это остановить. Немедленно. пока история опять не повторилась — оно и так всё в последнее время происходит с завидным постоянством.

— Первый... — вновь прошептала уже более бодро Зэльда.

Тэзра знала, что больше тянуть нельзя. Она вытащила из-за пояса ритуальный кинжал, которым иногда делала тонкие надрезы на ладони. Он был невероятно острым, потому что разрезать приходилось руку иногда даже сквозь кольчугу.

Волшебный металл помогал ранам затянуться внешне, но болеть изнутри.

Тэзра, впрочем, не собиралась доставлять Зэльде такие мучения. Она вогнала кинжал по самую рукоятку ей в сердце, а после резко выдернула. Рана моментально затянулась, но только внешне. Зэльда захрипела, дёрнулась и испустила дух — это было очень удачно, воспользоваться ритуальным кинжалом тут.

— Богиня, она твоя, — выдохнула Тэзра, а после, отвесив церемониальный поклон, поспешила уйти. Она знала, что дел ещё поразительно много, да и письмо следует изучить как можно более внимательно, перед тем, как позволить Лиаре его отправить.

В любом случае, ошибки нынче допускать ни в коем случае нельзя, это всё поразительно опасно, особенно если сравнивать с уровнем предыдущих попыток.

...Тэзра прикрыла за собой дверь, уже и забыв о трупе. Стража пусть заберёт, что с них взять ещё, если они не смогут выполнить такое банальное задание без постоянного помывания? А она не планировала тратить своё время на то, чтобы раздавать им настолько элементарные указания.

Зэльда широко распахнула резко потемневшие глаза. Кожа её побелела и стала тонкой, как лист пергамента, а змеи больше не держали запястья.

Оковы пали.

С губ сорвалось шипение. Тело деформировалось — постепенно, медленно, и в змеиных глазах проснулось что-то зелено-ядовитое.

...Змея соскользнула с алтаря и двинулась по полу. Новая Жрица Богов была избрана.

==== Глава тридцать пятая =====

Мэллор казался поразительно нетерпеливым. По крайней мере, так выжидательно на Эльма за всю его не слишком длинную, по крайней мере, не настолько, чтобы её прекращать, жизнь ни разу не смотрели. Хотелось взвыть. Нэмиара настойчиво требовала время, а Марсан старательно тянул паузу, потому что от неё очень даже прямо зависело то, смогут они выбраться наконец-то из этой отвратительной передрыги, или так и превратятся в берёзку, труп и пленницу сумасшедшего идиота.

— Ты будешь говорить? — Мэллор и так был терпелив. Лесничий умудрился выдержать уже три паузы минут по пять.

Эльм понятия не имел, сколько ещё “э” можно будет использовать, потому что был уверен в том, что пятнадцати минут должно хватить на любое заклинание. Но Нэмиара всё ещё старательно колдовала там себе в наполовину зелёном, наполовину живом виде, и он должен был вмешаться сию секунду.

— Если ты ещё одно мгновение не скажешь мне того, чего ты хочешь, то я превращу тебя в такой же дуб, — пригрозил Мэллор. — И ты будешь долго, старательно думать над

тем, что...

— Я стесняюсь! — возопил Эльм.

Так или иначе, он просто не мог придумать, что бы это ещё такое странное, но зато правдоподобное ляпнуть, чтобы сейчас отвратительный маг старательно поверил в его песнопения, а после этого ещё и не поспешил моментально убивать.

Губы Нэмиары шептали уже что-то новое, и Эльм с ужасом расшифровал короткое “пожалуйста, говори подольше”.

— Я хочу признаться в любви, — наконец-то выпалил он. — И не могу даже встать на одно колено, потому что меня держит этот отвратительный плющ!

Мэллор побелел. Кажется, признания в любви совершенно не входили в его планы, потому что он как-то удивлённо ощерился и уставился на Эльма, будто бы на стадо обезумевших лошадей, возомнивших себя птичками.

Больное воображение старательно нарисовало себе коняшку, которая машет передними копытами, пытаясь улететь, но Эльм сдержал тихий смешок, что так и рвался на свободу. Может быть, он очень даже правильно всё придумал...

— Сколько времени это займёт? — наконец-то поинтересовался Лесничий. — Просто проблема в том, что мне однажды не дали признаться в любви... Загадай ты что-то другое, может быть, я бы и отказался, но это же шанс навеки запомниться своей возлюбленной. Ах, если б не возразили мне тогда, не помешали...

— Так можно?

— Можно! — Мэллор почти прослезился. Впрочем, Эльм не сомневался в том, что в этом всё бред присутствует толика отличной актёрской игры, поэтому не обольщался. Вероятно, несчастная любовь сделала с Лесничего того безумца, которым он нынче и являлся, а значит, следовало очень постараться.

Плющ немного отступил. Эльм ещё несколько секунд мялся, словно не мог выбрать, кто тут его возлюбленная. Можно было броситься перед Нэмиарой, вот только получилось бы подозрительно, да и Мэллор оглянется.

Эрла?

Но... Меньше всего ему хотелось говорить принцессе приятные слова. принцессе — да. Эрле, кем бы она ни была, хотелось, потому что она каким-то странным образом вытолкала из его головы всяческое подобие здравого смысла и посадила туда собственный образ.

Иногда хотелось пасть перед нею на колени безо всяких там Мэллоров и нужды это сделать, вот только он упрямо не мог заставить себя это сделать, потому что не пускала гордость и упрямство.

Дочь Лиары! Что может быть хуже?

Разве он не проклинал её заодно с матерью всё это время, пока страдал, пока получал батогами по плечам, разве не мечтал удушить на месте?

Потом идеи переросли в более физиологическую плоскость, ибо Эрла была достаточно хорошенькой, после — в моральную, а теперь каким-то странным образом вновь во всю ту же физическую, вот только явно основывались на желании определённой взаимности. Так или иначе, но Эльм не мог вынудить себя её ненавидеть, хотя это как раз и привело бы его к возможности выжить, если б его не понесло воровать эту отвратительную королевскую дочку.

Осталось только действительно принять её за отвратительную, и дело сделано.

Так или иначе, признаваться в любви Мэллору он уж точно не мог, а раз уж с Эрлой

получится наполовину правдиво... А почему б и не рискнуть? Вряд ли они выживут.

Если нет — то, по крайней мере, он скажет ей правду. А если да — то потом можно будет сказать, что это было для пользы дела, и, может быть, она даже немножечко ему поверит ещё раз, если постараться.

Эльм всё равно шёл к Эрле очень медленно. Для порядка плющ тоже ускользнул от них, расчистил пространство, но Марсан знал, что не стоит обольщаться. Всё это счастье не надолго, стоит рвануться и попытаться сбежать, как моментально появится несколько особо наглых дополнительных веточек.

И они — покойники.

— Эрла, — он опустился на одно колено, как и полагалось, и оглянулся в поисках травинки, из которой можно было бы скрутить кольцо. — Я...

Она замерла. Казалось, в девушке всё сражалось между двумя позициями, верить или нет. С одной стороны, хотелось хотя бы в последние мгновения собственной жизни склонить голову в согласном кивке и больше не думать о том, что на самом деле ей самым наглым образом лгут, а с другой она всё же не была последней другой и осознала, что добром доверчивость не закончится уж точно.

— Я знаю, что обычно кажется совсем иначе, — выдохнул он под вздох Мэллора, такой грустный, словно это он тут стоял на коленях, — что ты считаешь, будто бы я тебя не ненавижу, но... Что бы я когда-то потом или в прошлом, тогда, не ляпнул...

Она смотрела на него широко распахнутыми глазами, прекрасно-золотистыми, и внезапно Марсан понял, что говорит правду.

Что б он потом не ляпнул, эти слова перечеркнуть пояснением выдумки не получится. Он действует не только потому, что надо отвлечь Мэллора.

И потянуть время, соответственно.

— И как бы потом всё это не закончилось, — надо было говорить дольше, но фразы срывались с губ рвано и быстро. Эльм уже почти забыл о пользе дела, сейчас, по крайней мере, в его голове появились абсолютно противоположные цели. — Ты должна знать, что... Что, подери твою матушку Богиня, или в кого она там верует, ты всё-таки куда лучше, чем она.

Так в любви не признаются. Мэллор, по крайней мере, недоверчиво фыркнул, и Эльм понял, что откреститься от признания не получится.

Ладони как-то сами по себе сжали её хрупкую руку. Солгать? Или это будет правдой? Впрочем, откладывать всё это общение до того момента, пока он решит мысленную дилемму, возможности не было.

А жаль.

Если б не Мэллор, он бы и дальше старательно ходил кругами и убеждал себя в том, что терпеть её не может, но теперь всё сложилось в голове само по себе, и больше прикусить язык и отмахнуться от того, что думает, Эльм просто не мог.

— Ты должна запомнить, что вся моя ненависть была только к политике и к тому, как поступила твоя мать. Ты никогда не была в этом виновата. Но если б я понимал это с самого начала, ничего бы не было.

— Но... — начала было Эрла.

— Молчи. Ничего б не было. Если б я тебя не ненавидел, ты бы осталась там, у своей матери, либо гонялась бы по горам сама. И вернулась бы совсем скоро либо примкнула бы к своему отцу и радовалась бы жизни. Всё было бы хорошо.

— Я сама виновата, — шмыгнула носом Эрла. Её взгляд устремился на Нэмиару, словно в Шэ она искала поддержки, но Эльм знал, что он отвернуться не может.

Только не сейчас.

Посмотреть на Мэллора тоже было нельзя, в конце концов, тот может не особо разбрасываться собственным терпением и нагло оборвать признание как раз на самом кульминационном моменте.

— Нет, — упрямо отозвался Марсан. — Ты не виновата. Если б я тебя не ненавидел, я бы никогда тебя не полюбил.

Он лжёт, лжёт, лжёт...

Вот только от того, что Эльм мысленно раз сто отрёкся от собственных слов, он так и не смог понять, какая часть тирады, словесная или та, что в голове, действительно была лживой.

Когда он признавался или отказывался от своего признания? когда было столько фальши, что прямо до дрожи и ненависти к самому себе?

Когда, чёрт его подери?

— И... — он запнулся. — Если мы выживем... Если ты выживешь, Воительница, поклянись, что сделаешь всё для того, чтобы быть счастливой. Именно в том понятии, что это счастье означает для тебя.

А это уже не было искренне-влюблёнными словами, и если Эрла не дура, она поймёт. Он говорил не с Эрлой, он говорил с девушкой, что взяла в руки лук и попала тогда, когда не должна была этого сделать.

— Клянусь, — кивнула Эрла. — Всё, что подразумевает счастье для меня.

Она выдернула руку из его пальцев, словно отвечая резким отказом, но Эльм знал, что причина совершенно в другом. Причина куда важнее, чем любовь или отказ от неё. Эрла была умной. Эрле нельзя было отказать в сознательности.

Эрла отлично знала, что она делает.

И, самое главное, она отлично видела Шэ. И Мэллора. Видела, что происходит, что их берёзка пытается сделать.

Ну, и следовало помнить о том, что Лесничий ничего не знал о том, что жертвы до сих пор не планировали сдаваться.

— Я так понимаю, признание окончено? — в голосе мужчины вновь чувствовалось раздражение. — А теперь я должен...

Он всё-таки не был великим злодеем, которым так стандартно притворялся. Он был сумасшедшим. Сумасшедшие, конечно, совершают странные и непредсказуемые поступки, но у них есть одно преимущество — они не умеют думать.

Абсолютно.

Это может пойти на пользу, а может повернуть во вред.

А ведь Мэллор так отчаянно хотел воскресить собственную возлюбленную, что даже не заставил плющ повиноваться ему всё это время, и тот осел. Контроль над заклинанием ещё предстояло вернуть, но куда могут деться двое людей, что так влюблённо смотрят друг на друга?

Никуда, если они отключили головы.

...Заклинание с треском ударило ему в спину. Мэллора не отбросило, но, впрочем, он обернулся — посмотрел на Нэмиару, и тогда основная сила, безо всякого разочарования, рванулась на него.

Он вскинул руки в отчаянной попытке защититься, и у него получилось. Сила застыла в нескольких метрах от Лесничего, но она неумолимо подбиралась ближе.

От усилия все остальные заклинания рухнули. Это было ощутимо и весьма заметно, по крайней мере, по тому, как вёл себя плющ.

Он плавился и горел, превращался в пепел прямо на месте, будто бы не существовало ничего, что могло поддержать растение.

У него не было корней.

Но и Шэ переставала быть берёзой. Она вновь возвращалась в человеческое состояние, и зелень постепенно отходила в сторону, уступая светло-русый волосам.

Эльфийка держала удар достаточно хорошо. Она так и не опустила руки, старательно сдерживая мощь отвратительного мага и не позволяя ему дожать её, но было видно, что надолго девушки не хватит.

Эльм схватился за тот обрубок меча, что у него ещё был, и ринулся на Мэллора. Защитное заклинание, конечно, его не допускало, но сама суть была в другом. Надо было отвлечь — даже сейчас, чтобы разрушительная магия Нэмиары ринулась на Мэллора.

Сумасшедшие сильны.

— Эй! — оклик означал практически смерть, если Мэллор сыпанёт этим прямо в него, вот только Эльм понимал, что одному из них всё равно придётся погибнуть, дабы победить Лесничего.

Раз он уж Эрле высказал такую ерунду, то пусть умрёт сам, а не позволит девушке уйти на тот свет с горьким ощущением лжи.

Или сладким пониманием правды.

— В сторону! — вскричала Эрла. Эльм не обернулся, он уже знал, что сейчас будет. Это по мишеням она не могла попасть, но нынче вновь наступила опасность.

Воительница должна уметь сражаться. Но когда приходит момент опасности, она забывает о разуме и использует свой дар так, как велит сердце.

Руки.

Руки — сердце тут не имеет значения. Каждый раз задействовано только тело, а орган, перекачивающий кровь — это просто приставка от пророчиц, таких, как Нэмиара.

От дур, виновных в том, что с ними происходит.

Стрела прорезала сгустившийся воздух и впиалась в спину Мэллора. Крови не было, но он зашипел от боли, и по плащу стекал зелёный сок, словно свидетельствуя о том, что не такой уж он и неуязвимый.

— Плющ! — закричала Эрла.

Эльм едва успел отпрыгнуть в сторону. На сей раз растение было без характерного блеска, явно не ядовитое, но всё равно опасное.

Он сумел схватить свой обрубок оружия настолько удобно, насколько это было возможно, и оглянулся. Без корня плющ не может жить, даже если его поддерживает магия Мэллора.

Эрла выпустила вторую стрелу. Та впиалась в руку отвратительного мага, но не помогло. Он не потерял контроль.

Корень, корень, корень!

Эльм подозревал, что тот может быть где-то в карманах, но нет. Ведь плющ сбежал от Мэллора, когда пришла опасность, чтобы нападать сзади, значит, корень тоже где-то дальше.

Марсан рванулся туда, откуда примчался побег, пытавшийся его схватить. И увидел, что



если он срочно не сделает что-то, что остановит растение, то им уж точно конец.

Отвратительные побеги ринулись к Эрле. Они стеной стояли у неё за спиной, собираясь спустя несколько мгновений обрушиться сплошной волной и разорвать на мелкие кусочки. А Нэмиара не устоит, разумеется.

Да и без Эрлы всё потеряет смысл. Принцесса Эрроканская — та, кого надо защитить в этой проклятой битве, чего бы им с Шэ не стоила эта кровавая и слишком странная победа.

Марсан не подумал, что он и сам поляжет. Он только ударил в очередной раз по росткам мечом, и плющ попытался уцепиться в него самого. Казалось, остался только один побег — и корень, от которого вновь отрывались новые ростки.

Они уже устремились к его горлу, когда вновь засвистела стрела, старательно перерезая нить побега, что рванулся к самому Эльму.

Плющ засипел в воздухе, рванулся было к Эрле, вот только было слишком поздно. Марсан с силой вонзил обрубок своего меча (или это была шпага?) в корень, и растение с громким криком, почти неслышным на этой поляне в пыли битвы, осело и превратилось в пепел.

Мэллор обернулся.

Обернулся, как мать бросается к своему ребёнку, а после вновь рванулся защищать себя от нападения Шэ. Казалось, он и вовсе не собирался отвлекаться ни на что другое — потому что теперь его детище погибло, остались только враги.

Враги, которых он, естественно, планировал уничтожить.

Заклятые.

Плюща больше не было. Только один безумный маг — и обожжённая дотянувшимся соком рука, которой он теперь едва-едва мог шевелить.

Эрла выстрелила в последний раз, когда на него напало растение. И потеряла то, что могло помочь ей защититься. Она зря выбросила стрелу, вот и всё — его всё равно не спасти, если Мэллор вздумает нападать.

Потому что убить не владеющего магией, никому не нужного бывшего дворянина куда проще, чем принцессу с даром Воительницы.

Но она не сдавалась.

Осколок меча так и остался валяться там, но девушка не обратила на него никакого внимания. Она выдернула из земли оружие Мэллора, тяжёлый меч, который тот почему-то приволок с собой — или обратил в него растение, Эльм так и не успел заметить.

Мэллор обернулся как раз вовремя, чтобы мощь заклинания впиалась ему в спину, но это ни капельки не помогло. Он выглядел всё таким же бодрым, хотя теперь спина разве что не дымилась.

Он схватил посох — и как только сумел сотворить его за такой короткий срок, ведь предыдущий был уничтожен? — и с лёгкостью парировал удар.

Казалось, посох был соткан из воздуха — он появился в ладонях Мэллора неожиданно, из пустоты, и Эрла поняла, что сгорело не всё.

Он восстановил его.

Восстановил, украв силу у почти бессознательной Нэмиары.

Мэллор пользовался посохом очень умело. Он наносил быстрые удары ядовитым древком, и девушке оставалось только пятиться и уступать. Она едва могла удержать в руках слишком тяжёлый меч, и казалось, что сейчас эта огромная машина рухнет прямо на неё, опустится на затылок, на голову, на лоб, она сама себе рассечёт кожу, а после и череп, и...

Руки немели. Посох ударил по ногам, и Эрла рухнула на колени. У Эльма не было магии и оружия, Нэмиара потеряла сознание — она осталась наедине со своим противником впервые за всю жизнь, но в этом бою вынуждена была победить.

Из последних сил девушка резанула его по ногам.

Мэллор успел подпрыгнуть, но равновесие он потерял. Чтобы вновь встать на ноги, пришлось опереться о край посоха, а Эрла уже вскочила, чувствуя, как её сила, тайная, только сейчас решившая проснуться, сама руководила мечом в уставших руках.

Магии обычно было глубоко наплевать на то, насколько силен противник. Но Мэллор почему-то так и не обрушил на неё своё волшебство, оно самым наглым и удивительным образом впиталось в его посох и растворилось в глубинах магического дерева. Он пытался пробормотать несколько коротких заклинаний, но вся сила с одинаковым успехом уходила в зелёные побеги вокруг. Вот только это не отменяло главного — Мэллор был сильнее. Намного сильнее. И даже если они нападали на него все втроём, ничего не получалось — а теперь Эрла оказалась единственной, у кого вообще было оружие.

Эльм сумел нащупать лук — он почему-то опасался отвести от сражения взгляд. Глаза Эрлы — он видел это даже отсюда, — выдавали её испуг и неуверенность, девушка словно не понимала, что происходит вокруг и что она делает. Но — продолжала своё сражение, словно надеялась, что её природный дар сможет сыграть сам.

Руки не слушались принцессу. Запястья выворачивались как-то сами по себе, так, как им было удобно, и сила рвалась на свободу, выпивая из Эрлы остатки самообладания. Она уже едва-едва стояла, потому что на неподготовленный организм обрушившаяся сила Воительницы была смертельной. Да и девушка словно не понимала, что если она ещё несколько минут проведёт в бою, то потом ей уж точно ничто не поможет. Организм не вечен, у него есть определённые рамки, в которых надо оставаться, что бы ни случилось.

Удары начинали слабеть. Мэллор словно не выдохся, только его посох в руках наливался волшебством всё больше и больше.

Меч вылетел из рук Эрлы — она как-то неловко сжала пальцы, на мгновение вспомнила о том, кем являлась на самом деле, и все старания оказались лишними, никому не нужными попытками сохранить былое счастье. Глаза наполнились слезами — она из последних сил перехватила его посох, когда Мэллор пытался ударить им девушку по шее или по голове, приправив заодно несколькими десятками заклинаний.

Меч превратился в оплавленную железку. Эльм продолжал сжимать в руках лук, но не было ни единой стрелы — все три торчали из Мэллора.

И четвёртая — из корня плюща.

Если забрать её оттуда, растение вновь примется за прошлое. Но если оставить — то Эрла вот-вот вновь отпустить посох, не сможет удержать нападавшего на неё безумца, и всё. Конец. Им и так не светит победа, но раз уж погибать, то хотя бы забрав Мэллора с собой на тот свет, к Богине или к Первому, кто уж во что верит.

Эльм не ожидал, что руки будут так дрожать, когда он попытается выдернуть стрелу. Тетива тоже отнюдь не собиралась подчиняться, да и вообще, в голове набатом били абсолютно лишние, жуткие мысли. Он прицелился — не попасть в Эрлу было очень трудной задачей, — и выстрелил, когда только появилась такая возможность.

Стрела впиалась Мэллору в плечо. Марсан был готов поклясться, что Лесничий даже не почувствовал боли — то только коротко и удивлённо уставился на оперение, а после Эрла из последних сил выдернула посох из его рук и древком ударила мага по тому же больному

плечу. Безумец пошатнулся — его спина превратилась в сплошную рану, но осознание дикой боли пришло только сейчас. Теперь сумасшедший зажмурился и осел на колени, но до смерти ему было ещё очень далеко.

Эрла отбросила посох в сторону, будто бы ядовитую гадюку. Магия была для неё такой же чуждой, как родным — оружие, вот только и меча толкового под руками не было. В уставшем взгляде вновь проснулась отчаянная жалость к едва не погубившему их всех мужчине — Эрла не умела пылать ненавистью постоянно, её хватало только на какие-то жалкие осколки времени.

Пальцы вновь сжались вокруг рукояти покорёженного меча. Им ещё можно было перерезать горло, а при достаточной силе, которой принцесса, конечно же, не обладала, и отрубить голову, но она теперь вновь сомневалась. Вновь задумывалась о том, что его можно просто привязать к дереву.

Шэ внезапно села, широко распахнув глаза, и смотрела на Эрлу, будто бы та тоже сошла с ума. Губы шевелились в немом “убей”, Нэмиара явно корила себя за то, что сама решилась на столь дерзкий поступок, но после внезапно обмякла и вновь упала на траву без сил.

Эльму тоже хотелось закричать, чтобы принцесса рискнула. Или выдернуть из её рук этот меч, чтобы уничтожить Мэллора самому. Но руки жгло невыносимо, и мужчина слишком ярко осознавал, что все его отчаянные попытки отправить Лесничего на тот свет закончатся провалом. Он не сможет сжать в руке ничего тяжелее ложки как минимум несколько дней — даже любимый лук выпал из неожиданно непослушных пальцев.

Мэллор рассмеялся. Сначала это был тихий и мелодичный смех, но со временем он становился всё более грубым и жестоким — считай, пора сходить с ума, но он и так уже успел помешаться. Он был уверен в собственной победе, в том, что удача уже — и безвозвратно, — на его стороне. И ничто его бы не остановило, сколько ни старайся.

Эрла зажмурилась. Ей было страшно — убить в пылу битвы, может быть, девушка и смогла бы, но только не сейчас, не тогда, когда несчастный стоит на коленях и в лицо смерти демонстрирует свою самую привлекательную улыбку — оскал безумия.

Она бы так ничего и не сделала. И Шэ не смогла бы её заставить, и Эльм не пробудил бы отчаянное желание уничтожить врага. Но испугаться Эрла тоже не успела, когда из трав вырвалась вихрем зелёная змея и сомкнула свои острые зубы на шею Мэллора. Он только картинно взмахнул руками — и рухнул, повалился почему-то вперёд, а не назад. Пальцы конвульсивно сжимали траву, побелев до невероятного состояния, и Мэллор что-то там хрипел — но было и так понятно, что для Лесничего всё закончено.

Змея зашипела на Эрлу. Та не могла сдвинуться с места, и если б пресмыкающееся пожелало, то превратило бы девушку в свою очередную жертву с ужасной, поразительной лёгкостью. Но вместо того, чтобы укусить, змея отползла на несколько метров по зелёной траве. На её морде всё ещё можно было увидеть следы крови, хотя непонятно, откуда они взялись.

А после змея зашипела, встала, словно готовясь к атаке, вспыхнула синевой — и превратилась в невзрачную рыжеволосую девушку.

===== Глава тридцать шестая =====

Бумага была новой и скользкой. Пальцы пробежались по ней с завидной лёгкостью, не встретив ни единой лишней шероховатости, и только там, где буквы, было чуточку неприятно. Или напротив — кому как нравится. Бумага не была жестокой; её, как и меч,

нельзя обвинить в смерти неповинного. Бумага просто служила посланием, да и только. Бумага не имела никакого значения — это могли отправить как на гербовой, так и на каком-то листе, вытащенном у канцеляриста, дешёвом и жалком.

Сэя сложила письмо в четыре раза и сунула под подушку. Здесь, в королевской спальне, она могла даже позволить себе разрыдаться, хотя и не стала этого делать.

На конверте красовались поразительно знакомые штампы. Девушка поднесла его к глазам, а после скомкала в руке, будто бы это полагалось делать с хранилищем письма, а не с ним самим. По коже пробежался язычок пламени, совсем не приносящий боли, и тут же бумага вспыхнула, расплзлась в ладонях тёмными хлопьями, осела пеплом, такой маленькой, аккуратной горкой на полу.

Сэя усмехнулась. Полноправная королева. Да здравствует Её Величество Сэя Первая?

Она скривилась. Так не должно быть. Что-то шло не по плану; впрочем, вторая часть её сознания твердила, что именно так и должно сложиться. Она не соглашалась внутренне ни с радостью, ни с горем. Она не имела права горевать.

Дарнаэла грех не любить. Ему, как и его предку, стоит только выйти на площадь и улыбнуться, чтобы все остальные рухнули на колени, радуясь тому, что этот прекрасный человек правит их страной. Но, вероятно, кого-то подобное положение вещей не устраивало — и Сэя отлично знала, кого именно, пусть и старательно отрицала бьющиеся в голове мысли.

Так должно быть.

...Она распахнула двери одним взмахом руки и шагала по коридору с гордо поднятой головой. Шлейф траурно-волшебного платья тянулся за спиной, и она уже не сдерживала свою магию. Карие глаза потемнели, и корона, казалось, сияла на голове.

На колени пал какой-то советник, но королева только досадливо отмахнулась от него. Стража поклонилась в пояс, открывая перед нею вход в тронный зал, и Сэе показалось, что венчальный браслет сейчас прожжёт её руку насквозь.

В плену.

Они все об этом даже не знали, до сих пор не понимали, что видят не просто жену короля Дарнаэла, а полноправную правительницу. Пока его нет — а его ещё очень долго не будет, — она руководит этой страной.

Сэя остановилась напротив трона. Какая-то незатейливая и глуховатая служанка продолжала протирать драгоценные камни, что так сильно впивались в кожу, стоило только сесть на это кошмарное кресло.

— Пошла вон, — королева не сбавила темпа, приближаясь к месту, предназначенному ей самой судьбой или просто удачей. — Приведи ко мне мага.

— Господина Шэйрана, Ваше Высочество? — уклонилась девушка.

— Господина Гартро, немедленно, — Сэя опустилась в трон со всей той злобной величиестью, на которую только была способна. Ладони вновь легли на подлокотники и сжали рубины и алмазы, словно девушка действительно намеревалась прорезать ими собственные тонкие, нежные руки. Дарнаэлу бы это не понравилось, но, впрочем, его мнение уже никого не интересовало. Мало кто покидает темницы Кррэа таким же, как туда вошёл.

Она выпрямилась. Корона перехватила лучик солнца, и тот заиграл на гранях камней.

Служанка поклонилась ещё раз и направилась медленным, степенным шагом к выходу.

— Немедленно! — прикрикнула Сэя. Волшебство сорвалось с её пальцев и ударило в

спину девчонке, чтобы та больше никогда в жизни не посмела послушаться приказа Её Величества. Несносная девица бросилась вперёд со всей скоростью, на которую только была способна — больше её по пути уж точно ничто не задержит, в этом Сэя была уверена.

Королева не понимала, почему она до такой степени зла. Ведь благодаря Тэллавару она не может любить, даже не испытывает привязанности. Теперь всё это не имеет значения, то, что случится с Дарнаэлом, ведь если она королева, то её могущество никто ограничить не в праве. Неужели она переживает за человека, с которым просто заключила сделку?

Всё идёт по плану. Дар сам подписался на риск, он не может отступить и засомневаться в последний момент. У них всех нет такого варианта развития событий, как отступление. Только вперёд, только Сила, только могущество. Сэя выиграла эту партию, Дарнаэл свою умудрился проиграть, но ведь это не последнее сражение, не генеральная битва.

Ещё немного — и...

— Ваше Величество... — Тэравальда она узнала с трудом сквозь пелену раздражения. — Торресса, очевидно, получила извещение от Эрроки...

— Выдвинуть войска. И убирайся отсюда, — Сэя смотрела в одну точку над его головой. Эльф — точнее, человек с примесью эльфийской крови, — уставился на неё с некоторым недоумением, но повторять королева ничего не собиралась. Она не была настроена сегодня на пространственные и слишком долгие разговоры.

— Я сказала, убирайся! — повторила сердито она. — Или мне напомнить тебе о том, кто тут королева?

— Как прикажете, Ваше Величество. Я скажу Кальтэну, что вы приказали выступить в ответ, — он склонил голову в полупоклоне.

Двери в очередной раз распахнулись. Сэя почувствовала, что от раздражения под её руками едва ли не плавают драгоценные камни. Она хочет получить разговор с магом, она тут королева! Да, впрочем, не стоит удивляться теперь, что Дарнаэл мог предпочесть смерть этой постоянной тягомотине, но ведь её обязанности имеют определённое ограничение.

...Тэравальд бросил на Тэллавара подозрительный взгляд, когда они едва ли не столкнулись в излишне широком дверном проёме. Сэя улыбнулась — неискренне, натянуто, холодно, и её улыбка не призывала Гартро расслабиться и чувствовать себя, как дома, но это, впрочем, не имело никакого значения.

Пожилой Высший направился к креслу, что стояло справа от королевского трона, но Сэя остановила его коротким, злым взмахом руки.

— Нет, — сухо проронила она. — Ты не сядешь.

— Ваше Высочество... — Гартро усмехнулся. Это походило на стандартную лисью ухмылку хитреца, вот только Сэя прекрасно знала, что таилось за его маской. — Неужели вы решили относиться ко мне не так, как король Дарнаэл? Учтите, я тут весьма почтенный гость.

— Ты всего лишь жалкий торговец, — передёрнула плечами Сэя. — И я не собираюсь продолжать эти торги. Отныне я тут единственная правительница. И теперь мнение Дарнаэла Второго меня не интересует.

Гартро натянулся, как струна. Единственный вопрос, который Тальмрэ могла прочесть в его глазах, так и остался невысказанным — неужели король умер? Она предпочла не удовлетворять его любопытство, потому что это не имело значения, жив Дар или нет. После. Она не испытывает ни к кому привязанности.

— Вы, должно быть, в трауре, — Тэллавар отступил. Он был достаточно сильным магом

для того, чтобы не бояться ничего, но разъярённая женщина способна испугать кого угодно. — Ну что же, в таком случае, не буду вас стеснять.

— Останься.

Дверь закрылась с умопомрачительным грохотом. Гартро обернулся. Он не давал ей такую силу. Он обещал — но так и не выполнил своё долговое обязательство до конца.

Она не должна была требовать расплаты до такой степени настойчиво. У неё просто не хватило бы сил.

Сэя поднялась. Казалось, трон обмельчал, растворился на её фоне, и когда королева подошла к Высшему, тот уже не был уверен относительно своих сил.

— Разве вы не должны быть в трауре? — спросил Гартро.

— Должна, — Сэя прошла мимо него, приблизилась к окну и дёрнула за тонкую, плетёную нить — верёвку, что спускалась до самой земли. Рухнули шторы — она закрывала тронный зал от солнечного света шаг за шагом, словно во мраке мыслить было намного легче.

Два ряда окон — два ряда закрытых окон

— Но разве я могу быть в трауре? — она обернулась, остановившись у последнего окна, а после прищёлкнула пальцами. Вместе с тем, как опустилась последняя штора, запылали все свечи — яркие в своих канделябрах, они будто бы окружили королеву церемониальным кругом.

Неимоверная бледность только подчёркивала тьму, что скапливалась вокруг неё. Сэя стояла, прямая, словно только что превратилась в статую, и порывы неведомого ветра разведали её волосы, хотя все окна и двери были заперты.

— Разве я могу быть в трауре? — повторила она, возвращаясь на трон. — Ведь ты лишил меня этой возможности.

— Это была честная сделка.

— Честная? — Сэя положила на подлокотник только правую ладонь, и рубин засиял так, словно чувствовал её присутствие. — О, не думаю. По мне, так это было самым настоящим обманом, в который поверила одна наивная дурочка. Но она больше не повторит свою ошибку, тебе стоит запомнить это, Тэллавар... Ведь я теперь ничего не чувствую.

— Зачем же так грубо, — маг смотрел на неё, будто бы сейчас прозрел и осознал, чего она хочет. — Ты променяла свою первую любовь на мою магию, и вот, всё получилось именно так, как было внесено в твой план.

Она весело улыбнулась. Это, впрочем, куда больше походило на злобный оскал — гротескные тени превращали лицо королевы в какой-то застывший портрет, что колючими глазами смотрел на каждого, кто только смел пройти мимо.

— Как это мило, — протянула наконец-то она, — обвинить меня во всём, что случилось. Безумно... Прекрасно. Да, Тэллавар, мы с тобой заключили сделку. Первую любовь в обмен на волшебство. Но почему я не могу любить вообще?

— Это часть...

— О, нет, — коротким взмахом руки остановила его девушка. — Это не было частью сделки. Я так не люблю, когда мне лгут... — королева смотрела куда-то в пустоту, словно Тэллавар не стоял напротив неё. — Ты хитёр, как лис, Тэллавар, но на этот раз ты не победишь. Знаешь, что? Ты забрал мою способность любить, — голос её звучал равнодушно. — Мужчину. Своего ребёнка. Мать. Всех. Я способна разве что на уважение, но не на привязанность. Но ненавидеть-то я способна?

— Я дал тебе магию, — равнодушно проронил Гартро. — Любовь в обмен на неё — это честная сделка.

Он знал, что не стоит даже напрягаться, чтобы уличить его во лжи. Он не давал ей всего этого. Она должна была стать посредственным, с маленьким резервом магом, у которого не было ни единой возможности расширять свой спектр дара. Она осталась бы никем, только теперь больше не носила бы клеймо позора “без волшебства”, а остальное казалось таким, как и прежде. Но с тем даром никогда Сэя не посмела бы противостоять самому могущественному магу Эльвенты за последние несколько сотен лет.

Победить его — если бы они сошлись в равном бою, — в одиночку мог разве что Дарнаэл Первый. Не какая-то жалкая ведьма, которой Тэллавар отдал частичку своего могучего, пусть и не безграничного дара.

— Ты дал мне жалкий осколок. А я не прощаю тех, кто пытается окрутить меня, — Сэя вытянула руку, и на ней запыхало пламя. Казалось, оно перетекало на тонких пальцах, подобно жидкости, лилось на пол и скользило тонкой рекой к ногам Гартро. — И это уже не сделка. Ты должен вернуть мне всё то, за что я заплатила. Если первая любовь была ценой за те три капли волшебства, то вся способность любить — это плата за всю твою магию.

Тэллавар покачал головой.

— Сделка выполнена. Я дал тебе силу. Ты теперь колдуешь не хуже меня.

— Мне не нужна сила. Мне надо, чтобы её не было у тебя, — пожала плечами Сэя. — Это не имеет значения. Ничто не имеет значения, кроме того, что ты обязан отдать мне свой дар. Отдать мне столько магии, сколько я потребую, в обмен на мои чувства.

Тэллавар усмехнулся. Казалось, он всё ещё воспринимал эту дурацкую беседу, словно игру, и знал, что Сэе никогда не победить, ведь тут он устанавливает правила.

— Ты не можешь меня заставить.

— Могу, — холодно отозвалась она. — Я — королева. В этом государстве правящие лица могут всё.

Пламя меняло свои очертания и превращалось в свиток. Сэя смотрела на него с холодным, ядовитым восторгом во взгляде, но Тэллавар так и не попятился, не проявил животный страх, хотя, пожалуй, ему очень этого хотелось. Правда, Сэя не могла позволить себе продолжать восторгаться его силой, его гадким воровством, равно как и не собиралась делиться секретом, где она сумела отыскать остальную мощь собственного дара.

— Ведь ты ставил на то, что я никогда не побываю в Эльвенте. Потому ты заключал договор с помощью королевы Сандрин — тогда правила ещё она. Подписала, не посмотрев. Ты никогда на самом деле не был Изгнанником, верно, Тэллавар? Вас связывает куда более интересная история, — она подалась вперёд. — Ты заключил с нею сделку. Ты выменял её право Королевы подтвердить всё, что угодно, на смерть её сына. Но есть одна проблема, — Сэя резко, грубо сжала пергамент, словно пытаясь его сжечь, — Дар жив. Ты не выполнил свои обязательства.

— Это тебя не касается. Если Сандрин будет взывать ко мне, я поговорю с нею, но не с жалкой ведьмой, у которой даже сил не было, пока я не вмешался.

— Касается. Когда ты подписывал сделку со мной, ты пользовался заверением Королевы. Тебе даже она не нужна была для этого, потому что ты отобрал у неё такое право. Но теперь, как новая правительница, я признаю это недействительным. Ты не исполнил сделку, Тэллавар Гартро. А по условиям... по условиям, — она раскрыла свиток, — у тебя есть две недели, чтобы выполнить условия и передать мне всю свою магию. Все силы, что

есть у тебя сейчас. Иначе — ты умрёшь. Таковы условия договора.

Она держала пергамент за самый край, но тот уже успел раскрутиться и катился к ногам Тэллавара. Он был невыносимо длинным — перечень наказаний и заклинаний, что придумывал для неё Гартро, и один короткий пункт о смерти.

Только она умудрилась внести коррективы, и теперь наказание смело ложилось на и первого, и второго человека, что участвовал в подписании этого сумасшедшего, дурацкого договора. Тэллавар даже не мог до конца его отрицать, на это у него просто... совести не хватало, что ли.

— А теперь иди. Ты свободен, старик, — Сэя расправила плечи. — Считай, что я жду. Магия либо жизнь.

Магия и жизнь. Тэллавар знал ответ — как только он отдаст свою силу, он умрёт. Столько, сколько он продержался на этом свете, нормальные люди не живут.

\*\*\*

Тэллавар ворвался в маленькую комнатку наследного принца самым настоящим вихрем. Прежде он никогда не проявлял так ярко своё нетерпение, но теперь, когда опасность стучала в двери, больше не имел никакого права тянуть.

Шэйран сидел над какой-то книгой — к счастью, один. Конечно, это немного вызывало удивление, обычно рядом с ним постоянно крутилась одна и та же темноволосая ведьмочка, но нынче она бы только помешала.

Тэллавар знал, что сделка с Рэем ещё не окончена.

Он забыл о том, что ему уже Первый знает сколько лет — ведь Гартро застал даже правление Дарнаэла Тьеррона, который сотворил страну Эльвенту. Тогда он был молод — но сейчас баснословно стар. И это гадкое состояние давно уже успело ему надоест.

Тэллавар рванулся к юноше, хватая его за воротник рубашки — ещё немного, и сдёрнул бы со стула и с богатырской силой поднял бы над землёй. Будь он молод... Будь это несколько веков назад...

Но на деле Гартро не смог даже сдвинуть парня с места. Шэйран только раздражённо оттолкнул сухие, покорёженные возрастом руки, покрытые сетью морщин и сосудов, и удивлённо воззрился на пожилого мага. Высший прежде не выглядел до такой степени испуганным, словно за его спиной зависла Богиня, планирующая наконец-то отобрать у него жизнь. Теперь же можно было только задавать вопросы относительно того, что же повергло старика в такой отчаянный шок.

— Что случилось? — спросил Рэй. — Вы почему вообще пришли?

— Выполни свою часть сделки, — выдохнул Гартро. — Мне надо, чтобы ты немедленно открыл Усыпальницу Дарнаэла Первого. А после я научу тебя всему, чему ты только пожелаешь научиться. Выполни свою часть сделки!

Рэй удивлённо изогнул бровь. Казалось, издевательство буквально лилось из его взгляда непрерывной волной, хотя понять причины подобного поведения было не так уж и просто. Сколько б не задавал себе этот вопрос Тэллавар, ответить на него радикально точно он так и не смог — откуда у парня могли появиться хотя бы намёки на подозрения?

— Ну? — переспросил он. — Ты согласен? Потом у нас ещё будет много времени, и...

— Нет, — сухо оборвал его Шэйран. — Я — сын короля, а не местный олух-крестьянин. Обычно всё это не заканчивается добром. Сначала — обучение, потом — Усыпальница. Дарнаэл Второй дал вам ключ, вы можете воспользоваться им. Это аванс. А больше никакой предоплаты.



Мужчина ошалело замотал головой.

— Ты ещё пожалеешь... — начал он. — Я... Я предлагаю по-хорошему. Сначала ты откроешь мне Усыпальницу, а после у нас будет очень много времени для того, чтобы...

— Нет, — парень оставался неумолимым. — Нет. Только после того, как вы научите меня хотя бы половине всего, что я должен знать. До этого момента я даже пальцем не шевельну, чтобы что-то там открыть. Я не самоубийца.

— Тебе же хуже, — Гартро скривился и отступил на шаг. Его лицо исказилось от странного, беспричинного ужаса, но Рэй даже не задавал глупые вопросы, отлично понимая, то особого смысла в них нет. — Ищи меня в Дарне. Если ты вдруг решишь, что я был прав, ищи меня в Дарне. Но тебе же хуже.

Его руки дрожали, глаза почти что наполнились слезами, но Рэй ни в одно мгновение собственной жизни не страдал любовью к подобным дешёвым концертам. И сдаваться просто так лишь по причине того, что какой-то старик решил подействовать ему на нервы, не планировал.

— Сначала — обучение, — твёрдо заявил он.

Гартро рассеянно кивнул и вырвался в коридор, громко захлопнув за собою дверь. Но, казалось, на молодого мага это не произвело никакого впечатления.

Слишком рано кто-то стал королевой. Слишком поздно кто-то вспомнил о том, что является наследным принцем.

Слишком поздно.

===== Глава тридцать седьмая =====

Тут было даже не холодно, нет. С шестым уровнем тюрем в Лэвье сия местность даже не становилась на одном уровне, вот только тревожность от этого не спадала. Наверное, по той причине, что в Лэвье он приходил туда в качестве допрашивающего, а то и вовсе наблюдателя. Наверное, по той причине, что в Лэвье он никогда не затягивал с пытками, ибо не получал от них никакого удовольствия. Наверное, по той причине, что в Кррэа пленником был он сам.

Воздух тут казался... вязким, что ли. Дарнаэл не понимал, почему дышать до такой степени тяжело, но приходилось хватать желанный кислород ртом, отчаянно. Тут действовала какая-то странная магия — даже не её отсутствие, в отличие от Лэвье. В конце концов, король не так уж и часто пользовался волшебством, чтобы слишком явственно ощутить его пропажу, и стянувшие руки за спиной кандалы, лишившие его силы, не были причиной подобной дурноты.

Он ещё раз попытался дышать носом. Получилось не с первого раза, Дар уже почти было сдался, когда желанный воздух в очередной раз утратил противную вязкость и вернулся в нормальное состояние, пригодное для человечества.

А ещё тут было сыро. Сыро и темно — последнее мешало до одури, и не появилось ни единой капельки света для того, чтобы он мог привыкнуть к мраку. Нет, не было видно даже силуэтов решётки, хотя Дарнаэл отлично знал — она тут существовала. Его не оставили бы без присмотра.

По голове ударили знатно — король даже не ожидал такой прыти от противника. Теперь он не мог встать без приступа тошноты — да что там, он в принципе не мог встать. Кто-то набросил цепь на неизвестный гвоздь или что-то в этом роде, а поскольку она была слишком коротка, то подняться не получалось и вовсе.

Спина ныла. Голова болела, а перед глазами, пожалуй, запрыгали бы какие-то

звёздочки, но их не было. Это всё темнота виновата.

Он знал, как именно выбраться из этого вида наручников. Понимал, что должен сделать это поскорее. Но понятия не имел, получится ли что-нибудь.

Действительно реально тут было лишиться цепей и освободить руки. Но браслеты на запястьях, чуть выше надоедливой венчальной, который сорвали где-то по пути и оставили на камнях темницы, даже не обернулись, не заметили, он не снимет.

Тут нужна профессиональная ведьма, которая с лёгкостью, воспользовавшись специальным заклинанием, освободит короля, либо недюжинная сила мага изнутри — практически нереальная. На Высшего наручники не подействовали бы, он разорвёт эти браслеты, но для такого профана, как он — это действительно приговор. И спорить с ним нет смысла, тем более, тут нет той, что его заковала.

Но последний факт нормального человека только обрадовал бы. Отсутствие Тэзры означало хотя бы элементарную претензию на свободу или будущее освобождение. Как только она сюда явится, то ему можно будет ставить памятник на проект собственной могилки, без него тут не обойдётся точно.

...Впереди засиял едва заметный источник света, но Дарнаэл от этого не вспыхнул надеждой. Он не знал, сколько времени тут провалялся, но с одинаковой периодичностью мимо проходила всё та же дежурная ведьмочка, знакомая ему ещё по Вархве.

Мизель, кажется — у короля всегда была довольно неплохая память на имена и лица.

Впрочем, не всё так плохо, верно? Его Эрла свободна от всего этого кошмара, она не принимала участия в глупом ритуале, стоившем Зэльде жизни. Она не пострадала — она жива и здорова, где-то там, далеко. И даже противный глас в голове затих. Его не остановили наручники, и это короткое “я её нашёл” звучало даже после того, как он пришёл в себя, но после внезапно утихло, а сей факт просто не мог не радовать Дарнаэла. Он знал, что голоса в голове приводят к сумасшествию, поэтому не особо радовался даже телепатическим сигналам, что часто сводили слишком увлекающихся этим делом магов с ума. А остальное просто не имело значения — затихло, и слава Первому.

Лучик света приближался. Сейчас она пройдёт мимо, а после двинется обратно. Потом он досчитает до двух тысяч одинаковым темпом, и вновь начнётся её бесконечное шествие.

Вот только закономерности Дарнаэл высчитывал исключительно автоматически. Он-то знал, что никакое освобождение ему не светит, не верил в то, что явится внезапно добрый маг и откроет двери. Добрых магов не существует.

Добрых вообще не существует.

...После пятой попытки цепь зазвенела как-то радостно, соскользнув со штыря. Дарнаэл тщетно выворачивал руки — ему надо было как-то стать на край, чтобы оторвать эту цепочку от браслетов, либо...

Либо пальцами нащупать места соединений и попытаться отыскать брешь. Она всегда есть, потому что главная функция этой вещицы отнюдь не в том, чтобы держать руки за спиной, а в том, чтобы не позволять колдовать. А он и так не будет, он просто наконец-то расправит плечи, да и только. Больше ничего предосудительного или преступного, разве нет? Просто порядочный такой, хороший король. Разве он не имеет никакого права на свободу?

Наконец-то! Пальцы правой руки скользнули по едва заметному выступу — он видел брешь. Пришлось повозиться ещё минуты две, и блеснувший на мгновение свет старательно ослепил его в очередной раз. Воздух стал гуще, но Дар об этом уже не думал — его руки

были почти свободы.

Он смог их выпрямить, и даже провёл ладонями по запястьям, словно в поисках бреши и в этих сплошных браслетах, которые магией были буквально влиты в его тело.

Нет. Ничего. Тут не было ни единой выемки для ключа — всё та же старая добрая магия.

Король поднялся на ноги. Сдаваться он не имел права, да и этот способ не для него — склонить голову и ждать казни. Он выпрямился и подошёл наконец-то к прутьям, кривым, казалось бы, острым, покрытым мелкими шипами.

Это всего лишь иллюзия. Очередная попытка доказать его слабость — и он не может сопротивляться.

Стараясь не шипеть от фантомной боли, мужчина сжал ладони вокруг этих прутьев. Сначала было до ужаса больно, а после первой волны внезапно наступило невероятное облегчение. Он чувствовал, что пальцы перестало колоть, а кровь так и не выступила, потому что в этих прутьях не было ничего такого, способного причинить ему действительно ощутимые мучения. Это просто решётка. Не кривая, не осыпанная шипами.

Но слишком крепкая для того, чтобы справиться с ней без магии. Чрезмерно крепкая, надо сказать.

Он отчаянно пытался её разжать, но ведь не был даже Кальтэном. Это богатырь-Фэз, что привык никогда не полагаться на магию, ну и довольно редко брался за оружие, ведь иногда дело можно решить простым ударом кулака, возможно, что-то бы сделал. А Дарнаэл никогда не отличался двухметровыми плечами и способностью сворачивать горы.

Для того, чтобы перевернуть весь мир, ему достаточно было собственного разума. А чтобы выиграть сражение — верной шпаги или, если уж совсем не везло, волшебства. Всё это, конечно, не давало заплыть жиром или превратиться в горбатого старикана, но и особой силушки богатырской не прибавляло. Для того, чтобы руками разогнуть решётку темницы, надо таким, Первый его подери, родиться.

— Ничего не выйдет, — послышался тонкий женский голосок. — За прерывание важных ритуалов вам грозит серьёзное наказание, и я бы на вашем месте не стала сопротивляться.

Дарнаэл поднял на неё холодный взгляд. О, да, стандартная ведьма — холодная, как лёд. Он её помнил — увы, но недостаточно чётко для того, чтобы иметь возможность сказать что-то колкое. Но характеристика этой Мизель и так была буквально вычерчена на лбу, для подобных выводов Дарнаэлу не потребовалась бы волшебная сила.

И никакое сканирование сознания тоже не нужно.

Она не была настоящей, как та помощница, что приволок его сын. В Моники пылала дарнийская кровь и дарнийская честность, а эта Мизель — хуже всякой змеи. Те хотя бы оставляют по себе две маленьких точки, по которым после можно определить, что человека хотя бы укусили. Но она не столь глупа.

Такие, как Кредэуа, заползают сначала в вас, после кусают изнутри в самое сердце, выбираются на свободу и смывают чужую кровь с клыков. Самый страшный подвид паразита на этом континенте.

— Радуйся, моя дорогая, — Дарнаэлу даже не пришлось особо стараться, чтобы презрительно улыбнуться, — что ты не на моём месте. Мир слишком превратен.

— Вы будете пытаться бедную девушку? — она продемонстрировала ему в свете пульсара два ряда ровных белых зубов. Ведьма... Нет, хуже. Даже не змея, паразит, который пытается

проникнуть под кожу даже сейчас, на всякий случай. И что? Можно подумать, если б Эррока пала — если она ещё падёт перед войсками Элвенты! — эта девушка не найдёт способ оправдаться! О, она вывернется так, что Дарнаэл сам раскроет объятия и бросится радостно за нею, обнимет и едва ли не расцелует. Она сумеет сделать всё для этого.

Впрочем, у короля была хорошая память. И на преступления тоже.

— О, нет. Бедная девушка, — он вздохнул, — увы, это только маска. Сначала мы снимем её. Маску. А потом займёмся всем остальным.

Мизель отступила в темноту коридора, а Дарнаэл убрал руки от решётки, будто бы позволяя себе смириться с мыслью, что в это конкретное мгновение на свободу ему уж точно не выйти, а потом шумно выдохнул воздух и натянул на лицо стандартное отсутствующее выражение. Они никогда — пусть даже и не надеются, — не услышат от него ни крика, ни мольбы. Тьерроны, как там велось в очередной религиозной книге, не сдаются.

Король Элвенты — это чуть больше, чем просто правитель. Это не развратный дурень на троне, за которого страной во все стороны дёргают его советники. Это культ. Религия. Особа, за которой пойдут все.

Народ может растеряться и запутаться, но всегда есть шанс собрать его воедино. А как только он позволит себе сдаться и пойдёт на выполнение требований, пусть даже и после этого ему самому будет лучше... Нет. Тогда всё пропало. Тогда наступит конец и стране, и волшебству, и собственной жизни, даже если не окончательный и, возможно, более приятный, чем кажется.

Дарнаэл знал — лучше умереть мучеником, чем сдаться и выжить. Но ещё лучше выжить и победить.

На этом свете у него ещё много дел.

...Послышались шаги. Стук каблуков было отличить довольно легко от стандартного чеканного шага стражи, характерного для Эрроки, и от мягкой ходы ещё одного, незнакомого человека. Он знал, сколько их, уже по слуху — тут было очень хорошее эхо.

Сначала Тэзра и Мизель, как всегда, две презрительные змеи. Но не важно — повелительница змей, Богиня, сегодня и всегда будет на его стороне. Теперь-то он точно в этом уверен.

Он уже успел заключить с нею короткую, но обоим понятную сделку.

После, за их спинами, четыре стражника, и посередине, между двумя парами, по-кошачьи ступает тот, кто, собственно говоря, и явился на сей раз по его душу. Отвратительное, надо сказать, существо. Злоба — его внутренний распорядок, да? О, нет. Это бездушный призрак, тень палача, это тот, кто просто будет подавать инструменты. Тот, кто выполняет приказы. Тот, кто останется жить при любом правительстве и выполнит наставление каждого, кто взойдёт на трон.

Но среди этой толпы Дарнаэл так и не услышал мягкую ходу Лиары. Её там не было. Она не пришла за ним, не явилась наблюдать за тем, в чём сама в результате и окажется виновата.

Конечно же. Его прелестная королева иногда ошибается, но не настолько, как Тэзра и её новая игрушка. О, нет. Лиара куда умнее — пусть иногда её можно принять за немного безумную и сбившуюся со своего пути женщину.

Но это не так.

— Дарнаэл, — Тэзра остановилась напротив. — Ты освободил руки? Ну, что ж, я надеюсь, что ты не будешь творить глупости. Стража! Открыть.

Один из них снял ключи с пояса, нащупал вслепую замок и наконец-то смог отыскать в нём скважину. Как глупо — взять с собой практически слепого старика-стражника и ещё троих юнцов. Словно плевок в лицо королю, подтверждение, что он всё равно ничего не сможет с ними сделать.

Дарнаэл вышел с прямой спиной, со стандартно презрительным, специально для Тэзры, взглядом, не наклонился и не пошатнулся, когда кто-то из юнцов старательно толкнул его в спину, заковывая вновь руки за спиной.

Они шли вслепую. Конечно же, благодаря магии, Дар не видел ничего — а мог бы, если б Тэзра не наложила на свой сияющий в руке пульсар особое заклинание. Она словно пыталась доставить ему дополнительные неприятности, если это было возможно.

— Королева Лиара, — промолвила она, не сбавляя темпа, но Дар и так знал, что впереди ступеньки, и заглушить голосом их существование не удалось, — считает, что ты должен отречься от своего статуса прилюдно. И тогда ты будешь свободен.

Конечно! Как он мог не догадаться? Как мог не заподозрить их в этой, несомненно, гнусной и смешной идее? Ведь всё гениальное просто, а Лиара — или Тэзра, — по праву считали себя гениальными.

— Мне кажется, — отозвался равнодушно король, — что эти ступеньки ведут отнюдь не куда-то к народу, перед которым я должен признавать свою беспомощность.

— А вы готовы? — наивно уточнила Мизель. О, да, она до сих пор верит в то, что её чары действуют на всех. Не только волшебство, но и обаяние.

— Я никогда не буду готов. Ваши пыточные этого не изменят.

— Как знать, — Тэзра ослабилась. — Как знать.

...Помещение было довольно светлым — чтобы ведьмы могли видеть всё, что делает пленник. И на удивление пустым — единственным средством, которое они прихватили с собой, оказался какой-то чемодан в руках у палача.

Мужчина выглядел грустным. На его гладко выбритой голове красовалось клеймо — конечно же, он Подчиняется. Подчинение — особая вещь, сопротивляться ведьме, что отдаёт тебе приказы, невозможно. Палач был не так уж и стар, а его дело казалось ему же самому отвратительным, но просто так отказаться от предназначения отнюдь не получалось, сколько б он ни старался. Естественно, это не было простым заданием — то, что загадает ему Тэзра.

После короткого жеста ведьмы его отвели на центр помещения, но даже одна мышца на лице не дрогнула — это не имело значения. Всё, что происходит, попросту не имело значения.

— Ну что же, — промолвила Тэзра. — Я даю тебе ещё один шанс. Это всего лишь несколько слов. Одно публичное выступление, — она улыбнулась. — Всего одно. Короткое. Ты скажешь, что мужчины ничтожны. Что ты тоже ничего не значишь. Отречёшься от престола. Вот и всё. И будешь жить столько, сколько у тебя получится — мы тебя больше не тронем. Нам нужен только отказ.

— Мой отказ ничего тебе не даст. Моя супруга всё равно будет править страной. А потом, — Дарнаэл вздохнул, — будет править мой сын. Даже если я умру.

— Дар, умереть не так уж и просто. Я способна это обеспечить.

— Охотно верю, — кивнул мужчина. — Но я готов рискнуть, поверь мне. Готов попытаться выжить, даже если тебе очень захочется меня убить.

— Я не ставлю целью твою смерть, — повела плечами Тэзра. — Рано или поздно ты всё

равно согласишься, драгоценный.

Он ничего не ответил. Оставался только один вопрос — когда Тэзра успела прогнать до такой степени? Когда она с нормальной, в принципе, девушки превратилась в такое вот чудовище? В такое гадкое существо, способное на всё, что угодно, лишь бы доказать собственную правоту... Может быть, винить в этом стоило Лиару, но Дарнаэл отлично знал, что во всех проблемах человека обычно виновен исключительно он сам. Лиара тут ни при чём. Даже если это просто его фантазия, в которую очень и очень хотелось бы поверить, Лиара всё равно ни при чём.

— Ты просто должен отречься, — повторила настойчиво Тэзра. — Подумай. Одно публичное выступление, Дар. И всё закончится.

— Ещё ничего и не началось.

Ей надо было только кивнуть. Кажется, палач испустил грустный вздох и коротким взмахом ножа разрезал на спине рубашку.

Как весело.

Вспомнился маг из подвалов на шестом уровне. Точно та же ситуация — словно Дарнаэл никогда не присутствовал на пытках. Впрочем, для этого он никогда не использовал магию.

Тэзра прищёлкнула пальцами. Рубашка — уже разорванная, наполовину опавшая, загорелась. Вспыхнула, словно спичка — вероятно, ведьма не рассчитала силы, когда использовала заклинание.

Пепел опадал на пол хлопьями — пламя жгло неприятно, но, к счастью, всё длилось не так уж и долго, не настолько, насколько хотелось бы ведьме. Она пыталась продемонстрировать свою силу, напугать — но это лишь фантом. Они не дадут ему сгореть заживо. Для того, чтобы отречься от престола, надо быть не только живым.

Надо быть ещё и поразительно целым.

Чтобы выглядело всё так, будто бы его никто и не ломал. Никто не пытался старательно уничтожить его, выбить это признание. Просто король соседней страны в одно прекрасное мгновение вот так взял и решил сдаться, склонить голову перед правительницей Эрроки. Чтобы это выглядело как можно более органично и естественно. Вот для чего они стараются.

— Можете делать с ним всё, что пожелаете, — Тэзра повернулась к стражникам. — Ну же? Испустить злобу...

Король смотрел на них с едва заметной улыбкой. Конечно, понятно, что она предлагала сделать. Если выжечь ему глаза, к примеру, то придётся придумывать хорошую отговорку, почему это Дарнаэл второй решил ослепнуть. А вот парочку отбитых органов очень даже легко поправить. Для хорошо подготовленной волшебницы не составит труда.

Кто-то из юношей покачал головой — едва заметно отказывался от предназначенной для него миссии. А потом отступил на пару шагов назад, словно отчаянно боялся нарушить то, что преследовало его обязательством и повинностью до конца дней.

Дарнаэл улыбнулся ещё шире. Этого она отобрать у него не могла. Не могла заставить сейчас стражу бояться её сильнее, чем короля соседней державы.

Даже в цепях. Даже без волшебства. Даже с палачом, застывшим за спиной. Даже в таком беспомощном состоянии.

Они знали, что будет, если они повинуются, и знали, что случится, если посмеют воспротивиться. И почему-то второй вариант беспокоил их куда меньше, чем первый.

Конечно же, это не было делом принципа. Но для молодёжи даже под страхом какого-то проклятья почему-то страшно толкнуть на камни этой темницы символ. Того, в кого они верили.

Они все давно уже нарисовали себе образ свободы. И если теперь того, кто должен был её принести, и заковали в цепи, это ещё ничего не значило. Ведь он может освободиться, а после принести счастье и им. Если б он смотрел на них умоляющим взглядом, то, пожалуй, было бы всё куда хуже. Они бы рискнули. Разочаровались бы. Но он едва заметно, ободряюще улыбался, и они просто не могли переступить через черту.

Или, впрочем, всё было куда проще и без моральной подоплёки.

Дарнаэл Первый мог повергнуть армию противника на колени одним только весёлым смехом. Его не могли не любить.

Второму же очень не хотелось когда-то в далёком прошлом, чтобы этот дар ему перешёл вместе с внешностью далёкого предка. А теперь... Пожалуй, нет. В искренность и незапятнанность молодёжи верить хотелось чуточку больше, чем в собственные силы, пусть Дарнаэл и знал, что не надо строить в голове иллюзии.

— Проклятье, — прошипела Тэзра. — Ты не понимаешь? Ты не победишь, Дарнаэл. Ты не можешь выиграть!

— Могу.

Она ударила его по лицу — резко, наотмашь, с силой, на которую, казалось бы, не способна женщина, но изменилось только одно — теперь к беззаветной улыбке присоединилось ещё и расплывающееся красное пятно на щеке.

— Убить, — прошипела она. — Я могу тебя убить. Ты думал об этом, Тьеррон? Соглашайся.

— Ты не можешь меня убить, — равнодушно ответил Дарнаэл. — Потому что тогда некому будет отрекаться.

— Покалечить.

— Мне не страшно, — улыбка оставалась издевательски-холодной.

Тэзра уже осознала, что сегодня согласия не будет. Она склонилась над чемоданом и разочарованно вздохнула, едва заметно бросив взгляд на палача. Вот кто ещё сегодня будет страдать. Вот кого она тоже побаивается убить, но зато может выкалывать ему глаза столько, сколько ей будет угодно.

— Что? — холодно поинтересовался Дарнаэл. — Сегодня мои пальцы будут целы, а ногти останутся на положенном им месте?

Она смотрела на скудный арсенал — и понимала, что не сможет ничего изменить. Только баночка с ядовитым веществом, батог и тонкий прут. И больше ничего. А она даже не могла разжечь тут пламя, потому что металл был защищён от влияния волшебства.

Женщина взвесила его в руке, вновь посмотрела на стражу, словно думая, послать или нет. Если всё это делается с разрешения Лиары... Почему она осторожничает? Почему не рискнёт потом наложить иллюзию? Впрочем, всяко бывает. Лиаре, может быть, тоже надо доказать, что он способен сдаться просто так. Может быть, это только хорошо продуманная игра.

Тэзра подошла поближе. Она не могла не замечать внимательный взгляд палача — то, как он смотрел на чужеземного короля, то, как он не мог ему не сочувствовать. Всё это вызывало у неё не просто раздражение, а самую настоящую ненависть, такую сильную, что словами, по крайней мере, обыкновенными, её уж точно не опишешь.

Она ждала ладонями его лицо, посылая волну Силы в тело короля.

Никакие пытки не могли сравниться с этими.

Боль разрывала каждую клеточку тела. Он пытался убедить себя в том, что это всего лишь фантом, но легче не становилось. Пламя прожигало его изнутри, осторожно касалось каждого уголка сознания, оставляя там искру, и она старательно разгоралась, лишая короля шансов на спасение.

Он чувствовал, как боль билась изнутри. Нереальная, несуществующая, на самом деле всего лишь выдумка, которую так старательно распространяла по его телу Тэзра.

Но всё это было внутри. Снаружи ему тоже полагалось вопить от ужаса и невероятной боли, но он даже не сжимал зубы, а безмятежно, словно тот блаженный, улыбался, то и дело возводя взгляд к пустоте. И это было действительно чуточку страшно — смотреть на будто бы обезумевшего короля. Тэзре, впрочем, было страшнее всего. Потому что она знала, насколько ему больно.

Но не знала, что больно не впервые в жизни.

Дарнаэл сцепил зубы. Не закричать казалось единственным способом заставить её прекратить всё это. Ещё секунда, и улыбка превратится в гримасу, но ведь она-то этого не знает. Она только видит, что он абсолютно безмятежен, и всё. Не кричит, не умоляет о пощаде, не готовится броситься на колени.

Это только в его голове.

В его сознании ему выжигают глаза. Четвертуют. Растаскивают на кусочки. Всё это только в его голове, а сознание не имеет никакого значения. Для него уж точно — ничего. Он борется и кричит тоже мысленно. Он умеет это разделять.

В мыслях, в воображении, на которое воздействует Тэзра, он воет от боли и умоляет о пощаде. Но она этого не видит. Она видит только пустые синие глаза и улыбку, застывшую на губах, а ещё внимательный взгляд палача. Палача, который переживал всё это уже однажды. Умолял прекратить вслух. И получил это клеймо только благодаря тому, что сам дал на него одобрение. Но Дарнаэл не собирался сдаваться. Когда-то давно, когда он только-только собирался отбыть на тот свет, ещё в восемнадцатилетнем возрасте, Мэллор, дабы спасти — тогда ещё друга, а не просто чужого ему короля, — сказал, как это делается. Как отделить своё сознание. Как не выдать мысли — они начинают существовать где-то далеко.

И Тэзра может до них дотянуться. Но они не могут добраться до самого тела. Не могут подчинить себе физическое.

— Богиня! — она наконец-то убрала ладони и вновь толкнула его в плечи, но взгляд оставался таким же отсутствующим. Схватила бато́г, попыталась ударить сама, но силы в тонких женских руках не хватило на настоящий след. — Двадцать ударов! Верните его на землю!

Синева стала более осознанной. Тут так отстраниться уже не получится. И сдерживаться до самого победного тоже — от мысленной борьбы всегда хуже, чем от физической, а ведь это только первый раз. Она попытается всё повторить.

— Сдавайся, — выдохнула Тэзра. — Немедленно. Сдавайся.

— Никогда, — едва заметно усмехнулся Дарнаэл.

Одного её выражения лица было достаточно для того, чтобы он почти не чувствовал досады, когда от сильного тычка в спину рухнул на колени, а после на спине появилась первая кровавая полоса от удара.

Плеть жгла не сильнее, чем чувство победы.



И пусть Тэзра думала, что победитель безальтернативен, первый бой остался не за нею. Вопреки всему.

===== Глава тридцать восьмая =====

Шэйран никогда не думал, что будет ненавидеть тронный зал за одно только присутствие Сэи в нём. И вроде бы он сам и не стремился на трон, его мало интересовало то, что он мог бы занять её место сейчас, когда отца не было в стране. Куда больше вопросов вызывал тот факт, что от Дарнаэла Второго до сих пор не было ни единого известия. И именно это отчего-то заставляло Шэйрана даже не просто волноваться, а ненавидеть новую королеву за то, что она отбирала отца у Лиары, за то... За то, что она скорее всего скрывала от него то, что знала о судьбе короля.

И Гартро. Что, во имя Первого, толкнуло его так резко менять решение, терять интерес к обучению молодого мага, вообще всё переворачивать с ног на голову в считанные дни? Можно подумать, Высшие маги — легкоранимые существа, которых так просто выбить из колеи! Если бы! Нет, если в этом замешана Сэя, то она должна пояснить ему всё — или хотя бы частично рассказать, что именно успела натворить, дабы заставить Тэллавара скрыться.

Шэйран на мгновение остановился на пороге тронного зала. Дома ему не позволялось просто так заходить туда, где может происходить важное совещание или что-то в этом роде. Мать старательно ограждала сына от всех дел, потому что считала, что мужчине не место...

Рядом со святынями.

Но тут всё было иначе. Он — придворный маг, а не “никто”, который на самом деле является королевским дитям. Всё это не имело никакого значения. Он узнает о том, что происходит, из первых уст, и плевать, если Сэя не настроена на длительную беседу.

...Шэйран толкнул дверь, не подумав, что можно воспользоваться магией. Стража, естественно, не подумала даже воспротивиться или остановить его. После того случая с пограничниками, которые дружно загрели в тюрьму, подчинённые капитана Фэза и вовсе обходили его десятой дорогой, вовремя осознав, что им же будет дороже сражаться с придворным магом.

Это радовало, но в тот же момент Шэйран никак не мог избавиться от странного ощущения гнилизны или чего-то подобного. Его будто бы грызло изнутри непонятное ощущение — словно он успел уже десять раз проиграть, а теперь только спешил подтвердить собственные опасения.

Сэя была одна. Она сидела на троне, грустно-гордая, и смотрела куда-то вперёд таким непонятым, отсутствующим взглядом, что Шэйрану сначала даже стало не по себе. Он, впрочем, задержался на месте только на несколько секунд, а после уверенно двинулся вперёд.

— Здравствуй, — поприветствовал он королеву. — Вести есть?

— От Дара? — она словно очнулась ото сна и посмотрела на него так, словно впервые узнала о существовании наследного принца. — Да, он... Он доехал. Просто немного устал и вынужден... задержаться.

Шэйран мог бы спросить об Эрле, вот только вряд ли Сэя сможет ответить ему более-менее чётко. Всё это в любом случае выглядело довольно странно — принц не осознавал до конца всего ужаса ситуации, но... А вдруг с Дарнаэлом Вторым и вправду что-то случилось?

— Он хотя бы жив, я надеюсь? — голос Шэйрана не дрогнул, естественно, но это ещё ничего не значило.

— Конечно. Ведь он нам всем нужен живым. Даже Эрроке, — грустно вздохнула Сэя. —

Присядь. Наследные принцы не должны стоять столбом...

— Не такой уж я и наследный.

— Это только потому, что отец не желал тебя подставлять, — отмахнулась она.

Шэйран всё-таки занял свободное кресло, магией пододвинув его поближе к себе, чтобы не коситься на Сэю сбоку. Она поднялась и пересела во второе — теперь они сидели друг напротив друга и могли смотреть в глаза безо всякого презрения или страха. Помост с тронном возвышался совсем-совсем рядом, но он не имел особого значения теперь, когда сам престол был, считай, пуст.

— В конце концов, — продолжила Сэя, — Дарнаэл всегда надеялся на то, что сможет огласить официально сына тогда, когда всё утихнет. Так что ты не должен его винить. Отец тебя любит.

— Рад это слышать. Но меня нынче интересует то, где он и как себя чувствует.

— Он вернётся не скоро. Я никак не могу подействовать, — отозвалась Сэя. — Мне нужна твоя консультация... Как мага.

— Как мага? — хмыкнул Рэй. — Будто б ты не знаешь, — он даже забыл о том, что говорит с королевой, а не со старой знакомой из Вархвы, — какое у меня магическое образование! К тому же, теорию магии преподавала твоя мать, я в основном был за дверью.

— Ну, думаю, тут скорее моральная сторона проблемы. Мне уж точно не ответить, у меня вообще нет магического образования, — выглядела Сэя вполне искренне. — Меня интересует... Ведь есть такая возможность — отдать свою любовь в обмен на что-то, во время сделки, правда?

— Любовь? — удивлённо посмотрел на неё Рэй. — Никогда не слышал. Может быть, просто заблокировать...

— Нет. Отдать свою способность любить. Как думаешь, если ты не умеешь любить, разучился делать это... Почему грустишь из-за человека? — она мотнула головой. — Скучаешь, переживаешь за него... Неважно, кто он. Такое бывает?

— Откуда мне знать? — Шэйран вздохнул. — Я, к счастью, никогда не заключал таких сделок. Может быть, сказывается прошлое, просто привязанность. Тут уж всё зависит от характера заклинания... — Сэя заметно приободрилась. — Ну, впрочем, можно поискать.

— Не стоит. Ты что-то хотел? Кроме того, чтобы спросить об отце?

— Да, — спустя несколько секунд более-менее уверенно кивнул Шэйран. — Мне хотелось бы знать, не в курсе ли ты...

— Относительно чего?

— Относительно пропажи Тэллавара Гартро, — Шэйран вздохнул. — Понятия не имею, где носит этого склочного деда, а мне надо задать ему несколько важных вопросов. Он сказал, что отправился в Дарну, но должны же быть какие-то причины.

— Они у него есть, я думаю, — повела плечами Сэя. — Но ведь это не моё дело, чем там занимается кто-то такой, как Тэллавар. Я просто в это не лезу, так что лучше меня и не спрашивать ни о чём подобном, правда... Иди. Мне надо побыть одной.

Шэйран ещё раз удивлённо на неё покосился, но спрашивать что-то ещё было бы уже наглостью. К тому же, после упоминания Тэллавара девушка почему-то заметно расстроилась, будто бы кто-то старательно выпил из неё все жизненные соки и затёр все следы собственного присутствия. Задавать же вопросы относительно этого Рэй тоже не мог, знал, что если Сэе неприятно об этом говорить, то лучше просто не навязываться.

\*\*\*

Весь день оказался каким-то натянуто-странным. Шэйран знал, что ему следовало бы отыскать Монику, но даже с нею советоваться было бы очень непривычно. В конце концов, кто такая Лэгаррэ? Это всего лишь шпионка, которой на самом-то деле только сумасшедший может доверить свои секреты. Шэйран сумасшедшим не был, ему просто очень хотелось заставить её быть ближе.

Но сегодня и это желание было не таким уж ярким. Мон пропадала где-то в библиотеке, собиралась помочь господину Са с тем, чтобы расставить все его книжки по местам, а придёт она поздно и истощённая.

У них, к тому же, даже не отношения. Два поцелуя и один раз попытка подремать у него на плече — это всего лишь проявления сближения, но отнюдь не чувств. Моника будет его сторониться всю свою жизнь, потому что это-то как раз у неё в крови.

Она не умеет быть спокойной по отношению к мужчинам. И всё остальное не имеет значения. Вера есть вера, от неё так просто не отречься, даже если на самом деле тебе полагается думать о чём-то совершенно другом.

Парень вышел на улицу. Ему казалось, что тут, на свежем воздухе, легче будет не только дышать, а и думать. Иногда отец говорил, что попытки проветриваться помогают.

Ну, не стоило, пожалуй, упоминать, что проветривался Его Величество на войне, а самое главное, обязательно в первых рядах. Почему-то одного присутствия короля было достаточно для того, чтобы противник растерял всю свою уверенность по пути. Но это раньше... когда Эльвента состояла из двух разрозненных кусков — побережья Дарны и самой столицы, разбитой разными кланами после правления королевы Сандрин, — армия была маленькой, и тогда каждый солдат оказался на счету.

Но когда король Дарнаэл завоевал половину тех земель, что были у него в распоряжении сейчас, противники уже поумерили пыл и не нападали сами. Просто Тьеррон методично отвоёвывал то, что принадлежало ему по праву, и остальное уже банально не имело значения.

Он был победителем.

...Шэйран медленно шагал по мостовой. Его не трогали — конечно же, в первую очередь потому, что он никому не был тут нужен, но и немаловажную роль в том, что толпа расступалась, сыграл и замечательный факт чёрной одежды, обозначающей волшебника. Ведьм и магов боялись практически все, единственным, кто мог в этом плане вызывать доверие, был король.

А на Рэе фраза “принц” всё ещё не проявилась, хотя они и были с отцом поразительно похожи.

...Внезапно кто-то налетел на него — едва ли не сбил с ног. Кальтэн, что стоял в нескольких сотнях метров и сегодня замещал привратника, заметно оживился, ощутив опасность, но Шэйран уже успел узнать того, кто так старательно пытался сбить его с ног.

Это был Антонио. Непонятно, что Карра забыл так далеко от родного дома, от Вархвы и от Эрроки вообще, что он делал тут, во вражеском логове, но его присутствие оставалось неоспоримым. Но Шэйрана, впрочем, куда больше взволновал его вид.

— Анио? — сокурсник, казалось, ещё больше вырос или отъелся, потому что поднять его с мостовой оказалось почти невыполнимым заданием. — Что ты тут делаешь? Да вставай, полстраны на тебя смотрит, как на пьяного идиота!

Но Антонио не был пьян. Это Рэй отлично знал — на то он и маг, чтобы разбираться в подобных вещах. Нет, Антонио был проклят.

Его посеревшее лицо выдавало даже само заклинание, только, естественно, не выказывало заклинания. Бледность казалась попросту невероятной. Казалось, что из парня выпили в одно отвратительное мгновение все силы, что только были в нём, выжали его, словно тот лимон, а после оставшееся вышвырнули на мостовую.

По всему телу шли синие пятна. Ещё немного, и бедный Антонио превратился бы в настоящий ходячий труп. Он хватался за воротник рубашки Шэйрана и отчаянно пытался встать на ноги, но ничего не получалось.

Уверенно шагал в их сторону Кальтэн.

— Пропать, — прохрипел Антонио. — Ты должен быть у пропасти завтра... Рэй... Завтра... Они будут тебя ждать, — он задыхался, и неведомое заклинание сжимало грудь. — Иначе... иначе... — слова давались невероятно трудно. Антонио закашлялся, согнулся пополам, едва ли не свалился на мостовую, но Шэйран всё-таки умудрился его удержать. Теперь на руках были уже капли крови — от этого противного кашля, что буквально выворачивал несчастного наизнанку. — У пропасти... Ты знаешь, где она? Спаси... Она... Я думал... Любит...

Шэйрану не требовались объяснения. Он понимал, что ещё пара слов, и Антонио попросту погибнет — прямо у него на руках.

— Время? — спросил он. — Скажи мне время!

— Во время захода... солнца... прошу... — Антонио рухнул на землю — такой же серый, но ещё способный дышать.

Шэйран опустился на колени прямо на мостовой, прижимая раскрытую ладонь к груди своего бывшего сокурсника. Сила полилась в Антонио одним тоненьким потоком, таким, что мог бы поддерживать жизнедеятельность несчастного Карра. Вот только Рэй знал, что это проклятье невозможно снять, пока будет жива та, что его наложила. В том, что это была женщина, Шэйран даже не сомневался.

Наконец-то добежал Кальтэн. Он выглядел обеспокоенным — ведь сейчас принц, пусть и непризнанный до сих пор из-за того, что король не желал стать свидетелем покушения на собственного ребёнка, был в опасности.

— Кто это? — капитан Фэз склонился над несчастным Антонио. — Что с ним случилось? Выглядит, как труп.

— Отнесите его в больницу, — равнодушно промолвил Шэйран. Ему было уже не до сопереживания. — И пусть там попытаются напоить чем-то целебным, это поможет ему протянуть до завтрашней ночи... или послезавтрашнего утра. А там уже всё решится.

— Кто это? — настойчиво повторил Кальтэн, не собираясь тащить в больничное крыло совершенно незнакомого человека.

— Мой сокурсник, — Рэй покосился на капитана стражи. — Сын Тэзры, Высшей Ведьмы Кррэа.

Это должно было означать для порядочного капитана стражи как “враг”. Но Кальтэн в этот вечер вынужден будет отступить от своего предназначения. Обязательно. Другого выхода у него не будет.

Антонио был его единственным сыном, которого Кальтэн видел впервые в своей жизни. И рисковал не увидеть и вовсе больше никогда.

===== Глава тридцать девятая =====

Незнакомка, вопреки яркому цвету волос, была какой-то странно-серой. Эльм видел много рыжеволосых, да и Эрлу можно было бы отнести к таковым, но она оказалась скорее

шпатенкой, вопреки всем ожиданиям, но настолько серую встречал впервые за всю свою жизнь. О, куда там королеве Лиаре, пусть и отчаянно стержневой, но и довольно привлекательной женщине! Нет, эта... Эта никогда не привлечёт мужские взгляды, если, конечно же, не постарается достойно поколдовать.

Среднего роста — как раз такая, что очень легко будет смешаться с толпой. Худенькая, лишённая тех соблазнительных изгибов, что у Эрлы — по крайней мере, не возникало не то что желания вместо убийства и уничтожения принцессы толкнуть её не на плаху, а на мягкую кровать, а и...

Марсан мотнул головой. Все эти физиологические пожелания относительно Эрлы он старался выметать из сознания как можно быстрее, понимая, что ничего хорошего не будет, если он даст волю своей фантазии. В конце концов, девушка не заслужила на такое наглое отношение к себе, и он не должен позволять что-то настолько...

Настолько пошлое. Хватит представлять её в пеньюарах и без них, и так наговорил столько всего, что попробуй оправдайся.

Но незнакомка не была Эрлой. Почти без груди, с талией, но без бёдер, с тусклыми, пусть и рыжими, волосами, но самую главную роль играло лицо. Кожа — не то чтобы разительно бледная, как у короля Дарнаэла, которого Марсан видел мельком, чтобы это было привлекательным, нет, просто серая и бесцветная, с цепочкой сосудов на виске, почти заметной. Серо-зелёные глаза, не болотистые, конечно же, но отнюдь не яркие. Это всё вызывало странную ассоциацию со змеиной кожей — но ведь она и была змеёй. Убившей Мэллора, между прочим.

А ещё губы. Тонкие, будто бы две невидимые полосы, абсолютно некрасивые губы — только сумасшедший может пожелать её поцеловать.

— Кто ты? — удивлённо переспросила Эрла, отступая чуточку назад. Она как-то неожиданно для себя наткнулась на Эльма, но не отодвинулась, а позволила рукам лечь на талию — а Эльм едва подавил отчаянное желание прижать её к себе покрепче. Пора с этим заканчивать. — Что ты за...

— Я жрица богини Эрри, — пожала плечами незнакомка. — Меня зовут Грета Паррия.

— Грета Паррия? — моргнула принцесса. — Какая ж ты жрица! У моего брата была однокурсница с таким именем!

— Это моё временное тело, — ответила девушка. — Временная реальность. И временное имя. Да, мне нужна была легенда. Потому я долгое время оберегала будущего Высшего и находилась в Вархве. Но теперь моя помощь понадобилась Воительнице, и я тут.

Эрла содрогнулась. Эльм буквально чувствовал её страх — физически сильный, непонятно натянутый, будто бы принцесса не только не верила ни единому слову, а ещё и старательно не обращала внимания на всё то, что говорила Грета.

Почему-то ему самому казалось, что слова змеи, ставшей внезапно человеком, нельзя воспринимать серьёзно. Это шутка. Выдумка сумасшедшей девицы, которая каким-то образом научилась превращаться в пресмыкающееся. Просто Грета — или змея, или как там её зовут, — спасла их, и за это следует быть немножечко благодарными. А больше ничего. Нет никакого толку в её существовании, в том, что она смеет идти с ними на контакт, остаётся только одно бессмысленное, но довольно сильное желание поскорее куда-то сбежать.

— Разве богиня существует? — не сдержалась всё-таки Эрла. — Ведь она — это просто глупая выдумка, королева прошлого, которую почему-то возвели в статус богини. Просто

людям надо что-то верить...

Эльм закатил глаза — хорошо, что принцесса не могла его видеть. Это говорит символ державы, прелестнейшая дочь королевы, старательно разбивающая всё, во что только верует её прекрасная мать. Да разве так можно? Она как бы должна поддерживать свою родственницу, странно, что не делает этого.

Эрла почти испуганно сжала его ладонь, будто бы надеясь на то, что Эльм никуда не денется.

Марсан ответил таким же коротким жестом, обнимая её за талию чуть крепче, чем прежде. Так или иначе, девушка заслужила на хорошую защиту, а всё остальное не имело никакого значения. Молодой принцессе он доверял не слишком сильно, но уж явно куда больше, чем незнакомке, умеющей превращаться в змею.

— Конечно же, богиня существует! — отозвалась Нэмиара — очень слабо и тихо, всё ещё старательно пытаясь оторваться от травы, и вновь обмякла, зелёное на зелёном. — Ведь Дарнаэл Первый тоже был королём, но это не мешает ему оказаться богом.

— А ты-то откуда знаешь? — фыркнула Эрла. Она успокоилась — Шэ была куда роднее, чем какая-то там Грета, — и направилась к девушке, даже протянула ей руку, пытаясь поднять на ноги. Нэмиара довольно улыбнулась, словно преподавательница, что поймала ученика на невероятно стандартной ошибке, и кивнула, не собираясь больше тянуть с ответом.

— Она тоже жрица, — успела чуть раньше Грета. — Только я — из Первых. А она — из Прибывших.

— Первых? Прибывших? — Эльм, что направился было к знакомой эльфийке, ведь она явно едва стояла на ногах, обернулся. Паррия выглядела невозмутимой, можно было подумать, что это не она совсем недавно убила безумного мага. — О чём вообще речь?!

— Ну, как же... Мы — созданные Богиней первые существа. Вторыми, собственно говоря, были вы, люди, — пожала плечами Грета. — Я имею в виду, среди разумных. Только Богиня творила своих слуг, а Бог занимался тем, чтобы упорядочить всё в этом мире. Она хорошо лепила, а он — вдыхал жизнь. Взаимосвязь.

— Бог может быть только один, — возразила Эрла.

— Ну, ты же сказала, что не веришь в Богиню Эрри, — казалось, невозмутимую жрицу ничто не могло удивить. — Так вот, Первые — это те, кого создали. Прибывшие... Обычно это эльфы из острова Ньевидд, их куда больше, ведь нас, Змей, всего несколько десятков. Многие из них никогда в своей жизни не видели богов. Если люди, то у них и вовсе проблемы с выживаемостью, но эльфы всё-таки живут дольше.

Нэмиара оттолкнула в сторону руки Эрлы. Стоило только Мэллору погибнуть, она заметно оживилась, а теперь уже вполне твёрдо стояла на ногах.

— И я должна была выполнить определённые функции. Я — одна из верховных Прибывших, потому что я видела Вечных лично. И его, и её, — она улыбнулась.

— Эрри и какого-то мужчину? — переспросила Эрла, вновь отступая поближе к понятному смертному существу — к Эльму, то бишь. — Их?

— Ну... Пусть так. Да, Богиню Эрри и Бога. Их имена тоже Вечны, но они обычно выбирают что-то из того, кем были. Боги часто рождаются, чтобы поправить ситуацию. Но ещё никогда не встречались в одном временном потоке сразу двое. Это уникальный случай. Уникальные наследники, — Нэмиара вздохнула. — Но Ему ещё надо открыть двери. Это она уже давно на этом свете. Впрочем, неважно.

Эрла вздрогнула. Это ещё и неважно?!

— Послушайте, — её голос звучал довольно сердито. — Если вы знакомы и всё это происходит по чьему-то плану, то зачем нужны были все эти... испытания.

— Мы о них не знали, — Нэмиара пожалала плечами. — Я не должна была превращаться в берёзу на двадцать с лишним лет. Я должна была только донести пророчество до ушей королевы. Но если Вечным угодно...

Эрла содрогнулась. Два человека — ладно, нет, два бога, — играют в игру, а все остальные должны подчиняться их правилам?

— Очевидно, — вмешалась Грета, — это надо было для того, чтобы проверить силу Воительницы и увидеть, не достаточно ли она жестока.

— И зачем вообще нужна Воительница? — возмущилась Эрла. — Просто так? Для какой-то войны, которую предстоит вести, но мы ещё ничего о ней не знаем? Так ведь?

— Не думаю, — Паррия оглянулась и запрыгнула на ближайшего коня. Очевидно, кому-то, как она предполагала, придётся идти пешком. — Скорее всего, Воительница нужна для того, чтобы поддерживать баланс. Или так просто сложилось, и она пришла в этот свет. Разве это имеет значение?

— Да!

— Только не для нас, в любом случае, — повела плечами Нэмиара, занимая свободного коня. — Я предлагала оставить твоего спутника там и отправляться поскорее, тогда всего этого с Мэллором не было бы. Но ты, принцесса, сама решила проявить храбрость и спасти его. Теперь история сделала новый виток. Это не игра, и даже Вечные когда-то устают. Им иногда надо передавать кому-то дар. Или, возможно, дело в другом.

— В чём?! — воскликнула Эрла.

— В том, что кровь бога и богини воссоединилась в тебе и твоём брате, может быть, — туманно отозвалась Шэ. — Но это не имеет особого значения. Рано или поздно такие всё равно рождаются, просто прежде оно проявлялось не так уж и часто. Вот в истории и не сохранилось никаких уведомлений. В любом случае...

Принцесса ничего не желала слушать. Она поймала за поводья коня Греты, не позволяя ей просто так ускакать отсюда.

— Слезай, — строго промолвила она.

— У тебя есть свободная лошадь, — сухо ответила жрица. — А мне тоже надо на чём-то ехать. Занимай своего скакуна, и мы отправляемся в путь.

— Тут есть ещё Эльм. И он не будет бежать за конём следом!

— Конечно, нет, — кажется, Шэ не принимала мужчину в расчёт. — Он не поедет с нами вообще. Пусть выберется на ближайшую дорогу, а там поймает крестьянина с телегой. А нам надо проводить тебя, Эрла, в храм, причём чем скорее, тем лучше. И мы сами там не были уже очень давно.

— Вот вы и езжайте! А я с Эльмом отправлюсь к папе! — сердито заявила она. — Прямо сейчас. И никто не сумеет мне помешать, тем более какие-то две ведьмы.

Грета укоризненно уставилась на неё. Им срочно надо было вернуться — туда, где им и место. Туда, где их уже Богиня знает сколько времени ждут. Но нет. Эрла не планировала отступаться.

— Освобождайте одного коня, — повторила она. — я... Я принцесса, в конце концов. И этого государства тоже. И я приказываю освободить одного коня!

— Эрла, ты поедешь с нами, — сердито отозвалась Нэмиара. — Если хочешь, мы

оставим одного коня этому... Эльму. Пусть. Мне не жалко.

Повинуясь волшебству, конь и вправду подошёл ближе к Марсану, потянул бархатистыми губами того за край рубашки, и Эльм как-то автоматически провёл ладонью по его длинной гриве — чёрной на фоне коричневой, с золотым отливом масти. Не самый прекрасный на свете, но... Всё же, хороший скакун.

— Я... — Эрла обернулась и посмотрела на Эльма. — Я не хочу ехать с вами.

— Ты ему даже не нужна, — Шэ посмотрела на Марсана, словно заставляя повторить её фразу, заявить, что та абсолютно права.

Избавиться от принцессы... Ему самому стало бы легче. Не надо будет ни за кем следить, ни о ком заботиться, всё это окажется просто облегчением — как гора с плеч упала. Но отпустить принцессу, которой он, в конце концов, обещал помочь, казалось беспечным.

Грета что-то промолвила одними губами, но посыл был ясен и без звука. Он должен быть мудр. Оттолкнуть принцессу от себя поскорее, заявить, что она ему не нужна, что он лгал только для того, чтобы они имели возможность выжить, а после, когда она уедет, тогда уже мучить себя — и именно тогда его совесть имеет полное право проснуться из зимней или не очень спячки.

— Ну же, — промолвила Нэмиара. — Расскажи ей, сколько было честности в твоих словах тогда. Девица развесила уши и ждёт, пока ты бросишься признаваться ей в любви. Ну, ты оправдаешь её увядающие надежды?

Дышать стало чуточку труднее. Он не мог понять, почему признаться во лжи до такой степени трудно, да и не хотелось = невероятно не хотелось. Эльм с радостью сейчас заявил бы, что всё было правдой, но не мог. Во-первых, не позволяла гордость, а во-вторых, Шэ умела действовать на подсознание и вынуждать говорить именно то, что ей самой было удобно.

— Я... — он запнулся. Сражайся, Первый тебя подери с Богиней вместе! — Да, это не было правдой... — Эрла, казалось, вот-вот собиралась разрыдаться. — Частично. Но, — он шумно выдохнул воздух, — не значит, что не может ею стать. К тому же, — Марсан сжал поводья коня, — это тем более не значит, что она мне не нужна.

— Конечно же, — фыркнула Грета, — ведь она пообещала тебе... что там? Политическое убежище и ещё какую-то ерунду, если я не ошибаюсь.

Подсознание требовало выкрикнуть “не ерунду”, но это похоронило бы все надежды когда-то потом, с глазу на глаз, объясниться с Эрлой.

— Политическое убежище — это, конечно, важно, но уж точно не единственное, что мне от неё... — он вновь запнулся. Казалось, всё тело налилось свинцом, а говорить стало невероятно трудно, — не единственное, что мне от неё нужно. Не только... Материальное. Думаю, меня и так не прогнали бы. И без принцессы.

— О, так ты собираешься удовлетворить с помощью неё запросы посильнее, — Шэ перекручивала слова с лёгкостью, словно играла в одной ей понятную игру. — Ну, так бы и сказал. Послушай, поясни королю, что ты помог спасти его дочь, и он отвалит тебе на слово столько золота, сколько тебе захочется. Орден даст. Но Эрла поедет с нами.

Она уже почти подчинилась. Казалось, Грета с радостью усадила бы её на свою лошадь, обратилась бы в змею — и они под таким конвоем отправили бы девушку в храм.

— Нет! — не сдержался Эльм. Голос в голове твердил, что отпустить Эрлу — это ради её же блага, вот только почему-то особой веры собственному подсознанию не было. — Нет! Да, не всё было правдой. Но ведь я не сказал, что именно из того — выдумка, верно? Она



мне нужна. Не ради денег, — пальцы побелели от напряжения. Говорить складно и правильно не получалось как минимум потому, что в сознании постоянно появлялась червоточина, туда раз за разом проникали надоедливые жрицы. — И я уверен в том, что она с куда большим удовольствием вернётся к своему отцу, чем отправится в какой-то храм. Я готов проводить её туда. Сам. Без вашего, дамы, участия.

— Эрла, — Нэмиара строго посмотрела на неё, — ты должна отправиться с нами. Потом ты всё равно увидишь отца и мать... потом. А сейчас не время для глупостей и девичьих порывов. Выбери, мы не можем заставить воительницу, но...

— Я иду с ним, — отмахнулась принцесса. — Если вы не желаете мне помогать, то не надо. Даже если его желания исключительно материальны, это не имеет значения. Мне надо к папе. Там мне будет проще. Там брат. Оставьте нас в покое.

Она двинулась к Эльму уверенным шагом, хотя в глазах всё ещё блестели слёзы, смирила коня внимательным взглядом, будто бы на что-то надеясь.

— Он ведь выдержит нас двоих, правда? — уточнила она у Марсана. — Ведь до Лэвье осталось не так уж и много, мы окажемся там довольно скоро. Можем много отдохнуть... Чтобы лошадь не пала по пути. Да даже пешком! Но ни в какой храм я не отправлюсь.

Эльм обнял её одной рукой за плечи, привлекая к себе. Он всё ещё не был уверен в том, что поступает до конца правильно, но так, по крайней мере, не приходилось заключать сделок с собственной совестью. Отпустить девушку просто так неизвестно куда и неизвестно с кем — это выше его сил, куда выше, чем казалось с самого начала. Не так уж и просто заставить себя переступить через все ограничения, но Эрла — это уже что-то большее, чем просто дочь королевы Лиары.

Она, казалось, уже смирилась с тем, что должна отправляться с жрицами, а теперь отчаянно хваталась за надежду. Девушка уцепилась пальцами в воротник его рубашки и зажмурилась, надеясь, что когда откроет глаза, всё вновь станет простым и понятным, а друзья и враги окажутся по разные стороны баррикад.

— Ну что же, принцесса, дело твоё. Ты всё равно придёшь к нам, рано или поздно, — отрезала Грета. — Но мы отправляемся в храм, потому что пора присоединиться к Вечным. Пора сделать свой вклад. Решай.

Она ничего так и не ответила — и не подняла головы, пока не услышала стук копыт. Эльм почему-то был уверен в том, что девушка рыдает, но её глаза оказались абсолютно сухими.

Она смотрела вслед лошадям с их всадницами-жрицами, пока те не растворились в глубинах леса, а после вновь покосилась на своего коня.

— Так он выдержит двоих? — почти бодро спросила Эрла. — Как думаешь?

— Должен, — кивнул Эльм. — По крайней мере, мы отъедем на несколько километров от этого места, а потом посмотрим. Не хочется ночевать рядом с трупом, — он кивнул на Мэллора.

Эрла рассеянно кивнула. Она выглядела невероятно неуверенной.

— Ну, — наконец-то прошептала девушка, — давай. Запрыгивай в седло. Я полезу второй. Правда.

Это заняло всего несколько минут — устроиться поудобнее и наконец-то заставить коня идти вперёд. Бедный едва переставлял копыта под двойным весом, но ведь Эрла была хрупкой, а Эльм прекрасно знал, что его фигуре и весу явно нанесли ущерб несколько месяцев голодовок. Кони должны выдерживать рыцаря во всеоружии и тяжёлых доспехах,

пусть их уже никто не носит, или же толстяков, что взбираются на бедную лошадь с помощью десятка слуг и стульчика. Так что, всё в порядке. Медленно, но они доберутся до места предназначения.

Эрла сидела за его спиной, обвив руками талию. Почему-то Марсану до жути хотелось, чтобы она оказалась чуточку дальше, но достигнуть этого было практически нереально — и они продолжали это дурацкое путешествие до той поры, пока не вышли на довольно широкую тропу, не нашли ручей с водой, не стало совсем уж темно.

Спешивалась девушка сама, даже не дождавшись возможности помощи. В конце концов, она явно пыталась продемонстрировать, что выдержала бы и без его поддержки, если б их группа раскололась не на две, а на три части.

Сама собрала хворост для костра и пыталась его развести — очнулась от этого глупого дурмана только в то мгновение, когда Эльм схватил её за запястья, останавливая и не позволяя продолжать собственную работу. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, обвинение застыло в них слишком явно, чтобы его получалось игнорировать, и Эльм даже не мог понять, почему заслужил всё это.

— Да ладно тебе, — наконец-то выдохнула она. — Я ж не заставляю себя любить. Я всё понимаю, ты больше всего на свете ненавидишь мою мать, как ещё ты должен ко мне-то относиться? Всё в порядке. Правда. Давай... — она запнулась. — Давай просто попытаемся нормально выспаться, раз за нами никто не гонится? Я валюсь с ног.

— То, что не всё сказанное было правдой, не означало, что я лгал тебе... до самого последнего слова, — не сдержался Эльм. — Ну, да, отбросим патетику и одно самое громкое признание, но в целом... — он запнулся. — В конце концов, я ведь не мастер признаний, Эрла, мне надо было заговорить ему зубы, но это не подразумевает мою ненависть к тебе!

— Равнодушие похуже будет, — отмахнулась она, старательно отводя глаза, и когда Эльм схватил её за руку, только дёрнулась, испуганно покосилась на него. — Не оправдывайся, тебе не идёт.

— Да я...

— Прекрати, — Эрла подошла поближе и положила ему руки на плечи, словно пытаясь успокоить, — я же сказала, что всё понимаю. Мы с тобой просто сотрудничаем, да и только. Не надо делать из этого трагедию вселенского масштаба. А там, в столице, разойдёмся. С чего ты взял, что я вообще к тебе что-то чувствую, равно как и ты ко мне? Меня это ничуть не расстроило.

...Эльм даже не ожидал, что её слова вызовут такой приступ отчаянного раздражения и злобы у него самого.

Ничего не чувствует? Замечательно. Деловые отношения всегда нравились ему куда больше, чем все эти длинные песни о прекрасной любви, разве нет?

===== Глава сороковая =====

Раскалённое железо было, конечно, приятнее магии. Дарнаэл мог сказать об этом ещё тогда, когда был просто королём на троне, а его максимальными ранениями оставались уколы шпагой или попытки отрубить голову мечом. И... Спустя некоторое время мужчина был готов утверждать, что головы лишился бы с огромным удовольствием, лишь бы эта проклятая боль хотя бы иногда отступала.

Но у него не оставалось никакого терпения на это. Он не мог просто так отказаться от того, за что взялся, потому что был сильным — символ, чёрт его подери.

И, в конце концов, даже палач тут на его стороне. Все, кроме Тэзры, надменно-

холодной волшебницы у неё за плечом и, возможно, Лиары где-то там, далеко. И если б он огласил Шэйрана своим сыном официально, королева не пожалела бы, что это и её ребёнок тоже, толкнула б его на то же самое.

Но Рэй не был им настолько полезен, потому что ему-то удавалось выворачиваться из змеиных оков. А Дарнаэл знал, что плети — это ерунда, а выдержать атаку мыслей...

Так или иначе, он умел это делать. Плевал на то, что разогнуться так же трудно, как и упасть на колени, натягивал на искусанные губы вежливую улыбку, а синие глаза не заливало краснотой вопреки всему.

Он знал, что магия в нём сражалась. Она отчаянно пыталась освободиться из этих сжимающих запястья браслетов, что блокировали всё, что лишь могло быть связано с силой, и Дарнаэл лишь беспомощно наблюдал за тем, как глупая муха, его магия, бьётся раз за разом в невидимое для неё стекло.

Мозгов, что ли, не хватало остановиться?

Прежде он не понимал тех, кто действительно боролся. Теперь, когда Тэзра по три-четыре раза на день — хотя он не мог утверждать точно, ведь никто не повесил перед носом календарь, — навевалась в гости, позабыв об израненной спине, на которой приходилось ещё и лежать, вопреки всему — магия разве что не позволяла заразе зайти в раны, — он вновь и вновь натягивал улыбку на лицо, пусть зрителем оставалась одна и та же девица, нависающая над плечом у ведьмы.

Иногда Дарнаэлу становилось любопытно, почему она никогда не меняется. Мало ли ведьм в Кррээ? И тогда просыпалась вера в Лиару, тогда он считал, что королева не в курсе относительно того, что творится в подвалах, и он успокаивался. Безмятежная улыбка становилась искренней, а боль почти утихала на задворках сознания.

Любить её только прежде было просто. Теперь он продрался сквозь собственную ненависть с невероятным отчаяньем, пытался оттолкнуть в сторону глупое желание проклясть Лиару и навеки забыть её имя. Это было так просто — сдаться, но почему-то Дарнаэлу казалось, что он держался не потому, что что-то значил для народа или человечества в целом, а потому, что сдавшийся он не был нужен ей.

Были ещё дети, конечно же. Дети не стали бы его отталкивать, они у него, благо, нормальные. И любовницы, бывшие или настоящие, тоже нет, потому что иногда им было важнее лицо, а не репутация или деньги.

Деньги всегда можно заработать, даже если ты не король.

Но она — Лиара, — никогда бы не простила ему попытку сдаться. Она обязательно возвращалась бы в кошмарах и говорила, что он проиграл ей. Сама суть была в том, чтобы оставаться врагами и не сдаваться. Проигравшего Лиара рядом с собой не терпела бы, но Дар её не судил.

Если б она сдалась ему — не в постели во время очередной шутки и договора, а вот так, в пыточных, — он бы тоже моментально разлюбил бы её.

...Тэзру улыбка раздражала. До жути. Она знала, что боль — а она была, да ещё какая! — разрывает его на частицы и искалывает мириадами иголок, принося невероятные страдания. Знала, что ему хочется закричать. Знала, что в той камерке, в которую уходят все его мысли, он вопит во весь голос, но этого не было видно физически. И взялась бы за раскалённое железо или угли, выкалывала бы ему глаза, но почему-то боялась отобрать презентабельный вид.

Но сегодня Мизель не было. Сегодня — наконец-то! — у него появился шанс сделать

мечтания реальностью, и улыбка на губах была настолько натянутой, что даже Тэзра, при всей своей ненависти, чувствовала определённую радость и торжество. Жалость ей, конечно же, была несвойственна.

— Прекрати, — наконец-то, вырываясь из плена боли, прошипел он. — Я согласен.

Тэзра удивлённо отшатнулась. Ей хотелось бы увидеть свидетелей за спиной, но прогоняла она даже стражу и палача, потому что те умудрялись сочувствовать, а после растаскивали глупые рассказы о смелости короля по всему замку.

Почему тут не было Мизель? Почему надоедливой молоденькой ведьмочке надо было заболеть именно в этот вечер, когда Высшая Ведьма Кррэа заставила-таки короля Дарнаэла подчиниться?!

Почему?!

— Что ты сказал? — не веря своим ушам, переспросила она. — Ты...

— Я согласен, — выдохнул он, не уточняя, на что именно. Это часть игры. Тэзре хочется выиграть. Он, может быть, готов дать бой и на чужой территории, не только на своей собственной. Её армия тоже не такая уж и большая, как может показаться со стороны, так пусть вынудит её чуточку потесниться. — Согласен на публичное выступление. Тогда, когда ты захочешь.

Тэзра убрала руки. На сегодня пытка заканчивалась.

— Постарайся выглядеть хорошо завтра, Дар.

\*\*\*

Выглядеть хорошо со стороны было не такой уж и простой задачей, как могло показаться. Дарнаэл отлично знал, что Тэзра поймёт это, как только увидит его при свете дня. Даже без последнего... наказания, как она это называла, мужчина оказался мертвенно бледен, а двадцать — нет, девятнадцать, но об этом Тэзре знать было необязательно, — кровавых полос на спине никому не прибавляли здоровья.

Она касалась пальцами каждой раны и наивно полагала, что это приносит боль. На самом деле в исцелении не было ничего настолько отвратительного, даже если не блокировать сознание, то Тэзре знать об этом оказалось необязательно.

Единственное, что осталось на нём — это коварные браслеты. Он так и не сможет воспользоваться волшебством, и затея уже была обречена на провал. Дарнаэл знал об этом.

Но должен попытаться.

Если честно, всё это делалось только ради неё. Лиары... Или Тэзры, не суть. Они обе должны были увидеть это, обе отреагировать как-то по-своему.

За это время он увидел Лиару впервые. Женщина стояла сбоку, на одном из маленьких балкончиков, и смотрела вниз, словно следя за толпой. Может быть, в её взгляде ему только чудилось что-то раздражённо-змеиное, может, оно и вправду там было, но Дарнаэл это важным упрямо не считал. Он сможет только впереди себя, отмечая, что толпа не особо радовалась неожиданному признанию короля соседней державы.

Радовалась только Тэзра. Но это всегда было в её стиле, предельное злорадство, от которого она боялась избавиться окончательно, а может, просто не имела такой возможности.

Дарнаэл тоже стоял на балконе, только центральном. Высшая Ведьма Кррэа оставалась у него за спиной.

Отсюда в основном делали все главные заявления. Люди внизу ждали. Он не мог сказать, чего именно, но это и не имело особого значения. Ждали, и только, а всё остальное

превратилось в лишние комментарии со стороны, на которые он не мог обращать никакого внимания.

Он смотрел на них с плохо скрываемым торжеством. Видеть народ Эрроки под ногами, зная, что ты не собираешься подчиняться — приятное дело. Пусть это и считается злорадством, мужчине было наплевать на то, что они подумают после.

Тэзра не выигрывает.

Это Лиаре можно уступить. Проиграть сражение номер один, выиграть номер два, и так дальше. По очереди. Ей это нравилось. Тогда это придавало некоторого... Пыла.

А боль — она не имела значения. Лиара не умела ею манипулировать.

Мужчина повернул голову. Королева смотрела на толпу — белоснежное платье, кроваво-рыжие в свете восходящего солнца волосы. Ещё так рано! Прохладно — ей и вправду хочется завернуться в что-то тёплое. Эррока — это вам не Дарна, тут можно здорово замёрзнуть, если не позаботиться об этом заранее.

Он вновь повернулся к людям.

— Король Эльвенты Дарнаэл Второй Тьеррон, — громогласно-самоуверенно заявила Тэзра, — собирается сказать вам о чём-то.

Можно пойти на попятную. Воскликнуть, что всё это принуждение. Дешёвый театр, когда актёров в труппе слишком мало, а надо ведь продемонстрировать что-то сродни силе, верно? Он мог это сделать. Мог вопить им о пытках, чтобы узнали те, кто не в курсе, но народ редко бывает наивен.

— Собираюсь, — ладони привычно легли на поручни балкона. Так он часто разговаривал со своим собственным народом, выходил из тронного зала. Рукава рубашки чуть подскочили — те, кто мог это понять, уже успели осознать, зачем на его руках оказались подобные браслеты. — Здравствуйте, жители Эрроки. Здравствуйте, — лицо искривила презрительная усмешка, — Ваше Величество. Ваша Высшая Ведьма очень хотела, чтобы я кое-что вам сказал. Но, боюсь, — Тэзра натянулась за спиной, словно струна, — у неё плохо получается манипулировать. Посему... Готов заявить, что это исключительно моё... Как она считает, несломленное мнение.

После этого можно сказать то, что просят. Чтобы отпустили. Он и так проявил достаточно свободы. Для мужчин Эрроки это верх непослушания.

Они уже смотрят на него, как на героя.

Но в Эльвенте не имеет значения, мужчина ты или женщина. Ты либо побеждаешь, либо проигрываешь. Нет среднего звена. Нет оправданий.

И он не собирался их выдумывать.

— Что же... Нет, — пальцы сжали поручни с такой силой, что балкон, казалось, должен был осыпаться жалкой крошкой. — Нет, я не собираюсь отречься от престола. Более того, я не скажу, что она права, — он перевёл взгляд на Тэзру. — Есть... Королевы. И Короли, в принципе, тоже. Была ведь у вас Эрри, у нас — Первый. Может быть... — он перевёл взгляд на Лиару, — Королева и Король есть и сейчас. Но, будьте уверены, — он усмехнулся, — мужчина вы или женщина, это не имеет особого значения. Не в этом измеряется сила или слабость. Тут мужчины, как говорит ваша Высшая Ведьма... — когда ж она догадается его остановить? Неужели до сих пор настолько самонадеянная? — Слабы. Должны признавать поражения. — Ах да! Она так не хочет, чтобы Лиара была свидетельницей этого. Но ведь Лиара-то уже догадалась. Народ не понял, Тэзра не поняла, но Лиара догадалась. — Мужчине в этой стране полагается поддаться. Склонить голову в согласном кивке. В таком случае, я

принимаю правила, — он подался вперёд и буквально чувствовал самодовольство Тэзры. — И чтобы их не нарушить, вынужден буду... — она буквально слышала уже это “сдаться” и “отречься”, - признать, что поступаю абсолютно по-женски. Если верить вашей, Эррока, религии. Но лучше я уж буду дамой, чем слабым и ничтожным существом, — Дарнаэл резко выпрямился, говорил быстрее, чем следовало, но время не терпит промедлений. — Раз уж тут так полагается, пусть. Но отречься... Отречься я не буду. И если в этой стране наследный принц колдует лучше, чем принцесса, это повод пересмотреть приоритеты, а не отрицать его существование!

Толпа загудела.

Принц? Ведь королева Лиара прилюдно утверждала, что она скорее убьёт своего сына, чем позволит ему жить. И его, в конце концов, не существует.

— А ещё, — заколачивая последние гвозди в собственный гроб, протянул Дарнаэл, — я бы на вашем месте уточнил, как возможно непорочное зачатие, подарившее мальчика прелестной Высшей Ведьме и сына с дочерью вашей королеве.

Тэзра захрипела за спиной. Стража потянула его за плечи, что-то рвануло — магическая пелена растянулась между балконом и толпой. Лиара что-то кричала — кажется, призывала людей к порядку. Требовала не слушать. Они ведь просто сгруппировались. Не успели доломать игрушку, как уже потащили её в мусорный бак.

Тэзра впивалась длинными ногтями ему в плечо, и Дарнаэл даже через рубашку видел, как выступает кровь. Но сдаваться — последнее дело. Разве нет?

\*\*\*

Она ударила его по лицу с такой силой, на которую только была способна. Но женские руки всё равно оказались слишком тонки для того, чтобы сломать ему челюсть — и слишком хрупки, чтобы стереть эту улыбку, бесконечную, не способную раствориться, с лица.

— Как ты смел! — Тэзра буквально полыхала магией. Дарнаэл отлично знал, чем это для него закончится, но бояться в подобном случае — последнее дело. — Ты... Ты же сгниёшь тут, и никто, включая распрекрасную супругу и драгоценного сына, тебе не поможет.

— Я сам способен себе помочь, — равнодушно прохрипел он.

Спина, конечно, ныла отчаянно, и на этот раз никто не собирался его исцелять. Дарнаэл знал — она вновь побоится испортить лицо или даже исполосовать ножом грудь. Потому что она уверена в том, что он сдастся. Рано или поздно.

Она вновь полезет ему в голову.

Ну кто сказал этой ведьме, что терять воспоминания страшнее, чем глаза? Первое можно хоть попытаться восстановить!

Она, впрочем, не собиралась останавливаться. Вновь едва заметно коснулась пальцами его висков, почти нежно улыбнулась, что-то прошептала и запрокинула голову назад. Ну дура, дура — ведь ей самой это больно, слишком больно, чтобы суметь выдержать, а она никак не может остановиться! Ей нравится, она получает удовольствие от пыток, но вливает в него столько собственной силы...

И чем неприятнее ему, тем больше надо постараться ей.

Дарнаэл на сей раз не тратил силы на улыбки. В конце концов, тут из свидетелей только палач, а он прекрасно знал, что такое ментальная атака.

Дар закрыл глаза, сцепил зубы, зная, что молчание раздражало её невероятно, больше всего хотелось услышать именно крик, а после попытался хотя бы мысленно отдалиться от

неё. Закрыть скорлупу, чтобы всё это осталось лишь глупым, никому не нужным фантомом, который мало его волнует. Это ведь не так уж и важно, есть боль или нет. Есть ранения или нет.

Но сломить его ей не удастся.

...Тэзра разве что не рычала от досады. Её ненависть и так с невообразимой лёгкостью текла по пальцам, но это — слишком большое испытание, чтобы его выдержать. Слишком сильно он её раздражал.

Боль разлилась по телу одной сплошной волной, но она всё ещё была терпимой. Даже более чем терпимой. Тэзра посылала слишком большие силовые волны — Дарнаэлу казалось, что его усталость отказывалась принимать это. Он просто не чувствовал ничего — обессиленно обмяк, всё равно ведь продолжал стоять на ногах — а глаза отлично видели злую, полную ненависти ведьму.

Она убрала руки и что-то прошипела. Отошла на несколько метров, только взметнулись светлые, чуть вьющиеся волосы, ослабилась, вскинула ладонь с огненным шаром и швырнула в него.

Она хотела, чтобы он отступил. Отшатнулся.

...Пламя разбилось о невидимую стену в миллиметре от его носа, а после рассыпалось потоком невидимых искорок.

— Тэзра, — выдохнул Дарнаэл, — я ведь знаю, что так нельзя. Ты не можешь действовать магией извне, пока не снимешь с меня эти наручники.

Она протянула руки, чтобы сорвать браслеты, но вовремя остановилась. Нельзя. Он не самый сильный маг, он не умеет руководить своей силой, но достаточно зол, чтобы разорвать её на мелкие кусочки, стоит только ему одержать свободу. А она единственная, кто знает контрзаклинание. Она единственная, кто вообще хоть что-то знает в этом дурацком, сумасшедшем наполовину королевстве, а самое главное, что совершенно не спешит делиться своими знаниями с остальными, даже с Её Величеством Лиарой.

Ничего не вышло. Увы, она так и не рискнула — а жаль. Дарнаэл всё равно не смог бы найти в себе силы на что-то большее, чем исцеление.

Она вновь кивнула палачу. Тому пора было уже и устать, но... Это прежде он мог падать. Не бить — это скорее попытки разогнать проклятую плеть. Даже толковые следы оставались только от трёх ударов, а остальные семнадцать были глупыми попытками.

Он смеялся, что у него слабые руки.

Рубашка осыпалась пеплом. Дар чувствовал жар огня, но тот быстро схлынул — увы, до этой пытки Тэзра додумается, но, к счастью, не скоро.

Она ведь может держать пламя очень близко. Оно не будет его глотать, но подарит свой жар. Да, для этого надо время, но ведь никто не швыряет мясо в костёр, чтобы оно сжарилось, верно? Просто нанизывает на вертел и подвешивает, а потом ждёт, пока получит любимое блюдо.

...Тэзра протянула Подчинённому бутылку. Яд. Дарнаэл даже знал, что это за зараза — плеть после удара десятого, конечно, рассыплется и вовсе. Или что это у него? Кнут? Батог? Рассмотреть не удавалось, дать точное определение — тем более.

Он только знал, что будет.

Выйти с улыбкой не получится.

...Казалось, вся та борьба в мыслях была ничем против этого удара. Дарнаэл уже видел кровавый рубец на спине, чувствовал, что исцелённая кожа разрывается, а яд проникает в

кожу, в лёгкие, доползает до крови и пытается прорваться в сердце, чтобы остановить его.

Он сжал зубы. Ничего не будет. Тэзра так и не дожждётся его “прошу”. Тэзра вообще ничего не дожждётся.

Второй удар.

После десяти мало кто выживает. Больше она и не сможет, орудие распадётся на мелкие ниточки. Оно вообще не предназначено для подобного, но... Таким ядом убивают. Тэзра собиралась оставить его на грани. Выдать потом за самоубийство. Или пообещать, что исцелит, а потом это обязательно повторится. Раз за разом, пытка за пыткой, и никакого милосердия. Ничего хорошего его не ждёт.

Третий удар.

Болело слишком сильно. Даже чрезмерно. Казалось, они вырывали позвонки и жонглировали ими в воздухе, прежде чем поставить обратно. Вытягивали из него жилы. Пытались прорезать насквозь, проткнуть, прожечь.

Четвёртый.

Он позволил себе шипение, но Тэзра мало что разобрала за свистом батога. Нет. Никаких попыток умолять о пощаде. Ничего не будет.

Пять, шесть, семь.

Палачу самому было его жаль, пожалуй. Исполосованная спина, руки, заведённые за спину — по запястьям тоже попадало. Никогда в своей жизни он не сможет держать серьёзное оружие, если его не исцелят, разумеется. Никогда. Это слишком... Слишком.

О том, чтобы связки и сухожилия стянулись воедино без магии, можно и забыть. Но магия будет потом. Магия будет тогда, когда он отсюда выберется. Если выберется, конечно же.

Восемь, девять.

Во рту — привкус крови. Он сжимал зубы, стараясь при этом не откусить себе язык, и только надменный взгляд Тэзры, хотя она об этом и не догадывалась, иначе не оказывала бы столь любезную поддержку, помогая выдержать и не закричать.

Десять.

— Достаточно, — коротко промолвила она. — Стража!

Он не мог даже самостоятельно идти, едва переставлял ноги, хотя, кажется, основную часть пути его просто волочили молчаливые стражники. Они не видели, что происходило, конечно же. Но они слышали. Слышали свист, шипение яда, приказы Тэзры — но тихое шипение они расслышать, конечно же, не могли. Это всего десять ударов. Многие это переносят. Если б не яд.

— Надеюсь, до утра ты недохнешь, — коротко промолвила Тэзра. — Я планирую продолжить.

Они швырнули его на подобие койки, такое твёрдое, словно вместо соломы тут были самые настоящие палки, и Дарнаэл всё же не смог не выдавить из себя едва заметную торжествующую улыбку.

— Обычно, — мстительно протянула она, — после капли этого яда человека прожигает насквозь. Это очень... очень больно. Мучительная смерть. Сочувствую.

Она снисходительно похлопала его по плечу.

Конечно. Кошмарный яд. Дарнаэлу его подливали в бокал с вином, пытаясь отравить — даже камни растворяло, между прочим. Может быть, потому камней в нём и не наблюдалось — и вообще, звериное здоровье.



Впрочем, зря он ей не напомнил.

Дар трижды выпивал то вино, в которое была подлита отравка. Даже не замечал.

И, конечно же, немного страдал. От расстройства желудка и язвы, но целители умудрялись поставить его на ноги. Неприятно, болезненно, ощущения — словно тебя прожигает насквозь, но главное не разодрать себе живот, пытаясь выпустить на свободу сию гадость.

Одно маленькое “но”. У него были ощущения.

Но людей действительно прожигало насквозь.

===== Глава сорок первая =====

Сэе с самого утра казалось, что что-то не так. Она даже не видела вездесущего, обычно не оставляющего её наедине со своими мыслями ни на секундочку Кальтэна, хотя тот считал своим бесконечно важным долгом будто бы преследовать королеву и шагать за нею по пятам. А ещё Тальмрэ была уверена в том, что и в городе её не ждёт ничто хорошее, словно в одно отвратительное мгновение оно взяло и закончилось — вот так просто, быстро и без единого промедления.

Она старательно отрицала предчувствие. Но и придворный маг куда-то подевался, и найти Рэя было такой же трудной задачей, как и телепортировать обратно домой его отца.

Увы, она грустила. Тальмрэ не могла пояснить, почему Дар внезапно стал ей до такой степени важен, ведь она не умела любить. Благодаря Тэллавару не умела. Но, так или иначе, Тьеррон-старший не шёл из головы, и теперь, прогуливаясь совершенно спокойно по родному дворцу, девушка не могла избавиться от странного ощущения предательства.

Она помнила о том письме, что вчера прислала мать. Она так старательно пыталась убедить дочь в том, что надо отдать королеве Лиаре королевство и подчиниться, что Сэя и вовсе отказывалась поддерживать хотя бы элементарную связь с этой женщиной. Нет, она не могла. Именно Самаранта была виновата во всём, что случилось с Сэей. Именно она, а не кто-либо иной. Именно она должна за это заплатить.

И чем скорее сие случится, тем лучше им обоим будет потом, в приятно нарисованном недалёком будущем, до которого практически все так отчаянно стремятся.

...Девушка сама не знала, почему её принесло в больничное крыло. Тут обычно было тихо — только сегодня туда-сюда сновали врачи, переговариваясь между собой.

Сэя была без короны, без платья, о том, что это королева, свидетельствовал только знакомый венчальный браслет на запястье. Но она и его спрятала в рукавах длинного платья, простого, но зато удобного, поэтому никто её и не узнал. Это в Дарнаэле видели правителя издалека, а она тут чужая, нечего возмущаться или удивляться столь наглomu поведению слуг.

Впрочем, нельзя было сказать, что Тальмрэ особо разочаровалась.

Она слушала шёпот, но в нём не встречала ни единой сплетни. Казалось, мысли сотрудников были заняты отнюдь не королевой, королём или какими-то государственными решениями, а именно работой. Странно, когда это в последний раз медперсонал отказывался от сплетен?

Она поймала медсестру за запястье, когда та как раз возвращалась из палаты.

— Что случилось? — тихо спросила Сэя, даже не представившись королевой — а ведь девчонка может не сказать всю правду.

Но... Ведь Тальмрэ отлично знала, что в стране всё спокойно. Да, Торресса планирует напасть, но это лишь архипелаг, пока они доплывут, пока перегруппируются... Да и там есть

Тэравальд, он не стал бы молчать. Об этом Сэя не волновалась, вторая часть её сознания, такая тихая в прошлом, умела диктовать правила.

Всё просто.

— Господин придворный маг привёл тяжелобольного. Сейчас с ним господин Кальтэн и госпожа Моника, Ваше Величество, — девушка склонила голову. — Если вы желаете...

— Желая, — коротко кивнула Сэя. Может быть, она плохо думала о подданных Дарнаэла, и те способны отличить собственную королеву от обыкновенной женщины, или она всё-таки не избавилась от всех атрибутов? Это имело мало значения, так или иначе.

Вечер приближался довольно стремительно. Сэя осознала это только тогда, когда оказалась в комнате — солнце проталкивало сквозь шторы уже не жёлтые, а красноватые лучи, хотя сам материал был пусть и плотным, но зато белым. Станный выбор, но не Сэе его осуждать, ведь это больничное крыло. Тут вообще всё должно было оказаться белым — но, вопреки её ожиданиям, пол всё такой же, как и в остальных комнатах, каменный, стены отнюдь не пугают своими снежными оттенками. Всё спокойно и привычно, только жить не так уж и просто, как могло бы показаться.

Кальтэн выглядел так, словно его только что сняли с виселицы — до такой степени он побледнел. Мужчина то и дело проводил рукой по подбородку, но так и не ощущал лёгких уколов своей двухдневной щетины — очевидно, Фэзу надо было бриться едва ли не два-три раза в сутки, а он так себя запустил.

Моника сидела у кровати больного и скороговоркой шептала какие-то заклинания. Но она не колдовала, а просто перебирала их в уме, Сэя это чувствовала.

А ещё знала, что она — даже она! — ничего не могла сделать.

Юношу, распластавшегося на кровати, она узнала с трудом. В этой бледной, посеревшей тени едва-едва угадывались родительские черты.

Сэя возблагодарила бы богов, что это не Шэйран, но... Разве ж она верила? Хоть во что-то? Нет, конечно же, и против этого проклятия бессильны даже боги, об этом Тальмрэ отлично знала.

Антонио Карра был сыном Высшей Ведьмы Кррэа и главы стражи Кальтэна Фэза. С второй части Сэя узнала задолго до того, как Дарнаэл поведал душетрепещущую историю о том, как Тэзра старательно лишила отца возможности узнать даже о том, как зовут его сына.

Потом, естественно, Дар ему сказал, явно как и пояснил, что с Антонио всё в порядке, но ведь нормальному отцу мало одних рассказов, да?

Антонио походил на тень самого себя. Его кожа была словно измазанной мелом, да и казалось, что причудливые тени на щёках — тоже последствия отнюдь не фантазии Сэи. Она содрогнулась, то ли от ужаса, то ли от отвращения — Карра шептал что-то сквозь полубезумие, но не мог до конца сформировать фразу.

Он был в сознании. Удивительное дело — парень ещё старательно боролся против страшного проклятия, основанного на интуитивном посыле.

Ведьма, что его заколдовала, очень сильна, но при этом бестолкова. Она не знает толком ни единого заклинания, поэтому слепила из осколков своей уходящей памяти, как могла предположить Тэзра, такой вот кошмар. И снять его реально только со смертью той незнакомой волшебницы.

— Что происходит? — Тальмрэ посмотрела на Моника.

Конечно же, Лэгаррэ была ей хорошо знакома. Ученица, о которой столько всего хорошего рассказывала мать. Самаранта обычно терпеть не могла всех своих учеников, вот

только Монике отводилось в её ненависти особое место, словно маленькая шкатулка для лучших.

Насколько ненавидела старшая Тальмрэ Шэйрана Тьеррона за его силу, настолько за это же могущество она и обожала Монику.

В чём-то она ей завидовала. Потому что Самаранта должна была выторговать свою магию, а после дополнять её долгими годами стараний и учёбы, лишившись напрочь красоты, а вот Монике удалось сохранить и внешность, и Силу, когда она вступила в Вархву, и... Да, это жестоко. Одним достаётся столько всего, а другим лишь жалкие огрызки, крохи пирога, но... Это не имело значения.

Самаранта ценила Монику. Она видела в ней отчаянную веру, надежду на то, что Эррока когда-то станет самым могущественным государством на свете, а остальное, как известно, не имело совершенно никакого значения.

Самаранта думала, что однажды Мон станет ещё одним кирпичиком её долгой дороги славы, а ещё считала, что однажды Лэгаррэ отдаст ей магию ради красоты или красоту ради магии.

Что-то из этого списка.

И у Тальмрэ-старшей был даже план, как это можно получить — гадкий, коварный, но весьма умный, как про себя нехотя отмечала Сэя.

— Прокляли. Прибыл вчера вечером. Рэй помогал мне его поддерживать, вливал силу, для него это не составляло никакого труда, — приятный голос Монике вернул в реальность, — вот только и сам куда-то улизнул. И что хочешь, то и делай с вот этим счастьем. Я не могу вмешаться, мне не хватает магии даже на то, чтобы пробиться сквозь фон.

— Его сил хватит только на то, чтобы дотянуть до завтрашнего утра, — равнодушно поставила диагноз Сэя. — Вливать силы — лишь мучить парня и разбрасываться ценным ресурсом. Разве что проклявшую его к тому времени убьют.

Моника кивнула. Судя по тому, что Кальтэн даже не побледнел ещё сильнее, он либо дошёл до грани, за которую может заступить разве что мертвец, либо уже слышал этот жестокий, но верный приговор. И Моника, и Рэй не были дураками, пусть Шэйрана и прозывали серым троечником все годы учёбы, так что, они могли поставить диагноз уже очень давно...

Антонио протянул руку, но так ни до кого и не дотянулся. Сэя и Моника отшатнулись от него, как от прокажённого, и хотя Кальтэну жутко хотелось похлопать сына по плечу, успокоить, он не мог этого сделать, потому что этой стране нужен был ещё живым и здоровым.

Зараза перешла на ту стадию, что уже передавалась через прикосновения.

— Заход солнца... — прохрипел Карра. — Рэй... Там...

Моника бросила на него подозрительный взгляд, но требовать, чтобы Антонио умолк, не стала, будто бы заподозрила, что в его словах может быть что-то важное.

— Пропасть... — выдохнул Антонио и вновь провалился в забвение.

Сэя знала, что это могло означать. Даже особая расшифровка не потребовалась. Шэйран отправился на поиски той, что прокляла Антонио. И вряд ли он сможет пережить подобного рода сражение без посторонней помощи, даже если очень и очень постарается.

Увы.

И Сэя знала, что если она с чистой совестью могла позволить Антонио погибнуть, но

Рэю отправиться к праотцам никак нельзя. Иначе случится то, чего они ни в коем случае с Моникой не должны были допустить, пусть Лэгаррэ и не догадывалась о существовании какого-либо своего призвания.

Она повернулась к Кальтэну, выпрямилась, подобно королеве — впрочем, она и была ею, пусть мысли отчаянно отрицали этот факт.

— Где тут есть пропасть? — сухо поинтересовалась она. — Мы с Моникой немедленно отправляемся туда.

===== Глава сорок вторая =====

Шэйран прибыл на место за полчаса до заката. Времени у него было до самого утра, потому что до того момента Антонио точно доживёт, но... Ведь ещё надо знать, с кем ты сражаешься. Увидеть ведьму до того, как она додавит собственное заклинание и сотрёт Антонио в порошок, не дожидаясь собственного соперника. Шансов подобного есть великое множество, можно даже не сомневаться, и остаётся только надеяться на то, что она не совершит глупостей до того момента, как сражение не закончится. Преждевременная смерть Карра вытащит из неё все остатки сил.

Впрочем, Рэй не сомневался — сражение будет. Он только ставил под большим знаком вопроса собственное выживание, но это, как известно, не имело особого значения в подобном контексте.

Равно как и все страхи.

...В глаза бросилась даже не она. Даже не вытоптанная трава вокруг пропасти.

Он смотрел на вполне здорового, но какого-то одержимого, бледного, измотанного собственными сомнениями Лээна, что стоял на краю этого гадкого обрыва и смотрел вниз. Не узнать обычно жизнерадостного художника было трудно — его волосы, его глаза, скулы, рост. Не его только взгляд, потухший, как у давно уже сдавшегося человека.

Потом, конечно же, Рэй увидел и её. Девушку лет двадцати с чем-то, обсидианово-чёрную, фарфоровую — и местами кроваво-алую.

Волосы были черны, словно ночь. Глаза сияли двумя пустыми дырами — будто бы обязаны ничего не отражать. И радужка у них сливалась со зрачком, так, что от черноты становилось дурно. Шэйран видел немало дарнийцев, и карий взор, равно как и более тёмные оттенки, его не пугали.

Но в незнакомке было что-то отчаянно-знакомое, только он не мог понять, что именно, не мог дожать её образ, не мог расшифровать его до победного конца.

На самом деле, сражаться с собой показалось более трудной задачей. На этот момент он уже даже не задумывался над тем, что будет дальше, потому что это попросту не в его компетенции — прошлое и будущее смешались воедино в сплошном приступе кошмара, а теперь плясали упрямыми языками пламени перед глазами.

Белой была её кожа. Но не бледной, а именно фарфоровой, как у куклы. Да и вообще, девушка действительно походила на куклу, ту, что стоит на полке.

С такими никто не играет. Обычно потому, что их очень легко разбить.

Но эта кукла с алыми губами не хрупка. Просто она уверена, что может убить каждого, кто только посмеет переступить через определённую границу, а границы определены очень чётко. И даже понятно, как она передаёт эту заразу, отвратительное проклятье.

Прикосновения. Поцелуи.

То, о чём при детях никто не говорит — но Шэйран давно не был ребёнком, а на курсе у него двадцать две девушки. Примерно семнадцать из них предпочитали верить в Богиню

Эрри и невинность только на глазах у преподавательского состава, четырнадцать — предпочитали магов простолюдинам, одиннадцать из троицы сокурсников выбирали именно Шэйрана.

Даже Мизель.

Но Мизель, вопреки её желаниям, не была ядовитой. А вот эта девушка ещё как была — сильная, могущественная, искусственная, с кровавой раной вместо губ.

И пропастями вместо глаз.

— Эй! — окликнул её Шэйран, подходя поближе. Магия так и не отозвалась окончательно на его призыв, так что оставалось верить в то, что однажды ему банально повезёт. — Ты — та, что ждала меня тут? У пропасти?

— Я, — кривовато улыбнулась незнакомка. — Здравствуй, принц.

Лээн едва заметно содрогнулся. Он поднял на Шэйрана укоризненный взгляд, словно пытался спросить, почему его кроваво-белая спутница так говорит.

— Принц? — переспросил Рэй, словно сам не знал о своём происхождении. — Кто ты?

— Я не знаю, — весело, но почему-то отчасти равнодушно ответила она. — Я — твой кошмар. Предположим, тебя не устраивает этот вариант ответа, мой мальчик.

Почему она казалась ему настолько знакомой? Даже в этом обращении... Так говорила Сэя, и он злился — потому что Сэя повторяла слова человека, что был ему очень дорог. Женщины, что была очень дорога. Что выходила из ряда ведьм, наставниц, учительниц, любовниц и отдельной особи — матери.

Пожалуй, единственная женщина, что искренне любила его — во всём этом проклятом мире.

Нет, из женского рода, разумеется.

Мама — мама тоже любила. Но это было не то; мама всё ещё верила, что сможет себе доказать, будто бы эту любовь легко убить, и поэтому маме было легче отстраняться и не иметь к нему совершенно никакого отношения. И мама называла его по имени, ещё и полный вариант использовала, да и виделись они довольно редко.

“Мой мальчик”, - утешающе говорила бабушка, когда ему было восемь лет, и отец завоёвывал соседнюю страну, словно позабыв о своих детях.

“Всё будет хорошо”, - повторяла она ему, когда тринадцатилетний Шэйран не мог отыскать ничего, к чему бы лежала душа, кроме магии. Магии, что не должна была принадлежать ему в этой стране, магии, которую никогда не контролируют, по убеждению матери, мужчины.

Но нет. Она верила в него. А теперь незнакомка нагло воровала её обращение и пользовалась им, словно разменной монетой.

— Скорее всего, — холодно промолвил Шэйран, — ты просто не помнишь, кто ты такая. Может быть, кровь затопила твоё сознание?

Она ничего не ответила, но оставалась такой же самоуверенной, как и прежде. И холодной, ядовитой, полной ненависти, будто бы змея.

— Меня зовут Лиррэ. А ты — наследный принц этой страны, — удивление со стороны Лээна больше не имело особого значения. — Мне кажется, ты мешаешь мне. Ты мешаешь мне взойти на трон.

Эта фраза, конечно, всё поясняла. Поясняла уже тот факт, что она вообще тут стояла — и, естественно, была связана с Рри. Не стоило подозревать в этом Сэю, может быть, надо было и вовсе посоветоваться с Тальмрэ и привести с собой подмогу, но теперь было

слишком поздно.

Лиррэ улыбнулась. Её зубы, ровно-белые нитки, словно покрывались кровью вместо вездесущей алой помады, и она подошла поближе.

— Я тебе нравлюсь? — язвительно спросила она, пытаясь протянуть руку и положить её на плечо, хотя Шэйран оттолкнул это ядовитое запястье от себя, стараясь даже не коснуться.

— Честно? — издевательски уточнил Рэй. — Ни капельки.

— Ты предпочитаешь блондинок? — усмехнулась она. — Таких, как... — слова были ядовитыми на её языке, — Мизель? Эта неприступная девица, которая...

— Не такая уж и неприступная. Нет, я предпочитаю смуглых, — холодно ответил Шэйран. — И менее ядовитых. По крайней мере, не заразных.

Она отступила на один шаг. Магия раздражала её, магия разрывала её изнутри — она всё ещё имела власть над определёнными аспектами этой жизни, но уже отнюдь не абсолютную.

Шэйран чувствовал, что она опасна, хотя вроде бы причин и не было. И всё ещё опасно косился на Лээн, что стоял там, на краю оврага, и будто бы старательно пытался рухнуть туда, вниз.

— Ах, мой мальчик... Знал бы ты, насколько, — она осклабилась, — тебе хотелось отыскать меня и мою помощь в этом гнусном мире... Ты мне мешаешь. Будь ты просто придворным магом...

Рэй отвернулся. Ядовитая змея, а совсем рядом на флейте играет Рри. Вот тот, кого надо бы столкнуть в пропасть вместе с безумной ведьмой.

— Лээн, — окликнул он друга, — отойди отсюда, будь добр.

— Ты — принц? — вместо того, чтобы послушаться, поинтересовался художник. — Ты — принц? Как интересно... Я не знал, а мы вроде бы как дружили...

Шэйран мотнул головой. Лээн мог разве что выдёргивать фразы из контекста. Он был относительно здоров, потому что ведьма не соблазнила его до конца, не сумела заставить к себе прикасаться, но рано или поздно он всё равно сдастся. И всё это должно привести к кошмарному результату.

Лээн сделал несколько шагов в его сторону. Фарни не был кошмарно бледен, вот только что-то в нём всё равно казалось не таким, словно он выгорел изнутри.

Шэйран бросил взгляд на траву. Короткий росток превратился в могучее растение, оплетающее запястья и щиколотки — чтобы Лээн не посмел спрыгнуть туда, в овраг. Не слишком высоко, но пострадать можно.

Фарни смотрел на него так, словно увидел впервые в жизни. Узрел в друге предателя, а теперь старательно пытался от этого ощущения избавиться, отмыться.

Шэйрану хотелось отвернуться и больше никогда не смотреть в его сторону, чтобы ему стало хоть немножечко легче. Хотя бы чуть-чуть.

— Ну, — продолжила Лиррэ, — я так понимаю, наши позиции уже понятны? Так вот, мне нужна власть. Как можно больше, как можно скорее... — она зажмурилась. — Сейчас.

— А больше тебе ничего не нужно?

— Нужно, — фыркнула девушка. — Но после, мой мальчик.

Мой мальчик.

Он отчаянно пытался её узнать. Они виделись, он слышал эти вкрадчивые нотки, видел магию на пальцах, играющую едва ощутимо, ещё в детстве. Но тогда в её голосе звучало отчаянное тепло, единственное, что давало ему уверенность в завтрашнем дне, а сейчас...

Она растаяла. Превратилась в пустой мыльный пузырь, растворилась в воздухе, да и только. Её не было, но она стояла тут.

Он не мог избавиться от ощущения, что видел тут Даллу. Пусть и стояла только одна надменная девица, Далла Первая, его бабушка, всё равно зависла у неё над плечом, обязательно правым, потому что Далла не любила левую сторону, и... Да что ж это такое?

— Знаешь, — продолжала Лиррэ, — мне так легко его убить... но он мне пока нравится. А ты мне мешаешь. Я буду королевой, ты знал об этом?

— Сомневаюсь. Король Дарнаэл не планирует подавать на развод.

— Короля Дарнаэла мы тоже уберём. Это будет просто, — махнула рукой Лиррэ. Рэй никак не мог решиться использовать против неё волшебство — она внезапно показалась ему такой родной и такой незащищённой, что сила просто-таки не могла сорваться с рук.

Он поступал глупо.

И даже знал об этом.

Вот только справиться со своими порывами всё ещё казалось безумно трудным, невыполнимым заданием, над которым он трудился столько времени, но никак не мог получить достойный результат. Они все заигрались.

Шэйран чувствовал, как назойливая мысль всё ещё стучалась у него в голове. Лиррэ умела околдовывать. И он знал, что может не поддаться.

Как говорил отец?

Это просто женщина. Привлекательная, могущественная, но в ней нет ничего настолько особенного, чтобы ради этого вот так взять и попрощаться с собственной жизнью. Не надо быть глупцом, не надо совершать дурацкие поступки, надо просто остановиться и подумать.

В этом плане его мама была самой сильной из ныне живущих. И он сопротивлялся ей с лёгкостью, выталкивал это глупое влияние из своей головы щелчком пальцев, да и только.

Он пытался увидеть Лиррэ как-то иначе. Представить её отвратительной, кошмарной, отталкивающей, ибо это в основном помогало против попыток сестры.

С мамой было проще.

Он просто вспоминал её крики, её отвратительные заявления о том, что он никогда не будет достоин нормальной жизни, и ненависть приходила сама собой, вытесняя все признаки обожания и прочей ерунды. Ему было не так уж и трудно бороться с мамой, её влияние казалось далёким.

Артефакт.

Шэйран видел его. Солнце отдавало последние лучи перед тем, как спрятаться за горизонтом, и эти лучи стандартно скользили по обыкновенному камушку, отсвечивая от зелёной каймы. Это всего лишь ведьма, что приняла вторую ипостась. Вспомнить первую, и будет просто.

Он с лёгкостью её раскусит.

— Рри не даст тебе власть, — наконец-то равнодушно проронил Шэйран. — Если ты притащила меня сюда, то должна обосновать хотя бы потребность этой встречи.

— Ты спрыгнешь с этого обрыва. Сейчас, — гипнотически улыбнулась Лиррэ. — Я хочу этого. Давай. Порадуй меня, пожалуйста...

Но Шэйран только отрицательно покачал головой. Он не мог узнать её, но мог с уверенностью заявить, что сражался и победил. Что не стал поддаваться на первое попавшееся заклинание для особо слабых, потому что оно того уж явно не стоило.

Он не настолько слаб, чтобы взять и склонить голову в притворно покорном кивке,

чтобы сдать ей на милость — он не настолько слаб...

— Ты должен подчиниться, — упрямо заявила она. — Таковы правила. Мужчины всегда подчиняются. Мне нужна власть.

— Рри тебя окрутит, а после сам столкнёт с этого обрыва, — отмахнулся Шэйран. — Я не стану творить глупости. Не надо уговаривать. Я не прыгну.

— Ты... — начала она, а после запнулась. — На тебя не действует! На тебя не действует эта магия!

— Это всё мама, — пожал плечами Шэйран. — Я научился бороться. Ты не сможешь выиграть. Лучше просто поясни, зачем тебе власть... такими способами. Ты же знаешь, что Рри ни за что не позволит тебе править.

Зелень подбиралась к ней, вот только что-то не позволяло Шэйрану спустить магию с крючка. Она вновь заставила Фарни избавиться от его пут и подойти к обрыву.

Она собиралась заставить его сделать это.

— Ты всё равно не выйдешь победителем, — протянула она. — Это невозможно. Ты проиграешь так просто, так легко, так... Так глупо, честно. Шэйран, будь хорошим мальчиком.

“Шэйран, будь хорошим мальчиком. Ешь кашу”.

Дурацкие иллюзии. Тут нет его бабушки.

Но... Вдруг? Вдруг это она, просто немного сумасшедшая? Вдруг Далла Первая просто немного запуталась, ей нужна его помощь, и она вот так играет?

Он просто ребёнок. Просто шестилетний мальчика, к которому приходит его горячо любимая бабушка. Она читает ему сказку на ночь — не так, как мама. И когда ему исполняется восемь, она тоже приходит.

Она говорит ему, что надо отправляться в Вархву. Надо развивать свой талант, никого не слушать, и тогда он будет счастлив. От того, что он ей верит, потом и появляется Шэйран Тьеррон, живой, а не сломленный и брошенный родной матерью на середине дороги.

Она — хорошая. А это просто её вторая ипостась, которая почему-то поддалась на уговоры Рри и решила получить власть, оказалась загипнотизированной.

Она никогда не сделает ничего плохого — ни Лээну, ни...

Мысль не успевает закончиться.

— Сдавайся, — прошептала Лиррэ.

Солнце стремительно заходит за линию горизонта. Трава отливала бурым цветом — он только сейчас заметил, как глупо тени ложились на лицо Лээна.

Наверное, Фарни хотел бы нарисовать это. Лес за спиной ощерился рядами своих копий. Волшебник заставляет травы колоситься и подниматься всё выше и выше, чтобы после зашипеть сплошным потоком и ринуться на спасение — кого-либо. Что угодно, всё, что он пожелает. Ведьма, красивая и кошмарная одновременно, кусающая неестественно алые губы, такая стройная, тонкая, но такая сильная.

И ещё — пленник на краю обрыва, раскинувший руки, стоящий спиной к зияющей пропасти. Тут не так уж и высоко, тут всего метров пять, есть дорожка.

Если б Шэйран заметил её раньше, то он бы вмешался и заставил Лээна спуститься, а не просто отходить подальше от края. Нет, это всё равно не поможет.

— Нет, — холодно отозвался Шэйран. — Я не собираюсь отдавать тебе что-либо просто потому, что тебе так хочется. И отречься тоже.

— Мне не нужно отречение, — хмыкнула она. — Всё зависит от того, как ты умрёшь.



Это может быть больно или не очень, мой мальчик.

— Я не сдаюсь, — сухо ответил Рэй.

Его бабушка? Может быть, она просто играет. Она там, в Лиррэ, спряталась, укрылась в её чертах лица. Она присутствует тут, она сильна, но не может выбраться на свободу. Надо просто ей помочь.

Рэй ни за что не отвернулся бы от неё, но за спиной послышался вскрик. Кто-то бежал — кони громко били копытами о землю, стремясь сюда.

Он обернулся — удивительно, но что тут забыли Сэя и Мон? Это только его дело, а если девушкам так уж хочется вмешаться, то пусть они...

Он зря обернулся.

И понял это тогда, когда бросил короткий взгляд на Лиррэ.

В этом чудовище, разумеется, не было ничего родного, он зря придумал себе что-то в этом роде и выстроил отменную иллюзию.

Она вскинула руку. Луч должен был бы ударить в грудь Рэя, но Сэя отреагировала первой. Её щит был воистину силён, и магия отлетела от него рикошетом, ударившись в Лээна и расплескавшись по его телу сплошным потоком. Тот сделал шаг назад с той мученической улыбкой, с которой приходил обычно на занятия, пошатнулся — и упал, Рэй даже не успел ничего сделать.

Зелень беспомощно побежала за ним, пытаясь остановить, но это было бессмысленной тратой Силы. Лиррэ умудрилась убить его — почему-то Рэй был уверен в том, что спасти Фарни уже не получится.

Обманутый, бедный друг.

И нет ничего хорошего в этой отвратительной ведьме.

Она рассмеялась.

— Она всё мне открыла! — вскрикнула она надрывно, будто бы в голосе и без того не доставало истерии. — Она всё мне показала! Теперь я могу пользоваться всем, что у неё есть!

Рэй даже не спросил, о ком шла речь. Потому что это попросту не имело никакого значения — какая разница, во имя Богини, кого поминает Лиррэ? Путь хоть всю его родню.

Он едва успел вскинуть руки, чтобы заблокировать удар. Словно не заметил засверкавший вокруг щит — то, как она старательно пыталась сменить позиции, чтобы и его тоже попросту столкнуть.

Рэй мог сказать, что это не поможет, но в эту кошмарную ночь, что так поспешно надвигалась на мир, он уже ничего не мог утверждать.

Взгляд поймал тень Луны — зыбкую и ненастоящую. Ещё не было звёзд, небо не почернело, и глаза Лиррэ до сих пор казались единственным осколком ночи в этом закате. И она так хотела отойти от пропасти, у которой стояла, чтобы он упал туда беспрепятственно — как только действительно проиграет.

Она — враг? В мыслях появлялись опровергающие это иллюзии, и глупое короткое обращение “мой мальчик” только окончательно убивало всю его уверенность в том, что делает. Разумеется, Шэйран боролся со стаей мыслей в голове, разумеется, пытался сражаться и с нею самой, но его сил отчего-то хватало только на щит перед собой, а её — на подобие заслонки между Рэем и ведьмами, чтобы не встать в сражение “трое против одного”. Наверное, так было бы выгоднее, и победить её легче, но принц так и не справился с главной дилеммой этого вечера, не говоря уж о том, чтобы просить чью-то помощь. И не

знал, может ли он сам справиться с чудовищем, отобравшим у него друга, если не будет позиционировать её как таковое.

Лиррэ казалась такой... Родной. конечно же, это чистой воды безумие — считать непонятную, незнакомую ведьму хорошим существом. И, естественно, Рэй вполне ярко осознавал, что до добра его позиция не доведёт уж точно. Но всё равно — даже поверить в себя было слишком трудным для него испытанием, по крайней мере, сейчас, что уж говорить о том, чтобы сражаться?

Он оглянулся. Молочно-белая, наполовину прозрачная стена всё ещё была воздвигнута между ним и двумя ведьмами. Лиррэ стояла уже почти рядом, но он не мог заставить себя сфокусировать на ней взгляд, не получалось почему-то даже сосредоточиться.

Парень мотнул головой. Всё плыло, расцветало огромными искусственными цветами там, где-то далеко, в небесах. Он обернулся. Разрушить стену или поддержать магический щит? Его резерв не истощается, но надо ещё уметь пользоваться волшебством. А он не умеет и, пожалуй, никогда не научится. Зачем? Зачем тратить свою силу на какую-то ерунду вроде вселенской справедливости, но...

Он оглянулся. Снять щит и разрушить стену или попытаться защититься от Лиррэ? Первое или второе? Если на его стороне будут Сэя и Мон, вряд ли ведьма вообще сможет выстоять, но подписать ей смертельный приговор просто потому, что девушку обманул Рри? Так он многих окрутил, даже Сэя — она поймёт, — однажды в прошлом была готова отдать всё ради этого человека, пусть и постаралась поскорее избавиться от дурацкой привязанности. Сэя умна, она умеет перерезать нити в жизни, которые могли бы помешать ей получить желанное или победить. Но даже такие, как Тальмрэ, иногда проигрывают, что уж говорить о какой-то глупой девушке, поддавшейся на это обещание власти?

Но что-то не складывалось. Общая картина оказывалась ужасно расплывчатой и невероятной, хотелось ухватиться за нить, раскрутить повествование, толкнуть, чтобы всё катилось по наклонной к богине или Первому, но разум цеплялся за какое-то понимание того, что не только обещания Рри виновны в нынешнем состоянии незнакомой, считай, девушки.

Он её, дурак, жалел.

...А там, внизу, распластавшись на камнях, валялся тот, кому, должно быть, полагается назваться гением в будущем. Какие картины рисовал Лээн! О, это надо было видеть. Сочные цвета, живые люди на живых портретах, тепло зимы и холод летней ночи. И никакой гениальности не хватило для того, чтобы удержаться; заклинание, рикошетом отбившееся от ладоней Лиррэ, ударило его в грудь... случайно? Просто так, потому что луч шёл под таким углом? Если б сейчас Шэйран был чуточку наивнее, он бы поверил и в эту сказку, но достаточно. И так слишком много веры, что перерастает в глупость. И не стоит притворяться, что всё это на самом деле хорошо; потому что ничего хорошего ждать не стоит.

Потому что заклинание не просто срикошетило от её рук. Нет, оно вполне целенаправленно попало в Лээна, и оправдания тут быть не может. А Рэй — просто дурак, который сначала позволил детским воспоминаниям сыграть с собой злую шутку.

В её руках клокотала магия. Удивительно, ему, впрочем, было легко пополнять резерв, но... Откуда у неё эта сила, чистая, но не руководящаяся нормальными, систематическими знаниями? То, что она всё кричала о том, что ей отдали — всё бред. Шэйран чувствовал, что добраться до действительно важной частицы памяти не удавалось, она словно сталкивалась

с какой-то стеной, как сталкивались с нею нынче Моника и Сэя.

А там, во дворце, умирал Антонио. Ему времени максимум до утра, и то если проклятье действовало так, как они думали. А если быстрее? Возможно, вскоре процесс станет необратимым, и он, дурак, только теряет драгоценное время, старательно пытаюсь оправдать незнакомку, назвавшую его по чистому совпадению так, как когда-то называла бабушка.

Шар, преисполненный Силы, сорвался с её рук и с громким треском надвигался на Шэйрана. Рэй понимал, что если он ещё несколько минут просто постоит, то спастись будет некому, и ни один резерв не поможет против того, что тут происходило.

Он не ослабил свой щит — попросту отключил её и воспользовался самым элементарным способом сбежать от ненаправленного заклинания — рухнул на траву, чувствуя, как та заколосилась под пальцами, руководимая его собственной растроченной зазря энергией.

Громкий треск свидетельствовал о том, что идея оказалась удачной. Грань между ведьмами и Лиррэ пошатнулась.

— Мой мальчик, — весело хихикнула девушка, — неужели ты до сих пор меня не узнал? Ты хочешь нарушать правила и атаковать свою милую бабушку? Но ведь это по меньшей мере бесчестно с твоей стороны, мой дорогой.

— Моя бабушка, — Шэйран вновь бросил взгляд на колосившиеся травы за её спиной, — находится в Кррэа, и не надо манипулировать её именем.

В конце концов, почему она к нему прицепилась? Ей нужен трон. Ей надо убить всех наследников престола, просто Рэй после ухода Дарнаэла был обозначен как самое опасное явление в этом дворце. Конечно, потому что магу защитить себя куда легче. И, да, Рри просто воспользовался этой девицей, чтобы получить желанное, но это ни на мгновение не означало, что она — добрая, хорошая и просто немного запутавшаяся девушка. Скорее наоборот. Раз уж она поддалась, то ничего хорошего, положительного и привлекательного в этом образе искать не стоило. Она кошмарна и отвратительна — а он наивный дурак.

Ветвь потянулась к Лиррэ, но она, не обернувшись даже, прищёлкнула пальцами, превращая в пепел то, что нависало над головой. Вряд ли у магички был такой огромный запас силы — скорее, как показалось Шэйрану, она использовала её абсолютно бездумно.

Треск повторился. Рэй заставил себя встать — потому что новых нападений пока что не было, Лиррэ словно копила силы на то, чтобы совершить очередное злодеяние, а присутствие Мон и Сэи вдруг показалось ему абсолютно лишним. Зачем было сюда мчаться? Прямо-таки, настолько сильная ведьма, что он не сможет ничего с нею сделать?

— Ты только посмотри, как твои дамы старательно пытаются тебя отсюда вытащить, — хихикнула Лиррэ. Она вытянула руку, и на ней вспыхнуло разрядом пламя, что клубком старательно распутывалось, пытаюсь расползтись вокруг. Оно сминало траву, жевало её, выжигало все соки, которые только могло найти, переваривало и превращало в ссохшиеся листья. Пламя лилось с её руки безостановочно, тонкой пеленой окутывая то, что могло бы помочь Шэйрану в сражении.

Он внезапно понял, что учиться всё-таки следовало. Наличие силы, ещё и не развитой до конца, ещё ничего хорошего не означало — вот если б он заставил-таки себя запомнить несколько заклинаний, мог бы воспользоваться ими теперь, и тогда, пожалуй, Лиррэ отступила бы. А сейчас наполовину обезумевшая, жаждущая власти ведьма старательно, метр за метром, выжигала всё вокруг. И ничто не могло её остановить.

Шэйран сумел оградить от огня себя, вот только растениям это отнюдь не помогло.

Даже те два волшебных пульсара, что он в неё швырнул, не особо-то и помогали. Она оказалась ловкой, вьюнкой, как та змея, и — удивительное дело! — каким-то образом отскакивала каждый раз в сторону, а он не мог пробудить мёртвые травы.

Она хотела победить, конечно же, но предпочитала играть против правил — со смертью или без неё, это не имело значения. И от убийств — своих или чужих, — она, казалось, получала самое настоящее удовольствие. Шэйран от этого испытывал разве что отвращение, но проронить ни единого слова не успел — это не имело особого значения, то, что он думал. Просто тянуть было нельзя.

По магическому щиту тонким слоем разлилась магия — золотистая, почему-то вызывая ассоциацию с богами. Колдовала Сэя — это Рэй мог почувствовать и безо всяких визуальных образов, у Моники магия совсем иного цвета, по крайней мере, в основном.

— Почему бы, — хихикнула Лиррэ, — не умереть просто так? Неужели тебе трудно это сделать, а, парень?

Он ничего не ответил, посылая в неё на сей раз долгосрочное заклинание. Впрочем, от того, что поток Силы был непрерывным, она не стала менее вёрткой, эта отвратительная ведьма — будто бы взлетела, стараясь увернуться от волшебства, вновь громко рассмеялась и весело ему подмигнула, не позволяя магии коснуться даже её платья.

На груди красовался артефакт. Теперь Шэйран видел его отчётливо — как нельзя лучше. А ещё понимал, что она отскочит, если не обеспечить хотя бы несколько ограничительных факторов.

Преграда разлетелась с громким треском, словно взрыв произошёл изнутри. Сила вспыхнула ярким потоком и затихла — золото докатилось только до ног Шэйрана, встретив какую-то невидимую стену, но вопросы теории магии молодого волшебника волновали мало.

— Рэй! — Сэя выглядела довольно сердитой. — Марш отсюда. Я справлюсь сама!

— И именно потому, — он даже не думал о том, что отвлекается, — ты прихватила с собой мою бывшую сокурсницу? Не многовато ли на одну ведьму.

— Шэйран! — возмутилась королева, бросая на Лиррэ подозрительный взгляд. — Немедленно убирайся отсюда. Моника откроет тебе портал. Я, в конце концов, в ответе за то, чтобы ты был жив и здоров!

Рэй только едва заметно отрицательно мотнул головой. Рассеянность едва не стоила ему жизни — он отпрыгнул в сторону в последний момент, и вспышка достигла земли, разорвавшись на мелкие кусочки под ногами у Тальмрэ.

Сэя отшатнулась. Моника держалась чуть дальше, её вряд ли задело, и волшебная вспышка двинулась в сторону Лиррэ.

Рэю почему-то хотелось, чтобы они ушли. Казалось бы, и причин для этого бездумного упрямства не существовало, а всё равно ведь хотелось — доказать, что он сильнее, чем им думается. Продемонстрировать, что у его лени не такие уж и серьёзные последствия, как можно было бы подумать, посмотрев на происходящее со стороны. Морально, пожалуй, так действовать было куда легче — в одиночку. Чтобы потом винить в своей смерти только себя. Так правильнее.

— Убирайтесь отсюда!

Лиррэ на заднем плане громко рассмеялась. Её будто бы веселили эти бессмысленные разборки, она видела в них что-то привлекательное для себя самой, только Шэйран толком не мог понять, что такого смешного в отчаянном желании её победить.

— Да-а-амы, — причудливо поклонилась она. — Я так рада, что вы тут! Ваше Величество...

Она вскинула руку.

— Она мне всё открыла! — вскрикнула Лиррэ. — И это не так уж и трудно, вас... Вас уничтожить! Всего парочка заклинаний.

— Богиня? — растерянно переспросила Моника.

— Зачем Богиня? — фыркнула ведьма. — Она!

Шэйран не стал больше ждать — безумные беседы следует оставить особо фанатичным магам, что стремятся узнать побольше о Богине или ком-то в этом роде. Рэю было глубоко наплевать на то, существует ли Эрри на самом деле, вечен ли Дарнаэл Первый — дело было в пропаже второго, ненормальной напротив него и мёртвом Лээне там, внизу. О Лээне, что ни в чём не виновен, кроме, разумеется, собственного существования.

А ещё — умирающий Антонио.

...На сей раз ей не удалось увернуться. Поток ударил пусть не в грудь, но в руку, прочно приковав её к магической нити. Сила переливалась в Лиррэ тонкой, но довольно сильной струёй, неожиданно, как для такой, как она. Это заклинание требовалось распространить по всему телу, но, увы, у Шэйрана просто не хватало на него сил — чтобы сработало именно так, как он задумал. Волшебство — ведь довольно могущественная, но справиться с ним было неимоверно сложно.

Оно действовало. Сорваться с нити Лиррэ не могла, и заклинание проникало в её жилы, постепенно, понемногу. Моника за спиной что-то пробормотала, и в голосе чувствовалось плохо скрываемое уважение — у неё самой это заклинание толком никогда не получалось.

Шэйран и сам не мог сдержать самодовольную улыбку. У него никогда прежде не получалось, не выходило наколдовать нечто в этом роде, а сегодня — так, словно по мановению руки. Нить не ослабевала — Лиррэ сначала смотрела на него с презрением, ведь заклинание довольно сложное, его резерва не должно хватить и на пару минут. Но он пополнялся довольно быстро, и Шэйран знал — минут пять-шесть надо для того, чтобы убить ведьму средней силы.

Даже если Лиррэ очень могущественна, она не Эрри. Имена созвучны, конечно же, но никогда Эрри не натянула бы на себя личину безумной волшебницы.

Она не Богиня. Она не сможет сопротивляться заклинанию больше, чем полчаса, пока оно не выжжет её хотя бы на треть. А после песенка Лиррэ спета — увы, но дольше сопротивляться никому, очевидно, не суждено. Шэйран почти что испытывал удовольствие от странного, глупого зрелища, чувствуя, как его магия медленно текла по пальцам.

Это походило на невидимую линию связи, которую он прочертил магическим пером в воздухе. Сильную линию, опасную, но в тот же момент способную на слишком большую отдачу. Увы, но такие заклинания очень опасны, можно выпить себя самого и не заметить.

А он всё ещё слаб и глуп. Он и заклинание-то вытащил из памяти с трудом, а воспользоваться им смог благодаря тому, что волшебство и судьба к нему благосклонны. Но ведь кто-то должен справиться с безумной ведьмой, разве нет?

— Рэй!

Восклицание со стороны не заставило его обернуться и открыть глаза. Он и на нить силы-то смотреть не мог, потому и зажмурился, старательно пытаясь представить, что происходит.

Это было почти мезью. Конечно же, Лиррэ не отобрала у него самое главное, но она

посмела покуситься на очень многое. И проблема была даже не в обращении и, разумеется, не в Рри, всё это можно с лёгкостью простить, замять ситуацию, забыть о том, что она однажды промолвила. Нет. Беда в другом — в том, что она так старательно пыталась подтвердить стереотипы Эрроки и так мечтала о власти, что заигралась. получить статус королевы можно было куда проще, Сэя тому яркое подтверждение. А Лиррэ...

Даже если она слишком сильна, даже если она уничтожит каждого на своём пути, рано или поздно сопротивление окажется слишком сильно.

И Шэйран не понимал, почему ему так хотелось отомстить. За Лээна, Антонио? Ведь Фарни было лишь чуть больше, чем двадцать, и он мог найти себе хорошую девушку, жениться, завести детей, передать осколки магического дара — и свои гениальные картины, которые он ещё не успел создать, вместе с талантом. Антонио ещё можно было спасти, Антонио — ходячая ошибка Богини или тех, кто служат ей. А Лээн? Почему его втянули в эту игру, только потому, что ему не повезло с друзьями?

А Карра ведь ещё жив. Фарни — там, на дне, раскинув, наверное, руки, возможно, превратившийся в кашу, а может, ещё совсем целый. Это тоже не так и важно — главное то, что виной всему постоянные ведьминские игры, желание получить власть, убить кого-то ради того, чтобы получить то, о чём мечтаешь.

Как ему всё это надоело...

Кошунственным казалось уже то, что Сэя и Моника пытаются помочь. Это не их дело. Только его.

— Рэй! — это говорила Лэгаррэ, вскрикнула — довольно громко, только Шэйран не мог понять, почему. У него всё получится — пусть он и тонет в своих мыслях, но ведь не прерывает волшебную нить.

...Глаза он раскрыл только в последнее мгновение, тогда, когда было уже слишком поздно.

Лиррэ, конечно, пострадала. Её рука обгорела, и смертельное заклинание постепенно продвигалось выше и выше, устремилось к глазам, к кончикам пальцев — но это только левая сторона. А правая была совсем здоровой, и...

Ведьма склонилась над землёй. Кончики её пальцев касались поверхности выжженного грунта, словно девушка старательно впитывала в себя потоки внутренней силы. И из-под ладони выползло огромное чёрное облако.

Шэйран понимал — если причинить ей сейчас вред, по линии силы в него пойдёт вся отдача. И, вероятно, Сэя и Мон не уверены в том, что он способен с этим справиться.

Он знал это проклятье. Оно клубилось вокруг Лиррэ тучами, стелилось по радиусу и было неуправляемым — куда заклинатель, туда и оно. Просто из своих прикосновений, поцелуев, совместных ночей, которые она ещё ни с кем не провела, девушка выдернула ядовитую часть, и теперь та стелилась потоком по земле. Клубы дыма, чёрного, как и ночь, сгущающаяся над пропастью, способного уничтожить моментально.

Что ж, в этом был один плюс — из Антонио проклятье определённо вышло.

Иначе его не было бы столько.

Шэйран понимал, что оно куда быстрее его силы. Будь у него чуть больше резерв, он смог бы расширить поток и выжечь Лиррэ за несколько секунд. Но это под силу Высшему, что вложил бы слишком много магии в одну вспышку, а после постепенно восстанавливал бы запас. А Рэй не мог. Потому что он ничего не сделал, даже когда узнал о том, что у него есть дар, и теперь силы уходили от него на пределе — с такой же скоростью, как и

восстанавливались. И он не имел права остановиться.

А ещё он не знал контрзаклинания. Не помнил ни единого щита, что мог бы остановить это надвигающееся облако, даже немного его заморозить.

Он не просто слаб. Он глуп — настолько, насколько это в принципе реально в его случае.

Рэй сжал ладонь в кулак, обрывая линию. Сейчас даже бежать не вариант — его словно приклеило к месту, может быть, тоже очередным магическим заклинанием.

...И подумать о том, что можно сделать, Рэй тоже не успел. Ведьмы отреагировали прежде, чем Лиррэ успела нанести непоправимый вред — так просто, как он даже не мог себе предположить, но... Ему б на этот удар не хватило бы единичного всплеска силы. Для этого не надо быть Высшим, но он и до четвёртого уровня не дотянет со своим резервом.

Обыкновенные сдвоенные пульсары — от Моники и Сэи. Вспышка, ударившая Лиррэ в грудь и швырнувшая её куда-то в пропасть, вместе с тающими клубами дыма, в которые она попала сама. Конечно, проклятье не навредит автору...

Но она менялась. Казалось, время замедлилось, а то и вовсе остановилось. Шэйран видел, как светлели волосы, и, будто бы находился слишком близко, мог заметить, как медленно нынче выцветали её глаза. Сходила чернота, оставалась в клубах дыма, медленно воплощаясь в абсолютно нормальный, адекватный серый взгляд. Волосы... Белые — скорее даже седые, потерявшие былую золотистую яркость. Покрытая морщинами кожа.

Он смотрел на неё широко распахнутыми глазами — а после коловорот времени внезапно прекратил показ, что-то полыхнуло, и она оказалась уже на дне пропасти, и только маленькое тучки чёрного дыма ещё поднимались к небесам, постепенно разлетаясь по ветру.

— Нет, — прошептал он, жмурясь, словно от этого могло что-то поменяться. — Нет... Такое не могло случиться, не с ней, нет...

— Шэйран, — Моника двинулась к нему уверенным шагом — Сэя бросилась к чему-то другому, он даже не понял, куда она пошла. — Шэйран, пора отсюда уходить. Всё в порядке, после таких падений не выживают. В любом случае, ты должен был рассказать и...

— Отойди от меня, — он оттолкнул её в сторону — девушка, не ожидавшая такой реакции, даже упала на выжженную землю, но Рэя это мало заботило.

Он направлялся вперёд медленным, колеблющимся шагом, словно боялся того, что должен был увидеть... Там. Ему прежде ещё никогда не было до такой степени страшно, но сегодняшней день, очевидно, обещал превратиться в день новых открытий.

Рэй пошатывался. Шаг был нетвёрдым, казалось, нынче парень собирался потерять сознание по пути, но его мало заботили даже клубы ядовитого дыма.

— Куда, дурак?! — возмутилась за спиной Сэя. — Нам пора во дворец, не дури! Ещё надо подготовиться, завтра мы официально огласим...

Он не слышал. Продолжать фразу не было никакой необходимости, и так понятно, что именно она предлагала. Завтра они официально огласят о том, что он — сын Дарнаэла Второго. Единственный — сын единственный, не ребёнок, есть ещё Эрла, но её имя вряд ли раскроют, — и вполне законный наследник. Рангом выше, чем супруга, не родившая Дару ребёнка, личность важнее, чем королевский племянник. Чтобы стране было на кого рассчитывать.

Разумеется, следовало это понимать как уведомление о том, что король не вернётся. Но думать об отце почему-то не хотелось — он попросту не мог. Не сумел поймать мысль за хвост и вытянуть из неё полагающуюся информацию.

Рэй подошёл к краю пропасти. Хотелось заглянуть внутрь, но ничего не было видно.

— Назад! — истошно закричала Сэя.

Под его ногами начиналась та самая тропинка вниз. По ней можно было спуститься на дно пропасти и увидеть два тела — его друга, который пострадал просто так, за то, что не вовремя попался под руки безумной ведьме, и его... кого? Врага? Злодея этой сказки, встречающего стайку героев картинным смехом, сумасшедшую, что теперь будет разве что мелко хихикать, пока в горле клокочет кровь?

— Рэй! — отозвалась Моника, бросилась даже к нему, но он уже успел ступить в остатки растворявшегося в воздухе дыма, не беспокоясь о том, что проклятье ещё может иметь определённую силу. Когда Лиррэ умрёт, всё вернётся. Он будет в порядке. Но это тоже не имело значения.

Пропасть оказалась куда глубже, чем он мог себе представить. Словно магия заставила землю расступиться, и они всё падали и падали вниз, а эта дорожка мирно, то и дело меняя собственное направление и старательно прерываясь, чтобы вверх идти было куда труднее, тянется вниз под огромным углом. Спуститься почти нереально, подняться — ещё труднее, но по ту сторону должна быть ещё одна — или нет. Это не имело значения.

Он видел очертания Лээна, когда уже оказался на дне пропасти. А небо закрывал чёрный дым, и он шагал к его источнику, к молодой — молодой ли? — ведьме.

Хотелось закричать. Убедиться в том, что это не она, и броситься со всех ног как можно дальше. Но он не мог, потому что это всё-таки была она — распласталась, растянулась на земле и смотрела в пустоту своими глазами, такими нежно-серыми, уставшими, до дна испытанными.

Вторая ипостась тянула силы с первой.

— Бабушка... — Шэйран рухнул на колени, пытаясь нашарить пальцами артефакт. Может быть, если его уничтожить, ей станет лучше. Её ещё можно исцелить! Магия способна на всё...

Она не реагировала. Но Рэю не хотелось верить в то, что она мертва — только не она. Это ведь Далла Первая, великая Королева, та, что первой начала возвращать Эрроку к старым правилам... Виновница всех его горестей и радостей в жизни, та, кто придумывал дурацкие законы, та, кто пытался после их опровергнуть — говорил, что он должен бороться.

Да, она постарела. Да, одежда Лиррэ сидела на ней очень странно, словно пыталась лопнуть, хотя бабушка и потеряла в весе.

Но это не имело значения. Разве нет? Она должна жить. Лиррэ или Далла, она должна быть с ним. Когда-то, конечно, придёт время. Но не сейчас.

...Правая рука была цела. Левая практически полностью обгорела. И Рэй, как бы ему ни хотелось думать иначе, был виновен в этом.

Он лихорадочно перебирал в голове все заклинания исцеления, но не мог ничего вспомнить. Магия постепенно перетекала в неё, потому что он так и не убрал руку, но ведь этого было невероятно мало для того, чтобы вернуть человека к жизни.

— Рэй... — прохрипела она, и взгляд стал чуть живее. Он коснулся запястья — обожжённая рука была горячей и... мёртвой. Но бабушка едва заметно шевелила губами, и по её щеке стекала одинокая слеза.

— Я тут, — совсем тихо отозвался он. Это не походило на настоящую смерть, не такую, какой она бывает. Настоящая смерть — это когда человек уже едва может говорить, потому



что он стар и ничего не смыслит, когда она сопровождается отвращением и раздражением от долгой болезни. Настоящая смерть наступает медленно и мучительно, хотя иногда подкрадывается во сне. Когда человек умирает, он ведь становится глух к остальным. Рэю надо было кричать, иначе бабушка попросту его не услышит.

А она слышала.

Это была книжная смерть. Их тех романов, которыми так зачитывался Тэравальд, когда один стоит на коленях, а второй умоляет его жить дальше. Только в книгах это возлюбленные, а тут...

А тут умирает твой последний в мире заклятый враг. Единственный виновник причины всех твоих проблем — твоего рождения. Рождения твоей матери.

Всего, чёрт возьми.

— Хорошо, — Далла отсутствующе как-то улыбнулась. — Хорошо, мой мальчик... Я... — она закашлялась. Казалось, часть лёгких тоже обгорела, и теперь она отчаянно пыталась выпустить всю эту сажу на свободу.

За чернотой, что оставляла лохмотья прожжённой кожи под его пальцами, виднелись покрытые пеплом кости. Шэйран смотрел на её левую руку и будто бы пытался себя проклясть — за то, что сделал.

— Молчи, бабушка, — он наконец-то убрал ладонь, едва заметно коснулся её лба и пытался игнорировать комок в горле. Как там... Как там она говорила?

“Когда-то, мой мальчик, всем мальчишкам говорили, что мужчины не плачут. Потому что слёзы — это признак слабости... Но не все, Шэйран. Слёзы — это ещё и сила отпустить родного человека. Это ключик от замка на твоём сердце. Не имеет значения, кто ты, кем рождён и где. Важно только то, что ты чувствуешь”.

Эрла бы сейчас выразительно шмыгнула носом и отвернулась, но он не был Эрлой. Для неё всегда имело значение что-то другое, и бабушке она тоже была чужой. Она — любимая дочь для матери, её не надо было вытаскивать каждый вечер. А его — надо было. И она умела. Она делала это каждый раз, даже без его просьбы, и... И спасала. У неё единственной это получалось действительно хорошо.

— Сейчас, — он отчаянно пытался вспомнить хоть что-то. — Я сейчас... Магия должна помочь. Несколько исцеляющих заклинаний...

— Шэйран, — она улыбнулась почти ласково. — Не надо. Не стоит.

— Стоит! — выдохнул парень. — Не выдумывай... Кто будет ещё перевоспитывать маму после всего, что она натворила?..

— Нет, — Далла покачала головой. — Я не могу больше. Я задержалась... на этом свете, — она говорила почти связными фразами, почти цельно, так, словно её голос больше не мог дробиться на мелкие оттенки. Уверенно, будто бы не она тут умирала, не она пыталась проститься со своим внуком. — Я... — она запнулась. — Не нужно, Рэй.

Это она придумала сокращение его имени вместо глупого, надоедливого “Эйр” со стороны бабушки Сандрин или кого-то другого. Это она единственная на самом-то деле имела право так его называть.

— Если ты меня исцелишь, — Далла улыбнулась, — она вернётся. А так — я почти ничего не чувствую.

Шэйран знал — это благодаря волшебству. Она говорила не на своих силах, на его — как только он уберёт руку, всё закончится. Как только он уберёт руку с её здорового плеча, она умрёт.

— Не говори так, — упрямо повторил он. — Всё ещё можно изменить. Она — это только плод творения глупого артефакта. А ты ещё можешь...

— Рэй...

Она вновь закашлялась. На сей раз на обесцвеченных смертью губах появились алые капельки крови. Далла слизнула её, словно пыталась скрыть собственную слабость, пыталась его утешить — отходить на тот свет целой и здоровой. Но это вряд ли было реально.

— Я...

— Послушай! — она протянула руку, чтобы схватить его за запястье, но только зря теряла силы. — Ты не должен сдаваться. Ты меня слышишь... — она сжала губы плотно-плотно, будто бы отчаянно пытаясь отрицать то, что говорила прежде. — Борись. Ради меня. Я... Во многом виновата.

— Прекрати, — отмахнулся парень. — Там Моника и дочь Самаранты, они наверняка знают целебные заклятья, и если я их позову...

— Мне надо только пять минут, — прохрипела Далла. Голос её звучал неразборчиво. — Я сама виновата. Во всём, что случилось... — она пыталась подняться, но это не увенчалось успехом. — Ты должен бороться, Шэйран. Ты должен, — её ногти впились в сырую землю на дне пропасти. — Ты должен быть сильным. Они... Многие попытаются сделать. Чтобы тебя остановить. Много кто. Но ты должен победить. Обещай мне, — серые глаза смотрели в пустоту. Она ослепла. — Почему я тебя не вижу... Обещай мне, Рэй, что с того света мне предстоит наблюдать за Высшим, а не за затравленным ребёнком. Что ты научишься...

— Бабушка, почему с того... — он запнулся. — Обещаю. Обещаю.

— Хорошо, — она слабо улыбнулась и закрыла глаза. — Не дай ему...

— Кому?

Она так и не договорила. Губы растянулись в блаженной улыбке, словно впервые в своей жизни Далла Эрроканская увидела что-то хорошее. По её щёкам упрямо катилась слёзы, смывая пепел с лица. Светлые волосы казались нимбом вокруг головы — такие белые, словно они стали настоящим снегом.

— Береги себя, мой мальчик, — она столкнула его руку с плеча в своём последнем усилии, пальцами сжала запястье в последней попытке получить капельку силы, но, как только волосы стали темнеть, будто бы почувствовала это — и ослабила хватку. — Береги се...

Она захлебнулась своими же словами. Глаза так и не вспыхнули чернотой, не стала нормальной, живой истерзанная левая рука. Далла ещё нашла в себе силы схватиться за последнюю, единственную травинку — и вместе с его именем выдохнула из себя жизнь.

Рэю не требовалось подтверждение. Он зажмурился, будто бы пытаясь принять то, что она умирала. Её магия тихонько разливалась невидимым океаном вокруг. Он её чувствовал — он получил это последнее наследие, последний подарок. Единственное, что она смогла оставить себе. Не знания. Не основную магию.

То, в чём и вправду не нуждалась её дочь. То, что у Лиары Эрроканской было и так.

Она умерла.

— Бабушка... — Шэйран сжал обугленную кисть. — Бабушка, а кто ж будет наставлять меня на путь истинный? Бабушка...

Далла не ответила. Она уже никому не ответит — но она смогла умереть собой. Выиграть в последней битве против второй ипостаси. Она смогла уйти так, как хотела бы.

Бороться. Не дать незнанию поглотить его окончательно. Вытянуть из себя всё, что он только сможет — чтобы не было потом стыдно. Чтобы он мог смело смотреть ей в глаза. Даже если её не будет — чтобы выполнил её последнюю волю.

Он больше не имеет никакого права сдаваться. Даже если очень сильно захочется, он должен победить в битвах, в которых не побеждал до сих пор никто.

В обугленной руке она что-то сжимала. Вытащила это в последнее мгновение — Шэйран даже не понимал, когда она успела. Целое, защищённое магией зёрнышко.

Это было последнее, что он мог сделать. Магия полилась в зерно сама по себе — и зелёная волна накрыла Даллу с головой, могильником смыкаясь над её головой. Единственный островок зелени на выжженной равнине. В этой пропасти. Всюду.

Растение распространяло свои побеги с такой скоростью, что спустя минуту уже не можно было даже предположить, что тут кто-то похоронен. А после — расцвели маленькие цветочки, едва заметные сначала на общем фоне, синие, нежные, только он никак не мог вспомнить название. Отчасти беспорядочно, вспыхивали цветением то тут, то там, но это больше не имело никакого значения. Он смотрел на них...

Не испуганно — опустошённо.

— Покойся с миром, — выдохнул Шэйран. — Я всё сделаю.

...Он впервые в своей жизни воспользовался мгновенным перемещением. Но правила осторожности тоже больше не имели значения.

===== Глава сорок третья =====

Анри казалось, что это никогда не закончится. Короля не было, принц куда-то подевался, и они с Кэором дружно остались без работы — но не это было главным. Важнее всё-таки то, что ни Шэйрана, ни Дарнаэла не оказалось рядом, и королева Сэя тоже успешно куда-то запропастилась, а единственным действительно важным во всём дворце заданием оказалось следить за бедным проклятым.

Ближе к ночи ему внезапно стало легче. Сначала Антонио стал дышать ровнее — к тому времени только его отец и не засыпал на стуле, — а после и серость с его кожи внезапно начала сходить. Казалось бы, это следовало считать поводом для радости, но на самом деле больше всего одолевала именно неуверенность. Отчего-то никому не верилось, что подобное счастье могло случиться — что он всё-таки оживёт, а не погибнет тут такой кошмарной смертью.

Анри смотрела на него очень устало, будто бы видела впервые в своей жизни больного человека. Кэор, положив голову на сложенные руки (тумбочка оказалась весьма кстати) мирно дремал.

Кальтэн смотрел на сына с плохо скрываемой надеждой. Он едва-едва заметно улыбался, будто бы собирался затанцевать на месте, если всё будет хорошо, но не мог позволить себе столь ярко выраженную радость в сие мгновение. Он боялся — боялся сглазить, боялся продемонстрировать любовь к собственному сыну. Как много стандартных страхов.

Антонио шевельнулся. Казалось, его бледность отступила окончательно — теперь это была вполне нормальная кожа. На лбу выступали бисеринки пота, пальцы неистово сжимали простыню, но всё это — лишь последствия.

...Он выдохнул воздух — казалось, в воздухе даже запахло горелым, простёрлась самая настоящая завеса чёрного тумана, и Анри содрогнулась, словно ощущала слабость, отодвинулась, наткнулась на Кэора и вновь покраснела.

Пусть у них и так было великое множество неприятностей, девушка смотреть в глаза коллеге спокойно, без смущения, по понятным причинам не могла. Они раз десять, наверное, пытались друг с другом поговорить, но каждый раз это заканчивалось до ужаса неудачно, и хвататься за прошлое — последняя глупость, которую только можно совершить, особенно в их случае.

— Кто... — Антонио захлебнулся кашлем — чернота выходила из него мощными, сильными рывками, словно он отчаянно пытался выпустить на свободу эти комки в собственных лёгких, а после остановилась, замерла — дыма больше не было. — Кто вы...

Фэз немного отшатнулся от собственного сына. Казалось, его не могла испугать проказа, проклятье, что обрушилось на Антонио, но этот вопрос, эта отчаянная попытка не узнать родного отца не просто оскорбила, а даже скорее добила мужчину. Кальтэн грустно отвёл взгляд.

Тэзра, естественно, не говорила Антонио о том, кто его отец. Это для самого капитана Фэза сие было очевидным, а вот для мальчишки, мальчишки, который мог бы и своего родителя когда-то перегнуть, двадцати двух лет отроду, очевидным ответ не был.

— Ты находишься во дворце Дарнаэла Второго Тьеррона, — наконец-то начала Анри. — Ты попал сюда, потому что пострадал от... проклятия. И, очевидно, нашему придворному магу, Шэйрану...

— Рэю? — вопрос прозвучал уже вполне осознанно. Рэя Карра помнил — в конце концов, они учились плечом к плечу восемь лет, так что трудно забыть своего друга. — Да, я... Я просил его помочь...

— Ему это удалось, — Кэор нехотя открыл глаза — складывалось такое впечатление, что больной маг его раздражал просто до дрожи в руках. Что-то в Антонио чувствовалось то ли противоестественное, то ли угрожающее, хотя Анри была готова поспорить, что этот холодный, оценивающий взгляд — лишь реакция на сообщение о том, что парень являлся сыном Тэзры. Будь он кем-то другим, то и ответ оказался бы не столь уж жестоким, холодным и равнодушным, наверное. Впрочем, утверждать Сандриэтта не могла, сейчас как-то не до того.

— Да... — Антонио зажмурился.

— Я и Кэор — королевские стражники, — вновь вмешалась Анри, словно молчание для неё было свидетельством какого-то прогрешения. — А это — Кальтэн Фэз, начальник королевской стражи и...

— Твой отец, — сухо, безо всякого сожаления отрезал Кэор, словно в этой стране уже не предусматривалось нормальное обращение с больными.

Карра казался испуганным. Он удивлённо смотрел то на королевского племянника, то на Кальтэна, то на Анри, словно что она, что Кэор могли быть претендентами на роль его отца. То, что Фэз единственный подходил по возрасту, его явно волновало меньше всего на свете, но разве что-то до такой степени мелкое маги вообще в расчёт берут?

Впрочем, Анри видела только хороших магов в своей жизни. Не в том плане, что добрых и пытающихся нести свет в массы — даже Шэйрана таковым назвать не можно, он скорее вздорный мальчишка, как и остальные парни в его возрасте. Словно сама Сандра ушла намного дальше — ведь она младше его на полтора года, в конце концов, чего было удивляться, когда Дарнаэл Второй смотрел на неё, как на ребёнка, на ровесницу своей дочери?

Но она видела сильных магов. Магов, что знали, что делать в том или ином случае,

умели бороться и, так или иначе, совершенно спокойно реагировали на вмешательство со стороны. Это всё имело определённое значение — это всё было важным, несомненно. Для магов всё считалось весомым, если это вообще входило в их компетенцию, разумеется.

Антонио был не таким. В нём не чувствовалось уверенности, вообще ничего — словно он оказался банальной выжимкой всего слабого, что есть в волшебниках.

И Анри справедливо подозревала, что он едва-едва выдавит из себя несколько искорок, даже если у него будет очень сильное желание.

— Этого не может быть, — наконец-то запротестовал он. — У меня не может быть отца. Ведь мама сказала, что Богиня...

— Твоя мать просто... — Кальтэн помрачнел, будто бы пытаясь слиться со стеной. — Просто немного преувеличила. Да, это происходило с Её благословения, но... — какое там благословение! Тэзра и так тогда казалась ему нимфой, самым прекрасным существом на свете, но Фэзу хватило бы благородства даже не подойти к ней, а после всё забылось бы, стёрлось.

Но тогда он не был человеком. Тогда Кальтэн ощущал себя самым настоящим глупым животным, зверем, что увидел женщину и не смог отступить. Она была прелестнее всего на свете, и Фэз мог вспомнить только пьяные губы, светлые волосы и пощёчину с утра, когда Тэзра наконец-то проснулась.

Но Антонио был его сыном. Они ведь даже похожи — мальчишка ничего не получил от собственной матери, только сплошное презрение, в этом Кальтэн не сомневался. Он раз двадцать спрашивал Дара о своём сыне, но ни разу ответ не был вразумительным. Потому что король, разумеется, куда больше думал о своём собственном ребёнке, у него с Шэйраном проблем хватало с головой, да и Кальтэн должен был помнить, что Тэзра редко делилась такой информацией. Но теперь, когда сын оказался рядом, Фэз не понимал — как он мог ничего не знать, как он мог просто не почувствовать, что находится около отца, а не чужого мужчины, отвечающего за безопасность в этом королевстве.

— Моя мама говорила, что я — дар Богини, — упрямо мотнул головой Антонио.

Кэор закатил глаза. Этот жест у него был точно от Дарнаэла — особенно Дар гримасничал вот так в те прелестные мгновения, когда Фэз устраивал очередную лекцию на тему “надо думать о собственной безопасности, Дар, нельзя так запускать себя, Дар, вспомни о королевстве, Дар”.

— Все мы — дар богини или Первого, кто в кого верит, — раздражённо отозвался стражник. — Это не имеет значения. Непорочное зачатие в этом мире ещё не придумали, так что не дури. Он — твой отец.

Антонио попытался сесть. Казалось, вопрос детей и родителей нынче не должен был волновать его вообще, по крайней мере, по той простой и понятной причине, что Карра едва-едва пришёл в себя.

Показалась девушка в белом — очевидно, одна из врачей или медицинского персонала. Она оставила на тумбочке, которую минуту назад в качестве подушки использовал Кэор, графин с водой и стакан.

— Господин маг, — промолвила она, даже не посмотрев на Антонио, — говорил, что во избежание неприятных последствий первые сутки после проклятия надо очень много пить. Это вам на два часа. Если надо будет в уборную, думаю, вас проводят.

Слова казались резкими и сухими. Почему-то за это Кальтэн наградил её мрачным взглядом, но, казалось, девушка не особо-то смутилась и от этого думать о пациенте больше

не стала. Она только в притворно уважительном кивке склонила голову, а после поспешила к выходу из комнаты, потому что было ещё множество пациентов и в других отделениях больницы, а уделять время только одному она, само собой, не имела совершенно никакого права.

Антонио выглядел предельно грустным. Он проводил девушку внимательным взглядом, а после посмотрел на Кальтэна.

— Значит, мама врала, — прошептал он, — о том, что это вообще возможно, о том, что она не понимает... — парень запнулся. — Да. Отец. Спасибо. Я... Я пойду, — он поднялся было, и Кальтэн не посмел возразить, одним махом превратившись из властного капитана стражи в прослезившегося родителя, но Анри не собиралась допускать подобный произвол.

— Сидеть! — зло рявкнула она. — Куда направляемся, уважаемый? А кто будет пить воду из графина?

— Сандриэтта, — укоризненно промолвил Фэз, — не стоит так резко. Если молодой человек желает куда-то пойти, то...

— Из-за этого молодого человека Первый знает куда запропастился Его Высочество, а Её Величество умчалась следом, прихватив второго придворного мага. А третий словно сквозь землю провалился, и мы найти его тоже не можем, — Сандра выглядела до ужаса возмущённой. — И вы будете просить меня о том, чтобы я вела себя спокойнее? Нет уж, если его спасают от проклятия, то пусть он старательно выполняет все предписания.

Антонио воззрился на неё таким взглядом, словно впервые заметил, что тут присутствует трое. Анри приказным тоном напомнила ему неожиданно о родной матери — слишком властной женщине. Впрочем, Карра предпочитал властных именно по этой причине, и избавиться от дикого фанатизма по отношению к Эрроке тоже не мог, хотя ему и хотелось этого очень, очень сильно.

— Давай, — повторила Анри. — Давай, возвращаемся в лежачее положение и начинаем пить воду. И немедленно!

Антонио безвольно потянулся за графином. Руки его мелко дрожали, но девушка даже не шевельнулась для того, чтобы ему помочь. А Кальтэну было дальше всего — наклоняться через парня, что и так косился на него с опаской, было бы пределом глупости, даже если в целях помощи.

Карра сделал несколько глотков и едва ли не поперхнулся. Вода была самая обыкновенная, но всё равно отчасти неправильная, хотя пояснить, что именно в ней не так, парень и не смог бы.

— Отец, — вновь ошалело повторил он, словно впервые за всю свою не слишком долгую жизнь вообще услышал это слово.

— Именно, — слабо как-то кивнул Кальтэн. Он выглядел испуганно-потерянным, будто бы впервые в жизни вообще увидел хоть кого-то из своих родственников. — Просто так вышло, что твоя мать была против моего вмешательства, потому мы никогда...

Антонио прервал его коротким жестом. Мать всегда была против, что бы хорошее ни пыталось с ним случиться, и для этого не следовало мямлить и оправдываться. Почему-то Карра упрямо отказывался считать грехом мужскую слабость.

Это для Шэйрана просто переступить через границы. Даже не потому, что он принц, что Лиара воспитывала его всё-таки чуточку иначе, а потому, что ему было к кому обратиться. Если б Рэй захотел, он мог бы броситься к папе, и тот — уж поверьте! — снял бы ради Шэйрана и звезду, и луну с неба, и завоевал бы всю планету.

И теперь Антонио было обидно. Потому что королева Лиара — влиятельнее, чем его мать. И она позволила отцу принимать участие в воспитании своего сына, потому что Дарнаэл Второй ни за что не отступился бы, не сошёл с дороги.

А вот этот мужчина, что называл себя его отцом, отступился. Сдался. Какая ж это Эльвента? Эррока, да и точка.

Карра хотел что-то ещё сказать, но ему помешали. Даже в состоянии болезни он знал, что когда непонятные мужчины явно эльфийской внешности заходят в помещение, то следует закрыть рот на замок и не вмешиваться.

Конечно же, ему было интересно. Потому что Антонио за всю свою жизнь ни разу не встречал живого эльфа, а острые уши этого парня, лет двадцати отроду, пожалуй, явно свидетельствовали о том, что он относился именно к этой расе.

Странно всё как-то в этой стране. Даже Лиррэ казалась роднее и спокойнее, чем всё то, что происходило тут, вот только Антонио свои сомнения высказать ну никак не мог — не появилось ещё такой возможности выразиться в этом государстве.

— Вечер добрый, — холодно кивнул незнакомый эльф. — Кэор, ты тут единственный из королевских наследников, значит, это тебе.

— От кого? — стражник поднял на Тэравальда удивлённый взгляд. — Разве мне кто-то может писать письма? И королевским наследникам вообще?

— Может, может. Но Сэя куда-то отбыла, Шэйрана и вовсе в столице нет, понятия не имею, куда он запропастился, — библиотекарь пожал плечами. — Мне придётся отправляться его искать, завтра утром в дорогу. Но, так или иначе, читай ты. Это о судьбе короля.

— Ты вскрыл! — обвиняюще заявила Анри, посмотрев на парня так, словно тот был самым настоящим сумасшедшим и только что нарушил самое главное правило в жизни.

— Да, у меня не было выбора, — Тэравальд коротко кивнул и быстрым, рваным шагом направился к выходу. — Библиотека закрыта... Но это вас вряд ли будет волновать, вы ж туда не ходите.

Кэор обязан был возмутиться — обычно, в отличие от Кальтэна, что не интересовался книгами и заходил в их царство разве что в качестве королевской стражи, чтобы Дарнаэла никуда не занесло, и Анри, что ещё и не успела заинтересоваться местными книгами, племянник короля навещал сие место раза три на неделю. Но после как-то всё стёрлось, а после заключения в подвалах ему и вовсе не хотелось участвовать ни в чём подобном.

Вот только он не открыл рта — потому что уже открыл письмо и пробежался взглядом по строкам.

Кэор, вопреки тому, что его кожа была довольно смуглой, побледнел, едва ли не слившись со стеной, и поднял взгляд на Кальтэна.

— Его Величество, — выдохнул он. — Дядя там, в Эрроке.

— В Эрроке? — Фэз помрачнел. — Он собирался туда, пожалуй, но... Почему так грустно? Что-то случилось? В Эрроке обычно Дару покушения грозили куда меньше, чем в родной стране.

— Естественно. До тех пор, пока он не попал в плен к безумной ведьме, — Кэор отшвырнул в сторону письмо. — Это пишет та дрянь, Тэзра, и...

— Не смей так говорить о моей матери! — взвился Антонио. — Никто не имеет права...

Анри шикнула — даже Кальтэн не стал возмущаться от того, что его распрекрасную возлюбленную, бросившую его весьма, между прочим, успешно, так нагло обозвали. Она и

сама поднялась и заглянула начальнику стражи через плечо.

Нет, это письмо явно не предназначалось для чужих глаз, но они и чужими-то не были. Скорее уж немые наблюдатели того, как успешно катится ко всем чертям — тем самым, змееподобным, — их маленький мирок и довольно крупное королевство.

Тэзра, казалось бы, упивалась тем, что король спасти сам себя не мог, равно как и не имел такой возможности выбраться на свободу. Ей нравилось сообщать о всех его мучениях, нравилось добивать бедного Кальтэна и доводить его до белого каления, нравилось сочными, яркими фразами описывать то, что она делала.

Конечно же, если верить ведьме, то Дарнаэл давно уже сдался, а теперь доживал последние дни. Но Анри не верила.

— Вряд ли, — наконец-то срывающимся голосом промолвила она, — он на самом деле... Так быстро всё отдал. Я думаю... Она просто считает, что Сэя, чтобы спасти своего супруга, обязана отдать всё прямо сейчас, дабы только его отпустили.

Кальтэн кивнул.

— Это на неё похоже, — он уже и не говорил о том, что его прелестная Тэзра была хорошей и никому никогда не причиняла вреда. Сейчас подобные замечания казались предельно лишними, а самое главное, были абсолютно бессмысленными. Конечно же, Тэзра очень даже причиняла вред, и Кальтэн сам бы отправился к праотцам, если б не влияние Дара при дворе — и на Высшую Ведьму, тогда, впрочем, обыкновенную магичку, тоже.

Непорочное зачатие! Чего только стоило то, что эта её выдумка стала реальностью. Да, удивительно, она столько говорила об этом Лиаре, что в преддверии нового ритуала Дар не выдержал, сорвался с места и бросился в столицу. Конечно, Кальтэн узнал о том, что король туда отбыл, уже после, со слов Шэйрана, но он знал, что принцу-то верить можно. Зачем Рэю лгать о судьбе собственного отца? Если б король не желал отдать власть своему сыну, конечно же, у Шэйрана появились бы определённые причины для мести, но сейчас — нет, вряд ли.

Они — не идеал отношений отца и сына, но друг друга определённо ценили и уважали. И любили, разумеется, только не в том сумасшедшем смысле, что вкладывал в это слово излишне глупый Вирр.

— Я должен его оттуда вытащить, — Кэор даже не собирался дочитывать письмо. — Если он ещё жив — а он жив! — я должен его оттуда вытащить.

— Этим следует заниматься кому-то другому, а не наследнику престола, — сухо отозвался Кальтэн. — Пожалуй, я...

Кэор отрицательно покачал головой.

— Во-первых, он мой родной дядя. Во-вторых, я его личный стражник, должен был уследить, — выглядел парень слишком бледным, как на дарнийца, но даже Кальтэн отлично понимал, что это его от Эрроки не спасёт и конспиративности в образ не прибавит. — И... нет, там оставлять его нельзя. А тут есть королева, да и Шэйран — пусть они и правят. Мне-то куда.

— Я тут не останусь! — взвилась Анри.

— А ты почему?

Она не хотела пояснять. Кальтэну и его сыну знать необязательно, а Кэор и так всё прекрасно понимал. В ту ночь она звала его по имени, разумеется — не Кэора, того, кто ей в алкогольном бреду прибредился совсем-совсем рядом.

И, кажется, шёпот “Дарнаэл” обмануть мог мало кого — Дарнаэлов в стране не так уж и



много, а особенно тех, что могли бы вызывать у девушек довольно пристальное внимание, чего уж тут удивляться?

— Я должна, — мотнула головой Сандриэтта. — Толку тут с меня? А там, может быть... Может быть, я буду немного полезной.

— Вас попросту не пропустят через границу.

— Пропустят, — Кэор вздохнул. — Она закрыта на королевскую кровь, моя — не так уж и жидка. В любом случае, это не имеет значения. Вы останетесь тут, это я вам сейчас говорю не так подчинённый или стражник, а как наследник престола. Понятно?

Кальтэн ослабился.

Он тоже чувствовал себя виноватым. Тоже порывался выдвинуться в путь — и смотрел на Кэора не менее упрямо. И без того было понятно, что ни один из мужчин не сдастся, хотя присутствие что первого, что второго во дворце имело большое значение.

— Вы ведь ничего не знаете в Эрроке, — внезапно отозвался Антонио. Белый даже на фоне снежных простыней, он протянул руку, пытаясь усадить на место своего отца, которого, впрочем, так и не принял. — А я...

— А ты остаёшься тут и рассказываешь королеве или принцу о том, что случилось, — Анри впихнула в руки ему конверт. — Думаю, этого будет вполне достаточно. Или нет? А мы с Кэором вдвоём прекрасно справимся.

Ей не хотелось бы говорить это странное “мы с Кэором”, но ведь тот не сделал ей ничего плохого, верно? А их общая, сотворённая на двоих пьяная глупость — во-первых, не так уж и неприятно, во-вторых, ничего особенного не случилось.

Сотни, тысячи людей творят подобные ошибки. К тому же, Кэор умеет держать язык за зубами, тема “какова вон та девица в постели” достоянием всей монархии не стала, разумеется.

— Надеюсь, — с нажимом промолвила она, — против моей компании ты ничего не имеешь, королевский наследник?

— Ничего, — отозвался Кэор. — Но я думаю, что отправляться надо чем быстрее, ведь даже если Его Величество всё ещё держится, чем скорее мы там будем...

Анри кивнула. Продолжать мысль не было никакого смысла — они не имели права тянуть. Ведь если Его Величество сдастся, то вся Эльвента погибнет. А живым его оттуда не выпустят.

Будь на месте Дарнаэла наивный молодой король, он, может быть, пошёл бы на попятную, поверил в сладкие речи местных ведьм и запросто отдал бы родную державу, лишь бы его никто больше не трогал, никто не посмел причинить боль.

Но это их король! Мудрый, опытный, способный отличить змею от настоящей женщины, добро от зла. Разумеется, он не будет сдаваться, но это не отменяет возможность отравления, а то и вовсе летального исхода. Дар силён, но не бессмертен — а если он сломается, то Эльвенту, равно как и самого Тьеррона, уже точно ничто не спасёт.

— А вы, — Кэор бросил на Кальтэна внимательный взгляд, — останетесь тут. С сыном. Надеюсь, найдёте общий язык с... выплодом этой... — он запнулся. — С вашим ребёнком, разумеется. Если он пошёл в отца, нам повезло.

Впервые в жизни он говорил так, как полагается королевскому наследнику. И впервые — удивительно! — Сандриэтта действительно почувствовала в нём настоящую силу, а в себе хотя бы несколько оттенков уважения к этому парню. Ведь он не виновен в том, что не желал корону и всё прочее, а если сейчас пытается спасти своего дядю, то она должна ему

помочь.

Кэор вышел — быстро, всё так же уверенно, как и говорил. Анри задержалась только для того, чтобы впихнуть Антонио в руки стакан воды, а после направилась следом за королевским племянником, будто бы впервые в жизни поймав себя на мысли, что, может быть, все их отношения до этого не были такой уж и кошмарной ошибкой, как ей, может быть, казалось.

Антонио поднял взгляд на отца. Признать то, что этот мужчина с трёхдневной щетиной на лице приходится ему родственником, более того, папой — слишком странно.

Это Рэю было хорошо. Он видел Дарнаэла так часто, они разговаривали, он мог поделиться с отцом своими проблемами. Мог попросить его о помощи. В конце концов, если б Рэй что-то захотел, Дар мог бы это обеспечить.

Шэйран даже выбрался из Эрроки. Он научился нарушать правила, вопреки тому, что родился мужчиной, и отец сумел установить определённый баланс, не дав ему поверить в то, что мужчины ни на что не способны. Вот только сам Антонио избавиться от этого так и не смог — увы, но у него отца не было, а сейчас капитан Фэз, новообретённый родственник, так просто сдался...

— Нельзя склонить голову и ждать того момента, пока на неё обрушится меч, — не сдержался Антонио. — Может быть, можно их догнать...

— Это приказ наследного принца, — устало вздохнул Кальтэн. — Не то что Его Высочества, разумеется, но Шэйран ещё не признан, Дарнаэла нет, Сэи тоже. Слов наследника — закон.

— Ну и что? — удивился парень. — Ведь они не знают Эрроку. Разве они там когда-то бывали? Или всё-таки бывали?

— Боюсь, что за границей Элвенты Анри и Кэора ждёт огромное разочарование, — покачал головой Фэз. — Но если они желают спасти Дарнаэла, останавливать их — это всё равно что нарушать собственные заповеди.

— А если догнать и помочь?

Странно было предлагать что-либо. Карра к такому не привык. Склонить голову и согласиться со всем, что от него требуют, значительно проще. Он всегда руководился именно такими понятиями, когда старательно хватался за всё, что будет в будущем, и старался получить желаемое. Больно, разумеется, но... Всё равно очень странно.

Он так хотел отличиться. Доказать отцу, что достоин его — хотелось бы, чтобы отец тоже попытался это доказать.

Даже если всё это лишь ложь.

— Да, — кивнул наконец-то Кальтэн. — Мне действительно следует отправиться за ними и помочь. Я пойду, — он выпрямился и вновь стал всё тем же доверенным лицом короля, богатырём, которого так боялись окружающие. — А ты выздоравливай.

— Нет! — возмущённо воскликнул Антонио. — Я не то имел в виду...

— Ты же сам говорил, что нельзя сдаваться, — удивлённо посмотрел на него отец.

— Да, — кивнул Карра. — Потому... — он должен сделать хоть что-то. Ведь он поверил тогда Лиррэ, а значит, всё, что она натворила, и на его совести тоже. — Потому я думал, что мы пойдём вместе.

Кальтэн облегчённо вздохнул. Его лицо озарила едва заметная улыбка.

— Хорошо, — согласно кивнул он. — Я пойду соберусь, возьму запасы еды, скорее всего, Кэор и Анри на горячую голову об этом не подумали. А ты пей воду. Я зайду.

Это была не мать — поэтому Антонио мог даже пообещать себе, что всё это со стороны практически незнакомого человека не окажется абсолютной ложью.

Его отец. Мужчина, с которым он отправляется спасать короля самого ненавистного ему — его религии и его матери, — государства. Вытаскивать Дарнаэла Второго из лап...

Из лап Тэзры Карра, его родной матери.

===== Глава сорок четвёртая =====

Рэй отлично помнил о том, где оказался Тэллавар Гартро. Тот постарался повторить далеко не один раз, что он — там, в далёкой Дарне, до которой ехать слишком далеко, утомительно, опасно. Конечно, каждый, кто рискнёт преодолеть такую дорогу, будет вознаграждён шумом моря и красотами местного ландшафта, теплом воздуха, но ведь ещё надо добраться!

Впрочем, Шэйран отлично знал, что Высший отнюдь не станет пользоваться лошадьми, каретами или своими ногами. Скорее уж он взберётся на метлу, если такое возможно — но, по правде, мгновенное перемещение должно стать его спасением.

Рэй знал об этом. И Рэй знал, что сделает.

Он сам рискнул впервые. Наверное, горе и силы бабушки помогли ему на тот момент — но когда парень наконец-то открыл глаза, он оказался уже в Дарне.

...Небо над головой было синее-синее. Солнце тут восходило примерно тогда же, что и в Лэвье, поэтому Шэйран подозревал, что без сознания провалялся довольно долго. Интересно, где? На траве в лесу, где так удобно лежать, что вставать не хочется?

Впрочем, стоило скосить глаза, как взгляд скользнул по стенам домов, и Рэй понял, что его состояние незамеченным точно не окажется.

— Эй! — послышалось откуда-то издали громкое восклицание. — Опять тут эти упились и валяются под домами богатых граждан!

Конечно! Шэйран был в Дарне много раз, но довольно давно, ориентиром он выбирал отнюдь не соседний лес, а родной королевский дворец, из которого когда-то правила династия Дарни, потом надоедливые Флджи, а потом и Дарнаэл Первый, но он быстро переместил резиденцию в Лэвье, к своей супруге в столицу, а потом и слил государства воедино.

И под богатыми домами валяться не полагалось.

Спина кошмарно болела. Он растянулся прямо на тротуаре, смотрел в синие небеса, а пшага защитника города так отвратительно вписалась в пейзаж, что Рэй едва сдержал магию. Это его на что-то серьёзное не хватало, а вот на то, чтобы остановить обыкновенного, неударённого человека — весьма много магии. Особенно если учитывать то, что запас Рэя пополнялся очень быстро. Хоть против армии выставляй, главное, чтобы в узком проходе, да и без лучников, тогда можно победить. А то щит он не потянет. Ни такой, ни магический.

— Вставай! — возмутились откуда-то сверху. Стражник был неопрятен, недоволен и явно собирался отправиться уже домой, когда увидел какого-то лежебоку под дворцом. — Сейчас быстро оформим тебя в тюрьму, и...

— Вы уверены, что меня стоит оформлять в тюрьму? — Шэйран мог только представить себе, как он выглядит.

Рубашка наполовину сгорела, он сам раскрашен чёрными пятнами на бледном лице от дыма, да и, наверное, не сможет нормально разогнуться, потому что спина отказала служить верно и медленно отделялась от остального тела. По крайней мере, по ощущениям.

— Уверен, уверен, — стражник спрятал шпагу в ножны. — Ты, парниша, бродяга. Бродяги платят штраф, чтобы доказать, что они таковыми не являются. У тебя деньги есть?

— У отца есть, — абсолютно искренне признался парень. — У меня с собой сейчас нет.

— Хм... — стражник нередко наталкивался на пьяных сынков богатых родителей, так что почти поверил. — И кто ж у тебя отец?

— Дарнаэл Второй, — мирно сообщил Шэйран, а после понял, что зря не прикусил язык. У папы ж официально нет никаких детей, только племянники! Ну, назвался б Кэором... — Вы у бабушки спросите, она подтвердит. У Её Высочества Сандрин.

— О, парень, ты загнул. А мама кто, Лиара Первая? — фыркнул мужчина. — Ты меня, конечно, прости, но кутузка по таким врунам ох как плачет...

— Боюсь, — выпрямляясь и пытаюсь хотя бы из волос вытрясти пыль, протянул Шэйран, — вы действительно правы по поводу мамы. Хотя мне очень хотелось бы, чтобы это оказалось выдумкой. Честно-честно.

Стражник рассмеялся.

— Ну, парень, ты даёшь, — присвистнул он. — Мать — королева Лиара... Я б тебя отпустил за хорошую выдумку, но не могу. Давай, вперёд, пойдёшь сам и без сопротивления — мы тебя потом, после выяснения личности, трогать не будем...

— А что, с сопротивлением мне грозит массовое избиение? — язвительно уточнил Шэйран. — Или что похуже, в чём советник Вирр Кэрнисс старательно подозревает па... Его Величество?

Стражник расхохотался.

— Слушай, — он хлопнул его по плечам. — Ты столичный? Да? Раз о слухах в курсе? — Рэй рассеянно кивнул. — Ну, скажи, а тот придворный маг — он вообще как? Хоть есть на что глянуть? Не то чтобы я интересуюсь... — мужчина поспешно убрал руку, — просто у нас новое начальство, может, тоже с наклонностями. По крайней мере, мне так показалось. Он тут всего три дня, его королева назначила, говорит, понравился он ей. Вылетит, конечно. Ну так что, есть на что посмотреть, на придворного мага-то?

— Есть, — Рэй едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Стражник развеселился. — По мнению многих, очень даже.

— Хм, ну, у короля губа не дура, — фыркнул мужчина. — А как? Правда то, что о них говорят? Отношения, то да сё? Не, наши-то не верят, но некоторые злые языки судачат о том, что жена у короля тоже только для прикрытия. Правда, что ли?

— Нет, — о, послушал бы отец, что о нём горюдит собственная стража, схватился бы за голову, — жена не для прикрытия, а как раз для тех целей, для которых служит жена. А с придворным магом у короля тёплые отношения благодаря родственным связям, — Шэйран прищурился. — Понимаете ли, господин стражник, беда в том, что придворный маг — сын Его Величества.

— Парень, ну не городи уже с три короба! — махнул рукой тот. — Что, второй сын?

— Почему второй? — удивился Рэй. — Всё тот же.

И вытянул руку с вспыхнувшим на ней пламенем.

Стражник попятился. Нельзя сказать, что он вспылал верой относительно того, что у короля действительно есть наследник престола, но волшебство его явно убедило в том, что с незнакомым парнем, решившим полежать под дворцом, лучше не связываться.

— Вы... того, — он поперхнулся, — простите меня... Высочество. Ваше. Я ж не знал... Я случайно... Так, посмеяться... Я ничего такого не хотел... Смотрю — лежит парень,

отдыхает, я тут решил спросить, всё ли хорошо, ну...

— Ага, — Шэйран взвесил в руках пульсар. — А я так, под руку попался. Случайно. Так что, мы идём в кутузку? Или к королеве?

Стражник посмотрел на него — пристально так, внимательно, — потом отчаянно замотал головой и бросился прочь со всех ног, не собираясь попадаться под горячую руку, ежели что-то случится.

Рэй погасил пульсар и пробормотал знакомое заклинание, восстанавливая приличный вид собственной одежды. Ещё надо было найти какую-то лужицу и старательно умыться, и тогда вообще прекрасно будет. Впрочем, грусть не смоем никакая вода, но ведь он обещал бабушке... Обещал, что будет держаться.

Парень зашагал вперёд — медленно, едва переставляя ноги. Выглядел он уже вполне прилично, так что принимала его стража точно за какого-то богатенького сынка, которого бросила ради друга привередливая любовница.

Перед глазами всё ещё стояла Далла. И её слова — о том, что он должен выдержать. Должен выстоять. Должен стать сильнее ради неё.

Отказываться от обещания он не собирался.

Надо просто немножечко подождать до того момента, пока утихнет боль утраты, а потом, когда будет легче... Впрочем, чего тянуть? Зачем постоянно откладывать мгновение, когда можно будет равнодушно отбросить в сторону все глупости, а потом взяться за дело по-человечески, а не так, как у него обычно это получается. Отчего-то Шэйрану очень хотелось верить в то, что на этот раз попытка стать нормальным магом будет удачной, а бабушка там, на том свете, не разочаруется им. Он ведь обещал — а обещания принято выполнять.

...Солнце светило безумно ярко. в Дарне всегда было жарко, вот только прежде парень умудрялся игнорировать чрезмерно высокую температуру и почти спокойно относился к тому, что происходило на улице. Теперь шум и крики посторонних вызывали раздражение, и Рэй только ускорил шаг.

Стражи больше не было. Нет, они проходили мимо, конечно, но настоящее присутствие — это когда служивые останавливают для личного досмотра едва ли не каждого на первый взгляд не местного человека.

Правда... Шэйран тянул на местного, наверное. Особенно со спины. Конечно, когда-то давно все дарнийцы были черноглазы, черноволосы и смуглы, за редкими исключениями, но теперь в толпе всё чаще и чаще мелькали тёмно-русые и каштановые головы, цвет глаз и вовсе варьировался от светло-серого до жгуче-чёрного, разве что зелень и синева действительно встречались редко.

А вот цвет кожи никуда не пропал. Бледность была вызвана ещё и тем, что Шэйран почти не бывал на солнце. Конечно же, он не стал бы столь смуглым, как Кэор или та же Моника, хотя девушка в Эрроке то ли отчасти... выцвела, или как назвать подобный процесс? в общем, название в любом случае никакого значения не имело, она просто стала бледнее, чем должна быть, и только. Это на Тьеррона не влияла никакая погода.

А Шэйран, благодаря эрроканской крови и постоянным закрытым помещениям с весьма плохим отоплением сначала и вовсе сливался с белыми стенами. Теперь бледность была почти адекватной, но всё равно выделяла.

...Он шёл к границе города. Дарна давно уже расползалась, увеличивалась и поглотила множество деревушек, что прежде окружали её несметной толпой, вот только одно место,

королевские усыпальницы, она успешно игнорировала. Именно там жил когда-то один аскет, о котором сохранились лишь записи.

Его дом три раза пытались превратить в музей, но это так и не оказалось успешным. В любом случае, даже кости его, наверное, успели превратиться в прах, прошло больше тысячи лет с тех пор, как незнакомый маг жил, и имя его точно так же потеряло важность. Но дом-то остался, поддерживаемый магией, и каждый волшебник, что прибывал в Дарну, считал отчего-то долгом навестить именно сие помещение.

Шэйран, впрочем, почти их понимал. Внутри можно было жить бесплатно, рядом добрые люди поддерживали огородик и приносили своему местному святому подношения.

Король Дарнаэл иногда тоже жил тут, но в основном — именно маги с чужих земель, столичные или из Эрроки, это не имело никакого значения.

Рэй не собирался использовать домик как место жительства. Он вполне мог войти во дворец, заодно повидается с бабушкой — она-то уж точно не станет его прогонять. Королева Сандрин больше не имела права наследования, потому что слишком уж наломала дров, так что опасной в это плане Дарнаэл Второй её тоже не считал — а внук и подавно. Но родственников видеть не хотелось, придётся придумывать причины его присутствия тут, а заниматься этим Рэй терпеть не мог.

Нет, он искал мага — и знал, что за магами приходят именно сюда.

...Домишко оказался точно таким же, как Рэй и помнил — скособоченное здание, шаткое, словно собирающееся развалиться от одного дуновения ветра, и только дверь выглядела действительно крепкой, потому что дверь — это самое главное в доме место, единственное, что способно его защитить. Все отлично знали, что к двери привязывается всё волшебство здания, поэтому её не реставрировали и не меняли, и, как видно, сие пошло зданию в целом и двери по-отдельности исключительно на пользу.

Рэй остановился в метре от неё, протянул руку и неуверенно постучал. Он почти что верил в то, что никто ему открывать не станет, мало ли, где может носить Тэллавар, в конце концов!

Но дверь заскрипела, и Изгнанник появился на пороге. Он выглядел всё таким же усталым и пожилым, как и при последней встрече, но Шэйрана теперь меньше всего на свете волновали столь глупые подробности. Он смотрел на измученного, будто бы испитого изнутри мужчину без единого оттенка жалости, так спокойно, как только мог себе позволить, и никаких укоров совести по этому поводу почему-то не появилось.

— Здравствуйте, — промолвил Рэй, не дожидаясь того момента, пока Гартро заговорит первым, как и полагается. — Я хочу продолжить своё обучение. И как можно скорее.

Тэллавар удивлённо изогнул бровь. Он был так измучен, что на этот жест потребовались все силы, что только были в организме, но приступа жалости не последовало. Шэйран сегодня был зол и предельно холоден, поэтому разбрасываться направо и налево спокойным да добрым отношением к человечеству отнюдь не планировал.

— Ну, замечательно, — наконец-то заговорил Высший. — Заходи.

Он посторонился.

...Домик внутри был довольно обыкновенным. Он казался ещё меньше, чем снаружи, балки, ничем не прикрытые, превратились в отличное пристанище для пауков. Мебели тоже было очень мало — лавка, невысокий стол, покосившаяся кровать, передёрнутая какой-то тонкой тканью синего цвета — Эрроканский знак. Да и вообще, весь домик изнутри оказался увешан портретами Эрри, и Шэйран, проигнорировав стандартно это изображение,

поймал себя на мысли, что в Дарне вести себя так не положено.

Впрочем, он лгал — внимание не обратить не получалось. О том, что это портреты Эрри, парень узнал лишь по надписи — все картины были повернуты к ним задней стороной, а изображения утыкались тонкими приятными носиками Богини в стену. Лиара бы схватилась за сердце от такого невыносимого кошунства, Тэзра и вовсе рухнула бы в обморок, параллельно испепеляя провинившегося — прямо их своего бессознательного состояния.

— Когда мы можем приступить к занятиям? — спросил Рэй, стараясь, чтобы тон звучал по-деловому, спокойно, уравновешенно, чётко. Увы, но настоящей уверенности ему и вправду не хватало, особенно после всего случившегося, но никуда не денешься, он ведь просто-таки обязан выполнить то, что загадала бабушка.

— К занятиям? — голос Тэллавара казался глухим и далёким. — Присаживайтесь, молодой человек. Нам с вами предстоит очень долгий занимательный разговор...

— И всё-таки, когда? — холодно поинтересовался Шэйран. — Я должен знать. И меня отнюдь не волнует то, что вы собираетесь тянуть время. У меня в запасе нет вечности.

Тэллавар вздохнул.

— У меня тоже, — наконец-то промолвил он. — Даже близко не намечается. Но... Хотелось бы, конечно, Рэй. Итак, ты хочешь приступить как можно скорее, верно? Чем быстрее, тем лучше?

— Да, — кивнул Рэй. — Чем быстрее, тем лучше. Разве это не было понятно мгновение назад? Как по мне, очень даже да...

— Да, да, мой дорогой, — казалось, Тэллавар в последнее мгновение прикусил себе язык, чтобы не назвать его иначе. — Но ведь есть множество неприятных особенностей в этом мире, которые надо... Победить. Переиграть всё, чтобы мир стал ярче, полезнее... Знаешь, мне просто надо в ту усыпальницу. Я не нашёл того, что мне нужно, когда воспользовался ключом. Это всего лишь родна маленькая дверца, Рэй... Она перед тобой охотно откроется, а вот я... Я, как обычно, окажусь не у дел. Выполни свой долг, и мы будем заниматься всем, что покажется тебе интересным.

Рэй недоверчиво покачал головой. Интересным? Как мило. Но, так или иначе, он не планировал попадаться на этот безмерно стандартный крючок, чтобы потом получить огромную кучу проблем в качестве добавки. Нет, Тэллавар его не поймает — только не в этот день.

— Сначала знания. Не все, согласен, — кивнул Рэй. — Но ведь у вас уже есть аванс, верно? Я хочу чувствовать себя уверенно хотя бы как на... скажем, третий уровень. А не мой элементарный первый, с которым ничего не сделать. Я не прошу Высшего, но это — минимум, который вы можете сделать.

Тэллавар вздохнул.

— Нет, — проронил наконец-то он. — Я не шевельну и пальцем, пока ты не выполнишь своё собственное долговое обязательство. Пока не откроешь мне то, что мне нужно.

Шэйран покачал головой. Соглашаться хотелось меньше всего на свете — он понимал, что Гартро после может пропасть и даже не подумает выполнять свои обязательства.

— Послушай, — наконец-то проронил — отчасти грустно, надо сказать, — мужчина, — я не желаю тебе ничего плохого. Я просто хочу получить своё, Рэй. Ты мне откроешь Усыпальницы Первого, я научу тебя волшебству. Или можешь тянуть дальше. Всё равно нельзя разрывать договор, ведь ты знаешь? Единственный способ — умереть. Так что,

ничего, кроме гибели, тебя не сдержит, можешь об этом не думать.

Шэйран покачал головой. Ему не нравились подобные условия, равно как и многое другое в столь глупом и странном разговоре, но что поделаться?

— И как быстро это будет? — со вздохом поинтересовался он. — Обучение? Сколько?

— Всё зависит от того, насколько ты желаешь этого, — Тэллавар улыбнулся. — Но я постараюсь справиться настолько быстро, насколько это для меня реально.

— Сколько лет?

— О... — Гартро рассмеялся. — Конечно же, это будет не так долго, как тебе кажется. Не настолько, чтобы затянуться на многие годы. Думаю, мне хватит даже пары месяцев для того, чтобы сделать из тебя нормального мага. Но ты откроешь мне Усыпальницу сегодня же.

Почему-то Рэю даже в голову не пришло отказаться.

\*\*\*

В усыпальницах королей Шэйран бывал несколько раз — папа водил на экскурсию. Разумеется, он посещал только те залы, в которые заходить позволялось — на единственном надземном этаже. Тут не было всяких саркофагов, гробов-костей и прочей страшной гадости, только абсолютно позитивные и спокойные на вид картины, с которых его драгоценные родственники из далёкого прошлого слезать не планировали.

Самый последний портрет маленькому Рэю — ему было лет десять, — нравился больше всего. Он тогда почему-то думал, что это — отцовское изображение, а теперь, глядя на картину уже не снизу вверх, а вполне полноценно, понимал, что почти не ошибся, хотя у папы почему-то это его подозрение вызвало только весёлый смех.

Мужчина на картине был не таким, как остальные короли. В нём не присутствовало той гадкой напыщенности — и не только во взгляде.

Всех остальных королей рисовали уже в довольно преклонном возрасте. Почему-то всегда после сорока. Этому от силы тридцать лет; и Рэй, просматривая ряды портретов, с удивлением отметил, что Дарнаэл Первый оказался единственным синеглазым из всего этого слишком длинного ряда. Если не считать папу и самого Шэйрана, разумеется.

Он был без короны, в обыкновенной — почти — одежде, к тому же, безо всякой символики на заднем плане, и, в отличие от остальных, почему-то не пытался соорудить перед портретистом высокомерную мину. Казалось, вот-вот мужчина соскользнёт с полотна и весело подмигнёт им. Выражение лица было немножечко хитрым, будто бы Дарнаэл Первый что-то задумал, а художник не идеализировал его внешность — всколоченные волосы, шрам на руке... Только этот человек мог, конечно, перед портретом на века закатать рукава рубашки, но осуждать Шэйран его не планировал, подобная лёгкость в изображении почему-то ему нравилась.

Портрет прикрывал замочную скважину. Тэллавар оттолкнул его в сторону, и картина с громким скрипом всё же отъехала вправо.

Гартро, казалось, весь дрожал. Он едва ли не уронил ключ, хотя это ведь не отмычка, чтобы бояться ею пользоваться, а после с трудом провернул его в замочной скважине. От стены будто бы сама по себе отделилась дверь — только теперь Шэйран увидел места, где она на самом деле была, показавшиеся ему прежде какими-то глупыми, разрозненными трещинами, — и въехала внутрь.

Ключ так и остался в замке — вероятно, вытащить его означало запереть дверь, — и Тэллавар сделал первый, крайне неуверенный, между прочим, шаг.



— Ну что же, — проронил Гартро, — прошу.

— Это усыпальница Дарнаэла Первого? — удивился Шэйран.

— Нет, что ты. Это всего лишь проход на нужный нам уровень. Конечно, можно идти мимо всех этих могил, но всё равно не попадёшь туда, куда нужно. Да и того ключа, — Тэллавар кивнул в сторону двери, — у меня всё равно нет, приходится обходиться малым. В любом случае, лично меня это абсолютно устраивает.

Рэй только повёл плечами. Ему на самом-то деле было абсолютно всё равно, в какую дыру спускаться, но всё же какое-то странное предчувствие упрямо не желало оставлять в покое. Шэйран отмахивался от него, как только мог, а легче никак не становилось. Настойчивый голосок в сознании будто бы шептал “уйди”, вот только маг игнорировал его, медленно ступая по вырезанным в камне ступеням. Идти было крайне неудобно, перед глазами простиралась не самая радостная картина, но отступить всё равно было некуда.

Тэллавар вёл его весьма уверенно. Желтоватая мантия будто бы отсвечивала впереди, и Шэйран пытался сосредоточиться на этом маленьком пятне впереди. Будто бы их темноты вот-вот должно было вынырнуть что-то плохое — ему всё ещё казалось, что это к добру не приведёт.

Лестница закончилась довольно скоро, открывая мрачный коридор. Огромные арки вели в большие комнаты — там то ли рядами, то ли в гордом одиночестве стояли гробы. Казалось, что эти ряды никогда не закончатся — сплошные, самоуверенно-страшные арки, что прорезали пространство своими холодными полуокнами. И смерть, всюду дух смерти.

Они миновали множество открытых дверей, повернули раз десять, пожалуй. Сначала были известные полководцы, потом маги, потом короли, и пол постоянно шёл под уклоном вниз.

Наконец-то появилась единственная утленькая дверца, которая не распахнулась.

— Что это? — Шэйран покосился на Тэллавара. — Это та самая кошмарная дверь в усыпальницу Дарнаэла Первого? Это?! Да она же хлипче некуда!

— Но она не открылась, — отметил Гартро.

— И это цена за магию... — покачал головой парень. — Ерунда, право слово. Её достаточно только тронуть, и она рассыплется.

Гартро протянул руку, кончиками пальцев касаясь пространства. Казалось, дверь не изменилась, вот только даже от более грубого толчка она и не подумала открываться, сидела, будто бы намертво.

— Теперь ты, — вздохнул Тэллавар. — Я уже столько раз пытался это сделать... Я устал, мой друг, очень устал. Неужели так трудно выполнить маленькое требование старика? Неужели тебя это до такой степени затруднит, Рэй?

Шэйран закатил глаза. Да что может быть легче? Маг не загадал никакую гадость, ничего особенного от него не потребовал — радоваться надо! Так что, парень лишь равнодушно потянулся к дверной ручке, открывая наконец-то ту заветную Усыпальницу, о которой так мечтал Тэллавар.

Тут было по меньшей мере мрачновато. Факелы, висевшие на стенах, само собой, давно уже погасли, ведь время ничего не щадило, и теперь только едва заметное сияние магии позволяло не свалиться на пол после первого же шага и ни за что не зацепиться.

Это, казалось, было истинное царство холода. Впрочем, сырость ничего так и не разрушила — ровные стены, каменная кладка, вымощенный мрамором пол, немножечко скользкий. По бокам высились огромные вазы с до сих пор живыми цветами, многие из

которых Шэйран видел впервые в жизни.

А ещё он чувствовал дух магии. Сильной, не имевшей до этого мгновения возможности вырваться. Воздух был переполнен ею — сильной, могущественной, неожиданно старой, словно все силы Дарнаэла Первого, что отошли с ним в мир иной, скопились тут. Может быть, именно потому тьма не казалась кромешной — да, тут было трудно что-либо рассмотреть с непривычки, но, так или иначе, вполне реально.

Гроб стоял по центру помещения. Открытый, словно тут было на кого смотреть — и Рэй не смог справиться с собственным любопытством. Он подошёл чуть ближе, так, чтобы можно было рассмотреть покойного — и вправду, как на картинках.

Пять веков смерти ничего не изменили. Дарнаэл Первый не превратился в кости, не выглядел сухим — это не было даже видом бальзамирования. Словно мужчина просто лёг и уснул, ничего так и не поменялось. Впрочем, Рэй подозревал, что мужчина — только очень хорошая, пропитанная магией восковая кукла.

Парень даже забыл о Тэллаваре там, за своей спиной. Он протянул руку, будто бы планируя прикоснуться к мёртвому — сначала пальцы дотронулись до волос, настоящих — словно у истинного Дарнаэла Первого отрезали, дабы сотворить что-то настолько чудесное.

Покойник сложил руки на груди. На его лице было такое равнодушно-спокойное выражение, словно он не умер, а только избрал новую жизнь.

Старость наложила на него свой отпечаток. Дарнаэл Первый умер тогда, когда на свет появились его правнуки — но в смерти его преклонные годы казались не такими уж и заметными. волосы лишь наполовину седые, Морщины на лице почти разгладились, руки практически молодые, хотя что-то всё равно не так. Он не выглядел измученным или слишком старым, лет на шестьдесят максимум — явно не на свой слишком уж преклонный возраст, в котором Тьеррон умирал. Но это не имело особого значения — если это восковая фигура, то просто очень постарались приукрасить короля, а если живой человек, то магией могли потрудиться, дабы король выглядел презентабельнее. Мало ли, что могло случиться — его ведь не просто так положили в отдельной усыпальнице, ещё и так глубоко под землёй, не в Лэвье, а в Дарне.

— Ну, и что тут аж такого интересного, чтобы требовать от меня открыть усыпальницу? — наконец-то поинтересовался Шэйран. — Как по мне, обычный гроб, обычный труп...

— Ох, Рэй, — послышался за спиной грустный вздох. — Ведь если я попрошу тебя разрезать руку, чтобы всё это стало моим, ты всё равно не согласишься?

Шэйран обернулся, удивлённо покосился на Гартро. Разрезать руку? Это ещё что за...

Он даже не успел закончить мысль — и вскрикнуть тоже не успел. Тэллавар резко — даже слишком, как для его возраста, — выпрямил руку, и с неё сорвался столб магии. Боли не было — Шэйран как-то отсутствующе слышал звук столкновения, когда тело ударилось о стену, и сполз на мраморный пол, впрочем, ещё не совсем бесформенной кучей.

— Как жаль, — промолвил Тэллавар, подходя поближе. — Я не собирался делать это так близко. И пары капель крови для того, чтобы пробудить часть силы, мне бы хватило, наверное. Но она слишком настойчива, у меня мало времени, я не могу собирать все шесть литров по капельке долгое время. Так что, прости, парень, тебе придётся умереть.

Шэйран не смог проронить ни единого слова. Ему казалось, что стоит пошевелиться, и он не сможет даже видеть — впрочем, от Гартро остался только полуразмытый силуэт. Перед глазами всё плыло, он почти не соображал, но угроза была слишком явной, чтобы так

легко её игнорировать — это казалось практически нереальным. Оттолкнуть от себя в сторону дурацкие мысли тем более не получалось, и парень просто старательно хватался за то, что у него осталось, не в силах даже прошептать короткое заклинание. Да и не знал он ничего, что могло бы спасти ему жизнь. Рэю в какое-то мгновение, впрочем, показалось, что он и так покинул своё тело — и смотрел на ситуацию откуда-то со стороны, только пока ещё не понял, потому что не отлетел слишком далеко от физической оболочки.

Гартро не спешил. Он добыл длинный кинжал с начертанными на его лезвии рунами, вдохнул уже визуально заметную магию, свернувшуюся вокруг наследника престола тугим коконом, а после нанёс решающий удар — кинжалом прямо в сердце.

Тэллавар не стал проворачивать оружие в ране, ему просто надо было пустить кровь. Шэйрана и так уже ничто не смогло спасти.

Высший вытащил свой кинжал из мёртвого, обмякшего тела, заглянул в остекленевшие синие глаза.

— Милый мальчик, — усмехнулся он, — мне так жаль. У тебя было бы великое будущее, если б не милая мачеха, загадавшая слишком много магии. Но теперь-то, с силами Дарнаэла Первого, я могу вернуть ей должок, как ты думаешь?

Он даже не потрудился закрыть ему глаза. Этот синий взгляд, пустой, отсутствующий, мёртвый, его почему-то веселил.

Гартро провёл острием ножа по своей ладони, и магия нехотя, по капельке, повиновалась, затекала в рану, не оставляя ни единого следа в этом подвале.

Тэллавар направился к выходу — довольно бодро. Он не потрудился вынуть ключ или закрыть усыпальницу, та всё равно не имела больше никакого значения, разве что какие-то паломники придут. Комната с трупом — уже двумя, — перестала сиять изнутри, потому что вся магия из неё ушла.

Гартро хотелось смеяться. Звонко, весело, запрокинув голову назад, как полагается главному злодею театральной постановки. Но он, разумеется, сдержался, потому что это было очень глупо. Магия ещё колотилась в теле, не желая занимать положенное ей место, но Тэллавар понимал, что сопротивления и так было не избежать. Но ведь он умел с ним бороться, а значит, сражение окажется не настолько уж и долгим, как можно было подумать прежде. А несчастный Дарнаэл, равно как и его правнук, мертвы. И не помешают.

Высшие... Ах, как мило. Конечно, парень — лишняя жертва, но ведь у Тэллаваара не было выхода, разве нет? Своя жизнь всегда дороже, чем какая-то там чужая.

\*\*\*

Он устало, грустно вздохнул. Спина затекла, руки болели, голова — тоже, раскалывалась на мелкие кусочки, между прочим. Осознание случившегося было ещё довольно смутным, но на лице уже расцвела весёлая улыбка, хотя поводов вроде бы не было.

Факелы вспыхнули по щелчку пальцев. Он смёл невидимую пылинку с воротника и потянулся, будто бы пытаясь отогнать остатки сна. Всё это было так занимательно! Очередной новый опыт... Ей определённо понравится его рассказ, когда они наконец-то увидятся.

...Несчастный паренёк, Ключ, валялся под стеной. Лужа крови натекла знатная, испачкав весь пол, и он недовольно скривился, мокнув пальцы в багровую жидкость. Обидно умереть в таком юном возрасте, разве нет?

— И чему их учат? — досадливо протянул мужчина, откидывая волосы со лба. — Дураки, нет... Кинжалом в сердце — как это мудро! — он прищурился, словно пытаясь

увидеть что-то в ране, но смог рассмотреть только очередную порцию крови, что так старательно стремилась окрасить всё в чёртовой усыпальнице. Да, весело. Проблем будет немало.

Он вновь выпрямился и посмотрел на тело. Глупо как-то получилось. Маг тоже попался придурочный — мог бы надрезать ладонь бедному парню, магия от этого меньше слушаться не стала бы. Кто им сказал, что нужна прямо-таки вся-вся кровь для того, чтобы волшебство передалось полностью? Ну что, жалко этим чарам, что ли?!

— Глупцы, — вновь кивнул он своим мыслям. — Я сто раз говорил... Маг — существо особенное. Чтобы убить мага, надо сделать что? Отрезать ему голову, — он поднял подбородок юноши, посмотрев на абсолютно целую шею. — Или дождаться того момента, пока из него ну вообще вся кровь вытечет. В конце концов, сначала поют что-то про силу, а потом жалуются, что она не полностью пришла или ушла. Сумасшедшие профаны, чем вы маетесь по жизни?

Он выпрямился, направился к выходу, но потом вновь остановился. Крови в теле оставалось ещё совсем чуть-чуть, сломанный позвоночник — даже если б не это ранение прямо в сердце, бедному оставалось провалиться всю свою жизнь в постели, парализованным. И сколько этому ребёнку лет? Двадцать два? Двадцать три? Дитя же ещё! И не жалко...

Мужчина подошёл поближе, посмотрел на несчастного сверху вниз, а после поднял наконец-то правую руку и разжал кулак, с весёлой улыбкой наблюдая за тем, как сыпался на несчастного мелкий рубиновый град.

Всё самое интересное только начиналось.

===== Глава сорок пятая =====

Дарнаэл раздражённо нахмурился. Чёрт! Тэзра одурела, если она вновь спускается. Иначе отречься от короны точно будет оживлённый труп.

Он явно переоценил собственную стойкость. Спина, казалось, постоянно поливалась новыми порциями кипятка. Конечно, яд его не убил, и Тэзре труп выбрасывать не придётся, но Дар очень сомневался в том, что кожа когда-нибудь не то чтобы избавится от шрамов, а вообще затянется. То ли на том страшном оружии было слишком много яда, то ли магические кандалы совершили должное и окончательно убили его способность сопротивляться отраве, по крайней мере, на растительной основе, то ли Тэзра примешала туда парочку минеральных компонентов или шерсти-глаз соседней крысы.

Шевелиться, впрочем, Дарнаэл уже мог. Он теперь повернулся на бок и устало смотрел на решётки, будто бы пытаясь проплавить их одним взглядом.

Нет, это шла не Тэзра. У него так раскалывалась голова, что идентифицировать человека мужчина не смог, но он был уверен в том, что ни одной назойливой блондинки, то бишь, Тэзры или Мизель, сейчас не будет. Шаги казались мягче, пусть и не столь кошачьи, явно женские, а из-за обуви такие громкие.

Ох, ну Первый, зачем так шутить?!

У Лиары была просто-таки прекрасная способность появляться тогда, когда её ну совсем уж не ждали, и портить остатки и без того не самого сильного на свете здоровья. Теперь, понимая, что он даже повернуться не может — ибо лечь на спину всё равно что прыгнуть на угли, — Дарнаэл беспомощно наблюдал за тем, как королева открывала дверь.

— Ещё одна мучительница явилась? — всё-таки не сдержался и подал голос первым мужчина. — Что вы тут забыли, Ваше Величество? По мою душу, али ошиблись клеткой?

Лиара промолчала. Дверь за собой она старательно прикрыла и остановилась прямо напротив него — с каким-то кувшином в руках и подносом с едой, что левитировал где-то там сзади, прямо за её спиной.

— Ты всё такая же свинья, Дарнаэл, как и прежде, — отметила она, положив и кувшин, и поднос на пол. — Я решила навестить тебя, спросить, как дела...

— Пока не сдох. Ты хочешь ускорить процесс? — фыркнул он. — Ведь ты прекрасно знаешь, Лиа, что я не откажусь от Эльвенты, от своего статуса и от своего волшебства. И твоя Тэзра может делать всё, что угодно, это не поможет.

— Я — королева, ты должен был встать и поклониться мне! — возмутилась Лиара. — А не хамить с порога!

Она сложила руки на груди и посмотрела на него так строго, что Дарнаэл едва сдержал смешок. Поклониться? Встать?! Да он с этой кровати разве что сползёт. Это при Тэзре есть хоть какие-то силы нагло делать вил, что ему не больно, и то, он после этого яда ещё не пробовал. А Лиара — она не так опасна, наверное, по той причине, что он уже привык к ней, как к родной и любимой, распрекрасной змейке, и теперь вот оно что вышло. Собственно говоря, совершенно ничего хорошего, но раз так, зачем спорить с судьбой? Зачем возражать, если можно просто старательно жить дальше?

Если получится, само собой.

— Отстань, — устало отмахнулся Дарнаэл. — Я не желаю тебя видеть. И твою Высшук тоже. Только когда вы меня об этом спрашивали?

Сцепив зубы, он всё-таки заставил себя с трудом повернуться на другой бок. В конце концов, израненная спина — и то легче этого отвратительного укоризненного взгляда, ещё и такого, будто бы Лиара ни в чём не виновата, она и вовсе святая прелестная женщина, на которую самым наглым образом наговаривают. И платье это белое... Святоша!

Ведьма, но что с неё взять? У них даже вера в богиню Эрри, и та смешная и неправдивая. Пусть хватаются за свою силу, пока могут, а потом, может быть, ещё даже при его жизни, всё повернёт в лучшую сторону.

Лиара едва-едва слышно вскрикнула. Дарнаэл не обернулся — это было практически невыполнимой миссией, впрочем.

Он смотрел на камни. По крайней мере, они хотя бы не глядели на него настолько укоризненно и не делали отвратительных и бессмысленных замечаний. К тому же, камни не требовали улыбаться или делать вид, что ему абсолютно наплевать, а проклятый яд старательно пошатнул его способность бороться с собственной мимикой и некоторыми лишними желаниями.

Интересно, сколько сейчас времени? Наверное, ночь ещё, потому что Тэзра обычно приходит рано утром, если судить по её заспанному взгляду. Впрочем, это он только предполагает. Предполагать и точно знать — две огромные разницы, к тому же, весьма ощутимые.

— Дарнаэл, — голос Лиары казался слишком хриловатым и будто бы даже испуганным. — Что у тебя со спиной?

Сначала Дар даже сам поймал себя на пугливой мысли, что там едва ли не кости торчат. Но, вывернувшись и узрев всё то же банальное мясо безо всякого зеленоватого оттенка, он лишь хмыкнул. Хотелось бы пожать плечами, но от этого можно разве что зашипеть. В лучшем случае. Или завывать.

В худшем — умереть от болевого шока, если, конечно же, не ожидать нового приступа

отчаянной боли.

— Всё так, как должно быть, — протянул наконец-то король, пытаюсь устроиться хотя бы немножечко удобнее. Может быть, если он будет всё игнорировать, то Лиара оставит его и его раны в полном покое? — Твоя Тэзра — дура, она думала, что оно действительно прогрызёт меня до кости, но ты же знала, что это будет почти как нормальный удар, только жжёт немного. Ты же знала, что у меня иммунитет на растительные яды, по крайней мере, наполовину. Почему не подсказала?

— Нет, стой, — судя по звукам, Лиара подошла непозволительно близко.

Если б это была пружинная кровать, например, Дарнаэл обязательно бы почувствовал, когда она села, но так как валялся он практически на голых досках, то понял, что Лиара села рядом, только когда она осторожно положила ладонь куда-то туда, где, предположительно, должна находиться почка. Правда, Дарнаэл очень сомневался, что вышеупомянутую сейчас не видно — но Лиара была осторожной и старалась не касаться раненных мест, так что боли он почти не ощутил.

Особенно если сравнивать с тем кошмаром, что был до этого.

— Я лежу, — фыркнул король. — И вставать не собираюсь, уж увольте, Ваше Величество.

— Дарнаэл, откуда у тебя раны? — строго поинтересовалась она. — Меня пока что не интересует, почему они... такие и о каком яде ты говоришь, но откуда у тебя раны?

— Солнце моё, — фыркнул Дар, напоминая себе о том, что теперь Лиара тоже враг, а слушать её нельзя, — если ты думаешь, что я бессмертен, а удары батога проходят бесследно, то ты очень ошибаешься. Твоя ведьма ведь не потрудилась меня исцелить во второй раз.

— Исцелить?

— Ну, — Дарнаэл вздохнул, — она ведь должна была выпустить меня в человеческом виде перед народом. Только я ляпнул, кажется, лишнего, если судить по состоянию моей спины... Ай! Ты с ума сошла? Решила добить — ударь ножом в сердце и дай мне спокойно поспать!

Лиара молчала. Казалось, она нынче затихла, как та мышь под веником, и присутствие королевы выдавало разве что её тяжёлое, отчего-то сбивчивое дыхание.

— Даррэ, — выдохнула она наконец-то, — скажи мне, почему у тебя столько ранений? Разве... Разве кто-нибудь посмел бы...

— Что? — он обернулся было, но тут же вернулся в прежнее положение, зашипев от боли. — Ты не в курсе, что тут происходит? Разве это не ты?..

— Что — не я?

— Не ты отдала указ для... кхм, методов моего излечения от самоуверенности? — он наконец-то вывернулся так, чтобы можно было на неё смотреть. — Мне казалось, ты всё знаешь. И яд Тэзра явно использовала с твоего одобрения.

— Она подливала тебе в еду яд?

— Какую еду? Та похлёбка сама по себе яд, — Дарнаэл зажмурился, старательно игнорируя боль, когда ладонь несостоявшейся супруги соскользнула чуть ниже и легла ему на спину. — Ладно, ерунда всё это. Яд, в котором она вымачивала тот батог... Или плеть, или что это такое. В общем, ты меня поняла. То, чем обычно пользуются на публичных наказаниях в твоей стране. Мне казалось, что ты в курсе про яд, но ладно.

— Даррэ, — она запнулась. Прохладная ладонь коснулась лба, и Лиара подалась немного вперёд. Дар отпрянул бы — отвращение всё-таки не могло не появиться после всего

пережитого, — но понимал, что его спина отнюдь не обрадуется каким-либо резким движениям, так что делал вид, что он абсолютно спокоен и ничего у него не болит. — Даррэ, я и про эту гадость ничего не знала. Мне казалось, что Тэзра не будет... Что... — она шмыгнула носом. — Что ты просто согласился отречься при очередном её предложении, а потом вытворил то, что вытворил. Не более того.

Дарнаэл скривился.

— Ты же знаешь, — вздохнул он, — что я тебе не верю. Притвориться белой и пушистой не получится, я давно уже не ребёнок, Лиа.

— Я правда не знала, — она вздохнула. — Тэзра говорила, что она просто потребовала от тебя подчинения, ты согласился, а потом натворил вот это. Но... Я не думала, что она так... Так себя вела. Я понимала, что это не царские покои, но, Даррэ, не батоги же! И не просочившиеся ядом.

Он ничего не ответил. Трудно любить человека, что так старательно пытается сжить тебя со свету, разве нет? А он Лиару любил, даже слишком — по крайней мере, для того, чтобы выжить. Она всегда казалась ему такой прекрасной, такой великолепной, вот только это ни на минуту не отменяло того факта, что нынче он валялся в чужих подвалах, закованный в кандалы, лишаящие магии, и должен был умереть либо отречься от собственного королевства.

Лиара была не такой, как Тэзра, разумеется. Всегда она казалась чуточку чище и добрее, адекватнее, может быть, ну уж точно не настолько злобной и расчётливой. Вот только всё же матриархат за последние годы слишком сильно её подкосил, слишком многое из хорошего отобрал, чтобы Лиара продолжала держаться на ногах так же крепко, как и прежде.

— Перевернись на живот, — вздохнув, проронила она, показывая, что говорить о Высшей Ведьме Кррэ больше не планирует. — Ну?

— Планируем продолжить экзекуцию? — язвительно уточнил Дарнаэл. — Отстань, а? Дай мне хоты бы выспаться.

Она устало смотрела на его израненную спину, словно отчаянно пыталась придумать что-то, что помогло бы убрать гадкие раны.

— Даррэ, — повторила требовательно женщина, — немедленно перевернись на живот, ты слышишь меня? Не заставляй применять магию.

Он вздохнул, но больше возражать не стал. В конце концов, так не слишком-от и больно лежать, а спина соприкасается с прохладным воздухом, а не прохладными досочками, по пути собирая всю солому и щепки, что только валяются вокруг. Так хотя бы гигиеничнее.

Послышался треск ткани. Дарнаэл повернул голову набок и с удивлением наблюдал за тем, как Лиара отрывала полосу от своего прекрасного белого платья, вероятно, натурального — только материал определить король Эльвенты всё же не смог.

Она окунула импровизированные бинты в воду, а после осторожно провела влажной тряпкой по ранам.

Дарнаэл недовольно зашипел, жалея, что уцепиться не во что.

— Я должна смыть яд, — строго промолвила она. — Иначе все мои целительские способности тебе совершенно не помогут.

— Я не просил тебя исцелять, — сухо выдавил из себя король. — В конце концов, ты можешь оставить меня тут подыхать, ничего не случится, не развалюсь. Неплохой вариант — просто меня не трогать, разве нет?

Лиара вновь промолчала. Сегодня она словно старательно играла с ним в одной ей

понятную игру, занятую, но довольно опасную.

Женщина не могла позволить ему умереть. Оказаться униженным, отброшенным в сторону после того, как она получит желаемое — может быть. Тогда интереснее подобрать его, попытаться вновь приручить, что ли. Но увидеть мёртвого Дарнаэла — ни за что. Лиаре не хотелось даже думать об этом, а Тэзра совершила всё для того, чтобы труп эльвентского короля очень скоро посетил местные кладбища и почтил одно из них своими косточками в земле. Может быть, даже гроб сколачивать не будут, просто выроют яму...

Королева мотнула головой, отгоняя в сторону отвратительное видение, и, поддавшись порыву, наклонилась вперёд, едва ощутимо касаясь губами, к счастью, вполне целой и здоровой шеи короля.

— Это тоже часть лечения? — сонно уточнил он.

— Считай, что да, — Лиара рассмеялась, впрочем, довольно тихо, словно боялась, что их услышат. Треск повторился — платью, очевидно, должен был прийти конец прямо сегодня, но Дарнаэл не особо концентрировал на этом внимание. Конец так конец, это, как ни крути, всего лишь белая тряпка.

Вода вызывала жжение и желание придушить лекаря голыми руками. Дар понимал, что его врачи сделали бы не лучше, да и Лиара понимала, что творит, но странное ощущение подвоха так и не покинуло короля. Она ведь никогда не делала ничего просто так, почему же сегодня решила сделать маленькое исключение для дражайшего врага?

В конце концов, в этом нет никакого смысла.

Лиара провела пальцами по первой полосе — их после того, как она убрала кровь, даже можно было различить. Дарнаэл, кажется, позволил себе несколько не до конца цензурных слов, но женщина на это внимания не обратила — её тихое бормотание разливалось успокоительным по воздуху.

Тьеррон чувствовал себя как-то странно, словно слишком много выпил, а теперь позволил чему-либо вмешаться в собственное состояние. Мир расплывался и подпрыгивал перед глазами. Можно было уснуть, но что-то не пускало. Дарнаэл дураком не был, он понимал, что Лиара опасна, особенно сейчас, когда он сначала был истощён бесконечной болью, а теперь расслабился после умелого исцеления.

Она принялась уже за третий удар, и почему-то легче не становилось. Казалось, даже если рана останется всего одна, это будет так же противно и больно.

Сладкий, безумный сон нахлынул волной. Дарнаэл привстал было, но тут же рухнул обратно на тонкую подстилку — она не исцелила и половину.

Губы вновь коснулись шеи — это подействовало лучше, чем любые попытки бороться со сном, и Дарнаэл наконец-то открыл глаза, покосился на Лиару.

— Обними меня, — внезапно, убирая руки, потребовала она.

Правая рука функционировала отлично, как по ощущениям обнаружил Дарнаэл. С левой были явные проблемы — потому что этой стороной Лиара ещё не занималась.

— Солнце, я бы с удовольствием, — вздохнул король, — но мне до такой степени лень подниматься...

Лиара кивнула. Она просто проверяла, признает ли он свою слабость, настолько ли её боится, чтобы бросаться выполнять всё, что сказано приказным тоном. Естественно, нет, это был бы не её Дар, но проверить порой так хотелось... Вот и сейчас она немного не сдержалась, но теперь, спустя некоторое время, это почти никакого значения не имело. Она давно уже успела успокоиться и позабыть обо всём плохом, что зависло между ними за



такой долгий отрезок времени.

— Хорошо, — вздохнула она, — не буду настаивать. Зачем тебя мучить, правда, милый? Кстати... Как там твоя молодая супруга? Она ведь довольно хороша, верно? Лучше, чем я?

В голосе чувствовалась ревность. Дарнаэл хмыкнул себе под нос — что же, даже если это всё было планом Сэи, он останется ей благодарен. Если, конечно же, эти попытки позволят ему получить Лиару, не сдаваясь предварительно на глазах у всего королевства.

— Не сказал бы, — протянул Дар, — но она и вправду прекрасна. Вряд ли лучше, чем ты в молодости, но возраст, знаешь...

Лиара, словно издеваясь, царапнула его по спине — но по той, здоровой половине, и только той рукой, что не занималась целительством. Вторая ладонь упрямо скользила по линиям шрамов, убирая все следы от глупого наказания Тэзры.

— Возраст, говоришь... Милый, — какой это по счёту шрам, седьмой или восьмой? — а тебя-то возраст не подводит? А то мало ли, девушки в таком возрасте терпеть не могут, когда муж... кхм, не возбуждается.

— А тебе-то откуда знать? Ведь Эрла от непорочного зачатия, твоё единственное дитя... А что ты сделала бы с сыном? Дай вспомню, сбросила бы с самой высокой скалы Эррийских гор?

Лиара нахмурилась. Вот же язва! Хотелось даже оставить у него несколько ранений, но, впрочем, желание моментально отступило на задний план — позволить себе что-то в этом роде Лиара попросту не могла. Мужчину она действительно жалела и любила, просто это был тот подвид любви, о которой никто никогда не говорит ни единого слова.

— А если и так? — удивилась она. — Может, я бросала?

— Не спорю, Шэйран иногда ведёт себя так, словно ты проделала сию операцию далеко не один раз, но ведь я тогда ещё не позволял тебе делать глупости, разве нет?

— То, что ты мне ничего не позволял, тоже очень мало значит, — рассмеялась женщина. — Не будьте слишком самоуверенны, господин Тьеррон, я очень многое умею делать тайно... Так вот, вернёмся к молодой супруге. Промахов ещё не было?

— Не было, моя дорогая, не было, — Дарнаэл чувствовал, как пальцы Лиары коснулись последнего шрама. — А вы, что ли, ревнуете? Не у вас ли, милая Лиара, в постели я поймал этого милого посла, что теперь стремится ввести войска в Элвэнтю?

— Ну-у-у... — она прищурилась. — Может быть, не в постели, а около неё. Но ведь вы проводили в своё ложе едва ли не половину своих подданных, и они отнюдь не против, разве нет?

— Если поговорить с местной стражей, то они тоже были почтены вашим вниманием, госпожа Лиара, — Дарнаэл хитро прищурился. — А вы действительно имели со всеми из них отношения?

Дарнаэл отлично знал, что “отношения” у Лиары были очень простыми — отрубить голову при первой попытке поцеловать её распрекрасную руку, не говоря уже о чём-либо другом. Но подразнить всё равно хотелось — к тому же, Тьеррон и вправду перебрал довольно много девиц, правда, относительно их порядочности и хорошего поведения мог очень и очень поспорить.

А такие, как Анри... Ну, ведь он не до конца сволочь, чтобы портить невинным девочкам жизнь? Это Сэя разве что огромное исключение, но она слишком уж стерва, чтобы позволить кому-то собой воспользоваться. Сделки — основа жизни, разве ж нет?

— Ты её любишь? — неожиданно спросила Лиара. — Эту... Сэю. Ведь ты её любишь

правда, Даррэ?

Он перевернулся на спину — благо, теперь имел прекрасную возможность это сделать, — и только спокойно покачал головой.

— Нет, конечно. Она мне нравится, она умна, у нас отлично складываются деловые отношения, но, Лиара, я её не люблю. И она, думаю, тоже, — Дарнаэл внимательно смотрел на неё.

— А меня?

— Солнце моё, — фыркнул Дарнаэл, — как можно любить женщину, которая запихала тебя в тюрьму и приказала своей Высшей Ведьме пытаться тебя?

Они засмеялись в один голос — и оба, разумеется, знали, что ещё как можно, если очень постараться. Лиара занимала в жизни Дарнаэла Второго слишком много места, чтобы он сумел вытолкнуть её из воспоминаний так просто и быстро.

Королева, впрочем, больше не задавала дурацких вопросов. Она выглядела спокойной, по крайней мере, в какой-то степени, почти равнодушной и милой. Удивительное сочетание, но Лиара всегда казалась ему удивительной, даже в те моменты, когда старательно пыталась отправить на тот свет и почти добивалась успеха. Она — необыкновенная, сколько бы он ни отрицал этот факт, и спорить с самим собой в последнее время слишком уж трудно, чтобы это было реально.

На сей раз Дарнаэл не ждал, когда она наклонится вновь, а рывком притянул к себе, касаясь губ — несдержанно, страстно, словно всё время в своём плену думал только о том, чтобы заполучить Её Величество. Впрочем, это было почти так, если бы только не отвратительная Тэзра с её бесконечными попытками отправить его на тот свет. Она настойчива, да, но ведь всех можно победить, если очень-очень постараться.

— Скажи мне, зачем ты пришла? — тихо спросил он. — Принесла всё это...

— Дар... — она устроилась рядом, игнорируя то, что платье было не слишком удобным, а лежанка безумно узкой. — Почему тебе так трудно поддаться? Просто скажи, что больше не считаешь себя самым могущественным на этом континенте, признай свою слабость, и всё. Мы будем счастливы вместе. Мне не нужно отбирать у тебя Эльвенту. Просто признай свою слабость, и всё закончится.

Он сел так резко, что Лиара едва ли не свалилась на пол.

— Убирайся, — коротко ответил он.

— Я тут королева.

— Хоть Богиня, — голос Дара звучал абсолютно равнодушно, до такой степени холодно, словно он планировал превратить женщину в элементарную глыбу льда. — Мне плевать, кто ты. Пошла вон. Пряник не подействовал, можно вновь возвращать кнут. Она будет безумно довольна, поверь мне. Ну? Чего ты ждёшь?

— Дар... Я правда не знала, — Лиара положила ладонь ему на плечо. — Прекрати ругаться. Всё ведь может быть так хорошо, честно...

— Ничего не может! — король заставил себя не подниматься — ему уходить в подобной ситуации не положено. — Ты понимаешь, что ты несёшь? Нет, Лиара, я никогда не соглашусь выступить публично с отказом или хотя бы заявлением, что твоя власть божественна, а ты — посланница Богини в этом мире. И ты можешь не смотреть на меня вот так. Пошла вон.

Королева поднялась. Терпеть оскорбления она не собиралась — опускаться до того, чтобы забирать всё, что принесла, тоже. Она гордо направилась к выходу, даже не

оборачиваясь, но всё же вынудила себя остановиться.

— Даррэ, — проронила она, — ты не можешь победить. Ты останешься тут до тех пор, пока не признаешь, что это я выиграла. Эта партия будет за мной. Ты остался один на шахматной доске.

— Ферзь мат не поставить, — равнодушно ответил он. — А для меня слишком много ходить в пределах одной клетки. Можешь убить меня — но я ничего не скажу.

— Тэзра больше не посмеет испытывать свои методы. Я против, — Лиара покачала головой. — Это было бы жульничеством. Но ты не уйдёшь отсюда до тех пор, пока не признаешь, что я победительница. В шахматах королева всегда ходит лучше, чем король. Она сильнее.

— В шахматах королева не может быть без короля, — хмыкнул Дарнаэл. — Даже если он такой слабый, когда ему ставят мат, игра заканчивается.

— Считай, что наша игра закончилась.

— Нет, моя дорогая. Это не мат. Это патовая ситуация, — Дарнаэл откинулся на соломенную подстилку и мечтательно улыбнулся. — Спасибо за исцеление, дорогая. Это было идеально.

\*\*\*

Лиара была уверена в том, что выжжет всё, что только сможет выжечь. Ей хотелось расколотить этот мир, уничтожить и превратить в банальную стайку пылинок, но она всё ещё не могла заставить себя это сделать. Потому что трудно творить то, что не подпадает под очередной пункт твоего плана. И, как бы Лиара ни старалась приказать себе ненавидеть Дарнаэла, на самом деле ничего у неё не получалось. Всё это затянулось и переросло в грани безумия, наверное, но она оставалась верной себе до самого конца. До того момента, пока победа наконец-то не окажется...

В его руках.

Она всегда была за Дарнаэлом — выигрыш за последние двадцать лет ни разу не достался Лиаре. Конечно же, как так? Он — идеальный король своего государства, когда её все ненавидят, он способен поставить на колени любую державу, а её не трогает потому, что любит или просто так говорит... Или не желает делить между двумя детьми один трон, поэтому и оставляет две страны.

Но Лиара знала, что он играл всегда честно. И она тоже. А Тэзра посмела вмешаться и едва не сорвала всё, что только можно было сорвать. Ведь они, придерживаясь определённых правил, продолжали любить друг друга, а любить невозможно, когда один старательно приказывает избивать второго.

Впрочем, королеве хотелось верить в то, что Дарнаэл тоже знал о том, что она непричастна. Ведь после её вмешательства Игра потеряла бы весь интерес. Они так долго раскладывали фигуры на доске — и только для того, чтобы глупая ведьма смогла всё расколотить? Конечно же, нет, это невозможно — Тэзра не была глупой, но она ошиблась.

— Госпожа Высшая Ведьма? — Лиара говорила своим стандартно холодным тоном. — Что вы делаете в тронном зале?

Было ещё очень рано, солнце только-только поднималось, и Лиаре на самом деле очень хотелось спать, но бороться со своими желаниями она прекрасно умела. Важным казалось совершенно другое — то, что Тэзра уже планировала приступить к своему любимому занятию.

Очевидно, Дарнаэла она ненавидела куда сильнее, чем сама Лиара, и у королевы

Эрроки это почему-то постоянно вызывало приступы раздражения. Ведь Тэзра не имеет на это совершенно никакого права! Она должна сдаться, а не старательно воевать... Сама с собой, что ли?

— Итак, — продолжила Её Величество, — сегодня ночью я наведывалась к нашему непослушному пленнику. И знаешь, что я там обнаружила?

— Он умер? — с притворным ужасом поинтересовалась Тэзра, и торжества в её голосе было даже больше, чем любопытства. — Как жаль, как жаль... Или ему просто очень плохо?

— Ему хорошо. Теперь уж точно. но он жив, Тэзра, благодаря тому, что яды на него всегда действовали не особо хорошо. Я, конечно же, не особо делилась с тобой подобной информацией, а теперь вижу, что очень правильно поступила, когда отказалась от прелестной возможности тебе доверить. Ведь это однозначно было бы самой большой ошибкой в моей жизни, разве ж нет?

Тэзра ничего не ответила. Она стояла, бледная, как стена, отлично понимая, чем ей может обернуться подобное заявление со стороны королевы.

— Я должна была его заставить, Ваше Величество, — вздохнула она. — И мы не можем сдаться. Осталось совсем немного...

— Я исцелила Дара, — оборвала её Лиара. — И теперь надеюсь на то, что ни ты, ни твоя распрекрасная Мизель больше туда не спустятся. Будь более внимательной, когда выбираешь помощниц, она довольно болтлива. Но это не значит, что я собираюсь сдаваться. Это всего лишь подразумевает, что меня не устраивают твои методы. Это понятно?

Тэзра скривилась. Лиара всегда была до такой степени упряма! А ведь Высшая Ведьма знала, что надо сделать, чтобы было лучше, чтобы было легче... Но нет. Обязательно надо спорить, сопротивляться, старательно возражать. Зачем всё это?

Теперь ей следовало играть осторожнее. Но матриархат должен восторжествовать, даже если из-за упрямства Лиары они потеряли возможность непорочного зачатия.

— Ваше Величество, я не собираюсь больше к нему ходить, — выдохнула Высшая Ведьма, — но у меня всё равно есть несколько предложений... Для завтрашнего дня.

— Это какие же?

— Всё очень просто, — светловолосая женщина улыбнулась и заняла кресло, игнорируя тот факт, что королева до сих пор стояла. — Мы предложим ему выбор. Отречение или казнь. Завтра. Думаю, Дарнаэл не согласен умирать и моментально скажет всё, что нам нужно. Это ведь будет открыто... Он может выбрать смерть. Никаких тайн.

Лиара нахмурилась.

— Нет, — покачала головой она. — Я не собираюсь его казнить. Но пусть завтра тоже будет что-то вроде беседы, пусть его приведут сюда. Он подумает за ночь и день, может быть. решится всё-таки отказаться от своих глупых предпочтений.

— Да, Ваше Величество, — кивнула Тэзра. — Думаю, ему, к тому же, стоит подумать без воды и еды. Поэтому я ничего приносить не буду, если вы не против.

— Хорошо, конечно, — самодовольно согласилась Лиара. — Меня это вполне устраивает. Думаю, до завтра он не умрёт от голода.

Конечно, не умрёт. На подносе лежало столько всего, что хватило бы на несколько дней — в этом Лиара была уверена. Дарнаэл умён. Он не станет съедать и выпивать всё сразу же, так что, никаких проблем. Всё будет хорошо, Тэзра может в этом даже не сомневаться.

Что бы она ни задумала, Лиара всё равно окажется первой.

Даже если сейчас Высшая Ведьма не понимает, почему она так поступает с любимым,

между прочим, мужчиной.

===== Глава сорок шестая =====

Сэе не хотелось возвращаться. Каждую секундочку ей казалось, что всё вот так запросто рухнет и расколется на мелкие кусочки — и даже когда она увидела за чёрным дымом могильник, всё равно до конца не верила в то, что случилось.

Моника казалась ещё более грустной. Она сидела на краю пропасти вот уже несколько часов — после того, как они разобрались с телом несчастного художника, делать больше было нечего. В конце концов, идти обратно в столицу — это означало признать, что принца нет, что вернулись они вот так, в одиночестве, посмотреть в глаза всех тех, кто верил, до безумия разочарованных...

— Это кошмарно, — вздохнула Тальмрэ, присев рядом с молодой ведьмой, — но я уверена в том, что он жив. Иначе я бы точно почувствовала.

— Но ведь, — Моника грустно покачала головой, — он тебе никто. Не любимый, не муж, не родной сын. Так, пасынок. Между прочим, мешает.

— Да ну. Я не хочу быть королевой долго, мне просто надо было решить несколько своих проблем, да и только, — отмахнулась абсолютно спокойно Сэя. — Так что, это не про меня — убивать паренька или пытаться плохо его защищать только для власти.

— Но ведь ты для чего-то выходила замуж за Дарнаэла Второго.

— Для его же блага, поверь мне, — хмыкнула Сэя. — Я только кажусь со стороны страшной, Мон. Но желаю только добра.

— Мне надо, наверное, возвращаться в Эрроку, — внезапно проронила Моника. — Тут нет Её Высочества Эрлы, да и Рэй сказал, что границу хранит отнюдь не артефакт, так что...

— А что же хранит границу?

В голосе Тальмрэ почувствовался неожиданный интерес. Лэгаррэ должна была обратить на него хоть какое-то внимание, но на самом деле лишь всё так же равнодушно проигнорировала все те эмоции, что чувствовались в голосе женщины. Наверное, устала слишком от того, что вынуждена была пережить, может, чрезмерно переживала о Рэе.

— Шэйран не сказал. Мне показалось, что он и сам не знает, но это точно в Дарне. В любом случае, я туда не поеду, я хочу... — она запнулась. — Поговорить с королевой Лиарой. Может быть, там будет и Его Величество, он вернётся... он нужен Эльвенте.

— Разве ты не за матриархат?

— А Богиня его знает, — пожала плечами Лэгаррэ. — Прежде была исключительно за матриархат, а теперь очень в этом сомневаюсь. Потому что, как говорит Шэйран, королева должна была всех своих сыновей бросать с высокой скалы, а он всё ещё жив, пусть и немножечко сумасшедший. Я не хочу больше быть той, кто... Не могу. Мне надо отказаться от всего и попытаться потом его найти. Иначе будет беда.

Сэя кивнула. Моника оказалась куда сознательнее, чем она сама — удивительно, а ведь ведьма совсем ещё юна, как она может так старательно убеждать себя в том, что должна делать, а что творить не стоит? Ведь это такие философские вопросы, с ними толком не разберёшься, только опять можно получить новые, дополнительные проблемы, да и... Матриархат в крови у этой девочки.

— Может быть, — наконец-то проронила Лэгаррэ, — я смогу сделать что-то полезное там, если помогу королеве... На месте. Не здесь. Я не могу.

— Ты его любишь?

Она не ответила. Вопрос, впрочем, действительно был слишком сложным. Не для Сэи,

само собой. Ведь Сэя никого никогда не любила, кроме Рри, и тот всё равно не принёс ей ничего, кроме боли. Но для Моники очень сложный.

— Я не знаю. Всегда он казался мне просто дураком, которому повезло оказаться тут, на занятиях, познать волшебство. Он словно не ценил этого, играл с огнём и иногда даже выигрывал, но это было одинаково опасно. Он не... не учился, не старался, у него очень многое не получалось. Такие, как я, ненавидят таких, как он.

— И он всем нравился, — дополнила её рассказ Сэя. — Из сокурсниц.

— Ну, не всем, конечно, — пожалала плечами Моника, — но многим. Они его не любили, само собой, он их тоже, но им вместе было весело. Он казался мне таким...

— Каким?

Моника ничего не ответила. Она смотрела вниз, на могильник.

— Я должна ей сказать. Что это была Далла Первая. Я должна, больше некому, — наконец-то выдавила из себя Мон. — А он... Он, знаешь, был не таким, как остальные мужчины в Эрроке. Не знаю, как относительно магии, но вот говорить с женщинами, соблазнять ему было просто. Мне казалось, что это единственная причина, по которой он до сих пор тут.

— И ты ревновала, — понимающе улыбнулась Сэя. — Да, я знаю. Такое бывает. Ты думаешь, что мужчина и ломаного гроша не стоит, а он...

— Да не ревновала. Мне было просто противно. Они, думала я, заблудшие овцы, а он — волк, который упрямо пожирает их мораль. Сбивает с пути. И не то чтобы он им подливал зелья или мучил их. До меня уже потом дошло, что они делали это по доброй воле, потому что тоже это видели. Толку-то спать с мужчиной, если он тебя боится? А тут... Шэйран не боялся, я думаю.

— А ты сама-то пробовала? — Тальмрэ придвинулась чуть ближе и положила руку девушке на плечо.

— С мужчинами? — Лэгаррэ бросила на неё непонимающий взгляд. — Конечно, нет, я думала, это так... — она запнулась. — В общем, нет. Но мы с ним как-то раз говорили... И мне хотелось бы дочку, он смеялся, что когда я захочу родить, всё равно приду к нему.

— Почему? — удивилась Тальмрэ.

— Потому что моя дочь должна быть с магическим даром, а чтобы результат оказался стопроцентным, надо, чтобы волшебниками были и отец, и мать, ты же знаешь, — Моника зажмурилась. — Можно даже, чтобы девочка, если очень постараться и настроить магию. И он, мне казалось, будет не против этого — стать отцом моего ребёнка. И... Я действительно, когда прежде об этом думала, выбирала именно его.

Сэя засмеялась. Ей это казалось пусть и не неправильным, но уж точно безумно странным.

— Почему его? Мало ли мужчин-магов на свете?

— Мало, — серьёзно ответила Моника. — К тому же... Ну, Шэйран бы ничего не испортил. Не в плане... — она запнулась. — Не в плане удовольствия, но мне было бы не стыдно, если б мой ребёнок был похож на него. Внешне или по характеру, это не так уж и страшно. Рэй не глуп, он просто безумно ленив, я уже на последних курсах научилась отличать первое от второго. В общем... Я приняла для себя решение тогда, что выберу его, когда придёт время. Он об этом знал, немного издевался, но я ему, кажется, нравилась. Это было не любовью, перемирием. Но он всё равно оставался серым троечником, над которым я могла и посмеяться в коллективе, как теперь понимаю, единственная делала это честно.

— А остальные?

— Ну, у нас половина всех девушек с ним спали, — повела плечами Моника. — Смешно, правда? Я тогда не ревновала, мне было за них немного стыдно. Но он был таким бездарным лентяем и прогульщиком, я думала — пусть. Это не имело значения.

— Ты смотрела на него, как на хороший генотип, — кивнула наконец-то Сэя. — Понимаю. Красавец с магией, что может быть лучше?

— Ну, мне ведь не было бы даже противно... С ним, — девушка запнулась. — В конце концов, это не имеет значения. Тогда я, разумеется, его не любила. А потом прибыла сюда, попала в его паутину и не смогла выбраться. В заклятие, я имею в виду, — она зажмурилась. — И, — она наконец-то распахнула глаза и посмотрела на могильник, — я тогда впервые подумала, что относилась к нему неправильно. Мне так стыдно стало. Я ведь смеялась над ним за его спиной, а он... Он так колдовал, я видела. Я подумала: может, матриархат и вправду глупость? А потом он сказал, чей он сын.

— Что может быть лучше принца? Не думала, что корысть в твоём случае имела место, — Сэя не могла осуждать девушку за это, конечно же. Она сама вышла за Дарнаэла не за красивые синие глаза. Только было одно исключение — Дарнаэл знал об этом и не питал никаких надежд. С Шэйраном всё совсем иначе, он был влюблён в Лэгаррэ, с ума по ней сходил, это видно.

Просто старательно с собой боролся.

Светало. Чёрного дыма больше не было, и Сэя только пускала в пропасть редкие искорки, чтобы видеть чуть-чуть лучше. Ей казалось, что сейчас бедный художник поднимется из мёртвых, но этого не смогли бы сделать даже Боги. Не тут. Вечные не всеильны, а просто бессмертны — и когда-то создали этот мир для собственных нужд, разумеется.

— Нет, дело не в том, что принц — это богатство и статус, — отмахнулась Моника. — Даже не в родстве с Лиарой! Я просто ему поверила и вдруг поняла, что тут очень много лгали о том, кто кому и кем приходится.

— А, дошло наконец-то? Что матриархат — это бред сумасшедшей Тэзры?

— Она действительно сумасшедшая. Она так хочет в это верить, но ведь у Антонио есть отец. Я сама видела, — Моника закрыла глаза. — И я должна сказать об этом Лиаре. И мать её погибла, об этом тоже надо...

— Скажи.

Больше Сэя не проронила ни единого слова. Она и так знала, что Моника не остановится и ждать с моря погоды не будет.

Она слышала, как девушка запрыгнула в седло, как легонько коснулась каблуками боков коня. Удивительно, она даже не будет делать крюк, чтобы оказаться во дворце сначала в Лэвье, взять всё необходимое...

Странная — что может делать с людьми любовь? Может, и вправду следовало уклониться в ноги прелестному Тэллавару за то, что он лишил её этого проклятья? Но Сэя не собиралась этого делать, потому что не было на свете отвратительнее человека, чем Гартро, и она отлично понимала, что он не думал о ней в те мгновения. Только о собственной пользе, разумеется, только о ней.

Только о том, чтобы получить её возможность любить, но не позволить стать достаточно могущественной ведьмой, дабы действительно суметь воспротивиться, когда придёт для того время.

Гадко.

Противно.

Но ничего не поделать.

Сэя поднялась на ноги и осмотрелась. Ей так не хотелось возвращаться... Ведь там ещё есть Кэор! Куда он денется из замка?

И капитан Фэз. Он уж точно проследит за тем, чтобы всё оставалось в полном порядке. А ещё там есть Тэравальд, и ему тоже можно доверять. Эти люди должны взять на себя хоть немного ответственности, прежде чем она действительно сможет вернуться.

Это было очень страшно — то, что Шэйран мог погибнуть, то, что натворила Далла Первая во своей второй ипостаси. Всё это следовало осмыслить, да и... В конце концов, у Сэи было столько заданий в этой жизни, что она не могла посвятить себя полностью трону.

Только не сейчас.

Она упрямо мотнула головой и посмотрела в сторону леса. Он всё ещё казался тёмным, словно тени не желали отступать ни на одну секундочку, мрачным, поглощающим каждый лучик света, что только стремился до него дотянуться.

Всё это не вызывало ужас, разумеется. Всё это вызывало у неё разве что улыбку, и Сэя отлично знала о том, что новый день однажды окажется хорошим.

День-два. Больше ей не нужно.

\*\*\*

Она дошла до замка пешком. Отдых немного затянулся — целых три дня далеко от государства казались не таким уж и длительным сроком, но что-то всё равно изменилось. Сэя шагала по улицам довольно быстро, словно чувствовала опасность, но всё равно не могла до конца понять, что случилось такого кошмарного. Шум, тени...

Она, впрочем, сделала тучи во всём виноватыми. Мало ли, каковы причины холода в городе, кроме плохой погоды? Ничего не случилось.

Война не началась.

Она сделала ещё несколько шагов и остановилась — почувствовала, как что-то упёрлось ей в спину — острое и странное, будто бы прямо посреди дороги мог появиться незнакомый враг, что буквально мечтал о её смерти.

Сэя повернулась, пробуждая магию в своём теле, а после почувствовала, что сознание старательно куда-то уплывает.

От удара по голове ещё никому не становилось хорошо и прекрасно, и Тальмрэ в этом случае не была исключением.

\*\*\*

Она открыла глаза с трудом. Тёмные стены, холод и пустота — это было всё, что только могла понять Сэя.

Потребовалось несколько минут для того, чтобы привыкнуть к темноте. Она едва-едва различала решётку перед собой — и попыталась призвать Силу, но той словно не существовало. Нигде. Ни единой капельки. Мир умирал — старательно и быстро, — и она потеряла своё волшебство... По крайней мере, в той мере, в которой это было реально.

Сэе пришлось минут пять просто смотреть в пустоту, чтобы привыкнуть к новому месту и заставить ту, вторую личность, бунтующую в ней, успокоиться. Воспоминания давили на голову, но она подумала, что больше всего проблем может быть именно от физического вмешательства — а по затылку её всё-таки довольно сильно ударили, надо сказать.

Девушка провела пальцами по волосам, а после коснулась того места, на которое



опустилось что-то тяжёлое.

Пальцы мазнули по чему-то липкому. Кровь.

— О, моя дорогая, — послышалось откуда-то со стороны. Она резко, до боли, повернула голову — и поняла, что за решёткой стоит тот, кого она больше всего боялась там увидеть.

Рри остановился у противоположной стены. Дотянуться руками она до него не могла. А что до волшебства, то на шестом уровне темниц под дворцом, разумеется, оно не работает.

— Моя дорогая, — протянул он равнодушно и надменно. — Как приятно тебя тут видеть... Знаешь, я надеялся на то, что ты ещё любишь меня, что мы будем вместе...

— Толку тебя любить? — возмутилась она. — Ты-то не умеешь этого делать, а я должна? — девушка изо всех сил пыталась выглядеть спокойной и просто недовольной барышней, хотя получалось довольно плохо. — Почему ты тут меня запер?

— Потому что именно ты обвиняешься в убийстве Его Высочества. Принца, то бишь, — Рри ослабилась. — Я думаю, скоро мы тебя казним. Но сначала надо подождать. Мой дорогой друг, который помог мне получить это место, сейчас с тобой пообщается и всё пояснит.

Сэя отшатнулась.

Тэллавар Гартро казался помолодевшим. Его волосы вновь приобрели каштановый оттенок, глаза из болотистых превратились в довольно яркие, длинные пальцы и вовсе создавали впечатление молодости. Он коснулся решёток, а после отошёл — тут магия и его не действовала, так что, нечего слишком рисковать своей драгоценной жизнью.

Рри явно не планировал продолжать разговор. Он коротко поклонился, издевательски так, а после быстро направился к выходу.

— Моя дорогая, — протянул Тэллавар, — тебя так долго не было... Беда в том, что после того, как пропал Его Величество, а после и драгоценный племянник короля, мы заподозрили тебя. Ведь королеве Сандрин не было толку никого убивать, она больше не могла получить трон, — он самодовольно на неё посмотрел. — А после случилось кошмарное... Ведь ты знаешь, что только основная линия Тьерронов поддерживает границу? Те, кто владеет магией? Кэор ею не владеет.

Девушка молчала. Она не понимала, к чему был вообще весь этот полубезумный разговор, но осознание казалось отнюдь не лучшими минутами в её жизни.

— Так вот в чём беда, когда вчера... или позавчера? — он рассмеялся, так мелко и противно, что Сэя едва сдержала свою ненависть, — так вот, когда погасла стена, ограждавшая Элвенту от Эрроки и прочих государств, от той же Торрессы, я понял, что дело неладно. Что принц погиб... Но тебе-то я могу сказать, — Тэллавар ослабилась, — что прекрасного Шэйрана убил я в усыпальницах Дарнаэла.

Сэя отлично понимала, что это означало. Было время даже не для горя за молодым принцем, нет. И не за Даром, что оказался в плену в Эрроке и не мог больше поддерживать границу, ибо рухнула его магия — вероятно, тоже заблокировали.

Нет.

Граница пала не потому, что умер Шэйран. Не потому, что Дара не было тут. Потому, что Тэллавар впитал всё то, что поддерживало её мощь.

Силу Дарнаэла Первого.

И теперь во всём мире не было столько магии, чтобы остановить проклятого старикашку.

— Я вижу, — улыбнулся он, — ты поняла, что это для меня означает. Да, несомненно,

Шэйран пострадал, бедняжка... Но ведь за дело? Я должен был принести жертву. Не бойся. Он умирал не очень долго. Но вот беда... Последней его видела ты и молоденькая ведьмочка. Её тоже нет, поэтому мы сделали вывод, что коварная королева убила и прелестного принца, и красотку Монику... А за это, как за королевскую измену, полагается смерть, — он улыбнулся. — Только мы должны подождать.

Девушка молчала. Она и так поняла, что Кэора тут нет, а судя по наличию Рри, и всех остальных тоже.

— К тому же, так загадочно пропал капитан стражи, и наш драгоценный библиотекарь... — продолжал Гартро. — Тут никого нет, народ запаниковал! И тогда пришёл наш спаситель, Рри Кэрнесс. Как прекрасно, что этот древний род не прервался, правда.

Сэя заставила себя стоять на месте. Она после сможет задать один вопрос, сможет. И Тэллавар, при всей его мудрости, не сумеет солгать, он вынужден будет сказать правду — ляпнет её, потому что не подумает о том, что сие может означать.

И это будет либо гибелью, либо счастьем для Сэи.

— И теперь у нас новый король, — самодовольно улыбнулся Тэллавар. — Если б ты пошла у него на поводу и помогла ему, то, может быть, осталась бы живой. Но ведь ты у нас гордячка! Ты не умеешь слушаться взрослых дядюшек, ты должна делать так, как тебе хочется...

— К чему ты ведёшь?! — она не сумела прикусить язык и прошипела фразу слишком недовольно, подошла вплотную и сжала прутья.

Естественно, на шестом уровне не будет никакой магии.

— Я даже придумал для тебя любопытную казнь. За то, что ты повалила Тьерронов, мы вскоре сбросим тебя на седьмой уровень. Прелесть, правда?

Сэя ничего не ответила.

— А теперь я отдам должок, — он коснулся её лба. — Ту магию, что была у меня прежде. Она-то мне больше не нужна, по сравнению с тем, что было у Тьеррона, это... Капля в море, понимаешь? Ах, я даже не ожидал...

Сэя почувствовала только мимолётный укол силы. Старый маг и вправду отдал то, что ей полагалось, и больше не было никакой смерти за то, что он натворил. Он вернул ей... Даже больше, чем она требовала. Такой добрый, разве нет? Такой прекрасный и заботливый...

Она заставила себя дышать спокойно.

— Как у вас только рука поднялась, — выдохнула наконец-то она. — Парню всего двадцать два. Неужели не...

— Нет, — отмахнулся Тэллавар. — Мне не было его жаль. К тому же, он умирал легко, — Гартро склонил голову на знак прощания и направился туда, где брезжил свет факела, собираясь поскорее покинуть девушку — не дать ей возможность прийти в себя.

— Эй! — крикнула она. — Как ты его убил? Шэйрана? Как он умер?

— Я вонзил ему нож в сердце, — обернулся к ней Тэллавар. — А перед этим сломал позвоночник — бедненького парализовало... Он не мог шевелиться. Я был максимально быстр, не переживай.

— И ты не отрубил ему голову? — не сдержавшись, спросила она. — Оставил её на плечах?

— А зачем её рубить? — удивился Гартро. — Парень красивый, не хотелось аж так его

портить... Когда найдут — пусть хоть красиво похоронят, ведь в тех могильниках ничего не тлеет, я знаю.

— О, — хмыкнула Сэя. — Разумеется. Пусть его похоронят красиво, — она отступила от прутьев. — Спасибо. Меня больше ничего не интересует.

Замечательно.

Тэллавар ещё даже не представлял, что именно он наделал.

===== Глава сорок седьмая =====

Дорога успешно вилась под ногами тонкой полосой. Тропа то растворялась в очередном приступе буйства трав, то вновь проявлялась, незыблемой линией вела куда-то в глубины, вновь таяла за углом. Иногда пропадала она именно на повороте, и тогда приходилось останавливаться и долго оглядываться, чтобы понять, где они оказались — может быть, именно в этом и состояло главное коварство пути в Лэвье.

Столица Элвэнты оказалась неожиданно далёкой. Вроде бы до неё и рукой подать, но они расстались с Жрицей Эрри вот уже три дня как, а знакомые для Эрлы и никогда не виданные для Эльма шпиль королевского замка так и не появились из гущи деревьев. Только сплошные растения, и в сочетании с воспоминаниями о Мэллоре они казались далеко не самыми приятными стражами пути. Слово не успеешь ты и оглянуться, как непонятно откуда появится ветка плюща или травы заколосится над тропой, спрячут дорогу и поглотят лошадь.

Но ехать на одном коне, когда вы друг друга ненавидите — вот что всё-таки самым трудным испытанием.

Когда зелёные пятна в третий раз начали сереть, а солнце скрылось за высокими дубами и клёнами, конь недовольно всхрапнул. Шёл он под весом двух всадников примерно по часу в день — нынче, как и обычно, приходилось продирается сквозь лес пешком. Эльму и Эрле, разумеется, это совершенно не нравилось, но выбора у них всё равно не было. Тропа оказалась глухой — ни одного селения по пути. Посему единственным вариантом, чтобы не тянуть на себе ещё и поклажу, оказалось тащить коня силком, будто бы он переквалифицировался в осла, осталось только уши длинные прицепить.

...Конь в очередной раз зацепился за корягу и застыл, словно изваяние. Эльм сердито толкнул его рукой в бок, но это ни капельки не помогло — и вновь дорога растворилась под ногами, а рассмотреть, где она продолжится, было нереально — всё-таки, ночь в лесу оказалась слишком сильным испытанием.

Лунный свет пробивался сквозь крону и скользил по плечам Эрлы, но от этого забытый матушкин дар не просыпался. Вероятно, он окончательно изжил себя тогда, с мертвецами и Мэллором, потому как ведьма с Эрлы не получилась.

— И толку с твоих ведьминских корней? — устало, раздражённо промолвил Эльм, отпуская поводья. Конь явно планировал спать, и заставить его сдвинуться с места они даже не могли. — Одни проблемы. Один матриархат в голове!

Эрла скривилась. Матриархатом они попрекали друг друга, наверное, чаще всего — потому что это было куда удобнее, чем вспоминать то ли о выдуманных, то ли о настоящих чувствах, а после оправдываться и заявлять, что ничего не было. Наверное, принцесса была сама виновата в том, что позволила себе в что-то там поверить, но терпеть больше весь этот кошмар она просто не могла — хотелось повиснуть у отца на шее и как-то вечером, когда проклятый спутник уж точно не будет её видеть, со слезами на глазах пересказать кому-то всю историю несчастной любви. Но не тут и не в таких условиях, не тогда, когда он смотрит

— словно пытается прорезать насквозь.

— И толку с твоего дворянства? — фыркнула в ответ Эрла. — Как не умел ничего, так и не умеешь!

— Знания — не магия, она по крови не передаётся. Значит, врёт твоя мать, рассказывая о том, какая она прекрасная волшебница, если у тебя ничего не получается. И не факт ещё, что Его Величество сможет сделать что-то большее, чем выпустить три искринки!

Эрла так ничего и не ответила. Рассказывать о том, как колдовал отец, она не могла, хотя, наверное, когда-то за время путешествия и упоминала о его даре. Подписаться под тем, что её родственники обладают даром сходим с волшебством Мэллора — это значит обозвать саму себя либо душой, либо предательницей, а принцесса не хотела оказаться ни первой, ни второй. Ей вообще, в принципе, сейчас было всё равно, что о ней подумает Эльм, но когда злость угаснет — когда она перестанет видеть его целыми сутками, — наверное, захочется исправить всё то, что они натворили.

Эльм буквально рухнул на листья у какого-то дерева — старые, оставшиеся ещё с прошлой осени, служившие не самым лучшим ковром или подстилкой для сна. Эрла его примеру так и не последовала, хотя давно уже следовало перестать бояться запачкаться — только не в этих условиях, когда пыль словно приклеилась с ним, старательно въелась в кожу и пыталась уничтожить мысли изнутри.

Друг на друга они не смотрели — впрочем, как и обычно, будто бы стыдились полувзгляда, полувздоха, просто попытки переглянуться между собой. Словно в этом действительно могло быть что-то постыдное. Что именно — наверное, даже под прицелом револьвера Эрла не ответила бы, но после выдуманных признаний иметь дело с Марсаном ей не хотелось. Все чувства не потеряли своё значение, но инверсия имела своё место, и никуда от неё не денешься.

— Прежде чем сметь говорить что-то плохое о моих родителях, подумай, на чьих землях ты находишься! — не смогла прикусить язык Эрла. — Я не желаю слышать это там, где витает дух моих предков!

— Дух твоих предков? Ты о ком, о великолепной Богине Эрри, али о Дарнаэле Первом, которому поклоняются в этой стране? О да, божества — один краше другого!

Эрла зло плюхнулась на сырую землю напротив, тоже у дуба, и провела пальцами по земле, словно отчаянно пыталась там что-то нашарить. Под руки попался только жёлудь, и девушка схватилась за него, будто бы за единственную ниточку, что ведёт к спасению, взвесила в руке, определяя, подействует ли, а после со всех сил швырнула в мужчину.

Это было совсем не больно, но, наверное, немного унижительно или что-то в этом роде. Эльм увернулся — жёлудь рухнул на землю, и Эрле подумалось, что на глазах у Шэйрана он, наверное, уже бы превратился в дуб. Дуб сжал бы ветками руки Эльма, приковал бы его к себе и никогда не отпускал — отомстил бы на всё, что она натерпелась от гнусного экс-герцога Ламады.

— А в кого же ты веришь? — скривилась принцесса. — В своё самомнение? О да, именно оно никогда никого в этой жизни ещё не подводило!

— Уж явно не в бесполезных богов! — выдохнул мужчина. — Какой толк с того, что вы ходите и молитесь картинке?

Эрла не ответила. Иногда ей хотелось кричать матери о том, что нет ничего более ненужного, чем вера, но периодами она понимала, что без религии политика невозможна. А ещё случались такие моменты, когда она слишком ярко, слишком ясно осознавала, что на

самом деле что-то такое да существует. Но чем дальше, тем больше Эрла игнорировала и существование богини, и всё в этом же роде — ей давно стало наплевать на то, что думает по тому поводу мама, а папа никогда особо никому не поклонялся.

Смешно — вырасти на перепутье двух религий и так и не суметь понять, какая из них более правдивая. Эрла убеждала себя в том, что ни в кого не верит, но теперь, ссорясь с Эльмом, приходила к ясному выводу, что верит и в того, и в того.

— Ничего, — скривилась она, — придёт время, и Эрри или Дарнаэл лично свернут тебе шею!

— Обязательно, — отмахнулся Эльм. — Ты ещё скажи, что существуют родовые проклятия — кроме того, что рождаются такие дочери, как вот ты или твоя мать. Это ж сколько несчастных людей вокруг должно пострадать после того, как что-то в этом роде свалилось им на голову!

Эрла только пыталась сверлить взглядом точку где-то позади Эльма. Если б только она была ведьмой, Высшей, как говорила мама, она б обязательно заставила дуб стать великим и могучим и уничтожить Эльма. И всё это — за считанные секунды. Но она не была ведьмой, а была какой-то там Воительницей, не умеющей держать в руках меч и лук. Бесплезная — как и сейчас, так и в прошлом, — дитя пророчества, которое всё-таки не сбылось.

Рэю хорошо. Во-первых, им занимался папа — насколько Дарнаэл Второй вообще уделял внимание своим детям, — во-вторых, Шэйран всегда делал что хотел и когда хотел. Он сумел сбежать. А Эрла для того была слишком близко к Лиаре Первой. Мать умела держать за горло, но по наивности своей предположила, что мужчина вряд ли способен сорваться с цепи. И именно потому сначала она проиграла в борьбе с Дарнаэлом за страну, потом с ним же за сына — но вряд ли действительно боролась.

А Эрле так хотелось бы родиться в другом месте — не у такой матери, не в семействе, где тираны смотрят на тебя со всех сторон и постоянно чего-то ждут.

От Рэя никогда ничего не ждали. Он мог делать всё, что пожелает, нарушать законы, ибо он принц, и не повиноваться приказам матушки, ибо он сын, а не дочь. Ибо он просто принц, а она, оказывается, обязана быть наследницей престола. Ибо он никогда не говорил о том, кто его отец и мать, а Эрле и не приходилось — когда она приходила, все уже давно обо всём знали.

...Сумерки поглотили лес окончательно. Тёмная, вязкая жидкость затопила ночь, будто заставляла каждого захлебнуться в себе — хотя бы временно побыть живым мертвецом, способным лишь безучастно наблюдать за всем этим кошмаром.

Эрле всё так же жутко хотелось стать ведьмой — а не этой проклятой ничего не умеющей воительницей. Ей всегда казалось, что колдовство даётся легко тем, кто к нему способен — просто она не отказалась в рядах счастливиц, бывает же! Мамочка иногда проигрывает и ошибается, такое случается не так уж и редко.

Она уснуть не смогла. Эльм, наверное, давно уже видел десятый сон — если б она была такой плохой, как он о ней говорил, то давно бы уже воспользовалась этим и перерезала б ему горло, например. А если б оказалась какой-нибудь романтической дурой, то устроилась бы рядом и в темноте ночи перебирала белые, но отнюдь не светившиеся во мраке пряди волос — главное не выколоть по пути глаз, чтобы он потом так ничего и не заметил.

Девушка зябко повела плечами и покосилась на коня. Она бы с радостью сейчас добралась до Лэвье первой — если потом Эльму возжелается добраться до Дарнаэла Второго и потребовать у него вознаграждение, то пусть папа что-то там ему даст, но терпеть и

дальше назойливую компанию Эрла не собиралась. До Лэвье, наверное, не так уж и далеко.

Она грустно посмотрела на коня. Тот спал — разумеется, после такого длинного дневного перехода! Эх, сюда б Рэя, он смог бы разбудить его...

Девушка опустила глаза. Тропу под ногами видно не было — и путеводной нити у неё, разумеется, тоже нет, а уйти хотелось невыносимо. Эрла даже не могла сказать, откуда у неё взялось такое жуткое желание — вот только дальше терпеть Эльма становилось невыносимым, а она устала заставлять себя что-то чувствовать, говорить и думать.

Эрла оглянулась. Легче и проще, разумеется, не будет. Но там, дальше, нет никакого Марсана, и её, наверное, ищет папа. Она слишком задержалась, чтобы он не знал о её пропаже, мама давно уже отправила туда своих шпионов, только ничем они не помогут. Папа достаточно силён, чтобы вытолкать за пределы своего государства каждого, кто кажется ему лишним. И обладает достаточной властью, чтобы мать не смогла возразить в ответ достаточно громко и во всеуслышанье. Если Эльвента расторгнет с Эррокой мирный договор и позволит пройти войскам Торрессы через свою территорию...

Если Торресса окончательно определится с союзником!..

Девушка мотнула головой. Ничего такого не случилось — жрицы б тогда рассказали. Грета и Нэмиара не настолько и плохи, как ей может казаться — в конце концов, что особенного могут сотворить какая-то там змея и берёза?

Нет, надо идти. Зря она не согласилась отправиться со жрицами в храм, но лучше к папе. Так ей самой будет спокойнее — тут осталось несколько километров, и она окажется на месте.

Девушка повернулась к поклаже. Совсем рядом были аккуратно сложены какие-то сумки, оружие... И одиноко валялся лук. Сначала Эрле отчаянно хотелось просто уйти с простыми руками, но она всё-таки потянулась к колчану стрел и семейному оружию Марсанов, наверное, ей хотелось просто отомстить ему — совсем чуть-чуть.

Дорога уходила невидимой нитью в темноту — но Эрла верила, что она сумеет её найти. И даже если заблудится... это всё казалось до такой степени глупым — страх, риск... Чего ей бояться, кто вообще может попытаться её обидеть? кому она нужна? Принцесса даже лук взяла только для того...

Только для того, чтобы у него была причина её всё-таки найти.

\*\*\*

Это было почти смешно — проснуться и не обнаружить Её Высочество на положенном девушке месте. Разумеется, Эльм не тешил себя надеждами. Он даже не допускал мысль, что Эрла прошла прогуляться, подышать более свежим воздухом в десятке метров от главной тропы или найти какие-то ягоды, чтобы было чем позавтракать. Разумеется, принцесса сбежала, разумеется, прихватила его лук с собой и, разумеется, подставила. Он даже не сомневался в том, что рано или поздно Эрла вытворит что-то в этом роде, но ему почему-то казалось, что нечто столь отвратительное должно было случиться чуточку позже. По крайней мере, не в этот день, не тогда, когда они оказались до такой степени близко от Лэвье.

Эльм поднялся с трудом. Ноги затекли, шея ныла, повернуться казалось практически нереальным. Каждое мгновение и каждое движение давались с таким трудом, что Марсан уже было попрощался со способностью добраться до столицы, но со временем стало всё же отчасти легче. Он поймал коня за поводья — Эрла не прихватила даже животное, вероятно, боялась разбудить самого Эльма. Ну, что же — если она ушла засветло, а не среди ночи, то

ещё есть какой-то шанс догнать.

Остальные вещи оказались на месте. Марсан покосился на них сердито и почти тоскливо, будто бы в укор Эрле отмечая, что не собирался её бросать, а она поступила весьма бесчестно, но...

По крайней мере, она дала ему повод. Одно дело гоняться, словно сумасшедший, за капризной девицей, совсем другое — пытаться вернуть фамильное оружие, единственное, что осталось ему от отца. И, конечно же, принцесса думала в этом же ключе, только с какой-то выгодой для себя — то ли хотела вновь его увидеть, то ли надеялась заманить в ловушку.

Верить во второе не хотелось, но первое тоже казалось слишком самонадеянным. Эльм не привык хвататься за любовь — тем более любовь в условиях матриархата, — но других вариантов не было, и приходилось хвататься за что-то более приятное, чем грубое банальное предательство. За что-то, что подарило бы ему хоть какое-то спокойствие.

Он тоскливо посмотрел на бесконечно серое небо, что пробивалось лохмотьями туч сквозь сплошную пелену дубов и клёнов. Взгляд замер на совершенно неуместной тут сосне — словно она выросла здесь случайно, как будто по волшебству, но явно не естественным путём. Тут вообще ничто не выросло естественным путём, давно пора было свыкнуться с этим дурацким правилом, которое сидело, словно кость в горле.

Пейзажи вообще отличались поразительной серостью — словно лес вымер, тосковал о ком-то. Эльм предпочитал игнорировать и дурное предчувствие, и холод — тянуло ветрами с юга, ледяными ветрами, словно в одно мгновение Лиггерское море превратилось в сплошной каток. Но одно только изображение этой снежной крошки брызг на песчаном берегу близ никогда не виданной Марсаном Дарны казалось ему чем-то кошмарным — что уж говорить о правде? Нет, холод — это временно, только ветер где-то закрутил погоду, и не стоят теперь рядами дарнийцы на берегу остывшего от грусти океана.

...Тропинка вновь проявилась под ногами уже через минут десять. Эльм сам не знал, как сумел направить лошадь в нужную сторону, а ещё — не мог избавиться от странного ощущения, что кто-то упрямо замахивается кнутом над его спиной, но не решается опустить руку и нанести удар. Предчувствие заставляло мчаться всё быстрее и быстрее, но Марсан в глубине души понимал, что если что-то случилось, то никакая спешка ему уж точно не поможет.

Лэвье показалось как-то внезапно. Расступились деревья — сплошные ряды превратились в редкий подлесок, и огромные стены столицы нависли совсем не ажурными возвышениями прямо над головой Марсана. Казалось, город в одно мгновение вскипел, взорвался тоннами зданий, а после притих — и так и тянулся к небесам этим замершим великолепием, затерявшимся среди леса.

Но Эльм не мог восхищаться красотой строений. Сейчас его взгляд вперился в лужу крови, троих мёртвых стражников — и десяток живых с обнажёнными мечами.

К тому же, нельзя было сказать, что они шибко обрадовались его появлению — и Эльм поймал себя на том, что не может оторвать взгляд от грубого, старого шрама, что рассекал всё лицо одного из мужчин.

\*\*\*

Рри Кэрнисс был слишком удачливым королём. Пожалуй, даже чрезмерно, как на его от силы неделю правления.

Он остановился напротив зеркала и коснулся шрама. Если б он был женщиной, то мог бы скрывать лицо за вуалью — но, впрочем, если б он был женщиной, внешность имела бы

значение. Но Кэрнисс слишком долго прожил в Элвенте, чтобы Эрроканские правила, которые пыталась посеять в нём его драгоценная бывшая возлюбленная, не коснулись разума даже на мгновение.

Теперь всё перевернулось. Рри, в конце концов, даже предстал пред глазами общества великим борцом за справедливость.

Он выпрямился, и пальцы скользнули по меховом воротнике мантии — та валялась на стуле, бесконечно королевская и чуть погрызенная молью. Разумеется, Дарнаэл Второй не снисходил к подобным нарядам, потому что, очевидно, испытывал отчаянное удовольствие от скачек на взмыленной лошади с ножом в зубах, револьвером в левой руке и шпагой в правой, в изорванной чёрной или, на худой конец, державо-красной рубашке, в сапогах, которым никогда не светят золотые шпоры. Но то Дарнаэл Второй, а не Рри Кэрнисс. Оно и видно, человек не королевской крови, даже пять веков на троне не помогли Тьерронам стать настоящими правителями. Они удачно воевали, но всё остальное у них получалось как-то глупо, притяннуто, и...

Кэрнисс отвернулся от зеркала. Отражение своё ему не нравилось, а надевать мантии с меховыми воротниками, в которых копошилась моль, было как-то совсем не весело. По крайней мере, он то и дело ловил себя на мысли, что подобный наряд не поднимет его авторитет в глазах людей.

— Ваше Величество... — запыхавшийся слуга бросил ещё несколько экземпляров на ближайшее кресло. — Стражники просили передать, что злодейка заключена в тюремные камеры, в самых нижних отделах находится, где никто не может колдовать, и...

Рри попытался повелительно махнуть рукой, но получилось плохо. Его любовь выгорела дотла, когда он ступил на путь бесконечных превращений в слишком верного и слишком глупого Вирра, но теперь воспоминания о Сэе почему-то причиняли боль. Разумеется, речь шла не о ней — о посмевавшей сюда явиться принцессе Эрле.

Но Дарнаэл сгинул там, на вражеской территории, оказался в плену королевы Лиары, и его вряд ли может что-то спасти. Вот-вот придут гонцы с новостями — Тьеррона казнят, не задумываясь, Кэрнисс был в этом практически уверен. Молодая принцесса Эрла тут, в его руках, и, может быть, получится всё обернуть выгодным союзом с Эррокой или, напротив, разбить супостата — Лиара ничего не сделает, пока её драгоценное чадо в опасности!

Рри потянулся к самой скромной чёрной накидке, навесил её себе на плечи, будто бы траурную тряпку, и быстрым, резким шагом направился к выходу. Не время выступать к гостям величественно — конечно, он умел это делать, ну, или надеялся, что умел, но знал, что поймут не так. Он скорбит по Дарнаэлу Второму, и, очевидно, надо сделать всё, чтобы врагов убрали чужие, а он мог потом повернуть это в свою пользу.

Именно по этой причине он нынче будет смотреть на гостя настолько спокойно, насколько это возможно, и выжмет из оскорблённого парня всё, что только может.

Рри неуловимо коснулся своего шрама — словно пытался его скрыть, — но вовремя вспомнил, что это, увы, нереально. Он давно потерял возможность манипулировать собственной внешностью, но это не уменьшало другие его таланты, не менее выдающиеся. Кэрнисс не пользовался больше второй ипостасью, но в этой у него была и магия, и всё на свете.

Придворный маг Дарнаэла Второго мёртв благодаря Тэллавару — Эрри его знает, кто такой на самом деле этот Гартро, но если он уничтожил мальчишку, то честь ему и хвала. Стража Дарнаэла Второго отбыла куда-то и вряд ли долго проживёт. Сам Дарнаэл на



вражеской территории — если ещё живой...

И принцесса Эрла в камерах.

Кэрнисс улыбнулся — вполне искренне своей властности и слишком уж деланно гостю. Гостю, которого он был рад видеть как минимум потому, что его можно было заточить, как нож, сделать своим оружием, выставить против очередных полчищ Лиары. Ничто не может быть сильнее, чем настоящая ненависть, Рри помнил об этом. И Рри был уверен в том, что Эльм Марсан ненавидит принцессу Эрлу достаточно для того, чтобы придумать ей — и королеве, разумеется, — самую лучшую пытку на свете.

Ведь кража фамильного лука, который растрожили в итоге войны Рри по чистой случайности — это самое меньшее, что сделала плохого Её Высочество преисполненному злости и ненависти Марсану, разве нет?

Разве не он будет той стрелой, что достигнет очередной цели Рри?

Не отомстит за всё то, что сделали проклятые Тьерроны за столько лет? Не только ведь Рри Дарнаэл умудрился перейти дорогу, правда?

===== Глава сорок восьмая =====

Война гремела там, совсем далеко, за линией гор и рек, за огромными полями, казалось, а прошло мгновение, ребёнок отвернулся от широкой панорамы книжного сражения — и заметил, что он находится в гуще событий, и над его головой свистит сабля наёмника с Торресского архипелага, и холод смерти касается кончиков пальцев. Ещё мгновение назад война была так далеко — прежде чем совершила очередной прыжок, разрушила все границы, которые только могла, вскипятила и остудила кровь в жилах стольких молодых людей, что и не пересчитать.

Разумеется, легче всего было откупиться. Те, у кого были деньги, так и делали — и Дар видел перед собой тень проклятого Рри. Какая разница, как ты попадёшь на войну — добровольно, за денежное вознаграждение, за то, чтобы твоя мать наконец-то не мучилась от голода по утрам и по вечерам, или силком, только вместе с ненавистным господином. Тут ведь не способности определяют то, кем ты будешь, тут определяет количество золотых за спиной. Что там, прихлебатели Его Величества — и какой-то юнец с соседней улицы, с которым Кэрнисс даже в детстве стыдился бы ходить по одному болоту. Но золотые дети редко переходят грунтовые тропы и шагают по полям, их чаще всего носят, и Рри на войне делать нечего — когда меч будет лететь ему на голову, он струсится успеет прежде, чем умрёт.

Какая разница, поедешь ты на войну сам, сжимая меч в руках, или тебя вытолкнут на неё из тюремной камеры, силком, не дав даже нож, чтобы биться с врагами, швырнут на поле боя, как мясо — чтобы врагам было на ком уставать.

Когда меч рассекает воздух, когда жизнь вытекает, какой смысл?

Он хотел выжить; хотел вернуться и в лицо заявить проклятому Рри, что тот, возможно, зазря отказался от своей славы. Что там всё так просто и легко, можно было повоевать и вернуться победителем, с гордо поднятой головой; вернуться живым, а не трупом на повозке, хотя доведут ли ещё.

Но... Когда всё было так просто?

Они побеждали. Дарнаэла не тянуло в первые ряды — зачем? Герои рвутся вперёд, но он тут замещал другого человека, ордена и хвалу получит Рри — за себя или безвольного раба, но всё равно это будет он. Не то чтобы парню хотелось стать тем, кого будут посмертно восхвалять, но он просто в меру своих возможностей парировал удары — и

убивал врагов, до которых мог дотянуться. Его мастерства хватало разве что на то, чтобы просто выжить — не больше.

...Всё переменялось внезапно. Никто не знал, откуда пришла Торресса, но сражались они хорошо; никто не знал, как забытый всеми архипелаг смог переманить на свою сторону эльфов Ньевы, но они сеяли смерть в чужих рядах с такой скоростью, что никто не успевал даже отбиваться. Оставался только один вариант — бежать.

Но бежать они не успели. Замялись первые ряды, натолкнулись на мечи вторых и третьих, и всё смешалось в кровавую кашу. Теснота поджигала воздух вокруг, и лезвия смешались в сплошные серые росчерки в пустоте. Перед глазами что-то засветилось, и он помнил, что даже кого-то задел, а после издали послышался вопль, вспыхнул пламенем мир, и магия рухнула на правый фланг. Война сминала всех без разбору; будь ты дворянин, будь ты крестьянин, когда чары льются по полю боя, не спасётся ни одна живая душа.

Жалобно запела сталь. Трубы вопили о гибели, но разобраться, что к чему, было практически невозможно — даже если очень постараться. И пусть они были в другой стороне от магии, пусть волна огня и не докатилась бы до левого фланга, до него долетел кинжал. Острый, смертоносный кинжал — что может быть лучше?

Дарнаэл не успел даже захрипеть — сердце разорвалось от боли, рубанул со стороны меч, оставляя широкий росчерк на руке, кровь и песок смешались ранами на лице, и он рухнул в кровавую мешанину с эльфийским — ядовитым, — кинжалом в груди.

\*\*\*

Эльф переглянулся с Высшим и покачал головой. Седобородый дедок с учеником под боком никак не могли найти, куда б это приткнуться, и представителю Древней Расы было почему-то неприятно находиться рядом с теми, кто так просто ухватил кусок чар у них.

Торресса напала только для того, чтобы защитить свои земли. Эльфов нагло обманули, рассказав им о том, что Дарна шла войной на архипелаг, а после этого собиралась обрушить могучую армию на Ньеву — не было ничего, что могло б остановить эльфов, и эти людишки жалкие тоже даже пальцем не успели бы шевельнуть перед тем, как маги эльфов, как служители их Храма разрушили бы всех и каждого.

— Зря только подняли панику, — раздражённо выдохнул немногословный воин. — Это Боги должны сойти с небес, чтобы мы склонились перед ними на колени.

Побоище — потому что это боем назвать не поворачивался язык, — было знатное. Сколько трупов, словно старушка смерть сеяла свои зёрна вокруг щедрой рукой!.. Эльф скривился — жизнь людей не была чем-то ценным, но ему всё равно почему-то стало неприятно. Воин не привык к такому, он привык, что люди хотя бы сопротивляются. Но эти не ждали, они размахивали мечами, прорезая дорогу к своей победе, и теперь валялись тут горами окровавленных тел.

— Боги... Богиня Эрри давно уже ушла, чтобы тратить силы на эльфов, — скривился маг. — Или у вас есть какие-то другие боги?

— Храм един, и весь ваш континент сотворён Их руками, — воин покачал головой, словно отрицая саму возможность человеческой победы над богами или над самим собой. — Они выше нас и сильнее, но ушли в небытие!

Маг верил в храм — но настоящие иконы, те, которые умеют делать только эльфы, не видел никогда в жизни. Богов было двое — это знали все более-менее образованные люди. Просто Богиню уже нарекли Эрри, а Бога прежде не видели — никто, кроме эльфов.

Воин протянул волшебнику медальон с начертанными портретами. Эрри узнать было

нетрудно — красивая молодая женщина с каштановыми волосами, с задорным взглядом — всегда весёлая, живая, одно слово — Богиня. Мужчину маг никогда в жизни не видел, но назвать его Богом... Да, мог бы, наверное. Кому ж ещё творить миры?

С медальона на него смотрело точёное мужское лицо — лет тридцать, но с таким же успехом ему могло быть и тридцать веков. Чёрные смольные волосы, чуть вьющие, будто бы в противовес резким, острым чертам лица и синим пронзительным глазам — чистый холодный взгляд воина или настоящего мага.

Волшебник вздохнул и коснулся своей седой бороды. Он когда-то в далёкой молодости тоже был красив, но куда уж до Богов! Впрочем, его задача — не перегнать кого-то чертами лица, а собрать остатки магии, потому что люди исчерпали свой резерв. Если подкрепление королевской армии прибудет, то, наверное, не выстоять.

— Можете забрать наше оружие, но мы уходим, — строго промолвил эльф, ещё раз презрительно покосившись на ученика.

Маг не стал спрашивать, почему эльф не желает ему удачи. Он не был молод и наивен, а прожил на этом свете полтора столетия, научился уже давно различать презрение даже на эльфийских, не тронутых настолько сильно чувствами и временем лицах. Волшебник только вздохнул и двинулся дальше — от эльфийского оружия мало толку, но иногда даже в мертвецах есть капли силы. Конечно, собирать её — как же противно, и это должен делать не Высший, но если кроме него больше никто ничего не может, то кому, как не старику бродить по этим холмам среди гор трупов!

Эльф ушёл. Он не собирался помогать, разумеется — их было мало, они дали силу, потому что чего-то испугались, очевидно, какого-то пророчества, но маг никогда не питал особой надежды на эльфов. Они чужды людям, слишком далеки от сочувствия, чтобы верить в их помощь.

Ученик зорко осмотрелся — совсем ещё дитя, только вчера разменял второй десяток. Русые волосы, не тронутые ещё зрелостью глаза, ребёнок — но ребёнок с хорошим зрением.

— Там! — указал рукой он. — Эльфийский кинжал, но крови нет.

— Эх, — вздохнул маг, — неужто хоть раз они промахнулись... В мёртвого, что ли, попали, или убило заклинанием?

...Но кинжал был в сердце не сгоревшего трупа и не изувеченного ранами мужчины, не уставшего воина, упокоившегося на поле боя. Маг едва удержался, чтобы не возвести руки к небесам — благо, никто не мог видеть выражение его лица.

Старик опустил перед мёртвым на колени. Ни царапины, ни капельки крови, и какие черты лица — умиротворённый взгляд ещё не опустевших синих глаз, широко распахнутых перед смертью, чуть приоткрытые губы, словно ещё что-то пытается сказать.

— Эльфы-эльфы... — покачал головой он. — Гори ты со своим медальоном!.. Словно бог с небес сошёл, — он протянул руку, словно пытаясь убедиться, что этот юноша — единственный не запятанный кровью, единственный не пострадавший от резни, с этим кинжалом в сердце, — совсем даже не призрак. Может, маг ещё б и не удивлялся — но он видел этот медальон, он видел его уже сегодня на картинке. — Когда боги гибнут в войнах, мир идёт к краху...

Ученик не остановился перед прекрасным юношей в благоговейном поклонении. Он только дёрнул кинжал, понимая, что сила им нужна как можно быстрее — тот попал прямо в сердце, прорвал мышцу пополам...

Магией рвануло во все стороны. Маг зажмурился — взрывная волна миновала его,

потому что он был слишком близко к несчастному. Кровь из раны вытекала синяя — искрилась от волшебства.

Эльфийские кинжалы делались так, чтобы раны от них никогда не заживали. Но, казалось, ничто не могло превратить в стылую жидкость этот ураган магии. Сила лилась вместе с капельками яда с лезвия, и края раны тянулись друг к другу.

Схожий с божеством юноша шумно вдохнул воздух — и, словно это не его сердце пронзил эльфийский зачарованный кинжал, резко сел, сжимая пальцами траву. Даже почти без испуга в глазах, вполне осмысленно, и без глупого вопроса — не шепчет “я на небесах”, не хватается за воротник. Волшебство безумием плясало в бесконечном океане синевы; он словно что-то на секундочку вспомнил, но стоило ране затянуться, а эльфийскому кинжалу опуститься в ножны, как мысли ушли, и остался только сплошной гул в голове.

У старого мага перед глазами всё ещё стояло его мёртвое, холодное, бледное лицо — будто бы незнакомец воскрес из мёртвых. Он пошатнулся, и пальцы как-то против собственной воли потянулись к груди, словно пытались отыскать кончиками пальцев хотя бы следы сердца. Парень казался даже не испуганным, просто растерянным, но магу от того легче не становилось — он видел одного из Двух, и старику казалось, что вот-вот сбудется очередное страшное пророчество.

Парень попытался подняться, но пошатнулся — и рухнул без сознания. Первая нормальная реакция за последние несколько минут — к счастью, старик заставил себя успокоиться и вновь коснулся ледяного лба, отбрасывая в сторону чёрные кудри, склонился, словно пытаясь понять, дышит ли раненный. Дышал — на руке появился вновь глубокий порез, на груди, впрочем, ни следа от той отвратительной раны, что нанёс ему эльфийский кинжал. Юноша теперь походил на самого обычного раненого, мучить его или тянуть куда-то не представлялось разумным.

Тем не менее, маг прожил на этом свете не один и не два десятка лет, он знал, что раз уж незнакомец пережил такую смертельную рану, то оставлять его тут никак нельзя. Волшебники — они как коршуны, что пытаются урвать лакомый кусок; сначала же сюда налетит стая стервятников, что будет тянуть магию из юноши. И только если у них не получится испить беднягу до дна, только тогда появился кто-то разумный, что попытается его приручить и использовать в собственных целях. Разумеется, Высший не был идеально добрым человеком, а тоже преследовал определённые интересы, но лучше столь могучее оружие окажется в его руках.

— Наколдуй носилки, — повелительно проронил он, обращаясь скорее к пустоте, чем к своему ученику. Парень за его спиной недовольно засопел — прежде Высший никогда не разговаривал с ним в таком тоне.

— Зачем? Даже если вылилось столько магии, ему всё равно она не поможет, — равнодушно отозвался парень. — И у нас нет времени исцелять врагов, так что...

— Носилки! — повторил свой приказ старик. — Или ты больше никогда не увидишь даже тонкого следа от моей магии, дурак!

Ученик попятился. Он был последним, именно ему Высший собирался отдавать собственный дар перед тем, как отойти в мир иной, и незнакомец, почему-то привлёкший внимание мага, теперь казался опасным. Тем не менее, спорить казалось попросту невозможным — пришлось действительно вспоминать заклинание и бормотать его себе под нос, воссоздавая из воздуха те самые проклятые носилки. Если так уж хочется — пусть старикан радуется, не разочаровывать же его, в конце концов! Каждый человек имеет право

на определённые увлечения, кто ж знает, может, незнакомый парень напомнил ему сына или давнего друга...

Носилки возникли в воздухе, и маг выпрямился, бережно повёл запястьем — чтобы ничего не нарушить, чтобы несчастный, пострадавший в войне, был цел и невредим, чтобы не добавить себе и лекарям хлопот.

Где-то сверху послышалось пение птицы. На поле боя — что ей тут делать? Подоспевали вражеские войска, и ученик автоматически вскинул руки в знакомых уже фигурах. Меч бессилён против магии, магия бессильна против меча, что уж поделаться.

— Это наш воин! — возмутились где-то в средних рядах небольшой процессии. Кто-то выступил наперёд — и маг заслони́л собой зависшие в воздухе носилки и юношу на них, что, казалось, стремился слиться с окружающей средой и превратиться в одно сплошное бесцветное пятно, наделённое душой. Только чёрные волосы смолой стекали по грязной ткани его одежды, но знак Дарны не скрывали, впрочем.

— Это мой воин, — осклабился старик. — И вы уйдёте либо умрёте!

От толпы отделился командир. Он отстранил ученика мага в сторону, покосился на Высшего так неодобрительно, что испепелил бы, уме́й он колдовать, и склонился над юношей — явно оценивал, будет ли парень полезен той или иной стороне.

Сначала на его лице читался абсолютный восторг — павший воин больше всего походил на кого-то из эльфов, хотя у него были нормальные человеческие уши. У командира самого подрастал сын — двадцать три исполнялось ему послезавтра, и отец был счастлив, что сможет вернуться и поздравить своё дитя — не похоронкой, а личным присутствием. Но сколь бы родители не идеализировали своих детей, сколь бы ни был к внешним данным мужчин равнодушен суровый воин, он не мог игнорировать слишком явную, громкую, сильную мысль, что билась набатом в его голове — такие сходят с небес.

Но марево развеялось, остался только бледный, полумёртвый незнакомый паренёк, совсем молодой, даже младше его собственного сына... И, что самое смешное, совсем даже не зная, хотя меч подле него валялся дорогой. Может, очередная сволочь откупи́лась, пытаясь продлить себе жизнь хотя бы на несколько деньков, и послали чужого ребёнка на войну. Командир кричал бы — его сын воевал, пока не получил ранение, — но сил у него на то не было.

— Это мой воин, — назойливо повторил над ухом пожилой маг. — И я настоятельно рекомендую оставить его в покое, если вы планируете пережить эту ночь.

Больше мужчина отрицать не стал. Он спокойно отступил и махнул на носилки рукой — мол, забирайте, коль вам так угодно.

— В нашей стране и без него хватает трупов, берите, — вздохнул он. — Совсем ещё ребёнок.

Трудно было понять, почему так тянуло на сентиментальные изречения, но трудно остановить себя — бывают такие моменты, что не успеваешь толком прикусить язык.

— Всё переменчиво, — хмыкнул маг. — Жалко?

— Эх... — командир остановился. — У нас король погиб, что до какого-то мальчишки...

— Может, вашего короля на носилках и уносят, — уклончиво отозвался Высший, но тут же одумался, вспомнил, что напротив него высится враг, махнул ученику рукой и быстро зашагал в сторону своего лагеря — тоже много пострадавших, маги устали, но если он не ошибся, то теперь у них есть такой источник, на который они не могли даже и надеяться.

\*\*\*

— А теперь попытайся залечить рану.

Высший вздохнул. Выдерживать взгляд синих глаз его ученика было от того сложнее, что он совершенно ничего не хотел. И каждый раз, когда маг собирался уже было закричать, что Дарнаэл обязан ему всем, и своей жизнью в первую очередь, приходилось прикусить язык. Если только Тьеррона потянет дальше, если он попытается узнать о том, как он выжил, то ему всё расскажут... Тэллавар и расскажет, будь неладен его длинный язык!

А что будет, когда Дар узнает о том, что с него, найденного полуживым на поле боя, “умирающим, которого пришлось всем коллективом выхаживать только по доброй воле”, вытягивали энергию десятки магов, дабы выстроить новую линию обороны, и он после этого даже не потерял слишком много сил, когда поймёт, что за могущество сконцентрировалось в его руках, страшно было представить.

— Вы опять возитесь с этой бездарью, — недовольно отметил Гартро. Он восседал на ветке какого-то дерева и всматривался в даль. Дерево росло как раз по центру поля — словно специально, дабы притягивать к себе излишние взгляды, пожалуй. Увы, но заставить его оттуда убраться Высший тоже не мог — потому что Тэллавару было чем поделиться со своим коллегой, а этого маг боялся до ужаса.

— Высматривай своих эльфов молча, — отмахнулся Дарнаэл и вновь мрачно уставился на глубокий порез на своей руке. — Вы думаете, что от того, что будете резать мне руки, я научусь колдовать? Ваше Магичество, давно пора понять, что я не хочу и не буду этого делать.

Высший сдался — только на сегодня, разумеется. Он коснулся запястья Дарнаэла и пустил в рану энергию, которую вытянул мгновение назад из самого Тьеррона.

— Почему ты не учишься? — сердито спросил маг. Наверное, если б он поделился историей обнаружения силы у Дара, то было бы легче загнать того за труды, но ведь почему-то волшебнику было до ужаса страшно, и посему он старательно молчал — до тех пор, пока мир не начинал трещать по швам. И, само собой, всё вокруг давно уже превратилось в сплошную игру в обман. — Неужели ты не понимаешь, какую честь я оказываю тебе, обучая тебя магии!

— Да не надо мне ваша честь, — сердито отмахнулся от него Дарнаэл. — Я просто хочу вернуться домой. Это не ясно?

Высший отвернулся. Было обидно, и он добавил бы ещё что-то, но не успел — потому что почувствовал слишком внимательный взгляд Тэллавара. Ещё несколько слов, и он вставит-таки свои пять копеек в разговор, и тогда наступит конец. Нельзя остановить настолько языкатого и наглого парня, это уже давно стало понятно, а если Дар с ним ещё и подружится, тогда Высшему останется только сбежать.

Гартро обладал уникальным даром — и, помимо этого, невероятной способностью сообщать правду тогда, когда она больше всего неуместна. И потому Высший опасался того, что он расскажет — или того, что гипотетически мог бы рассказать.

— Тебя предали, ты не слышишь? Тебя вытолкали на поле боя вместо очередного богатого сынка, там, дома, о тебя утирали ноги. Ты не хочешь вернуться и им отомстить? — сердито спросил маг. — Неужели тебе совершенно не хочется власти?

— Единственное, о чём он мечтает, это мамашина юбка! — хохотнул сверху Гартро.

Высший не стал слушать очередную перепалку и ушёл. С Дарнаэлом ничего сделать было невозможно — он оказался действительно слишком неподатливым материалом для

того, чтобы это хотя бы немного превратилось в реальность — эти бесконечные и бесплотные попытки выковать из него хотя бы что-то действительно стоящее. Нет, зря он понадеялся на то, что хотя бы раз в жизни сможет отыскать нормального ученика!

— Эльфы! — закричали вдруг за спиной. — Пришли, пришли!

...Эльфы, говорили, придут за избранным — и Тэллавар искренне верил в то, что этим избранным окажется именно он. Его уникальный дар казался неоспоримой прерогативой — Дарнаэл же шагал за своим коллегой крайне неохотно, опустив голову, и травы словно специально становились длиннее на его пути, так сильно парень не желал видеть никого из Ньевы. Может, у него на то были свои причины, но Высший подозревал, что парень просто-напросто не желает слушать и слова о том, что его ждёт в недалёком будущем. Бедный давно уже устал от назойливого преследования своим наставником, и теперь ещё и эльфы, что поведают ему о том, какая великая честь оказана простолюдину страшным магом...

Нет, разумеется, эльфы этого не скажут. Но Высший не отказался бы, чтобы их не было тут и вовсе, уж тем более около его учеников.

Пришедших оказалось всего двое — воин, которого Высший когда-то встречал там, во время кровавой бойни, среди гор трупов, и маленькая девочка с поразительно острыми ушами, что цеплялась за плащ то ли наставника, то ли своего отца маленькими пухленькими пальчиками.

Тэллавар подбочился. Малышка его не интересовала — он смотрел только на старшего эльфа, и на лбу у парня просто-таки чернилами было выведено “выберите меня”. Дарнаэл же и взгляда не поднял — скорее уж предпочёл смотреть на ребёнка потому, что старший эльф вызывал у него и того меньше радости.

Высший едва заметно склонил голову. Перед древним народом положено так себя вести — а то, что его ученики не отвешивают церемониальные поклоны, попросту отвратительно!

Старший эльф открыл было рот, чтобы сказать что-то, но девочка захныкала у него за спиной и дёрнула за плащ, шепнула что-то там.

— Иди, — его голос казался не таким уж и мелодичным, как полагалось. — Поиграй где-нибудь. Мне надо испытать учеников господина...

— Сама? — требовательно, но совсем ещё по-детски поинтересовалась девочка. — Но... — она запнулась и требовательно посмотрела на учеников мага. Высший вздохнул. Ему нужно, чтобы эльфы одобрили кого-то, тогда у него самого будет очередной повод подзадержаться на своём посту. Они видят истинную магию, а Дарнаэл... Дарнаэл всё равно не пожелает даже пошевелиться, чтобы сделать что-нибудь полезное для своего наставника. Но у него такое волшебство, такая сила!

— Давайте я с ней пойду, — не дождавсь даже предложения от своего наставника, внезапно выдал Тьеррон. — Всё равно магия — это не моё, и тесты ваши мне не по силам.

Эльф смотрел на него всё так же невозмутимо, а вот Тэллавар загордился пуще прежнего — теперь-то победа точно от него никуда не уйдёт. Маг только коротко согласно кивнул, словно подтверждая, что его ученик — полная бездарность, так пусть уж лучше развлечёт ребёнка.

Малышка сначала покосилась на Дарнаэла недоверчиво, но после повисла у него на руке, как перед этим цеплялась за плащ своего драгоценного спутника, и потянула куда-то в сторону сада. Нельзя сказать, что парень особо сопротивлялся — но Высший больше не смотрел в ту сторону, его мало волновало то, что будет с Даром и маленькой эльфийкой. Может быть, у Тьеррона и вправду ничто никогда не получится, он — просто носитель

волшебства, но пользоваться им не может. Мало ли! Всяко ведь бывает, разве нет? В любом случае... Потом они об этом поговорят. Подумают. Может быть, решение придёт само по себе.

Эльф завёл очередное длинное вступительное слово — но, казалось, немного переживал, потому что то и дело косился в ту сторону, куда Дар увёл малышку. Наверное, всё-таки дочка, потому что эльфы очень редко думают о ком-то, кто не приходится им родственником. Или сестричка, всяко бывает.

Высший хотел было уверить гостя в том, что Дар не способен на элементарное волшебство, но откуда-то издали внезапно послышался странный шум — и детский вскрик. Эльф вытянулся, словно струна, повернулся и бросился на звук, за ним рванул и Тэллавар, скорее для того, чтобы убить нарушителя порядка и продемонстрировать, как он прекрасно способен справиться с испытаниями.

Но это больше не имело значения. Ничего страшного с ребёнком, впрочем, и не случилось — эльфу явно не следовало переживать, или... Или следовало — но по какому-нибудь другому поводу, может быть.

Девочка хохотала — вокруг неё кружились какие-то мотыльки и растения. Сначала Высший подумал было, что это малышка сама всё воссоздала — мало ли, на что способны эльфийки, но только спустя несколько минут до него дошёл смысл увиденного. Зелень разлеталась в стороны от раскрытой ладони Дарнаэла — тот с улыбкой смотрел на свою собственную руку и провожал пристальным взглядом очередную бабочку, появляющуюся из неоткуда.

Старший эльф протянул руку, и одна из бабочек скользнула ему на пальцы.

— Вы уверены в том, что ваш ученик ни на что не способен? — строго спросил он.

Высший не успел ответить. Он и так уже видел, что случилось.

Эта бабочка не была фантомом, элементарным заклинанием, что воссоздаёт качественную иллюзию или делает воздух чем-то вроде мотылька. Эта бабочка была настоящей бабочкой.

Ни один волшебник из тех, кого прежде знал Высший, не умел создавать живых существ, настоящих живых существ из пустоты. Но, впрочем, ни один волшебник из тех, кого он когда-либо за долгую жизнь видел, не мог наполнить силой такое количество людей.

\*\*\*

Тэллавар покачал головой. Старикан, очевидно, не понимал — он убил столько лет собственной жизни на то, чтобы нынче слышать от Высшего восторженные восклицания. Дарнаэл то, Дарнаэл сё! Дарнаэл — ленивый надутый осёл, которому просто повезло, да и только. Гартро не мог жаловаться на свои природные способности, разумеется, но... Но всё же, звёзды не сошлись — он не мог создавать живое из ничего, а самое главное, он не мог без конца фонтанировать волшебством.

Дар оставался всё таким же безмерно весёлым — ожил, казалось, от новости, что он сможет вернуться домой, когда достигнет достаточного уровня колдовства, и от этого начал трудиться над своими чарами. Теперь Тэллавару приходилось стараться, дабы догнать его — и не всегда он мог это сделать.

И теперь в очередную экспедицию, из которой можно вернуться с немалыми средствами и прекрасными перспективами, тянули именно Дарнаэла. Хотя нельзя было сказать, что он горел желанием что-то делать — он вообще зачастую отказывался от подобных предприятий.



Высший ничего слушать не желал. Теперь оставалось только помогать драгоценному Дару собираться — подготовить нужную подборку волшебных книг. Тэллавар сжимал в руке волшебный кинжал — если он сделает то, что планировал, то учитель не посмеет от него отказаться, ведь не с кем больше будет работать, а без ученика пожилой маг ни туда, ни сюда. Он попросту не сможет, зачем ему рисковать и отречься от того, что уже есть? Не факт, что старик переживёт следующий год...

— Можешь опустить нож, — неожиданно холодно отметил Дарнаэл. — Меня мало интересует дар наставника, обойдусь и без него. Забирай, если хочешь.

Дарнаэл повернулся — всё так же равнодушно, — и воззрился на острие кинжала, словно собирался превратить его в пепел. Когда-то давно этот нож едва не убил его, и Тэллавар понимал, что стопроцентного эффекта можно и не ждать. Но хотя бы приостановить его это должно, в конце-то концов!

Гартро, впрочем, так ничего и не промолвил. Убить человека не так просто, как кажется, и если сейчас Тьеррон согласится убраться из жизни его и Наставника...

— Я не думаю, что вернусь сюда, — внезапно равнодушно промолвил Дарнаэл. — Там мои родители, моя жизнь — Высший не удержит меня на цепи. И я не такой уж и сильный маг, чтобы за меня можно было держаться.

Не такой уж и сильный... Если б! Но Тэллавар всё время забывал о том, что они так и не поделились с Даром новостью относительно его волшебства, не сказали о том, сколько всего он мог бы сделать, если б не выставлял границы в собственном сознании.

— Ну, не возвращайся, — неожиданно поспешно согласился Гартро. — Я только рад буду. Если так, расстанемся даже друзьями. Я — тут Высшим, ты там... Кем ты был? В общем, в Дарне никогда не было толковых магов, ты, наверное, даже будешь выделяться из серой массы...

— Спасибо на добром слове, — хмыкнул Дарнаэл. — Только иногда, — он прищурился, — мне кажется, что я начинаю вспоминать...

— То, как ты едва ли не умер? — обеспокоенно спросил Гартро. Если Дар вспомнит о том, что с ним сделали, как его вывернули наизнанку... Если он вновь восстановит ту силу, что кипела в нём — им всем конец.

— Да зачем же, — отмахнулся он. — Кому нужны воспоминания о смерти? Я помню жизнь, — он вздохнул. — До тебя. До Высшего. До этого мира.

\*\*\*

Никогда Тэллавар не радовался так тому, что Дарнаэл Тьеррон отбыл — и никогда не ненавидел себя за то, что не убил его. Потому что когда Высший вернулся, поздно было отменять собственные решения, поздно было завидовать и кричать, что Дар занял его место.

Тэллавар остался в Эрроке — при бесконечном повинении королям, будь то мужчины или женщины. А Дар отправился в Дарну, которой больше не было; Дар отправился в страну, которую воссоздал собственными руками.

Высшего не было на свете уже давно. Тэллавар радовался тому, что у него было — своим силам. Тому, что он мог жить столько, сколько обычному человеку и не снилось — он был куда могущественнее всего того сброда, что скопился вокруг него, он получил столько силы...

Тэллавар получил дар от Высшего. Получил его власть. Получил возможность всегда быть вторым и кивать за спиной королевской особи, сопровождать на каждую встречу Их Величества и оставаться за спиной. Ни перед кем не склонять голову, но и не поднимать её

достаточно высоко, чтобы смотреть прямо в глаза.

И он в очередной раз шёл с ними — за ними, — видимой тенью, будь он стар или молод; он в очередной раз мог порадоваться разве что тому, что не постарел ни на день, что остался двадцатитрёхлетнем юношей, когда остальные его ровесники уже смотрят с высоты неполных четырёх десятков лет.

...Новая резиденция, новый дворец и новая держава — посещать Элвьенту было особенно неприятно. Он всё ещё тешил себя надеждами на то, что там, по ту сторону границы, что-то изменилось, но новости приходили всё те же — новая династия вполне уверенно управляла новой державой.

Дворец впечатлял — никто не научился строить что-то в этом роде. У кого-то в Элвьенте, в этом проклятом городе, столице Лэвье была прекрасная фантазия, и Тэллавару не хотелось отвечать на свой мысленный вопрос. Он просто шёл за королём и королевой следом, просто ступал за правителями Эрроки, стараясь игнорировать карты на стенах, слуг, что пробегали мимо, склоняясь в коротких поклонах, и бесконечные бордовые ткани. Нежно-синий и белый — символы Эрроки, — раздражали неимоверно. Тэллавару хотелось крови.

Кровь забрал Дарнаэл.

В тронных залах короли не опускаются на колени, только едва заметно склоняют приветственно головы; в тронных залах всё выстелено неестественно-кровавым, и, в отличие от повелителя, маг вместе с остальными вынужден опускаться на колени. Он, Высший, второй человек в королевстве, опускается на колени перед Первым, и среди изобилия бордового бархата синие сапфиры глаз горят куда ярче обычного.

Либо он просто успел забыть о том, как выглядит его вечный соперник.

\*\*\*

Время вытекает сквозь пальцы тонкой струйкой крови. Тэллавар кажется двадцатипятилетним в свои шестьдесят восемь: Дарнаэл, можно сказать, просто довольно хорошо сохранился и тянет лет на пятьдесят пять. Весь его неисчерпываемый дар, который вечно кипит в жилах, успел уже, наверное, сотни раз остыть, и Его Величество почти не колдует. С тех пор, как его жена стала сдавать позиции и сильно болеть, он и войны не ведёт, а Элвьента держится на одном честном слове. И завтра — завтра, подумать только! — Дарнаэл Первый сойдёт с трона и уступит своему сыну первенство. Позволит младшему править страной, которую он выстроил своими руками, прежде чем его старческий маразм окончательно поглотит всю страну хаосом. Пусть дети правят.

Тэллавару приятно чувствовать себя молодым — чего греха таить. Но чужое всегда казалось слишком сладким, наверное, потому Дарнаэл теперь стоит тут — когда одному хочется неисчерпываемый источник волшебства, второму нужно отдать молодость.

— Ну что, дорогой друг, — Гартро пожал плечами, словно такое обращение само собой разумелось. — У тебя есть прекрасная возможность провести отведённые тебе жизнью лет двадцать молодым и счастливым. Представь, как оно — пробыть в двадцатипятилетнем теле... А после смерти передашь свой дар мне. Не волочить же всё в могилу, правда!

Дарнаэлу давно пора выжить из ума. Конечно же, он гениальный политик — и воин, — но волшебство, что клокотало когда-то в его теле, угасло. И Тэллавару хочется верить в то, что в один прекрасный день всё изменится. Что никто, кроме Гартро, не сможет стать обладателем этой мощи.

— Сделка? — голос Первого тоже состарился, и он, кажется, чуточку хрипит. Ещё

несколько лет, и его сил не хватит на то, чтобы нормально выглядеть, а после он и встать толком не сможет, потому что человеческие силы отнюдь не вечны. Разумеется, нормальный человек в подобных условиях согласится.

— Сделка, — кивнул Гартро. — Ты получаешь лишние двадцать лет в молодом теле от меня, я после смерти забираю те осколки волшебства, что у тебя останутся.

Дарнаэл едва заметно подался вперёд, и непривычно тусклые от возраста синие глаза хитро прищурились. Казалось, ещё мгновение, и морщины на его лице разгладятся, и Тэллавар вновь увидит вместо обыкновенного пожилого короля молодого бога; но богов не существует, кроме Эрри.

— Нет, — он опять отклонился назад, стал привычно старым и уставшим — насколько это возможно, разумеется, — моё волшебство останется в моих усыпальницах, пока достойный наследник не родится. В моей семье, Тэллавар. В моей стране.

\*\*\*

Тэллавару тридцать? Тэллавару девяносто шесть. Тэллавар выступает на поле боя в первых рядах и испытывает жуткое удовольствие от того, что он на это ещё способен. Эррока наступает на Эльвенту — разумеется, детям Дарнаэла Первого далеко до своего отца, но внукам — ещё дальше. Его сын давно умер — в свои семьдесят или шестьдесят девять, в прошлом году, — и теперь правит старший внук, тоже уже не первой свежести.

Вот что удивительно — старый король до сих пор дышит, правда, уже едва-едва, в своих спальнях в окружении правнуков и правнучек, а их, право, не так уж и мало.

Но его внук — бездарный полководец, и войска Эльвенты отступают, оттесняются под давлением армии Эрроки. Ещё несколько часов, ещё день битвы, и от великой несколько десятков лет назад державы останется только поле брани с горами трупов, и на континенте будет только одна страна. Теперь Тэллавару не надо будет подписывать договор для получения сил Дарнаэла Первого, они будут его по умолчанию. Коллега, друг, товарищ...

Заклятый Враг.

Тэллавару прелестно жить в том мире, который он себе придумал. Удобно воевать плечом к плечу с той, кого он, можно сказать, любит — сильная, сильная ведьма! С неё будут люди, уж он-то способен это сделать, разве нет?

Молоденькая девица — с синими, как сапфиры, глазами, знакомо-страшными, но уже не пугающими, как в прошлом, — пытается доплести защитное заклинание для своего отряда. Что она забыла на поле брани? Но какая разница.

Заклинание Тэллавара врезается в девочку и пронзает её насквозь. Гаснут сапфиры. Армия Эльвенты беззащитно отступает назад.

Ещё несколько минут, и от них не останется ни капли жизни.

\*\*\*

Дарнаэл едва-едва может подняться на подушках. В его возрасте, в его почти сто лет не положено жить вообще. Он пытается влачить своё брненное тело по лестнице годов, но это почти невозможно.

Но он видит.

Заклинание врезается прямо ей в сердце. Дарнаэл видит — чувствует, — почти. Сила бурлит. Её слишком много; Дарна дрожит от взрывов волшебства где-то там, в небесах, и эльфы немой стражей окружают Ньеву, чтобы ни одна капля зла не попала туда. Бессмертие — или вечная молодость, — по ошибке достались не тому человеку.

Люди ещё не кричат. Люди ещё не знают. Брешь в защите заделать нельзя. Дарнаэл —

знает. Дарнаэл понимает, что он сам пошёл по такому пути. Сам выбрал эту жизнь — теперь он даже понимает, как это всё происходит.

Брешь в защите, потому что некому её закрыть. Потому что последнюю волшебницу Эльвенты, что была в том бою, уничтожил Тэллавар.

Дарнаэл улыбается. Расправляется спина. Морщины разглаживаются. Горят синевой глаза.

Рушатся стены Дарны.

Магия срывается с его пальцев — вся, которая была.

Весь бесконечный океан.

Всё, что есть в этом мире.

\*\*\*

Торжествующая улыбка не успевает расцвести. Тэллавар сделал всё, что должен. Убил последнюю ведьму.

Волна силы мчится откуда-то из центра. Она сбивает с лошадей воинов, уничтожает все магические границы — ни один живой человек в этом мире на подобное не способен. Волна Силы слишком могуча, слишком непобедима, чтобы её можно было хотя бы затормозить. Даже если все маги современности сошлись бы и сотворили заклятие, оно ничего не смогло бы сделать. Такую мощь никто может себе позволить. Никто не выдавит из себя даже сотой части...

Магия сметает всё. Ломает оружие — мечи бессильны против магии. Крушит стены. Магия минует Эльвенту и отшвыривает армию Эрроки за границы, ломает кости каждому, кто оказывается на её пути.

Тэллавара выбрасывает из седла. Его возлюбленную — тоже, но её уже ничто не спасёт. Пламя пожирает трупы, и столбы дыма рвутся в пустоту небес.

Армия Эрроки уничтожена. Как когда-то воины Дарны были разбиты несколькими десятками эльфов. Но на это не способны даже эльфы. Ни один живой человек не способен на такое волшебство. Ни один живой человек — но Тэллавар видит, как невидимой стеной вспыхивает граница Эльвенты, как могучие столпы творения мчатся к Дарне и смыкаются сплошным куполом над страной.

Ни один живой человек не способен на такой взрыв.

Синева зажигает небеса.

Никто не смог бы этого сделать. Тэллавар склоняется над её трупом и глотает солёные слёзы. Его бессмертие никому теперь не нужно. Живые люди на такое не способны. Эрри не сошла с небес — она не выступила бы против своей державы.

Никто из магов, которых он знает, на это не способен. Ни один резерв не выдержал бы силы, которой хватило бы на несколько сотен Высших.

Никто...

Кроме него.

Кроме человека, из которого в своё время целая армия выпила силы — и он остался жив.

Тэллавар закрывает глаза. Дарнаэл отдал свою жизнь — но отдал её дорого. В обмен на неё он уничтожил столько, что не под силу даже божествам.

Но сила где-то есть. И пройдёт хоть тысяча веков, но Гартро её получит.

\*\*\*

Сила долго ищет своего наследника. Тэллавар не настолько бессмертен, и взрыв выпил

его магию до половины. Он теперь уже старик, но ему скоро исполнится пятьсот лет. Силы Дарнаэла Первого всё так же блуждают по миру, никому не принадлежат, но его усыпальницу может открыть только наследник. Только тот, кто впитает могущество Первого.

Передача вот-вот состоится. Гартро знает, что он — самый достойный. Единственный, кто может принять эту силу. Только он впитает в себя это могущество.

...А после заглядывает в волшебное варево, и перед его глазами появляется жалкий мальчишка, совсем ещё ребёнок. Мальчишка с двумя каплями магии.

Мальчишка, своим волшебством способный взорвать весь мир и даже не поморщиться.

Тэллавар смотрит в синие сапфиры, видит точёные черты лица и вспоминает, как выдернул эльфийский кинжал из сердца Дарнаэла Первого.

Прошлое редко оживает, но оно того стоило — ждать пятьсот лет.

\*\*\*

Тэллавар — единственный достойный, он знает.

Но проходит пять сотен лет, и все силы Дарнаэла Первого Тьеррона впитывает двадцатилетний мальчишка, который даже не знает, что в его руках.

Но он не допустит такую ошибку во второй раз. Он не даст ему узнать. Он заберёт всё, до последней капли.

Он победит.

===== Глава сорок девятая =====

Тэзра зажмурилась — солнце слепило глаза. Её королева предпочитала творить глупости — что может быть хуже, чем надменная дура, решившая, что она является наследницей дара Богини? Неприкосновенная правительница, абсолютно сумасшедшая женщина, не пытающаяся укрепить свою власть всеми известными методами — у неё даже не поднимается рука казнить своего собственного любовника!

Она, как представительница Высших, должна быть непреклонна. Что такое мужчина, что иногда скрашивает одиночество? Что это, кроме обыкновенного приятного проведения времени? Да, Лиаре повезло, достойных среди них мало; сначала, когда Тэзра была совсем молода, она даже не знала, презирает ли она королеву за то, что та позволяет мужчине прикасаться к себе, или просто завидует, что ей удалось заполучить Дарнаэла, но все остатки ревности со временем затёрлись и обратились в обыкновенную ненависть. Разумеется, Высшая Ведьма Кррэа никогда не позволяла себе подобные слабости. Не творила того, к чему так привыкла Самаранта, не выдумывала новые поводы подписать мирный договор с собственным любовником, как Лиара. Она — единственная достойная своего дара в этом государстве. Единственная.

Но, разумеется, нынче это никого не интересовало.

Женщина остановилась перед огромным изображением Богини. Эрри наставляла их. Эрри вела их по тернистому пути этой жизни. И, разумеется, Эрри не могла позволить им просто так остаться на перепутье. У неё, у этого рисунка или у настоящей Богини, должен быть правильный ответ на каждый вопрос, который ей только посмеют задать.

Ни перед кем Тэзра никогда прежде не становилась на колени. Только перед нею, пред той, чьи глаза видели всё, что происходило под небесами. И она — единственно верная последовательница Богини, единственная, кто всё ещё отчаянно пытается удержаться среди стен соблазнов и кошмаров.

Ведьма смотрела на портрет — преданно, словно Богиня никогда не отворачивала от

неё свой лик и даровала одну только победу, ежесекундно, ежеминутно. Словно Богиня подарила ей то, что никто в жизни прежде не смог даровать.

— Эрри, — прошептала она. — Как быть? Как объяснить этой сумасшедшей, что она идёт не потому пути?

Мысленно женщина задавала совсем другой вопрос. Как оттолкнуть Лиару в сторону, как заставить её сойти с пути — она ведь отвратительная повелительница, недостаточно жестокая, недостаточно смелая для того, чтобы Эррока стала единственным государством на этом континенте. Она должна была поглотить Элвенту, уничтожить короля Дарнаэла — тогда останется один только наследник, ещё и незаконный, но опять, опять Лиара виновата в его существовании!

Жертвенный камень, что всё ещё, казалось, пылал силой после неудачной попытки непорочного зачатия. Лиара уничтожила и это — всё, над чем Тэзра работала столько лет. Ведь она к ногам Богини и государства положила свою жизнь, чтобы королева просто так взяла и отшвырнула в сторону её идеи, предавшись отвратительной, глупой мести. Да, они получили Дарнаэла, но неужели теперь королева испортит и это?

Должен быть знак.

Казалось, Богиня над нею смеялась. Факелы отбрасывали на красивое лицо Эрри причудливые тени, и её улыбка становилась совсем уж издевательской. Тэзре хотелось сжечь и портрет, и алтарь, но она знала, что это место — последнее, что у неё осталось, последний идеал, за который ещё можно было хвататься.

Тэзра попыталась вспомнить молитвы — но не успела. За спиной что-то загрохотало, а пламя взвилось вверх, почти коснувшись высокого потолка. Женщина обернулась — интуитивно, понимая, что не успеет выставить магическую защиту, если это посланники богини — но за её спиной стоял Высший, Изгнанник, что, казалось, не менялся уже много сотен лет. Он едва заметно улыбался — казалось, на старом, измождённом лице такая улыбка должна выглядеть странно, но сейчас и морщин стало меньше, и глаза посвежели, будто бы в него вдохнули новую порцию силы.

— Здравствуй, дорогая, — протянул Тэллавар. — Как я рад тебя видеть.

Она поднялась и выпрямилась. Снежно-белое платье теперь казалось грязным — потому что полы у алтаря давно уже не мыли, проклятые слуги, а она не позаботилась об этом! Тэллавар был символом порабощения женщин в этой стране многие годы, и она ненавидела его — искренне ненавидела, — но всё же, он давно казался куда меньшей проблемой, чем Дарнаэл и множество его прихвостней, что так и носились стайками за “прелестнейшим королём”.

— Зато я не слишком рада. Вы уже давно не имеете никакого права колдовать в Эрроке, — Тэзра знала, что слабее, знала, что у Гартро есть многовековой опыт, но всё ж, он никогда не вызывал у неё уважения. Это был грязный человек, что шёл к своей цели, переступая через веру, наплевав на Богиню и на её постулаты. Когда-то он занимал тот пост, на который нынче взошла Тэзра, и она знала, что сколько бы силы не было в этом мужчине, вся она никогда не шла стране на пользу.

— Милая, — рассмеялся Тэллавар, — ты точно такая же, как была много лет назад. Всё такая же истинно верующая в Богиню. Только теперь в тебе больше стремления к власти.

Тэллавару нравилось мстить. Выдавать красивые фразы и наблюдать, как на них будут реагировать его соперники из прошлого или из будущего. Разумеется, когда-то Эррока будет его, равно как и Элвента, но чем больше соперников уничтожит друг друга, тем легче ему

будет всё это получить. А ничто не может ослабить человека больше, чем разбитое сердце — и ничто не делает его сильнее, если он умудряется подняться и идти дальше.

Тэзра выглядела настороженной. На её лице будто бы начертали немые линии вопросов, которые она не смела задать.

— Зачем ссориться, — Тэллавар приблизился к ней и коснулся сухими пальцами щеки, но женщина досадливо оттолкнула его руку, — если я принёс тебе такие прекрасные новости? Нам можно объединиться и выступить единым фронтом, моя дорогая.

Ведьма мотнула головой. Её светлые волосы, казалось, превратились в вороново гнездо, светлые глаза пылали отчаянной ненавистью, заострились черты лица — она отчаянно стремилась продемонстрировать не просто свою ненависть, а что-то большее, что навсегда застыло в её сердце.

Гротескно возвышались каменные стены. Тэллавар оставался равнодушным — он просто принёс новости, хорошие и плохие, а остальное не имело значения. Ну, и его приход ни на мгновение не означал, что он скажет абсолютную правду — или всё, что должен сказать.

— Новости?

Тэзра была столь надменна! Она смотрела на него, как будто бы пыталась взглядом прожечь насквозь, и была такая невинно-слабая. Она напомнила Тэллавару о той, что он потерял во времена Разрушительной Войны; Войны, что едва не подвела черту под существованием Эрроки, благодаря одному лишь отвратительному магу.

Благодаря Дарнаэлу Первому.

— Да, — кивнул Тэллавар. — Думаю, тебе стоит их послушать.

— Говори.

Она выражалась так, словно только что даровала ему милость. На самом деле, всё было совсем даже наоборот, но женщине не обязательно осознавать сей прискорбный факт. Гартро лишь равнодушно скривился, словно показывая, насколько ему противно одно только присутствие здесь, у алтаря богини, которой он когда-то так верил. Богиня не смогла сделать то, что сотворил Дарнаэл Первый, не смогла воздвигнуть эти невидимые волшебные стены границ, которые так трудно было прежде одолеть — до того момента, как он впитал в себя их силу.

— Сюда идёт человек, что готов помешать тебе во всём, что ты задумала. Разрушить все замыслы, — Тэллавар улыбнулся по-отцовски — он привык подписывать договора с людьми, у которых что-то отбирал, но Тэзре отдавал сегодня информацию авансом, чтобы знать, как она поступит. — Чтобы всё удалось, тебе надо остановить их. У границы. Разве тебе вообще нужны гости с той стороны?

Тэзра кивнула.

— Это всё? — холодно осведомилась она. — Заклинание можно наложить за несколько минут. Не думаю, что эта информация была своевременной.

Она гордо, независимо, как истинная последовательница Богини, повернулась к Тэллавару спиной и приложила ладони к алтарю. На границе. Ей не хотелось видеть никого, кто нарушил бы сейчас её планы, никого, кто не принадлежал духом и плотью Элвенте. Не хотелось оказаться теперь на перепутье — только не в этот раз. Она ещё имеет возможность победить и стать самой верной слугой Богини, как только эти надоедливые ведьмы вновь соберутся здесь и сделают всё, что можно.

Граница слишком чётко представлялась перед глазами. Это заклинание стоило очень

много сил, но она верила в то, что воспользуется им только в самый подходящий момент, когда всё будет закончено. Она окружит границу дополнительным ореолом, когда Дарнаэл будет казнён, и чужие не пройдут на её территорию. Но пока не будет завершено главное дело — нет, она не позволит своим силам уйти на подобное заклятье.

— И у меня есть вторая новость, — игнорируя то, что Высшая плела заклинание, продолжил Тэллавар. На его пальцах заискрилась магия, но он не позволил ей выйти на свободу, слишком уж ярко осознавал, что вот как раз о том, чей дар он получил, Тэзре надо знать меньше всего. Он сначала уничтожит их изнутри, а только потом нанесёт главный удар. Только тогда, когда воевать будет некому, он оплетёт весь континент своими сетями и соединит три главных компонента, которые у него были.

Красоту Самаранты, любовь Сэи...

И магию Дарнаэла Первого.

А самое главное, он волеёт в это своё бессмертие — и станет новым Богом.

— Убирайся, — равнодушно проронила Тэзра. Ей надо было сосредоточиться и оставить последнюю ниточку в воздухе, иначе почти весь её резерв уйдёт в заклинание на границе — допускать же это раньше срока было недопустимо. Вдруг Лиара вновь остановится в самый важный момент, и придётся делать всё самостоятельно? Тогда Высшей нужно всё, что у неё есть.

— Знаешь, у всего этого есть такой большой минус, — он подошёл ближе и положил Тэзре руку на плечо, но женщина была слишком сосредоточена для того, чтобы её сбросить. Ох, они все так ненавидят друг друга, что даже переступают через любовь. Разумеется, их всех это сломит. Разумеется, Лиару не остановит то, что ей передаст Тэзра. — Убей ты Дарнаэла хоть десять раз, у него ведь есть сын, который может занять трон. Был сын.

Тэзра резко обернулась.

— Шэйран Тьеррон же нынче лежит где-то в Дарне с ножом в сердце, — всё так же равнодушно промолвил Тэллавар — он уже таял в вихре телепорта, который теперь мог позволить себе и не раз, ведь резерв так быстро пополнялся! — Можешь передать несчастным родителям мои соболезнования.

Тэзра отшатнулась и выпустила нить. Заклинание приняло её силу — и выстроилось само по себе, с нуля воссоздавая то, что она так желала отложить на потом.

Но опустевший резерв уже не имел значения. Да, от слабости ведьма упала на колени, но ещё несколько минут — и она вознесётся к небесам. Такие новости уничтожат короля скорее, чем любая магия.

\*\*\*

Самой разумной казалась идея Тэзры — ей хотелось публичности. Разумеется, Дарнаэл не сломается. Разумеется, он не склонит голову в согласном кивке и не признает себя подданным Эрроки и её величества. Разумеется, его придётся казнить — что может быть выгоднее для королевы?

Но Лиара отказывалась признавать это. Отказывалась созывать толпу в очередной раз — потому что, говорила она Высшей Ведьме Кррэа, Тьеррон обязательно придумает что-то новое. Он не позволит себе тихо умереть, а обязательно отыщет что-нибудь, за что можно зацепиться, и опозорит её, как королеву, на весь мир. Плевать, что этот мир ограничивался его же державой, что новости редко выходили за границы континента, это не имело никакого значения.

За спиной послышался шелест платья — конечно же, белого, как снег, или голубого, как



прекрасное летнее небо без единой тучки. А Лиаре хотелось неба грозового — как за окном, когда мир освещает разве что блеск очередной молнии, там, вдалеке.

— Ваше Величество, — спокойный голосок светловолосой ведьмочки заставил её обернуться излишне резко, ещё и с каким-то удивительно злым оскалом со странной претензией на улыбку. — Там уже всё готово.

— Там? — равнодушно переспросила Лиара. Разумеется, Королева не имеет права демонстрировать собственные чувства. Королева должна быть спокойной, холодной и уравновешенной. Её чувства никогда никого не волновали, разумеется, королева должна соответствовать уже сложившемуся образу. И перед этой блондинкой, что училась на одном курсе с её, Лиары, сыном, она останется каменной. Пусть сегодня либо смерть, либо подчинение — она выстоит до самого конца.

— На улице. Госпожа Высшая приказала подготовить всё для костра.

Костёр. Лиара даже не смела переспросить, правильно ли она поняла эту девицу. Конечно же, правильно. Тэзра решила всё за неё — сама. Не поинтересовалась тем, желает ли королева идти на столь радикальные меры. Но, разумеется, отменять что-либо поздно, а Дарнаэлу теперь дадут сказать только “да” или “нет”.

Ох! Лиара столько времени мечтала о том, чтобы он сдался, подчинился её воле, что когда этот момент оказался так близко, внезапно испугалась. А что будет? Если он захочет умереть, но остаться самим собой... Но разве он такой дурак, чтобы умереть? А если согласится? Если сдастся? Что тогда? Неужели она сама хотела именно этого — чтобы Дар склонил голову, послушно упал на колени, сказал, что признаёт её своей королевой? Или двадцать три года самообмана превратились в пустую привычку?

Лиара понятия не имела, что будет делать, если он ей подчинится. Она заранее проиграла — потому что надо суметь позволить ему умереть либо сдаться. А она не хотела ни первого, ни второго.

— Хорошо, — выдохнула королева. — Свободна. Скажи, чтобы они поторопились и поскорее привели сюда Его... Пленника. Чтобы поскорее привели пленника, — девушка склонила голову, но Лиара коротко махнула рукой. — Погоди. Мизель, верно?

— Да, Ваше Величество.

— Как ты считаешь, — Лиара прищурилась, — насколько верна мне госпожа Высшая? — она склонила голову набок, словно пытаясь повторить этот вопрос ещё раз. — Или, может быть, она замышляет что-нибудь?

На мгновение грозные тучи отразились в почти бесцветных глазах излишне хрупкой блондинки, но после она выпрямилась — с невообразимым достоинством, будто бы доказывая, что на самом деле королева просто случайно придумала то, чего быть не может. Конечно же, Лиара придумала себе это всё. Ничего такого не случилось. Ей верны. Ей подчиняются.

Но Лиара-то знала, что это не так.

— Я думаю, Ваше Величество, госпожа Высшая едина с вами в мыслях о том, что мужчины недостойны колдовать, — наконец-то подобрала правильные слова девушка — ведь королева не могла при ней признать свою слабость, если та, разумеется, имела своё место в душе женщины.

— Ты ведь училась с мужчинами в одной группе, — отметила королева. — Разве нет?

— Да. Но я до сих пор уверена, что их место было на поле, и работать им с посевами, а не с волшебством. Мои однокурсники были ничтожны, — холодно ответила Мизель. — Их

было всего трое, но даже этого мизерного количества было достаточно для того, чтобы бросить тень на нашу группу.

Королева кивнула. Она не могла отрицать этот общепринятый факт — ведь из мужчин не могут получиться порядочные маги. А ещё не могла выбросить из головы мысль о том, что именно в этом году из Вархвы уехал её сын. Разумеется, и о нём тоже говорила Мизель. Разумеется, Шэйран не мог нормально колдовать, на то он и мужчина — хотя Лиара не могла отрицать, что своего сына любила. Даже если он этого и не замечал. Даже если она этого никогда не показывала.

— Я могу идти? — Мизель словно пыталась понять, не желает ли королева сказать ей ещё что-нибудь, но Лиара не собиралась откровенничать с какой-то жалкой девчонкой.

— Да, разумеется, — кивнула она. — Ты свободна. Иди.

Лиара вновь повернулась к окну. Да, она смотрела в небеса — и только теперь опустила взгляд — и поняла, что тонкая плёнка магии не позволяла ей видеть правду. Не позволяла видеть толпу, что постепенно собиралась под окнами, а ещё — гору дров, на которых предстояло сгореть тому, кого она когда-то любила. Они заигрались в заклятых врагов — и прошло слишком много времени, чтобы можно было вернуть двух влюблённых, что клялись в том, что всегда будут верны друг другу.

С той поры Дарнаэл уже тысячу раз успел изменить ей. А она тысячу раз успела его предать.

Она протянула руку, будто бы пытаясь снять со стекла волшебство. Но не хотелось — у неё не было лишних сил сегодня.

Лиара потянулась к кулону, что вот уже двадцать три года висел на её шее. Как там говорил Дар? Всегда носи — если с кем-то что-то случится, ты увидишь. Если наступит смерть — он почернеет.

Кулон стекал кровью. Лиара видела красную жидкость на своих пальцах и странно так улыбалась — почему-то она никак не могла вспомнить о том, висел ли до сих пор кулон на шее у Дарнаэла. Пройдёт ещё несколько часов, и он почернеет. Конечно же, Тьеррон не сломается. Конечно же, он не признает её своей королевой. Это же её Дарнаэл, он всегда был таким упрямым! Это же её Дарнаэл — он так легко относился к смерти, ещё тогда, двадцать три года назад, когда шутя вызвал короля на дуэль.

Плевать, как всё это было подстроено. Плевать, что для этого сделала её мать — мать, что пропала и, наверное, давно уже умерла. Лиара не могла об этом думать. Далла Первая давно уже превратилась в её врага, и королева это признала.

А в своём уже двадцать три года как случайном любовнике до сих пор его не увидела.

За спиной загремели глупые доспехи. Она обернулась — так и стояла у окна, вместо того, чтобы замереть у трона, и наблюдала за десятком солдат с луками и мечами в ножнах на боках. Один несчастный мужчина в кандалах, в скованных за спиной руках — и против десятка баранов!

Но Лиара знала, что дайте ему волю — эти десятеро рухнули бы замертво уже через несколько минут. И почему-то от одной мысли, что всё это может стать правдой, ей становилось дурно. От того, что она — или Тэзра, — задумала.

Дарнаэл усмехался. Ран больше не было — он пережил очередной страшный день с улыбкой на лице. Шрамы пропали — потому что она в очередной раз не удержалась. Но там его ждало подчинение либо костёр, и он скорее сам выберет второе, чем кто-то принудит его сдаться. Это ж король — мужчина, которых в Эрроке не существует. Может быть, её, Лиары,

стараниями.

Но всё ещё можно было вывернуть. Лиара отвернулась от окна окончательно, заставила себя больше не смотреть на будущее кострище, перевела взгляд на стражу — кто-то уже положил руку Дару на плечо. Они ждут, что он опустится на колени, покаявшийся преступник перед королевой! Но он скорее позволит отрубить себе голову, разве нет?

Она задаст этот вопрос сейчас. Всё решится прежде, чем Тэзра успеет вмешаться...

Но Тэзра уже стояла на пороге.

Привычно светловолосая — опять непричёсанная, потому что настоящая женщина не должна казаться привлекательной для этих отвратительных существ. Разумеется, с копной на голове она тоже была симпатичной — но всё же, больше походила на ведьму. Бледная — словно только утром пополненный резерв умудрилась растратить непонятно куда. Похожая на призрака, с невыразительными отчего-то чертами лица, губами бледными, как у мёртвой, дрожащими руками. Шатающаяся — не способная устоять на ногах.

И счастливая.

Лиара понимала, что эта Тэзра не может быть ей соперником. Знала, что сейчас она просто сделает всё, что ей самой нужно, и после ведьма будет только безмолвно упрекать её холодными взглядами. Но это не имеет никакого значения.

Она уже почти выдохнула свой вопрос, и стража подчинилась бы, потому что они абсолютно бесправны, но Тэзра опередила её даже сейчас.

— У меня есть прекрасные новости! — воскликнула она. — Вы, стража...

Они послушно склонили голову — эти существа просто притворятся глухими, и точка. Может быть, каждый из них будет мурлыкать себе под нос незатейливую песенку, и за всеобщим гулом они даже не услышат новость — потому что Тэзра так захотела.

Лиара выпрямилась и посмотрела на ведьму.

— Прекрасные новости? — переспросила она, даже не посмотрев в сторону Дарнаэла. Нельзя — потому что если она сейчас обратит на него внимание, то после уже всё сотрется и превратится в сплошное пятно. Разумеется, она должна противостоять Тэзре. Разумеется, обязана отгонять от себя дурные мысли. Разумеется, её основной враг — Дарнаэл.

— Пожалуй, тебя обрадует то, что твой последний груз, что привязывал тебя к грехам в нашем матриархальном мире, пропал, — Тэзра упёрлась плечём в стену, словно не могла стоять на ногах. Её резерв был пуст, но глаза довольно сияли.

— Какой же груз? — поинтересовалась Лиара.

— Этот ублюдок, его сыночек, — Тэзра даже не стала уточнять, что не только Даров — их сын. Их общий с Лиарой сын, — наконец-то отправился к праотцам. Не знаю, как он умирал, но надеюсь, что долго и мучительно. Теперь вы свободны... Ваше Величество.

Сначала Лиаре казалось, что ей просто послышалось. Что Тэзра придумала очередную гадость и выдала её сейчас — чтобы ударить пленника побольнее, оставить больше чёрных пятен в душе. И только спустя несколько минут окончательно пришло осознание: она не лжёт. Она действительно выдала только что чистую правду, правду, от которой испытывает удовольствие и готова с лёгкостью броситься вперёд на амбразуру, лишь бы только... Лишь бы только добить всё светлое, что может присутствовать в человеке.

Почему-то Лиаре было страшно поднять взгляд на Дарнаэла. Она хотя бы пыталась убедить себя в том, что не любила сына; она не могла до конца верить проклятой Тэзре, пусть её улыбка и казалась такой безумно искренней, что отрицать очевидное становилось всё труднее и труднее. Но он — он поверил, и королеве не надо было поднимать глаза на

несостоявшегося мужа, чтобы знать это.

И всё же, она должна быть сильной.

Королева сегодня победит.

Даже если нормальная женщина проиграет.

...И она всё-таки заставила себя остаться всё той же каменной королевой. Заставила поднять голову и равнодушно посмотреть на Дарнаэла, хотя, казалось, мир плыл перед глазами. Вынудила слёзы высохнуть на глазах — даже не появившись.

Больше всего Тьеррон походил на восковую фигуру. Безмерно бледную, с опустевшими глазами — вместо них использовали драгоценные камни, чтобы очи мужчины сияли поярче, но не помогло. Потухший взгляд, опустившиеся руки в магических кандалах, которые теперь можно было снимать безо всякого сопротивления.

Даже цепь, которая держала его руки за спиной, теперь была бесполезной. Казнить ведут человека со свободными руками; Лиара позволила себе слабость только на мгновение, но звенья не успели лопнуть, когда она одумалась.

Королева должна победить. Сегодня он сдастся — или погибнет. Вместе с ним рухнет и Элвента, так или иначе, и матриархат воцарится на этом континенте. Вряд ли найдётся кто-то ещё достойный, способный столкнуть Её Величество с престола. Вряд ли найдётся кто-нибудь, кто однажды сумеет подчинить её сердце.

Тэзра шумно выдохнула воздух — разрушила тишину, словно та была домиком из песка. Она смотрела с торжеством — на спокойную королеву, на убитого короля. Она была счастлива; слаба и счастлива, если это вообще возможно.

— Народ ждёт, Ваше Величество, — проронила наконец-то она таким тоном, словно Лиаре следовало взойти на эшафот самой.

Если она посмеет сделать хотя бы один шаг в сторону, если сделает не так, как задумала Тэзра, то... что? Что можно сделать с человеком, который правит этой державой?

Но Тэзра сумеет. Народ ждёт казни либо подчинения; Дарнаэлу уже плевать, что будет, первое и второе. Ни один шрам на спине не мог заставить его сдаться, но разорванное на две части сердце больше не способно биться, будь оно в живом или мёртвом теле.

— Приступайте, — выдохнула Лиара.

Она не может проиграть. Только не в этот день. Только не сегодня. Не тогда, когда решится всё, не тогда, когда она наконец-то получит то, к чему стремилась двадцать три года.

\*\*\*

Грозовые тучи собиралась над будущим кострищем. Молнии разрезали пространство на части, грозясь попасть в толпу — возвышения и долины, несметное количество людских тел и людских душ. Ликование, пустота, равнодушие, сочувствие даже — и среди всего этого сложенные дрова для сожжения.

Один только вопрос, что сгорит сегодня: его душа или его тело.

Королева не могла больше стоять в тени. Загремело — и она сделала первый шаг на узкий балкон. Обычно с таких возвышений делают объявления; короли и королевы стоят тут для того, чтобы скрыться в замке, если вдруг толпе захочется броситься вперёд. Чтобы они были в безопасности. Сердце — открытая мишень, но ведь Лиара достаточно сильная ведьма для того, чтобы этого никогда не бояться?

Тяжёлое дыхание путалось в бесконечных звуках и не могло выплыть на свободу. К шее будто привязали камень — чужие взгляды, смешавшиеся в вереницу бессмысленной

пустоты; пушечное мясо и вельможи, мужчины и женщины, ведьмы и обыкновенные люди в одинаково торжественных нарядах, с прилипшими к губам чужими улыбками, с пальцами, сжатыми в кулаки, сияющими глазами. Толпа желающих его смерти, толпа желающих её торжества — не одно и то же?

Они расступились, бросились в разные стороны, пытаясь открыть проход для пошатывающейся Тэзры. Она выглядела чуточку лучше, чем полчаса назад, уже стояла на ногах достаточно твёрдо, но бледность так никуда, разумеется, и не пропала, разве что стала менее разительной. И слабость тоже не ушла, просто госпожа Высшая умела сдерживаться и хорошо играть на публику.

Бесконечно белый. Шлейф её длинного платья скользил по мостовой, пока она сквозь толпу проходила вперёд, снежным маяком показывая путь. Сгущались тучи, гремело там, над головами, и она одна была такая сияющая среди всей этой толпы. Люди расступались — потому что они должны пропустить Высшую Ведьму.

И стражу тоже — но стража дело десятое. Их она не интересовала.

Лиара выпрямилась. Каменный взгляд, каменное лицо, каменная спина — она могла смотреть на свой народ без слёз, но сердце не могло перестать кровоточить.

Пальцы вопреки собственной воле потянулись к кулону на груди. Красный. Кровь на коже незыблемыми пятнами; даже несколько следов на всё таком же белом платье, что должно быть символом чистоты. Чистой быть не получится; она запятнала себя всем, чем угодно, и сегодня собиралась взять на душу самый тяжёлый грех.

Им даже не пришлось его волочить. Не пришлось заставлять опустить голову.

Он шёл медленно, будто б ели переставлял ноги, смотрел в землю, не желая поднять голову и увидеть тех, кто сегодня был за или против него. Ему было абсолютно всё равно, кто и что думал со стороны — он просто переступал через остатки своей жизни.

Дарнаэл не видел будущее кострище. Не видел стражу вокруг. Когда его толкнули в плечо — грубо, заставляя идти быстрее, — мужчина даже не содрогнулся, словно рука прошла сквозь него.

Толпа умолкла.

Они видели его всего пару дней назад. Уставшего — но полного воли к победе мужчину. Они ждали увидеть его таким же. Может быть, полуживым от побоев — но всё ещё способным сражаться с каждым противником, что возникнет на его пути.

А вместо этого вынуждены были наблюдать опустевшее тело.

Человека, у которого не осталось цели в жизни.

Разумеется, Лиара должна была радоваться. Быть счастливой. Это её противник. Её заклятый враг сейчас идёт на эшафот и не желает бороться. Это он сейчас сдастся и позволит ей взять верх.

Но он такой потому, что погиб их общий сын.

А она, словно каменная, стоит на своём постаменте и смотрит вперёд — словно безумная. Сумасшедшая.

Настоящая женщина, настоящая мать была бы сейчас не тут.

Она бы не позволила всему этому случиться. Не позволила бы крови стекать на белую ткань собственного платья с этого чёртова кулона — кулона, что должен был соединить их с Дарнаэлом вместо всех венчальных браслетов. Вместо всех церемоний.

Но их связала не любовь, а вражда.

Его довели наконец-то к Тэзре, и Дарнаэл замер, словно пустая оболочка. Он,

разумеется, сдастся. Зачем бороться сейчас? Сгорать или умереть так, всё равно, что он сделает. Он уже заранее проиграл, и у него нет альтернативы. Народ не позволит ему победить ни за что — и никогда.

Где-то высоко в небесах напомнил о себе гром. Тучи наслаивались одна на другую, подступали всё ближе и ближе к земле. Толпа загрохотала воплем негодования, то ли поддерживая, то ли проклиная Лиару. Дарнаэл молчал — словно ему и вправду нечего сказать. И они все верили — действительно верили! — что он молчит из-за своей слабости. Не из-за своей силы.

Тэзра перевела взгляд на свою королеву. В руках одного из стражников — факел, Лиара едва-едва могла его рассмотреть среди толпы. Только одна свободная дорога ко дворцу, которой воспользуется тот, кто будет возвращаться обратно. Белые одеяния ведьм, затерявшихся в толпе, резали глаза, и во рту оставался странный привкус горечи, словно она в одну секунду использовала всё волшебство, что только было в запасе. Дышать становилось всё труднее и труднее.

Лиара посмотрела на толпу и выдавила из себя повелительственную улыбку. Почему-то отчаянно хотелось верить, что сейчас Дарнаэл на неё не смотрит. Не видит её манерности, её бесконечной лжи.

Тэзра всё ещё стояла рядом с ним. Стражников становилось меньше — а она собственными руками хотела поджечь костёр, когда он взойдёт на постамент, наверное.

Ей лучше бы уйти оттуда.

— Соглашаешься ли ты признать, — Лиара сжала поручень балкона, и пальцы стали белыми от напряжения, — верховенство матриархата и Эрроки, как страны, сотворённой Богиней? Выбирай, — в горле пересохло, — подчинение либо смерть.

Тэзра усмехнулась. Она не предоставляла бы выбор. Дарнаэл может схитрить. В конце концов, его казнь не будет означать проигрыш. И его жизнь тоже не будет подразумевать их абсолютную победу. Тут всё выстроено на полумерах — она должна заставить его сдаться и умереть, а не выбрать одно из двух.

Но Лиара была королевой. Даже если королеве сегодня отступить некуда, решает всё равно она.

\*\*\*

Дарнаэл поднял глаза к небесам. Синевы не было видно; тучи клубами кружились над головами, бесконечно извергая из себя молнии. Повеяло холодом; даже пламя не сможет согреть мертвеца, даже если он до сих пор способен стоять на ногах.

— Смерть или подчинение, — предлагала она громогласно со своего постамента, и Тьеррону не надо было смотреть на Лиару, чтобы видеть эту её короткую улыбку, преисполненную немой издёвки и фальши.

Но Её Величество была меньшим из зол этой страны.

Его голос не сорвётся. Единственными солёными каплями на лице будут дождевые. Разумеется, он не согласится сдаться.

Но в их борьбе осталось только несколько шагов до финала, и Дарнаэл не собирался идти сам.

В толпе сияла белизна чужого платья. Он не мог не узнать девушку; разумеется, сейчас ему должно быть всё равно, кто смотрит со стороны.

Но, в конце концов, она понимала, что он хотел сказать ей одним коротким, опустевшим взглядом убитого изнутри человека.

И едва заметно в согласном кивке склонила голову.

Она подтверждала своё участие.

— Смерть, — холодно, равнодушно ответил Дарнаэл. — Даже если ты считаешь, что в этой ситуации обязательно выиграешь, Лиара, я всё равно выбираю смерть.

Не подчинение.

Она склонила голову в согласном кивке. Разумеется, она это признавала. Заклятые враги — кто они друг другу, кроме короля и королевы враждующих государств? Шэйран не признан никем, Эрла никогда не будет названа его дочерью, и, разумеется, Лиара — это отдельное государство среди пересечённых нитей общества. Наследница дара Богини, так они говорят?

Ему было всё равно.

Сегодня Дарнаэлу станет только легче, если он умрёт. Лиара ошиблась. Смерть была единственной милостью, которую она могла ему предоставить, и он действительно выбрал то, чего больше всего желал.

Только, возможно, не в такой форме, но значение всё равно имел только итог. Лучше сгореть заживо, чем позволить за своей смертью погибнуть ещё и государству. Позволить властвовать той, кому вообще нельзя даже прикасаться к короне, подходить к короне.

Зазвенели его же цепи — тонкие или прочные, он не думал об этом. Ступеньки под ногами, высеченные из дерева — король не должен взбираться на возвышение, будто обезьяна, даже если он пленный король. Сухие дрова, хорошо должны гореть, наверное. Немагическим огнём, ведь волшебство во время казни — это так низко и так порочно, разве нет? Куда приятнее добивать противника привычными методами, доступными всем, чтобы показать, насколько он слаб.

Белое против белого.

Красное на красном.

Бордовые отблески коснулись лица короля Элвенты.

\*\*\*

Лиара видела, как стражник после короткого кивка опустил наконец-то факел. Они все так расслабились, когда цепи Дарнаэла были брошены на столб — чтобы он никуда не посмел сбежать. Чтобы он ни за что не сделал шага в сторону. Что за глупости — словно верёвки способны выдержать пламя, словно его не растерзает толпа! Словно цепи кому-то в этой жизни мешали умирать.

Он всё так же безжизненно смотрел вперёд, и Лиара была уверена, что Дарнаэлу абсолютно всё равно, что случится с ним и с его страной. По крайней мере, в этот день для него не имело значения ничто, кроме смерти.

Ослепляющее сияние на мгновение заставило толпу отшатнуться.

Тэзра повернулась к королю спиной. Она медленно, устало шла вперёд. До замка было довольно далеко, но ведь толпа и так расступилась — старательно сформировала широкий, двухметровый проход для Высшей, чтобы та не разгневалась, не обозлилась на несчастных из-за их же глупости.

Она не оборачивалась. Светлые волосы вились за спиной волнами, ведьма беззаветно закрывала глаза, ожидая момента своего торжества.

Она хотела услышать крик.

Полыхнуло во второй раз. Молнии разбивались почти что над головами у толпы, казалось, рвались к пламени — а после дождь пролился на их головы сплошной завесой.

Тэзра не замедлила шаг. Она подлила волшебства в пламя. Она не могла просто так позволить жалкой воде уничтожить её казнь. Именно потому она вновь так ослабела — отдала последнее, что только было в резервах, и теперь у неё не осталось сил на борьбу. Но ведь Тэзра выиграла.

Лиара не могла на это смотреть. Не могла видеть, как пламя подбиралось к его ногам.

Она должна выйти к людям. Посмотреть на них не с балкона, а оттуда, с этого прохода. Она должна увидеть Высшую, увидеть Дарнаэла... увидеть мёртвого Дарнаэла.

Назад уже ничего не вернуть.

\*\*\*

Дождь падал благодатными каплями на лицо. Он запрокинул голову назад, глядя на небеса — лишь бы не смотреть ненавистной Высшей в спину.

Но сейчас пламя не имело значения.

Зазвенело — и цепь после одного сильного рывка разлетелась пополам, немymi ошмётками оставшись вместо кандалов на его запястьях. Колдовство — да он им и так нечасто пользовался, — всё ещё молчало, но его руки были свободны. Он был свободен.

Только кому теперь нужна эта свобода?

Но Тьерроны не сдаются. Будь Лиара хоть сто раз наследницей дара великой Эрри. Даже если Тэзра не соврала. Даже если у него ничего не осталось.

Стражник, казалось, так ничего и не понял. Он остался только один — и рухнул от одного короткого заклинания на колени, не в силах пошевелиться под давлением волшебства.

Дарнаэл знал, что времени у него мало. Пока горе не добьёт его окончательно. Пока Тэзра не опомнится. Пока благоговение толпы не обратится гневом.

Она — его Лиара, — уже вышла из замка. Зачем? Хотела что-то видеть?

Король терпеть не мог стрелять из лука. У него и не получалось даже — половина стрел мимо цели.

Но стрела у него оставалась только одна.

Казалось, время замедлило свой ход. Он натянул тетиву, прицелился — руки не дрожали, хотя должны были. Тэзра не останавливалась, а шла вперёд; она ещё не понимала, что произошло, а в громе небес затерялась человеческая тишина.

Люди стояли, словно обречённые на смерть, словно заговорённые особыми чарами, и ведьмы тоже — в тех же самых позах. Но они были только массовой, действующих лиц осталось всего трое — и глаза Лиары широко распахнулись от ужаса.

Острые стрелы, казалось, смотрело прямо ей в грудь.

Зазвенела тетива, разбивая немоту на мелкие осколки, и только тогда Тэзра, словно что-то заметив, догадалась обернуться.

Взметнулись в воздухе уже промокшие от дождя светлые волосы, бесформенной тряпкой обвисло на теле белое платье.

У Лиары на груди — капли крови.

Он видел даже с такого расстояния.

Стрела пробила ей горло — Высшая ведьма только захрипела. Судорогой свело пальцы, лук рухнул на землю, вместе с Тэзрой, впрочем.

Мёртвой Тэзрой.

Спасать её было поздно даже самому искусному на свете целителю. Дарнаэл наблюдал за нею молча, словно пытался понять, что поменялось — те же черты лица, испоганенные



смертью, не казались уродливыми — она будто не поняла, что умирает.

Пробитое горло. Лужа крови среди бесконечного дождя. Шокированная толпа и вскипевшее за спиною пламя, потянувшееся уже к людям.

Они молчали. Не могли позволить себе хотя бы один короткий вскрик — сейчас не люди были центром. Сейчас массовка не имела значения.

Лиара не шевелилась. Он уже давно выронил своё оружие, у него и так не было стрел.

У него для неё никогда не было стрел.

Ей следовало приказать страже схватить его. У неё появился повод. Теперь — теперь уж точно! — она имеет право перерезать ему горло без зазрения совести, а после править Эльвентой столько, сколько ей будет угодно.

У Дарнаэла не осталось больше последнего желания.

Он привык выполнять из самостоятельно.

Лиара сделала первый шаг неуверенно, словно боялась, что упадёт. Она выходила из-под навеса замка — прямо под бесконечный ливень. Кровь Тэзры размывало по мостовой, кто-то завизжал, но его вновь заглушил гром — и тишина воцарилась на площади, накрыв людей полотном. Кто-то рвался вперёд, кто-то пытался сбежать, но всё это в сплошном молчании, в приступе холода — только взрывы дождя и всплески пламени за спиной.

Королева медленно шла вперёд. Тэзра лежала ровно посередине дороги — стрела не должна бы до неё долететь, наверное, а Дарнаэл не слишком хорошо стрелял из лука, но в моменты возмездия Богиня снисходительна даже к мужчинам.

Он наконец-то стряхнул с себя оцепенение и тоже сделал несколько шагов ей навстречу — будто бы пытаясь понять, что сейчас будет.

Лиаре хотелось быть правильной. У неё теперь появились основания для победы, мёртвая Высшая была достаточным поводом для того, чтобы развалить всё вокруг, уничтожить каждого мужчину на этой площади.

Но они... Заклятые враги?

Таких не убивают. Иначе потом воевать не с кем.

...Они остановились в полуметре от мёртвой Тэзры, каждый со своей стороны, и Лиара ждала, когда он подойдёт ближе. Он всегда, все эти двадцать три года подходил к ней первым. Он первым топтался по своей и по её гордости, с хохотом отталкивал в сторону правила; он всегда первым забывал о том, что они враги.

Синие глаза смотрели на неё всё той же зияющей пустотой. Сплошные барьеры молчания и смерти — она не видела ничего, что свидетельствовало бы в её пользу.

И Лиара впервые в жизни поняла, что королева и женщина одновременно в ней счастливой быть не могли.

Она коснулась кулона в третий раз за сегодняшний день. Кровавые капли на пальцах, мёртвая Тэзра барьером между ними.

Последняя непреодолимая преграда.

...Лиара даже не подобрала юбки — платье и так надо выбросить.

Двадцать три года они играли в игры, и двадцать три года он первым нарушал правила. Первым приезжал подписывать договор, первым смеялся, когда надо было оглашать войну, первым утаскивал её подальше от бесконечной вереницы советников.

Двадцать три года назад между он перешагнул труп её дяди и несостоявшегося мужа, никому не нужный мальчишка, почти убитый родной матерью, почти загубленный Даллой Первой, пешка в интригах великих королев.

Двадцать три года спустя она переступила через мёртвую советницу и Высшую ведьму своей же столицы к величайшему королю со времён Первого, к человеку, без которого в его стране не могут провести даже самое маленькое сражение.

Тогда и сейчас, это был всё тот же Дарнаэл Тьеррон. Всё с теми же синими глазами, сияющими под пеленой дождя.

Тогда и сейчас, кровь на одежде не имела никакого значения.

— Двадцать три года, — выдохнула наконец-то Лиара, останавливаясь совсем рядом с ним. — Ровно двадцать три года с тех пор, как мы познакомились.

Он протянул руку — словно собирался коснуться щеки, но его пальцы дотронулись до кулона на её шее, потянули на себя тонкую цепочку. В синих глазах мелькнуло что-то мальчишески-счастливое, словно Дарнаэл, её Дарнаэл наконец-то вернулся в этот мир — только на несколько мгновений разве что, но и они были слишком важны.

Он тяжело дышал. Не закрыл глаза, наверное, только потому, что иначе устоять на ногах было бы ещё труднее.

С кулона стекала кровь, но там, где её уже не было, камень вновь отражал равнодушно-молочный свет с лёгкой синевой магии.

Его взгляд прояснился.

Но на шее Дарнаэла не было кулона.

— Ты его потерял, — выдохнула Лиара. — Ты умудрился его потерять.

— Белый — жизнь, чёрный — смерть, остальное — промежуточные состояния, — выдохнул он, будто бы ничего больше важного не существовало.

— Ты его потерял.

— Я его отдал, — выдохнул Дарнаэл. — В жизни, Лиара, бывает любовь больше, чем моя к тебе.

Ей хотелось повторить эту проклятую казнь. Чтобы он вновь оказался там, вновь горел в бушующих кострах и больше никогда не смел причинить ей боль собственными словами. Чтобы его больше никогда не было в её жизни.

Он дёрнул за цепочку сильнее, чем следовало, и кулон оказался в его руках — порвались последние связи. Лиара молча смотрела на красное на его руках — белеющее красное, с синеватым ореолом волшебства вокруг.

— Я отдал свой кулон, — повторил Дарнаэл, — нашему сыну.

Белый — это жизнь. Чёрный — это смерть.

Кровь не была чёрной, даже если она казалась такой страшной. Кровь не обозначала смерть, пусть и оставляла слишком яркие пятна на руках и на белоснежном платье.

Дождь смывал с лица сухие слёзы, оставляя в напоминание только солёные дорожки воды на щеках. Лиара молчала. Всё, что она могла бы выпалить из ревности, отошло на задний план и стёрлось в сплошной боли.

Она больше не имела сил спорить. Мёртвая Тэзра за спиной оказалась обыкновенным подтверждением того, насколько устала королева. Насколько она выдохлась от постоянного преследования этой тупой, сжигающей всё внутри боли. От того, что она много лет боролась с самой собой за то, чтобы никогда не быть любимой.

Разве можно отыскать в мире более глупую женщину, чем она?

Наверное, нет.

— Теперь, Ваше Величество, — на губах Дарнаэла появилась едва заметная издевательская улыбка, — у вас есть все поводы для того, чтобы наконец-то от меня

избавиться.

Пламя рушило всё за их спиной. Не осталось больше и деревянного столба, и тех дров, что туда приказала притащить Тэзра.

Мёртвая Тэзра.

И немая массовка по обе стороны баррикад, и чёрные ведьмы в белом по обе стороны, и предполагаемая смерть, и даже кровь от кулона, всё это смешалось в одном сплошном калейдоскопе дней и мгновений, стёрлось и пропало в бесконечном круговороте, потеряло своё главное значение во взрыве идей и мыслей.

Даже чувства пустоты больше не было, такого отчаянно-сильного, обычно издевательского, тепло-холодного и до кошмара болезненного. Ничего не оставалось.

Только пустота — и впереди, и за спиной.

Даже падать было некуда, они и так успешно достигли самого дна в своём сражении.

...Очнулась стража, бросилась к королеве, то ли преданно, то ли собираясь перерезать ненавистной под шумок горло, но Лиара остановила их коротким жестом — ей не нужна была защита. Сегодня, пожалуй, наконец-то наступил тот день, когда искать придётся что-то другое, совсем другое. Лиаре не хотелось верить в то, что это конец, но удержать человека, которого ты едва не убила, порой бывает слишком трудно.

— Вы свободны, Ваше Величество, — наконец-то выдохнула она, оставляя за собой право быть равнодушной и смотреть на него с каменным выражением лица, но в ответ у мужчины на губах заиграла слабая, едва заметная улыбка.

— Ты всегда была довольно умной, Лиара. И ты должна понимать, что это означает.

— То, что я предлагаю тебе уйти?

— То, — он сжал её кулон в своих пальцах, — что ты вообще что-то предлагаешь, Лиа. Будто бы мне не за что тебя ненавидеть.

— Есть за что, — кивнула она в подтверждение. — Только просто я не уверена, что ты поступишь по стандартам.

Стоит сделать шаг в сторону, и ведьмы воспользуются своими заклинаниями. Стоит сделать шаг в сторону, и это разрушит всё, что между ними когда-либо было.

Теперь стало чуточку легче дышать. Теперь, когда он уже не верил в слова Тэзры, мёртвого тела за спиной, можно было вспоминать о целях собственной жизни. О том, что ему обещала Сэя.

В конце концов, у некоторых женщин есть поразительное умение смотреть сквозь пространство и время. Неудивительно, что госпожа Тальмрэ тоже не обделена — её силы совсем не в том, чтобы расшвыриваться волшебством направо и налево, но это не означает, что их на самом деле никогда не было.

— Вы, Ваше Величество, — равнодушно продолжил Дарнаэл, — собираетесь отправить меня домой в этих кандалах?

Она коснулась его запястий, словно думала, отрубить руки или просто снять железные браслеты, но разум взял вверх. Зазвенели остатки цепи, и железо рухнуло им под ноги, прямо в новообразовавшуюся лужу странного розоватого оттенка.

Платье, воздух, мир — всё пропахло кровью и ожиданием. Лиаре было плевать на то, кто на них смотрел — ей хотелось знать, как он будет уходить.

Но разве Дарнаэл когда-то оправдывал её ожидания?

— Я останусь, моя дорогая, — с издевательской усмешкой на губах выдохнул он. — Я останусь. И увидим, каков будет ваш шаг в этой войне.

Они, впрочем, оба прекрасно знали, каким шагом закончится этот вечер и с чего начнётся следующее утро.

Были смерти, которые могли им помешать.

Но, разумеется, Тэзра в этот список никогда не входила. Живая или мёртвая. За или против королевы.

===== Глава пятидесятая =====

...Широко распахнутые двери усыпальницы будто бы приглашали войти. В ушах гремело — Тэравальд уже представлял себе то, что увидит внутри. Мысли спутались в сплошной бесконечный клубок, и полуэльф только содрогнулся, стараясь не думать о том, что он натворит. Что упустил. Он был ответственен за свою страну, но оставил столицу без правителя. Он был ответственен за наследника волшебства этой треклятой Религии, а теперь, кажется, сможет разве что помолиться над его костями.

Любое ранение в усыпальницах Дарнаэла Первого становится смертельным. Магия Первого вытягивает из человека все силы; царапина может заставить несчастного истечь кровью, удар ножом в живот гарантировано смертелен, как и любое мало-мальски опасное боевое заклинание.

Тэравальд знал, что смысла спешить уже не было. Он опоздал, наверное, на добрый день.

...Никто никогда не бывал в усыпальницах Первого — по крайней мере, так все думали. Но эльфы не глупы, эльфы не полагаются на сказки. Они заходили туда раз в сотню лет, чтобы убрать лишнее, поклониться к костям первого человека с даром настолько могущественным, что он до сих пор жил в крови людей и в бесконечной границе между Эльвентой и другими странами. Дарнаэл Первый сделал то, что не смог совершить никто из их братии — но он забирал всё, что должны ему люди.

Чужеродная магия, чужеродная кровь — всё это Граница впитывала с невообразимой лёгкостью. Ни один человек из тех, кто вошёл в усыпальницу, не вышел оттуда живым. Только эльфы могли пересекать эту границу. Они приходили сюда, поклонялись ему, а после отплывали обратно, пересекали моря к высоким стенам Ньевы, чтобы передать капельку сохранённого волшебства в храм.

Религия верила в то, что однажды найдётся тот, кто сможет превзойти даже самого Первого силой своей. Но Тэравальд не мог верить в пророчества. Тэравальд был эльфом лишь на одну восьмую, и его острые уши — это единственное, что осталось ему от способностей и умений Древнего Народа. Если Шэйран переступил порог этих усыпальниц, ему больше никогда не вернуться обратно. Ему больше никогда не дышать, никогда не смотреть на этот мир глазами живого человека. Граница стоила слишком многого людям.

...Запутанные коридоры Са уже однажды миновал. Когда он только клялся Учителю в том, что будет верой и правдой служить Религии, его провели сюда — поклониться мёртвому Дарнаэлу Первому в закрытом саркофаге.

И он видел пыль, в которую превратились человеческие кости в углах этого отвратительного места.

Он не знал, сколько времени для этого надо, поэтому с опаской переступал порог. Дверь была распахнута — путь оказался свободным до самого конца, будто бы некому было остановить нерадивого полуэльфа на пути к его окончательному провалу. Тэру всё казалось, что он сделает ещё несколько шагов, и все панели поползут обратно, его закроет тут окончательно, и он больше никогда не окажется на свободе.

Но нет. Он всё ещё был жив, его всё ещё не покарала Боги за все ошибки, которые умудрился парень совершить за своё служение Религии.

...Он миновал последний дверной проём и замер. Он ждал увидеть что угодно — но, казалось, отнюдь не кинжал и лужу крови вокруг всё такого же, как и раньше, молодого, красивого, только слишком бледного Шэйрана.

Тэравальд едва вынудил себя сделать несколько шагов — и рухнул на колени прямо в кровь, дрожащими руками сжимая голову. Если б тут лежали кости, ему, наверное, было бы в сотню раз легче — чем обескровленное тело парня, которому жить ещё лет восемьдесят, а то и сто, учитывая силу его волшебства.

Он закрыл глаза. Смотреть на это было невыносимо — перед глазами клокотала кровь, и даже не надо было представлять себе масштаб поражений...

Что-то осыпалось на пол.

Тэравальд ошалело смотрел, как мелкие рубины ударялись о пол с тихим перезвоном — а после наконец-то перевёл взгляд на Шэйрана.

Сжавшиеся вокруг драгоценного камня мёртвые пальцы никак не хотели разжиматься — и Тэр дрожащими руками потянулся к рубину. Он должен вернуть всё на место, чтобы печати усыпальницы остались на местах.

Но вместо ледяных пальцев мертвеца он почувствовал странный жар — и моментально одёрнул руку, будто б обжёгся. Камень, казалось, горел огнём, пытаясь проплавить пальцы наследного принца Элвенты.

А после Рэй распахнул глаза и шумно вдохнул воздух.

Трупа в усыпальнице не было.

Ни Шэйрана, ни Дарнаэла первого.

Крышка саркофага, расколота на две части, валялась в стороне, а в гробу смешались кровь и мелкая россыпь рубинов.

Тэравальду уже не надо было жмуриться и отворачиваться от мёртвого тела. Он облегчённо выдохнул, только сейчас осознав, что испугался не только смерти несчастного Тьеррона, а и того, во что его превратит Учитель, узнав о том, что всё провалилось. У них нет ещё пяти веков, чтобы дождаться следующего могущественного мага — в лучшем случае!

А у Тэра нет их тем более, потому что не факт, что ему бы позволили пережить следующую после совершённой ошибки ночь.

Но Шэйран казался живым. На самом деле, или это играли в его теле отголоски магии — Са нынче не мог заставить себя проверить это. Он слишком испугался и слишком быстро выдохнул с облегчением, чтобы рискнуть что-нибудь сделать сейчас. К тому же, эльфийской крови мало для того, чтобы быть нормальным колдуном. Жаль, что он не способен чаровать так, как положено ему по статусу. жаль, что никогда не будет таким служителем Религии, каким должен быть.

...Казалось, ему не то что глаза открыть — дышать было трудно. Кровь клокотала на губах — жизнь то ли возвращалась, то ли окончательно выливалась из Шэйрана. Ран уже больше не было видно, кровь стекалась к рубиновым камням и превращалась в драгоценную крошку, пыль вокруг раненного.

— Эй, — негромко позвал Тэравальд, словно это могло помочь умирающему. — Эй, Высочество, ты не желаешь проснуться?

Рэй пробормотал что-то в ответ — совсем невнятно, едва слышно, будто бы пытаясь как-нибудь выдать из себя те оставшиеся капельки жизни, что не позволяли ему спокойно

отойти в мир иной. Его дыхание стало слишком уж хриплым, и парень силился подняться, но не мог — пальцы то и дело скользили по острым камешкам.

Тэравальд не мог думать о том, что он обрадовался слишком много. Религию нельзя предавать, и если его Мастер приказал привести молодого Тьеррона немедленно в храм, значит, задание надо выполнить. Са даже не мог представить, зачем одарённый мальчишка может понадобиться там, в каменных стенах места, где теплится последний очаг Религии, но нарушить приказ он не мог.

И так опоздали настолько, что догонять время стало уже слишком поздно.

— Шэйран, — вновь позвал парня полуэльф, встряхивая его совсем уже грубо и нетерпеливо, словно не осознавая, что человеку может быть больно. — Надо встать. Надо уходить отсюда.

Юноша поднял голову. Синие глаза были передёрнуты какой-то странной поволокой, но Тэравальд не мог заострять на этом внимание. Раненным нельзя находиться в усыпальнице Дарнаэла Первого, даже если тут и косточки от старого короля не осталось. Тэравальд чувствовал опасность — его сила, и так не слишком большая, постепенно вытекала их тела, и хотелось закричать Шэйрану, чтобы тот прекратил смотреть в пустоту равнодушным взглядом, немедленно поднялся и ушёл отсюда.

Рубины осыпались мелким красным песком. Принц опустил глаза и рассматривал всё это с таким выражением лица, будто бы каждый день мог наблюдать за тем, как неведомая сила перетирает в пыль драгоценные камни. Но Тэравальд не позволял обмануть себе каким-то магическим шпучкам. Он знал, чем это закончится. Знал, что ничего хорошего из этого уж точно не получится.

— Пойдём, — повторил он — сухо, строго, отрывисто, так, как сказал бы Мастер.

Шэйран поднялся — ему, вероятно, требовалась помощь, но страх только усиливался. Сначала он только-только проявлялся, немного позвякивал невидимыми бубенчиками в глубине души, а теперь уже бил в колокола, ужасом обрушивался на сердце помпой крови, и Тэравальд желал только одного — поскорее убежать.

Полуэльф больше не мог ждать. Он, будто бы надеясь на то, что сейчас Шэйран оживёт и заставит себя идти дальше, бросился к выходу — и в тот момент за спиной загремели рубины.

Не осталось времени оборачиваться назад. Незащищённую кожу жгли драгоценные камни — они ссыпались отовсюду, а после иллюзией осыпались вниз. Они текли кровавыми реками, и Тэравальд мог только со всех сил лететь к выходу, пока кровавая кислота касалась ступней и стремительно поднималась к горлу.

...А когда он выскочил на улицу, когда волна рубинового океана осталась за спиной и захлебнулась собственной силой, неспособная покинуть границы усыпальницы Дарнаэла Первого, Са осознал, что Рэй остался там — заживо погребённый в кипящей лаве сияющей красноты.

Он пошатнулся. Трудно было понять, каких мыслей оказалось больше: о том, насколько страшно, только ожив, вновь истлеть заживо там, внутри, о том, что сделает с ним Религия?

Тэравальд не успел театрально рухнуть на колени — он не мог стоять и хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Он просто смотрел в сторону кипящей красной жидкости и не понимал, как это могло случиться так быстро. Дарнаэл Первый не давал шанса наследнику собственного рода — если магия Шэйрана осталась запертой там, то Дарнаэл Первый не давал шанса ничему. Ни Храму, ни Религии, ни Мастеру, ни этой

проклятой стране.

В какой-то момент Са стало даже наплевать на то, что ждало его самого. Разумеется, ничего хорошего, но сие не имело значения — только не в эту секунду. Только не в то мгновение, когда живая могила всё ещё извергала осколки своих призраков.

— Боги! — ему казалось, что он выкрикнул это слишком громко, но на самом деле слова оказались тише шёпота. — Боги, вы видите, что делает ваш проклятый мир? А вы, вы не желаете сгореть? А вы вообще есть? Вы способны доказать собственное существование?

Полуэльф зажмурился. Сейчас на него польётся дождь из таких же рубинов — или градом огней прожжёт насквозь. Сейчас за сказанное под его ногами расступится земля, и он провалится в глубокую пропасть, к центру всего этого мира, чтобы вечно гореть и воскресать, получить-таки достойное наказание за то, что натворил за всё это время. За недосмотры, за промедление, за смерти, которые боги сеяли не его руками, но без его возражений.

— Они не слышат.

Голос был поразительно знакомым, и Тэравальду подумалось, что он уже по ту сторону реальности, смотрит призраком на такие же самые души. Либо среди упокоенных эльфов, что больше не могут вернуться в свою жизнь, но продолжают смотреть на неё со стороны.

Ему было страшно открывать глаза. За тонкой завесой ресниц пряталась правда, и ему хотелось спрятаться от неё, умчаться подальше и никогда не слышать ни единого слова обо всём, что только окружало сплошными волнами кошмаров.

— Даже если ты сейчас выколешь себе глаза, это тоже не поможет, — голос звучал слабо, устало, вымученно. Можно было подумать, что человек едва дышит — но разве мёртвые могут умирать и дальше? Или боги придумали куда больше мучений, чем рассказывал Мастер?

Тэравальд не мог решиться. Но даже сквозь слабость можно было почувствовать лёгкое издевательство — словно кто-то пытался поддеть его. Перед глазами почему-то упрямо появлялся Дарнаэл Второй — когда заглядывал в библиотеку после длинного рабочего дня и в очередной раз издевался над глупой ленью своего подчинённого, даже не зная, что перед ним не пустой сплетник и дамский угодник.

Перед ним — бестолковый и бездарный служитель Религии.

Он всё же не удержался. Открыл глаза — и вновь, уже по своей стандартной, наверное, привычке, отшатнулся, сглотнул, отчаянно пытаясь дышать.

— Лава, — выдохнул Тэравальд.

Шэйран опёрся спиной о внешнюю стену усыпальницы. До его плеча долетали алые брызги, но он словно не замечал, как таяла вокруг кипящая жидкость.

— Где? — удивился парень. Он всё ещё зажимал одной рукой рану на груди, и сквозь пальцы на землю падали капельки крови, такие же, как и лава.

— Ты призрак? — ошалело моргая, прошептал Са.

— Да нет вроде, — Шэйран закашлялся — вполне реалистично, если учитывать, что мёртвые уж точно не болеют. — Меня как бы не доби́ли.

— Лава, — обезумело повторил Тэравальд, но Шэйран будто бы не понимал, о чём речь.

В его понимании никакой лавы не было. Рубиновые потоки превратились в пустоту; ни единого следа, ни единого ожога, только рана под сердцем. Или в сердце.

Рэй больше ничего не сказал. Тэравальду и вовсе хотелось бы услышать, как человек — обыкновенный человек, — умудрился выжить в кипящей лаве, вырывающейся сейчас на

свободу, но задавать такие вопросы казалось полубезумием. Он должен благодарить богов уже за то, что Шэйран стоял перед ним — вполне живой и не смертельно раненный. Остальное — детали, на которые не следует обращать внимание, пока они не доберутся до места предназначения.

Принц устало оторвался от стены, осмотрел лес, будто бы ждал увидеть в нём что-то необычное, перевёл взгляд на город. Он собирался возвращаться — Тэравальд знал, что просто так удержать наследника престола на цепи не получится.

Синие глаза Шэйрана, впрочем, всё ещё казались отвратительно пустыми. Словно он за слабой улыбкой прятал усталость тысячелетнего эльфа, который давно уже возненавидел собственное бессмертие, до того сильно, что мечтал только об одном — скорее отыскать своё пристанище там, где никто и никогда его не найдёт. Там, где одиночество послужит ему лучшей смертью на свете.

— Зачем ты сюда пришёл? — наконец-то спросил Рэй. Он, казалось, искал в мыслях или в душе нечто неизвестное ему, но найти так и не смог — вечно путался, сбивался, не знал, что и делать со странными ощущениями живого, реального мира.

Тем, кто побывал за гранью, всегда слишком трудно привыкнуть к миру заново. Особенно если, так или иначе, никто не желает оставить даже и десяти минут на отдых и восстановление, когда напряжение становится слишком сильным.

Дороги его жизни давно уже разошлись в разные стороны. Ему стоило бы, по-доброму, умереть там, от руки Тэллавара, но этого отчего-то не случилось. Напротив, Рэй чувствовал только странную боль в области сердца, и та отступала, затихала, пряталась в уголках сознания, чтобы выбраться на свободу совсем-совсем скоро. Наверное, умереть было бы проще всего; тогда удалось бы забыть и о собственной глупости, и о своих неудачах.

Тэравальд поднял на него свои по-эльфийски раскосые глаза, странного, неопределённого цвета, словно волшебство действовало и на них, и покачал головой.

— Нам надо на Ньевидд.

Рэй ничего не ответил. Он, как и все на континенте, знал об эльфийском острове, знал о легендах, что несколько сотен лет назад пугали всех, но, равно как и большинство людей, не верил в них. Эльфы были, Тэравальд тому подтверждение, но это не означало, что они способны на то, о чём поётся в сказках.

Но он не мог возразить. Сказать “нет” означало подписаться под принятием собственного решения, а Рэй даже думать нормально не мог. Кровь бурлила в жилах, словно рвалась на свободу, и ему было трудно дышать. Перед глазами всё ещё стояла чья-то тень и рубиновый песок, сыпавшийся потоком на рану.

— Зачем? — наконец-то спросил он.

— Потому что Храм ждёт тебя, — послушно отозвался Тэравальд. — А я призван защищать тебя и доправить в целости и сохранности.

— Плохо же у тебя получается, — усмехнулся Шэйран.

Но он не мог отказаться.

Если в храме ответят на его вопросы, если вопросы вообще к тому времени появятся... То он обязан быть там и узнать всё, что будет возможно.

После таких травм не выживают. Если и выживают, то вряд ли могут шевелиться. А у него — только странная царапина на груди.

И чужие болотистые мутные глаза, передёрнутые плёнкой возраста и ненависти.

— Там тебе помогут, — вздохнул Тэравальд. — Храм знает всё. Храм знает, как



творился этот мир.

Шэйран зажмурился. Его мало волновало то, как творился их мир. Ему надо было знать, что случится потом. Что сделает Тэравальд. Зачем всё это вообще началось. И если в храме ему способны ответить на эти вопросы, то он должен туда прийти. Даже если это займёт слишком много времени — куда спешить, если ты и так едва не умер?

\*\*\*

Тэравальд никогда не думал, что всю дорогу от Дарны до Ньевидда можно промолчать. Четыре дня пути — на конях, потом на чаровничьей лодке, которая проплывает ранним утром туда и назад, — когда надо было мчаться или просто ничего не делать. Ни единого слова. Ни единого звука, словно Шэйран вот так за раз взял и онемел. Ни единого вопроса, хотя Тэравальд чувствовал их тяжесть на его сердце.

Са казалось, что причина в пережитом кошмаре, хотя он не мог гарантировать, что принц помнил всё случившееся. А, может быть, беда только в том, что он на мгновение заглянул за границу смерти. Ведь там, пожалуй, все самые страшные кошмары континента.

Но, впрочем, он понимал, что виноват сам. Сначала Шэйран спрашивал. Спрашивал, зачем они отправляются в храм. Зачем там нужно его присутствие.

Но что мог сказать Тэравальд? Попросить разве что поколдовать, хотя и так было видно, что принц не потерял свою силу.

Са не знал? Знал. Но признаться себе в том, зачем он ведёт его туда, в средоточие Религии, было трудно. Рухнула граница, но Тэравальд молчал — о том, что Дарнаэл Второй, скорее всего, уже мёртв, о том, что страна осталась без правителя, Шэйрану знать не стоило. Не сейчас. Если он вздумает повернуть назад, то эльфу не станет силы завернуть его обратно. Если он вздумает убежать, то никакая чаровничья лодка не заставит молодого наследника волшебства Дарнаэла Первого усидеть на месте.

Соврать Тэравальд не мог. Сказать правду — правду, о которой догадывался, — тоже не мог. Религии нужно его волшебство, религии нужен тот, кто сможет вобрать в себя мощь Первого, чтобы предать его силы этому миру. Чтобы наконец-то восстановить баланс, без которого, наверное, ничто не может существовать. Эльвента слишком сильна, Эррока медленно скатывается в пропасть — и если это не остановить, разве не рухнет то, к чему они так привыкли?

Сказать, что он волочил Шэйрана на жертвенный алтарь, где от него останется только пустая, бездарная... неживая оболочка, он боялся.

Впереди показались очертания острова. Тэравальду на мгновение показалось, что у него посветлело на душе — он ведь столько лет не видел родные земли... Но родные ли? Его родня долгое время не имела права переступать волшебные границы, открытые, казалось бы, для всех желающих. Тэр не понимал, почему именно его избрали для того, чтобы служить Религии, но если так решил Мастер, то причины у него были.

От зелени рябило в глазах. Лодчонка, казалось, стала плыть ещё быстрее, стремительно приближаясь к берегу.

Шэйран впервые за последние несколько дней смотрел с интересом. Он ещё не видел великолепный храм, только береговую линию, но сияние дивных растений не могло не привлекать взгляд. Прекрасные цветы, отражающие солнечные лучи, словно хрустальные, стали ещё красивее, чем помнил Тэр — либо в его памяти стёрлось всё это безумное великолепие, — но из этого букета можно было сделать корону для самой привередливой королевы.

Солнце не жарило, светило мягко, просто согревало. Вода казалась едва-едва тёплой — но к ней было приятно прикасаться. Даже море переставало быть солёным, когда швыряло свои волны на берега острова Ньевидд, рассыпаясь о белые пески и зелёные травы.

Тэравальд даже не выбрался, а вылетел на землю, бросился к травам, упал на колени перед первым попавшимся цветком и, наклонившись, осторожно вдохнул его аромат. Казалось, он вновь мог нормально жить. Пропали сомнения, пропал страх, даже алогичности собственных поступков он тоже больше не чувствовал. Религия гласит, что надо следовать по пути, который начертали Боги. Если кому-то судилось умереть, то почему нет? Разве один не должен погибнуть ради того, чтобы выжили миллионы?

...Когда Са поднялся с колен и перевёл взгляд на своего спутника, тот не проявлял ни малейшего восторга. Да, возможно, ему нравились местные пейзажи, на губах застыла едва-едва заметная улыбка, но она была скорее равнодушной, чем искренней. Для него Ньевидд оказался просто красивым местом, а не чем-то необыкновенным, великолепным, чудесным. От осознания этого Тэравальд едва не взвыл — он не понимал, откуда в человечестве столько отчаянного, глупого и бессмысленного равнодушия. Всё это давно сплелось в тугой клубок смеха и боли, и воздух Ньевидда казался Са целебным — но он не стал таковым для Шэйрана.

Тэравальд вздохнул. Он мог терпеть молчание тогда, но не сейчас, не тогда, когда цель была так близко. Выполнить своё предназначение — это всё, о чём он мечтал долгие дни, и теперь стоило только протянуть руку за наградой. С эльфийского острова против воли эльфов никто не уйдёт. Никто не сможет скрыться, даже если это сто раз наследник магии Дарнаэла Первого.

Боги наблюдают за ними. Если они говорят, что смерть способна спасти государство, то смерть способна спасти государство. Чья б она ни была.

Он вновь зажмурился и вдохнул воздух. Прекрасный, сладкий, способный дарить облегчение. Тэравальд прежде никогда не верил в глупые рассказы о том, насколько это прелестно — единение с природой, способность слиться с нею в одно целое, ведь он был только на какую-то жалкую долю эльф.

Дышать.

Прежде такого с ним никогда не было. Прекрасный мир, прекрасная жизнь — и он чувствовал, как с плеч буквально сыпается проклятый груз. После этого вечера больше ни о чём не надо будет думать. Как только взойдёт луна, наступит его покой.

Тэравальд открыл глаза, обернулся, собираясь что-то промолвить — и замер.

Шэйрана нигде не было.

\*\*\*

Вероятно, в Тэравальде осталось слишком много эльфийского, если он мог часами стоять и любоваться на прелести природы, но Шэйран никак не мог заставить себя разделить его восторги. Он не то чтобы испытывал разочарование от того, что вообще ступил на эти земли, но... Ему нужны были ответы на его вопросы, и не имело значения то, кто будет говорить, хоть сами боги, в которых Рэй никогда и не верил.

Впереди маячил храм. За сиянием цветов его можно было и не заметить — обыкновенное, почти человеческое здание — единственное, с высокими, воистину эльфийскими и вызывающими ассоциацию с длинными ушами, шпильями. Ни одного стражника, ни одного жреца вокруг, словно они все вымерли, а остался только бестолковый Тэравальд.

Шэйран остановился на пороге. Он никогда не верил в то, что религия способна на что-то серьёзное. От богини Эрри не было никакого толку — что она там вещала в своих древних книгах, что цитировала ежедневно мама? Всевластие женщин? А Дарнаэл Первый? Разве не точно такой же человек, как и остальные, пусть и с достаточно сильным волшебством? И Шэйран не видел ничего чрезвычайного в том, что происходило с ним за долгое время.

До того момента, пока не побывал за границей смерти. Почти, разумеется. Действительно мёртвого вряд ли что-то воскресит.

Тэравальд трещал всю дорогу — он рассказывал о религии столько, что Рэю хотелось заткнуть уши. Говорил, что храм существует вот уже пять тысяч лет, что он куда древнее, чем Эрри, уж тем более, чем Дарнаэл Первый...

И вправду, вблизи было видно — здание сияло от магии. Волшебство сдерживало крошившиеся стены, волшебство выстраивало их заново, и только эльфийские шпили оставались нетронутыми, цельными, будто бы за их стойкость отвечало что-то совсем другое.

Тэравальд говорил, что храм Религии пережил сотворение континента — он слабо верил в то, что такое вообще возможно, что существовали боги, которые действительно были в силах сделать всё это, но сейчас, при виде громадного строения, находившегося за границами Ньевы, чувствовал, что, возможно, зря реагировал так остро. Может быть, не стоило ненавидеть каждого жреца только за то, что он воспевал свою веру, даже если та не была до конца правдивой.

А ему ведь понадобилось просто посмотреть на храм.

Никто не возник рядом, когда он переступил порог здания. Волшебство всколыхнулось и куда-то спряталось — Шэйран был уверен, что не вызовет ни единой искорки, но сейчас даже это не заставило его повернуть обратно. Храм — преисполненный силы изнутри, — будто бы втягивал его в бесконечный простор глупой, несуществующей, как казалось прежде, Религии.

Рэй поднял голову на огромную, древнюю фреску — и замер.

Он видел их. Богов.

За спиной послышалось чьё-то сдавленное восклицание. Подоспел, наверное, Тэравальд, краем глаза Рэй заметил странный алтарь с грубыми, страшными кандалами — но даже это не смогло его отвлечь. Даже грубое касание к плечу, сердце, едва не выскочившее из груди — словно его вновь проткнули кинжалом, — они все были незначительными.

Совсем не величественно улыбающиеся, мужчина и женщина — острые эльфийские уши, широко распахнутые глаза. Его рука на её талии, её россыпь каштановых волос, длинных — не так, как сейчас. Смешливые синие глаза.

Боги.

Дарнаэл Первый — только эльф, — и Сэя. Его, чёрт возьми, мачеха, будь она хоть сто раз богиня Эрри — весёлая, счастливая, без хитрости в глазах, с этими странными острыми ушами и волосами чуть длиннее, в странной одежде — и он, и она. Дух эпохи, чёрт возьми. Фреска пятитысячелетней давности.

...Но когда Рэй обернулся, спрашивать или отвечать самому себе на вопросы было уже поздно. Он понял, кто верховный жрец, разумеется, и кинжал — острый, длинный, — в его руках не предвещал ничего хорошего.

Тэравальд, казалось, не знал, куда отводить глаза.

Шэйрану объяснять уже и не требовалось. Алтарь. Кинжал. Эльфы. Ну, почему же он не удивлён, спрашивается?

Магия не отзывалась. Она засела где-то в закоулках собственного тела и стремилась спрятаться ещё дальше, лишь бы только никто её не трогал. Он был бессилён. Ничего не мог сделать. Не имел ни единого шанса защититься.

Он смотрел на длинное лезвие, словно пытался его загипнотизировать, ждал короткого и ясного “мне жаль”, которое придётся встретить с должным равнодушием, но вместо этого услышал только стук шагов за спиной.

— Боюсь, — равнодушный, не наполненный эмоциями мужской голос звучал на удивление уверенно, — с жертвоприношением придётся повременить.

Эльф с кинжалом посмотрел на него — не удивлённо, спокойно и равнодушно. Шэйран тоже обернулся на странного, в длинном балахоне с капюшоном, скрывающим лицо, мужчину. Служитель Религии был точно в таком же, разве что только не прятал острые уши за слоями ткани, да и толку? Свидетели тут всё равно ничего не расскажут.

— Никто не имеет права перечить Мастеру, — холодно промолвил он. — Ты, брат, будешь наказан за то, что посмел нарушить святость ритуала.

— Ты ошибаешься дважды, — холодность голоса промчалась морозом по стенам. — Первое — уничтожение драгоценной силы в храме не есть святым ритуалом. А второе... — тонкие длинные пальцы коснулись ткани балахона, — никто, кроме меня, не имеет права перечить Мастеру.

На губах у мужчины появилась издевательская, кривая улыбка. Ярko сияли синие глаза.

От портрета Дарнаэла Первого его отличали разве что острые эльфийские уши.

===== Глава пятьдесят первая =====

Ветер сорвал ещё несколько листков из ближайшего дерева, швыряя их в лицо Сандриэтте. Несвойственный пограничью холод тянулся к ним своими страшными, когтистыми лапами, старательно окутывая и пытаясь превратить в ледяные статуи посреди жаркого летнего дня. Жуткий контраст между этим участком дороги и лесом, который закончился лишь минут пять назад, пугал, но повернуть назад они не имели никакого права — потому что Дарнаэл Второй — это единственный шанс держать государство в нормальном состоянии. Дарнаэл Второй, растворившийся, словно в воздухе, скрывшийся на территории Эрроки.

Скрывшийся? Если он ещё жив!

— Тут всё тихо! — крикнули откуда-то спереди. Анри вздохнула. Идти... Ей не было страшно, конечно, да и королевской страже вообще не положено чего-либо бояться, но дикое, глупое чувство опасности так никуда и не пропало. Она чувствовала, как холод касался кожи, как старательно сковывал разум ужас, совершенно несвойственный нормальному человеку, остановившемуся на спокойной проезжей дороге.

Тут даже границы были открыты обычно — если они теперь вообще были. Почему-то Анри казалось, что на привычном месте она не узрит ничего, кроме столбов пограничья и статуй стражи, или что тут могло остаться. Магия кипела в воздухе, магия была всюду — и она не понимала, кто мог такое натворить. Ведь в Эльвенте нет толковых магов, Рэй не считается, он вряд ли способен на что-то стоящее, а Эррока... Эррока никогда не могла прорваться сквозь границу, ей это не по силам.

Она не могла узнать местность, в которой работала столько лет кряду. Она тут бывала ещё совсем-совсем маленьким ребёнком, и всё равно — ни разу, среди зимы или среди лета,

не сталкивалась с такими сильными ветрами. Холод был скользким, диким, вязким — увлекал, втягивал в свою пучину и, испив всё до последней капельки, вышвыривал на обочину судьбы, как пустую, непригодную для чего-либо оболочку. И, казалось, Анри оказалась не там, где жила прежде, а в неизвестной параллельной реальности, в мире, где центром является пустота.

Кто-то задел руку, но Сандриэтта даже не обернулась. Они путешествовали очень долго в абсолютной тишине, хватаясь за осколки прошлого и понятия верности одному и тому же королю, но она так и не смогла привыкнуть к мысли, что вынуждена идти плечом к плечу с Кэором. Или с магом, который прежде знал Шэйрана, который с ним учился — бездарность редкостная, и во всех смыслах. И к Кальтэну она тоже привыкнуть не могла; человек, которого она прежде так уважала, сейчас с уверенностью прорывался сквозь бурю, но ветры словно выметали из него все понятия прошлой жизни.

Кальтэн выглядел по меньшей мере странно. Его волосы, плечи, спина и грудь покрылись изморозью — мелкие осколки льда приносил ветер, и они намерзали на всё, даже, казалось, на щеках. Анри уже сотню раз пожалела, что не взяла ничего тёплого; пожалуй, единственным, что толкало её вперёд, оставалось предельное желание вырвать Дарнаэла из лап отвратительной женщины, которой почти двадцать пять лет назад он отдал своё сердце. Но нынче Тьеррон не был столь слеп; нынче он рвался туда, дабы дать шанс дочери выжить, даже если для этого придётся отдать собственную жизнь. По крайней мере, в это верила Сандриэтта — а уж её вера умела быть предельно непреклонной, даже если весь мир пытается убедить в противоположном, она выстоит и сможет воспротивиться кошмарному негативному влиянию со стороны.

Вновь повеяло странным туманом. Граница — Сандриэтта хорошо это помнила, — там, впереди, осталось несколько сотен метров. Они уже миновали памятное старое дерево — Анри даже при такой погоде смогла узнать его сухие, скрюченные ветви, что так и тянулись к горлу своими лапами, будто бы хотели порвать на кусочки. Это под ним она стояла совсем ещё маленькой девочкой, когда мать заступала на свой пост и впервые в жизни взяла дочь с собой.

Фэз собирался идти вперёд. Ему в приступе верности к королю было абсолютно наплевать на то, что там дальше — смерть или жизнь прячутся там, за стеной границы, он всё равно хотел миновать её как можно скорее.

Анри абсолютно разделяла его чувства — преданность всегда была основой её мировоззрения. И даже если ради Дарнаэла Второго придётся отдать всё, что у неё есть, и даже то, чего никогда не было, Сандра знала — она сделает это. Даже если придётся умереть. Даже если её жизнь оборвётся прямо в это мгновение, и она не оставит себе ни малейшего шанса продвинуться дальше, хотя бы на несколько миллиметров короткой, страшной дороги своей судьбы.

Впереди туман казался густым — даже слишком. Она попыталась пройти сквозь него, но молочная жидкость пружинила, делала всё, чтобы только не допустить девушку к центру, туда, где всё начиналось.

— Тут начинается магическое воздействие границы, — прошептала наконец-то Анри. — Я думаю, что-то случилось.

Голос сорвался. Там, за этой молочной пеленой, наверное, полегло множество её сослуживцев. Она помнила весёлые глаза Галра, парня, что заступил её место здесь, помнила седобородого дядьку-капитана, имя которого оставалось для всех секретом вот уже

года три, что Сандриэтта тут провела. Кто знает, они ли дежурили тут, когда случился весь этот ад — но Анри могла только предполагать, что там, за тонкой молочной плёнкой, лежат их трупы. Либо даже костей не осталось — ведь если на них воздействовала магия, то даже пыли могло не остаться. Волшебство сильно, и Эррока, прибегнув к нему, могла натворить много бед.

Но есть ли граница? Она не могла сказать об этом ровным счётом ничего — потому что за туманом не видела ни привычного зелёного сияния, ни деревьев, что теперь, посреди лета, покрылись тонкой, но ощутимо холодной коркой льда, спрятались за снежными сугробами, за белыми хлопьями, возникнувшими словно из-под земли.

— Магия, — многозначно выдал Антонио. Он молчал долго — вот уже три дня, как они шли, из парня нельзя было вытрясти ни единого слова, — а тут внезапно решил вспомнить о том, что даже обучался колдовству.

Анри сжала руки в кулаки. Ясное дело — магия! Всюду теперь волшебство; и из-за чар оказался там, по ту сторону неизвестной стены, их король, а государство теперь открыто перед врагами — перед Торрессой, перед всеми, кто вздумает захватить их страну. Даже граница не помешает, если найти достаточно сильных магов.

Если она ещё есть, та граница.

Кальтэн посмотрел на него с неожиданным довольством — и Анри захотелось ударить его, вопреки всему уважению, что накопилось за долгие годы — ведь глава же королевской стражи, на важном задании, должен спасти Его Величество, а не тратить драгоценные секунды на то, чтобы коситься на драгоценного сыночка, что ни за что в жизни ничем не рискнёт.

— Мы должны идти дальше, — непреклонно заявила она. — И немедленно. Магия или нет — ты же волшебник, расколдуй. Да, Кэор?

Она мотнула головой, и светлые волосы рассыпались по плечам. Хотелось окунуться в воду с головой, чтобы ничего, кроме шелеста волн, не слышать, и дышать тоже водой, дабы гадкий, молочно-кислый, туманный воздух не попадал в лёгкие. Но девушка понимала, что это невозможно, а раздражение совсем-совсем скоро отступит в сторону.

Всегда есть прорехи, всегда есть шанс пробраться туда, куда, казалось бы, путь заказан. Магия или нет, способ есть. И они его найдут, с Антонио или без него — это уже совсем другой разговор.

Кэор приблизился к границе излишне осторожно, словно отчаянно пытался что-то почувствовать, нащупать, и отрицательно покачал головой. В чёрных волосах запуталось слишком много льда, и он, казалось, стремился как-то стряхнуть его — Анри хотелось верить, что это не отказ, просто жест, просто попытка избавиться от холода. Но это слишком самонадеянно — думать вот так.

— Нам стоит остановиться, — он осел на землю под деревом, и снег свалился прямо на тёмную, лёгкую, летнюю одежду, осыпался комками и капельками воды, оставив тонкую царапину на лбу — от маленькой льдинки. Кэор проигнорировал это; королевский племянник, стражник, сильный, казалось бы, человек, угасал каждый раз, как вспоминал о своей проклятой покойной супруге.

Анри подумалось, что, как бы она ни любила человека, она была бы рада его казни, если б тот пытался убить короля. Потому что это правильно. Потому что нельзя позволять кому-либо разрушать жизнь целой страны.

— Я пойду, — упрямо повторила она. Молочная жидкость впереди всколыхнулась, и

Анри усталилась на дерево — то наполовину терялось, таяло в белесом сумраке. Зелёные ветви смешались с обгоревшими листьями — и она понимала, чем закончится попытка добраться до границы.

— Там магия, — повторил упрямо Антонио.

— Ну так останови её!

Антонио поднял на неё взгляд своих карих, странных глаз — словно припорошенных пылью, уставших и грустных. Анри понимала, что давить на него не стоило, но и выбора особого у неё не оставалось. Если на кону жизнь короля, то плевать на то, как отреагирует кто-либо другой.

— Я не буду этого делать.

Анри отвернулась. Они должны были оказаться по ту сторону границы. Ведь не просто так же прошли весь этот путь, не просто так преодолели долгую дорогу и оставили государство на тех, кто был сейчас там, чтобы... чтобы остановиться на полпути. Это предательство по отношению к Дарнаэлу, и Анри не могла позволить себе и кому-либо другому так поступить с драгоценным королём. Они должны беречь его, должны думать о том, как подарить ему ещё несколько лет или десятилетний счастливой и спокойной жизни, а не оставлять в плену у сумасшедшей королевы Лиары. У женщины, что вряд ли позволит уйти ему живому.

И всё же, он её любил. И Анри могла сколько угодно кричать от бессилия, но от того Дарнаэл Второй ни на минуту не подумает о ней, как о красивой, привлекательной девушке, что могла бы стать его второй половиной. Она навеки останется всё той же девчонкой-стражницей, и, как и все остальные, растает на фоне драгоценной Лиары.

Лиары, которая так его ненавидит.

Сандриэтта опустила на холодную землю рядом с Кэором. Она чувствовала, как от парня исходил тот самый ледяной ветер — потому что он тоже, и не просто так, себя винил. Потому что и он был частью всего случившегося, одним из ничтожных или не очень компонентов, и теперь Анри не могла оправдать его в собственных глазах, равно как и всё то, что в определённое время между ними случилось.

Только сейчас она поняла, как сильно болят ноги. Как кружится голова. Как трудно дышать, ведь неизвестные оковы сжимают лёгкие и отчаянно пытаются заставить её задохнуться.

— Мы все очень устали, — наконец-то проронил Кэор. — Может быть, нам стоит попытаться сделать это завтра. Перейти границу. И тогда Антонио действительно нам поможет.

Он не смотрел на него с надеждой или с ожиданием — скорее с равнодушием. Анри сжала руки в кулаки; как можно было так равнодушно реагировать на опасность, что грозила жизни Дарнаэла?

Они все прошли одинаковое расстояние. Они все преодолели один и тот же путь. Они все шли по таким же самым камням, миновали посты стражи, пытались прорваться сквозь повторяющиеся попытки их задержать.

Но почему-то только Анри была готова идти дальше. Только для неё осталось жизненной необходимостью оказаться по ту сторону преграды и спасти его Величество от того, что ждало его там, за границей Эльвенты. Но ладно Антонио, ведь он был всего лишь безвольным волшебником, к тому же, эрроканцем. У него и взгляд оттого мёртвый, что он совершенно не умеет сражаться. И не научится, наверное. Но Кальтэн! Он-то должен сейчас

оттолкнуть в сторону назойливого мага и первым рвануться туда, в глубину, чтобы наконец-то спасти Тьеррона.

И Кэор. Там его родной дядя, а он продолжает убиваться по предательнице, которую не просто так, между прочим, убили. Которую он сам вызвался расстрелять.

Анри хотелось вытолкать из головы связанные с ним воспоминания. Горячие сухие губы и пьяную боль в голове, что стучала в виски так назойливо и сильно. Всё это осталось в прошлом. Они уже давно покинули мир собственных иллюзий. Но вынуждены были оставаться в нём мысленно — и духовно. Потому что так нужно, потому что все так привыкли, потому что, в конце концов, это их жизнь такая.

— Я не устала, — возразила наконец-то Сандриэтта. — Пусть он откроет мне проход, и я пойду одна.

Кэор не возражал. Он словно примёрз к этому дереву, потерял не только собственное мнение и верность, а даже способность разговаривать — просто дышал.

Кальтэн тоже промолчал. Сказать ему было нечего; почему-то смех вызывали косматые, покрытые снегом, которого тут не было, брови. И ещё — льдистые дорожки на щеках, которые, очевидно, остались после слёз — на таком холоде болели глаза, приходилось без конца их тереть.

Антонио отрицательно покачал головой.

— Я всё равно бессилён, — выдавил он из себя. — И даже если б я мог, я не стал ничего делать. Там моё государство. И троих сумасшедших я туда не поведу.

Пальцы сами по себе сжали нож, но Сандриэтта ощутила ледяное, острое прикосновение — не волшебства, а пальцев Кэора. Он смотрел на неё своими тёмно-карими, чёрными даже глазами так, словно пытался образумить, и Баррэ чувствовала эту скрывающуюся в глубинах сознания мысль.

Они пройдут. Сколько б ни было между ними разногласий, если завтра придётся бороться за то, чтобы оказаться по ту сторону, они обязательно пройдут. Но Кальтэну знать об этом абсолютно не нужно. И уж тем более Антонио.

Она повернулась к нему, словно пыталась всмотреться в глубину души. Парень только покачал головой — холодно, строго.

— Я убил её, — прошептал он на ухо девушке. — Неужели ты действительно думаешь, что я остановлюсь после этого у какой-то стены? Но мы устали. Мы не можем идти сегодня.

Анри кивнула. Даже если бы мать прорывалась вперёд, следовало руководствоваться здравым смыслом. И она помнила о том, что последнее, что следует делать — это бросаться на собственных спутников. Если она едва-едва стоит на ногах, то стоит остаться. Отдохнуть. А после, когда уже всё закончится, когда Кальтэн и слабый, слишком слабый Антонио уснут или попросту потеряют бдительность, она заставит мага открыть эту проклятую границу, а после уничтожит каждого, кто встанет на её пути к спасению короля. Чего б ей это ни стоило, Дарнаэла нужно вытащить.

Вопреки всему.

\*\*\*

Обычно тьма наступала тут спокойно, плавно, мягко. Эльвента никогда не была страной слишком сильных холодов и слишком густого мрака. Но теперь, сквозь молочное зарево, просматривалась откровенная чернота. Ни единой звезды, ни единого лучика от мёртвой луны — всё утонуло в туманном холоде, окутавшем приграничье.

Кальтэн чувствовал, что что-то шло не так. В нём впервые за многие годы жизни и



верной службы Дарнаэлу Второму появился настоящий раскол — и мужчина понятия не имел, откуда взялось само понятие сомнений. Неужели он может позволить себе оставить короля там, во вражеском логове?

И Дар не был для него просто Его Величеством. Кто, если не он, вытаскивал Фэза из его депрессии после того, как его прогнала Тэзра? Кто сделал тем, кем он был сейчас? Но Тьеррон умел бороться, а Кальтэн вот только сейчас осознал, что на самом деле означает понятие сражения. Это не так уж и просто, как можно было бы подумать раньше. Как только появляется два варианта, сразу начинаешь сомневаться — прежде Фэзу было так легко и просто, но сейчас, когда он понял, что придётся делать, когда доберётся до Дарнаэла, всё перевернулось с ног на голову.

...Юная Баррэ, так схожая со своей матушкой, и племянник короля задремали. Кальтэн покосился на них, будто б видел в образах стражников какую-то опасность для себя, бывалого уже воина. Кэор однажды бывал на войне, но давно и далеко не в первых рядах, кто ж его туда пустит? Сандриэтта видела только опасности границы, часто несоизмеримые с опасностью даже мелкого сражения, не говоря уже о серьёзной битве. Это её мать была готова броситься в каждую горячую точку, а её дочь ещё просто не осознаёт, где, в каком мире оказалось. Анри самонадеянна, Анри верна, но не более того. Она просто не может себе смоделировать ситуацию, в которой бы отказалась от загаданных идеалов, но разве стоит уточнять, что рано или поздно такое всё-таки случится?

Больше не холодило. Только волосы упрямо покрывались серебристой паутиной невидимого снега. Кальтэн не мог сейчас увидеть самого себя, неразличимыми были зимне-летние следы на белых волосах Анри, но дарниец, напротив, служил откровенным пособием для определения холода. Казалось, седина закралась в чёрные пряди, но Фэз понимал, что на самом деле Кэор просто умудрился где-то намочить волосы, может быть, сунулся в туман.

Завтра они, наверное, рванут вперёд. Потому что ни Анри, ни Кэор не станут ждать с моря погоды. Для них по ту сторону всё определено, и Фэз понимал, что нельзя тянуть и позволять им взять инициативу в свои руки. Да, там его король. Но тут сын, и он не мог потерять Антонио, которого только-только обрёл.

Антонио не спал. В его голове, вероятно, не роились и такие мысли, как были у Кэора или Анри — верность королю была для него пустым словосочетанием, и теперь Кальтэн даже не до конца понимал, зачем сын пошёл с ними. Для этого должны были быть причины. Антонио не слаб — ему хотелось в это верить, — но ведь он не горел мстостью проклятому королевству, в котором столько матриархата. Он к этому привык. Кальтэн помнил, как сам поддался Тэзре — она умела убеждать. А что ж говорить о парне, который провёл там всю свою жизнь, в государстве, в котором ему постоянно пытались впихнуть в голову мысль о собственной ничтожности?

— Ты сможешь открыть границу? — наконец-то спросил Кальтэн.

Он поднялся и отошёл подальше от Сандриэтты и от Кэора. Лучше б им ничего не слышать, даже если тут не будет сказано ни единого важного слова. В конце концов, они слишком молоды для того, чтобы понимать, почему Кальтэна одолевали сомнения.

Он видел в сыне своё собственное отражение. Конечно, сходство было не таким сильным, как у Шэйрана и Дарнаэла, но всё же, мужчина мог с уверенностью сказать, что это его ребёнок. И вряд ли кто-то другой поспорил бы, разве что с корыстных соображений.

Но всё же, в его сыне не было той жажды к свободе.

— Не думаю, — отозвался Антонио. — Я — никакой маг. Мужчины не бывают

талантливы в волшебстве.

— Я сотни раз видел, как колдует Его Величество, — возразил Кальтэн. — К тому же, у меня был чародей-знакомый, ему поддавалась практически вся зелень.

— Мужчины не могут колдовать.

Фэзу захотелось схватиться за голову. Он ожидал чего угодно от родного сына — неповиновения, непризнания, сопротивления. Но он не понимал, как человек мог быть настолько равнодушным к своей собственной судьбе, как мог с лёгкостью игнорировать все зачатки здравого смысла, уступая пустой, ненужной религии.

— Нас учили, — отозвался вновь Антонио, — что ни один мужчина не способен овладеть достойной магической силой. волшебство отмирает. Все привилегии достаются женщинам. Мама говорила, что я должен быть благодарен ей за то, что получил хотя бы капли волшебства. Лээн был и того хуже, на экзаменах ему просто повезло, знаешь, что он попал с Рэем в одну группу.

— А Рэй? — не сдержался Кальтэн. — Послушай, я не воспитывал тебя все эти годы, но ведь могу вмешаться сейчас! Ты просто недооцениваешь собственные способности!

Антонио не смотрел на него. Он видел только молочно-белый туман впереди, который стелился по земле и рвался ввысь, словно пытаясь спрятать под собой все земли континента. Но получалось слишком плохо; постоянное сомнение застревало в душе так сильно, что способа оказаться на свободе не найти уж точно никогда.

Фэзу хотелось, чтобы его сын пылал волей к победе. Ведь это реально — по крайней мере, мужчина верил в это, — и он может достигнуть хотя бы чего-то в этой жизни, если постарается сражаться. Кальтэн не понимал, почему его родное дитя так легко отказывалось от всего, что было впереди. Почему подчинялось.

Он мало контактировал с людьми Эрроки, но он видел Шэйрана. Немного растерянного, но периодами вполне уверенного в своих то ли глупых, то ли абсолютно правильных действиях, способного действовать так, как ему самому хочется. Вопреки словам родителей.

И он верил в то, что встретит своего сына. Тоже рвущегося к победе. Тоже способного на какое-то сражение внутри себя. Но видел только полумёртвого, уставшего парня, из которого будто бы выкачали всю жизнь. Выкачала родная мать.

— Рэй... — махнул рукой Антонио. — Такой же, как и я.

Кальтэн не понимал, почему разговаривает с ним так. Куда делась капитанская бравада, куда делась верность королю? В чём он растворился, в жалости к своему ребёнку, которого до этого не видел целых двадцать лет? Фэз всегда был одинок. Он не понимал, как можно разговаривать с сыном. Он не видел живого примера; его отец пропал на войнах, на войнах сгинул, но мать не была властной, мать не была примером. Но у него была королевская гвардия, а потом — Дарнаэл, всю жизнь задававший темп.

За Тьерроном надо было успевать. И Кальтэн как-то приноровился идти с ним в ногу, только на шаг поодаль, за спиной. Прямо, гордо, чеканя шаг, так, как говорил Дарнаэл, туда, куда говорил Дарнаэл. Второй после короля на битве, главный во дворцовой страже, уверенный в каждом своём шаге. А теперь, когда Дар оказался за стеной, а может уже и погиб, Кальтэн не знал, как ему быть. Не мог подобрать нужные слова. Живой пример растаял, а он никак не мог подобрать достаточно дружелюбный, шутливый тон, потому что память о Тьерроне оказалась не слишком яркой. Да и он же не признал как бы своего сына.

Но вот сын его признавал. И плевать, что Шэйран считался сиротой, а у Дарнаэла пс

документам, бесполезным и никому не нужным, не было детей. Потому что, так или иначе, они смотрели друг на друга, как родные люди. А Антонио — пусть даже сейчас они сидели плечом к плечу, — был так бесконечно далёк, словно между ними Тэзра проложила истинную пропасть.

— Я думаю, ради свободы, ради того, чтобы больше никого не загубили в этой стране, ты просто должен помочь, — наконец-то выдохнул Кальтэн с такой уверенностью во взгляде, будто б его сыну только полезности в жизни и не хватало. Но Антонио посмотрел на него до того дико, что Фэзу жутко хотелось отпрыгнуть от него — чтобы не заразиться сплошной слабостью. Но ведь это его ребёнок, в жизни которого он совсем не по своей вине не принимал участия, и теперь стоит сделать то, что в его силах.

— В этой стране никого не губят, — вздохнул наконец-то Антонио. — Когда Лээн погиб, я ещё думал, что это всё нечестно...

Он запнулся. Когда Лээн погиб, его мир на мгновение перевернулся. А после Антонио показалось, что во всём виновата его слабость — в том, что люди вокруг жертвуют собственными жизнями. Мужчины не должны брать на себя такую ответственность, раз уж у них не получается нормально колдовать или нормально управлять страной. Ведь стоит здраво оценивать собственные силы.

— Даже если б я мог, — продолжил он, не глядя на отца, — я б ни за что не позволил открыть эту границу. Потому что королева Лиара поступает как должно. Если она призвана уничтожить все зачатки слабости на чужом троне...

Антонио вздохнул. Прежде он так не думал. Да, не сражался яростно, как это делали другие, но всё же. Но теперь, когда в сердце зияла кровавая рана скорби то ли по Лээну, то ли по Лиррэ — и он не мог понять, о ком грустил больше, вопреки всему, — теперь, когда ему удалось продумать всё, он был готов поклясться: больше нельзя позволить никому поставить власть Королевы под сомнение. Она права. Она делает всё, чтобы спасти этот мир от несомненного краха, а окружающие её мужчины просто не могут заставить себя понять до конца высоту её мысли. Верно, ведь они не могут. Королева могущественна, она не просто так подчинила их себе. Она установила в Эрроке законы, которые приведут к процветанию, и если б Антонио не натворил огромное количество ошибок, если б следовал им неукоснительно, то, может быть, многого бы и не случилось. И это касалось не только его.

— К тому же, во имя богини Эрри, что такое ваша вера? — не удержался всё-таки парень. Он теперь выглядел удивительно упрямым и уверенным. — Ведь вы поклоняетесь даже не божеству, а какому-то очередному королю, кто ж так поступает?

Кальтэн промолчал. Это был не его сын — не его ребёнок. Настоящий Фэз — кто б его не воспитывал, — не позволил бы убить в себе всё от мужчины, что в нём только было. Но...

Поздно теперь считать проигранные битвы. Сколько б Кальтэн не придумывал, что его ребенок ещё появится откуда-то с небес, что сейчас всё исправится, а Антонио станет смелым и сильным — ничего от того не изменится. Он должен был принимать своё дитя таким, каким оно есть. Пусть его сыну уже двадцать с чем-то лет, пусть он едва-едва способен принимать самостоятельные решения и полностью подчиняется религии своего государства. Кальтэн даже собственной честью с готовностью пожертвовал бы ради того, чтобы быть рядом с сыном. Чтобы помочь ему.

— Я могу тебе помочь, — наконец-то проронил мужчина. — В конце концов, ты даже не представляешь, чему можно научить молодого волшебника.

Он всё ещё хорошо помнил, как зелень вилась под пальцами Шэйрана, как рвалась к

небесам — и что случилось с теми, кто попытался зацепить королевского наследника, пусть даже и непризнанного. Если на это способен ребёнок Лиары и Дарнаэла, то чем хуже Антонио? Тэзра не слабее королевы, а Кальтэн...

А Кальтэн не выдавил бы из себя и одной искры, когда Дарнаэл при должном желании, пожалуй, мог бы сыпать ими направо и налево.

— Мне уже ничем не поможешь, — отозвался Антонио. — Всё, что было, уже растворилось. Прошло слишком много времени с той поры, когда я мог хоть что-то из себя выдавить.

Он подошёл поближе к молочной пелене и обернулся. Кальтэну показалось, что отчаянье, мелькнувшее во взгляде Антонио, было окончательным приговором — но не их отцовско-сыновьим отношениям, а самой его жизни, которая теперь только-только получила свой первый шанс на восстановление.

Карра протянул руку. Решительности в его движениях и в выражении его лица не было и вовсе, но он всё равно тянулся к этой молочной перегородке — чтобы только оказаться на свободе от собственного тела. Может быть, там ему будет легче. Никаких упрёков, никакой ненависти, ничего.

Кальтэн знал, что он в первую очередь должен думать о короле. Но ведь разве Дарнаэл выбирал между сыном и державой последнее? На самом деле, Фэз не знал. Ему просто показалось, что это единственное, что он может сделать для своего ребёнка.

И прежде чем Антонио окончательно растворился в молочной пелене, он рванулся туда за ним — без оглядки, бездумно и слишком бессмысленно.

\*\*\*

Анри открыла глаза с огромным трудом. Казалось, холод сковал её с ног до головы и превратил в какую-то жуткую льдинку. Тем не менее, Кэор всё ещё был рядом, такой же равнодушный и такой же замёрзший, и Анри показалось, что ей стало как-то спокойнее от его присутствия.

Если уж он решился уничтожить Марту — пусть Сандриэтта сделала бы это с огромнейшим удовольствием, — то действительно заслуживает на доверие. К тому же, и это девушка повторяла про себя сотни раз, он верен королю, он единственный, кроме неё, кто не преследует другие интересы в этом путешествии. Он может заставить волшебника открыть путь.

Кэор шевельнулся и придвинулся к ней чуть ближе. Сандре хотелось понять, куда делись Кальтэн и маг, но она не могла обернуться, потому что, казалось, примёрзла к своему месту.

Молочный туман протянул свои щупальца и осторожно, будто бы прощупывая почву, мазнул по щеке. Анри была уверена, что она просто спит: странный дурман сковал её по рукам и ногам и, казалось, отчаянно пытался проникнуть в дыхательные пути, сжать лёгкие и превратить их в нечто использованное и испорченное.

Сандриэтта смогла лишь немного сдвинуть руку и с силой, которую лишь была способна добыть из собственных тонких пальцев, сжать ладонь Кэора. Тот лишь успел вновь шевельнуться, потянуться к ней, перед тем, как на них обрушилась странная, бесконечная вьюга.

От снега и белых ледяных крупинок рябило перед глазами. Сандриэтта была не из пугливых, но сердце дико заколотилось от мысли о том, что она так и не сможет ничем помочь королю, если внезапно погибнет, ещё и от такой глупости, как снежная буря.

Но как же поздно о чём-либо жалеть или размышлять! Как только первые льдинки коснулись кожи, Анри внезапно осознала, что ничего уже не изменить. Холод железными кандалами оплёл руки и ноги, прорвался к сердцу, заставляя его биться медленнее, чем следует, а после и вовсе остановиться. Всё поплыло, запрыгало в непонятной последовательности, вспыхнуло — сначала коротко, а потом быстро, словно пытаюсь заставить Сандриэтту ещё больше запутаться в собственных неприятых решениях.

На мгновение лёд разбило тепло — но после растворилось в пустоте. Анри показалось, что она куда-то падает — единственным вариантом оказалось держаться за Кэора, и он что-то прокричал ей, но до того тихо — или это так громко гудело в ушах? — что Сандра даже не смогла ответить или расслышать. Она просто падала и падала, хваталась замёрзшими, ледяными пальцами за пустоту и отчаянно теряла собственные ориентиры, которые так удачно выставила в далёком прошлом.

Они не спасут короля.

И это она понимала слишком чётко.

...Поляна пустовала. Посреди неё замер снежный вихрь, будто бы волшебством остановленный ровно по центру. Оттуда не доносилось ни единого звука — только молчаливая снежная воронка рвалась к небесам и таяла среди серых зимних туч, застрявших на летнем небе.

\*\*\*

Молочный туман рассеялся. Казалось, Антонио только-только нырнул в его гущу, как всё растворилось в воздухе — не осталось ни противных холодных касаний вязкого киселя, ни трудности в дыхании. Он оказался дома, в по-летнему тёплой Эрроке, и теперь мог ощутить вкус родных земель — истинный, такой, каким он был.

Антонио обернулся, чтобы попрощаться с границей, и замер. Он ждал увидеть такую же стену или Кальтэна, но теперь взгляд скользил по ледяной статуе. На зелёной траве стоял Кальтэн — те же черты лица, те же цвета, только приглушённые чуть снегом и инеем. Ледяные глаза ничего не отражали, стали стеклянно-светлыми, будто бы у мертвеца. Он тянулся к парню одной рукой, будто бы пытался коснуться плеча, но не успел — и теперь обратился в это жуткое марево, в страшную статую, сотканную из снега, льда и когда-то живого человека.

Он не дышал, не был тёплым, и Антонио отступил на шаг назад. На фоне синего неба, зелёных трав и деревьев, которые рвались к солнцу, молочный туман превратился в какую-то страшилку прошлого, но Кальтэн не спешил обращаться в живого человека. Его отец остался всё таким же слабым, как и каждый мужчина; его отец обратился в глыбу льда, стоило ему только ступить на территорию Эрроки.

Антонио был дома. Он смог пройти. Он смог оказаться тем, где ему, возможно, когда-то будут рады. Но, тем не менее, в сердце всё равно засела странная и предельно страшная мысль: а если его не удастся вернуть? Если мама не сможет, если королева прикажет уничтожить... Если это окажется им не по силам?

Он оглянулся. Дорога вела к столице, и статуя отца теперь всё так же отвратительно притягивала взгляд. Молочный туман вновь поглощал его, прятал от взгляда Антонио, но того не покидала мысль: капитан Кальтэн Фэз оставался там, немим укором его безвольному ребёнку, который не был готов ни на что в этом роде, который не рискнул бы собственной шкурой ради чего бы то ни было — даже если б на кону стояло всё королевство.

Может быть, это не все мужчины жалки? Может, только Антонио, а мама просто

перепутала, определяя общую тенденцию?

Он не знал, что делать. Но одно мог сказать точно: сам он ничем помочь отцу не может. Потому что более бездарного мага ещё не видел свет.

===== Глава пятьдесят вторая =====

Обычно Рри предпочитал никому не доверять. Добиваться успеха самостоятельно было куда легче и удобнее, к тому же, ни с кем не приходилось делиться. Он упрямо не понимал каждого из этих манерных, надменных королей, что переступали через себя ради подписания очередного жалкого, непотребного договора, который, скорее всего, никогда в жизни им бы не пригодился. Что можно делать с бумажкой? Лучше завоевать граничащие государства и получить бесконечную власть, сосредоточить её в своих руках и никогда ни с кем не делиться.

А ещё он не осознавал, зачем нужна свита. Дарнаэл Второй ведь сам вырыл себе могилу, сам усадил Вирра — каким бы ни было его настоящее имя, — на трон, подпустив врага так близко, что оставалось только протянуть руку и отобрать у короля всё. Жизнь, славу, власть, всё, что он только сможет отдать.

Кэрнисс думал, что это очень просто — вот так владеть страной и приказывать народу. Что ему будет достаточно только встать на помост, чтобы люди пали на колени и подчинились каждому приказу, что лишь слетит с его уст. Зачем нужны бумаги? Зачем нужно подтверждение?

Но сейчас так не получалось. Разумеется, только временно, пока он не закрепится на своём месте, но всё же, хотелось сделать что-то для того, чтобы люди подчинялись больше, чтобы поддавались его влиянию, а не действовали так, как только им будет удобно.

Они ещё помнили Дарнаэла. Знали о том, что он может быть жив, а этот мужчина для них только временная станция. И Рри, касаясь своих светлых волос, каждый раз думал о том, что они приняли бы его куда лучше, окажись он в облике, скажем, Шэйрана Тьеррона. У этого глупого народа есть свои странные королевские штампы, и они способны навесить их даже на самого лучшего и самого властного правителя на свете. Увы, но он не имел сейчас времени с этим бороться.

Слуги, слуги, бесконечные слуги...

Рри нравилось, когда ему поклонялись. В такие моменты он позволял себе скупую, грустную улыбку, будто бы подтверждая собственную скорбь. И хотя хотелось содрать с себя эти жуткие тряпки, которые навевали на него только сплошь грустные мысли, а после броситься в сумасшедший радостный пляс, Рри сдерживался. Он давно уже потерял собственную способность чувствовать что-то к людям, если речь шла не о нём самом, а сейчас вспоминал о тех глупых попытках странного равнодушия. Власть опьяняла.

Но сейчас ему нужны были пешки в руках. Те, кем он будет помыкать, те, кому будет показывать, что надо делать, как надо реагировать, куда идти.

Ему нужны те, на чьих руках останется кровь. Враги или союзники, не имеет значения: люди, которые смогут выполнить грязную работу, поддержать, придумать что-то или пойти за него в бой. Конечно, короли слабые, им нужна моральная опора. Рри сильный, но теперь он тоже король и обязан играть по правилам, которые придумали задолго до его рождения. Даже если после удастся перекроить всё и подчинить бездумную, пустую человеческую массу себе, то для этого понадобится очень много времени.

Но теперь было некого переманивать. Для хорошей политической игры Дарнаэл должен был держаться на троне благодаря собственной паутине интриг. Но он всегда был странным

человеком — божественная природа королевской власти казалась основой всего, но почему-то Рри иногда казалось, что Тьеррон умудряется отыскать ещё какие-то рычаги управления, чтобы его люди только и могли, что подчиняться его приказам. Это было довольно разумно — держать всё в своих руках.

Кэрнисс вздохнул. Если б Дарнаэл Второй не мешал ему так сильно, если б Тьерроны не отобрали у его предка трон, то, пожалуй, были бы прекрасными советниками. С такими, как Дарнаэл, бывает полезно иметь дело, Рри об этом знал. Но много лет назад его предок не получил трон именно из-за того, кого сейчас в стране все величают божеством.

Он мотнул головой. У каждого есть свои ненавистные короли. У каждого, кто только пытался когда-то бороться или получить в свои руки власть, обязательно начинаются с ними проблемы. Хорошо, что ему посчастливилось бороться с Дарнаэлом, у него хотя бы не было дурной привычки убивать направо и налево, он делал это прицельно, хотя и попадал в точку чаще, чем Лиара Первая. Но королеве всё равно, сколько людей она уничтожит по дороге, она с лёгкостью расправлялась с деревнями и городами, даже не думая о последствиях. Её многие ненавидят; Дарнаэла же не уничтожить внутренним сопротивлением, ведь его обожает почти вся страна.

Обожает. И готова отдать жизнь за то, чтобы отомстить жуткому существу, посмевавшему снести королю голову с плеч, даже если для этого придётся сравнять с землёй всю Эрроку и отправиться на другой конец континента.

— Ваше Величество.

Рри поднял голову — резко, так, что даже послышался громкий щелчок — соскочили шейные позвонки, и спину пронизало сильной болью. Мужчина поморщился — вероятно, он однажды простыл в своей второй ипостаси, а теперь следы старости передавались и на эту. Всё-таки, нельзя всю жизнь оставаться тридцатилетним, даже если тянуть энергию со своего старого образа.

Слуга смотрел как-то странно. Рри знал их всех поимённо, разумеется, но он не мог вспомнить, кто видел перерождение Вирра. Может быть, этот человек тогда был где-то рядом, может, о нём рассказывали — но теперь, когда большая часть придворных выступила на стороне Кэрнисса, бояться нечего. Он знает, что делает. Он сумеет найти правильный выход из ситуации.

Но местным доверять нельзя, даже если они отчаянно пытаются втереться в доверие. Это может оказаться слишком удачной ложью, и тогда Рри свободно может забывать о том, как жил и что делал в своём далёком прошлом.

Трон показался неудобным. Прежде, когда Дарнаэл недовольно ворчал, что лучше б этого строения в его зале не существовало, Вирр не понимал, почему так. Но Рри оценил отчаянное недовольство Его Величества практически сразу.

Он сжал подлокотники до того сильно, что пальцы побелели. Стиснул зубы, чтобы не прошипеть все слова ненависти, что только приходили в голову — если б он тут управлял, то трон был бы куда удобнее.

— Почему здесь такая прямая спинка? — не сдержавшись, спросил он, ударив кулаком по подлокотнику.

— Чтобы долго не засиживаться, — равнодушно отозвался слуга, словно кто-то выпил из него все эмоции перед тем, как допустить до короля. — Его Величество Дарнаэл Второй считал, что если поставить тут мягкое удобное кресло, то король больше времени будет проводить в тронном зале, а не там, где ему полагается быть. Отдыхать положено тогда,

когда твоё место занимает кто-то другой.

— Все государственные дела положено вершить на троне, — сухо ответил ему Рри, пытаясь подавить вновь вспыхнувшее раздражение, такое сильное, что сердце попросту не успевало догнать его дыхание. Боль в груди, колющая, резкая, тоже пришла как-то неожиданно. Старческие болячки! Эх, знал бы он, что Вирр окажет на него такое серьёзное влияние — постарался бы немного чаще возвращаться в нормальное тело. Но ведь ему так не хотелось меняться...

— Его Величество вершил государственные дела в других государствах и на войнах. Ежели он оказывался в Лэвье и задерживался тут довольно надолго, то никогда не сидел на месте.

Мужчина выпрямился. Тёмные волосы — дарниец, — холодные, льдистые глаза, абсолютно равнодушный взгляд. Рри хотелось швырнуть в него чем-то, чтобы больше никогда не видеть этого надменного выражения, которое столь нагло вгрызлось в память. Он не понимал, откуда взялось такое отчаянное желание порвать на мелкие кусочки каждого, кто посмеет оказаться рядом, но оно не отступало ни на одно мгновение, пока Рри пытался восстановить собственное дыхание и успокоиться.

— Посему, — продолжил слуга, будто бы он был тут по меньшей мере дворянином, — он не беспокоился об удобствах трона. И, возможно, считал, что так в его отсутствие на нём не будут особо устраиваться.

Рри протянул руку за бокалом, который стоял на пододвинутом маленьком столике. Тот огромный, переговорный, на котором Дарнаэл стоял, протирая люстры, давно уже убрали, потому что Кэрнисс не хотел ни единого дурного воспоминания о том, как правил в этих стенах Тьеррон. Но всё же, стойкая пелена воспоминаний не давала ему окончательно обо всём забыть. Он разучился любить, разучился жалеть о том, что совершил, но зато постоянно ненавидел. Это вытесняло все остальные чувства, и Рри никогда не думал, что от ненависти может быть вред.

Он сжал стакан в руке и посмотрел на неумолимого, будто бы палач, слугу. Тот смотрел на него, не мигая, и в льдистых глазах, казалось, отражался божественный лик.

Кэрнисс почувствовал, как что-то странное подходит к горлу. Воздуха не хватало — и он с громким, нечеловеческим воплем швырнул в слугу стакан.

Громкий звон разорвал реальность. Рри зажмурился — а когда открыл глаза, рядом уже никого не оказалось. В приоткрытую дверь испуганно заглядывал какой-то очередной прислужник, но дарнийца с льдом вместо глаз не было. Только стеклянная крупа рассыпалась по всему залу, а ровно по центру красовалась большая лужа.

Рри посмотрел на свою руку. Она дрожала так сильно, что он не смог бы даже подписать какой-либо важный документ, не удержал бы и меч, напади на него кто-то.

— Вы что-то говорили, Ваше Величество? — заискивающе поинтересовались из-за двери.

Он зашипел. Нет. Нет, он ничего не говорил! Он король, которых прежде не знал этот мир, и пусть только кто-то посмеет возразить! Это даже не соперники. Дарнаэл Второй давно уже сгорел где-нибудь на костре королевы Лиары, и о его тени можно забыть раз и навсегда.

Шрам болел впервые за последние годы. Впрочем, Рри раньше не замечал этого, потому что был в другом теле, но теперь не мог избавиться от впечатления, что его лицо горит. Словно кто-то вновь разрезал старые раны и насыпал в них соли. Будто бы в них



действительно могло быть что-то мистическое!

Какая глупость — проклятье несостоявшегося Рри Первого! Он получил это ранение в бою, а не в качестве кары богов. Просто плохая погода, на неё иногда ноют старые раны — а что остался шрам, хотя обещали, что не будет и следа, так мало ли что скажут врачи во время битв и сражений. Целители — ненадёжный народ.

И слуга — это просто слуга. Успел отскочить, спрятаться, пока Рри сидел с закрытыми глазами, мало ли, вдруг он потерял счёт секундам? Ерунда какая! Всяко бывает, разумеется, и он, король, не будет портить себе нервы ради такой вот маленькой, практически незначительной глупости.

— Что вам? — он строго посмотрел на слугу, что так отчаянно прятался за дверью, проявляя даже самой позой крайнее неуважение к королю. Но Рри не стал акцентировать на этом особое внимание — он понимал, что не должен сейчас проявлять собственные склонности в полной мере. Это довольно опасно, нет разве? И можно серьёзно пострадать, если творить много глупостей и не задумываться об их последствиях.

— Вы говорили привести пленника, — проронил паренёк.

Рри вновь сжал деревянные подлокотники, пытаясь унять гнев. На сей раз совладать с приступом удалось куда легче, и он шумно выдохнул воздух, натянул на лицо довольно мягкую улыбку, которую, впрочем, так сильно портил его шрам.

— Я же повторял уже много раз, — промолвил он, — что это не пленник, а наш гость, если мы правильно идентифицировали его личность. Вы должны понимать, что таких ценных союзников нельзя терять, особенно из-за неаккуратных фраз, да? Проведите его сюда. Немедленно.

Приходилось говорить громко. Зал был огромен, а слуга так отчаянно боялся показаться ему на глаза, что Рри даже порывался подняться сам и втащить его сюда, схватив за волосы. Но он не имел права. Король вершит свои дела на троне. А он будет самым лучшим королём, которого только знала эта держава.

Наконец-то дверь широко распахнулась, и светловолосый мужчина переступил порог тронного зала. Кто-то попытался толкнуть его в спину, но его моментально схватили руки невидимых слуг, затягивая обратно за створки. Послышался грохот — дверь закрыли обратно, едва ли не запечатали на замки.

Рри скривился. Когда он был один, то предпочитал не приглашать стражу в комнату, но кто ж знает, как поведёт себя этот парень!

Эльм Марсан. Так он представился, когда его схватили.

Кэрнисс почти заявил, что весь род Марсанов, герцогов Ламады, давно уже вымер, но что-то его остановило. То ли холодный, ледяной взгляд светлых глаз, то ли характерные для рода Марсанов черты лица, то ли просто чувство самосохранения. Он тут на правах короля, да, и абсолютно честно, но не имеет значения, с кем сотрудничать. Самозванцы Тьерроны просидели на престоле пять сотен лет, и ничего — никто даже не попытался согнать их оттуда, пока не появился Рри.

Рри Первый Кэрнисс. Рри Вызволитель. Рри Справедливый.

Как же гордо звучит!

— Итак, — Рри попытался принять расслабленную, дружескую позу. Даже в лохмотьях, в которые превратилась одежда мужчины после долгих скитаний, даже следы царапин и ранений на лице не сумели уничтожить в нём что-то по-дворянски гордое и упрямое, уверенное, — вы — последний наследник рода Марсанов? Рода, который практически под

корень, как и... — он запнулся, — как и нашего достопочтенного короля, уничтожила проклятая Лиара Первая?

Мужчина согласно кивнул. Светлые волосы упали на лицо, словно стремясь скрыть волчий взгляд, острые скулы и холодную ненависть, которой он дышал.

Рри знал, что может его уничтожить. Казнить где-нибудь на центральной площади. Но...

— Нет ничего кошмарнее для Эльвенты, чем деяния королевы Лиары, — он подался вперёд, и чёрная накидка сползла вниз, будто бы показывая, что его траур неестественен, вот только Эльм даже не содрогнулся. В его мимике не появилось ничего нового. — И сейчас, когда все козыри в наших руках, мы можем раздавить её и Эрроку. Мы можем отомстить. Это будет возмездие за Его Величество, за всех тех, кого королева убила, за людей, что погибли в её пыточных или от рук её воинов. Мне нужны союзники, — Рри даже не старался говорить высокопарно, это получалось само по себе. — Мне нужны те, кто помогут мне в уничтожении этой кошмарной женщины. Её и её жалкого отпрыска, принцессы Эрлы, что уже совершенно справедливо заперта в наших камерах.

Эльм поднял голову. До этого он не смотрел ему в глаза — словно пленник, глядел на плиты под ногами, будто бы пытался отследить странные мраморные узоры.

Мгновение назад он ещё искал тень Дарнаэла Тьеррона в этих стенах. Рри не был уверен в том, что он согласится, как раз благодаря этому взгляду — потому что ему ни к чему верность отблескам прошлого. Ему нужны те, кто падет на колени не перед старым королём, а перед свершениями нового. Даже если сначала ему придётся обманывать.

Но Эльму он не лгал. И Марсан это чувствовал.

Рри давно не видел такой лютой ненависти. В чистом виде она плескалась в светлых глазах мужчины напротив, и Кэрнисс уже почти выдохнул радостные приветственные слова — прежде чем нечто странное сдавило грудь.

Льдистый взгляд. Дарнийская кровь. Разбитый о пол стакан.

Но король заставил себя мотнуть головой и посмотреть на Марсана вновь. Холодный, ледяной север, ни капельки южной крови — вот что такое этот мужчина. Он полностью сотворён из снега и инея, из замёрзшей воды. Даже эти волосы — белые, почти как снег.

— Ты можешь выбрать два пути, — промолвил Рри. — Ты можешь встать на мою сторону и своими руками уничтожить каждого, что когда-либо причинил вред тебе, твоему роду, твоей державе, либо...

Он не успел договорить. Эльм остановил его резким, рваным жестом, будто бы именно так позволено абы кому говорить с королём.

— Я согласен, — промолвил он. — Я готов на всё, чтобы увидеть, как королева захлебнётся кровью собственных сподвижников.

Рри кивнул. Ещё несколько минут назад неизвестный, дикий ужас сковывал его, но сейчас волной, сплошной и бесконечной, накатило облегчение, заставившее его наконец-то отпустить жуткое прошлое и посмотреть вперёд. Туда, где его ждала самая большая победа на свете, которую он только мог себе представить.

Этот парень выполнит за него если не всю грязную работу, то её часть. Убьёт тех, на кого укажет Рри. И если даже проявит инициативу, то, Кэрнисс знал, король обязательно будет с нею согласен.

А потом, когда всё закончится, он придумает задание, с которого Эльм Марсан никогда не сможет вернуться.

\*\*\*

Эльм не знал об Эльвенте почти ничего. Он много времени провёл в своём родном доме, в своём герцогстве, и никогда до этого не покидал пределы Эрроки. Вся его жизнь — кроме первых двух-трёх лет от рождения, — прошла в бесконечной борьбе с королевой Лиарой. Она была врагом с самого начала, с того мгновения, как пришла к власти и установила свои порядки.

Или, может быть, Марсан запомнил только это.

Лет до десяти политики не существовало. Он был просто маленьким ребёнком, не способным понимать, почему отец возвращается таким злым с очередного собрания, почему мать вечером плачет. Привыкал к тому, что слово папы — нерушимый закон, а матушка — это та, чьи приказы ещё можно иногда, а то и довольно часто, пропускать мимо ушей. Потому что женщины слабы, и их заявления тоже часто превращаются в воздух. Ничего особенного.

А после, когда мать умерла, он остался наедине с иллюзией о женской мягкости, которую она успела ему подарить. И провёл с нею долгие годы — пока наконец-то королева Лиара одним чётким, жестоким рывком не уничтожила всё, что он прежде знал о слабости и о подчинённых дамах.

Отец был истёрт в порошок. Слишком глубоко ему в разум вгрызлась мысль о покорности жены. Он вспоминал её нежные руки, мягкие волосы и покорный, робкий взгляд, он видел, как она приседала в реверансах перед ним, потому что ему это нравилось. Помнил, как делала всё, что он говорил, как подчинялась даже самым абсурдным его фразам, потому что привыкла к этому. В ней не было воли к борьбе, она была счастлива в том, как жила.

Но королева Лиара не соглашалась склонять голову. И Эльм видел, как отец под давлением магии, солдатских розог и мысленной боли падал на колени и целовал подол её платья против своей воли. Видел, как толкала его ногой отвратительная Высшая Ведьма, как сдирали ордена и потихоньку, капля за каплей, отбирали ордена.

Но Марсан-младший не питал таких иллюзий. Он вырос во всём этом, он не видел кротости женщин. Он умел бороться и не ломаться тогда, когда кто-то пытался ударить его в спину.

Он не дал своей гордости себя победить. Не позволил самоуверенности и тщеславию уничтожить его раньше, чем это сделает Лиара. Поэтому он жив. Поэтому он стоял тут. Поэтому у него сейчас был выбор.

Не в словах Рри. В своих поступках.

Он мог поддаться сейчас. Мог забыть об Эрле — ведь что она хорошего сделала для него в своей жизни? — и разорвать в клочья труп королевы Лиары. Мог помочь Рри взойти на пик его власти... И свалиться с этой невидимой горы самому — очень и очень низко. Потому что Эльм никогда не верил. Никому. Потому что это уже однажды спасло его жизнь.

Мёртвый король Дарнаэл? Славный спаситель Рри Кэрнисс?

Эльму хотелось смеяться. Да, ему выделили дорогие покои, да, впервые за много месяцев он мог мыться в ванной, а не в реке, а сейчас поправлял воротник дорогого камзола. Но ничто не окупается лучше верности и ни за что не придётся платить более страшную цену, чем за предательство. Если б это предложил Дарнаэл Второй — да, Марсан бы не думал. Он встал бы на его сторону и разрушил бы жизнь Лиары так, как она развалила его собственную.

Но выступить за ложь он не мог.

А ещё — пусть в этом оказалось признаться труднее всего, — он не мог заставить себя разрушить жизнь — и доверие, — Эрлы. Эрлы, которая сейчас там, где не действует магия. В темницах, в которые её бросили, как говорил Рри, по приказу Дарнаэла — ведь он хотел найти принцессу и уничтожить её.

Марсан не верил не потому, что думал о Дарнаэле Тьерроне слишком хорошо. Но ни один король, о котором поют от запада до востока, от севера до юга огромного королевства одни только хвалебные песни, не закроет в пыточных родную дочь.

Но Рри не подумал об этом, если, разумеется, вообще было чем думать. Он просто закрыл очередную проблему очередным человеком, и Эльм знал: его используют так, как захочется нынешнему королю, а после попросту выбросят, как на свалку, чтобы не болтался под ногами. Выбросят, если он не попытается побороться за свою победу.

Он слишком устал сдаваться. Много лет подряд он играл в прятки с королевой Лиарой, ненавидел её и её дочь, а теперь, когда подходила возможность отомстить им так, как ему будет угодно, отталкивал отчаянно от себя эту мысль и хватался за возможность предать самого гнусного и отвратительного на свете короля.

Отражение в зеркале казалось чужим. Эльм успел забыть о том, каким он был в герцогском звании; обычно в отражении, что таяло среди водных волн, он сталкивался только с уставшим, потерянным мужчиной в очередных изодранных лохмотьях. А теперь — почти такой, как был, с теми же ледяными, ястребиными глазами, слишком резкими чертами лица, наконец-то нормально вымытыми и причёсанными почти белыми волосами — и с ненавистью во взгляде. Наверное, Рри видел то же самое даже в подобии его — когда отчаянно искал себе помощника для акта мести. Эльм сейчас осознавал, почему он показался ему подходящей кандидатурой. Но, впрочем, не знал, должен ли оправдывать эти ожидания.

Дверь отворилась с осторожным, тихим скрипом. Пальцы невольно метнулись к шпаге — надо же, ему дали даже оружие, какая глупость. Наверное, он в приступе ненависти должен заколоть Эрлу на месте, когда попадёт в подвалы. Или, может быть, мучить её долго-долго, пока девушка будет истекать кровью и молить о пощаде, пока Рри насладится воплями собственной победы.

— Чего вам? — холодно и зло спросил Эльм. Он не должен ненавидеть слуг. Но он знал, чего от него будет ждать Рри. Когда человеку нужен тот, на кого можно столкнуть все без исключения убийства, он надеется увидеть в союзниках карателя. Человека, что без разбору будет перерезать шеи каждому, кто встанет на его пути, а после обернётся и осмотрит кровавую, жуткую дорогу. Дорогу, по которой гордо, с чистыми руками, но облитыми алой жидкостью сапогами, пройдёт король.

— Его Величество приказывает вам присоединиться к нему по пути в королевские тюрьмы.

На сей раз он всё-таки сжал эфес своей шпаги. Удобнее, чем меч, хотя толковый удар не отразишь, если он будет действительно силовым. Но — неудобная, камень так и впивался в ладонь, сразу видно, что скорее для красоты, чем для боя. Казалось, ладонь прожгло болью — пусть Марсан давно уже потерял возможность следить за тем, чтобы на руках мозоли не занимали больше половины места, это всё равно не помогало против отвратительного камня.

— Я уже иду, — кивнул он. — Проводите меня к Его Величеству.

Было видно — слуге давался этот титул с трудом. У Эльма с языка нужная фраза слетела

с лёгкостью, будто бы он всю жизнь своим единственным королём считал именно этого человека. Марсан ненавидел лгать, но умел: наверное, статус того требовал, он даже не мог точно объяснить, почему сейчас шёл на всё это. Так надо, и точка. Так надо — и нет вопросов.

Слуга шёл впереди. Его прямая спина выдавала напряжённость и, кажется, крайнюю ненависть. Чёрный цвет одежды — траур по королю Дарнаэлу, — смотрелся дико, будто бы расплзался багровыми пятнами. Под глазом — парень обернулся на мгновение, но Марсан всё равно заметил, — длинная царапина, будто бы кто-то пытался лишить его зрения за прогрешения. И алые капли крови на щеках, словно напоминание о том, насколько добр король Рри со слугами, верными прежней власти.

...Рри остановился у входа в подвалы. За его спиной остановилось несколько стражников, прямых, будто какие-то палки, едва-едва дышавших, словно только что кто-то вынудил их убить собственных родителей или жён. Страх витал в воздухе — отчаянный и дикий. Неверие наступало бесконечной колонной, но Рри этого не видел. Ему казался незаметным страх, незаметным — сопротивление и отсутствие веры ко всему.

Король не проронил ни единого слова. Они шли вниз — туда, где не работает даже самая сильная магия, туда, где всё сдерживает граница. Только Дарнаэл Первый, пожалуй, смог бы колдовать внизу, ведь он создавал ограничения, но все остальные — нет. И Эльм, пусть никогда не был волшебником, чувствовал острый запах яда в воздухе — яда, что выпивал из преступника жизненную силу. Яда под названием безысходность.

Дышать было трудно. Спёртый воздух сжимал грудь до того сильно, что хотелось порвать на груди этот дурацкий чёрный камзол. Но Эльм держался ровно и уверенно, будто бы провёл тут половину своей жизни, привыкая к атмосфере и зная, что всегда сможет уйти, если ему будет угодно.

Двери поддавались с огромным трудом. Конечно же, только король имел право к нижним уровням, только у него были волшебные ключи от волшебных замков. Рри мог сколько угодно хватать эти кристаллы, но всё равно со скрипом, нехотя поддавались массивные доски. Казалось, ещё мгновение, и за их спиной начнут захлопываться ряды дверей — но у каждой, при переходе с яруса на ярус по путанным внутренним лестницам, Рри оставлял слуг.

Ориентировался он тут хорошо, будто бы блуждал едва ли не каждый месяц, как гость, проверял пленников. Первые три уровня они миновали до того быстро, что Марсану даже стало не по себе — казалось, Рри был заправским тюремщиком, оказавшимся на троне. На запретных, редко используемых территориях его пыл немного охладел, но чеканный быстрый шаг двух стражников, что ещё оставались с ними, казалось, придавал ему уверенности.

Правая рука с ключами у Рри была будто бы вытесана из камня. Не дрогнуло и лицо. Только пальцы левой мелко-мелко подрагивали — почти незаметно при ходьбе, — и Марсан, надеясь, что в его жестах и движениях не будет ни капли трусости, сжимал эфес гадкой шпаги, игнорируя уколы драгоценного камня. Ему казалось, что за следующим поворотом его схватят и бросят в одну из камер. Стало ещё более душно, да ещё и холодно, и он уже жалел о том, что согласился. Королева Лиара хотя бы не бросала никого в подвалы; она убивала если не быстро, то, по крайней мере, без того отчаянного жестокого удовольствия, которое он чувствовал в Кэрниссе.

Рри остановился у последней двери — двери, что вела на шестой уровень. Теперь

дрожала и та рука, в которой он держал ключи, не сильно, но мелко-мелко, будто бы показывая, что он всё же не тот, за кого себя выдаёт. Рри обернулся, бросил короткий, дикий взгляд на Эльма, а после выдавил из себя едва заметную, строгую улыбку.

— Там, за этими дверьми, в одной из камер находится дочь женщины, убившей нашего короля, — проронил он. — А может, она сама причастна ко всем бедам нашего государства.

Марсан криво усмехнулся. Эрла. Эрла, которая сбежала в самый жуткий капкан в собственной жизни. Какая жуткая ирония — он бы уничтожил её, разорвал на части, если бы несколько месяцев назад ему дали шанс сделать это. А сейчас, продолжая с силой хвататься за оружие, он понимает, что поднять на неё эту шпагу не сможет.

— Держи себя в руках, — проронил Рри. — Если она знает что-то важное о нашем короле...

— Я спокоен, — отозвался Эльм. — Я умею себя сдерживать.

Казалось, Кэрнисс куда больше сомневался в себе. Дверь открылась совсем-совсем тихо, будто невесомая, и он заглянул в ту кошмарную чёрную дыру, что красовалась впереди. Заглянул опасно, как бывший пленник, и только после вступил как король — когда увидел, что опасности нет. Но и для этого у Рри было готовое оправдание. Разумеется, ведь он король. Он должен думать о собственной сохранности. Дарнаэл Второй не делал этого, но где он сейчас? Покойся с миром.

Они шли по коридору — странному, узкому, жутко холодному. Эльм никогда не умел колдовать, он не чувствовал давления волшебства, но, наверное, Рри было плохо, судя по тому, как тот ёжился, отчаянно пытался не касаться к решёткам камер. Он бледнел с каждым шагом вглубь — и Марсан почти до конца понимал, что стало причиной такой реакции. Ему страшно. Он должен быть в этих клетках. И духи убитых, дух короля Дарнаэла, невидимый, поселившийся в его сознании, сейчас тянут свои холодные, мёртвые руки из камер.

Они дошли почти до конца. Потусторонний шёпот слышал и чувствовал даже Эльм, по коже пробегал отвратительный, гадкий холодок.

Он смотрел вглубь клетки. Там, почти окончательно спрятавшись в темноте, в угол забились женщины: сломленная, убитая, казалось бы, случившимся с нею.

Эрла не заставила себя последовать её примеру. Она стояла у прутьев и сжимала их своими ледяными, побелевшими пальцами. Эльму хотелось подойти ближе, но он знал, что нельзя. Он должен быть верен Рри. Он должен доказать собственную преданность. А если приблизиться слишком, то можно получить разрешение причинить ей боль.

Марсан был уверен, что не готов отрубить ей пальцы.

Рри обернулся на стражу, будто бы проверяя, достаточно ли сильна ненависть в их глазах. Там, за прутьями клетки, должны в их глазах стоять самые жуткие чудовища на свете, две женщины, замешанные в смерти короля Дарнаэла. Трудно доказать, что это так, если учитывать факт того, что мёртвого Тьеррона никто ещё не видел, но Кэрнисс не просто так считал, что у него буквально дар убеждения.

— Вы живы, — наконец-то заговорил он, — только благодаря тому, что я всё ещё верую в способность спастись от страшной смерти нашего великого короля. Если Дарнаэл Второй смог избежать страшной кончины от руки вашей королевы, такой же предательницы, как и вы, то, очевидно, у вас есть то, что вы можете рассказать нам.

Эрла не проронила ни единого слова. Она, скорее всего, понятия не имела, жив её отец или мёртв; шок от сказанного всё ещё никуда не делся, и девушка лишь стояла, будто бы вылитая из металла, в ужасной клетке, не понимая, в чём её обвиняют.

Женщина в углу камеры зашевелилась. Казалось, она не сможет подняться на ноги, так и останется валяться там бесформенной кучей, но спустя несколько минут всё же нашла в себе силы — и подошла ближе.

Она была красива ещё несколько дней назад. Сейчас грязь, запёкшаяся на лице кровь — будто её сильно ударили, но мало ли, на что способна местная стража, — и выражение то ли грусти, то ли презрения исказили черты лица. Волосы превратились в жуткую паклю — свисали неровными, грубо остриженными прядями, словно она рвала их на себе всё это время.

Гордой осанки больше не было. Худая, измученная, казалось, изголодавшаяся и гонимая жаждой, но всё с той же жаркой, пламенной ненавистью в глазах, как и Эрла.

— Если он ещё может быть жив, — прошептала она, подходя вплотную, — то какого ты стал королём и натянул на себя эту чёрную хламиду?!

Она протянула руку — зазоры между прутьями были достаточно широкими, — и с силой дёрнула за воротник Рри, настолько неожиданно, что тишину только разорвал треск нитей.

Стража метнулась к своему новоявленному королю мгновением позже, когда Сэя уже отпрянула, отошла вглубь своей клетки. Со стороны она походила на загнанное животное, но в глазах горело что-то неистовое, будто бы у оскорблённой могущественной богини.

— Ну, чего ты молчишь? Ты не хочешь поделиться со мной рассказом о том, где находится мой драгоценный муж? Или, может быть, — её голос звучал, будто змеиное шипение, — он там, уровнем ниже, благодаря тебе? — она прищурилась. — Или он жив, а ты бродишь тут с довольным выражением лица и устраиваешься поудобнее на его троне?!

— Молчать!

Рри выкрикнул это слишком самоуверенно и резко. Эрла отошла ещё дальше, прижалась к холодной, скользкой стене. Король на неё почти не смотрел; сейчас его взгляд был прикован к Сэе, похожей на полубезумную ведьму.

— Я предлагал рассказать, где находится его Величество. Но раз вы отказываетесь помогать, у меня остаётся только один выход.

Он бросил взгляд на стражу, после — на Эльма, будто бы ожидая от него поддержки, и тот ещё крепче сжал эфес шпаги. Надо будет — бросится и перережет горло. Вопрос только — кому.

Рри — маг. Эльм толком не видел его колдовства, но чувствовал, знал, что это такое. Он не успеет даже попытаться его убить, только погибнет сам — останется лежать тут хладным трупом. И Эрла тоже. Это сговор, а за сговор судят довольно строго, особенно если король только и ищет поводы для того, чтобы уничтожить своих соперников.

Но Кэрнисса нынче мало волновал Марсан или молодая принцесса. Ненависть в его жилах в очередной раз была направлена только против одного человека там, за решёткой. Теперь, когда Дарнаэл больше не вставал на его пути, осталась только его жена.

Не было сына, не было его доверенных лиц — только эта ободранная, уставшая, но гордая женщина, не умеющая держать язык за зубами.

— И я больше не намерен это терпеть. Стража, — он перевёл холодный, уверенный взгляд на одного из подданных. — Костёр.

Они ждали этого. Эльму хватило пары секунд и пары шагов, чтобы понять: они знали, что этот приказ прозвучит, рано или поздно. Это просто концерт, разыгранный для троих неосведомлённых. Для испуганной Эрлы в углу, для безумной Сэи, что не будет даже

сопротивляться, для новоявленного помощника, который должен как-то отреагировать на то, что двух представительниц Эрроки будут увлакивать на костёр.

Сэя не вырывалась. Магии у неё всё равно не было — женщина бессильно повисла на руках первого стражника.

Второй двинулся в сторону принцессы, протянул уже даже руку, собираясь схватить её. Девушка дёрнулась — убежать было некуда, оставалось только обречённо ждать своего часа.

— Разве это выгодно — убивать принцессу?

Короткая, чисто дипломатическая фраза сорвалась с языка Эльма сама по себе. Он не собирался её защищать, не должен был, по крайней мере. Ведь Эрла — это только очередная череда предательств в его жизни, а он не может помогать ей открыто. Да, всяко бывает, да, это страшно и неприятно — то, что случится с нею, — вот только он не должен рисковать своей жизнью ради какой-то надменной девчонки.

Но кому лгать?

Она нужна ему живой. Рано или поздно всё это придётся закончить, и Рри — это далеко не тот король, в подданных которого ему хотелось бы быть. Ему нужна Эрла. Ему нужен король Дарнаэл на троне. И хотя бы капелька справедливости в этой жизни, пожалуй, тоже не окажется лишней.

Рри повернулся к нему. Он уже не был таким уж ровным и прилизанным, а чёрный камзол и вправду умудрилась порвать Сэя. Только на лице оставалось всё то же равнодушие.

Лишь щрам жёг с непонятной силой. Кэрнису хотелось поднять руку и схватиться за щёку, но он не мог даже дёрнуться — что-то не пускало. Это слабость, это демонстрация собственных недостатков и мест, по которым можно бить. Разумеется, это его не устраивало. Он хотел, чтобы всё превратилось в нормальную, ровную жизнь, в которой он будет править государством, что ему оставил Дарнаэл Второй. Государством, которое тот отдал, впрочем, не по собственной воле. И не имеет никакого значения, как всё это будет происходить. Рри нужна была победа.

— Может быть, — кивнул он. — Может быть, принцесса окажется ещё полезной. Уведите ведьму, — мужчина грустно, почти разочарованно вздохнул, словно логика мешала ему действовать так, как велели собственные желания. — Всё равно костёр разожжён только для одного.

Сэя не сопротивлялась. Она должна была биться, кричать, вырываться на свободу — а сама только повисла на чужих грубых руках и не шевелилась даже.

Словно мёртвая, опустошённая игрушка очередного слишком влиятельного мужчины. Сэя никогда не везло с выбором. Она попадала в сердца не тех, кто был на коне.

Даже Дарнаэл. Даже всесильный король Элвенты.

Рри направился к выходу так быстро, словно мечтал об этой секунде всю свою жизнь. Его шаги звенели громкими ударами — и тихими криками призраков седьмого уровня.

Эльму хотелось рассмеяться. О нём будто забыли — стражник так быстро закрыл дверь в клетку Эрлы, так поспешил оттуда уйти — только о ключах почему-то все забыли. Дверь должна захлопнуться сама, но там ещё стоят стражники. Может быть, Рри ждёт того, насколько сильно задержится его новый союзник. Пытается узнать, предатель он или нет.

Он бросил короткий, холодный — будто бы рассчитанный на посторонних наблюдателей, — взгляд на Эрлу и отрицательно покачал головой.

Она сползла по стене, так и не успев до конца прошептать свой тихий, предсказуемый вопрос, на который он всё равно не знал ответ.



\*\*\*

У Рри был один особый, коронный взгляд: издевательский, надменный и очень холодный, будто бы льдистый. Взгляд, который никогда не предвещал ничего хорошего; его мёртвые чёрные глаза словно мысленно обращали собеседника в пустоту, растворяли в невидимой для посторонних кислоте — топили в потоках боли и ненависти. Он умел передавать то, что чувствовал; то ли дар, то ли проклятье для человечества — испытывать эмоции другого.

Это не было схожим с телепатией. Сэя уже однажды испытала на себе его волшебство, и тогда, наивная, молоденькая девушка, едва не сломалась под давлением его презрения и предательства.

Она не отомстила. Она сохранила эту ледяную искру в своей душе и пронесла через оставшиеся годы.

Эта искра помогла ей лишиться любви ради магии. Оставить длинный шрам на его лице, словно позорное клеймо. Заставить его прятаться по всему миру за заслонками одежд и чужими масками, чтобы только не открыть собственную личность.

Но прошли годы. Его лицо так и не стёрлось из её памяти, и шрам на нём тоже остался. За долгие годы существования Вирра Кэрнисса многое изменилось, и только Рри остался таким же — преисполненным злобы и ненависти.

Он смотрел на неё всё теми же чёрными, пустыми глазами. Ему нравилось причинять другим боль, и он передавал её — по воздуху, молча, без единого слова, одну и ту же мысль.

Сэя стояла спиной к окну. Она не могла видеть ни костёр — доска к доске, там, снаружи, — ни беснующуюся толпу. Она знала, что там никого нет. Там есть только какой-то столб, к которому ещё не подтащили отсыревший хворост, а тут, напротив неё, Рри, пытающийся отдать собственную боль — больше, больше, больше. Он даже не думает о том, что к ней вернулось волшебство, стоило выйти из подвалов — что может сделать слабая, беззащитная женщина здесь, в комнатухе, в которую никто не заходил уже много-много лет, в самой высокой башне замка в Лэвье.

У него есть только один план. Он не может казнить королеву. У него на то нет полномочий. Никто не видел мёртвого Дарнаэла. Никто не провожал его в последний путь.

И пусть сейчас люди и верили Рри, хотя Сэя не понимала, почему, она знала: победа всё равно совсем не в его руках.

Стража ушла. Это ведь должно быть её добровольным выбором в их глазах, приступом стыда, кошмара, ужаса в глазах несчастной ведьмы, попавшейся на собственном преступлении. Она умрёт легко и быстро, от падения, и Рри только склонится над её трупом, коротко констатируя факт.

Она не станет мученицей. Он вышвырнет её из этого окна сам, разумеется, и никто не будет разбираться, требовать подробности; но это должно случиться добровольно. Если она отпустит то, чем является сама, то всё случится очень быстро.

Он открыл окно, будто бы предлагая ей пути к отходу. Вновь вперился своими чёрными глазами, пытаясь передать одну точную мысль.

Он не сожжёт Эрлу. Разумеется, нет. Сэя могла назвать ему все его планы, всё, что он когда-либо собирался сделать — и сделает в будущем. Ему нужны и Эррока, и Элвента, ему нужна власть, которую потеряли много лет назад те, кто был за него.

История циклична. В жизни всё повторяется.

— Теперь я понимаю, — проронил он холодно и тихо, игнорируя громкие шаги стражи

за дверью — они маршировали туда-сюда, чтобы не допустить никого лишнего. Это последний допрос перед её казнью, но трудно сжечь человека, когда льёт настолько сильный дождь. Сэя знала в этом толк; её матушка была весьма жестокой женщиной, — почему я не любил тебя никогда. Такую сумасшедшую, жалкую ведьму, которая не способна ни на что толковое.

Она улыbnулась.

Больно не было. Она не умела любить. Тэллавар старательно отобрал у неё способность чувствовать что-либо — так удачно, так успешно, и как же она была за это ему благодарна.

Повеяло холодным воздухом из окна. Но Сэя уже ничего не чувствовала; холод будет нужен ей потом. Пока что это только сырой, промозглый воздух — и дышать трудно, потому что влага набивается в лёгкие заместо кислорода, и ей хочется задохнуться, выкашлять всё то лишнее, всю ту черноту вместе с собственной кровью.

Шаги послышались совсем-совсем близко. Она стояла у окна, уцепившись ледяными пальцами в скользкий подоконник, и Рри ещё верил, что ему не понадобится запачкать пальцы кровью.

— Если ты думаешь, что меня это ранит, то ты промахнулся десятилетием, — улыbnулась она. Чувства, что лились из его тёмных глаз, уже её не задевали.

Он подступился ближе.

Шрам горел. Казалось, сегодня что-то пошло не так; старые раны не мучили его уже много-много лет, а теперь вновь вспыхнули, запылали с силой, загорелись, будто бы кто-то поднёс факел к лицу. Рри казалось, что он горит.

Распахнулась дверь. За спиной стоял всё тот же слуга с льдистыми, холодными глазами.

Рри хотелось броситься на Сэю. Уничтожить её. Разбить.

Он рванулся вперёд, но схватился пальцами за воздух. Она всё так же стояла тут, но проходила сквозь его пальцы.

Рри обернулся. Дверь была закрытой. Слышались шаги. Кто-то вот-вот зайдёт сюда — и он должен закончить всё быстрее, чем она заговорит.

...Сэйи не было. По комнате гулял ветер. Он бросился к окну, выглянул из него — и, несмотря на то, что перед глазами всё плыло, мог увидеть её мёртвое, распластавшееся на мостовой тело — кровь и неестественно искривлённые руки, раскинутые в стороны, будто бы она перед смертью пыталась что-то обхватить.

Он должен был испытывать облегчение при виде этой картины. Должен был сейчас выдохнуть воздух и отпустить собственный колотившийся в душе страх, который так и рвался, рвался на свободу, отчаянно стучал о рёбра, пытаясь прорвать грудную клетку.

— Мы ещё увидимся.

Женский звонкий голос, словно из его прошлого, звучал за спиной. Сэя. Ему казалось, что стоит только обернуться, и там будет живая, величественная Тальмрэ с короной на голове. Что она раздерёт камзол на его груди, схватит его и вышвырнет в окно, что сейчас костёр вспыхнет — вместе с ним, привязанным к столбу, кричащим какие-то проклятья в далёкую и холодную пустоту.

Он сгрёб пальцами воздух. Ничего не помогало. Время текло сквозь пальцы, будто бы кровь.

— Ваше Величество?

В звонком голосе слышались короткие осуждающие нотки. Он не должен оглянуться. Там она — страшная, окровавленная, будто бы призрак.

В голове гудело. Он коснулся пальцами щеки, отнял руку от лица — и на ладони красовались пятна крови. Кровь заливала всё, вытекая из шрама, и он остался пустышкой с водой, что текла по венам. Чёрный камзол вспыхивал, к ногам подбирался огонь, и кожу страшно жгло, будто бы кто-то пытался его испепелить.

Он хватался за дождь, но внезапно выглянуло солнце, сияющее ярко-ярко, и он смотрел на то, как его лучи оставляли следы на его коже.

— Ваше величество?

Рри обернулся. За его спиной — равнодушный и подтянутый, уже не похожий на жертву террора, — стоял Эльм.

Король облегчённо выдохнул. Привиделось. Крови не было. Шрам болел на погоду, и голова — тоже, и все видения тоже от того, что на него слишком многое давило.

— Выбросилась из окна, — выдохнул он. — Призналась, что... — он запнулся. — Что участвовала в заговоре против короля Дарнаэла. Проклятая предательница, обманула Его Величество... но всё уже хорошо. Теперь наша страна наконец-то поднимет голову и посмотрит в лицо своим монстрам. Я... Мне надо побыть одному.

Марсан только равнодушно кивнул. Там, внизу, должно было лежать тело. Рри хотелось отвернуться от беловолосого и посмотреть туда, на распластавшийся на мостовой труп.

Но он слишком сильно боялся ничего там не увидеть.

===== Глава пятьдесят третья =====

Он ударил его с той силой, на которую только был способен — грубо, резко, пытаясь лишить чувств или и вовсе жизни, лишь бы только выйти из этого маленького боя единственным победителем. Послышался тихий девичий вскрик, и Тэл выпрямился, собираясь гордо поднять взгляд к небесам над своим сверженным врагом.

Ответный удар не заставил себя ждать. Тэллавар от неожиданности рухнул на землю, болезненно ударился спиной о камни — и тут же вскочил, готовясь защищаться. Сбивчивое дыхание, рваное, будто бы одежда его противника, казалось, стремилось и вовсе оборваться.

— Прекратите! — Эрри встала между ними, пытаясь преградить дорогу, но это было невозможно. Разумеется, они не остановятся, пока кто-то один не умрёт. Да, эльфы редко рожают детей, да, может быть, они нарушают главный закон этого места — закон вечного мира, — но это не имело никакого значения.

— Предатель, — в глазах Дарнаэла — синих-синих, схожих с небесами, — пылала ненависть. Тэллавар прищурился. Ему так хотелось, чтобы проклятый эльф наконец-то замолчал, и желательно навсегда...

Эрри попыталась оттащить своего вечного спутника подальше, но что может хрупкая эльфийка? Она была сильна — не в пример собственному обманчивому внешнему виду, разумеется, — но этого недостаточно для того, чтобы преградить дорогу Дарнаэлу, да и тем более Тэллавару.

— Это кто ж говорит, — осклабился Тэллавар. — Жалкое подобие эльфа, решившего преступить через законы рода, да?

— О законах рода мне рассказывает существо, у которого нет ни одной нормы морали?

Дарнаэл тоже тяжело дышал. Было видно, что слова давались ему с трудом, а на губах клокотала кровь — и Тэллавару казалось, что он уже почти победил. Воспользоваться оружием было хорошей идеей, даже если они пришли на мирные переговоры.

Тот, кто победит, получает всё. Получает Эрри, получает силу её семьи. Тэллавар знал, что он достойнее. Он не пылал безумной и пустой любовью, как Дар, к этой чёртовой

эльфийке, но он имеет полное право унаследовать единственное ценное на их маленьком островке, единственное в замкнутой системе — дар.

Всё это глупости, что он вынужден будет разделить его с женой пополам. Пусть подобные глупости останутся для такого, как Дарнаэл. Родители не просто так не передали силу своей дочери, чтобы сейчас разбрасываться ею направо и налево.

Тэллавару нужно было волшебство. Его родители не хотели делиться своею, чёрствыи, самовлюблённые эльфы, решившие, что могут жить вечно! Они готовы отдать свой дар на благоволение Источника, лишь бы только сын не получил то, что ему причитается. А семья Эрри — это кладёзъ силы.

Дарнаэл не имеет ни единого права получать больше силы. Так велено по роду. Эльф, которому уже отвесили его частичку магии, должен разделить его с супругой без наследства. Не с Эрри, за плечами которой покоится целое кладбище волшебства. Не с той, которая должна передать силу другому, кого обделили в этой жизни.

Дар пошатнулся. Рана давала о себе знать — он зажимал свободной рукой живот, но кровь прорывалась сквозь пальцы и стекала по его ободранной после путешествия одежде. Они так мечтали пожениться, прямо-таки! Надо соблюдать очерёдность.

— Ты даже пошевелиться больше не сможешь, — холодно провозгласил Тэллавар. — И ты будешь смотреть на то, как мы с нею станем одним целым здесь. На твоих глазах.

Он дёрнул Эрри за запястье на себя. У неё ещё нет силы, она устала — и слишком переживает за своего драгоценного возлюбленного. А Дарнаэл может даже и выжить — главное, чтобы они разделили с Эрри ложе до захода солнца, в этот волшебный день, в который раз в год заключаются эльфийские браки. Единение, кровь невинной — тем, что согрешили, придётся, очевидно, себе руки резать, но ведь Эрри непорочна. На другую такие, как Дарнаэл, не посмотрели бы даже.

Она смотрела на него так, словно была готова разорвать в клочья. Но сегодня даже Эрри вынуждена будет подчиниться. Она собиралась вступить сегодня в брак со своим предателем, нарушителем родовых законов, но этому не бывать. И Старейшины только возблагодарят Тэллавара за то, что он сделал.

Пальцы сжали тонкую ткань её платья, потянули на себя. Затрещали нити, Тэллавар почти с удовольствием поймал её тихий, испуганный вскрик, заглянул в глаза — красивые, туманные и полные страха и слёз.

А после вскрикнул от неожиданной боли.

Дарнаэл стоял с вытянутой рукой. На кончиках пальцев ещё полыхало яркое, синевато-алое пламя. Его магия срывалась с рук, но Тэллавар уже о том не думал.

На его груди красовалось алое кровавое пятно.

Дар воспользовался волшебством, чтобы защитить свою возлюбленную.

— Боюсь, — прохрипел он, оседая на колени, — тебе придётся подождать ещё год и отыскать себе кого-то третьего. Менее раненного и более законного.

Эрри не ответила. Её взгляд был устремлён куда-то вперёд, словно она увидела нечто страшное, настолько ужасное, что потеряла дар речи.

— Использование магии против брата своего, — проговорил чеканный, ледяной голос, будто бы вытесанный из кошмарного холода, — это нарушение законов и истин, в которые мы веруем.

На губах Дарнаэла появилась кривая, дикая улыбка. Он повернулся к ним — медленно, осторожно, мягко, будто бы тот кот, которого держала Эрри — любимое животное. Отнял

руку. Кровь стекала на зелёную траву, ясно показывая, что не он первый начал.

Но это уже ничего не меняло.

\*\*\*

Они были всё так же добры. Излучали уверенность в следующем дне. Предлагали исцелить физические и душевные раны, помочь с восстановлением после случившегося и, конечно же, обещали справедливость, если всё будет рассказано честно. Эльфийское правосудие — что может быть лучше?

Эльфийское правосудие — разве есть альтернативы?

Они исцелили. Залечили все раны, все до единой царапины. Дали каждому желаемое, позволили Тэллавару получить его магию, чтобы быть на равных со своим соперником. И, казалось, должны были разрешить дуэль, но ведь это правосудие. Это те, кто никогда не ошибается, вечные бессмертные эльфы, способны на многое, и в первую очередь — на принятие справедливых решений.

...Их провожали гордо. Каждый эльф, пожалуй, позавидовал бы этой чести, прекрасной возможности раствориться в кипучих водах океана, переполненного магией.

Ветер швырял волны на берег одинокого острова — единственного кусочка земли среди бескрайнего, неделимого океана. Вода пыталась растворить немое осуждение, но каждый раз наталкивалась на одинаково острые берега и слетала куда-то вниз.

До океана, казалось, можно было падать вечность.

Тэллавар, излеченный, весь в белом, смотрел вниз так, будто бы это не было его судьбой. С презрением, с оттенком ненависти, обиженный сын своих уставших от его выходок родителей. Опасный тем, что посмел нарушить закон; опасный тем, что волшебство в его руках может стать оружием в будущем. Способный на подлость.

Это не было справедливым приговором. Ни единого слова. Но они возвращались к равенству и давали каждому по заслугам.

Дарнаэл отказался от белого. Отказался от исцеления. Отказался от исповеди. Ветер с трудом дотягивался до него, трепал на воздухе чёрные волнистые волосы, словно издеваясь — открывая единственные раны, которые никто не сможет, да и не захочет исцелить.

Тэллавар согласился остановить кровь. Он согласился жить так. Жить с клеймом, которое останется на нём на веки вечные.

Эльфийские уши — последнее свидетельство принадлежности к высшей расе, к магии и к силе, к жизни после смерти, — стали обычными, круглыми, словно...

Словно у животных.

Дарнаэлу, казалось, было всё равно. Он ни разу не потянулся к ранам, скапывающая на плечи кровь — капельками, медленно-медленно, — ему совершенно не мешала. Он будто бы не чувствовал боли, а на фоне чёрной ткани нельзя было рассмотреть высохшие багровые капли.

Это был справедливый суд.

Они — звери. Они посмели нарушить древние законы.

Но самое страшное — это не те, кто совершили грехи. Самое страшное — яблоко раздора; женщина, способная привести к такому сражению. К тому, что два разумных, могущественных эльфа посмели разрушить всё, что у них было.

Тэллавар смотрел на неё ровно, оскорблённо, холодно. Дарнаэлу жутко хотелось отвернуться, но это было своеобразным наказанием. Тэллавар умел хорошо лгать и притворяться, что причиной стала любовь, а не магия. Интересно только, гордость ли самое

страшное, что могли задеть в нём?

Это эльфы. Предмет раздора за борт, будь то очередной драгоценный камешек на будущее или живой человек. Преступника в животное. Сколько их падало с этого обрыва?

Эрри не оборачивалась на Тэллавара. Она не хотела его знать.

Он должен был переступить через эту тонкую границу эльфийского королевства. Там, дальше, начинался океан — и бесконечная магия. Там, дальше, их ждал Источник.

За гранью пропасти начиналась пустота.

Эрри сделала последний шаг, и океан сомкнулся за её плечами.

\*\*\*

Океан был черен, словно затянутое тучами ночное небо. Линия горизонта сливалась с облаками, спряталась за клубами мрака луна, и только слабое серебристое свечение очерчивало дорогу магии.

Океан боли. Океан чар. Океан, который с каждым днём становится всё темнее и темнее, океан, в глубинах которого таится всё волшебство на свете. Океан, в котором нет пределов для силы.

Океан, в котором невозможно её одержать.

Дарнаэл закрыл глаза. Ему было плевать на круглые уши, на магию, которая почти не отзывалась на зов. Всё, что было для него важно, осталось там — за проклятой пеленой чёрной воды. За тонкой полосой не-магии, поглотившей Эрри.

Он слышал мысли Тэллавара. Чувствовал его бесконечное торжество даже кожей — для того не надо было просить его поговорить. Но всё, что тот хотел высказать в лицо, уже практически не имело значения; оно затерялось в сплошной буре мыслей и глупых словосочетаний, издевательских пустых вспышек то ли разума, то ли бесконечного безумия.

Эльф зажмурился. Это была именно та ночь — её казнили, а океан не сомкнул ещё свои гладкие воды над её головой. Дарнаэлу казалось, что она ещё там, стоит совсем-совсем рядом, и магический источник тянет свои пальцы к ней, но ещё не может догнать.

— Для того, чтобы её отпустили, нужна жертва, знаешь? — скривился Тэллавар. — Ты ждёшь, что я тебя подтолкну? Я не против.

Чтобы её отпустили.

Не их вдвоём.

Но жертва нужна не для того. Жертва нужна, чтобы портал открылся вновь. Чтобы хоть в том безумии они смогли быть вместе. Чтобы увидеть её глаза в последний раз.

Дарнаэл знал, что надо источнику. Он питается болью. Ненавистью. Кровью. Нет ничего лучше, чем такие, как Тэллавар. Нет ничего вкуснее.

Если б только у Дара получалось всё настолько просто. Толкнуть в спину. Рассмеяться. Наблюдать за тем, как он медленно проваливается сквозь слои воды. Но ведь воды уже приняли свою жертву. Этим для них уже стала Эрри. Водам не нужна его ненависть. Водам нужна его жертвенность, которая позволит затребовать ещё немного энергии. Им нужна его боль.

Он коснулся заживающей уже раны на животе — пройдёт совсем скоро. Для Тэллавара это так стандартно — наслаждаться чужой беспомощностью, но лучше б он делал это чуточку дальше от вездесущего океана. От места, что втягивает в себя каждую капельку жути.

...Очевидно, он недооценил своего соперника.

Тэллавар ударил в спину. Болезненной волной магии, сильной, словно вынырнувшей из

глубин океана. Природа чар — тьма, и он так хорошо ей соответствовал.

Но Дарнаэл собирался упасть туда, вниз. Он сделал это до того, как столб силы — единственного, что было в Тэллаваре кроме его бесконечной пустоты, — врезался в очередную волну и слился с нею, как со своим первоисточником.

Воды океана подались вперёд — и впервые волна схлынула бесконечным потоком на берег, поглощая всё, что только попадалось под её жалкие капельки воды.

Дарнаэл видел, как смыкалась гладь над его головой. Слышал страшный, жуткий крик — и почти не жалел, когда Тэллавар провалился в бесконечные глубины тьмы.

Их ждала разная дорога.

За ним тянулась бесконечная магия. Дарнаэл же видел только сияющие страхом глаза Эрри, потерявшей во мраке чар.

\*\*\*

Этот мир состоял из пересечения синих пятен. Отблески вод и тонкие осколки холодных, равнодушно-мёртвых душ погибших смешивались в сплошную пелену перед глазами, поражая разнообразием собственных форм и представлений. От светлого, почти белого, до сине-чёрного: контрасты сливались между собой, нагромождались огромными стенами и тянулись к невидимым небесам высокими скалами, пронизывали шпилями пустоту.

После смерти, говорили, самоубийцы не увидят ничего. После казни каждый эльф будет лишён вечности. Упавшие в океан растворяются в нём навсегда.

Но они были тут. Каждая частичка — холодные и жаркие мысли, добро и зло, смешавшиеся воедино в скалах чужих грехов и благодеяний.

Тут всё дышало магией.

И Дарнаэл не знал, осталась ли у него оболочка — или это тоже выдумка больного ума, пытающаяся вытеснить страшные картины смерти. Но он не боялся умирать; он лишь искал свою Эрри, а всё остальное — и все остальные, — не имели значения.

В скалах были заточены призраки. Он видел невидимые руки, пальцы, волосы и глаза, вспыхивающие то тут, то там, видел, как чужие силы смешивались в одну сплошную пучину.

Эльфам говорили, что их мир ещё молод. Что надо верить в чистоту душ, и этот мир станет самым прекрасным из всех, что когда-либо были созданы природой магии. Здесь нет ничего статичного. Океан поглощает и сотворяет, раз за разом, когда существа доходят до предела своей греховности, и дело бессмертных эльфов блюсти законы и не отклоняться от тонкой линии собственной вечности.

Но их мир был безумно стар. Безумно переполнен переменами. Сколько существ успело погибнуть, чтобы сформировать бесконечные скальные стены?

Дарнаэлу казалось, что он не сможет сдвинуться с места. Разум сковала неведомая сила; магия тут была всюду, наводняла каждую клеточку тела, но оставалась всё такой же чужой и далёкой, как и прежде. Ни один эльф никогда не ощущал единения со своим даром. Это только благословение свыше, попытка дать им шанс исправиться. И — то, чему завидуют, то, чего страстно желают, то, ради чего создавали законы и ради чего их разрушали.

Ему было всё равно. Дикое равнодушие схлынуло вместе с осознанием того, что старый мир остался там, далеко, за спиной или над головой — это не имело значения. Он был один среди этих скал — и не знал, сколько вечностей прошло и сколько судеб разрушилось, пока он не очнулся.

Эльфы — древний народ. Но нет ничего старше океана.

И нет ничего более непостоянного, чем их вечность.

Он закрыл глаза. Эрри не было. Всё оказалось напрасным — и Тэллавар, и его жуткие притворства и грехи; всё это смылось, смешалось, стёрлось. Дарнаэл мог прятаться от себя самого сколько угодно, но в лабиринте кристаллов далеко не уйдёшь.

Он вслепую протянул руку. Идти. Это было не его потребностью — океана вокруг тоже не оказалось, их божество растворилось, оставив на пороге нового мира лишь высохшую соль.

Идти.

Ему шептали заключённые в камнях души, тянули к нему свои тонкие пальцы, пытались коснуться волос, плеч, спины.

Он всё ещё живой. В этом жутком лабиринте, среди скал, что тянутся к небесам, среди монолитов смерти, он ещё мог дышать.

Ран больше не было. Тоски по острым ушам — тоже.

Ему не хотелось ничего возвращать. Ему нужна была только Эрри; если он сумел выжить в бесконечном лабиринте душ, то где-то там, за очередной тонкой заслонкой из пустоты и равнодушия, стоит та, из-за кого всё это началось.

Пальцы натолкнулись на стену. Души протянули свои руки, и Дарнаэл вдохнул воздух, будто бы в последний раз. Они должны были забрать его с собой или отпустить. Оставить или швырнуть в глубокую чёрную воронку.

И варианты не имели совершенно никакого значения.

Открыть глаза.

Он знал, что увидит мёртвых. Призраков эльфов, которых больше нет. Там, наверху, или, может быть, просто далеко-далеко от него, прячется ключ от всей вселенной; маленький островок среди тысяч и тысяч других, окружённых водой.

Открыть глаза.

...Он смотрел на водную гладь тонкой, странной карты — будто бы живой. Точка с подписью — их родной остров, — и ничего более на тысячи тысяч лет.

На карте вспыхивали призраки. Старые миры, которым суждено было родиться и умереть, и десятки разрушенных судеб. Опустевшие песочные часы...

И несколько крупинки там, где находился его мир.

Им остались считанные минуты. Океан вот-вот поднимется гигантской волной, и где-то возрастет новый остров с новыми жителями. И так будет длиться столько, сколько угодно волшебству.

Волшебству, потерявшему руководителя.

Главной мощью всего этого был хаос. Хаос, который однажды породили — и так и не успели угасить. Хаос, что поглотит каждое существо, которое и породит, пока его силы не будут направлены в нужное русло.

И ему больше не надо было отрывать взгляд от синих вод, чтобы знать, кто стоял напротив.

Их больше не разделяли стены. Тут не было толпы равнодушных, спокойно смотревших на казнь эльфов. Не было никаких мечей над ушами — всё такие же острые, всё такие же не имеющие значения. А ещё тут не было волшебства — оно расколосось на сотни маленьких осколков и разлетелось по всему этому миру. Тут всё было из магии. Скалы, океан, остров. Только эльфы казались лишними.

Потому что они пришли не отсюда. Им тут не место; они излишни.



И они растают сегодня, завтра, через много веков — но растают, если волшебство всего этого мира будет продолжать бушевать в бездне кошмаров.

Эрри не поменялась. Она была всё такой же, как он помнил её до казни — с мягкой улыбкой и нежным взглядом.

Она не сделала шаг вперёд, но Дарнаэл тоже не сдвинулся с места. Тэллавар напротив — как обычно, всегда третий, — стоял, будто бы его превратили в одну стойкую, нерушимую статую.

Они не могли сдвинуться с места.

Тонкое стекло превратилось в воды. Они тянулись к маленькому островку посреди всего этого ада и пытались коснуться его своими страшными волнами земли. Ещё несколько минут... Ещё несколько мгновений, и их мира не будет.

Останутся только трое.

Обречённых. Проклятых. Одарённых.

Дарнаэл знал — он не услышит, что они ответят. Ни Эрри, ни Тэллавар. Это были их вопросы. Это были их миры. Это был их хаос.

Но он знал, чего хочет сам.

Ему не нужна была власть.

Он хотел остаться с нею.

\*\*\*

Хаос никогда не был справедливым. Разумным, честным, способным даровать счастье, в конце концов. Этот мир питался чужим горем, болью, грехами — и Дарнаэл понял, насколько большую глупость допустил, уже в то мгновение, когда менять решение оказалось слишком поздно. Мир не рушился, конечно же. Песочные часы никто не перевернёт — но они не имели к нему самому совершенно никакого отношения. Он потерял куда больше, чем просто прошлое.

Океан бился о невидимые стены. Это был вечный плен; вечная камера на троих.

Они могли слышать голос хаоса. Слышать, что он предлагал. Видеть, как сквозь пальцы, будто бы песок, утекает всё, что каждый любил или ненавидел. Все мысли, все чувства, всё, что связано с любовью. Магия вытягивала ненависть. Магия вытягивала жизнь. В напоминание всему этому осталась только глубокая, бессмертная пустота, растянувшаяся на весь мир.

Это было слишком жестоко.

Шанс вернуться. Вырастить своих детей. Прожить свою персональную вечность плечом к плечу с любимым человеком.

И власть. Бесконечная, безмерная сила чужой боли. Пока существует ненависть и боль, пока существует соперничество — а оно будет вечно, пока мир не развалится на мелкие кусочки, — сила не угаснет. Сила, способная тянуться из глубины мира.

Сила, которую ни он, ни Эрри никогда не смогут передать.

Дарнаэлу не надо было спрашивать, что она выбрала. Уже её взгляд, её холодные, будто бы кусочки льда, пальцы, её дрожащие губы — всё указывало на то, что она проронила только одно слово.

Она не выбирала эту силу.

Сила сама выбрала их.

Рано или поздно они разорвутся на мелкие кусочки в этом жутком одиночестве. Тэллавар возродится в новом мире и просуществует в нём столько, сколько ему отведёт

океан. Его ограниченная вечность будет наводнена детским смехом и мягкими касаниями возлюбленной.

Если он сумеет её найти.

Но обречь на вечность в одиночестве, на вечность среди океана, когда магия бушует в крови...

Они не могут вернуться. Они — часть этого. Они и так дома. Навеки вместе, навеки одни, навеки.

Тэллавар получил силу. Его сила — это бессмертие. Бессмертие его будущей долгой, счастливой жизни, его детей и внуков, тех, кого он породит на этот свет.

Дарнаэл хотел только быть рядом с нею.

Вместе. Вечно.

Здесь.

Среди бескрайнего океана, где любить — преступление, где ненависть — суть волшебства. Среди безмерной пустоты, когда шаг вправо, шаг влево — чужие грехи и души, души, души. В мире, где нет постоянства, где будут только они, в вечном плену.

Магический источник сделал свой выбор. Ему надо было вылить свою боль. Отдать ненависть. Просыпать ненавистное, кошмарное волшебство. Волшебство без границ. И Дарнаэл знал, что никто этого не заслуживает. Даже Тэллавар, что так мечтает оказаться на их месте. Даже самое отвратительное существо на свете.

Они могут быть здесь. Вдвоём. Но это миф, а не реальность. Это мир осколков, мир, в котором никогда нельзя быть счастливым.

Мир боли.

Мир, в котором нет места для любви.

Самое страшное, что могла придумать для них реальность, вылилось здесь, в пустоте иллюзий и чужих грехов.

Старая реальность рассыпалась по кусочкам. Ей остался день, два, вечность. Последняя песчинка находилась на полпути.

— Ну же, — Дарнаэл поднял взгляд на Тэллавара. Он должен быть счастлив. Должен радоваться. Должен понимать, что хаос миновал его. Поощади за неизвестные заслуги.

Но в его глазах было только одно.

\*\*\*

Догорала вечность. Ещё одна минута, ещё одна секунда, и им будет некуда возвращаться. Не останется острова эльфов посреди океана, не останется старых убеждений и глупых, странных законов. Только бесконечные души. Хаос слепит новые тела, впихнёт в них старую ненависть и вытолкнет на клочок земли. Неважно, зачем. Неважно, что в том нет смысла.

Тэллавар может жить всюду. Они не могут остаться нигде.

Падала последняя песчинка.

— Иди, — равнодушно, холодно, будто бы изо льда, прошептала Эрри. Эрри, которая мечтала стать матерью. Бабушкой. Прожить долгую счастливую жизнь в кругу семьи.

Ненависть плескалась на кончиках пальцев. Магия. Война. Боль. Им прожить миллионь и миллионы лет, сойти с ума в этой клетке с безмерными просторами, возле ненавистной карты, что серебристыми водами касается пальцев.

Никогда не выпить воды. Не улыбнуться солнцу. Не коснуться друг друга.

Это фантомы. Они держались за руки, потому что привыкли к этому, потому что Эрри

знала, как её ладонь ложилась в его. Но они всё равно не были живыми. Два давно уже погибших человека, две жертвы бесконечности.

Два сосуда с магией, призванных быть тут до тех пор, пока по дикому стечению обстоятельств в этом мире не появится новая подходящая кандидатура.

День. Год. Тысячелетие. Вечность.

Даты не имели для них особого значения. Тут не было времени. Они могли вечность наблюдать за тем, как падала одна маленькая, хрупкая песчинка. Последние секунды жизни, в которой они могли ещё что-то менять. Последние минуты, пока существовала их любовь.

Они все — без исключения, — знали, что будет, когда она упадёт.

Тэллавар вступит на новый круг своей жизни. Забудет свою бесконечность. Забудет о том, что происходило тут. Растворится в прошлом и будущем, для того, чтобы без единой тени страха пройти по новой линии жизни и подарить новую ненависть. Чем больше, тем лучше. Хаос отпускал его, потому что знал, что там от него будет больше толку.

А они потеряют свою любовь. Она почти выгорела, почти растворилась; то, для чего они выбирали вечность вместе, рассыплется на мелкие кусочки, на песчинки новых песочных часов.

Они не будут счастливы. Они никогда не будут думать о том, что могли бы получить нормальную, полноценную жизнь.

И всё же, этой магии было слишком много. Слишком много для того, чтобы смотреть на огромную морскую гладь спокойно, без раздражения.

За мгновение до того, как упала песчинка, как они с Эрри потеряли способность что-либо чувствовать, пальцы скользнули по поверхности стекла.

Песочные часы разлетелись среди моря.

\*\*\*

Крик Тэллаваара всё ещё эхом отражался от их сознаний.

Пальцы Эрри вновь были тёплыми, как и прежде. И стеклянные песочные часы изрезали и её, и его ладони.

Песок всё ещё был в их руках. Достаточно только отпустить пальцы друг друга и забыть о вечности. Позволить крови стечь вниз, в воды бессмертного океана, над вечным островом, которого для них больше никогда не будет.

Но каждый делает свой выбор.

Голос Тэллаваара эхом отражался в ушах. Он хотел новый мир. Не для счастья. Просто хаос знал, где будет больше боли. Где будет больше ненависти до той поры, пока он не насытится вновь. Где никогда не будет гармонии.

Когда Тэллавар сойдёт на землю, что он сделает первым? Кем себя провозгласит? Зачем он будет рождён?

Как только он ступит на твёрдую поверхность и вдохнёт новый воздух, Тэллавар назовёт себя божеством. Творцом. Он разрушит то, что никогда не строил, и будет счастлив — или всё так же преисполнен боли и зависти. Всегда найдётся то, чего он будет жаждать слишком сильно. И всегда он будет наталкиваться на преграды, которые нельзя будет преодолеть.

А они реальны только для старого мира. Мира, в котором и Тэллавар никогда не будет вечен. Мир, в котором вот-вот растворятся сотни и тысячи законсервированных, вмёрзших в невидимые скалы душ. Мир, в котором магия предопределяет жизнь.

Магия бесконечна. Магия без границ.

Настоящая магия, у которой никогда не будет ограничений, пополняется только чужой

болью. Кровью. Ненавистью. Всё остальное — фикция. Дар небес. Осколок чего-то такого же естественного, как и природа.

Но кто знает, когда в мире появится кто-то, способный выдержать всю мощь бесконечной, болезненной тьмы. Кто сможет пронести это в себе в смертной оболочке.

И уж точно не на маленьком, похожем на жалкий огрызок земли, островке, где только и умеют, что учить новой жизни.

Эльфы сотканы из ненависти. Эльфы созданы из хаоса.

А очищенные, пустые, свободные души, призраки тех, кто способен жить, а не ждать своей вечности — все они падали с огромных скал в океаны, все они застывали в невидимых скалах. Все они умели любить.

Кровь сияла. Песок мерно, вместе с алыми капельками, ссыпался на водную гладь.

— Как только вы отпустите руки друг друга, — мстительно прошипел Тэллавар, — всё закончится. Вы забыли, чем вы теперь стали? — он подался вперед. — Вы — ненависть. Вы не можете ничего сотворить.

Его глаза сияли болью и завистью. Тем, чего так жаждал этот мир.

Им незачем было держаться за руки в новом мире. Они не знали друг друга. Они были очередными ёмкостями для очередной силы; чем больше душа, тем больше в ней может появиться пустота.

Тэллавар с силой, с тихим рыком, почти превратившись внешне в зверя — и не из-за отсутствия острых ушей, — ударил по их запястьям своей рукой.

Кровь пятнами — большими, маслянистыми, — разлилась по океанской глади.

В новом мире не было ничего, кроме пустоты.

Но песчинка не успела упасть. Остров не рухнул. Они все ещё могли любить. Они всё ещё хотели подарить жизнь чему-то большему, чем просто очередная однодневка длиною в вечность.

Можно остаться сосудом для магии.

А можно стать её повелителем.

Каждый выбирает для себя.

...Тэллавар смотрел ошалело. Он не понимал, что случилось. Не знал, как такое может быть реальным. Он будто бы забыл, как это — правильно дышать, — и теперь хватал ртом воздух, словно рыба, выброшенная на океанский берег.

Он почти стал зверем, и виной тому были не круглые уши. Его судьба не была предопределена. Каждый сам ковал то, что получал в итоге. Даже хаос — это просто сила. Сила, которую никто никогда не мог унять. Сила, которую трудно познать и ещё тяжелее подчинить себе.

Кровь смешалась с песком. Растворялись океанские волны, уступая место новым землям, материкам, что ползли по поверхности воды, будто бы какое-то пролитое масло. Дробились на мелкие кусочки, рвано разлетались на части и сливались воедино. Поднимались вихрями гор и падали вниз пропастями.

Океан отдавал свою силу. Опустошался. Он оставлял пространство для магии, но магия сосредоточилась в другом. Не было никого, кто приносил бы в этот мир ненависть. Не было никого, кто дарил бы ему любовь.

Не было песочных часов, которые бы отсчитывали его последние минуты.

Тэллавар рассмеялся — громко, надрывно, издевательски. Они не могли колдовать тут. Не могли разорвать его на части. Не могли отправить его туда, потому что хаос приказал ему

быть счастливым. А нельзя стать кузнецом собственного счастья, когда ты — один на всех землях.

— Вы от меня, — прошипел он довольно, так, будто бы внутренняя боль, ради которой его и избрали, наконец-то стала свободной, — никогда не избавитесь. Даже вы, кем бы вы сейчас ни были, не сможете вытолкать меня в мир, в котором я никогда не буду счастлив.

Дарнаэл смотрел на него, словно на прокажённого — вроде бы и жаль, но так противно прикоснуться.

С пальцев всё ещё стекали капельки крови. Творилась новая земля.

— Вы не сможете сотворить эльфов, — хохотнул он. — Они не отсюда. У вас нет столько силы. Вы не можете... У вас есть только... — он обвёл руками пустоту, — это. Земли безо всякого смысла. Вы никогда — никогда! — не сойдётесь там вместе.

И души.

Эльфы не отсюда. Но ни Дарнаэл, ни Эрри не заставили бы себя сотворить эльфов, даже если бы были на это способны.

Кровь растекалась по всему океану. Трещали многовековые заслонки, рушились миры прошлого.

Души рвались на свободу.

Отторжённые. Отброшенные в сторону. Те, кого признали ниже эльфов — но ещё не звери. Десятки. Сотни. Тысячи. Преисполненные боли и любви, грешники и праведники.

— Иди, — равнодушно проронил Дарнаэл. — Тебе предстоит когда-то родиться там. Среди них.

— Среди безухих?! — прошипел Тэллавар.

— Среди людей.

Он содрогнулся. Слово ударило его в грудь, будто бы молнией — с силой, способной разрушить миры.

Оболочка раскололась, и он обратился в пыль, чтобы когда-то занять своё место среди новой жизни. Среди мира, который не будет разрушен бесконечным течением хаоса.

Эрри подошла ближе, зажмурилась и уткнулась носом в плечо Дарнаэла. Он только осторожно обнял её, одной рукой, будто бы боясь разбить хрупкую — даже слишком, — иллюзию любви.

Это была их вечность.

Может быть, там, внизу, в череде воскрешений, они будут появляться, чтобы принести магию. Может быть, чтобы вернуть всё на свои места. И пусть они никогда не встретятся там. Пусть, пока кровь не сольется воедино вновь — кровь, создавшая этот мир из морской воды, — они не смогут быть вместе...

У них есть что-то большее, чем маленькая семья и двое детей. У них есть целый мир, за который отныне они ответственны.

Мир, у которого нет права на реинкарнацию.

===== Глава пятьдесят четвёртая =====

Центровой линией философии Его Величества Галатье Торрэссы была одна простая фраза: народ сам повинен в характере короля. Да, он не виновен в министрах и послых, в глупых или разумных полководцах, но короля предопределяет поведение его прекрасного или не очень простора для правления.

Из тридцати двух лет, проведённых на троне, не было и дня, чтобы Галатье не припоминал эту фразу. Он умел говорить её по-разному: с гордостью, надменно, кивая на

своих людей и усмехаясь так самодовольно, что становилось дурно; жестко и холодно, показывая место своему неудачливому правителю-собеседнику из соседнего государства; резко, мрачно, отвечая своему глупому и гадкому народу, оправдывая каждый маленький или большой проступок; лестно, с мерзкой улыбкой, косясь на королей, побеждающих раз за разом армии соперников.

Но это ни на мгновение не меняло её сути. Галатье Торресса оправдывался перед собой и своим народом за каждый сделанный шаг, достаточно умело, чтобы его терпели все эти дни, но всё же не настолько, чтобы почувствовать себя на троне хотя бы более-менее уместным.

Он чувствовал, как возраст падал на плечи. С каждым днём он всё ближе и ближе наклонялся к земле, пряча голову от камней и гнилых овощей, которые бросал в него народ. И каждый раз он становился всё слабее и слабее.

Но Торресский архипелаг вот уже тридцать два года не вёл войну. Их армия превратилась в толпу контрастов. Разжиревшие вельможи погоняли кнутами своих уставших, измученных подчинённых, а голодные селяне отмахивались от добровольных народов. Их армия была собрана из осколков, слеплена кое-как, чудом превращённая в единое целое и вновь разбитая, раздробленная, будто бы и сама территория. Разве это страна?

Это просто набор островов, и каждый из них предпочитает жить своей жизнью. Слишком много территории, чтобы ею можно было управлять.

...Галатье одёрнул свою мантию. Зелёная, бархатистая и тёплая — в замке всегда было довольно прохладно, и король приказал создать специальное заклинание, которое грело бы его во время пребывания в тронном зале.

Уникальная технология, которая едва ли не привела Дарнаэла Второго к ужасной смерти.

Но Галатье не понимал, на что они рассчитывали. Король давно не видел правителя-соседа, разговаривал с ним в последний раз на мирных переговорах три года назад, но того опыта было достаточно, чтобы понять: мантия не поможет.

Точнее, она бы сработала, повесь её кто-то на плечи Его Величества короля Торресского архипелага. Но, и все это прекрасно знали, ни одна цепь не удержит Дарнаэла Второго на месте и двух минут, не то что положенных пяти, и ждать, пока его раздавит и поджарит какая-то тряпка, мужчина уж точно не станет.

Галатье потянулся к тёплой ткани. Он постоянно мёрз — и сейчас тоже дрожал от холода, чувствуя, что летние ветра могут стоять ему нескольких неудобных дней, а то и месяцев. Нет, глупости какие — летом Торресский климат ещё вполне щадит его старые кости, вот только осень уж точно принесёт за собой слишком много неприятностей.

— Ты опять в этом!

Мужчина неохотно поднял голову и коснулся лба, отбрасывая седые волосы. Передвигаться было трудно; за последние года он достаточно погрузнел, чтобы постоянное сидение на месте стало привычным делом, и теперь не мог так просто и быстро взлететь по ступенькам от осы-супруги.

Они женаты уже больше двадцати лет, но леди Марисса ни на один миллиметр не приблизилась к званию королевы духовно. Ей нужен был кто-то другой — в крови у его жены навеки поселилась любовь к той глупой, аляповатой роскоши, которую она тащила в их дом. А ещё — её постоянные дети, дети, дети! Стране нужен наследник, стране нужно продолжение рода, подари право наследования моему сыну, подари право наследования

нашей дочери...

Галатье её ненавидел, наверное. Но он не мог это признать. Он не мог продемонстрировать ей своё презрение, для того надо быть более сильным.

— Я же тебе говорила! — она шипела, будто бы в очередной раз глотнула какой-то яд, что должен был сделать её моложе. — У нас в стране траур! Дарнаэл Второй убил нашу дочь!

— Твою.

Марисса быстро, поспешно оглянулась, будто бы проверяя, не смотрит ли кто, а потом ударила его по лицу — скорее для проформы, чем для того, чтобы привести в чувство и заставить уважать память о бедной погибшей девочке.

Она рванула на себя зелёную ткань мантии и швырнула её на пол, ступила каблуком, оттолкнула подальше.

— Ты должен принять наконец-то решение! — прошипела женщина. — Мы не можем больше тянуть. Надо отомстить! Показать ему его место!

Галатье не ответил. Он терпеливо ждал, пока Марисса вдоволь натопчется на его мантии, ходит своими грязными ногами не только по ней, но и по его королевскому достоинству, повернётся спиной и двинется к выходу.

Обычно ему не хватало терпения высидеть с ровной спиной всю эту тираду, но сегодняшней волны равнодушия было достаточно. Вспыхнули светлые волосы — Марисса привычно резко умчалась от него и закрыла дверь, приставила стражу, сказала, вероятно, не выпускать короля из его же тронного зала, чтобы он подумал о своём поведении.

Она оставила его наедине с холодом и гордостью, но это давно уже было бесполезно. Галатье без единой секунды сомнения потянулся за зелёной мантией, стоило только дверям захлопнуться, и расслабленно устроился в кресле. Тёплая ткань грела плечи, полы были чисты, а несколько следов Мариссы на поверхности ничего не значили. Ему было абсолютно всё равно, что думают стражники.

Подданные сами виноваты в том, что ими правит такой король.

Он мысленно повторил про себя эту фразу несколько раз, а после вновь завернулся в тёплую мантию, добрался до перчаток, спрятанных в потайном кармане — теперь можно согреть и руки. Он не станет замерзать тут до смерти только потому, что Марисса понадеялась на его чувство собственного достоинства. Пусть дальше хватается за то, чего сто лет как нет.

...Воевать против Дарнаэла Второго, ишь чего удумала! Разве она забыла, что это за человек? О, отомстить за её — “их” — распрекрасную доченьку. Лучше б уж общим ребёнком она называла Бонье; послушный, нормальный мальчик, пусть и немного самонадеянный, он мог бы стать не таким уж и дурным королём. К тому же, Галатье знал его отца, мирного, разумного человека, павшего очередной жертвой Мариссы. Но нет, она выбрала Марту, потому что та родилась позже, и оставалось только предполагать, чья это была дочь.

Бороться с Дарнаэлом! О, это было ему не по силам. Вечно мёрзнувший старик — его шестьдесят пять лет дарили не опыт, а слабость.

И этот вечный взрыв энергии.

Он ведь помнил, как это было. Подписание мирного договора на три года, ах да! За неделю пребывания там Дарнаэл побывал в горах, в ущелье, на местных озёрах, объездил все острова, будто бы это его будущие владения, нашёл себе — последнее в условиях бесчестия

Торрессы совсем не казалось сложным, — как минимум двух любовниц, и — а вот это уже было истинным подвигом, — умудрился отбиться от назойливого внимания Мариссы. Галатье до сих пор не знал, как королю Эльвенты удалось без особого скандала вытолкать полуголую правительницу из своей кровати, при этом не нарушив ни одного закона, но ему так хотелось уточнить у Тьеррона его способ! У Его Величества не получилось выставить жену даже за дверь совета, на котором она не должна находиться, а тут — привлекательная, исполненная дикого желания получить красивого мужчину с не менее красивой стеной, дама, и за дверью... Ещё и Марисса! Не стоило б смотреть сквозь пальцы на её измены, но Галатье аж три раза просил пересказать, как всё происходило, Дарнаэла, а потом даже записал эту премилую историю изгнания своей же супруги.

Если он не мог с нею бороться, то надо было получать хотя бы положительные эмоции от всего этого...

Галатье мотнул головой и устроился на троне поудобнее. Он подпёр щёку кулаком и зажмурился, совсем не по-королевски, но как уж вышло. В сознании творился самый настоящий бардак, и он никак не мог смириться с тем, что должен пересмотреть собственные идеалы и убеждения.

Марисса говорила, что он должен идти в бой. Его Марисса — его жена, в конце концов, и ему следовало бы стукнуть кулаком по столу и заставить её прекратить всё это, но король знал, что и слова поперёк не сумеет ей сказать.

Чем он думал, когда женился?

Ему тогда было сорок. Ещё не такой уж и старый, ещё не полный, довольно высокий, подтянутый, привлекательный мужчина. Галатье тогда не стеснялся смотреть на себя в зеркало; это сейчас на него оттуда поднимал взор туманно-болотистых взгляд кто-то толстый, обрюзгший и сторбившийся. Он даже не знал, кто виноват в метаморфозах, жена или возраст.

Она не была дико красивой, но привлекательной — да. Молодая вдова одного из его полководцев, надо же, пережившего столько битв, но поперхнувшегося косточкой от вишни и погибшего от этого отвратительного предмета в расцвете сил — тридцать семь? Тридцать восемь?

Мариссе было двадцать четыре. Может, чуточку больше, потому что его супруга никогда не делилась информацией о собственном возрасте. Она была вдовой уже три месяца как, и тогда Галатье казалось, что он с ума сходит от пристальных, цепких, нескромных взглядов.

Он держался недолго. Да, её муж был его другом, одним из самых верных подданных, но тогда Марисса казалась важнее, чем память о прошлом. И, в конце концов, Галатье переступил через воспоминания с такой же лёгкостью, как и через стойкое осознание того, что она не столь уж идеальна, как ему кажется.

У неё уже был сын, похожий, как две капли воды, на своего отца. И пусть Марисса всю жизнь называла Марту их общей дочерью, он знал: когда он женился на ней, женщина уже была беременна Мартой. Девочкой, которая должна стать королевой.

Но не станет. Мёртвые редко восходят на престол.

Спустя год, когда он перегорел своей любовью, страстью и жаждой заполучить её, он открыл глаза. Марисса была развратной, испорченной женщиной, готовой отдать что угодно за очередной кусочек власти. Неплохая мать — единственное её достоинство, — и истинный тиран в семейной жизни.

Галатье за то время изменился. Поседел. Сторбился. Успел немного полысеть. А сейчас



обратился в жалкую тень самого себя, не в силах сопротивляться приказам той, что должна бы ему, королю, подчиняться. Но это не имело никакого значения, ведь он всё ещё пытался поймать отголоски любви к ней. Иначе подчиняться было труднее, а бороться он просто-таки не умел.

В дверь постучали.

Король не стал стягивать мантию со своих плеч — это не имело никакого значения, Марисса и так считает его давно уж падшим, сломленным и опустошённым, а подданные не станут судить своего короля. Но и открывать или говорить, что они могут войти, тоже не стал. Напротив, сжал губы, стараясь не выдать ни единым звуком своё присутствие, потому что знал, кто прятался за дверью.

Ему нравилось думать в этом зеленоватом, в тон флага, тронном зале. Нравилось дышать прохладным воздухом и вспоминать единственную женщину, которую он когда-либо любил в своей жизни.

Она потерялась. Осталась на просторах континента. Прекрасная, больше напоминающая вспышку, чем женщину, и самая мудрая, спокойная, одухотворённая.

Он тогда был таким глупцом! Мирный визит в соседнюю страну в годы, когда молодой король только-только занял престол. Тогда, пожалуй, нынешнего правителя Элвэнтты и в помине не было, но — какая разница? Зато была она: живая, страстная, обыкновенная служанка с глазами истинной ведьмы.

Она осталась в Дарне. Он, пустозвон, двадцатилетний глупец-принц, спрятался в своём государстве, женился на отвратительной женщине, которая так и не пережила первые роды... Он — навеки одинок и навеки без наследников. Оставит свою страну чужим детям, и хорошо бы детям, в которых течёт хоть капелька благородства! Но нет.

Марта не была его дочерью. Разумеется, нет. Галатье знал, что она похожа не так на мать, как на одного из тогдашних стражников. Но всё равно баловал её, позволял расти принцессой, той, что займёт трон совсем-совсем скоро после его смерти. Он знал, что будет вести себя так же, как и её мать, и закрывал глаза на все собственные преступления, которые совершал под действием глупого и жуткого равнодушия. Он ужасный человек, нет разве?

Но подданные сами виноваты в том, что у них такой король. Он не стремился на эту должность, но Торресса с её вольными нравами не заслуживает ни на что большее.

...Иногда в своих мечтах Галатье представлял, как в его жизни вновь появляется она. Но он сбежал, и... Нет, разумеется, у них не было детей. Конечно, она слишком горда, а он хорошо скрывал свою личность, и она никогда не смогла бы сообщить ему о том, что беременна, но — то не имело значения. Шансов нет, и его жизнь замкнулась на Марте и Бонье. На мальчишке, которому чуточку не хватает культуры и здравого смысла, и девочке, что запуталась в своей порочности уже в семнадцать лет.

В дверь постучали настойчивее, и Галатье представил себе, как поступил бы настоящий король. Пожалуй, поднялся бы и властно приказал бы им войти. А после заставил бы стражу швырнуть его супругу в темницу за всё, что она натворила. За каждую попытку унижить его. Он бы гордо вскинул голову и приказал немедленно собирать армию.

А после отправился бы в Элвэнту и уничтожил каждого, кто встанет на его пути.

Но Галатье не мог. Он уже видел тысячи тысяч — войско Дарнаэла Тьеррона. Видел уверенный взгляд синих глаза их короля. Прямую спину. Уверенность. Силу в каждом движении. И знал, чем это закончится. Никто в здравом уме не станет бороться против Элвэнтты. Страна слишком огромна, слишком сильна, слишком могуча. И даже если они сто

раз повторили, что объявляют им войну, никогда этого не сделают.

— Открыто, — наконец-то, вжимаясь в спинку трона, выдохнул он.

Видение так и не растаяло. Он всё ещё видел Дарнаэла, упрямого и способного вести свою страну в бой, напротив. Видел, как тот криво усмехается, вскидывает руку, отдавая один короткий приказ, и Галатье казалось, будто бы он слышит его слова.

“Разбить”.

Он зажмурился. Часто заморгал. От этого видение перед глазами поблекло, передёрнулось какой-то тонкой, почти бессмысленной дымкой, а потом и вовсе растворилось — и король уже было обрадовался тому, что освободился от преследующего его образа.

Он должен был ненавидеть Дарнаэла Тьеррона. Тот, в конце концов, приказал казнить его дочь — пусть и приёмную. Но на самом деле Галатье никак не мог избавиться от одной мысли: король Эльвенты сделал слишком большую услугу Торрессе и её правителю. И: он боролся. Все эти годы он провёл в сражении и ни на мгновение не позволил поставить себя на колени. Это стоило уважения хотя бы потому, что Галатье так не смог.

Перед ним вновь стояли его советники и министры, сами по себе — совершенно бесполезная масса, которой руководила Марисса. Конечно, он мог бы взять правление в свои руки, ну, или верил, что мог, но притворяться больным и разбитым горем человеком очень просто, особенно если ты таков и есть, а сражаться — почти невозможно, особенно если не уметь делать это по-настоящему. Галатье ни за что не решился бы ни на одно действие, если б не знал, что оно точно способно принести ему победу.

А он всё-таки не знал.

Они выстроились в ряд вокруг стола — Галатье привык игнорировать советы, но сегодня сбегать было некуда. Прыткие слуги успели было разложить на поверхности карту Эрроки и Эльвенты, и король понимал, о чём пойдёт речь. Понимал и никак не мог этому воспрепятствовать.

Он видел и Бонье, сжавшегося в углу — всё такого же серого, как и обычно, такого же трусливого мальчишку, самоуверенного только тогда, когда речь идёт о его на самом деле не такой уж и огромной красоте. Но — попробуй возрази!

Единственное, что умела Марисса — это восхвалять своих детей и плести интриги, но зато и первое, и второе у неё получалось просто-таки идеально.

Советники казались пристыженными. Они смотрели на свою королеву, будто бы маленькие испуганные дети, и только самоуверенный взгляд короля мог бы поставить их на место, унять, успокоить. Но Галатье не был способен выдавить из себя даже улыбку.

— Мы объявляем войну, — строго, равнодушно проронила Марисса. — И сейчас все присутствующие попытаются придумать более-менее пристойный план для того, чтобы победить...

Галатье поёжился. Его даже не спрашивали. Ему показалось, что тронный зал просто использовали, как самое большое помещение в замке.

Он посмотрел на своих советников, на министров, на жену, и осознал, что даже не знает, как принято говорить в таких случаях. Закричать? Потребовать, чтобы все они немедленно покинули помещение? Но Галатье не знал, как это правильно делается, и поэтому даже не рискнул проронить несколько слов.

Советники зашумели. Галатье стало не по себе — он осознавал, что ещё несколько минут, и он превратится в и вовсе бесполезное существо, которое можно запросто вытолкать

за границы родного королевства. Война... война?

Карта Эльвенты казалась чем-то таким понятным и знакомым. Он смотрел на одну точку на ней — Дарна. Там он оставил своё сердце очень-очень давно, пообещал вернуться и забрать, а потом запутался в длинных переходах своего королевского правления и так и не пришёл. Не заглянул к ней на порог. Может быть, она вышла замуж за кого-то, может, осталась одинокой до скончания дней, но Галатье казалось, что когда-то он увидит её детей или, может быть, внуков, и узнает их — таких, как она, но с какой-то одной его чертой.

Его внуков.

Может быть. Но это нереально, всего несколько ночей — и пустота на сердце. Но эта женщина заставила бы его подняться и сказать, чтобы они убирались.

Советники даже не заметили, когда он поднялся. Только Марисса удивлённо распахнула глаза, а её сынок даже не оторвал взгляда от пола. Галатье выпрямился и посмотрел на неё так самоуверенно, что даже сам не понимал, как... Как он смог? Но хватит вдохновляться королём, на двадцать лет моложе, чем он. Галатье Торрэсса тоже способен на настоящие действия.

— Войны не будет, — голос его впервые за последние годы был лишён старческой дрожи. Галатье сжал пальцами зелёный бархат мантии и смотрел на пассивных советников.

Марисса тоже выпрямилась. Она сейчас больше всего напоминала змею — только почему-то выцветшую, потерявшую свою маскировку в качестве цветастой чешуи. Она даже перестала быть достаточно красивой — вероятно, плакала не одну ночь по своей дочери, но Галатье знал, что её грусть недостаточна, чтобы отказаться от амбиций. Ведь есть ещё сын, разве ж нет?

— Все вон, — проронила она.

Галатье ждал, что советники загудят так в ответ на его слова — одобрительно, послушно, встанут на колени, как стадо овец. Он даже расправил плечи и стал куда выше, чем в последние дни.

— Нет, останьтесь, — упрямо возразил Галатье. — Они должны всё слышать.

Советники сейчас должны были встать на колени перед ним или хотя бы послушно замереть там, где стояли. Да, он не ждал этого от Бонье — но тот выскользнул первым скорее из страха перед своей матушкой. Ему позволительно, он всего лишь ребёнок, пусть и в свои двадцать три или двадцать четыре.

Больно уколола мысль, что в двадцать семь Дарнаэл Второй сверг свою матушку с трона, силой вернул престол и рванул на затяжную Трёхлетнюю войну, вернувшую Эльвенту в границы, существовавшие при самом Первом.

Но не остался никто. Марисса даже не повернула голову, чтобы проследить за их уходом — все сделали это добровольно, без единой попытки возразить, вышли быстро, поспешно, переступили через порог и, очевидно, сказали что-то страже, потому что те поспешили закрыть дверь.

Внутри осталась только личная охрана Мариссы. За толпой министров их трудно было рассмотреть, но теперь Галатье понимал, что ничего сегодня с рук ему не сойдёт. Это была непозволительная вольность — он сыграл на том, чего нельзя было трогать.

— Войны не будет, — тем не менее, уверенно повторил король. — И ты вынуждена мне подчиниться. В конце концов, это моя — и только моя страна.

Марисса вздохнула. Она не обернулась на своих стражников, но было видно — рассчитывает на их присутствие тут. На то, что в любое мгновение её смогут защитить.

— Марта — твоя дочь, — выдохнула она. — Её убил этот ничтожный человек. Мы должны разрушить его страну. Воспользоваться его слабостью.

Она объясняла это, будто бы маленькому ребёнку. Галатье не понимал, почему — да и не осознавал до этого мгновения, что у Дарнаэла вообще могут быть какие-то слабости. В конце концов, король никогда не сдавался перед трудностями; он боролся и побеждал в любой из своих битв.

— Мы не будем нападать на Элвенту. Это рискованно.

— Сейчас нет. Страна в глупом положении. Дарнаэл застрял у Лиары Первой, вероятно, в плену, — Марисса вновь терпеливо улыбнулась и подошла ближе. Впервые Галатье увидел в её глазах что-то настолько мягкое — наверное, она действительно пыталась заручиться его поддержкой.

— Значит, надо ему помочь!

Галатье выкрикнул это, не успев остановиться. Марисса замерла — с распахнутыми глазами, со взглядом, который из мягкого за несколько мгновений превратился в острый, ядовитый и злой.

А после она ударила его по лицу — во второй раз за сегодня, но на сей раз грубо, наотмашь, потому, что не смогла сдержаться, а не потому, что так было нужно в воспитательных целях. Галатье было отшатнулся в сторону трона и привычно схватился за ткань мантии, чтобы не дать ей упасть, когда Марисса попытается её отобрать, но запоздало осознал, что сейчас жалкая зелёная тряпка не станет единственным, что она у него отберёт.

— Этот человек убил её. Мою Марту, — повторила она надсадно, и в голосе почувствовалось что-то вроде искренней ненависти. — И ты пытаешься оправдать его. Более того, ты надеешься ему помочь. Ты — жалкий человек, Галатье. Стража!

Она повернулась к нему спиной и отошла быстрее, чем король успел что-либо спросить. Но это было лишним, всё случилось прежде, чем он успел сдвинуться с места.

Стражники — особо верные, очевидно, схватили его за руки и куда-то потащили.

— Король болен, — так и не обернувшись, проронила она. — Ему надо будет отрезать и отойти от своего страшного временного помутнения.

Галатье закричал. Впервые за долгое время ему стало действительно настолько страшно, но ничего уже нельзя было изменить — вопль сорвался с уст сам по себе и потонул в тронном зале. Никто ему не поможет. Он знал это. Знал, что ни один подданный не пошевелит пальцем, дабы его спасти.

И теперь мужчина осознал — слишком ярко и слишком поздно, — что это король определяет своих подданных, а не подданные короля.

\*\*\*

Марисса бросила на карту лишь короткий, беглый взгляд. Пустота — в мыслях или в действиях, — давно уже не давала ей покоя. Каким бы никчёмным ни был её муж, всё равно он умел думать головой, даже если делал это не так уж и часто. Армия Торрессы малочисленна, много кто откажется воевать и дезертирует при первой же попытке королевы повести их в бой.

Подданные определяют своего короля. Подданные виноваты в том, что над ними стоит кто-то до такой степени слабый и глупый.

Она подняла взгляд на министров. Король определяет тех, кто окружает его. Король выбирает эту стаю глупых существ, которые не дали ей ни единого толкового прогноза за прошедший час. Что за управленческий аппарат, который позволил увести венценосного под

конвоём в тюрьму, даже не увести, а уволочь?

Марисса и решилась на всё это только потому, что знала: сопротивления не будет и быть не может, они слабы и бессмысленны.

— Покиньте меня. Королеве нужно подумать, — она выпрямилась и одёрнула полы чёрного, как смола, платья. Кожа казалась мертвенно бледной, а волосы и вовсе обесцвеченными, но траур был важнее её красоты; Марисса отказалась даже от всяческих попыток украсить себе и вернуть былые краски. Она позабыла о днях, когда её глаза сияли — пусть и не так, как флаги Торрессы. Она была хороша, соблазнительна и привлекательна, но даже тогда, когда все эти фразы были правдой, а не лестью, казалась недостаточно красивой для многих мужчин.

Бонье — отражение своего отца; она иногда ненавидела сына за то, что он был так сильно похож на него. На мужчину, толкнувшего её в эту бесконечную пропасть.

— Сын мой, останься.

Она опустилась на трон и скосила взгляд. На полу возле потайной двери остался кусок зелёной бархатистой мантии — Галатье так хватался за неё, что содрать жалкую тряпку так и не удалось, но этот маленький лоскут всё же свидетельствовал о том, что и королям приходится поддаваться.

Марисса откинулась на спинку удобного, довольно мягкого трона, сжала подлокотники, но обивка не позволяла острым углам дерева впитаться в её ладони. Ей не хотелось сейчас смотреть на Бонье, потому что это было больно, будто б он не её плоть и кровь.

Она властным жестом излишне худого запястья указала ему на стул, оставленный одним из министров. Ведь они не могли планировать военные битвы стоя, верно, им обязательно надо усаживаться, чтобы стать ещё полнее.

Женщина закрыла глаза. Её сын тоже побледнел, и теперь был ещё больше его копией; вероятно, за это его ненавидел Дарнаэл Второй, и Марисса тут его мысли прежде вполне разделяла. Она могла мечтать уничтожить короля Элвенты столько, сколько ей будет угодно, но одно в нём навеки было привлекательным: он бы живьём выдрал сердце из груди её покойного мужа, если б она не сделала это первой.

— Матушка?

Бонье обычно так не говорил. Но теперь, когда правила она, внезапно пропало фамильярное “мама” и прочие глупости, к которым она так успела привыкнуть за долгие годы. В конце концов, это её родной сын. И он заслужил на то, чтобы занять место своей покойной сестры, даже если Марту она любила куда больше.

Сейчас её мужа в живых не было. Остался только жалкий правитель, запертый в стенах собственной тюрьмы и полутень напротив, сын, которого она любила через силу — пыталась сделать вид, что он столь ценен для неё и натыкалась на отражение покойника в невидимом зеркале природы.

Но Марисса уже давным-давно отошла от мести. Она знала, что только власть сможет сделать её счастливой, и в этой затянувшейся игре в королеву не было ни единого миллиметра для ошибки. Не было и времени для того, чтобы вот так просто, легко, глупо сдать и перестать сражаться за последнюю капельку злата и потока силы.

В Элвенте этого хватало. А теперь, когда там не было и короля, когда они находились почти что в состоянии войны, Марисса знала, что обязана рискнуть.

— Ты же понимаешь, — вздохнула она, глядя на своего сына, — что твоя сестра погибла от рук этих жутких людей для того, чтобы мы боролись сейчас. Ведь понимаешь, сын мой,

правда?

Он поднял на неё взгляд — перепуганный, серый-серый. В Бонье не хватало цвета, зато было достаточно девичьего, несвойственного нормальному мужчине бахвальства. Это он получил от Галатье, от его бесконечных самолюбований.

В Марте не было столько всего отвратительного. Она была её, Мариссы, дочерью, кровь невидимого, потерявшегося в пустоте отца давно потеряла своё значение. Но в Бонье она ещё была ключом и иногда прорывалась сквозь маску подлости, нацепленной матерью.

Бонье не был сильным.

Бонье не был достаточно мужчиной, чтобы суметь противостоять матери.

И он верил. Верил в то, что Марта может стать символом борьбы, сражения, повести за собой, за своей мёртвой тенью армию.

Она закрыла глаза. Представлять себе кровь врагов, видеть, как пули пронзают их насквозь — равно как и тело её маленькой девочки, — было приятнее всего. Она уже видела, как их кровь, такая же, как и у остальных, не голубая-дворянская, а красная, превращающаяся в отвратительные сгустки и стекающая по их одеждам, будь то тряпки или дорогие камзолы.

Мечь двигала ею только в последнее время. Марисса знала, что её уверенности хватит не так уж и надолго; каждый раз она угасала и замыкалась на том, что у неё оставалось. Мести недостаточно для того, чтобы победить всех, кого она ненавидит.

Она едва сумела выдать из себя достаточно боли, чтобы уничтожить мужа. Но теперь, когда Галатье был за тюремной решёткой, когда страна подчинилась ей с такой лёгкостью, без настоящей борьбы, Мариссе стало так скучно, что она была почти готова отказаться от своих целей.

Женщина пыталась представить мёртвую Марту. Но её дочь навеки осталась маленьким ребёнком в памяти своей матери, не больше и не меньше.

Она поднимала взгляд на Бонье, но даже грубых, кровавых воспоминаний о том, что было и что будет, оказалось недостаточно для того, чтобы вспылать достаточной ненавистью, выместить столько боли на чужую страну, сколько только позволит безграничная душа оскорблённой женщины. Это всё было мифом, что она способна мстить и уничтожать.

Где там!

Но Марисса позволила себе коснуться приятных воспоминаний. Она знала, сколько всего сумеет получить от Эльвенты.

Не так приятно получить отрубленную голову Дарнаэла Тьеррона и его родственников, не так приятно окунуться в его кровь, как искупаться в потоке золота и бриллиантов, которых в безграничной Эльвенте хватает с головой.

— Знаешь, — обратилась она к сыну, — королева Лиара была права, когда перевернула своё государство и его правила с ног на голову. Когда Эльвента станет нашей, я поступлю точно так же.

Бонье, в последнее время и так слишком угасший, настороженно посмотрел на мать. В его серых глазах не было ни капельки интереса, зато страх она чувствовала сильный, пусть и не безграничный. Казалось, глупо пугать своего собственного сына, вот только Марисса давно перестала считать его реальной силой.

— Разве у нас есть сила, которая позволит завоевать Эльвенту? — проронил он. — И... Как же я, мама?

Ей хотелось сорваться и сказать, что Марта ни за что не задала бы настолько глупый вопрос, но это было излишне. Марисса знала, что кричать на сына бессмысленно, так или иначе, он всё равно продолжит творить глупости и совершать нечто бессмысленное. Беспольный, беспомощный, не такой, как его отец — и это единственное, что её радовало. Она не хотела видеть в своём сыне то чудовище, человека, который пытался контролировать всё и вся.

Но и его слабость тоже изматывала. Это было слишком — женщина устала биться о сплошную стену его бахвальства и самолюбования.

Слишком много от женщины.

Не той, которую ставят в пример всем в Эрроке.

— Знаешь, мой дорогой, если ты желаешь заслужить своё место под солнцем, — она подалась вперёд, — тебе придётся сделать так, чтобы у нас были силы. И чтобы эти силы оказались значительнее, чем то, что уже нашла я.

Бонье сжался. Казалось, это едкое, холодное замечание матери ранило его — боль отразилась во взгляде, а после смешалась с очередным оттенком самоуверенности. Он редко сдавался, и Мариссе казалось, что её сын ещё может оказаться полезным, даже если она успела в нём немного разочароваться. Никогда нельзя никого списывать со счетов, разве что Галатье, давно уже превратившегося в тень себя самого.

— Матушка, но кто будет помогать нам с твоей стороны? Ведь ты сказала, что сумела кого-то найти.

Марисса покачала головой. Всё это могло рухнуть от одного лёгкого касания, но ведь она умела бороться за свою победу и всегда получала желаемое. Даже если эта сделка всё ещё не гарантирует ей победу.

— Ты увидишь, мой дорогой, — женщина позволила себе улыбнуться, но холодно и равнодушно. — Совсем-совсем скоро вы познакомитесь.

\*\*\*

Марисса не видела её много-много лет. Да, хранила письма, да, поддерживала контакт, но не смотрела в глаза все эти долгие годы. Не могла скользнуть взглядом по её чертам лица, прежде красивым и молодым.

Конечно же, возраст не мог так выпить женщину. Не мог превратить её бархатистую, прекрасную кожу в серый, помятый пергамент, не мог сделать из ярких красивых глаз угасшие болотистые омуты, тонкую ладную фигуру сделать подобной переломанному дереву.

Но это могла сделать магия, и Марисса, выдавив из себя улыбку и обняв старую знакомую, возблагодарила богов, в которых не верила никогда, что она не коснулась волшебства, такого, как его получила Самаранта.

— Ты больше не служишь верно своей королеве, если решила прибыть сюда и помочь мне выступить против родного континента?

Марисса знала: их никто не может слышать. Она выпрямилась, позволила себе вновь стать царственной, и скосила глаза на зеркало, дабы убедиться — она всё ещё привлекательна, пусть и не безумно красива, как была Самаранта в далёкой молодости.

Они были почти что одного возраста, две закадычные подруги, вот только теперь Тальмрэ — совсем уж опустевшая оболочка себя былой, или, напротив, переполненная амфора, изрисованная страшными трещинами времени, знаковыми ожогами от пламени своего колдовства.

Она говорила, что потеряла многое. Но теперь Марисса видела ещё и отчаянную усталость в глазах бывшей подруги, с которой поддерживала вежливую переписку; Самаранта не говорила, что случилось, но королеве не приходилось слишком уж сосредотачиваться на её неслышимых мыслях, чтобы понять, что дело отнюдь не в её внешности.

Да, она была в прошлом весьма красива. Но это не имело значения; она обрела силу и довольствовалась ею.

— Твой враг, — проронила она, — покинул свою страну.

Голос Самаранты тоже потерял свою мягкость и былую прелесть. Теперь он звучал рвано, будто бы она давно уже молчала, а теперь получила возможность проронить несколько слов. Да и хриплые оттенки, прежде соблазнительные, обратились во что-то острое и дикое, преисполненное ненависти и жажды власти.

Самаранта пришла в тронный зал сама. Она же отошла в сторону, отстранила Мариссу, будто бы касание подруги к плечу было для неё чем-то невообразимым, а после села — равнодушно, будто бы не видела ничего перед собой, — на самый плохой стул из всех, которые были вокруг огромного стола.

Королева утром так отчаянно пыталась заставить своих советников придумать что-то новое, но они не смогли. Единственная её надежда — это Самаранта.

Волшебство, на которое так богата Эррока, никогда не царствовало ни на землях Торрессы, ни в королевстве Дарнаэла Второго.

— Я знаю, что он сейчас во власти королевы Лиары, — ответила Марисса, — и не уверена, что это та самая срочная новость, которую ты могла бы мне донести.

Она молчала в письмах. Она говорила, что может быть полезной, если Марисса пойдёт на сделку.

— Сейчас Эльвентой правит глупец, — голос Самаранты стал ледяным. — Существо, заслуживающее презрения. К сожалению, они пока что ему верят. Но если Дарнаэл не вернётся, это будет означать для страны скорое падение от первой же более-менее сильной армии.

Только теперь Марисса осознала, что женщина выбрала этот стул, лишь бы только повернуться к своей собеседнице спиной. Её прежде красивые, а теперь сухие, тонкие волосы спадали на плечи — кошмарно серые, хотя прежде они почти что пылали огнём, и скрывающие чёрную ткань такого же траурного платья.

Конечно же, Самаранта рассказывала о том, что отдала собственную красоту только для того, чтобы получить силу. Она теперь одна из самых могущественных у себя на родине, так она вещала в письмах, но сейчас Марисса не видела сильную союзницу. Разве эта женщина способна привести к победе целую армию, даже если она действительно сумеет вмешаться в ход битвы?

Если ещё пожелает, конечно же.

Конечно, королева Торрессы не знала, чего она ждала от гостя. Может быть, появления в облаке молний, может быть, уничтожения по пути всех вражеских городов, а может, полезного рассказа о том, как всё происходит там, за практически невидимой границей между Эррокой и Эльвентой.

Но в Самаранте оказалось слишком много боли. И теперь единственным правильным вариантом было вытолкать её за дверь и больше никогда не пускать на порог своего государства. Марисса знала, что с таким союзником она никогда не победит, знала, что её



основная сила куда-то пропала, если и вовсе была.

— От того, что Эльвентой правит кто-то незначительный, — проронила наконец-то королева, — армия не стала слабее. Даже без полководца человеческая масса способна раздавить то, что есть у меня.

— Не тогда, когда армия пойдёт с Эрроки.

Самаранта подняла голову, и её пустые — только морально, — глазницы сверкнули отчаяньем и кошмаром. Она жалела о том, что случилось, жалела о том, что рассказывает это, но Марисса не могла до конца понять, почему именно.

— Королева Лиара казнила Дарнаэла Второго сегодня на рассвете. Тэзра говорила, что всё уже предрешено, он никогда не сдастся.

— И... — Марисса запнулась. — Если Эльвента и Эррока столкнутся, им будет не до Торрессы. Но всё же, — она прищурилась, — мне казалось, что ты прибудешь не одна. Я была уверена, что у тебя есть довольно одарённая дочь.

Самаранта не отвечала довольно долго. Она всё кусала тонкие, превратившиеся в сплошную линию за долгие годы, которые женщины не видели друг друга, губы, будто бы пыталась разбить их бледность кровавыми полосами. А после — подняла голову и улыбнулась равнодушно и холодно, словно сумасшедшая.

— Это чудовище не может быть моей дочерью. Я родила обыкновенную девчонку, а не то, во что она превратилась.

Она коснулась маленькой иконки на своей груди, а после дёрнула её на себя — портрет богини упал на мраморный пол.

— Я больше не верю в неё, — проронила Самаранта, — а значит, ничто не помешает нам завоевать божественный континент, сестричка.

Марисса не отказалась бы разделить с нею эту жуткую уверенность.

\*\*\*

Бонье знал, что у него, скорее всего, ничего не получится. Он — не слабый хлипкий мальчишка, конечно, которого надо толкать в пропасть подвигов, чтобы он сыграл там отменную жертву, вот только и героя с него не будет.

Когда-то давно один из его друзей сказал, что есть прирождённые воины — что-то вроде Дарнаэла Тьеррона, вечно на коне, вечно со шпагой, безумием в глазах и отчаянным желанием пристрелить врага напротив, — а есть прирождённые любовники, которым стоит только покорять женские сердца. Бонье тогда смеялся и причислял себя ко второму типу, зная, что война с него никогда не будет, но мама видела жизнь иначе. Мама считала, что он должен вскочить на лошадь в безумной маске дикого мстителя и уничтожить весь мир за то, что они убили Марту.

Он так долго пытался избавиться от мысли о том, что рад смерти Марты! Ведь это его драгоценная сестричка, он должен любить её, он должен грустить по временам, когда они могли хохотать и бродить по улицам столицы, наблюдая за тем, как вокруг пролетает народ!

Это его младшая сестра, что искала бы защиты от своего кошмарного мужа и его дяди у него в объятиях, которая рыдала бы у него на плече, а после объявляла бы Кэору и Дарнаэлу маленькую войну, пока они наконец-то вновь не сойдутся в примирении.

Но Марта оказалась чем-то другим. В ней не было смирения, в ней не было любви к своему отражению в зеркале, хотя присутствовала страсть по отношению к противоположному полу. В ней было слишком много бунта, крови и чего-то дикого и отвратительного.

Бонье всегда осуждал её и, признаться, был так счастлив, когда наконец-то он оказался единственным, на кого могла опереться матушка, когда Марта умчалась в Элвенту, дабы начать новую прекрасную жизнь со своим драгоценным Кэором.

Но когда прошла ненависть к тем, кто отобрал у него сестру, он вдруг пожалел королевского племянника-стражника, пожалел, что тот не знал всю жизнь Марты от начала и до конца и сумел влюбиться в тот чистый, выдуманный, отёртый щёткой образ, на который на самом деле его сестричка совершенно не походила.

Кэор, может быть, заслуживал чего получше, но Марта ведь была ему родня, поэтому приходилось играть в грусть по её пропаже.

Теперь она погибла. Теперь Бонье уже не ломал комедию, но всё же, никак не мог избавиться от предчувствия, что Марта, даже её покойная тень, всё ещё стоит между ним и его счастьем. Ведь он мог спокойно унаследовать государство, Галатье бы сделал это — у него не оставалось выбора, — и править, оставаясь любовником, не воином.

Но мать пыталась отомстить, толкала его на поиск союзников, которых Бонье не знал даже, где можно встретить. Ведь он должен поднять всю страну, должен отыскать человека, способного убить десятков воинов Элвенты, а потом — целую толпу таких.

Либо придумать гениальный план, который с лёгкостью воплотится в жизнь, стоит ему только пожелать этого. Не самая простая задача, стоит согласиться с собственным мнением и перестать страдать.

Ему, может, и корона не нужна. Лишь бы матушка не ограничивала нормальную жизнь — но ведь они в трауре и они собираются воевать.

Бонье остановился и одёрнул рукава чёрной рубашки. Темнота в собственной внешности его теперь тоже раздражала, хотелось сорвать всё это чёрное, дразнящее, раздражающее, отбросить в сторону, вернуть себе маленькую капельку счастья или чего-нибудь в этом стиле.

Он стоял у фонтана и смотрел в грязную воду. Было душно — только-только прошёл дождь, и парень надеялся, что его обувь не покроется отвратительными мелкими пятнышками, что так просто затирают блеск и некое подобие сияния, на которое он всё ещё хотел бы надеяться.

Ему было грустно не из-за сестры. Сколько б Бонье не сопротивлялся, период грусти и скорби по Марте давно миновал, он давно уже смирился с тем, что с нею случилось. Казнили и казнили, бывшее не вернуть. Но он не мог вернуться, пока не отыщет способ завоевать Элвенту, а это практически нереально.

— Чем ты расстроен, дитя моё?

Бонье резко поднял голову. Ему казалось, что даже шейные позвонки неприятно хрустнули — парень опустил на бортик фонтана, опустил руку в тёплую воду, пытаясь смыть осколки своего страха хотя бы так.

Он плохо знал этого человека. Помнил, что он был магом то ли в Элвенте, то ли в Эрроке, но — смутно, и, кажется, тогда незнакомец выглядел чуть старше. Сейчас некоторые морщины на его лице разгладились, будто бы он отчаянно пытался смотреть прямо и ровно, не вызывать раздражения своими старыми бороздами на лице.

Его звали Тэллавар, это Бонье тоже прекрасно знал. Но сейчас от старого мага веяло какой-то неведомой силой, и он впервые подумал, что чары, может быть, станут универсальным ключом к победе.

— Я... — он запнулся. Что-то заставляло говорить не просто правду — чистую правду,

о существовании которой Бонье давно уже успел позабыть. Слова, которые вот-вот должны были сорваться с его языка, казались до такой степени логичными и простыми, что он никак не мог остановить себя. — Я должен... — сопротивляться — вот что надо сделать. Бонье старался сжать губы крепче, но маг смотрел на него так пристально и с такой надеждой.

Посол Торрессы закашлялся. Сейчас почти бесцветные, водянистые глаза оказались такими добрыми и мягкими... Он не мог подозревать этого мужчину в чём-то плохом, только не его. Хороший, приятный человек, который только и пытается принести себе маленький кусочек счастья.

И улыбка — солнечная и мягкая.

Бонье мотнул головой.

— Мне нужен союзник, — выпалил он прежде, чем сумел наконец-то замолчать. — Немедленно. Тот, кто сумеет уничтожить армию Эльвенты прежде, чем она разобьёт войско моей страны.

Тэллавар улыбнулся приветливо, мягко и по-доброму.

— Разумеется, мальчик мой, — кивнул он, и в голосе так и слышалась магия — волшебство убаюкивало и лишало всякой силы, воли к сопротивлению. Это не было чарами в обыкновенном их понимании, но разве так просто избавиться от преследующей кошмарной мысли, что его пытаются подставить и предать? Если даже родная мать давно уже позабыла о том, что у неё есть ещё один ребёнок, не только её распрекрасная Марта?..

— И вы...

Бонье запнулся. Как же глупо он поступал! Доверять кому-то подобному — пустое решение. Конечно же, старик не может помочь.

— Чего ты хочешь больше всего на свете? — спросил Тэллавар.

Бонье молчал. Желания рвались на свободу. Он мечтал, он жаждал, он стремился к чему-то далёкому и невидимому, и теперь божество, казалось, смотрело ему в душу. Больше не имело значения синее южное небо, тёплая погода и грязная вода в фонтане, был только Тэллавар, вопреки своему возрасту, тоже идеальный, добрый, мягкий и способный даровать счастье. Тэллавар, отступить от которого оказалось бы самым великим преступлением в жизни Бонье Торресса.

— Ты жаждешь, — отозвался Тэллавар, — чтобы я помог тебе. И когда я это сделаю, согласишься ли ты отдать мне часть своих желаний? Умение стремиться? Умение мечтать?

Бонье мотнул головой. Туман прошёл, его отпустило, и напротив стоял просто старик, старик, которому хотелось забрать способность хотеть чего-то столь сильно. Будто бы ему не хватало собственного желания получить больше и больше власти, можно подумать!

Но это такая глупость — желания. Бонье мог привести его к матери, Высшего, могучего мага, а взамен получить её прощение и перспективу занять трон. Разумеется, оно того стоило.

— Разумеется, — кивнул он. — В политике всегда нужно чем-то жертвовать.

Это было так просто — выйти на улицу и столкнуться с тем, кого он искал! Бонье знал, что победит матушку в этом маленьком сражении за власть. Он ведь приведёт могучего мага, это даже лучше, чем огромная армия! И отдаст ему в случае победы всего лишь какую-то капельку своей силы, то, что не интересует ни одно живое существо на свете — жажду власти, жизни... Да разве у Бонье её так мало, что он не может позволить себе поделиться? Ну, право, что за глупости!

Хотелось хохотать: облегчённо и успокоено. Разумеется, Бонье не позволил себе

подобную вольность, пусть смех почти уже сорвался с языка, ведь надо было оставаться осторожным и спокойным. Но всё это, право слово, было чистой воды глупостью, ведь он уже почти лидер, почти победитель.

Марта никогда не смогла бы сделать ничего подобного.

Она была бесполезной.

\*\*\*

Самаранта выпрямилась. Здесь, в тронном зале, теперь не было глупых министров, только она и Марисса. Не было тех, кто мог бы видеть Высшую Ведьму Вархвы, однажды потерявшую свою молодость ради сомнительных чар.

Она бросила холодный взгляд на разбитый медальон на полу. Портрет богини уже давно не был для неё священен, не после всего того, что она видела своими глазами. Не после того ужаса, который отражался в её глазах при виде родной дочери, а ещё: когда она слышала её слова.

— Марисса.

Её голос звучал уже властно и уверенно, ибо Самаранта была уверена в своей победе. В конце концов, не так уж и трудно развалить армию без полководца, если умно и вовремя предложить им сдаться.

— Что? — королева подняла взгляд на свою бывшую подругу, с которой теперь, казалось, разговаривать почти что боялась. Может быть, сказывалась внешность, может, Марисса вновь заигралась в повелительницу, но настоящего ответа Самаранта всё равно узнать не могла.

Она оставалась равнодушной ко всему. Главное — получить желаемое, а всё остальное добавится потом. Самаранта умела ждать. Она часто стояла на грани безумия, но теперь, когда осталось сделать несколько шагов к власти, была готова затаиться и делать то, что от неё требовалось.

— Ты ведь знаешь, — холодно промолвила она, — что я не могу помогать тебе просто так, верно?

Королева поёжилась. Может быть, она уже сто раз пожалела о том, что позвала старую подругу помочь ей, вот только почему-то Самаранта не собиралась успокаивать её. Так или иначе, страх всегда даровал власть.

Тальмрэ не стала закрывать глаза. Она и так могла с лёгкостью вызвать образы и воспоминания, те испуганные взгляды учеников, особенно мужчин. То, как они на неё смотрели.

Может быть, всё это — просто глупые совпадения. А может, она не могла избавиться от их образов по той причине, что слишком многое оказалось завязанным на Вархве и на её псевдопризвании.

Много лет назад Тэллавар отобрал её красоту. Она осталась с волшебством, она стала Высшей Вархвы, но этого до такой степени мало, если сравнивать с тем, что получила королева Лиара или Тэзра!

Самаранта знала, что маги живут долго. Она не старая, она ещё может всё вернуть и сделать так, как ей будет угодно. Даже если весь мир встанет на её пути, но ведь они побоятся.

Она провела пальцами по щеке. Кожа была сухой, как и обычно, и иногда казалось, что она начнёт опадать клочьями, будто сожжённая бумага. Но Самаранта не была чумной, не болела, просто слишком просто отдала собственную красоту, а теперь не знала, как

правильно вернуть её себе.

— Не можешь, — отозвалась Марисса. — Но я предпочитаю узнавать цены заранее. До того, как я соглашусь отдать тебе что-нибудь.

— Ты не будешь платить за это сама.

Самаранта сжала ладонь в кулак. Она смотрела, как натягивается кожа, как она пытается лопнуть — особенно там, где выпирают кости.

Да, они боятся её лица и её ладоней. Но они ещё не видели её без одежды — не видели выпирающих рёбер, вечно кровоточащих ран на руках. Не видели всего того ужаса, который Самаранта носила на себе вот уже столько лет. Они не слышали громкого вопля маленькой дочери, что увидела свою матушку в её новом, страшном виде.

Вот только её дочь — это не та, в чьи крики можно верить.

— Я жду, — всё же, Марисса не сдавалась. — И не собираюсь соглашаться, пока не услышу окончательный ответ, ты знаешь об этом, моя дорогая.

Она называла её так очень часто, даже слишком, в той далёкой молодости, о которой уже забыла Самаранта. Они тогда умудрялись отвечать без особых издевательских ноток, впрочем.

— Я слышу, — кивнула Самаранта. — Но ты принесёшь мне молодость.

Марисса усмехнулась. Ей хотелось отказаться и отрицательно покачать головой, но она кивнула как можно более спокойно и равнодушно — и именно в то мгновение, когда распахнулись двери.

Бонье стоял на пороге какой-то слишком уставший, перепуганный и забытый богами. Может быть, матери следовало уделять ему чуточку больше внимания — только сейчас Марисса об этом уже и не думала. Наверное, оказалось слишком поздно пробуждать уснувший вечным сном материнский инстинкт, который изредка пробуждался исключительно ради Марты, её драгоценной любимой дочурки.

Вот только значение имел не её сын. Не этот слабый, уставший юноша, который согласился помочь отомстить только потому, что пытался дотянуться до чего-то не своего, но до сих пор не мог придумать, как именно правильно будет это совершить. Нет, она не могла оторвать взгляд от мужчины, что стоял рядом с ним.

Самаранта же тоже больше не смотрела на Мариссу. Подруга — бывшая или нынешняя, — пообещала то, что было нужно, вот только даже она не могла предотвратить явление этого жуткого, отвратительного существа, в далёком и отвратительном прошлом развалившего всё, что так любила или ненавидела Тальмрэ. Это он виноват в том, что она родила на свет чудовище, и не имеет значения, кто именно был отцом ребёнка. В этом замешан исключительно Тэллавар. Он преследовало её каждый день её жизни, даже до их знакомства, и нашёл самую красивую девушку Вархвы не просто так — уже тогда зная, что именно ему будет от неё нужно.

Он был таким гордым, таким равнодушным, таким спокойным и добрым на вид. Но Самаранта часто видела, как Тэллавар предлагал свою помощь, как говорил, что сможет избавить от всех горестей на свете, и именно сейчас вновь наступило это мгновение. Разумеется, ему нельзя было верить, и женщина ждала того мгновения, когда Бонье скажет то, что она и так знала.

— Тэллавар согласился помочь нам, — выдохнул он зачарованно. — За ничтожную цену.

Самаранта ждала продолжения. Она не хотела спрашивать, не хотела замечать эту

радостную улыбку на лице своей глупой подруги Мариссы. Им всем нужна власть, они все хотят получить Эльвенту, а уж у кого это получится на самом деле — дело десятое, трудно понять прямо сейчас, надо выждать некоторое время. Но рано или поздно великая держава окажется в их руках.

Уничтожить Мариссу и Бонье будет очень просто. Но Самаранта предвкушала, как разорвёт на мелкие клочки Тэллавара, как отберёт у него то, что он однажды заполучил.

— Змеи мои, черти мои, — улыбнулся Тэллавар, — я призываю вас. Торресса должна победить!

Но Самаранта не могла думать о богине. Ведь много-много лет назад она клялась ей в верности, а потом увидела чудовище в доме своём. И Богиня даже пальцем не пошевелила, чтобы помочь своей верной рабыне

===== Глава пятьдесят пятая =====

Лиара казалась непривычно спокойной и мирной на фоне стандартных декораций; она даже ни разу не посмотрела в окно на толпу, что так и не разбрелась до конца ещё со вчерашнего дня. Дарнаэл не мог до конца понять, почему их так притягивал к себе замок — но, может быть, казнь была куда более забавным зрелищем, чем ему тогда казалось.

Он опёрся ладонями о подоконник и шумно выдохнул воздух, будто бы пытаясь призвать самого себя к спокойствию. Лиара на троне восседала всё так же царственно, разве что позволила больше не вытягиваться, будто та струна, при каждом постороннем звуке, как вчера, после казни, но Тьеррон не был дома, не был в родной стране и в собственном замке. Трудно расслабиться, если тебя ещё вчера пытались сжечь на костре.

Там, за окном, вновь шумел народ. Ему жутко хотелось вызвать собственную армию или хотя бы несколько подразделений и прогнать их оттуда, но всё же, трудно совершить это, если ты, по логике вещей, просто пленный мужчина в стране, в которой процветает матриархат.

Толпа пестрила слабостью. Дарнаэл смотрел на них через окно едва ли не с откровенным презрением: нельзя ведь так просто, так быстро сдаваться на волю невидимых божеств и королев. Не так уж и странно, что тут никто не сопротивлялся правлению Лиары и её чокнутой Высшей, если сейчас то тут, то там вспыхивают дикие, бессмысленные драки, а они всё ещё ждут того момента, когда можно будет бросаться друг на друга и казнить каждого неугодного.

— Это что ж надо было делать с народом, чтобы они сейчас вели себя, будто бы загнанная стая, которая жаждет развлечений? — прошипел король, отлично зная, что его всё-таки услышат. Лиара, разумеется, обидится, но ей давно уже пора привыкнуть к тому, что он лгать на пустом месте не может и не умеет.

— Прекрати, — королева выпрямилась, будто бы пытаясь убедить себя в том, что нет смысла дерзить мужчине, которого она сама же не позволила казнить. — Ведь ты знаешь, что мой народ довольно странно ведёт себя — и вёл всегда. Пусть будет так, как есть.

— Словно непонятно, что их странность обусловлена твоим режимом!

Лиара поднялась на ноги. Очевидно, ей сейчас хотелось как минимум схватить мужчину за горло или ударить по лицу, но — приходилось сдерживаться. Они выступали как союзники; королева так привыкла к своей постоянной советнице, что без неё, в гордом одиночестве, не могла справиться с навалившимися государственными делами.

— Это был не только мой режим, — она подошла поближе. Рыжие волосы, непричёсанные — непривычно для королевы, — и закрывавшие половину лица, казалось,

впервые радовали её своим хаосом, ведь можно было не смотреть Дарнаэлу в глаза. Лиаре не хотелось признавать это, но она упрямо чувствовала себя виноватой, ещё и до такой степени, что желание убежать усиливалось ежесекундно.

Дарнаэл не думал, что простить её будет настолько трудно. Вчера — когда она переступила через покойную Тэзру, когда обняла его сама, впервые за столько лет, да и ночью, может быть, потому, что поверила в новость, будто их сын всё-таки жив, — Лиара казалась чем-то само собой разумеющимся, привычным и понятным. Она была в его жизни не первый год и не первое десятилетие, и всегда привычно гордая, дерзкая и самоуверенная. Вчера было слишком больно, слишком просто и слишком кроваво; вчера что ей, что ему требовался кто-то, кто мог бы помочь зализать душевные раны. Перед кем не надо было скрывать добрую половину страниц собственной жизни за масками ледяных короля и королевы.

Сегодня, когда он вновь научился думать головой, а Лиара вспомнила о том, что осталась одна, без сумасшедшей советницы и точно такой же матери, всё это превратилось в слишком массивные стены. Дарнаэл знал, что отпустить её очередные преступления, большие и маленькие, будет для него слишком трудно — не просто дело времени, как казалось в далёком и не слишком прошлом.

Даже если речь шла о влиянии Тэзры на неё, Лиара очень часто делала сознательный и самостоятельный выбор, да и отнюдь не в его пользу. И то, что она сейчас нуждалась в нём — это только очередная временная мера.

Лиара хотела сказать что-то ещё — её губы уже распахнулись, кажется, в предвкушении очередной капельки яда, возможно, смертельного для осколков, которые остались от их отношений, — но снаружи что-то слишком громко взорвалось, гроыхнуло, будто бы развалилось на кусочки.

Дарнаэл автоматически, по привычке уже потянулся к поясу и одёрнул руку, будто обжёгся — шпаги не было.

Конечно, не осталось и кандалов, которые обычно так сильно сжимали запястья, но ему от того ни на секунду не стало легче. Лиара умела правильно, незаметно отбирать оружие, а сейчас он никак не мог подавить отчаянное, дикое раздражение, вспыхнувшее в груди.

У неё не было прямого выхода из тронного зала на площадь, как в Лэвье, но Дарнаэл устоять так и не смог. Лиара почти дотянулась до его плеча, но он привычно резко, будто бы отмахиваясь от чего-то ядовитого, оттолкнул её пальцы и рванулся к балкону этажом ниже.

Наверное, не следовало этого делать, раз он уж и мог наблюдать за площадью через окно: там бы и оставался.

...Толпа всколыхнулась в очередной раз, когда он распахнул дверь и вылетел, разъярённый, на балкон. Это — не его королевство, но осознание пришло запоздало, когда отступать было уже трусостью.

Кто-то вопил, кричал, и Дарнаэл знал, что над причиной очередной отвратительной ссоры между гражданами Эрроки долго думать не придётся. Матриархат, конечно же. Интересно, кого они сейчас пытаются порвать на кусочки?

Там, внизу, они вновь кипели — обычная пустая человеческая масса, позабывшая о том, каковы настоящие правила нормального, людского поведения. Дарнаэл ненавидел бунты, крики под дворцом и демонстрации, обычно разгонял их спустя две минуты после того, как начиналось что-то подобное, но ведь в его государстве можно было прийти к королю и рассказать ему о том, что о нём действительно думают. Поведать длинную или не очень

историю о том, что не устроило в правлении.

Но это была страна Лиары. Страна, в которой так просто никогда не бывает ничего. Страна, в которой порядки давно уже уничтожили самые благие намерения королевы, а теперь продолжают тянуть весь мир вниз.

Он не вникал в суть спора. Не знал, выйдет ли Лиара, или, как и в прошлый раз, останется на своём троне и пошлёт Тэзру, которой больше нет. Но Дарнаэл понимал, что, будь его королева плохой или хорошей, она никогда в жизни не сможет справиться с этой толпой одна. Она устала, забыла, как это на самом деле происходит, а самое главное, запуталась в бесконечных правилах несуществующего волшебства.

— Молчать!

Дарнаэлу часто приходилось говорить с армией — при всех её размерах, — и выкрикнуть это действительно громко оказалось не так уж и громко. Но он, наверное, забыл о том, как это — когда на тебя, будто бы на сумасшедшего, смотрит вся эта толпа.

Его народ поднимал на короля совершенно другие взгляды. Нельзя сказать, что всегда покорные, но они знали, что этот человек умеет ими править.

Прошло вот уже пятнадцать, кажется, лет с того момента, как он столкнулся с непонимающей, затихнувшей от неожиданности, бездумной человеческой массой. С тех пор, как недисциплинированная, потерянная в собственном эгоизме толпа соизволила поднять на него свои взгляды и ответить на его слова.

Эти были точно такими же. С дрожащими от раздражения руками, с плотно сжатыми руками — море возомнивших себя властительницами женщин, — и десятки среди сотен королев, десятки слабых, загнанных кроликов-мужчин, которых окружили всё тигрицы и тигрицы.

Домашние коты в рыжих пятнистых шкурах.

Они не слушаются, разумеется. Кто он такой, чтобы руководить этой толпой: ведь именно так сейчас думает каждый из тех, что стоят там, внизу, и ещё и всё так же отчаянно пытаются сделать вид, будто бы они властны и способны на многое.

Тут должна была стоять Лиара. Дарнаэл знал, что выпусти он её перед своим войском, результат был бы таким же.

Людам всегда нужно что-то доказывать.

Не тянуться за шпагой. Не пытаться нащупать отсутствующий револьвер. Он вышел сюда с пустыми руками, но как победитель — и должен выдержать линию.

Он, в конце концов, король огромного государства, и завоевал бы и это, дай ему кто ещё несколько свободных лет и чуть меньше проблем с любимой женщиной и детьми.

Дарнаэл сделал ещё один шаг вперёд, почти что подступая к краю балкона, и сжал ладонями перила, будто бы тот подоконник, о который опирался всего минут десять назад.

Взгляды — пустые или преисполненные ненависти, — говорили о многом. Ему не надо было слишком стараться, чтобы прочесть это. Да, сейчас его запястья не сковывали браслеты, сдерживающие магию. Да, он мог колдовать — если б умел делать это так, как надо, а не разве что растил иногда вазоны в любимом дворце или во время сражения. Но это не отменяло реакции народа, его пустой, слепой ненависти к нему или, может быть, ко всему мужскому роду.

Женщины — потому что им хотелось быть такими, как их королева. А мужчины... Всего лишь, наверное, потому, что им хотелось доказательства, будто ничего не могло сложиться иначе. Они ведь сделали так, как надо, так, как позволяли обстоятельства, тогда



почему кто-то смеет повышать на них голос?

Дарнаэл прищурился — ненависть, клокодавшая в душе, постепенно утихала и перетекала на кончики пальцев: явный признак того, что магия вот-вот окажется на свободе. Он терпеть не мог колдовать, а больше всего потому, что это каждый раз случалось бесконтрольно, но народ не впечатлить парочкой деревьев.

— Расходитесь, — проронил он. — Продолжения представления не будет. Вы могли бы не ночевать всю ночь здесь на площади, будто жалкие бездомные.

Остановить. Огорошить. Прогнать.

Это куда лучше действовало с его народом: там куда меньше диких кошек, возомнивших себя львами. Кого угодно, конечно, можно подчинить, но лучше б это было сделать проще.

Толпа всколыхнулась и вновь закричала. О недавних жертвах позабыли, и Дарнаэл осознал, что совершил огромную глупость, когда сделал первый шаг в сторону этого балкона. Лиара, может быть, и не самая лучшая королева, но она сумела натаскать своих псов.

Они растерзают его только потому, что не столкнулись с достаточным количеством крови и крика на площади.

Падения Тэзры было мало.

— Расходитесь! — повторил он громче, выпрямляясь, отчаянно пытаясь затянуть волшебство обратно. Никаких чар. Никакой крови. Нельзя допустить, чтобы всё повторилось и пошло по кругу, в конце концов, он не имеет никакого права устраивать кровавую резню.

Особенно если стоит один напротив целой толпы.

Они, казалось, вновь подались вперёд, а потом волной откатились назад. Дарнаэл не успел проронить ни единого слова, удивиться, даже мысленно, уже осознавая, что это подчинение не ему, не его приказу.

Тонкие женские пальцы сжали плечо — почти невесомо, но, впрочем, трудно было не заметить Её Величество в отражении страхов её же народа.

Она всё так же стояла рядом с ним, будто бы подтверждая, что просто поддержала чужое решение. Что это не она приказала им немедленно разойтись, разбрестись по уголкам родного государства или города.

Кррээ — не лучший город для проявления характера, так когда-то говорила его мать.

И почему ему по жизни так не везёт на представительниц женского пола?

— Ты сделал большую глупость, — шепнула Лиара, глядя в спины собственного народа. — И ты об этом знаешь, только всё равно никогда не признаешься.

— Ты могла бы позволить им сделать то, что они желают. Совершить всё-таки казнь. Чем не повод избавиться от меня? — холодно уточнил Дарнаэл.

Он так и не повернулся к ней. Со стороны, наверное, это выглядело как очередное заклятие несчастной нации, бедных, пострадавших от своей королевы, а теперь и от её избранника, эрроканцев. Сколько сумасшедших королей им ещё придётся пережить, прежде чем эту страну наконец-то возглавит кто-нибудь нормальный?

Они всё так же стояли плечом к плечу. Возможно, кто-то мог подумать, что это потому, будто они союзники, но Дарнаэлу меньше всего на свете сейчас хотелось смотреть ей в глаза. Их теперь разделяло слишком многое, и коротким, пусть даже и честным “я тебя люблю” это исправить будет слишком трудно.

Они столько лет пытались уничтожить друг друга, чтобы сейчас осознать бесполезность этой затеи! Может быть, даже жестоко было вот так просто брать и рушить устоявшиеся

планы — стоило, пожалуй, позволить всё-таки Лиаре себя убить и править дальше, так, как она привыкла.

Ему надо будет научиться проигрывать когда-нибудь в недалёком будущем.

— Пойдём, — тихо прошептала она. — Я не хочу стоять тут и разговаривать с тобой на глазах у моего народа.

— Они всё равно уходят.

Лиара покачала головой. Может быть, её пугала отнюдь не публичность и не то, что их могли услышать; чужие восклицания обычно разлетаются со скоростью ветра, а перемены подняли добрую бурю, да ещё и отнюдь не в стакане воды.

Дарнаэл знал, почему она не хочет быть на глазах у кого-либо. Они все пытаются продемонстрировать своё гадкое, бесполезное сочувствие, все, как один, бормочут что-то за её спиной, отчаянно пытаясь то ли высказать соболезнования, то ли продемонстрировать, что всё так же сильно, как и прежде, не одобряют.

Лиара укрылась в тронном зале до того, как он оторвал ладони от балконных перил и ушёл за нею. Она боялась своего народа, и не потому, что они могли её растерзать.

Они знали.

Пусть даже и не та толпа, которая стояла там, внизу, но сколько людей умудрилось услышать громкие крики Тэзры? А сколько придворных всё-таки сумело сложить два и два, чтобы сделать правильные выводы.

Их сын мёртв.

И королеву должны были бы поздравить с этим успешным избавлением, а Лиара боялась: то ли того, что сама это услышит, то ли того, что об этом узнают люди, то ли ответа самого Дарнаэла, будто б он мог удивиться.

Да, Шэйран был их сыном. Да, то, что должно бы обратиться для Лиары самым прекрасным праздником, стало для неё горем.

Всё равно это не было правдой.

Она бессильно коснулась кулона на шее и зажмурилась, вновь замирая посреди тронного зала. Мраморный пол должен был бы распространять звуки слишком хорошо; она привыкла, что никто не может подойти к ней со спины. Привыкла, что всегда защищена, всегда уверена в том, что творит, всегда умеет сражаться.

Всесильная королева Лиара не может допустить своё поражение.

Дарнаэл обнял её за плечи — хотелось, на самом деле, оттолкнуть, отойти, спрятаться от собственных мыслей куда-то, но он не мог. Не получалось.

Сколько они не пытались прежде сломать друг друга, всё это было таким бессмысленным и безрезультатным. А теперь, когда у неё почти получилось, она даже не могла достаточно насладиться собственной победой и продемонстрировать ему собственную радость.

Пальцы, казалось, против его собственной воли нащупали кулон.

Светлый. Без единой капельки крови.

— Всё хорошо? — Лиара боялась опустить глаза. Она устала, наверное, быть смелой, но это давно уже не имело значения.

Королевы не сдаются.

— Да, — рвано ответил Дарнаэл, касаясь губами её виска. — Всё хорошо. Я ведь говорил тебе вчера, что всё изменится.

— Мы вчера не только говорили, — она наощупь поймала его ладонь и сжала её в своих

тонких, хрупких пальцах.

О боги, он уже забыл о том времени, когда его Лиара ещё умела быть слабой.

Дарнаэл отпустил кулон и посмотрел на свою раскрытую ладонь — капля крови скатилась по пальцам и упала на пол, прямо на испещрённый волшебными линиями мрамор.

Но Лиаре это бы всё равно не помогло.

Ещё мгновение назад кулон был действительно белым. И Дарнаэл знал, что не имеет права ничего ей говорить. Даже если он ненавидел её ещё вчера — даже если это действительно было ненавистью, — они ничего не смогут сделать.

— Лиа, — его голос прозвучал слишком тихо, — ведь ты знаешь, что они все сейчас думают. Знаешь, что сейчас нельзя говорить правду.

Она скосила взгляд на кулон.

— Знаю.

Она видела кровавую каплю на белом фоне — но, казалось, не хотела до конца мириться с её смыслом. Да, опасность приближалась. но ведь это не означало смерть. И Лиаре впервые в жизни не хотелось быть тонким мудрым политиком. Просто слабая женщина. Слабая. Действительно. Наконец-то.

Она повернулась к нему и уткнулась носом в плечо — в простую тёмную рубашку, в которой не осталось ни капли королевского следа. Может быть, он нарочно пытался скрыть то, кем являлся, тут, в Эрроке, но Лиара так устала от бесконечной войны с человеком, которого любила, что могла просто подчиниться.

— Это всё равно так глупо, — выдохнула наконец-то она. — Будто бы моему народу есть дело до твоего сына.

— Мне когда-то казалось, что им нет дела и до меня, — отозвался совсем тихо Дарнаэл. — Но ведь мы ошибались, правда?

“Твоего” резануло по ушам почти незаметно, и она подняла на него взгляд своих привычно пылающих глаз, отбросила медную прядь с лица и мягко — как в далёкой юности, — улыбнулась.

— Я б тебя не казнила, — наконец-то выдавила она из себя фразу, которую пыталась произнести вот уже сколько дней. — Ни за что.

Дарнаэл кивнул.

— Я знаю.

Но это была ложь, впрочем.

\*\*\*

Лиаре жутко хотелось позабыть о том, что она должна была думать — искать новые решения для старых проблем, разбираться с тем, что свалилось на неё сейчас. Она даже не могла подыскать достойную причину того, что оставила Дарнаэла в живых, а ведь должна была. Оправдать — вот главная цель всего этого.

Дарнаэл, впрочем, казался умиротворённым — почти. Она редко видела его спящим, ни разу за последние несколько лет — Дар умудрялся проснуться первым и умчаться куда-то. Он, казалось, не хотел показывать ей свою слабость, или, может быть, знал, когда она готова вонзить кинжал ему в грудь.

Может быть, времена сейчас отступили на задний план.

Она должна придумать причину. Она должна сказать что-то подданным. Она должна понять, почему Тэзра так просто предала всё доброе, что в ней ещё было, ради прихоти — и ради власти, которую так мечтала получить.

Пальцы скользнули по его щеке — осторожно, чтобы не разбудить. Во сне Дарнаэл не казался беззащитным, как, может быть, ей хотелось бы думать; но так он не смотрел на неё этим особым осуждающим взглядом, к чему она уже почти привыкла. Так Лиара не видела его пронизывающих насквозь синих глаз, не должна была отворачиваться в сторону и мечтать раствориться в пустоте. Ей не было так дурно, в конце концов, и она могла унять собственную совесть.

Тэзра так ловко всё это стирала. Так просто убирала барьеры — почти щелчком пальцев, — так умело лишала её способности сопротивляться тому, что она сама называла здравым смыслом. Это было так просто, так банально — подчиняться коротким советам её драгоценной помощницы и верной последовательницы, что была готова сотворить всё, что только прикажет королева.

— У тебя слишком громкие мысли, — хрипловато прошептал Дарнаэл. — Даже я, плохой, мягко говоря, телепат, прекрасно их слышу.

Лиара содрогнулась. Она устала — и ей так хотелось чувствовать себя защищённой и не видеть в мужчине рядом вечного врага. Хотелось, чтобы всё наконец-то сошло на нет, это бездумное соперничество, которое приливами и отливами кружилось вокруг их жизни.

— Когда-нибудь, — вздохнула она, — я перестану считать тебя врагом, может быть.

— Возможно, — согласился без капли смеха в голосе Дарнаэл. — Мы поговорим об этом с тобой после, когда всё станет чуточку проще, так ведь?

Им надо было возвращаться в свою страну. Точнее — ему, ведь Лиара и так была дома, и так должна была править в полную силу, а не прятаться с мужчиной по углам, лишь бы только не взвалить на себя лишнюю дозу ответственности.

Вчера были последние сводки — и Лиара не знала, как Дарнаэлу удалось уснуть. Как он ещё мог целовать её, когда там правил кто-то другой?

— Удивительно, что мы всё ещё не воюем, — прошептал Дарнаэл, казалось, почти что в шутку. — Но нам надо отыскать нашу дочь, а потом думать о троне. И... — он коснулся кулона — Лиара так и не сняла его, пусть и испачкала кровью уже второе платье. — Ты знаешь.

— А Элвьента?

Он молчал. Он знал, конечно же, не до конца о том, что там происходит, но страна осталась бесправной. Пустой. Бесконечно длинной и преисполненной ужаса. Элвьента — это хаос, по крайней мере, Лиара была уверена в этом.

Но Дарнаэл умел расставлять правильные приоритеты.

Он почти ответил ей — но что-то громыхнуло под дверью, и Лиара быстро перевела на неё взгляд. Она содрогнулась — вполне заметно, — и вновь повернулась к мужчине, но всё же, продолжать разговор сил не хватало.

— А ещё мы должны выжечь всё, что осталось от твоей Тэзры в Эрроке, — выдохнул Дарнаэл. — Иначе больше вместе борьбы нам искать не следует.

Лиаре хотелось сказать, что она останется верна своим идеалам, так или иначе. Что обязательно вернётся к прежней политике, как только с их детьми всё станет нормально. Но этого дня хватило, чтобы понять: она больше не может.

Впервые за долгое время она была с ним действительно согласна.

\*\*\*

Мизель отшатнулась от двери, будто бы на неё только что пролили целое ведро холодной воды. Руки дрожали — от волнения, пожалуй, и она так отчаянно пыталась унять

сбившееся дыхание, что шума наделала, наверное, ещё больше, чем вообще могла себе позволить.

Казнь обернулась её персональным адом.

Девушка зажмурилась. Могла ли она подумать, что король Эльвенты останется жив после всего того, что подготовила для него Тэзра? Могла ли надеяться на то, что он промолчит, когда узнает её — ведь, в конце концов, слишком мал шанс того, что Дарнаэл попросту не запомнил ведьму, помогавшую Высшей.

Тэзра обещала не только благодарение богини. Она клялась, что послушание, повинование и исполнение всех приказов обернутся для Мизель дорогой славы, возможностью получить больше, быстрее, раньше. Но если б только Кредэуа тогда могла предположить, что королева простит своему пленнику убийство даже самой Тэзры!

Но всё это удивляло только позавчера, когда Её Величество не приказала продолжить казнь. Тогда, когда вера в её святость у половины государства рассыпалась пеплом.

Королева, предавшая свои идеалы. Королева, подарившая шанс тем, кто всё ещё не сломлен. Королева, решившая показать, что всё можно лишить и миром, с кровавыми пятнами на белом традиционном платье, сияющими глазами и решительностью, которой могла бы позавидовать каждая.

Мизель тогда смотрела на неё почти с восторгом. Лиара боролась за своё, как и каждая обыкновенная и не очень женщина, но Лиара ещё и умудрилась в этом сражении победить. Разумеется, это заслуживало поклонения. Разумеется, Мизель была готова благодарить небеса за то, что их королева правит ими. Разумеется, весь её восторг рассыпался уже на следующий день, когда она поняла, каковыми могут быть последствия.

Но они будут искать. Рано или поздно, Дарнаэл Второй припомнит и Тэзру, и всё, что она — они, — сделали.

Надо было уходить. Быстро — и чем дальше, тем лучше. Конечно, Мизель хотелось убедить себя в том, что королева не будет слишком уж присматриваться к своим былым и нынешним соратницам, но надежда не заставляла её становиться глупой — иначе она давно уже была бы мертва, наверное.

...Девушка остановилась уже у выхода из замка. Просто так бежать — это подписаться в каждом из совершённых и несовершённых преступлений.

Вновь собирались тучи. Толпа разошлась вчера, но сегодня уже новые — по другому поводу, — медленно сползались ко дворцу, и Мизель знала, что выходить в приметно светлом нельзя. Во-первых, она испортит платье, а во-вторых, её обязательно узнают как ведьму, подойдут и будут что-то требовать.

Жалкие мужчины!

Она не знала ни одного достойного — и не узнает, наверное. Все они — либо слишком слабы, либо слишком бедны, и даже пресловутый Высший, с которым Тэзра так старательно подписывала тайные соглашения, ничем ей не помог в страшный миг.

Тэзра выторговывала заклинания — Мизель знала только об этом. Она не вникала в подробности, только иногда приносила то, что просила женщина; у неё не было выбора, конечно же, даже если бы Мизель и не хотела этого делать.

Но ей было всё равно, сколько людей ради торжества чар должны погибнуть. Не слишком велика жертва; иногда следует отдавать ненужные долги божеству, требующему должную жертву.

И, разумеется, Мизель хотелось верить, что Эрри их слышит. Теперь, когда Тэзра

погибла, после всех своих попыток выйти на первый план и отстранить Лиару, девушке казалось, что либо жертвы оказались недостаточными, либо на самом деле великая богиня хотела куда больше мира, чем крови.

Либо её не существовало.

Мизель тряхнула головой — светлые кудри упали на плечи. Конечно, можно было заплести косу и облачиться в что-то тёмное, ведь пропала принцесса, и все они должны соблюдать траур, но если даже королева позволяет себе развлекаться с каким-то мужчиной, то почему Мизель должна ковать себя в кандалы невидимой боли?

Особенно если боль для неё чужеродная, далёкая, потерявшая всякую значимость среди перипетий собственной жизни.

Люди не расходились. Тут было слишком много мужчин, как заметила она — может быть, удачно для кого-то. Они то ли приветствовали Дарнаэла, то ли стремились спросить у него, как это возможно — убить Высшую и оказаться не на виселице, а в постели у королевы, или где он сейчас был.

Мизель закусила губу. Пусть бы делал, что угодно: но ей бы так хотелось не быть посредником торга Тэзры! Ведь проклятая ведьма сумела получить множество полезных заклинаний, а своей псевдоученице не оставила и крошек со стола, а всё от извечной жадности и желания заполучить больше, больше, больше.

— Ведьма! — закричал кто-то ей в спину, но девушка даже не обернулась. Она ведь не бежит со дворца, в конце концов, а просто идёт по своим делам в более тихое и менее переполненное магией Лиары место.

— Скоро вас всех перевесят! — завопил второй, и Мизель обернулась, оскорблённо зажигая пламенный сгусток на правой ладони.

— Моя королева защитит меня, — выдохнула она и сжала пальцы, заставив огонь осыпаться невидимыми осколками на землю. В конце концов, она сильная — и не поддастся на провокацию.

— От кого, от себя самой? — дикий гогот — какая жалкая кучка бездумных идиотов!

Рано или поздно, её догонят.

Тэзра оставляла магические петли. Но действуют ли они после её смерти? Все эти заклинания, которые она так щедро поливала слабой мужской кровью? Мизель знала, что должна проверить, и если всё успело пасть, то у неё нет выбора, кроме как бежать. Ей будет не за чем скрываться. Все стены разрушатся.

Но, может быть, часть ловушек ещё сохранилась. Мизель знала, что после смерти иногда они вмещают дар покойного: вдруг тут получилось точно так же? Достаточно только отыскать повод покинуть столицу и скрыться за одной из невидимых преград, и тогда её вряд ли кто-то поймают.

Она направилась дальше, игнорируя капли дождя, что превращали прекрасное белое платье в некое подобие тряпки. Надо было проверить хоть что-то. Самое сильное. То, что повергло больше всего жертв.

...Мизель едва не упала.

Конечно — они ведь не долили в заклинание последнюю каплю крови. Каплю крови, которая должна была принадлежать магу-мужчине, тому, кто способен на сопротивление. Дарнаэлу, очевидно — наверное, Тэзра собиралась взять его пепел или порезать где-нибудь, но заклинание она до конца так и не довела — ибо не успела.

Но ведь если волшебство не сработало, то там огромное количество следов, которые

совсем-совсем скоро станут видимыми. И не пройдет и нескольких мгновений, как её персональный мир развалится на мелкие кусочки и рухнет.

Она ведь вкладывала в те чары собственные силы. Она должна была помочь Тэзре в её деяниях и стать Высшей если не по силе, то хотя бы по статусу, обойдя всякие лишние преграды. Резерв всегда можно подтянуть, а Мизель была сильна — пусть и не так, как чёртова Лэгаррэ.

Теперь всё пропало. Её казнят — и правильно сделают, если судить из логики тех, кто должен был пострадать. Особенно Лиары.

И стереть ничего она не сможет. Знакомых-магов с сильной кровью у неё нет, а ловить короля или того же Тэллавара и требовать отдать капельки алой жидкости — это слишком глупо и бессмысленно. Разумеется, на это не пойдёт ни один адекватный человек, пока не узнает, зачем нужна его кровь.

Ну, конечно же, она не сможет ничего украсть. Потому что королева спрячет Дарнаэла за семью замками, да и кто такая Мизель, чтобы тягаться с Высшими без могучего покровителя?

— Эй, ведьма!

Мизель опять не оглянулась. Она даже не услышала крика в спину, наверное.

Если Тэзра не успела завершить не только одно заклинание, то почему она была так слаба в то утро, когда пала от обыкновенной стрелы? Высшую не так уж и просто убить, все прекрасно это знают. Да, Дарнаэл рискнул и победил, но ведь что-то подкосило её до такой степени, что стрела выполнила своё предназначение!

Ей не было куда уходить. Мизель давно уже забыла о местах, откуда она родом, и дома её никто не ждёт.

Но...

Вспомнилась Грета. Грета, самая верная последовательница Богини — она ведь сотни раз говорила, куда отправляется.

— Ведьма!

Их было много. Мизель не успела сосчитать, но — больше пяти, наверное. Она пробежалась взглядом по этому сборищу, недовольно, раздражённо скривилась и вскинула руку, запоздало понимая, что не успеет. Она, наверное, должна была отреагировать чуточку раньше, ведь любая магия может опоздать, но теперь жалеть было слишком поздно.

Мизель почувствовала, как шпага коснулась её шеи — чужая, очевидно, это даже не эрроканец, если он так смел с ведьмой, — и тут же осыпалась пеплом на землю.

— Вон отсюда! — рвано, резко выдохнул кто-то за спиной мужчин.

Голос был женским, но злым и властным. Мизель, впрочем, не пришлось ждать того момента, когда они бросятся в рассыпную, чтобы узнать владелицу этого высказывания. Монику она слышала не впервые — пусть ни разу до сих пор не видела её в ярости.

— Ты должна быть осторожнее, — Лэгаррэ прищёлкнула пальцами, будто бы показывая, что магия всегда под рукой. — Сейчас в столице крайне беспокойно, к тому же, после смерти госпожи Тэзры многие верят в то, что порядки поменяются абсолютно.

— А что, не так? — фыркнула Мизель. — Неужели Её Величество оставит всё так, как и было?

— Максимум немножко либерализирует систему, — голос Моники звучал почему-то устало. Она подошла поближе к сокурснице и будто бы почти выдохнула какое-то короткое предложение, но вовремя умолкла. Было видно, что и у неё есть свои секреты, но впервые в

жизни Мизель вместо зависти испытала некое странное, дикое чувство. Ведь это может быть полезным, разве нет? Особенно если Мон тоже хочет покинуть их распрекрасное государство — тогда можно будет объединиться и убраться отсюда вместе.

— Ай, ты наивна, — выдохнула она.

Уходить одной слишком опасно. Мизель об этом отлично знала. Если она потеряет бдительность, то какой-то очередной мститель с лёгкостью уничтожит её — разве сегодняшний день не стал тому таким ярким и прекрасным подтверждением?

— Почему же? Или ты знаешь что-то, чего не знаю я? — Мон склонила голову набок и посмотрела на бывшую сокурсницу.

— Зачем ей оставлять прежний режим, если она сейчас утешает чужеземного короля?

— Ну, не такой уж он и чужеземный... — тихо пробормотала себе под нос Моника. — Но... Стой, почему утешает? Вроде же жив-здоров.

— А, Тэзра говорила, Высший Маг Эрроки, Тэллавар, уничтожил-таки его сына. Я не уверена насчёт деталей, но... Мон?

Она не ответила. Казалось, на мгновение её лицо исказила гримаса боли, а после Моника опёрлась о стену и просто закрыла глаза, пытаясь отгородиться от всего мира.

— Мон?

— Ты знаешь, кто его сын? — хрипловато, едва-едва слышно проговорила Моника. — И... Ведь он не похож на человека, потерявшего своего ребёнка.

Она словно пыталась убедить себя в том, что всё будет хорошо. Что она ничего не потеряла. И никого.

Но Мизель не была настолько слепа.

Она знала, что, как нормальная подруга, попыталась бы сейчас успокоить, утешить Моника, убедить её в том, что всё будет хорошо. А как настоящая ученица Тэзры, она должна была выспросить о том, кто на самом деле сын Дарнаэла Второго, мало ли, вдруг это может как-то помочь ей в будущем. Но Мизель была слишком уставшей и слишком напуганной, чтобы вникать в эти лишние подробности чужой жизни.

Бежать — вот единственная мысль, которую она сейчас могла и вправду допустить в собственное сознание. Умчаться отсюда как можно скорее, чтобы больше никогда в глаза не видеть ни королеву, ни Дарнаэла Второго, ни этот город.

Кррэа — прекрасная столица прекрасного государства. Но Мизель не была готова променять на эти красоты собственную мелочную, ничего не значащую в масштабах страны жизнь.

— Слушай, Мон, — Мизель выпрямилась, осмотрелась в последний раз, надеясь на то, что к ним не направляется очередная кучка слишком воинственно настроенных селян, — ты не желаешь покинуть этот проклятый город и отправиться куда-то в далёкие края?

Моника, казалось, её даже не услышала.

Она поднялась на ноги, будто бы выкованная из железа, скрученная какими-то болтами, и медленно, едва-едва ступая, направилась куда-то в противоположную от дворца сторону. Её бледность вновь отступила, тёмные глаза больше не наполнялись слезами, а губы не дрожали, но всё же, казалось, девушка вот-вот потеряет сознание.

Их больше не трогали — ведьма, в конце концов, в любом случае опасный противник. И Мизель хотелось оставить Лэгаррэ тут, но она не смогла вынудить себя уйти. Мон может быть полезна. Она всегда была в фаворитках королевы, она знает, как покинуть эту дурацкую страну, в конце концов — почему-то Кредэуа казалось, что бывшая сокурсница —



единственный ключ от всей этой бесконечной загадки.

— Да что такое? — не сдержавшись, слишком громко, как на свою хрупкую внешность, воскликнула Мизель. — Куда тебя несёт?

— Там... Королева сказала... — Мон остановилась — будто бы не понимала, где она находится, и только теперь попыталась нащупать тонкую нить собственной реальности, обновлённой или, напротив, испорченной. — Она говорила, надо осмотреть границы города, не случилось ли что.

— Мне идти с тобой?

Мизель тоже шла туда — разве что с другой целью, но сейчас это не имело значения. Она попыталась натянуть на свои губы улыбку, поправила причёску, подняла голову — дождь уже прекращался, а белое платье всегда можно восстановить волшебством, — и направилась за Моникой гордой поступью, будто бы пытаясь продемонстрировать ей, насколько она способна держаться.

Но ей ведь не дорог некий чужеземный принц, о котором ничего не известно, и она не будет рыдать о нём ночью в подушку. Моника — будет, это уже видно, но такие глупости, как чужие слёзы, уже давно не волновали Мизель.

Ей надо спастись.

...Они пробирались вдвоём сквозь сплошную серость, старательно переступая через лужи, чтобы не превратить обувь в полнейшее безобразие. Становилось теплее — лето всё-таки, вопреки тому, что Кррэа — далеко не южная столица. Моника, впрочем, не любила солнце, поэтому надеялась на то, что тучи так и останутся на небесах и прикроют её от жарких лучей.

В слишком ярком свете она выглядела крайне глупо.

Они обходили столицу по кругу. Жестокое задание для хрупких девушек, но оно прекрасно вписывалось в концепцию матриархата. Наверное, Мизель не сказала бы и слова поперёк, если б только королева сейчас не ворковала в постели с посторонним мужчиной, которого собиралась казнить.

— Как думаешь, будет бунт? — Кредэуа наконец-то догнала свою сокурсницу — Моника шла не в пример быстрее, — и теперь скосила на неё взгляд, будто бы пытаясь пронзить им, понять, что таится на душе у слишком грустной девушки.

— Бунт? — неуверенно переспросила Лэгаррэ, а после отвернулась и больше ничего не говорила, словно смысл слов в очередной раз рассыпался в прах и скрылся от неё в пелене невидимого, холодного, липкого тумана.

Она не казалась уставшей. Напротив, скользила ладонью по стене-ограждению, пытаясь определить, нет ли каких-то помех, всматривалась в каждую щель. Мизель могла только представить себе, что её сокурсница устроит у врат — ведь то и вовсе слишком ненадёжная часть.

— Королева, — голос Мон прозвучал глухо, будто бы она плакала, хотя Кредэуа так и не увидела ни одной слезинки на её щеках, — сказала, что чувствует, будто кто-то приближается с этой стороны. Мы должны быть внимательны.

— Заклинание?

Моника в очередной раз не ответила. Обычно она не играла в бездумные тайны, тем более от своих союзников, которым так уверенно и упрямо притворялась Мизель, но сегодня внезапно разбудила в себе молчаливую тень.

Она приблизилась к высоким вратам с особой осторожностью — и отшатнулась, словно

ощутив что-то страшное.

Мизель хотелось рассмеяться — дипломированная волшебница ведь, а пугается какого-то слабого магического влияния, — но после она и сама почувствовала это.

Боль, крик, страх.

Холод.

Там, за стеной, прятался настоящий кошмар — но Моника упрямо тянулась к засовам, открывая их, один за другим, и Мизель знала, что она не успеет, да и не сможет помешать — ведь не вызубривала, в отличие от Лэгаррэ, заклинаний, которые бы сдерживали врагов. И не знала, на что именно запираются ворота.

Дерево не поддавалось. Ладони скользили по отполированной, влажной от дождя поверхности, но Мон не сдавалась, пусть так и не дождалась, пожалуй, желанной поддержки. Но Мизель могла думать только о том, чтобы вовремя вырваться — туда, на свободу, — или убежать в глубину.

Вот только заместо неизвестных врагов там стоял уставший, полумёртвый, с холодной, будто у мёртвого, аурой Антонио.

\*\*\*

Лиара не разводила огонь в камине вот уже несколько лет. Излишество, вытесненное магией — так говорила она, когда слуги предлагали свою помощь, и только смеялась, когда Дарнаэл предлагал всё же данным излишеством воспользоваться.

Но сегодня магия не согревала. Её не было и вовсе — казалось, ледяная вода до сих пор скользила по её коже, старательно смывая всю силу, и стоило закрыть глаза, как Лиара падала в бесконечный водоворот и захлёбывалась встречными волнами.

Она содрогнулась и зябко повела плечами. Всё равно, что лето — пришлось натягивать шаль и пытаться избавляться от ощущения слишком уж скорой смерти, что так и нависало над головой, тянуло к ней свои гадкие лапы.

Дарнаэл бросил последний колышек в огонь и поднялся. Его так сильно не трясло, но бледность оставалась — обычно король Элвэенты казался куда более здоровым, чем в это мгновение, и Лиара была готова поклясться, что дело не в том, что он переживает за их детей или за свою державу.

Сколько б Дар не пытался продемонстрировать, что это просто её личное глупое суеверие, она прекрасно знала: он тоже ощущал могильную, мёртвую ауру Антонио Карра.

Человека, мать которого он убил.

Лиаре хотелось бы вычеркнуть из памяти его громкий, преисполненный боли крик, хотелось забыть о том, как бедный мальчишка рухнул на колени, отчаянно пытаясь расшибить себе голову о каменный пол. Но у неё не получалось; картина всё так же раз за разом появлялась перед глазами, а она не могла заставить себя пожалеть о том, что тогда так просто переступила через покойную Тэзру и всю эпоху, которую она унесла за собой.

— В конце концов, его мать ненавидела его же самого, — голос Дарнаэла прозвучал резко, пусть и до этого тишину прерывало тихое потрескивание дров в камине. — Рано или поздно, если б у неё всё удачно сложилось, она бы избавилась от своего ребёнка, как от лишнего пятна на карьере, и ты об этом знаешь.

— Не ищи себе оправданий.

— Я не оправдываюсь. Но это не заставит меня пожалеть о том, что случилось. Будь у неё хоть десяток рыдающих сыновей, которые тянулись бы к своим отсутствующим шпагам, дабы перерезать мне горло за убийство своей матери, я всё равно бы повторил точно то

же, — Дарнаэл смотрел на пламя неотрывно, и Лиаре хотелось не замечать, как зелёные полосы вились по мёртвому дереву. Она знала, что волшебство короля вот-вот вырвется на свободу, пусть оно и не было таким могучим, как у неё самой, и знала, что это может закончиться большими неприятностями, но не демонстрировала своё беспокойство. — И ты знаешь, что не потому, что она угрожала мне смертью.

Лиара знала. Тьеррон — тот Тьеррон, которого она знала, — мог позволить отрубить себе голову, если б заслужил на это. Но он никому и ни за что не простил бы то, что натворила Тэзра.

Она могла бы продолжать пытаться его, могла бы сжечь его на костре — плевать. Но если речь уж заходила о его государстве, а уж тем более о детях, Дарнаэл не остановится. И Лиаре иногда становилось страшно — каково оно, получить соперника в виде самого могущественного короля континента?

Можно было сотни лет превозносить матриархат, вот только это не отменяло факта, что огромная Элвьента с лёгкостью поглотила уже множество держав, и если б не магическая мощь Эрроки, была б уже единым независимым государством континента.

Лиара ещё раз попыталась укутаться в шаль и перевела взгляд за окно. Она знала, что не может убежать от своих обязанностей в тёмную ночь, но смотреть на звёзды и верить было куда проще, чем сражаться со здравым смыслом.

Дарнаэл, казалось, почти перестал её ненавидеть. Тонкая нить сопротивления всё ещё висела между ними, но когда мужчина положил руку на плечо Лиары, она успокоено выдохнула и откинулась назад, позволяя обнять себя. Это было единственное, чем он мог помочь — единственное, чего она и вправду от него хотела. Ведь насколько проще жить, когда знаешь, что тебе есть на кого опереться, нет разве?

Она зажмурилась. Совсем-совсем скоро это закончится, и они смогут нормально существовать. Уничтожат глупые предрассудки, расколотят на мелкие кусочки надоедливый старый мир, верно? Так она думала в юности, когда вместо родного дяди, которого ненавидела едва ли не сильнее, чем её оскорблённая матушка, узрела молодого незнакомца.

Человека, перевернувшего всю свою жизнь.

Лиара не знала, любила ли она его все эти двадцать три — или двадцать четыре? — года. Но что-то, будь то верность или любовь, или, может быть, банальная уверенность в том, что она не встретит никого лучше, заставляло её оставаться его и только его все эти годы. Вопреки тому, сколько они ругались, расходились, как сильно ненавидели друг друга.

Даже правя разными державами, оставаясь номинально врагами, они любили друг друга. И сейчас она через это не могла переступить.

И сколько б Лиара не касалась тем матриархата, сколько б ни говорила родному сыну о том, что с него никогда не получится ничего толкового, в глубине души она прекрасно знала, что врала. Сильная женщина тоже мечтает иметь человека, на которого она может опереться.

Королева не была исключением.

И именно потому сейчас, наверное, она не жалела о смерти Тэзры. Это была последняя цепь — она сковывала её по рукам и ногам, не позволяла не то чтобы жить как хочется — не позволяла спокойно и свободно дышать, принимать решения, которые хотела бы принять Лиара.

Любить — и этого тоже не позволяла, пусть и не могла никак помешать.

Лиара вывернулась из горячих — даже слишком, — рук Дарнаэла и подошла к огню

поближе. Могильный холод того, что осталось от Антонио — это тоже творение его матери. И если королева просто не остановила свою советницу, то она же в свою очередь не думала ни о каких границах.

— Ты же понимаешь, — промолвил Дарнаэл, — что это не может так продолжаться. Наши страны в состоянии войны, достаточно кому-то повести армию на границу...

— И она расширится. Знаю.

— Откуда в твоей Тэзре столько сил даже после смерти?

Лиаре не хотелось объяснять. Дарнаэл был сильным воином и довольно могущественным магом, но он не учился этому. Колдовать тогда, когда придётся, использовать то, что получается — он не влезал в теорию, потому что всякий раз мог вытащить шпагу из ножен и перерезать своему противнику горло до того прекрасного мгновения, когда он дочитает длинную, даже порой бесконечную мантру.

Но она знала. Тэзра долгое время казалась странной, и Лиара списывала пятна на её платье на грязь только благодаря собственной слепоте, пусть зрение на деле у неё и было отменным. Кровавые жертвы — вот что это было. Кровавые жертвы, от которых нельзя отречься, от которых не избавишься просто так.

— Ведь ей помогали, — промолвила Лиара. — Ты видел кого-то? Кто-то участвовал в том, чтобы... — она запнулась.

— Да говори уже, — отмахнулся Дарнаэл. — Я ж не двадцатилетняя барышня и не посол Торрессы, чтобы бояться правды. “Пытки”. Славное слово, правда?

Лиара промолчала. Ей не хотелось признаваться в собственном стыде, в своём глупом, дурацком поражении, что едва ли не стоило ему жизни.

— Я не помню, — продолжил Дарнаэл. — Представляешь, я был занят тем, что пытался вытолкнуть твою сумасшедшую ведьму из своей головы.

Он всё ещё мог смеяться над тем, что было. Лиара не знала, как на это реагировать — ведь Дар вышел победителем из их смертельного боя. Дар выстрелил в спину. Дар уничтожил ту, что держала в страхе добрую половину страны — даже против воли королевы, пусть Лиара столько лет и вправду разделяла идеалы своей советницы.

Ей никогда не удавалось относиться к чужой жизни так легко, и она не знала, как убийца может так просто смотреть в глаза ребёнку убиенного.

Но у Дара получалось.

У неё — нет. Вся семья становилась жертвой — либо никто. А Антонио не мог вызывать у него тёплые чувства — как его племянник Кэор, скажем, — с такой могильной аурой. Ведь Дарнаэл чувствовал. Знал. Но он всегда куда больше думал о человеке, чем о том, каким от него повеет ветром на следующий день.

— Ты ведь пытался связаться со своими, да? — она отчаянно желала изменить тему, но Дар только коротко кивнул.

Лиара всё ещё соблюдала дистанцию. Всё ещё ждала, когда он начнёт мстить или, может быть, попытается перевернуть её жизнь в очередной раз.

— Я не уверен, что хоть что-то сможет миновать твою дурацкую стену, — отмахнулся он. — Сначала надо разрушить границу, и ты это прекрасно понимаешь.

— Без границы возможна война, — возразила Лиара.

— А с границей она наступит ещё быстрее, — Дар зажмурился. — Отправь туда магов. Пусть они хотя бы что-то сделают, если это будет в их силах. В конце концов, там остались люди.

— Они мертвы.

Королева повернулась к нему, будто бы ища подтверждения собственных слов, но Дарнаэл только равнодушно покачал головой. Он не верил в то, что его друг, его племянник, девушка, которую он принимал почти за дочь — боги, сколько детей у этого человека вместо двух положенных?! — погибли. Он этого не чувствовал.

— Нет, и ты знаешь об этом. Магия Тэзры могла многое натворить, но я думаю, что с этим всё равно придётся разбираться.

— Мне нужен каждый опытный маг!

— Так отправь тех, кто тебе не нужен, — повёл плечами Дарнаэл. — Ты ведь можешь.

Она могла.

— Сокурсницы нашего сына подойдут, — продолжил он. — Вполне. Ты всё равно боишься посмотреть им в глаза. Сказала б ребёнку, что он жив, и успокоилась бы, совестливая ты моя.

— А если... — Лиара потянулась к кулону. — Не думаю, что дело в этом. Моника воспитана на правильных идеалах.

— Ай! — махнул рукой Дарнаэл. — Тебя вообще Далла растила во всей строгости.

— И я верна матриархату, — королева вновь повернулась к огню, будто бы ища в нём защиту посреди лета.

— Да-да, конечно, — хмыкнул Дар. — В следующий раз повторишь эту фразу при подписании очередного мирного договора, — он скривился. — Отправь девушек к границе, может, справятся. И скажи, что он жив.

И Дарнаэл прекрасно знал: второй пункт этого короткого уговора она никогда не исполнит.

## ===== Глава пятьдесят шестая =====

Они смотрели на него, будто бы на безумца. Мастер — казалось бы, и вовсе безымянный, давно смешавший должность с собственным естеством, — широко распахнул глаза и тяжело дышал, будто бы пытался отрицать то, что видел. Но трудно игнорировать божество, когда оно стоит перед ними и смотрит строгим, уничижительным взглядом, осуждает за каждое действие, которое могло быть совершено в то или иное мгновение их существования.

— Вы будете продолжать спорить? — мужчина бросил короткий взгляд на портрет. — Или уже провели оценку личности и наконец-то рухнете на колени и прочитаете молитву, или что там мой культ предполагает в качестве реакции на проявление бога?

— Бог никогда не сходил с небес на зов наш, — отвёл взгляд Мастер. — Сейчас же он спускается в бранный мир только лишь потому, что мы запутались в жертвоприношении? Так скорее враги Их попытаются остановить изменения к лучшему и лик свой прячут за волшебством.

Темноволосый эльф фыркнул.

— Будь я в чуточку худшем расположении духа, мой дорогой, — предполагаемое божество равнодушно повело плечами — кажется, одяние братства было крайне неудобным, да и узковатым в плечах, — то сейчас бы наколдовал себе кнут и пробежался б за тобой по дороге, может эта стая несмышлёных остолопов... то бишь, дети мои, ведомые внутренним светом, разуют глаза и пойдут наконец-то за своим разумом, а не за постулатами пустой религии. Но я в хорошем настроении, тебе повезло, потому просто брысь отсюда, не мешай. Мне надо пообщаться с жертвой.

Шэйран поперхнулся. Если мгновение назад — даже вопреки внешнему сходству с портретом, — он считал этого мужчину просто похожим на бога эльфом, то сейчас сомнений не осталось. Рэй мало времени проводил с отцом в последние годы, но Дарнаэл Второй вёл себя точно так же.

Разве что ушей у него острых не было, но зато язык — более чем.

Мастер отчаянно пытался проронить хотя бы несколько слов, но божество продолжало наглеть. Оценив внимательным взглядом свой собственный портрет вместе с богиней Эрри, странно смахивающей на Сэю Тальмрэ, он хмыкнул и вновь обратил всё своё внимание на несчастного главу церкви.

— Вы ждёте мою дражайшую супругу? Её не будет. Она нынче занята, — хмыкнул мужчина. — Несколько месяцев назад, когда я в последний раз оценивал ситуацию, она как раз, позабыв о своём истинном облики, старательно соблазняла моего внука. Но вы обязательно с нею повидаетесь, потому что до добра эти глупые связи никого ещё не доводили. А нынче прошу покинуть нас и не смущать своим излишним присутствием.

— Я не... — Мастер запнулся. Будь это настоящий бог — он, наверное, колдовал бы уже направо и налево, а не стоял и смотрел таким язвительным взглядом.

— Ясно. Я как всегда должен делать всё сам, — прискорбно вздохнул мужчина. — Так... Молодой человек, за мной, — он легонько толкнул Шэйрана в плечо. — Пообщаемся за границами этих душных сводов, ибо... Тьфу! Проклятые пять столетий! О времена, о нравы — откуда у меня на языке это старьё? Чего стоишь, как столб, иди давай!

По правде говоря, Шэйран представлял себе Дарнаэла Первого как-нибудь иначе. Чем-то вроде несломимого лидера со строгим выражением лица, отсутствием чувства юмора и вечным стремлением к улучшению жизни в собственной стране и колдовству. Таким его показывали в книгах, на портретах изображали с суровым взглядом и чуть припорошенными сединой волосами — сорокапятилетним, когда Эльвента всё больше и больше разрасталась на просторах былых стран.

На деле от привычного, книжного образа не осталось ничего. Века и тысячелетия никак не повлияли ни на чёрные волосы, ни на не слишком склонный к пафосу характер, хотя Шэйран и не понимал, как этот эльф — острые ведь уши, — мог действительно принимать решения по созданию миров.

Дарнаэл шагал быстро, уверенно, не отходя от избранного заранее маршрута.

— Кхм, вам не кажется, Ваше... Божественное Величество, — Шэйран не мог гарантировать, что в его словах звучало уважение, а не некоторые оттенки издёвки, — что вы ведёте себя чуточку не по статусу и не по возрасту? Не как бог, существовавший с начала времён, а как... Хм, двадцатилетний мальчишка?

— Нет, куда там! Как сорокалетний почтённый король! — воскликнул Дарнаэл, а после обернулся и хитро прищурился. — Знаешь, сын мой, — на его губах заиграла улыбка, — перед тем, как пытаться влиться в струю жизни, я должен был вникнуть в суть дела, да и посмотреть хотя бы, как себя ведут. Что может быть лучше, чем пример поведения моего тёзки и ближайшего родственника? Не помню, сколько надо использовать “пра”. А то, честное слово, официоз прошлого меня выводил из себя, благо, я тогда не помнил все свои прежние жизни. А там, за гранью, скучно быть равнодушным и чопорным.

— Пример? С моего папы? — усмехнулся Шэйран.

— Предположим, да.

— Ну, я ж говорил. Как двадцатилетний ребёнок, — передёрнул плечами Рэй. —

Способный спорить со своими солдатами на золотой, по какой траектории будет убегать враг или сколько бутылок он сможет выпить за вечер...

Дарнаэл моргнул. Выглядел он абсолютно дезориентированным — прочем, если этот мужчина и вправду пять сотен лет провёл где-нибудь в безвременье, Шэйрана это не так уж и удивляло.

— Хм, — протянул он. — Значит, обычно короли себя так не ведут?

— Ну... — Рэй отвёл взгляд — чья б мычала, принц, называется! — Смотря какого короля брать за абсолют.

— Ай! — махнул рукой Дарнаэл. — Тогда меня всё устраивает! Нормальный король должен быть близким к народу! Вот я, к примеру... — он скосил взгляд. — Не стоит тебе этого знать, дурной пример заразителен...

— Вы к примеру что? — Шэйран, казалось, растерял хотя бы часть собственной холодности; сейчас, когда смерть не стояла за плечами, а дышать было легче, он почти унял дикое желание умереть.

— Это не имеет значения, — строго отозвался бог. — Имеет значение то, что кто-то отчаянно стремится попроситься со своей жизнью, ну уж как минимум с инстинктом самосохранения...

Шэйран лишь раздражённо, будто бы отрицая всё только что сказанное, повёл плечами. Хорошее настроение, и до того далеко не абсолютное — скорее попытки скрыть собственную усталость и абсолютное равнодушие, — развеялось, будто б его и не было, и Рэй теперь смотрел на божество так, словно увидел ненавистного врага, а не своего родственника и, в конце концов, родоначальника династии.

— Сейчас уже ничего не имеет значения, — хмыкнул наконец-то Тьеррон, будто бы пытаясь подчеркнуть собственную бесполезность, даже с теми намёками на силу, которые были в его жизни. — В конце концов, теперь, когда боги сходят с небес, простые смертные ничем помочь не могут. Я так понимаю, моё активное участие в чём-либо, кроме собственной жизни, подошло к концу, не успею и начаться?

Дарнаэл передёрнул плечами, будто бы пытался сбросить что-то мешающее ему со спины, и зло посмотрел на юношу.

В них тоже наблюдалось некое сходство — в глазах, в чертах лица, в построении фигур, — но бог не мог вспомнить ни дня, когда он мог так легко сдаться на произвол судьбы.

Разве что тогда, когда чёртовы эльфы столкнули Эрри в пропасть и попросились навеки с очередным источником конфликта — но после того столько всего успело случиться!

Источник вновь бушевал. Дарнаэл мог сколько угодно быть главным виновником в творении континента и земель вокруг, но магия была его частью — не рабом. И ежели Океан в очередной раз сорвётся с цепи, если вдруг сила окажется не в тех руках, проблем им не избежать.

Особенно если все долги прошлого придётся отдавать сейчас.

— Я не для того оживлял тебя, чтобы сейчас об этом слышать. У каждого есть своё предназначение, — Дарнаэл говорил холодно и зло, от доброжелательности в его тоне и жестах не осталось ни малейшего следа. Можно было подумать, будто бы мгновение назад не этот человек — да какой человек, эльф, — смеялся и шутил над собственным появлением в центре храма, посвящённого ему же самому.

Шэйран бросил на него короткий, равнодушный, абсолютно убитый взгляд.

— Во власти божеств возвращать мертвецов с того света? Надо было оставить меня там.

Дарнаэл Первый только расправил плечи. Дурацкая ряса служителя Религии словно сама по себе сползла с его плеч и рухнула к ногам бессмысленной серой тряпкой, открывая взгляду и сапоги с грязными пятнами, словно он только-только с дороги, и шпагу — почти как у Дарнаэла Второго, разве что немного старомоднее.

— Во власти божеств залечивать старые раны, — проронил он. — И мотивировать наследников их дара хотя бы иногда маяться делами мира сего. Твоему дару ещё предстоит послужить на пользу этого погрязшего в собственных грехах материка.

— А твой дар идти к этой благой цели не может?

Рэй не верил. Это было видно. На фоне красот эльфийского острова он казался тёмным мрачным пятном, давно уже утерывшим охоту к собственному существованию. Не положено в двадцать три года вести себя, будто столетний старик, уставший от всего, что его окружает.

Дарнаэл перевёл взгляд на буйствующую зелень за его спиной. Ньевидд — это всего лишь временный остров, который должен был рухнуть при творении всего остального, и они сделали большую ошибку, хватаясь за давно знакомое, будто бы за крепкую и понятную основу. Сейчас, спустя много-много тысяч лет, он, наверное, поступил бы иначе, но только после того, как увидел всю жизнь человеческую своими глазами. А тогда для молодого эльфа, мечтающего остаться с любимой, это оказалось слишком тяжёлым испытанием — бросить его в бесконечно глубокий мир бессмертия и вынудить умирать или творить что-то новое.

Источник никогда не выбирал, кому отдавать силу. Единственное, что Дарнаэл тогда знал о магии, так это то, что она творится с человеческой — эльфийской, — ненависти, и формирует замкнутую систему.

А сейчас, когда прошло уже столько лет, он понимал: маг с неограниченным резервом не больше чем человек, способный слишком быстро конвертировать чужую боль.

Вот только кому-то это дано, а кому-то — не совсем.

А ещё — и это было проверено многими сотнями лет, — он отлично понимал, что есть люди, способные воспринимать волшебство, и люди, которые не могут дотянуться до нитей. У Шэйрана был огромный простор, и если б ему нормального наставника и лет десять долгих трудов и учёбы, он смог бы одним щелчком пальцев обратить ненависть человеческую в абсолютное подчинение, обратить все чувства, до которых сможет дотянуться, в огромную бурю, способную разнести весь их мирок.

И именно по этой причине Дарнаэл знал, что никогда не будет рассказывать Рэю о том, в чём таится настоящий их дар. Пусть он считает это внутренним резервом, который слишком быстро пополняется, пусть.

Но это не значит, что ему можно оставаться на нынешнем уровне — магия ведь никуда не денется. Рано или поздно его способность вытягивать силу на себя разорвёт его самого и всех окружающих на мелкие кусочки, и Дарнаэл будет первым, кого следует в этом винить.

Он протянул руку, пытаясь призвать силу, таившуюся в источнике. Магия переродилась много-много раз; это тогда, в том далёком прошлом, они тянули свежую силу. Вся тьма волшебника теперь пряталась в его душе, множество погубленных поколений — чем больше, тем лучше.

Не хотелось даже предполагать, почему обыкновенный мальчишка родился с этим кладезем мрака, но его это ломало. Не позволяло поднять голову и бросить вызов самому себе. Не позволяло бороться.



Ничего не было. Дарнаэл знал, почему: потому что у него иная магия. Он творил этот мир, он не может питаться тем, что от него осталось.

Его жилу силы нельзя перерезать, но перехватить — можно.

— Видишь? — даже слабый огонёк пламени, такого привычного и родного, не вспыхнул на кончиках пальцев. — Видишь, Шэйран, как я могу колдовать?

Дарнаэл мог только чувствовать. И видеть — распахнутые широко невидимые ворота, что пропускали силу в сознание молодого мага, что стоял напротив него. Вот только если он не научится этим управлять, то сойдёт с ума совсем-совсем скоро.

— Тэллавар думал, что забирает твой дар, — проронил он, сжимая ладонь — невидимый пепел так и не осыпался своими тонкими хлопьями на землю, не коснулся сочной зелёной травы, которую они так нагло топтали своими ногами вопреки всем эльфийским заповедям, — но это ему не под силу. Нынешняя магия крайне похожа на глупый суррогат; каждому с рождения выделяется несколько капелек силы, и они пополняют её с окружающей... — хотелось сказать о ненависти, но Дарнаэл попросту проглотил конец предложения. — У тебя всё иначе. Ты сам как источник; ты пользуешься своим даром, но глубина его таится не в тебе, а в источнике, ворота к которому всегда открыты. Ментальные, я имею в виду. Можно отобразить то, что таится в глубине, но нельзя отобразить то, что привязано к твоим мыслям.

— Это не оправдывает наличие у Тэллавара силы.

— О, — Дарнаэл усмехнулся. — Я влил в границу всё, что мог тогда, в последний день собственной очередной жизни.

— Не первой?

— Даже не десятой, — он поднял голову и долго-долго смотрел на ясное небо, словно пытался отыскать в нём хотя бы одну знакомую черту, но так и не смог. Взгляд его был отчаянно разочарованным, будто бы мужчина окончательно потерялся в том, что должно было стать частью его собственной жизни. — Ведь я должен был оставить где-то ключ к границе, верно? Он был в усыпальнице. Это дало Тэллавару весь тот безграничный запас, который я влил в эту бесполезную зелёную стенку.

— Тем не менее, это никак не объясняет тот факт, почему я пережил перелом позвоночника и сейчас стою на ногах, — вздохнул Шэйран.

Небеса — такого же цвета, как и его грустные, холодные глаза, — заботили его куда меньше. Он, казалось, мог смотреть только на траву, а Дарнаэлу, чувствуящему его гнев, хотелось посоветовать поступить наоборот. Не то чтобы облака могли избавлять от всей тяжести, которая накопилась у человека на душе, но, по крайней мере, от кипящего в крови наследника престола Эльвенты волшебства они не начинали множиться и тянуться куда-то вверх.

Трава уже доходила до колена, пусть и была аккуратно подстрижена всего несколько дней назад, и Дарнаэл не хотел даже представлять себе, что будет, если не унять его силу как можно быстрее.

— Это не объясняет и тот факт, почему ты до сих пор дышишь и говоришь с перерезанным горлом, — повёл плечами Дарнаэл. — Тем не менее, когда у меня отобрали последнюю нить старой жизни, я смог возродиться в новой — мог по первому желанию, и пожелал, как только у меня появился такой шанс. Теперь это не зависело от желания источника.

Он мог ещё добавить, что теперь это не зависело и от того, жива ли его Эрри в сие

мгновение. И теперь он не терял память, потому что Тэллавар взломал старые печати своего же проклятия.

— И ты вернулся.

— Вернулся и исцелил тебя тем, с чем пришёл, — отозвался он. — У меня был выбор, впрочем, уйти с этой ограниченной магией и неограниченными воспоминаниями, либо заживить твои раны, устроить волшебную вспышку, до полусмерти напугать несчастного эльфа и вернуться таким, как есть. Эльфом без силы. Пустым внутри. Всё, на что я способен — это разве что болтать и наставлять тебя на путь истинный. Ну, и фехтовать немного, ежели будет нужно.

Рэй вздохнул. Это всё казалось настолько же правдивым, насколько и невероятным, но он не хотел ничего слышать. Усталость переходила через всякие границы, и он едва-едва подавлял раздражение, кипевшее в нём, будто бы лава в вулкане.

Парень знал, что не должен так просто уходить, но, тем не менее, так и не нашёл ничего лучше, кроме как повернуться спиной к Дарнаэлу и медленно двинуться по траве куда-то в сторону моря.

— Стой!

Дарнаэл кричал не потому, что им надо было продолжать разговор — просто его совершенно не радовало, как вытягивалась и рвалась к небесам трава там, где ступал Шэйран. Если магия выходит из-под контроля так просто, значит, он уже пресыщен и едва-едва сдерживает своё волшебство, чтобы не выпустить его на свободу. Болезненный, отчаянно неприятный процесс, с которым надо как-то бороться — но он на самом деле не знал, как заставить парня слушаться.

Бог оглянулся на храм, посмотрел на него с неожиданным раздражением, будто бы мечтал, чтобы вся эта махина немедленно рухнула, обратилась в элементарную пыль, да и всё тут. Казалось, храм был самым настоящим средоточием ненависти; пустой, бессмысленный, никому не нужный.

Древний и обновлённый, он всё равно так и не научился выполнять свои настоящие функции.

— Остановись, кому говорю! — Дар всё так же стоял на месте, зная, что не стоит на хрупком, едва держащемся в мире острове слишком злить подобный источник волшебства — во избежание взрыва, в конце концов. — Твою магию надо научиться контролировать и использовать, а не спускать всё на самотёк, ты слышишь?

Шэйран обернулся. Казалось, только сейчас он увидел огромную траву — ровно по его следам, — и только сейчас осознал, насколько это всё может быть опасным.

— Тебе не хочется вернуть всё на круги своя? — недовольно продолжил Дарнаэл. — В конце концов, отобрать у Тэллавара то, что он получил незаконным путём... Есть же у тебя родители, родственники... Та милая черноволосая девица.

Шэйран только плотнее сжал губы. Казалось, Дарнаэл и вправду попал в точку — недовольство, отчаянное раздражение так и читалось в чертах лица Рэя. Он отчаянно хотел забыть и о родителях, и о сестрице, и о той, которая умудрилась запасть ему в сердце. Будто бы ведьма — какой бы она ни была, — способна обратить внимание на даже самого всемогущего мужчину на свете.

— Мне хочется избавиться от этого. Всё равно магия не приносит никакой пользы в моей жизни, так пусть она будет у кого-то другого.

Дарнаэл покачал головой. Он знал, откуда это всё. Знал, что чары мёртвых тянут к

смерти — и понятия не имел, как убедить слишком потерявшегося, слишком необученного внука, что надо стремиться к свершениям, научиться колдовать и, в конце концов, вернуть всё на круги своя.

— Ты не можешь от этого избавиться. Ты можешь только обуздать это, — покачал головой Первый. — И выбора у тебя нет.

Рэй усмехнулся.

— А если я не хочу?

— Мы в любом случае вернёмся к этому завтра, — голос звучал почти обречённо. — И обязательно поговорим насчёт того, что делать с твоими чарами, я обещаю. Но постарайся, пожалуйста, найти где-то место, где можно лечь спать, а не влезать в неприятности.

— Обещаю, — Шэйран усмехнулся. — Тэра найду, в конце концов.

Он всё равно говорил устало и равнодушно, и Дарнаэл Первый знал, что ничего с этим не поделает. Но, так или иначе, кроме расстроенного, ступившего одной ногой за границу смерти Шэйрана Тьеррона у него было ещё множество проблем.

Мастер, к примеру, как излишне рьяный слугитель Религии.

\*\*\*

Он был всё таким же синеглазым и темноволосым, когда покидал храм, и растворился в ночи без единой капельки волшебства. Он был всё таким же богом с давно известной картинки, но разве внешность определяет божество? Разве можно быть уверенным в том, что это — бог, только по одной простой причине — именно он изображён на предательской фреске?

Мастер никогда не верил этому. Он знал, что и взор человеческий бывает обманчив, и эльфы иногда ошибаются. Они могли изобразить красивого мужчину, пришедшего к ним во снах, аки бога, но это не делало его тем, кто сотворил континенты и среди Океана сотворил нынешние земли. Люди не были доскональными, конечно, но всё же, и они не казались настолько несовершенными, чтобы быть творением рук обыкновенного, не одарённого чарами эльфа.

Его спокойствие нарушил тихий шелест. Эльфы — даже этот неведомый, бог он или человек, — всегда ходили бесшумно. Змеи — черти богов, — пусть и казались могучими, всё равно не могли передвигаться так же, как и их прародители. Шипение, шелест одежд выдавал их с головой, и Мастеру не пришлось и оборачиваться для того, чтобы понять, кто стоит за его спиной.

— Я слышу зов, — промолвила Грета, потрянув головой. Её волосы — странного, тускло-рыжего цвета, — рассыпались по плечам, наконец-то свободные от глупых причёсок, и она запрокинула голову, всматриваясь во мрак ночного неба. — Сильный зов.

— Боги?

— Да, — кивнула она. — Я не из древних, и не видела Богов своими глазами, но помню, что когда рождалась — ощущала это. Слышала, как меня зовут, как меня утягивает куда-то в неведомую даль, будто бы чары всюду, где только можно достать рукой. Потрясающее чувство, просто невероятное, будто бы ты рождён для того, чтобы служить Им, и наконец-то это стало реальностью.

— Неужто правда? — Мастер закрыл на мгновение глаза. — Жертва, значит, не нужна, и они не желают принимать её. Им не нужно... Но если тебя так тянет к Богам, значит, у них есть для тебя задание. Почему ж ты находишься тут, а не рядом со своими повелителями, не ждёшь, пока наконец-то они огласят тебе, чего желают?

Грета молчала. Казалось, в ночной тишине не слышалось ни единого звука, даже для эльфийских ушей. Притихли травы, ветер — всё!

— Всё это очень странно. Нэмиара уверена, что это не такой зов. Говорит, что, как эльфийка, она сильнее в плане определения Силы, и что это — косвенное и порочное. Но я уверена в том, что зов не может быть лживым. Тот, кто может призвать к себе Змей, и является нашим творцом.

Мастер кивнул. Этому змей всегда учили в храме — пусть вот уж десятки тысяч лет прошло от сотворения мира, они должны повиноваться своим Богам и не отступать ни на миг от их вечных правил. И если Боги призывают, надо идти. Ведь змеи созданы только для служения, для того, чтобы выполнять приказы, эти вечные спутницы Бессмертных!

— Нэмиара слишком много времени провела вдалеке от родной земли. Верь своей душе, Грета, — покачал головой эльф. — Столько лет я служу религии — и уверен в том, что этот человек, будь он хоть сто раз похожим на фрески на стене, представься хоть миллион раз божеством, может оказаться просто эльфом с преступными намерениями, чьё имя созвучно с нынешним королём Эльвенты. Ведь он даже не продемонстрировал ни разу нам свои могучие чары, а они должны у него быть!

— Он и вправду похож на нынешнего эльвентского короля, — протянула Грета. — И на одарённого тоже. Говорят, короли Эльвенты произошли от нашего божества, и его портреты развешаны по всему дворцу — правда, с круглыми ушами.

— Он может оказаться просто достаточно древним эльфом, однажды соблазнённым человеческой женщиной. Или наоборот... Кто знает. В любом случае, это лишь жалкая уловка, призванная сбить нас с истинного пути. Если тебя призывает бог, ты должна подчиниться ему. И остальных призвать к истинному служению.

Грета коротко кивнула. Она и не думала спорить с Мастером, вот только Нэмиара и этот жалкий полуэльф Тэр — все они были ослеплены схожестью новоявленного Дарнаэла Первого с фреской на стене. Будто бы его отсутствие чар не открыло им глаза на правду! Разве ж можно быть до такой степени слепыми, чтобы не замечать очевидных вещей?!

\*\*\*

Тэравальду хотелось скрыться. Сейчас — и это было почти правдой, — он чувствовал себя отвратительным предателем, правда, никак не мог понять, кого именно предал — принца или свою собственную веру, прежде такую значимую, такую абсолютную, такую единственную и неповторимую для него самого.

Здесь, на острове, всё было таким понятным и логичным, таким прозрачным — он не мог сомневаться в том, что сделал, он ясно видел все мотивы и понимал свои ошибки. Но то, что приносило эльфам счастье, эта бесконечная ясность и точность, ему, наполовину человеку, доставляло лишь дополнительные страдания. Будто бы существование в вечной муке!

Ему дико хотелось повернуть время вспять и сделать всё так, как было бы правильно. Выступить только на одной стороне. Но он — полуэльф, не цельный человек, равно как и не цельный остроухий — это больно, постоянно существовать на грани, но ведь это и есть его природа. Сколько бы ни старался Са побороть это, вряд ли у него действительно что-то получится.

Он попытался абстрагироваться от окружающего его маленького мирка, словно Ньевидд растворился в далёкой пустоте, и мыслями рванулся к прошлому. Мастер служил религии, но его методы осуждал сам Дарнаэл Первый — боги сходили с небес и смотрели на Тэравальда,

разговаривали с ним один на один, а он пытался ещё выбирать между ними и своим наставником!

— Ты всё ещё полон сомнений, — женский голос показался ему подобным журчащим ручейкам. Тэравальд обернулся — Нэмиара застыла за его спиной, вся такая ровная и прекрасная, гибкая, переменчивая, но в тот же момент до ужаса стойкая и правильная.

Она улыбнулась ему — нежно, но совсем не открыто, — и Тэравальд поймал себя на мысли, что не сможет перейти на сторону, вражескую этой прекрасной эльфийке.

Он — лишь жалкий полукровка. Даже хуже. Человеческого в нём слишком много, да и уши наполовину острые, а не так, как у неё. Он — только позор своего рода, но что поделаешь? Он — столичное дитя, а она — чистокровная, отсюда родом, и Тэру было страшно даже представить, сколько сотен лет на самом деле провела на этом свете Нэмиара. Ведь пусть внешне она оставалась молодой, в её светлых глазах навеки затерялась странная, тихая грусть.

— Да, — кивнул Тэравальд. — Ведь Дарнаэл Первый, он...

— Он абсолютно лишён магии, — кивнула Нэмиара. — Я знаю. Я слышу Зов — впервые за долгие годы, за десятилетия, — вот только это не его голос. Моя магия льнёт туда, в пустоту, и я должна подчиниться и последовать туда, где меня ждут. А вместо этого стою тут и жду, пока мне прикажет мой бог, не способный даже разжечь костёр с помощью чар.

— Значит, это не он? И Мастер действительно должен был принести в жертву принца, чтобы всё сработало?

Тэравальд столько всего обещал! Дарнаэлу Второму — что убержёт его сына. Шэйрану — что откроет хоть какую-то дорогу в его жизни. Первому — что будет служить ему всю жизнь. Мастеру — что будет выполнять все его приказы. И не знал, на какой стороне должен оказаться.

Пожертвовать тремя обещаниями ради одного, одним ради трёх? Тэр знал, что совместить всё воедино не сможет. Он слишком слаб, слишком глуп для того, чтобы принять действительно мудрое решение — и Нэмиара могла открыть ему глаза.

— Ты не понимаешь, — покачала головой Нэмиара. — Его магия не у него. У кого-то другого. Но это не означает, что он — не наш бог.

— Но разве не у Шэйрана? Мы тогда должны были её вернуть и...

— Это всё глупости! У каждого человека свои чары, со своим привкусом. Ты не способен этого ощутить, потому что видел слишком мало волшебников. Ты не знаешь, как это — когда волшебство настолько сильное, что его вкус просто невозможно забыть. Я помню вкус сил Дарнаэла Первого. Это будто бы горный источник — такая чистая, бесконечная магия — немного болезненная. Она — то, из чего соткан наш мир. Шэйран унаследовал её, будто все сильные Тьерроны — синие глаза, будто каждый дарниец — смольные волосы! Да, эта магия похожа на ту, что была у Дарнаэла, но это не одно и то же. Он не воровал её. Он просто получил её при рождении. Неужели ты не понимаешь?

— Но чтобы получить, надо забрать у кого-то! — покачал головой Тэравальд. — Может быть, именно это и случилось с ним и Дарнаэлом Первым...

— Нет же, нет! — лицо её исказилось маской раздражения — эльфийка будто бы не понимала, как можно оставаться до такой степени глупым. — Всё, что ты говоришь, абсолютная ерунда! Когда дочь наследует у матери шелковистые светлые волосы, они не пропадают у одной из них! Они есть у обеих. Так и тут. Магия Шэйрана и магия Дарнаэла — я чувствую, я знаю! — могут сосуществовать одновременно. Но магию Дарнаэла кто-то

забрал — и этот зов преследует меня.

— Вдруг это тоже какой-то наследник дара? — предположил Са.

Ему хотелось бы отвернуться от Нэмиары. Не следовало так пожирать её взглядом, всматриваться в каждую чётточку лица, пытаться будто бы вытащить из неё ещё что-то, какие-то странные, непонятные сейчас для него мгновения. Она была настолько идеальной — в его глазах, — что и трава меркла, и небеса казались тусклыми.

— Грета хочет идти на зов, — её взгляд казался мутным, потерянным. — А я знаю, что это не наш бог, что это не наследие. Магия имеет свой привкус — и тут он такой же, но будто бы ещё и запятнанный. Словно кто-то испортил его! Это воровство, следы кражи. Такой вкус был у магии границы, когда она начала застаиваться. Ты никогда не поймёшь, ведь ты полуэльф...

Тэравальду так хотелось коснуться её руки, осторожно утереть единственную слезу, диамантом засверкавшую на щеке! Но от эльфов ему достался только дикий романтизм в воспевании женщины и умение влюбляться — на всю жизнь и множество раз.

— Не смотри на меня так, — разумеется, она заметила этот взгляд — только осталась всё такой же равнодушной, как и прежде. — Я надеюсь, что ты не сделаешь опять такую же глупость, как ранее с принцем. Тогда у тебя ещё было оправдание — никто ведь не знал, что Мастер может так сильно ошибаться. Но теперь у нас нет права на подобные просчёты, ведь ты понимаешь?

Он устало кивнул, будто бы устал что-либо отрицать, и всё ещё пристально смотрел на девушку, словно ждал от неё каких-нибудь ещё слов.

Но Нэмиара вновь замерла, будто бы та берёза, которой она провела столько времени. Взгляд её, теперь потерянный, отдалённый какой-то, и вовсе помутился — и Тэравальд был готов поклясться, что она его не слышит.

Он протянул руку и перехватил её за запястье, но эльфийка только дёрнулась.

...Столько лет Мастер ставил ему Нэмиару в пример, столько лет говорил, что она — истинный пример для подражания, что как только она и вправду оказалась такой, как думал Тэравальд, он не смог сдержать своё пылкое человеческое сердце, зараженное эльфийским идеализмом.

— Это не потому, что ты полукровка, — она вывернулась из его рук и вновь воззрилась на море, разбивавшееся о скалы. — Это потому, что ты трус.

\*\*\*

Солнце всегда очень рано вставало над островом. Будто бы зная, как сильно его ждут эльфы, оно выбиралось из своего укрытия из туч и гор, поднималось высоко-высоко и замирало на несколько часов, ослепляя любого человека — но не эльфа.

Дарнаэл вдохнул родной — давно уже забытый, впрочем, — воздух и усмехнулся. Наверное, все эльфы, как бы мало их не осталось, любили свой родной дом, рвались к его берегам и стремились вновь ощутить касание морского бриза к своей коже. Но он — даже не Эрри и не Тэл, он один, — ненавидел это место, пожалуй, больше всего на свете.

Ему нравилось искреннее солнце Дарны, яркое и весёлое, освещающее тёплое, ласковое, иногда штормившее, но никогда не обманывавшее море. Ему нравилась мостовая Лэвье, он любил густые леса вокруг эльвентской столицы.

И люди ему тоже были по душе. Они казались открытее, проще; за короткие сорок, семьдесят, сто лет многого не успеешь, но они спешили, постоянно спешили. И только некоторые — те, в ком ещё слишком много осталось от того прошлого, от душ, вырвавшихся

на свободу, — умудрялись находить свой покой. Дарнаэл любил слушать бойкую, мчащуюся вперёд дарнийскую музыку, часто останавливался, только-только заслышав грубое, хриплое пение военных — искреннее, с каплями тоски по дому и жажды победы.

Эта эльфийская идеальность его раздражала. Ни одно солнце не кажется красивым, когда тучи не пытаются его скрыть; ни один дождь не приносит облегчения, если он каждый раз одинаковый, такой прямой и тёплый — только чтобы земля могла напитаться влагой. В эльфийском государстве не было и капли честности — тут всё вылизанное, правильное, прекрасное. Если шторм — то без единой капельки солнца на небесах, если радуга — так уж без туч и без дождя, даже если это физически невозможно. Во всём этом не было ни капли искренности — даже привычное любование природой вызывало безмерное раздражение. И все эти острые уши, тонкие черты лиц — они казались Дарнаэлу до горького одинаковыми. Эльфам не хватало уродства — ни того, что будет вызывать отторжение, ни того, что заставит замечать красоту. Впрочем, что ж, он ошибался в этом — у них было много отвратительного и непривлекательного, просто древняя раса умудрилась отобрать это у своей внешности и полным букетом посеять в душах. Bravo — лучшего шага от эльфов ждать и не следовало! Пусть лучше на клумбах растут сорняки, а под прекрасным храмом льются потоки холодного, осеннего дождя, чем на идеальных лужайках прогуливаются скрытые предатели — вот только почему-то во многом они, такие чудесные и высокоморальные, были со своим божеством несогласны.

И, признаться, он был рад, что эльфы существовали и до него. Рад, что во всех потоках своих воскрешений он рождался человеком, а не возвращался к своему истинному подобию. Потому что сейчас для Дарнаэла не было ничего противнее, чем вернуться в эльфийскую шкуру.

Он подошёл к краю ущелья — когда-то тут тоже плескалось море, но чары сделали своё дело — и вознесли ещё одну тонкую полосу земли. Сюда прыгали самоубийцы — не эльфийские, разумеется, обыкновенные, если их пускали на Ньевидд, сюда сбрасывали кости умерших недостойных эльфов; достойных, напротив, торжественно обращали пеплом над морем.

Что-то подсказывало Дарнаэлу, что недостойных эта лживая земля вот уж сколько лет не видела.

— Ущелье — замечательное место, чтобы прыгнуть, — послышался за спиной холодный раздражённый голос. — Вот уж не думал, что на рассвете встречу тут своего замечательного предка.

Дарнаэл обернулся, только сейчас заметив, что подошёл уже к самому-самому краю. Ему-то ничего бы не случилось, наверное, бессмертный так просто не погибнет, но одно только присутствие Шэйрана на скале, откуда так часто прыгают всевозможные самоубийцы, совершенно его не радовало.

— Я тут встретил свою любовь и тут умер, — проронил Дар. — В конце концов, имею право пройти по местам былой славы. Меня куда больше смущает твоё присутствие тут.

— Ну, — хмыкнул Шэйран, — тут родилась моя магия. Судя по тому, как весь этот мир мечтает о скорой моей смерти, возможно, она отчаянно желает тут и умереть.

Он бросил холодный, злой взгляд на ущелье.

— Можно подойти и прыгнуть, — продолжил он. — И надеяться, что я умру быстрее, чем мои кости начнут собираться в кучу. Но, в конце концов, меня не затопили эти твои божественные кровавые рубины. Право слово, для опыта было бы куда полезнее хоть раз и

вправду умереть. Да хоть от того меча.

Дарнаэл хмыкнул.

— Ущелье не позволит тебе исцелиться, — протянул он. — Это ведь придумали для убийства и одарённых эльфов тоже. Я просто перерожусь вскоре, но не хочется тратить уникальный шанс научить наследника своего замечательного дара.

— Я не хочу учиться.

— Что за глупость? — фыркнул Дарнаэл. — В тебе плещется такая магия! Ты просто обязан всему этому миру развивать её и становиться сильнее. И что ты сейчас мне заявляешь? Что не желаешь учиться?

— Моя мать ясно продемонстрировала мне, что толку от меня как от волшебника никогда не будет. А ещё, если судить по всему, что я видел, по тому, во что чары обратили Тэллавара, я как-то и не хочу.

— Тебе дарована небесами власть, — Дарнаэл сложил руки на груди. Дарована она была отнюдь не небесами, и он отлично об этом знал, но никогда и не думал, принимая решение насчёт наследования дара, что его драгоценнейший приемник будет так плохо относиться к своим же возможностям. — Воспользуйся ею. В конце концов, ты знаешь, что творится в твоей стране?

Рэй запрокинул голову, всматриваясь в небеса, словно спрашивая, зачем они вообще подарили ему эту силу. Он о ней не просил; в конце концов, с его родителями было бы куда спокойнее прожить безо всякого волшебства — просто не лезть на рожон и не желать устроиться на троне.

Дарнаэл Второй достаточно силён, чтобы править ещё лет сорок, а потом... а потом как уж сложится, Шэйран так далеко предпочитал не загадывать.

— Мне всё это не нужно. Единственное, чему ты можешь меня научить — как избавиться от дара и выжить. Вот и всё.

— Что за глупость! — возмутился Первый. — Что переменялось за одну короткую дорогу от моей гробницы до Ньевы, что ты уже ничего не хочешь?!

— О, — Рэй устроился на траве, свесил ноги в ущелье, будто бы собирался вот-вот оттолкнуться от поверхности и туда же свалится. — Ну, я, например, чуть не умер из-за того, что кто-то очень хотел получить мой дар. Ты ж бог! Лиши меня этих чар, лиши их Тэллавара, и пусть всё будет тихо и мирно!

— Я не могу.

Это прозвучало так серьёзно, что Шэйран аж повернулся к своему прадеду — или в каком колене бог приходился ему родственником?

— Не можешь? Ты ж создал этот мир! — фыркнул он. — Ты можешь всё!

— То во мне, — Дарнаэл скрестил руки на груди, — что создало этот мир, осталось там, наверху. В океане, в конце концов. Когда я возрождаюсь, я могу быть и всемогущим, но сейчас я просто лишённый чар, но не опыта эльф. И так повезло. Я редко обретаю свою истинную физическую форму, да ещё и со всей памятью, но, очевидно, пришло время. И пока ты — а больше этого сделать просто некому, — не вернёшь то, что украл Тэллавар, власти у меня не больше, чем в котках совести.

Шэйран только равнодушно передёрнул плечами и отвернулся вновь.

— А если я прыгну, — поинтересовался он абсолютно равнодушно, — то мои чары тебе перейдут? Так всё и исправишь.

Дарнаэл закрыл глаза. Ему тогда не следовало тянуть и ждать, пока уйдёт Тэллавар —



переступая порог знакомого мира, он первые минут пять был и вправду очень силен. Он мог бы остановить чёртова мага, наверное, сам, а самое главное, не продемонстрировал бы Шэйрану того, что находится за гранью. Не дал бы опустить руки и вот так спокойно говорить о собственной смерти.

Разумеется, на фоне неестественно синего неба, сидя на такой же изумрудной траве, он думал, будто оживёт вновь. Будто бы смерть — это просто игрушка, с которой можно загадывать шарады и откровенно веселиться. Спокойно жить себе дальше так, как будет удобно, не трата собственное время ни на что — особенно на определённую борьбу. Но не придётся в жизни всегда уходить, когда что-то не нравится. Он должен бороться. Хоть как-то. Должен проявить волю. А этого — ну ни капельки, будто бы на деле парень просто остался тут физически, а морально давно уже покинул родной мир. Бывает же!

Дарнаэл потянулся за шпагой, наскоро прицепленной к поясу сегодня на рассвете — без оружия, пусть человеческого и совершенно недосконального, бороться было бы куда труднее. В конце концов, он не должен забывать о том, что не все верят в него — не все спокойно отнесутся к тому, что за пределами далёкого божества оказалось тут, так близко, блуждает по Ньевидду и всеми командует. Да и не создавал он эльфов, сам выходец отсюда, так что, они равные — а равные друг другу не подчиняются.

Он мог хоть сто раз без магии воскреснуть, но от того бессильным и неспособным бороться не становился ни на мгновение.

Шпага выскользнула из ножен предельно легко, и Дарнаэл ещё раз скептически осмотрел Шэйрана, убеждаясь в том, что у того и вправду из оружия только собственная магия. Этого больше чем достаточно, конечно, но ведь юноша должен по-настоящему выбирать между жизнью и смертью. Показать, что его слова о самоубийстве — пустой — или нет, — звон.

— Ну что ж, — Дарнаэл взвесил оружие в руке, а после направил его на Рэя. — Если ты так уж и жаждешь смерти, то пожалуйста.

Рэй обернулся как-то лениво и неохотно и уставился на острие шпаги, будто бы не ожидал увидеть что-то подобное в собственной жизни.

Страха во взгляде Дарнаэл не заметил — принц поднялся как-то медленно и недовольно, вероятно, подобные методы на нём уже активно использовал отец.

Но, в отличие от своего тёзки, Первый отлично знал, каковы границы волшебства у Шэйрана.

— Ты серьёзно желаешь меня убить? — хмыкнул Рэй. — Ты ж сам сказал, что чары, скорее всего, к тебе не вернуться. Мог и не воскрешать тогда.

— Ну, они бы пропали, — пожал плечами Дар. — А что ж такую прекрасную силу на ветер выбрасывать.

Он сделал первый выпад без предупреждения, прерывая этим резким, рваным движением разговор, и Шэйран едва-едва успел отскочить в сторону. Шпага описала странную фигуру в воздухе — будто бы невидимая, непонятная петля, — а после рванулась к груди словно сама собой.

Рэй инстинктивно вскинул руки — чары вспыхнули на кончиках пальцев, укладываясь в ровную волшебную стену, но Дарнаэл лишь хмыкнул и покачал головой, перерезая слабую защиту совершенно лишённым магии оружием.

Чары могут быть сколько угодно сильны, но если не пользоваться ими так, как следует, то и толку будет паразитально мало.

Дарнаэл больше не тратил время на пустые разговоры. Лезвие мелькнуло серебристой тенью — идеально круглое яркое солнце светило с небес, очевидно, достаточно сильно, чтобы обычный человек видел плохо, а глаза слезились, — и вновь устремилось к горлу.

Чары на сей раз отреагировали куда быстрее, чем прежде. Шэйрану не пришлось уже размахивать руками и кричать эти презренные заклинания, чтобы магия, защищая его жизнь, встретила шпагу будто бы сплошной щит.

Скрикошетило — соскользнув, острое резануло по плечу, располосовав рубашку и оставив тонкую царапину на правом предплечье.

Шэйран отступил — отскочил даже скорее в сторону, и на пальцах наконец-то вспыхнул короткий огонёк неосознанного пламени, призванного выполнять вполне логичные цели — защищать своего владельца.

Следующий удар оказался для него неожиданным — интуитивная защита уже не сработала, и Дарнаэл не потрудился остановить шпагу — рана на груди была неглубокой, но кровоточила довольно сильно.

Шэйран лишь опустил на мгновение взгляд, будто бы проверяя, действительно ли он ещё жив — а после Дар ощутил, как сильно чем-то неведомым обожгло пальцы.

Шпага лужицей стекла к его ногам.

Рэй тяжело дышал — последнее заклинание он, разумеется, не знал, и магия вновь сработала хаотично, забирая сил больше, чем следовало.

Дарнаэлу хотелось сказать, что, будь Шэйран всего лишь обыкновенным волшебником низшего уровня, то он сейчас бы просто рухнул без сил — не все высшие решались влиять непосредственно на материю, а оплавить металл изнутри куда труднее, чем сделать это с помощью внешнего огня, — но не успел. За спиной раздалось вполне знакомое короткое покашливание — эльфийка, только у них это удаётся до такой степени элегантно.

— Почему я не удивлена? — протянула незнакомка. — Ведь вы, мужчины, только лишь бы броситься в бой. Неужели непонятно, что силу надо развивать постепенно, а не этими резкими безумными рывками? Но кому я рассказываю, впрочем, только испортили хорошую шпагу...

Её мягкий, звенящий смех уже почти не оставил никаких сомнений, но Дар всё никак не мог вынудить себя обернуться.

— Сэя? — Шэйран произвольно зажал рану ладонью. — Что ты тут делаешь? И почему...

— Почему у неё острые уши? — Дарнаэл даже не посмотрел на женщину. — Потому что это не Сэя. И, Рэй, не позорься, заживляй свою рану, не хватало ещё только слезь от потери крови.

===== Глава пятьдесят седьмая =====

Моника ещё никогда не видела, чтобы вокруг настолько сильно бушевали чары. Разумеется, она и впервые в своей жизни оказалась действительно в горячей точке — но тут волшебство не просто пылало или сияло. Нет, оно будто бы окончательно вырвалось из-под контроля и отчаянно жаждало сжечь всё живое, до чего только могло дотянуться своими грязными, противными лапами.

Никогда не думала Лэггаррэ, что волшебство могло вызывать у неё отвращение. Ведь магия была чем-то до такой степени прекрасным, идеальным, правильным — она любила свою силу, она обожала пользоваться ею и мечтала когда-то дойти до уровня Высшей! Но сейчас чары оказались не просто свободными и необузданными, нет, они ещё и практически

окончательно потеряли свой собственный смысл. Магия должна приносить какую-то пользу — а не метаться со стороны в сторону.

...Веяло холодом. Казалось, стоило только переступить какую-то тоненькую черту, как они оказывались в пелене зимы. Ещё мгновение назад тёплый летний воздух касался плеч, осторожно обнимал молодых ведьм, будто бы их оберегая, а что теперь? Это была лишь дикая, необузданная стихия, которую никто в здравом уме и не попытается остановить.

Она бросила взгляд на Мизель, и блондинка лишь отрицательно покачала головой. Кредэуа могла быть сколько угодно странной и нарушать все правила их государства, но в этом плане ей Моника действительно доверяла.

— Может быть, — предположила Реза, — если мы попытаемся тут всё отогреть, то добьёмся хоть какого-то успеха?

— Нет, — отозвалась Моника. — Это невозможно.

— Но почему?

Мизель только коротко хохотнула. Ятли была не самой старательной ученицей Вархвской академии, соответственно, и знать многое она не могла. Прослав лекцию по магическим ограничителям и чёрным дырам, она понятия не имела, что подобное явление скорее затянет их всех троих за черту, чем позволит себя ликвидировать.

— Потому что сил слишком много уйдёт, — сухо промолвила Лэгаррэ. — Надо искать, где-то тут есть врата, которые позволят нам пройти к Источнику.

— Может, по ту сторону черты?

Это казалось логичным. Моника была почти что уверена, что эпицентр совсем-совсем близко — и притронулась к на вид такой цельной границе.

Ладонь проходила совершенно свободно, будто бы граница — лишь зрительная иллюзия, и Мон неуверенно улыбнулась, шагнув вперёд. Казалось, перед нею черта становилась прозрачной, пропускала на свободу — по ту сторону гремела всё та же странная буря, но Моника знала, что способна пройти сквозь неё.

— Тут всё так же! — отозвалась она, не решившись до конца пересечь черту и вернувшись обратно. — Я не знаю, так ли с другой стороны, но...

Реза даже не дождалась продолжения рассказа своей сокурсницы. Она упрямо рванулась вперёд, будто бы тот же снежный вихрь, мгновение назад рассыпавший и собравший границу из мелких кусочков вновь, руки даже не протянула, заметив, как легко проходила сквозь стену Моника...

И ударилась лицом в преграду, чуть округлую — будто бы куполом без вершины окутывая Эрроканскую границу.

Она отшатнулась, потирая нос, и возмущённо уставилась на Лэгаррэ. Мон хотелось смеяться — столь обвиняющий взгляд она, разумеется, ни на минутку не заслужила, но Реза всегда была такой.

— Я не могу! — возмутилась она. — Это ты тут ходишь туда-сюда, а я не могу!

— Может быть, — язвительно отметила Мизель, смерив Резу издевательским взглядом, — всё дело в том, что у Мон выше уровень? У нас с нею почти одинаковый, но ты-то...

Кредэуа подошла и сама, куда более осторожно, зная, что её гипотеза может быть ошибочной, и попыталась коснуться черты. Пальцы почти сразу натолкнулись на что-то твёрдое, и Мизель одёрнула руку — она всё ещё чувствовала покалывание волшебства на собственных пальцах.

— Нет, — вздохнула она. — Не в том дело.

— Да кто ж пропустит что-то настолько надменное! — скривилась Ятли. — Ну, гений наш, какие ещё будут гипотезы?

— Прекратите, — Мон подняла руки вверх, будто бы сдаваясь на милость победителей. Реза умела устраивать скандалы на пустом месте, но они с нею обычно были дружны, так что осаждать девушку не приходилось. А вот Мизель никогда Ятли не нравилась; впрочем, разве можно было спокойно переносить её издевательства по поводу пышных форм сокурсницы? Да, в отличие от Кредэуа, она не была такой уж худенькой, да и на фоне всех остальных казалась весьма массивной, но Лэгаррэ была уверена, что кому-то нравятся и такие, как Реза, живые, вечно преисполненные энергии — одно слово, кровь с молоком!

— Тут, наверное, всё зависит от того, кто где родился, — вздохнула Мизель. — Моника ведь у нас дарнийка, конечно, её пропустит на родину. Это мы, чистокровные эрроканки, не можем пересечь черту...

Манерность в её голосе практически пропала, но Мон едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Кредэуа умела поминать её происхождение таким тоном, будто бы девушка нарушала все правила на свете. Ну, что поделать — Моника стыдилась того, что была родом с Дарны, стыдилась, ибо оказалась верной Эрроке всем своим сердцем, а её сокурсница любила бить по больным местам.

Впрочем, всё уже давно прошло — Моника перестала показывать, что ей эти упоминания неприятны, а сейчас, в силу того, что она могла пересечь границу, даже порадовалась этой особенности.

— Я могу пойти туда и посмотреть, — протянула она, — но не уверена, что сумею вернуться обратно. Я ведь не истинная эрроканка, как ты, Мизель.

— Сюда б полукровку, — хмыкнула девушка. — Хоть того же Рэя. Но с того света он к нам, впрочем, не придёт...

Мон содрогнулась. На сей раз фраза прозвучала и вправду грустно, без единого желания задеть чьи-то чувства, но Кредэуа могла даже так ранить — непроизвольно, автоматически. Лэгаррэ так старалась забыть о проклятом Шэйране, что почти заставила себя улыбаться в ответ на ссоры Резы и Мизель — но как же недолго еёхватило! Конечно, она должна была стыдиться своей реакции — думать о ничтожном мужчине, — но в мире всё было далеко не так однозначно, как королевская религия.

Моника упрямо мотнула головой и двинулась вдоль огромной сияющей стены. Казалось, страшный купол никогда не закончится — граница причудливо изгибалась и старательно вела её всё дальше и дальше.

— Если смотреть по карте, тут и то рельеф ровнее, — мрачно пробормотала за её спиной Мизель, будто бы не замечая того, как Лэгаррэ моментально переменялась, помрачнела и затихла. Или, может быть, она просто не хотела придавать этому большого значения, отлично зная, что беречь старые раны — тем более раны, что возникли из-за привязанности к мужчинам, — в Эрроке не принято, а то и вовсе запрещено.

— Я не могу! — Моника оторвала пальцы от прозрачной стены. — Я ничего не чувствую! Для меня тут магически попросту ничего нет, хоть стой, хоть бегай!

Она повернулась к Резе и Мизель и только устало развела руками. Почему-то представилось, как подол белого платья задевал бы эту стену и буквально проваливался в неё, но ни Моника, ни её спутницы не были настолько глупы, чтобы подписаться в принадлежности к ведьмам широким росчерком пера. Конечно, магия ценилась в Эрроке, но

в столь смутное время лучше не демонстрировать столь ярко собственное превосходство, как, может быть, им хотелось бы это сделать.

— Я тоже ничего не чувствую, — хмыкнула Реза. — Пожалуй, это невозможно — ощутить этот отвратительный источник. Может быть, он по ту сторону...

— А может, ты просто крайне нечувствительна к волшебству? — скривилась Мизель. Она осторожно, будто бы драгоценность, поправила прядь собственных белых волос, подошла к стене на расстояние вытянутой руки и двинулась вперёд, скользя кончиками пальцев по поверхности границы.

По правде, она хотела то же самое сказать и о Монике, но теперь, когда она осознала, что только Лэгаррэ и может пересечь проклятую границу, предпочла прикусить язык.

Может быть, у неё тоже ещё будет шанс скрыться за проклятой стеной и оказаться далеко-далеко от надвигающейся кары? Мизель чувствовала, что ничего хорошего ей в Эрроке не светит, равно как, впрочем, и в Эльвенте, когда туда вернётся король Дарнаэл, и предпочитала уходить заранее, пока ещё можно было удалиться, гордо вскинув голову, а не бежать со всех ног.

Но сейчас, на глазах у Резы, она всё равно ничего сделать не может, только подчиняется судьбе, будто бы ведьма-недоучка. Судьбе и Монике Лэгаррэ, признанной главной даже безо всякого голосования, потому что госпожа Лиара не была дурой и понимала, что тут каждая может выбрать только себя. Кроме распрекрасной Моники, разумеется!

Королеве ведьма, наверное, себя и напоминала. Мизель же больше по душе была гордая, уверенная в своих действиях Тэзра, вот только она погибла, да и виновата в этом самолично, а Кредэуа предпочитала не повторять грустную судьбу своей коварной начальницы.

Она попыталась сосредоточиться на рельефе стены под своими пальцами, ощущала, как покалывало волшебство — и вправду, Реза должна быть дико нечувствительной, если единственное, что убедило её в существовании границы, это собственный разбитый нос. Наивная, глупая девица!

— Ой! — Мизель содрогнулась от неожиданности. Под руками аура стала будто плотнее, и она от неожиданности широко распахнула глаза, забыв выключить истинное зрение.

Волшебство буквально обожгло её глаза. Кредэуа заморгала, отчаянно пытаясь избавиться от дикого жжения, зажмурилась и отступила, даже для надёжности прикрыла глаза рукавом.

— Оно, — выдохнула девушка. — Вот тут. Мон, ты чувствуешь? Точка пересечения. Сюда надо бить — не прогадаем. Мон?

Лэгаррэ тоже взглянула, очевидно, истинным зрением, но очень быстро отвернулась и недовольно выдохнула воздух.

— Да, чувствую, — подтвердила она. — Но оно для меня будто прозрачное, как и всё остальное. Такое, знаешь... Хочешь — проходи.

На Резу они даже не посмотрели. И так было понятно, что чары шли отсюда, но Мизель чувствовала себя до ужаса чужеродной даже просто рядом со стеной.

Она достаточно много провела времени с Тэзрой, потому и вкус её волшебства распознавала очень легко. Но то, как оно пылало под руками, девушке совершенно не нравилось. Поправить это могла только сама ведьма, максимум — ближайшие родственники.

— Как думаешь, Её Величеству под силу это исправить? — поинтересовалась Мизель у

Моники. — Например, объединив с кем-то чары?

— Если только внезапно она получила всё могущество дара Богини, — вздохнула Лэгаррэ. Ей пришлось прикусить язык, дабы случайно не упомянуть Дарнаэла Первого. Е него в Эрроке не верили, а то её короткое времяпровождение в Эльвенте оставило слишком заметный след. Особенно если говорить о Мизель — она ведь заметит и обязательно донесёт. — Нет, это под силу только Тэзре либо кому-то очень близкому к ней по энергетике.

— Так может, Антонио?

Обе лучшие выпускницы Академии — что первая в рейтинге, что вторая, — одновременно презрительно фыркнули и посмотрели на Резу.

— Антонио? — скривилась Кредэуа, справедливо решив, что право язвить всегда принадлежало именно ей. — Ты совсем одурела? Ведь он не способен и маленький огонёк на пальцах зажечь, даже форточку открыть дистанционно, какой эпицентр!

— Родственные чары, — хмыкнула Моника, — могут дать результат. Если через него подключится Её Величество или кто-то другой достаточно могущественный, конечно. Не иначе. Антонио и вправду слаб.

— Как и все мужчины, — кивнула Мизель. — Но идея достойна внимания. Не твоя, разумеется, Реза, — она вновь покосилась на Мон, будто бы дожидаясь одобрения, но та, повернувшись уже спиной к однокурсницам, внимательно рассматривала дымчатую синюю стену. — Да и всё это не имеет совершенно никакого значения, я думаю. Мы его с собой не взяли, да и оставлять это место... Мало ли, вдруг кто полезет? Я не знаю, видима ли эта стена для нашего мужичья.

Реза посмотрела на неё так, будто бы была истинной дарницей именно она, а не Моника — и теперь страстно жаждала защищать мужчин. Равноправие — так, кажется, это называлось? Борцов за подобное в Эрроке всегда было маловато, и ни один из них не достиг успеха.

— Мон, давай пройдемся ещё посмотрим, — предложила Ятли. — Вдруг что интересное найдём?

Но Лэгаррэ вновь оказалась в пелене собственной бесконечной грусти — она уселась на какой-то камень среди клочковатой вокруг невидимой бури, закрыла глаза и будто бы погрузилась в свои размышления.

Мизель последовала её примеру и заняла ещё один камень. На Монику она и не смотрела даже, но они две выглядели сейчас куда ближе друг к другу, чем любая из них к потерянной, несчастной Резе.

Ятли сдаваться не собиралась. Обычно, если дело касалось занятий, она всё время отступала на задний план и позволяла учиться тем, кто хотел в будущем добиваться высот в магии. Для той деревушки, в которой родилась Реза, уже одного наличия дара было достаточно для того, чтобы стать в итоге председателем местного совета, то есть, единоличным правителем, выбрать из мужчин себе того, кого она пожелает, родить детей и быть счастливой до конца своих дней.

Нельзя сказать, что она этого так хотела, но дар давал свободу для действий. Резе не приходилось работать так же тяжело, как и остальным, чтобы заработать себе на жизнь, да и она отлично уяснила тот факт, что множество людей действительно готовы отдать довольно многое, лишь бы им помогла квалифицированная ведьма. А насколько дальше она ушла от необходимых по диплому знаний — это уже не имело особого значения.

Ятли уверенно шагала вперёд, даже и не заметила, когда бесконечный снегопад спрятал от неё и Мизель, и Монику. Впрочем, после сегодняшних издёвок и странной пустоты на душе Реза была рада этому одиночеству. Всю дорогу ведьмы только и делали, что подшучивали над нею, и теперь возможность побыть наедине со своими же мыслями казалась Ятли подарком божеств.

Она закрыла глаза и попыталась дышать ровно, успокоиться и выбросить в снежное небо весь свой негатив. Как же хорошо, что рядом никого нет! Они не станут называть её слабонервной, пропустившей добрую половину практики и так далее в том же духе. Они просто не смогут над нею поиздеваться, ведь рядом банально никого не будет.

Как же замечательно!

...Когда Реза наконец-то заставила себя воззреться на окружающий мир, бури уже не было. Конечно, она не питала пустых надежд и знала, что это никак не связано с тем, что и сама она умудрилась успокоиться и отбросить всю горечь в сторону, но уже одна только видимость позволяла чувствовать себя увереннее.

Ятли обернулась назад, явственно осознав, что не так-то уж далеко и ушла — Монику и Мизель отсюда было прекрасно видно, просто девушки сидели спиной к ней, — а после повернулась, собираясь продолжить свой путь.

С её губ невольно сорвался громкий, слишком преисполненный недавно пережитыми эмоциями голос.

Перед нею возвышалась статуя мужчины — созданная изо льда. Не идеальный красавец, замерший в каком-то причудливо элегантном положении, а простой, обыкновенный мужчина с испугом, запечатлённым во взгляде, в его напряжённых плечах. Он, казалось, замёрз во время бега — подавался вперёд, и ноги были готовы вот-вот оторваться от земли, не в полёте, разумеется.

— Мон! Мизель! — Реза никак не могла отвести от него взгляда. В какое-то мгновение он показался ей даже живым, и она поняла, что было не так — ледяные статуи обычно бесцветны, с ними просто играет свет. В Вархве зимой часто холодно, выпускницы создают что-то причудливое, правда, не мужчин, а обычно либо королеву, либо какую-то природу. Красиво выглядит, но...

За тонкой коркой льда — не более трёх миллиметров, как могла подумать Реза, — замер мужчина. Живой, реальный. Вот только сколько б она ни пыталась сковырнуть этот лёд, ничего не получалось — волшебство держало его до того крепко, что и молот, пожалуй, не оставил и царапины на статуе.

Моника и Мизель шли неохотно и довольно долго. Должных восторгов по поводу находки сокурсницы они обе тоже не проявили — только Моника как-то странно прищурилась, всматриваясь в черты лица мужчины, и недовольно покачала головой.

— Я его знаю, — без капли удивления и благоговения проронила она. Но голос звучал мрачно и холодно, будто бы мужчина напомнил Монике о чём-то абсолютно ужасном, о том, о чём она ни за что в жизни не хотела бы вспоминать. Впрочем, Реза могла бы её понять — вероятно, Мон вновь провела с кем-то параллель. Прошлое терзало её, и, возможно, она даже слишком сильно грустила о покойном Шэйране.

Ятли не умела грустить так долго. Конечно, до всех этих новостей она чувствовала себя более жизнерадостной, но в её глазах не застывала эта крошечная, бесконечная печальная тьма.

— Знаешь? — удивилась девушка и как-то неуверенно склонила голову набок. На её

округлом лице появилось странное выражение, будто бы она заподозрила в чём-то Монику, но никак не могла высказать свои подозрения.

Лэгаррэ же, напротив, выпрямилась и гордо, упрямо кивнула.

— Да. Я видела его при дворе Дарнаэла Второго, — без единой капли смущения проронила она, будто бы считала служение вражескому королю поводом для гордости. Конечно, её туда отправили по специальному заданию, вот только всё равно выглядело поведение Моники со стороны немного странно. — Это начальник королевской стражи, его друг, Кальтэн Фэз. И я знаю это проклятье.

— Знаешь? — скривилась Реза.

— Знаю, — повторила девушка, касаясь своей чёрной косы, необычайно строгой. — И никто, кроме наложившего, снять его нормально не сможет. Разве что близкие родственники. Мы должны немедленно привезти сюда Антонио.

— И это его спасёт? — Ятли уже иначе посмотрела на погребённого под льдами мужчину. — Значит, мы должны ехать прямо сейчас!

Она бросила торжественный взгляд на Мизель, словно подтверждая, что вот — и она в чём-то пригодилась, — вот только блондинка почему-то совершенно не разделяла её мнение. Девушка то и дело охватывала свои хрупкие плечи руками, ёжилась и устало смотрела на Монику. В её светло-синих глазах плескалось дикое отчаяние, и почему-то Реза не могла поверить в то, что причиной его оказался проклятый мужчина. Моника, конечно же, не замечала этого, погружённая в свои мысли, а вот Ятли отчаянно пыталась избавиться от подлого чувства предательства — вот только не могла.

— Не мы, — сухо отозвалась Кредэуа, — а ты. Потому что кто-то должен остаться и охранять Источник от посторонних вмешательств, а делать это стоит сильным магам. Разумеется, из нас троих надо выбрать слабое звено, что может покинуть нас, но не оставить при этом отряд обескровленным. Надеюсь, ты понимаешь, что я не могу говорить о Мон или о себе, Реза.

\*\*\*

Реза отчаянно сопротивлялась даже самой идее покинуть их вдвоём, но Моника так ни разу и не воспользовалась своей властью, данной ей королевой Лиарой, чтобы выбрать кого-то другого — самой уехать или послать Мизель. Она вновь вернулась на камень и теперь смотрела на полупрозрачный Источник. Её словно тянуло что-то туда, за грань, но девушка не могла даже мысленно признать, что желает оказаться подальше от Эрроки, от всего этого. Она просто устала, конечно же, но это не повод прыгать в кошмарную синеву и растворяться в диком безумстве чар.

Всё это надо было исправить, вот только сейчас у Лэгаррэ не было сил. На глазах у девушек она ещё могла притворяться счастливой или хотя бы полной жизни, но сейчас, стоило им отвернуться, просто потеряла нить разговора и ощутила, как растворяется в своей же грусти.

Она даже не поняла, сколько времени прошло, когда Мизель осторожно подошла поближе и положила руку ей на плечо.

— Реза уже полчаса как ускакала, — проронила она. — А ты даже не обернулась. Неужто тебя тоже так сильно расстроило то, как низко пала наша королева?

Моника только подняла на бывшую однокурсницу удивлённый взгляд, моргнула, отчаянно пытаясь избавиться от дикого, болезненного предчувствия, вздохнула и отвернулась вновь. Может быть, она была согласна, может — противилась, этого Кредэуа



знать просто не могла.

— Давай уедем, — внезапно предложила девушка, сжимая плечо своей недавней соперницы всё сильнее и сильнее. — В Эльвенту.

— В Эльвенту?! — Моника отчаянно пыталась говорить так, чтобы голос её действительно звучал как-то дерзко, удивлённо и возмущённо, пыталась вытеснить из своего настроения всю ту дикую серость, поселившуюся в нём в тот миг, когда она узнала о смерти Шэйрана. — Ты даже не сможешь пройти через границу.

— Ты меня проведёшь, — повела плечами Мизель. — Это ведь просто. Послушай.. Королева Лиара уже ступила на шаткую дорожку, понимаешь?

Лэгаррэ так не думала. Она видела, как Кредэуа до жути стремится поскорее скрыться с родной страны, правда, не знала, каковы на то причины. Ей и самой хотелось куда-то уехать. Хотелось, потому что там, в Эльвенте, на неё король не будет смотреть глазами своего сына, не будет говорить его голосом и напоминать до боли, до ужаса о том, что, может быть, все они наделали слишком много ошибок.

Она ведь тоже с какой-то стороны предательница. Если бы не так сильно возмущалась, не стремилась вывернуться и умчаться подальше, если б не несла в себе такой странный идеализм матриархата, пожалуй, Шэйран сейчас был бы жив. И Мизель виновата, все они — и Самаранта тоже. Глупо сейчас поминать прошлое, глупо взваливать на свои плечи то, что делали другие, но Моника никак не могла избавиться от предательской боли в груди.

— Мы обещали Резе, что будем ждать её здесь, — проронила Моника. — Что осмотрим источник и попытаемся что-то сделать. Ты хочешь сказать, что мы просто спровадили её для того, чтобы бежать? — она хмыкнула. — Да это поймут через пять минут! В конце концов, Ятли может вернуться в любой момент, забыла что-то — мало ли?!

— Мы оставим записку, что решили осмотреть границу по ту сторону. А потом не смогли вернуться. Вдруг я не чистокровная эрроканка, меня просто не пропустило обратно! Тебя не устраивает эта версия, Мон? Она логична!

В голосе Мизель никогда прежде не было столько страсти. Моника понимала, что её поведение абсурдно, что истинно верная слуга королевы никогда не уйдёт от неё, не поступит до такой степени лживо и предательски, но в тот же миг никак не могла вынудить себя остаться. Только не здесь и не сейчас.

— Хорошо, — выдохнула вдруг она.

Мизель удивлённо распахнула глаза. Она-то думала, что уговаривать сокурсницу придётся очень долго, а то и волшебством пытаться пересечь границу. Моника — это её единственный шанс оказаться по ту сторону, ведь, так или иначе, без дарнийской крови не пройти. А тут — такое простое, быстрое согласие, что прямо дрожь пробежала по спине.

— Значит, ты не против? — переспросила она. — И мы уходим — прямо сейчас? Берём лошадей, берём провизию... Подальше от королевы, предавшей наши идеалы!

Моника не думала о королеве. Она только отчаянно пыталась выбросить из головы странный образ короля — и вскочила на коня, даже не поворачиваясь к Мизель.

Кредэуа не заставила себя ждать. Если Мон согласна — зачем тянуть, зачем отказываться от своего шанса? Пусть.

Лошади протестующе заржали, стоило их только подвести к границе, и Мизель опасно нахмурилась. Конечно, животные для границы — это скорее всего лишь пустота, но, может быть, стоило переходить пешком?

Но Моника оказалась неумолима. Она протянула руку, сжала запястье Мизель —

смуглое на бледном, — и пришпорила своего коня, будто бы на полной скорости было врезаться в границу куда легче, чем медленно. Кредэуа даже показалось, что Мон надеялась, будто вторую эту стена попросту не пропустит. Откажется. Подчинится.

Но синевато-фиолетовое марево расступилось перед глазами, являя всё ту же снежную бурю, только уже в границах другого государства.

\*\*\*

Мизель не думала, что это будет так быстро и так просто. Не думала, что Эльвента окажется настолько тихой и слепой к неожиданным гостям, что даже не отреагирует, когда две абсолютно посторонние девушки пересекут её границу и двинутся куда-то к противоположной стороне.

Тихо. Бесшумно. Предельно красиво, конечно же, вот только отчего-то Мизель не испытывала совершенно никакого благоговения.

А ещё она понимала, что её щитом была Моника. Моника, от которой следовало избавиться на первом же повороте — типичная дарнийка, знающая местное наречие, понимающая, как следовало общаться с местными мужчинами. Такая молчаливая, спокойная, не повернувшаяся ни разу к Кредэуа за весь путь, но следовавшая по избранному ею маршруту.

Там — оплот Религии.

Почему-то Мизель нашла только один аргумент в пользу эльфийского острова. Конечно, там их никто не тронет — там их даже не будут искать. Там, как повторяла она Мон, можно будет верой и правдой служить великолепной богине Эрри. Сложить к её ногам собственные жизни.

Пожалуй, лучше было бы, если б Моника так и поступила.

...Один день поглощал второй, и Мизель не знала, как они так быстро оказались на берегу моря. Разумеется, это были не те моря, что примыкают к острову Ньевидд — до них пришлось бы ехать слишком далеко и центральными дорогами. Водой быстрее. Безопаснее. К тому же, Дарна — портовый город, и Мон тут приняли, будто родную, только по волосам и по глазам. Мизель даже смешно стало от того, как смотрели на неё саму — белая ворона, ничтожество из Эрроки!

— Ты очень молчаливая. Даже не подозрительная совсем, — Мизель подошла к борту и посмотрела на синеву океана там, внизу. — Мы отправляемся на эльфийский остров, но я не вижу в тебе ни радости, ни грусти. Так не бывает. Так просто нельзя, Моника.

По правде, можно — вышвырнуть её за борт и забыть. Но Мизель опасалась — Лэгарр: была слишком сильной ведьмой, да и не противилась пока что ничему из того, что предлагала ей Кредэуа. Она сама выбрала путь, сама поняла, как хочет добираться, сама предложила отправиться служить вечной религии.

— Что приносят в жертву Богине Эрри? — хмыкнула Мон. — Ты знаешь? — Мизель только отрицательно покачала головой. — Вот и я не знаю, а жаль. Хотелось бы... узнать.

— Сколько людей на этом корабле?

Он казался довольно большим, но доселе Мизель увидела только эльфов из команды — судно торговое, а их взяли только потому, что Моника очень долго рассыпалась в комплиментах и вещала о том, как желает поклониться Богине Эрри. К тому же, они колдовали — а маги часто прибывали на Ньевидд, чтобы черпнуть опыта эльфов.

И, к тому же, Мизель слышала, как Монике рассказывали о каком-то глубоком ущелье. Хотелось переспросить, что же это такое, вот только почему-то девушка так и не решилась.

Сейчас они всматривались в море одинаково пустыми глазами, а за спиной перешёптывались эльфы.

Они смотрели на них, будто бы на уже покойных — хотя обычно бессмертный народ относится к человеческим девушкам, даже к ведьмам, куда более презренно.

— Только мы вдвоём, — ответила Лэгаррэ. — Это торговое судно. Я уговорила их отвезти нас туда, они согласились. Бесплатно даже. Товар везут, потому что на Ньевидде ничего не производят. Там ведь только Религия и правит. И чары. Но чары есть не у каждого эльфа.

Мизель кивнула. Ей хотелось ступить на бессмертную землю только для собственной безопасности. И она знала, что Моника преследовала какие-то совершенно другие цели. Но убежать хотели они обе, иначе ни за что не сошлись бы тут на одном корабле.

===== Глава пятьдесят восьмая =====

— Армия готова к нападению, моя Королева, — один из генералов низко склонил голову, но Марисса только повелительно махнула рукой. Она военные отчёты слышать не желала, уверенная в том, что безграничная волшебная сила её новых союзников способна на куда большее.

— Я очень надеюсь, что нам это даже не понадобится, — равнодушно проронила она. — Так что можете приказать...

— Пусть армия готовится к выступлению на Эльвенту. Готовьте корабли, — прервал её Тэллавар, такой смешливо-равнодушный, что становилось даже не по себе. — Чем быстрее вы это сделаете, тем лучше. И на следующий раз не обращайтесь с военными отчётами к своей королеве, обращайтесь сразу ко мне, это сэкономит наши общие нервы.

Марисса только недовольно фыркнула и скрестила руки на груди. Ей приходилось сдерживаться, чтобы не потянуться к мягкой чёрной мантии — обычно одно касание к бархату успокаивало и возвращало всё в нужную колею. Сегодня она не кипела, конечно, от дикой злобы, но довольной тоже не казалась — то и дело бросала сердитые взгляды на своих союзников.

Стоило только генералу покинуть помещение, как она бросила возмущённый взгляд на магов. Сначала, разумеется, на Самаранту, ведь та вообще молчала, а после и на Тэллавара — за то, что посмел перечить королевскому мнению.

— Зачем нужна армия, если на нашей стороне играет волшебство? — передёрнула плечами она. — Что за глупые предрассудки. Не надо войско, если...

— Вы мало что понимаете в военном деле, Ваше Величество, — Тэллавар смотрел на неё довольно и в тот же миг крайне презрительно. — Если я говорю, что армия нам нужна, значит, это так и есть. Не перечьте мне!

Марисса почему-то его боялась. Тэллавар был могуществен — его чары будто бы плескались в крови, и нынешняя королева Торрессы была абсолютно уверена в том, что он мог бы справиться с армиями и без особого вмешательства каких-либо военных.

— Я хотела бескровную для меня войну, — недовольно заявила она. — Самаранта? Ты понимаешь, что он просто будет убивать моих людей, заместо того, чтобы исполнять условия договора?

Но Тальмрэ не проронила ни единого слова. Ненависть в её взгляде вспыхивала с новой яркостью каждый раз, как она смотрела на Тэллавара, и почему-то Марисса никак не могла понять, откуда взялось это дикое раздражение.

— Мы с вами поедem первыми, — тоном, не приемлющим возражений, проронил

Тэллавар. — Во главе армии. Я способен на многое, но это не значит, что один, без должного подспорья, готов выступить против целого войска. Конечно, ваши солдаты будут стоять трёх десятков вражеских, даже самых элитных, но мне надо иметь материал, с которым я буду работать. Ведь в Торрессе много кораблей, вот и воспользуйтесь ими. Нам же не обязательно должны военные. Просто нагрузите солдатами всё, что сможете нагрузить, а дальше, на материке, я уже смогу развернуться.

Его магия должна была действовать тут так же хорошо, как и там. Но то ли Гартро всё ещё не привык к своим новым чарам, то ли, может быть, неправильно представлял себе все аспекты управления чарами, вот только вдалеке от Эльвенты, от эпицентра сил, она работала не так уж и хорошо.

Он чувствовал мощь куда большую, чем та, которой он когда-либо обладал, но и этого было недостаточно. Слишком мало, чтобы действительно сражаться и побеждать огромные армии самостоятельно.

Но Тэллавар и не помнил до конца всех возможностей Дарнаэла Первого. Он был сильным магом — да, ведь Граница простояла столько лет! — но всё же, может быть, не настолько, чтобы заставить все эти земли пасть.

Гартро помнил лишь обрывками своё многовековое прошлое. Он знал, что сила Дарнаэла Первого божественна, знал, что получил её — знал, что для Шэйрана, а теперь и для самого Тэллаваара при должном умении не должно было существовать границ. Но пусть теперь он и обладал таким большим запасом силы, Тэллавар подозревал, что не разобрался в ключевом моменте, до сих пор не понял принцип, по которому колдовал Дарнаэл. Может быть, когда он ступит на земли Эльвенты, знание придёт само собой, но сейчас не было и следа понимания чар, что дались ему так тяжело.

Самаранта вновь не возражала. Она будет шипеть на ухо Мариссе потом, настраивая её против своего неожиданного союзника. Но Марисса — сама только пешка, что не умеет руководить должным образом даже своим собственным сыном.

Тэллавар бросил короткий взгляд на Бонье. Ему нужна была Жажда этого юноши. Нужна была эта отчаянная тяга молодого мужчины ко всему, что он не способен пока что получить честно, по добровольному согласию. Ещё немного, и та убийственная сила, которой так мечтал он овладеть, полностью окажется в руках Гартро — но для этого надо выиграть хотя бы первый бой.

Это было так близко! Ведь очень просто захватить силы — но надо заставить их кипеть в жилах, прижиться, даровать ему пользу! Позволить вырваться из немного помолодевшего, но всё же такого дряхлого тела, которое по человеческой недолговечности отчаянно жаждало осыпаться песком.

— Я надеюсь, — промолвил Тэллавар, будто бы закрепляя эффект, — что тут всё-таки никто не посмеет мне перечить. Ведь всё, что я делаю для вас, делается для вашего же блага. Вы не настолько ведь глупы, чтобы отрицать что-то до такой степени простое?

\*\*\*

Тэллавар закрыл глаза и вдохнул родной воздух. Он видел, как впереди сияет берег Эльвенты, раскинувшейся перед ними, беззащитной и совершенно слабой без своей вечной границы. Теперь взгляд его скользил по новоявленному явлению — полосе снежных бурь вокруг Эрроки. Но то, что творится там — не его ума дело. Это Самаранта должна знать, что творится за гранью.

Она стояла совсем близко. В отличие от посла, решившего спрятаться куда подальше, от

его королевы-матери, страдающей морской болезнью, она не испугалась возможности выпасть за борт, не побоялась нанести вред своей и без того далеко не великолепной внешности.

Она сжимала белыми пальцами поручни и то и дело переводила взгляд на Тэллавара.

— Мы можем продвинуться только до границы, — проронила она. — Дальше придётся идти по узкой косе к Эльвенте, пока вся армия не столкнётся с основной мощью её войск. Если те, конечно, будут. Мы можем начать с мелких деревень, но коса тут очень узкая, а подводные течения слишком опасны.

Тэллавар протянул руки, будто бы пытаясь ощутить силу Эльвенты.

— Мы причалим через час, — проронил он. — Там уже решим, что надо делать. Эррока теперь спряталась за этими стенами, а я не знаю, откуда они взялись.

— Вероятно, королева радуется смерти своего главного соперника.

Гартро только удивлённо скосил взгляд на женщину, что так сильно ненавидела его, будто бы не доверяя ни единому её слову, но Самаранта только улыбнулась. На её некрасивом, похожем на восковую маску лице улыбка казалась банальной гримасой, но Тэллавар понимал, что сам в этом виноват. Прежде она была обыкновенной хорошенькой эрроканкой. Сейчас получила ворованные чары, отдав красоту — чем не честный обмен?

— Главного соперника? — протянул лениво он. — И кто же это? Раз мы выступаем на одной стороне, то мне следует знать, от какого врага избавилась королева Лиара.

— О! — фыркнула Самаранта. — Я думала, что никто не рискнёт двинуться на Эльвенту, не зная того, что король Дарнаэл мёртв. Иначе ноги моей не было бы в опочивальнях Мариссы с предложением союза. И эта жалкая граница... Не останавливает телепорты, между прочим — не так уж она и сильна.

Тэллавар знал, откуда граница появилась. Знал, как впитать её обратно в свои руки — но снежные бури по линии кордона Эрроки волновали его нынче меньше всего на свете. Нет, мысли всё время уходили к чему-то другому.

Смерть Дарнаэла. Его должны были казнить, но Тэллавар собирался воспользоваться только беспомощностью эльвентского короля. Его смерть была бы слишком прекрасным подарком, на который, пожалуй, не мог надеяться никто — и они в том числе.

— Всё это звучит слишком заманчиво, — проронил наконец-то он. — Слишком дико и неестественно. Неужели ты думаешь, Самаранта, что я поверю?

— Королева Лиара собиралась его казнить. Чему уж тут верить?

Тэллавар шумно вдохнул воздух. Тут, в мире, насыщенном — даже пресыщенном, — магией можно было смело вдыхать воздух, смело разрушать все границы и медленно впитывать в себе каждую капельку чар. Всё это, казалось, стоило бы ему немало усилий, но он помнил, что заклинание Тэзры должно было всё равно начать истончаться совсем-совсем скоро.

— Не знаю, действительно ли Её Величество Лиара так рада смерти Дарнаэла, — продолжила Самаранта, положив руку на плечо Тэллавара. — Но, может быть, стоит подумать о том, чтобы властвовать и над Эррокой тоже? Может быть...

Она отстранилась. Может быть, вспомнила о том, что берег слишком близко, а может, наконец-то задумалась — ведь она не так прекрасна, как была когда-то, чтобы подходить к мужчине столь близко, чтобы обвивать руками его торс. Да и Тэллавар не был молод.

Самаранта хотела вернуть свою красоту. Он чувствовал это — не слишком мудрёная мысль, обыкновенная скорее для любой женщины, ему она казалась до ужаса смешной —

такой, что нормальный человек и не подумал бы об этом. Ведь, в конце концов, Самаранта должна осознавать определённые границы собственных чар.

Она не может стать прекрасной, не избавившись от чар. А магия уже так въелась в её кожу, равно как и возраст, что былого уж точно не вернуть.

— Почему бы не подмять всё под себя? — прошептала она. — Не разрушить и эту позорную границу? Моя коллега, Высшая Кррэа, допустила ошибку, когда создала это, разве ж нет?

Тэллавар усмехнулся.

— Или ты не так силён, как говоришь?

Он знал, что так обычно ловят мальчишек, заставляя их делать то, что хочет умелая тигрица, схватившаяся своими когтями за них, сжимавшая сердце с такой силой, что они и дышать не могут. Но Самаранта могла сколько угодно строить из себя всеильную хитрую кошку, она была лишь обыкновенной непривлекательной женщиной, на которую никто в здравом уме и не посмотрел бы.

Тэллавар скривился. Ему не нравилось то, что сотрудничать приходилось именно с Самарантой, равно как не нравилось то, что надо заключать сделки. Но продемонстрировать свою силу было так просто и так бесконечно нужно...

Она потянулась — мысленно только, — к нему, но натолкнулась на сплошную стену из волшебства. Гартро не позволял себе ребячества, разумеется — просто нити его магии потянулись к границе, демонстрируя могущество.

Надо было бы оказаться чуть ближе, чем сейчас, но он только отмахнулся от этой мысли. Чтобы пользоваться чарами в полной мере, надо наконец-то начать их испытывать.

И магия Дарнаэла Первого — или Рэя, глупого принца? — отозвалась в нём с поразительной лёгкостью. Будто бы сплошным ореолом она окутала несчастную границу, проникла сквозь полупрозрачную одностороннюю стену, прорезала её невидимым лезвием.

Тэллавар призвал магию обратно к себе, и она, раскинув огромные сети, потянула по всему морю осколки защиты. Часть её терялась в море, часть — летела куда-то назад, и Гартро запоздало и безо всякого сожаления подумал о том, что, наверное, может затонуть один-другой корабль с войсками Торрессы. Но их плыло безмерное множество, поэтому он всё тянул и тянул к себе силы покойной — он чувствовал это, — ведьмы.

Силы, кипевшие в его жилах.

Теперь всё это было его. И то, что отдавала бездумно Тэзра, отказываясь от огромного количества чар.

...Теперь граница стала рваной. Где-то изредка вспыхивали источники силы — но их запросто можно было обойти. Тэллавар мирно улыбнулся собственному всемогуществу — он и не думал, что всё получится до такой степени легко и правильно.

Но пусть, пусть. Теперь Самаранта вряд ли действительно сможет считать себя его врагом.

\*\*\*

Они высадились уже не на узкую косу, завоёванную Дарнаэлом только для того, чтобы отрезать Лиару от моря. Нет, теперь перед ними были безграничные просторы свободной, не заклеянной войсками, своими или чужими, Эрроки. Тут вряд ли есть кому воевать; даже самые сильные маги, как знал Тэллавар, против него не устоят, равно как и могучие армии сдадутся под натиском солдат Торрессы. Конечно, их не так много, как в армии Эльвенты, но сила в них будет слишком велика.

Армия — не так уж и плохо. Тэллавар нуждался в ней так же, как и в жажде Бонье — нуждался, потому что собирался победить. А способы и средства имели для него слишком мало значения, чтобы сейчас приходилось обо всём этом думать.

Равно как и каждый раз, он только молча взирал на мир у своих ног, ожидая того мгновения, когда те подчинятся и встанут на колени.

— Мы можем объединить наши силы с Эрроканской армией, — предположила Марисса, опять глупо ткнув ногтём в карту. — Вот тут, например, воссоединиться...

Тэллавар только рассмеялся, рвано и резко, чем, пожалуй, напугал женщину — но до её страха ему не было никакого дела. Всё это — такая глупость, просто бабские заявления, к которым и прислушиваться-то не стоит, если он всё ещё желает выжить и выиграть.

— Нет, — покачал головой мужчина. — Мы не станем творить подобные глупости. Мы просто столкнём Эрроку и Эльвенту между собой, — он обвёл ладонью весь простор карты. — Пусть армии схлестнутся на границе — а потом вмешаемся мы, и всё рухнет.

Марисса покачала головой.

— Эльвента сейчас бесправна...

Он даже не посмотрел на неё. Бесправна? Такая огромная страна и дня не существует без своего короля! Да, пусть на её троне восседает только жалкий самозванец — это не имеет никакого значения. Политика — это всего лишь тонкая игра, и Тэллавар собирался побеждать малой кровью.

Ему нужны были его силы. Нужно было всё его могущество. Не расплескавшееся по карте — на армию, на победы, на воссоединения. Ни в чём нельзя было оставаться уверенным. Он знал, что только такая глупая женщина, как Марисса, могла сказать ему столь глупую вещь.

— Моя дорогая, — он подошёл к ней и жестом отогнал стражей королевы — те подчинились беспрекословно, покидая шатёр, — если я уж вам и помогаю, то, может быть, стоит меня слушать?

Сзади предупредительно кашлянула Самаранта, в очередной раз напоминая о том, что она никуда не делась и всё ещё за всем наблюдала. Что за пошлость! Конечно же, он не забыл о том, что отвратительная женщина, променявшая красоту на магию, всё ещё тут. О врагах забывают только такие глупые женщины, как она или Марисса.

Он провёл большим пальцем по линии подбородка королевы Мариссы. Ладонь соскользнула на чёрный бархат её извечного платья, и он только грустно вздохнул.

— Вам хочется отомстить, Марисса. Имейте же терпение — мы должны получить из всего этого максимальную выгоду. Или же вы желаете оказаться там же, где и ваш муженёк?

В голосе мага чувствовалась неприкрытая угроза. Впрочем, он и не стремился показаться добрым — в этом смысла никакого не было.

Марисса не чувствовала особого страха. Равно как и все остальные, она просто отчаянно жаждала заполучить своё — в максимальном количестве, — и была готова буквально вырвать плотку за то, что поставила целью. Вот только Тэллавар предпочитал тонкую, уверенную игру, а не ту грубость, которой увлекались местные дамы.

— О, моя дорогая, — прошептал он, — вам лучше сейчас уйти. Оставить меня и мои планы наедине, не так ли?

Она бросила подозрительный, будто уточняющий что-то взгляд на Самаранту — проклятые заговорщицы! Только такие, как они — и сын королевы Мариссы ещё, разумеется, — могли предположить, что сам Гартро выступит на их стороне, чтобы

победили они. Конечно, если у человека есть мощь, но нет армии, он отправляется её искать. Но разве он совершил уже недостаточно подлостей для того, чтобы они наконец-то задумались о его мотивах?

Нет, они подумали! Они решили, что хитрее, что могут победить — переиграть самого Тэллавара! Но он победил и бога — тот зря доверил мальчишке такие безмерные силы, — а значит, с лёгкостью вновь уничтожит тех, кто на самом деле и не является живым человеком, так, простой, банальной тенью женщины, блуждающей по этой земле.

Марисса ушла гордо, с высоко поднятой головой. словно была уверена, что на поле боя она уже лучшая, что армия в её руках... Но осталась Самаранта, пусть Тэллавар и показал слишком явно, что желает остаться один — и это вызвало у него короткий смешок. Неужто они считают его до такой степени глупым, способным поверить в дешёвый театр с такими плохими актрисами?

Но да. Она подошла ближе и посмотрела на него так, словно зачаровывала, и на мгновение сквозь маску уродства пробилась прежняя красота. Пробилась бы — но Тэллавар умел уничтожать иллюзии ещё задолго до их появления.

— Знаешь, Тэллавар, — она скривилась, но, может быть, это оказалось каким-то подобием улыбки, — когда-то мы играли по одну сторону баррикад. Мы тогда почти любили друг друга, правда? Может быть, только я любила, — она покачала головой. — Как было бы хорошо сейчас хоть какое-то временное перемирие заключить, — она зажмурилась. — Хоть на несколько дней.

Он кивнул. Это не могло быть правдой, конечно же, но сейчас Самаранта, ослеплённая уверенностью в своей иллюзии, подошла ещё ближе и сжала его запястье, словно пыталась удержать на месте. Дышать было трудно, но не от того, что она так прекрасна — Тэллавар вынудил себя улыбнуться широко и искренне, будто бы верил ей. Будто бы мог позволить себе переступить через тонкую черту вражды.

Как же она пылала мстью! Как же она горела изнутри, как сильно ненавидела его, как сгорало изнутри её сердце! Тэллавар выдернул своё запястье — его магия будто бы вскипела внутри. Он чувствовал, что рано или поздно женщины — коварные, пустые существа, — попытаются разрушить изнутри его победу, его уверенность и его бесконечные чары.

Она потянулась к бутылке вина. Пальцы сквозь иллюзию — он оставил её, пусть так, — казались длинными, тонкими и изящными. Не было этой чрезмерной худобы и серости, к которой он так привык за последнее время. В Самаранте только одно стоило внимания — её красота, но даже она успела погаснуть, стоило только женщине возжелать большего, чем она имела право получить.

И дочь её пошла по всё той же тонкой, кривой тропинке — только она отдала что-то куда большее, чем смазливое личико и умение красиво улыбаться.

Бокалы — чистый хрусталь, — были явно эльвентскими. Как смешно — собираться напасть на государство, если даже вино и посуда оттуда! А как же воины будут праздновать и демонстрировать значимость своей победы, если у них ничего своего не осталось?

Но они праздновать не будут. Об этом Тэллавар прекрасно знал. Они лишь жалкие пешки в его руках и смешаются с остальными армиями прежде, чем успеют осознать собственную победу. Ему лишь надо заполучить Эльвенту и её войско, а дальше всё окажется поразительно простым. Дальше ему будет куда продвигаться и как раскрывать собственную божественную силу, что теперь кипит в его жилах, будто бы маленький местный вулкан.

— За нашу победу? — Самаранта высоко подняла свой бокал. Гартро всё ещё сжимал



собственный, будто бы пытался понять, что ему предлагают, и отложил его в сторону — Тальмрэ поступила зеркально, так и не сделав ни единого глотка.

Разумеется, он не был глуп. Он видел, как подрагивала королева Марисса, стоило только этой проклятой ведьме на неё посмотреть, чувствовал их страх, их дикий ужас перед тем, что должно было случиться. Они отчаянно боялись проиграть, просчитаться, но всё-таки сделали это.

— Какая жалость, — прошептал он, — что вы действительно не смогли оценить то, насколько я умён и силён во всех этих интригах, будь они глупы или не очень. Какая жалость... — он покачал головой. — Ну что ж. Я думаю, сейчас как раз пришло время прощаться, Самаранта.

Он осушил бокал одним глотком. В её взгляде сквозь иллюзию даже пробиравлось к нему невероятное торжество, а Тэллавару очень хотелось рассмеяться. Что за глупость! Он — не просто старик с давними силами, он получил могущество богов! Разве кто-то, какая-то обыкновенная жалкая женщина, способен ему помешать? Способен остановить на полпути?

Он столько лет провёл в Эрроке, в этом жутком, надоедающем матриархате — а теперь, спустя несколько дней после того, как получил божественную силу Дарнаэла Первого, он видел, насколько жалкими были надежды на богиню Эрри. Если б в Элвенте ещё встречались такие маги, как их первый король, если б у них получилось развить силу молодого Тьеррона — прежде чем он оказался в усыпальницах своего предка с переломанной шеей и сердцем, пронзённым чужим кинжалом...

— Прощаться? — она смотрела на него, а её магия — магия, на мгновение подарившая ей красоту, — осыпалась пеплом к ногам. Тэллавару хотелось смеяться; он помнил, как когда-то давно действительно верил в то, что волшебство способно на всё.

— Ты не сможешь обмануть возраст, Самаранта, — проронил он. — Рано или поздно все иллюзии схлынут, даже те, что кажутся такими уродливыми — а ты ведь ещё хуже на самом деле! Твой лик будет даже не просто пугающим — только отвратительным. Они будут обходить тебя, стыдиться тебя... Но вряд ли тебе суждено до этого дожить. Магический Источник любил число три. Там всегда было трое... — Тэллавар не знал, откуда в голове появилась эта вездесущая, кошмарная цифра. — Конечно. Ведь в его основе стоит треугольник. Когда-то на его гранях стояли будущие боги и жертвы. Теперь, наверное, я сам довершу его.

Он чувствовал, что натворила Тэзра. Он видел, как рыдала земля под силой её чар, постепенно иссыхающих. Она сама не могла бы этого сделать. Где-то там открылся Источник.

— Надеюсь, ты займёшь в гранях достойное место, — он коснулся её лба тремя пальцами, будто бы отправляя в дальний путь.

Сердце сжалось и перестало биться. Яд действовал, разумеется, просто отлично. Но его магия, божественная сила Дарнаэла Первого толкала кровь, гнала её по жилам, и он чувствовал, как постепенно вновь начинает дышать. Как отвратительные судороги, сжавшие было его в своих гадких лапах, становятся всё слабее и слабее, как уступают постепенно место тому, что он силой отобрал у других.

Самаранта тоже таяла, но не перед глазами — будто бы у умирающего. Она растворялась в потоках молочного тумана Источника, всё ещё не удосужившись посмотреть себе под ноги. Слишком рано она решила, что победила. Слишком ненужной для него оказалась.

— Ваше Величество, — Реза склонилась в уважительном поклоне перед своей королевой. На Дарнаэла Второго она даже и не посмотрела, будто бы всё ещё хваталась за матриархат и его строгие, упрямые правила, царившие ещё несколько дней назад во всей стране. Нельзя сказать, что Ятли была большой почитательницей религии прежде, но всё же, ей так вдруг захотелось вернуть время вспять и оказаться в прошлом году, когда она ещё имела прекрасные надежды на будущее правление в собственной деревне, единственном, что оставалось у неё в качестве стимула. — Мы обнаружили Магический Источник, по крайней мере, так заявляют Моника и Мизель. И ведьма Лэгаррэ, — называть её просто Мон перед королями было вполне удобно — что Лиара, что Дарнаэл хорошо знали девушку, — но почему-то Реза не смогла удержаться от официального представления, такого чуточку недовольного, возмущённого, словно она ещё таила в душе обиду на более сильных сокурсниц, — подтвердила личность найденного там человека, влитого в лёд. По её мнению, это начальник королевской стражи в Лэвье, Кальтэн Фэз.

Она даже не посмотрела на Дарнаэла — Мизель бы уж точно не удержалась, желая увидеть, как он расстроится от того, что его друг и соратник оказался в столь плачевном положении. Ятли не пылала ненавистью к королю Эльвенты, ей было просто всё равно. Злилась она скорее потому, что всё ещё оставалась бесцельной, никому не нужной девушкой в этом отвратительном государстве.

Государстве, что само предаёт своих же служительниц.

— Но я не вижу тут ни Моника, ни Мизель, — отозвалась королева Лиара, выпрямляясь на своём троне. Она была истинной правительницей — казалось, будто бы светило изнутри её белое платье, пусть в глазах всё ещё сияла некая грусть. Её Величество не позволила присесть даже Дарнаэлу — презренному мужчине или, может быть, её единственному достойному сопернику, ведь Реза понятия не имела, какие между ними на самом деле отношения, — и он стоял по правую руку от неё, как-то расслабленно опираясь о трон плечом. В синих глазах Тьеррона не было недовольства или злобы, только какая-то усталость, смешавшаяся в привычным смехом — он умел веселиться даже тогда, когда плакал весь мир, так, однако, в Эльвенте описали его с негативной точки зрения, будто бы пустоголовый король и на могиле сплясать способен.

— Они остались у Источника. Сказали, что без присмотра границу покидать попросту нельзя, — привычно пояснила Реза. Она повторяла эту фразу не первый и не второй раз за сегодня, поэтому вышло отточено и слишком ровно.

— Что за глупость, — скривился Дарнаэл, влезая в разговор ведьм, что считалось в государстве для мужчины грехом, достойным едва ли не смертной казни. — В конце концов, граница тянется на множество километров! Ни Моника, ни Мизель, ни даже сама богиня Эрри не смогла бы удержать всё это под своим влиянием. У неё просто не хватило бы сил и глаз. С какой целью на самом деле они там остались?

— Чтобы никто не пострадал при попытке пересечения, — упрямо ответила Ятли. В правдивости её слов никто прежде не сомневался, а королева и не оборвала своего гостя, которого собиралась казнить. Реза не понимала, откуда в ней взялось столько ненависти к мужчине — может быть, от того, что он слишком уж о многих разрушенных судьбах ей напоминал.

Всё это — огромная глупая игра, которую надо бы прервать, но вот обыкновенная выпускница академии вряд ли была в силах это сделать. И это чувство собственной

ненужности продолжало преследовать её днями и ночами, не давая ни спокойно дышать, ни нормально жить дальше.

— Значит, они просто так сказали, — сделал свой вывод Дарнаэл. — Но я надеюсь, была хоть одна разумная мысль по поводу того, как можно уничтожить границу и унять источник? Как освободить моего начальника стражи, в конце концов?

Лиара посмотрела на него — не предупредительным, не недовольным почему-то, а совершенно спокойным взглядом, будто бы каждое из произнесённых слов было в порядке вещей, а после кивнула, почти что равнодушно.

— Действительно, — проронила она. — Моника и Мизель не кажутся мне столь безответственными, чтобы не передать через тебя ни единого достойного варианта развития событий.

— Они считают, что там требуется либо сама Тэзра либо кто-то из близких родственников, — сухо ответила Реза. Её мнением — как это обычно и бывало, — никто не интересовался. — Они сами уверены, что не смогут снять эту стену, равно как и самые сильные маги нашего королевства.

— Ну, ведь Антонио всё ещё здесь, — повела плечами Лиара. — Я не вижу ни одной причины не допустить его к столь важному делу — пусть принесёт хоть какую-то пользу и уберёт то, что натворила его драгоценная мать. Пусть от него будет хоть какая-то польза.

Резе захотелось смеяться. Антонио? Да если и надо искать подтверждение тому, что мужчины в магии абсолютно беспомощны и глупы, то Карра — идеальный тому пример! Да, его мать — сильная ведьма, выстроившая всё то, что они сейчас пытались убрать. Но даже это не помогло ему овладеть хоть капелькой чар.

Хотя, впрочем, кто знает, кто у него отец. Все эти сироты... Что за глупость! Шэйран тоже считался сиротой много-много лет.

— И вы отправите его без поддержки? — промолвила Реза. — Антонио не хватит мощи даже на то, чтобы вернуть к жизни этого мужчину, а...

— Ты предлагаешь мне отправиться с ним в сопровождение? — равнодушно спросила Лиара. — Действительно, я поступлю именно так. В тот день, когда моё государство как никогда нуждается в своей королеве, я сорвусь и брошусь на границу. У нас нет свободных сильных магов, Реза. И если Антонио не сможет справиться сам...

— Я всё равно в этом государстве ничем не занимаюсь.

Голос Дарнаэла прозвучал всё так же мирно, с каким-то странным весельем. Он прищурился и бросил взгляд на королеву, будто бы пытаясь убедить её в своей правоте.

— Я уже не пленный, но всё же, и не король, потому что моё государство осталось за стеной, а правит им теперь непонятно кто, — он сложил руки на груди. — Всё равно придётся отправляться в сторону Эльвенты, а так, может быть, хоть полюбопытствую у своего начальника стражи, на кого же осталось моё бедное истерзанное государство.

— На его королеву, может быть? — Лиара посмотрела на него, словно не желая никуда отпускать, а после кивнула. — Если это поможет, то ты вполне можешь составить Антонио компанию.

— Могу, но не уверен в том, что это действительно окажется достаточным подспорьем для того, чтобы он хоть что-то сделал, — хмыкнул мужчина. — Но это не имеет никакого значения. Реза, отыщи его и скажи, что сегодня вечером мы должны отправиться в путь.

— Остальное сопровождение? — уточнила Лиара.

— Разве что тот, кто покажет, где именно источник, — Дарнаэл усмехнулся. — Ваше

Величество, я пережил Высшую Ведьму Кррэа. Бунтовщики столицы и всей страны будут смотреть на меня как на героя, а не как на ненавистное существо. А что до ваших волшебниц, то вряд ли среди них найдётся кто-то сильнее Тэзры.

Лиара коротким, недовольным взмахом руки приказала Резе поскорее убираться из помещения. Казалось, докладом она была кошмарно недовольна — равно как и отчаянно надеялась на то, что королю Элвенты не придётся покидать государство до такой степени поспешно.

Но выбора у них не было. Война — пусть пока что некому было её объявлять, — уже гремела в тучах там, в небесах. Война была неминуема. Осталось только определиться с тем, кто именно будет в ней участвовать, и Лиара хотела бы играть на правах победителя.

\*\*\*

Дарнаэл был уверен в том, что его родной сын не испытывает никакой потребности в магическом даре — сил у него было предостаточно. Но даже Шэйран умудрялся путаться, сбиваться, не пользоваться всем своим потенциалом, постоянно теряясь и смазываясь на фоне отвратительных эрроканских законов. Не мог он достойно продемонстрировать свою силу, не мог колдовать так, как колдовал бы в свободной державе, и даже ему постоянно в спину летели короткие насмешки от сокурсниц.

Но Рэй умел бороться. У него в жизни — пусть далёкие и смутные, — были примеры того, что в каких угодно условиях можно оказаться победителем. Пусть он тогда ещё был совсем ребёнком, но воспоминания о том, как Дарнаэл из ничего выстроил огромную страну, всё ещё теплились в его разуме.

И, в конце концов, он был истинным сыном своего отца. С примерами или нет — в их жилах текла одна кровь. Не важно, какое оружие выбирали Тьерроны, но в том, в своём, они действительно были лучшими мастерами на свете. Возразить этому не мог никто.

Вот только в этом мире всё казалось не таким уж и простым, как, может быть, того хотелось бы Лиаре. Может быть, она и играла в хитроумные, тяжёлые для человеческого понимания игры, может быть, она пыталась обрубить крылья, когда ей было это выгодно — и прирастить их обратно.

Их сын пережил это потому, что отрубить не получилось. Он всё ещё стремился к чему-то, всё ещё думал о том, что ждало его впереди. Он боролся — со смехом, с короткими издевательствами, выворачиваясь из лап законов, придуманных его собственной матерью. Законам Эрроки было и лет-то столько, сколько Шэйрану, но у него как-то странно получилось обходить их.

А у Антонио, казалось, крылья давно уже отпали самостоятельно. Не летать — даже ходить нормально он не мог, коль от него желали этого иные люди. И его родная мать, и королева, и все вокруг повторяли, что магия — единственное, что имеет значение. Магия, которой в нём было несколько капель.

Так много для эрроканца. Так мало для настоящего мужчины.

И они выпили его практически до дна своими придирками, своими примерами из окружающего мира. Сейчас рядом с Дарнаэлом ехал не полный сил юноша, не человек, желающий чего-то добиться — нет, на соседней лошади восседала лишь жалкая тряпка, достойная только того, чтобы целовать носок туфли своей королевы. Да и то — не всегда.

Это чувствовалось во всём. В том, как он держался, как опускал голову, как отводил взгляд. Ему было просто в Эрроке, тут такие все — но стоило оказаться в компании хоть кого-то сильного, преодолевающего преграды, как Антонио угасал, обращался прахом.

Дарнаэл и сейчас ловил недовольные взгляды молодой ведьмы то на себе, то на молодом Карра. Реза — всего лишь яркое пятно стереотипов в их компании, — может быть, и была добродушной, светлой в каких-то своих проявлениях. Но всё же, в ней уже проросло то самое зерно проклятого матриархата, которое имело право быть только в сильных женщинах.

Его Лиаре — при всех её недостатках, — оно даровало гордость.

Ятли — всего лишь гордыню.

— Тут, — наконец-то уверенно выдохнула она.

И вправду, не заметить эпицентр было практически невозможно. Хотя Дарнаэл был уверен, что определённый отрезок времени они ехали вплотную к границе, но там не было ни снежной бури, ни даже обыкновенной синей стены, которую так ярко описывала девушка. А вот теперь он и вправду видел — обломанные края этой громадины, заканчивающейся в сотне-другой метров от источника.

— И это вся стена? — хмыкнул Дарнаэл. — Неужели её так сложно обойти?

— Вы просто дарниец, и Антонио — тоже наполовину не эрроканец, так что, может быть, вы видите только самую сильную часть, — Ятли даже не обернулась, отказываясь удостовериться в их общей ошибке.

С местом они угадали точно. Этот клубок волшебства, крутившийся вокруг собственной оси прямо перед их носом, тянул свои снежные лапы к статуе мужчины, замершего будто бы в попытке убежать или догнать кого-то. Не узнать в этом могучем воине Кальтэна было трудно — Дарнаэлу понадобился только один взгляд, чтобы с уверенностью сказать — Моника правильно идентифицировала личность этого человека.

— Но где же твои сокурсницы-ведьмы? — недовольно поинтересовался король у Резы. — Если я не ошибаюсь, они всё ещё должны находиться тут и стеречь границу.

— Наверное, осматриваются с той стороны, — пожалла плечами Ятли. — Разве это имеет какое-то значение? Мы привели Антонио — только он может что-то исправить.

Но тот выглядел таким испуганным, таким бледным, глядя на своего родного отца, обратившегося в глыбу льда, что в Дарнаэле не осталось и капли сомнения — чудо, если они хотя бы человека сумеют вытащить. Ведь Антонио, убегая отсюда, отказался замечать и снежные стены, и погибших — он был настолько испуган...

Он и не мог с этим ничего поделать, потому что он — просто марионетка. Слабый, безмерно слабый волшебник, и не потому, что мужчина, а потому, что его мать очень постаралась доказать на его примере, что чары в руках любого парня угасают.

Дарнаэл знал, что это не так, но даже он сомневался, глядя на Антонио, в том, что чары могут быть подвластны мужчине.

— Ну, наверное, надо начать с источника, а потом... — Реза запнулась и посмотрела на Дарнаэла, справедливо считая себя тут единственным специалистом в плане магии.

Тьеррон коротко пожал плечами — он не питал лишних надежд относительно силы чар бедного, измученного Антонио. Моральных сил в юноше не больше, чем магических, а ведь именно они предопределяют исход дела.

— Нет, — упрямо покачал головой король. — Сначала Кальтэн.

— Ваш стражник не может быть настолько...

Он прервал Резу коротким, уверенным жестом, будто бы напоминая ей о том, каково место молодой ведьмы в их отряде.

— Послушайте, милая моя, — он не смотрел на девушку, всё не мог оторвать взгляд от

своего обратившегося в лёд друга, — королева Лиара, позволяя мне сюда уехать, не предполагала короля Эльвенты в качестве подчинённого юной, ничего не смыслящей в этой жизни девочки. Уж поверьте мне, если я нахожусь тут, то сам в праве решать, кто и что будет делать. В нём не хватит сил на всё. Пусть попробует сначала разобраться с Кальтэном, а если ощутит себя достаточно могучим, то тогда уж и возьмётся за всё остальное.

Антонио за всё это время не проронил ни единого слова. Он спешил, подошёл к статуе своего отца — пальцы осторожно скользнули по холодной льдистой поверхности. Было, наверное, страшно — он не чувствовал в себе и капли магии, а помочь...

Тут некому было помочь.

— Я не знаю, что следует сделать, — выдохнул он. — Я не... Я не помню всего этого на занятиях, я...

— Расколоть лёд и вдохнуть в него жизненную энергию, — Дарнаэл скривился. — Сначала расколи лёд. Маги делают это одновременно, но там есть трёхминутный зазор. Успеешь. Тебе придётся передохнуть.

Антонио покосился на него, но подчинился — положил ладонь на плечо своему отцу, представляя себе, как мелкие капельки воды стекают с его одежды, как постепенно всё это обращается обыкновенными потоками жидкости. И как отступает от него холод.

Реза возмущённо хмыкнула — она не понимала, откуда королю соседней державы, в которой магия существует в полуправильной форме, может знать такие подробности.

Разумеется, ему рассказала Лиара. Разумеется, потому, что ни Реза, ни Антонио не удосужились поискать в библиотеке хотя бы один способ снятия подобного рода проклятия. Конечно, они оба надеялись на то, что тут будут Моника и Мизель, и только Дарнаэл как-то каждый раз неуверенно качал головой, стоило только кому-то предположить присутствие молодых ведьм у места наложения проклятия.

...Лёд поддался. Антонио чувствовал нить чар собственной матери — он тянул её на себя, будто бы пытался вытащить на свободу хоть что-то, хоть какие-то знания. Вода медленно, но уверенно лилась ему под ноги — замерзала тут же, но это было не самой большой его проблемой.

Его отец уже не был покрыт сохраняющим его льдом, но и сердце его не билось. В нём не было ни капли жизненной силы, и Антонио знал, что должен вдохнуть её.

— Попытайся просто влить в него дыхание, — Дарнаэл нахмурился, внимательно глядя на молодого мага. — Никто, кроме тебя, не сможет этого сделать без вреда для его рассудка. Быстрее!

Три минуты — это всегда ничтожно мало. Три минуты — это лишь несколько ударов шпагой, несколько выстрелов из револьвера и бесконечно много смертей. За три минуты Дарнаэл Первый когда-то выпустил ненависть из скал и выстроил из неё континент.

За три минуты Антонио должен был вдохнуть силу в своего родного отца. Ведь в них — одна кровь. Ведь они связаны между собой. Они должны чувствовать друг друга.

Но в нём ничего не было. И сколько б Антонио ни пытался пробиться сквозь странную стену, он не мог — его бессилие рассыпалось мелкими кусочками и становилось просто следом какого-то глупого, бессмысленного происшествия.

Он чувствовал холод.

Это было уже не проклятьё. Конечно, от Тэзры не осталось и капли, она ушла вместе со льдом. Но сердце Кальтэна не билось, и с места он так и не сдвинулся, будто бы окаменел.

— Я не могу, — Антонио убрал руку с его плеча. — Я не могу...

— Пробуй! — в голосе Тьеррона чувствовались стальные нотки. Он смотрел на юношу, будто бы отчаянно пытался заставить его что-то сделать. — У тебя почти не осталось времени. Пробуй! Не зря ведь ты тратил силы на то, чтобы хотя бы его разморозить?

— Я не могу...

Дарнаэл лишь что-то прошипел сквозь зубы, рванулся вперёд и положил руку другу на плечо, словно поддерживая и провожая в последний путь.

Всколыхнулась магия. Сильная, но бесконтрольная, необученная, будто бы у могущественного, но слишком юного волшебника. Дарнаэл никогда не думал о том, что чары могут быть для него полезны. Никогда не ставил цели выучить их, научиться колдовать по-настоящему, так, чтобы заклинания ему и вправду поддавались, а не только зелёные кусты росли за спиной.

Но сейчас это не имело значения. Тонкую преграду сила сломала за несколько мгновений и, чужеродная, потекла по венам Кальтэна.

Дарнаэл отшатнулся — его ладонь всё ещё сияла, а там, где он касался своего соратника, осталась лишь дымная дыра вместо одежды да обожжённое плечо. И сам Фэз смотрел на него наполовину опустевшими глазами — так потерянно, так испуганно, словно и вправду боялся того, что могло случиться через несколько секунд.

— Тэзра, — прохрипел он и протянул руку к своему королю. — Где... Где моя Тэзра?

Его голос звучал будто бы из могилы. Широченные плечи поникли, в глазах сверкали то ли капельки растаявшей воды, то ли слёзы, а на лице всё ещё застыло это недоумённое, какое-то до ужаса глупое выражение. Он бормотал что-то себе под нос, оборачивался то и дело, словно ещё верил, что способен что-то найти, и действительно задыхался — от ужаса и от боли, сжимающей сердце.

Кальтэн смотрел на него обезумело и дико. Смотрел — и видел, как кровь его прекрасной Тэзры стекала с рук короля, как мелкие капельки алой жидкости оставляли свои следы на снегу, как стрела пронзала её насквозь. Видел, как свой последний шаг делала Лиара.

— Дарнаэл, — на его губах застыла кривая, неискренняя улыбка. — Я... Рад... Видеть тебя.

Он даже не посмотрел на Антонио — словно забыл о его существовании. Всё ещё шатаясь, двинулся к коням, и на его губах застыло одно только слово.

И Тьеррону жутко не хотелось верить в то, что он сейчас видел перед своими глазами. Может быть, Кальтэн ещё станет прежним.

Но сейчас человеком он не был. Только жалким призраком, тенью себя самого в прошлом.

\*\*\*

...Они возвращались в столицу не победителями — скорее отрядом разрушенных морально, а то и физически людей.

Король Дарнаэл с печатью беспокойства на лбу. Реза, уязвлённая, будто бы всё это случилось исключительно ради того, чтобы её унижить — ведь богам ни до кого нет дела, только до уничтожения её как личности! Кальтэн, постоянно повторяющий про себя имя Тэзры — будто бы внезапно вся его прошлая жизнь растворилась, а в нынешней остался только один смысл — служение женщине, которой уже не было в живых. И Антонио — уверенный в том, что во многом случившемся виноват именно он.

Королева, может быть, и не была самой проницательной женщиной на свете, иначе

многое случившееся просто не имело бы места в их жизнях, но всё равно поняла, что что-то пошло не так. Но нормального отчёта она не дождалась ни от Антонио, поспешившего куда-то скрыться — подальше с королевских глаз, — ни от Резы, всё ещё уверенной в том, что мир просто играет против него, будто бы больше ему нечем заняться.

Она смотрела на Дарнаэла невообразимо грустно, будто бы уже что-то знала, но ожидала от него хотя бы пары слов, прежде чем ошарашить собственной отвратительной новостью.

— Граница рухнула, — стоило только закрыться дверям за Кальтэном и врачами, проронил он. — Твоя ведьма будет утверждать, что я просто вижу сквозь него, но не обольщайся. Девчонка не видит дальше своего носа.

— А где Моника и Мизель? — Лиара не выглядела обеспокоенной — будто бы молодые ведьмы волновали её меньше всего на свете. Она могла, впрочем, почувствовать какой-то их замысел — а что он был, не оставалось ни капли сомнений.

— Пропали, — сухо отозвался король. — И пусть меня старательно убеждали в том, что они решили исследовать границу по другую сторону, я этому не верю. Источник распространяет действие метров на сто, и я думаю, что до этого там был далеко не круг — вся граница была стеной. Кто-то снял заклинание.

— И кто бы это мог быть?

Мужчина хмыкнул — недовольно и зло.

— Ты. Самаранта, может быть, частично. Тэллавар, — он бросил на неё взгляд, вполне способный испепелить живого человека. — Ты этого не делала, иначе сказала бы мне — уже давно. Самаранта вряд ли смогла бы охватить своим влиянием такой большой кусок территории, мне всегда казалось, что она Высшая отнюдь не по своим заслугам, просто остальные отказываются торчать в Вархве и тратить кучу времени на такие глупости. Остаётся только один вариант.

— А у тебя на троне остался тоже Тэллавар?

Дарнаэл едва не поперхнулся.

— У меня на троне осталась моя супруга, — он словно ожидал того, как отреагирует на это Лиара, но женщина не спешила возмущаться. — Я понимаю, что Кальтэна там ждать уже не стоит, его почему-то понесло в Эрроку, но есть ещё Тэр — ненадёжное существо, но всё же...

— Королеву сожгли несколько дней назад, — Лиара едва-едва говорила, будто бы ей действительно было жаль практически незнакомую женщину. — И это не худшее из того, что случилось, поверь мне. Я не знаю, имеет ли это отношение к человеку... человеку, убившему...

— К Тэллавару, — оборвал её Дар. — Мы ведь уже сошлись на мнении, что у нег ничего не получилось. Но, впрочем, не имеет значение. С чего ты взяла?

Она протянула ему тонкий лист бумаги с горой эльвентских печатей. Кто-то, подписываясь едва ли не личными, Дарнаэла, знаками, явно старался продемонстрировать, что и вправду законно находится на троне.

— По причине убийства Его Величества Дарнаэла Второго Тьеррона... Я, король-регент... Рри! — он запнулся, — объявляю вам войну, основываясь на...

Войну.

— Сколько лет я боролась с тобой, — усмехнулась Лиара. — И что получилось? Стоило только забрать из Эльвенты её распрекрасного короля, как мне тут же огласили войну.



Некий самозванец, имя которого не говорит мне ровным счётом ничего.

— Лучше б оно и мне ничего не говорило, — покачал головой Дар. — Но — война? С моей страной? Они одумаются, стоит только мне выйти на холм, ты же понимаешь.

— Если ты ещё на него выйдешь. Армия Эльвенты... Вот если б ты напал на Эрроку каковы бы были у нас шансы?

— Без границы? — он даже не особо задумывался. — Если б я действительно хотел всех вас уничтожить или подмять под себя? Настоящая война? — мужчина развёл руками. — Это не больше месяца. У вас слабая армия. Есть маги, но вряд ли они специально обучены. К тому же... Если правильно убирать людей, то можно выиграть войну ещё до нападения.

— Вот видишь, — хмыкнула Лиара. — У нас нет шансов. У нас нет полководца, нет войска, магов, как ты говоришь, можно убрать...

Она отвела взгляд. Рыжие волосы даже в одно мгновение будто бы погасли — и во взгляде почувствовалось что-то такое странное, дикое, словно королеве Лиаре впервые в жизни было действительно страшно.

— Послушай, — Дарнаэл выпрямился. — Я понимаю, ты сейчас в ужасном положении. Но я не был бы столь радикален относительно того, каковы у нас проценты возможности победы.

— Ты ведь сам только что сказал, что мы заведомо проиграли.

Разумеется, в её взгляде не было ни единой слезинки. Королева просто не может плакать, она не позволит себе такую дикую, жуткую слабость. Королева — идеальная женщина, которая никогда в своей жизни не совершила ни единой ошибки из того глупого, пустого перечня.

И, конечно же, она сумеет победить. Железная, стальная женщина, у которой отобрали двоих детей, которых она, вопреки всему, любила. У которой забрали её первого советника. У которой нет ни армии, ни народа, что любил бы её достаточно сильно.

— Лиара, — он обнял её за плечи и заглянул в глаза — такие же, как и в молодости, яркие, только уже не преисполненные той дикой уверенностью. — Послушай. Ты спросила меня, как скоро я бы выиграл эту войну. Я сказал. Но я воюю всю свою жизнь. Я, в конце концов, семь лет терпел тебя — это многого стоит. Я знаю Эрроку и Эльвенту, как свои пять пальцев. Я даже согнал свою возлюбленную мать с трона, не имея ни армии, ни стражи — только бунтующий народ. Да, мне бы хватило два месяца, может, больше, но немного. Мне — не тому, кто там правит.

— Неужели ты так сильно недооцениваешь человека, что сжёг твою жену? И ты, — Лиара едва сдержалась, чтобы не оттолкнуть его, — не слишкомходишь на человека, грустящего по своей благоверной.

— Ну, во-первых, если мои догадки верны, то ей костёр пойдёт только на пользу, — он закрыл на мгновение глаза. — А во-вторых... Милая, это же узурпатор. У него нет верности народа — поверь, не так уж и много верит в то, что я действительно оставил по себе такого наследничка. У него нет военного опыта — я знаю своего советника, он дальше длинного носа ничего и не видел! Но даже если он дойдёт до страны, в которой никогда не бывал, сплотит армию, которую ведёт король, даже если осмелится её возглавить... Ну, милая. Это ты не умеешь выстраивать войско и защищать родную страну. Я-то умею, — он весело подмигнул ей. — Как бы не горестно было мне это признавать, Лиара, мы сейчас играем на одной стороне. А что до наших детей, о которых ты нынче, я уверен, думаешь, то если уж они сумели вырваться из-под твоей опеки, то как-то переживут то, что творится в наших

странах. Я в твоих тюрьмах был, знаю, о чём говорю.

===== Глава шестидесятая =====

Анри остановилась — будто бы кто-то внезапно вынудил её замереть. Казалось, она блуждала между гранями неведомого кристалла, и то тут, то там сталкивалась с собственным отражением. Тут и трёх слов нельзя было проронить, чтобы не быть оглушённым дикой луной — и Сандриэтта чувствовала, что попала в жуткую ловушку.

У неё пропало ощущение времени и пространства, растворились в воздухе всякие понятия уверенности — будто бы настоящий мир поглотила абсолютная, бесконечная боль. И она могла только хвататься за какие-то осколки жуткой, безмерной боли — хвататься и мечтать о том, как однажды будет счастлива.

Сейчас тут был только холод. Холод предательства, холод одиночества, холод обыкновенный, зимний, и она видела изморозь на кристаллах. Видела чужие мысли и чувства — и почти окончательно потеряла собственные. Задышалась, будто бы падала в воду и никак не могла выплыть на свободу.

Она зажмурилась, пытаясь вспомнить хоть что-то хорошее, что случилось с нею в жизни, но ответом оказалось лишь колючее, ненавистное прошлое, болезненное и отвратительное. И она не могла — действительно не могла уцепиться за что-то.

Король, усмехающийся почему-то — со своей прекрасной супругой под руку. Ненавистная Граница, у которой она провела столько дней. Мать, с которой не имела возможности даже поговорить — и до, и после её смерти. Светлые волосы, светлые глаза, бледная, алебастровая кожа — улыбка на губах, застывшая в вечной маске, глава стражи-однодневки, представительница лишнего ведомства.

Женщина там, где она не имела никакого права ею быть.

Анри опустилась на колени — голова кружилась, а ладони прижимались к скользкой, мёртвой поверхности. Вечная пленница, вечно потерянная, всегда в холоде и в боли. Где она? Кто она? Зачем она родилась на этот свет?

\*\*\*

Она была такая красивая и такая молодая. Эти прекрасные волосы, чудные глаза и улыбка на милом лице. Эти вечные чары на кончиках пальцев и меч, который она сжимала в руках. Узкие плечи, взгляд, устремлённый в пустоту — и что всё это было?

Только женщина может править Эррокой. Только сильная, могущественная женщина. Та, что выковала свою страну из осколков. Та, что собрала мятежный народ под своей эгидой, сплотила их, превратила в единое целое. Установила справедливые законы и заставила на теренах этих мятежных территорий жить по правде и справедливости.

Она устало положила слишком тяжёлый для неё меч и закрыла глаза. Дышать казалось всё труднее — лёгкие её сжимало будто бы сплошным кольцом. Да, она королева, да, она всесильна в своём государстве — но не сильнее обыкновенной болезни.

В конце концов, сорок пять — не так уж и мало. Она прожила много лет на этом свете, если считать по делам, а не по дням. Она подняла свою державу. И вот-вот будет закончена столица, самая прекрасная на свете. Совсем скоро она засияет, лучше, чем Дарна, маленькое государство на берегу моря.

Она воспитала дочь. Пусть от человека, которого никогда не сможет полюбить. Пусть. Это не имело значения. В ней — слишком много памяти о том, кого тут не существует. В ней слишком много чужой, человеческой крови.

Завтра утром она встанет и первой толкнёт столичные ворота. Доберётся до своего

дворца, окажется в покоях и наконец-то позволит своей душе покинуть тело. Завтра или сегодня — это такой маленький срок. Она наконец-то будет свободна, и на её крыльях больше никогда не появятся эти жуткие кандалы.

— Доченька, — она улыбнулась, оборачиваясь на шаги. — Ты хотела что-то, моя дорогая?

— Мама, почему ты... — девушка посмотрела на неё. — У тебя кровь на губах. Всё так серьёзно, да?

Завтра, может быть, они просто внесут мёртвую королеву в город, что она выстроила. Эрри устала бороться. Устала от бесконечных лекарств, которые всё равно не помогут. Она смертельно больна, зачем притворяться?

— Моя милая, — она подошла поближе и сняла корону со своей головы. Королева-воин. Королева, на чьих руках кровь стольких людей. Вечно свободная, будто ветер — ни разу не замужняя. Может быть, они даже верят в то, что её любимая дочь — это дар... Кого?

У них нет богов. У них есть только королева.

— Моя милая, — повторила она. — Ты — моя единственная дочь. Ты — будущая королева. И ты должна править. В тебе божественная кровь, моя дорогая. Знай это. Знай и скажи всему этому народу. Если они столь благодарны... Ты умна. Ты сможешь повернуть это так, как тебе будет угодно. У меня никогда не было ни родителей, ни мужа — никого, кроме тебя. Скажи им, что я родилась со света, и тот же свет породил тебя. Это будет ложью, но это их удержит. Это поможет им остаться на месте, не предавать и не вырываться из твоих рук. Ты будешь умелой правительницей — но этим людям мало ума. Им надо показать силу.

Она знала, как это будет завтра. Она уже всё продумала. Сколько б не возражала её дочь.

Её Величество Эрри Первая никогда в своей жизни не была счастливой. Но она обязана оставить задел на будущее. Завтра, когда она введёт свой народ в столицу и встанет перед ними на центральной площади, она умрёт, широко раскинув руки, обратится в пучок света. Она всегда будет умирать именно так. Так надо.

Они будут благоговейно смотреть на то, как их великолепная королева растворяется в потоках воздуха, и кричать “браво”. Они будут смотреть на неё восторженно и испуганно в тот же миг, не понимая, что случилось.

Но богини не оставляют по себе праха. Она растворится в солнечных лучах, она смешается с закатом — не оставит и пылинки после себя. Это единственное правильное решение, которое она способна принять. И её дочь обязана с этим смириться.

И даже если нет — до определённого момента её будет держать волшебство матери. А потом уже и выбора не останется — ведь её дочь правильная и ответственная, она не позволит державе просто так взять и рухнуть.

— Так надо, — тяжело вздохнула королева, касаясь пальцами её лба. Девушка пошатнулась — и рухнула на мягкие ковры. Завтра она проснётся и ничего не будет помнить. Завтра она проснётся, руководимая своей матерью, и будет упрямо, уверенно шагать вперёд. Так надо.

Эрри повернулась к каменной раме, предназначенной непонятно для чего. Алтарь богам казался ей насмешкой судьбы.

Она надрезала руку, и алая кровь замерла на каменной поверхности. Она будто бы в один миг стала прозрачной и такой прекрасной — куда уж там родникам!

Эрри склонилась над лужей собственной крови и улыбнулась отразившимся там синим глазам.

— Скоро мы будем вместе, родной мой, — прошептала она. — Совсем скоро. Надеюсь, ты простишь меня. Ведь ты знаешь, что у меня не было выбора.

\*\*\*

Анри лежала на земле — такая безмерно холодная, что будто бы вот-вот превратится в некую глыбу льда.

— Ты меня слышишь? Эй! Баррэ! — Кэор с силой встряхнул её, приводя в чувство, и заглянул в глаза девушки, словно пытаюсь понять, что она такое удумала. — Что это за отчаянные попытки покончить жизнь самоубийством посреди неведомого мира?

Сандриэтта содрогнулась. В голосе королевского племянника всё ещё чувствовалась печаль — он не мог забыть о покойной супруге вот так просто и быстро, за несколько часов или дней, — но всё же, она не могла игнорировать и громкий призыв к действию, требование идти дальше.

— Я её видела, — прошептала Сандриэтта. — Эрроканскую королеву.

— Лиару? — удивлённо переспросил парень, усаживаясь рядом с нею. Кристалл казался таким маленьким — она не знала, как могла не заметить его до этого. Она устроилась у противоположной стены — вокруг одни только зеркала, отражающие отрывки прошлого.

— Нет, — покачала головой Сандра. — Эрри. Первую Королеву. Как она... Как она умирала. Как отдавала свою жизнь за королевство. За свою дочь. Чтобы власть могла утвердиться, — она содрогнулась. — Это так жутко. Наверное, нет более несчастной женщины на этом свете. И ещё она... Она так была похожа...

— На нынешних королев, само собой, — вздохнул Кэор. Казалось, стоило только вспомнить о венценосных, его мысли вновь бросились к его же принцессе, покойной, казнённой из-за того, что она пыталась убить его же дядю. Короля, так или иначе. И Кэор знал, что они все поступили правильно, когда стреляли в неё, когда соглашались её убить. Тем не менее, Марта всё ещё сияла в его памяти ясной звездой, будь она хоть сотню раз падшей.

— Нет, — возразила Анри. Она коснулась своих светлых волос, намотала прядь на палец и сильно дёрнула, словно вновь пытаюсь отделить реальность от сна. — Это была не Лиара. Не Эрла. Это была Сэя, та женщина, на которой женился наш Дарнаэл.

Кэор ничего не ответил. Он всё ещё смотрел в пустоту, будто бы перед его глазами всё ещё разворачивались бесконечные баталии.

\*\*\*

Народ смотрел на него взглядом, полным обожания — фикция, выдумка. Его нарекут богом, его любят, но он просто пользуется этим, возможно. И, как бы ни старался Кэрнисс, не чувствует себя вором, укравшем трон у тех, кто и вправду на него заслуживал.

Дарнаэл Первый вновь искренне — почти, — улыбнулся своему народу. В нём уже не было молодости и красоты былых лет, и правил уже тоже не он, а его дети, потому что в таком возрасте можно разве что только махать рукой с балкона.

Всё ещё высокий, но с седыми, будто бы снежными волосами. Ему всё равно достаточно только коснуться перилл и попытаться дотянуться до них. Схватить их боль, их ужас, их желание поднять мятеж — и вывернуть так, как ему будет удобно.

Король, обречённый на вечную любовь. Король, которого невозможно предать. Король, которого будут любить всегда, когда этого он пожелает — бессмертный, всемогущий,

идеальный король.

Дарнаэл Первый — звучит уже почти как божество. Сколько ещё лет пройдёт, прежде чем его потомки осмелеют достаточно, чтобы назвать его именем своего сына? Сколько лет пройдёт, прежде чем мощь Эльвенты станет слабее?

Его улыбка вымученная и уставшая, как у любого пожилого человека. Его хода тяжёлая. Совсем скоро — осталось только совершить последний рывок, — он умрёт.

Он мог бы прожить дольше. У него сильная магия, он мог бы пытаться ею, будто бы бессмертные эльфы, не вечность, но близко к тому. Двести, триста лет.

Но та, которую он любил в этом мире, уже умерла от старости. А та, что занимала его мысли вечность, не могла явиться сейчас к нему. Они навеки разделены временем и пространством. Он вспомнил о ней потому, что уже стоял слишком близко к грани.

А завтра он забудет. Забудет, потому что его миссия в этой жизни ещё не завершилась, а у него больше нет сил терпеть этот мир. Так или иначе, ей осталось подождать его там всего несколько лет. У них нет выбора.

Он должен дотерпеть.

\*\*\*

— Как же он её любит, — выдохнула Анри. Она тоже видела — перед её глазами, может быть, пробежали те же секунды, те же сцены, те же чувства — Кэор не знал. Он только думал о том, как же это грустно — всегда любить человека и не иметь шанса даже увидеть его. Когда эта любовь бьётся где-то глубоко под кожей.

Они смотрели на это и видели свои разбитые судьбы. Видели, как боль будет их захлёстывать всё время — не надо быть богами, чтобы чувствовать несчастную любовь. Не надо быть вечными, чтобы познать всё самое страшное на свете.

Надо быть всего лишь способными любить людьми.

\*\*\*

Она бросилась к нему в объятия, стоило ему только появиться рядом — вечному, бессмертному, такому далёкому.

Там, в мире под ногами, они живые. Они могут любить, могут жениться и выходить замуж. Там у них дети, жизнь, и тонкий след королевских поколений доселе тянется. Вот только там они не могут встретиться — ни на одну минуту. Ни на мгновение. Ни на секунду. Там они — никогда не одновременно. Разбитые, перерезанные одной длинной, равнодушной полосой, до боли холодной и безумной.

— Я тебя ждала, — улыбнулась Эрри. — Ждала. Но почему-то мне казалось, что ты можешь остаться там навсегда.

Он только покачал головой. Синие глаза сияли болью и усталостью — он соскучился по ней, он мог сколько угодно целовать её здесь, в этом мире, но это не было полноценной жизнью. Они лишь духи, они чувствуют то, что придумают сами.

Они знают, как должны реагировать на прикосновения друг друга. Знаю, что следует шептать в полумраке возлюбленным, лёжа рядом на всё такой же полупрозрачной постели. Но это лишь игра двух призраков, двух несчастных существ, которые никогда не сойдутся в что-то единое и правильное. Это безумие, сплошное и безграничное.

Они не смогут быть вместе. Они не смогут быть отдельно друг от друга. Вечные пленники собственных чувств, запертые в тюрьме вечности.

\*\*\*

Анри почувствовала, как по щекам катятся слёзы. Ведь они и обнять друг друга по-

настоящему не могли. Только представлять, как чувствуют касания друг друга, как поцелуи касаются возлюбленного, а не пустоты впереди. Всё это так глупо, так странно.

Она обернулась — но Кэора больше нигде не было. Он словно растворился за новой кристальной гранью — в этом мире всё менялось до того быстро, что Анри уже и перестала следить за порядком вещей.

Сандриэтта тяжело вздохнула. Она больше не могла мириться с собственной бесконечной болью. Не могла больше ждать. Она устала видеть облик Дарнаэла Второго — человека, которого она любила, но который никогда не принял бы её даже за девушку. Зачем? Ведь она для него — просто подобие тени, нечто такое удивительное и поразительно далёкое, что и не описать. Она ему попросту не нужна.

Девушка сжалась в комок на полу, чувствуя, как ледяные иголки постоянно колют её. Отсюда надо выбираться. Но она уже и не хотела найти выход — ведь постоянные видения без конца одолевали её в этом бесконечном лабиринте прошлого.

И ей уже хотелось вновь вернуться туда, откуда она только что появилась. Увидеть, что же было с ними дальше, хоть одним глазком посмотреть на то, как люди умудрялись пережить собственное горе. Это ведь до такой степени трудно — оказаться в старом, непонятном, неведомом мире и выжить.

Они, наверное, очень сильные, те, кого она там видела. Или их греет любовь. Но Баррэ уже не была сильной. Ей в жизни не везло с любовью.

Они мечтали вернуться к своим призракам. Но хотя бы в таких полупрозрачных ипостасях они взаимно любили друг друга, чем же это было плохо?

У неё даже этого не осталось. Одна только пустота, бесконечный жуткий холод. Она могла сколько угодно мечтать о Дарнаэле Втором, вот только обнимать и целовать его, её детскую мечту, будет какая-то другая женщина. Лиара, Сэя, очередная любовница — разве это имеет значение?

У людей есть любовь к детям. Любовь к родителям. И тепло от мамы и папы. Но она никогда в жизни не видела собственного отца, а мать... Лучше б она не видела и мать — такую бесконечно холодную, раздражённую, занятую своей карьерой.

Её мать не хотела её любить. Это было лишним. Это утомляло. И Анри так устала вырисовывать идеальные картины...

\*\*\*

Её мать смотрела на неё с гордостью. Такая же светловолосая, как и её дочь, улыбчивая и на первый взгляд бесконечно счастливая. Может быть, это и было напускным, но она никогда не видела мать такой. Такой доброй, такой отзывчивой, такой улыбчивой.

— Моя королева, — улыбнулась женщина. — Моя милая Сандра. Я наконец-то увижу тебя с короной на голове.

Она обняла мать в ответ. Белоснежное платье — не ведьминское, символ бракосочетания, — пенными волнами ложилось вокруг неё.

...Дорога к алтарю была устлана белыми лепестками роз. Он смотрел на неё так восторженно и влюблённо, как она и мечтать никогда не могла. В это мгновение не появилось и минутного сомнения в том, что он действительно её любит. Не может не любить — иначе ни за что не смотрел бы вот так, так влюблённо, так мягко, так нежно.

Она улыбалась ему тоже. Сандриэтта не знала, прекрасный ли это сон или, может быть, реальность. Ей просто хотелось, чтобы это никогда не заканчивалось.

Он обнимал её, целовал её щёки, шею, губы. Прижимал к себе, будто бы самое

драгоценное сокровище в его жизни.

И вдруг прекрасное солнце закрыли тучи. Она чувствовала, как кровью обливаются лепестки роз под ногами. Чувствовала, как всё вокруг меняется.

Он обнимал её — так страстно. И мать гордо смотрела на неё, только не её мать — а какая-то другая, чужая ей женщина.

— Не надо, — шептала она. — Не надо. Верните...

Но он всё так же любил её. Её мать была горда ею. Она целовала её в лоб перед уходом. Моя дорогая — вторила она. Моя милая королева.

А потом она подняла взгляд и посмотрела в зеркало.

— Нет, — она отпрянула, вскочила — её тёмные, каштановые волосы — до плеч, коротко подстриженные. Её сердце, окаменевшее от бесконечной боли, ведь она не способна любить. Её лицо, несомненно, прекрасное — чуть бледноватое, сохранившее след от Эрроки — так надо.

Она пыталась оттолкнуть от себя свой же образ. Пыталась прекратить смотреть в зеркало. Но и тело большее её не слушалось.

Её мать — самая отвратительная женщина из всех, что удавалось встретить. Худая, больше похожая на жердь, с бледной до зелёного кожей, покрытой какими-то жуткими струпьями, с пустыми глазами. Такая холодная, такая волшебная, и пальцы длинные, с загибающимися, будто когти, чёрными ногтями.

— Не надо! — кричала она, но губы шептали только короткое “я тебя люблю”. И она обвивала руками его шею, впивалась в его губы страстными поцелуями, в которых не было ни единой капли чувств. Она тонула в его страсти, чувствовала, как он сжимал её всё крепче и крепче, и всё растворялась, растворялась, растворялась.

И она не могла больше его любить. Он был её — перед богами и перед народом, — а она и насладиться не могла его любовью. Потому что сердце её, мёртвое, каменное, перестало биться в груди ещё в то страшное мгновение, когда она вдруг решила пересечь невидимую для себя, но такую понятную для мира черту.

Как же ей было больно! Как дурно, как гадко и как страшно! Наверное, ни одни слова на свете не могли описать это чувство, но она больше и не нуждалась в пустых описаниях.

Ей было просто глухо и больно. Она билась в невидимую границу в своей голове, но не могла вырваться из плена этого чужого, страшного тела.

Как же она хотела свободы! Как же она хотела вновь оказаться в своём прежнем состоянии! Но что-то утягивало её, и она не могла больше удержаться, больше не могла вынырнуть на свободу. Её самой не было — её тело растворилось в кислоте, а душа — в зависти, в отчаянном желании занять чужое место.

\*\*\*

Он чувствовал жар дарнийского солнца. Отвратительные грани кристалла смыкались над его головой, будто бы купол мироздания, и дышать было не так уж и просто, а он всё никак не мог понять, где именно находится. Всё это было как-то странно и подозрительно — он давно уже не оказывался в подобном замкнутом пространстве, давно не бился так о стены.

А потом свобода показалась Кэору лишней. Конечно, он мог продолжать бороться, но да только ради чего? Всё, что он когда-либо прежде любил, растворилось в пустоте и стало для него осколками глупого, невообразимого прошлого. Иногда, конечно же, хотелось туда вернуться, но он знал, что не сможет и попросту не успеет. Оставалось только отталкиваться

от сплошной, дикой боли.

Он мотнул головой. Что за кошмар?

Кэор выпрямился. Там, за кристальной стеной, он слышал чьи-то приглушённые крики, но не мог заставить себя его разбить. Его Марта тоже звала на помощь. Его Марта тоже мечтала о свободе. Разве он дал ей это? Разве он хоть пальцем шевельнул?

Он сам убил её. Пусть его стрела была не единственной, это не имело никакого значения. Он убил, пронзил её насквозь — и видел чёрное оперение.

Всё это больше не имело значения. Его Марта могла быть сколько угодно отвратительным человеком, от того он ни на минуту не переставал её любить. Даже если ему запрещали, даже если хотели посадить его на цепь — он умел бороться, отталкивать от себя все преграды и правильно смотреть в лицо опасности.

Он тоже лёг на кристальный пол — будто бы пытаюсь повторить то, что делала невидимая фигура по ту сторону. Закрыв глаза, избавляясь от вспышек размытых пятен, и запрокинул голову назад, шумно вдыхая воздух. Всё будет хорошо. Ещё минута, и всё будет хорошо.

Перед глазами всё расходилось сплошными волнами-кругами. Он зажмурился крепко-крепко и попытался представить Марту. Кэору было не так уж и трудно восстановить воспоминания о её пепельных волосах, о странной, чуточку надменной улыбкой, которая так часто появлялась на тонких губах.

\*\*\*

Его прекрасная Марта Торрэсса не была идеальной с точки зрения классической красоты. Разумеется, что-то в ней вообще радикально отходило от образа той великолепной женщины, от которой не отказался бы ни один мужчина.

Её волосы никогда не имели должного объёма, да и цвет казался каким-то странным, будто бы жжёным. Но Кэор любил её волосы за мягкость. Сейчас он перебирал их, осторожно касался отдельных прядей, сверкающих другими цветами, и на губах его бесконечно расцветала улыбка.

А ещё её губы не были такими уж пухлыми — но ему всё равно нравилось целовать её, осторожно и нежно, будто бы оставляя незаметные следы на коже.

Бледной, алебастровой коже.

Ему хотелось быть единственным мужчиной в её жизни. Единственным, кто имел полное право касаться её, целовать и обнимать. Но сколько бы он ни пытался верить в это, отрицать правду было практически невозможно.

Да, его Марта не была его когда-то. Но теперь-то она никуда не денется, не растворится в пустоте, не исчезнет, будто бы дым! Теперь она принадлежала именно ему.

— Как ты ошибаешься, дорогой, — улыбнулась она, протягивая свою руку. Солнце, казалось бы, прорезало её насквозь — и его Марта не оставляла ни единой капельки тени. — Ведь ты убил меня. Как я могу быть твоя?

Он мотнул головой.

— Это неправда, — возразил он. — Ты жива. Мёртвые не разговаривают.

— Поцелуй меня, если я живая. Поцелуй меня, мой любимый.

Он склонился к её бледным губам — и всмотрелся в зеркальные почему-то глаза. Он отражался в них — она смеялась и обнимала его руками за плечи.

Но она видела не Кэора. Перед её глазами мелькали десятки стражников, ещё каких-то людей, которых никогда в жизни племянник короля и не видел.



Он вскочил на ноги — но вокруг были одни только зеркала. Он целовал её и смотрел в на отражение. Но там её прижимал к себе совершенно иной мужчина — кто угодно, только не сам Кэор. Её обступали целыми стаями, обнимали, их руки скользили по её телу, и она хохотала, так весело и безумно.

Его не было.

Нигде.

\*\*\*

Стены рухнули. Теперь они стояли в этом мире не одни, разумеется — вдвоём. Теперь видели друг друга, могли смотреть в глаза.

— Это всё неправильно, — мотнул головой Кэор. — Он лжёт, этот источник. Может быть, тут надо вести себя как-нибудь иначе, не знаю...

Сандриэтта промолчала. Ей хотелось оказаться в его руках — пусть даже с каменным сердцем. Лучше видения, чем реальность, лучше забвение, чем то, что она считала жизнью.

Источник оведал их ветрами воспоминаний, увлекая всё дальше и дальше, в мир, в котором жить-то невозможно. Что он, что она — они давно уже потеряли те нити, что привязывали их к нормальной, обыкновенной жизни, потеряли, но всё ещё не пытались обрести ничего взамен. Зачем? Это было бессмысленной, длительной игрой, в которой каждый желал победить.

Впереди — Анри видела, — сияли огромные врата. Кэор тоже смотрел на них, будто бы желая упасть туда, стать частью бесконечных возвышений, окружавших их.

Сталагмиты и сталактиты рыдали невидимыми слезами. Вниз и вверх. Парень вспоминал о своей Марте — там, за гранью, он её увидит.

Сандриэтта поймала его за запястье и двинулась вперёд. Тут, в скалах, они всю жизнь будут видеть видения, всю жизнь смогут наблюдать за противоположными гранями кристалла. Они смогут видеть этот мир таким, каким бы он был, не случись какого-то одного безумного события в их жизнях. Может быть, это и правильно — то, каким они этот мир встретят. Что покинут его совсем-совсем скоро, уже и не задумываясь о прошлом или о будущем.

Они, не сговариваясь, шагнули к вратам, стоя на каких-то невидимых, одному Источнику известных точках — и мир пошатнулся.

Врата вспыхнули — казалось, иномирье было готов принять их прямо сейчас, а тут внезапно рухнуло и осыпалось осколками, стало банальным пересечением пустых, бездумных линий.

Она хваталась за пустоту и холод там, вдалеке, он — за жар дарнийского солнца.

Но врат больше не было. Только один сплошной лабиринт и треугольник у них под ногами, осталось только осознать, кто стоит там.

По ту сторону от них.

...Они обернулись почти одновременно, но узнала женщину Анри. Кэор никогда в своей жизни её не видел — ему попросту повезло не лицезреть эту отвратительную особу прежде.

Её глаза были бесцветными угольками, будто бы прожигали насквозь. Её руки походили на когтистые лапы, а кожа, прежде просто землистая, нынче обратилась в какие-то стружья. Она улыбалась — но губ практически не было. Её волосы, прожжённые наполовину, обрамляли голову каким-то странным тусклым ореолом — Анри даже не могла сказать, какого они были цвета.

И по треугольнику медленно тянулись тонкие линии, собираясь в центре, будто бы силы

должны были окончательно покинуть их и влиться в источник.

\*\*\*

Самаранта не знала, что это за мир. Не знала, куда подевался Тэллавар. Но она чувствовала его волшебство на кончиках собственных пальцев, и это не позволяло отыскать его так же просто, как и кого-либо другого.

“Кровь, — шептали ей на ухо. — Кровь. Дай Источнику кровь, и ты победишь”.

Она двинулась вперёд из границ треугольника, словно разрывая какую-то неизвестную линию боли и страха. Казалось, всё на мгновение погасло — но она всё ещё ждала того мгновения, когда зрение восстановится.

Ей хотелось крови. Чужой, больше, так, чтобы всё вокруг пылало от тонких полос и маленьких капелек. Чтобы мир буквально кричал от боли, чтобы кто-то поднимал руки к небесам, отчаянно желая свободы и счастья. Она, наверное, могла бы это обеспечить — только вот не знала, как именно.

Это место хотело, чтобы она сеяла всюду боль. Хотело, чтобы она разливала больше крови, чтобы толкала людей на убийства. Чтобы эти двое, замершие перед нею, тоже стали очередными жертвами неведомой, далёкой пустоты.

Она запрокинула голову. Здесь, в источнике, заблудилось столько людей! Но она найдёт выход. Её врата вот-вот раскроются.

Она представляла, как убивает. Видела, как мелкие алые капельки стекают по пальцам.

Чужая кровь была всюду. Она заливала весь мир, она не позволяла дышать, и Самаранта почти смогла подчинить себе этот поток.

Она вновь бросилась на ту самую точку треугольника, чувствуя, как это будет правильно, но они уже сошли оттуда. Трусые! Они так хотели сберечь собственные жизни? Но ведь почти ступили во врата.

Или они — это Тэллавар? Точно! Он отобрал у неё красоту, он отобрал у неё право мести, а теперь наказан. Он тут, только надо решить, кто именно, девчонка или парень. Но ничего. Ничего. Его сила всё ещё дышит в её крови, да и место соответствующее.

— Не переживай, милый, — прошептала она. — Я ещё сумею тебя догнать. Не переживай. Я обязательно до тебя дотянусь, ты не думай...

Она запрокинула голову назад и рассмеялась. Парень или девушка? Или он вселился и в неё, и в него? Значит, убить надо обоих, чтобы наверняка.

Это место жаждет крови. Им всё равно, чья именно прольётся — алая жидкость должна оросить каменные плиты для того, чтобы жертва была принята.

Она смотрела на грани кристалла. Видела в них собственную молодость, видела то, как шептал ей на ухо Тэллавар тихо-тихо, как надо поступить. Как надо сделать, чтобы получить больше, больше, больше силы. Она соскучилась по ней, забыла о том, какое это приятное ощущение, когда мощь бьётся в крови и так отчаянно рвётся вперёд. Она всё забыла!

Как так могло случиться?

Самаранта больше не будет ошибаться. Тут она для того, чтобы победить. Для того, чтобы её сила разрушила их жизни.

— Вы где? — обернулась она, но вокруг был только мрак. Она коснулась глаз — но чувствовала лишь только пустые, выколотые глазницы. — Не играйте со мной! Не играйте со мной. Вы где? Ау! Где вы?

Она шагнула вперёд, вытянув руки, пытаясь наощупь поймать их и сжать когтистые пальцы на их шеях. Выдрать их глаза и вставить себе.

— Ау! Ау! Ау! — она вертелась вокруг собственной оси и громко хохотала, путаясь ещё больше. Перед глазами то белело, то темнело, то всё шло яркими пятнами.

— Я знаю, что вы тут! — кричала Самаранта. — Отзовитесь! Ау! Ау! Ау!

Она содрогнулась и ступила вперёд, уверенно и упрямо. Теперь вокруг были только бесконечные кристаллы, сколько хватало взгляда, а она устала и больше не могла идти.

— Я вас найду! — рассмеялась она, падая на спину, и магия клубилась вокруг неё. — Я вас обязательно найду!

...Она не знала, сколько времени лежала и хохотала. Но знала, что отпустила их непозволительно далеко, а значит, упущенное надо немедленно наверстать. Надо догнать их, найти и убить. Источник привёл её сюда именно для того, чтобы она расправилась с ними, а не для того, чтобы продолжала сходить с ума в своё удовольствие.

Она поднялась на ноги и зажгла шар. Вскинула руку — он взлетел под невидимый потолок, освещая всё вокруг. Сколько глаз хватало, она всё видела беспорядочные колонны, бесконечно длинные и страшные. Видела, как боль постепенно подходила к её сердцу, но отмахивалась от неё.

На боль не было никакого времени. Надо сыграть в игру и победить. Надо уничтожить их, прежде чем они сами её нашли и попытались помешать всем её планам. Это ведь неправильно — то, что они борются. Но источник потерял над ними власть.

Он почти захватил их. Ему помешал Тэллавар — ему надо было ещё каких-то полчаса. И Самаранта чувствовала эту злобу, чувствовала боль голодного, уставшего, опустошённого источника.

Ему было это, несомненно, надо. Ему хотелось победы. Хотелось стать тем, кто однажды поставит все ставки и выиграет в своей личной, неведомой игре, а ему мешали и мешали, никак не давали сосредоточиться на партии.

— Всё будет хорошо, — прошептала она. — Всё обязательно будет хорошо.

Она долго-долго смотрела на огромные колонны, что теперь возвышались вокруг. За ними, в этом безмерно длинном лабиринте, можно было прятаться, а это недопустимо.

Источник давал ей разрешение.

...И она вскинула руку, прошептала заклинание и швырнула волшебным пульсаром в первое же строение, что попало ей на глаза. Пахнуло дымом, и оно, расколовшись, разлетелось маленькими осколками по всему миру, будто бы вонзаясь в тело.

Самаранта как-то безумно улыбнулась — кровь невидимо расплывалась по земле.

На её руке уже загорался следующий пульсар.

===== Глава шестьдесят первая =====

Рри поправил свою мантию — длинную, почти трёхметровую, бордовую, с меховой подкладкой. На улице, конечно, было жаркое лето, а Кэрнисс почему-то никак не мог избавиться от странного ощущения, что Вирр в нём слишком укоренился, но король должен выглядеть подобающим образом.

— Ваше Величество, — послышалось недовольное из дверного проёма. — Народ опять собрался под дворцом. Очевидно, казнь Сэи Тальмрэ показалась им неубедительной, да и Дарнаэла Второго не вернула.

Рри поднял голову и вздохнул. Поправил сползающую на глаза корону — неудобно же. Он уже который день не мог избавиться от ощущения, что советник Его Величества Дарнаэла Тьеррона проник слишком глубоко в его кожу. Он так долго играл эту глупую роль, что сейчас не мог просто так взять и сбросить этот образ, подобно второй коже. Не

получалось — и точка.

— Да? — он поднял голову. — И что? Мне стоит к ним выйти?

Он ведь ведёт себя как настоящий король. Мантия, корона, гордая осанка, уверенный взгляд. Но почему-то этой толпе у дворца больше нравится не красная, под цвет флагов и гербов, одежда, не пятнистый мех подкладок летом, не отстранённый взгляд и сухой правительственный тон. Нет, они предпочитают прыганья с балкона, пьяные песни со стражниками в таверне и весёлые взгляды.

Весь этот список — по вкусу каждой женщины. Ну что ж, Дарнаэл, очевидно, был мужчиной особенным — соблазнял не только дам сердца, а и народы. Вся Эльвента — одна значительная баба, польстившаяся на дешёвый цирк имени Его Величества.

И Рри никак не мог убедить себя в том, что всё это — методы презренные и отвратительные. И что он может лучше. Потому что лучше он не мог.

Что им надо? Твёрдая рука правителя? Нет, им надо, чтобы король был ближе к народу, чтобы с королём было весело. Зачем уметь править армиями, если ты умеешь хорошо шутить?

— Можете выйти, — слуга поставил какой-то поднос прямо на мраморный пол, потому что в тронном зале не осталось стола. — Они обрадуются. Но лучше снимите эту красную тряпку со своих плеч. Его Величество так никогда не выбирался.

— Он боялся выделяться!

— Учтите, не в его, а в ваш нос в прошлый раз попал гнилой помидор.

Рри содрогнулся. Всё это заходило слишком далеко. Он — король, он — в конце концов, последний из Кэрниссов, а не какой-то жалкий Вирр, роль которого играл такое огромное количество лет. Пора уже избавиться от роли королевского шута, даже если так жить было в разы удобнее. Он правитель. Он должен бороться.

— Всё равно скоро война, — вздохнул он. — Скоро народ поймёт, что я достойный приемник этого заносчивого... кхм, нашего любимого, но, увы, покойного Его Величества.

— Война, — кивнул слуга. — Но я б не слишком-то был уверенным, что эти люди выдвинутся за вами.

— Эльвента последние пятнадцать лет только и делает, что воюет!

— Это потому, что все предыдущие войны были беспроигрышными. А красная тряпка впереди армии — плохой ориентир. Войско может не собраться, — мужчина глубоко вдохнул воздух, будто бы дожидаясь того мгновения, когда придётся спорить с отвратительным новоявленным королём. — Ваше Величество, может быть, вы желаете кого-то видеть сегодня?

— Желаю! — вспыхнул Рри. — Позови мне Марсана. Немедленно.

— Он ждёт вас в приёмной.

Надо же, какой верный у него последователь. Является каждый раз, как того желает король, да и вообще, ведёт себя подобающе. Ещё б волосы его подстричь — белое будет слишком выделяться, эрроканец, издалека видно, — и вообще будет просто-таки идеально.

...Эльм казался всё таким же равнодушным, когда зашёл в комнату. Он смотрел на Рри не как на своего короля, а как на обыкновенное, ничего не значащее начальство — и Кэрнису приходилось каждые несколько минут жмуриться и отгонять от себя подозрительное ощущение Вирра. Он и человеческую верность теперь уже принимал за презрение, подумать только!

— Ваше Величество, — он склонил голову, так торжественно и уверенно, что Рри аж

выдохнул с облегчением. Это было действительно уважение к его королевской персоне, пожалуй, единственное его проявление во всём этом сумасшедшем доме — как же он соскучился по подобным упрямым, ровным взглядам! Как же давно не видел ничего столь правильного по отношению к себе!

Конечно, того тепла, с которым взирали на Дарнаэла Тьеррона, Кэрнисс не чувствовал. Но, впрочем, он и вправду не потянет на короля, в которого влюблена добрая половина королевства, а вторая просто души не чает. Ну, значит, он будет королём, которого все боятся — это тоже не такая уж и плохая роль, как может показаться.

— Ох, — вздохнул Рри. — Я рад тебя видеть. Мне сейчас немедленно нужен твой совет. Надо делать что-то с эрроканской принцессой... Как ты думаешь, она меня достаточно ненавидишь?

— Не думаю, — покачал головой Эльм, такой расстроенный на первый взгляд, что аж не по себе становилось. — Это ведь дочь Лиары Первой. Она скорее уж ненавидит меня; к вам, может быть, она испытывает даже уважение — надеется, что, как вы заняли место врага её семьи, так вскоре и сойдёте с него. Увы. Она вас не боится.

Рри шумно выдохнул воздух. Ему было не до девчонки — разумеется, надо как-нибудь показать ей её место, но ведь на носу война, а значит, у него огромное количество других дел.

Трудно будет бороться со всем, что происходит в Эльвенте. Ему ведь практически не верят, пусть он и их король, а значит, ещё надо завоевать внимание со стороны своих же драгоценных подданных.

— Знаешь, Эльм, — он зажмурился. Нет. Он не Вирр, он не имеет к нему никакого отношения. — Займись ею сам. Я не имею столько лишнего времени, чтобы разбрасываться им в пользу надменной принцесски соседнего государства. Ведь ты справишься сам, верно?

Эльм кивнул.

— Я могу увести её из подземелий? — уточнил он будто бы на всякий случай. — Там довольно трудно поставить её на место. Её Высочество почему-то продолжает чувствовать себя чем-то уникально гордым, знаете ли.

— Делай что хочешь, — Рри улыбнулся. — Мне нужно заниматься войском и разогнать эту кошмарную толпу под воротами собственного замка, а они не желают расходиться, пока не увидят своего любимого короля.

Эльм кивнул. Пусть Кэрнисс и был уверен в его абсолютной и непоколебимой верности, Марсан даже не сомневался — увидеть народ хотел именно Дарнаэла Второго, а не его предателя, захватившего обманом трон. Потому что такой бездарности Дарнаэл ни за что не доверил бы ни трон, ни власть. И, к тому же, не позиционировал бы родную дочь как жуткого врага.

\*\*\*

Эрлу привели по его приказу — прямо в покои, осталось ещё на блюде уложить, да и золотом по краю посыпать — чтобы было видно кайму тарелки. Она, впрочем, совершенно не вписывалась в роскошь эльвентского дворца и на фоне оббитой какой-то тканью стены с шикарными золотыми росписями — эти покои были закрыты прежде, но Рри откопал и поселил Марсана прямо туда, — касалась безмерно бледной, сердитой и оскорблённой.

Руки её были связаны за спиной, одежда висела клочьями — принцессу, разумеется, не били, но обращались не шибко аккуратно.

Глаза Эрлы пылали ненавистью ко всему миру. Будь она хоть на капельку сильнее, будь

истинной волшебницей она, а не Шэйран — от Эльвенты не осталось бы и камня на камне, а от Рри — двух собранных в кучу костей. Вот только, увы, подобной власти у эрроканской принцессы не было, и она могла разве что шипеть на своих врагов.

— Ты в порядке? — голос Эльма звучал почти успокаивающе — он обошёл её кругом и потянулся за ножом, предполагая, что хитроумные узлы на её руках сам не распутает.

— Прирежь уж лучше меня сразу, предатель, — дёрнула плечом она. — Я не позволю, чтобы ты хоть пальцем ко мне прикоснулся. И эта грязная стража...

Она дёрнулась, стоило только попытаться обнять её за талию, вывернулась из его рук и — освободилась ведь уже от пут, — залепила звонкую такую пощёчину.

— Либо ты подчинишься Его Величеству, — голос Эльма звучал угрожающе, — либо закончишь так же, как эта ненавистная предательница, назвавшаяся супругой Его покойного Величества!

— Мой папа не...

Он зажал ей рот ладонью, толкнул вперёд — на излишне мягкую кровать, — перехватил запястья, дабы не лишиться двух совершенно не лишних для неё глаз.

— Ша! — прошипел он совсем тихо. — Ты ж сама говорила, что там стража. Ну так и веди себя потише, — он вздохнул и уже громче добавил. — Так что, Ваше Высочество, вам придётся жить по местным правилам.

Она только смотрела на него своими карими глазами, словно мысленно превращала пепел.

Эльм убрал руку и придвинулся поближе.

— Тут второй этаж, — прошептал он. — Спрыгнешь — уйдём. Я не знаю, что на уме у Рри, но ничего хорошего уж точно нет.

Она только что-то совсем тихо и раздражённо прошипела, но Эльм не разобрал слов. Было и без того видно, что она считала его предателем — только ещё не знала, кого именно и в который раз предал Марсан.

Это было глупо — выдирать принцессу из лап короля, учитывая то, как она пылает к нему дикой, неудержимой ненавистью. Эльм уже и разочаровался в собственной сумасшедшей идее — то, что ему принесли Эрлу в дар, ещё не означало, что её с ним отпустят.

— Ты меня предал, — прошептала она. — Неужели ты думаешь, что я тебе сейчас поверю? Ты враг моей матери, тебе выгодна моя смерть.

— Да боги! Причём тут это? Мы уже все давно запутались в своих врагах и друзьях! — голос его звучал громче, чем следовало. — Эрла, послушай. Когда они меня поймали, не было выбора. Приходилось выкручиваться по ходу. Но мы можем уйти.

— Мой отец мёртв.

Её взгляд, холодный и мрачный, казалось, был готов прорезать его насквозь. Её отец мёртв, на её мать нападает чужая армия, перед мощью которой не устоит ни одна страна, а уж тем более Лиара Первая. Всё это — конец её нормальной жизни.

— Только если твоя мать его убила.

Эрла отвернулась от него, сжала тонкими пальцами расшитые золотом покрывала. Он предлагал ей побег в неизвестность, подальше от ответственности и всего, что тут происходило.

А она видела на троне державы, которой прежде правил Дарнаэл Второй, какого-то неизвестного, преисполненного злобы мужчину.

— Значит, не Рри?

— Нет. Он только думает, что король мёртв, — Эльм коснулся её плеча. — Уходим. Я не думаю, что Рри так уж и долго будет мне верить.

Она усмехнулась. Надо было всю жизнь прожить при королеве, чтобы понимать, насколько правители мира сего могут быть обманчивы и хитроумны.

Она ещё раз посмотрела на Марсана, словно спрашивала у него, что же делать дальше, а потом как-то странно, неуверенно покачала головой.

— Итак, ты мне не тоже не доверяешь, — скривился он. — Ты думаешь, что я куда-то тебя заведу. Куда? Что может быть хуже этого места?

Эрла поднялась и бросила на него недовольный, мрачный взгляд. Пальцы скользнули по поверхности бархатистой стены — что за моветон? Чьи это покои, Вирра Кэрнисса, что ли?

— Зачем тебе это? Живи себе при дворе. Зачем тебе вытягивать меня отсюда?

Да, Рри переменчив. Марсан знал об этом. Но если играть по правилам — можно многое выиграть. Злато Эльвенты — это очень и очень много, пока его ещё не успели растащить чинуши по своим кладовым. Но Дарнаэл научил свою страну не сдаваться до самого конца, пройдут годы, пока они поверят Кэрниссу окончательно, смирятся со смертью Его Величества.

Да, Эрла была права. Он, конечно же, больше выиграет, если останется тут и забудет обо всём — и о верности ей и чему-то ещё, — навсегда. Но хочет ли он такую победу?

— Поверь мне, — вздохнул Эльм. — У меня есть свои причины вытащить тебя отсюда.

— Уходи без меня.

Она посмотрела на него, будто бы ожидала согласия, но мужчина только отрицательно покачал головой. Ходить в шелках и спать на пуховых перинах — оно того не стоит. И побег ради одной только свободы ему тоже был не нужен.

Он поймал её за руку, притягивая к себе. Веры — уверенности в его правде, — в Эрле не было. И он мог только предположить, что именно ей предлагала эта отвратительная стража.

— Без тебя? — усмехнулся он. — Я? Нет. Либо ты уходишь со мной...

— И мы оба умираем, — Эрла усмехнулась. — Послушай, — она подалась вперёд. — Ты хочешь сказать, что я ценна для тебя, если ты хочешь меня вытянуть? Докажи. Уйди сам. Найди кого-то. Хотя бы моего брата, где бы по всему миру его не носило. Притащи сюда. Я для народа плохое доказательство. Он похож на отца, как две капли воды, он маг, в конце концов — ему стоит только выйти на центральную площадь, как они все моментально рухнут на колени. А я останусь тут.

— Эрла, — он сжал её запястье, потянул на себя, обвивая руками талию. — Я не собираюсь оставлять тебя тут одну, что бы ты ни задумала.

— Не будь столь наивен, — она покачала головой. — Я — дочь Лиары Первой. Она воспитала меня, как её воспитывала моя бабушка. То, что я не волшебница, не значит, что я бесполезный ребёнок, которым меня всё время считали. Это ты можешь уйти. Не я. Второй этаж, окно открыто. А я останусь тут. Это моя битва, Марсан. И мне в ней побеждать.

— Думаю, это всё-таки игра твоих родителей.

— Но побеждать-то нам, — она совершенно не походила на ту девчонку в камере, будто бы за короткий день могло что-то перемениться. — Уж поверь, я знаю, что делаю.

— Откуда? — Эльм бросил на неё подозрительный взгляд.

— Сэя — интересная собеседница. И она многое помнит, — повела плечами Эрла. — Найди моего брата. Где б его не носило по этому миру. А я справлюсь сама.

Короткий выдох — всё, что надо.

Даже если вокруг нет магии.

— Иди. Если ты хочешь, чтобы я тебе поверила, — проронила наконец-то она. — Иди.

Эльм кивнул — как-то рассеянно и устало, а после наклонился и прильнул к губам девушки — будто бы они виделись в последний раз в этой жизни. И почему-то Эрле до ужаса хотелось, чтобы этот поцелуй закончился не так уж и быстро.

Но это уже не имело значения. И так было понятно, что она никуда не уйдёт.

Что б за этим ни стояло.

\*\*\*

Они отворили дверь только утром, когда стало совсем уж страшно. Вероятно, по той причине, что Рри в очередной раз возжелал узреть рядом с собой Эльма, а тот всё никак не хотел отвечать на зов.

Эрла больше не чувствовала себя мученицей. Может быть, Сэя и лгала ей тогда, в последние свои мгновения в подвалах. Может быть, шептала не заклинания, а банальные слова. Но оно подействовало, стоило только переступить границу тюрьмы. И она говорила, что надо продержаться.

А побег Эрлы тут не помог бы. Пусть её смелость излишня, пусть, может быть, ей следовало отсидеться за мужскими спинами, но на то она и дочь своей матери, чтобы этого никогда не признать.

Девушка выпрямилась и гордо расправила плечи. В этих покоях — к её счастью, — была и достойная гардеробная, и ванная. Может, здесь останавливалась когда-то королева — это не имело никакого значения. Ничто не имело значения, за исключением того, что она могла встретить Рри не оборванкой.

Стража замерла на пороге. Принцесса — в дорогом, пусть и с чужого плеча — они и не заметят, — платье, с распущенными волосами и уверенным взглядом. И совершенно никакого королевского советника, сколько б они не искали.

— О, — улыбнулась она. — Ведь вы обязательно проводите меня к вашему королю, верно? Доложите, что что-то пошло не так, а тогда моментально броситесь искать своего драгоценного Марсана, правда? Ведь без его добрых, уверенных взглядов король не может прожить и дня. Что за слабость — зависеть от собственного советника!

Её мать зависела от Тэзры. От женщины, способной перевернуть весь мир с ног на голову, разрушить всё, лишь бы религиозные выдумки оказались чем-то правдивым. От женщины, которой нельзя было верить ни при каких обстоятельствах. И Эрла знала, что почти что каждый король позволяет себе подобную ошибку.

Стража отшатнулась. Она — ведьмина дочь. В Эльвенте принято бояться сильных эрроканских женщин, они никогда не приносят ничего доброго в жизнь этой страны. Вон и первому королю проклятая Лиара, казалось, приворотами своими разбила сердце; может быть, потому и не воюют, но Рри Первый (а мог бы быть Девятый или Десятый!) обязательно сделает всё правильно. И разрушит проклятую чужую страну.

Эрла не знала, как так вышло. Не знала, почему решила бороться тогда, когда впору было опустить руки и сдаться на милость победителя. Она устала от бесконечного подчинения; пора идти и сражаться. Она была под колпаком матери слишком долго.

Она, в конце концов, чувствовала, как тонкие сети невидимых заклинаний ложились от Сэи, чтобы разбить преграды в её сознании.

И тот проклятый поцелуй всё ещё обжигал её губы.



...Рри был таким же смешным, как и прежде. Его светлые волосы торчали в разные стороны, выбивались грязными, рваными прядями из-под короны. И мантия, такая вся тёплая, что он, пожалуй, едва-едва двигался под её давлением.

Эти чёрные пятна на белом меху — сколько невинных зверушек они прибили, чтобы создать что-то такое?

Эрла шумно выдохнула воздух. Сыграть стандартную роль своей матери — вот что она сейчас должна сделать. И победить.

Выиграть у них в хитроумной, запутанной игре, в которой она и не хотела бы прежде участвовать, наверное. Но так уж вышло — она тут, на поле боя, и она не сдастся просто так.

Её платье — соблазнительное, пожалуй, бабушка любила наряжаться в такое. Старые королевские покои бывают довольно полезными, даже если ты только что вырвалась из тюрьмы и ничего не умеешь делать самостоятельно. Она же сбежала от матери по собственной воле, она боролась, пока не сдалась — не позволила себе поверить проклятому мужчине.

Мама права. Любовь, какой бы она ни была, дарует только слабость. Слабость обид, ненависти, привязанности. Он ушёл — им будет не на чём играть.

— Ваше Величество, — улыбнулась она, расправляя плечи и гордо взирая на Рри. — Ворованная корона падает вам на глаза. Вы уже объявили войну собственной стране?

Он содрогнулся. Дёрнулся длинный шрам на щеке — словно Кэрнисс пытался избавиться от него. Казалось, он даже надеялся на то, что магия сможет его спрятать; в Рри она была, пусть и совсем мало. И Эрла напомнила себе о том, что дочь ведьмы — даже если она и не Высшая по предсказанию, — тоже обязательно ведьма.

— Вижу, — Рри поднялся со своего трона, — общение с моим драгоценным советником действительно оказалось полезным. Вы решили подчиниться, Ваше Высочество?

— Я? — улыбнулась она. — Ни за что, Рри. Но раз уж вы тут и сжимаете в руке чужое золото — я тоже могу устанавливать свои правила, верно? Я — эрроканская женщина. Разумеется, я не позволю себе сидеть в тюрьме, пока что-то столь жалкое восседает на троне.

— О. И вправду, даже Эльм не смог на вас повлиять, — он бросил взгляд на стражу. — Где он? Я хотел бы обсудить с ним нападение...

Эрла только хмыкнула. Стражники замерли, вытянулись, будто струны, словно опасались того, что он спросит или скажет — действительно, как же страшно.

— Ведь вы не знаете, Ваше Величество, — протянула она — голос походил на змеиное шипение, но она ведь всего лишь вела себя так, как королева Лиара. — Ведь вы не в курсе, что ваш драгоценный советник выпрыгнул из окна своего второго этажа и умчался в леса Эльвенты. И пока он не покажется, вы его там найти не сможете — помимо дорог там дикие и неуправляемые деревья. И звери, из которых у вас не получится сделать шубу.

— Я не собираюсь верить в слова какой-то лживой девицы, — фыркнул Рри. — Стража, где...

Они только отвели взгляды, подтверждая, что ничего не будет. Он не придёт, по крайней мере, не в качестве советника.

— Я, конечно же, не слишком сильная ведьма, — проронила Эрла. — Но это не мешало мне изучать теорию волшебства. У вас интересный дар, господин Кэрнисс. Но вы должны понимать, что вторая личность не проходит бесследно. Ни для кого. Иногда и двух-трёх дней достаточно для того, чтобы потерять рассудок, а сколько дней мучились вы в шкуре

толстого, невнятного мужчины? Может быть, впрочем, вы и не заметите перехода — если судить по вашим моральным качествам.

Он потянулся к привычному кинжалу на поясе — но там был только ритуальный королевский меч, который он пусть и мог вынуть из ножен, всё равно не использовал бы по назначению.

Ведь он мягкий, будто масло, скорее будет измят, чем перережет чужое горло.

— И когда Эльм вернётся, — она коснулась пряди своих каштановых волос, будто бы вспоминая о чём-то, — ваша эра закончится. Ведь, конечно, король-регент — это так прекрасно. Если только не является законный наследник, верно?

Рри побледнел. Он мог бы приказать страже перерезать ей горло, но ведь всё это означало бы, так или иначе, то, что он проиграл. Эрроке, Эльвенте, обыкновенной девице, имя которой немного созвучно с названием стран и именем богини.

— Это очень плохой знак — сжигать божества на костре, — вздохнула она. — Но вы и ваш род уже который раз допускаете подобную ошибку, верно?

— Совсем скоро, — проронил Рри, — моё государство захватит Эрроку. И тогда мы с вами повенчаемся — и я буду править всем этим континентом.

Смех Эрлы больше походил на звон колокольчиков — её мать умела очаровывать, а она пусть и не имела шанса поселить любовь в его сердце, всё равно сводила с ума.

— Это так мило, — улыбнулась она. — Армии схлестнутся, много крови... Мне будет интересно посмотреть, как оно — воевать не за, а против Дарнаэла Второго.

Рри помрачнел.

— Дарнаэл Второй, к моему огромному сожалению, мёртв. Иначе меня не было бы на этом троне. А вы немедленно вернётесь в тюрьмы и пробудете там до момента венчания.

— Дарнаэл Второй был бы мёртв, если б вы оказались чуточку умнее, — покачала головой Эрла. — Но вы предпочитаете перебрасывать ответственность на чужие плечи, а это всегда довольно опасно, знаете. Посему не могу сказать ничего, кроме как... — она бросила на него весёлый взгляд. — Королевы и принцессы не ночуют в тюрьмах. Думаю, они отведут меня туда, куда я скажу. Позвольте уж самой выбрать своё заключение.

— Вы тут лишь пленница, Эрла.

Она подступила к нему поближе — царапнула ногтём по щеке, будто бы полностью копируя собственную матушку.

— О, Рри, — рассмеялась девушка. — Это всё так мило. Но совсем скоро я стану вашей королевой, разве нет?

...Хотелось хохотать — безумно и дико. Это всё было до ужаса глупо — она не была своей матерью, разумеется. Но она могла ею стать — пока чужие поцелуи всё ещё жгли губы и сердце.

Влюбляться в своих врагов — как это характерно для эрроканских женщин. В сильных врагов, а не в тряпку, даже если у той есть мантия на плечах и корона на немойтой голове.

===== Глава шестьдесят вторая =====

Она смотрела на них презрительно и со значительной долей издёвки. Казалось, пыталась прожечь своим пылким взглядом насквозь — истинная эрроканская королева, будь она жива или мертва. Оставалось только раскинуть руки в стороны и раствориться в потоках света — но она оказалась так горда и так самоуверена, что и этого не требовалось подтверждения.

— Я так рада вас видеть, — улыбнулась она. — Особенно тебя, мой милый Дар.

Сколько уже лет мы не имели возможности встретиться тут, в реальном мире?

— Много веков, Эрри, — он смотрел на неё с каким-то странным неверием — ровно с портретов, только уши — острые, будто у эльфийки. Но ведь Эрри и была эльфийкой, пока не оказалась по ту сторону жизненных границ. Пока её не столкнули с обрыва ради исполнения глупых законов.

Дарнаэл обернулся к ней как-то неспешно и неуверенно, словно боялся того, как она на него отреагирует. Или, может быть, не хотел убедиться в том, что она — лишь очередная лживая выдумка больного, уставшего от поисков собственной возлюбленной разума.

— Ты ведь счастлив, что я тут, верно? — на её губах заиграла нежная улыбка. — Ведь счастлив, правда? Сколько тысяч лет... Сколько веков...

Она подошла к нему вплотную — но бог будто бы до сих пор не осознал, что случилось. Его синие глаза сияли убеждённо в том, что такого быть не может.

— Ты вернулась, — выдохнул он, обнимая её за талию — резко, рвано, будто бы всё ещё пытаюсь убедиться в том, что его Эрри материальна. — В этой жизни. Ты опять со мной.

— Я сгорела, — вздохнула она, и её губы как-то слишком быстро коснулись его щеки, будто бы дразняще. — Это было довольно больно — помнить о тебе и гореть на этом проклятом костре в ожидании того, как я вознесусь на небеса и стану наблюдать за тобой одна всю эту вечность. И с кем же ты так неумело фехтуешь?

Она обернулась к Шэйрану — вылитая Сэя, даже причёска та же, только уши — другие! Хмыкнула, и взгляд оказался дико оценивающим, будто бы она выносила ему какой-то вердикт.

— Наследник нашего дара, — протянул Дарнаэл. — Не желающий учиться, работать и заниматься делом. Его интересует только возможность отречься от магии и сигануть в наше замечательное ущелье.

— По крайней мере, там тихо, спокойно и боги не забывают об окружающих их людях в порывах страсти, — скрестил руки на груди Шэйран. — Я вас, может быть, оставлю? Пообщаетесь между собой... Порадуетесь тому, как всё хорошо закончилось. Рад за вас.

Дарнаэл не успел проронить ни единого слова, прежде чем принц повернулся к ним спинами и пошёл куда-то в сторону храма.

— И вот этого человека я должен обучить всему, что умею сам, — закатил глаза он. — Да я ведь сойду с ума, в конце концов...

— И... и тот дар у него тоже есть, верно?

Дарнаэл посмотрел на неё, словно неуверенно, а после кивнул.

— Любая физическая магия ограничена, ты же знаешь. Его природный резерв при таком-то уровне подготовки поражает, конечно, но можно развивать и больше. Только на одни чары не может этот мир наложить никакие ограничения.

— И их получил надменный юнец, в котором нет ни капли жажды побеждать. Замечательно. Ты знаешь, что Элвента теперь в руках твоего старого знакомого? Ты знаешь, что Тэллавар получил твою — не его, и на том спасибо! — силу, хорошо хоть не знает, как ею пользоваться? Знаешь, что эрроканская королева едва не убила...

Он лишь как-то странно, неопределённо махнул рукой, будто бы показывая, что это ему и вправду давно уже известно, а после покосился на неё — хитро и весело.

— Эрри...

— М? — в её голосе слышалось раздражение — она всё ещё не поняла, как успела родиться вновь всё той же эльфийкой, которой начинала этот жизненный путь.

— Ты знаешь, мне выделили прелестную келью где-то в храме, — он провёл кончиками пальцев по её щеке. — Глянешь? Я ведь не целовал тебя уже целую вечность...

— А по-настоящему — так и вовсе никогда, — отозвалась она. — Но... дела...

— Он всё равно сегодня ничему толковому не научится, — хмыкнул Дарнаэл. — У нас есть ещё очень много времени — до завтрашнего утра.

\*\*\*

— Попытайся хотя бы вызывать волшебство. Вот уж абсолютно уверен, что обыкновенное пламенное заклинание тебе под силу. Просто расширь его границы. Пусти магию в своё сознание. Слейся с нею. И какого ты сегодня такой сонный?

Голос Дарнаэла звучал возмущённо и где-то на задворках сознания. Шэйран поднял на него взгляд и только коротко хмыкнул, будто бы хотел рассмеяться, но вовремя передумал.

— У нас комнаты рядом, если ты забыл. И, очевидно, ты очень давно по-настоящему не видел свою богиню, — он вытянул руку, и на кончиках пальцев вспыхнуло жалкое, бессильное пламя. — Что ты от меня хочешь?

— Расширь шар. Сделай его безвредным для того, что ты не хочешь задеть. Управляй своей магией, иначе на войне ты никогда не сможешь помочь своей армии.

— Я не планирую воевать.

— Это запланировали другие, и ты можешь принять в военных действиях непосредственное участие, — Дарнаэл отчаянно надеялся на то, что терпения в нём хватит ещё надолго. — Сосредоточься на волшебстве. Расширь сферу...

Заместо того, чтобы магия сработала, вокруг вверх полезла трава. Когда несколько особо наглых травинок уже добрались до пояса Дарнаэлу, тот только закатил глаза и выдернул надоедливый сорняк — откуда ж ему взяться на идеальном эльфийском острове?

Наверное, в чьих-то карманах были семена.

— Ты просто не понимаешь, насколько всё это опасно, — вздохнул он. — Твоё волшебство сконцентрировано в тебе и желает найти выход. Но ты не умеешь им управлять, пусть и входишь в силу. Несколько месяцев — и я буду наблюдать за тем, как трава затягивает весь мир?

— Ты не любишь травку? — скривился Шэйран. — Это всё твои эльфийские корни в своей крови. Что поделать — страсть к зелени!

— Вспомни о пламени.

Он сердито уставился на сферу в своих руках. Если там всё так отвратительно, то, может быть, стоит отправляться в державу? Но нет! Его держат здесь, едва ли не на цепи, и упрямо пытаются научить пользоваться собственными чарами!

Шэйран давно уже пришёл к логичному выводу, что колдовать дальше стандартных заклинаний — это не его. И убеждение это становилось всё более и более логичным день ото дня.

Ему отчаянно хотелось забыть о том, что происходило вокруг — но зачем же? Зачем учиться пользоваться чарами, если он торчит на эльфийском острове, а там, на своей земле, стандартно никому не нужен? Родители воюют между собой, сестра готовится взойти на трон...

Сфера вспыхнула и бросилась в разные стороны — замерла прямо перед носом у Дарнаэла Первого, почти опалив его брови.

— А теперь сделай ещё так, чтобы она меня не убила, — тот скрестил руки на груди. — Потому что иначе управлять даром будешь сам.

— Да зачем? Выплеснуть чистую силу на врага...

— Убить и своих, и чужих... — продолжил тем же тоном раздражённый Дарнаэл. — Думай, что несёшь!

Если это не подчинить — он не просто засеет травой весь мир. Его дар — куда опаснее, но мужчина даже не мог поделиться с наследником всеми аспектами. Соблазн абсолютной власти слишком велик для того, чтобы с ним бороться.

Пламя вспыхнуло спокойнее. Рэй, казалось, отнёсся на сей раз к попытке чуточку серьёзнее — волшебство развернулось сплошной сферой. Дарнаэл довольно хмыкнул — пламя обошло его стороной, но подожгло серую тряпку по тому же радиусу, считавшуюся временно Тэллаваром.

— На ней даже блоков нет, — вздохнул Шэйран. — Совершенно неправдоподобный Тэллавар, как по мне. Надо будет подобрать экспонат более действенный, нет?

— Может быть, — кивнул Дарнаэл. — Смени стихию.

— По ходу?! — Рэй недовольно хмыкнул. — Я могу потренироваться с какой-то другой магией?

— Нет. Я не сказал, какую сферу надо выбрать, но ты схватился за огонь первым делом. Значит, с остальным ты умеешь работать ещё хуже.

— Не факт. Но менять по ходу стихии — это уж явно не то, чему нас учили в Вархве.

— Чему полезному вас вообще учили в Вархве?! — возмутился Дарнаэл. — Ты руку неправильно держишь, — он за два быстрых шага дошёл до Рэя, схватил его за запястье, едва не вывернув руку — от недовольства, скорее, чем от желания навредить ему, — и ударил по пальцам, пытаясь поставить ладонь правильно. — Представь себе что-то другое, а не пламя.

— Я и не представлял пламя... — вздохнул Рэй.

— Прелесть! Ты не умеешь вызывать нужную стихию? Закрой глаза... Хотя нет. Ты должен оставаться в состоянии оценивать окружающую ситуацию. Итак, представь себе, как пламя гаснет, а вместо него поднимается вода. Ею отлично можно залить лёгкие солдат, безопаснее, чем пламя, на них же оно будет немагическое. Представь себе, как водный шар...

Вокруг вспыхнула водянистая жидкость — и всё ментально сменилось воздухом, синеем по краям.

Дарнаэл скривился. Ну конечно! Он не видел пламя внутри, но воду попробуй не заметишь, когда она окружает тебя сплошным шаром! И как попытаться научить чему-то такого неуча, как Шэйран? Как заставить его трудиться ради собственного же блага, если он только и рвётся, что опустить руки и ничего не делать?

— Постарайся всё-таки быть более сосредоточенным со своими заклинаниями, — устало вздохнул мужчина. — Мне бы очень хотелось, чтобы сферы выделенного влияния у тебя работали нормально.

Рэй усмехнулся.

— У меня ничего не работает нормально, — в подтверждение того трава уже добралась до колен. — Как видишь, слишком много лишних факторов. Может быть, с оружием у меня пойдёт дело лучше?

— Ой, сомневаюсь! — Дар недовольно покачал головой. — Ладно. Хватит. Пойдём по теории. Я помню не так уж и много боевых заклинаний...

Он запнулся. Король, возглавлявший столько лет собственную армию, должен очень и очень хорошо знать боевую магию. Но ведь у него были другие чары. Чары, которые он не

хотел бы открывать Шэйрану без крайней необходимости.

А крайняя необходимость — это отсутствие всяческих советников. Ведь в этом мире существует такой дар, правда, он больше характерен для женщин. Но вот смешно же — как ни крути, а подобное волшебство отказывается трудиться в больших масштабах.

Для него надо использовать не внутреннюю, а внешнюю магию. К счастью, у всех остальных к ней закрыт доступ, а у тех, у кого он есть, нет достаточных знаний. И Дарнаэл ни за что не согласился бы рассказывать Рэю о том, как это работает.

Соблазн будет слишком велик.

— Ты полжизни воевал. По крайней мере, в шкуре Дарнаэла Первого, я не знаю, кем ты там ещё жил. Ты ведь понимаешь, что я не поверю в то, что армии падали перед кучкой дарнийцев только потому, что ты им улыбался и подмигивал.

— Армиям?!

— Ну, королевам. На маму это действует. Она говорит, что мой отец был бы в половину менее успешен у своего народа, если б меньше пил, пел и шлялся по тавернам. И по женщинам, — Рэй хмыкнул. — И мне как бы не положено знать об этом.

— Логично, — кивнул Дарнаэл Первый. — Но мне всё же казалось, что успех в правлении у моего правнука в каком-то там колене всё же в кровной магии и умении воевать, нет разве?

— Ну, это да, — послушно согласился Шэйран. — Но это когда с врагами. Я ж знаю свою бабушку — с папиной стороны. Там никакая кровная магия и война не поможет, если не переубедить народ выступить на своей стороне. И знаю маму, — он вздохнул. — Не знаю, кем надо быть, чтобы она оттаяла и забыла о своих законах. Понятия не имею, как она ещё не прирезала.

— Разве есть за что?

— Ну, — Рэй зажмурился и окончательно погасил магию вокруг себя, легко, будто по щелчку пальцев. — Прежде чем ты в очередной раз будешь восхищаться его успехами, я напомню, что даже твоя богиня была не против выскочить за него замуж. А уж неприступнее Лиары Первой может быть только её идейная вдохновительница Эрри.

Дарнаэл хмыкнул. Представить свою Эрри во главе какой-то матриархальной структуры ему было так же трудно, как и внука — останавливающим армии одним взмахом руки. Но если у Шэйрана получится так же хорошо, то цены Дару, как учителю, не будет.

— Так научишь боевым заклинаниям? — прищурившись, уточнил принц. — В конце концов, зачем мне всё это, если даже толковый отряд я остановить не смогу.

— Пользуйся магией интуитивно. Вкладывай в неё свой замысел.

— Это ж неэкономно!

— Я знаю тебя, как себя — у меня в юности было такое же отношение к магии. Уж поверь, с такими запасами перерасход совершенно не страшен, а зубрить заклинания до ужаса скучно.

Шэйран закатил глаза, но спорить не стал, вероятно, вспоминал себя на студенческой скамье и решил, что лучше уж согласиться, чем заниматься изучением горы ненужной теории.

— Ну тогда хоть научи использовать волшебство так, как я хочу, — проронил он. — Я ж должен понимать, как мысленные желания без лишних слов делать реальностью, иначе толку с меня и вправду будет ноль, где б меня не носило.

— Ты за утро явно вспыхнул отчаянным желанием учиться.

— Всё равно делать нечего, — пожал плечами Шэйран. — Может быть, я когда-то вернусь на должность придворного мага к отцу, пригодится.

— А ещё когда-то ты вернёшься на должность придворного короля, и тогда уж точно придётся что-то делать, — язвительно отметил Дарнаэл. — Но ладно. Это не имеет никакого значения. Я... — он запнулся и посмотрел куда-то вдаль. Шэйран повторил этот жест, но его зрение и вполтину было не таким острым, как у эльфа — на краю пустыря показалась какая-то размытая фигура, и Рэй мог лишь предположить, что это Эрри, да и по косвенным признакам — потому что его божественный предок слишком уж загорелся, вспыхнул изнутри и заулыбался, засиял, как начищенная монета.

Но Эрри — это и вправду была она, — направлялась к ним явно в дурном настроении, побледневшая и мрачная. Утром она тоже сияла — Рэй как раз не слишком уместно подумал о некоторых милых дамах, о той же Зэльде из дворца Кррэа, выскальзывающих из покоев короля Дарнаэла. Это, конечно, не следовало сравнивать — какая-то обыкновенная девица на одну ночь и вечная любовь-божество, но Шэйран был в таком паскудном настроении, что удержаться не мог. Следовало, наверное, переехать подальше от этой пары, но его и в храм пускали скрепя сердце.

Сейчас можно было подумать, что все тучи в мире собрались именно над её головой. Она сжимала руки в кулаки и тяжело дышала, долго молчала, будто бы не желала и вовсе поделиться какими-то новостями с Дарнаэлом.

— Ты себе даже не представляешь, — наконец-то выдохнула она. — Они последовали на Зов. На чужой Зов, когда мы тут!

— Тэллавар, — Дарнаэл отреагировал абсолютно спокойно, будто бы ждал этого. — Змеи всегда на него идут, ты ведь знаешь, моя дорогая.

— Но они нас видят!

— И слышат, что кто-то другой с истинными чарами пытается призвать их. Может быть, это даже не по доброй воле. Знаешь, как трудно быть верным слугой и не запутаться в собственных мыслях? — мужчина обнял её за плечи, напрочь позабыв о том, что рядом стоял наследник его дара (и крови, и много ещё чего) и отворачиваться совершенно не собирался. — Это всё?

— Нет, — хмыкнула Эрри. — Если бы! Эльфы возмущены человеческой активностью на своём острове, вот-вот потребуют нас убраться куда подальше.

— Нас?

— Внука нашего, — она сложила руки на груди, посмотрев на Дара до того строго, что он аж сам помрачнел. — Они говорят, что на границе их священного ущелья — того самого, — стоит какая-то человеческая девушка и собирается сигануть вниз. Не скажешь, кого вы туда заволокли?

Шэйран удивлённо хмыкнул. Человеческая девушка? Тут была только одна не с острыми ушами, и та считалась частью храма — змея Грета. Он хорошо помнил её при обучении и считал, что для серой, прячущейся за чужими спинами Паррии это отличное название. Даже чертями их называть не так сильно хотелось, как змеюками. Он видел Змей только издали — они откровенно остерегались Дарнаэла — и совершенно никаких позитивных чувств к этим дамам не испытывал. Что-то тёмное в них действительно было, а они даже скрывать это не пробовали.

— Я пройду, посмотрю, — вздохнул Рэй. — Всё-таки, если она человек, то это уж моя парафия. Она либо из Эльвенты, либо из Эрроки, а там всё подчиняется определённой

юрисдикции. Должна послушать.

— Эльфы не против её смерти, — сердито отметила Эрри. — Они желают, чтобы она не испоганила святое место своей скверной магией.

— Она ведьма?

— Говорят, что да. Но Мастер говорит, что Зов надо слушать. Так что пойди, проверь, внучек, — женщина скривилась. Никаких тёплых чувств к парню она не питала, в отличие от Дарнаэла Первого, может быть, просто не привыкла ещё — или опасалась чего-то. — Я надеюсь, ты вернёшься не с новостью, что эта девчонка всё-таки что-то натворила.

Рэй не стал слушать, что они говорили потом — это не имело уже никакого значения. Наверное, женщина спрашивала, не поведал ли Дарнаэл ему лишнего — он был уверен в том, что Эрри терзает именно это. Подозрительная, как каждая эрроканка, резкая и упрямая, явно испорченная вечностью — Сэя ему нравилась куда больше, пусть она и была лишь одной из инкарнаций.

Впрочем, не так уж и важно, что о нём думает Эрри. Всё это мнение Шэйран уже успел выслушать не раз из уст Самаранты, Тэзры и родной мамыли.

...Трава под ногами колосилась до тех пор, пока он не шикнул мысленно на неё, заставляя расступиться. Эльфы не порадуются, когда на идеальном лугу увидят такие залысины, но зато идти получалось быстрее.

К ущелью он прибыл довольно быстро — не так уж далеко от него они и тренировались с Дарнаэлом, пусть и оставались за холмом. Ни одного взволнованного эльфа Рэй не заметил — они вообще умели пропадать куда-то, когда были так нужны, а сейчас, очевидно, сидели в неизвестном уголке и возмущённо обсуждали, как человеческое дитя варварски нарушило их прекрасные границы и посмело ступить своими грязными ногами на их царственные земли.

Подойти и одёрнуть девушку, решившую покончить жизнь самоубийством в ущелье — нет, зачем? Дарнаэл явно не нормальный эльф, раз переживает о чём-то, кроме остроты собственных ушей и великой гордости. Есть ещё тема жертвоприношений, конечно же, но по этому поводу Рэй как-то не уточнял.

Девушка была не в белом ведьминском платье — не ритуальное самоубийство, уже хорошо, может, мама до такого ещё не дошла, — скорее в дорожном костюме, и что-то в её фигуре показалось ей знакомым.

— Эй! — окликнул он, подойдя уже достаточно близко. — Слушай, я вчера туда смотрел, ничего интересного. Эльфийские кости ты там не рассмотришь, а живых можно увидеть и подальше от опасных мест. Слышишь? Не лезь туда!

Он сомневался в том, что ведьма так уж горела покончить жизнь самоубийством. Он вчера уже стоял на этом краю — и понимал, что основной причиной было скорее желание избавиться от горечи, а потом уже как-то существовать дальше. Он просто пытался выбросить туда собственные чары — понял, что не сможет. Она, наверное, воспоминания.

Кто знает.

Она обернулась — устало как-то, неуверенно, — и замерла. Глаза — Рэй даже отсюда видел, — широко распахнулись, и девушка отступила на шаг назад. Под ногами загремели маленькие камешки и полетели куда-то далеко вниз, а она смешно взмахнула руками, едва ли не провалившись.

Шэйран вскинул руку чисто интуитивно, и воздушный шар — вполне физически ощутимый, — вспыхнул куполом за её спиной, неожиданно сильный и забравший у него добрую половину энергии. Пополнится быстро, но Рэй даже ощутил холод на кончиках



пальцев — а через мгновение девушка по инерции врезалась ему в грудь и подняла голову. Посмотрела в глаза.

И как же ему хотелось бы сейчас её не знать.

— Мон?! — он обнял её покрепче — чтобы наверняка, дабы не свалилась в ущелье, пусть то было достаточно далеко. — Ты что тут забыла?

— А ты что забыл на этом свете?! — каким-то обвиняющим тоном воскликнула она. — Ты ж мёртв!

— Мёртв? — поперхнулся он. — А... Ну, да. Конечно. Просто, милая, ты туда свалилась и попала на тот свет. Придурки с крылышками скоро будут, а пока придётся довольствоваться моей компанией, знаешь. Могу предложить высокую траву, плющ и предложить прогуляться со мной в подземелье. Там не вешают нимбы и богиня Эрри не усаживает на тучу, — она и тут не усаживала на самом деле, только ругаться и умела, — но зато можно насладиться прекрасным разговором и не только.

— Твоя мать. Твой отец. Вся твоя страна! Они все уверены, что ты мёртв! — голос Эрри звучал крайне обвиняюще, и она сердито смотрела на Шэйрана. — А ты тут, живой, прохлаждаешься!

— Что? Ну... Разве я не имею права умереть в своё удовольствие? — вспыхнул он. — А должен отчитываться перед своей сумасшедшей страной?

— Я думала, что ты умер!

Он улыбнулся, будто бы в сказанном было что-то смешное, и обнял её покрепче, притягивая к себе.

— Ты волновалась?

Моника — вполне классически для неё, — с силой толкнула его кулаком в грудь, но отпихнуть от себя не сумела, будто бы сил у неё не хватило бы на то, чтобы сдвинуть мужчину с места. Он только заулыбался ещё шире и подался вперёд.

— Я тоже, — выдохнул парень, — весьма сильно за тебя волновался. Рад, что ты тут. Честно.

Моника фыркнула. Она почему-то совершенно не казалась радостной, весёлой и счастливой — только совершала дикие попытки вывернуться из его рук. Вот только они были абсолютно бесполезными — и Лэгаррэ, шипя, обмякла в его руках.

— Я и вправду, — прошептала она, — очень сильно волновалась. Очень, очень сильно. Как ты мог так со мной поступить? Как ты вообще мог со всеми так поступить? Почему все думают, будто бы ты мёртв, а ты расхаживаешь по этому миру, как ни в чём не бывало...

— Но я ж не знал...

— Что тебя огласили мёртвым?

— Да некому было, — надо сказать, удивление совершенно не заставило его ослабить объятия. — Тэр с тех пор от меня далеко не отходил, а все остальные — кроме Тэллавара, — вроде как не знали.

— А Тэллавар откуда знал?

— Ну, это ж он всадил мне ножик в сердце, — пожал он плечами. — Кинжал. Ну, я думаю, что... — он запнулся. — Не обязательно было рассказывать всему миру — и Тэллавару, что самое главное, — о том, что у него получилось убить меня не до конца. Познакомить тебя с Эрри?

Моника моргнула. Как-то странно, крайне удивлённо, будто бы собиралась задать ещё какой-то вопрос, но почему-то не решилась и теперь просто смотрела на него, отчаянно

пытаясь скрыть дикое и неконтролируемое удивление.

— Эрри?

— Богиня Эрри, — Рэй впервые за последние несколько дней улыбнулся действительно искренне. — Ты чего на скалу полезла?

— Я... — она запнулась. Назвать настоящую причину было немного опасно, иную — поймёт же, что выдумывает. — Решила, что без магии мне будет как-то легче. Я просто очень устала.

Шэйран вздохнул. Она вновь вывернулась из его рук — попытка оказалась успешной, — отстранилась и вспомнила о своём проклятом матриархате, который он так сильно ненавидел.

— Ты одна прибыла? — наконец-то поинтересовался он.

— Нет, — покачала головой Моника. — Со мной приехала Мизель. Она внезапно решила, что не может служить Её Величеству после того, как всё рухнуло.

Рэй только хмыкнул, будто и не доверяя её словам, а после потянул её за руку за собой.

— Так ты говоришь, богиня Эрри? — уточнила она ещё раз, хотя бы руку не выдирая из его цепкой хватки. — А...

Рэй так и не ответил — легче было показать.

\*\*\*

Они с Моникой добрались до Эрри и Дарнаэла каким-то образом чуточку позже, чем к ним же дошла Мизель — как всегда, поразительно очаровательная, милая девица, способная задурить голову кому угодно и как угодно, в любых условиях и позах.

— Мон! — радостно воскликнула она. — Видишь? Они существуют! Причём... Я никогда не думала, что обе религии верны! Ведь...

Моника, впрочем, казалась не грустной по совершенно другой причине. Теперь же, узрев богиню Эрри, она будто бы смутилась — отступила на несколько шагов от Шэйрана. Теперь ей было до ужаса стыдно — за то, что она посмела оказаться рядом с мужчиной, что позволила ему какую-нибудь вольность, даже если это был Рэй, которого она знала вот уж сколько лет.

Мизель всё радостно говорила что-то — без остановки крутилась вокруг Рэя, обнимала его за плечи, восклицала удивлённо.

Мон окончательно растеряла все осколки своего веселья — теперь долг висел на её шее неподъёмной ношей, и она даже шевельнуться не могла, чтобы попытаться его снять. Железная цепь тянула к земле — может быть, ей не следовало аж так следовать религии?

Её учили. Долго, старательно учили, вбивали в голову, что правильно, а что нет. Ненавидеть мужчин, уважать королеву и обожать Богиню.

Или уважать Богиню и обожать королеву. Порядок, так или иначе, давно уже не имел совершенно никакого значения, даже если ему оное отчаянно пытались придать. И девушка так запуталась, что теперь только вяло отвечала на вопросы.

— Я... — она опять сбросила руку Шэйрана со своего плеча и посмотрела на Эрри — та будто бы и не заметила этой фамильярности с его стороны, но Мон ни в чём не могла быть уверенной. — Мне надо отойти. Подышать свежим воздухом.

Она всегда была такой правильной, такой идеальной — и всё равно не смогла выгрызть эти отвратительные чувства из своей души тогда, когда они только появились.

Неправильно думать о мужчине. Будь он хоть сто раз хорошим, интересным, умным или добрым — она не имеет права даже приближаться к нему, не имеет права любить, не имеет

права выходить замуж и заводить детей. Она должна служить своей Богине.

А её Богиня отрицает институт брака и верит в то, что женщины способны существовать как отдельная нация в границах божественной Эрроки.

Её Богиня считает, что волшебные скалы — это то, что может подарить им счастье и вечность. И пусть грешила даже королева Лиара — Моника никак не могла окончательно распрощаться с глупыми стереотипами, что так прочно засели в её разум.

— Ведь мы стоим на улице, — удивился Шэйран. — Где ж ещё можно дышать свежим воздухом, если не здесь, Мон?

Она бросила на него излишне сердитый и строгий взгляд — словно предупреждала, чтобы даже не смел подходить. Зачем она так? Зачем сама себе всё портит?

Она ему когда-то нравилась. На выпускном он даже отчаянно пытался поцеловать её — но не так, как всех остальных. Та же Мизель что тогда, что сейчас буквально таяла в его присутствии, пока никто не видел.

Богиня её не смущала.

Моника отступила на шаг, два, три, словно пытаясь оказаться подальше, в безопасной зоне, и только тогда посмела выдохнуть воздух — дышать стало чуточку легче, и она практически смирилась со всем, что произошло.

Такого просто не может быть. Зачем он вернулся в её жизнь? Она почти убедила себя в том, что сможет отдать магию и забыть об этом, как о страшном сне. Тогда на неё и на её грусть просто не будет смотреть Богиня — и религия не станет тянуть её куда-то за собой.

А теперь Моника просто не могла отречься. Не при нём. Теперь она была обязана вечно мучиться от пустоты и холода в душе. Теперь она навеки останется в гордом одиночестве, и никто никогда это не исправит.

Солнце уже заходило — тонкая золотистая полоса только и виднелась над поверхностью моря.

Моника смотрела в даль — устроилась за какими-то кустами на слишком яркой, зелёной траве этого идеального места, теперь никак не могла отвести взгляд от безмерной пустоты.

Ей было, может быть, страшно, а может, она просто отчаянно желала добраться до такого уголка собственной души, где уже точно не останется места сомнениям. Но могла только прислушиваться к тишине — словно отчаянно надеялась выхватить какие-то слова из контекста.

— Ты не понимаешь! — послышалось откуда-то со стороны злобное шипение. — Они только мешают. Мы должны были принести его в жертву. Мы должны были сделать всё, что в наших силах.

— Но Мастер! — второй голос был моложе, в нём не чувствовалось этой дикой, страшной злобы, что во втором. — Ведь они — наши Боги...

— Нэмиара и Грета ушли на зов истинного божества! А эти двое — просто эльфы, которые решили взвалить на свои плечи чрезмерную как для них ответственность, представились теми, кем представляться не имели совершенно никакого права...

Монике показалось, что даже сердце её билось чуть медленнее, чем ему следовало. Тишина вокруг прерывалась только громкими возгласами.

— Почти все эльфы встали на мою сторону. Но ты — полукровка, и для тебя это единственный шанс, какой только можно предположить.

— Но...

— Ты можешь согласиться сейчас либо остаться предателем. Ты можешь выбрать Религию или этих двоих — это только твой выбор.

Второй неуверенно, странно как-то хмыкнул, и наконец-то Мон узнала в нём Тэравальда — по крайней мере, голос был уж слишком похож. Но что он тут забыл и почему спорил с каким-то другим эльфом? По какому поводу?

— Так или иначе, — проронил он, — ты должен определиться.

— Мастер!

— Не называй меня так, если не желаешь выступить на нашей, на праведной стороне. Я предлагаю тебе истинную дорогу. Если ты не хочешь идти по ней, то вполне можешь оставаться в таком желанном и привычном для себя мраке незнания и глупости.

Тэравальд — это было слишком уж громко слышно, — шумно выдохнул воздух.

— Вы отправитесь...

— Сегодня. Не медля. Совсем скоро это должно быть совершено. Лунный цикл подходит к концу, и жертвоприношение должно быть совершено сегодня. Принц может ещё нам послужить должной жертвой. Но не псевдобоги. Ты на нашей стороне?

— Я не...

— Ты сам сделал свой выбор, — в голосе неизвестного Мастера послышалась отчаянная грусть. — Я пытался вытащить тебя из твоей же ямы, дитя моё. Ты сам предпочёл остаться с ними. Но я не могу позволить тебе помешать мне и праведным эльфам. Оставайся тут. Завтра утром ты будешь отправлен на сушу, после того, как нашему истинному Богу мы вернём остатки его силы, сохранившейся в принце.

Где-то зашипели змеи. По крайней мере, Монике так показалось — но она не могла заставить себя выглянуть. Кто б ни был этот Мастер, он эльф и он могущественен — а ещё не станет терпеть свидетельницу в виде человека. Он убьёт её — она не успеет даже шевельнуться.

Но он не стал проверять кусты, не оглянувшись, попросту хмыкнул коротко себе под нос, пробормотал, может быть, ещё одну формулу с заклинанием, и быстрым, отрывистым шагом направился куда-то — Моника не могла понять, в какую именно сторону.

Боги!

Она видела Богиню — не только на стенах. К ней приходили видения, когда ещё в Вархве она отчаянно пыталась увидеть хоть какой-то знак свыше.

Разумеется, это была Эрри. С острыми ушами — тогда Мон ещё так сильно удивилась тому, что человечество верует в эльфийку.

И она увидела уже достаточно много, чтобы понимать, насколько ошибаются эти эльфы. И религия — это вообще нечто слишком обманчивое. Моника не могла победить её в себе ради любви, но ради человеческих жизней — или даже эльфийских жизней, — она вполне могла отступить в сторону.

Стоило только шагам угаснуть где-то вдалеке, она осторожно выскользнула из-за кустов и замерла.

Тэравальд — это и вправду был он, — сидел на траве. Он вполне мог разговаривать — но молчал, потому что руки его и ноги сковали змеи.

— Ты не можешь говорить? — спросила Моника.

Он кивнул — коротко и уверенно.

— Они укусят тебя, если ты проронишь хотя бы одно слово, да? — она посмотрела на него, будто бы дожидаясь какую-то реакцию.

Он вновь кивнул.

— Я могу снять это заклинание? Смогу сделать это без эльфийской магии? Правда?

Он только моргнул. Зашипели змеи, реагируя на её слова, но больше к этому девушка прислушиваться не стала — она отчаянно пыталась вспомнить о том, как снять этих отвратительных, гадких змей.

Они не стояли на месте. Они крутились по кругу — поднимались чуточку выше, потом чуточку ниже, не останавливаясь ни на одно мгновение. Может быть, следовало как-нибудь их заморозить?

Но действовать надо было одновременно. Девушка понимала, что стоит только остановить змей на его ногах, как оживут те, что сковывают руки за спиной.

Моника опустила руку на колени рядом с Тэравальдом и потянулась к пресмыкающимся. Они ведь хладнокровные, правда? Если их заморозить, сердце перестанет биться. Если сделать это достаточно медленно, то они не смогут успеть его укусить.

Они ничего не поймут.

Это как жаба в кипящем молоке.

Она протянула руки и прошептала короткое, почти незнакомое заклинание. Кончики пальцев вспыхнули пламенем — змеи завертели только быстрее. Как она могла перепутать такие элементарные заклинания? Как могла позволить чарам среагировать вот так?

Руки тряслись. Моника внезапно поняла, что на эльфийской земле колдовать было куда труднее — ведь она даже не могла понять, где именно находится источник.

Сила наконец-то осторожно потекла вперёд. Она не должна выпивать холод, она должна дарить его. Она должна сеять тот лёд, что сковывал её душу болью последние несколько дней.

Змеи стали шипеть всё тише и тише. Их движение замедлялось — пока наконец-то отвратительные существа не застыли на месте.

Она перехватила первую за голову — вторая только едва-едва дёрнулась — и потянула на себя, а после одним резким, уверенным ударом отсекла ей голову — кинжал Моника всё ещё всегда носила с собой, прятала за пояс, зная, что магия магией, а иногда может пригодиться и обыкновенное оружие.

В ответ на смерть своей сестры или, может быть, подруги вторая змея тоже было оживилась, но Лэгаррэ вовремя успела отсечь голову и ей и отбросить гадких существ — точнее, уже их трупы, — куда подальше. Казалось, там что-то вспыхнуло, и девушка была уверена, что маленький островок травы оказался выжженным, холодным и навеки мёртвым.

— Говори, — она отшатнулась от полуэльфа и смотрела на него теперь не испуганно, а только чуточку раздражённо, будто бы не понимая, как он мог такое допустить.

Парень тяжело дышал — горло его будто бы сжалось, а пальцы почти не шевелились, чтобы можно было воспользоваться языком жестов.

— Говори! — Мон схватила его за плечи, вливая в парня собственные чары, те, что она ещё могла наскрести.

— Засада, — прошептал Тэр. — Засада.

— Где?

Он в ответ только закашлялся, и Монике почему-то показалось, что полуэльф до сих пор толком не понимал, на чьей он стороне. Вроде бы и выступал за богов, но так отчаянно пытался защитить своего Мастера, связавшего его ночными змеями, что доселе не решился сказать правду.

Он будет кашлять так до той поры, пока не станет слишком поздно. Пока им просто в темноте не перережут горла.

Она рванулась вперёд — и прижала к его шее свой кинжал, пропитанный ядом змей.

— Если я резану тебя по коже, очевидно, ты пострадаешь довольно серьёзно, — сухо проронила она. — Ты можешь умереть.

— Я...

Она только толкнула его на траву, встала — даже поставила ногу на грудь и кинжал направила прямо на сердце.

— У меня слабые, хрупкие женские руки, — прошипела Моника. — Говори быстрее, иначе я немедленно уроню эту жуткую тяжесть на тебя.

— Они считают, что Дарнаэл и Эрри — не настоящие боги! — пугливо прошептал Тэравальд. — Что всё это — фикция, чтобы только не позволить Мастеру призвать истинного! И теперь, когда Грета и Нэмиара ушли на лживый зов, он окончательно в этом убедился. А остальные эльфы его, разумеется, поддержали, он ведь всегда умеет находить голоса из толпы.

— И что теперь?

— Они, — Са посмотрел на неё, будто бы на какую-то сумасшедшую из прошлого, чем-то напоминающую сейчас богиню Эрри, — собираются отправиться в храм и убить их. Прямо там. Будут поджидать, пока все вернутся туда, и нападут. Эльфов собралось больше десяти. Может, даже больше пятнадцати.

— Убьют всех?

— Не сразу. Тех, кто будет оказывать сопротивление — и обязательно Дарнаэла и Эрри. Я верю, что они боги, пусть и без дара, но они...

— Ближе к делу.

— Шэйрана принесут в жертву, когда Луна будет пересекать на небесах только Мастеру видимую черту. Он думает, что это позволит его силе перейти к тому, кто призвал Грету и Нэмиару. Послушай, я не желаю им зла, но сражаться с эльфами — это чистое безумие! Я пытался уговорить их подождать, но...

Моника презрительно фыркнула и, взвесив в руках кинжал, вернула его в маленькие потайные ножны, а после протянула Тэру руку.

— Вставай, — промолвила она. — Вставай, быстрее, я не знаю, где тут храм!

— Там...

— Опасно? О да, я понимаю! Ты ведь до такой степени боишься, что и носа не покажешь около храма до утра! Пока не придётся оценить, кто умер, а кто выжил. Но я не собираюсь просто торчать тут. Им надо помочь, и сделать это следует как можно быстрее.

— Мы не успеем, — возразил Са. — Слишком поздно. Я не знаю, насколько скоро, но ещё минут двадцать — и они на них обязательно нападут. Мы поспеем как раз на середину боя!

— Значит, на середину. Окажемся неожиданной поддержкой.

— Но...

Она рванулась куда-то по вытоптанной дорожке, отчаянно надеясь на то, что сумеет сориентироваться с помощью шагов неизвестного ей Мастера.

— Стой! — окликнул девушку Тэр. — Нам в другую сторону. Я проведу. Я не хочу участвовать в битве, понимаешь? Они запретят мне посещать Ньевидд...

— Если ты так боишься, — усмехнулась Моника, — то просто укажи мне направление.

Больше ничего не нужно. Можешь спрятаться тут, обернуться остатками змей, сидеть и дрожать. Наколдовать тебе иголки, чтобы они выглядели правдоподобно к утру?

Тэр побледнел, но ничего не ответил, только как-то медленно и неуверенно двинулся в сторону храма. Мон последовала за ним — то и дело обгоняя и убыстряя шаг.

Времени медлить не было.

\*\*\*

Она не успела. Это было понятно уже по яркой, короткой вспышке света, осветившей почти почерневшее ночное небо. Храм будто бы окутал странный, невообразимый волшебный ореол, всё быстрее и быстрее распространявшийся во все стороны. Казалось, в этом сиянии было что-то и вправду физическое, будто бы волшебная пыльца пыталась отравить весь окружающий мир. Желтоватая пыль падала на листья кустов и деревьев, на идеальную зелёную траву, окрашивала почерневшие небеса оранжевым.

Дверь была открыта нараспашку. Оттуда, изнутри, доносились чьи-то громкие, возмущённые крики, кто-то вопил от боли, ещё кто-то умолял пощадить. Всё это смешалось в дикую, безмерную какофонию, но Мон понимала, что, так или иначе, против десяти и больше эльфов двум волшебникам-недоучкам не устоять.

А Боги... Боги, как шептал по пути Тэр, не имели ни капельки магии. Даже из собственный Зов, к которому они так привыкли, которым звали к себе Змей, уже не работал. Потому их и подозревали — потому Са кричал ей в спину, что стоит остановиться.

Но эрроканки не останавливаются. Замирают, как столбы, мужчины — лёгкая мишень! Полуэльф — тому слишком яркое подтверждение. Может быть, она и чувствовала что-то к Рэю, но, пожалуй, религия права, раз уж даже представители лучшей расы останавливаются перед малейшим дуновением ветра, что приносит трудности в их жизнь.

...Моника не остановилась. Короткая вспышка волшебного купола прорезала золотую пыльцу, пропуская её в храм, и она едва успела пригнуться, чтобы атакующее заклинание пролетело над головой.

Их было слишком много. Не один, не два, больше десяти, наверное — вооружены. И большинство из них — Мон чувствовала это, — владели магией куда более сильной и легко управляемой, чем то, что она смогла получить в Вархве.

Она метнула простое боевое заклинание практически наугад, не зная, куда оно попадёт. Понять, где свои, а где чужие, можно было разве что по ушам — Тэравальд остался снаружи, а богов... Богов перепутать было трудно.

Эрри — вопреки тому, что женщина, стройная, пусть и не слишком хрупкая, — уверенно, с каким-то диким выражением лица, что можно было рассмотреть даже на таком расстоянии, швырнула в противника кинжалом. Тот рухнул на спину — ручка кинжала торчала из его груди, и даже бессмертные эльфы не могли бы пережить подобное нападение.

Богиня была будто бы в своей стихии. Оружие, что подворачивалось ей под руки, было моментально задействовано — она ни разу не промахнулась.

Но Дарнаэлу нужна была магия. Это было заметно — Моника видела, как он то и делц вскидывает руку, ожидая, когда на кончиках пальцев зажжётся пламя, а после опускает её, замирает на мгновение в растерянности.

Где-то там, в гуще событий, громко вскрикнула Мизель — ранена?

Мелькнуло светлое. Зазвенела стрела — явно эльфийская, но не долетевшая до своей цели. Врезавшись в какую-то невидимую преграду, она описала в воздухе странную петлю и вернулась обратно, к тому, кто стрелял.

Мелькнули светлые волосы — вновь её однокурсница, — но Моника уже не слушала её воплей. Она только видела, как в неравной борьбе, сдаваясь под давлением троих соперников, отступала к стене Эрри, как её собственные заклинания растворялись в чужих щитах, как четверо окружили Дарнаэла, а Мастер — она узнала по голосу, — с длинным, очевидно, ритуальным кинжалом подступал к Шэйрану. За спиной эльвентского принца виднелся алтарь — тот самый, где эльфы планировали приносить жертвы.

И она во всём этом безумии и бесконечной какофонии смогла расслышать только одно — громкое “назад”.

Мон даже не успела понять, кто это говорил. Вспыхнуло пламя — и огромная расширяющаяся сфера ринулась к стенам храма, сметая на своём пути практически всё.

Кто-то с силой дёрнул её за руку — Лэгаррэ успела только отступить назад, и несколько камней свалилось на неё, оставляя длинные порезы на спине. Эпицентр огня будто бы смещался — казалось, из храма вылетал настоящий клубок.

...Из эльфов, как ей показалось, не выбрался никто.

Эрри склонилась над Дарнаэлом — тот шипел от боли, но коротким, отрывистым тоном ещё говорил что-то женщине. В её руках не осталось совершенно никакого оружия, он всё ещё сжимал меч — умения бога уступали его возлюбленной, но в сравнении с остальными он был просто непревзойдённым.

Мизель картинно рухнула в обморок — но поднимать её было некому. Моника сама не могла пошевелиться — спину будто бы парализовало, и она только краем глаза увидела пятна крови на траве, но подумала, что и они сейчас не имеют значения.

Стоял только Шэйран — ближе всего к храму, с одурелым взглядом, будто бы только что совершил нечто невозможное. А за его спиной с громким, отчётливым грохотом рушилось огромное здание, и только фреска, поддерживаемая магией, висела в воздухе. Стена за нею давно уже осыпалась пылью.

Среди всех этих камней трудно было рассмотреть тела погибших. Где-то виднелись чужие пальцы, где-то — волосы, лица, и было ясно, что такой взрыв никто пережить не способен. Они все были обожжёнными — обрушившееся здание оказалось лишь последствием.

Моника о таком только читала — давно, в тайных книгах, которые только могла отыскать в Вархве. Стихийные сферы выборочного влияния — невероятно затратные чары, куда легче воспользоваться отдельными, точечными заклинаниями. И, если учитывать то, как всё невообразимо быстро развалилось, эта магия, страшной силы, была абсолютно неконтролируемой. Будто бы в мире могут и вправду существовать люди, обладающие таким могуществом, но не умеющие им пользоваться.

И у неё не было вариантов относительно того, кто воспользовался этим заклинанием.

— Сзади, — только и выдохнула девушка. — Рэй. Сзади.

Перед глазами всё поплыло. Она видела, как над нею самой склонился Тэравальд — его задело взрывной волной, обожгло нос, а на остальных, оказавшихся в эпицентре взрыва, не осталось и следа. Всё это было не просто странным или подозрительным — страшным.

Один — выжил.

На пальцах Мастера больше не плясало волшебство. Он не мог больше колдовать, не смог отыскать в своём сердце ни капельки чар, вот только кинжал всё ещё сжимал в руках. Он едва-едва стоял на ногах, пошатывался, и одежда на нём свисала горелыми клочьями. Лэгаррэ было трудно даже предположить, что именно случилось с его кожей — человек жил



на последнем выдохе, едва-едва хватался за последние секунды, отмеренные ему вечностью.

— Источник, — прохрипел он, — жаждет.

Он занёс кинжал над Шэйраном, забывая о том, что нуждался в алтаре. Луна сияла над головами — Моника и не думала, что ночь могла наступить до такой степени быстро. Наступал тот час, которого остров Ньевидд ждал много сотен лет, надеясь на то, что эльфы смогут оживить богов.

— Они уже пошли на Зов! — Мастер закрыл глаза. — Они верят. И я верю. Да придёт твоя сила в крови Его!

Лезвие уже почти коснулось его кожи — но внезапно эльф, вдруг постаревший на тысячелетия, осел безвольным телом. Чужой меч — старый, выхваченный в пылу боя у одного из эльфов, — пронзил его насквозь, и с уст сорвался хрип. Пальцы отпустили кинжал — и он рухнул на землю, растворяясь при лунном свете и обращаясь в пыль. Рухнула старая фреска — вместе с религией, что держала эльфов много сотен, тысяч даже лет.

— Это должно было рано или поздно случиться, — Дарнаэл выпрямился, выдернул меч из ослабшего дела. — А теперь мы должны идти вперёд и сделать всё, чтобы его сумасшедшие пророчества никогда в жизни не стали правдой. Я не пророк, я всего лишь выковал континенты из чужих душ, — он бросил взгляд на Шэйрана. — Но Источник — истинный источник, — центр нашего творения. И если его не остановить, всё рухнет. Мы должны понять это. И должны остановить. А я, — он вздохнул, — не имею никакого права укрывать от тебя то, чем ты можешь стать, Шэйран.

Монике хотелось спросить, о чём шла речь — она видела, как негодуяще зашипела Эрри, будто бы надеясь, что Дар сейчас же возьмёт свои слова обратно. Но он не стал ничего пояснять, очевидно, признавал, что это бессмысленно и бесполезно.

— Исцели девушку, Рэй, — промолвил бог. — И поскорее. У неё не спина, а одна сплошная рана.

— Но...

— Просто пожелай, — вздохнул он. — Пожелай и отдай ей несколько капель собственной силы. Это поможет. Увы — это действительно поможет.

===== Глава шестьдесят третья =====

— Неужели ты не понимаешь, что своими силами устоять мы всё равно не сможем? — Лиара смотрела на него так, будто бы это она всю свою жизнь вела войско, а Дар восседал на троне и отдавал пустые приказы о том, как бы это ограничить в правах противоположный пол. — Неужели не подумал о том, насколько всё это может быть опасно? Братоубийственная война, Дар!

— Ты сама хотела воевать против меня, — возразил мужчина. — Ты мечтала о том мгновении, когда наконец-то схлестнутся наши войска. Ты жаждала этого. Теперь ты говоришь мне, что в братоубийственной гражданской войне победить нельзя...

— Не перекручивай мои слова.

— Мы не одно государство, Лиа. Ты должна понимать это, — он откинулся на спинку стула, на котором сидел — в этом дурацком тронном зале. — И чего ты хочешь?

— Вернись в Эльвенту.

— Боги, Лиа... — он закатил глаза. Они годами мечтали стереть тебя с лица земли. Они ждали повода. Теперь он появился. Если я вернусь, это никого не остановит. Это будет означать, что даже пленный король мечтает разрушить государство матери собственных детей.

— Но ведь ты им этого не скажешь!

— И меня убьют при первой же попытке заговорить. При мне ни на минуту не друг, ты должна осознавать это, Лиара. Мы враги. Мы тут все этим повязаны. Я, ты, твоя Тэзра — мы все в этом виноваты. В конце концов, если б ты прежде позволила странам объединиться...

— Дар!

— Сколько раз я звал тебя замуж, прежде чем ты ясно дала понять, что этого не будет?

Она отвернулась от него — бесконечно королева в этом отвратительном тронном зале. Он устал видеть, как она надменно устраивается на троне и смотрит на него, будто бы желая получить очередное подтверждение своих слов. Тут она правит, а каждое его слово пролетает сквозь сознания ведьм, не успев там даже задержаться.

Дарнаэл действительно верил, что с этой армией можно что-то сделать. Верил, пока утром не получил отличную возможность познакомиться с элитным отрядом.

Рыхлые, потерянные и отчаянно пугливые мужчины. Толстоватые, больше похожие на какие-то выброшенные на сушу рыбёшки, чем на живых людей.

— Мы должны остановить армию Эльвенты, — вздохнула Лиара. — И я уверена, что надо попытаться вернуться туда и всё объяснить.

Дарнаэл только сложил руки на груди — ему не надо было выглядеть царственно, чтобы соревноваться с нею. Король — это не тот, кто ровнее всего сидит на своём троне, не тот, кто умеет высоко задирать нос, да и уж точно не тот, кто как можно прямее держит спину.

Король — это тот, что может сдержать собственную страну. И сейчас даже у Дара здесь было больше власти над Эльвентой, чем у Лиары над слабостью Эрроки. В конце концов, она и сама в этом тоже виновата. Сама же решила, что не надо продолжать развивать войско, сама сбросила всё на магию, сама потеряла их детей.

— Я туда не отправлюсь. Я уже сказал, что это ни капли не поможет.

— Я понимаю, — кивнула женщина. Она наконец-то поднялась со своего трона, но всё ещё будто бы боялась сойти с подмостков к нему, как к обыкновенному человеку.

Она не просто королева, она — наследница великой богини Эрри. И как же ему сейчас хотелось высказать в лицо вышеупомянутой бессмертной, чтобы та осознала, сколько всего натворила, сколько совершила глупостей, руководимая гордыней!

Они с Лиарой — заклятые враги? Нет, у его королевы только один соперник — её собственный разум, её самоуверенность, что не дала до сих пор ни единого шанса принять хотя бы одно правильное решение, что не приведёт государство к краху. Они могли закончить всё это пятнадцать лет назад, но она была против.

Теперь уже против был сам Дарнаэл. Слишком поздно заключать мир.

— Я устала, — вздохнула она. — Я устала от твоего бесконечного упрямства. Почему бы не вернуться в свою страну и не попытаться пояснить всё? Я ж не говорю, чтобы это сделал именно ты. Я просто хочу, чтобы кто-то — кто-то из приближённых к тебе людей, — вернулся в Эльвенту и попытался остановить войну.

Его синие глаза как-то странно, азартно сияли. Почему? Лиара знала ответ — он был до парадоксального простым. В конце концов, Дарнаэл — человек войны. Он провёл на поле боя всю свою сознательную жизнь и, так или иначе, хочет туда вернуться. Желает увидеть эффект от случившегося.

Ну и, разумеется, ей и в голову не могло прийти, что он просто здраво оценивает риски.

— Ты можешь говорить мне всё что, что угодно, о том, что это твоя страна, — взгляд был таким упрямым и уверенным, что Дарнаэлу давно уже пора было пугаться. — Но я

вынуждена была это сделать. Я отдала приказ отправить туда Кальтэна?

Тьеррон даже не сдвинулся с места. Он всё так же спокойно сидел на своём стуле, когда она подошла поближе, положила руки ему на плечи, будто пытаюсь успокоить.

— Он сумасшедший, — хмыкнул Дарнаэл. — У него навязчивая идея, которую он не слишком умело скрывает. Он отчаянно ненавидит всех, кто замешан в смерти Тэзры. И ты отправляешь его к моей армии. Bravo, Лиара. А я ещё надеялся на то, что они поверят в мою жизнеспособность, заметив меня на поле боя. Но нет же.

— Так почему ты не вскакиваешь на ноги и не мчишься его останавливать? — поинтересовалась она так лениво, что ему захотелось рассмеяться ей в лицо.

— Милая моя, я ведь знаю тебя не первый год и даже не первое десятилетие. Ты давно уже заперла двери на всевозможные магические замки и сделала всё, чтобы я отсюда не вышел. Всё будет так, как ты хочешь, потому что это твоя страна — вот она, предельно женская логика.

— Дар...

— Дар? — он скривился. — Уймись, Лиа. Мы ещё повоюем. Но я не могу гарантировать победу. Ведь ты тут королева. А я — приезжий полководец.

— Ты отец моих детей.

— И ты сотни раз отказалась признать это официально, — мужчина вздохнул и столкнул её узкую ладонь со своего плеча. — Пора давно это признать, Лиара — теперь моя очередь думать о том, нужно ли мне всё это.

— Твоя очередь в этом, — она прищурилась, никогда не наступит. Ты, в конце концов, не...

— Выбирает женщина, правда? Сказать да или нет? — Дарнаэл вздохнул. — Но предлагает-то мужчина. Даже в вашей сумасшедшей стране, хотя я уже ни в чём не уверен. Я больше ничего не предлагаю Лиара. Я выиграю эту войну, чего б мне это ни стоило. Но другой вопрос: не захочу ли я начать новую?

\*\*\*

Кальтэн был последним, кого следовало отправлять куда-либо — его трясло и, кажется, жар так и не прошёл с той поры, как ледяные оковы рухнули к его ногам. Но Лиара всегда была уверена в том, что права, поэтому и отказывать ей ни один человек не желал. Он — тоже. Это был шанс для мести, который Её Величество так успешно, быстро и дико упустила.

У него не было вещей, которые он мог бы собирать. Никто не выделял ему охрану. Но Кальтэн смотрел на молодую ведьму — Резу, — помогавшую ему отбыть, и думал, что такую, как она, будет очень просто обмануть.

— Мне надо тот, кто будет меня сопровождать, — наконец-то вздохнул он. — И я думаю, что Антонио отлично справится с этим.

Она повела плечами.

— Спрашивайте у королевы.

Но королеве не до вопросов. Сейчас королева — Кальтэн знал об этом, — отчаянно старается не позволить Дарнаэлу сделать то, что он хочет. Уж как она удержит его на цепи — её проблемы, но удержит точно. Дар часто поддавался в этой игре, а сегодня у него мог бы быть другой ответный ход.

Фэз искренне восхитился бы этим ещё несколько дней назад. Но сейчас только одна мысль жила в его разуме — они убили его прекрасную, бесконечно идеальную Тэзру.

Уничтожили центральной стержень, опору всего этого королевства.

Даже злу можно давать второй шанс. Но она не была злом. Она просто веровала в собственную религию и отчаянно пыталась сделать так, чтобы всем было хорошо. Конечно, у неё были свои понятия о благоприятном исходе для Эрроки и Элвенты, но и это имело право на жизнь!

Кальтэну не надо было спрашивать, как это случилось. Источник уже прошептал ему абсолютно всё. Показал — и слишком детально, — как стрела впивалась в её кожу, как пронзала насквозь.

В спину.

Кто стреляет женщине в спину, если не отвратительное животное, спрятавшееся в шкуре человека? Дарнаэл Тьеррон не мог быть его королём.

Кальтэн зажмурился. Ему так хотелось оказаться подальше отсюда — и у него появился шанс и вправду отомстить, так почему б не воспользоваться им так, как полагается, почему бы не победить?

— Позови Антонио, — вздохнул он, глядя на Резу. — И поскорее. Королева сказала, что я могу выбрать себе в спутники кого угодно.

— Тогда позовите любую сильную ведьму и отправляйтесь с нею, — проронила она безумно равнодушно — ленивая, тупая девчонка! — Почему Антонио? Он не сможет помочь в случай опасности.

— Потому что я так хочу! — раздражённо прервал её Кальтэн. — Он сильный мужчина. Он способен выстоять в битве и без ваших колдовских штучек. Никто и слушать меня не будет в Элвенте, если я притащу с собой ведьму?

Что греха таить, это ведь и было правдой! Конечно, немного приукрашенной, перевёрнутой, удобной Кальтэну, но всё равно правдой. И он не хотел ничего отменять и перекручивать, ему нравилась самостоятельно выдуманная версия.

Пусть будет так.

— Хорошо, — вздохнула девушка. — Я позову.

...Она покинула комнату медленным, ленивым шагом, и Кальтэн только шумно, недовольно выдохнул воздух, отчаянно пытаясь сдержать собственное крайнее раздражение, вполне очевидное и понятное. Ятли потеряла всякие границы в этом разговоре — у неё во дворце прав куда меньше, чем даже у элвентских гостей.

Она, впрочем, привела Антонио довольно быстро. Парень выглядел каким-то убитым, уставшим и крайне расстроенным, смотрел на своего отца так, словно тот был для него просто посторонним и ничего не значащим мужчиной.

Как же Кальтэн сильно боялся этого взгляда! Как ему хотелось бы провести всю свою жизнь рядом с сыном... Но у него не было этого шанса. Его прекрасная Тэзра допустила одну маленькую ошибку — и если Фэз смог простить ей это, то как Дар посмел стрелять в спину?

— Уходи, — проронил он, покосившись на Резу. — Мне не нужны лишние уши. Это исключительно мужской разговор.

— Мужские разговоры важными не бывают. Трёп и сплетни, — фыркнула Ятли. — Поэтому я и не вижу никакого смысла оставаться.

Она покинула комнату куда быстрее, чем тогда, когда собиралась найти Антонио, и оставила их вдвоём, но во взгляде молодого мага не появилось ни капли облегчения.

— Как ты себя чувствуешь, отец? — устало поинтересовался он. — Ты выглядишь очень

бледным. Всё ещё жар?

— Королева Лиара решила отправить меня в Эльвенту, чтобы я утихомирил войска, — Кальтэн проигнорировал его вопрос. — И это отличный способ отомстить за смерть твоей матери. Всё это лживое королевство рухнет, и это будет лучшая могила для неё.

— Но... — Антонио запнулся. Раньше авторитетом для него была мать, а сейчас — не осталось никого. Он видел, впрочем, и отца — сильного на первый взгляд мужчину, тоже непоколебимого и способного устоять перед ликом опасности. Может быть, теперь следует повиноваться именно ему? — Я не знаю, одобрила ли бы мама то, что мы бы разожгли войну.

— Это не та страна, которую она хотела возвести. Королева идёт по ложному пути, и я не вижу никакого способа остановить её!

Он говорил с жаром, бойко — но только потому, что заранее продумал слова. Теперь Кальтэну было всё труднее и труднее разговаривать без подготовки — речь тогда казалась заторможенной, да и сам он двигался будто бы по плану.

Мужчина понимал — лёд сумел остановить в нём всё, до чего только дотянулся. Но всё это лишь временно. Конечно, ему нынче не нужно в бой, но всё же.

— Ты поедешь со мной, — уверенно промолвил он. — И мы сможем наконец-то почтить её память. Твоя мать была бы очень горда и мною, и тобой. Ты едешь?

Он всё же задал этот вопрос, но в тех условиях, когда от него никак нельзя было отказаться — от этого дикого предложения. Антонио знал, что при жизни его мать ни дня им не гордилась. Теперь, когда отец говорил о том, что она смотрит на них с небес и обязательно будет рада, если её любимый сын отомстит... Может быть, папа и вправду знает?

Ведь не зря же когда-то Тэзра выбрала именно его для того, чтобы в святую ночь зачать сына.

\*\*\*

Прежде он видел Эльвенту куда более улыбочивой и счастливой. Они ехали быстро — лошадей подгоняли чары, и Кальтэн почти не разрешал останавливаться, много ночей они проводили в сёдлах, едва-едва дремля на ходу, и то по очереди. Фэзу родная страна не казалась интересной — они миновали и крупные города, и маленькие деревушки, аккуратные и чистые, и всё это смешалось в сплошное пятно.

Для Кальтэна дорога превратилась в одно тёмное пятно тропы под ногами. Границы больше и вправду не было, и Карра даже не думал, что когда-то так легко и просто сможет её пересечь.

Что за жизнь?

Но он не мог не смотреть на эти земли. Видел, как в городах и в деревнях на лицах всех жителей отпечатывается бесконечная грусть, а самое отвратительное — даже знал, что причина этому смерть их любимого короля. Но он не мог отрицать слова своего отца, не мог заставить его остановиться. Сначала Антонио казалось, что он даже и не желал, вот только теперь он понимал, что хочет.

Но сил в его руках слишком мало. Да, он тоже широкоплеч и высок, как и его отец, но вот умения — куда меньше. И мечом он владеет очень плохо, и шпагой. Их в Вархве этому не учили, да и магия — вот она, сила.

Но волшебства в Антонио было не больше, чем навыков фехтовальщика. И он просто плёлся за отцом, преодолевая преграды, что возникали на их пути, медленно и неохотно

переступая через какие-то границы, зная, что совсем-совсем скоро им станет и вовсе плохо от жары и долгой дороги.

...Когда они прибыли в Лэвье, небо было тёмным-тёмным — и всё осыпалось прекрасными звёздами. Только луна была немного странной — Антонио всё смотрел и смотрел на неё, будто бы был уверен в том, что ночное светило скажет ему что-то.

Ни слова. Вообще — ни слова. Наверное, будь тут Моника или Мизель, они смогли бы пояснить, что и к чему, но рядом только отец, а он в волшебстве понимал так же, как и Антонио. Просто ничего не знал.

Было немного прохладно, но по сравнению с ледяным воздухом северной Эрроки — полетному приятно. Их охотно пропустили — главе королевской стражи не мог не обрадоваться только сумасшедший, — и в город, и в дворец, и Антонио всё никак не мог избавиться от ощущения, что в Лэвье все вымерли.

Казалось, и улицы почернели. Виной этому была отнюдь не ночь — мрак постепенно, одной сплошной полосой, придвигался ближе и ближе, и отчаянная грусть о смерти короля окутала весь мир сплошным одеялом.

...Единственный, кто посмел их остановить — это стражник у дверей в тронный зал. Он только вскинул своё оружие и посмотрел на Кальтэна, будто бы не признал.

— Не положено, — проронил мужчина, вновь взвесив в руке свою алебарду, такую бесконечно бесполезную, что аж смешно становилось. Что за новая мода? — Его Величество Рри Первый думает о том, как правильно напасть на Эрроку.

— Я знаю, как это сделать, — Кальтэн отстранил его, почти сбил с ног — одного касания руки, больше похожей на медвежью лапу, хватило. — И лучше б тебе, мальчишка, не стоять у меня на пути. У меня к королю очень и очень важный разговор.

— Я сказал — не положено...

Фэз зажмурился. Перед глазами стояла его идеальная Тэзра, такая высокая, стройная, светловолосая и нежная — хорошо, что она умирала хотя бы не в муках. Но в ней было так мало сил, когда в неё стреляли, что это больше походило на намеренную казнь.

Он сглотнул — в горле пересохло, — а после схватил стражника за горло, да так, что тот выронил оружие и не успел потянуться за мечом. Пальцы Кальтэна, сильные и крепкие — ведь он столько воевал, — давили с каждым мгновением всё больше и больше, пока несчастный не рухнул без сознания.

Фэз открыл дверь — неосторожно, просто толкнул рукой, — и прошёл в тронный зал, почему-то бесконечно напоминающий ему о проклятом короле.

Рри Первый на него совершенно не походил. Кальтэн помнил, что он когда-то был злейшим его врагом, но сейчас — только бесцеремонно подошёл поближе и выдохнул:

— Дайте мне армию, и я смету Эрроку с лица земли.

\*\*\*

Антонио должен был понимать, что всё это не закончится добром. Что, так или иначе, его отцу может поверить и армия. Поверить в призрак Дарнаэла Тьеррона, пленённого Лиарой Первой, поверить в то, что они должны обрушиться всей своей мощью на страну, с которой столько лет подряд подписывали мирные договоры. Он умел быть очень убедительным — Кальтэн Фэз смотрел на новый отряд упрямо и так уверенно, что им оставалось лишь отдать честь и двинуться вперёд по его приказу.

Это всё ради того, чтобы отомстить за смерть матери. Карра смутно понимал, как вообще человек, прежде такой верный своей державе, мог решиться на подобное, но если

любовь его к Тэзре была такой сильной, то... Всё возможно, правда?

Он посмотрел на отца, такого упрямого, и вздохнул.

— Ты уверен? — наконец-то промолвил он. — Ты уверен в том, что это вообще нормально — поступать подобным образом? — он помог ему поправить амуницию, пристегнуть ножны. — Уверен, что мама того бы хотела?

— Хотела бы, — упрямо кивнул Кальтэн. — Я слышал это, когда был льдом. Слышал — она повторяла мне раз за разом, — а потом Дарнаэл показал мне, что всё это абсолютная правда.

Антонио ничего не ответил. Он только впихнул в собственные ножны меч, неумело и несмело — потому что даже не знал, как им на самом деле пользоваться, — и закусил губу, совсем по-девичьи — так делала какая-то его однокурсница.

Он только сейчас подумал, что, может быть, отец вёл отряд возмездия — какой отряд, это добрая треть армии! — не только потому, что мать хотела бы смерти своей страны, а и потому, что всё это ему шептало безумие волшебства.

Источник, как вдруг подумалось Антонио, мог говорить и голосом Тэзры. Вот только он ничего не знал об истории этого мира — и кто такой источник, впрочем, он тоже не догадывался.

Слова пришли откуда-то со стороны, и, независимо от их правильности, Карра ничего с собой поделать не мог. Он привык подчиняться своей матери. Даже если это был лишь её полупрозрачный дух в голове отца так жаждет отомстить.

===== Глава шестьдесят четвёртая =====

Дарнаэлу почему-то казалось, что однажды всё это уже происходило. Тогда за его плечами не было ни многих тысяч лет, проведённых среди людей. Тогда он не создавал весь этот мир из потоков чужой ненависти. Тогда, разумеется, он не умел ставить армии на колени.

Была только одна неувязка — он не умел ставить их на колени и сейчас, оказавшись бессильным, будто бы рыба без воды — бог без магии.

И вся его сила кипела в неумелом мальчишке.

Бедная ведьма — Моника, — потеряла сознание. Дар представлял себе её спину — наверное, одна сплошная рана, — но ему совершенно не хотелось, чтобы в эту сплошную рану обратились и они все.

— Нам надо уходить, — он бросил на Шэйрана предупредительный взгляд. — Она потерпит до лодки и до противоположного берега, я тебя уверяю.

— Она может потерять слишком много крови.

— Ты способен вытащить человека с того света! И смог бы это сделать, если б не был столь ленив и глуп, отмахиваясь от дара, данного свыше! — Дарнаэл склонился к девушке, валявшейся на зелёной траве, и осторожно подхватил её на руки. — Я пойду первым. И быстро. Пока эти уверены, что мы покойники, надо поскорее уходить. Эльфы никогда не оставляют людей в покое, когда те собираются уводить их секреты в окружающий мир.

Парень только коротко кивнул. Разумеется, он не мог позволить им остаться тут — бог уже явно продемонстрировал, насколько недружелюбными могут быть эльфы.

Моника он держал, практически не касаясь — будто бы девушка висела на некотором расстоянии над его руками в воздухе. Шэйран знал, что ему только кажется, но и сам подхватить её не мог, ни как мешок, ни как сокровище.

— И разбуди эту притворщицу. Я знаю, где тут запасные лодки, но нам придётся

поспешить, — он, скривившись, посмотрел на Мизель. — Быстрее.

Он двинулся вперёд уверенным, быстрым шагом, будто и не чувствовал ноши на своих руках — эльф ведь. Эрри, рассерженная собственным бессилием и отсутствием возможности колдовать, шла рядом, иногда протягивая руку и касаясь плеча Дара.

Почему-то Рэю казалось, что Богиня до сих пор не осознала, что жива. Что-то в её сознании всё ещё принадлежало той обыкновенной девчонке по имени Сэя Тальмрэ, потерявшей возможность и умение любить, но всё ещё слишком гордой и самоуверенной.

Следом за ними плёлся Тэравальд — медленно и неуверенно, словно ожидая, что его моментально оттолкнут, если только заметят рядом. Конечно же, он боялся — потому что был трусом, не рискнувшим рвануться в бой.

Типичный эрроканец, пусть там он никогда не бывал.

Рэй сердито скривился и наклонился к Мизель, сжал её плечо и посильнее встряхнул.

— Я тебя тащить не буду, Кредэуа. Вставай и пойдём, либо оставайся тут. Уверен, эльфы отлично оценят все твои умения в постели.

Она распахнула глаза, такие светлые и невинные, что, не знай её Шэйран, мог бы поверить в добрые намерения, и часто-часто заморгала.

— Ты так грубо обо всём этом говоришь...

— Я просто очень надеюсь на то, что ты будешь идти быстрее, чем сейчас приходишь в себя. Догоняй, — он в последний раз посмотрел на неё, закатил глаза — будто бы показывая, что не верит в весь этот цирк, — и направился по тонкой тропе, оставленной шагами Дарнаэла и Тэравальда.

Полуэльф что, качался по этой траве, когда они все не видели, чтобы протоптать что-нибудь пошире и поудобнее?!

...Мизель догнала его уже спустя мгновение — коснулась осторожно локтя и будто бы собиралась взять под руку, но Шэйран поддаваться не собирался. Он знал, что времени у них мало — на выяснение отношений тем более, — и тратить его на всякие пустяки не собирался.

— Я даже не могла предположить, что ты можешь оказаться полезным для эльфов. Прямо аж до принесения в жертву, — наконец-то проронила она.

— Спасибо, рад слышать. Мне б тоже не хотелось быть для них полезным, поверь мне.

— Ты чем-то похож на бога, — вздохнула она. — На Дарнаэла Первого, я имею в виду. Я никогда не думала, что они действительно существуют...

— И Эрри?

— Ты же знаешь, — Мизель скривилась, — что только Её Величество и кучка приближённых действительно считали удачными все эти идеи с непорочным зачатием и так далее. Остальные поддерживали, потому что с ними очень опасно спорить.

— Надо же! — хмыкнул Рэй. — Мама и папа будут рады услышать подобное отношение.

Она отвернулась. Шэйрану хотелось спросить, передала ли ей Мон, или, может быть, она сама догадалась, но, тем не менее, было видно — Мизель его уже больше не видела. Только корону с пылающими рубинами и сапфирами — будто бы совмещение элвентской и эрроканской.

По правде, они обе были не такими уж и прекрасными, как пелось в песнях. Мамина — если Рэй видел именно её, — больше походила на какой-то сплюснутый лист, потому что корону богини Эрри положили в могилу вместо самой богини.

Папина была более впечатляющей, но постоянно сползала на лоб, поэтому, когда он её



надевал, вынужден был за специальные уступы прикалывать к волосам шпильками. Выглядело всё так, будто бы лучшие куаферы страны с утра трудились над причёской Его Величества и крутились вокруг него со всевозможными расчёсками, потому Дарнаэл любил свою корону так же, как и церемониальный белый парик.

Последний он выбросил в окно, но корона была дорогой, потому осталась где-то у него среди казённого золота, в сокровищнице во дворце.

И вытащат её оттуда, наверное, не раньше, чем Дарнаэл отречётся от престола — по крайней мере, для того, чтобы надеть сие именно на его голову.

...Впереди показалось море. В ночной темноте оно больше походило на смолу — так же отвратительно тянулось к ногам и отчаянно пыталось захватить больше жертв в свои лапы. Почему-то Рэю было отчасти противно — он не так уж и любил глубину, если учесть даже тот факт, что был дарницей.

Смешно, но среди жителей Дарны добрая половина не умела плавать — по крайней мере, далеко никто не заплывал. Море злое, особенно в холода.

Рэй, конечно, плавал, и далеко, но без особого желания. Его отец, впрочем, тут тоже не слишком геройствовал — хотя, наверное, мог, Шэйран как-то и не сомневался.

Мизель было отстала, но стоило ей заметить, что принц не замедлил шаг, как она моментально бросилась к нему.

— Неужели нас так просто отсюда отпустят? — недоверчиво переспросила она, оглядываясь по сторонам.

Будто бы в подтверждение над головой пролетела стрела — но она была направлена явно не в них.

Может, сигнальная?

Кончик стрелы пылал каким-то заклинанием. Очевидно, направлена она была именно в лодку — но оказалась вовремя разрубленной мечом Эрри и теперь тонула в море, испуская громкое, змеиное шипение.

— Предатели, — выдохнула женщина, пряча оружие в ножны. — Дар, ты там ещё долго?

— Заклинание не наполнено силой, что я могу сделать? — он обернулся на Шэйрана и раздражённо махнул ему рукой. — Иди сюда — да поживее. Попытайся влить чистую силу в эту лодку, да побыстрее.

Судно было маленьким, неудобным — Монику едва-едва удалось устроить так, чтобы она не выпала в воду при малейшей же сильной волне, и Шэйран опасался, что его заклинания могут сделать только хуже.

— Я сегодня... — он запнулся. — Ты уверен, что сил хватит?

Взгляд бога был настолько раздражённым, что Рэй лишь послушно приложил ладонь к импровизированной корме — ему казалось, что лодка одинакова с каждой стороны.

Когда-то давно, в детстве, отец брал его в морские путешествия на огромных кораблях. Ему было лет двенадцать, папа определённо веселился — мать поехать не могла, её тошнило, — а Рэю нравилось лазить по мачтам и смотреть на бесконечные морские просторы.

Конечно, он не думал, что поплывут они на чём-то подобном. Но судно, на котором их перевозили вместе с Тэром, казалось куда более пристойным.

Лодка, рассчитанная на четверых, шестерых уместила с огромным трудом. Моника всё бледнела и бледнела, и её по-хорошему следовало бы положить не на дно шаткого судна, а в

кровать, да и перевязать раны, вот только времени у них не было.

Лучше пострадать немного, чем погибнуть от эльфийских стрел.

— В тебе есть море силы, — тихо проронил Дарнаэл где-то над ухом. — Поспешి что-нибудь сделать, пока нас не подожгли.

— Почему ты не можешь ничем помочь?

— Потому что из-за твоих стараний Тэллавар впитал мою силу, забыл? — Дар скривился. — Скорее.

Эрри вновь встала, потянулась за своим мечом, будто бы желая бороться с воздушными снарядами, но лодка словно сорвалась с места.

Шэйран оторвал ладонь от кормы — на ней в форме его руки появился жжённый след, — и устало опустился на узкую лавку. Голова Моники лежала у него на коленях — она, казалось, пришла в себя, но не могла понять, что происходит.

Эрри стояла на самом носу лодки и всматривалась куда-то в даль. Она натянулась, словно тетива, и была готова сорваться в каждое мгновение — но и стрелы не были столь сильны, даже эльфийские, поэтому у них не появилось ни единого шанса добраться до лодки.

Та летела так быстро, что ветер оглушал их и забивал дыхание. Дарнаэл явно порывался что-то сказать — но вынужден был всё время отворачиваться и смотреть на родной берег, пытаясь вдохнуть хотя бы капельку воздуха.

Кончики ушей у него покраснели, то ли от возмущения, от ли от дикого, жуткого ветра.

— Сколько сил? — наконец-то перекричал он окруживший их гул. — Сколько ты вложил в эту проклятую лодчонку?

— Сколько было, — повёл плечами Шэйран.

— Молись, — Дарнаэл подался вперёд, прикрываясь от ветра ладонью, — чтобы она выдержала.

Но эльфы всегда всё делали на славу. К тому же, встречных волн не было, а судно летело будто бы по воздуху, так бесшумно и быстро, что оставалось только удивляться его потрясающей, умопомрачительной скорости.

Эльфы их догнать уже не могли, даже если подняли бы всех своих извозчиков. Вот только и противоположный берег от того ближе не становился.

Рэй устало вздохнул и прижал ладонь ко лбу Моники, бессмысленно представляя, как его сила перетекает в её тело.

Словно в нём осталась хотя бы капля энергии.

\*\*\*

Элвьента никогда в жизни не казалась ему до такой степени неприветливой. Сколько времени они уже блуждали в этом диком, забытом богами лесу!

Впрочем, сравнение показалось неуместным. Боги — что один, что вторая, — оказались единственными, кто помнил, куда надо идти по этим отвратительным мелким тропинкам.

...Рэй был уверен, что больше никогда не сможет подняться на ноги после той проклятой лодки. Она чудом умудрилась рвануться вперёд ещё и по реке — и развалилась только тогда, когда русло оной оказалось чрезмерно узким для дальнейшего продвижения.

А жаль.

Лодка рассыпалась на отдельные доски, оставив их среди бела дня, что собирался перерасти в ночь, в глухом лесу где-то в околицах элвьентской столицы.

— И что теперь делать? — тихо, впервые напомнив о собственном существовании,

промолвил Тэравальд. До этого он выполнял крайне полезную функцию — выгребал воду с дна лодки, а она начала там собираться как минимум на середине пути. Сейчас же Дарнаэл и Эрри будто бы вновь вспомнили о том, кто именно здесь трус и предатель — смотрели они на него раздражённо и обвиняюще, собираясь как минимум через несколько мгновений потребовать, чтобы отвратительный им эльф шёл куда подальше.

Он это, разумеется, чувствовал. Боялся тоже, но исправить ситуацию не мог.

— Нам надо в Эрроку, — впервые за всё утро подала голос Эрри. — Там, во-первых, Горы — они такой источник сил, что может вернуть там чары...

— А во-вторых, что более реально, туда мог податься Тэллавар, и там находятся Лиара с Дарнаэлом, — вмешался бог. — Потому да, в Эрроку. В Кррэа. Пешком, по лесу.

— Мы всё равно не можем показываться на глаза людям, — повёл плечами Шэйран. — Но это очень медленно. Так или иначе, нам нужны лошади.

— Нужны, — согласился Дарнаэл. — Но лошади есть в столице. Если ты так уж жаждешь отправиться туда, то я, конечно, не против, но твоя магическая защита хромает ещё больше, чем нападение.

Девушки молчали. Каждая из ведьм была увлечена чем-то своим. Моника будто бы доселе не понимала, как раны на её спине умудрились зажить, Мизель — почему к ней относились до такой степени холодно, чем же она успела настолько провиниться в глазах что Дара, что Рэя.

— Мне вообще кажется, — наконец-то проронил Шэйран, — что стоит остановиться хотя бы до следующего утра. Для исключения мы могли бы поспать, м?

— На траве?

— На осколках лодки! — он возвёл глаза к небесам. — Слушайте, это я тут не управляю магией. Две мои сокурсницы, вероятно, едва ли не гении, если верить нашим преподавательницам. Они вполне способны отыскать и какого-то фазана в ветвях, и костёр разжечь, и придумать защитный купол. Правда, дамы?

— Я не собираюсь колдовать за какого-то жалкого... — Кредэуа запнулась и отвела взгляд от Шэйрана. Она будто бы до сих пор не поняла, как именно следует себя вести — по крайней мере, присутствие богини не прибавляло особой радости, а вынудить себя придерживаться какой-то конкретной линии девушка не могла.

Она всю свою сознательную жизнь была крайне непостоянной. Любила демонстрировать людям своё превосходство, любила поражать и выбирать те варианты, что оказывались для неё наиболее выгодными. Разумеется, сейчас такой тоже существовал, но определиться с оным Мизель ещё не могла.

— Я думаю, чтобы разжечь костёр, всё равно понадобится хворост, — вздохнула Моника. — Я не против его разжечь и поймать какую-то зверушку, но только мне нужна будет помощь.

— Ты хочешь, чтобы боги и принцы собирали какие-то палки? — возмутился Тэравальд.

— Вообще-то, ты всего лишь полукровка без волшебства, — отметил Шэйран. — Но я не против. Пойдём, сначала хворост, потом фазаны.

— Ты вообще уверен, что они тут водятся? — прищурился Дарнаэл.

— Нет. Но вдруг где-то тут окажется симпатичный бурый медведь? Хоть героем побуду, его как раз достаточно на мои неконтролируемые взрывы магии, — парень улыбнулся. — Мон, пойдём.

Он обнял её за талию, отметив привычное слабое сопротивление, и потянул куда-то в глубины леса, подальше от их компании.

Признаться, Шэйран устал от того, что его постоянно кто-то поучал, кто-то смотрел на него, ожидая немедленного результата. Ему очень хотелось, чтобы всё это наконец-то закончилось. Может быть, быть обыкновенным придворным магом — это и отказаться от всех роскошей королевской жизни, но сейчас он совершенно не нуждался во всей этой мишуре. Просто нормальную кровать, нормальную супругу — он даже выбрал, — и отсутствие всевозможной политики и слишком страшных чар в его жизни. И ему хватит с головой, будьте уверены.

Но собирать хворост — это тоже совершенно не то, чем наследный принц должен заниматься в жизни. Поэтому, стоило только отойти подальше от компании, он придержал рвущуюся в бой Монику за руку.

— Хм, Мон, — он опёрся спиной о первое попавшееся дерево. — Ты в курсе, что у тебя блузка больше похожа на решето? По крайней мере, сзади. Тебе не холодно?

— Ты мог сообщить об этом раньше, а не пялиться на меня всю дорогу, — сердито пробормотала девушка, моментально повернувшись к нему лицом. — Ну, помощник, где хворост?

— Соберём магией.

— Я не собираюсь...

— Я соберу магией, — примирительно поднял руки вверх он. — Обещаю. Ты скажешь мне заклинание и то, как им пользоваться, тоже объяснишь. Это займёт минут пять. А потом я сделаю всё, что надо. Но это после. Ты так хочешь туда вернуться?

Моника не ответила. Она, может быть, и хотела — чтобы избежать какого-то лишнего, надоедливого или неприятного для неё разговора. Но рискнуть всё равно не могла — не кивнула, не покачала отрицательно головой, а продолжала смотреть на Шэйрана, будто бы верила в то, что он действительно заговорит первым.

— И чего ж ты от меня хочешь? — спросила наконец-то она. — Я же вижу, что тебе что-то надо. Давай. Раскрой секрет.

— Мон...

— И не смотри на меня так.

Он уже и не смотрел — только рывком привлёк к себе и поцеловал — в губы, как хотелось ещё с того дня, когда он впервые начал видеть в сокурсницах не соперниц, а девушек.

У Тьерронов вообще страсть к неприступным девушкам, и это Рэй заметил на примере отца. Но, так или иначе, они всё равно сдаются. Рано или поздно.

Она отпрянула от него — как тогда, на выпускном, — посмотрела широко распахнутыми карими глазами так, будто бы собиралась испепелить...

И почти уже выдохнула что-то в этом стиле — как тогда, — но не успела. Ни одно возмущение так и не сорвалось с её губ, потому что громкий треск вполне свидетельствовал о том, что бурые мишки в лесу всё же водились. И очень близко.

...Но сквозь густой кустарник, что должен был послужить вскоре хворостом, прорвался не бурый мишка, а вполне человек — с длинными светлыми волосами и злым, сосредоточенным взглядом.

===== Глава шестьдесят пятая =====

Среди бесконечных каменных столбов прорывались тени неупокоившихся душ.

Огромный Лес Висельников простирался впереди — куда не глянь, всё деревья и деревья, и на них тени покачиваются, с верёвками и кандалами на шеях.

Кэор потянул Анри за руку, притянул к себе и сам прижался к полупрозрачной поверхности последнего монумента, всматриваясь в глубины незнакомой, но такой пугающей чащи. Казалось, в его взгляде мелькало что-то если не связанное со страхом, то уж точно настороженное и мрачное. Невозможно было не бояться этих бесконечных теней — самоубийц, жертв войны, просто мертвецов.

За спиной раздался громкий, раскатистый смех. Казалось, проходы между каменными изваяниями были такими узкими, что и не протолкнуться, но Самаранта умудрялась продвигаться вперёд с невероятной быстротой, и голос её эхом раздавался по всему миру.

Понять, кто она, было не так уж и трудно. В конце концов, король не раз говорил о самой страшной — и внешне тоже, — ведьме на свете. А Сандриэтта слышала её имя — какое-то преисполненное дикого шипения, — раздающееся в её голове, повторяющееся рефреном из-за видений.

— И куда дальше? — прошептала она.

Не надо было становиться могучим магом или пророком, чтобы понимать, что там, среди огромных страшных деревьев будет ещё больше видений. И если Тальмрэ сумеет их догнать, то ничего доброго ждать не стоит. Они, в конце концов, просто не имеют шанса победить её.

— Прямо. Выбора нет, — Кэор покачал головой и, обернувшись на одно мгновение, наконец-то переступил невидимый моральный барьер.

Анри показалось, будто бы он окончательно растаял в страшном лесу. Шаг — и человек растворился в бесконечной дымке, в тяжёлом тумане, в котором она и сама вряд ли смогла бы отыскать нужную дорогу. Рисковать не хотелось, и Сандриэтта не доверяла до конца королевскому племяннику, не знала, отыщет ли он её там, за завесой. Но выбора у неё не оставалось.

В этом лесу она должна выжить. И впервые за долгое время это желание действительно вышло на первый план, оттеснив в сторону раздражение, боль и отчаянье, столь страшно пылавшие прежде в её душе.

Хватит ныть. Ей давно пора было научиться бороться.

За спиной вспыхнул пламенем туман, но Баррэ уже нырнула в бесконечный лабиринт деревьев, чувствуя, как белесая пелена замыкается за её спиной за сотни замков.

\*\*\*

— Что может быть сильнее любви? — она касалась тонкими пальцами его лица, извечно строптивая и вернувшаяся из очередного своего заключения там, в обыкновенном мире.

Он усмехался. Улыбка ему шла — она зажигала в синих глазах какие-то неизвестные грусти огоньки, и за них хотелось цепляться. Ей нравилось, когда он смеялся, когда отпускал извечную боль поколений и расставаний. В такие мгновения не имело значения ничто. Даже когда они блуждали по Источнику, среди туманных деревьев, она умудрялась его веселить; тогда тени умерших, развешенные гроздьями на деревьях грешников, переставали так расстраивать его.

Но здесь, в бесконечном туманном лабиринте, он никогда не целовал её и никогда не обнимал. Тут он переставал быть её мужчиной окончательно, замыкаясь в собственном творении.

Она тоже была частью этого. Помогла ему творить, в конце концов, пусть уже и не помнит, как это случилось. Она дарила этому миру любовь и войну; но он — извечный источник боли и магии, эмоций и жизни. Она только стояла рядом, когда он вдыхал в эту жизнь — и её бог никогда не открывал ей секрет — как убивать тут.

Источник жаждал крови. Она дышала этим, она привыкла к тому, что может не сдержаться, не вовремя вскинет руку — и всё тут. И он — тоже несдержанный, но тут куда более осторожный, — не хотел, чтобы на её чело легко клеймо убийцы.

Убийцы и той, кто заставит Источник дышать кровью.

Но он, в конце концов, ей рассказал. Показал даже — стрела летела ему прямо в сердце, пока он смотрел прямо в глаза.

Тут, в Источнике, каждый начинает руководить чужой ненавистью.

— Сильнее любви может быть только ненависть, моя дорогая. То, что сотворило этот мир, — он хмыкнул. Как всегда, она поняла только отчасти, но продолжала блуждать по лабиринту дымных деревьев, мечтая сжечь весь этот маленький мирок. Но нельзя — источник желал этого тоже, а они никогда не делали так, как ему хотелось.

\*\*\*

Туман пылал. Деревья, усыпанные грешниками, гнулись к прозрачной земле. Лёгкие горели от постоянного бега — но в них не было ничего, что можно было противопоставить ведьме.

Анри сама не понимала, когда успела так сильно сжать его руку — чтобы ни на секундочку не отпустить в безмерный поток сумасшествия. Она и сама боялась туда упасть, потому и хваталась, надеясь, что он вытащит её, когда будет нужно. Когда она запутается, потеряется и больше не будет знать, что именно надо сделать для собственного спасения.

Она цеплялась за его пальцы, словно в этом и вправду был какой-то секрет. В их любви, в их чувствах, в отношениях без конца и края и в чём-то ещё — в чём-то таком, во что она никак не могла поверить. Может быть, следовало отпустить и плыть по течению.

Но всё за спиной выгорело.

Самаранта была слишком близко. Кэор остановился вновь — привычно потянулся к поясу, к ножнам, но этот мир не оставил ему оружия так, как оставил его Тальмрэ. У них не было пылающих сфер на раскрытых ладонях, только собственный бег по лабиринту.

— Ты знаешь, как отсюда выбраться?

Анри отрицательно покачала головой. Её захлёстывало отчаянье, уже менее яркое, чем тогда, но всё же — она грустила по старой своей любви и знала, что у Кэора в голове творилось точно то же. Они хотели вернуться в прошлое, хотели оказаться рядом с теми, кто никогда не отвечал им взаимностью, но Сандриэтте было, наверное, легче. Дарнаэл Второй просто считал её чем-то сродни своей дочери или племянницы — принял бы как невестку, как крестницу, не как жену. Это тоже было любовью, просто иной.

И он всегда оставался добр к ней, даже если она бормотала сущую ерунду.

Он не предавал её. Не нанимал отряд, чтобы те перерезали горло её дяде-королю, не женился только ради того, чтобы получить доступ к королевской казне, не изменял — потому что они никогда и не были вместе. Да, это казалось очень болезненным. Но в тот же момент она слишком явственно понимала, что лучше уж так, чем как в жизни Кэора.

Марта ведь так отчаянно убеждала его в собственной любви, но сама поверить в неё так ни разу и не смогла. Жестокая, злая, отвратительная женщина — не было ничего хуже госпожи Торрэсса в жизни мужчины. Этого вихря пошлости и измены, который сначала

показался Кэору таким идеальным.

— А может, и не нужно? — покачал головой он. — Может быть, мы не просто так тут оказались?

— Ты видишь то же, что и я? — Анри смотрела на какое-то призрачное дерево, но знала, что он поймёт. Речь шла не об окружившей их местности, не о какой-то ещё физической глупости — то пустое. Видел ли он те же видения? Знал ли, как их вызвать?

— Да, — кивнул Кэор. — Но не знаю, хочу ли получить разгадку.

Огненная стрела — будто бы Тальмрэ забыла обо всех остальных заклинаниях, — пролетела в нескольких сантиметрах от головы. Сандриэтта не успела и содрогнуться — опасность обожгла сознание болью, оставляя только тонкую дорожку в неизвестные видения.

\*\*\*

— А что бывает сильнее ненависти?

Её уверенный, упрямый взгляд, казалось, прожигал её насквозь. Упрямство сияло с такой силой, будто бы она знала, что не выживет без этого ответа. Будто бы уже давно убедилась в том, что её песня спета — но оставался последний миг, последний метр до того, чтобы упасть и быть счастливой. А может, вместо “и” там должно было стоять “или”.

— Сильнее ненависти? — он на секунду закрыл глаза и раскинул руки — вокруг на деревьях сияли бесконечные ряды теней. — Сильнее ненависти может быть только желание жить. Страстное, испытываемое множествами бед и несчастий.

— И это, ты хочешь сказать, могущественнее любви?

— Не будь идеалисткой, — он бросил на неё весёлый взгляд. — Я умер, потому что любил тебя. Я выжил, потому что слишком сильно ненавидел тех, кто тебя убил. Но знаешь, почему этот мир был сотворён?

Она не ответила.

— Потому что, Эрри, когда всё разрушалось, мне слишком хотелось жить, — его глаза вспыхнули. — Я был готов на любые жертвы — ради тебя, ради тебя. Не ради пленённых душ. Не от великой любви к творению. Не потому, что хотел показать ему, что сильнее. Просто выжить — это универсальное средство. От боли, от ужаса — всяко лучше, чем погибнуть. Даже без чар, без сил, без шанса воссоединиться до скончания веков. Пока мы живы, всё можно исправить. Разрушить все проклятья. Разлюбить. Полюбить вновь. А после смерти уже ничего нельзя. Забыть даже — и то не получается. Никогда не говори, что тебе надоело жить. Никогда не желай умереть. Это не просто грех — разве могут боги быть грешны? Так ты сдаёшься. А живут те, кто не сдаётся никогда. Борьба — сам смысл нашего существования. Не сдавайся, даже если за тобою мчится стая волков, а сил не осталось ни капли. Лучше протянуть лишь один миг, чем упасть — вдруг там, за поворотом, тебя ждёт дом или охотники с ружьями?

— Даже если выхода всё равно нет?

— Тем более. Тем более, Эрри.

\*\*\*

Она рухнула на свежую зелёную траву — такой неожиданный островок счастья среди всего этого кошмара, покатила, пытаясь сбежать от пламени, но ведьма уже стояла на кругу. И Анри вдруг подумала — может, это тот самый момент, когда пора понять, чего именно она хочет. Когда пора бороться?

Кэор рванулся в сторону — почему-то сейчас над ним больше не нависала отчаянная, бесконечно холодная тень покойной супруги.

Ведьма выпрямилась. Её лицо теперь не было таким уж уродливым, таким отвратительным и гадким, и пальцы больше не походили на звериные когти, вот только безумие будто бы обратилось в бесконечное звёздное сияние, окружившее её бесконечным, бессмертным ореолом.

Заклинания крутились на кончиках её пальцев, могучие и неиссякаемые. Она — просто скопление тьмы, у неё в голове — бесконечным рефреном одни и те же слова, и Анри поняла, что она слишком устала бежать. Дальше всё равно некуда, и получать заклинанием в спину не хотелось.

Самаранта скривилась — даже на таком расстоянии видно. И огонь вспыхнул, рванулся в высь — она так верила, что источник вновь подарит ей красоту, сможет отомстить за неё во всём, сможет вернуть прошлое, то, от чего она отвыкла. Может быть, это даже имело право стать правдой — но она поверила не потому, что так надо, а потому, что ослабела и стала какой-то чрезмерно глупой.

Огни и травы — бесконечный поток сознания Самаранты, казалось, проникал и в сознание её жертв.

Она наслаждалась собственным могуществом. Что могут простые люди — безоружные, к тому же, — в Источнике против ведьмы? На что они способны?

— Я могу убивать вас долго, — прошептала она. — А могу сделать это быстро. Вы тут потому, что вы желаете смерти. Потому что у вас на этом свете счастья не будет. Зачем тянуть?

Позволить судьбе выполнить своё предназначение. Вот что надо сделать. И она тут пламенем сыплет именно с этой целью, потому что просто желает им немножечко помочь — таким вот странным, диким способом. И огонь этот — очищающий, подарит ей свободу.

— Мне всё равно — как, — она хмыкнула. Красота уже почти вернулась — Самаранта Тальмрэ когда-то была великолепной женщиной.

Пока не решила продать всё это за колдовство.

Но источник подарит ей и то, и другое.

— Теперь, — она прошептала, — говорите мне. Умирайте быстро. Зачем страдать? Зачем мучиться? Вы всё равно не хотите жить. Я чувствую.

Может быть, стоило согласиться. Анри чувствовала, как нужные слова — убей быстрее, убей! — почти сорвались с её губ. Но ей-то чего жалеть? Она ещё может быть счастливой, хоть когда-нибудь, в неизвестном, далёком будущем.

Когда выбросит короля из головы.

Это Кэор уверен в том, что не найдёт в этом месте себе жизни. Это он — напряжённый, холодный, собирается сдаться вот-вот, сию же секунду.

— Эй, ведьма, — он поднял на неё взгляд, почти до боли равнодушный — сейчас согласится. — Умереть, конечно же, лучше быстро. Но... — Анри показалось, что она уже видела эту улыбку — если не на его губах, то в чьих-то чужих — другого цвета, — глазах, — не сейчас.

Он назвал разгадку. И это было не в заклинаниях, мечях или стрелах. Не в ненависти и в любви.

В желании выжить.

...Когда-то давно боги вырвались из Источника и сотворили мир из его ненависти. Но у Источника был только один повод отпустить их. Не боль, которую они пытались уничтожить. Не жажда, которую надо утолить. Не сила, которую не было куда излить. В них



оставалось только одно безрассудное, бесконечное желание жить — и тогда чары подчинились, плавным потоком потекли в их руках, сотворили те земли, по которым уже много тысячелетий подряд ходили люди. Даже если ценой этого было вечное проклятие. Даже если столько лет они не могли быть вместе. Потому что пока ты жив — ещё можно что-то исправить. А потом, за гранью, не вернуть уже больше ничего.

И Кэор, наверное, понял это быстрее, чем она сама. Вдруг догадался, как всё это работало, осознал, что должен сделать, чтобы переиграть и победить саму смерть.

Его рука метнула пустоту — чистый воздух. Туда, где стояла ведьма — без капли чар, без камней и без силы. У него просто ничего не было — но магия ненависти, чужой боли и чужой жизни здесь, в Источнике, поддавалась даже тем, кто не мог за неё зацепиться в реальном мире.

...Нож с резной рукояткой торчал из груди ведьмы — и кровь алым пятном расплывалась на её одежде. Она захрипела — предсмертный смех смешался с последними каплями жизни, вытекающей из раны. Источник клокотал от своей безумной силы.

Жертвы. Всюду жертвы.

Анри казалось, что мир пошатнулся — и она едва не осела на траву. Вот только Кэор — будто бы понимая, что это и для неё бы означало смерть, — только вовремя подхватил её, не позволяя упасть. Удержал на самой-самой грани.

Тень Марты за его спиной истекала памятью так, как кровью Самаранта на изумрудной, искусственной траве.

Он наконец-то отпустил её.

===== Глава шестьдесят шестая =====

Его победа была совсем близко. Рри чувствовал это — ему казалось, что он буквально дышал этим духом скорого выигрыша. Игра — разве так называют войну за трон, за счастье, за возможность повелевать миром? Но у него иначе не получалось, и позорные для кого-то слова слетали с его губ с такой жуткой, дикой лёгкостью, что невозможно было понять смысл всего происходящего. Порой Кэрнисс пытался заставить себя относиться к войне не так, как сейчас, но — это ведь не было его духом и его жизнью, всего лишь какой-то глупой привычкой, которую следовало обратить в реальность.

— Армия покинула город, — проронил абсолютно спокойно очередной его советник. — Ваш союзник просил передать, что на месте они окажутся уже через несколько дней.

Казалось, на старом лице мужчины, отысканного даже не в столице, а в одном маленьком городке — Рри отчаянно не хотел работать с верными Дарнаэлу Второму людьми, опасаясь, что те заметят подлог, — за огромным количеством масок равнодушия теперь воцарилось издевательское выражение. Он будто бы собирался заявить, что всё то, что сделал Кэрнисс — глупость, и победить ему не удастся всё равно, но всё равно не решался.

— А как там наша будущая королева? — язвительно поинтересовался Рри. — Не скучает в своих палатах в нашей башне?

Идея закрыть её где-то повыше, в дорогих, но изолированных комнатах показалась Кэрниссу просто гениальной. Теперь его невеста не могла даже докричаться до толпы внизу — только выглядывала через маленькое окошечко самой высокой башни столичного дворца и блуждала по своей круглой — так думал Рри, — комнатке. Он уже представлял, как увидит её, сломленную, как поймает бежавшего Эльма — и где только его носит! — и убьёт

на глазах у девушки. Между ними явно что-то было, жаль только, что Кэрнисс заметил это очень поздно, когда исправлять случившееся уже шансов не было.

Да, Марсан, которому он почти поверил, куда-то сбежал. Он так сладко рассказывал о своей мести, о своей ненависти к королеве Лиаре, что выскочил из окна, как понадобилось только пальцем тронуть её распрекрасную дочурку.

Но Рри таким трусливым не был. Теперь, когда свадьба оказалась единственной его проблемой, ведь добрую половину армии вперёд повёл другой человек, он почувствовал себя уверенным и расслабленным. Можно было водить длинные разговоры о том, как однажды сойдёт с ума в своей башенке его любимая будущая жена, как он получит с её помощью и Эрроку после того, как королева погибнет, и станет там благодетелем. А потом он подтянет эрроканскую армию поближе к себе и затопчет Эльвенту, чтобы вскоре спасти её от запустения. И тогда огромная страна, потерявшая однажды своего драгоценного короля-Тьеррона, будет молиться на него и на его династию.

А Эрла, как ведьминская дочь, дарует свой дар и его детям. Тогда династия Кэрниссов наконец-то закрепится на престоле — ведь в Эрроке никто не посмеет противиться божественному ребёнку и его отцу, — и он сможет окончательно заковать в свои цепи весь континент. Может быть, успокоится, а может, уничтожит надоедливый эльфийский остров и архипелаг, на который дурно даже смотреть — такой назойливый, такой бесполезный даже в столь простой затее — в уничтожении короля Дарнаэла.

— Принцесса Эрла ничего не говорит. Она только равнодушно принимает еду от наших служанок, но не проронила ни единого слова. Освободиться она не пыталась, — старик тяжело вздохнул, — ничего не спрашивала и даже не интересовалась тем, как идут военные дела у Вашего Величества.

Он вздохнул. Да, он потерял одного своего союзника — но принцесса в невестах и Кальтэн Фэз во главе армии многого стоили. Ведь Фэз — это самый верный последователь короля Дарнаэла, если уж он решил верой и правдой служить Рри — а магическая клятва, которую он дал новому властителю, не может лгать! — то тогда победа уже заранее в его руках.

— Я хочу навестить её. Принесите мне мою лучшую парадную мантию и королевскую корону.

— Простите, но у вас ещё нет лучшей парадной мантии, только та, что на вас. Ведь вы не пожелали тратить своё время на портных, — отметил советник. Надо же, всего три дня он заменяет Эльма — какое жестокое предательство! — а толку как не было, так и нет.

Старик, впрочем, сам к нему явился из лесов около Лэвье. Сам сказал, что мечтает служить. Сообщил, из какого он города, зачем тут, каково его предназначение — помочь новому королю закрепиться на троне. И ничего подозрительного в мужчине на первый взгляд не было — только иногда абсолютно спокойный тон выводил Рри из себя, и ему казалось, будто бы этот человек далеко не так умён и честен, как пытается продемонстрировать. Но проходило несколько дней, и это жуткое недовольство отступало в сторону, позволяя мужчине возвращаться в обыкновенное состояние. Ведь Кэрнисс должен был кому-то доверять — почему же не какому-нибудь учёному из далёкого городка, где он по звёздам предсказал победу Рри в каждой войне?

— Как нет?! — возмутился Рри. — Тогда принесите мне лучшую парадную мантию Дарнаэла Второго!

Прозвучало это почти визгливо, и Кэрнисс даже уставился на собственные руки — не

стали ли вдруг они такими отвратительными, полными, с короткими пальцами и вечно потными ладонями, как было у Вирра. Почему-то с каждым днём — особенно с того момента, как этот прекрасный звездочёт появился в его окружении, — он всё больше и больше чувствовал влияние своего старого лика.

Где-то тут, в дворцовой сокровищнице, был маленький камешек, позволяющий обратиться своего владельца в того, в кого он захочет. Конечно, его надо было частенько заряжать чистой силой и детально продумать образ. Была у него и ещё одна особенность, безумно полезная для Рри, как обладателя почти угаснувшего в этом мире дара обращения в иного человека безо всяких иллюзий — даже с подменой сознания. Он очищал разум и позволял стать самим собой. Но Кэрнисс так и не смог отыскать маленький магический камушек, выполненный в виде кулона, по слухам, подаренный Его Величеству Дарнаэлу Второму самой королевой Лиарой. Он носил его — Вирр помнил этот маленький кулон на шее, — почти каждый день, а потом вдруг отдал кому-то или спрятал среди остальных драгоценностей, словно по ненадобности. Очевидно, окончательно разругались — или же Дар передал его кому-то другому. Но он словно и не подозревал об особенностях волшебного украшения, только иногда обращал на него внимание — когда то меняло цвет.

О том, какая связь маленького кулончика с его парой, Рри даже и не догадывался. Его интересовала исключительно возможность очищения собственной души от налёта истеричности и пугливости Вирра, с образом которого он слишком уж сильно сжился.

— Простите, — глаза седого советника как-то странно прищурились, — но у Его Величества никогда не было никаких мантий. Ни парадных, ни обыкновенных.

— А во что же он тогда одевался?

— Разве вы, как его приемник, не помните? Дарнаэл Второй предпочитал выделяться из толпы не алой тряпкой на спине, а тем, что всегда вёл свою армию вперёд. На войне всё это только мешало бы ему, а в столице он и вовсе очень редко пользовался благами королевской гардеробной. Но если вы желаете, мы можем принести его лучшую рубашку — они очень похожи, но у этой расшит воротник, — его камзол и брюки. Только, — советник прищурился, — я не уверен, что вам будет к лицу.

— Почему нет? — Рри вновь осмотрел себя придирчивым взглядом, на сей раз уже в большом зеркале, которое вчера приволокли в тронный зал. Надо же, всего неделю принцесса Эрла провела там, в темницах, а он уже стал заботиться о том, как будет выглядеть на свадьбе!

— Потому что Его Величество был мужчиной высоким и атлетического телосложения, — отметил советник. — Вы же будете ниже — потому брюки его покажутся вам слишком длинными, — а фигура у вас массивнее. Портные, — старик был вообще-то старым звездочётом, но анализ фигуры проводил отменно, словно самолично шил всё, что носил Дарнаэл Второй, — не уверены, что камзолы Его Величества на вас налезут, а расшить их не получится. Поэтому могу предложить только свободные рубашки.

Свободными рубашками Дарнаэла Тьеррона было нечто обыкновенно чёрного или серого цвета и для коронаций совершенно не годилось. Рри об этом, между прочим, отлично знал.

— Хорошо, — вздохнул он. — Тогда я пойду так, пообщаюсь с невестой.

— Ваша невеста, несомненно, будет очень рада вас видеть, — послушно кивнул старик. Рри показалось, что на сей раз в его равнодушном тоне было слишком много язвительности, но он всё-таки промолчал, внезапно осознав, что советник может и не подсказать ничего

такого уж разумного или толкового.

Он лишь поправил то, что сейчас именовал мантией — совершенно не парадной, разумеется, — в очередной раз помечтал о кулоне, который очистил бы его сознание от надоедливого Вирра, и уверенно зашагал в направлении лестницы. Подниматься к принцессе было долго, а Кэрнисс до сих пор не решил, действительно ли оно того стоит.

\*\*\*

Эрла — в красивом пышном платье, отнюдь не повседневном, а скорее бальном, с хорошо уложенными волосами и взглядом дикой кошки или и вовсе тигрицы (Рри оных никогда не видел, но мог себе представить, как именно это будет выглядеть) его почти пугала. По крайней мере, Кэрнисс по пути растерял большую часть собственной уверенности и теперь почти задохнулся от её великолепного облика, подумывая уже нарушить правило о неприступности невесты до первой брачной ночи.

Но стоило только ему вспомнить о том, что на принцессе он женится ради страны, а не ради забавы, как все глупые мысли моментально покинули голову, и он изгнал из себя дух Вирра Кэрнисса, в которого частенько мечтал перевоплотиться обратно. Быть пухлым советником казалось в десятки раз проще, чем мучиться в образе действительно важного, нужного человека, да что там — короля!

— Я надеюсь, — он занял место на мягкой софе, что стояла напротив окна, и провёл рукой по алой бархатной обивке, — что изобилие красного в этой комнате вас не смущает. Конечно, вражеский эльвентский флаг не по душе госпоже принцессе, но я ведь не могу позволить чему-либо из символики Эрроки попасть в этот дом.

— Не стоит волноваться, Рри, — усмехнулась она. — Я привыкла к красным цветам, разве они так плохи? Алые розы, что мне передали вчера, тоже весьма симпатичны.

— Алые розы?

Но она только рассмеялась, не соизволив ответить. Рри попытался вспомнить, что же в его мыслях было связано с этими, несомненно, великолепными цветами, но у него так ничего и не получилось. Казалось, образ неизвестных цветов проходил через воспоминания красной нитью, но... Откуда? Наверное, сейчас, когда воспоминания Вирра о светской жизни и о привычках придворных находились слишком далеко, он и не вытащит нужные фразы на поверхность. Но другого способа избавиться от назойливости поддельного Кэрнисса не существовало, либо так, либо безумие окончательно его поглотит и будет бесконечно требовать возвращения в поддельный лик.

— Так или иначе, — Кэрнисс мотнул головой, — завтра у нас свадьба, Ваше Высочество. А после того, как ваша матушка умрёт от руки моих лучших воинов, мы наконец-то сможем стать полноценными правителями и в Эрроке. Очень надеюсь, что вы вскоре подарите мне сына, что поможет укрепить власть в этой глупой, суеверной стране, да, Эрла?

Она заулыбалась. Откуда в этой девице взялось столько яда, Рри не понимал. Она ещё в тюрьме казалась милой, несчастной девчонкой, пусть и сражающейся за свою свободу. Но теперь, когда враги стали реальными, о опасность такой близкой, всё обратилось в бесконечное проклятие разговорами и её дерзостью. Даже манера держаться — и та теперь до ужаса напоминала о королеве Лиаре.

— И всё же, Ваше Высочество, — продолжил он, — что же заставило вас обратиться с милого ребёнка в такую отвратительную девушку? Мне придётся выбивать из вас это долго и старательно.

— Любовь меняет людей, Ваше Величество, — пожалала плечами Эрла, отступая к окну. — Особенно если она не до конца взаимна. Ведь вы думаете, что ещё толкало Дарнаэла Второго на его несметные подвиги? У нас всех это в крови. Но вам не понять, представитель королевской династии, особенно тот, кто творит её, из вас получается отвратительный. Даже эта пудра не способна прикрыть позорные шрамы.

Ведьма!

— Любовь ли? — уточнил он. — Моя милая, вы отсюда убежать не сможете. Возможно, вы уже упустили свой замечательный шанс... Когда решили остаться. Ведь мой советник предложил вам убежать, я уверен. Его вы тоже очаровали, или всё случилось куда раньше?

— Зачем выдавать мои маленькие женские секреты? — рассмеялась Эрла. — Я многое не понимала прежде, когда только попала к вам. Боюсь, то пребывания в тюрьме я действительно была лишь ребёнком, ничего не понимающим в этой жизни. Была уверена в том, что моя судьба predeterminedена моей матушкой. Но богиня умеет открывать глаза на всё в последнее мгновение. А вам, Рри, не везёт с советниками, однако.

— С новым вполне повезло, — гордо отозвался он, понимая, что заходит слишком далеко.

Эрла только мягко улыбнулась. Бороться — сказала ей Сэя, когда её уводили. Шепнула, совсем тихо. Женщины — те же кошки; Богиня и её драгоценная матушка, Лиара, допускают ошибки, играя с мужчинами по другим правилам. Но ни меч, ни шпага, ни лук со стрелами не могут ничего изменить. Какой бы воинственной не оказалась тигрица, самого большого успеха она порой может добиться тогда, когда притворится ласковым котёнком.

Этого хватило, чтобы вспомнить о том, сколько твердила её мать о женской силе. Хватило, чтобы понять, что у неё нет ни малейшего права оставить собственную страну в таком плачевном положении, позволить кому-либо рушить жизнь её родины. Она не могла уйти. Она впервые в жизни брала на себя ответственность, да и не от того, что хотела доказать кому-то — или даже самой себе, — непередаваемую внутреннюю силу. Просто в тот миг для неё наконец-то перестало быть важным мнение матери или отца. Это её бой, и проиграть — значит похоронить себя преждевременно.

— Я бы так не ручалась, — наконец-то выдохнула она. — Незнакомцы часто играют с нами в злые игры, господин Кэрнисс. Вы — тому доказательство; как лихо отобрали трон Его Величества, сыграв на далёком прошлом. Но вы кто угодно, но не король. Достаточно продемонстрировать народу тень сына Дарнаэла Второго — не говоря уж о самом короле, — и вас выбросят из этого дворца, будто бы ненужную игрушку.

— Неужели людям свойственно так поспешно меняться? — скривился Рри.

— Людям свойственно очень долго скрывать изменения, что с ними случались, отказываться осознавать их. Человек, на чьих руках застыла чужая кровь — нечто совершенно иное, а холод приходит тогда, когда бурые пятна смывает вода, — Эрла поправила юбки своего пышного алого платья, будто бы кровавого на первый взгляд. — Вы недооцениваете своих соперников.

— У Дарнаэла Второго, покойного, к слову, — Кэрнисс довольно усмехнулся, — нет детей. Об этом прекрасно все знают, и даже если какой-то самозванец...

— О! Дарнаэл Второй был королём — не монахом. Красивый, достойный мужчина — неужели вы думаете, что он за свои сорок четыре года ни разу не заводил длительных связей с женщинами? Нельзя быть столь уверенным в результате.

— Подтвердить без короля это невозможно.

— Порой человеческая внешность говорит о большем, чем любые слова, — рассмеялась девушка. — Народ склонен доверять, когда их вырывают из лап тиранов, но никогда не остаётся покорным и наивным в те мгновения, когда его любимого лидера пытаются оттеснить какие-то глупые предатели.

Рри ничего не ответил. На душе стало вдруг как-то беспокойно, и он вспомнил о старом звездочёте, которого так легко принял, стоило ему только убедить новоявленного короля в том, что свыше ему предназначено править долго и счастливо. Разумеется, это могло оказаться ложью, но Кэрнисс ни за что не согласился бы со столь гадким предположением.

Он стал настолько сильно схожим со своим выдуманном образом, дарованным ему природным волшебством, что теперь было трудно отделить Вирра от реальной жизни.

— Мы увидимся с вами завтра, — наконец-то промолвил король. — На нашей брачной церемонии.

Эрла только мягко улыбнулась. Она была готова бороться, а её мать тоже однажды выходила замуж за ненавистного человека.

Только он не смог дожить до первой брачной ночи.

\*\*\*

Это должен был оказаться довольно торжественный день. По крайней мере, король — всё ещё страдающий раздвоением личности, но уже убедивший себя в том, что иметь довольно странное прошлое вполне нормально, — уверился в этом и повторял раз за разом ежесекундно, что сразу же после смерти королевы Лиары он станет полноправным правителем Эрроки.

Да, конечно, супруг Её Величества — король-консорт всего лишь, но Эрла только внешне, пожалуй, очень удачно копирует свою мать. И Рри был уверен в том, что ему и пары месяцев хватит для того, чтобы её сломить и подчинить собственной воле.

Но в нём стала прорезаться мягкость Вирра Кэрнисса. И, казалось, ничего ужаснее этого не могло случиться — если он окончательно утратит собственную стойкость, то для каждого его замысла следующие шаги безвольного экс-советника могут оказаться губительными.

Ему так и не сшили ничего пристойного. Свадьба с принцессой Эрроки — публичное мероприятие, и очень уж сильно хотелось возмутиться, что он не собирается являться на неё в каком-то глупом, отвратительном наряде, взятым в гардеробе у Дарнаэла Второго — но раз там ему ничего не подошло, довольствоваться пришлось и вовсе обыкновенной одеждой.

Тем не менее, внешний вид — это вновь был пунктик Вирра. Рри пришлось выпить немного вина — и запить его чем-то покрепче, — чтобы унять собственное чрезмерно быстрое биение сердца. Может быть, пройдёт ещё несколько дней, и в его жизни больше не случится ничего столь волнительного. Раньше, когда он был жесток и не позволял и капли любви просочиться в своё сердце, кровь сеять казалось так просто по миру! А теперь Вирр смешался с ним самим и обратил жизнь в ад чрезмерной переживательностью, страхом, прокрадывающимся в душу к ночи.

Он в последний раз поправил корону на своей голове, с которой не желал раствориться и на несколько дней, а после кивнул седовласому звездочёту-советнику, вновь явившемуся к нему.

— Вы готовы, Ваше Величество? Солнце уже скоро будет садиться, так что, нам надо начать церемонию. Ведь вы хотели, чтобы всё произошло на закате.

Рри мотнул головой. Он хотел? Разве? Это звучало довольно странно! В конце концов,

он никогда в своей жизни не собирался думать о подобной романтической ерунде. А вчера, очевидно, он сказал что-то своему пожилому советнику, что отчаянно жаждет узреть закатное солнце в день своей брачной церемонии?

— Готов, — покачал головой он. — И кто же именем Дарнаэла Первого повяжет наши руки?

— Это будет сюрприз, — улыбнулся советник. — Вам обязательно понравится. Вы всё ещё желаете провести открытую церемонию и надеетесь, что на это будет смотреть вся страна?

— Разумеется, — кивнул Рри. — Публичность даст нам возможность сделать всё это максимально законно. И тогда даже если Её Высочество вздумает говорить, что её заставили, у нас будет огромное количество свидетелей того, что выбор она сделала добровольно и в миг бракосочетания сердце её было преисполнено любовью ко своему мужу. Вы подготовили соответствующие брачные клятвы, что будут передавать мне все права на управление её государством и жизнью её?

— Подготовили, — мужчина заправил за ухо седую прядь. — Конечно, в Элвенте так тоже не принято, а про Эрроку я вообще молчу, но...

— Посмотрите только, что творится! — Кэрнисс закатил глаза. — Женщинам дали слишком много прав, а они пользуются этим излишне ярко. Всё это — глупость! Давно пора избавиться от этого. Пора показать им своё место, как было при старых королях.

Старыми королями считались ещё Флоджи — династия, что была до Тьерронов. Советник нахмурился, поджал губы, но спорить не стал — словно понял, что это не его дело. Рри же весь сгорал от нетерпения — ему страстно хотелось узреть принцессу в свадебном платье, готовой к церемонии и совершенно никакой возможности избежать этого не имеющей. Ему, более того, безумно хотелось настоять на том, чтобы она не смела и шагу ступить без его разрешения — законы не позволяли так сильно повязать вторую половинку узами, но если Эрла продемонстрирует себя как особь неуравновешенная и дикая, то народ обязательно поддержит своего правителя и будет горой за него. А это значило для Рри очень и очень многое; он страстно мечтал о том дне, когда установит абсолютную монархию на всём континенте, уничтожит эту жуткую раздробленность и сделает всё так, как ему будет удобно.

Седой звездочёт — когда ж он запомнит его имя, такое причудливое и странное, что то никак не хотелось откладываться в памяти, — поклонился на прощание и выскользнул за дверь. Король вновь замер у зеркала — ему следовало выходить в окружении стражи, да и народ мог воспринять появление своего правителя достаточно странно, но сейчас опаска ускользнула в сторону и растворилась в пустоте.

Теперь Вирра в нём не было ни капли. Трусливый советник Дарнаэла Второго растворился в воздухе. И Рри не слышал больше немого предупреждения собственного странного предка — в его голове не повторялись слова о проклятии и о том, что этот шрам — будто наказание богов. Обозвать своего короля божеством могли разве что на их сумасшедшем континенте, но он слишком много пережил, чтобы сейчас остановиться. Абсолютная монархия, две объединённые державы — и не имеет значения, на какие жертвы придётся пойти, чтобы всё это действительно было правдой.

Внезапно и собственный внешний вид потерял значение. Рри выпрямился и расправил плечи, а после позволил отвратной бордовой мантии сползти на пол. Так он будет внушать куда больше доверия, ведь и прежний правитель не слишком-то заботился о том, чтобы

выглядеть по-королевски.

...Бракосочетание должно было состояться на главной площади — вокруг собралось море народу. Но Кэрнисс не боялся толпы, по крайней мере, та его часть, которая родилась на этот свет, а не была искусственно выкованной из волшебства.

Невесту вывели из дворца под конвоем — король уже стоял в это время у алтаря, выволоченного сюда с огромным трудом, камень, наверное, весил целую тонну. Того, кто повязал бы их судьбы навсегда, ещё не было, но, возможно, неизвестный попросту запаздывал.

Принцесса была и вправду красива. Для того, чтобы с Эррокой нельзя было провести ни единой параллели, её заставили нарядиться во всё такое же алое — пышное платье со шлейфом, казалось, кровавой тенью скользило по земле. Она сама была и вправду очень красивой; неестественно бледная кожа и каштановые кудрявые волосы удачно контрастировали с нарядом, а глаза сияли так, словно она была готова обратить своего будущего мужа в прах.

Она остановилась рядом с Рри, но даже не посмотрела на него — не оценила простого наряда, такого уместного для войны.

— Ещё несколько минут, Ваше Высочество, и от вашей свободы ничего не остаётся.

— Жаль, вы не знали, но король Дарнаэл очень любил розы, особенно тёмные, — отозвалась она. — И Первый, и Второй. Часто использовал их, как сообщение о том, что он скоро вернётся.

— Разве цветы имеют значение?

— Нет, — она покачала головой. — Значение имеют венчальные браслеты.

Рри только усмехнулся. Сегодня ничто — даже надменная принцесса, — не могло испортить ему настроение. Уверенность, которую он излучал, даже заразила толпу — те успокоились и взирали на своего новоявленного короля не как на божество, конечно, но уже с некоторым уважением. Они почти поверили в то, что он и вправду являлся их спасителем.

Пожилой советник остановился на балконе, с которого по обыкновению толкал речи Дарнаэл Второй, и тяжело вздохнул — старость не приносила никому никакой радости.

— Сегодня, — проронил он, — наконец-то наступил тот день, когда эрроканская принцесса должна осчастливить браком эльвентского короля и навеки объединить эти два государства, в далёком прошлом дружные, под эгидой одного правителя. Их бракосочетание свято, и, как обычно, именем Дарнаэла Первого священник обязуется скрепить их судьбы вечными узами, как руки — традиционными венчальными браслетами. И да помолимся мы нашему божеству!

Старик сжал что-то на своей груди — какой-то маленький кулон, — и в почтённом молчании склонил голову. Волосы, теряющие серебристый окрас, спадали ему на глаза, став вдруг длиннее.

Священник встал рядом с алтарём и поднял голову, глядя на народ, будто бы всё это в один миг стало весёлой, забавной игрой.

Последние лучи осветили его лицо — и толпа издала короткий, благоговейный вздох.

\*\*\*

— Сегодня, — голос его звучал чуть звонче, из него пропали старческие нотки, — мы изменим нашим традициям. Пусть Его Величество решил, что народ его достоин только того, чтобы таскать тяжеленные алтари, потому что он не может повенчаться в церкви, — пальцы сильнее сжали поручни королевского балкона, и по нему поползли зелёные полосы



плюща, доселе мирно обвивавшего лишь одну колонну. — И, как видите, наш бог не сумел устоять перед соблазном самолично посмотреть в глаза того, кто когда-то давно собирался занять его трон, а теперь возродился в такой неумелой форме.

Очень хотелось верить, что иллюзия круглых ушей — благо, волосы позволяли спрятать и острые тоже, — у Дарнаэла Первого продержится до конца выступления.

— Что ж, дети мои, — довольно улыбнулся он. — Я не буду святотатствовать и представляться вашим покойным королём. Может быть, — он издал тяжёлый вздох, — вы даже не поверите в то, что я — бог, сошедший к вам с небес, и скажете, что какому-то священнику просто очень повезло с цветом глаз. Но, несомненно, придворного мага и сына Его Величества Дарнаэла Второго вы узнаете.

Рри как-то неуверенно — будто бы ещё не понимая, о чём идёт речь, — покосился на балкон. Сейчас, можно подумать, и бог не стоял у алтаря — Дарнаэл поспешил набросить капюшон обратно, а народ уже больше не интересовался, существует ли первый из Тьерронов нынче на самом деле.

Пожилого королевского советника им было достаточно.

Разгладились морщины, лицо стало молодым, а тусклые глаза готовящегося умереть от старости человека теперь вновь сияли привычной синевой. Ему нельзя было дать больше двадцати трёх-двадцати четырёх лет и, Эрри их подери, больше на Дарнаэла Второго походил разве что его тёзка, первый король, и то никто не мог дать гарантию, что с нынешнего правителя не рисовали портреты основателя династии.

— Теперь в вашей власти, господин Рри, нет никакого смысла, — Рэй усмехнулся. — В конце концов, вы могли бы просто отправить мне письмо, но раз уж так позаботились о том, чтобы держава была в целостности и сохранности, то я должен быть благодарен, верно?

Зелень шипела, будто бы легендарные змеи — казалось, балкон был готов полностью обратиться в поток плюща. Волшебство, как у Дарнаэла Второго — привычное и знакомое его стране, — кипело вокруг молодого непризнанного принца вихрями.

Кулону всего лишь надо было питаться волшебством.

Рри обернулся. Дарнаэл Первый? Где? Зачем?

Он потянулся к кинжалу на поясе — у него ещё была принцесса Эрла, в конце концов, и можно бороться. Если народ не готов броситься на него с обвинениями прямо сейчас, то уже через минуту трёпа юного принца он обязательно это сделает. MOMента хуже и придумать нельзя для появления власть имущих — ему поверили ещё и потому, что придворного мага видела половина столицы, а Вирр самолично распускал разнообразные слухи о том, как тепло относился к своему волшебнику Дарнаэл.

А теперь вот и причина была понятна.

Рри сжал зубы. Руки больше не дрожали, слабость отступила — он был готов действовать, даже метнуть собственное оружие. Оно должно попасть в цель довольно легко...

— А цирк с Дарнаэлом Первым, — послышалось за спиной у него тихое шипение, — нужен затем, чтобы ты не натворил глупостей, Рри.

Холодное лезвие коснулось горла — только на секунду, но это было достаточно, чтобы понять — священник за тёмной рясой прятал отнюдь не молитвенные чётки и не книгу бракосочетаний, даже не пару венчальных браслетов или тёплую одежду.

— Неужели благородство так легко отступит? — прошипел Кэрнисс в ответ. — Ты вот так возьмёшь и перережешь мне горло?

— Я помню тебя пять сотен лет. Даже если ты этого не знаешь, — Дарнаэл Первый коротко хмыкнул. — И мне абсолютно всё равно, что ты сейчас скажешь. Шэйран нужен там, а твой экс-советник вспомнит о своём герцогском благородстве, которое проповедывают в Ламаде.

— А ты — не вспомнишь?

— Вспомню, — Дарнаэл легонько подтолкнул его, направляя к двери во дворец. — Но моя память куда глубже и содержит множество более далёких моментов из прошлого. Потому пощады можешь не ждать.

\*\*\*

Эрла так и стояла в своём бордовом платье — ещё до конца не понимая, что случилось, но довольно явственно осознавая, что никакой свадьбы не будет. И нельзя было сказать, чтобы сей факт так уж и сильно её расстроил.

Шэйран всё ещё что-то говорил своему народу, но её тут не ждали. Принцесса Эрроки должна оставаться самой собой до победного конца — она только скрылась в приоткрытой узкой двери в дворцовые подвальные помещения, а Рэй, судя по довольным крикам народа, как раз воспользовался опытом отца и спрыгнул в толпу прямо с балкона.

Коридор, из которого её же и выводили около часа назад, показался излишне тусклым и холодным, но Эрла уверенно двинулась вперёд, понимая, что нет времени на ожидание у неё не осталось. И, к тому же, хотелось узнать наверняка, пришёл ли брат потому, что понял, или его нашли — и предупредили.

Даже если она ничего не продемонстрирует внешне, даже если ей должно быть всё равно — она узнает, а потом уж и примется за отчаянную демонстрацию абсолютного равнодушия ко всему происходящему вокруг.

Она сыграет так, как нужно, только дайте ей возможность перестать дрожать от негодования и страха. И всё будет просто отлично.

...Она плохо ориентировалась во дворце своего отца, потому что в Лэвье бывала всего несколько раз, да и то в раннем детстве. Юбки путались в ногах — и она даже не подозревала, куда неизвестный священник, так напомнивший папу, утащил её несостоявшегося жениха.

Перед глазами всё кружилось — яркие вспышки повторялись едва ли не ежесекундно, но девушка только уверенно и быстро поднималась по ступенькам.

— Ваше Высочество, — тихий голос за спиной был до боли знакомым, и она обернулась, сталкиваясь взглядом с тем, кого искала. — Его увели в тронный зал. Проводить?

Эрле показалось, что она сейчас задохнётся — и не от тугого корсета своего свадебного платья. Эльм выглядел таким же, как и тогда, когда выпрыгнул из злосчастливого окна в своих покоях — всё так же бледным и самоуверенным, только теперь длинноватые светлые волосы уже не были причёсаны.

— Проводите, — кивнула она, позволив себе облегчённо улыбнуться. — Значит, это ты, Марсан, привёл их сюда?

— Мы случайно столкнулись в лесу. Изначально твой брат даже порывался меня прирезать, — хмыкнул Эльм, подступая к девушке ближе. — Очевидно, я прервал его крайне интимный разговор с какой-то милой девицей. Но стоило ему услышать, что я — злейший враг вашей матери, как он моментально подобрел и принял меня, аки родного.

Крайне похоже на её брата, между прочим. Скорее на отца, правда, но компания

Дарнаэла Второго никогда на Рэя благотворно по отношению к Эрроке не влияла.

— Да, я заметила, что это оказалось успешным, — она позволила себе расслабиться — даже корсет теперь сжимал её тело несравнимо меньше, чем прежде. — И... И я действительно рада, что всё вот так сложилось. Правда, я... Я не думала, что всё может закончиться вот так.

— Тем не менее, ты тут осталась.

— Если б не задумка о свадьбе, он бы отправился на войну со всей армией. Я надеялась, что этого удастся избежать, — девушка побледнела. — Но Кальтэн... Мне всегда казалось, что он верен отцу, но сегодня был не такой день. Так ты проведёшь меня в тронный зал или нет?

Он предложил ей руку, но девушка не воспользовалась предложенной помощью. Она будто бы вновь вспомнила о том, что каждая эрроканка обязана оставаться предельно холодной и спокойной по отношению к мужчинам. Или чувствовала просто, что совсем-совсем скоро ей предстоит встреча с той, кому молилась её мать ночи напролёт.

...В тронном зале действительно уже были все, кроме Шэйрана — тот всё ещё вещал что-то толпе, вновь забравшись на балкон. Или Эрле показалось, и он оттуда не спрыгивал? По крайней мере, перегнулся так, что был готов выпасть — и явно кому-то что-то доказывал. Стража — один или два верных человека, искренне поверивших в смерть Дарнаэла Второго, — всё порывалась вытащить его оттуда за камзол, но они никак не могли рискнуть это совершить.

Эрла не могла оторвать взгляд от Сэи — точнее, богини Эрри. От той прежней девушки, вышедшей замуж за короля Эльвенты, не осталось и следа — в глазах теперь сияла не хитрость, а дикая воинственность, но принцесса Эрроки успела запомнить уже именно этот взор.

Её богиня указала ей путь к действию, пояснила, что надо сделать, чтобы победить — и у Эрлы получилось. Она должна была просто тянуть время.

А Эльм... это чтобы у Рри просто не возникло соблазна сделать с ним что-то. Если он так хотел ей помочь, то рано или поздно совершил бы непоправимую глупость. А так — он жив, цел, а она, как уверовавший в свою религию человек, всё равно не сможет нарушить матушкины заветы.

Дарнаэл Первый избавился от рясы — она валялась грудой чёрного тряпья в стороне, абсолютно бесполезной и совершенно никого не интересующей. И единственным, что действительно серьёзно отличало его от их с Рэем отца — это длинные острые уши.

Эльф.

Что он, что богиня.

Рядом с богиней, немного недовольная, словно её откровенно ущемляли в правах, застыла молодая светловолосая ведьма — Эрла её имени не знала или просто не помнила. Моника — уж её-то забыть оказалось трудно, с такой-то верой в религию и потенциалом в плане использования собственного дара, — тоже была здесь, теперь похожая на дарнийку больше, чем когда-либо.

Рри уже стоял на ногах — пусть Дарнаэл Первый, возложивший руку на шпагу и отобравший у неудачника-короля всё его оружие, и демонстрировал ясно, что сбежать так просто не получится. Кэрнисс будто бы уже и не искал пути к отступлению — в нём вспыхнула уверенность веков.

Столько лет подряд весь его род так и не смог привести проклятие Рри Первого —

несложившегося короля, проигравшего Тьеррона в сражении за трон и юную принцессу, — пока не родился этот ребёнок с тёмным, жестоким взглядом. И шрам этот — словно в подтверждение его замысла.

Но Рри возжелал не принадлежавший ему трон уже очень и очень давно. А шрам получил тогда, когда уже успел укрепиться и советником, и...

И в своей лжи.

Единственное, что подводило его — жалкая вторая ипостась, но являться в истинном облики нельзя. Всюду этот его лик — на картинах из исторических хроник, где Рри пытались запечатлеть, как предателя короны. В конце концов, они могли понять, чего он хочет.

Толстоватого, жалкого Вирра никто и не заподозрил.

— И всё же, — он выпрямился, — народ, сколько б он ни радовался, не примет мою казнь. Я лишь заявлю, что не знал о существовании сына у Дарнаэла Второго, что желал добра его стране — и уйду. И вы не сможете меня убить. Законно — не сможете. А так — вам же не позволит ваша бесконечная честь.

Он покосился на Шэйрана на балконе — тот не слышал этот разговор из-за шума толпы.

— Они, возможно, и не смогут, — кивнул Дарнаэл. — Но я б так не ручался за себя, вот правда.

Он почти вытащил шпагу из ножен — перерезать горло Рри было бы идеальным выходом из ситуации, в конце концов, он того и заслуживал, но не успел.

Эрла понимала — если уж она и затеяла эту игру, если определила своего заклятого врага, то должна сама всё и закончить.

— Если это пророчество правда, — промолвила она резко и холодно, будто мать, — то у меня всё равно всё получится. Я вызываю тебя на дуэль, — и тонкая, кружевная перчатка в алых тонах упала к ногам Рри. — А если ты откажешься, они имеют полное право тебя убить, как бесчестное животное, не живущее по правилам этого мира. И, к твоему сведенью, алые флаги Эльвенты — как цвета страны моего отца, — нисколько меня не оскорбляют!

Рри, коротко усмехнувшись, подобрал перчатку.

— Я согласен, принцесса, — улыбнулся он. — Но как бы это не стало последним вашим днём...

— Эрла, — Дарнаэл Первый прервал её коротким жестом. — Не стоило этого делать. Моя честь не пострадает ни на минутку, если я и вправду перережу горло какой-то подобной дряни.

Кэрнисс хохотнул.

— Вы теперь не имеете права. Вы даже не можете меня задержать, о мой бог, потому что в вашем теле нет и капельки чар.

Он уже дёрнул было за нитку телепортационного заклинания — но что-то не пускало. Рри обернулся — и столкнулся с холодным взглядом Моники, уверенной в своих действиях как никогда.

Пространство нитями вилось вокруг её тонких смуглых пальцев — заклинание приковывало Кэрнисса к месту, не давало ему раствориться в пространственном вихре.

Он лишь криво усмехнулся.

— Никогда не надейтесь на честь своего врага. У меня и вредить нечему, — протянул он. — Да, Дарнаэл?

И как-то причудливо, словно замахиваясь, дёрнул правой рукой.

Тонкая, длинная острая спица — не волшебная, но подобным оружием пользовались уже очень давно, и оно оказалось практически забытым, — прорезала воздух.

Заклинание магички — теперь уже, очевидно, покойной, — пошатнулось, и Рри почувствовал, как его выдёргивает из этого времени и пространства. Последним, за что успел ещё зацепиться его слух, был громкий, преисполненный ужаса, вскрик новоявленного короля — тот рванулся к своей прелестной ведьме, но было уже поздно.

Спица прошла её практически насквозь, и на груди расплзлось огромное красное пятно. А Кэрнисс был практически убеждён в том, что попал в сердце.

===== Глава шестьдесят седьмая =====

Лиара выглядела поражённой и испуганной — она не ждала таких новостей, как и многого другого из того, что случилось с ними за последние дни. Дару хотелось рассмеяться ей в лицо — можно подумать, он не повторял раз за разом, что с добровольной миссии Кальтэна не получится ничего хорошего. Он не способен теперь ни на адекватность, ни на добрые бескорыстные поступки, а желание отомстить, пылающее в глазах, могло казаться незаметным только для одного человека в этой жизни.

Для Лиары.

— Они прислали извещение с границы, — промолвила она, впрочем, стараясь держаться уверенно и прямо. — Мои информаторы...

— Твои шпионы, Лиара, — резко оборвал её Дарнаэл. — Научись называть вещи своими именами и прекрати без конца мне лгать, дорогая, это никогда не приводило к добру. Одни только отвратительные последствия, от которых мы всё не можем избавиться — и благодаря чьему упрямству, скажи мне на милость?

— Какая разница, как я назову людей, которые принесли мне известие о том, что на моей границе стоит половина армии Элвенты?

Он только горько усмехнулся. Это, так или иначе, было бесполезно. Его одного стали бы слушать там, конечно, но скорее уж прирезали бы по дороге. Кальтэна тоже послушали, и он, вероятно, сто раз повторил своей армии, что там бегают живая тень, похожая на их короля, и эту тень следует убрать с дороги первым делом.

— Действительно, это совершенно не важно, Лиара. Важно только то, что мы с тобой вдвоём в этом всё виноваты, — он подошёл ближе к ней и запечатлел короткий поцелуй на губах — будто бы издеваясь, обнял крепче, и ладонь скользнула по атласной ткани её светлого платья. — И уже ничего не исправить, моя дорогая. Боюсь, у тебя не получится.

Она зажмурилась, отрицая столь очевидные мысли, словно он мог только лгать — ни слова правды, ни единой капельки честности. Ведь это её Дарнаэл, разве нет? Сколько хитростей они уже пережили вместе?

— Ну что, Ваше Величество? Я предупреждал. Там, на твоей границе, стоит моя всемогущая, сметающая страны на своём пути армия. Границы больше нет, только её обезумевший источник, и я уверен, что там дело отнюдь не в волшебстве твоей чокнутой ведьмы. И теперь я ничего не смогу с этим сделать.

— Ты уверен, что не стоит попробовать? Ты обещал мне выиграть эту войну, — она оттолкнула его от себя, упёрлась ладонями в грудь, а рыжие волосы причудливым узором спадали на плечи. — Ты обещал, что...

— Я не хотел её и начинать, Лиара. А теперь придётся, — подытожил Дар. — Конечно, мы выиграем. Если ты выпустишь меня из трёх комнат, по которым я блуждаю, будто идиот, и позволишь наконец-то узреть твои боевые отряды. Мне не нужно много людей, но надо

ведь хоть какая-то защита, прежде чем я выеду к ним?

— Ты предлагаешь мне дать тебе пушечное мясо?

— Я сам — пушечное мясо, — ухмыльнулся Дарнаэл. — Но дай хотя бы армии успеть защитить меня, прежде чем до меня доберутся мои же войска. Твои мародёры тут будут так не кстати.

Она кивнула.

— Делай что хочешь, — Лиара устало опустилась в кресло и отмахнулась от него. — Я уже ничему в этой жизни не верю. Мне кажется, что ничего уже нельзя исправить.

— И не я, поверь, в этом виноват, — рассмеялся Дарнаэл. — Встретимся ещё, если боги позволят нам это сделать. Можешь помолиться не только Эрри для исключения в эти дни.

\*\*\*

Лиара часто любила повторять, что её армия находится не в идеальном состоянии. Дарнаэл знал об этом — если б он решился пойти войной на неё, то, наверное, победил бы, главное обставить всё так, чтобы маги Эрроки не смогли слишком часто вмешиваться в течение битвы и не добавляли лишних, опасных препятствий. Тем не менее, он не думал, что войска у неё нет вообще — только стая болтунов и пугливых мужчин, что прятались за стены своих домов и юбки жён, как только появлялась малейшая угроза вторжения. Они не могли, разумеется, устроить революцию — потому что для этого нужно иметь хоть какие-то моральные силы. Хотя бы их подобие.

Конечно, у них ещё было время до того, как армия Эльвенты сгруппируется под границами и придумает, как именно следует нападать. Там нет ни гениального, ни разумного полководца.

У Эрроки он есть.

Только с такими солдатами ничего не поделать.

...До границы оставалось всего несколько десятков километров — запросто можно было доехать на лошади за пару часов, — но Дарнаэл как-то не рвался к родным войскам. Он лишь внимательно смотрел на ту стайку, которую местное начальство именовало “элитным отрядом” и предположило, что именно он поможет Его Величеству выступить к своим воскам.

Командир смотрел на Дара, аки на божество. Судя по всему, не по причине схожести короля с божеством, основавшем его династию, а потому, что Тьеррон мог хоть как-то справиться с их ненормальной королевой. И почему-то Дару упрямо казалось, что этот мужчина вообще с радостью оказался бы под колпаком у Эльвенты, позволил бы проиграть своей стране войну, да и позабыл о чести, праведности и о том, как следует жить на свете. Почему б и нет, если там у него будет хоть что-то, кроме призрачного подобие власти, что тут отказывается дать королева Лиара?

— А на деле — сколько войск всего? Меня сейчас интересует не... элитный отряд, — король запнулся и недовольно покосился на стайку юношей и мужчин, что окружили его, — а нормальной, боеспособной армии.

— На деле, многие отряды распределились по границе, — вздохнул командир, но голос его прозвучал как-то неуверенно. — Не скажу, что они способны остановить навалу. Обычно Её Величество просто посылает ведьм, и все сдаются и идут на мирные переговоры.

— А за ведьмами шагает многотысячная иллюзия, верно? — когда собеседник кивнул, Дарнаэл не сдержал раздражённого вздоха. — Разве в вашем королевстве вообще нет мужчин?

— Ну ведь это отряд нашей деревни. Вы могли отыскать в столице что-то более пристойное, и в городах тоже.

Тьеррон убедил себя воззреться на стены домов, такие серые-серые, вероятно, от недавнего дождя.

— А что у вас с ведьмами? — в пятый раз уже, пожалуй, уточнил он, но командир лишь развёл руками. Все талантливые девушки из их деревушки давно уже отправились покорять Кррэа или хотя бы Вархву, а тут осталась только старая бабка-шептуха да их местная староста, но она уже доживала свои последние года. В восемьдесят шесть не воюют и не лезут вперёд, атаковать весь мир. Просто спокойно спят в своём любимом домашнем кресле, и только.

Больше ничего.

Дар только устало кивнул, будто бы соглашаясь с одной чёткой и крайне издевательской мыслью, что нынче крутилась у него в голове — со всеми этими сумасшедшими людьми добра точно не будет. Ему уже хотелось уехать обратно, домой, в свою родную Элвенту, взять в руки бразды правления адекватным войском и не видеть никого из этих шутов, но вряд ли у него такая возможность будет.

Один из мужиков — тот, на которого возлагались прежде большие надежды, уронил свой меч, только-только попробовав его поднять, и Дар лишь горестно вздохнул.

— Из нормальных военных тут лишь вы, — отметил он, глядя на командира.

Тот потупил взгляд, и Дарнаэл подумал, что не следует делать поспешных выводов. Может быть, нормальных военных тут не было и вовсе, одни только шуты и болваны. Нельзя оторвать человека от поля и выставить его против вышколенной армии, пережившей уже далеко не одну войну, имеющей огромный численный перевес... Конечно, будь у него горы — удачное расположение, хоть какое-то оружие и время на подготовку, а главное, возможность нападать и подчистить хотя бы фланги вражеской армии...

Но там, по ту сторону растворившейся в воздухе границы, стояли его воины. Воины, что пришли мстить за своего короля. И собирать против них отряды, выпускать ведьм и волшебников — само по себе глупость. Он ведь должен жалеть своих людей и желать им победы.

Но во главе всего этого кошмара Кальтэн. Уверенный в том, что так он отомстит за Тэзру, мужчина не отступится до самого конца — Дар помнил своего друга и его отчаянное упрямство, и жалел, что эти воспоминания рухнут так скоро. Он ведь не сможет сохранить его нетронутый, чистый образ надолго. Рано или поздно всё равно поддастся мысли, что Кальтэн просто влюблённый в свою ненаглядную, распрекрасную ведьму безумно — потому что теперь она единственная, кто способен отыскать место в его сердце и разуме. От Фэза осталась только эта одержимость да физическая оболочка. И отчаянное умение вести за собой армию туда, куда она добровольно прежде и ногой бы не ступила.

— Знаете, пожалуй, я поеду один, — вздохнул Дарнаэл.

— Из столицы вам ведь выдали какую-то защиту, — отметил его собеседник.

Только сейчас Дар отметил, что мужчине, наверное, столько же, как и ему — только эти отвратительные условия вынудили его поседеть слишком рано, сгорбиться, съёживаться каждый раз, когда очередная ведьма-повелительница проезжает мимо. Сколько лет должно пройти, чтобы выбить из этих людей рабский дух!

Он всматривался в тусклые зелёные глаза и словно пытался представить себя в таком положении. Безвольным, бессильным, не имеющим шанса проронить несколько слов без

воли своей жены. Жены ли? Рабовладелицы скорее, с новыми законами Лиары.

Конечно, тут не все ещё поломались. Двадцати лет слишком мало. Деревушка и без того была матриархальной, а женщины тут немного увлеклись собственным правлением, вот и не вышло ничего доброго. У всего должна быть мера.

Но, вопреки их слабости, вопреки ничтожности этих людей, Дар не мог повести их на верную смерть. Пусть уж умереть самому — но бороться до последнего, — чем потащить в бой тех, кто никогда не был для него предназначен.

Мужчина лишь коротко покачал головой, когда на него вновь, с отчаянной надеждой, воззрились.

— Будьте уверены, армия до вашей деревушки не дойдёт, — он ободряюще улыбнулся. — И я всё же пойду сам. Мой конь уже отдохнул, наверное. Пора в путь.

\*\*\*

Они никогда прежде не стояли такой огромной, тесной толпой. Никогда не сбивались в таком количестве к границам; никогда не испытывали такого страха перед войной. Всё это — сама только атмосфера, — была для них чужой. Король — тоже. У них не было того надёжного, понятного, разумного человека, который, помимо дикого Кальтэна, одержимого мстью, казалось, за короля, смог бы направить их движение.

Прежде король вёл их вперёд. Новый король предпочитал оставаться в столице, а воины с разбитыми сердцами сами думали, как располагаться, как обустроить лагерь и когда нападать. И, да видит Первый, никто из них не хотел делать этого на самом деле. Старинная детская игра обратилась для них в жуткую реальность, и отступить теперь было попросту некуда.

— Выступаем сегодня на рассвете, — послышался шепоток. Но солдаты были готовы подчиниться даже ветру; среди них не осталось тех, кто был бы так уж против войны или не готов поддаваться. Сюда пришла более слабая, но более податливая половина эльвентской армии. Половина, которая забыла о том, как дышать, когда им сообщили о смерти короля.

Половина, что должна бы пылать жадной мести.

Их лагерь больше походил на какой-то огромный муравейник. Вокруг — только одна сплошная зелёная трава, поле и поле — тут они ещё никогда не воевали. Извечно эльвентские земли, с которых начнётся великое объединение континента, чем не замечательная цель, которую должен преследовать каждый король?

Холод и боль — что могло быть хуже?

Кальтэн восседал на лошади впереди войска. Все они — пешие бойцы, слишком мало конной кавалерии, но предводитель должен выделяться хоть как-то. Он и его, очевидно, сын — слишком похожи, такие разбитые и руководимые отнюдь не здравым смыслом.

Тем не менее, солдаты стояли и смотрели на холм — холм, по которому проходила граница. Холм, на котором они собирались увидеть вражескую армию, понять, с кем придётся схлестнуться через несколько минут. Может, часов — если повезёт. От чьей руки погибнут несчастные, кого счастливики сумеют уничтожить сами. Война — это лишь лотерея, когда воюешь против ведьм.

Зашевелилась под ногами трава. Казалось, она вдруг рванула к небесам, росла так быстро, что это можно было заметить. Чары — воздух наполнился ими.

Они все подняли голову, в немом ожидании замерли, надеясь на то, что армия, чужая и злая, вот-вот покажется там, на возвышении. Но вместо огромного войска, ведомого колдуньями в развевающихся на ветру белых платьях они увидели только силуэт одного



человека — он шагал к ним уверенно и ровно, с прямой спиной, и, наверное, гордо смотрел вперёд — трудно было понять на таком расстоянии.

Армия насторожилась — мужчина. Гонец? Посланное королевой пушечное мясо? Может быть, просто фикция?

Он двигался к той точке, где внезапно отвесной скалой обрывался холм. Всего одно неприступное с их стороны возвышение на фоне покатых спусков и подъёмов.

Восходящее солнце коснулось светлыми утренними лучами его лица, открывая незнакомца всему миру — и на его губах засверкала улыбка.

Травы под его ногами взвились, и сильный ветер рванулся вперёд, словно пытаясь столкнуть мужчину с его скалы. Но он стоял — неимоверно прямой, так близко к ним, что можно было услышать то, что он скажет. И им уже не надо было спрашивать, кто он и зачем пришёл.

— Ну что же, воины, — голос короля звучал громко, во много раз усиленный чужой или, может быть, его магией. — Готовы ли вы сразиться со мной? Нападайте. Моя непобедимая армия стоит за моей спиной или передо мной?

Но они отлично знали, что там, за холмами, нет ни единого воина.

И всё же, понимали, что в этой битве заведомо проиграли.

Кальтэн издал едва слышный, раздражённый рык.

\*\*\*

Их король — или призрак их короля, дух, сотворённый отвратительными ведьмами Эрроки, — не сдвинулся с места. Не проронил больше ни единого слова. Он всё так же стоял — гордо и ровно, — и ждал, пока его армия примет окончательное решение. Пока сможет выстрелить в него, разрывая то хрупкое подобие мира, или встанет на колени, признавая, что ошибалась.

Войско тоже молчало. Короткий, тихий шепоток — ненастоящий, — не смог пробиться до дальних рядов; они напирали на первые палатки, сметали на своём пути всё в нём, но упрямо продвигаясь вперёд, не позволяли никому остановить себя, убеждённые в том, что там, рядом с Его Величеством им и место. Кальтэн Фэз вряд ли действительно имел в своих руках столько власти.

— Это призрак, — убеждённо бормотал он себе под нос, широкими шагами пересекая пространство между двумя соседними кострами. — Это призрак...

Тем не менее, Кальтэн так и не произнёс эту фразу во всеуслышанье. Он знал — не поверят. Эльвенте всегда хватало одного только королевского взгляда, чтобы навсегда поклясться этому человеку в верности. Дарнаэла трудно спутать с кем-либо другим. И ни одна, даже самая точная иллюзия, даже в исполнении человека, который знал его всю свою жизнь, не могла бы точно скопировать Его Величество.

То, как он смотрел на своих людей, то, как обращался к ним.

И даже если когда-то у кого-то хватило бы сил на то, чтобы сотворить столь точную копию — они не могли подделать его магию. Конечно, воины Эльвенты — не волшебники, они не чувствуют того специфического привкуса колдовства, не могут отличить от его от других чар. Но так, как Дарнаэл Второй, колдует разве что его сын — и Мэллор далеко в лесах на стыке двух королевств.

Ни Мэллором, ни двадцатилетним парнем мужчина на холме не был.

— Вы уверены, господин... капитан дворцовой стражи? — ядовито переспросил один из бывалых ветеранов. — Вы уверены, что призрак? Сотворённый магией дух?

— Абсолютно, — покачал головой Фэз. К нему обращались с таким презрением редко, но сейчас — будто бы все чины, все, кто когда-либо знал Дарнаэла лично утратили собственную веру в праведность Кальтэна. Он сказал, что видел своими глазами смерть Тьеррона — но, может быть, их королю всё-таки удалось выжить? Удалось выиграть в этой бесконечной борьбе за жизнь с королевой Лиарой? А может, всё не так уж и страшно, как описывал им этот Рри с балкона?

— Я прошёл с ним четыре войны в одном отряде, — возразил мужчина. — Я помню его ещё совсем ребёнком, когда умер его отец. Да подери нас Первый, тридцать лет уже прошло с тех пор, как я увидел его впервые, даже ты, Кальтэн, знаешь нашего короля хуже. И ты думаешь, я способен принять какой-то жалкий дух за него?

Он повернулся. Дарнаэл, возможно, ничего и не слышал — он стоял далеко, всё так же равнодушно, ни на что не опираясь, но в позе что-то изменилось. Ирония, раздражение чувствовались даже тут, на таком расстоянии — Тьеррон скрестил руки на груди и, очевидно, усмехался.

Любое сомнение значило его победу.

И, конечно же, такого его знала большая часть армии. Весёлого, способного посмеяться над кем угодно — и в первую очередь над самим собой.

— Войско моё, эй! — окликнул он вновь — волшебство всё так же заставляло голос звучать звонко и быть услышанным в каждом уголке огромного эльвентского лагеря. — Если вы поднимете головы и посмотрите на небеса, то увидите там тучи. Я очень надеюсь, мне не придётся торчать тут до ночи под дождём, пока вы наконец-то определитесь, кому верите?

Где-то вдалеке послышался громкий гул отрядов. Совсем ещё мальчишки; одной королевской шутки для этих детей, ровесников Дарнаэлова сына, с головой хватало поверить в то, что это именно их правитель. Дар никогда не относился к своему народу с презрением — но, впрочем, всё это было таким...

Знакомым.

Кальтэн вздохнул.

— Это не может быть он.

Почему он так отрицает? Потому что Дар, его друг, никогда не убил бы его любимую Тэзру. Там, на возвышении, просто хорошая подделка — подделка королевы Лиары, всегда завидовавшей своей советнице.

Но стоит только армии поверить, что это и вправду Тьеррон, кем бы из них тот мужчина не оказался, они примут его сторону. И никакой войны с Эррокой не будет, и Кальтэн не сможет отомстить. Он чувствовал, как кровь билась в голове, как страшная боль будто бы насквозь прорезала его тело — нельзя отступать.

Тэзра умирала тогда, когда он обращался льдом. И все её суждения, все её мысли — всё это запуталось в разуме Кальтэна. Он перевирал их, перекручивал, пытался пояснить — он уже не знал, желает ли смерти своему извечному другу Дарнаэлу или, может быть, всего лишь проклятой королеве за его спиной. Как всегда, Лиара спряталась в нору, не принимая ни единого судьбоносного решения — сначала щитом стояла её советница, теперь мужчина, который никогда не дождётся от неё чего-то большего, чем любовь — хоть капли уважения.

Или, может быть, Фэз думал уже о себе?

Он сделал шаг вперёд, уверенный и бодрый, а потом двинулся к скале, больше ни с кем не разговаривая. Вся армия замерла — там, дальше, они даже не могли отличить своего короля — тот оставался просто силуэтом, точкой на фоне зелёных холмов. Они не видели ни

знакомых черт лица, ни уверенного взгляда синих глаз, ни издевательской улыбки на губах. Не видели, как рука ложится на эфес шпаги — король не признавал тяжёлые, громоздкие, неудобные мечи — не замечали того, как трава колыхается у него под ногами от с трудом сдерживаемого волшебства. Его чар — чар, которые будут признаны в любом уголке огромного королевства Элвенты. Единственного вида магии, которым когда-либо пользовался Дарнаэл Тьеррон.

Первые ряды — там, где за линией костров оцетинились сначала оружием молодые и лениво коснулись своих мечей, луков, копий — и даже револьверов, заморских, привезённых из удачного похода королём, ещё не вошедших в привычку, — ветераны, — ждали перемирия. Перемирия с огромным войском, состоявшим из одного человека. Пушки развернули — теперь они могли попасть разве что в воздух, разорвать его треском заряда. Все они опустили руки — все они отбросили то, чем могли защищаться, старомодное, задержавшееся ещё из прошлых веков и войн при Дарнаэле Первом, и новое, введённое в их государстве только при молодом короле, одним махом преодолевшим военное отставание Элвенты от заморских государств.

Он вытащил их однажды из болота, которое поглотило Эрроку. Он вернул былую мощь рухнувшего почти, расколовшегося на множество маленьких кусочков государства. Разумеется, они верили ему — все они должны были ему не одну жизнь.

Многие из ветеранов помнили молодого короля — ещё двадцатисемилетнего, когда он только на волне громкой, кровавой революции вернулся в родной дворец, когда позволил своей матери выжить — и занял трон. Сколько они выпили за одним столом? Сколько раз нападали на чужие войска, отхватывая по кусочкам то, что прежде принадлежало Элвенте — Элвенте ещё Первого, при котором воспылала их незыблемая граница?

Тогда, много лет назад, им хватило только одного. Им хватило одного внимательного взгляда — чтобы определить портретное сходство даже не с самим собой, ведь за восемь или девять лет многое меняется, и принц тоже перестал быть пленцом — а обратился в гордую птицу. Орёл, ворон, кто?

Они только вытягивали из своей памяти портреты Дарнаэла Первого — и видели, что человек с его силой, внутренней, пусть и не волшебной, им лгать не может. Что однажды он всё-таки вытащит их из того кошмара, в который загоняла Элвенту его королева.

И теперь им всем не понадобилось много времени, чтобы вспомнить. И всего несколько секунд после — чтобы действительно поверить в то, кем он был. Смотреть в глаза с гордой уверенностью за своего короля, с честью. Армия Элвенты не терпела слабости и предательства; всё это выметалось легко и быстро — на войнах. Сейчас, на зелёных холмах и посреди долины, там, где Элвента и Эррока прежде были разделены огромными стенами границы, войско замерло, не в силах двинуться дальше, и было готово принять с вражеской державой мир, если так пожелает их король.

Все они знали — Кальтэн шёл туда, чтобы продемонстрировать верность своему королю. Чтобы склониться перед ним — короткого кивка вполне будет достаточно, — и пригласить к своему войску. Разумеется, чтобы наконец-то эта невидимая сила, всегда толкавшая их в бой, встала на их сторону — а после пусть уж король сам решает, куда им выдвигаться.

И только Антонио, пожалуй, понимал — по тому, как шёл его отец, как опустил голову, как он сжимал в руке револьвер, почти невидимый для ветеранов и молодых воинов, — что от верности Дарнаэлу Второму в Кальтэне осталось только само чувство.

У него больше не было короля. Не было лучшего друга. Не было человека, который столько лет был готов рискнуть собственной головой — венценосной, между прочим, головой — ради Фэза. У него перед глазами осталась одна только проклятая Тэзра.

Антонио всегда был верен своей матери. Но даже он не оставался столь поразительно слеп и глух к окружению. Он выполнял то, что она хотела, конечно, пытался соответствовать, но мысленно — только мысленно, — понимал, что на деле его мать никогда не была хорошим человеком. Он не дождался от неё ни единого доброго слова, не сумел ощутить ни капли любви.

И он понимал, что мстить за её смерть некому. Он бы сам — будь чуточку смелее, — выстрелил бы матери в спину, только чтобы всё закончилось. У них не было выбора — ни у парня, ни у его отца, — и Дарнаэл просто лишил их этого извечного камня на душе.

Но было слишком поздно об этом думать. Кальтэн наконец-то поднял руку с револьвером, прицелился — и было понятно, что он успеет выстрелить ещё до того, как кто-либо его обезоружит. До того, как Дарнаэл успеет отскочить — там просто некуда.

Узкая скала — это его смерть. Падение или выстрел — разве важно?

Он и не видел Кальтэна — всё ещё смотрел на свою армию, и зелень обвивала его ноги. Стоит ему только погибнуть — как волшебство вырвется на свободу, и море волшебной травы окутает армию, похоронит и Фэза, и всё войско.

Антонио знал — будь тут кто-либо из его однокурсников... Кальтэна можно было бы остановить. Либо точным, уверенным заклинанием, либо бесконтрольной магической вспышкой. А он не мог ничего. Он был слишком слабым, слишком пустым с точки зрения волшебства.

Но он столько лет провёл в Вархве, что должен быть способен хоть на какие-то чары, пусть слабые, едва заметные, неосязаемые.

Магии в нём как не было, так и не будет — но вокруг плескалась чужая сила. Необузданная, необученная, без горы блокировок — Дарнаэлу Второму не нужны были заклинания для того, чтобы колдовать.

А Антонио для этого не пригодилось само волшебство.

Он ухватил нить чужих сил только на секунду. Рванул на себя — только тогда Дарнаэл наконец-то посмотрел на Кальтэна.

Он вот-вот нажмёт на курок.

Дарнаэл ничего не говорил. Очевидно, понимал, что всё бесполезно. Его синие глаза — Антонио не знал, как мог видеть это с такого расстояния, но, может быть, чужие чары помогали, — сейчас смотрели на Фэза почти осуждающе. Так глядят на больного человека, которого уже никогда не получится вылечить. На одержимого.

Карра всё ещё сомневался. Всё ещё верил, что это можно исправить. Но хлёткая, могучая сила не терпела спокойствия — он видел уверенность. Он знал, что Дарнаэл не сможет зачаровать Кальтэна лишь потому, что уже однажды вдохнул в него своё волшебство.

И то, что сейчас заставляло сердце мужчины биться — это лишь чужая сила.

Антонио рванул за эту тонкую нить — как только мог. Едва заметное свечение окутало руки, грудь бывшего капитана стражи — и он рухнул на колени к ногам своего короля, поднял на него свой взгляд и что-то едва-едва слышно пробормотал. Вокруг него бесконечными вихрями вились тяжёлые, смутные клубы волшебства, которое он никогда себе подчинить не сможет.

Парень сам не понял, когда бросился к отцу, к человеку незнакомому, чужому, но в тот

же момент как-то отдалённо близкому. Он был на него похож куда больше, чем на гордую, преисполненную жажды власти мать. Простой исполнитель. Тот, кому нужны приказы со стороны. Тот, кто выбрал однажды в своей жизни не ту дорогу.

Он не помнил, когда добежал до Кальтэна и когда опустился перед ним на колени. Только теперь он уже смотрел в его глаза — не видел там ни капли чужого волшебства, ни капли одержимости или безумия. Капитан Фэз вновь был самим собой.

И, может быть, в последний миг своей жизни почувствовал счастье.

— Я рад, — едва слышно прошептал он, — что мой сын вырос достойным человеком. Я рад, что он умеет жертвовать собой, — Кальтэн протянул руку — но пальцы так и не дотянулись до чела Антонио. — Живи... счастливо. Без рабства. Просто... живи.

Антонио молчал. В надвигающемся гуле, в бесконечном рёве толпы он не слышал ни единого слова, только чувствовал, как одна-единственная слеза катилась по щеке.

Мужчины не плачут?

В Эрроке, впрочем, наоборот.

На его руках умирал отец, и он уже ничем не мог ему помочь. Вся эта аллюзия силы растворилась в пустоте — он больше не мог дотянуться к чужой нитке магии. У него самого — только жалкие капли, а вокруг бесконечная, глухая тишина.

Когда Кальтэн испустил последний вздох, и Антонио дрожащей рукой закрыл его глаза, за спиной взорвался многотысячный крик.

Армия Элвэнты приветствовала своего короля.

===== Глава шестьдесят восьмая =====

Сила Первого принадлежала ему. Бесконечное волшебство плескалось в жилах, рвалось на свободу и замирало бессмысленно долгим потоком — всё это отрицать было невозможно. Тэллавар никогда не чувствовал себя прежде до такой степени безгранично сильным.

Прежде ему что-то всегда мешало, даже мысленно. Что-то в сознании неустанно повторяло, что бессмертных и всесильных не бывает. Но теперь, когда сила самого бога оказалась в нём, можно было не бояться ни потери чар, ни слабости. У Дарнаэла Первого — об этом знали все, — резерв был практически безграничен, а силой наполнялся за считанные секунды. Гартро до сих пор не знал секрета его чар, но, впрочем, какая разница? Самое главное, что сейчас эта бесконечная магическая жила стала им самим, и сила была ключом, будто родниковая вода, вытесняла жалкую, слабую кровь в Тэллаваре, сменяя её на собственное творение. Он сам будто бы сиял изнутри, постепенно познавая всё, что таилось в его могуществе.

Гартро вновь откинулся на мягкую спинку кресле и закрыл глаза. Сознание теперь так легко выскользывало из тела, что он мог существовать везде — всюду, куда только дотягивалась безграничная сила Дарнаэла Первого. Как тот мог не уничтожить весь этот мир, испытывая в себе столько бесконечной магии?

— Идите ко мне, Змеи мои, — повторил он. Это прозвучало едва-едва слышно — но на самом деле громкий, зычный голос звучал в их сознаниях. Да, сейчас Тэллавара не слышал никто, но там, в высоте, где блуждали древние существа, его магия казалась приказом. Не криком, но таким уверенным, строгим словом, громогласным, будто бы он сейчас прятался среди туч и бесконечно колдовал, даруя свою силу миру.

Да, оно того стоило. Стоило влачиться по землям Элвэнты и Эрроки, чтобы наконец-то получить эту бесконечную, такую огромную, всесильную магию, что сейчас билась под его кожей, не в силах отыскать оттуда выход. Он знал, что волшебство теперь получило слишком

много власти над ним, но ещё несколько дней, и Тэллавар обязательно найдёт ключ к собственной власти. Его всеисие и так не знает никаких границ, а пройдёт время, и никто не сможет встать на его пути. Даже многомиллионные армии, не говоря уже о тех жалких отрядах, что есть в Эрроке и Эльвенте.

— Змеи мои! — он позволил себе почти прокричать эту фразу, упиваясь могуществом, но за спиной только недовольно кашлянули.

— Что вы делаете? — королева Марисса скрестила руки на груди. — Мало того, что куда-то подевалась моя волшебница, так тут ещё и происходит самый настоящий цирк!

— Уйди отсюда, — Тэллавар обернулся на неё было, но только стоило понять, кто стоит у него за спиной, как моментально потерял всяческий интерес. Королева была пустой, глупой женщиной, а внешняя её привлекательность казалась Гартро сильно преувеличенной.

Она попыталась было возмутиться, но магия сжала горло женщины так сильно, что она едва-едва могла дышать. Задыхаясь, шипя что-то сквозь стиснутые зубы, Марисса отступила — и выскользнула из шатра, устроенного специально для мага.

— Змеи мои! — повторил он свой привычный, почти равнодушный призыв, запрокидывая голову назад и позволяя чарам окутать его сплошной волной. — Змеи мои, придите же ко мне, дорогие, поскорее...

Они не были его. Он вообще никогда не видел ни одну из них — только какие-то жалкие рисунки зелёных полос, что тянулись за божеством — Эрри или Дарнаэлом, независимо от того, в какой стране он видел ту картину или фреску. Даже на коврах их ткали, но крайне неудачно, и ничего хорошего с того обычно не получалось. Дарнаэл получался перекошенным и кареглазым, Эрри вообще горбатой, а бедные змеи пропадали с картин.

Их редко рисовали. Очевидно, потому, что все мастера предпочитали сосредоточиться на самом божестве, детально прорисовать, прочертить его лицо, фигуру, сделать взгляд таким добрым, мягким и в тот же момент повелительственным. У кого-то получалось хорошо, у кого-то — не очень, но это совершенно не интересовало сейчас Тэллавара.

Он услышал шипение краем уха и наконец-то открыл глаза вновь, самодовольно взирая на трёх пресмыкающихся в траве — он настоял на том, чтобы в его шатре никто не смел её вытаптывать и чем-то покрывать. Просто натянули ткань над головой, дабы спрятать божество от солнца, и всё — ему этого было вполне достаточно.

Змеи были действительно абсолютно разными, как он и предполагал. Одна — жёлтая, длинная — казалась ему похожей на эльфийку. Кобра, только точную породу Тэллавар не мог назвать — она теперь стояла перед ним, раздувая свой капюшон, балансировала на хвосте, а шипение казалось похожим на музыку.

Вторая была тускло-кирпичной, и этот вид Гартро вспомнить никак не мог. А третья — чёрная гадюка, ядовитая, очевидно. На фоне первой змеи они обе казались отвратительными, но верности в них было куда больше.

— Милые, — прошептал он. — Как хорошо, что вы пришли...

Он мог бы приказать им стать вновь всё теми же женщинами, в телах которых змеи проводили свою основную жизнь. Но нет — сейчас он только приказал им держаться под его огромной мантией, чтобы выбраться из-под чёрной ткани тогда, когда будет нужно.

— Как хорошо, что вы со мной, — улыбнулся он. — Что действительно готовы служить мне верой и правдой и убить каждого, кто только встанет на моём пути, правда?

Ему показалось, что согласно и покорно зашипела только одна змея, вторая. Кобра всё так же сердито крутилась вокруг его ног, собиралась даже сомкнуть на его щиколотке свои

кльки, но не решилась. Недовольство, пылающее в ней, было для Гартро чем-то забавным — в конце концов, разве змея действительно могла причинить вред тому, кто теперь пылал подчиняющей её силой?

Он провёл ладонью по воздуху, и из пустоты появилась огромная, подробная карта. Достаточно было лишь нескольких взмахов и щелчков по неощутимой поверхности, как она приблизилась к нему, наконец-то демонстрируя местность, где находилась сейчас армия Торрессы.

Как хорошо всё-таки, что им удалось миновать на кораблях горы и теперь выйти совсем-совсем близко к долинам. Эта тонкая эльвентская коса оказалась совсем пустой — но маленькие деревушки тянулись вдоль бывшего кордона.

Гартро кивнул сам себе, указывая на самую ближнюю точку — несколько домиков, постоянный двор для путешественников, всё ещё не прикрытая вывеска таверны — “тут был Его Величество”, будто бы присутствие Дарнаэла — повод для гордости.

— Сюда, — он посмотрел на своих змей, — мы и ударим.

\*\*\*

До деревни и ходу-то было всего несколько часов, а что армия до неё доселе не добралась — так то всё от лени. Они выдвигались, впрочем, всей мощью — растянулись длинным хвостом, подтягиваясь к огромным долинам, что тянулись от Эрроканских Гор и заканчивались где-то у эльвентских лесов. Там удобно проводить бои, там — Тэллавар надеялся, — он проведёт успешную кампанию по захвату чужих территорий, но сначала ему надо было получить свою молодость, свою силу... А потом всё остальное. Магии Дарнаэла Первого достаточно, чтобы существовать, но он ведь хочет жить полноценной жизнью. Когда-то давно он был довольно привлекательным мужчиной, нет разве? А почему сейчас должен замирать в этом бесконечном круговороте пустоты и равнодушия? Почему ни одна женщина не влечёт его к себе, почему всё вокруг кажется опостылевшим и надоедливым? Всё это — возраст, но даже с ним можно бороться, когда в тебе течёт божественное волшебство.

Он стоял слишком близко к пылающему дому. Языки пламени тянулись к нему, пытались лизнуть кожу, но не дотягивались, словно разбивались о могучие щиты. У ног вились змеи, но Тэллавар их не боялся. Тихое шипение отгоняло солдат и простолюдинов; тут, среди бесконечного огня и чужой человеческой боли он испытывал удовольствие, упивался первыми признаками собственной власти.

Им всем было до ужаса страшно. Народ не просто боялся — народ мечтал куда-то убежать, вопил и кричал от боли. Никто — в этом Гартро был уверен, — не выжил, маленькая деревушка сметена с пути, но... Разве ж это не игра? Разве не короткая, дикая мелодия разрывает их сердца и заставляет бросаться в огонь?

Солдаты — звери. Он швырял отряд за отрядом на эти три двора, наблюдал, как они в экстазе плясали на чужом пламени и на человеческих костях. И знал, что это победа.

— Простите, но разве эта деревушка — такая уж важная, чтобы наши воины тратили столько времени и сил на её сожжение? — послышался недовольный вопрос у него за спиной. Королева Марисса — в своём извечном чёрном платье, траурном донельзя, с прячущимся за её спиной сыном, гордая и непобедимая. Что бы она могла значить, не останься тут Гартро? Разве в ней самой есть хоть капелька силы, способной привести эту женщину и её войско к победе? Разумеется, ничего нет. Она жалкая, никому не нужная... Просто — женщина, такое короткое и немного игривое отчего-то слово.

Она могла показаться ему красивой. Возбуждающей. Но Тэллавар никак не мог победить собственный отвратительный, надоедливый возраст, от которого постепенно становилось дурно. За что ему это бесконечное недовольство, эта жалкая пародия на собственную жизнь? Молодость! Он так устал находиться в этом старом, жалком теле!..

— Мы победили, — развёл руками он. — Мы победили, Ваше Величество. Празднуйте. Эта война — вот, что сделано в вашу честь.

— Это не война, это фарс! — возмутилась Марисса. — Мы выжгли не столицу, а просто таверну, на вывеске которой написано короткое “Тут был Его Величество”! Да мне всё равно, что там написано — мне нужно золото Лэвье, мне нужна настоящая победа.

Тэллавар скривился. Змеи утихли под его ногами, и он лишь перевёл на Бонье пристальный взгляд.

Марисса отшатнулась. Казалось, её пугало уже то, как Гартро будто бы не замечал её, словно представлял, как она рассыпается на мелкие кусочки и обращается в элементарную пыль.

— Уйди, пока мне не пришлось пользоваться своими методами, — прошептал Тэллавар ей на ухо, останавливаясь совсем-совсем близко, и подтверждением его слов стало гулкое шипение змей под ногами. Они будто бы так и рвались выглянуть из-под его длинной мантии и укусить ненавистную божеству королеву. Разумеется, ещё рано. Совсем рано.

Она гордо вскинула голову — но шаг был пугливым, и о Бонье королева уже даже не вспоминала. Действительно, зачем думать о сыне, когда на кону стоит своя собственная жизнь? Что за глупость...

Тэллавар же вперился взглядом в несчастного экс-посла. Казалось, он собирался испытать его силы, впитать в себя всё до последней капли, но удержался — от Бонье ему нужна была лишь жажда. Жажда жизни, победы, денег, богатства... Чего угодно. Пятисотлетний старик просто не способен желать женщину, в конце концов. Он так устал от всего этого, устал от того, что вынужден отодвигать собственное будущее на задний план...

У него была красота, у него была молодая магия и молодая любовь. У всего этого не хватало только одного ингредиента.

— Ты обещал мне, Бонье, отдать собственную жажду жизни, когда я наконец-то выиграю битву для вас.

— Это не битва — побоище, — покачал головой посол. — В конце концов, мы говорили и вовсе о войне, а не об уничтожении какой-то жалкой деревушки.

— Отдай то, что обещал — и мы ещё выиграем.

— Сначала победа, — хмыкнул он, и в серых глазах даже мелькнуло что-то схожее с осознанностью ситуации.

Тэллавар чувствовал, как в его сердце вскипает злорадства. Он не мог забрать это силой — только добровольная жертва имела смысл. Только обмен, сделка, и это правило он нарушить никак не мог, иначе давно бы уже собрал то, что ему было нужно. Он столько лет готовился, собирал всё по крупицам, а теперь какой-то недолугий мальчишка надеялся ему помешать, встать на его пути и не отдать то, что нужно! Сколько отчаянной наивности в этом его поступке, сколько глупости и пустоты в каждом взгляде...

— Ну что ж, — Гартро выпрямился. — Я найду, у кого это забрать. Но ты пожалеешь, что отказался быть добровольцем.

Он знал, что когда доведёт войну до конца, эти люди просто встанут против него. Отдать для Бонье что-либо — нет! Он не согласится! Тэллавар чувствовал, что мешающие



ему пешки были о себе слишком высокого мнения.

И он не мог больше продвигаться дальше в этом старом, износившемся теле. У всего есть свой срок, и даже всемогущие чары Дарнаэла Первого, отобранные у наследника его дара, не вечны. Гартро знал, что должен наконец-то стать молодым, должен вернуть себе физическую силу, иначе — истлеет то, в чём содержится его дух.

Он вновь повернулся к пылающей таверне и приподнял свою мантию.

Змеи, шипя, выползли на чёрный грунт, моментально пачкаясь в ещё тёплом пепле.

— Ну что, черти, — он улыбнулся им почти ласково — это было единственное проявление чувств, на которое мужчина оказался способен. — Сегодня вы наконец-то выполните своё предназначение. И уберёте моих врагов с моего же пути...

\*\*\*

Ночь казалась особенно тёплой, мягкой и приятной. Подступал уже потихоньку конец лета, и теперь жару вытесняло то редкое чувство предосеннего уюта. Природа ещё не собиралась засыпать и отдавать свои плоды, а темнота наполнялась приятными запахами каких-то неведомых цветов, что их никогда не отыскать весной.

Мариссе было откровенно жарко. Она хотела ещё раз отыскать Тэллавара и высказать ему всё, что думает о подобном стиле ведения военных кампаний, но сейчас замерла на полпути — внезапно нахлынувшее тепло окутало её такой тугой, глухой волной, что она забыла о том, куда шла.

Стало нехорошо. Женщина пошатнулась, приподняла юбки и попыталась вслушаться в темноту — но только какой-то странный шелест, затмеваемый треском костров, пробивался сквозь чьё-то тихое пение. Какофония звуков — шум войска за спиной, — отступила на задний план. Марисса всё пыталась поймать этот неизвестный источник звука.

Трава под ногами дёрнулась — но королева списала это на ветер и собственные юбки. Давно пора переодеться в походную одежду...

Она шагнула в сторону и только тогда поняла, что ей напоминает этот странный шепоток.

Змеи.

Мысль рассекла сознание каким-то диким, невообразимым выстрелом. Она рванулась вперёд, словно желая защититься от напасти, но в последнее мгновение почувствовала два маленьких укола острых, ядовитых клыков.

Боль разлилась по телу практически мгновенно. Она и не пыталась уже оставаться на ногах — грузно упала на траву. Перед глазами вспыхивали дикие образы из прошлого — она словно смотрела в трусливые глаза ненавистного Галатье и смеялась.

Яд бурлил в крови. Ещё никогда Марисса не ощущала ничего настолько дикого и сильного — она вытянулась на зелёном ковре и захохотала, чувствуя, как змеиная отравка парализует её тело. Но смех всё никак не утихал — он клокотал в груди королевы, рвался на свободу, как предсмертный завет всему тому, что она хотела бы уберечь.

Сегодня она увидит свою Марту.

...Две змеи — кирпичная и чёрная — медленно отползли от покойницы, оставляя в траве кривой след, что будет уничтожен первым же порывом ветра.

\*\*\*

Бонье открыл глаза, отчаянно пытаясь понять, что происходит. Он уже почти уснул — довольно крепко, как ему самому показалось, — как вдруг громкое шипение вернуло его в этот мир, выдернув из приятной, манящей грезы.

И вовремя.

Над ним сейчас висилась — точнее, свисала с какого-то маленького уступа, — огромная змея. Кобра, кажется, хотя Бонье понимал в змеях куда меньше, чем в иностранной политике, а и в ней он был далеко не гением.

Змея что-то прошипела, но интонации — если у них вообще бывают интонации, конечно, — были вопросительными. Парень вжался в свою постель, точнее, в то, что на сей раз исполняло её жалкую роль, и смотрел на неё теперь, будто бы кобра могла пожалеть и уползти.

Шипение повторилось — а после она отшатнулась, словно что-то поняла, и в воздухе вспыхнуло жёлтым.

...Теперь напротив него сидела молодая эльфийка со светлыми волосами — больше ничего, кроме её острых ушей и ладной фигуры, Бонье рассмотреть не смог. Ему сейчас было слишком страшно.

Она дрожала — пусть и была одета в странный наряд, похожий на кожу змеи. Повернулась, словно пыталась что-то понять, а после издала тихое, злобное шипение.

На мгновение девушка замерла, словно прислушивалась к чему-то, определяя, как звучит её голос, а после недовольно вздохнула и уже по-человечески сказала:

— Надо бежать.

— Что?

Взгляд Бонье был не просто испуганным и ошеломлённым. Нет, сказать, что он шокирован — это слишком мягко. Его руки дрожали, и он так и не смог заставить себя выбраться из своего ложа.

— Ты спишь одетым? Замечательно, — она сдёрнула с него тонкое одеяло. — Нам пора, скорее.

— Зачем?

Она усмехнулась.

— Меня зовут Нэмиара. Я — эльфийка и божественная змея. И Тэллавар приказал мне тебя убить, — она вздохнула. — Но он не есть мой бог, вопреки тому, что чары очень знакомы.

Он моргнул. Всё это походило на глупую, неудавшуюся шутку, и слишком уж сильно Бонье хотелось, чтобы это не было правдой.

Но эльфийка продолжала смотреть на него — в темноте казалось, что её глаза светятся чем-то жёлтым. Она сжимала зубы — вероятно, что-то болело, — а дыхание оказалось тяжёлым и сбивчивым, словно девушка бежала откуда-то или, может быть, просто не могла наполнить грудь воздухом.

Она с трудом поднялась и сделала несколько шагов.

— Пойдём со мной, — прошептала она. — Пойдём, и я тебя спасу. Мы сможем остаться живы, ты и я. Там, далеко отсюда. Пойдём.

В её голосе теперь слышались гипнотические нотки, и Бонье отчаянно отрицал возможность всего этого. Нет, ему снится. Вероятно, и эта красавица тоже — лишь выдумка, какая-то тень, его глупое отражение, совсем-совсем маленькое и страшное. Что за жизнь? Казалось, и сердце сжималось от боли, и реальность ссыпалась на него откуда-то с небес, но...

— Это сон? — спросил он совсем неуверенно, но с надеждой.

— Да, — устало выдохнула змея. — Это сон. Если ты пойдёшь со мной, то тебе больше

никогда не будут сниться кошмары.

Тогда он наконец-то оторвался от неудобного ложа и медленно, будто бы не понимая, что надо спешить, двинулся за нею.

Всё будет хорошо. И кошмары никогда больше не посетят его среди ночи, не испугают и не сдавят горло своими отвратительными клещами.

===== Глава шестьдесят девятая =====

Рэй осторожно потянул острую спицу на себя — на его ладони было уже три уколов, но парень не обращал на это никакого внимания. Больше никто вытаскивать проклятое оружие всё равно не мог — и не потому, что Шэйран оказался единственным опытным человеком в медицине, а потому, что параллельно вливать в Мон магию больше было некому.

Она казалась мёртвой — такая бесконечно бледная, бессознательная, призрак — да и только. И за последние часы так и не пришла в себя.

К счастью, спица не пробила её насквозь и прошла, как сообщил Дарнаэл, в нескольких миллиметрах от сердца — Рри промахнулся.

— И что делать дальше? — принц поднял взгляд на предка, словно надеясь на то, что ответ всё же существует. — Я могу её как-то исцелить?

— Тут не поможет вспышка силы.

Шэйран вновь посмотрел на неё. Дышала Лэгаррэ слишком тяжело, редко, будто бы последние силы уходили на то, чтобы заставить её лёгкие работать.

— Она так долго не продержится, — покачал головой он. — Это заметно. Может быть, я могу хоть как-нибудь ей помочь? Хоть чем-то...

— Спица пробила лёгкое. Судя по тому, что она ещё держится, девчонка магически сильна и цепляется за жизнь, но надеяться на это слишком долго я бы не стал, — Дар вздохнул. — Я бы мог её исцелить, будь у меня силы, но, увы — они все у тебя и у Тэллавара.

Рэй зажмурился. Выход должен быть, должен — почему только он не слушал нормально целительницу, что читала им лекции по выходным? Почему прогуливал занятия?

— Может быть, ты, Мизель, можешь что-то сделать?

Она только коротко покачала головой.

— Ты же знаешь, что из всей нашей группы старательной ученицей была именно Моника, а не я. Разумеется, я не помню, как исцелять пробитое лёгкое и людей вытаскивать с того света.

Она, впрочем, и не хотела помогать. Шэйрану не надо было слишком уж хорошо разбираться в людях, чтобы понять это, ненависть была написана у Кредэуа прямо на бледном высоком лбу, который она нынче так старательно прикрывала светлыми волнами волос.

Но это не было важно сейчас. Единственное, что имело смысл — это вдохнуть в Моника жизнь, а Рэй понятия не имел, что делать.

— Попробайся просто послать ей силы на исцеление. Если повезёт, организм сам найдёт, что именно надо исправлять. Только не слишком много, иначе сам рухнешь, — наконец-то посоветовал Дарнаэл.

— Рухну?

— Вытаскивать человека из состояния мертвеца — не под силу даже такому, как ты. И, к тому же, обыкновенная магия находится у тебя в адекватных пределах резерва.

— А какая же безгранична?

Дарнаэл только коротко взглянул на Мизель.

— Милая, — вздохнул он, — ты не желаешь пойти пообщаться со своей богиней и оставить Рэя наедине с его драгоценной сестричкой?

— Мон нельзя оставлять, — воспротивилась та, скрестив руки на груди. На деле, как был уверен Шэйран, ей на сокурсницу было абсолютно наплевать — но какие-то тайные, неведомые пока что им цели заставляли Кредэуа оставаться здесь.

— Я никуда не уйду, — проронил принц. — А ты отдохни. В конце концов, у всех нас была довольно долгая и неприятная дорога, которая закончилась столь плачевно. Я уверен в том, что Рри испугал тебя — и сильно.

Она послушно кивнула — внезапно подчинилась так просто, словно никогда не жила в Эрроке и не знала о матриархате. Но Шэйран лишь от злости сжал зубы — подобное поведение могло свидетельствовать лишь о том, что у Мизель уже было что-то на уме, просто она не шибко спешила открывать свои карты и играть не по правилам.

Впрочем, ведьма стояла ещё минуты три, прежде чем наконец-то устало вздохнула и выскользнула из комнаты во дворец. Не уточнила ни где ей ночевать, ни что они должны делать дальше, и вела себя, будто хозяйка — у Шэйрана это прежде вызвало бы лёгкую улыбку.

Но только не сейчас.

Он старался смотреть на всё, что угодно, только не на Монику — на серые стены комнатухи, в окно, за которым уже постепенно расходились люди... Просто — куда угодно.

— Открой окно, — попросил он Эрлу, остановившуюся там. — Тут и так нечем дышать, а Мон уже вряд ли можно навредить больше, чем есть сейчас.

В его голосе звучало лёгкое раздражение и что-то, что заставляло принцессу чувствовать себя виноватой. Она столько времени не видела своего брата — а теперь оказалась в его глазах едва ли не причиной смерти возлюбленной.

— Может...

— Открой окно, — не дождавшись возражений со стороны Дарнаэла Первого, повторил Рэй. — И поскорее. Мы не могли найти комнату побольше?

Не могли. Эта оказалась самой близкой, маленькое служебное помещение, временно пустовавшее — с кроватью для какого-то слуги, но чистой, с белыми простынями.

Монику тогда уложили на подушки, будто бы умирающую — она потеряла сознание практически мгновенно и доселе не приходила в себя.

Но держалась. Пусть прошло всего три часа — но, по крайней мере, удалось остановить кровотечение, и Шэйран всё ещё верил в то, что сможет её исцелить.

— Дальше справляйтесь сами, — покачал головой Дарнаэл. — Я вряд ли смогу направить твою силу в нужное русло, Рэй, если ты не сделаешь этого сам.

— Хорошо, — кивнул парень, понимая, что и вправду с его могуществом — бессмысленным и глупым сейчас, — ему никто, кроме себя самого, управиться не поможет.

Он пытался отыскать хоть какую-то каплю уверенной, могучей магии в своей душе, но находил лишь сплошные растерзанные ураганами осколки. Волшебство, к которому он почти привык, спало — оно свернулось клубком где-то далеко в подсознании и отказывалось выходить на свободу.

— Эрла, — он посмотрел на сестру, стоило только двери за Даром захлопнуться. — Зачем ты сделала это? Зачем вызвала его на дуэль?

— Ведь вы не могли просто убить его.

Она так и не сняла своё красивое алое платье, но теперь ткань казалась помятой — и на ней были пятна крови, впрочем, незаметные — не так, как на светлом.

Мон.

Кровь — её, несчастной ведьмы, которая не имела ни малейшего отношения к безумной игре короля Дарнаэла, королевы Лиары и двух сумасшедших — Тэллавара и Рри.

— Мы могли, Эрла, — сухо ответил Шэйран. — А ты сделала глупость, когда вообще потянулась к этой перчатке на своей руке!

— Я способна его убить.

— И с чего ты это взяла, дорогая?! — его голос почти сорвался на крик — но одного взгляда на Монику хватило того, чтобы парень вынудил себя говорить тише. Тем не менее, ненависть полыхала в нём, прорываясь сквозь пелену спокойных и привычных фраз. — Ты хоть понимаешь, что такое дуэль? Ты воевала с кем-то? Ты разве умеешь держать меч или шпагу в руках?

Она ничего не ответила, но гордо вскинула голову. В глазах будто бы пылало напоминание о пророчестве — но Рэю о нём говорить нет смысла.

Он всё равно ничего не знает.

— Это мой долг. Мой, — покачала головой Эрла. — А тебе следует разбираться с твоими врагами. Неужели мне и вправду следует напоминать о том, кто на самом деле старательно пытается уничтожить всю нашу семью, Рэй?

Он сжал зубы.

— Смени платье, ты его уже окончательно испортила, — грубо отозвался он. — И ты не отправишься ни на какую дуэль, а останешься тут и попытаешься быть хоть немного полезной, Эрла.

Она, казалось, была готова заплакать — но Шэйран оставался раздражённым и злым. Он будто бы пытался как-то помочь той, кого любил — пусть она никогда и не ответила бы взаимностью — а Эрла лишь мешала. Она всегда, каждый раз ему мешала.

И своим родителям, впрочем, тоже, как и остальным представителям мира сего. Прежде она не чувствовала себя настолько лишней, конечно, но сегодняшней день многое поставил на своё место.

— Я всё равно буду воевать, — упрямо проронила Эрла. — Я всё равно пойду к нему на дуэль и уничтожу его. Иначе и быть не может.

— Ты просто девчонка. Что бы там ни говорили в Эрроке, ты слаба и не способна сражаться с врагами сейчас.

— А ты — жесток, будто...

— Будто наша мама, правда? — его синие глаза вспыхнули злобой. — Смени платье, повторяю, на что-то более чистое и практичное. И не мешай мне больше, будь добра. Постарайся не натворить глупостей. Можешь полюбоваться на богиню Эрри.

— Ведь она всё-таки существует! Она ведь тоже сильная, разве ты не видишь? Разве не понимаешь, что...

— Богиня — может быть, — Рэй больше не смотрел на сестру. Казалось, тёмные, старые штормы волновали его куда больше, чем она. Он скользил взглядом по узорам, отчаянно пытаясь успокоиться, но дыхание оставалось всё таким же рваным и уставшим. — Но ты не она. И тебе для того, чтобы снести голову Рри, ещё придётся поучиться. Хоть у неё, пожалуйста.

Эрла фыркнула — но всё это звучало так, будто она отказывалась принимать

действительность. Ведь Рэй может потерять свою Мон только потому, что она позволила себе тянуть время, не дала убить его одним ударом — а Дарнаэл Первый, очевидно, был готов это сделать.

Но она, как всегда, всё разрушила. Зачем стране такая принцесса, если от неё одни бесконечные проблемы?

Шэйран, впрочем, больше не поднял на сестру взгляд. Он вновь смотрел только на Монику — смуглая кожа той вдруг за один день потеряла всю свою яркость, и теперь она была серой-серой, словно тюремный воздух.

Дышала всё хуже и хуже. Рэй сжал её ладонь — почувствовал, как ненависть ко всему, что могло привести девушку к такому состоянию, всколыхнулась в его душе.

Но больше всего — к своему бессилию. К тому, что он не мог ничего для неё сделать — ведь ничего так и не выучил, кроме как создавать сферы ограниченного влияния.

Лучше б он отрубил голову Рри в первую же секунду своего бытия советником, а не поддерживал глупую игру Дарнаэла Первого — для того, чтобы поверил народ.

К чертям народ — но даже черти, эти проклятые ядовитые змеи, сейчас не с ними! Даже от них нет никакого толку — одни только бесконечные проблемы, равно как и от Эрлы, и от всей этой божественной канители, с которой им, пожалуй, никогда в жизни нормально не управиться.

Мон что-то прошептала в бреду — и Шэйран подался вперёд, чувствуя, как сила, вызванная всплеском ненависти, перетекает в неё.

Казалось, ещё мгновение назад он не мог и пальцами щёлкнуть, чтобы вызвать искру — а теперь бесконечная буря боли обратилась в чистую силу.

Рэй не мог об этом думать сейчас. Не мог ничего анализировать, не мог принимать решения — ведь он был ответственен за то, чтобы его Моника выжила, а всё остальное никакого значения больше не имело.

Хорошо, что Дар ушёл. В конце концов, сейчас не время слушать долгие и нудные лекции на тему того, как именно он мог бы воспользоваться чарами, кипевшими в его душе.

Разве всегда придётся ненавидеть для того, чтобы колдовать? И разве это не уничтожит его уже через несколько лет?

Он наклонился к Мон — дыхание её стало чуточку легче, но бледность не уступила, — и коснулся кончиками пальцев к знакомому лицу, провёл по линии скулы, будто бы пытаясь оставить знак, клеймо.

— Что бы ты не решила после этого, — прошептал наконец-то он совсем-совсем тихо, — это не имеет значения. Будь ты хоть миллион раз верна своей богине, я всё равно ни на минуту не перестану тебя любить. Выживи хотя бы, Лэгаррэ.

Может быть, любовь — это и что-то временное, но она в любом случае не заслуживала смерти.

И почему-то Рэй был уверен, что, выживи она, он ещё сможет с собой бороться. Умри — нет. Чары вместе с болью захлестнут его с головой.

И Дарнаэл Первый может оказаться абсолютно правым относительно бесконечных потоков волшебства, разрушительных и слишком сильных, как для него.

А увлечь за собой в пропасть половину континента Шэйран не собирался. В конце концов, таких сумасшедших наклонностей, как у Рри или Гартро у него никогда не было, да и, хотелось верить, что никогда не будет.

У него ещё есть шанс остаться нормальным.

\*\*\*

— У тебя что-то получилось? — любопытствовал Дарнаэл, устроившийся на королевском троне. — Надо же, этот проклятый стульчак никто так и не догадался поменять ещё с дня моего правления.

— В нём полно драгоценных камней, — покачал головой Рэй. — Да, получилось. Вроде бы... Вроде бы ей стало легче.

— Да неужели? — Дар изогнул бровь. — Это хорошо. По крайней мере, в таких ситуациях ты действительно прекрасно действуешь.

— И ты знал, что может помочь?

— Твоя сестричка и желание её удушить? Признаться, я тренировался на Эрри. Но, по правде, шансов, что у тебя будет так же, слишком мало... Было. Не имеет значения. И разве твоему отцу не всё равно, сколько драгоценных камней спрятать в сокровищнице?

— Он на этом стуле почти не сидел, — Рэй хмыкнул. — А остальным не всё равно.

Он окинул взглядом пустой тронный зал — отсюда уже унесли и зеркала, и мягкие пуфики, всё, что только приказал внести Рри.

И даже кровь убрали — не осталось тех самых отвратительных алых разводов, о которых всегда бы цеплялся его взгляд.

Впрочем, кровавое пятно до сих пор стояло перед глазами — он подхватил Монику на руки, а на её груди — и на полу под нею, — растекались кровавые реки. Но... Ведь он был уверен в том, что спица не проткнула её насквозь — может быть, магия так сработала?

— Она будет жить, я надеюсь, — вздохнул Дарнаэл. — Но этого всё равно слишком мало, как на твои целительские способности. Ты исцелил лёгкие?

— Возможно, — вздохнул Рэй. — Я ведь понятия не имею, как это действует. И что, мне всегда придётся пылать гневом, чтобы колдовать?

Бог отрицательно покачал головой.

— Нет, не думаю, — вздохнул он. — Тебе просто надо научиться выходить из пределов собственного разума, Рэй. Разучиться покидать узкие границы своих мыслей — и оказываться в чувствах другого человека. Может быть, ты конвертировал в чары даже не свою ненависть, а злобу Эрлы, ты не думал об этом?

Он отрицательно покачал головой. В то мгновение вообще трудно было о чём-то думать и анализировать, а сейчас, когда волшебство сработало...

Был ли смысл?

— Если ты не научишься этим управлять, будет намного хуже, — вздохнул бог. — Будь уверен, рано или поздно потребность в чарах тебя нагонит, и придётся восполнять то, что ты всё ещё не сумел сделать.

— И что же?

— Ты должен понимать, что это... — он покачал головой. — Очень хрупкая материя, поверь. Но знаешь, как действовали мои чары? Я видел перед собой людей — своих, чужих, не важно. Они ненавидели меня, вражеское войско, или просто раздражались от моего присутствия, чувствовали, что хотят меня уничтожить... может, не меня, а кого-то другого. Просто ненависть. И я хватался за неё, как за спасительную нитку — вытягивал и оборачивал против них. Они сами сталкивались со своей болью, прежде чем поддаться. Это злая магия, Шэйран. Но если ты не овладеешь ею, ты никогда не сможешь победить Тэллавара.

Рэй промолчал. Владеть всем этим... Разве ему хотелось? Разве он когда-то просил

чего-то подобного у богов, разве думал о том, чтобы уцепиться за подобный дар?

Нет. Но у него не оставалось выбора сейчас — боль окутала его одной сплошной волной при одном воспоминании о том, что случилось.

— Надо бороться. Шэйран, — промолвил Дарнаэл. — И прежде, чем ты научишься пользоваться чужими чувствами — попытайся хотя бы ловить их. Это трудно, я знаю. Но без этого моего дара в тебе будто бы нет. Тебе стоит понимать это, верно?

Стоит. Но будь это мирное время, бог никогда не посмел бы рассказать ему о том, как всё это действует.

И Рэй понимал, что ничего чернее, ничего отвратительнее в этом мире нет, чем его маслянистая, чёрная магия, оставляющая яркие, отвратительные пятна на душах.

Выбора — нет.

\*\*\*

Эрла никогда не была преисполнена такой уверенностью — и никогда ещё не сталкивалась с таким страшным, жутким просто непониманием. Она даже почти понимала брата — осознала, почему он так вспыхивал от раздражения, когда мать так отчаянно пыталась поставить его на место.

Теперь, когда Эрла оказалась в его шкуре — не любимой доченькой, а тем, кого и слушать никто не желает, — она, впрочем, не могла преисполниться сочувствием.

Дуэль — вот где она должна быть. И пусть они не назначали дату, Рри примет её сразу же, как она явится по его душу, об этом Эрла прекрасно знала, но опасалась, что так и не сумеет вырваться из дворца.

Перед её глазами всё ещё вспыхивала тонкая тропинка. Место встречи он указал максимально точно — и только в её сознании.

Да, она отчасти виновата. Но она всё исправит.

— О чём думаешь, принцесса? — хмыкнул у неё за спиной Эльм — голос Эрла узнала практически сразу, да и тон тоже. Все остальные слишком сильно её осуждали, чтобы разговаривать приветливо и тепло. Брат и вовсе ненавидел, и девушка могла понять его в этом. Она едва ли не стала причиной смерти Моники, а ведьма значила для Рэя слишком многое.

Жаль, что она об этом не подумала до того, как вызвала проклятого Рри на дуэль. Не поняла, что они все повязаны одной судьбой — и пока не выиграют эти невидимые бои с самими собой, больше не смогут продвигаться дальше.

— О войне.

— О войне с Эррокой?

Он подошёл слишком близко — даже обнял её за плечи, и Эрла содрогнулась, вспоминая о том, как пылала ненавистью к Эльму несколько дней назад.

А сейчас, может быть, всё переменялось слишком резко? Не могла Сэя — будь она хоть тысячу раз богиня Эрри! — так сильно поменять её.

— Нет, — покачала головой девушка. — Война с Эррокой... Если папа жив — а папа жив, он просто не мог умереть, тем более, от маминой руки, что за глупости!.. Нет там никакой войны. Войска просто увидят своего короля и остановятся. А он не настолько глуп, чтобы этим не воспользоваться.

— Твой отец совершил только одну огромную глупость в своей жизни, — хмыкнул Эльм.

— Влюбился в мою мать?



— Именно.

— Все так говорят. И родные ему, я думаю, тоже бы твердили об этом, если б бабушка не была увлечена тем, что пыталась его убить, а дедушка — пребыванием на смертном одре. Папа познакомился с мамой тогда, когда они оба ещё совершенно не думали о власти, о троне, о том, что будет там, впереди...

— Твоя мать, мне кажется, всегда думала об этом, — покачал головой Марсан. Он обнял её покрепче — развернул к себе, и Эрла теперь смотрела в холодные, наверное, злые светлые глаза.

Ей хотелось, чтобы в Эльме было чуть больше тепла. Наверное, как каждой эрроканке — чтобы можно было вернуться домой и почувствовать тепло хотя бы от своего мужа, осознать, что он любит её и без этого дикого налёта силы.

Но Марсану была нужна не боевая женщина, которая вечно будет тащить воинства вперёд. Нет, Дарнаэл в юбке — это совершенно не тот вариант, с которым он хотел бы мириться.

Ему нужна мягкая, добрая девушка, что навсегда позабудет о том, как пылает ненавистью к миру и к мужчинам. Это она будет встречать его с войны, целовать, потом вновь возвращаться к хозяйству и к детям.

— Какая жена кажется тебе идеальной? — вдруг спросила девушка.

— Жена? Станный вопрос, учитывая наше положение в этом дворце и то, что твой брат за эту Монику готов развалить весь мир.

— Ответь мне, — Эрла положила ладони ему на плечи, всматриваясь в глаза.

Она уже успела переодеться — и была готова уходить, но почему-то именно этот ответ продолжал приковывать её к одному месту.

Может быть, как только правильные слова слетят с его губ, она наконец-то всё отпустит, отправится туда и уничтожит проклятого Рри.

— Не воинственная, как эта ваша богиня, уж точно, — хмыкнул Эльм. — Домашняя, добрая девушка. Дети, уют... Занималась бы себе какой-то наукой — да чем угодно, но только не войной.

— Война — это мужское дело, да?

— Война — это дух твоего отца. А я устал от него уже за несколько лет, даже мстить больше не хочется, — он на секунду закрыл глаза. — Может быть, я и не буду уезжать на войны. И мне не хотелось бы, чтобы и она куда-то уезжала.

Эрла шумно выдохнула воздух. Она бы подошла, не будь она воительницей — с удовольствием проводила бы время дома, родила бы троих... четверых детей — и подарила б им столько любви, сколько смогла. И мужу — идеальная эльвентская женщина.

А ещё, пожалуй, села бы за какой-то исторический монументальный труд. Или стала бы изучать что-то такое, что совершенно не связано с чарами. Нашла бы чем заняться.

Она бы читала книги по вечерам ему вслух, а после перебирала бы его длинные светлые волосы. Напевала бы детям колыбельные.

А брат пусть воюет, колдует, делает всё, что пожелает.

Но ведь ей уже сказали, что она Воительница. Ясно дали понять, что спокойной жизни не будет — она сама приняла этот дар свыше, это извечное проклятье, которое ненавидела больше всего на свете.

Она никогда не станет ему идеальной супругой, потому что так решили боги. Неужто не лучше сейчас хотя бы столкнуться с тем, кого она должна уничтожить?

Пусть у брата и у отца будет на одну проблему меньше. Ведь если Рри умрёт, всем станет дышаться куда легче, нет? Его смерть будет означать, что никто не полезет на эльвентский трон, по крайней мере, за исключением Тэллавара, отобравшего божественную магию.

Не со всеми врагами должен сражаться один и тот же человек.

Она обвила его шею руками — и поцеловала в губы, так нежно, как только могла, будто бы видела Эльма в последний раз. Тот, казалось, едва ли не задохнулся от удивления — но прижал к себе, не выпуская из объятий.

— Тебя куда удобнее обнимать в походном, чем в том пышном платье, — выдохнул он ей прямо в губы, а после будто бы порывался продолжить поцелуй — но девушка вывернулась из его рук и выскользнула в приоткрытую дверь.

Марсан замер. Для Эрлы это было самым нетипичным проявлением из тех, что он только мог придумать, но, впрочем, что-то подсказывало Эльму, что добра с её поведения не выйдет уж точно.

Куда она могла ускользнуть?

Он подошёл к окну, выглянул на улицу, куда уже успела выбежать эрроканская принцесса. Она так бодро пересекала главную площадь и так часто касалась...

Ножны!

Чёрт!

За всем этим Эльм даже не заметил проклятую шпагу — оружие, с которым Эрла вряд ли действительно умела обращаться. И кто ей сказал, что призвание без знаний может что-то дать? А его кто тянул за язык про мирную девушку, занимающуюся чем-то тихим дома?

Надо было бы, по-доброму, звать Шэйрана, но тот вряд ли способен оторваться от Моники на свою прекрасную сестричку. И Эльм, недолго думая, рванулся за нею сам, слишком уж отчётливо осознавая, что добра из этой сумасшедшей затеи не получится уж точно.

И чего её туда потянуло?

\*\*\*

Моника с трудом открыла глаза. В груди жгло, и ей казалось, что она не может и пошевелиться. Куда не глянь — белые бинты, и холод, распространяющийся по телу почему-то от сердца.

— Ну вот и всё, — промолвил кто-то. — Если уж вы говорите, что ни позвоночник, ни сердце, ни лёгкие не задеты, то единственное, что может быть опасным — потеря крови. Но я хорошенько всё забинтовал, так что с девушкой всё будет в порядке. Выкарабкается.

Моника заморгала. О ком шла речь? Неужели о ней? Но она и не была больна до того, как...

Воспоминания прорезали сердце такой страшной, дикой болью, что она не сдержала громкий вскрик. Казалось, что её всё ещё пронзала насквозь та отвратительная спица, столь острая, что проткнула её, будто нож разрезал масло. Как такое могло случиться? Ни кости, ни что-либо ещё не стало для неё помощью, и...

Хотелось кричать. Девушка закусилась нижней губу — или думала, что закусилась. Слабость распространялась по всему телу, и она не могла даже шевелиться, разве что моргать и пытаться рассмотреть тех, кто сейчас окружал её маленькой толпой.

Но незнакомцы отступили — и Мон наконец-то рассмотрела Шэйрана, опустившегося на край её кровати.

— Ты наконец-то пришла в себя, — улынулся он. — Мне уж казалось, что мои попытки тебя излечить совершенно не увенчались успехом, как и обыкновенно происходит со всем мужским колдовством. Если б ты погибла, то за это следовало бы сказать спасибо богине Эрри. Это она навязала вам — и самое главное, преподавателям в Вархве, — столь глупые и болезненные стереотипы.

Моника слабо улыбнулась. О стереотипах думать ей сейчас совершенно не хотелось, а в голову приходили сплошные глупости.

Она попыталась было встать, но Шэйран только уверенно и упрямо положил ладонь ей на плечо, будто бы пригвоздив к кровати.

Что-то в подсознании подсказывало, что это всего лишь нежное, почти любовное прикосновение, просто Рэй немного не рассчитал силу — или, может быть, ей теперь всё кажется похожим на тяжёлые молоты, после того, как она блуждала по границам жизни и смерти.

— Ты не должен... — она говорила едва слышно, — ко мне...

— Прикасаюсь? Да-да, ведьмин кодекс, мужчины — зло, я помню, — кивнул он.

— Тут богиня, — она шмыгнула носом, словно показывая, что совершенно этому не рада. — И... Ты же понимаешь, я не могу предать идеалы, в которые верила столько лет, и...

— Не можешь, конечно, — Рэй улыбнулся так широко, что она вновь вспомнила о своём бестолковом и беззаботном сокурснике, у которого за душой ни звания, ни родителей, ни дара, ни денег.

Конечно, кто ж мог думать о Шэйране, как о Его Высочестве принце эльвентском (и немножечко эрроканском) с колдовством, которому только позавидовать можно.

Впрочем, следовало отметить главное — он как был бестолочью, толком не умеющей колдовать, так и остался, разве что потенциала теперь было чуточку больше.

— Это не смешно, — вздохнула Моника.

— Куда уж смешнее. Твоя богиня, поверь, даже не расстроилась, когда погибала её главная последовательница. Она только рвалась схватить меч и кого-то прирезать, но у остальных было слишком мало времени на битвы.

— Не смей порочить её светлое имя!

Рэй только отмахнулся. Его мнение об Эрри — равно как и о Первом, с которым он общался вот уж который день, — было далеко не таким прекрасным, как у остальных, не знакомых с ними лично.

— Я больше не буду. Ты только не злись и не вставай, тебе пока нельзя. Поверь, с меня очень паскудный целитель.

— Охотно верю, — кивнула Моника. — Я отлично помню, как ты ходил на уроки к госпоже Мэйрин.

— Госпожа Мэйрин... Это такая пожилая седая ведьма, которая постоянно повторяла, как остановить кровь? — уточнил он.

— Ага. И рассказывала о том, как залатать лёгкие и сердца, только ты на второе занятие уже по своей привычке не явился, это ж не было экзаменационной программой!

— Ворчишь — значит, здорова. Твои лёгкие мне удалось подлатать и без госпожи Мэйрин, уж поверь, — он подался вперёд. — Как мне переубедить тебя в том, что Эрри совершенно не настаивает на ведьминском управлении мужчинами и уж точно не убеждена в том, что целомудрие и отсутствие мужа — это центральная ось вашей жизни?

Моника скривилась. Предать свои идеалы было трудно — и она отвернулась, услышав

только странный хруст в шее. Вероятно, затекало уже всё тело — настолько плохо Лэгаррэ его чувствовала, — но настроение было прекрасным, солнечным и, на удивление, попросту счастливым. Она давно не сияла изнутри настолько ярко — давно не могла забыть о присутствии богини и о том, что в её жизни вообще есть религия.

— Между прочим, — продолжил Шэйран, — когда мы выиграем эту войну и уймём Тэллавара, Дар обещал убедить Эрри публично выступить и заявить, что боги ходят парами.  
— Зачем?!

— Потому что это правда, в конце концов! Нечего куче красивых девушек-ведьм страдать от непорочных зачатий, всё равно всё это враки, — фыркнул Рэй.

Она пыталась смотреть на узор на полу — а потом только поняла, что на самом деле просто слишком уж плохого установил плиты, не мраморные, а попросту каменные. И ничем их не покрыл — это не дворец, а какие-то бесконечные развалины, если судить по столь маленькой и неприятной на вид комнатухе?

И что-то подсказывало Монике, что когда-то в этом месте хранили отнюдь не смертельно раненных, а какие-нибудь мётлы, вёдра и неугодных любовников королевы.

— Шэйран, это не изменит моё мнение относительно религии, — вздохнула Моника. — Всё равно я буду верна своей королеве и...

— Милая, — вздохнул он, — мне всё равно, кому и чему ты там верна. Просто можно отключать этот матриархальный дурдом в твоей голове хоть на время?

Смеяться было больно, но с какой-то стороны приятно. К тому же, в синих глазах Шэйрана сияло такое кошмарное озорство, что Мон просто не могла сдержаться.

— Сволочь ты, — прошептала она, вновь пытаясь сесть, но Рэй упрямо вернул её в прежнее положение — заставляя любоваться на серый, с пятнами чего-то алого и жёлтого потолок. Интересно, что ж тут происходило, если его так окрасили? — Помог бы сесть.

— Тебе нельзя, — вздохнул Рэй.

— Тогда наклонись, — она попыталась отбросить одеяло, но в груди отдавало такой глухой болью, что Мон осознала — разговоры теперь будут удаваться ей куда лучше, чем движения.

— Ты хочешь отвесить мне оплеуху, но не дотягиваешься?

— Именно, — кивнула Лэгаррэ. — Но чтобы убедиться в том, что я хочу сделать, тебе всё-таки придётся склониться.

Рэй послушно подался вперёд — и она, мысленно послав к их же змеям Дарнаэла и Эрри, в которых правды было столько же, сколько и в нынешней вере Моники в пользу матриархата, коснулась его губ, надеясь, что хоть на короткий поцелуй её сил и здоровья хватит.

И плевать, что ей завтра будет очень, очень стыдно, а когда выздоровеет — так вообще ужас. В конце концов, жизнь ей спасла не пресветлая богиня и даже не какая-нибудь ведьма, а этот бездарный колдун-сиротинушка, безалаберный и не способный запомнить элементарную формулу.

===== Глава семидесятая =====

Она стояла посреди леса в гордом одиночестве. Рри не было, и тишина окутала девушку, будто тёплым одеялом. Казалось, отчаянное спокойствие должно было её радовать — но отчего-то на душе было тревожно, и всё, чего хотелось Эрле — поскорее разобраться с этим безумием.

Руки у неё, впрочем, совершенно не дрожали. Уверенности в следующем дне, конечно,

тоже совсем не прибавилось, но зато теперь можно было упрямо и уверенно взирать в чужие немигающие глаза — и она знала, что не уронит шпагу.

Она готова к бою. Пусть не так, как следовало, пусть всё это на самом деле со стороны может показаться глупой выдумкой несносной принцессы. Борьба она всё равно будет — хватит прятаться за материнской стеной, за спиной у папы, хватит дрожать от каждого дуновения ветра!

Проклятый поцелуй вновь горел на губах, но зато Эльм за нею точно не пойдёт. На кой она ему нужна, если он жаждет хозяйственную, нормальную девушку, а не сумасшедшую принцессу, что всегда будет рваться воевать?

По правде, сейчас, всматриваясь в ночной лес, Эрла не верила в собственный дар Воительницы. Назвать точную причину этого она не могла, но почему-то периодами казалось, что к этому должна хотя бы лежать душа, разве нет?

Хотя, если б так, то Рэй развивался бы в своей Вархве, а не просиживал там штаны дни напролёт, правда? А сейчас он ровным счётом ничего не умеет.

Равно как и Эрла под чутким матушкиным руководством.

Она закусил губу и попыталась вспомнить о том, что она идёт воевать и обязательно победить. Она всё умеет и всё может, пусть прежде получалось довольно плохо. Она сможет победить каждого врага, что только встанет на её пути, даже если для этого придётся перевернуть весь мир, и вообще, она сильная и уверенная в себе женщина.

Точнее, девушка.

Она вздохнула ещё раз, поправила свои собственные кудрявые волосы и устроилась под дубом — по крайней мере, казалось, что это дуб.

Дерево казалось тёплым — и будто бы придавало сил. Эрла зажмурилась и представила, как из него в её тело перетекает энергия. Как она становится тоже такой уверенной и коренастой...

Дуб был красивым. Это принцесса поняла как-то подсознательно, когда дотянулась мысленно до его зелёных листков, до зреющих желудей, до веток, что рвались к небу сквозь кроны густых лесов.

А ещё он был очень старым, древним, будто бы эта земля, и безумно мудрым. Он показывал ей прекрасное молодое небо, на котором сияли далёкие звёзды, и шептал тихо-тихо на ухо странную песню о том, как однажды одна маленькая девочка сумела победить всех-всех своих врагов и стать королевой.

Она видела, как сквозь синеву пробивалось сияние солнца. Как небеса там, высоко-высоко, были чистыми от туч, а мысли людей в далеком прошлом свободны от глупых, надоедливых сомнений. Всё это сплеталось в странную песню, к которой она не хотела привыкать — такую добрую и чистую...

Песню, в которой дуб шептал ей на ухо, что бывают люди без предназначений. Бывают пророчества, которые сбились раньше или позже, чем от них того ожидали. Бывает мир, в котором мало крови, в котором не надо постоянно воевать, а любая женщина не должна отбирать у своего мужа право голоса.

Времена вокруг этого дуба менялись. Сначала он был один посреди дикого поля, а после вокруг разрослись леса. И огромные державы объединялись и рассыпались на маленькие кусочки.

Он помнил, как тут останавливался когда-то Дарнаэл Первый, ещё молодой — ему было от силы двадцать лет и он не помнил ничего о прошлом или о будущем.

Он помнил, как проливалась кровь богов, и как они исцелялись, чудом выживали, и как сила их питала эти земли. Помнил, как могучие армии становились на колени, стоило только кончикам пальцев коснуться поручней балкона — и тогда огромная, несметная сила подчиняла их себе по одному мановению невидимой волшебной палочки.

Эрла открыла глаза. Пальцы как-то сами по себе, предельно буднично потянулись к волосам — она быстро плела косу, понимая, что с распущенными волосами будет неудобно сражаться. И сражение внезапно оказалось тоже просто чем-то обыкновенным, далёком и понятным.

Девушка никогда прежде не билась. Шпага лежала сбоку — с нею было сидеть неудобно, и Эрла просто отцепила ножны от своего пояса и швырнула их в яркую зелень.

Она провела рукой по приятному, тёплому лесному ковру — тут начиналась широкая поляна, до середины которой, впрочем, тянулась крона огромного дуба.

Когда-то и принцесса Эрла будет старой и мудрой. А сейчас она чувствовала себя просто глупой девчонкой, у которой в голове разума меньше, чем у младенца. Может быть, и брата следовало послушать тогда, когда она мысленно проклинала его?

Ведь Рэй просто был слишком расстроен. Он наговорил ей много всего не со зла, а потому, что у него едва ли не погибла девушка, которую он любил, истекала кровью на руках.

Но он сильный. А Эрла — нет, она никогда не умела ничего больше, чем отрицать матушкины уговоры и делать вид, что очень независима.

Была ли она таковой?

Там, над головой, сияло звёздами небо. Наверное, ночь — это не лучшее время для боёв с Рри, и следовало явиться на место предназначения утром, но никто ведь не может утверждать, что он явится именно сейчас на битву. Может быть, она проторчит тут до рассвета?

Девушка потянулась за лентой, чтобы перевязать косу, но той не оказалось под руками, и она только грустно вздохнула. Конечно, надо было сидеть дома, во дворце, и ждать, пока разумные, адекватные люди разберутся со всеми проблемами.

Это было бы правильно, разумеется, но Эрла так устала от этого отвратительного слова, что уже больше не могла терпеть его присутствие в собственной жизни. Почему все хотели от неё одного и того же, зачем им было её послушание и бесконечное повиновение?

Она такая же дочь Дарнаэла Второго, как и Рэй — его сын. Она имеет полное право быть самоуверенной, бойкой, боевой девушкой, что никогда не склоняет голову перед опасностью и всегда будет драться до последнего.

Она и вправду сильная.

Только вокруг все отказываются это замечать, им, может быть, просто невыгодно, а может, проще верить в то, что она пустая и глупая.

Это ведь так бесконечно удобно, что и словами не передать.

Дуб будто бы тянулся к ней своими могучими ветвями. Вспомнился почему-то Мэллор — и Эрла подумала, что тогда, когда она его боялась, была безумно глупа.

Но за последние дни столько всего случилось... Она почти стала сильной, такой, как мама, но стоило только пропасть Рри, как всё это растворилось. И богиня — реальная, живая — у неё перед глазами была отнюдь не таким важнейшим опытом, как прежде Эрла пыталась себя убедить.

Обыкновенная женщина, что желала любить и быть любимой, такая же, как и Сэя, разве

что сердце у неё ещё не превратилось в камень, да и выглядела она не настолько уставшей.

Ну, и её не сжигали.

— Ты пришла, принцесса.

Эрла вскочила на ноги — и только тогда вспомнила о том, что шпага валяется на земле. Ах, будь она ведьмой — было бы так просто потребовать, чтобы оружие само впрыгнуло ей в руку. Конечно, у неё были зачатки дара, но не такого уж и сильного, а нужного заклинания девушка не знала — поэтому она осторожно присела, вытащила шпагу из ножен и вновь выпрямилась.

Оглянулась.

— Где ты? — холодно спросила она. — Где ты, Рри? Я желаю тебя увидеть, а не говорить с тенью. На дуэли сражаться с завязанными глазами позволено только двум противникам одновременно.

— А если нас будет трое? — он так и не показавшись из леса, но Эрла не собиралась поддаваться. Она и так уже достаточно себя накрутила, достаточно только сейчас поверить в собственную слабость — и можно уже больше не сжимать эту шпагу.

— Нас будет двое, — сухо ответила она. — Я никого с собой не привела, а ты вряд ли способен убедить хоть одного живого человека выступить на твоей стороне.

— Я справился с убеждением целого народа, моя дорогая, — он засмеялся, и Эрла наконец-то поняла с какой стороны доносится голос. — Я умудрился заставить их подумать, будто бы король Дарнаэл мог оставить государство мне. А потом они не пожелали меня убивать...

— Ты очень глуп, Рри, — проронила она презрительно. — Стоило только Рэю сказать, что ты — предатель, как они мигом растерзали бы тебя на частички.

— И тебя тоже, если б кто позволил, — хмыкнул он. — Знаешь, я ведь встречал где-то тут одного занимательного полуэльфа — он прибыл с этой компанией, а теперь плёлся в столицу, опасаясь, что его забросают камнями. Как бы это ты тоже не оказалась подобной... изгнанницей.

Эрла прищурилась — солнце мешало разглядеть Рри по ту сторону поляны, но она всё ещё держала шпагу наголо, зная, что ни в коем случае не может сдаваться.

— Я изгнанницей на своём континенте никогда не буду, — гордо промолвила она. — А ты не переживёшь сегодняшнюю дуэль, будь уверен.

— А если переживу?

Эрла не стала отвечать. Она — Воительница, и не должна сомневаться в собственном волшебстве. Стоит только заподозрить себя саму в слабости, как она моментально обмякнет и позволит ему победить, а это будет концом всего. Она не успеет даже защититься, если будет вот так смотреть на него и ждать, что у Рри внезапно проснётся совесть.

— Не переживёшь, — выдохнула она наконец-то с поразительной уверенностью. — Такие, как ты, не могут ходить по этой земле.

Его смех был рваным и издевательским. Казалось, Рри Первый — тот самый, который жил пять сотен лет назад, — окончательно прорвался сквозь его холодную и равнодушную маску. Вся его боль, вся ненависть теперь лились отчаянным потоком.

Он всё ещё не вышел из мрака, но Эрла не собиралась удерживать столь огромное расстояние. Она сделала несколько шагов вперёд и вытянула руку со шпагой вперёд, словно вызывая его на битву уже сию секунду.

— Ну же! — призывно воскликнула она. — Почему ты прячешься в тени? Почему не

хочешь со мной сразиться? Или ты и вправду такой трус, что боишься несчастной девчонки?

— Ха!

Он так больше ничего и не промолвил — прозвучало недостаточно ёмко, по крайней мере, Эрле этого не хватило, и она возмущённо поджала губы, стараясь подавить обиду. В конце концов, она заставит его относиться к ней как к серьёзному противнику, а не как к дурочке, решившей бросить вызов божеству.

— Уж будь уверен, рано или поздно наступит твой конец. Не имеет значения, от чьей руки, — она пыталась говорить уверенно. — Я не позволю тебе вот так просто взять и разрушить всё, что мой отец строил столько лет.

Он скривился там, в тени — по крайней мере, так показалось Эрле, — и девушка подумала, что о многом не следовало рассказывать.

— На самом деле, я не знал, что у Дарнаэла и Лиары всё настолько серьёзно. В противном случае, наверное, я бы остановился на более правдоподобной легенде. Например, что она придушила его от ревности или из-за позора, это ж надо, родить таких отвратительных детей!

— Посмотри на себя!

Он вновь рассмеялся. Всё это, подумалось Эрле, лишь испытание на прочность — он пытался вывести её из себя, выбить из-под ног почву, а после атаковать. А может ждал, чтобы понять, владеет ли она волшебством. Ведь если достаточно распалить ведьму, та ни за что не сдержится, рванётся вперёд и будет колдовать направо и налево.

А Эрри не была уверена в том, что она может. Те осколки дара подчинения, что достались ей от матери, были слишком слабыми. В конце концов, она видела, как на самом деле действует эта сила — дуб показал ей отрывки жизни Дарнаэла Первого.

И, надо сказать, мать не смогла бы повторить и сотой доли того, что он провернул за несколько секунд.

Хотелось бы, чтобы и Шэйран так мог. Тогда они бы обязательно в мгновение ока избавились бы от всех врагов и больше никогда бы не мучились! Тогда всё бы было хорошо — они бы воссоединились с мамой и папой, и... И были бы счастливы.

Эрла хотела спокойствия. Может быть, она никакая и не воительница, и там, в далёком будущем, у неё действительно получится отыскать своего любимого, которому она просто будет мирно печь пироги? Почему бы и нет, всяко ведь бывает.

Эльм — не такой уж и плохой кандидат, главное убедить мать в том, что он приятный, адекватный, разумный мужчина, за которым она будет как за каменной стеной. Или отца убедить, потому что матушка никогда не одобрит её выбор, кого б Эрла не выбрала, если этим кто-то, конечно, не окажется религия и абсолютное, пожизненное одиночество.

— Ты слишком задумчива, как на ту, что пришла на дуэль. У меня острое зрение, и тот меч, что оставил предательский шрам на моём лице, не задел глаз, — рассмеялся Рри. — Тебе следовало бы подумать о том, как ты будешь со мной драться, а не о том, как будешь смотреть матушке в глаза.

Она попыталась выдохнуть воздух и смириться с тем, положением, в котором сейчас находилась. Борьба глупо, над просто подчиниться, да? Или, может быть, напротив, она должна оставаться сильной и смелой, продемонстрировать себя с лучшей стороны?

— Я не задумчива, — хмыкнула Эрла вместо того, чтобы подумать над будущим и попытаться отыскать хоть какой-то выход из сложившейся ситуации. — Я просто очень хочу придумать способ уничтожить тебя менее болезненно. Ведь презренные мужчины не могут



терпеть боль, я не хочу оскорблять тебя так сильно, не хочу тебя мучить, мой милый, дорогой Рри...

Она рассмеялась, но смех прозвучал до ужаса неестественно. Наверное, не следовало демонстрировать ему и своё пренебрежение тоже, но сдержаться было очень и очень трудно. Она устала, она не имела права приходить сюда, и теперь натянута, будто струна, напряжена до предела и не может шевелиться даже. Глупая, глупая, зачем она сюда пришла?!

— И какие ж мысли теперь крутятся в твоей голове, принцесса?

Рри переместился — она услышала это по голосу. Сдвинулся, кажется, куда-то в сторону, словно пытался обойти её и ударить со спины. Но Эрла знала, что всё это — лишь глупые манёвры. Он заговаривает ей зубы. когда-то давно она видела, как папа Рэю рассказывал о том, как надо драться.

И в правилах честного боя не было ни слова о том, чтобы кому-то помогали постоянные беганья кругами вокруг противника, ещё и с ведением при этом странных, отвратительных разговоров.

Главное — не позволить себя разозлить. Если она будет абсолютно равнодушной и не станет реагировать на чужие попытки её обидеть, то всё будет хорошо. А мастерство боя — оно придёт во время сражения, и тогда-то девушка обязательно сумеет выбить дух из своего противника!

— Скажи мне, Эрла, ты счастлива в своей семье?

Она замерла. Это разве имело хоть какое-то отношение к затеянной дуэли?

— Это неважно, — упрямо и холодно ответила она. — Важно только то, что я перережу тебе горло, стоит тебе только выглянуть из этой дикой тени!

— А ты уверена в этом, Эрла? — он рассмеялся. — Уверена в том, что ты достаточно сильна для этого? Что я поддамся так легко и просто? Ты вообще в чём-то уверена?

Она не отвечала. Разумеется, нет! Он не такой простой соперник, как она могла сдуру подумать, и только сумасшедшая приняла бы его за человека, готового сдать в первую же минуту. Но...

Но это всё глупости. Это всё не заслуживает её внимание. Не слушать, не слушать, не обращать внимания на то, как он на неё без конца смотрит оттуда, из темноты. Не крутиться слишком быстро, чтобы не выдать собственный страх перед этим жутким человеком. Рри, в конце концов, смертен, а она даже с богами знакома. Рри не способен так просто взять и разрушить её мысленный, ментальный щит.

Магия у него очень слабая.

— А ты уверен в том, что не забыл с какой стороны держится шпага? Столько времени в теле Вирра Кэрнисса... Это любого сведёт с ума, — отозвалась она наконец-то. — И это вполне может быть смертельным. Кардинально жутким. Знаешь...

— Ты очень интересно говоришь.

— Знаешь, — продолжила она, не позволив себе поддаться на провокацию, — ты ведь очень слаб. Ты испугался, ты не знаешь, что тебе делать. Ты забыл о том, что такое нормальная, человеческая жизнь — вообще обо всём. Это чужое тело. Моя бабушка тоже имела такой дар — мне Рэй рассказал.

Он упоминал, да. Когда кричал о том, что от всего их женского рода — кроме его распрекрасной Моники, разумеется, — толку никакого нет.

Обиделась даже сама богиня Эрри, но Дарнаэл Первый был явно готов поддержать наследника своего дара, а не любимую, прелестную богиню.

— Ох, — вздохнул Рри. — Ты так наивна. Неужели ты думаешь, что вторая сущность имеет надо мной хоть какую-то более-менее серьёзную власть?

— Думаю, да, — упрямо ответила Эрла. — Иначе, будучи нормальным королём, ты бы не поправлял множество оборок и не стал бы крутиться у зеркала. У полного ненависти существа нет такого в мыслях, я уверена. А вот у какого-то глупого пухлого советника вполне может быть. О, как же папа над тобой смеялся!..

Смеялся? Дарнаэл Второй вообще редко упоминал о том, что у него был советник. Конечно, иногда он говорил о нём... Что-то вроде высказывания “этот недолугий недомужчина” и “идеальное для Эрроки явление”. Но обычно — нет, Дар не любил презирать людей достаточно ярко, да и издеваться над ними тоже совершенно не хотел. Может быть, она и придумывает, но...

Но!

Рри это задело. Он шумно выдохнул воздух, что-то недовольно прошипел — но не говорил больше ничего, будто бы старательно пытался собраться с силами и броситься на неё, перерезать горло одним уверенным ударом шпаги.

— Ты бы помолчала, дитя моё, — вздохнул он. — Ведь это такая большая глупость — издеваться над человеком, который собирается тебя убивать. Если б ты была чуточку молчаливее, то я, может быть, и искал иные способы решения нашей проблемы.

— Я бросила тебе перчатку! Это был вызов, а не просьба сохранить мне жизнь, — Эрла выпрямилась и наконец-то опустила шпагу, понимая, что он ещё очень долго будет водить с нею длительные, дурные разговоры. В конце концов...

В конце концов, он болтал с нею именно для того, чтобы дождаться вот этого момента. Секунды, когда она наконец-то решит, будто бы ей ничего не грозит.

Он рванулся вперёд — без злобного рыка, без шума, как раз оказавшись у неё за спиной, с мечом — даже не со шпагой, которой она сама вооружилась, — наголо.

Эрла отскочила в сторону, но, впрочем, недостаточно проворно — кончик его оружия полоснул по одежде, оставляя на рубашке длинную ровную полосу. Рри усмехнулся — тяжёлый полуторник казался ему игрушкой, особенно в сражении с ничтожной девчонкой.

Она тоже сделала выпад — и только спустя мгновение осознала, насколько смешным, простым и предсказуемым он был. Шпага против меча, при её неумении управлять оружием... Какая Воительница?

Дура скорее.

Рри напал вновь. Удар был рубящим — Эрла вновь отскочила, понимая, что её хилое оружие либо расколется, либо выскользнет из рук, что б она ни делала, пытаясь его удержать. Ноги дрожали, перед глазами всё расплывалось излишне яркими пятнами, и больше всего на свете хотелось сбежать куда-то — но куда ж она сбежит от самой себя?

Она всё отступала, отпрыгивала, отходила, изредка взмахивая собственной шпагой и понимая, что абсолютно бессильна. Королевская гордость улетучилась спустя несколько секунд — руки дрожали, и она чувствовала, что оружие, потяжелевшее внезапно во много раз, вот-вот выпадет из её рук.

— Что ж вы, принцесса, не защищаетесь, — прошипел Рри, — что ж не язвите...

Она почувствовала за спиной шероховатую поверхность дуба — и прильнула к нему, будто к последнему спасителю. Отбросила шпагу — та оказалась всё таким не ненужным дополнением, как и всегда. Пора признать, что она фехтовать не умеет, а пару раз ужасно выстрелила из лука только по той простой причине, что иногда даже эрроканским

принцессам везёт в жизни.

— Теперь ты не будешь, — он всё ещё сжимал меч так, словно собирался перерубить её пополам, — язвить и смотреть на меня, будто на человека второго сорта...

Она поджала губы. Как мама учила? Почувствуй, что он твой. Что все мысли моментально растворяются в его голове, и вас окружает только молочная пустота...

А как надо на самом деле?

В нём было столько боли. Столько кровавой, кипучей ненависти! И Эрла как-то интуитивно потянулась именно к ней, зацепилась, будто бы пыталась вытянуть из человека всё, что только связывало его с этим миром, протянула руку — он отпрянул от неё с мечом, — и коснулась шрама.

— Тебе опять больно, — прошептала она, гордо выпрямляя спину. — Ты опять люто ненавидишь весь мир, правда? Опusti меч, Рри.

Это были не её слова. Это всё мама — она так крепко зацепилась за сознание своей дочери, что теперь не выбить и не уничтожить. Но какая разница, что именно сейчас спасёт ей жизнь?

— Ты так сильно меня ненавидишь, — она убрала руку, и он уже больше не кипел — вся ненависть закрылась будто бы на ключ и лишала его воли.

Может быть, поэтому у матери никогда не получалось заколдовать отца? Потому что Дарнаэл Второй, что б он ни говорил, любил её.

Или просто иногда дар по крови передаётся в качестве устойчивости, нет?

Рри боролся. Эрла знала, что держать его достаточно крепко не сможет; заставить себя любить — это глупая идея. Она всего лишь поняла принцип. Всего лишь поняла, что то, как он сильно её ненавидит — ключ к использованию этого волшебства.

Интересно, мама знала? Наверное, нет, иначе она уж точно пересмотрела своё окружение покорных и всегда любящих её людей.

Восторг захлестнул её с головой. Плевать, что она не может быть Воительницей или Высшей, но что-то же всё-таки умеет!..

И сквозь эти волны счастья с трудом пробивался образ человека, всё ещё сжимавшего меч в руках — или вновь подобравшего его. Её власть ведь не была абсолютной — а скорее уж и вовсе просто слабой, но она об этом думать не собиралась. Зачем? Всё это не имело такого уж огромного значения... Тогда.

А сейчас она рассыпалась на мелкие кусочки и чувствовала, как боль — ещё не подобравшаяся достаточно близко, — вот-вот пронзит её насквозь и уничтожит. Это не так уж и просто — пережить её, разве нет?

Или умереть и больше никогда не чувствовать ничего в собственной жизни. Раскинуть руки навстречу чужому лезвию.

Он всё ещё не до конца победил её — в глазах ненависть сменялась этим поддельным, гадким обожанием. Но тело боролось быстрее, чем разум, и он уже был готов пронзить её насквозь — только этого ещё не сделал. В Рри много слабостей, Эрла знала об этом, но уцепиться хотя бы за одну из них у неё сил не хватало.

И в тот момент, когда она уже почти смирилась — согласилась отпустить и умереть, — за спиной что-то зазвенело, и руки Кэрнисса с мечом как-то опустились.

Из спины торчала стрела.

Эрла подняла голову, словно пытаясь понять, что случилось — и столкнулась взглядом с Эльмом, холодным и равнодушным, но уже с опущенным луком.

Опустила взгляд на Рри.

И отпрыгнула.

...Она думала, настоящее лицо обязательно возвращается, когда ты умираешь. Но ведь Рри и так был настоящим — это его первая ипостась, разве нет?

Нет.

Он вновь был толстячком — валялся на боку, из спины его торчала спина, а глаза закатились. На геройскую смерть походило мало, и последнее, что успела запомнить Эрла из старого облика, длинный шрам, что тянулся через всё лицо, растворился в морщинах.

Вирр Кэрнисс никогда не был выдумкой. Это он родился, он выстроил себе карьеру, он пробился к Дарнаэлу Второму — и начал медленно сходить с ума, одолеваемый своей проклятой второй ипостасью. Это всё... Один маленький, глупый человек, которому никогда не было суждено дожить свой век в мире и спокойствии.

— Я не думал, что ты настолько глупа, — из слишком уж странных мыслей Эрлу вырвал грубый голос Эльма. — И что полезешь сюда — на рожон, в лапы врагу! — я тоже не думал. Но, очевидно, не зря прихватил с собой это.

— Ты застрелил его, будто бы кабана, — прошептала она, чувствуя, что вот-вот рухнет на зелёную траву и потеряет сознание. — Даже не дал мне шанс...

— Умереть? А тебе очень хотелось попробовать вкус того, противоположного мира? Можешь сделать это самостоятельно, во дворце огромное количество высоких башенок с окнами, в которые ты пролезешь, — сейчас Марсан говорил практически так же, как и её брат, с ненавистью, кипевшей в голосе — но то ли она исчерпала свой резерв волшебства на сегодня, то ли он её не ненавидел так, как полагалось, но заставить его замолчать не получалось. А она хотела. Она отчаянно пыталась пробиться к его сознанию и вынудить отвернуться и уйти куда-то, а он боролся и продолжал толкать её куда-то в мысленную далёкую пропасть, в которой оказаться страшно даже самому сумасшедшему, ненормальному человеку.

Эрла наклонилась к покойнику, коснулась его щеки, будто бы жалея, что он так глупо умер, громко шмыгнула носом. Что б она с собой ни делала, сколько б ни пыталась вызвать ненависть к нему, до конца не получалось — Рри даже не был отдельным, существующим самостоятельно человеком.

— Пойдём, нам пора в замок, — Эльм сердито потянул её за руку. — Не хватало ещё рыдать над трупом!

— Его надо похоронить, — она не плакала, разумеется, но осадок на душе всё равно остался. — Обязательно. Мы просто не имеем права оставить его в таком состоянии тут!

Марсан закатил глаза. Он не испытывал ни малейших угрызений совести по поводу того, что убил его — по крайней мере, так казалось.

— Послушай, дорогая, — прошипел он. — Этот человек — в какой бы ипостаси он ни был, — хотел свергнуть твоего отца. Он, напомню, сжёг его супругу и был королём. Хотел на тебе жениться. И, так или иначе, обратил бы эту страну в кровавый котлован. Он почти тебя прирезал! И стреляла в него не ты — я, поэтому давай уйдём отсюда до того, как меня тоже начнут терзать угрызения совести, ладно?

Но она так ничего и не ответила, только грустно и устало покачала головой, будто бы отказываясь признать, что подобное возможно. Она никогда ещё в жизни не была до такой степени...

Обманутой?

Ну, почему же. Вся её жизнь — один сплошной обман, и мама постаралась, чтобы правдой не оказалось ни единое слово из тех, что говорила своей дочери.

— Пойдём, — он обнял её за плечи — Эрла всё так же прямо и уверенно стояла, но смотрела себе под ноги, на мертвеца. — Потом будешь грустить и сублимировать.

— А я думаю, сейчас самое время.

Эрла и Эльм обернулись, будто бы по команде — Эрри Первая со своим богом стояли в одинаково раздражённых позах.

Казалось, ещё Дарнаэл был готов кого-то пожалеть и подумать о том, что не всё столь уж страшно — но его возлюбленная больше походила на маленький вулкан за несколько секунд до извержения. Взгляд её пылал, будто бы у какой-то кошки, и руки сами по себе сжимались в кулаки.

Она оттолкнула Эльма со своего пути обыкновенным тычком в плечо и склонилась над мертвецом.

— Проклятье! Значит, ты был прав, и он всё-таки оказался надуманным, начитанным образом... — прошипела она.

— А как ты думала? — Дар подошёл поближе. — Тот же шрам — он словно специально его получил, — та же внешность. Ты думаешь, твоя предыдущая реинкарнация была способна и вправду настолько хорошо всё продумать, чтобы порез оказался в том же самом месте? Я не уверен, что он вообще был. Просто однажды несчастный мальчишка со специфическим волшебным даром начитался о славном предке — и получил вторую ипостась, более сильную, чем первая. Это стандартно. Плохо другое, — он бросил взгляд на Эрлу. — Каждая смерть насыщает источник. Каждая капля крови.

— Источник? — недоумённо переспросила девушка.

Бог только хмыкнул — сейчас, наверное, она б точно приняла бы его за отца, если б не чрезмерно острые уши.

— Да, магический источник, открылся от чьего-то заклинания, — пожал плечами он. — Посоветую вам отправляться во дворец и не злить брата, мне не нужны каменные развалины вместо всей столицы.

Эрри только коротко покачала головой — было заметно, что со своим супругом, или кем ей на деле приходился Дарнаэл, она совершенно не согласна.

— И ты просто так, ничего не пояснив и не наказав их, отпустишь... Что за бесконечная мягкотелость! — выдохнула возмущённо она.

— И просто не буду напоминать о том, кто именно вдохнул в неё свои мысли и эмоции, — Дар повернулся к телу. — Вы идите... А ты, Эрри, останься. Надо понять, что делать.

И хотя Эрла так до конца и не поняла, что за секретные планы собирались строить боги, одно было понятно уж точно — ни её, ни Эльма это нынче совершенно не касалось, и уйти — это единственное адекватное решение, которое они только могли принять.

\*\*\*

Рэй так и не сумел вытрясти из Эрлы хотя бы подобие признания — она молчала, упрямо отворачивалась, не пояснила ни того, где она находилась, ни даже откуда у неё на одежде кровь. Эльм тоже обошёлся без комментариев, и Шэйран отлично понимал — если так будет продолжаться и дальше, то они переругаются ещё до того, как успеют даже пальцем пошевелить, чтобы что-то сделать.

Моника всё ещё лежала — вид у неё был бледный, уставший, а ночь миновала тяжело,

всё-таки, ранение было не самым приятным и легкопереносимым. Но, так или иначе, она оказалась единственным человеком, ещё способным на адекватные, логичные умозаключения — и, более того, всё ещё пыталась хоть как-то поддержать Рэя в бесконечной какофонии чужих поучений.

Но сейчас было поздно, она, разумеется, спала — потому что больным не положено бодрствовать в такое время суток, — а младший Тьеррон всё пытался убедить себя в том, что как только из леса вернутся Дарнаэл и Эрри, всё сразу станет на свои места.

Он поднял голову — тучи отлично соответствовали дурному настроению, и тот огрызок Луны, что ещё пробивался к ним, скорее подчёркивал, что даже небеса над Эльвентой были склонны к дождям и грусти.

Город будто бы вымер — наверное, и в лесу в такое время куда больше активничают, хотя Шэйран не спешил проверять.

Он медленно шагал по мостовой собственной — что за дикость? — столицы, чувствуя, как стены окружающих домов давят на голову, как в сознании то и дело проносятся глупые, не имеющие к делу совершенно никакого отношения мысли.

— О чём думаешь?

Рэй не стал оборачиваться — он и так слышал, что шаги принадлежали только одному человеку, а столь мягкая, кошачья, но при этом уж точно мужская походка была характерна только для двух людей из тех, кого он знал. И второй, пожалуй, слишком далеко отсюда, чтобы вот так явиться и решить одним махом все проблемы.

— Думаю, почему бы не раскрыть все карты этого вашего мироздания. Надо же, боги — не могут справиться с каким-то сумасшедшим и парочкой магических источников по пути.

Дарнаэл весело засмеялся — они как раз подошли к мосту через маленькую, но упрямую речушку, в которой многие по утрам набирали воду.

— Если бы всё было так просто, то ничего бы не случилось, — наконец-то промолвил мужчина. — Да и вообще, ведь ты знаешь, что в нашем мире достаточно странные законы. Их приходится выполнять, если не хочется оказаться в глубокой пропасти на дне вселенной.

— Ты создал этот мир. Ты можешь их перекрутить.

— Я создал его не для того, чтобы всё нарушать, однако. И от меня тогда требовалось только повернуть чары в нужное русло, а не думать о том, как они разыграют через несколько лет, — возразил Дарнаэл. — Да и вообще, знаешь ли, очень просто обвинять, если не понимаешь, о чём конкретно идёт речь, Шэйран. Завтра — или даже сегодня, — я должен попытаться открыть тебе то, как руководить этим даром, и неужели ты думаешь, что всеисилие пойдёт тебе на пользу?

— Оно никогда никому не идёт на пользу, — рассмеялся Рэй. — И мне тоже. Но всё это до ужаса нелогично — забрал бы у меня силу и жил себе спокойно.

— Ты наивен, если думаешь, что божественная сила — это то, что у тебя есть. Просто... характерный дар, и всё. Тэллавар многое видел, но сказать так уж точно и правильно всё равно не мог. Мне лучше знать.

— Разумеется.

Принц смотрел куда-то вниз, на тёмные воды речушки — ни одной мысли о том, чтобы оказаться там, внизу, разумеется.

— Этот мир, — проронил Дарнаэл, — построен на ненависти. Когда он создавался, мне было, конечно, лет шестьдесят — но в эльфийском пересчёте это почти ребёнок. Думаешь, я знал, как и что надо делать? В конце концов, в Источнике накопилось очень много силы, а

мне хотелось жить и быть с любимой девушкой. Я действовал интуитивно и глупо. Если бы сейчас мне дали шанс всё исправить, то, разумеется, я поступил бы иначе.

— Не создавал бы мир?

— Создал, почему же. Но любви одного эльфа слишком мало, если всё остальное строится на ненависти. Этот мирок вышел... Гнилым изнутри, знаешь.

— И зачем ты мне это говоришь?

Мужчина всё так же оставил этот вопрос не отвеченным — он будто бы завис в воздухе немой, холодной нитью.

— Мне тогда казалось, что нам с Эрри и так достаточно досталось. А её характер в реальности ещё и портится день ото дня, если ты заметил. Жуткое сочетание характеристик подобной девушки, но... Уж как есть. Когда-то, будучи эльфийкой, она была добрее и милее. Не пережила тысячи инкарнаций. Но это её беда — мечи и шпаги. Твой отец, несмотря на то, что внешне он очень похож на меня, типичная Эрри. Ему тоже подавай коня, войско за спиной, шпагу и револьверы или пистолы в руки — и он покорит весь мир.

— Как приятно это слышать, — хмыкнул Рэй. — Ты с ним даже не разговаривал ни разу.

— Конечно, не разговаривал, — пожал плечами Дар. — Но он только пример того, что не имеет значения — мужчина ты или женщина. Волшебство и воинство передаётся не по крови, оно передаётся по духу. Твоя мать, к примеру, прекрасная колдунья, но в ней слишком много этого варварского убеждения Эрри в ничтожестве всего мира. В конце концов, она приложила к нему куда меньше усилий, чем я, наверное, потому и испытывает такое раздражение ко всему, что тут происходит. Но, впрочем, это не имеет значения — я говорю совсем не о том, о чём должен. Этот мир, — его голос был до того спокоен, словно он собирался умереть сразу после окончания этой тирады, — построен на ненависти. Она же легла в основу каждого из тех, кто в первые дни блуждал по миру. В ком-то больше, в ком-то меньше — за долгие годы это смешалось и превратилось в бесконечную какофонию и неразбериху. Человека уже не отличить от эльфа — те тоже представляют из себя что-то вроде смеси чужой крови и боли. Но тот, кто создал этот мир, должен же был им как-то управлять оттуда, свыше, знаешь. Все те короткие проблески моей якобы реальной жизни — когда я становился человеком и сходил на землю, когда это делала Эрри, — были всего лишь демонстрацией нашего вечного наказания и к строению мира никакого отношения не имеют. Сбывалось проклятие — а всё остальное время мы находились там и за всем следили. Следили за тем, как эта проклятая судьба постепенно, кольцами развивается — и кое-что подправляли, если могли. Пока Эрри не стала королевой Эрроки и её не приняли за богиню.

— Разве она нарушила какие-то законы? — усмехнулся Рэй. — Или до этого в мире не было войн, межусобиц и прочей ерунды?

— Да были, конечно же, — хмыкнул Дар. Луна оставляла на его лице причудливые тени, будто бы разукрашивала длинными тонкими полосами, и сейчас бог казался каким-то нереальным. — Но в тот момент она позволила своему дару — магии войны, что текла в её крови, — оказаться среди обыкновенных людей. Этот континент — не всё, что мы создали, ты знаешь, но тут начинался мир. На Ньевидде, если по правде, но этот уголок всегда нравился нам больше всего. И когда наступило моё время, когда в этом мире родился будущий Дарнаэл Первый, ей там, наверху, и вовсе стало понятно, что уже ничего не исправить, но было поздно. Мы принесли магию в этот мир — магию, которая значила чуть

больше, чем обыкновенное человеческое колдовство, — мы позволили кому-то иметь чуточку больше, чем они заслуживали. Или чем вообще любой нормальный человек имеет право заполучить. Тот дар, что есть у тебя — и у Эрлы, и у твоей матери, только, к счастью, в крайне ограниченном количестве, — это не то же самое, что творило этот мир. Но оно позволяет им управлять. Позволяет обращать в волшебство чужую ненависть. По сути, чтобы сделать всё, что тебе взбредёт в голову, тебе лишь надо уцепиться за эти эмоции или чувства — и подумать о том, как ты хочешь их использовать. Вот и всё.

— И это — дар из пророчества? — Рэй недоверчиво покосился на своего собеседника. — Управление, подери тебя Змея, ненавистью?

— Боги, Шэйран... — Дарнаэл рассмеялся — глупо поминать самого себя в разговоре. — Пророчество о Высшей и о Воине уже давно сбылось. Лет за двадцать до твоего рождения.

— Но...

— Ты его читал хоть раз? Думаю, только мать говорила, а ей пересказывала Далла, между прочим, крайне неустойчивая женщина. Высшая и Воин — это, конечно, красиво, и там говорилось что-то о воссоединении континента. Высокие цели, сквозь тернии к силе. Двое, что победят ненависть между собой — и чья любовь не имеет границ. Ты, конечно, испытываешь к сестре тёплые братские чувства, а после того, как Монике в сердце попала та спица, даже несколько минут желал её придушить, но неужели и вправду веришь в то, будто бы забудешь о своей дарнийке-ведьме и возьмёшь сестру в жёны?

Рэй поперхнулся и уставился на Дара, будто бы на безумца.

— Разумеется, нет. Но причём тут это?

— Высшая и Воин — это не кровная пара, — хмыкнул он. — И ты прекрасно понимаешь, о ком я говорю. Вы с Эрлой — только... последствия. В ней тоже много магии, которую она до сих пор не может осознать — считает себя то Воительницей, то ещё кем-то. Там даже рассказывать всё это бесполезно, а Эрри ещё и подлила масла в огонь. Не надо было делать из ребёнка такую же стерву, как она сама, я думаю, но то уже наши с нею проблемы. Эрри просто хотела добиться своего — она это и сделала. Эрла дождалась, нашла в себе силы для борьбы, а этот бедный влюблённый мальчишка — он ещё с нею намучится, вот увидишь, — даже равновесие в очередной раз нарушил, пристрелил советника твоего отца. Колдовство в ней ещё проснётся, созреет, но в более мирных... границах.

— А я? — Рэй прищурился. — Если нет никаких предназначений, то причём здесь вообще моя магия, почему она была нужна Тэллавару?

— Потому что когда Дарнаэл Первый — ну, я, то есть, — обзавёлся семьёй и стал королём, он продемонстрировал своё волшебство публично. Ошибся, разумеется, но всё же. И именно потому этот достаточно редкий, но сильный дар и передаётся по крови — в ком-то больше, в ком-то меньше. Кто-то получил его, потому что мама — я о твоей бабушке и о твоей матери сейчас, — колдовала много, выбирая в качестве жертвы эльвентских принцев... А ты просто маг с большим запасом силы — и, что самое отвратительное, с возможностью специфически её использовать. Будь ты богом — был бы бессмертным и вершил бы судьбы, а так — твоё могущество ограничится ещё какой-то сотней лет и твоими мозгами, я надеюсь.

— И ты, судя по всему, совершенно не собирался мне обо всём этом рассказывать, пока Эрла не потрудилась над каким-то там равновесием, — Шэйран упёрся руками в невысокие поручни моста, словно вода притягивала его к себе. — Прекрасно.



— Не собирався, потому что незачем было, — хмыкнул Дарнаэл. — Ты можешь колдовать и без этого. Но сейчас нам всё равно придётся отправляться в путь и много пользоваться волшебством. И поэтому — боюсь, даром придётся овладеть.

— И ты даже можешь научить, как этим пользоваться?

— Да что тут учить, — пожал плечами мужчина. — Всё слишком просто. Ты должен чувствовать ненависть и боль в людях — и пользоваться ею против них. У меня даже нет никакого способа продемонстрировать это тебе, я ж тебя не ненавижу. Даже Эрри, хотя она пример получше, сейчас не пылает отчаянной ненавистью к кому бы то ни было. Как видишь...

— Тупиковая ситуация.

— Именно.

Рэй оторвался от созерцания воды и двинулся дальше — будто бы ему нужно было разобраться во всём этом.

— А разве человека с таким даром можно остановить? — спросил он, обернувшись к Дарнаэлу.

Тот рассмеялся. Можно ли? Перед глазами стоял источник — его кристальные грани, которые так отчаянно пытались склонить каждого, входившего в этот бесконечный лабиринт, ко злу. Ещё несколько дней — и всё рухнет, не так ли бормотала Эрри о своих пророческих снах, так до конца и не выскользнув из полубреда?

— Только люди, в которых нет ни капли ненависти, — вздохнул мужчина. — Либо собственная адекватность. Видишь, как прекрасно, что Тэллавар даже не догадывается, как всем этим пользоваться?

===== Глава семьдесят первая =====

Армия Элвенты входила в Кррэа почти как победитель длительной, кровавой войны, хотя на деле они не пролили ни капли на поле боя. Дарнаэл, впрочем, себя торжествующим не чувствовал, на голову давило одно только осознание того, что всё это — не конец. Просто так чужие армии не приходят к воротам своих соперников и не обвиняют своего короля в том, что он призрак.

Кальтэна похоронили там, на месте. Поставили какой-то знак — могильную плиту, может быть, установят позже, если время и бесконечные битвы не сотрут след о том, что он там был, с лица земли. И почему-то Дар, вспоминая о том, как умер его друг, ловил себя на мысли, что на его месте могла быть братская могила — целой армии или, может быть, только её частей. Сколько людей выжило, когда Фэза отпустил этот мир?

Лиара то ли не радовалась тому, что её блудный король всё-таки вернулся, то ли уже успела припасти несколько дурных новостей. На Дара она смотрела так, словно он выполз из могилы — глаза женщины не наполнялись ни слезами, ни страхом, но какая-то непередаваемая боль всё равно присутствовала и ну никак не желала отступить. От этого странного ощущения — словно кто-то толкал его на преступление, а Дар взял и поддался и теперь в очередной раз разочаровал её, — избавиться было трудно. Но он, впрочем, привык; его любимая королева всё равно не признала бы победу с его стороны. Ей куда приятнее наслаждаться молитвами своей богине, чем реальностью, даже если последняя захлестнула с головой.

— Здравствуй, — он спрыгнул со своей лошади — остановился лишь в метре от женщины. Армия за спиной гудела, разбредалась по городу; тут были, разумеется, не все, только командование и заболевшие в пути, остальные остались под стенами столицы. Дару и

без того пришлось приложить много усилий, чтобы заставить стражей у врат пропустить их.

И нельзя сказать, что связанным стражам эти усилия пришлись по душе — их отпустили, как только врата уже можно было закрывать, но всё равно осадок остался, и Тьеррон и сам не мог избавиться от этой бесконечной придирчивости со стороны Лиары. Они — враги, и будут ими ещё очень долго, а исправлять что-то, наверное, слишком поздно.

— Здравствуй, Дар, — кивнула она в ответ. — Итак, я вижу, что битва прошла успешно для твоей армии.

— Битвы не было, — отозвался он. — Удалось договориться мирно и почти бескровно.

— И ты потерял Кальтэна.

Он ничего не ответил. Лиара бы всё равно не поняла; она когда-то тоже верила Тэзре, а самое главное, была уверена в том, что магия не может навредить, если ты этого не захочешь. А разве у тех, кто пытался вытащить Фэза с того света, были дурны мысли?

— Он, можно сказать, героически умер, — покачал головой мужчина. — Это не имеет значения. Одна смерть — даже дорогого человека, — стоит жизни половины армии и целой страны.

— Короли должны уметь идти на великие жертвы?

Он только спокойно кивнул, соглашаясь с этим — в конце концов, пусть на жертву шёл и не он, без смерти Кальтэна дальше продвигаться было некуда. Он сошёл с ума — в прямом смысле этого слова, — а сумасшедшие всегда опасны для общества, каким бы чёрствым и отвратительным оно не оказалось.

Они просто совершили то, что должны были, и только. Пусть человека и жаль — как и каждого, — пусть Антонио разбит и молчалив — не проронил ни единого слова с момента смерти отца, и Дар прекрасно понимал его мотивы... Всё это рано или поздно должно было случиться.

— Пойдём, — она бегло обернулась на дворец, словно желая спрятаться куда-то от посторонних взглядов. — Ты уверен, что твоя армия не разрушит мне половину королевства?

— Абсолютно.

Лиара кивнула. Сейчас посеревшие улицы Кррэа были до того пустынно, что чужое войско может размещаться там, где ему угодно; всё равно в городе полно бессмысленных, пустых храмов — пустых для эльвентцев, и король уже явно дал им разрешение ложиться спать на алтарях у богини Эрри. Он ведь не верующий, зачем ему поклонение кому-либо?

Но она сама уже постепенно начинала разочаровываться во всём, что было связано с пресветлым образом женщины, которой поклонялась вся страна. Каждый раз, когда женщина смотрела на фреску с её портретом, почему-то думала, что видела уже где-то — и потому отворачивалась и старалась не обращать внимания на полужнакомые черты лица.

— Они пояснили тебе, что случилось? Поверили сразу? — она ступила в полумрак коридора и замерла, дожидаясь, пока стража запрет за Дарнаэлом дверь. — И действительно приняли тебя за своего короля, если ты пришёл во главе эрроканских отрядов?

— Я пошёл туда один, — усмехнулся мужчина. — Во главе эрроканских отрядов меня бы не медля пристрелили и, думаю, правильно бы сделали, а так приняли, как своего прекрасного любимого короля, успокоились и вместе со мной порадовались жизни.

— Аж так?

— Пришлось пощекотать им нервы растущей к небесам травушкой, но в целом — никаких эксцессов, — подробности о том, как старательно Кальтэн пытался его пристрелить, были для Лиары излишни. — У тебя тоже есть какие-то новости?

— Не такие хорошие, как у тебя.

Он лишь коротко усмехнулся. Разумеется. В Эрроке никогда не случается ничего хорошего, особенно когда разведка отрывается от молитв своей богине и начинает замечать то, что происходит вокруг.

— И что же случилось?

Лиара молча поднималась вверх по крутым ступенькам — ответ казался ей чем-то лишним. Пальцы осторожно скользили по каменной стене, и она словно боялась упасть — то и дело оглядывалась на Дарнаэла, но вынуждала себя идти дальше.

— Не молчи, Лиа. Мы сейчас не в том положении, чтобы я вытряхивал из тебя ответы.

Она вновь ничего не ответила, но остановилась на лестничном пролёте, будто бы собираясь с силами, чтобы совершить следующий рывок.

— Голова кружится, — отозвалась наконец-то женщина. — И, между прочим, ты мог бы мне помочь. Я устала.

Ему хотелось сказать о том, что долгие путешествия непонятно куда, занимающие по несколько дней в седле без остановок — потому что они гнали, как сумасшедшие, как минимум половину дороги, — тоже не способствуют хорошему самочувствию, но Лиара и вправду была бледна. Её рыжие волосы теперь казались какими-то посеребрившимися. Может быть, виной был тусклый свет факела — окон в этом коридоре не оказалось — но Дарнаэл предпочитал рассматривать все самые плохие варианты.

Королева никогда не бледнела, будто стена, от плохих новостей. Их она сносить умела, если, конечно, речь не шла о чём-то слишком плохом. Но... Столица стоит. Их дети, предположительно, живы. А всё остальное вполне можно исправить.

Вообще-то, для любящей женщины нормально было бы переживать за свою вторую половинку, отправившуюся останавливать громадную армию. Но он хорошо знал Лиару — и угасший взгляд у неё от переживаний не появлялся.

А она знала его — неубиваемый, как бы она ни старалась, король Элвенты, подери его богиня Эрри. Ну и разочарование в вере — страшная, точнее, страшно глупая причина, вот только и в неё особой веры у Дарнаэла не было.

— Пойдём, — он приобнял её за талию, не позволяя упасть. В голосе чувствовались успокаивающие нотки — пожалуй, Лиару следовало проводить до постели и оставить одну как минимум до утра.

— В тронный зал.

— В спальню, Лиа, — покачал головой мужчина.

— Туда дальше.

— И часто тебе становится плохо? — он внимательно посмотрел на женщину, но та лишь коротко покачала головой. Нет, не часто — может быть, сегодня первый раз. Магия бушует, луна не в той фазе?

— Нет. Я узнала обо всём только сегодня и, вероятно, от этого слишком разболелось сердце, — наконец-то промолвила она. — Это пройдёт. А поговорить нам всё равно надо.

Только сейчас Дарнаэл заметил, что она даже предала любимое белое королевское платье — променяла его на брюки и лёгкую блузу, стандартный походный наряд всех ведьм королевства. И шла едва-едва — рука всё равно тянулась к каменной шероховатой поверхности стены, пусть женщина и делала вид, что ей не нужна чужая помощь.

Дар вздохнул и, на секунду остановившись, потянул её на себя — и легко, будто бы и не было нескольких дней пути, поднял на руки.

Носить её в спальню — не такое уж и редкое в его жизни занятие, хотя по болезни, кажется, первый раз. Последний раз у Лиары голова кружилась ещё чуть ли не двадцать пять лет назад — чуть меньше, как раз в Святые Ночи.

Но тогда у неё были весьма логичные для каждой женщины причины — чокнутая мама, новое-старое королевство, вдовий статус и, в конце концов, беременность.

А он тогда наивно верил, что женится на ней, как только истечёт этот дурацкий срок, что должна выждать любая порядочная вдова. Интересно, Далла Первая уже тогда думала, как избавиться от несостоявшегося зятя, или у неё этот план созрел по мере возвращения из Лиары первоклассной стервы?

...Ступеньки показались на диво высокими — им осталось дойти совсем чуть-чуть, и Дар подумал даже было, что в планировке этого дворца что-то переменилось. Может, следовало повернуть в тронный зал, или она больна заразной болезнью?

Нет, скорее надо было спать этой ночью. И прошлой тоже, а не кричать всей армии, что потом отдохнут, когда придут на место предназначения.

Надо же, он, сам того не подозревая, волновался за несостоявшуюся жену. Впрочем, всё возможно — Сэя, судя по рассказам, и вправду давно уже покойница.

Но жалеть её сейчас, учитывая дикое, поразительное сходство с Богиней — право слово, Дар не был уверен в том, что она вообще способна умереть. И быть честной заодно.

...Лиара порывалась вскочить с кровати, стоило её только туда уложить — но бледная кожа так ярко контрастировала с тёмно-синими простынями, что Дарнаэл окончательно убедился в её плохом самочувствии.

— Прежде ты от переживаний не сливалась со своими любимыми светло-зелёными платьями, — отметил он. — Ляг, пожалуйста, я могу послушать о том, как тебе плохо, и так.

Он устало опустил в кресло у окна и бросил короткий взгляд на огромное зеркало — обычно Лиара использовала его в качестве переговорного, активируя нужное заклинание, и оно находилось где-то в кладовых внизу, а при случае заносилось в тронный зал. У Дарнаэла зеркала не было — экран вызова формировался прямо на стене, когда Лиара пыталась связаться, но в последний раз она пользовалась этим способом лет пять тому назад.

Тогда они ещё не враждовали до такой степени серьёзно, да и граница между Эррокой и Эльвентой вполне надёжно выполняла все свои функции. Сигнальные в том числе.

— Что-то случилось? — Дарнаэл старался говорить мягко, подавляя в голове глупые обвинения по отношению к женщине. Они не были чужими друг другу, пусть до сих пор и не могли сойтись на чём-то одном и перестать без конца враждовать — и именно потому, пожалуй, он отчаянно не хотел её обидеть. Может быть, иногда следовало ставить Лиару на место, но Дар всегда знал, когда ему следует остановиться.

Женщина молчала. Дар от нечего делать только скользил взглядом по стенам её комнаты — будто бы на них кто-то написал ответ. Но, очевидно, магические буквы заколдовали по второму кругу — ни единой подсказки причин её болезненного вида и уж тем более болей в сердце.

— Твоя комната, — проронил он, — стала куда темнее, чем я помню. С каких это пор ты предпочитаешь тёмно-синие и чёрные тона?

— С тех, как сменила покои, — вздохнула Лиара. — Сюда ударило проклятье, пока тебя не было.

— И это потому тебе так плохо?

— Нет. Заклинание было настроено на что-то другое, не на меня — на тебя, может

быть. Перекрасило тут все стены и простыни, но меня не было в помещении, я только узрела результат и переехала на этаж повыше. Любимые цвета Тэзры, знаешь?

— Высвободилась магия, которая была в Кальтэне. Долетело бы как раз вчера-позавчера, — устало промолвил Дарнаэл. — Может быть, это её старания? Даже с того света твоя советница умудряется передавать нам пламенные приветы.

Лиара смотрела в потолок, стандартно белый. Пальцы её смяли простыни — она словно пыталась разорвать их, а потом отпускала, чувствуя отчаянное бессилие в собственных руках. Дыхание стало ещё тяжелее — она вновь перевела взгляд на Дара и слабо ему улыbnулась.

— Эх, Тьеррон, ты научился разбираться в магии, пока я тут устраивала взрывы матриархата, или, может быть, это тебя просветила твоя любимая супруга?

— Моя любимая покойная супруга. И ты тоже вдова, — отметил Дар.

— Я не спала со своим мужем.

— Может, потому, что он твой дядя?

— Это не оправдывает твои связи с половиной дам из твоего дворца, — она коротко хмыкнула. — Но дело не в этом. Мне плевать на то, с кем ты... — она запнулась. — Даже на Сэю, если честно. Пришли вести с границы.

— Я ведь только что оттуда.

— Я о той косе, которая соединяла прежде Эрроку с морем. Там тонкая полоса земель, которую ты отобрал, и даже деревушки есть. А теперь там стоит многотысячная армия Торрессы, непонятно как пересёкшая столь надёжное море, и ждёт... Твоей смерти, наверное.

Дарнаэл промолчал. Казалось, у него будто бы на мгновение пропал дар речи — а после мужчина вновь недоверчиво покосился на неё.

— Это правда?

— Разумеется. Они выжгли ту деревушку, в которой ты когда-то останавливался... Всех убили, я думаю. Мне прислали весточку разведчики — там жила парочка моих ведьм, на границе. Они прошли вглубь — и двигаются к центру государства. Я не понимаю, почему Эррока...

Почему Эррока, если убил Марту именно Дарнаэл? Потому что он тут. Потому что это выгодная стартовая площадка. Просто потому, что любой адекватный полководец понимает, что завоевание континента надо начинать из закрепления позиций. А тут есть горы, ведьмы, которых можно подбить на бой с Тьерроном и его государством.

Но Галатье никогда не был адекватным. Не следует забывать об этом — он боялся Дара, пожалуй, меньше разве что того, как им восторгался. И почему-то мужчина был уверен в том, что король Торрессы совершенно не разочаровался в собственных взглядах.

Погибшая принцесса... Вряд ли она была родной дочерью Галатье, хотя Тьеррон уже ни за что ручаться не мог. Не в том проблема.

Война — не его рук дело.

Ни Галатье, ни его сумасшедшая истеричка Марисса, больше думающая о том, как бы затащить в постель какого-нибудь красивого мужчину, что скрасит несколько часов её одиночества, не могли бы нормально разработать военную кампанию.

Он помнил их — такой пухлый, пожилой мужчина и высокая, худая, со странным цветом волос королева... И Галатье женился на ней, когда Марисса стала уже вдовой; сначала из нищенки она стала генеральской супругой, потом — правительницей огромного

государства, когда он остановил свой выбор на ней.

Король Торрессы был немолод, он ненавидел войны и ни за что не позволил бы никому начать что-нибудь в этом роде — он просто испугался бы, что тут обсуждать!

— Армией явно руководит кто-то другой, — покачал головой Дарнаэл. — Ты уверена, что эти люди именно с архипелага?

— С их флагом и знаменами. Неужели ты думаешь, что хоть какая-то ещё армия могла бы прибыть сюда столь быстро? Разве что твоя, но они бы не стали сжигать деревни на своём пути. Твои никогда не славились мародёрством.

Дар кивнул. И почему именно сейчас их континент вдруг стал всем нужен? Почему если неприятности и сыплются на голову, то обязательно все вместе, без малейшей остановки, да ещё и так, что не увернуться ни от одной?

— Значит, будем воевать.

— Они говорили, что у армии очень сильная магическая защита. Такая, что её вряд ли удержат даже Высшие, а мы потеряли двух.

— Двух?

— Тэзра мертва, и я понятия не имею, где носит Самаранту. В Вархве сейчас временное правительство, — покачала головой Лиара. Она села на кровати и теперь смотрела на него, пристально и как-то... будто бы винила во всём, но ещё не определилась, действительно ли Дар должен отвечать за то, что она сама частично натворила. Какая глупость, какая наивность — доверять Тэзре и всем, кто так ей подобен...

Дар только скользнул пальцами по почерневшей обивке кресла. Каким оно было прежде? Белым? А эти шкафы с синими узорами, пожалуй, прежде красовались золотистыми линиями и завитками. Сейчас всё так резко потемнело, будто бы их с Лиарой жизнь — потеряло краски, потеряло счастье, потухло и отнюдь не собиралось возвращаться в прежнее состояние.

— Всё будет хорошо, — наконец-то выдохнул он. — Ты не должна бояться, Лиа. Я уверен, что с моей армией мы способны выстоять даже против сильных волшебников.

— Я никогда не боюсь!

Но это было преувеличением. Она просто никогда не признавала собственную слабость, да и только — но ведь каждая женщина в своей жизни однажды чего-то пугается. Однажды вынуждена делать выбор, который совершенно ей не нравится. Лиара не была таким уж исключением — она много страдала в детстве и в юности от рук своей матушки.

А потом взяла инициативу в свои руки и продолжила это шествие в бездну одиночества уже самостоятельно.

Дарнаэл поднялся и подошёл к ней — пальцы осторожно коснулись щеки, словно он вытирал её невидимые слёзы, которые вот уж столько лет не скользили по её коже.

— Мы наделали очень много глупостей, Лиара, — он присел на край её кровати, обнял за талию и поцеловал, как тогда, в их первую ночь, боги знают сколько лет назад. — Смешно сказать — сколько лет мы уже знакомы?

— Много. Некоторые столько не живут, — она подалась вперёд, уткнувшись лбом ему в плечо. — Всё это... Давно уже в прошлом, Дар. Вряд ли мы сможем что-то исправить.

— Ну должны же хоть попытаться, — возразил он. — Лиа, ты ведь знаешь, что это надо было прекратить ещё тогда, когда я отвоевал своё государство. Или хотя бы тогда, когда вернул его в прежние широкие границы и ещё не взялся за эти мелкие герцогства.

— Они пускали тебя самостоятельно. Всё, лишь бы там не было матриархата, —

хрипловато рассмеялась женщина. — Даже не могу представить, за что меня так все ненавидят.

Он промолчал. С какой-то стороны он тоже не мог этого понять — Лиара была не такой уж и отвратительной правительницей, но с особенностями, правда. Он многого не понимал, пусть и пытался, многое оставалось для него за гранью — там, где-то далеко-далеко. Всё это сейчас не имело значения — она тоже молчала, понимая, что высказать все слова, оставленные в прошлом, сил нет.

Она поцеловала его первой — за много-много лет такого он практически не помнил, — но отодвинулась почти что моментально и шумно выдохнула воздух.

Столько лет прошло с тех пор, как они знакомы — а до сих пор так и не примирились.

— Мои покои, — вздохнула она, — этажом выше. Тут я не останусь. И если ты перенесёшь туда переговорное зеркало, я буду очень благодарна.

— Приказной тон тебе не к лицу, Лиара, — устало вздохнул Дарнаэл, понимая, что простить её окончательно — за те глупости с армией, за всё, что она творила — всё равно не может. Наверное, для этого следовало вновь расстаться на долгие месяцы, не видеть её, потом вернуться — и понять, как же сильно он скучал.

А не держать в голове воспоминания о кровавых тюрьмах и её сумасшедших советницах. Тэзра всё-таки успела подвести свою королеву — о, они обе даже не представляют, насколько сильно.

Есть шрамы, которые заживить практически невозможно.

\*\*\*

Он проснулся от тихого, замогильного шёпота, характерного для заклинаний. Дарнаэлу почудилось даже, что Лиара шепчет очередную дозу проклятий на его бедную голову, ударившись в свой матриархат, но она сидела напротив зеркала и осторожно касалась пальцами рун на его ободке.

— Что ты делаешь? — он привстал на локтях, всматриваясь в странную последовательность вспыхивающих рун. — Пытаешься с кем-то связаться?

— Я подумала, — устало промолвила она, — что так можно увидеть, что происходит с Рэем. Может быть, даже поговорить с ним.

— С каких это пор ты стала так сильно заботиться о том, как себя чувствует наш сын?

— Может быть, он нашёл Эрлу. Или Эрла нашла его, — Лиара повернулась к мужчине — её глаза сияли каким-то странным светом, будто бы она уже применяла какое-то заклинание. — Понимаешь, я... Я будто бы забыла слепок её чар. Их словно что-то заслонило — что-то сильное, но я не могу поймать, что именно. Может быть, она изменилась за это время, может, магию глушит большое скопление других волшебников.

— А Рэя ты чувствуешь?

— Зеркало засияло, стоило только мне подумать о нём, — покачала головой женщина. — Значит, чувствую. И хочу наконец-то узнать, что происходит с нашими детьми. Иди сюда, мне нужна чья-то кровь для связи. Моя почему-то не проходит.

Дарнаэл вздохнул и неохотно потянулся к одежде, валяющейся на мягком ковре у кровати. Казалось, он предвидел такое развитие событий — даже то, что Лиара могла бы взять крови чуть больше, чем следовало.

Она нетерпеливо косилась на него — будто бы можно было сначала стать жертвой для зеркала, а потом уже одеваться, — но ничего не говорила. Может, смысла не видела, может... Разве это имело значение? Даже Лиара не могла его поторопить — ничего б у неё в

итоге из этой затеи не получилось.

— Будешь перерезать мне горло или вскрывать вены? — любопытствовал король. — Мне хотелось бы знать заранее.

— Просто приложи запястье к верхней руне, мне нужна пара капель. Прижми посильнее, оно притупилось за то время, что я не пользовалась этим зеркалом. Моё разбилось, это отыскивали где-то в кладовой, — вздохнула женщина. — Ещё до смерти Тэзры.

— Разбилось? — он прищурился. — Или кто-то был недовольным переговорами, например, с Халланийской империей.

— Это ты ненавидишь Халланийскую империю, — хмыкнула Лиара. — Мне абсолютно всё равно, что она где-то существует. Но ты не допускаешь даже мысли о том, чтобы какая-то страна превышала твою по размерам и по развитию.

— За счёт сохранения рабовладельческого строя и того, что они придумали револьверы? — усмехнулся Дарнаэл. — Сильная армия при слабом народе — глупая комбинация. Дайте мне достойные корабли, чтобы перевезти туда свою, и от их силы не останется камня на камне. Они сдадутся; когда люди голодают, войско рано или поздно оказывается против них. И в таком случае лучше не быть на стороне государства. У императора Халлайнии, — мужчина зажмурился, — четыре сына и восемь прекрасных дочерей, мне предлагали на них жениться. На каждой по очереди. Вот тебе и повод ненавидеть это место так же, как и я, правда? К тому же, недавно они приноровились сжигать ведьмины чучела.

— Жаль, что они не сожгли тебя, когда ты был там в прошлый раз. Какое неуважение к чужой культуре, — Лиаре было явно не до шуток. — Они не приемлют громкий смех, шутки и то, что твой отряд едва не расколотил половину таверны.

— О, так ты знаешь... Я просто забыл упомянуть императору, что не люблю, когда мне в тишине перерезают горло. Как умирать, так уж с праздником, но тут, моя дорогая, никто с тобой не сравнится. Куда ты там говорила сливать кровь?

Королева жестом указала на руну, причудливую, будто бы колючую, и Дар безропотно прижал к ней свою ладонь. Казалось, давно пора было научиться опасаться всего, что говорит Лиара, соблюдать максимальную осторожность и никогда не выполнять её просьбы, но, живи он в страхе, давно бы уже погиб. А так — Лиара просто придумывает новые трудности, которые надо преодолеть, ничего не обычного, даже довольно весело. Он почти привык к её странному поведению — зачем что-то портить сейчас?

Руна будто бы выпустила на свободу свои иголки — они обожгли ладонь, и мужчина едва заметно содрогнулся, чувствуя, как проклятая магия пытается пробраться под кожу. Он одёрнул руку — капли крови стекали по зеркальной поверхности, он даже и предположить не мог, что из столь маленьких ран могло появиться столько этой алой, отвратительной жидкости.

Магия вспыхнула, впитывая в себя дарованную ей жертву, а Дар бросил на ладонь короткий взгляд — кровотечение остановилось практически мгновенно, а сейчас можно было рассмотреть только красноватый след в форме незнакомого ему волшебного знака.

Лиара покачала головой. Чувствовалось, что она почему-то недовольна итогом — может быть, ждала, что зеркало отреагирует иначе, а может, наложила на него какое-то проклятье. Но женщина только вновь пробежалась кончиками пальцев по ободу из рун, называя поочерёдно каждую из них — быстро, монотонно, тихо. Заклинание со стороны походило на бормотание сумасшедшего; Дарнаэлу вдруг отчаянно захотелось рассмеяться,



словно в том, что она колдовала, вообще было что-то смешное.

Поверхность, отражавшая прежде обеспокоенное лицо королевы, вспыхнула. Казалось, где-то в глубинах параллельных миров, отражаемых зеркалом, кружились бесконечные вихри, пенилось далёкое, незнакомое море с красными, кровавыми водами.

Что-то вспыхнуло — и внезапно вместо алых волн зеркало стало отражать обыкновенную как для королей комнату. Дарнаэл даже мог рассмотреть кусок своего крайне неудобного трона, повешенную на подлокотник корону — так мог сделать только он сам, Рри обязательно напялил бы её себе на голову.

— Мама? — удивлённый голос доносился откуда-то со стороны. — Это ты?

Зеркало как-то сконфуженно отползло чуть в сторону, открывая наконец-то взору королевы молодого мужчину с королевским скипетром наперевес. Вполне знакомый жест — Дар сам часто замахивался этой бесполезной вещью на подлезавших под руку слуг, и те отлично знали, что он ни за что не ударит, только погрозит, а потом сам же над собой и посмеётся, — абсолютно точно убеждал в том, что это не тень, не призрак и не чья-то чужая иллюзия, а вполне реальный их сын.

— Я, — Лиара с облегчением вздохнула, и у Тьеррона-старшего возникло впечатление, что она только что считала, все ли руки, ноги и голова на месте у их сына.

— И, я так предполагаю, эти рука и воротник, что отображает мне зеркало, это часть отца, который опять забыл о том, как надо стать в волшебном зеркале? — уточнил Шэйран. — Если да, то я тоже очень рад его видеть и хочу передать, что его временный заместитель Рри временно замещает кого-то на том свете.

Лиара подвинулась — она устроилась было на каком-то мягком и крайне широком пуфике, на котором с лёгкостью могли сесть две барышни в пышных платьях или два короля стандартного размера — таких, как Галатье, толстеньких и совершенно не любящих занятия бегом, фехтованием и войной.

Дар и Лиара едва-едва занимали его треть.

Шэйран явно был в прекрасном расположении духа — Дарнаэл не так уж и хорошо знал, что именно могло развеселить его сына, но, судя по последним событиям, сбежавшая темноволосая ведьма его всё-таки отыскала.

Зря ребёнку не сказали, что живой. Не маялась бы.

— Рэй, — Лиара запнулась, словно не зная, что сказать своему собственному сыну. Впрочем, Дарнаэл прекрасно понимал это её состояние — трудно говорить с ребёнком, которому ты столько лет повторяла, что он не способен ни колдовать, ни воевать, ни даже принимать за себя какие-либо решения. — Ты не видел Эрлу?

— Эрлу? — парень нахмурился, в его взгляде мелькнуло что-то злое. — Как же, видел. Она здесь.

— И? — как бы отчаянно женщина ни пыталась подавить отчаянное нетерпение в собственном голосе, получалось у неё плохо. — Она...

— Жива, здорова и становится похожей на тебя по характеру, — Шэйран скрестил руки на груди. — Я надеюсь, вы помирились и не держите друг друга в плену в Кррэа, правда?

— Не держим, — голос Дарнаэла в какое-то мгновение прозвучал как-то глухо, словно он вспоминал о том, что случилось. — Ты в столице каким ветром?

— Попутным, — покачал головой Рэй. — Я слышал, из столицы вышли в Эрроку все элитные отряды армии. По пути собрали остатки войска. Они уже у вас?

— У нас, — кивнул мужчина. — Вы б тоже могли присоединиться. Хотя, может и не

стоит — в Эльвенте спокойнее.

— А у вас?

— А у нас грядёт война, — Лиара на мгновение отвела взгляд, осознавая, насколько же велика её вина во всём том, что тут случилось. — С Торрессой, если верить флагам. Они уже скоро будут около Кррэа, и мы даже не можем понять, с какой целью продвигается их армия. Эррока не должна была стать целью мести.

— Зато целью завоевания — вполне, — голос за спиной показался Лиаре поразительно знакомым. — В конце концов, воинство там слабее, и легче устроить себе стартовую площадку с удобными горами.

Незнакомка легонько толкнула Шэйрана в плечо — тот отодвинулся в сторону, пропуская её к зеркалу, — и стояла, сложив руки на груди. На её губах застыла отчасти издевательская улыбка, такая до ужаса знакомая для Дарнаэла.

— Ты не выглядишь удивлённым, мой милый вдовец, — наконец-то проронила женщина. — А ты, моя милая, — она протянула руку, словно собираясь коснуться магического зеркала, — совершенно не собираешься падать на колени. Неужели ты не признаёшь свою богиню? — Эрри грустно вздохнула. Улыбки на её губах больше не было — не осталось и следа, словно она окончательно разочаровалась во всех последователях. — А то в этой стране поклоняются только моему спутнику.

Она смотрела так пристально, будто бы пыталась пройти сквозь зеркало и оказаться в своём старом замке, во дворце в Кррэа, где когда-то умерла, растворилась на главной площади в лучах излишне яркого солнца и осыпалась невидимым прахом.

Её даже не смогли похоронить.

Эрри была ровно такой же, какой её изображали на всех фресках. Красивая, с точёными чертами лица, только волосы короче — как у Сэи. И острые уши, отличающие её от любого человека, которого только могла знать Лиара.

Королева бросила беглый взгляд на Дара — и скользнула по его руке, словно проверяя, нет ли там венчального браслета.

— Нет, мой милый вдовец уже снял свои оковы верности. От его супруги и вправду остались только кости и прах. И воспоминания в моей голове — но только они. А вообще... берегитесь войны. Постарайтесь сделать так, чтобы пролилось меньше крови, — она говорила почти серьёзно, но почему-то в тоне всё ещё чувствовалось жуткое желание всё развалить. — Источник не вечен, а мы, надеюсь, скоро будем там. У вас.

Зашипело зеркало — и хотя Шэйран, отстранив Эрри, ещё пытался что-то сказать, Лиара больше не услышала ни единого слова.

— Мне казалось, — она вновь провела ладонью по рунам, замыкая круг и заставляя зеркало вновь стать обыкновенным, — что мужчина должен хоть немного удивиться, когда слышит новость, что был женат на богине. Это довольно логично, Дарнаэл, быть шокированным, отпрянуть от этого кошмарного зеркала...

Он молчал, и почему-то Лиаре больше никакие иные доказательства не требовались. Одного взгляда на мужчину хватало с головой.

— Ты знал о том, что она богиня, — наконец-то выдохнула она. — Потому ты совершенно не поражён — ты просто был в курсе.

— Да, — послушно согласился Дар.

— И давно?

— С той поры, как увидел ещё раз фреску. Они удивительно похожи.

— И ты не сказал мне ни слова.

Он лишь рассмеялся — как-то рвано и резко, будто бы не понимая, чего она могла от него ожидать после того, как столько всего натворила сама.

— Лиа, я и не мог тебе ничего рассказать, — наконец-то промолвил он. — Как минимум потому, что в те минуты ты очень активно пыталась меня казнить.

Она поднялась, словно не желая больше сидеть рядом.

— И ты даже выбросил венчальный браслет, — наконец-то выдохнула она. — От самой богини.

— Мне кажется, тебя должно больше расстраивать то, что я был на ней женат, чем то, что совсем недолго был несчастным вдовцом, — Дарнаэл тоже встал и бросил на Лиару короткий, равнодушный взгляд. — Но религия для тебя всё ещё куда важнее, чем всё остальное. И осквернённый образ идеальной богини... Что может быть хуже, правда?

Она даже ничего не сказала — ударила его по лицу. Пощёчина получилась какой-то удивительно звонкой, громкой, почти издевательской, но на мужчину только шире улыбнулся.

— Научись принимать правду, Лиара. Она — это просто эльфийка, которой ты молишься всю свою жизнь. Эльфийка, что так же, как и ты, не может хотя бы иногда просто наслаждаться жизнью.

\*\*\*

С той поры, как погасло зеркало, она больше не сказала ему ни единого слова — всё вспоминала о том, как он жутко осквернил прекрасный, светлый образ богини. Дарнаэлу было отчего-то смешно — женская ревность всегда казалась ему в исполнении Лиары дикой, нелогичной, такой... Странной. Она ведь отчаянно искала себе оправдание — говорила, что вся проблема в богине, в том, что он посмел испортить жизнь какой-то ещё женщине... Какая разница?

Думать об этом не хотелось. Он знал, что Лиару не исправить — только можно наблюдать со стороны, ждать, что ещё она сделает, как попытается доказать свою бесконечную правоту. Разумеется, она сейчас злится из-за богини, но это не имело значения. Там, совсем-совсем близко, чужие армии, их страны вот-вот рухнут под давлением чужой магии, а противопоставить нечего. А ещё — они несколько недель жили с уверенностью в том, что с их детьми что-то случилось.

И то, что Шэйран сейчас жив и здоров, не означает, что так же было и тогда, несколько дней назад. Лиара, конечно, волшебница, но не столь сильная, чтобы снимать иллюзии на огромном расстоянии.

Столица давила — высокие стены бесконечных храмов, скитающиеся новички и ветераны, всё это было так для него непривычно. Хотелось вырваться на свободу, туда, где вместо сплошной серости можно было вдыхать свежий воздух и чувствовать, что сердце бьётся, а не лишь пытается удержать привычный ритм — подальше от смерти.

Дарнаэл понимал, что испытывает разве что сплошное раздражение от всего, что его окружало — даже от собственного войска. Лиара молчит, будто бы это панацея от всех бед, армия — мечтает о битве, не представляя себе, с каким именно врагом им придётся столкнуться. А дети вообще на другом конце континента, и, зная чрезмерную деятельность, которая, кажется, в крови у них — это семейное — добра в Эльвенте тоже ждать не стоит.

Врата столицы ему открывали охотно — если пытался выйти. Сейчас, правда, на страже были его же воины, но ещё полчаса — и пересмена, мало ли кого поставят. Дарнаэл лишь

сухо кивнул двум юнцам, бойко отсалютовавшим ему шпагами, и медленно двинулся вперёд, по зелёной, ещё не увядшей под ярким солнцем траве.

Утром было ещё холодно — в Эльвенте в августе жарче, чем тут, среди гор, хотя Кррэа было ещё достаточно далеко.

Удивительно, как давно он не был в собственной столице. Конечно, прежде Лэвье никогда не казалось Дару местом, где он хотел бы жить, а стоило покинуть город против собственной воли, как он начинал скучать и по своему народу, и по пресловутым “Двум Берёзам” у дворца. Ещё б не надо было сидеть на троне и таскать на голове отвратительнейшую корону — было бы вообще замечательно, но, увы, даже у королей есть определённые обязанности, которые они обычно терпеть не могут.

Местность вокруг Кррэа была холмистой — правда, Дар знал, что такой рельеф распространялся с совсем малым радиусом, но ветра тут — будь здоров, особенно если стоять на вершущке. Горожан закрывали высокие стены, укреплённые ещё лет пятьсот тому назад, когда только-только образовалась Эльвента.

Мужчина двинулся вперёд, вдыхая чистый, свежий воздух, в котором не было ни капли этих отвратительных религиозных масел и ещё какой-то гадости, что её разбрызгивали обычно в храмах. Вряд ли богиня Эрри так уж сильно любила всевозможные духи, чтобы мечтать о подобном поведении прихожан, но её, равно как и Дарнаэла Первого, никто о предпочтениях не спрашивал.

Казалось, увидев богиню, осознав, что его собственное божество тоже блуждает где-то по миру, он должен был уверовать во всё это и броситься в храм — бить поклоны. Но... Эрри — обыкновенная женщина; сколько б она ни была сильной, бессмертной, она не становится чем-то невероятным. Да, эльфийка, но больше ничего особенного Дар, сколько ни старался, найти в ней не мог.

Его женитьба на Сэе должна была подарить ему Лиару. Надо же, проклятая не солгала, они и вправду тут, вдвоём, почти что вместе. Вот только такой свою королеву Тьеррон хотел видеть меньше всего. Бесконечная вера в какие-то глупые, опостылевшие ему идеалы храма давно уже начала раздражать, а Лиа скрывалась за своей религией так, будто бы та и вправду походила на высокие каменные стены замков или городов.

Ветер бил в спину — так, словно толкал вперёд. Но тишины не было и здесь; стоило только взойти на холм, как Дарнаэл почувствовал себя пленником своей собственной армии — он терялся в бесконечных приветствиях и в тихом, но вполне различимом гуле военного лагеря.

Следовало идти дальше, но от своего народа не убежишь никуда, разве что на тот свет. Они ещё не понимают — быть сильной армией недостаточно для того, чтобы свергнуть сумасшедших, которых ведёт магия. Если Торресса нападает своей силой, то это даже не соперник.

Но достаточно ли они глупы, чтобы так поступить, эти абсолютно не воинственные люди? У них ведь нет своего сумасшедшего короля, который бы постоянно толкал вперёд, заставлял драться — и побеждать каждый раз, как они сталкивались с чужими армиями. У них есть только толстый и немного недолугий Галатье.

— Ваше Величество! — оклик заставил его обернуться — потому что надо всегда реагировать, когда тебя зовут твои подданные. По правде, это надоело ему меньше, чем бесконечные ссоры с Лиарой — может быть, стоило в очередной раз удариться в мировую политику.

Желательно после того, как всё это закончится.

Мальчишка был бледен — и казался младше его собственного сына. Лет восемнадцать, не больше; таких редко берут в армию, а других эльвентцев тут просто не было. Да и светлые, почти белые волосы, отчаянная белизна кожи и испуг в глазах выдавали в нем одного из жителей Эрроки, может быть, из каких-то северных деревень.

— Что? — Дарнаэл посмотрел на него, не сумев выдать из себя и тени улыбки — плевать, что его только что назвали “Величеством”. Лиара могла бы радоваться этому обращению в Эльвенте, наверное, но Дар не был столь наивен — просто парень опасается, что солдаты отреагируют на него как-нибудь не так за оскорбление короля. Да и как он к нему обратится? “Эй”? “Погоди, чужой король”? “Я ненавижу тебя, но у меня есть новости”?

Нет, разумеется. Все эти фразы существуют разве что в фантазиях Лиары, а те далеко не так безоблачны, как должны бы быть.

— Там... — он ткнул пальцем куда-то на лагерь. — Вас ищут. К вам... Там говорящая змея!

— Кто, прости? — Дар вздохнул. Всё это походило на какую-то злую шутку — сначала говорящая эльфийка-богиня, теперь уже и говорящая змея. Что дальше? Лиара, признающая свои ошибки, Шэйран во главе армии или Эрла замужем за каким-нибудь злейшим врагом её матери?

— Змея, как в божественных легендах! — глаза парня светились то ли счастьем, то ли диким ужасом, и он всё тыкал пальцем в сторону ряда костров. — Ваше Величество, они просили привести вас...

Дарнаэл вздохнул. Просили, как же! А если бы он не вышел из города? Его б так никто, скорее всего, и не нашёл.

Парень, казалось, спешил, будто на пожар — всё мчался и мчался вперёд, не в силах приостановиться хотя бы на несколько секунд. Дарнаэл на бег, впрочем, не срывался; говорящей змеи ему вполне хватало и в спальне, Лиара имела чудную способность обращаться в неё безо всякого волшебства.

Но до пресловутой змеи они и без того добрались слишком быстро. Мальчишка будто бы растворился в толпе чужих солдат, только указав рукой на людей, с которыми должен был поговорить Дарнаэл; никакой змеи больше не было — лишь светловолосая девушка и вполне знакомый посол Торрессы.

Эльфийка — не следовало и гадать, чтобы понять это. Острые уши, чуть раскосые глаза и какой-то странный, будто бы уставший и постаревший вместо тела взгляд.

— Ваше Величество, — она выпрямилась, отталкивая Бонье со своего пути, тоже измученного и дрожавшего. — Я рада, что вас всё-таки нашли и привели сюда. Это я та змея, о которой шла речь.

— Я не замечаю никакого сходства со змеёй.

Она только коротко вздохнула, не позволяя себе ни минуты грусти — будто бы для этого у неё не будет времени после.

— На это нет времени. Вы знаете, кто ведёт армию Торрессы? — он лишь отрицательно покачал головой на эти слова. — А вам следовало бы узнать, перед тем, как решаться на войну. Мы можем найти место, где нам не помешают?

\*\*\*

Бонье никогда ещё не выглядел таким потерянным. Дарнаэл несколько раз сталкивался с ним в Эльвенте, один раз — в Эрроке, когда силком выволок из комнаты Лиары, разрушив

все отчаянные надежды на незамедлительный союз. Но сейчас, казалось, на его глаза постоянно наступали дикие, глупые слёзы — солёные капли то и дело стекали по щекам, стоило только кому-то обратиться к нему.

Эльфийка, представившаяся Нэмиарой, тоже была бледна. Сражение с божеством, призывающим её, невозможно было выиграть, а она всё равно пыталась это сделать, отлично понимая, что другого шанса не будет.

— Я не знаю, как ему удалось украсть магию и призвать нас, — закончила свой рассказ она. — Но Тэллавар — это самый страшный соперник из всех, кого мне доводилось встречать в этой жизни. Даже сама верность религии теперь под вопросом. Верующим будет хуже всех, и... — девушка запнулась. — И армию Торрессы не остановить.

— Армию вполне может остановить правитель государства. Я сомневаюсь, что Тэллавар толкнул их на эту войну сам.

— Нет, — Бонье за это время не проронил ни единого слова, а теперь вот вмешался в беседу. — Нет, войну устроила мама. Королева Марисса.

Его не ужалила змея, но выглядел он, тем не менее, очень болезненно, будто бы нуждался в своевременном лечении, но так его и не получил. Здесь, в комнатах эрроканского дворца, он казался всё таким же испуганным, как и прежде.

— Любой король способен остановить свою армию, — Дарнаэл вздохнул. — И, так или иначе, нам нужен официальный представитель власти, чтобы заставить солдат одуматься. Но неужели это действительно может помочь?

Нэмиара кивнула.

— Если призвать их к здравому смыслу, уверена, это подействует. Это может сделать Бонье — я потому и привела его сюда. Ведь у Тэллаваара не абсолютная власть, только так, зачатки. Он ещё не вошёл полностью в силу, и если отобрать у него войско, может быть, остановится хотя бы на некоторое время.

Дарнаэл посмотрел на неё крайне недоверчиво, но возражать не стал. Его войско остановилось тогда. Но он сомневался, что это сможет сделать кто-то другой.

— Я не могу, — Бонье отвёл взгляд. — Ни я, ни мама... Мы не представители власти, мы так, — он запнулся. — Узурпаторы.

— И где же король? — Дар пристально смотрел на эльфийку, словно это она была свидетелем, а то и участником всех тих событий.

— Король? Король в темнице, — посол опустил глаза, словно надеялся на то, что его не настигнет какое-либо наказание. — И только он действительно имеет право остановить армию Торрессы. Если б его найти... Хотя бы для того, чтобы он показал, насколько незаконной является эта война!

Нэмиара фыркнула. Пусть это была её идея — попытаться остановить армию миром — считать её идеальной казалось Дарнаэлу глупостью. Но если армия и вправду ждёт короля, который посмеет её остановить.

— Нельзя проливать кровь, — эльфийка обняла себя руками за плечи и покачнулась, словно пыталась оставаться спокойной. — Тут нужен король Галатье. Он поможет восстановить равновесие.

— И как вы предлагаете его отыскать?

— Он в темнице там, в Торрессе, — вздохнул Бонье. — В башне. Там довольно много стражи и... И это реально.

Он ещё раз посмотрел на Нэмиару, понимая, насколько это опасно — идти туда.

Насколько глупо — соваться одному в чужую страну.

— И это поможет? — наконец-то проронил Дарнаэл, понимая, что нет. Ничто не поможет. Армия Торрессы слаба, но под руководством отвратительного Тэллавара она может получить куда больше мощи, чем Эльвента и Эррока в случае объединения.

Нэмиара лишь неопределённо пожала плечами, будто бы в который раз задаваясь вопросом, стоило ли ей сюда приходить.

— Поможет. Я чувствую. У меня было видение, Ваше Величество, — наконец-то вздохнула она. — Если вы... Только брать с собой кого-либо...

Он и так это прекрасно понимал.

\*\*\*

Она стояла на коленях перед фреской с изображением своей Богини и неистово молилась. Острые эльфийские уши сейчас казались не привилегией, а самым страшным наказанием — от Нэмиары осталась одна только тень.

Как глупо было верить! Каждое из этих видений, каждое из слов, произнесённых ею, каждое из действий — это всё указание свыше. Но когда король Дарнаэл вбил себе в голову что-либо, разве его можно остановить? Они просто сказали “иди”, а принять решение мог уже он сам, наверное, вот только почему-то девушка не осознавала тогда, каким оно будет. А разве мужчина поступил бы иначе, если ему не хотелось видеть ни собственную армию, ни женщину, которую он любил?

Вся эта бесконечная игра с попытками доказать что-либо... Конечно, Галатье мог помочь. Но Тэллавар нашептал ей эту мысль, внушил — что короля следует послать туда, одного, на верную смерть. И Нэмиара не смогла бороться. Она тогда видела это как альтернативу убийства — проклятая покорная Змея, она даже не догадывалась о том, что творила! Осознание пришло запоздало, тогда, когда хозяин, этот отвратительный вор, позволил ей принять правду.

И Бонье... Этот жалкий мальчишка, которого она приволочила в Кррэа — зачем он тут? Могла прийти сама, а не даровать им торресского посла. Но уже сделала то, что собиралась — и ей никогда не будет прощения. Как она могла называть Тэравальда трусом, если сама оказалась ничуть не лучше? Безвольное, пустое существо!

Нэмиара вновь вскинула голову и попыталась посмотреть в глаза портрету богини Эрри, но жуткое ощущение собственной бесполезности всё никак не хотело её оставлять — ни на одну секунду.

===== Глава семьдесят вторая =====

Он протянул руку, пытаясь коснуться полупрозрачной, небесного цвета сферы, что окружала его со всех сторон — и тут же одёрнул пальцы, словно обжётся... И вернулся в реальность.

Магии вокруг не было. Ни капли, ни нитки; Дарнаэл даже не думал, что так свыкнется с нею, что волшебство превратится для него во что-то сродни привычному сердцебиению, которое не прервать и не остановить. Но теперь его сердце окончательно остановилось, а дотянуться до своего дара было невозможно.

Он пропал.

Мужчина только криво усмехнулся. Ну, не надо ведь быть глупцом — он сам вынужден был оттолкнуть волшебство, чтобы оказаться здесь. Был же шанс — поймать нить, которую так легко, так просто отдавал мальчишка. Бери, хватай, воюй!

Этот мир благодаря нему состоял из сплошной ненависти. Почему он не мог быть сам

её воплощением, почему никак не решится воспользоваться тем наследием, которое оставлял остальным? Глупо же. Трусливо даже немного; так просто, так легко отталкивать от себя столпы творения родного континента. В Эрроке и Эльвенте все друг другу — даже страны, — заклятые враги, а у него в соперниках только он сам, как вечный противовес. Эрри, говорят религии, та, что с ним сражается? Нет же, глупость; со своей богиней он мог чувствовать себя только вечно влюблённым.

Даже Тэллавар сейчас сконцентрировался на других соперниках. Ему наплевать на извечные каноны и правила; для него существует только желание получить власть. Больше, чем у него когда-либо было. Больше, чем имеет право держать в своих руках обыкновенный, пусть даже очень одарённый человек.

Магия ведь никогда не пропадёт. Эта боль, сконцентрировавшаяся в ней, весь тот ужас, перенесённый людьми, та ненависть, которую они излучают — сколько лет это вливалось в границу, в кровь будущих правителей? Сколько лет они формировали основу будущего мира, его мощи?

Можно создать идеальную вселенную, где будет царить любовь. Но у этих миров есть свои правила; Океан от себя оттолкнуть может только ненависть. Ненависть, питающая его; боль, сливавшаяся столько лет с волнами безмерной водной глади, творившей прошлые миры. Откуда взялся первый, какой будет последним, сколько простоят их собственный?

Можно создать идеальную вселенную, где будет царить любовь. Но сила, влитая в неё, иссякнет, рано или поздно. И только это скопление ненависти позволит существовать миру, пока дети его сами не разрушат землю под своими ногами.

Мир без законов, без правил, без свода религиозных правил, которые пропишет за него его же творец. Сколько ошибок он сотворил, позволяя силе вырваться на свободу? Сколько всего отпустил, когда пришло время принимать решение?

Разве та капля чувств простого эльфа могла даровать этому клочку земли надежду на счастье?

Он закрыл глаза, вновь попытавшись поймать нить магии. Даже с даром, когда чары пылали в божестве — или в короле, — и смешивались с его кровью, это было довольно трудно. Что уж говорить сейчас, когда колдовства не больше, чем на медную монету — и на ту, наверное, не хватило бы? Дарнаэлу хотелось бы поверить, конечно, в то, что это было временно; но разве за волшебством он сейчас тянулся?

Нет. Ему лишь важно было узнать, что происходит. Слишком долго граница поддерживала волшебный баланс и отдавала ту силу, что была ей лишней, людям. Ненависть имеет свойство копиться, вот и магии становится больше и больше — и даже Дарнаэл не мог сказать, рождается ли она из тех замкнутых стен бесконечного лабиринта, в котором он сам когда-то давно блуждал, или, может быть, всё дело было в чём-то другом.

Были ли эти люди отражением старых теней? Их ведь всё больше, и силы, что выделяется смертным, тоже. Может быть, она уходит на поддержание мира, а может, делает могущественнее одарённых, передаётся по крови или просто так — Дарнаэл не знал.

Он лишь знал, что Тэллавару и наследнику его, Дара, волшебства, Шэйрану, не место в одном мире. Этого слишком много.

Теперь, когда земли отдавали свои силы — что будет? Источник вновь проснулся, источнику нужны кровавые жертвы, а когда крови больше, чем на войне? Ни одно предательство и нож, всаженный в спину, не подарит столько боли и ужаса, сколько подарит пыл одной битвы.



Много крови. Много слёз. Много радости. Победители и проигравшие, предательства и верность. Всё это на войне — один клубок нервов, тонкие ниточки, сплетающиеся в единое целое, и нельзя позволить ни одной ниточке оборваться.

А они позволили не остаться уже ничему.

Он видел прорехи. Прежде магия пылала одной радужной сферой вокруг каждого человека; Дарнаэл раньше вынужден был жмуриться, даже отворачиваться, чтобы не ослепнуть. Теперь он видел серый фон — и периодические вспышки...

Что-то более блеклое, что-то поярче, и...

Вспыхнуло — неожиданно даже, — а после утихло. Мужчина моргнул, тряхнул головой, заставляя себя вернуться к нормальному зрению, и уставился на нарушившего его покой человека.

— Крайне неожиданно — наблюдать божество, шарящее по воздуху посреди тронного зала, — скептически протянул парень. — Ты не собираешься заниматься делом?

— О, Рэй, — хмыкнул Дар. — Ты вновь полон самоиронии, или на этот раз приступ самокритики? Почему такая серость в магии?

Он пылал ярче, чем другие, и Тьеррон не рискнул бы в очередной раз посмотреть на ауру парня. Это ведь умение, доставшееся ему от эльфов, и сейчас прибегать к подобным опасным способам не так уж и хорошо для здоровья, по крайней мере, пока он всё ещё без своей магии. Не следовало вообще смотреть на то, во что превратил мир магический источник; если в нём и оставалось что-то постоянное, то это Шэйран, и у того тоже был спад в волшебстве.

Но Дару что-то подсказывало, что в этом случае влиял не так магический источник, как отчаянное нежелание продолжать развиваться и изучать что-то новое. Рэй от силы запомнил два-три десятка заклинаний и парочку приёмов, а теперь был уверен, что самым простым сможет обойтись в любом случае — почему бы и нет?

— Что, никакой мировой гармонии? — парень устроился на отцовском троне. — Какая ужасная вещь...

— Ты так и собираешься оставаться в Эльвенте? — Дарнаэл скрестил руки на груди. — Сидеть без дела, не пытаться узнать ничего нового, не воевать?

— Я не воин, — пожал плечами Рэй.

— В тебе большой потенциал.

— На деле, во мне ноль навыков, — отмахнулся Шэйран. — Я ж ничего не умею. Да какие к змеям перспективы и потенциал, если я могу вызвать огромный кострище, на котором можно сжечь полстраны, но не умею этого делать?

Дарнаэл покачал головой.

— Становление ни у кого не проходит легко. Ты же ничему не хочешь учиться. Ты и здесь не король, не принц — так, человек, согнавший с трона надоевшего регента, который никогда не пользовался популярностью у народа. Ты ещё и пальцем о палец не ударил, чтобы это изменить.

— Как видишь, матриархат твоей благоверной не пошёл мне на пользу.

— Матриархат твоей матери не пошёл тебе на пользу, — фыркнул Дарнаэл. — И убирайся с трона, если не желаешь править.

— Я желаю, чтобы сюда вернулся мой отец.

— И веруешь, вопреки всей стране, что он ещё жив и способен править?

Рэй смотрел на него — долго, неверяще, — а после расхохотался, словно Первый сказал

что-то смешное.

— О, пресвятой Первый! — фыркнул он. — Жив ли мой отец и способен он править? Моя мать и все её помощницы не настолько изобретательны, чтобы заставить его делать то, что они хотят. Наверное, единственный способ заставить отца погибнуть — это попросить его жить вечно. Но и это вряд ли поможет, потому что он фильтрует запросы, которые должен отрицать.

— Удивительно мудрый человек, — скривился Дарнаэл. — Как же его угораздило влюбиться в твою мать?

— Я ж говорю, всё против правил. Выжить, когда это невозможно, влюбиться в женщину, которую попробуй переживи. Мама однозначно в его стиле.

— Я счастлив, конечно, что ты остришь, — Первый вздохнул, — но было бы неплохо, если бы ты хоть что-то делал.

— А что тут вообще от меня зависит? — скривился Шэйран. — При мёртв, сколько б нам это ни стоило. А магия и её равновесие не в моей компетенции, — парень только раздражённо пожал плечами. — Я не могу разобраться с тем, что изначально от меня никогда не зависело. Я ж не король. Так, — он хмыкнул, — ничего не умеющая паршивая овца.

— Ведь я уже сто раз говорил тебе о том, сколько в тебе клокочет силы. Разве нет?

Рэй хмыкнул. В глазах его, синих, как и у отца — и у предка, от которого он унаследовал свой необыкновенный дар, — плескалось отчаянное раздражение.

— Моя сила — это глупости. Я могу колдовать, равно как и любой достаточно одарённый маг. Больше ничего. Все эти бесконечные резервы, которые можно из чего-то черпать... Ну есть они. И что? — Рэй фыркнул. — Пламя на пальцах и уникальные заклятия — учите им Монику, ей понравится больше.

— У неё нет того, что есть у тебя.

Шэйран закатил глаза. Раздражение сменилось сарказмом, буквально пылавшем в его взгляде.

— Мне, знаешь, Первый, нравится эта фраза. Как будто можно сказать, что во мне есть большее, чем мне кажется, потом запрыгнуть на коня и ускакать в закат. А как пользоваться... ну, это разве имеет значение? — он поднялся с трона, который ненавидел даже сильнее, чем его отец, и подошёл поближе, сложив руки на груди. — Каждому можно сказать, что он рождён для большего, а потом ждать того момента, когда он схватится за скипетр и булаву и поставит весь мир на колени. А если мне не хочется? Ваша магия залетела не по адресу. Отдайте её кому-то. И не надо говорить, — Рэй хмыкнул, — что это хорошо, что я не хочу власти. Я хочу — но только е в моих руках не должно быть. Я не способен. Лентяй с потенциалом — это лишь лентяй с потенциалом, сколько не называйте его великим и всемогущим, но забитым жестокой матерью. Она не такая уж и жестокая, может быть, понимала, кого и чего лишает.

— Понятия не имею, — Дарнаэл повернулся к нему, — как у таких сильных родителей могли родиться пассивные дети? Ведь Лиара с самого рождения повторяла Эрле, что из неё должно получиться что-то могучее, логично, что она не хочет. Но в тебе, Шэйран, жизни меньше, чем в этом троне.

— Ну, вот с тронем мы как раз и схожи, — фыркнул парень. — Половине народу хочется, но устроиться поудобнее не получается, подлокотники мешают.

— И что в тебе играет роль подлокотников? Длинный язык?

— Дурная наследственность. Какая славная была бы игрушка, будь у неё чуть меньше магии.

Дар не рассмеялся. Не стал в очередной раз тянуться к силам, которые отразили бы ему реальное положение дел, потому что это не имело никакого значения.

Рэй уже знал, что может с помощью своей магии — и хоть бы раз в порыве жажды власти или просто желания полюбопытствовать, что именно ему надо сделать, чтобы своими чарами воспользоваться. Дарнаэлу прежде казалось, что это плохо — а теперь он думал, что, может, и замечательно, что парень так реагирует. Сколько лет он сам прошёл к этому осознанию?

— Мы должны найти источник, — промолвил он. — И закрыть его. Если, конечно, ты не хочешь, чтобы этот мир превратился в пыль, равно как и все предыдущие.

— Кто из нас бог, я или ты? — фыркнул Рэй. — Зачем мне это говорить?

— Затем, что утром нужно уходить, — покачал головой бог. — Хочешь ты того или нет, но от долга не избавиться, даже если он просто отвратителен. Я б не отказался, знаешь, сбросить с себя эту гадкую пелену и навсегда забыть об обязанностях. Посвятить хотя бы пару лет личной жизни.

Шэйран ничего не ответил. Он подошёл ко второму окну и упёрся руками в подоконник, будто бы пытаясь высмотреть там, за стеклом, что-то необыкновенное и дивное. Но нет, его встречала только сплошная, равнодушная пустота, и хотелось смеяться — какой смысл во всём, что происходит?

История всегда циклична. Рэю казалось, что такое уже должно было случаться с кем-то другим — не мог же он быть здесь первопроходцем?

— А ведь Дарнаэл Первый, — протянул он, — не был богом. Не помнил своего потрясающего прошлого. Не мог его помнить, впрочем. И как так получилось, что он сумел стать тем, кем все мы его знаем? Создать Эльвенту? И к королевской династии он не имел ни малейшего отношения. Откуда в нём знания о том, как руководить магией?

— Ты ждёшь, что я расскажу сказку о счастливых обстоятельствах, и ты скажешь, будто бы с тобой такого никогда не случится? — Дарнаэл к нему не повернулся. — Сказка не так уж и прекрасна да радужна.

— Ну так расскажи. Страшные сказки для повзрослевших детей, почему бы и нет...

— У Дарнаэла Первого была только мать — и отец, с которым он никогда не ладил, — ровным голосом, будто это отнюдь не его история, начал мужчина. — Не такие уж и огромные амбиции, поэтому, когда ему предложили повоевать вместо одного из родственников тогдашнего короля, он не противился. Но что такое война для мальчишки, вырвавшегося из-под родительского крыла? Всё стирается, превращается в ад; он неплохо фехтовал, но тогда вражеские копья и мечи практически превратили его в решето. Битва закончилась, и маги собирали раненных — вражеские маги, потому что в Дарне волшебники никогда особо не приживались. Врагов не добивали, но некоторых забирали на опыты. И вот, ученик одного из тогдашних Высших наткнулся на тело — и незнакомец, изрезанный, но удивительно целый, — умудрился ожить. Все его раны затянулись, к нему вернулось дыхание, и всё потому, что сила не выдержала рамок. Старик-Высший решил, что он искал именно этого парня; он взял его к себе и передал ему те секреты, что никогда не доверил своему ученику. Он сделал его чем-то новым. Вернул веру в себя, дал шанс почувствовать себя чем-то большим. Вдохнул в него месть — может быть, произвольно, — Дар усмехнулся. — а потом, в одну холодную летнюю ночь, когда эльфы указали на него,

рассказал секрет, что хранил с самого первого дня, как его посвятили в Высшие. Передал тайну, о которой знал теперь только он один, вдохнул в него эти знания. Он рассказал молодому, амбициозному, могучему волшебнику о том, что силы — это не только то, что в нём. Что достаточно только закрыть глаза и вдохнуть воздух — и магия потечёт к нему. Она везде. На ней стоит этот мир. Но больше всего её в людях. Они ненавидят, сражаются, причиняют боль и страдают. Такие спектры! И тогда он рассказал ему, что надо лишь представить себе, как ненависть их превращается в силу. А после вывернуть эту силу, как только её новому господину будет угодно. Прямо в человеке. Он говорил, что магией нужно дышать, что надо осторожно тянуть нитки или сразу, рывком. Рассказал, как от ненависти заставить человека задохнуться, как обратить его желание причинить боль другим в его собственную муку. И в тот момент молодой, несмышлёный маг осознал, что так больше никто не сможет. И маги, хранившие этот секрет, тоже не могли. Только он, потому что творцы решили даровать ему больше, чем он заслуживал. Он не знал о том, что он сам всё это сотворил, не знал о том, кто именно толкнул его в такую реальность. Он просто однажды попробовал — и не смог остановиться. Потому что с такими силами нельзя прятаться за чужими спинами. С такой мощью, что бьётся в твоём сердце, что с кровью разливается по твоим жилам, нельзя быть слугой — только господином. Потому он вернулся, потому он стал королём, потому очаровал лучшую девушку этого мира. Потому он стал королём, что воссоединил под своими флагами огромную страну — и выпустил в этот мир новую силу. Она много лет хранилась в границе, и никому он своих знаний не передал, надёжно скрыл всё, что мог. Пока не вернётся уже с памятью, пока не сбудется пророчество. Пока Высшая и Воин наконец-то не встретятся и не смогут вернуть в этот мир магию, давно утерянную для него. Магию, о которой этой реальности лучше всего было не вспоминать. И Дарнаэл Первый действительно мог ставить армии на колени. Ему и вправду было достаточно посмотреть человеку в глаза, чтобы внушить ему что-то. За его спиной много чёрных секретов. Знаешь, — Дарнаэл прищурился, — что такое проклятье Кэрниссов? Знаешь, откуда шрамы на щеках всех из рода, откуда это клеймо, что пометило несостоявшегося Рри Первого? Откуда в мыслях его убеждение, что не надо бороться? Дарнаэл Первый был страшным человеком, но он сумел себя остановить. Дарнаэл Первый хотел власти, и ему приходилось постоянно сталкиваться с преградами, чтобы не поставить на колени весь мир. А ведь дар его теперь твой. Теперь ты это можешь. Теперь тебе рассказывают дикую сказку о страхе и боли, об ужасе и ненависти. О том, на чём стоит наш мир. Осталось только научиться этим пользоваться, Шэйран, и понять, насколько ты силён. Насколько... Настолько, что никто, если захочешь, тебя не остановит.

— А если я не хочу? — прищурился он. — Если мне всё это не нужно? Просто нормальная жизнь, в которой не будет этого безумия?

— А это не имеет значения, — Дарнаэл вздохнул. — Ты сам должен принять решение. Ты можешь отречься и больше никогда не пробовать. Ты можешь не пользоваться тем, что у тебя есть, уйти, и всё будет идти дальше, как и шло. Без твоего дара мир не рухнет. Без чар вовсе, которые отберёт источник, он тоже устоит. Это не только твой выбор, это глупое стечение обстоятельств. Но что бы я ни говорил, это не твой выбор. Твои родители его уже совершили, когда впервые встретились. Тебе осталось только понять, чего ты хочешь. Никому не предназначено быть великим. Но есть люди, у которых есть выбор.

— И ты расскажешь, как этим пользоваться? — Шэйран, казалось, оживился и даже заинтересовался.

— Я расскажу, — согласился Дарнаэл, — если ты выберешь борьбу.

Он больше не проронил ни слова, а спокойно, равнодушно направился к выходу из тронного зала. Рэй знал, что не должен его окликнуть; в конце концов, было бы глупо ждать от человека, который и так уже всё сказал, дополнительных изъяснений. Он и без того уже всё понял. Может быть, не до конца, но, наверное, этого никто и не требовал.

Пришло время выбирать. Он уже много раз блуждал по этой границе вперёд-назад, так и не сделав решающего шага, теперь у него просто не оставалось возможности отступить. Да или нет — более чем строгий ответ, от которого далеко не отойдёшь.

Рэй вновь посмотрел в окно. Совсем скоро наступит новый день, и первые лучи солнца коснутся дворцовых площадей. Совсем скоро, может быть, этот мир станет привычно временным, а не тем, чем являлся много лет до этого. А может, всё и обойдётся, кто скажет?

Но Шэйран не был глуп. Он знал — нельзя выбирать величие и оставаться здесь. В Эльвенте нечего ловить; страна вечно верна своему королю, если знает, что он где-то там, не имеет значения, где именно, лишь бы живой.

Если он выбирает борьбу, он выбирает источник. Он выбирает Тэллавара, войска вокруг Эрроки, отражавшиеся в зеркале, выбирает своих родителей, выбирает возможность умереть где-нибудь в бою.

Иначе...

Иначе он просто уходит.

Рэй вновь взглянул на небо сквозь стекло. Оно казалось причудливо-бордовым, и на губах парня появилась едва заметная, немного странная улыбка — словно он собирался сказать что-то, но никак не мог решиться на прямой ответ.

...К следующему рассвету, он знал, им уже нечего делать в этом дворце. Что бы они ни выбрал.

===== Глава семьдесят третья =====

Анри думала, источник их отпустил. Перестал хватать за руки, перестал останавливать и больше не жаждал впиться своими отвратительными зубами в горло и сделать несколько глотков свежей, вкусной для него крови. Она хотела верить в то, что всё закончилось, когда останавливалась, а после всё оборачивалось по кругу.

И потом, когда они устали бежать, тени окружили их полукругом. Анри сама не ожидала, что потянется к его руке; Кэор сжал осторожно её пальцы, словно пытаясь успокоить, и пусть удавалось плохо, девушка знала: они не отступят. Слишком поздно для того, чтобы оказаться по другую сторону этих вечных граней.

— Я никогда не думала, — наконец-то промолвила она, — что всё закончится вот так. Мама говорила мне, что воин всегда погибает на поле боя, а не так, как я — ничтожно и глупо.

Тени стояли полукругом. Знакомые — все они будто искали своё отражение в их памяти, а потом возвращались сюда, отчаянно пытаясь захватить открывшуюся реальность, забраться в неё своими грязными лапами, всё истоптать, что только можно, разрушить, разбить.

— А тебе никогда не хотелось умереть уже пожилой женщиной, в окружении родных — дети, внуки, правнуки?

Со стороны Кэора этот вопрос казался необычным, и девушка промолчала. Ей, конечно, многого хотелось; но когда в стране теней уже не можешь сражаться, наступает момент, когда надо просто отпустить прошлое. Любовью и чувственностью себе не поможешь; тени

подступали ближе и ближе, и за таинственным кругом поляны их было так много, что отступать больше некуда.

Сандриэтте не хотелось смотреть на непобедимую, миллионную армию, что окружила их. Ей хотелось расслабиться и позабыть о прошлом, чтобы и жизнь, ускользающая из рук столь неуловимо и быстро, больше не казалась столь горькой.

— Магический источник, — выдохнул Кэор, — просто хочет жертв. Зачем ему битва? Зачем сражение, если можно просто взять своё?

Они смотрели на небо, но видели вместо него хрустальные, сводчатые потолки и безграничные океаны. За руки держались только для того, чтобы не потеряться среди теней, и лежали на холодной, нереальной земле, пока кожу щекотали мягкие травы. Не было больше реальности, и замёрзнуть было нереально, но иней бывших мертвецов постепенно растекался по одеждам и сковывал их невидимыми цепями.

\*\*\*

Они опускали мечи. Они склонялись на колени перед властью, которую им не познать. И вражеское сознание покидало их мысли, стоило только столкнуться с его взглядом. Они все оборачивались на холм посреди долины, на буйствующую зелень вокруг и статуями застывали.

Вот он — ключ. Одно рабство можно вытеснить только другим; кровь, сделавшая зелёную траву красной, не смоеся под каплями дождя, только новое преступление заставит её впитаться в землю.

Они все ошибались, когда думали, будто сила спрятана. Сила уже была в чужих руках, сила затихла, а теперь взорвалась и пульсировала во вражеских, укравших её пальцах. Та, древняя, могучая, она вытеснила разум из умов каждого на поле боя и толкала их вперёд, окровавленных, изрубленных.

...Они даже не заметили, когда им подменили идола. Только приказание в сознании постепенно сменилось мягкой, настойчивой просьбой, и ворованная сила уступила хозяину.

\*\*\*

Магический источник требовал плату. Кэор видел, как шаг вперёд сделали тени, и жить больше не хотелось, дышать больше не хотелось, только Марта тянула к нему свои руки.

Анри тоже кого-то видела. Для каждого тени казались одним и тем же. Они видели ключи в сводчатых потолках, видели, как искажалось, изгибалось причудливо будущее, и хорошо, что повлиять на него не могли — да и зачем? Будущее — вещь страшная, дикая, схватишь — не удержишь.

Магическому источнику осталось совсем немного крови и боли. Просто подойти немного ближе и получить наконец-то ту жертву, на которую он надеялся.

И если тени их поглотят — они знали, — Магический Источник наконец-то получит то, о чём столько времени желал.

— Он будто подсказывает нам ответы, — промолвила наконец-то Анри. — Пытается сказать, что делать потом. Что они или мы должны...

— Но кому передать? — хмыкнул Кэор.

Сводчатые потолки вновь вспыхнули, обратились новым видением.

\*\*\*

Они пронзили его лучами чар. Магия прорезала его насквозь, оставила тонкие следы-щрамы на коже и впиталась, так и не вырвавшись наружу.

Тогда он поднялся и нанёс им сокрушительные удары, за эту казнь, за боль,

причинённую так откровенно и с таким удовольствием.

Они ударили в спину. Магия была сильна, могуча, и она оставила на его коже длинные тонкие линии, словно кто-то отрубил крылья. А потом все порезы и удары пропали, и он вновь стоял напротив, всесильный и наполненный их предательством.

И он ответил на этот удар, и первые, вторые, сотые ряды рухнули подчинённо на колени. И в этой реальности победа вновь оказалась за ним.

Они мечами его рубили, пытаясь победить, и наносили кровавые, бесконечные удары, а он только впитывал в себя ненависть от каждого движения, от каждого маленького шажка, и этой болью наполнилось его тело.

А после он взял огненные стрелы и лук, выстрелил лишь однажды всеми двадцатью, в двадцать отражений в зеркалах перелившись, и они лежали кругом, пронзённые насквозь, и догорали под адским жаром августовского солнца.

Они вызывали его на дуэли и стреляли, уничтожали, испепеляли, а он всякий раз крутил колесо и получал право первого удара, незамедлительного и праведного.

И они трупами падали к его ногам, не успев вкусить и нотки честной борьбы, а потом задыхались в жутких требованиях, которым не было конца и края, с того света.

Они проклинали его, сыпали в спину страшными словами, и он хохотал им в лицо, и чёрные молнии поражали его тело насквозь, но не могли убить.

И вокруг него лежали горы их дымных трупов, и он улыбался, слезами холодными смывая тяжесть греха со своей души.

Они его простили.

И он пал перед ними на колени.

\*\*\*

— Когда-то давно, — промолвила вдруг Анри, и странные картины в воздухе перед глазами растворялись, оставляя только полулик седого незнакомца. Или не незнакомца, она сейчас не была способна узнать даже родную мать, — я думала, что она меня любит. Мама. А теперь мне кажется, что я лишь средство достижения того, что у неё не получилось изначально.

— Когда-то давно мне казалось, что я беру в жёны любимую женщину, что родит мне детей, и мы будем жить в маленьком домике на берегу моря в Дарне. Мы будем смотреть оттуда на прекрасные волны и радоваться жизни. Она будет ждать меня с войны, будет обнимать меня, когда я переступаю порог собственного дома, и будет целовать на ночь детей в макушку и желать им хороших снов, — голос Кэора звучал так сухо и так равнодушно, будто бы не мечта его сейчас звучала, а самый жуткий кошмар на свете. — Но этого всё равно никогда бы не случилось.

— Ничего уже не случится, — ответила Анри. — В конце концов, мы тут умрём, рано или поздно, и что дальше? Мы станем тенью, как и они?

— Да, пожалуй.

— А я бы хотела смотреть по вечерам на морские волны. Я люблю море, — Анри закрыла глаза. — Разве море можно не любить?

— Марта его никогда не любила. В море можно утонуть, море не дарит ей денег и не утоляет её похоть, значит, море было ей попросту незачем.

— Зато море дарит свободу.

— Больше свободы, чем от своей жадности, в жизни не сыскать.

Анри рассмеялась. Прозвучало странно и хрипло, будто бы не осталось ничего, что

держало бы её в этом мире, и тени вдруг стали ярче.

Магический источник должен был рухнуть, когда тени сделают ещё один поток. Не следовало никому говорить ей об этом, она просто знала, что так будет. Просто знала, что их жизни, отобранные этим местом, всё заполнят и заставят эту первозданную магию обрушиться на мир и смести его.

Как он творился? По крупицам из огромного океана собирался континент, разрастались страны, и мир рвался куда-то вперёд, а теперь так просто возьмёт и рухнет. Некому его удержать, некому остановить всё то, что творится вокруг, есть только те, кто будет плакать на задворках реальности.

— А я хотела бы жить у моря в маленьком домике и иногда смотреть на большой дарнийский дворец, — прошептала Анри. — Хотела бы целовать своих детей в макушку, чтобы никогда не снились им кошмары. И воевала бы плечом к плечу со своим мужем, чтобы от начала и до конца — всегда вместе.

Он ничего не спрашивал. Это было и так понятно.

И всё же, его любовь, казалось Анри, несчастнее. Он Марту давно простил, и она тянула к нему руки только потому, что так приказано. Потому, что выхода другого как бы и нет — и не будет, наверное. А Марта... Марта — то прошлое.

Ей повезло больше. Она любила — если любила, — прекрасного человека.

Но Дарнаэл — это пламя. Вечное, пылающее с такой силой, что не зажечься невозможно.

И те, кого он выбирал, были ему под стать. И они тоже горели изнутри.

С ним она могла разве что снаружи — и пепелищем жалких иллюзий рухнуть к ногам человека, что всегда пытался заменить ей родителей.

Она не ему должна была прощать.

Она матери своей должна была прощать.

— В одно мгновение, — она сжала холодное лезвие, выкованное из травы и мыслей, — надо прощать. Но, Первый, как же мне не хочется своей смертью стать последней каплей возрождения этого ада!

Кэор ничего не ответил. Ему и не надо было — они думали в унисон. Они действовали в унисон сегодня.

Анри хотелось сказать, что она и о той ночи не жалела.

Что она хотела бы с ним жить в домике у моря, целовать в макушку их — его, — детей, чтобы им по ночам кошмары не снились, и петь тихую колыбельную младшему, чтобы уснул поскорее. А утром — на поле боя, плечом к плечу, и не имеет значения, на войну ли, во дворец или в ещё один мирный день.

А ему хотелось сказать, что глаза её — чище, чем у Марты. И что она — как то, чего ему хотелось. Куда им пламя, куда им предательство, куда им вверх — им и на земле хорошо было бы.

Вдвоём.

Если не жить, то умирать.

И думали они тоже — одинаково. Защитить. Если не себя — никогда не себя, — то тех, кто там. Кто жив ещё. Кто имеет право на счастье.

Кто позволит миру жить дальше.

И лезвия, холодные, стальные, непонятно откуда — но ведь они воины, верно? — появились в ладонях, попробуй вспомни, что они такое, но убить — возможно.



— Ты же знаешь, — они стояли друг напротив друга, и губы Кэора шевелились едва заметно, когда он выдыхал это короткое признание, — что это для всеобщего блага. Чтобы им — не достаться.

— Прощаю, — согласно кивнула она.

Сверкнуло серебро, и в один голос, с тихим хрипом, он выдохнул “прощаю” тоже.

И в тот момент сводчатый, небесный потолок раскололся на части и осыпался пеплом к их ногам, и только разочарованным эхом посреди океана взвыл Магический Источник.

#### ===== Глава семьдесят четвёртая =====

Пожалуй, любой стране довольно трудно понять принца, почти короля, что отказывается от любого мало-мальски полезного сопровождения только ради того, чтобы отправиться в путешествие в сомнительной компании. И разве страна может оценить своего будущего или нынешнего правителя, что седлает лошадь и собирается в путь с тремя эрроканцами, двумя эльфами и местным бестолковым библиотекарем, что всё реже и реже показывается своим собственным друзьям, пусть и бывшим, на глаза? Разве страна может действительно поверить в то, что этот правитель не сбегает позорно с поля боя, а собирается что-то сделать?

Шэйран, право, слушал их примерно так, как обычно Дарнаэл Второй — только обернулся и с усмешкой отметил, что королю однозначно лучше знать, как ему поступать. Что никуда он не денется — вернётся, когда придёт время. Что оставляет этот жалкий, незначимый залог — белокошую ведьму, готовую сорваться с места в тот же миг, как её пропажу не смогут обнаружить.

И что-то ещё, высокопарное и красивое, но слушали его разве что остающиеся во дворце слуги. Лэвье и так обратилось пустым городом, в котором только холод и можно встретить на дорогах. Надвигалась осень, пусть медленно, неуверенно, и жёлтых листьев на деревьях ещё не сыскать; они все убегали от предстоящих дождей в войны, как всегда, за расширение драгоценной страны или, может быть, просто так. Граждане умудрялись оправдать своих правителей так же быстро, как и осуждали всех остальных.

— Удивительное дело, — Первый осадил коня, когда они оказались достаточно далеко от столицы, — но они готовы верить каждому твоему слову. Я очень сомневаюсь в том, что с Рри было точно так же — граждане тогда, по крайней мере, немного следили за тем, что делает правитель.

Рэй усмехнулся.

— Тебя очень долго не было, Первый, — ответил наконец-то он. — В Элвенте есть только один король, которому будут верить на слово. И если ты представляешься его сыном, больше шансов на доверие, чем просто временным регентом. Все эти правители, советники... На самом деле вряд ли у них есть право голоса.

— Странно звучит, — вздохнул мужчина. — Будто бы страна, в которой нравы похуже, чем в Халлайнии.

— У нас нет рабов, — возразил Шэйран. — Только вольные граждане, что сами выбирают, кто им любимый правитель, а кто — ненавистный. Но с Тьерронами уже многие успели свыкнуться, трудно этого не сделать за много сотен лет. Верно, Эрла? — он перевёл взгляд на сестру, но та промолчала, то ли не причисляя себя к местной королевской семье, то ли просто не желая после всего даже слово молвить родному брату.

Дарнаэл промолчал. Он мог со многим не соглашаться, в том числе с отношением Шэйрана к Эрле, но прошлое не вернуть вспять; как уж выбрали дорогу, так и следует идти

вперёд. Да, девушка многое сделала не так, как должна была, и, может, во многом даже оступилась, и когда сражаться решила впервые в своей жизни, тоже была совершенно не права. Но что поделать? Разве можно действия человека уравнивать под линейку?

Они ехали по знакомой, привычной дороге, излюбленному пути Дарнаэла Второго из Лэвье в Кррэа — и просто к границе между двумя странами, пусть границы никакой и не было. За спинами высился дворец, но с каждым шагом он всё уменьшался, и облик его таял постепенно за глухой листвой деревьев.

После третьего поворота можно было оборачиваться сколько хочешь — а фамильный замок всё равно не увидишь. Но, казалось, обратно, к местам былой славы, тянуло лишь Эрлу — да и то, потому, что она опасалась будущего и в первую очередь свою собственную мать, ожидала, что Лиара Первая в очередной раз попытается навязать ей свои правила.

Эльм же, ехавший к девушке плечом к плечу, казался, напротив, излишне воинственным — и не факт, что против общих врагов.

Что Дарнаэл, что Эрри от этой компании оставили бы только Рэя, да и то, им просто нужен был его дар. Может быть, верную, но при этом ещё и умную, способную думать головой ведьму; точно не принцессу, что своё первое сражение не сумела вывернуть в что-то большее, чем очередное разрушение магического баланса, не свергнутого дворянина, ненавидящего свою же королеву, не полуэльфа, с дрожью отступающего от итогов собственной трусости.

Но не они принимали решение. Не они определяли, кому было здесь место. Не им воевать в этом последнем сражении — последнем, если падет мир.

Последним, если победит Тэллавар.

И, признаться, Дарнаэл не мог ответить на вопрос, был ли Гартро злом. Никто — не был. Может быть, силы в нём и много. Может быть, рухнет от этого Источник, и магия захлестнёт мир.

Но если он раскроет Шэйрану все тайны, пояснит, как колдовать так, чтобы не было шансов проиграть — не сорвётся ли он с цепи? Не появится ли в Рэе то, что так ярко горит в его же отце, эта безумная жажда завоевания? Не утонет ли их мир в крови, когда он сделает свой выбор?

Дар об этом прежде думал. Но ведь он тогда не сорвался, без своих воспоминаний, безо всего, что держало бы его на цепи. У него просто не было никакого желания в очередной раз переступить тонкую линию, границу...

Он пришпорил коня, будто бы надеясь задать темп; спешить — единственное, что они могли сейчас сделать. Да и то получалось плохо.

...Дорога оказалась в очередной раз удивительно тихой. Казалось, Эльвента будто вымерла изнутри, и Дарнаэл не знал, сколько они уже проехали, пусть отчётливо понимал, сколько осталось. Сегодня к вечеру они будут у разрушенной границы. У последнего места, где прорвался на свободу Магический Источник. Для этого тоже не приходилось колдовать, вспоминать о своём даре, утерянном в чужой крови. Дар был его творением, как этот мир однажды обратился в создание его собственных мыслей, боли, любви.

Он виде Источник, он знал, какова его аура на вкус — будто ребёнок, что безошибочно из множества незнакомых женщин определит свою мать, не по её яркой, запоминающейся одежде и не по странной причёске, не по чертам лица, какими б они ни были, а потому, что она пахнет, как его мать, и руки у неё, как у его матери, нежные, добрые, ласковые.

Вот только в Источнике не было ничего доброго. Холод и ненависть — вот что

чувствовал Дарнаэл, безошибочно утягивая за собой всю вереницу последователей, будто на верную погибель или, напротив, настоящее спасение.

Сейчас Эрри оказалась немного позади, что-то тихо втолковывала Монике, словно пыталась развенчать её бывшую уверенность в собственной религии. Хороша богиня — равно как и её мёртвый изнутри послушник-полуэльф.

Кони едва-едва шагали, уставшие после долгой дороги. И Шэйран — на своём вороном, — будто бы специально подъехал чуть ближе к Первому, но так и не задал никакого вопроса.

— Если ты хочешь спросить о том, как на самом деле задействовать твою магию, то это последнее — чему я тебя научу, пока пылает Источник, — Дарнаэл промолвил это тихо, будто бы даже осторожно, так, чтобы за стуком копыт по пыльной тропе не было слышно ни единого его слова.

Рэй протянул руку — не к божеству, а к лесу, — и зелень у обочины этого жалкого подобия дороги потянулась ему навстречу.

— Вот она — магия, на которую я способен, — улыбнулся весело он. — Вот она — та магия, которой я хотя бы могу управлять. А всё остальное — это так, дым...

Дарнаэл лишь усмехнулся.

— А растения, по-твоему, сотворены из чего-то другого, чем весь наш мир?

— Ну, тогда отец бы уже давно покорил все страны на свете, — рассмеялся Шэйран. — Ну, слушай, Первый... Неужели тебе, великому божеству, никогда не хотелось вернуться в то прежнее состояние, когда ты был просто королём? Как в той жизни, единственной, о которой сохранилось хоть что-то?

— Ты и вправду считаешь, что на самом деле у меня были и другие жизни?

— Разумеется, были, — Рэй вздохнул. — Ожил раз — бывает. Дважды — значит, это случалось довольно часто. И Эрри — тоже. Но реальные следы остались только после этой жизни. Король Дарнаэл... Удивительно, вы в этих ипостасях оставили реальные имена, получили свой природный дар... Почему всё другое было не так?

— Может быть, потому, что это были решающие возвращения. Единственное, что позволило нам быть вместе не только там, где прежде было место только хаосу, а и в обыкновенном мире, — Дарнаэл теперь смотрел под ноги своему коню, будто бы опасался увидеть там какую-то кочку.

Шэйран сосредоточиться на зелени не мог. Он плохо чувствовал магию — или не обращал на это обычно внимания, — он был глух к мольбам природы и к тому, как пылали ауры этого мира, да. Но ему хватало и того, что он знал, чтобы понять, что что-то давно уже пошло не так, как следует. И почему-то спрашивать, что именно, не хотелось.

— Ведь мы едем к Источнику, верно?

— С чего ты взял?

— Это логичнее всего. Ты раз сто упомянул о том, что, пока он открыт, ничто не даст моей магии действовать так, как надо. И тысячу — что мне придётся колдовать, сколько б я ни отпирался. Логично сначала отправиться к источнику, а потом, разобравшись с ним, к моим родителям, — пожал плечами Рэй.

— Маг, обучавшийся в Вархве, думает логично. Немного странно для этого мира.

— Позорно наследному принцу двух великих династий не думать головой, — высокопарно отозвался Шэйран, но в синих глазах всё ещё плескалось странное, казалось бы, совершенно неуместное веселье. — Я плохо учился, ты знаешь. Очень плохо. Меня

никогда не интересовали ни власть, ни слава, я был слишком увлечён побегом из матриархата, чтобы всё это успело мне забить голову. Только интересно, насколько смертелен этот ваш Источник.

— Насколько глупы жертвы, что попались в его сети, или насколько они умны, — ответ Дарнаэла звучал туманно, но он вряд ли способен был выразиться немного точнее.

Мужчина лишь обернулся на Эрри, словно собирался сказать что-то и ей, но при этом не проронил ни единого слова, вновь сконцентрировался на том, что было там, впереди. Может быть, он и увидит что-нибудь. Источник, например. Или отрезок своего прошлого.

— А ведь вы с Эрри всегда вдвоём. И не надоедает?

— А твоему отцу надоедает твоя мать? — пожал плечами Дарнаэл.

— Так у них война, а у вас вроде как гармония, хотя я сомневаюсь, что с Эрри может быть спокойно, — Рэй проронил это до того равнодушно, что Дарнаэлу на мгновение даже стало немного не по себе — будто бы наследник его волшебства что-то знал.

— Я всё ещё вспоминаю эту свою единственную стоящую жизнь, — наконец-то промолвил он. — Жизнь, в которой я не стал селянином, вовремя подставившим подножку королю, или глупцом, что умер на поле боя — хотя должен был бы, казалось. Единственную жизнь, которую стоит действительно помнить.

— И ты по ней скучаешь, правда?

— По той жизни?

— По своей жене, — покачал головой Шэйран. — Ты сейчас смотришь на Эрри и думаешь о том, что она была другая, правда? Что всё-таки существует кто-то, кто мог бы с нею сравниться? Смертная и без острых ушей, а всё равно. Мудрее, благоразумнее, не такая пылкая. Верно ведь?

Дарнаэл не смотрел на него. Зелень взвилась ещё выше, словно почувствовав напряжение, и он криво улыбнулся, так и не обернувшись на Эрри.

— Я люблю только свою богиню, — ответил наконец-то он. — Но тот, кого все зовут Дарнаэлом Первым, выбрал для себя другую женщину. А он был слишком ярким, чтобы так просто всё забыть. Лет через сто, двести, тысячу, может быть, в новой жизни, когда мы воскреснем вновь вместе, это будет уже более приглушённым пятном. Но я всё равно буду всегда его — и её, — помнить. Такое не забывается. Ты тоже никогда не забудешь.

— Я ведь смертен, и воскрешение мне тоже не светит.

— Магический Источник ответит на это точнее, чем я, — покачал головой Дарнаэл. — Но я бы не зарекался на твоём месте, принц. Может быть, ещё захочешь жить вечно.

— Зачем мне жить вечно, если все, кто мне дорог, умрёт? — хмыкнул Рэй. — Ладно, родители или жена, но наблюдать со стороны за тем, как угасают один за другим твои дети, внуки, правнуки... Не жестоко ли?

— Жестоко, Шэйран, — усмехнулся Дарнаэл. — Но я же наблюдаю.

\*\*\*

Источник никогда не увидит невооружённым взглядом — он всюду, и в тот же миг, нигде его нет.

Источник никогда не является простым смертным, потому что его предназначение — поглотить миры, а не жалкие их осколки.

Источник невидим и в тот же миг зрим, стоит только представить, что вокруг буйствует не зелень, а сила и магия.

Но нет. Каждая фраза об источнике была самой страшной ложью в их жизни. Потому

что не увидеть эту сине-красную пелену мог разве что слепой, да и то — почувствовал бы, дотянулся бы кончиками пальцев и одёрнул руки, потому что никто, будучи в своём уме, добровольно ни за что не потянется к этой чудовищной пелене.

— Жертвы, — прошептал Дарнаэл, но это звучало как банальная констатация факта; Рэй и сам мог видеть кровь, бившуюся там, внутри.

Казалось, тонкие фигуры теней и тех, кто застрял там надолго или на несколько дней, с чего ж узнать, можно было рассмотреть сквозь пелену.

— Может быть, — прошептала Эрла, тоже спешиваясь, — нам стоит объехать? Ведь есть же как, правда?

Было. Но Рэй не смотрел на то, что тонкая пелена закрывала лишь узкую полосу дороги, что даже особо отходить от пути не нужно, чтобы миновать страшную границу между миром и источником его силы.

Её никто не поддержал, но и возражать было некому. Не Эльму же, остановившемуся в нескольких метрах от пелены, дальше, чем Рэй и Дарнаэл, но ближе, чем Эрла — чтобы не дотронуться случайно до пелены. Не Эрри, почему-то смотревшей с ужасом на распахнувшуюся бездну.

— Нам здесь не место, — промолвила она в ответ. — Будь я хоть сто раз богиня, Дарнаэл, но нам здесь не место. Не сейчас.

Он только коротко, раздражённо кивнул, но не отступил, даже когда богиня подошла поближе и потянула его за руку, словно решив, что место ему именно у этой стены. Они ведь раз выскользнули из страшных объятий вечного забвения. Они создали всё это, чтобы дальше мир развивался сам, они позволили ему вспылать чем-то новым, сильным и чистым. Они вдохнули в него, в конце концов, столько жизни, что теперь было страшно оставлять это на произвол судьбы.

— Видишь, чему ты молишься, Тэравальд? — обратился к привычно стоявшему позади, будто бы бесполезная декорация, полуэльфу Дарнаэл. — Видишь, что на самом деле создало этот мир?

— Глупости какие, — Эрри сжала крепче его запястье. — Разве металл может обратиться в меч, если у него нет подходящего кузнеца?

— Металл и магия — разные понятия, — Дарнаэл подчинился, отступил, уступая место молодой ведьме и сестре того, на кого они возложили столь большие надежды.

Но Шэйран, казалось, уже ничего не слышал. Он только всматривался в кроваво-небесную пелену, но всё ещё не мог протянуть руку, чтобы наконец-то почувствовать ту силу, о которой ему столько лет говорили. По правде, его надо было бы остановить, но — некому.

Дарнаэл устало опустил на траву у дороги, запылившуюся почему-то, и покосился на девушек, что ещё не могли решиться, останавливать ли им Рэя или отступить в сторону.

— Не стоит, — наконец-то промолвил он. — Вы ему всё равно ничем не поможете. Вы ведь из этого мира.

— А Рэй? — в голосе Моники звенело возмущение. — Он такой же маг, как и я. Почему ж я не могу его остановить?

— Твоя магия дарована тебе как чары этого мира. Его же — кроется в этой бездне, — пожал плечами Дарнаэл. — Я б стоял точно так же у стены, будь во мне сейчас хоть капля былой силы. Но даже помочь ничем не могу.

— Это что же за боги, — Моника скрестила руки на груди, и карие, тёмные глаза

сверкали раздражением и гневом, — что все свои долги спихнули на неопытного мальчишку? Решай, пока живой?

— Плохие боги, Моника, — хмыкнул Первый. — Магию на одного мальчишку, войну — на другого. Безответственные даже. Но, видишь, никакого матриархата. Всё мужчины да мужчины.

Шэйран не слышал. Он протянул руку, касаясь кровавой пелены, и зелёные ветви тонкими линиями изрезали невидимое стекло.

\*\*\*

Это была его магия.

Впервые за долгое время. Впервые с того мига, как его вернул к жизни Дарнаэл Первый — и заставил задавать себе все эти отвратительные вопросы, что не дают покоя.

Теперь он понимал, почему так за свой дар цеплялась мать. Понимал, почему его отец раз за разом возвращался на войну, хватался за эфес шпаги, когда можно было позволить отступить за спины стражи и дать им выполнить свою работу, защитить правителя. Осознавал, почему раз за разом Первый твердил, что ему надо лишь однажды попробовать воспользоваться этим.

Потому что когда ты находишь что-то своё, сопротивляться этому невозможно. Невозможно сдержаться, не позволить захлестнуть войне, магии, этой настоящей твоей части захлестнуть с головой, чтобы больше никогда не отпустить.

Он чувствовал, как там, внутри источника, проливалась чужая кровь. Они могут умереть там, внутри, могут — снаружи, теперь Рэй знал, что это не имело значения. Хотя, конечно, в реальном мире их могли бы спасти.

Но где спасать, если и реального мира не будет?

Источник усмехался — у него не было лица, у него не было тела, только кровавая синева вокруг, но Рэй знал, чувствовал эту магию. Вот почему Моника — и все остальные вместе с нею, — повторяли раз за разом, что волшебство — это не его. Их чары были для него серыми и бесцветными. Бесполезными. Он мог вытаскивать свои силы откуда-то из глубин, умел поддаваться и поступать так, как было надо, но дар обращался во всего лишь средство для сопротивления. Он не дышал этим, не мог колдовать так же легко, как и делать в очередной раз вдох и выдох.

А эта сила была его воздухом. Преисполненная чистой ненавистью и болью, сотворившая все миры до этого и их, последний. И она позволила ему ступить в эту пучину, почувствовать себя своим, настоящим.

Его родители принадлежали Эрроке и Эльвенте. Вся его родня, все близкие потерялись там, на просторах континента. И кровь не имела никакого значения, может быть, это стечение обстоятельств. Источнику надо было вложить в кого-то ключ — и он нашёл место в Шэйране.

Кто он в том месте, которое все остальные называют своим домом? Жалкая пешка в условиях матриархата; прячущийся за спинами стражи маг, не умеющий драться в окружении могучей армии своего отца; лишний человек в идеальных условиях стран, что, пожалуй, никогда и не станут для него родными.

А кем он будет здесь? В Источнике его сила; он часть пылающего там, внутри, урагана. Просто уйти — стать ещё одним Первым, потерявшимся в собственном мире?

Ступить шаг в эту бездну значило обрести себя.

Ему было не на что оборачиваться. Что там? Войны, смятение, боги, такие осязаемые и

реальные, отсутствие гармонии и смерть.

Что здесь? Вечность. Вечность, что будет принадлежать ему одному.

Рэй уже почти ступил вперёд, чувствуя привкус крови на губах.

Почему он? Разве хоть один живой человек заслуживает на такой однозначный выбор?

Но там — двое. Двое, что пожертвовали собой для того, чтобы устоял этот мир; двое, которых он ясно видел сквозь эту синюю магическую пелену. Двое, что когда-то тоже были ему дороги, а может, дороги и сейчас. Если он шагнёт в Источник, их жертва не будет бессмысленной, конечно. Но так и останется вечной. Их кровь недоступна магии; в ней слишком много любви к этому миру, слишком много прощения.

Если он вытащит их сюда, на свободу, может быть, у них ещё есть шанс.

Но тогда шанса не будет у него. Уйти, оставить всё это и оказаться в гармонии с самим собой. Что его ждало за кровавыми полосами Источника, там, где такими страждущими взглядами на него смотрели все остальные? У родителей будет ещё Эрла. С Тэллаваром сразится Первый. И Моника...

У Моника навсегда останется её матриархат. Её магия.

Рэй заставил себя не жмуриться, а смотреть вперёд. Видеть, что он выбирает. Понять, для чего возвращается или для чего отпускает. Может быть, жертвы излишни? Разве есть в мире хоть один человек, что не хотел бы стать богом для своего мира?

...Временного мира.

Разве Дарнаэл Первый, отступив от своей реальности, несчастен?

Нет. Но у Дарнаэла Первого есть его богиня, за которой он прыгнул. И создавать миры...

Хотелось почему-то смеяться. Он может сделать этот шаг и получить единение не с собой — а со своей властью. С опостылевшим понятием всеисилия, за которым так гонялась его мать, так легко справлялся отец, утоляя жажду сражения, но не завоёвывая всё новые и новые государства только для того, чтобы царствовать. И куда он ступит? В мир, где его магия будет наконец-то родной, обыкновенной, в мир, которого давно уже нет? Блуждать среди чужой боли, которая для него — всего лишь колдовство?

У родителей будет ещё Эрла. С Тэллаваром сразится Первый. У Моника навсегда останется матриархат.

Где? В мире, который он покинет, ничего уже не будет. Потому что он унесёт из него то, что его же и породило — дар Первого. Дар, который тот с такой неосторожностью пустил в эту реальность, позволил получить его простому мальчишке.

Гармония — это вечные чары? Это свой мир? Но миром тоже надо повелевать. И там отнюдь не будет просто.

Рэй знал, что он не имеет права оправдывать своё возвращение тем, что там были эти двое, которых ещё можно спасти. Но Дарнаэл уже говорил ему — вечность это не только отсутствие страха смерти, это нужда наблюдать свысока за тем, как гибнут твои родители, потом супруга, потом дети, внуки и так до бесконечности. Пока ещё один себялюбивый мальчишка не решит, что ему нужна его сила, и он должен ступить в хаос, лишь бы только оставить за своей спиной одни осколки.

Он не знал, благородными ли были побуждения Первого и Эрри, когда они создавали этот мир. Но его шаг — что бы не случилось с этой жизнью, — будет означать потерю и для него. Дарнаэл говорил, что в Источнике его ждала гармония.

Может быть, и так. Но Рэй знал, что там только ненависть и боль. Никакой шуршащей

под руками зелени... Ни песен у костра с привкусом сражений, ни мелькающей, наверное, раз в столетие в глазах матери нежности, ни возмущённого восклицания, ни одной вспышки в бездонно-карих глазах.

Там его вечность.

Здесь его жизнь.

И Рэй, выдохнув воздух, ступил в кровавую пелену.

Он уже принял решение. Осталось только озвучить его Источнику.

\*\*\*

Моника только тихо вскрикнула, когда он сделал шаг в Источник, а после мир раскололся на части, и кровавая пелена рассыпалась кусками.

На мгновение все они будто ослепли — за кровавой пеленой ничего не было видно, — но Лэгаррэ была уверена, что Рэя она больше не увидит. Что его держит в этом мире? Там, может быть, он хоть обретёт себя.

Но осколки осели — и он рухнул на колени по ту сторону от рассыпавшейся пылью границы со странной, дикой усмешкой на губах.

Там, впереди, лежало двое — в них безошибочно можно было узнать Анри и Кэора, в крови, на последнем издыхании, но всё ещё живых, каким бы парадоксальным это не казалось. Шэйран же, бледный, будто стена, так и не шевельнулся, и Мон, не выдержав, рванулась к нему. Она была уверена, что Первый или Эрри схватят её, не позволят дойти, что там всё ещё есть какая-то прозрачная стена, отражающая иномирье, но нет, ничего не случилось.

И Рэй казался вполне осязаемым — она схватила его за плечи, буквально падая рядом в дорожную пыль, не щадя своё белое платье, встряхнула, что было сил, и Шэйран как-то раздражённо столкнул девичью тонкую руку, а после перехватил запястье, нежнее, чем, казалось Лэгаррэ, он хотел.

— У тебя не получилось уйти? — как-то хриловато и разочарованно спросила Моника.

— Нет, — покачал головой Шэйран. — У меня получилось остаться.

Говорить ему было трудно — подняться на ноги тоже. Но Тьеррон словно вспомнил, что источник отпустил не его одного; знакомые фигуры, теперь залитые кровью, казались ещё одним осколком кровавой пелены.

Он едва дошёл до них — сил не было и вовсе. Моника рванулась следом, но Шэйран словно не замечал этого. В ней всё равно магии не хватит для того, чтобы спасти обоих.

Рана на груди Анри казалась глубже. Она смотрела на него опустевшими светлыми глазами, но видела только родное небо над головой.

— Прощение, — Кэор ещё хватался за жизнь. — Ключ — в прощении...

— Рэй, — Моника вновь коснулась его плеча, когда тот в очередной раз буквально упал в дорожную пыль, сжимая запястья Анри и Кэора — людей, которых знал с самого-самого детства. Может быть, он просто был слишком невнимателен, когда говорил, что в его жизни не было ничего хорошего. — Рэй, ничего не выйдет. Раны слишком глубоки и опасны.

— А на кой мне сдалась эта магия, если я даже не могу помочь им? — раздражённо, грубо отозвался Шэйран. — Что с неё толку?

— Всесильных не бывает. Ты ведь не божество.

— Так ведь это мой выбор, — он отвернулся от неё. — Я всё-таки рассчитываю на маленькое чудо.

— Не в этом мире, — сухо отметила Эрри, подходя поближе, но Рэй будто бы не



слышал. Мёртвых вернуть к жизни невозможно.

В живых вдохнуть силы — вполне.

Он никогда прежде не пытался использовать боль. Свою, чужую... Сила — в прощении; теперь он понимал, почему. Что может сделать тот, кто превращает боль и ненависть в свою магию? Кто может ему противостоять, кроме самого чистого человека на свете?

Его несбыточные надежды. Его усталость и ненависть. Холод в глазах матери, пусть даже поддельный, отец, годами не переступающий порог его дома. Самаранта, в лицо выдыхающая длинный перечень оскорблений, потому что так заведено. Все эти земли рыдали от тиранов и праведников, от войн и длительных перемирий, от войск и королевских налогов. Даже на этой дороге. Даже в этой самой точке.

И он потянул на себя невидимую, почерневшую от чужого горя нить, будто бы мысленно зашивая ею раны на груди. Прощение — так ведь они говорили?

Пора было простить самого себя.

Магия рванулась на свободу — океан, которого он прежде не видел. Океан не в его груди, не там, где были эти стандартные, жалкие капли, а снаружи. В его раздражении, в его сопротивлении. В Монике, что пыталась противиться чувствам ради правил. В Эрри, пылающей жестокостью войны. В Дарнаэле, застрявшем между божеством и королём, роль которого давно уже отыграл. В трусости Тэравальда, в вечном сопротивлении Эрлы, в жажде мести Эльма, стоявших чуть дальше, но всё равно несравненно близко.

Раны медленно затягивались, и колдовство сковывало их своими бесконечными путами; закашлялась Анри, Кэор широко распахнул глаза от боли, неожиданно сменившейся облегчением.

Рэй отпустил их руки и поднялся, стряхнул пыль с одежды.

Недоучка, отличница, два эльфа, принцесса, изгнанник и редкостный трус. Какая замечательная собралась компания — ещё два вернувшихся с того света стражника, пытающихся прийти в себя на пыльной дороге, соединяющей две огромные страны.

— Ну что, Первый, — он расправил плечи. — Я так понимаю, ты рассчитываешь на то, что времени на обучение тебе хватит, пока мы будем ехать отсюда к полю боя?

===== Глава семьдесят пятая =====

Среди огромного моря раскинулся архипелаг. Мелкие островки — почти что камешки на фоне бескрайней морской глади, — спрятались в густом тумане, и дворцовые шпили едва-едва выглядывали из-за него. Медленно ударяли о воду весла торгового корабля — так, лодчонки, если сравнивать с гигантами, прибывавшими в порты Эльвенты и Эрроки, да и Торрессы в её лучшие годы.

Но на такие маленькие кораблики никогда не обращают внимания стражники, ни там, ни там, они быстры и манёврены — отличный способ попасть куда-то, затесавшись среди купцов.

— Хэй! — капитан корабля с некоторым недовольством вдохнул отвратительный для него воздух суши. Множество шрамов выдавало в мужчине бывшего моряка, морской загар — то, что он слишком долго был в окружении одной только воды, а холод и волчий взгляд — бывшего пирата, может быть, захватчика, решившего заняться мирной торговлей. — Выгружаемся!

Он двинулся неспешно по палубе корабля, высматривая купца, что нанял его судно. Тот как раз трясся над очередным дорогим товаром, отмахиваясь от матросов; туда-сюда носились рабочие с корабля и с суши. Купец был богат, а товар его ценен, и не так шелками,

как тем, что таилось в глубинах тканей. Капитана никогда не волновало, впрочем, что именно пряталось в тюках его клиентов; он и сам был человеком не с самой хорошей славой.

Торговец приветливо улыбнулся капитану, словно намекая на то, что ему за удачную перевозку грозит большая благодарность, и покачал головой.

— Тяжелы нынче времена. Эльвента и Эррока в огне — едва вырвались.

— Да, однако, — криво усмехнулся бывший пират. — Странное место — континент.

— Вы коренной торресец?

— Я оттуда, где не принято называть страну, — осклабился мужчина. — Пошевеливайтесь, управиться надо поскорее!

Взгляд капитана вновь скользнул по команде и остановился на мужчине, что равнодушно, уверенно, словно у себя дома, а не на его корабле, спускался по уже спущенному трапу без груза. Одет он был не как моряк — и оков рабства тоже не чувствовалось на плечах. За годы путешествий пират был способен отличить многих людей, но в незнакомце — и что тот позабыл на его судне? — не мог определить ни богатого, но ленивого купца, ни сурового адмирала или генерала с суши, ни какого-нибудь простака.

Он был слишком статен, как на торговца, и в тот же миг слишком свеж для того, чтобы провести всю жизнь глаз к глазу со смертью, и странную, кошачью ловкость капитан видел даже с расстояния.

— Хэй, ты! — окликнул он мужчину. — Хм, — он повернулся к купцу. — Ваш ли? Однако, мы ж говорили, что живой товар нынче не котируется. Да и, — капитан не брезговал работорговлей, конечно, но для Торрессы и континента это было нехарактерно, — вряд ли для этих целей продают кого-то за тридцать. Логичнее было бы по моему кораблю прогуляться стайке юношей.

— Простите, конечно, но я не знаю этого мужчину, — пожал плечами купец. — Всё время был уверен в том, что это кто-то из ваших. Даже не знал, пират ли, или, может быть, и вправду живой товар.

— Поди сюда! — вновь окликнул незнакомца капитан. — Да что такое... Сгодится, конечно, странная порода — но мы не в Халлайнии, чтобы так открыто.

— Я ведь говорю, не мои это. Да и, — купец отступил на шаг, — сажать дарнийца на цепь опасно.

— Однако, в Империи я видел парочку в качестве слуг Его Величества. Не король же отдал своих подданных императору в рабы. Их Завоеватель, конечно, странный правитель, но торговлей людьми вряд ли мается. Иначе мы уж точно были бы знакомы, — пират расправил плечи. — Давно он с нами на корабле?

— С самой Эльвенты, — вместо купца отозвался незнакомец. — Всё ждал, когда меня спросят, чей я буду.

— А ты, небось, гордо ответишь, что свой собственный? — скривился пират.

— Какая банальность, — покачал головой мужчина. — Ну, кому-то же я на этом корабле принадлежу, раз никто не одёрнул меня за те несколько дней, что мы плыли, верно, капитан?

Его синие глаза смотрели с прищуром, раздражённым и в тот же момент преисполненным смехом.

— Для тебя было бы логичнее нестись со всех ног, когда я только-только тебя окликнул, а не подходить поближе, — пожал плечами пират. — Не понимаю, зачем лишний раз искушать судьбу. Лишь бы покрасоваться? Всё равно, равно или поздно, станешь чьим-то

службой или рабом.

— Все мы слуги и рабы. Только у одних есть выбор, кому служить, а вторые вынуждены поддаваться по умолчанию. Естественный отбор, — усмехнулся незнакомец. — Но сколько не сажай дикого кота на цепь и сколько не надевай намордник, у него всё равно ещё будут когти, верно?

— Против всей моей команды? — расхохотался пират.

— А знаешь, что такое вся моя команда? — мужчина с любопытством склонил голову. — Пусть даже они там, по ту сторону моря.

— Думаю, в Халлайнии тебе быстро подрежут язык, — капитан недовольно нахмурился, раздражаясь от явственной наглости мужчины. — И, может быть, что-то другое тоже.

— А я думаю, у императора Халлайнии память получше, чем у жалкого пирата, — передёрнул плечами тот. — Но, боюсь, у меня есть дела во дворце.

— Я тебя ещё не отпустил.

— Дорогуша, — мужчина скривился, — есть рабы статусом выше твоего.

— И кто ж ты?

Синие глаза взблеснули, и незнакомец тряхнул головой, сдувая падающую на глаза прядь со лба.

— Да здравствует наместник Первого на земле, чью б территорию не освятило его присутствие, — фыркнул он, отступая на шаг. Капитану хотелось приказать, чтобы наглеца поймали — но он только внимательно следил за тем, как взблеснул в воздухе кинжал, и недовольно поёжился.

— К какому ж королю ты направляешься, если наш сидит в своих дворцах, запертый в башне под десятью замками по приказу Её Величества?

Темноволосый, всё так же вальяжно и спокойно шагая, спустился по трапу, отвесил то ли шутливый, то ли уважительный поклон, а после уверенно и быстро направился в сторону дворца. Капитан только тихо зарычал.

Когда он узнает, по чьей вине этот мужчина попал на их корабль, он обязательно оторвёт виновнику голову своими руками. Но синеокий дарниец — слишком мелкая птица, чтобы марать о него руки, или слишком высоко летает, чтобы показаться таковой. Пират знал, что верность на суше и гроша ломанного не стоит; зачем рисковать? В море ему было бы не уйти; в море он назвал бы своё имя. В море не сверкал бы сапфировым взглядом, аки редкая драгоценность, потому что один из пучины не выберешься, даже если ты бог. А на суше, когда в руках кинжал, а в голове гуляет ветер, и одним ножом можно переложить половину команды — зачем привязывать к кораблю то, что его ж и погубит?

\*\*\*

Как миновать вражескую охрану в окружении отряда, под защитой волшебников и с лучшими специалистами по маскировке на местности?

Никак.

Но пройти сквозь вражеский лагерь, как обыкновенный человек, тихо, в сумраке, но не в холодной темноте, то никто и не заметит. Да, даже королей не узнают в лицо абсолютно все, особенно если речь идёт о чужой армии, о войске страны, в которой и правитель-то посторонний бывает раз в двадцать лет и не ступает дальше столицы и местного дворца.

И слепые моряки, глупые моря, всё это — за спиной горами забытых мыслей и событий. Так пишется история — тихими шагами, не оставляющими по себе ни единого следа.

Лишнее слово, случайное упоминание о том, где нынче король, о том, как к нему пробраться — неприступная крепость это, в конце концов, всего лишь крепость. Но когда воюешь один, они берут тебя измором, а не ты их.

...Врезался в низкие тучи высокий — и единственный, — шпиль дворца. Где-то там, на цепи, с палачами у двери, доживал последние дни один старый, уставший от жизни мужчина, и его голову жгла забытая пламенная корона маленького морского государства.

Истинный правитель — последнее, что может им помочь. Остановить обезумевшую армию на пороге войны, ведомую страшными чарами и чужой мезтью.

\*\*\*

Подъездные пути ко дворцу не блокировались. Стражи в городе и вовсе было мало — да и откуда ей взяться, если королева и её сын-посол уплыли с большей частью армии куда-то за моря, чтобы разрушить соседнее государство и отомстить за смерть молодой принцессы.

Столица гудела от возмущения; на каждом углу можно было встретить по десятку недовольных и по сотне молчавших, но не отмахивающихся, а внимательно слушающих совершенно непатриотичные речи. То тут, то там королевские стражники, в одиночку жавшиеся к стенам, выкрикивали приказы, но тут же затихали и стремились скрыться в очередной нише в стене, дабы только их никто не затоптал, не вынудил выйти на площадь и выступить уже оттуда с пламенной речью, в которой вряд ли отыщется хоть капля правды.

Садилось солнце, оставляя алые отблески на дворцовых стенах. И тучи — вот-вот грянет дождь, — уже бордовыми клубами наступали на город. Торресса затихла в ожидании молний и грома, и только дворцовый шпиль сверкал в угасающих кровавых лучах.

Постепенно утихала на улицах толчея, люди, только-только увидев первые мокрые пятна на мостовой, стремились разойтись по домам, что бы их не застала гроза. Страха, конечно, в них не было, но никому не захочется простудиться под ледяным дождём, первым для ещё не наступившей осени.

Кто-то задел плечом застывшего посреди дороги мужчину — тот отшатнулся, а после, бросив только кривой взгляд на крестьянина, уже собиравшегося ругаться или, может быть, рассыпаться в извинениях, двинулся вперёд.

— Не стой посреди дороги! — вполне благодушно окликнул его стражник, что стоял у врат во дворцовый сад. — Сейчас поедут кареты, ещё собьют, потом отскребать тебя от мостовой...

— Абы не ваше дворянство, — фыркнул тот, отступая, впрочем, в сторону. — И не драгоценного короля в тюремной повозке.

Стражник помрачнел, но больше не отвечал. Привычка народа — задирать привратников, — давно уже ему надоела, но ничего поделать с наглецами они не могли.

Когда к ним мчалась толпа, было, конечно, страшно, но ведь в столице бунта нет, да и не будет, без короля-то и армии — кому возмущаться против кого? А один путник, особенно невооружённый, ничего не мог сделать против вооружённой стражи.

Ни меча, ни арбалета он у мужчины не заметил. Под накидкой тоже вряд ли что-то пряталось, да и выглядел незнакомец довольно просто. В нём можно было заметить какие-то знакомые черты, но парень лишь покрепче сжал копьё в руках, отказываясь всматриваться в черты лица человека, посмеявшегося нарушить покой стражи. Может быть, если б он сбросил с головы капюшон своего тонкого плаща, было бы понятнее, но и просить человека сделать это без видимой причины вряд ли можно.

Стражник вздохнул и положил руку на эфес шпаги. Незнакомец вроде бы ушёл, и он

успокоился, но отвратительное предчувствие всё равно билось в груди. Сердце тоже сжималось — а ведь сколько раз он тут дежурил, что ж может быть страшного в обыкновенном прохожем, которого и след простыл.

— Надо было проверить, — наконец-то поделился он своим мнением с напарником. Тот, постарше, опытнее, лишь покачал головой.

— Да если их всех проверять, то жизни не станет. Он тебя не трогал даже.

— Закрывать лицо... — торресец недовольно покачал головой. — И акцент...

Темнело стремительно, быстро. Сгущались тучи, и пора было зажигать факелы, но стражник не смел сдвинуться с места. Почему-то конвой всегда казался ему слишком большой ответственностью, чтобы отвлекаться и отступать от привычного статута. Разумеется, возможно всё, вот только парень привык честно добиваться повышения и премий от начальства примерным поведением, поэтому и пальцем не шевельнул, чтобы подойти к факелам.

Его напарник, может быть, и решил бы зажечь факелы вместо заспавших по привычке дворцовых слуг, но сегодня был слишком сердит и опасался, что на него сделают и второе донесение. Поэтому стоял, вытянувшись и незаметно опираясь спиной о стену, и внимательным, злым взглядом осматривал улицы.

Люди уже давно разошлись по домам, и первый предвестник бури — ветер, — уже собрал над столицей все тучи, что только, наверное, были в окрестности. Зашелестел мягко дождь; пока что капли падали редко, будто крадучись, но тишина ночной улицы наполнилась звуками. Стражники прижались к стенам, пытаясь укрыться под козырьком — повезёт ещё, если не в лицо польёт. А уж если обойдётся обыкновенным, лёгким дождиком, то вообще их счастье!

— А что акцент? — пожал плечами мужчина. — Это ж Торресса, а не какая-нибудь маленькая страна со своим говорком в глубинах континента. Тут все говорят одинаково.

— Ну не скажи! Есть ведь наречия. Торресское более грубо звучит, в Эрроке всё звучит плавно, язык совершенствовался заклинаниями, всё-таки, у них очень много магов среди интеллигенции. А в Эльвенте отвечают быстро, иногда слишком резко — военизированное общество. В деревнях и вовсе от старых языков осталось, — он мечтательно прикрыл глаза, представляя себя то ли на континенте, то ли с профессорской шляпой где-нибудь в королевских библиотеках. Лучше б он занимался наречиями, чем сейчас торчал тут, караулил бесполезную улицу.

— И что не так с языком этого мужика? Ты вообще что мог понять по паре фраз?

— Не мужика, — парень повернулся к своему собеседнику. — Мужик на мою грубость что сказал бы?

— Послал, и правильно сделал бы. Или со страхом отскочил, если ещё не в конец обнаглел, — равнодушно отозвался тот. — Ну а этот? Огрызнулся, вот и всё.

— Да как же! — он всплеснул руками, будто бы пытаясь показать, что напарник не замечает очевидного. — Любой селянин или просто рабочий в общем случае ответит если дерзко, то грубо. Это будет скорее оскорблением и открытым хамством. Если ж испугается, то помолчит, и уходить будет не так. А прятать лицо — последнее дело. И ткани дорогие, издали видно, что далеко не рубище.

— Нечего мне делать — рассматривать наряды каких-то жалких прохожих, — скривился мужчина.

— А вдруг это какой-нибудь дворянин? Нас проверяет, скажем? И всё же, акцент

был, — он вновь коснулся эфеса своей шпаги, словно проверяя, оставалась ли она на месте. — Ни открытого оружия, ни чего-нибудь ещё, а ведь чужестранец, я уверена. И речь, речь будто... Рычащее “р”, чёткий слог, мягкие гласные... Знакомый способ выражаться, но это всё глубоко скрыто, может, за особенностями профессии и привычной культурой речи. Человек высокого сословия? Может быть, но не похоже — нет классической дворянской высокопарности. Я бы сказал, что военный, но для военного слишком много изысков — тот бы тоже был грубее. Может, дипломат — но те не дерзят на улицах страже... И всё же, страна, страна! Откуда он? Не так плавно, как в Эрроке, но мягче, чем в Элвенте...

— Дарна.

— Дарна! — воскликнул довольно парень. — Точно!

И только тогда заметил то самое рычащее “р” и странное смешение акцентов, за которым пряталось солнце южного полуострова и кошачьи взгляды жителей Дарны. Вот только за всю свою жизнь стражник узнал только об одном дарнийце, к которому могли бы прицепиться свойства речи и военного, и дворянина — и как же ему сейчас хотелось ошибиться!

Бесшумно осел на землю его напарник, и серая тень теперь стояла напротив парня.

Было темно, не горели факелы, но даже так, во мраке, стражник мог различить черты лица того, кто показался ему прежде незнакомым.

Мужчина прижал палец к губам, призывая к молчанию, и парень сумел лишь послушно кивнуть. Шпага словно сама по себе выскользнула из ножен, оказываясь в руках у незваного гостя, и он шагнул в сторону ворот, перешагивая через недвижимого стражника.

— Что с ним? — только и успел выдохнуть парень.

— Спит, — усмехнулся мужчина. — Тише, языковед. Тебе ещё трудиться в королевской библиотеке.

Парень не успел и вскрикнуть, как невидимое растение толстым стеблем окутало его горло, сдавливая. Уплывало от недостатка воздуха сознание, но он не успел даже захрипеть и не смог воспротивиться — рухнул без чувств на землю рядом со своим напарником, и тут же следы волшебства обратились пылью.

\*\*\*

Врата вели прямо в широкий, с высокими потолками коридор — тут, пожалуй, смело могла бы проехать лошадь. Дарнаэл подозревал о том, что в прошлом, когда дворец окружали высоченные каменные стены, а не витая ограда, пожалуй, в этом был толк. Он и сам бы воспользовался скорее забором, чем оставлял двух стражников за спиной, но отсюда попасть во дворец было куда проще.

Если б в торресском замке Дар бывал хоть чуточку чаще, чем раз в десять лет, и то по крайней необходимости, несомненно, ему было бы куда легче отыскать подходящую дорогу. Но пришлось пользоваться той, которой его в тот раз водили.

Чистое безумие — прорваться сквозь огромную армию под покровом вечера, но не ночи, равнодушно пересечь море на борту пиратского, точнее, уже торгового судна, и почти безоружным блуждать по вражеской столице и нападать на стражу.

Дар не любил пользоваться волшебством; это его изнуряло. Может быть, окажись на его пути враги, мужчина перерезал бы им горло в темноте, переступил бы через покойников и пошёл дальше. Но паренёк так талантливо рассуждал об акцентах жителей континента и архипелага, что Тьеррон не мог подозревать его в каких-либо преступлениях, а убивать одного, чтобы оставить в живых другого — глупость.

Стража дала ему пройти, стража позволила отобрать у них оружие, и им, собственно, вряд ли грозило что-то страшнее выговора.

Удивительно, их ему было даже жаль.

...Но разве это его цель? Истинный правитель остановит армию; истинный правитель — где он? В высоком торресском замке, где шпили рвутся к небесам и прорезают тучи насквозь, у темницы, в которой прячется не красна девица, а пожилой король, всегда много стражи. С кровью на руках или невинными взглядами. Дети или убийцы. Какая разница, кто умрёт первым, а кто — последним?

Он пришёл сюда за этим. За кровью, за болью, за отмщением. За тем, чтобы умереть по пути — и забрать с собой столько врагов, сколько он сможет.

Когда в последний раз Дарнаэл шёл на верную смерть? Когда брал в руки оружие для того, чтобы погибнуть? Когда ему хотелось сложить голову на поле битвы или с глазу на глаз со своим противником, лишь бы не вернуться в своё государство живым?

Лиара много раз пыталась отрубить крылья, которых нет, или перерезать горло кинжалом. Может быть, рано или поздно, ей удалось бы это. Может быть, уже удалось.

Почему он решил, что должен идти сюда? Чарующие речи и очи эльфов — и мёртвый взгляд лучшего друга? Холодное разочарование с оттенком смерти — или тень прошлого в зеркале, даже не его собственного. Вечно в игре. Когда он привозил из Халлайнии шахматы, единственный успех той поездки, то ненавидел короля за его слабость. Но разве королю не положено быть слабым? Могучие ферзи — его прелестная Лиара, — одним шагом пересекают всю доску, убивая всех на своём пути; правитель — главная фигура, он прячется за спинами, и главная цель всего этого — уберечь его жизнь.

Дарнаэл, наверное, всё время делал что-то не так, когда выходил вперёд, пытаясь повести свою армию в бой. Он и сейчас сдавался; вместо воевать там, рядом с ними, плечом к плечу, шагал длинными холодными коридорами дворца во вражеской стране, чтобы освободить человека, не способного обидеть и муху. Не доброго, но бесконечно слабого и не готового рисковать. Был ли в этом толк, помимо его разочарования и шанса умереть за последнее правое дело?

Страна анархии. Страна боли. Страна пошлости и подчинения старым правилам. Страна без веры и власти. Честь невидимой империи, не присоединившаяся к ней только потому, что моря слишком глубоки, а океаны безбрежны.

Он взвесил в руке кинжал и уверенно зашагал вперёд, уже зная, куда следует повернуть. Короли и королевы не ходят тайными путями, иначе он бы взбирался по стенам с кинжалом в зубах и сорвался бы в розовые кусты, будто любовник-неудачник, не сумевший пробраться к хорошенькой принцессе, или наёмный убийца, недостаточно умелый, чтобы проскользнуть тайно в покои своей жертвы.

Дар даже не крался, хотя мог, наверное. Сквозь окна прорывалась во дворец темнота, пылали огненными островками и короткими вспышками факелы на стенах, и шаги эхом раздавались в каменном коридоре. Становилось всё холоднее; вот-вот он окажется у главного входа.

Стража ошетинулась оружием, когда он подошёл вплотную — не тот мальчишка, мечтающий изучать языки, не его уставший напарник, но и не вечные воители.

...Дарнаэл знал — пока первая капля крови не упала на землю, войны не будет. Он не нападёт первым. Будет хитрить и выбирать обманные пути, лишь бы ускользнуть от необходимости выстрелить, ударить, перерезать горло. Он же не хочет убивать, верно?

Этого жаждет что-то другое. Ненасытный, кровавый монстр; почему король ведёт свою армию, кроме как для вдохновения? Кроме как заставить их сражаться яростнее?

Он никогда не любил убивать — если на него не напали первым, если это не было поле боя. Но ведь как кличут его в стране?

Дарнаэл Завоеватель — сам себе армия, и не имеет значения, сколько туманных войск невидимыми шеренгами выстроились у него за спинами.

— Кто ты? — стражник взвесил в руке свой меч. — И почему рвёшься в замок на ночь глядя?

— Я ведь уже в замке.

— Тогда покажи лицо, путник. Чужакам во дворце не место.

Дарнаэл коснулся кончиками пальцев ткани своего плаща — даже не думал, что вновь набросил его, пока шагал по этим коридорам. Или ещё на улице, может быть, пытаясь тенью проскользнуть мимо стражи?

Скользнул по застёжке — и тонкая ткань, для крестьянина стоившая бы целое состояние, равно как и для стражи, стоявшей перед ним, тоже, медленно сползла с его плеч.

Шпага сверкала странными пламенными языками при свете факелов. Стражники сначала покосились на неё, словно считая, что основная опасность — в оружии, ещё не орошенном кровью, — и только после посмотрели ему в глаза.

Наверное, ему было бы уместно заколдовать их. Обратить в камень или пепел, заставить равнодушно отступить или, может быть, просто, неожиданно сделать выпад и перерезать горло, безо всяких чар. Но так не умирают, так подло пробираются к своей цели; Дарнаэлу не хотелось играть в выживание. Он привык выступать чёрными фигурами за жизнь. Всё — или ничего; когда-то королю Эльвенты везло.

Может быть, наступила чёрная полоса.

Он шагнул им навстречу, и стражники не смогли заставить себя спокойно сомкнуть мечи перед ним. Боялись? Не бросились в рассыпную, но осторожно отступили, словно от неизвестного, боясь растаять. Трусость — это ведь Торресса! Кого он жалеет! Жалкий народ, утонувший в собственных желаниях? Он имел бы право перерезать весь этот дворец за то, что они посмели на него напасть. Но воин — не убийца. Воин — это благородное оправдание.

Дверь распахнулась от одного короткого толчка, и только тогда они одумались. Дворец без засовов, ненадёжный, напасть — и осыплется пеплом от одного только удара вражеской армии. Армии, которой у него сейчас не было.

Удивительное совпадение.

— Он один! — будто оживление в чужом голосе, и Дарнаэл не остановился, упрямо шагая вперёд. — Да чего же ты стоишь! Он один! Без армии!

Он обернулся — стражник стоял с луком — где только успел взять? Или у него он был? Целился — прямо в сердце, ведь противник без щита, без защиты, без доспехов.

— А сразиться? — Дарнаэл отбросил шпагу в сторону, раскинул руки, словно ожидая выстрела. — Страшно?

— Какой ненормальный сразится с эльвентским монстром? — руки его дрожали. Не юный, не добрый, трусость — вот она, Торресса. Будто бы в Эльвенте не так.

— Стреляй, — с мягкой улыбкой ответил Дарнаэл. — С каждым моим словом ты думаешь, что уже пора, верно? Что если я вдруг начну давить тебе на жалость, — он опустил руки, — то ты посмеешь отступить и пропустить выпад монстра. Правда? Ты боишься, что



проиграешь в честном бою, что вас — десять на одного, и то мало. А ещё, — он улыбнулся широко-широко, — ты знаешь, что в этом коридоре за дверью ещё пятеро или шестеро, и они успеют перерезать мне горло до того, как я сделаю хотя бы шаг, верно?

Лучник не ответил. Королям вообще не отвечают, их режут — будто бы свиней. Но короткая вспышка, будто бы взрыв — и лук раскололся на две части, а плечо обожгло болью и кровью.

Дарнаэл обернулся, с неожиданной яростью одним взмахом перерезая противнику горло; брызнула кровь, растекаясь тонким слоем по лезвию кинжала, и он вдохнул привычно медный запах, с невообразимым равнодушием принимая очередное убийство, на которое не должен был бы идти.

Ему не надо было смотреть, чтобы знать: тот, за его спиной, опускается медленно на колени, зажимая больную руку. Касается окровавленной в неверии шеи. Не понимает, что случилось, почему так жжёт — ни лезвия нигде, ничего.

Иногда так хорошо, когда страны не слишком развиты, правда, король?

Это не было честным боем. Они нападали со спины и пытались убить, Дарнаэл оказался слишком сильным для тех четверых, что осталось. Для тех троих. Двоих. Одного.

Он не помнил — как и когда, только видел кинжал, по лезвию которого стекала кровь, видел чужой меч — в своих руках, удивительно, верно? И вдыхал тяжёлый воздух, пропитанный кровью, зная об испуганном взгляде за спиной, об опущенном оружии и сломленных луках. О том, что, прежде чем они догадаются, как лечить, один из стражников истечёт кровью. Как близко к сердцу левая рука, державшая лук! Как испуган второй, что бросает оружие и тоже падает на колени, глядит на него, будто бы прося помилование!

Дарнаэл и взгляда на них не бросил. Он просто чувствовал; рождённый для боя знает, что происходит с его противниками. Как давно они мертвы или как скоро отправятся к своим богам — к Первому, к Эрри, да хоть в самую бездну!

Последний отшатнулся. Рухнул на спину — и тоже застыл с молящим, смешанным с дикой ненавистью, взглядом. За спиной — звериная покорность, впереди — человеческая подлость, спрятавшаяся в глубине расширившегося зрачка.

— Я безору... — он не договорил — Дарнаэл с силой вогнал меч в сердце, будто перехватывая последний глоток его жизни. — С-собака...

— Царская, — мужчина вырвал своё оружие и наконец-то посмотрел на того, что прежде стоял у второй двери, дрожащего, не способного и лук взять в руки. — Похоронишь.

От синевы его глаз не осталось и капли моря.

\*\*\*

В бесконечном лабиринте коридоров было тихо. Слуги, изредка пробежавшие мимо, не обращали внимания на силуэт в тени — мало ли, сколько десятков, сотен, тысяч жалких людишек может блуждать по королевскому замку? Меч в ножнах — ножнах, снятых с мертвеца, — уже не отливал кровью. Он был вполне нормальным, если не присматриваться, и даже какая-то девочка улыбнулась лучезарно, пробегая мимо с подносом.

Дар протянул руку, останавливая её, и она содрогнулась; дворянин или военный, если судить по дорогим тканям и выправке, мало ли, чего он может возжелать, что девица и отказать не вправе? И сколько потом предложит за молчание — златом, женитьбой, кинжалом в сердце?

— Где король? — голос Дарнаэла звучал хрипло, и все дарнийские, эрроканские, эльвентские нотки, слышимые чуткому уху, смешались воедино.

— В Эльвенте, Ваша Милость... Королева с сыном...

— Где король Галатье? — оборвал он её.

— В башне...

— Это я знаю, — она отпрянула, не в силах выдержать взгляд. — Мне нужно знать, как туда добраться.

— Так ведь... — она запнулась. — Не знаю, могу ли я говорить, — она и пожалела, что запнулась, дожидаясь не мешка с деньгами у ног, а ножа у горла, но мужчина не шевельнулся и не ослабил хватку. — Можно прямо, но там много переходов, а можно как стража ходит — сначала дойти до входа в башню, а там уж просто, в сторону завернуть, маленькая дверца, и ступеньки будут вести вверх, по кругу, пока не выйдут на единственную площадку — там один только выход, к королевской камере. А вы палач, Ваша Милость?

— Можно и так сказать, — он отпустил наконец-то девушку. — Иди.

Можно было добавить, чтобы она помалкивала об этой встрече, но Дарнаэл так ничего и не уточнил, не оборачиваясь, быстро и уверенно зашагал по незнакомым коридорам, зная, что чем меньше сомнений, тем легче ему будет отыскать путь.

Дворец уже весь спал. Казалось, и стража на рабочих местах тоже присутствовала только номинально; те опирались о стены спинами и, закрыв глаза, дремали, те стояли смиренно, но смотрели опустевшим взглядом вперёд, не способные воспринимать реальность. Те и вовсе рухнули на каменные полы, уставшие или, может быть, пьяные.

Но чем ближе к королю, тем ровнее стоит стража. Тем крепче лежал руки на эфесах мечей, тем опасливее оглядываются они, реагируя на слабые шорохи.

Чувствуют? Знают? Притворяются сонными?

У двери к скрытому коридору — двое. На длинной лестнице, вьющейся вокруг башни — никого, только тени от факелов. Несколько ударов, смутное свечение, темнота и громоздкие тучи, шум дождя за могучими стенами, дождя, что никогда не смоет пролитую кровь.

Он вышел на площадку — последний шаг, и дверь к королю уже прямо перед ним. Дверь к тому, к кому он так рвался — может быть, желая умереть?

Тут был всего один стражник.

Бледный, похожий чем-то на матёрого волка — со шрамами на лице, бывавший в боях, холодный, высокий и статный, кремень — рассыплется после удара или нет?

Дарнаэл замер напротив него, всё ещё сжимая оружие в руках, не сомневаясь — этот узнает. Ключ у него на поясе, и с него станется перерубить или уничтожить — не вражеского короля, но единственный шанс проникнуть к цели.

— Ваше Величество, — он положил руку на эфес своего двуручника, тяжеленного, опасного оружия — кто знает, что толкало его пользоваться этим уже давно устаревшим, но всё ещё надёжным произведением смертельного искусства — вечной войны.

Дарнаэл коротко склонил голову в согласном кивке.

— Помнишь меня? — хриплый голос стражника звучал будто бы из прошлого.

— Есть люди, которых никогда не забывают, — отозвался он. — А ты? Ты помнишь?

— Короля, которому должен был отрубить голову? — он выпрямился и вновь потянулся к мечу. — По приказу его же матери? Разнеженного мальчишку, способного только пить литрами вино и утопать в травяном дурманящем дыму? Помню, — пальцы свободной руки скользнули по шраму, тянувшемуся от щеки и далеко вниз, до середины груди. — Только я его тут не вижу.

Он смотрел не на меч врага, а на прикрепленный к поясу кинжал, тот самый, что

оставил несмываемую линию на теле бывшего дарнийца. Верный слуга его любимой матушки. Убийца.

Сколько было верных? Сколько предателей? Этот выжил. Тогда он уже почти вонзил меч в его сердце, занёс над головой будущего короля — изнеженного винами, дурманами и властью мальчишки. Тогда — получил по заслугам навечно отметину, за которую, может быть, ненавидел себя, а может, человека, что нанёс удар. Дарнаэл не знал; Дарнаэл не хотел вспоминать безумные глаза солдата, отступающего в темноту, единственного, кроме него и ещё двоих его друзей, кто помнил о предательстве королевы.

Сейчас их осталось двое. Больше никто не расскажет, никто не узнает; король давно вернулся на своё место, стражник — остановился у двери.

— Ты не можешь сказать, что ненавидишь меня за это, — продолжил мужчина. — Не можешь сказать, что хотел бы разрушить тот день и стереть из своей памяти. Это твой опыт. Это то, что сделало тебя таким.

— Это то, что могло меня убить, — отрицательно покачал головой Дарнаэл. — И если б не ты, может быть, не было бы этой войны.

— Если б не я, юный избалованный принц умер бы от яда... Или женился на какой-то вертихвостке вроде своей матушки. Ей ты — прощаешь? По крови? — он прищурился. — Или есть другие причины?

Дарнаэл усмехнулся.

— Ты последний, — наконец-то промолвил он. — Последний шаг к моей победе.

— А ты, король, уже не в дурманах, но всё ещё ищешь свою смерть.

Они никогда не встречались в равном бою. О Дарнаэле ходили красивые легенды — эльвентское солнце, Завоеватель — сразу после Первого лучший король в истории своей страны. Армия его непобедима, но одно дело драться с толпой за спиной, или за спиной у толпы, а другое — один на один, со своим прошлым кошмаром. А безымянного — он не мог вспомнить ни единой буквы из имени его, — Дар видел ещё в юности в бою.

Тогда, когда это случилось, стражнику, верному псу его матери, было не больше тридцати. Его лицо не изуродовала эта отвратительная полоса, будто бы у Рри, а на душе не оставило пятно гадкое предательство, но оно ведь уже было в планах, не так ли? Дарнаэл мог поклясться, что да.

Он когда-то ровнялся на него. Хотел быть таким же сильным в бою — а после, когда ненависть перегорела, чувствовал даже не презрение, а слой пыльного равнодушия поверх жажды мести, замершей где-то далеко в его сознании.

— Я пришёл за королём Галатье — и уйду с ним.

— Ты пришёл не уйти отсюда, — возразил мужчина. — Ты пришёл умереть, Даррэ, чтобы тяжесть больше не рухнула на твои плечи.

Если б только их было много! Если б он мог поддаться и почувствовать, как тяжёлое лезвие обрушивается на его голову, как разрубает на части враг... Даже будь они слабыми, если б только он не знал их — он позволил бы себе проиграть так честно, как это только возможно.

Но когда они скрестили мечи, Дар уже загодя знал, что не отступит.

Ему, может, когда-то не хотелось жить. Может быть, тому юнцу, не способному быть человеком, и нужно было забвение.

Но у него осталось слишком много всего в долгах, чтобы остановиться на самом последнем миге кровавой, вьющейся странными волнами дороги.

Стражник был силен. Дарнаэл знал — может, они даже не равны в умении, может быть, он вынужден будет отступить. Такие точёные, строгие, уверенные удары, не характерные для Дарны, в его руках — могучее оружие, бьющее тяжело, так, что немеют запястья.

И он, как тогда — к дереву, — отступающий к стене. Вот-вот оступится, вот-вот упадёт, и предательство тяжёлым крахом рухнет на его плечи. Некому защитить или поддержать законного принца. Некому выжить и порадовать королеву. Некому помешать её правлению.

Всё так легко повторялось. Он всё так же занёс меч, всё так же замкнул его в одном ударе — и тогда в руках юного Дарнаэла дрожало его оружие, и вот-вот должно было бы черкнуть шее, если б не спасительный кинжал.

— Ты одно не учёл только, — хрипло, будто едва удерживая натиск стали меча, проронил Дарнаэл.

— И что же? — в голосе его противника ни боли не было, ни жажды убийства, ни раскаянья.

— Ты дерёшься с мальчишкой из прошлого, — он криво усмехнулся, и сталь прижалась к его горлу. — С силой в руках и ветром в голове. Ты дерёшься с тенью.

— И тень отвечает мне теми же ударами. Кинжал там же, мой принц.

— Ты дерёшься с тенью, — голос Дара был едва-едва слышен. — С тенью принца. Не сражается с тобой не король и не венценосный, — он закрыл глаза, будто бы сдаваясь. — С тобой сражается воин.

Любую скалу разбить можно — не кинжалом изрезать.

И стражник, уже почти доставший своим мечом сквозь неудавшийся блок, с неожиданностью отшатнулся от сопротивления, почувствовал, как слабеют его собственные запястья.

Удар за ударом — ещё миг назад перед ним стоял принц из прошлого, но теперь — того Дарнаэла будто бы уже и не было. Остался Завоеватель, подчиняющий государство за государством, могучими ударами загоняющий врага своего в угол.

С громким звоном отлетел в сторону вражеский меч. Он замер — с лезвием у своего горла. Теперь — наоборот.

— Проведёшь мне другую кровавую линию?

— Ты жалеешь?

— Нет, — стражник криво усмехнулся. — Вторую линию. Я хочу вторую...

И голова его полетела с плеч.

...Дарнаэл склонился, краем плаща стражника вытер свой меч, снял ключи с пояса, и выпрямился.

Агонии не было.

За тяжёлой дверью на коленях в молитве замер старый король Элвенты.

===== Глава семьдесят шестая =====

Тэллавар никогда не был так близок к цели и никогда не опасался так сильно провала. Может быть, виной этому была армия, готовая к бою, может — то, что силы ещё не полноценно пылали в его жилах. Что-то ещё оставалось за завесой, дивное, таинственное умение, то, что ему всегда хотелось получить.

Жажда Бонье, торресского посла — ему не доставало этого. Смешать всё полученное в одном флаконе, и тогда он станет непобедим — разве не мечта каждого, кто хочет восстановить справедливость и сосредоточить в своих руках безграничную власть хотя бы над одним континентом?

Вот только быть божеством было так разочаровывающе... И змеи не подчинялись ему до конца, всё ещё позволяя себе увилывать от обязательств, и ведьмы не склоняли колени — где ж их прославленная вера в Богиню, наместник которой занял своё место рядом с карающей предателей веры армией?

Армией, в которой и шепотка не было о богах там, высоко-высоко, о богах, ненавидимых Тэллаваром, но и ни слова о нём самом, справедливом или, может быть, их жестоком повелителе. Нет, они словно не знали, существовал ли он и вовсе, или просто был где-то там, на задворках их потерявшихся в пустоте воспоминаний. Все эти люди прежде казались Гартро бесполезным фоном, а теперь мрачными красками своей глупости давили на него и заставляли испытывать невероятное раздражение от одного их существования.

— Змеи мои, — он закрыл глаза, опустил в мягкое кресло, наколдованное секундой ранее, и протянул руку. Прохлада чешуи обвилась вокруг запястья — верные его подданные, единственные, кто не мог воспротивиться божественной силе.

Пусть она пока что была Гартро чужой, но мужчина знал — рано или поздно сможет обуздать всё то, чем когда-то владел Первый. Сумеет приручить и использовать в своих целях, каковы бы они не были, и не существовало в этом мире никого, кто посмел бы его остановить.

Это мог бы сделать мальчишка — глупец, что погиб от собственной доверчивости. Сколько в нём было этой устаревшей, умершей почти магии, магии с могильным привкусом ненависти и посторонней боли. Смог ли бы он справиться с этой мощью? Впитать в себя границу, пожертвовать людьми ради того, чтобы теперь пылать бесконечным волшебством? Когда искры сыплются с пальцев, когда дышишь чистой магией, и ничего вокруг больше нет.

Змеи сползли на подлокотники его кресла и теперь тянулись к его шее — чтобы провести прохладными раздвоенными языками по коже, прямо у артерии, чтобы попытаться прокусить грубую от возраста кожу, морщинистую, старую...

Он заслуживал чего-то лучшего. Почему со смертью мальчишки в него перетекли только его чары? Почему не бесконечная синева глаз, не юные черты лица и смольные волосы? Где потерялась молодость покойного? Зачем отдавать жестокому миру ту жизнь, что пылала в нём... Ведь разве одного удара кинжалом хватило, чтобы сломать в юном принце всю его мощь, всё то, что подарило бы ему в будущем ещё сотню счастливых лет?

Тэллавару тоже хотелось привлекать молодых хорошеньких женщин, вызывать ласковой улыбкой восторг. Может быть, ему в юности и выделяли на это время, но зачем? Тогда Гартро ничего не хотел, ему нужна была сила. Он шёл к ней столько веков, что уже, наверное, не раз заслужил властвование в молодом, здоровом теле, без бесконечных морщин, без костей, что крошатся от ударов средней силы, без вспухших ног и болей в голове, без желания присесть вместо того, чтобы быстро и уверенно идти вперёд.

Но это у него ещё будет.

Змеи взвились по широким подлокотникам кресла, прильнули к нему — и холодная змеиная кожа сменилась тёплыми женскими телами, нежными, с бархатной кожей и ласковыми улыбками на губах.

Он склонил голову набок, всматриваясь в глаза Греты, верной его вечной змеи — и презрительно скривился, отворачиваясь.

— Что ты думаешь обо мне, милая? — прошептал он, касаясь её подбородка, словно пытаясь добиться ответа. Тонкое платье её, того цвета, что и змеиная кожа, теперь серебрилось на теле, обвивало его полосами ткани, скользило по коже, делая девушку

привлекательнее в сто крат, но он всё не мог отвести взгляд от её опустевших, глубоких, но не наполненных смыслом глаз.

Сколько лет существовали боги, столько и она влачила по этому миру. Сколько раз они возрождались, столько она приходила в немом служении. Снимала свою память, будто змеиную кожу, раз за разом, будто чистый лист, на котором надо оставить свои знаки. И сейчас, обновлённая, Первая Змея позабыла о верности Дарнаэлу и Эрри и льнула к старой силе, такой знакомой, будто бы единственный оплот в её шатком мире.

— Разве я смею думать о своём Боге? — выдохнула она. — Приказывай, повелитель...

Большой палец скользнул по её губам, тонким, будто нитка, и иллюзия потрясающей красоты рассыпалась. Какая покорность, какая бесконечная верность, пока в его жилах течёт могущество Первого. Какая переменчивость — она лишь вернётся в змеиную кожу, сбросит старую оболочку, Старейшая, переменит тело и воскреснет рядом с новым, будь он истинный хозяин силы или обыкновенный вор.

Она следовала шаг за шагом за Шэйраном Тьерроном, потому что дело её — не позволить силе погибнуть раньше срока. Или она жила у границы, может быть, впитывая мощь своего повелителя?

Змеями становились разные женщины. Змеи погибали, уходили в мир иной, когда просили, чтобы их отпустили... Они все менялись, те — приходили из реального мира, те — оставались верными на долгие сотни лет, пока не устанут. Одни помнили свои долгие или короткие жизни, другие каждый день открывали глаза, чтобы взглянуть на незнакомые миры. Но ни одна из них не была с Богами с самого начала.

Грета скользила след в след, слепая, ориентируясь по силе. Её звали, наверное, иначе, но всё, что могла она — веровать. Веровать и подчиняться приказам.

Он разочарованно вздохнул. Ни капли жажды. Ни капли мести. Только одна слепая верность искрам, что сыплются с его рук, блеску чар, что окружает его видимым змеям ореолом. Старейшая — сколько в ней было пустоты от той вечности, что успела проскользнуть мимо неё, едва заметной ниткой сплетаясь с волосами, выплетая ткани этого платья и серебристой шали на узких плечах.

Его взгляд переместился на вторую Змею — молодую, свежую, пришедшую на его зов неохотно. Её посвятили, будто бы пытаясь отомстить, и в глазах он не видел ни капли сожаления, ни капли желания, ни капли верности. Дикая — дикая роза или просто сорняк? Гибкое, страстное тело, ни капли невинности и чести. Любовница — он мог сказать, с кем она была, но не хотел думать об этом. Какая разница, сколько мужчин возлегло с его новой змеёй? Ему сейчас не нужны были девичьи тела, да и змеи — последние, о ком можно думать, будто об обыкновенных девицах.

Нет, она большее сейчас. Она важнее, чем просто девица, она большее, чем его слуга. Она — материал, податливая глина, из которой так удобно лепить то, что ему нужно.

Тэллавар сейчас не хотел войны, не хотел победы или поражения. Его интересовало только одно — вдохнуть этот поразительный запах юности, молодости, силы, воспылать желанием действовать, вершить что-то, править. Он не мог больше заставлять себя стоять на месте, просто так наблюдать за армией, что рвалась вперёд, ведомая чужим желанием. У него и жажды не хватало...

Как же ярко в ней горела война! Тэллавар чувствовал это, видел, как она дышала пламенем. Своим ли, чужим — кто вдохнул в неё это адское сияние боли, жажды, уверенности? От кого она сумела вспыхнуть желанием действовать, рваться вперёд, ни на

мгновение не останавливаясь?

Гартро не думал об этом. Грубым взмахом руки он столкнул Грету с её подлокотника — та осела на землю, всё такая же верная, и замерла, стоя на коленях и подобострастно глядя на неё.

Он в последний раз посмотрел на неё, такую тусклую и выгоревшую, словно ждал, когда она исправится, попытается быть лучше хотя бы ради своего божества. Но нет — личности в змее не осталось и вовсе. Следуя за магией, отобранной чужаком, она и божественное благословение на вечность потеряла, пожалуй, но оставалась всё такой же оболочкой без собственных желаний. Непревзойдённо покорная, как же хорошо в реальном мире она играла свою роль!

Тэллавар прежде и не заподозрил бы, что она столь безжизненна и пуста. В прошлой жизни — помнила ли её Паррия? — она была такой смешливой, быстрой, весёлой девушкой... В ней что-то дышало, сердце её билось — всё это даровала ей магия границы, магия богов, всегда стоявших рядом со Старейшей. Она же стала почти что частью их семьи, а теперь не смогла отличить тех, кто её сотворил, от врагов их...

— Как тебя зовут? — он провёл рукой по спине змеи.

— Зэльда.

Она так и не добавила это бесконечно оправдывающее её “мой господин”. Может быть, не освоилась ещё — может, просто не знала, что делать. Тэллавар даже сейчас, до ритуала, чувствовал себя рядом с нею каким-то юнцом, жалким, неоперившимся, пылающим желанием получить лучшую женщину на свете.

Но она всё ещё была куклой. Тэллавар прожил достаточно, чтобы отличать настоящих от таких, как эта — и пламя в ней было чужим. Даже не женским.

То, что ему надо.

Он подался вперёд, впиваясь своими сухими, старческими губами в её молодые, пухлые, выпивая всю жизнь одним могучим, сильным глотком. Она ответила на поцелуй по привычке, отдавая всю себя на прихоть мужчины напротив, и пелена, упавшая на глаза, даже не давала ей шанса понять — это не тот, кого она так желала. Не тот, от кого заразилась этим вечным рвением.

Какими же прекрасными были её чувства. Каким же сильным — сердцебиение чужого человека, отражавшегося в ней. Кто умудрился так утопить эту девчонку в себе, если она даже не любила никогда и никого? Тэллавару хотелось бы занять его место — но позже, не сейчас. Сейчас он только делал глоток за глотком, не в силах остановиться хоть на секундочку, тяжело вдыхал воздух, жмурился, не позволяя чему-то новому, невероятному оказаться достаточно далеко, чтобы выскользнуть из его рук.

Она позволила это сделать. Отпустила свой мир на самотёк, и теперь в ней не осталось ничего от того неведомого, далёкого солнца. Тэллавар чувствовал, как тело её обмякает, а губы становятся холодными, ледяными, бесчувственными.

Она тоже сползла на пол, рядом с Гретой рухнула на колени, живая оболочка той, что прежде была человеком. А Тэллавар шумно вдохнул воздух, пытаясь позволить силе раствориться в себе. Как же ему этого не хватало!

Слабеющие пальцы выхватили из воздуха флакончик. Он едва откупорил его — старое сердце билось с невообразимой быстротой. Чью же жажду жизни он испил из Зэльды, если сейчас в нём столько войны?

Сейчас он выбрал бы другую красоту. Сейчас он пил бы не ту любовь. Сейчас он

ухватился бы пальцами в горло покойного Шэйрана Тьеррона и огромными глотками испил бы его жизнь, его страсть, его любовь, до дна — силу молодого привлекательного тела, острый ум и сияние в сапфировых очах. Он вытолкнул бы его из его оболочки и стал бы им — заполнил бы каждую клеточку нового, а не пытался бы вернуть старое к жизни.

Но у него не было юного принца. Была только очаровательность, любовь, красота двух женщин, которую он заглывал, поглощал, впитывал. Сколько лет они ждали этого часа — и он тоже.

А теперь всё закончилось.

Тэллавар запрокинул голову — и закричал, громко, пронзительно, так, чтобы весь мир услышал о его поразительном торжестве, о его победе. Змеи его стояли на коленях, низко опустив головы, но он уже и не смотрел на них, чувствуя, как чужое пламя воскрешает в нём то, что сам уже утерял.

Сердце билось мощнее. В руках появлялась сила, и ноги уже больше не дрожали. Он пылал могуществом своим, пылал уверенностью и силой, в нём было всё, о чём он столько лет мечтал.

Яркие лучи били из старого, измождённого тела, обращая его в новое, могучее, сильное, расщепляя на кристаллики боли его сознание.

...Тэллавар Гартро распахнул глаза, провёл пальцами по щеке — ни одной морщины. Волосы его теперь были пепельными — не седыми, — улыбка казалась юной и прекрасной, и тело вновь вернуло прежнюю мощь. Он сел, выпрямился в кресле, поманил пальцем змей — теперь он был тем привлекательным, молодым мужчиной, что и много лет назад.

И в груди его, будто солнце, пылало пламя войны.

Не его войны.

Войны Дарнаэла Тьеррона.

===== Глава семьдесят седьмая =====

Кони, казалось, чувствовали усталость своих хозяев, тоже едва-едва перебирая копытами. Ночи становились холоднее, солнце садилось раньше, чем прежде. Постепенно Эльвенту и Эрроку окутывала осень, столь незаметная в лесу и такая откровенная здесь, около человеческих селений, городов, деревень.

На них иногда оборачивались, словно ждали чего-то, потом отворачивались, всё так же равнодушно, будто бы и вправду опасаясь гнева неизвестных путников. Некоторые жители деревни по привычке, только завидев белое платье ведьмы, выходили, чтобы посмотреть на благодетельницу, но тут же возвращались обратно в дома. Не бывает такого народа, что не ощущал бы все страхи войны — почему же Эррока должна была стать каким-либо исключением?

Но вскоре тонкая полоса жилых деревень закончилась, вновь сменяясь лесом. Они купили лошадей для Анри и Кэора — те понемногу отходили от случившегося, теряли с каждым шагом свою отрешённость, словно возвращались к жизни, — сменили своих. Злато Эльвенты ценилось в Эрроке слабо, но сейчас, на пороге войны, люди принимали любое — лучше отказаться от лошади за низкую цену, чем отдать её за просто так.

Мужчины провожали Первого и Шэйрана, возглавлявших процессию, грустными взглядами, преисполненными зависти. Смотрели в спины замыкающих отряд Эльма и Кэора, словно спрашивая, за что им такая честь — и как-то снисходительно улыбались Тэравальду, пусть острые уши его и вызывали ассоциацию с эльфами. Может быть, им тоже хотелось занять своё место в этой компании, может быть, хотелось указывать ведьмам, куда



поворачивать и что делать — но разве была сейчас разница, о чём они мечтали и к чему стремились?

Стоило только стене деревьев сомкнуться за их спинами, завистливым взглядам угаснуть за спиной, казалось, пропало напряжение, вызываемое посторонними. Но внутреннее, этот отвратительный холодок... Никуда от него не деться.

Эрри, богиня с их икон, такая ровная и прямая — будто бы пример для своих недостойных последовательниц. Эрла, принцесса — или кто? Нарушившая материнский завет — закон этого мира, слово королевы, — посмеявшая убежать куда-то, покинуть родной дом. Герцог Ламады — изгнанник, которому не место в современной Эрроке. Ведьма, полюбившая мужчину — имела разве на то право? Потерявшийся эльф, заблудившийся в нитях собственного страха и повиновения. Молодой принц соседнего государства — по плечу ли компания? И божество без волшебства, шепчущий на ухо своему ученику новые, запретные заклинания.

...Медленно, холодной тенью стекали по ещё зелёным листьям дождевые капли. Становилось холоднее, близилось время к ночи — но останавливаться они не могли. Казалось, совсем близко цель, город, место, где они были кому-то нужны и полезны.

Шэйран запрокинул голову, позволяя упасть на лицо тяжёлому граду свежей воды, будто бы она могла вернуть ему здравый смысл, хоть какую-то свободу в сознание. Долгий путь не давал свободно, полноценно понять, что именно втолковывал ему Первый — и Рэй то и дело путался в глупых определениях, выслушивая, что и как нужно сделать.

Он немного придержал коня, позволяя Дарнаэлу выехать вперёд, и дождался Эрлу.

— Как общение с богиней? — в голосе его не чувствовалось раздражения, но, может быть, всё это было просто делом выдержки. На самом деле Рэю иногда до ужаса хотелось избавиться от Эрри — может быть, он просто узнавал в ней мамину надменность, самоуверенность, воинственность излишнюю для женщины.

Надо же — он столько лет прожил в Эрроке, а от того, что девушке место дома, а не на войне, от этого вечного стереотипа никак избавиться не мог.

— Замечательно, — сестра отвернулась, словно пыталась что-то скрыть. — Ты наконец-то разговариваешь со мной, как с нормальным человеком, а не винишь в каждом зле, свершённом в этом мире, или мне, глупой, просто показалось?

— Как знаешь, — пожал плечами Рэй. — В конце концов, ты натворила не так уж и много глупостей, теперь, когда всё закончилось.

— Не будь глупым. Ещё ничего не закончилось, — возразила она. — Да и ведь должен ты исполнить своё пророчество, в котором говорилось что-то там о высшем предназначении.

Она умолкла. Шэйран ничего не ответил — он и сам не знал, права ли была мать, говорил ли о том, о чём он думал, Дарнаэл Первый, рассказывая о Воине и Высшей на древнем языке звёзд. Высокое предназначение, затерявшееся в пустоте темнеющих над головой небес, постепенно становилось какой-то пошлостью, излишеством, попыткой заставить человека быть ответственным за то, чего он на самом деле никогда в жизни не совершал.

— Какой с меня человек из пророчества, — раздражённо повёл плечами Шэйран, — если я банальную формулу запомнить не смогу?

За спиной — он был в этом почти уверен, — фыркнула раздражённо Эрри. Для неё он и вправду лишь какое-то пятно на тле всеобщего мира, будто бы и Тэравальд, что всё плёлся бесцельно за ними, пытаясь не потеряться. Как и всякий мужчина — тот же Эльм, не

отводивший от Эрлы пристального взгляда, Кэор, потерянный, далёкий после всего того, что с ними случилось. Ни у него, ни у Анри не осталось воспоминаний о том, что происходило там, между границами реальностей, но они могли в один голос заверить, что случившееся там не пожелали бы пережить и злейшему своему врагу.

— Ты пробовал колдовать? — поинтересовалась наконец-то сестра. — Использовать те чары, о которых вещал Дарнаэл? Ведь он раз за разом повторяет — поймать нить ненависти, попытаться вывернуть её, сделать петлю...

— Ага, будто бы я должен не колдовать, а вязать шаль, — раздражённо ответил Рэй. — Ничего у меня не получится.

— Тебе нужно на ком-то потренироваться.

Парень насмешливо фыркнул — будто бы здесь, среди тех, кому он пытался доверять, можно было отыскать человека, который бы его ненавидел. Дарнаэл говорил, что всё это поразительно просто — вытягивать нить за нитью боль, ужас, скопившийся на дне сердца.

Он повернулся к тем, кто следовал за ним. Улыбнулся ободряюще Монике — словно её взгляд был единственной целью этого жеста.

— Ты думаешь, из них кто-то тебя ненавидит? — фыркнула Эрла. — Ведь Дарнаэл говорил, что на этом основывается твоя сила?

— Он сказал — можно выковать боль из чего угодно, если кузнец довольно мудр. Но у меня ни опыта, ни умений, — покачал головой Шэйран. — Но, впрочем, может, он ошибается — во мне, наверное, и вовсе ни капли силы нет.

— А кто кричал “научите меня” несколько дней назад?

Дождь усиливался. Шэйран запрокинул голову вновь, пытаясь впитать себя целебные капли, но нет — легче не становилось, только всё холоднее и холоднее.

Он с лёгкостью вызывал пламя на пальцах, но не мог заставить ни воздух, ни воду повиноваться себе. Растения, руководимые его силой, вились вокруг пальцев, но ни зверя, ни человека он не мог направить в нужное ему русло. Зачем такая сила? Разве армии можно остановить потоком зелёных листьев? Или, может быть, он устроит им представление с использованием пламени — так его надолго не хватит!

— Знаешь, — протянул парень, — пророчества часто ошибаются. Может быть, у меня и потенциал этот магический только для того, чтобы передать его дальше. Чрезмерная сила — это очень плохо. Тебе повезло, что на тебя не смотрят с желанием увидеть могучего мага. А в тебе этого нет — только обыкновенный человек, нормальный, который хочет того же счастья и спокойствия, что и все остальные.

Эрла вздохнула.

— Я была в таком положении до того, как всё это началось. Может быть, ты и не согласишься, но мне тоже совершенно не нравилось то, как смотрела на меня мама и как шептали это гадское “избранная” в спину.

— Верю.

Шэйран умолк. Казалось, короткая пауза его была совершенно произвольной, словно он наконец-то решил ответить, а слов было слишком мало для того, чтобы окончательно сформировать мысль. Может быть, следовало изменить что-то, может, он перепутал этот короткий ответ, может быть — но нет, менять что-либо было поздно.

За шелестом дождя прятался мрак. Рэю казалось, он уже слишком близко, может быть, наступает на пяты. Холодные, тёплые сгустки боли и зла.

Он так долго пытался уловить их. Так долго искал тех, в ком могла бы вспыхнуть его

сила. Но кто он? Для врага, к которому они идут — мертвец, мальчишка, которого обмануть оказалось так легко.

— Ты, Эрла, когда собираешься замуж? — пытаюсь отвлечься от мрачных мыслей, спросил Шэйран.

— А что, есть за кого? — неестественно рассмеялась она.

Он сжал губы. Боль совсем рядом, дикая, могучая, преисполненная жажды. Кровь. Он чувствовал эту кровь, вдыхал её медный запах, смешавшийся с дождём.

— Ну как же? А твой ламадец? Ты ради него от матушки сбежала.

— Он меня украл.

— Это не имеет значения. Всё равно сбежала — и, к тому же, вы составили бы прекрасную партию. Если мать вернёт ему титул, то станешь герцогиней Ламады. Знаешь, почти королева — но так, как ты всегда хотела. Без этой надоедливой короны.

— А ты?

Он усмехнулся. Хотелось сказать, что мечтой его была корона, что он каждый раз, когда говорил о нежелании подчиняться матери, мечтал о том, что взойдёт на трон. А может, воспользоваться пафосным “корона мне не нужна”, что обычно так яростно ценится в дурацких книгах, разбросанных по отцовскому дворцу, тех самых, что предпочитают служанки, влюблённые тайно в незнакомого красавца-принца, что явится к ним на белом коне и заберёт из рабов очередного каменного зверя.

— А я думаю о том, что всё-таки сбежать от обязанностей не так уж и хорошо, правда, сестричка? Корона оставляет кровавые шрамы.

— Не больше, чем любовь на сердце.

— Не могу сказать, что согласен.

Они обернулись одновременно — на молчаливого, бледного Эльма, на цветущую на родной земле Монику. Шэйран вздохнул — он вновь не мог ни слова промолвить, не мог сказать ничего, что описало бы его чувства — ведь те были, но какие?

— У нас с ним ничего не выйдет, — наконец-то вздохнула Эрла, чуть прищипывая лошадь, чтобы быть дальше. — Он слишком сильно ненавидит мою мать, чтобы видеть во мне большее, чем просто дочь Лиары Первой.

— Не будь глупой. Ты ведь знаешь человека, который больше всего на свете ненавидит Лиару Первую, правда?

Эрла усмехнулась.

— И кто ж это?

— Угадай с одного раза. У нас на континенте не так уж и много самоуверенных королей, способных сражаться с этой редкостно преданной поклонницей матриархата.

— Ты и вправду думаешь — ненавидит? — как-то неуверенно переспросила Эрла. — Папа? Маму? Но ведь они столько лет уже...

— Воюют, как короли, вместе, как мужчина и женщина? Сомневаюсь, что это в корне способно измениться. Ну, а с тёщей воевать — и вовсе классика, правда? Так почему это должно тебе мешать?

Разговор казался таким простым, таким быстрым и ничего не значащим, что Шэйрану от себя самого становилось тошно. Он позволил своей лошади ускорить темп, чтобы оставить Эрлу наедине — на мгновение, прежде чем её наконец-то догонят, — и тяжело вздохнул. Может быть, всё это было глупостью, может быть, и предрассудки — ерунда.

Он слышал, как обратился к Эрле Эльм — сейчас, на привале, всё пойдёт по

накатанной. Он попытается её обнять, вспыхнув надеждой от чуть более тёплого тона, чем это обычно бывает, а она отпрянет, не в силах сдержать свой страх перед матерью. Может быть, даже ударит его и попытается оттолкнуть — потому что Лиара Первая больше, чем мать. Потому что у Лиары Первой слишком много власти над душой её дочери.

Больше, чем у той Лиа, счастливой влюблённой женщины, которую так хотелось бы видеть и её возлюбленному, и её детям.

Дорога неспешно, самоуверенно тянулась вперёд — словно вела куда-то в глубины Магического Источника.

— Ведь он вновь вернётся, Первый? — Шэйран оторвал взгляд от зелени на обочине, стараясь не отвлекаться больше на извилины тропы. — Вновь захочет крови? Вновь пожелает жертв? В очередной раз будет разрушать то, что осталось от этого мира?

— Тэллавар? — невнимательно, не оборачиваясь, переспросил Тьеррон.

— Источник.

— О, источник... Я не знаю, по правде, — пожал плечами Дар. — Сказал бы, что нет, но подобное не напоить досыта кровью и не загнать дальше глубокой ямы — из всякой пропасти найдётся выход, даже если она кажется изначально бездонной. Да и глупости — верить в то, что победили мы раз и навсегда. Он накопит в себе постороннюю боль, которой истекает этот мир, наберётся уверенности — источник тоже мыслит, только особенно, по-своему... а потом всё, так или иначе, повторится. Я б ответил, что, может быть, тогда и мы опять воскреснем, и твоя сила вернётся, чтобы защитить этот мир, но так просто никогда не случается. Разве стоит думать нам о том, что будет дальше?

Рэй не ответил. Жить здесь и сейчас — какая глупость!

— Твой отец до жути безответственен, — продолжил Дарнаэл, — хотя и побеждает практически каждый раз. Я не встречал в своей жизни более везучего человека — он притягивает людей, будто бы магией. На меня смотрели с уважением, со страхом — но никогда я не встречал такого обожания во взглядах толпы. Как он вернул себе трон... Странное дело.

— Какое это имеет значение? — Рэй не стал догонять Первого, они так и переговаривались, словно вокруг не было никого, кто мог бы их услышать. — То, как мой отец стал королём, знает каждый ребёнок. Все достаточно сильно устали от бабушки, чтобы отказываться от нового правителя, нового шанса на свободу и счастье.

— Я веду к тому, что тебе стоит реагировать на всё проще. Жить сегодняшним днём — победа или поражение, жизнь на этом не заканчивается. Зачем думать о том, что будет через много тысяч лет?

— А что было бы, — не реагируя на эти слова, проронил Рэй, — если б мой дар оказался у моего отца, а у него появилось желание овладеть этим волшебством? Если б у него был шанс перекручивать сознания людей изнутри?

— В нём есть зачатки. Та же зелень, — уклончиво ответил Первый.

— А если правду?

— Это большой, огромный даже груз на плечах. Трудно понять, как жить с этим — свыкнуться, ограничивать свою силу. Я не думаю, что Дарнаэлу следует владеть чем-то подобным. Он для этого слишком безрассуден.

— Вот потому, — скривился Шэйран, — даже если бы мне хотелось так просто отбрасывать все сомнения в сторону, как в моём возрасте делал это отец, я не имею права. Не так ли?

— Мудрые короли рано седеют, — сухо ответил Первый. — У них для того слишком много тревог. Эльвента не слишком страдает от того, что ею правит человек, поддающийся первому же порыву.

— Нет, не страдает. Не страдает, пока сравнивают с Эррокой или со старым режимом, — Шэйран вновь посмотрел на листья, вдохнул свежий, влажный от дождя воздух, словно пытался что-то оценить — и почему-то придержал лошадь, не позволяя коню сделать последний шаг.

В тот же миг в сантиметре от лошадиной морды пролетела стрела.

Громкий крик — больше похоже на призывной вопль, чем на человеческий звук, — раздался, кажется, справа, где-то в тех отвратительных кустах. А после слева сыпануло бесконечным градом стрел, словно где-то там потерялся их магический источник, вроде того, что с чарами, только на этот раз с вполне человеческим, подчиняющимся неодарённым рукам оружием.

Их было, наверное, слишком много — Шэйран насчитал десятков и сбился. Где-то за спиной громко заржали кони, у него на глазах с лошади соскользнул Первый, без своей магии — совсем не тот могущественный бог, которого хотелось бы увидеть.

Сколько их?

Мелькнул торресский флаг, торресские доспехи. Зазвенели мечи, полыхнуло магией — на архипелаге никогда особо не колдовали, и от вспышки волшебства Моники сразу трое отступили, ослеплённые, напоролись на мечи и шпаги своих союзников.

Кто-то рассмеялся в стороне, словно женщина с мечом — это что-то невероятное. Эрри? Вероятно, она — кто ещё мог броситься вперёд с таким остервенением.

Но их было слишком мало.

Рэй, казалось, наблюдал за всем со стороны. И тело двигалось само по себе, словно не принимая в расчёт своего собственного хозяина. А сознание застыло где-то вдалеке, у тех деревьев — он, право, видел, как лезвие касается горла, а торресский командир с громким, надсадным рыком приказывает всем остановиться.

— Может быть, мы неправильно узнали, — голос его звучал дразняще, словно предрекая что-то, — но не эрроканская ли принцесса и эльвентский принц блуждают по далёким дорогам?

Рэй скосил глаза — он вновь был самим собой, наверное. Ничего не умеющим, почти изнеженным глупым принцем, у которого оружие из рук выбивают первым же ударом.

И его сестра — тоже не воин. Им, конечно, остальным к горлу меч не приставили. Может быть, потому, что сражались они лучше, может, потому, что и так остановились — если одному перережут горло, остальным идти уже смысла нет.

Мёртвые — или раненные, — разумеется, были. И Эрри с остервенением сжимала в руках выхваченный у врагов меч, и Анри, словно последовательница воинственной девы, и Кэор — дарнийская школа ни для кого не проходит даром.

Но что они могут? У Моники, не оправившейся после ранения, сил недостаточно даже на пятерых, не говоря уже о трёх десятках. Можно вспомнить что-то хитроумное, разумеется, но не в бою — она ведь не из тех ведьм, что постоянно в сражениях, она ещё не умеет этим управлять. У Эльма — длинный порез на правой руке, и вряд ли он способен держать оружие сейчас в руках — только зажимать кровоточащую рану.

На четверть эльф, дрожащий от страха или от возмущения.

В конце концов, даже Первый, у которого каким-то чудом отобрали магию — и кто?

А ещё он сам с мечом у горла, шаг в сторону — и смерть.

— Король и королева заплатят немало, чтобы их чада вернулись домой живыми, — хохотнул со стороны ещё один солдат. — А наш предводитель пусть подавится — он не предложит больше, чем просто победа.

Попытаться представить вместо человека его энергию. Дотянуться до тонкой нити ненависти, презрения или боли, ведь она есть в каждом человеке, даже в самом хорошем. Схватиться за эту нить и выплести что-то своё, чтобы сделать то, что хочешь. То, что нужно. Заставить человека подчиниться, поддаться.

Он может?

Ничего он, подери его змеи, не может. И дышать даже этой болью, этой силой, прятанной в создании другого человека, он не может. Только смотреть широко распахнутыми глазами, чувствуя, как надавливает меч на горло, как вот-вот, разочаровавшись, солдат отрубит тебе голову — или, может быть, просто заломит руки за спиной, чтобы повести дальше на расправу.

Тщеславие, жадность, гордыня, сплетающиеся в одно целое.

И он, ни на что не способный маг. Жалкое существо, для чар которого есть только кусты вокруг и какая-то зелёная трава под ногами.

— Что? Неужели наследники столь высоких родов не могут схватиться за меч и снести голову с плеч? Неужели не умеют сражаться? — ухмыльнулся мужчина.

— Мечом — вряд ли, да и его выбили их моих рук, — хрипло ответил Шэйран. Хотелось тряхнуть головой — волосы нагло лезли на глаза, и ему казалось, что всё вокруг плывёт.

— Так сын Второго не унаследовал его умение драться? Даже шпагу не удержит? — главарь — если, конечно, среди них таковой вообще был, — даже немного ослабил хватку.

— Нет, — Шэйран криво усмехнулся. — От него у меня другой дар.

Такой маленький зачаток кустика — что может с ним сделать обыкновенный маг? Что может сделать эльф без долгой песни во славу растения?

Что может сделать маг, у которого единственное умение, которым он владеет в совершенстве — это не руководить личностью человека, а заставить траву вымахать до неба?

...Тонкая, длинная ветвь, появившаяся будто из неоткуда, проткнула насквозь человека. От только захрипел, роняя меч к ногам эльвентского принца, и он замертво рухнул на землю, когда осыпался старый куст пеплом.

Наверное, они не успели даже вскрикнуть. Благо, в лесу хватало достаточно деревьев — по крайней мере, чтобы справиться с отрядом из семнадцати — теперь Шэйран посчитал с методичной, поразительно лёгкой точностью, — глупцов, что даже не обзавелись перед походом какими-то нагрудными щитами или чем-то вроде того.

У него судьба, наверное, такая — постоянно разочаровываться в своей магии, а потом каждый раз, призывая к её помощи, просить у своего собственного дара прощение за то жуткое пренебрежение, которое он позволил себе на мгновение.

Кровавая зелень — только остатки травы под ногами, стоптанной, обессиленной, тонкой, а спустя миг — пылающей силой и мощью.

Первый как-то раздражённо, зло сорвал цветок, распустившийся на одном из взрослых внезапно кустов, сжал его в кулаке, пытаясь выдавить всю жизнь, весь сок, и недовольно покачал головой.

— Никогда не пользовался своими чарами в таком ключе, — промолвил он наконец-то.

— Боюсь, я никогда не умел делать с этим ничего больше, кроме этого, — скривился Шэйран. — И вряд ли научусь.

На его руках не было крови.

Но она потоками стекала с возвращённых им же листьев.

===== Глава семьдесят восьмая =====

Галатье Торрэсса был просто жалкой куклой — марионеткой, той самой, с которой так удобно и просто, так легко и знакомо играть, дёргая за ниточки, просто чтобы он починался, поддавался бесконечным коротким попыткам столкнуть его в пропасть.

Галатье Торрэсса, король архипелага среди бесконечного океана, король, которого столкнули с трона, не встретив ни мига сопротивления, самый бессильный и жалкий король на свете.

Галатье Торрэсса — на коленях, в молящей позе, с широко распахнутыми глазами и отчаянным ужасом, отражающимся где-то в глубине бесконечного отсутствия цвета. Такой испуганный, с ледяными руками, всматривающийся в пылающие алым сапфировые глаза монстра с континента, монстра, обагрившего кровью весь его дворец.

— Дарнаэл, — ошеломлённо выдохнул он, опуская руки, но так и не поднимаясь с колен. — Дарнаэл, это ты...

Он не мог его обвинить. Не мог выдохнуть ни единого слова, что остановило бы проклятого короля. Не мог даже сказать, что тот повинен в смерти его дочери, приёмной ли она была, родной ли. Подобострастно, льстиво, но так искренне — он смотрел на него, словно на идола, будто бы на икону в своём собственном храме, так, как смотрят на святых, что возвращаются с того света.

Дарнаэл замер на пороге, даже не в силах остановить собственную ненависть, своё раздражение, полыхнувшее подобно какому-то пламени.

Галатье отшатнулся наконец-то. Но он так и не смог заставить себя подняться на ноги. Казалось, молитва неизвестному божеству застыла у него на губах, будто бы клеймо — если, конечно, он читал свою короткую мольбу не живому человеку.

Тьеррон видел когда-то такие взгляды. Когда его израненное государство глазами несметной толпы молило его остаться. Свергнуть собственную мать. Стать тем, кого они столько лет ждали, в кого верили, на кого надеялись, ожидая вечного спасения от каких-то неведомых грехов или чего-то ещё.

Почему-то от одной мысли об этом становилось противно — как-то не по себе. И Дарнаэл знал — пусть народ, измученный, неграмотный, уставший, имел полное право взирать так на своего короля, но только не правитель соседней державы.

Только не тот, чью дочь — или падчерицу, не имеет значение, — он сам приказал казнить. Безжалостно, без минутной остановки, по праву и по правде, но ведь это не делало его грех мягче в глазах скорбящих родителей.

— Твоя Армия, Галатье, — сухо промолвил он, ступая в камеру, но не закрывая за собой дверь, — стоит на границе Эрроки и Эльвенты с весьма явным намерением напасть на мой континент. Очень неприятно понимать, что в такое мгновение её король прохлаждается в хорошо защищённых покоях и читает, вероятно, за мой упокой молитвы.

Это звучало резко и грубо — конечно, Дарнаэл, находясь на месте Галатье, усмехнулся бы, отозвался колкостью или грубостью, если б на спокойный ответ уже был не в силах. Но глаза короля Торресского архипелага только наполнились слезами.

— Моя армия не принадлежит мне больше, Дар, — устало прошептал несчастный

король. — Если ты хочешь, я отдаю тебе свои права на руководство ею — только дайте мне спокойно умереть здесь. Встретить свой последний час.

Наверное, Тьеррон должен был бы поразиться таким словам. Ужаснуться равнодушию к державе и такому отчаянному желанию всё бросить — но разве он сам пошёл сюда не на верную смерть? Разве он надеялся на то, что встретит свой последний рубеж, последнего врага на пороге камеры короля, которого должен привести к его войску? И кому он обещал, что вернётся, кто ждёт его там?

Людам есть перед кем склонять колени. У людей есть те, на кого они могут смотреть, будто бы на богов. Можно сотворить себе идола из кого-то другого, а не с вечно ошибающегося, творившего отчаянные глупости короля.

Только не он — ему нечего делать в государстве, шептавшем, что династия его, последняя, по крайней мере, не свершила ничего злого. Ничего того, что привело бы страну к краху.

Может быть, так говорили обо всех.

Может быть, только о замыкающих звеньях цепи.

— Вставай, Галатье, — нетерпеливо промолвил он. — Совсем скоро стража заметит, что в этом дворце кого-то убили. Я должен вывести тебя до этого.

— Зачем?

— Потому что после, — сухо ответил он, — мне выбраться будет сложнее. А ты не умеешь прыгать с валов, плавать и даже метать ножи. Ты пожилой человек — так что позволь мне увести отсюда тебя ступенями, пока не пришлось выбираться через окно.

В его голосе не было ни капли уважения к Галатье, и, наверное, никогда и не появится. Почему-то Дарнаэл слишком явственно осознавал, насколько слаб король державы вражеской не по его собственной воле.

Почему-то он ждал того мгновения, когда у Торрэсса подкосятся ноги, а после он опустит голову и сдастся, не позволяя себе делать больше ни единого шага в целях хотя бы элементарной борьбы.

Но он не надеялся на то, что это случится до такой степени быстро. Ведь есть же в человеке какой-то запас терпения, силы, что могла бы толкать его не сдаваться каждое мгновение, а идти вперёд и делать хоть что-то, чтобы справиться с собой.

Мир несовершенен.

Но не настолько.

— Я не пойду, — покачал головой Галатье. — Я мученик и встречу смерть здесь.

— Ни один мученик не отгонял спасителя, когда тот предлагал ему руку помощи, — возразил Тьеррон. — Поднимайся с колен, падший король, твоё войско ждёт тебя.

Галатье наконец-то смог посмотреть ему прямо в глаза. Дар чувствовал этот взгляд — мрачный, отрешённый, холодный и преисполненный отчаянной боли. Будто бы сейчас правитель отчаянно пытался защититься от чего-то неведомого для него самого, невообразимого и страшного. Казалось, ему даже умереть будет намного легче, чем попытаться править государством или остановить тех, кто подчинился на самом-то деле не его приказам. Может быть, давно уже это случилось в Торресса — Дарнаэл не помнил, когда вместо прежде не слишком сильного, но хотя бы разумного и способного править, у них появился кто-то до такой меры слабый, что даже слово от собственного имени казалось ему редкостным наказанием и адом.

Король должен встать. Король должен выпрямить спину, даже если он очень стар,



посмотреть в глаза своему врагу и дать отпор — или принять помощь друга и наконец-то вновь вернуться к битве. К своему бесконечному сражению.

Но Галатье не выровнялся. Галатье не сумел встать с колен. Дарнаэл даже сделал шаг ему навстречу, намереваясь помочь подняться, чтобы правитель соседнего государства не был столь беспомощен, и только спустя миг понял, в чём была его ошибка.

Разве Галатье хотел вставать? Разве Галатье хотел жить?

Он рванулся вперёд так прытко, словно ему было не шестьдесят два, а двадцать шесть. И обхватил своими слабыми руками колени Дарнаэла.

— Убей меня, — прошептал он. — Убей меня, Тьеррон. Вонзи нож мне в сердце. Напой меня ядом. Только не позволяй мне больше жить.

Дарнаэл гадливо отбросил его руки, отступил на шаг, почти что выскользнул через дверь.

Он вынул из-за пояса кинжал, подобранный после битвы, и швырнул его под ноги Галатье.

— Вот твоё оружие. Убивай себя сам.

— Но я не могу, — ошалело прохрипел тот. — Я не могу причинить себе боль. Я даже яд заставить себя выпить не смогу. Смерть — это так ужасно... Убей меня! Избавь меня от муки!

Тьеррон только презрительно скривился. Истинный правитель? Тот, кто должен наставить свою страну на путь истинный? Да Галатье Торрэсса не способен ни на что из этого, если ни суицид, ни даже попытка бегства ему не по силам! Только последнее ничтожество будет молить о том, чтобы его лишили жизни — но не имеет смелости сделать это своими руками. Действительно, зачем кровью орошать свои руки, зачем на что-то решаться?

Но он не мог просто так уйти. Не после каждой глупости, которую совершил — не с пустыми руками. Не после того, как был готов убить весь этот дворец.

Чем он думал, когда пришёл в Торрессу? Думал умереть по пути? Он мог, разумеется, мог — но не вышло. А дворцовая стража, эти жалкие ошмётки — он не позволил бы себе драться вполсилы, а они никогда не победили бы его, пытаясь напасть по одному. Рано или поздно усталость взяла бы верх, конечно, но когда бы это случилось? И где, около горы трупов?

Он пришёл сюда, чтобы помочь своему государству — или чтобы сбежать. Он скрывался за тем, что должен вытащить из тюрьмы Галатье — и что получил? Кого тут освободить, пустышку, короля бессмысленно глупого, пустого, мнимо заключённого?

— Почему я должен марать о тебя руки? — прошипел Дарнаэл, даже не зная, выдуманы ли эти слова, или, может быть, он действительно так считает.

— И ты не будешь столь милостив, чтобы подарить мне облегчение? Ты не позволишь мне наконец-то покинуть этот отвратительный мир и почувствовать лёгкое дуновение свободы?

— Я? Нет, о Первый, не позволю! Потому что там, — Дар как-то неопределённо махнул рукой, — стоит твоя армия под руководством ненормального мага! А её король ползает на коленях перед своим врагом, перед человеком, ставшим причиной смерти его дочери, молит убить его — и я должен оказывать тебе милость?

Галатье был будто ошеломлён. Казалось, на него надели какие-то шоры — он видел одно только солнце там, где давно уже собрались мрачные тучи и стало до ужаса холодно и

отчего-то больно каждому, кто подойдёт достаточно близко.

— Дарнаэл, — прошептал он, — моя дочь, наверное, этого действительно заслужила...

Он не выдержал. оттолкнул ногой кинжал, брошенный ранее на пол, схватил Галатые за плечи, рывком заставил его встать и встряхнул — такого старого, уставшего, измотанного.

— Ты слышишь, что ты несёшь?

— Ты не можешь поступить плохо, — Галатые вздохнул. — Я правил задолго до того, как ты вошёл на свой трон, Дарнаэл, и видел я много разных правителей. Никто не вёл свою страну так уверенно. Ты не совершаешь ошибок, а Марта, наверное, заслужила смерти...

Дар хохотнул — казалось, он сам уже балансировал на грани истерики, взрыва бесконечных эмоций.

— Я? Не совершаю ошибок?

— Нет, — покачал головой Галатые. — Ты как солнце. Освещаешь всем путь.

— Скорее как факел. Все, кому не лень, выбирают, куда ему светить, потом идут — но виноват всё равно глупый огонёк, — Дарнаэл усмехнулся.

— Нет, ты солнце. А я — вот я факел...

— Ты? — Тьеррон отступил вновь, и касаться Галатые ему было противно. — Ты никакой не факел. Ты огарок. Вроде бы и зажечь тебя ещё можно, но ты заставляешь свой фитиль промокнуть и истлеть, пытаешься сгнить насильно, если не получается и так. А почему? Потому что тебе страшно. Потому что тебе бесконечно жаль себя.

Галатые молчал. Может быть, он понимал, что Дарнаэл говорил правду, может, ему на самом деле было страшно — и он не знал, какие слова должны соскользнуть с его губ.

— Я идеален? Я не совершаю ошибок? Говори, Галатые, — его глаза уже были не синими, а скорее растворились в бесконечном гневе — темнели с каждым словом.

Но король молчал. Король не мог проронить ни слова, очарованный холодной чеканкой слов.

— Как далеко от Халлайнии моя страна? — он почти схватил Галатые за горло, но удержался, сказал ведь — убивать не будет. Сказал, а слово своё сдержит, хотя бы на этот раз. — Очень. Знаешь, как велик океан? Потому мы ещё стоим. Не потому, что я потерял возможность подписать с ними договор, и армия моя против великой империи не так уж и могуча. На что я надеюсь? На листья, на травы, на войско и верность? Да, но число тех, кто выступит против меня, будет куда большим. Халлайния огромна — а я даже забыл о том, что должен был вернуться к ним с новыми условиями мирного договора, — он словно успокоился, и голос стал звучать напевно и быстро. Увещевал ли он Галатые, убеждал ли, или, может быть, просто исповедовался, признаваясь в собственных грехах — этого мужчина не знал. И не хотел знать, пожалуй. — А то, что происходит с моими детьми? Думаешь, я свободен, холост, бездетен? У меня, Галатые, двое — мои, родные. Непризнанные мои дети и необузданная сумасшедшая королева, которую я за двадцать четыре года так и не смог осадить. Потому что это весело, потому что играть с чужой жизнью казалось мне забавным. Думаешь, если с моим сыном действительно что-то случилось, это его вина? Моя.

Он должен был перевести дух и дать покой несчастному королю. Должен был не наступать на него, пока тот шаг за шагом отступает к стене, пытаясь сбежать от бесконечной гневной тирады.

— А моя дочь, которая чуть не стала жертвой ритуала? А то, что сейчас происходит в моей стране? Сколько ещё грехов будут прощать королю только за то, что он достаточно ярок на фоне других? Мне нельзя управлять страной — я хороший военный, но правитель в

мирное время с меня никакой. Да и то — мечи, шпаги, лес, что растёт за спиной. Призвание. Галатье, всё это — бессмысленная глупость. И я ошибаюсь, быть может, побольше, чем ты сам, но от этого не отступаю назад.

Он не знал, на что было похоже это беглое, страшное признание, да и, наверное, ему страшно было подумать о том, что это всё чистая правда. Что он действительно повинен, что ему пора покаяться, может быть, исправить свои ошибки. Свою невнимательность.

Но Галатье словно и не понял — ни единого слова.

— Даже когда ты себя проклинаешь, — прохрипел он, — ты словно солнце, Дарнаэл. Это ты ведёшь за собой, а нам только и подчиняться. Убей меня — если не из жалости, то хотя бы из ненависти, Дарнаэл. Убей...

— Убить? — он подобрал кинжал, направился к двери, но не стал закрывать её. — Так заслужи свою смерть, Галатье. Иди за мной — думаю, ты встретишь её за следующим поворотом.

Галатье, как казалось Дарнаэлу, должен был воспротивиться. Остановиться, попытаться возразить, хоть что-то сказать в свою защиту. Но он вновь будто бы примёрз к полу, не в силах отрицать свою слабость, а потом шагнул к Дару.

Он искал смерти. Но не мог так просто сдаться, всадив кинжал в собственное сердце.

Не так, как Дарнаэл. Тот считал, что есть в этом мире где умирать, кроме как от собственной руки, перерезав себе вены или ударив шпагой в сердце.

И выстрел прямо в голову тоже не поможет.

Все эти шансы спастись от кровавой мести — глупость. Попытки оправдать себя. Он не был самоубийцей — может быть, считал, что если заберёт с собой на тот свет больше врагов, то и станет немножко счастливее. Или смерть его — дороже. Пусть всего на одну чужую жизнь. Пусть лишь на кого-то спасённого, на чью-то короткую судьбу, на миг человеческой ненависти, пылающий на кончике его шпаги.

А Галатье хотел уйти за чужой счёт. С чистыми руками, но чёрными мыслями, с маслянистыми, смольными каплями греха, что покрывал его душу.

Дарнаэл знал, что он был слаб — пожилой мужчина, всё-таки. Но он и на миг не остановился, чтобы король Торрэссы мог его догнать. Одного только безумного, бессмысленного обожания во взгляде Дару хватило для того, чтобы слишком уж точно понять — он догонит его, поймает, не позволит уйти просто так. Солнце — Дарнаэл считал, что не являлся им никогда и ни для кого, но избавиться от наглого, издевательского практически клейма на своём лбу был не в силах.

Может быть, и вправду ему верили так сильно — привыкли к тому, что короля слово неизбежно. Если б Галатье был его подданным, может быть, Дар и принял бы его слова — но только не сейчас, не тогда, когда говорил с правителем соседнего государства.

...Дворец вновь будто вымер. Он проходил мимо оставленных покойников-стражей, переступал через их тела, игнорируя холод мёртвых тел под ногами. Галатье быстро шагал за ним, словно пытался ступить след в след, и Дар повторял мысленно — не оборачиваться, не позволять себе поверить в его силу.

Нет, это скорее слабость. Он почти слышал это тихое “убей меня”.

Убей, убей, убей.

Дар остановился и зажмурился. почему он должен брать на себя ответственность за чужую жизнь, почему должен позволять кому-либо, особенно королю чужой державы, так просто перекинуть, пересыпать на чашу его весов всю ту безмерную тяжесть?

Нет.

— Почему ты так меня мучишь?

Дарнаэл не ответил на вопрос. Не остановился, когда они миновали внутренние врата дворца, а он вновь зашагал по гулкому коридору. Он не позволил себе замереть, когда завопила какая-то служанка — и даже чары не заскользили от его боли и ярости.

Замок Торрессы словно вымер. Казалось, во дворце не было ни единой живой души — только две уставшие, опустошённые тени, упрямо шагавшие вперёд. Дарнаэл не мог это отрицать, не мог оттолкнуть от себя глупую мысль о том, что всё складывалось слишком просто.

— Они все ушли, верно? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, — Галатье остановился. Он надеялся, наверное, на следующий вопрос, но того всё не было и не было — если хотелось продолжать разговор, следовало продолжать самому.

Дарнаэл вышел на улицы города, не скрываясь. Наступила тёмная ночь, и всё вокруг затянуло тучами, даже звёзды, даже луну. Как Тьеррон ориентировался в темноте, оставалось секретом — он, будто тот кот, упрямо и уверенно вышагивал по тонким бордюрам, минуя опасные ямы, перепрыгивая через лужи — или перешагивая, может быть, через них.

Он прошёл бы и по канату, как думалось Галатье — а Торрэсса думалось, что он и сам видел исходившее от его проводника золотистое свечение. Ему нужна была смерть, но теперь, войдя в раж, он и не просил больше о гибели.

— Моя жена, её сын и этот маг, с которым они сговорились — они увели всех, кто только здесь был, — в очередной раз подал голос Галатье. — Не знаю, как у них это получилось — получилось и всё. Может быть, во всём виновата одна только магия — я просто не знаю, что с этим на самом деле следовало делать. И я в той темнице — ведь жизнь моя совершенно бесполезна, ничтожна... Кому я нужен? Дарнаэл, ведь ты милостив — почему ты не можешь...

Тот вновь промолчал. Скоро должно было начать светать — или Галатье опять запутался во времени, — а король соседнего государства оставался всё так же предельно неумолим.

Они добрались до причала уже к утру. Галатье казалось, что специально для него Дарнаэл сбавил темп, чтобы его невольный мысленный пленник не посмел отстать, остаться где-то там, вдалеке. Он словно сковывал его своими вечными, сильными, крепкими нитями, не давал сделать шага ни вправо, ни влево, гарантируя немедленную жизнь.

Торрэсса уже и не знал, за какой целью он шагает за ним. Может быть, просто искал утешения — и это была его холодная блажь. Попытка скрыться от жестокой реальности, страшной, сковывающей льдами руки-ноги.

А ещё ему почему-то хотелось узнать о том, что будет дальше. Как поступит милостивый и жестокий король Элвенты.

— Ведь я на самом деле тебе не нужен, — продолжил он. — Я не могу ничего сказать своей армии, она меня никогда не послушает.

— Твоя армия, — Дар обернулся, — ждёт своего истинного правителя. И если ты не сумеешь остановить её, то тогда остаётся только воевать.

— Вам действительно остаётся только воевать.

Неужели Дарнаэл не мог победить воинов Торрессы? Их было не так уж и много, они слабы...

Они ведомы магией. Магией, что заставляла бы их идти вперёд вопреки всему, не

останавливаться ни на миг, даже если у них на теле не было места без ран.

...Дарнаэл остановился у какого-то небольшого корабля. На его борту уже собирались отбывать люди — и Галатье был уверен в том, что это пираты.

Тьеррон запрыгнул на борт — Торрэсса пришлось идти по трапу, очень осторожно, чтобы не упасть и не пострадать совершенно случайно. Он чувствовал себя обессиленным и едва-едва дышал, вот только, возможно, сопротивляться не имел никакого шанса.

Капитан корабля обернулся — и скривился, увидев недавнего знакомого. Тот самый заяц на его борту, что так просто ушёл в прошлый раз, теперь стоял прямо на палубе.

— И зачем же ты явился? — скривившись, поинтересовался он.

— Хочу, чтобы ты сейчас отвёз меня в Эльвенту.

— Мы собираемся к берегам Халлайнии.

— Сделаете крюк.

Галатье удивлялся этой невероятной силе в голосе. Он не понимал, как можно было стоять на корабле, переполненном врагами, и столь уверенно, столь чётко диктовать собственные условия, ни на миг не вспоминая о том, какую опасность несли в себе эти люди.

Капитан корабля положил руку на эфес новоприобретённой сабли — отыскивал её где-то у местных кузнецов взамен сломавшейся в Эльвенте.

— Зачем нам это делать?

— Просто так.

— И кто же ты, чтобы я просто так отвозил тебя в Эльвенту?

Капитану было интересно. Он сгорал от любопытства, от желания узнать, что за наглец стоял на его борту. Он подошёл ближе — Галатье даже содрогнулся от того, как сверкнула в первых лучах солнца отвратительная кривая сабля.

— Я тот, — Дарнаэл бросил какое-то зёрнышко на палубу, — кто способен разнести твой корабль в щепки, — из семени моментально появился огромный росток, обвивший ногу капитана, а после Тьеррон широким, резким жестом просыпал то, что было в его ладони.

Галатье даже не запомнил, когда он успел найти эти семена, не знал толком, зачем было так нагло и самоуверенно их рассыпать.

— Либо ты отвозишь меня к берегам Эльвенты, — проронил он, — либо я превращу твой корабль в щепки. Выбирай, капитан. Возможно, это твой единственный шанс спасти последнее, что всё ещё тебе дорого.

— И тебе хватит твоей магии? — капитан заинтересованно улыбнулся. — Я отвезу, если таковы условия — но мне всё ещё любопытно, кто ты такой. Может быть, я б и не отказался узнать твоё имя, путник. Катаешься туда-сюда между странами.

— Кто я такой? — белозубая улыбка показалась пирату почему-то знакомой. — Скажи ему, Галатье, — он обернулся, — кто я такой. Скажи.

— Перед тобой восходит эльвентское солнце, — зачарованно прошептал Галатье.

Корабль отчаливал. Пират не стал возражать против лишнего путника — но эльвентским солнцем мог оказаться кто угодно.

— И кто же, — он прошёлся по палубе, наступая на семена, что были готовы превратить его корабль в щепки, — на самом деле посмел получить столь наглое звание, при живом-то короле?

— Ты себе не представляешь, — сапфировые глаза полыхнули чем-то опасным. — Живой-то король.

Костёр они разводили не решились. Ночь была холодной и слишком тёмной, как для осени — может быть, просто они оказались слишком далеко от привычной местности, а может, виноват в этом был лес, его высокие деревья, пышные кроны так и не пожелтевших до сих пор листьев.

До армии Торрессы было рукой подать, и вести себя приходилось тихо. Пусть даже Дарнаэл Первый был уверен в том, что они сумели бы победить, всё же, сам Шэйран сомневался — не проткнёшь же очередным кустом целую армию?

Да и убийство, впрочем, никогда его не прельщало. Он бывал там, за гранью, уже дважды, и заталкивать кого-то другого за широко распахнутые ворота хотелось меньше всего на свете, хотя, впрочем, Рэй сомневался, что выбор у него был.

Дарнаэл — его отец, а не божество, — никогда не сомневался на войнах. Пожалуй, в мирное время он тоже был способен отдать приказ о казни или резким ударом шпаги пронзить чьё-то сердце. Жалости в нём было не так уж и много — порой Рэю хотелось быть таким же, порой — напротив, изменить даже своего отца. Он знал, что ни первое, ни второе никогда не будет возможным — с них и правители получились бы абсолютно разные. Жаль только, что и одному, и другому рано или поздно придётся на трон взойти и трон покинуть.

— Холодно, — голос Анри звучал как-то смутно и размыто, словно издали. Они всё равно сидели — кто-то, впрочем, успел уже разлечься на траве, — кругом, вокруг чёрного пятна на небольшой поляне. Тут когда-то разводили костры, только не сегодня. Не тогда, когда Тэллавар, способный отреагировать на любую полыхнувшую в воздухе магию, находится так близко.

Что-то изменилось. В воздухе, в душах, в самих людях. Даже прежде пышная зелень нынче поникла, не реагируя на Шэйранов зов.

И армия — под странным пологом подчинения, такого мрачного, холодного и страшного, что словами не передать.

Было понятно — Дарнаэлу Первому даже не пришлось об этом упоминать, — что Тэллавар держал всё войско Торрессы в своих стальных тисках. Страшным только казалось то, что у него и вправду получалось управлять тем, что ему не принадлежало.

Кэор одной рукой, молча, обнял Сандриэтту за плечи. Лицо дарнийца в гротескном свете луны казалось особенно наострённым, уставшим — и глаза, будто бы у бывшего воина.

Они, наверное, друг другу подходили. Люди, не представляющие своей жизни вдалеке от короля и верной службы ему. Или, может быть, только одному, конкретному правителю.

Порой Рэй забывал о том, что Кэор был ему двоюродным братом, в конце концов, одним из претендентов на престол, сразу же после Рэя, Эрлы и его собственной матери. И в его жилах текла королевская — не стража, не слуги, не воина, — кровь.

— А что будет, — Шэйран бросил взгляд на Монику, — если мы всё-таки проиграем?

— Это не игра, это битва, — возразила тут же Эрри, так рвано и дико, словно это её бедой было поражение. — И все, кто не побеждает, обязательно умирают. Страны, короли, придворные. Маги. Это не имеет значения — как... Может быть, изнутри выгорают от того, что победить у них не получалось, а может, кто-то просто среди ночи, из жалости или из злобы, всяко бывает, перережет горло. Подневольные страны — это жутко. И права быть тем, кто падает на колени, у тебя нет.

Эрла содрогнулась. Слова богини — той, в которую она даже верила не до конца, —

ранили, наверное, больше всего её. Она ведь не готова сражаться, как и узнать о том, какое из пророчеств правдиво и где её место в этом мире.

И имеет ли она право, вопреки преисполненным осуждения взглядам сжимать протянутую Марсаном руку, или, может быть, должна отскочить от него.

Сколько минут она притворялась матерью, чтобы теперь так запутаться в своих и её мыслях? Сколько часов уговаривала себя быть смелее, чтобы теперь искать пристанище для своей слабости?

— В конце концов, — промолвил Кэор, — у нас сильная армия. У нас сильный король. И ваша мать... Сколько ведьм в Эрроке?

— Недостаточно для того, чтобы можно было остановить способного призвать Змей. Нэмиару, Грету... Сколько их вообще сейчас есть? — Тэравальд тоже сжался. — И эльфы — если они встанут на сторону Тэллаваара...

— Не могут же прославленные эльфы так легко перепрыгивать от одного божества к другому! — в сердцах выдохнула Моника. — Они ж вам не Мизель!

— Нет, разумеется, — покачал головой Дарнаэл. — Но я б не делал эльфийскую кровь такой сильной в словах. Они такие же люди, как и вы. Живут только дольше, и всё.

Тэравальд раздражённо вскинул голову, но не проронил ни слова. Он и сам был эльфом — пусть только на четверть. И разве когда-то кровь помогала ему быть смелее? Весельчак и королевский шут, почти человек — тот, кто не способен сражаться в полную силу за своего короля только потому, что его религия не соответствует богам, в которых он верит.

Он не посмел проронить ни слова, потому что те прозвучали бы, будто какое-то предательство, а в очередной раз, так привычно и скромно, промолчал. Только как-то немного устрояюще, словно пытаясь придать какого-то яркого окраса собственным тревожным и возмущённым взглядам, покосился на Эрлу и Эльма — мол, не одобряет.

Но у тех, впрочем, было кому выражать предельное недовольство. Собственные чувства и родители — всегда серьёзные конкуренты, с которыми довольно трудно сражаться.

А особенно если в сердце царит неуверенность.

— Как мы окажемся по ту сторону? — Моника закрыла глаза. Ей тоже хотелось вытянуться на мягкой траве — как Рэй, а может, даже и рядом с ним, но поддаваться соблазну девушка не могла. Слишком уж презрительным тогда станет взгляд богини.

Она никогда не думала, что примет Эрри за что-то беспомощное и бессильное. За женщину, что действительно не способна ни вмешаться, ни помочь чем-то, по крайней мере, сейчас. А что она сделает? Вскинет руку с мечом, попытается напасть на того, кто выступит вперёд, а после падет, потому что в распоряжении у неё нет ни щита, ни магии.

Моника всегда верила в торжество магии, но и той было слишком мало для того, чтобы победить огромную мощь магии.

— Перейдём, — покачал головой Дарнаэл. — На рассвете.

— Почему не в сумерках? — удивилась Эрри.

— Потому что у нас нет времени. Если они готовятся к нападению, то чем скорее мы окажемся по ту сторону, тем лучше, — он поднял глаза на небо, словно по темноте оценивая что-то. — Остаётся час — и отправляемся в путь.

— Патрули? — Анри, прослужившая столько лет в страже, полагала, что все трудятся так, как она сама — не покладая рук, не смеживая век.

— Это Торресса, — хмыкнул Кэор. — Вряд ли они действительно об этом заботятся.

Все затихли — словно слова вдруг взяли и истощились, пропали, и искать теперь их

было негде. Может быть, стоило бы попытаться сказать хоть пару слов — но прерывать мучительную, болезненную тишину не хотелось.

Может быть, стоило всё-таки развести костёр. Тогда было бы и виднее, и проще — не смогли бы так осторожно, так незаметно держаться за руки, так тихо, молча скрывать свой страх. Кто-то боится, кто-то борется с этим — разве была разница, кто из них в каком состоянии сейчас пребывал?

Стало холоднее — и час перед рассветом, говорят, самый тёмный. Глаза закрывались — Эрла даже положила голову Эльму на плечо, вероятно, оправдываясь собственной усталостью и тем, что матери не было рядом. Утихло бесконечное желание воевать у Эрри, и Дарнаэл Первый больше не хотел рассказывать о том, как оно — пользоваться таким даром, как был у него и у Шэйрана.

— Ты в порядке? — вопрос Моники, вынырнувший, будто бы из пустоты, застал Рэя врасплох. Ему хотелось ответить, что более чем, но нужных слов парень найти всё никак не мог, а избавиться от странного ощущения преследования было не так уж и просто.

Он на мгновение зажмурился, словно спасаясь от преследовавшей его боли, от усталости, ужаса — и неприятного чувства вины.

Откуда это бралось?

— Мне иногда кажется, — наконец-то промолвил он, протянув руку и поймав тонкие пальцы Лэгаррэ, — что если б меня не потянуло к той распределительной таблице, то всё было бы иначе. Эрла бы никуда не сбежала, отец с матерью не затеяли все эти попытки победить друг друга. Не воскресли бы боги, не стояла бы армия Торрессы здесь, посреди нашего континента. И Тэллавара бы тоже не было, не столкнусь я с ним однажды во дворце в Лэвье.

— Мужчины... — покачала головой Мон. — Ты, может быть, слишком уж преувеличиваешь своё значение, а, великий и могучий принц? Попытайся смотреть на вещи проще — почему б и нет?

Рэй рассмеялся, но звучало это как-то вымученно и тоже устало. Монике хотелось бы понять, что именно с ним не так, но, возможно, слишком сложно было разбираться во всех тонкостях человеческой натуры.

— Я никогда не думала, что встречу свою богиню. Настоящую, материальную, с острыми ушами и жуткой любовью к войне.

— Ты даже не думала, пожалуй, что она так сильно мечтает о сражении.

— Ты б поспал, Рэй, — покачала головой Лэгаррэ. — Не время болтать, когда вокруг такое происходит, знаешь...

Он рассмеялся — тихо, чтобы не прервать сон остальных.

— Может быть, и нет. Но я не думаю, что у меня будет другая возможность.

— Не веришь, что мы минуем их армию? Да ведь это Торресса, а я, как маг, уж на что-то гожусь, — повела плечами девушка. Она даже придвинулась ближе, и пусть Шэйран так и не обнял её, будто бы чувствовала его присутствие, такое зримое и такое логичное, что становилось не по себе от осознания собственной слабости.

— Мы минуем, — покачал головой Рэй. — Я верю. Но ты не понимаешь — там ведь будет всё иначе. Совсем по-другому. Там уже не будет просто знакомых, не будет Первого и Эрри, с которыми можно смеяться в лесу у костра. Впрочем, — он посмотрел на холодную, равнодушную богиню, во время битвы такую пылкую и огненную, — тут и сейчас не посмеешься. Но там уже всё перевернётся с ног на голову.



— Там ты станешь наследником престола двух великих держав.

— Одной.

— Если твоя мать не передумала насчёт матриархата, — возразила Моника.

— А как же Эрла?

Девушка устало посмотрела на принцессу, словно пыталась увидеть в ней что-то, что подошло бы будущей королеве, но после только коротко покачала головой, отрицая даже самую возможность чего-нибудь подобного.

— Я бы не стала в это верить, — наконец-то выдохнула она. — Эрла хорошая девушка, но пристало ли ей быть королевой? Я не уверена, что она сможет так просто подчинять, руководить государством, принимать судьбоносные решения.

— А я, думаешь, смогу? — Шэйран поднялся на ноги, запрокинул голову, глядя на бесконечно чёрное небо, на котором каким-то чудом сверкала одна лишь звезда. — Думаешь, с меня будет хороший правитель, учитывая то, что я ничего не умею и никогда не пытался научиться хоть чему-то ночью? Дрянной с меня будет король, Лэгаррэ. По-моему, в этом мама более чем права.

Моника не стала отрицать, хотя и не подтвердила — это, может быть, было бы для него слишком уж жестоко. Хотелось сейчас мотнуть головой, забрать все свои слова назад и смотреть на неё, словно на какой-то отрезок собственной судьбы, с надеждой на то, что сейчас всё исправится. Но, может быть, не стоило даже заговаривать об этом?

Он зажмурился — зачем на небесах звёзды, если они даже не могут показать дорогу?

— Шэйран, может быть, ты ничего и не умеешь, — наконец-то промолвила она, — но дар у тебя есть. Осталось только научиться им руководить. Думаешь, боги столь глупы, так ошибаются? В тебе это есть, если даже Первый...

— В которого ты не верила.

Она рассмеялась.

— Так ведь вот он. Вряд ли ты действительно, после всего, что случилось, можешь считать его каким-то эльфом, что воспользовался сходством с тобой или с твоим отцом.

Рэй промолчал. Ему не хотелось возвращаться — может быть, там, далеко от этого места, будет хоть немножечко легче? Почему нельзя убежать от всего мира, например, в Халлайнию, скрыться от всего мира?

— Ты меня всё ещё ненавидишь за мою глупость и надеешься, что я получу по заслугам? — он улыбался, хотя спрашивал предельно серьёзно.

— Не знаю. Ты рискуешь, Тьеррон.

Он рассмеялся — это будто бы приносило какое-то облегчение. Может быть, так Рэй чувствовал себя чем-то более простым?

Без хвоста магии за спиной, такой сильной и такой для него бессмысленной, такой пустой — изнутри и, может быть, снаружи тоже.

— А ты бы пошла со мной, если б я вдруг вздумал сбежать? — он повернулся к ней, но вновь не посмел поймать за руку. Может быть, Моника была единственным, что он ещё способен был принимать за важный фактор.

Королём быть непросто — но, может быть, у них в жизни хоть немножко больше стабильности, чем в его собственной?

— Нет, — вздохнула Моника. — Я б поймала тебя за шиворот и вернула обратно. Если б понадобилось — силком усадила бы на трон, надела корону на твою дурную голову и стукнула по темечку скипетром, чтобы не вздумал сопротивляться.

— Знаешь, Лэгаррэ, — фыркнул Рэй, — уже это делает тебя это золотой королевой для моего бедного народа...

Она почему-то предпочла не воспринимать это, как намёк на счастливое будущее — вот когда оно наступит, тогда и будут думать.

\*\*\*

Ни Шэйран, ни Моника спать так и не легли — пусть и промолчали до самого рассвета, когда первый солнечный луч озарил уставшее, мрачное небо. Туч больше не было, и звёзды тоже угасли, а на бледный призрак луны они предпочитали просто не смотреть.

Шли с низко опущенными головами. Магия — не слишком хорошая маскировка, когда проходишь мимо вражеской армии, хуже, чем самые обыкновенные плащи, сброшенные на голову. И почему-то даже этого казалось запредельно мало, когда они миновали вражеские ряды, отчаянно пытаясь смешаться с толпой, вечно спокойной, похожей больше на покорных животных.

Оставалось совсем немного. Солнце уже светило довольно ярко, а торресский лагерь будто бы не собирался заканчиваться.

Они шли на какие-то странные, непривычные ориентиры — можно было подумать, что там, впереди, ждала только пустота, что-то ещё странное, незнакомое.

Знать бы только, что именно.

Шэйрану хотелось зажмуриться, распахнуть глаза — и быть уже там. Хотелось увидеть свою мать — впервые за последние несколько лет, — но он даже не знал, как она отреагирует на возвращение своего блудного сына. Может, и вовсе проклянёт и скажет, что не желает видеть, повторит в очередной раз, что мужчине в Эрроке не место?

И был ли там отец? Выжил ли? Или, может быть, матушкина советница всё-таки оказалась ему не по зубам, вопреки тому, каким могучим королём казался Дарнаэл Второй?

Когда он вскинул голову, отрываясь от привычного приказа не поднимать глаза ни на кого из стражи, то осознал — до границы лагеря осталось всего несколько шагов.

Может быть, их так никто и не заметит. Армия до сих пор спит — смешно даже предположить, с кем они собираются воевать, если сейчас можно ворваться в лагерь и так просто убить каждого из них?

Иллюзия.

Рэй понимал — армия беспечна, но не Тэллавар. И если попытаться выступить против него незащищённым войском... Да и как они шли? По окраине, созданной, может быть, чарами сильнее, чем они в силе были снять? Может, стоит пнуть хоть одного стражника, чтобы удостовериться в том, что он не был всего лишь тенью, на которую они так глупо повелись?

Но Шэйран не мог рисковать. Видел, что там, впереди, если миновать поляну, можно было оказаться на стороне Элвенты и Эрроки, быть среди войска родной державы, одной или другой. Там, разумеется, их точно никто не тронет, даже по ошибке — достаточно только пресветлой богине или великому богу сбросить плащи.

В это в их странах слишком уж часто стали верить, чтобы отрицать сейчас, когда чудо было до такой степени близко, что только руку протянули — и коснёшься.

Они брели всё медленнее и медленнее — туда, где было слишком мало патрулей, чтобы те могли их остановить.

Граница.

Стык.

Дальше шла мёртвая зона — несколько сотен метров чистой от армий и людей полосы. Может быть, там следовало выстроиться миротворцам, но вряд ли так уж просто и так реально было отыскать их где-нибудь в этом мире.

Но и патрули — до чего же расхлябаны! И пусть хотелось верить в то, что это просто столь глупа армия врага, Шэйран знал, что не всё так уж и просто.

Даже худшие полководцы не допускают таких ошибок.

Но сейчас им было разве думать об этом? Лишняя секунда могла стоить кому-то жизни — вряд ли его или Эрлу будет так трудно узнать этим людям.

Вряд ли так трудно будет выстрелить в спину.

...Стражник на их пути стоял один. Он уже почти пропустил мимо — Шэйран как-то неуверенно поднял голову и только спустя миг осознал, что, наверное, не следовало этого делать.

Теперь они стояли лицом к лицу — и военный уже открыл было рот, чтобы закричать о чём-то. Узнали ли они его самого, а может, только оттенок Дарны в черноте волос? в синеве глаз увидели помолодевшего лет на двадцать вражеского короля?

Рэй не знал.

Все остальные стояли уже за этой безопасной, спокойной чертой, там, извне. Но их всё равно могут догнать, насколько бы далеко они от патрулей не оказались, насколько бы легко не сняли свои плащи, обнажая мечи и сильную, могучую магию, скопившуюся где-то в груди, далеко-далеко.

Шэйрану хотелось закричать — молчи. Молчи, стражник, если хочешь, чтобы твоя голова держалась на плечах. Молчи, если хочешь пережить этот вечер.

Но любая кровь, любая заминка — на них ведь уже смотрели?

Дарнаэл рассказывал, как это делать. Зацепить нить, потянуть на себя и выплести из чужой ненависти для её же владельца тонкую, умелую петлю.

Шэйран, пожалуй, даже мог так поступить — но отчего-то в этот миг ему от самого себя было отчаянно противно. Зачем убивать постороннего человека, зачем окутывать его путами чар, если это всё равно будет заметно?

Сколько бы кустов не проткнуло его насквозь, всё равно громкий, истошный вопль донесётся до ушей стражи. Всё равно они примчатся сюда, всё равно выстрелят невинным путникам в спину — а может, не таким уж и невинным.

Рэю казалось, будто бы он стоит уже целую вечность.

Молчи, молчи, молчи.

Сколько прошло? Секунда? Две?

Он узнал. И внезапно удивление сменилось в глазах какой-то телячьей покорностью, спокойной, равнодушной тенью отсутствия боли, страха и жути.

Подчинение сражалось с ненавистью — и колени подгибались.

Нитью обвернуть его, связать по рукам и ногам и не пустить дальше. Не дать ни шелохнуться, ни слова произнести, ни упасть замертво — тишина.

Шэйран не знал, почему стражник промолчал. Он ведь не умеет колдовать — действительно не умеет, — и человека этого зачаровать тоже не мог. Только не он и только не сейчас. Он же слабый человек, безмерно слабый, не способный, наверное, ни на что толковое в этой жизни.

Хотелось прокричать, повторить это так громко, как только были у него силы — а Рэй не мог. Не мог, пожалуй, выдохнуть ни единого слова — только ступил шаг за черту.

...Они брели дальше молча, и пальцы Моника нашли его собственные, обжигая неожиданным жаром. Он только кивнул в ответ, но не проронил ни единого слова.

— У тебя получилось, — она говорила почти ошеломлённо. — Я даже не думала, что такое на самом деле возможно — но ведь он и с места сдвинуться не мог. Разве ты не увидел? Он был полностью в твоей власти. Только приказать, только прошептать какую-то короткую фразу — и всё.

— Я заметил. Но от того мне вряд ли намного легче, — покачал головой парень. — Может быть, и вовсе не следовало... Нет, это не может быть моей магией.

— Почему ты не веришь в свои силы? — возмутилась Моника. — Разве тебе не повторили уже тысячу раз, что ты могуществен?

Повторили. А перед этим — целый миллион назвали пустышкой. Бессмысленным глупцом, которому повезло претендовать на трон — но нет же. О троне они не знали.

— Не хотелось бы мне такого дара, — прошептала она совсем тихо.

— Не хотелось бы быть принцессой, — согласился, коротко кивнув, Шэйран. — Равно как и мне быть принцем совершенно не хочется.

— Но ты же есть.

— Есть, — послушно согласился он. — Но тише, Мон. Чем дальше мы отойдём, тем лучше.

\*\*\*

Магия и вправду работала. Они стали тенью — пока в глаза не смотрели, — и миновали и родные патрули так же быстро и так же легко, как и посторонние, чужие. Всё это было в меру абсурдным и смешным, в меру глупым — Шэйрану хотелось, правда, повернуться и закричать — куда они смотрят?

Стало теплее. И Торресса за спиной — вся армия потерянного государства, — поднималась, открывала глаза, приходила в себя.

Они ступили в столицу, когда был уже полдень — пока миновали все преграды, пока добрались до дворца... Наверное, не стоило спешить — где она, война?

Наверное, животворяще дворец действовал на одну только Эрлу. Она вернулась к себе домой. Это Рэй ступал под сень своей маленькой тюрьмы, а она вновь переступала порог родного, милого уголка, в котором хотелось бы остаться и никуда-никуда не уходить.

Имеет ли кто-то право судить? Нет, разумеется, нет. Разве ж значение имеет то, где и как они оказались, если всё доходит до абсурда?

И в тронный зал они вошли беспрепятственно — некому охранять в столь страшный час королеву.

И плащ сам как-то соскользнул с плеч — пред ясные очи королевы Лиары явились её блудные дети.

Дети, которых она сама, по своей же воле, загубила и потеряла.

===== Глава восьмидесятая =====

Пират смотрел на них отчасти удивлённо. Казалось, этих нескольких дней дороги ему было слишком мало для того, чтобы свыкнуться с мыслью о потере корабля и о том, кого он вынужден перевозить на тот берег, в страну, охваченную пламенем войны. Но — судно было достаточно малым, чтобы даже пройти по реке, Торресса не контролировала водные пути, а Дарнаэл Второй умел быть достаточно убедительным, чтобы никому даже в голову не пришло затевать с ним спор.

Дорога заняла времени больше, чем казалось сначала. Может быть, всё от того, что они

слишком уж большой крюк вынуждены были сделать, минуя армию Торрессы, а может, беда была в том, что погода начинала портиться на подходе к рекам. Но, так или иначе, плыть хотя бы на несколько сотен метров вперёд означало потерять и корабль, и жизнь — речушка вилась с невероятной скоростью, а армии казались слишком близкими для столь заметного судна.

Капитан так и не спросил, зачем всё это было — возить королей ему было впервой, но вот людей, что желали скрыть свои истинные цели в стране, в которую прибывали — уже привычно. Обычно его ненавидели за вопросы. Как самого молчаливого, его выбирали так часто, что становилось даже не по себе — он зарабатывал, разумеется, на всём этом очень неплохие деньги, и репутация была что надо, но всё равно довольно трудно справиться с ответственностью, которую то и дело возлагают тебе на плечи, если на самом деле ни к чему подобному не готов.

Он смотрел на короля, отчасти, наверное, завидуя тому, как легко, с чистым взглядом, с лёгким сердцем он смотрел на своё войско.

Наверное, когда они выйдут в океан в бурю, он сам не посмеет так взглянуть в глаза своей команде. А у Дарнаэла Второго получалось — жуткий человек, жуткий правитель, и законы тоже в его государстве очень странные. В каком-то роде капитану нравилось нарушать эльвентские правила, нравилось вытаскивать из этого континента всех, кто стремился к полной несвободе Халлайнии.

В Халлайнии далеко ушла вперёд техника и много другого. В Эльвенте же люди дышали воздухом свободы.

— Очень хотелось бы верить, — короля Галатье как раз сводили по трапу, и у пирата появился миг, чтобы перекинуться несколькими фразами с царственным пассажиром, — что больше не увижу ни одного правителя Эльвенты на своём судне.

— Может быть, и нет, если всё закончится хорошо. И если плохо, — хмыкнул Дарнаэл. — Мне бы тоже хотелось больше никогда не увидеться. Люди, что убегают в соседнюю империю, мне не по душе.

Пират усмехнулся. У него было достаточно денег для того, чтобы купить себе гражданство соседнего, но в тот же миг такого далёкого континента — но всё равно становилось до ужаса интересно, что же привязывало так эту местность к её магии, к её чарам.

— Я долго жил там, — протянул он. — И я видел там столько изобретений, о которых в Эльвенте даже мечтать трудно. Ни капли магии — им приходится обходиться без чар, поэтому они пытаются думать головой. Но какой бы развитой не была Халлайния, там все люди — рабы либо господа. Почему Эльвента так глупа и так свободна? И Эррока... Всё это. Все эти земли.

Дарнаэл остановился у трапа, словно задумался над вопросом — обернулся и, прищурившись, улыбнулся вдруг так весело и открыто, что стало не по себе.

— Эльвента не глупа, друг мой. Эльвента — это клок эгоизма. Знаешь, как легко, когда тебя любят за то, что ты побеждаешь? — улыбка стала ещё шире, ещё ярче. — Знаешь, как тяжело победить, когда нет войны?

\*\*\*

Стражник вышел вперёд, скидывая оружие — и тут же опустил его. На губах появилась странная, до того радостная улыбка, что Галатье, сжавшийся за его спиной, не просивший больше убить, удивлённо распахнул глаза. Он видел, как Дарнаэл прибывал с кучкой верных

ему людей, но никогда не замечал того, как на него смотрела вся страна.

— Ваше Величество! — отсалютовал ему мужчина.

— Почему не эрроканские солдаты на дверях? — голос Дарнаэла звучал так мягко, вкрадчиво, по-кошачьи, что хотелось отступить и спрятаться. Словно вдруг он способен обратиться в что-то дикое и страшное, а потом прыгнуть, выцарапать глаза и вытащить сердце из груди.

— Королева Лиара, — он так и не считал её своей собственной королевой, — решила, что у нас подготовка на более высоком уровне, Ваше Величество.

— Пусть так, — кивнул он. — Она в тронном зале?

Стражник только молча отступил. Его взгляд был таким предельно преисполненным преданностью, что Галатье хотелось скрыться куда-то, только бы не быть на линии огня — не видеть, как Тьеррон, его соперник, солнце на его небесах, толкает эту проклятую дверь, как предстаёт пред очи сумасшедшей королевы Лиары.

А ещё не сталкиваться с полным презрения взглядом — как бы Дара ни любили в его стране, как бы ни боготворили, Галатье был уверен в том, что никто не говорил ему того, что он сам, король соседнего государства, успел наболтать за долгое путешествие по морю.

Он прошёл в зал, резким, уверенным шагом — переступил порог так скоро и самоуверенно, что Галатье едва-едва поспел за ним. Может быть, не следовало, может быть, и обожания во взгляде было слишком много — но он просто хотел замереть за его спиной и ждать, пока Дарнаэл позволит говорить.

Безумец. Король соседнего государства, враг! Что ж ты делаешь, Галатье?!

Но Лиара будто бы и не замечала. Её взгляд, привычно злой и холодный — Дарнаэлу он был почему-то слишком знаком, — был прикован к высокому светловолосому мужчине и к знакомой по силуэту, по жестам, по движениям девушке.

Дар был готов увидеть здесь кого угодно, только не свою дочь.

— Милая Лиара, — он сложил руки на груди, останавливаясь в дверном проёме, — я очень рад, что ты так внимательна к приходу своего заклятого врага, но, будь добра, отвлекись. Я начинаю ревновать — слишком много людей мешают мне доводить тебя до белого каления.

Она вскинула голову — во взгляде на миг мелькнуло что-то вроде облегчения, мигом сменившегося гордыней. Королева больше походила нынче на какую-то пантеру, леопарда, готовящегося к прыжку — тихие шаги, сосредоточенный взгляд и опасность, сквозящая в каждом движении. Что может быть страшнее этого?

— Дарнаэл, — она поднялась со своего трона, будто та кошка, плавная, гибкая, самоуверенная, но первый шаг навстречу мужчине сделала сама, словно забывая об извечной гордости женщины — о самом первом правиле матриархата. — А я уж полагала, что ты сбежал, как последний трус, оставив меня наедине со всеми неприятностями...

— Да неужели? — он прищурился, так довольно и зло в тот же миг, словно в одном теле уживалось два существа — король и влюблённый в эту сумасшедшую мужчину.

Галатье, сколько ни старался, не мог отыскать в ней ни единой привлекательной черты. Несомненно, Лиара была красива, но всю её внешность так уверенно и спокойно затмевала самоуверенность и резкие мазки чар, что рассмотреть за этой маской любимую, мать... Нет, он был не в силах.

Но он вряд ли смотрел на неё своими глазами. Нет, у короля Торрессы не оставалось ничего, кроме сияния чужого выбора, чужой личности — он, наверное, и сам признавал, что

с ума сошёл в той проклятой темниц, но и на свободу выбраться не мог, пытался утонуть в своих мыслях окончательно и бесповоротно.

— Эрла, моя дорогая, — Дарнаэл словно забыл о Лиаре — он миновал её быстрым, уверенным шагом, словно не заметил ни порыва, ни жеста со стороны женщины. — Вы давно здесь?

Дочь, казалось, только сейчас его и узнала — содрогнулась, опасно покосилась на мать, ожидая от неё рывка, попытки остановить отца своих детей, — а после обессиленно, так и не позволив ни единой слезинке скатиться по щеке, повисла у короля Элвенты на шее, затихла в родных, умиротворяющих объятиях.

Она что-то едва слышно бормотала, пересказывая короткую летопись последних дней, месяцев, что они не виделись — и Лиара за спиной превратилась в статую. Дарнаэлу не надо было оборачиваться, не надо было прислушиваться к её слишком громкому, надсадному дыханию, чтобы понимать это.

Значит, матери она не сказала ни слова. Промолчала — и о том, что боги — такие же, как они, бессильные, бесполезные, что победы не видеть, что у Рэя ничего не получается, только эта проклятая зелень.

У их живого — или ожившего, — сына.

— Эрла, — голос Лиары как-то слишком резко, по оттенкам и тону, отличался от бормотания её дочери, — мы не закончили наш разговор.

Дарнаэл обернулся, наконец-то выпуская дочь из объятий. Та не смотрела больше на мать с той привычной покорностью, что от неё ожидалось — воистину, королевское дитя, — но Лиара никогда не отказывалась от собственной цели только по той причине, что её самым наглým образом отказывались слушать. Слишком уж хорошо Дарнаэл знал привычки своей возлюбленной, чтобы в такое поверить.

— Мама, — в её голосе звучал почти что укор. — Ведь я сказала уже, что думаю относительно твоего предложения.

Лиара не нахмурилась. Она и виду не подала, что что-то в ответе дочери ей не понравилось — разве что только едва слышно вздохнула, но и раздражение успела подавить по-королевски быстро и самоуверенно. Правительницы не демонстрируют собственной слабости, только не тогда, когда за углом стоит богиня, что готовится узнать о том, насколько верными последовательницами её они были.

Она тряхнула головой — рыжие волосы привычной волной легли на плечи, сияя на фоне белизны платья особенно ярко, — и повернулась к Галатье.

— Так значит, — проронила она, — это было всё-таки не побегом? И в этом путешествии должна быть какая-нибудь польза?

— Милая моя, — усмехнулся Дар, — тебе не кажется, что немного некультурно так приветствовать короля соседней державы?

Было неизвестно, говорил ли он о себе, или, может быть, о Галатье — и тот тоже не знал. Лиара только гордо вскинула голову — разве она способна принимать критику на свой счёт? — и вновь торжественно посмотрела на дочь.

— Очень приятно, что ты всё-таки заботаешься о судьбе наших государств, — протянула она. — Что ж, Галатье, — до “Вашего Величества”, разумеется, она не снизошла, — пойдёмте. Эрла?

Дочь неуверенно, но без лишних споров шагнула следом за матерью, подчиняясь её воле. Рано или поздно королева найдёт время, чтобы рассказать ей всё, что думает — так

почему бы не сделать это сегодня?

Дарнаэл хмыкнул. Он так и остался посреди тронного зала, как раз у пересечения ветвей мраморных прожилок — но не один. Тот мужчина, что стоял рядом с Эрлой, незнакомый ему, разве что отдалённо и смутно, — тоже не ушёл. Разумеется, это не слуга Лиары — у неё они все как на подбор, безликие, не запоминающиеся и безмерно глупые. И, разумеется, этот человек пытался когда-то сопротивляться проявлениям её верховной власти.

Как всегда, в немилости.

— Ваше Величество, — он быстро кивнул Дарнаэлу, словно времени на достаточное уважение не было.

— Герцог Ламадийский? — Дар усмехнулся.

— Мы разве знакомы?

— Я бывал в Ламаде давным-давно — жителей ваших городов трудно забыть, — пожал плечами король. — Как и дарнийцев трудно спутать с любыми другими жителями южных берегов, так и вы не теряетесь среди горцев. Но всё же, я был уверен в том, что моя дочь станет однажды королевой, а не герцогиней. Впрочем, может быть, так оно и лучше.

— Думаю, — мужчина смотрел на него так спокойно, что Дар мог быть уверен — он не ошибся, — королева Лиара не позволит ей отступить от титула.

— Думаю, даже с королевой Лиарой можно совладать. Уж можете мне поверить, — рассмеялся Тьеррон. — Да и на то в Эрле и течёт и моя, и её кровь, чтобы она никогда не подчинялась приказам, разве нет?

— В любом случае, — сухо ответил мужчина, — больше герцогства Ламады не существует. Разве вы не знаете?

— Так или иначе, совсем скоро два трона станут одним. Лучше уступить Ламаду, чем целое государство, правда?

— Вы не верите в победу?

— Почему же, — отозвался Дарнаэл. — Верю. Но после победы не может быть так, как раньше. Кто-нибудь всё-таки должен выиграть.

— Вы воюете не между собою, мне казалось.

— Казалось, молодой человек, — улыбка Дарнаэла казалась вымученной и уставшей. — Рано или поздно вы поймёте, что в этом мире все войны только с самим собой.

— В такой войне победить невозможно.

— Именно потому правители и придумывают другие государства. Как ещё им поднять свой авторитет?

\*\*\*

Галатье будто бы и не ожидал увидеть своё государство таким — войско, распростёршееся на теренах чужой державы, бессилие, свалившееся тяжёлым грузом на плечи и полнейшее бессилие, колотившееся в его душе, бившегося в груди, будто бы ещё одно сердце. Казалось, ему противной была даже мысль о том, что совсем-совсем скоро его страна превратится в пыль в руках кого-то властного и сильного.

Бонье — не его сын, но сын его жены, — ничего не ответил. Он не смог ни объяснить, как такое вообще случилось, ни зачем они связались с могучим, нечистым на руку магом. Может быть, он их заставил — конечно, было просто рассказывать о том, что трудно поддаться человеку и сделать что-то против своей воли, когда ты дворянин и занимаешь высокое положение в обществе, но ведь Галатье и сам был готов выполнять каждый приказ,



что сорвался бы с уст Дарнаэла Тьеррона.

Может быть, эта слабость была для них семейной. Просто тонкой нитью проходила сквозь семью, связывая мелкими, тонкими нитями.

Сейчас Галатье было страшно. Никто не дал ему увидеть богов — только издалека, — но одного только поразительного сходства Дарнаэла с его сыном хватало, чтобы в душе забилося странное сожаление по прошлым временам.

Он был пленником этого места. Кто выпустит короля вражеской армии, короля, смерть которого будет означать потерю любой, даже формальной власти над Торрессой?

Галатье отчаянно пытался вспомнить о наследниках. О тех, кому перешёл бы его трон в случай его смерти — только не Бонье. Ведь это повторится, разве нет? Он ждал, что, рано или поздно, парень склонится перед кем-то, падет на колени...

Он и сам был готов это сделать.

— Значит, — голос звучал отчасти хрипло и устало, и Галатье казалось, что ещё несколько слов, и он больше не сможет даже шептать, — теперь армия не может даже сопротивляться этому влиянию? Теперь им только нужен кто-то, кто попытается их остановить? Но... Я ведь не смогу. Если...

— Это твоя армия, — возразил Дарнаэл. — Ведь ты король! Правитель! Ты должен выйти к ним и сделать всё, что можешь, чтобы они остановились.

На самом деле, истинной целью было что-то другое, пожалуй. Узы короля и его народа — священны, если королю место в его государстве. Если же нет — то никто не сможет остановить навалу врагов, что так и стремятся разрушить маленький бесполезный островок...

Или завладеть сознаниями армии.

Им надо было отсечь последнюю надежду. Надо было сделать так, как говорила Нэмиара — попробовать воспользоваться чарами и чужой силой, пока на свою нет никаких перспектив.

Просто отпустить.

Галатье был слеп. Он и в себя не верил, и в человеческое коварство — тоже, — но был не настолько глуп, чтобы согласиться с Дарнаэлом, рискнуть выступить перед своим государством.

Сейчас — когда рядом не было больше никого, только король соседнего государства, в этом круге тонких, назойливых стен, — он чувствовал себя беззащитным.

— Чем это может тебе помочь? — прошептал он отчаянно. Хотелось опять упасть на колени и протянуть Тьеррону кинжал, но на этот раз у него даже оружия в руках не было.

А ещё оставалось старое ветхое кресло, в котором он сидел, лишь бы не подниматься на дрожащие ноги.

— Твою армию, как говорит одно древнее пророчество от эльфов, может остановить её истинный правитель. Знаешь, магия и всё такое, — Дарнаэл сложил руки на груди, словно пытаясь вселить в него некую уверенность.

— Какой я правитель...

— А кто тогда? — Дар прищурился. — Формально — ты. И пока ты жив, никто не может претендовать на это место официально.

— Убей меня.

— И стать врагом Торрессы? Это магия, Галатье. Может быть, они и вправду ждут только пары твоих слов, чтобы остановиться?

Он не верил в это. Разумеется, не верил. Но Дарнаэлу надо было ослабить хватку, чтобы его больше не держали за горло обязательства перед волшебством чужой страны, перед её правительством.

Было время подумать — пока они приехали сюда, пока Лиара вновь не восстановила хрупкое, ирреальное перемирие. Молчание, тишина — вот и всё, что было ему нужно, чтобы смириться с теперь уже привычной и такой правильной мыслью о том, как всё должно происходить дальше.

Дар никогда не был достаточно глуп, чтобы поверить в пустые пророчества и их бесконечную силу. Нет, разумеется, он не собирался сейчас доверять посторонним людям, подчиняться воле богов... Даже если эти боги были реальны. Даже если он мог с ними разговаривать.

Даже если они смотрели на него, презренно кривя губы или улыбаясь зеркальным отражением. Всё это — фикция.

Умрут они или выживут, боги были и будут всегда. Просто сменяют тела. Расстроятся или обрадуются — а разве вечной жизни может грозить что-нибудь столь временное? Нет, конечно же — они проживают её раз за разом и сами же в этом сознаются, радостно улыбаясь или пуская слезу над могилой целого поколения.

Если Галатье сможет остановить своё войско — они наконец-то получают долгожданный мир. Им не придётся толкать вперёд осколки собственной армии, у которой здесь даже есть толком нечего, не придётся бороться с торресским войском, руководимым, возможно, самым сильным на свете магом.

Если Галатье сдастся и падет от рук врага, то это уже не будет Торресса — только вражеский маг. Тогда, может быть, у них будет право пользоваться всем, что есть под руками. Свободный путь, свободные люди, которых больше не связывает клятва другому человеку.

Это не его были мысли.

Это были мысли отражения в зеркале — Первый, спокойный и равнодушный, с короткой фразой.

Пока их повязывают связи с Галатье, пробиться к ним труднее. Стоит только отступить, и Тэллавару будет так просто вытеснить мысли из их и без того достаточно пустых голов...

И дать им возможность вспыхнуть ненавистью.

Почему он вторил, что это важно — сказать Дарнаэл не мог.

— Я просто хочу обрести покой, — ошалело пробормотал Галатье. Он закрыл глаза, словно вот-вот заплачет, и тяжело дышал, не в силах бороться со старостью. — Почему ты не пощадил меня, почему вытащил оттуда...

Потому что сам хотел умереть?

Потому что хотел доказать что-то себе, Лиаре, кому-нибудь ещё, но теперь, в последнее мгновение, осознал, что это не поможет?

Потому что выжить пожелал только на обратном пути?

Потому что магия построила свои тонкие линии правил?

— Если ты выйдешь к ним, ты умрёшь. Так легко, так просто, — он положил руки ему на плечи и, склонившись, шептал почти на ухо. Будто бы те проклятые змеи, которых описывал Бонье. — Неужели ты не этого хочешь, Галатье?

\*\*\*

Он коснулся мягких, светло-каштановых, вьющихся волос. Улыбнулся новой, солнечной

улыбкой, не имеющей ничего общего со старыми чертами лица. Теперь ни единой морщинки, ничего страшного, ничего отвратительного. Ни единой нотки из прошлой жизни.

Обернулся.

— Ведьма, — голос звучал подобно шипению, на губах змеилась улыбка. Он, казалось, был готов ослабиться и одним укусом испить из неё жизнь.

Но вдруг пригодится?

— Я пришла, потому что мне есть что сказать.

Он рассмеялся. Повернулся наконец-то — Вархва? Будто бы в её глазах отражается эта Эррока впиталась в её кожу. Светлые волосы, бледная кожа, глаза синие-синие, до того наивные, что даже заглядывать противно.

Он сделал шаг в её сторону, коснулся пальцами щеки.

— Мне нужен предводитель этого войска.

Он рассмеялся.

— И что ты мне расскажешь, кукла?

Она могла. Ей было что поведать о живом принце, о том, как он смотрел на неё не этими жёлто-мутными, другими, синими глазами.

— Дарнаэл Первый ожил, — выдохнула наконец-то она.

Это должно было быть предательство.

Это было бы предательство — если б только что-то не сжало её горло, не позволяя выдохнуть те слова, которые она собиралась сказать. Не позволяя так просто сорваться с губ фразам, у которых не было бы шанса потом исправиться на другие, логичные, правильные и честные.

Она тряхнула головой. Светлые кудри, почти прозрачные глаза, бледная кожа.

Она сбежала из дворца, в котором её заперли, как в клетке — сбежала оттуда, где считали по правду предательницей, чтобы совершить то, в чём подозревали на каждом шагу. Сбежала, а теперь не могла выдохнуть те несколько коротких строчек, тех цепких фраз, что стали бы ей приговором.

— Я просто очень хочу не остаться ни с чем, — рассмеялась звонко она. — Наверное, Первый попытается выйти, пригрозит своими чарами... Но у него ничего нет на самом деле. Он не способен даже цветочек заставить распуститься.

...А принц... что принц? Она молчит.

Принц не ожил, принц не пытается руководить собственной неокрепшей силой.

Что такое эрроканка? Это сила. Это бьющееся в груди сердце. Это жертва.

Будь она сто раз не предана, не благородна. Будь сто крат тщеславна.

Принц не ожил, в принце нет ни капли могущества.

...Он склоняется, чтобы поцеловать юные белые губы — рабовладелец и целая армия подчинённых ему недодуш.

Он склоняется, чтобы выпить её силу, и змеи шипят под ногами, обвивая её запястья, щиколотки, плечи и шею.

Невидимые оковы падают, скатываются по её плечам, и он наконец-то позволяет себе сделать последний шаг. Позволяет силе вспыхнуть и обрести власть — завтра это случится. Завтра он станет всем для этого мира.

...А утром она пеплом по ветру выскальзывает из отвратительных рук, и по костям чужих надежд ускользает во вражеский лагерь.

\*\*\*

Эльфийка шумно выдохнула воздух. Ей не хотелось даже начинать этот разговор — когда мысли, чужие и страшные, страстные и болезненные, врывались в её сознание, хотелось закрыться в себе и выставить максимальные блоки, а не отчаянно пытаться сконцентрироваться на чужих словах.

Тэрэвальд пытался ей объяснить, что он тоже пленник. Пленник богов, пленник чужих требований и ожиданий. Они окружили его со всех сторон и давили на голову — быть верным религии или церкви?

Как странно, говорил он, идти за своим богом против воли религии, созданной во имя его. Как странно, когда жрец, молившийся иконе этого эльфа, метал нож в спину ему самому.

Са пытался оправдаться — и не мог. Для этого было недостаточно слов, недостаточно сил, только что-то странно сжимающее горло — не в силах выдохнуть правильный ответ.

Нэмиара, наверное, его и не поймёт. Она сейчас была такая отстранённая, такая холодная, что Тэрэвальду становилось не по себе — он не мог и предсказать, какова будет следующая фраза, куда направлен ещё один взгляд в её исполнении.

Она не могла его прогнать. Она ведь добрая, светлая, чистая, разве нет? Или всё-таки оттолкнула бы, появившись у неё такая возможность.

— Понимаешь, — он протянул руку, сжал её запястье, словно пытался достучаться до сознания, — я и не знал, что надо делать. Всё словно перед глазами плывёт, и мне как-то так...

Она внезапно мотнула головой, сжала зубы, отвернулась, словно пыталась придумать, что сказать, но на самом деле не могла этого сделать. Неприятно было, что ли, или, может быть, просто до конца не могла разложить для себя эту короткую ноту молчания.

— Тише, — её голос прозвучал как-то глухо. — Это опять происходит...

Он запрокинул голову назад, глядя на бесконечно синее небо. Они сидели в королевском саду, на мягкой траве, и он отчаянно пытался понять, о чём шептала Нэмиара. Почему отказывалась слышать его слёзы, жалеть, касаться даже его.

Ей было неприятно? Ей было страшно?

— Что происходит?

— Он сделал всё неправильно, — она откинулась на траву. — Он так много ошибался... Он так много ошибался, что у них даже есть шанс.

Она засмеялась — и смех её, словно шелест листьев, убаюкивал его.

Хотелось закрыть глаза, и небеса мрачнели, и тучи закрывали солнце.

Её больше не было.

От его бедной Нэмиары осталась только высокая, стройная, с серебристой листвой берёза.

===== Глава восемьдесят первая =====

Наверное, это изначально было самоубийством.

Король Галатые едва-едва ходил — в последнее время здоровье подводило его всё больше и больше, напоминал о себе возраст. Он понимал, что и на холме том отвратительном долго не простоит, что и заклинание, что должно было заставить его голос звучать громче, долго не продержится.

Королева Лиара отказалась участвовать в этом фарсе, как сама выразилась, лично, поэтому отправила юную ведьму. Та бормотала какие-то заученные формулы, навешивая на него защиту и усиливая голос — иначе никто так и не услышит своего правителя.

Галатье всё это было не интересно. Дарнийка говорила, что его жизни не будет грозить опасность, но короткого кивка со стороны Дарнаэла хватило, дабы понять — она просто пытается его успокоить. Этого торресец и ожидал. Он надеялся, что наконец-то получит свою смерть, что ему позволят мирно отойти — не будут больше привязывать оковами к этим остаткам жизни.

Смириться с собственной усталостью, опустить голову, позволить себе умереть, пусть не сейчас, а через полчаса. Он всё ещё верил в то, что в его войске остались какие-то крохи здравого смысла — бороться против Дарнаэла... Но Тьеррон строго-настрого запретил поминать своё имя, и Галатье казалось, что он будет говорить не от себя.

Ему некому было оставлять своё государство. И раз за разом он вспоминал ту красавицу-дарнийку из далёкого прошлого, мелькнувшую ярким пятном в его жизни. Он путал с нею и ведьму, и ещё кого-то — или, может быть, то всё были тени?

Галатье не знал, как это — потерять рассудок. Наверное, никто не знает, а когда наконец-то наступает тот отвратительный миг, когда мысли уже не поддаются и отказываются плыть в нужном направлении, то поздно вспоминать о том, как сбежать из маленького замкнутого пространства собственных мыслей.

Торрессой после его смерти будет править Бонье — даже хорошо, что их очень скоро коронуют. От него не осталось ничего, но и шанса исправить это больше нет — зачем хвататься за бесполезные осколки жизни?

Тем не менее, шагая в сопровождении стражи на холм, он чувствовал себя почти уверенным, почти сильным. Ведь установка была так проста, так обыкновенна — остановить армию. Уговорить их больше не нападать на чужое государство.

Выйти и заговорить так, как говорят короли. Так, как должен сказать настоящий правитель. Просто сделать эти несколько важных шагов и позабыть обо всех предрассудках.

Можно ведь вспыхнуть ярче хотя бы перед тем, как догоришь?

...Он и не думал, что подняться будет до того трудно. Что когда он выпрямится на этом холме — или попытается, по крайней мере, — на него никто не будет обращать внимания. Теперь, когда армия Эльвенты осталась за спиной, а его собственная огромным лагерем простёрлась перед глазами, ему стало особенно страшно — ведь где его власть, в чём?

Что говорил Дарнаэл, когда диктовал ему приветственную речь народу, когда повторял, что надо сделать? Каков он был?

...Как горели глаза, как он уверенно, упрямо твердил одно и то же.

Галатье сделал последний шаг, замер, расправил плечи и посмотрел на огромный лагерь торресской армии, неожиданно большой, неожиданно могучий, как на ту маленькую страну, что он возглавлял. Может быть, он никогда не пытался посмотреть по-новому на собственную державу, зря считал её до такой степени слабой?

Он не мог говорить с ними, как прежде.

Когда он выпрямился и откашлялся, а голос громогласно зазвенел под действием магии над огромной толпой, Галатье осознал, что самим собой он быть не может.

На этом холме к ним обратится не их король.

Он просто сыграет роль.

Станет тем, кем никогда не был. Засияет чужой синевой, вспыхнет огнём сворованной — одолженной на минутку, — силы.

— Народ Торрессы!

Голос звучал так, как надо. Поставленно, уверенно, и плевать, что с чужими нотками,

чужим тоном, другими словами. Может быть, надо переменить тон? Вспомнить о том, как он на самом деле должен себя вести? Воскресить того короля, которого Торресса потеряла много лет назад, обретя слабого, малодушного мужчину, способного только вставать на колени перед своей женщиной? Бессмысленно! Он даже не знал, способен ли держать удар, когда понадобится, имеет ли шанс выдержать, выстоять, не рухнуть на колени, когда на него посмотрит враг, пленивший его армию, убивший его жену...

Жену? А дочь? Марта умерла от руки Дарнаэла Тьеррона — по его приказу уж точно. Нормально ли — молиться на него, шептать просьбы и падать на колени перед человеком, что мог смести его державу?

Армия Торрессы никогда не была достаточно сильна. Всё, что здесь стоит — это тень. Тень, пресыщенная магией, и именно этих чар они боятся.

Их армия не мала, но труслива. Она способна рухнуть на колени от первого дуновения ветра, задрожать при виде вражеского отряда, ничтожно крохотного, жалкого, но руководимого достойным лидером.

Почему же сейчас они столь смелы? Почему смотрят в его глаза, почему поднимаются с оружием в руках, не собираясь замирать, будто бы те крольчата перед удавом?

Потому что это не они. Не солдаты, у которых есть чувства, есть дыхание, есть способность смотреть вперёд и думать о чём-то. Марионетки, куклы, жалкие отражения... Отражения в руках умелого кукловода, и он не позволит им просто так воспротивиться.

Не позволит проиграть.

— Долго ли вы, вольный народ, — голос громом раздавался над долиной, — будете поддаваться рабовладельцу, человеку, что гонит вас, будто бы тупой скот, вперёд, на могучую чужую армию? На людей, с которыми вам никогда в своей жизни не совладать, людей несильных, людей, в глазах которых горит жажда победы?! Вы — кто вы? Вы боретесь за Торрессу? За своё счастье? Всего этого нет в планах вашего поводыря!

Он должен достучаться. Пусть чужими фразами, пусть восклицаниями, что срываются с его губ против его воли.

Он — не Галатье Торресса. Он просто остаток от себя-прошлого, тень, что пришла откуда-то из маленького островка...

— Я вырвался из темницы для того, чтобы предстать перед вами. Признаться, что был слаб, когда отринул от своих обязанностей, когда позволил женщине, пусть и любимой, взять в руки правление своим государством, когда дал ей возможность разрушить то, что столько лет выстраивали в Торрессе! Но они тоже были слабы... Да, сильнее меня, человека, предавшего однажды свою державу, но уже тысячу раз пожалевшего об этом. Могу ли я замолить эти грехи? Могу ли сделать для вас что-нибудь, кроме как предотвратить кровавую бойню, не дать вам затопить собственными слезами родной архипелаг?!

Он никогда в своей жизни не говорил столь проникновенно. Никогда не пытался быть таким сильным, до того могущественным, чтобы народ поднял головы и смотрел на него.

Это войско было огромным — может быть, потому, что он просто никогда не видел их всех вместе. Он смотрел на них и понимал — они проиграют. Они такие же, как и их король.

Ему хотелось закричать, что армия Эльвенты и Эрроки, объединившись, сметёт их с лица земли. Хотелось молить, чтобы его бедные дети, несчастный народ наконец-то позволил себе уйти отсюда и вернуться к привычной жизни. Хотелось раз за разом повторять, что они достойны лучшего, чем быть просто овцами на забой, и никто, в том числе ничтожный маг, возглавивший их, не в праве лишать их высшего блага — жизни.

Он был уверен в том, что его услышат. Был уверен, когда смотрел в преданные глаза, на которые наворачивались слёзы, когда видел, как дрожали руки и подгибались ноги — они не могли ничего сделать. Они не умели воевать. Не вышколенная армия, силой своей вознамерившаяся повалить навалу врага. Не сильные маги, одного слова которых достаточно для того, чтобы противник больше не мог даже пошевелиться, пока ему перерезают горло...

И внезапно всё пропало. Галатье видел, как выпрямлялись спины, видел, как глаза его народа вспыхивают чем-то необыкновенным. Он был стар и слеп — но даже так мог заметить, как отчаянно, преисполнено болью пылали их души.

Он верил, что сам воззвал их к этому.

Но после поток докатился и до него.

...Сопротивляться этому было невозможно. Галатье потерял все слова, что рождались минуту назад в его сознании. Они рассыпались, будто бы жемчужины разорванных бус. Маленькие бисеринки на полу. Ничего не было, и сила воли его потерялась в траве.

И он был готов подчиняться. Он ещё видел то прекрасное дарнийское солнце и карие глаза его возлюбленной, затерявшейся на далёком острове. Он видел, как плакали матери за своими упокоившимися на войнах детьми. Видел, как его короновали...

И всё это становилось ненужным. Лишним. Сейчас только одно божество там, за их спинами, великолепное и могучее, только тот, кто способен направить их и заставить сделать то, что думает сам.

Он владел ими. И Галатье отступал, сверженный, чувствуя, как чёрные пута проклятья сковывают его по рукам и ногам. Как боль кинжалом впивается в сердце.

Дарнаэл знал, что говорил, когда обещал ему смерть здесь. Знал, что Галатье Торрэсса не сможет уговорить собственный народ. Да и цель у него была другая — просто лишить их правителя, дать возможность кому-то — не врагу, — занять его место.

По праву, по магии не может тот, кто убил короля, занять его место.

Тэллавар не знает этого.

И Галатье тоже не знал.

Он закрыл глаза, и волна облегчения окатила его с ног до головы. Царственное забвение очернило небеса тучами, и яркое дарнийское солнце угасло на закате времён.

\*\*\*

Армия рванулась вперёд, под громкий, сумасшедший хохот своего предводителя. Тэллавару не нужна была магия для того, чтобы показать весь спектр собственной ненависти — волшебство лишь направляло его подданных туда, куда он приказывал.

Понять всё могущество бессмертного было трудно. Она и не пыталась — просто молча принимала это, как данность. Устало опустилась в плетёное кресло и зажмурилась, пытаясь позволить себе побыть на мгновение свободной.

Она смотрела на оставшуюся на полу змеиную кожу. Несчастная умерла, так и не ощутив ни капельки счастья. Не позволив себе до конца вкусить той отчаянной боли, того жуткого чувства... Забрать у человека жажду — что может быть хуже?

Мизель всегда знала — мужчины болтливы. Она, мелочная, жалкая девица, способная вешаться на шею любому, кто только ей улыбнётся и предложит на одно короткое мгновение ей немножко больше власти. Мужчины в это верят — им приятно чувствовать себя королями, всемогущими, а она достаточно хороша, чтобы легко околдовать их. Достаточно могущественна, чтобы скрыть собственное отвращение за тонкой струйкой магии, которую так легко, так просто в них влить.

Она расслабленно потянулась и вновь посмотрела на то, что осталось от несчастной королевской любовницы. Ей было интересно, горела ли Зэльда любовью к своему Дарнаэлу так, как сейчас пылает Тэллавар?

Он рассказывал ей всё. Насмехаясь над пустой женской слабостью, он слушал её тихий шепот о том, насколько слаб Дарнаэл Первый, насколько безлика великая богиня Эрри... Он верил каждому слову — когда она расписывала, как вынесли на поверхность труп несчастного Шэйрана. Слушал с огромным удовольствием о том, как юный лик померк, осенённый старостью смерти, и как от несчастного принца Эльвенты осталась одна лишь жалкая оболочка.

Она говорила, что боги отправились сюда, чтобы позволить магии вспылать в этом мире и победить Тэллавара — но потеряли оружие. Повторяла раз за разом, что прибыла к истинному победителю, зная, что достаточно красива, чтобы ей поверили на слово. Это, конечно же, было глупой и откровенной ложью, всё то, что она повторяла.

Но если истинные змеи должны хранить верность своим богам, то разве она, переменчивый хамелеон, не может выбирать сама, руководясь разумом, а не какими-то глупыми эмоциями?

Тэллавар рассказывал ей, что он сделает. Тогда, когда Эльвента попытается остановить его войско, когда воспользуется последним козырем — может, Бонье, может, Галатье, если сумеют его привести, — он наконец-то отпустит свою силу, ведь теперь у него есть всё, что нужно. Наступает война, и теперь он готов поработить всё своё войско для того, чтобы оно оставило от Эльвенты и Эрроки только жалкие огрызки стран-подданных. Может быть, он займёт трон в Лэвье или в Кррэа, но больше всего хочется отстроить новую столицу. В Вархве, например, откуда он родом — там он отыскал то, что влил в свою новую личность, стремящуюся к победе.

Мизель не пришлось оборачиваться для того, чтобы услышать, что к ней кто-то приблизился. Она позволила Грете даже коснуться своего плеча и обернулась, улыбаясь так наивно и невинно, как должна была бы, окажись и вправду глупой потаскушкой.

Мужчины легко верят в слова красивой женщины, особенно если из уст её постоянно звучит лесть. Почему бы не воспользоваться этим сполна, если есть такая возможность, почему не попытаться перевернуть всё так, как хотелось бы ей одной?

— Ты думаешь, — в голосе Греты не было эмоций, хотя это не она, а бедная Виест отдала всё, что было в её душе, гадкому псевдобогу, — что способна занять место рядом с ним?

Мизель хотелось хмыкнуть. Лживое существо рядом с её возлюбленным повелителем — что ещё может думать о ней Грета, если она до такой степени верна своему хозяину?

Они учились вместе, и никто не знал, что Грета — преданная змея Его Преосвященства. Кроме Мизель.

Они учились вместе, и никто не знал, что Мизель — нечто большее обыкновенной ведьмы. Даже Грета.

— Ты считаешь, — продолжала она, подойдя ближе, и Мизель буквально видела её клыки, вот-вот стремящиеся прорваться сквозь человеческий лик, — что имеешь право приходить сюда, своими грязными ногами топтать всё то, что хозяин столько лет пытался воссоздать, лгать ему? Я вижу в твоих глазах, что о принце ты ему солгала. Ты сказала ему, что он мёртв — а тот ведь вернулся живым. Ты сказала, что в Дарнаэла нет ни капли его истинной силы — но ведь разве ты не знала, что он пытается разбудить дар в принце?



Мизель рассмеялась. Улыбка на её губах казалась до того ясной и чистой, словно перед ними Гретой стояла не обыкновенная девушка из плоти и крови, а сама богиня Эрри или её верная, лучшая жрица.

Мизель ненавидела Эрри. До чего же противным ей казалось матриархальное лицемерие, в которое она столько лет успешно играла. До чего гадкой была война — с кровью и мечами... Один только взгляд из-под ресниц, одно короткое слово, прошептанное с вложением нескольких капель силы — и больше ничего не нужно, чтобы подчинить человека! Кто-то, как она, женской змеистой хитростью получает это от противников, кто-то — властно расправляя плечи и сжимая ладонью эфес меча, кто-то — касаясь поручней балкона перед своей толпой, по тонкой зелени трав передавая в их мысли свой приказ. Разве это не действеннее, чем война?!

Ей так нравилось, как это делал Первый. Как он радостно улыбался, будто бы дитя, когда его чары казались успешными! Сколько лет она прошла с ним плечом к плечу — пусть немного за его спиной? Тенью. Она всегда была тенью.

Не змея — белая кошка, ступающая по мирам с той осторожностью, которой может быть достоин только самый лучший на свете человек. Белая кошка, всегда верная одному только своему богу — без шепотка о бескорыстности.

Она дарит свою службу, они — забвение и вечность. Честная сделка — она часто меняет свой лик, но всегда приходит, когда нужно. Она не предаёт, какую бы только роль перед этим не играла...

— А почему ты ничего не поведала своему распрекрасному божеству? — прошептала она, приближаясь к Грете, глядя ей прямо в глаза. — А почему не рассказала ему сама? Потому что он не спрашивал? Это так удобно, правда? — Мизель провела кончиками пальцев по щеке змеи, словно испытывая её терпение. — Сколько стоят клыки твоей верности, змея божья?

Она ощерилась, так и не ответив. Выгнулась, будто бы готовясь к трансформации, рванулась вперёд, стремясь укусить в шею это ничтожество — разве будет кто-то плакать за женщиной, что послужила развлечением на одну ночь, а после навеки покинула его мысли.

Мизель была ведьмой, конечно, но Грета знала — в своём истинном обликии она слишком быстра и ядовита, чтобы какая-то колдунья остановила её взмахом руки.

Но блондинка только вывернулась в её руках — а после тонкий кинжал пришилил змеиное тело к земле. Крови не было — только какая-то странная жидкость.

Мизель облизнула губы, вынула нож и переступила через тающий небесной дымкой труп.

Ей никогда не нравились служительницы культа богини Эрри.

Она выскользнула из шатра и криво улыбнулась — все они помнят. Все пророчества на будущее и великие битвы прошлого. Тэллавар только отринул от своего знания, а значит, он больше не вечен. Молодое тело — это ещё не гарантия успеха.

Она смотрела, как безликая, бездумная армия рвалась вперёд, и подавляла смех, kloкотавший в горле. Она не знала, победят они или проиграют — но предчувствовала, как вот-вот озеро чар превратится в пересохшее болото.

Грета могла его предупредить. Но ведь он не спрашивал, правда?

Разве она умела говорить без приказа?

\*\*\*

Антонио устало, будто бы помертвело опустил голову. Ему, не магу и не воину, нечего

было делать на великой войне.

Их всех оттуда прогнали. Он не мог колдовать, испытанный до дна тем одним коротким заклинанием, на которое осмелился однажды, поднимая руку — или магию? — на родного отца. И сражаться тоже не мог, потому что Вархва сделала их жалкими существами, а не мужчинами.

Их никого на поле боя не выпускают — тех из-за страха, тех из-за чего-нибудь ещё...

И единственное задание — помочь доставить короля Галатье во дворец.

...Он тоже казался почти мёртвым. Правда, наверное, был к черте немного ближе, чем Антонио — но Карра хотелось сказать, что это вполне поправимо. Может быть, он просто переоценивает собственные силы, а вызываться помогать переносить короля, тащить на себе эту непосильную ношу было слишком глупо?

Магию с него, несомненно, следовало снять, но с этим смогла справиться только Моника. Не глупые сыновья правительниц Эрроки, хотя Шэйран, кажется, не до конца осознавал собственную беспомощность.

Он и появился как-то странно — прибыл в Кррэа, словно был готов к битве, был готов сражаться с Тэллаваром. И этот надменный синеглазый мужчина рядом с богоподобной воительницей; разумеется, Антонио видел их только издалека, но это не заставило его забыть о религии, о том, в чём его столько лет убеждали. Значит, Эрри существовала? Значит, мама говорила правду?

Никто их с ним не знакомил, и он всё так же чувствовал себя бесполезным и лишним — теперь, когда помог королю перебраться на широкое ложе, думал, как же странно — он вот-вот умрёт, а всё равно смотрит яснее, чем сам Карра в любое время дня и ночи.

Галатье бессильно протянул ладонь, пытаясь уцепиться сухими старыми пальцами в запястье Шэйрана, но не дотянулся, только мазнул по коже, заставляя парня остановиться.

— Вы победите, — прошептал он. — Армия Эльвенты могущественна...

Он закашлялся — кровью — и Рэй отступил на несколько шагов, словно опасался заразиться подчинением, смертельным проклятием.

Что сказала мать? Не смей появляться на поле боя, ни ему, ни Эрле, не смей выходить из дворца. Всё это началось потому, что однажды их отец посмел тронуть торресскую принцессу, будь она хоть сто раз предательница, значит, он сам должен платить за это.

— Позови Монику, — голос Рэя, даже такой хриплый, отдалённо схожий с голосом его отца, звучал, будто бы бесконечный приказ.

— Ты не имеешь права мне приказывать, — покачал головой Антонио.

Раньше — в Вархве — они были друзьями, сейчас, пожалуй, просто равными бессильными существами, которые не могли колдовать достаточно ярко, чтобы выйти на поле боя. Выйти, как вырвалась туда та хрупкая блондинка, Анри, как, сжимая в руках шпагу, направился Кэор, кажется, какой-то королевский родственник... Да и Моника, наверное, тоже воевала бы, если б не вынуждена была дожидаться Галатье.

— Я — наследный принц, — теперь Шэйран не был тем, что прежде, и не говорил так же привычно мягко, разумно и спокойно. В нём не осталось ни ребяческого бунта, ни глупой покорности прошлого. Антонио хотелось бы обладать таким тоном — но только в том случае, если бы он был подкреплён хоть каким-то даром. — И я имею право приказывать в этом государстве кому угодно. Приведи Монику. Немедленно.

Карра склонил голову. Повиноваться, во всём и всем — может быть, он и родовит, но уж не больше, чем Рэй. А бездарнее, чем он сам, человека отыскать в этом мире довольно

трудно.

Он и воевать не хотел. Это Рэй, Эрла — они возмущались против приказов остаться в пределах дворца, ни за что не выходить наружу, не позволить врагу дотянуться до них своими грязными лапами и растерзать на мелкие кусочки.

Антонио видел, как холодно, зло смотрела Эрла — её светловолосый спутник, кем бы он ни был, выбирал оружие, чтобы выйти на поле боя.

И Рэй — имели ли их споры смысл?

\*\*\*

Шэйран присел на кресло, устало глядя на Галатье. Сколько минут ему осталось до смерти, сколько ещё он сможет выдержать? Разумеется, его удерживали заклинания Мон — бедный мужчина едва-едва хватался за то, что ещё оставалось.

Галатье молил о смерти. Но магия, тянувшая силы из Лэгаррэ, сейчас не позволяла ему погибнуть — и не позволит, пока Мон не ослабнет.

— Вы победите, — прохрипел, как-то блаженно улыбаясь, король Торрессы. — Вы обязательно победите. Армия Дарнаэла непокорима...

Рэю хотелось согласиться. Хотелось сказать, что да — если б только их не оттесняли к городу.

Кррээ — не тот город, что способен долго выстоять на войне. Сколько магов пыталось осыпать своими чарами армию Тэллавара, и ни у одного не получилось отвоевать больше одного солдата. Они вырывали их крохами, раненных и уставших — воинов приходилось рубить на куски, чтобы их подчинённые сознания наконец-то умирали, затихали импульсы, приказывающие телу двигаться.

Тэллавар не мог руководить мёртвыми. Но пока они ещё дышали, пока могли держать в руках оружие — они шагали вперёд, пушечное мясо, с которым ничего не могла сделать могучая, но разбитая на части армия Элвэнтты.

Будь здесь она вся, собранная, на той территории, что выбрал бы Дарнаэл Второй, наверное, победа всё же осталась за ними. Но плечом к плечу с эрроканцами, с народом, который они столько лет приучались презирать — нет.

Да и местность была неудобной — волнами накатывала Торресса, сминая армию во что-то странное и отвратительное, отчаянно пытаясь сбить её с толку, разрушить, под корень зарубить все попытки сопротивления.

Рэй прекрасно понимал, что тут помощников нет. Только верить в удачу — почему он не выходил в бой? Почему не сражался?

Не хотел умирать? Слушал собственную мать, как и бедная Эрла, опять попавшая под её бесконечно могущественное влияние?

Нет. Он просто не верил в то, что способен хоть на что-то толковое. Просто не умеющий держать в руках оружие мальчишка, у которого лишь однажды удалось воспользоваться своим даром.

Или дважды.

А может, он оправдывал себя тем, что пока что нужен здесь?

Распахнулась дверь — Моника не стучалась, её ведь ждали здесь. Без единого колебания склонилась над умирающим королём и сжала его руки, пытаясь выпить все остатки собственных заклинаний, дабы избавить наконец-то его от кошмарных страданий.

Он мягко улыбнулся, так нежно, что казалось, увидел тень.

— Моя милая... Как ты на неё похожа...

\*\*\*

Он видел дарнийские карие глаза. Те же черты лица — как нежно она ему улыбалась! Как прекрасна была в этом своём отчаянном желании сделать лучше, исправить мелкие ошибки, подтолкнуть его к истинному пути, к смелости и мощи...

Он, разумеется, недостоин её — считал, что может воспользоваться и убежать. А теперь эта девчонка, вылитая она — но разве она из Дарны родом? Разве имеет отношение к той сияющей, пылающей красотой, такой же, как и у таинственной ведьмачки, девушке?

Разве они — одно целое?

Он блаженно улыбнулся, когда глаза его закрывались.

— Как ты на неё похожа...

Она могла бы быть его внучкой. Если б тогда она родила... Если б только тогда у них было дитя — тогда перед ним могла сидеть его кровинушка, прекрасная юная ведьма родом из Дарны. Но разве бывают в мире чудеса?

Галатье радовался собственной жертве. Тому, что его отпускали на тот свет, наконец-то перестав так крепко сжимать руки и отчаянно тянуть на себя, пытаясь вернуть из кровавой бездны.

— Да придут с вами боги, — прошептал он, закрывая глаза, и кровавая, адская тьма наконец-то пропала.

Он шёл туда, где будет счастлив.

Туда, где его нет.

\*\*\*

Тэравальд пришёл к нему слишком поздно. Да и что мог сделать Первый, кроме как теперь касаться ствола дерева ладонью?

— Я пойду воевать, — полуэльф отвёл взгляд. — Если б я был не так труслив, если б не так сильно её разочаровал, она бы доверила мне то, что она чувствует.

Первый нахмурился. Прекрасная берёза с серебристыми листьями — всё, что осталось от змеи, что хотя бы пыталась хранить ему верность. От одной мысли об этом, о том, что она фактически пожертвовала собой, становилось дурно. Но кто знает, что было бы, если б только Нэмиара не попыталась привести к ним Бонье?

— Сейчас, — Дарнаэл заставил себя подавить тонкую, торжествующую улыбку, — ты пойдёшь не на поле боя.

— Почему?

— Время быть смелым. Убедительным, — он покачал головой. — Найди принца. Скажи ему, что всё пропало. Скажи ему, что армия погибнет. Раскрой ему глаза — они не способны сражаться. Дарнаэл Второй не протянет и пары часов — магия и навала чужого войска слишком сильна.

Тэравальд содрогнулся. Ему казалось, что божество предложит выход — а он даже не отправился воевать. Он не позволил Эрри ступить и шагу на поле боя — она стояла чуть дальше, так и не касаясь этой берёзы, словно не хотела нарушить покой Нэмиары.

— Ступай, — Дарнаэл выпрямился. — Только скорее. Скажи ему об этом.

Тэравальд кивнул — он не мог противиться. Это было безумием — отказать тем, ради кого он предал всё, что осталось там, позади.

Стоило ему только скрыться во дворце, Эрри выступила из тени здания и подняла голову, глядя на небо, покрытое тучами. Солнце ещё вчера так мягко освещало горизонт, а теперь клубы серости, боли и жути собирались над их головами, и только сияние молний

разрезало воздух.

Как символично.

Источник вступает в игру.

— Мы должны быть там, — покачала головой она. — Взяться за мечи, воспользоваться чарами — даже тем, до чего пока что не можем дотянуться. И сделать всё, чтобы армия Эрроки и Эльвенты победила.

— Это не наша война, — возразил Дарнаэл, — а их.

— Всего лишь дети...

Он зажмурился. Вот-вот пойдёт дождь — и ему хотелось, чтобы холодные капли упали на лицо, остудили мысли и позволили ему стать на мгновение свободнее.

— Ты не понимаешь, Эрри. Не мысли, как мать. Если ему дано такой дар, если в нём пылает такая магия, — он повернулся к богине, — разве у нас есть право им мешать?

— Мне казалось, ты любишь своих детей, — она на мгновение замолчала. — Внуков, правнуков. Это ведь твой род...

— Это и твой род тоже, Эрри, — возразил он. — И, признайся, ты всегда её ненавидела?

— Её?

Дарнаэл промолчал, но они оба знали, что призрак жены — не бога, но короля, — всегда будет стоять между ними. До той поры, пока от Тьерронов в этом мире не останется и пылинки, каждый день его богиня будет вспоминать о той прекрасной девушке — мягче, легче, нежнее.

И до скончания своих дней она будет знать, что, вопреки его безумной любви, проиграла бы ей в равной борьбе.

\*\*\*

Король Галатье закрыл глаза — и отошёл в мир иной. Дух смерти всё ещё витал в комнате — казалось, он отражался в глазах Моники, отчего-то сегодня невообразимо грустной и уставшей. Она словно отчаянно пыталась вернуться в те остатки прошлого, когда ещё не было войн — но не могла.

— Всё это неправильно, — повернувшись к нему, промолвила девушка. — Ты знаешь, что Антонио увёл меня от Эрлы? Что она собиралась на войну? Я уверена, что она уже на поле боя, сколько бы твоя мать не пыталась запретить ей отправляться туда?

Рэй не ответил. Он подошёл к окну, положил руки на подоконник, словно пытаясь вдохнуть вместе с похолодевшим осенним воздухом какую-то уверенность. Ничего не оставалось, кроме как смотреть — на то, как гибнут родные.

— Ты так и останешься здесь? — спросила девушка.

— Рядом с мертвецом?

— Во дворце.

Рэй закрыл глаза.

— Я ведь ничего не могу.

— Ты думаешь, что ничего не можешь, — возразила Лэгаррэ. — Если, разумеется, у тебя ещё есть чем думать...

===== Глава восемьдесят вторая =====

Обычно одного удара хватало. Они отступали, сжимались, пытались зажать свои раны. Но у его противника было уже как минимум две, и обе не совместимые с жизнью, особенно в сочетании с такой активностью, но он наступал.

Дарнаэл ненавидел себя за то, что с каждым ударом своего противника вынужден был

отступать на шаг или на два. Ему казалось отвратительным даже то, что войско прижималось к стенам не родного, а тоже вражеского города. Пусть там, на стенах, были маги, пытающиеся их защитить, воины Эльвенты не могли позволить себе расслабиться под их прикрытием. Потому что если ты сражаешься против кого-то столько лет, ни за что не станешь с ним плечом к плечу.

Шпага резанула по чужому горлу, и голова торрессца запрокинулась назад, открывая кровавую, жуткую рану. Он повалился на спину и затих — маг, управлявший войском, мог заставлять их драться до последней капли жизни, но влить больше сил не мог. Или, может быть, просто пока что не хотел.

Но это был только один воин. В обыкновенной битве он положил бы таким количеством ударов троих или четверых — а что уж говорить о его воинах?

Где-то на первой линии пошатнулось знамя. Алые флаги Эльвенты пылали на фоне кровавых небес, светлая синева Эрроки будто бы излучала свет — но разве у них был шанс?

— Ваше Величество, сзади!

Он даже не знал, откуда донёсся этот голос, только обернулся — автоматически, так быстро, как только мог. Откуда здесь торрессцы? Как смогли прорвать строй?

Сколько б он не был хорошим полководцем, какие бы стратегии не выстраивал, это не помогло. Армия не подчинялась ему, слишком разрозненная, слишком несвободная, слишком чужая. Эрроканские маги действовали несинхронно с кавалерией и пешим войском, они все голодные, уставшие, измученные магией — и каждый боится на мгновение потерять контроль над собственным сознанием.

Дарнаэл с трудом отбил удар — казалось, торрессец вложил в него все силы, что были в нём. Но у этих воинов не подгибались ноги, они не падали на колени и не сдавались, лишаясь сил. Они были людьми, но всё человеческое спряталось в уголке сознания, неспособное вырваться на свободу.

Полыхнула магия. Он не стал поднимать голову — мог узнать её волшебство даже издали.

Их окружали — но рассредоточиться означало погибнуть. Солдаты не справлялись — сколько б Дарнаэл ни отдавал команд, они один за другим переходили на вражескую сторону, теряя власть над собственными сознаниями.

И он ничего с этим поделать не мог.

С правого фланга вновь полился поток волшебства — и опять не соответствуя их атаке. Но у Дара больше не было времени думать об армии — бесполезно. Он знал, что ни один приказ не будет услышан, и вскоре они останутся просто единицами в толпе окутанных вражеской магией солдат.

Он рубанул, что было силы, ещё одного воина, что занёс над его головой оружие — с эльвентским знаменем на плече.

Пал последний рубеж.

Его солдаты больше не были его.

Он даже узнавал их — в лицо. Он знал, кто это — помнил имя, помнил семью. Разговаривал с ним, ел за одним столом. И должен был бы уступить, не убивать невинного человека. Но Дар знал, что в борьбе за жизнь никогда не позволяют себе ни минуты слабости или сомнений. Ошибка может быть фатальной.

Тьеррон отразил удар даже слишком легко — обманка, как понял спустя миг. Никогда ни одна битва не давалась ему до такой степени тяжело, никогда он не чувствовал себя

настолько изнурённым — равно как и редко встречал бой без коня.

Сейчас это не имело значения.

Эльвентец был вооружён мечом. Один-два могучих удара — и оружие Дарнаэла превратилось бы просто в ненужные куски железа. В конце концов, он был непредусмотрителен, отправляясь на эту битву.

Словно кто-то давал ему шанс выбирать.

Его солдат походил на медведя, огромного и неповоротливого. Тьеррон ускользнул от опускавшегося на его голову меча, сумел парировать удар — и ударил по кисти.

Может быть, шпага не отрубила бы голову, ударь он с такой силой, но на запястье его хватило.

На мгновение мужчина замер, и в глазах мелькнуло узнавание. Он даже прошептал что-то — прежде чем его насквозь проткнул чужой меч, пронзая сердце.

За спиной у покойного стоял Кэор — поприветствовал коротким, знакомым кивком дядю и вновь растворился в вихре битвы.

Они все — здесь.

Дарнаэлу хотелось верить в то, что сына его здесь нет. И дочери — тоже. Что ведьмы не спустятся со своих укрытий, и у города останется хоть какая-то защита. Ведь он повторял им это сотни раз, прежде чем наконец-то началась битва — услышал ли его хоть кто-то?

\*\*\*

Он видел, как ведьмы схлынули со стен. Магический град, и без того слабый, прекратился и вовсе, оставляя воинов наедине с их же друзьями, обратившими мечи друг против друга.

Битва, в которой лучники бессильны. В которой маги не могут сделать ничего против надвигающейся толпы, руководимой мудрым кукловодом. В которой человек не способен руководить собственным сознанием и распоряжаться своей жизнью.

Смертельная — последняя битва.

Эльм не знал, зачем сражается за них. Лиара никогда не позволит ему вернуть себе герцогство, никогда не даст того, о чём он мечтает — так зачем же проливать свою кровь? Ради её бессмысленного, глупого государства, ради рвения к победе?

Ради Эрлы.

Он бился не за кого-то — против этого потока рабов с бессмысленными взглядами. Никто не станет руководить подобной армией, кроме последнего сумасшедшего, заталкивающего всех в огромную пропасть своего личного безумия.

Ведьмы сдались.

Они пытались помочь, оказавшись внизу, в толпе, но магия затухала, ударяясь о безмерные щиты — и возвращалась, убивая их же самих.

— Сдавайтесь!

Громогласный голос заставил их всех остановиться на мгновение. Марсан крепче сжал свой меч — он знал, что после этого пойдёт следующая волна.

Хотелось сказать, что он рад не видеть здесь Эрлу. Рад, что его маленькая принцесса, в чувствах которой он вряд ли сумеет когда-то признаться, осталась там, во дворце.

— Сдавайтесь, и вы умрёте быстро!

Он поднял голову — и посмотрел в её глаза.

— Я никогда, — она шептала это едва слышно, но за громом, за молниями, рассекавшими небеса, он слышал каждое её слово, — никогда прежде не перечила матери.

— Так почему сегодня?

Она ничего не ответила.

Это больше не имело значения.

Эльм знал, что это их последняя битва. Никто отсюда не уйдёт живым — у них просто нет шансов. Всех, кого не сможет подчинить Тэллавар, просто сметёт толпа.

Но они не имели права сдаваться.

Это было бы концом всему.

\*\*\*

Ему было просто смешно. Святая наивность — их войско, такое огромное, такое сильное, непобедимое... Не они ли сейчас были пешками в его игре.

Тэллавар выпрямился. О, какую удобную позицию занимал Галатье — он и сам теперь стоял на этом холме, раскинув руки. Его голос громом распространялся над огромной толпой, и он знал, что не было человека, который мог бы его остановить. Не было существа, способного его убить.

Он чувствовал, как бились их сердца. В унисон, наплевав на личный ритм, и этот пульс грохотом отражался в небесах.

Всё меньше и меньше сопротивляющихся. Так много крови — настоящая война, о которой он мечтал столько лет, наконец-то свершилась. И он — её истинный предводитель, тот, кто сумел толкнуть всех мелких, ненавистных людишек под стенами Кррэа на бой.

— Сдавайтесь!

Ему хотелось расхохотаться. Тэллавар запрокинул голову назад, чувствуя, как падают на его кожу первые капельки дождя, и тело обожгло холодом.

Сила срывалась с кончиков пальцев, куполом накрывая сражающихся людей. Он видел, как стекленеют их глаза, как мечи сами по себе поднимаются против того, кому они были так верны. Зачем нужны короли, если есть повелитель, способный одним только тихим шёпотом остановить их и заставить сделать то, что ему нужно?

Разве все они способны хотя бы сопротивляться, сейчас, когда всё вокруг потемнело и обратилось просто грохотом толпы?

— Сдавайтесь, и вы умрёте быстро! — эта фраза будто бы доставляла ему ещё больше удовольствия. Он широко распахнул глаза — и позволил счастью ворваться в свою грудь.

Больше ничего не было. И спасти их тоже некому — только смерти.

\*\*\*

Моника, наверное, хотела присоединиться к ведьмам — но на стене больше никого не было. Только внизу кипела битва, и неравные силы, схлестнувшиеся в последний раз, били потоками крови.

Она замерла, так и не дойдя до края, и громогласное “сдавайся” звенело в ушах.

— Это конец, — Лэгаррэ зажмурилась, а после рванулась к ступенькам. — Надо вниз... Надо помочь им...

Рэй только коротко покачал головой. Он знал, что ничего уже не будет.

— Ты не сможешь, — тихо ответил он. — Никто не сможет. Мы проиграли.

Ему не хотелось смотреть на всё то, что кипело внизу. Смысл? Он слаб — если он позволил себе остаться во дворце, позволил не выйти вместе с остальными и не сражаться там, плечом к плечу со своим отцом, своей сестрой, друзьями, которых он знал с раннего детства.

— А вдруг я смогу там что-то сделать? — Моника замерла, обернулась через плечо. —



Нельзя ведь сдаваться.

В её голосе не было мольбы. Лэгаррэ вообще никогда ни о чём не молила, она только смотрела уверенно и гордо, надеясь, что он сможет что-то придумать. Она не наводила аргументов, лишь оставалась тонким силуэтом на фоне грозового неба.

Рэю казалось, что он видит Тэллавара отсюда. Одинокого на высоком холме, раскинувшего руки к небу — и дождь медленно, тяжёлыми каплями, падал на них свысока.

— Там достаточно ведьм, чтобы показать, что вы бессильны, — Шэйран зажмурился. — Не ходи. Проживи на несколько часов дольше, Мон.

— И ты просто так сдашься?

— Он всемогущ.

Моника отступила от лестницы, вернулась к нему, сжала плечи — словно пыталась вернуть какую-то веру.

Его синие глаза светились безнадёгой — холодом и болью. Рэй не думал, что у него есть хоть какой-то шанс; он вообще не принимал себя в расчёт. Будто бы давно уже записал в разряд тех, кто сражаться не способен — тех, кто только и умеет, что опустить голову, руки, позабыть о своей силе.

— Знаешь, сколько раз мне повторяли, какое я ничтожество? — хрипло рассмеялся он, вторя безумному воплю Тэллавара там, по ту сторону поля боя.

— И сколько раз ты соглашался?

Ему хотелось сказать, что как раз наступило время. Что те вспышки — один стражник, несколько воинов, проткнутых зеленью, — были просто случайностью. Тем самым мгновением, когда у него в кои веки получилось что-нибудь сотворить. А сейчас — нет, сейчас силы не было.

Она потерялась. Даже маленький огонёк на пальцах принца не вспыхнул бы, попытайся он направить на это всю свою силу воли.

Ничего не было.

— Ты не имеешь права жить, ничего не сделав, — Мон, если могла бы, встряхнула б его, что есть сил, но сама будто бы окаменела.

Она казалась такой несчастной под бесконечными потоками дождя, омывавшими её тело, превратившими белое платье в жалкую тряпку. И всё ещё была самой лучшей девушкой на земле — может быть, единственной, кто верил в него безвозмездно.

— Лэгаррэ, — он хрипло рассмеялся, — я всё-таки тебя совершенно недостоин.

Она не ответила — не успела. Шэйран наклонился к девушке и нежно, будто прощаясь, коснулся её губ, наверное, первым их настоящим поцелуем.

Он и вправду навсегда уходил от неё.

Что может быть легче, чем прыгнуть с крепостной стены?

...Моника стояла, будто бы каменная — не знала, зачем он приблизился к кромке, зачем ступил на возвышение, за которым когда-то давно, много веков назад, прятались солдаты. Не раскинул руки в стороны, как Тэллавар, не запрокинул голову и не стал бормотать невероятные фразы.

Он просто прыгнет — и всё закончится. Раз и навсегда.

\*\*\*

Тэллавар попытался сконцентрировать свой взгляд на пятне, мелькнувшем на крепостной стене. Теперь там не было ведьм — только стройная чужая фигура.

— Обманула, дрянь, — прошипел он.

Он не мог выжить. Гартро видел, как молодой принц лежал, окровавленный, на полу усыпальницы Дарнаэла Первого. Своими глазами — своими руками он убил его. Сломал позвонки, лишил дыхания, вонзил кинжал в его плоть. Разве есть хоть кто-то, кто может после такого выжить, разве существует живое создание, способное пережить самые сильные и самые страшные проклятия? Смерть?

Но это уже не имело значения. Сколько бы молодая оболочка Шэйрана не бродила по этому свету, что ему сделает юнец на противоположном краю долины? Что он может, когда почти все уже под контролем Тэллавара, когда войско Эльвенты и Эрроки почти пало к его ногам?

Теперь в его крови текут силы этого юнца. Он — повелитель всего того, за что столько поколений сражались люди. И не отдаст своего ни за что на свете, сколько б его ни пытались принудить, потому что он заслужил — ещё пять веков назад.

\*\*\*

Он мог прыгнуть и упасть на чужие мечи — и высоты хватило бы для того, чтобы этот прыжок закончился для него смертью.

Шэйрану так хотелось сначала сдаться, не позволить взгляду Моники, тревожному, но преисполненному надежды, быть оправданным. Так хотелось, чтобы она больше не обращалась к нему с укором — хранить тепло её губ до последнего мига в своей жизни.

Он уже почти отпустил.

О чём мечтал столько лет? О том, как однажды — такое ведь могло случиться? — родители его признают. Как все поймут, что зря называли бездарью столько лет. Как внезапно Лэгаррэ посмотрит на него другими глазами, его прекрасная дарнийская фея. Как она вспыхнет к нему любовью — или, может быть, на мгновение лишь станет менее требовательной.

И ненависть в её взгляде хоть на несколько секунд сменится помилованием. Могла же она быть к нему хотя бы милосердна, за столько-то лет знакомства?

За столько лет своего бессмысленного увлечения самой великолепной девушкой в этом мире?

Он почти ступил — обернулся бы и прыгнул с крепостной стены.

Но это было бы так глупо — не попытаться в последний раз.

Он поднял голову, расправил плечи — казалось, смотрел Тэллавару в глаза, сколько бы не разделяло их. Он видел, как мутные, желтовато-зелёные очи врага ясно сияют довольством. Он удивляется? Нет, победитель всегда один — Тэллавар Гартро не способен отдавать собственное преимущество кому-либо другому.

Он хочет победить. Хочет, чтобы всё это стало его, раз и навсегда, чтобы он смог поставить на колени весь мир — и он сделает это.

Шэйрану никогда не хотелось такой власти. Уважения, может быть, даже шанса править своим государством — по праву, по крови, — это да. Но никогда — боли и страха в глазах каждого из этих людей, несчастных, бедных, измученных.

Он попытается.

...Он едва справлялся с одним.

Он не мог удержать никого на своей цепи, слишком глупый, безо всякого обучения, слабый и несчастный. С опустевшими мыслями, лишёнными всяких шансов.

Он не мог победить.

Но их ненависть клокотала вокруг. Она билась такой заметной, такой видимой жилой,

так отчётливо и так ясно...

За него уже сплели нить. В них было столько боли, столько сопротивления за этой пеленой стеклянных глаз и попыток подчинить их себе.

Они кричали от ран.

У кого-то не хватало руки, кого-то проткнули насквозь кинжалом, а они вынуждены были бороться дальше. Их тела вопили от боли, в сознаниях повторялись одни и те же мысли, и жажда убивать, жажда крови поднялась на свободу, вспыхнула, расцвела, распустила лепестки, будто бы красивый, но неимоверно кровавый цветок, распускающийся особенно быстро и ярко.

А ещё они хотели убивать. Они пускали чужую кровь с удовольствием и радостью, которой никогда не мелькало в их глазах прежде.

Кто-то корил себя за то, что предал. Ненавидел слабость своего естества.

Шэйран видел каждого из них, будто бы на ладони. Цеплялся за мелкие эмоции, за радости и боль из прошлого и нынешнюю.

Только если тысячи святых с мечами выстроятся против его войска... Только если человек со светлыми помыслами...

Только над ним нет у него власти.

Он схватился за их страх. За ужас.

За то, что толкало их сражаться, убивать, властвовать над другими, разрушать чужие судьбы. Заставляло улыбаться детским слезам и с облегчением смотреть на покойных врагов.

Молнии утихали. Сильный ветер порывами дёргал тучи, не позволяя дождю успокаивающим холодом пролиться на плечи и смыть пятна крови.

Как же им всем было сейчас плохо!

Шэйран впитывал это.

Он выплетал нить — одну, цельную, единую. Нить, в которой кипела их боль. Нить, в которой отражался страх их битвы — ужас и повиновение.

Их ненависть была повсюду.

...Так просто.

Так легко.

Во всём этом не было ни капельки света. Только сплошной кошмар — он выплёскивал на них собственную усталость, впитывая страдания посторонних людей. Делая их своими — будто бы лишая людей права собственности, права повелевать всем этим.

Вывернул. Сплёл воедино.

Никаких трудностей — они все были так просты. Так элементарны. Они состояли только из зла — видимого, откровенного, чёрного.

В узел.

На себя.

Шэйран закрыл глаза — ничего не хотелось видеть. Позволил нити в его руках загореться — и, возведя на миг ладони к небесам, рванул вниз свои цепи.

...Его ослепила молния — а когда он опустил голову, когда позволил себе увидеть армию, кровавую битву, то эта пульсирующая нить всё ещё вилась в его руках.

Битвы больше не было.

Бесшумно, без единого вскрика, без мгновенного сопротивления многотысячное войско сначала замерло, потом — забыло о своей цели пребывания здесь, и оружие с грохотом упало на землю.

— Подчинитесь, — прошептал он, уверенный в том, что никто его не услышит, разве что Мон, замершая за спиной.

...Воины без единого слова сопротивления опустились на колени, склоняя головы перед тем, кому безоговорочно подчинялись.

Пред тем, кто был повелителем их мыслей, их тел и их душ.

===== Глава восемьдесят третья =====

Ещё мгновение назад вокруг кипела битва, но сейчас всё вдруг стихло. Не было больше оглушающих криков, преследующего их звона мечей, только мертвенная тишина.

Дождя больше не было, и Тэллавару казалось, что он вот-вот ослепнет — какой-то луч, случайный, неуверенный и слабый, скользнул по лицу, не позволяя распахнуть полноценно глаза. Он заморгал, опустил свой взор на подчинённую толпу, до конца не понимая, что произошло. Его силы всё ещё пылали в его руках, и магии, наверное, хватило бы на то, чтобы весь этот мир превратить в пепелище — и толпа стояла на коленях.

Тэллавару хотелось закричать, что они не туда смотрят. Что, может быть, ошиблись — пусть и победили, но теперь отдавали свою повинную честь другому человеку. Может быть, в конец ослепли от магии, заставляющей их падать перед его мощью?

Ему хотелось призвать их — закричать, чтобы те немедленно повернули к нему свои лица и увидели своего победителя. Но сколько бы Гартро не тянул за привычные, знакомые нити, ничего не было — его зов уходил в пустоту и будто бы тонул в бесконечном гуле человеческих мыслей.

Он только тогда вновь поднял голову, проследил за взглядом каждого из солдат — и пошатнулся, понимая, что на самом деле случилось.

Казалось, его эйфория от победы, от власти над чужим могуществом ещё не отступила — и он так и не мог до конца смириться с тем, что случилось. С тем, что осознал в это мгновение.

Он не отобрал его силу.

Не получил всё то, что принадлежало жалкому мальчишке, бесполезному, не умеющему ничего — разве что только отчаянно пытаться ухватиться за своё прошлое, за остатки волшебства. Разве было кому обучать ему, было кому показать, как управлять их сознаниями?

Тэллавар всматривался в крепостную стену — но там уже никого не было. Может быть, ему привиделось, и всё это — просто глупая шутка?

Но, пусть даже не было рядом ни Шэйрана, или призрака его, или ещё чего-нибудь в этом роде, он не мог ухватиться за их сознание. Словно сплошная стена, выстроенная чужими руками за какое-то короткое мгновение.

Он пытался — сорваться с места, может быть, двинуться вперёд — но они разве пытались напасть? Разве пытались уничтожить то, что от него осталось?

У него ещё была его магия.

Тэллавар, пошатываясь, сошёл со своего пьедестала — с холма, на котором уже представлял выстроенный замок, в котором проведёт своё бессмертие. Он не остановится — даже если у мальчишки появился шанс выжить, даже если однажды он смог вернуться сюда и воспользоваться своим даром, который, может быть, никогда и не принадлежал ему по-настоящему, это ещё ничего не означало.

Гартро не умел останавливаться и сдаваться. Он чувствовал, что у него ещё был шанс победить. Пятисотлетний опыт просто так не пропадёт, а ликующее войско даже не заметит,

что всё ещё не уничтожило своего главного врага. А когда они все спохватятся, то будет слишком поздно останавливать его.

Он разрушит эту жалкую столицу изнутри, но сначала — проследит за тем, чтобы тело проклятого мага превратилось в пепелище.

\*\*\*

Сначала Дарнаэлу подумалось, что они проиграли.

Наверное, он был едва ли не единственным — из тех, кого мог рассмотреть, покуда хватало зрения, — что не опустился на колени. Может быть, не подчинили и не убили — таков критерий, — но почему тогда никто не пытался на них напасть?

В конце концов, странно прекращать битву, когда ещё есть враги, которых можно побеждать.

Но они все не шевелились. Склонили головы, словно провинившиеся слуги, и не смели сдвинуться с места.

Он поднял взгляд на Лиару — та коротко покачала головой. Ей так хотелось управлять человеческими мыслями, останавливать их одним взмахом руки — но больше пятерых одновременно королева по-настоящему сдерживать не могла. Что уж говорить о тысячной армии?

Она что-то прошептала — одними губами, но Дарнаэл знал женщину достаточно хорошо, чтобы расшифровать каждое произнесённое ею слово, даже если вслух она не проронила ни единого звука.

Это не её ведьмы. Они — Лиара, подданные её, — не умели так. Повально, всех дс одного, будто бы одной паутиной.

Дар вскинул голову, прищурился, всматриваясь в крепостную стену, но там никого не было. И на холме тоже — но сейчас ему было не до Тэллавара.

Он ли это сделал?

Может быть, решил, что достаточно — он достаточно, возможно, наколдовал, теперь оставил подданных на коленях и помчался лично, кинжалом вырезать сердца своих врагов.

Дарнаэл встряхнул за плечо одного из солдат, узнавая в нём собственного подчинённого, но тот и не содрогнулся даже, не моргнул, только крепче сжал губы и ниже опустил голову. Казалось, можно было в тихом шелесте, в тихом шепоте различить короткое “повинуюсь”, но Тьеррон не мог ничего утверждать.

— Папа!

Он обернулся — лавируя между склонившимися солдатами, к ним с Лиарой пробиралась Эрла. Раненная — на щеке осталась длинная тонкая полоса от чужой шпаги, да и руку она зажимала, пытаясь остановить кровотечение, — послушавшаяся родительского приказа, но живая.

Дару казалось, что усталость, собиравшаяся в его теле столько дней, внезапно вырвалась на свободу — ноги подкашивались, и он был уверен, что шпагу не поднимет.

— Кто это сделал? — Дар в ответ на её вопрос только пожал плечами.

— Откуда мне знать?

Эрла зажмурилась.

— Во имя Первого, — почему она так и не вспомнила сначала о своей богине, поминая имя эльвентского божества, — ведь если это не Тэллавар...

Она тяжело опустилась на землю.

Вся одежда её была просякнута кровью. Казалось, пятно расплзлось на рукаве с

необыкновенной скоростью и прытью, и у Эрлы уже не оставалось никаких сил стоять.

— Мама, — она подняла на Лиару взгляд, — там... исцели...

Королева сделала шаг в сторону дочери, но Эрла покачала головой.

— Не меня, мама, — она подняла на женщину преисполненный надежды взгляд. — Там... Мама, пожалуйста, — голос её терялся. — Я знаю, что ты его ненавидишь. Если ты потом захочешь, то можешь изгнать, но ты не можешь позволить ему умереть, — она закусила губу. — Мама, когда я в последний раз о чём-то тебя просила?

Лиара поджала губы. Ей хотелось заявить, что в подобной ситуации тратить на какого-то мужчину магию неразумно, но понимала — если они победили, то надо исцелять раненных. Если же проиграли — то смысл бороться дальше? Им и так не дадут выжить, и всё её колдовство не поможет.

Она сама, вероятно, пострадала — но никаких видимых повреждений не было. Дарнаэл провожал женщину молча, одним только взглядом — она опустила голову, и на лицо падали яркие рыжие пряди.

Люди шевельнулись — Эрла содрогнулась, будто бы готовясь тут же ухватиться за оружие, но у неё не было ни кинжала, ничего.

— Почему ты вышла на поле боя? — Дарнаэл не мог осуждать её или корить этим поступком, но спросить был обязан.

— Я не могла находиться там.

— А Рэй?

— Я не знаю, — Эрла зажмурилась. — Лучше было бы, если б он остался там, наверное. Если мы все... — она запнулась.

Если бы они все погибли, то у страны осталось бы кому править.

Зашелестела трава. Люди, повинувшись чему-то, склонились ещё ниже, и Дар инстинктивно рванулся за шпагой, оборачиваясь, пытаясь проследить за их взглядами, понять, кому именно они поддавались.

В тёмном силуэте, там, вдалеке, можно было узнать и Первого — наверное. И Тьеррон, поступил бы, наверное, логично, принимая неизвестного за божество, сошедшее с небес, чтобы помочь родной стране и любимому континенту.

Но с каждым неуверенным шагом, когда люди склонялись всё ниже и ниже, поддаваясь какому-то короткому приказу, он всё больше разочаровывался в этой складной, невообразимо логичной версии.

Шэйран казался растерянным — будто бы не знал, что с этим делать. Они расползались в стороны, подальше от него, образуя своему повелителю широкую дорогу, по которой можно было пройти, — и он словно ещё сильнее натягивал невидимые нити, не рискуя отпустить их так просто и так быстро. Может быть, опасался, что больше никогда не сможет повторить успех, а может, знал, что, стоит только на минутку отпустить, как Тэллавар тут же воспользуется возможностью.

И всё же, когда где-то слышался слишком громкий шелест, когда кто-то пытался рвануться, сорваться с цепи, может быть, и вправду надеясь уничтожить королевскую династию Тьерронов, или ту же Лиару, он оборачивался, и в синих глазах вспыхивало что-то жестокое.

Не звериное — вполне человеческое, осознанное, логичное. Казалось, в Шэйране пылало слишком ярко неведомое чувство. Он впервые получил власть — такую безграничную и упоительную, — и не знал, что делать с даром, свалившемся на него, будто

бы снег на голову.

Дарнаэл знал, что и сам, наверное, растерялся бы, если б ему удалось подчинить себе хоть десяток, хоть одного. Не тысячи воинов, опустившихся на колени.

Рэй, казалось, шёл бесцельно — сначала рядом с ним мелькала тонкая фигурка в белом, ведьма, но она, очевидно, отправилась к раненым.

Шэйран остановился, когда добрался до них, можно подумать, что совершенно случайно, и растерянно поднял голову, глядя отцу в глаза. Тьеррону хотелось подавить улыбку — но та появилась как-то сама по себе, а теперь почему-то упрямо не пыталась угасать.

Эрла так и осталась на траве — ей лучше было дожидаться лекаря или хотя бы свою мать, — но Дарнаэл инстинктивно выпрямился.

— Так это твоих рук дело, Ваше Величество, — усмехнулся он.

— Высочество, — инстинктивно поправил он. — Величество — это только правитель.

Дарнаэл покачал головой.

— Я не ошибся в титуле.

\*\*\*

Дождя больше не было. Ветер короткими, упрямыми порывами разгонял тучи — то и дело швырял в лицо одинокие листья, душил запахом крови, — но Дарнаэл знал, что это уже не имело значения. Они победили — что б ни думал об этом Рэй, неуверенно ослабляя натянутые нити.

Люди постепенно поднимались, замечали раненных, кричали от боли — кто-то, может быть, даже умирал, получая свободу от своего повелителя.

Шэйран, казалось, не знал, куда себя деть. Громогласный голос отца совсем рядом повторял команды, управлял армией, не разбирая, своей или чужой. Мать растворилась где-то среди своих ведьм, целительскими отрядами проходивших по воинству.

Но это не могло быть концом. Не так просто и не так быстро; Рэй отказывался верить в столь простую, элементарную победу.

Он опустился на колени над раненым, с трудом узнавая Кэора — на его груди, будто крест-накрест, сходились длинные тонкие порезы. Сжал руку, вливая силы — конечно, целитель с него прежде был не ахти, но Рэй со времён Вархвы, впрочем, и войско не останавливал — может быть, повезло?

Двоюродный брат ещё дышал — теперь распахнул глаза, плотно сжимая губы. Может быть, пытался сдержать рвущийся на свободу крик. Разумеется, больно — в этом Рэй и не сомневался, залечивая гадкие раны.

Анри была тоже где-то рядом — её несколько минут назад унесли. Рэй даже не удосужился спросить, каковы раны — Сандриэтта была в сознании, а значит, справится. Маги в Эрроке достаточно талантливны для того, чтобы залечить все её раны, не оставив даже ни единого шрама.

Он даже видел мелькнувшие где-то острые уши, но так и не смог идентифицировать, был ли это Тэравальд или, может быть, кто-то другой.

— Всё закончилось? — хрипло, всё ещё без сил, спросил Кэор.

— Да.

— Кто победил?

Рэй усмехнулся. Отвечать не хотелось, он, может быть, и сам не знал, правда ли это, но слишком уж требовательным был взгляд кузена.

— Наши, — выдохнул он.

— Значит, всё в порядке.

— В абсолютном. Тебя скоро тоже заберут в город. Раненных слишком много, сюда ещё не дошли.

Не все.

Он так и не смог до конца отпустить нити. Не потому, что магия ему не подчинилась бы, а потому, что до сих пор боялся отпустить эту иллюзию силы, мощи, плескавшейся в его крови. Может быть, ему хотелось продлить ещё несколько мгновений упоения — но на самом деле Рэй просто боялся, что стоит ему только отпустить, на мгновение ослабить хватку, как за появившуюся возможность моментально ухватится ненавистный Гартро, закончит начатое, доплетёт свои паучьи сети.

Шэйран встал, махнул рукой, подзывая помощников — должен же кто-то помочь доставить Кэора настоящим врачам.

Они и вправду явились быстро — но не те, что там, вдалеке, пытались совладать с потоком людей. Эти солдаты будто бы возникли из-под земли, и взгляд их всё ещё пылал подчинением.

Рэй ослабил нити — насколько мог, — отдавая приказ донести Кэора до дворца. Те поддались — без единой попытки сопротивления, — и парень отвернулся, не в силах смотреть на всё это.

Отец назвал его королём — словно не осталось ни его самого, ни Лиары. Будто бы на самом деле у него было хоть какое-то право на родительский трон и эту огромную страну. Будто бы он мог повторить свой успех. Будто бы...

Будто бы он действительно был сильным.

Опустив голову, пожалуй, не от усталости, а от того, чтобы его не узнавали все подряд, Шэйран медленно побрёл в сторону распахнутых городских врат. Усталость упала на его плечи тяжёлой ношей, и теперь, когда он постепенно осознал, что же на самом деле случилось, становилось всё страшнее и страшнее от одной мысли о том, что же будет дальше.

Рэй никогда не считал, что имеет на могущество право. Может быть, всё дело было в том, что его к этому приучили, а может, и сам виноват — в любых условиях повелитель рано или поздно станет тем, кем должен. Он же думал, что его судьба — это просто сбежать из-под материнской опеки, получить образование и скрыться подальше от любопытных взглядов и раздражённой Лиары, недоумевающей, откуда у неё вообще мог появиться сын.

К тому же, у королевы была Эрла, её настоящая надежда, дочь, что помогла бы матриархату оставаться незыблемым ещё как минимум одно поколение.

А он оставался лишним.

...Он думал, что войдёт в город с непрерывным потоком людей, но воины, ощутившие однажды на себе мощь его магии, теперь послушно расступались в стороны. Шэйран ускорил шаг, надеясь, что не привлечёт постороннее внимание — со всем этим ещё надо было смириться.

Спасало то, что столицу Эрроки он знал слишком хорошо, дабы в ней заблудиться. Скользнул в привычно тихий переулочек, по знакомым улочкам вышел к высокому забору — но что молодому парню перелезть через подобное препятствие?

Спрыгнул в сад, чувствуя, как несмелые лучи закатного солнца согревают кожу, и вдохнул запах свежей зелени.



Здесь не было того отвратительного аромата крови, преследовавшего его за границами города. Казалось, во дворец смерть не проникла, вопреки тому, что многих раненных завезли именно сюда.

И ему, наверное, следовало бы присоединиться к лекарям. По крайней мере, если у него не получится залечить все те ранения, то можно будет поделиться собственной силой с уставшими ведьмами, помочь их хотя бы так. Но Рэй всё уговаривал себя — ещё несколько минут свободы. Секунда-вторая на то, чтобы расслабиться и позволить себе вдохнуть аромат свободы.

Где-то впереди мелькнула незнакомая берёза — серебром зашелестели листья. Обычно они редко росли в Эрроке, тем более, такие высокие и красивые, и Рэй не помнил, чтобы в прошлый раз, ещё когда они только-только оказались в столице, видел это дерево.

Он уже шагнул было в её сторону — но инстинктивно обернулся.

...Тэллавара узнать было трудно. Больше не было морщинистой кожи, не было усталых жёлтых глаз. Он не походил на выцветшую картину в старой раме.

Ему можно было дать не больше тридцати лет. Молодой, сильный, подтянутый, с русыми волосами, сверкающими на солнце, со светло-кариими глазами, так и излучавшими мощь и уверенность.

Рэй, может быть, и не чувствовал бы никакой опасности с его стороны — но он помнил, что было тогда. Помнил, как отвратительное лезвие впилося ему в сердце, как ломались позвонки и невероятная боль прорезала всё тело насквозь.

Ему столько времени после этого хотелось умереть, что теперь вопрос жизни был принципиальным — он не мог в этом уступить проклятому магу.

— Здравствуй, Шэйран, — зажигая пульсар на раскрытой ладони, промолвил Тэллавар. — А я уж думал, что ты умер.

— Как видишь, твои старания оказались совершенно бесполезными.

Гартро рассмеялся, так слабо и глухо, что Рэй даже не расслышал толком этого отвратительного, отчего-то такого неприятного звука.

— Уж не знаю, как умудрился отпустить всю ту толпу, — язвительно протянул Тэллавар, — но тебя сегодня, мой принц, я не отпущу.

— Опять попытаешься своровать мои силы? — криво усмехнулся Рэй. — Продолжишь увлекаться воровством?

— Мне просто интересно, — Гартро прищурился, — как ты умудрился выжить. Неужели и вправду тебя перепутали с Первым?

— Нет, — прозвучало хрипловатое у мага за спиной, — у меня для этого слишком острые уши.

===== Глава восемьдесят четвёртая =====

Он обернулся, и в диком взгляде почти что мелькала растерянность. В какой-то миг могло даже показаться, что всемогущий Тэллавар Гартро — таковым он считал себя, — испугался.

Он обернулся и зарычал — буквально издал громкий, утробный рык. Казалось, боли в нём было больше, чем во всём том, что Гартро творил прежде — и отчаянья, такого пьянящего и скользкого.

Его больше не волновал мальчишка за спиной. Он видел своего вечного, заклятого врага — такого спокойного, такого непременно равнодушного Дарнаэла Первого, что его никогда не трогала Тэллаварова ненависть.

На Эрри, замершую у берёзы, он даже не посмотрел. Воспоминания о ней были смутными; Тэллаварова вечность распласталась перед ним, будто бы тонкий поток сознания, и он не мог серьёзно задумываться о том, что случилось тогда. Не мог вспоминать о боли минувших лет, наверное, по одной простой и глупой причине — его вечность начиналась всего пять сотен лет назад, когда зародилась великая Элвьента.

Когда король Дарнаэл отобрал силу, что причиталась Тэллавару по праву, распорядился ею так, как сам того желал, растоптав все мечты самонадеянного молодого мага, лучшего ученика покойного Высшего.

— Ты, — осклабился он. — Опять ты.

— Каждый раз — я, — кивнул Дарнаэл. — Сколько б лет ни прошло.

— И ты ещё смеешь появляться у меня на глазах? — Гартро расправил плечи, позволяя уверенности, свойственной только дикой юности, вспыхнуть в нём. — Ты всё ещё надеешься на то, что теперь я позволю тебе, бездарному, уйти просто так? Да я даже рад, — он усмехнулся, — что мальчишка выжил, что в нём есть сила. Мировое господство подождёт.

— Верно, — Первый улыбнулся так легко и лучезарно, словно никто ему только что и не угрожал, — ведь основной твоей целью было отомстить тому, кто всё у тебя украл, а не получить страну, правда, Тэллавар? А ведь это ты украл у меня магию, и при этом пытаешься сделать вид, будто бы я сам в твоём проступке повинен...

— Украл магию? Я вернул то, что полагалось мне по праву, — возразил он. — Я хочу, чтобы эта магия была безраздельно моя, не потому, что я эгоистичен и глуп. Я мечтаю об этом по одной только причине — я действительно заслуживаю на волшебство!

Дарнаэл только устало кивнул. Можно было подумать, что всё это его больше и не волновало, не беспокоило. Улыбка на его губах не померкла — и спокойствие поражало не только Гартро, а и наблюдавшего за ними Шэйрана.

— Отойди, Рэй, — бог склонил голову набок. — Это не твоя битва. Когда всё закончится, может быть, тебе придётся вступить в права на неё. Но не сейчас.

— Ты теперь повелеваешь и этим мальчишкой? — фыркнул Гартро. — И его учишь быть таким, как ты? Неужели думаешь, что твои лицемерные речи позволят мне остановиться? Ты отобрал у меня всё! Я — я! — должен был стать самым могущественным магом своего времени, а что получил взамен? Разве мне дали хотя бы маленький шанс наконец-то утвердиться, заполучить свою силу? Возглавить войско или какую-то страну? Почему всегда всё лучшее доставалось тебе? Ты даже врагов не имел — ты привнёс их в жизнь своих внуков, правнуков, протащил через пять веков — но сам не пострадал!

Тэллавар будто и запутался в том, что хотел сказать. И злоба его — боль, скопившаяся за столько лет, — сорвалась пламенем с рук.

Шэйран лишь подался вперёд, но воспользоваться своим даром он не успел — огненная сфера ударила Дарнаэла в грудь.

Тот удивлённо отступил на шаг, возвёл глаза к небу — вот-вот обратится пеплом и воскреснет через много лет. Вскрикнула от ужаса и чего-то ещё у него за спиной Эрри, но тоже не сделала ещё ни единого шага вперёд, вероятно, просто не успела.

Тэллавару хотелось расхохотаться — но он сдержал клокотавший на устах смех, может быть, решил не выпускать его на свободу до лучших времён, позволить своему безумию немного настояться, а потом уже раскрыться так, как он бы того сам возжелал. Вспыхнуть пламенным, ярким цветком...

Дарнаэл пошатнулся, будто бы вот-вот рухнет на колени, а после выпрямился, вытянул

руку, удивлённо так, почти несмело.

На раскрытой ладони засиял маленький огонёк.

Гартро ошалело покачал головой. Вновь вскинул руки, посылая вспышку магии — то ли тоже огонь, то ли уже молнию, — и язычок пламени на руке у Дарнаэла вспыхнул маленьким костром, угасая.

— Ты не сможешь, — покачал головой Дарнаэл. — Сколько бы ты ни колдовал, ты не сможешь меня убить. Только не тем, что украл у меня.

Тэллавар отступил на шаг, бормоча слова древних проклятий. Казалось, он не слышал ни единого предупреждения из уст своего заклятого врага, не думал о том, что должно было его остановить. Он всё призывал магию, украденную несколько недель назад, поливал градом Первого — и каждый раз отходил всё дальше и дальше.

Последнее заклинание, могучее, наполненное древней силой, прервалось на середине — он будто бы уже понял, что ничего не получится. И что шанса у него на победу тоже нет.

— Ты не сможешь, — повторил Тьеррон.

— Ты воруюшь у меня даже право на месть, — Тэллавар как-то разочарованно, спокойно опустил на колени, запуская пальцы в траву, и закрыл глаза. — Ты даже не даёшь мне ударить тебя. Хотя бы раз... Хотя бы раз...

Он засмеялся, дико, так, как хохочут сумасшедшие. Не смотрел ни на небеса, ни на Дарнаэла — казалось, ослеп на мгновение. Сжал свои светлые, напоминающие сейчас соломую волосы, пытаюсь вырвать их, и завопил.

— Да будь ты проклят!

Бог только подошёл ближе. В синих, чуть раскосых глазах эльфа не было почему-то ни злобы, ни боли, ни отчаянного желания мести. Может быть, он хотел когда-то растерзать Тэллавара и превратить его в пыль, но сегодня всё это в один миг потеряло значение.

— Ну же! — Гартро раскрыл свои до безумия светлые, мутные глаза. — Давай! Давай, убей меня. Накажи. Заставь пожалеть о том, что я наделал!

Дарнаэл вскинул руку. Уже вновь вызвал заклинание — теперь у него хватало волшебства. Он вернул почти всё, что было в Тэллаваре — какие-то осколки чар ещё бились в груди вора, но этого слишком мало, чтобы действительно колдовать.

Он мог убить его — так, как только пожелал бы.

Но вместо того, чтобы нанести решающий удар, опустил руку, погасил пламя заклинания, пылавшее на ладони, покачал головой.

— Ты будешь жить.

— Убей меня! — Тэллавар перешёл с крика на хриплый шепот. Он смотрел ему прямо в глаза, поднялся уже на ноги. — Ты не хочешь, чтобы твой враг стоял на коленях, когда ты будешь наносить ему решающий удар? Не нужно! Давай! Я буду защищаться — это всё равно ничего не изменит! — он схватил Дарнаэла за воротник его рубашки. — Убей меня. Сражайся, заклятый враг, если ты всё ещё хочешь победить. Ты ж меня ненавидишь!

— Я тебя не ненавижу, — возразил Первый.

— Ненавидишь! Как ты можешь не ненавидеть, не презирать меня за всё то, что я совершил? Сколько я загубил чужих жизней?

Он ошалело оглянулся, осматривая зелёный эрроканский сад.

— Знаешь, какая она была красивая? Будто бы вся эта зелень ранней весной! Она так сияла, так светилась счастьем — и дочурка у неё была просто прелестная...

Дарнаэл не ответил.

— Знаешь, как я выпивал её красоту? Огромными, большими глотками — она отдавала мне это, надеясь на сделку, но я-то прекрасно понимал, что просто избавлюсь от неё, когда она мне надоест. Я закупорил её молодость в маленьком флаконе, чтобы выпить, когда мне будет нужно.

Глаза его теперь пылали — будто бы в них отражалось пламя чужих костров.

— А потом я вкусил любовь её дочери. Хватался руками за её сердце, вырывал его, вытаскивал всё доброе и способное на чувства. Лишал её шанса на счастье — она хотела магии, хотела мести... я давал им просто огрызки вместо желанного могущества, и всё ради того, чтобы испытать то, что надо было мне!

Он чувствовал себя победителем, кругами хотя вокруг Дарнаэла. Казалось, бог должен был уже давно броситься на него, давно одним только заклинанием прервать жизнь — но он молчал, сжимая губы в тонкую линию — словно все произнесённые врагом слова не имели никакого значения.

— А жажду жизни, жажду битвы я отобрал у молодой любовницы твоего тезки. Знаешь, она тоже пылала чужим — а, какой вкус был у этой Зэльды! Я довольствовался её силой, тем, что пылало в её груди, довольствовался желанием победить, зная, что однажды у меня будет большее.

Он зажмурился, в упоении вспоминая те сладостные секунды.

— Я смешал всё это воедино. Я превратил это в одно целое, сделал своим, впитал — я смог стать молодым. Я вернул себе вечность. Сколько людей там погибло только потому, что мне этого захотелось, Тьеррон? Скольких я убил одной только улыбкой, одной силой мысли?

Синие глаза эльфа сверкнули как-то зло.

— Ты ещё не хочешь меня убить? А помнишь, как я упивался силой, сворованной у мальчишки? У этого, — он ткнул пальцем в Рэя, — парня, которому было ещё жить и жить! Мне хотелось терзать его тело, рвать на куски — мне хотелось получить его. Занять его место, вытеснить всё то, что осталось от его личности, лишь бы только поселиться и намертво закрепиться... Навсегда!

Мужчина кровожадно улыбнулся, словно в этом был какой-то смысл — во всём том, что он только что произнёс в приступе собственного безумия.

— Как же замечательно всё, что происходит, правда, Первый? — усмехнулся он. — Как прекрасно стоять и слушать! Ну? Ты не хочешь убить меня после того, как я вонзил в его юную плоть кинжал, как отобрал жизнь, невинную и чистую, все надежды разрушил? Неужели после этого ты всё ещё пытаешься меня пожалеть? Отпустить? Неужели ты меня не ненавидишь?! Ненавидишь, я вижу. Вижу!

Дарнаэл вздохнул, так устало, будто бы только что с его плеч свалилась огромная ноша. И улыбнулся, так искренне и чисто, что оставалось только поражаться — откуда в нём было столько сил на прощение, на свободу и на жизнь.

Однажды он выковал этот мир из чистой ненависти — и сделал его преисполненным любви, чувств, истины. И столько лет воскресал, столько лет оставлял единственную любимую женщину, чтобы у них всех была жизнь. Долгая, счастливая.

Тэллавар пытался это разрушить — неужели он его не убьёт?

— Я не ненавижу тебя, — тихо промолвил он. — Я тебя прощаю.

— Ты не можешь...

— Могу, Тэл, — усталость в голосе сменилась уверенностью и силой. — Могу.

— Нет, — возразил Тэллавар. — За такое не прощают. За такое убивают — и ты меня убьёшь. Убьёшь сейчас же, стоит мне только повернуться спиной...

— Отнюдь, — возразил он. — Прощаю. Ты свободен, Гартро. Ты можешь идти, куда захочешь.

— Но?! Давай. Давай, заяви, что я должен сделать для того, чтобы уйти! — Тэллавар протянул руки, схватил его за плечи, встряхнул с силой. — Говори!

Дарнаэл оставался всё таким же. Не скривился от отвращения, даже не отбросил в сторону его руки, а спокойно улыбнулся и мягко покачал головой.

— Будь свободен, Тэллавар Гартро.

Маг содрогнулся — словно только что кто-то нанёс ему решающий удар, — отступил, зажмурился и с громким, тяжёлым вздохом осел на землю. Тело его, казалось, билось в судорогах — он выдыхал всю ту черноту, которую собрал за долгие годы.

Дарнаэл подошёл ближе, положил ладонь ему на плечо, заглянул в мутные глаза — так искренне, так спокойно.

— Я мог бы вонзить тебе в сердце кинжал, — прошептал он, — чтобы убить тебя. Чтобы отомстить. Мог бы позволить тебе и дальше бороться против меня, возвращаться раз за разом и всё рушить. Но я не держу на тебя зла. Даже если ты пожелаешь вновь возродиться и уничтожить то, что мне дорого — у тебя ничего не получится. Мы больше не заклятые враги.

— Враги, — просипел Тэллавар.

— Нет. Врагами можно быть только взаимно. Ненавидеть друг друга до последнего взгляда, до последнего вдоха. Но я не хочу тебя ненавидеть. И презирать я тебя тоже не хочу. И забывать — нет. Ты просто урок из прошлого, Тэллавар. Мне не за что ненавидеть тебя — ведь ты сколько-то научил меня на этом длинном, многовековом пути.

Плечи Гартро опустились. Его тело била крупная дрожь — и, казалось, он не мог больше удержать в себе всё то, что украл.

Глаза поблекли — в них больше не было того пламени. Медленно, под лучами закатного солнца, выгорали волосы, становясь седыми, такими тонкими, белыми — коснёшься, и ничего не будет.

Его лицо покрылось морщинами. Задрожали руки. Сгорбилась спина. Губы его стали тонкими, словно не способными больше раскрыться, а ноги едва-едва держали.

Тонкими нитками дыма в небо взмыло всё то, что он украл. Чужая любовь, чужая боль, усталость, всё то, что однажды он большими глотками выпил из невинных людей. Всё то, что своровал.

— Верни мне то, что ты отнял у меня, — прохрипел он старым, изменённым до неузнаваемости голосом. — Ты не имеешь права так поступить.

— Я не могу, — покачал головой Дар. — Этот мир строится на ненависти. Твой стержень растаял — значит, она была не твоя.

— Я вернусь. Я отомщу, — по щекам Тэллавара катились крупные, будто бы чернильные слёзы. — Я обязательно заставлю тебя пожалеть о том, что ты сделал.

— Пускай.

Но они оба знали, что ничего больше не будет. Всё закончилось — не было больше никакого Тэллавара Гартро, не было того мужчины, что держал в страхе столько дней огромную страну.

Дарнаэл не сдвинулся с места, когда тот попытался рвануться к нему — не шевельнулся,

чтобы помочь подняться.

Старик не мог выпрямиться. Не мог идти быстро. Он, сгорбленный, уставший, разбитый, медленно побрёл в сторону выхода из дворцового сада.

— И ты его просто так отпустишь? — ошеломлённо спросил Рэй, казалось бы, только-только обретя голос. — Не попытаешься убить, не...

— Он просто старый человек. Не думаю, что способен навредить кому-то.

— Напомню, он навредил довольно большому количеству людей, когда был всего на пару месяцев моложе.

— В нём больше ничего нет, — возразил Дарнаэл. — Пусть уходит. Пусть будет свободен. Зачем останавливать его? Он заслужил покой.

— Не понимаю.

— Поймёшь.

Шэйран обернулся, глядя вслед сгорбленному мужчине, что едва-едва ступал по травянистой земле. В каждом шаге его было слишком много боли, и, наверное, милосерднее было бы всё-таки убить — но...

И неправильно, наверное. Ему тогда будет за что вернуться. За что отомстить. А так — впереди только свобода, пусть короткая, пусть грустная и не дарящая ему ни капельки облегчения. Может быть, он станет упиваться этой свободой, будет делать огромные глотки, наслаждаясь тем, что наконец-то отпустило, наконец-то перед ним открылся огромный простор той несказанной, неожиданной воли.

— Он не протянет и несколько дней, — наконец-то прошептал Рэй.

— Я ставлю на пару лет, — покачал головой Дарнаэл. — Он довольно сильный — может быть, к концу жизни даже станет немного счастливым.

— Не станет. И ты знаешь об этом.

— Не хочу верить, — ответил мужчина. — Если б я знал... Если б был на сто процентов уверен — смог ли бы я простить его? Если б знал, что после этого он всё потеряет — оказались ли бы мои слова искренними?

— Так значит, ты не знал?

— Конечно же, нет, — усмехнулся Дарнаэл. — И когда ты будешь отпускать, ты тоже не будешь знать, король.

— Я не король.

— Не спорь, Рэй. Рано или поздно ты им станешь. Думаешь, после всего этого государство захочет подчиняться кому-то другому?

Шэйрану хотелось сказать, что они никогда не предадут отца. Никогда не пожелают выступить против него, чтобы примкнуть к новому повелителю, к тому, кто на сей раз покажется достойным — или нет, — занять его священное место.

Но в тот же миг он отлично понимал, что Дарнаэл Второй и сам больше не захочет оставаться на троне. И, возможно, будет несказанно прав.

Нельзя оборачиваться назад — с этим кровавым солнцем гасла огромная эпоха.

А завтра с первыми лучами оживёт новая.

И каждый из них рано или поздно должен будет это принять.

===== Глава восемьдесят пятая =====

Они ещё долго смотрели вслед Тэллавару — даже когда от того не осталось и тени. Казалось, боялись прощаться с прошлым, осознавать, что всё закончилось.

Откуда-то снаружи доносились крики, шум — кто-то ликовал, радовался победе. Сквозь

витые решётки огромного забора можно было различить опустивших головы торрессцев, что грустно шагали куда-то подальше от дворца Кррэа, и эрроканцев, элвьентцев, радующихся своей победе. Кто-то уже распевал пьяные песни, кто-то — рыдал над погибшими, кто-то просто быстро собирал вещи, порываясь как можно скорее вернуться домой.

— Непривычно осознавать, что больше никаких войн не будет, — наконец-то проронил Шэйран. — И что больше не нужно ничего отвоёвывать, ни с кем сражаться...

— Кому-то не нужно, — согласился Дарнаэл, — но ты стоишь только в начале пути. В конце концов, тебе ещё править и править, а страны ох как непокорны. Эррока и Элвьента будто бы замерли в своём развитии пять сотен лет назад, цепляясь за магию. Кто-то должен вывести их из ямы, заставить развиваться, и этим кем-то будешь ты.

— Но я ведь не король, — покачал головой Рэй. — Стану им, наверное, когда-то, но мои родители будут править ещё много лет.

Первый только хрипловато рассмеялся.

— Как думаешь, Эрри, — окликнул он богиню, — будут они долго править?

Женщина не ответила. Её взгляд, холодный и пристальный, скользнул по Шэйрану, словно она пыталась оценить его и ответить что-то, но не рисковала зарекаться, заходя вещать о результате того или иного сражения за власть. Можно было подумать, что богиня и вовсе не знала, что случится через день-другой — словно не она принимала участие в сотворении этого мира, их маленькой реальности.

— Дарнаэл Второй, — наконец-то проронила она, — кто угодно, но только не король. Он отличный полководец, и страна его любит, но разве ты, Рэй, настолько плохо знаешь своего отца, чтобы решить, что ему уютно на троне?

Шэйран ничего не ответил. Он знал, что Эрри относилась ко всем мужчинам примерно так же, как и Лиара — ведь её руками в первые годы творилась эта безумная религия, она в каждой из своих реинкарнаций отчаянно поддерживала её, она же не хотела, чтобы дело всей её жизни угасло сейчас.

— Мне никогда не были близки колдуны и ведьмы, а страна, которую я сотворила, стала их средоточием, — как-то грустно промолвила Эрри. — Что мне остаётся, кроме как отдавать предпочтение правителю, в жилах которого никогда не было моей крови?

— Казалось бы, ты должна его ненавидеть.

— Дарнаэл мне ближе, чем любая правительница Эрроки, — возразила богиня. Она подошла к своему возлюбленному, положила руку Первому на плечо, словно пытаясь остановить. — Да, он правнук Дара, да, их зовут одинаково, да, с твоего отца можно писать портреты божества прошлого, разве только не забыть об острых ушах. Да, я всегда ненавидела ту, что на какие-то несколько десятков лет завладела сердцем моего — и ничьего больше, — мужчины. Но не могу не согласиться с вашим народом — за таким полководцем и вправду пойдут толпы. Но как король... Когда в последний раз твой отец думал об экономике?

— А мать? — Первый усмехнулся. — Лиара, конечно, могущественная ведьма, но за чарами она вряд ли видит то, что народ не слишком-то и счастлив. Матриархат, разрозненность из-за постоянного нежелания заключить стабильные договора и наладить торговлю.

Рэй мотнул головой. Слушать всё это — будто бы совершать некое предательство, топтаться ногами по всему, что было дорого ему и его родителям. Он не собирался оттеснять их, не собирался занимать трон до того, как в этом будет необходимость. Шэйран и вовсе

сомневался в том, что способен править, и ему хотелось верить в то, что отец передумает — что то короткое восклицание было просто порывом.

— Прежде, — наконец-то промолвил он, — здесь не было этой берёзы.

Она в ответ зашуршала серебристыми листьями, и могло показаться, что дерево обращалось к нему — о чём-то просило, сообщало что-то, но Шэйран не мог расшифровать это короткое послание.

Он не дожидался ответа или хоть какой-то реакции со стороны Дарнаэла и Эрри, а неуверенно шагнул к красивому дереву. Казалось, то было поразительно знакомым — но Рэй мог поклясться, что никогда не подходил ни к одной подобной берёзе. Проезжал, разумеется, мимо каких-то, но никогда не обращал на них внимание. Не мог отметить тонкий стан, гибкость ветвей, голову, склонённую чуть набок...

У берёзы. Голову.

Осознание, казалось, предательским выстрелом прострелотало у него в голове. Рэй протянул руку, касаясь гладкого ствола, и содрогнулся от бесконечной какофонии чужих мыслей, нахлынувшей внезапно свободы...

— Эльфийка, — очарованно прошептал он. — Нэмиара...

Он знал её довольно плохо — сколько там они виделись, сколько разговаривали, перебросились парой лишних фраз? — но всё равно представить, что девушка, настоящая, живая, превратилась в высокое дерево, было страшно.

— Это можно как-то исправить? — поворачиваясь к Дарнаэлу и Эрри, спросил он. — Вернуть её в то состояние, в котором она была прежде?

— Она может ожить от твоей руки, — кивнул Первый. — Но тогда у неё больше не будет вечности. И никто из нас никогда не сможет дать ответ на вопрос, чего она хотела бы больше.

Рэй тоже не мог ответить. И решить за неё не мог, потому что пути обратно не было. Что ждало бы Нэмиару в смертном теле, было ли ей ради кого отрываться от немого созерцания? Ведь они были практически незнакомы — Шэйран даже не знал, любила ли она кого-то.

Он отступил. Хотел спросить что-то ещё, но больше не мог смотреть на богов, поэтому, не оборачиваясь, быстро зашагал в сторону замка, ступая по сочной зелёной траве.

\*\*\*

Смотреть на бесхозную армию из окна, по правде, было не так страшно, как выйти к ним и заявить о своих правах на власть. И, по правде, рано или поздно кто-то должен был это сделать — но отыскать крайнего или достаточно смелого, чтобы остановить бесконечный поток испуганных солдат было слишком трудно.

Дарнаэл Второй, разумеется, мог это сделать. Он предложил Бонье выбирать — уже дважды. Сказал, что вариантов есть много. Конечно, юный экс-посол теперь, как сын покойного Галатье, пусть и приёмный, сам мог занять трон. Править государством долго и счастливо. А значит, имел полное право сам обратиться к ним и потребовать вернуться обратно в свою страну.

Был ещё один вариант — Тьеррон мог выйти к ним сам. Как тот, кто руководил армией победителя.

Армией из одного всесильного бойца.

И, в конце концов, к ним спуститься мог Шэйран. Вариант безотказный — вряд ли торресцы имели бы возможность отказать тому, что поставил на колени войско, победил



страшного врага и подарил им каким-то чудом мир.

Но тогда всё упиралось в желание Рэя, и Бонье очень сомневался, что, овладей он войском во второй раз, у него самого будет право на власть.

Ему хотелось вырваться из тесной клетки — гостевой комнаты во дворце, — в которой юного наследника престола фактически заперли, оставив раздумывать над его прискорбным или царственным будущим. Он растянулся на широкой кровати и изучал теперь взглядом гобелен на стене, словно надеялся, что тот сейчас же обратится в некоего рыцаря в белых латах, что спасёт Бонье из его плена.

Конечно, силой его здесь не держали, но подсознательно он понимал, что просто так сбежать, сбросив ответственность на чужие плечи не получится.

Скрипнула дверь, и парень вскинул голову, пытаясь убрать с глаз мешающие русые пряди. На пороге замерла блондинка, очевидно, тоже ведьма, но не в привычном нежно-голубом платье, а одетая, будто бы к походу, в брюки и рубашку из домотканого полотна.

Она казалась такой хрупкой и нежной, что Бонье даже вопреки собственной воле подался вперёд. Может быть, ему хотелось притронуться к ней, соврать что-то о защите, что подсознательно парень ярко осознавал, что в заверениях его хорошенькая незнакомка отнюдь не нуждалась.

Она улыбнулась ему до того весело и ярко, что экс-посол даже набрался смелости, перехватив её запястье, и всё так же молча, не сообщая о том, зачем пришла, опустилась на край его кровати.

— Здравствуй, — наконец-то проронила она, склонив голову набок.

В её “з” и “с” почувствовалось какое-то знакомое до боли шипение, и парень содрогнулся, с ужасом уставившись на неё.

— Ты из змей.

Он помнил, что Грету обнаружили мёртвой в её палатке на следующий день после битвы. Зэльда куда-то пропала, может быть, убежала, а может, тоже погибла, но никто в пылу битвы этого не заметил.

Нэмиара, третья змея, превратилась в берёзу.

Почему-то прежде Бонье был уверен в том, что змей всего три. И только сейчас, увидав эту девушку, внезапно подумал, что их могло быть гораздо больше. Ведь столько лет вечность королевства охраняли хрупкие девушки — и даже на иконах у ног Дарнаэла или Эрри вилося много змей — иногда пять-шесть, иногда целыми десятками.

— Возможно, — согласилась она, тряхнув белыми кудрями. — Меня сейчас узнают под именем Мизель, и, возможно, ты обо мне однажды слышал, но не стану гарантировать — я не самая популярная личность в этом государстве.

Она звонко рассмеялась, и Бонье тоже ответил на это заявление хрипловатым смешком. Впрочем, казалось, он так и не избавился от странного ощущения застывшей за спиной тени опасности, от которой не скрыться и не сбежать никуда.

Возможно, он сейчас и чувствовал себя не слишком хорошо, опасался возможности пострадать от её руки. Мизель протянула руку, едва ощутимо касаясь его щеки, и покачала головой.

— Ты знаешь, что король Галатье признал свою истинную наследницу?

— Что?!

Колокольчики её смеха теперь набатом отзывались у него в сознании.

Неужели у Галатье были ещё дети? Кто-то кроме Марты? Ведь он женился на матери

Бонье уже лет в сорок, даже старше, и, разумеется, в молодости у него было немало любовниц. Вдруг какая-то из них привела в этот свет дитя, а сейчас этот ребёнок внезапно решил напомнить о своём существовании?

— Но почему тогда король Дарнаэл до сих пор не показал мне на выход? Или эта наследница оказалась чем-то похуже? — раздражённо поинтересовался он.

Он поднялся, ступил босыми ногами на мягкий ковёр.

— Может быть, — поспешно одеваясь, продолжал размышлять он, — король считает, что лучше убить меня подпольно? А потом уже спокойно, без лишних притязательств, посадить ту девушку или женщину на престол?

— Всяко бывает, — пожала плечами Мизель. — Но причина нынче кроется в том, что пока что послание его не расшифровано. Но как только это случится, будет ли готова армия Торрессы терпеть такого предательски лживого короля, как ты?

Бонье замер. Ему сейчас не хотелось власти, только свободы.

Девушка словно выжидала. Надеялась на какой-то вразумительный ответ, который смог бы утолить её предельное любопытство, порождённое чем-то удивительным, странным, как для столь юной особы. Трудно было понять, что именно таилось в светлых глазах Мизель, что тонуло в этой небесной синеве. Бонье чувствовал себя пленником её взгляда — и сейчас собственноручно был готов отдать Дарнаэлу и государство, и всё на свете.

Он мечтал только об одном — выжить. И эта блондинка, кем бы она ни была, подталкивала к правильному варианту, к возможности овладеть спокойствием и свободой, на которые он прежде даже рассчитывать не мог.

— Никому ничего не поясняй, — своим гипнотичным, завораживающим голосом прошептала она. — Просто собери вещи и беги отсюда как можно скорее, чтобы никто не успел, да и не подумал тебя догонять.

Он отступил на шаг и кивнул.

— А кто эта наследница? — спросил наконец-то, будто бы вспомнив о столь важном вопросе, но в ответ девушка только повела плечами.

— Если б я знала, — рассмеялась она, склонив голову набок, — то ответила бы тебе сию секунду.

Бонье хотелось возмутиться — ведь это всё-таки было обманом, — но, тем не менее, он не мог больше оставаться здесь. Что-то невообразимое толкало его вперёд, заставляло позабыть о стране и умчаться, убежать куда подальше от собственной судьбы. Может быть, он просто испугался, но, так или иначе, экс-посол Торрессы был склонен оправдывать себя в любой удобной ситуации.

Ему нужно уйти.

— А ты? Кто ты такая? Останешься ли ты здесь? — хватаясь за свои вещи, спросил он.

— Я? — заулыбалась Мизель. — Да ведь мне здесь не рады. Они думают, что я предательница, что посмела однажды открыть какой-то их секрет. Или просто разлучница. В новой, в идеальной стране мне нечего делать — это в старой можно было играть на врагов и получать хоть какой-то толк с этого. Теперь я отправлюсь в Халлайнию — может быть, удачно выйду замуж...

Бонье кивнул. Её речи казались разумными — он уже успел одеться, замер у выхода из комнаты и обернулся на неё.

— Я должен отблагодарить тебя как-то за то, что ты решила мне помочь, — промолвил наконец-то он. — Может быть, ты чего-нибудь хочешь?

— У тебя ничего нет.

— Пока что у меня есть деньги. По крайней мере, то, что осталось в казне Торрессы, да и сбережения матери... Они теперь мои. Я заберу всё, что смогу, и тоже уеду.

— А как же борьба за трон?

Бонье ничего на это не ответил. Бороться за трон казалось глупым, и теперь он понимал это с невообразимой для себя самой ясностью.

— Мне он не нужен, — прошептал наконец-то парень. — В любом случае, править я совершенно не умею. Может быть, отправимся в Халлайнию вместе? Или в какую-нибудь другую страну, только не этого континента. У нас будут деньги, а золото ценится повсюду. Поскорее отправимся в путь, там обоснуемся, ведь вдвоём всегда легче. Ты ведь ведьма — ты сможешь защитить себя, — а что мне делать в гордом одиночестве с деньгами на чужих дорогах?

Она рассмеялась. Когда-то, когда эта жизнь закончится, может быть, она вновь понадобится Дарнаэлу Первому или даже его надменной Эрри. Но сегодня Мизель вольно была выбирать.

— Хорошо, — выдохнула она. — Отправимся вместе, раз уж ни тебе, ни мне нет пристанища в этом мире.

Ей не хотелось сознаваться, что она просто пыталась объединить все земли континента под эгидой одного правительства. Так предсказано; великое пророчество, о котором больше никто никогда не вспомнит, может быть, и имеет до сих пор поразительную важность — оно, по крайней мере, ясно указывает, как той стране жить дальше.

Хватит им разрываться на части.

Она встала, приняв протянутую ладонь Бонье, вероятно, скорее для того, чтобы подтвердить его силу. Оттенок несуществующей власти. Прикрыла волшебством за их спиной дверь.

Они, может быть, довольно удачно отыщут того, кто доправит их до Торрессы. Совсем скоро окажутся в казне, возьмут столько, сколько им понравится, и исчезнут.

Мизель улыбнулась..

Она всегда исчезала.

Она всегда возвращалась.

\*\*\*

Больше всего Эльм походил на призрака. Эрла склонилась над ним, касаясь кончиками пальцев щеки, и словно пыталась вдохнуть жизнь в помертвевшие, побелевшие губы.

Однозначно, мать никогда не была достаточно хорошей целительницей для того, чтобы возвращать человека к жизни. И уж точно достаточно сильно ненавидела Марсана, чтобы желать ему смерти.

Тем не менее, он выжил. Может быть, вопреки всем стараниям королевы, а может, она и вправду наконец-то вспомнила о том, что её дочь достойна хоть какого-то счастья.

Разумеется, после вмешательства Лиары к ним приходили лекари. И Рэй — правда, с него такой медик, что Эрла, даже если б брат возжелал помочь, вряд ли позволила ему приблизиться к Эльму.

Но он, пожалуй, понимал, что скорее уж угробит парня, чем его исцелит — только улыбнулся, пытаясь немножко поддержать её, и ушёл.

После этого, как показалось Эрле, стало немного легче. По крайней мере, сердце перестало колотиться в груди, будто бы безумное, и она испытала определённое облегчение

от того, что её оставили в покое. Наедине с ним.

Принцессе думалось, что ещё несколько дней у них есть, пока Марсан не поправится. Пока не придёт в себя и не заговорит с нею. После этого принято вновь разойтись по разные стороны баррикад и больше никогда не сходиться, потому что мама ни за что не простит ей этого.

И, конечно же, Эрле не хотелось, чтобы эти несколько дней закончились слишком быстро. Может быть, она и желала ему скорейшего выздоровления, но так хотя бы можно было оказаться рядом. Вспоминать обо всём, что он в ней умудрился перевернуть и переменить, исправить и подкорректировать. Она никогда не была достойна стать королевой, но после встречи с ним будто бы изменилась. Стала ровнее, упрямее, смогла даже сыграть роль Лиары — пусть и неохотно.

Эльм всегда был бледен, сейчас же девушка была уверена, что, наверное, мог слиться с флагом Эрроки, отливающим синевой. Или со своими снежными волосами — ни единого тёплого оттенка в морозе чуть отросших прядей.

Но сейчас, без пыли войны и кровавых пятен на одежде, в постели на фоне светлых чистых простыней, он казался таким умиротворённым. Никакой воинственности, никаких попыток напасть — может быть, даже ненависти не было во взгляде. Теперь Марсан был будто бы истинным герцогом, выступившим за свободу своего горного города и пострадавшим во время битвы.

Разве мать согласится на то, чтобы ему вернули титул? Разве у них есть шанс? Может быть, Эрле и было всё равно, с кем оставаться, с вечным преступником или почтённым гражданином, но ни отец, ни мать, ни кто-либо другой этого не поймут. А она ведь влюбилась в первого мужчину, не являющегося ей родственником, с которым смогла общаться наедине.

Столько лет сопротивляться материнской власти, чтобы нарушить её только так. Может быть, её и не похищали?

Наверное, она тогда всё-таки сама с ним сбежала, а не позволила себя утащить за тридевять земель.

Эльм шумно вдохнул воздух, и пальцы его произвольно сжали простыни. Эрла покачала головой — разумеется, он уже не был болен, просто набирался сил. И сердце его гулко билось в груди, и дыхание приходило в норму, а теперь вот сбилось, и ресницы затрепетали, свидетельствуя о том, что её покой оборвётся раньше, чем она могла подумать.

Принцесса поднялась, с сожалением посмотрела на него, склонилась и коснулась мертвенно холодных губ — а потом выскользнула за дверь, пытаясь убедить себя в том, что для этого достаточно сильна.

Или, может быть, вновь поддалась матери.

\*\*\*

Шэйран проводил у этой проклятой берёзы вот уже третий день. Разумеется, отрываясь на то, чтобы заглянуть к замершей над любовью всей своей жизни сестре, навестить необыкновенно молчаливых, но всё ещё ссорившихся родителей. Иногда с ним оставалась Моника — пыталась поддержать и осторожно сжимала ладонь, но после ускользала куда-то, не собираясь оставаться с ним достаточно надолго.

Ведь у них в Эрроке всё ещё матриархат. И если королева Лиара пожелает, то всё вернётся на круги своя. Никто не посмеет изменить действительность только потому, что они победили в бесконечно долго тянувшейся войне, такой отвратительной и гадкой, что

вряд ли хватило бы слов, чтобы описать её достойно.

Но всё это не имело сейчас никакого значения.

Рэй бы с радостью боролся с новым врагом, столкнулся с очередными политическими перипетиями в пределах родной страны — это всё было таким привычным и понятным, что он даже не сомневался — вновь всё встанет на круги своя, и отец опять будет прибывать раз в год во вражескую столицу, чтобы задержаться чуть дольше, чем на несколько дней.

И с Моникой они, может быть, разойдутся, так и не успев провести вместе хотя бы несколько дней. Это ведь, в конце концов, так для него характерно — позабыть о том, как хотелось бы жить на самом деле, и отпустить её только потому, что так вещает её же, не его, религия.

...К этой берёзе они не приходили. Разве что Лэгаррэ — она тоже знала, что таилось в серебристых листьях прекрасного дерева. И Рэй знал, что никто, кроме него, ничего не сможет сделать.

Ведь у Первого его сила была обыкновенной, как у любого мага этого мира, или он сам повторял это раз за разом, чтобы не взвалить себе на плечи новую ношу. Ему следовало отправиться вместе с возлюбленной в тот мир, в котором они провели столько времени — эльфам не место среди обыкновенных людей.

Они реинкарнируют когда-нибудь через много лет, может быть, сойдутся наконец-то, поженятся, и Эрри родит желанного ребёнка.

Но не в этой реальности.

Не тогда, когда оставили за спиной на древнем острове одно только пепелище, проклиная его и завещая вечное скитание в морских глубинах бесконечности.

И они не могли ступить к своей змее. Не могли попросить его одним только жестом или, может быть, невероятным усилием воли вернуть её к смертной жизни вместо эльфийской вечности.

И родители сюда не приходили — потому что у отца было чем заниматься с огромной армией, а мать всё ещё пыталась привести в порядок магический фон, прочёсывая с ведьмами местность. Они не спали даже, наверное, эти три дня, и Шэйран должен был оставаться рядом и, пожалуй, помогать, а не проводить время вдаль от дома, любясь на прекрасную берёзу, пытаясь придумать, как вернуть её к жизни — и хотела ли бы этого та, что закована в ней навеки?

Он и не расслышал, всё ещё теряясь в своих мыслях, шагов за спиной. Эльфы вообще умели подкрадываться неслышно — и теперь, обернувшись, Рэй столкнулся взглядом с Тэравальдом, безмерно грустным и больше похожим на просто слепок себя-прежнего. Остаток от того бодрого, яркого юноши, которым всегда раньше являлся.

— И ты ничего не можешь сделать? — голос Тэра звучал уверенно, даже слишком. — Не можешь вытащить её из этого дерева и сделать вновь живой?

— Она и так живая.

— Да, но её могут спилить, если она вдруг не устроит своим видом какого-нибудь короля, а она даже не посмеет себя защитить.

Рэй протянул было руку, словно собираясь коснуться гладкого ствола, но тут же её одёрнул — он не знал, как она отреагирует, не знал, не обратится ли в человека сразу же, как только он попробует пробиться в её мысли.

— Возможно, — согласился Шэйран. — Но я не могу позволить ей просто так попрощаться со своей вечностью, если она этого не хочет.

— А вдруг хочет?

— Мы не можем её спросить.

Тэравальд покачал головой. К нему вернулась прежняя жизнерадостность, но и та гасла, стоило подойти чуть ближе к Нэмиаре — к тому, во что она превратилась.

— Змея, нарушившая завет божества, может — и должна — быть наказана за неповиновение, — наконец-то проронил он. — В конце концов, она платит сейчас за то, что избрала правду, а не ложь, и теперь превратится в берёзу навечно, если ты не попытаешься ничего исправить. Прошлого не вернуть, и это, Шэйран, не вечность.

— Для эльфов она очень ценна.

Са поморщился. Ему хотелось, пожалуй, сейчас убежать отсюда. Подчитывать вместе с остальными их потери, больше не думать о том, сколько воды утекло с поры завершения битвы. Они ведь до сих пор не установили личность многих покойников, до сих пор не смогли восстановить долины...

Это было и не его дело.

— Если она вернётся ко мне, — промолвил наконец-то он, — и согласится принять мою ничтожную помощь, всё то, что я смогу ей предложить, то мы вернёмся в библиотеку в Лэвье. Там, знаешь, есть комнаты, где можно жить. Мы будем среди книг... Может, она даже почувствует себя счастливой. Рано или поздно и я, и она состаримся... Я не эльф — не настолько, чтобы получить хотя бы огрызок их вечности. И эльфов, я думаю, больше не будет на нашей земле. Ведь их остров навеки отрезан теперь от всех остальных. Когда они перестали поддерживать религию, когда погиб Мастер — они ведь просто легенда, правда, Рэй?

Шэйран закрыл на мгновение глаза, пытаясь собрать все мысли в единое целое. Может быть, ему и хотелось поддаться на эти тихие уговоры, сделать то, о чём просил его Тэравальд, но он всё ещё не был уверен в правильности подобного выбора. Не знал, сможет ли гарантировать подобным образом Нэмиаре хотя бы какой-то лёгкий оттенок счастья и радости, на которые она всё-таки давно уже заслужила.

— Помоги ей, пожалуйста, — Тэр опустил голову. — А если это сделает только хуже, то я всё равно только один буду в этом виноват.

— Я не хочу рисковать не потому, что боюсь ответственности, — сухо отозвался Шэйран, — а потому, что она может быть несчастной всю свою оставшуюся жизнь.

— Позволь ей попробовать.

— Я не вправе решать.

— Ты теперь можешь решать за всю страну, — возразил Са. — Мне, может быть, просто кажется, но если после всего этого тебя не коронуют, то... Я не знаю, как это можно будет объяснить всему тому народу, что тебе подчинился.

— Моим нежеланием править?

— Чтобы они навеки разочаровались?

Рэй покачал головой. Он знал о том, что Тэравальд мог толкать мудрые речи очень и очень долго, но в тот же миг осознавал, что чем больше это будет продолжаться, тем больше он будет склоняться к мысли о том, что должен.

Шэйрану хотелось, чтобы всё-таки это было выбором, а не принуждением. Однажды поступить так, как велит сердце или, может быть, разум, но не позволить себе поддаться пустым уговорам. Не дать переложить вину на чужие плечи, для которых, может быть, ноша будет непосильна.

Тэравальд, наверное, намеревался сказать что-нибудь ещё, но Рэй оборвал его коротким взмахом руки. Сделал шаг в сторону дерева и коснулся ствола.

Если она захочет, она сможет.

Столько сил, сколько он предлагал ей — распоряжайся, если хочешь, — наверное, никто больше дать несчастной эльфийке не мог. Но даже в этом не было всемогущества и бессмертия. Не было того, к истокам чего она больше всего мечтала вернуться.

Рэй чувствовал, что она почти оттолкнула его от себя — отказываясь от того, что ей предлагали. Выбирала быть растением, просто поддаваться ветру и дождям, лишь бы только не выбирать дальше возможность жить, счастливо или не очень.

Он не понимал, почему его это до такой меры разозлило. Зачем вталкивал в неё дыхание, зачем заставлял увядать эти серебристые листья.

Подчиняться — хуже всего на свете.

— Ты прожила достаточно долгую жизнь, — прошептал он, убирая руку, — чтобы добраться до пропасти в Эррийских горах самостоятельно, своими ногами, а не оставив этот камень на моей совести.

Тэравальд всё так же смотрел на берёзу.

У неё оставалось несколько секунд до выбора. Выбора, который ей предоставили. Выбора, который она должна была совершить.

И на мгновение ему показалось, что серебристые волосы прекрасной эльфийки мелькнули в воздухе, мазнув его по щеке.

===== Глава восемьдесят шестая =====

Он никогда прежде не видел Лиару настолько уставшей. Не расстроенной и преисполненной грусти, не полумёртвой от осознания чего-то столь кошмарного, что описать человеческими словами было просто не возможно. Нет — просто измотанную, бледную, лишённую всякого желания двигаться дальше.

Она не заняла место на своём троне. Даже не приблизилась к нему, просто устроилась на подоконнике — хоть так и не пристало сидеть королеве, правительнице великого государства, которому уже больше двух тысяч лет.

— Никогда не думала, — прошептала она, отлично зная, что только он мог зайти без стука, — что мне так опротивеет всё это, что я даже не захочу их видеть.

Дарнаэл подошёл ближе, но коснуться её так и не смог — не выходило себя заставить. Он не чувствовал к ней, разумеется, ни грамма отвращения, просто невероятную усталость. Она была испита до дна, и он сам, пожалуй, тоже — слишком для того, чтобы так просто переступить через прошлое и посмотреть в те жуткие оттенки следующего дня, в которые они пытались поверить.

— Мы прочесали уже все территории, которые планировали сегодня, — устало проронил он. — Вроде бы больше погибших нет.

— И слава Богине, — автоматически ответила Лиара, а потом содрогнулась — словно от своих же слов стало противно. Ведь она всего лишь несколько часов назад разговаривала с божеством, держала её за руку, спрашивала совета — и получила однозначный ответ.

А ещё знала, что Дар давно уже всё для себя решил. И что отступить он тоже не намерен, даже если Лиара вздумает хвататься руками и ногами за своё наследие.

— Кто-то ещё из близких погиб? — наконец-то выдавила она из себя усталый вопрос.

— Ты не можешь быть счастливой, правда?

— Ответь мне — и я отвечу тебе, — пожалала плечами королева. — Иначе это, Тьеррон,

не работает. Ты не можешь заставить меня ответить правдиво, пока сам этого не сделаешь.

— Зачем тебе знать?

— Хочу знать, всех ли я оплакала.

— Наши дети живы и здоровы, — усмехнулся Дар. — Ты больше ни по ком бы не проливала слёзы, я уверен. Что ж... Вернулась та эльфийка, которая стала берёзой. Смертная, с далеко не такими острыми ушами, жутко сердитая на Рэя. Кажется, у неё немного иные планы на библиотеку в Лэвье, чем у него. Наверное, хочет вернуться к себе, на остров, но сомневаюсь, что туда сейчас плавают кто-то, кроме изголодавшихся по приключениям сумасшедших.

Лиара молчала — словно ждала, что он продолжит.

— Нашли сына твоей покойной советницы, — его голос был так бодр и уверен, что Лиаре даже показалось, будто бы она оказалась в прошлом. Дарнаэл давно не разговаривал с ней так. — На поле боя он пробыл, кажется, от силы полчаса, но зато во дворце прятался — будь здоров. Сейчас откопали, откормили, говорит — хочет занять хижину в лесу и стать отшельником.

— Может быть, для мальчика это единственный разумный выход, — со всей серьёзностью ответила королева. — В конце концов, он устал, он потерял своих родителей, у него нет любимой...

— И Реза рвётся скрасить его часы в маленьком домике на отшибе или посреди леса. Поскольку лесом, скорее всего, они выберут особо заросшую деревьями местность в твоём королевском саду, я б не стал вещать об отдыхе.

— Ты слишком жесток.

— Милая моя, — Дар рассмеялся, — у малодушных людей не хватает размаха для настоящей скорби. Они громко плачут, трясутся в уголке и даже проклинаяют свою судьбу, но через несколько часов отходят и вновь радуются жизни. Или, может быть, просто смиренно растут. Те, кто не в силах с размахом жить, не может и погибать ярко. Очередная серость. В конце концов, сойдутся, поженятся, заведут детей. Она будет до конца своих дней считать себя его спасительницей, потому что на большее попросту не способна, а он станет считать себя жертвой семейных обстоятельств. В их семье навечно установится матриархат, и в глазах каждого второй будет в этом виноват.

— У нас ведь так не получилось, — сжалась она. — Мне бы не хотелось, чтобы кто-то посмел вот так говорить обо мне или том, кого я выбрала.

— Мы с тобой, Лиара, достаточно много натворили, чтоб уж точно запомниться в этой проклятой истории, — покачал головой Дарнаэл. — Но жалеть никого я не могу — не хочу. И не буду.

— Ты вообще никогда никого не жалеешь, — согласилась Лиара. — Ты даже мать свою пощадить не смог — простая казнь была бы для неё лучше, чем вечное изгнание в Дарну.

— А мне как-то приятнее думать о том, что она блуждает по южной столице в поисках развлечений, ночует в тёплом дворце и пользуется всеми привилегиями королевы-матери, чем вспоминать, как прекрасно шатается её труп на виселице, — сухо отозвался он. — И пусть все считают, что я поступил, как самый настоящий идиот, думаю, у нас это семейное, и она точно так же поступила бы.

Лиара рассмеялась. В словах Дарнаэла было столько лёгкости и простоты, что она сумела даже отбросить на несколько минут собственную грусть и почувствовать, за что на самом деле так любила этого мужчину.



Он мог развеять её самые отвратительные сомнения и сделать день ярким в любой ситуации, пожалуй, даже в самой плачевной.

Но смех быстро сменился очередной волной грусти — королеве хотелось покоя, хотелось ясности и хоть какой-то чёткости в будущей жизни, и она очень сомневалась в том, что Дар мог подарить ей сейчас хоть что-то из этого, если не решить последние несколько вопросов.

— Ты мне не сказал.

— О чём?

Она не ответила, позволяя ему и самому понять, что произошло — что пошло не так. Тьеррон только молча обнял женщину за плечи, притягивая её к себе, и криво усмехнулся.

— О том, что не хочу больше править? Так ведь ты тоже была на поле боя, Лиара. ты видела, что с ними всеми случилось. Ты думаешь, после этого возможно взойти на трон?

— И что тогда будет?

— Не знаю. Думаю, наш сын достаточно силён, чтобы справиться с этим сейчас. Народ почувствует, что надвигаются перемены. А войны, в конце концов, всё равно останутся на мне. Это ведь не значит полностью отойти от дел, Лиа. Если ты не хочешь — твоё право.

— А если хочу?

Он резко разжал объятия — Лиара почувствовала невообразимый холод, смешавшийся с удивлением в родных синих глазах, и разочарованно содрогнулась, словно предчувствовала такую реакцию с его стороны. Может быть, даже ожидала того, что Дарнаэл её понять никогда не сможет.

— Я тоже устала, Дар, — прошептала она. — И мне тоже давно уже надоело править. Народ после всего этого не захочет принимать матриархат.

— Так отрекись от религии.

— Я так привыкла... Знаешь, будто проиграть самой себе.

Он согласно кивнул — разумеется, прекрасно понимал, о чём именно она пыталась сказать. В этих странах их, конечно, примут, примут, как победителей, вот только кому от этого станет легче? Они давно уже устали от своих престолов, давно уже успели испить горькое вино вражды — может, хватит?

— Этим странам давно уже пора стать одним целым, — согласился Дар.

— Это вполне можно было осуществить и иначе.

— Ты думаешь, то, что мы бы с тобой были вместе, что-то изменило бы? Всё равно разрозненные народы, ты — здесь, я — в Эльвенте, а то и всегда на войне. Даже если бы мы никогда не расставались, два короля не могут править одной страной.

Лиара закрыла глаза.

Она, конечно же, ещё ни от чего не отрекалась — но это и так было понятно, то, что говорил Дар. Он предлагал ей выбор — решить, чего она желает больше.

Наконец-то обрести покой и своё счастье рядом с ним или всё-таки предпочесть бесконечное сражение за власть. Бороться со своими собственными гражданами, пытаться заставить их действовать так, как они пожелают, всегда сталкиваться с человеческой неприязнью.

— Она сказала, не было никакого пророчества, — вдруг выдохнула Лиара. — Эрри. Заявила, что это глупость. Во всеуслышанье. И что всё происходит так, как происходит, лишь потому, что мы сами творим своё будущее.

— Ты когда-то хотела оставить Эрле королевство. Только потому, что так было

написано, верно, Лиа?

Женщина улыбнулась.

— Наша дочь, стоит признать, никогда не была королевой — хотя я всё ещё этого желаю, — согласилась она. — Может быть, проще было бы её отпустить. Но мне всё ещё кажется, что стоит мне только проронить несколько слов об этом, как она посчитает себя ненужной и лишней.

— Ты о ней слишком плохо думаешь.

Лиара вывернулась из его рук, подошла к трону — нарочито медленно, осторожно, будто бы стараясь понять, какой именно путь лежал между её сердцем и этим отвратительным тронным залом.

— Я не должна была стать королевой, — наконец-то прошептала она. — Я должна была всю жизнь провести в отцовском поместье. Выйти замуж за какого-нибудь милого юношу, родить ему детей — двоих, троих, или, может, больше. Всегда хотела троих.

— А я должен был лежать избалованным трупом на большой дороге. Моя мама бы сплясала на моей могиле, потом полила бы её тихими слезами, и Эльвента рассыпалась бы на куски, — хмыкнул Дарнаэл. — И ты ещё можешь исполнить свою мечту о троих.

— Не королевой.

— Почему нет? — пожал плечами он. — Королева-мать — тоже королева.

— Королева-мать при живом короле-отце. Дар, тебе не кажется, что это слишком? — она, казалось, впервые чувствовала себя так легко. Впервые выбирала сама за себя. — Я не хочу быть такой, как моя мать была для меня.

— Ты и так столько лет следовала её примеру, что ещё один раз ничего не изменит, — отмахнулся мужчина. — Я не хочу больше править. Если ты хочешь — это твоё решение.

— А что будет с твоей матерью? Она потеряет статус.

— Хм, — задумался он. — Королева-бабушка. Неплохо?

— Грубо.

— И это всё, что тебя сейчас беспокоит? — язвительно поинтересовался Дар. — Решайся, королева.

— Ты ведь никогда не останешься, если я решу сохранить престол?

— Прости, солнце, — мужчина прищурился, словно испытывая её терпение, — но быть просто полководцем при всемогущей супруге я не способен.

— А при сыне, значит, можешь?

— Да хоть при правнуке, — пожал плечами Дарнаэл. — Но не при жене.

Она вздохнула.

— Сколько раз я выбирала трон? — наконец-то спросила она.

— Шесть.

— Так почему бы мне не сделать это ещё раз?

Дар ничего не ответил. Она и так сказала всё, что он хотел услышать, пусть даже это и не прозвучало вслух.

— Технически, — наконец-то вздохнула она, — наш ребёнок не станет больше принцем или принцессой. Если мы — не король и королева.

— Технически, — пожал плечами Дар, — быть братом или сестрой короля даже выгоднее.

— Моя мать была бы против, — отметила Лиара. — Но я не скажу, чтобы сейчас меня это так сильно останавливало. Разве что, Тьеррон, ты технически женат.

— Технически, если тебе так нравится это слово, — усмехнулся он, — я вдовец. И, по сути дела, ты всё ещё со мной не разговариваешь, потому что обижена. Нет разве? Я ж потоптался по твоей любимой религии?

— Что-то мне подсказывает, что твой остроухий тёзка потоптался по ней наглее, — скривилась Лиара. — Но бог с тобой, Дарнаэл. Я согласна.

— На что согласна? Отречься от трона?

— Выйти за тебя согласна, — как-то совсем по-девичьи хихикнула она. — Только Рэю о том, кто теперь правит страной, говоришь ты!

\*\*\*

Шэйран, как любой нормальный венценосный дворянин, будь он король или принц, был занят. Правда, совершенно не королевским делом — потому что Его Величество, Высочество или нейтральное Сиятельство в свободное от царедворского дела время вряд ли должно помогать с уборкой улиц Кррэа — не магией, а вполне стандартной метлой. И чистить конюшни тоже не должно.

Но поскольку Дарнаэл пришёл сюда примерно с этой же целью — и, равно как и его сын, ещё не успел приступить, — удивляться он не стал.

— Ваше Величество, — усмехнулся мужчина, коротко склоняя голову в немного насмешливом полупоклоне.

— Не в этой стране.

— И в этой тоже.

Рэй замер — словно пытался принять слова своего отца, — а может отвернулся от него, словно стена конюшни была куда интереснее родного отца. Он не отказывался, не кричал и даже не убежал — может быть, потому, что это стало бы откровенно детской выходкой, — хотя и согласным тоже не выглядел. Словно замер, не в силах определиться с ответом — и теперь не хотел продолжать ничего обсуждать.

Наверное, ему было слишком непривычно, слишком сложно принимать себя в подобном статусе, а им с Лиарой следовало подождать, но Дарнаэл знал — больше некуда.

— Никогда не думал, что мама действительно может пожелать отречься, — наконец-то промолвил Рэй. — Но она ведь это добровольно?

— Твоя мать устала, — кивнул Дар. — Она просто хочет быть счастливой женщиной. Уделить внимание детям. Выстроить нормальную семью. Я, признаться, тоже. Править королевством, если мы хотим, чтобы три страны слились в одну, должен не кто-то из нас.

— Три страны? — Рэй даже не удивился, казалось. — Значит, Бонье всё-таки не захотел править? Что ж... — он запнулся. — У меня, я так понимаю, выбора нет.

— Только не говори мне, что для тебя престол — это наказание похуже, чем матриархат, — покачал головой Дарнаэл. — Ты наконец-то будешь свободен. Неужели ты никогда не хотел этого?

Рэй рассмеялся.

— Свободен?! Ты сидел на своём троне?

— Ну... — неуверенно хмыкнул Дар. — Иногда...

— И на такой неудобной гадости можно быть свободным? — Рэй скривился. — Скорее уж кривым, горбатым и с большой спиной. И... Только не говори, — он скрестил руки на груди, — что вы уже на пару с мамой присмотрели какую-нибудь принцессу из соседнего государства.

— Так ты не против?

— А вы ж предложили мне выбрать! — фыркнул Шэйран. — Так что насчёт принцессы из соседнего государства?

— Сам выберешь, — отмахнулся Дар. — Женить мужчину из рода Тьерронов против его воли — это всё равно что пытаться дикого кота заставить тащить повозку. Никуда не заедешь, а поцарапаны будут все виновники надругательства.

Рэй заулыбался — словно представил себе только что кота в повозке, — и склонил голову набок, рассматривая отца.

— Ты ж не договорил, правда? — он усмехнулся. — Эрла не знает, например — и мне предстоит ей сообщить. И для начала, — он вздохнул, — ещё её найти. Коронация, положим, через неделю?

— Почти, — кивнул Дарнаэл.

— Через два дня?

— Завтра на закате, — протянул мужчина, — боги отправляются в свою вечность. Символично было бы, коронуй тебя они...

— Значит, завтра на закате, — согласился Рэй. — И мне предлагается выбрать?

— Шэйран, — Дар вздохнул. — Ты можешь отказаться. И тогда ничего этого не будет. Никто не будет тебя принуждать. Несколько лет... Даже десятилетий — ты можешь свободно делать всё, что захочешь.

Рэй покачал головой.

— В том-то и дело, — вздохнул он, — что не могу.

===== Глава восемьдесят седьмая =====

Он думал, по правде, что отыскать сестру будет намного труднее. Смириться с мыслью о собственной коронации — вопреки тому, что Рэй вроде бы как и не сопротивлялся, когда отец предложил наконец-то занять трон, — было не так уж и просто. Может быть, Шэйран и отказался бы, дай ему кто-то выбор — но не сейчас. Теперь, после официально произнесённого “да”, оставалось только уладить все проблемы с окружающими его людьми. Может быть, сначала следовало предупредить Мон — по крайней мере, это было довольно честно, — но парень сам себе уже давно признался, что просто не рискнёт так поступить. Наверное, и королям тоже бывает страшно, раз уж так, а он сегодня всё ещё только принц, а значит, думать о подобном попросту не обязан.

Было довольно прохладно, и на голову с какого-то дерева свалился жёлтый листок. Рэй недовольно мотнул головой, отмахиваясь от надоедливой осени, и наконец-то выскользнул из ухоженной части королевского сада. Он достаточно хорошо знал сестру, чтобы отлично понимать, где именно она нынче находилась — пожалуй, если б ему кто-то предложил выбирать свою судьбу, он и сам бы так поступил.

Но, впрочем, Шэйран уже и не спорил. По правде, давно следовало признать — ему хотелось стать королём. Хотелось однажды занять место отца, править огромным государством, привнести что-то своё в этот мир. Может быть, так и Эльвенте будет намного лучше, чем они предполагают?

Дарнаэл и сам признавал, что страна практически остановилась при нём, как при правителе. Говорил, что слишком уж много времени уделил войне, чтобы сейчас разглагольствовать о всемирной справедливости и о том, что сделал для Эльвенты.

Но Рэй не мог отказаться от мыслей о том, что, наверное, был вариантом не намного лучшим, чем Дарнаэл Второй. За папой хотя бы люди шли.

А за ним — тоже пойдут. Стоит ему только этого пожелать, подумать о том, как он

хочет видеть целую толпу на коленях. Стоит только дотронуться до этой мысли в своей голове, потом потянуть за нужные нити — и научиться, разумеется, это делать.

Совсем скоро здесь не будет никаких богов. Он останется наедине с собственным упрямством, с тем, во что превратится его жизнь через несколько дней.

Что такое быть королём?

Впрочем, ему придётся понять, если не хочет покинуть своё место скорее, чем появится в этом мире надежда на нового правителя.

Он не ошибся, когда искал Эрлу в лесу. Она и вправду замерла над тонкой речушкой, что вилась у дворце, и бросала кусочки рыжего огромного кленового листа на воду.

Она содрогнулась, повернувшись к нему, едва не подпрыгнула от неожиданности, но после улыбнулась парню.

— Я думала, это мама. Или папа, — вздохнула Эрла. — Не ожидала увидеть тебя здесь.

— Удивительно, что ты пропадаешь здесь. Твой Эльм как раз пришёл в себя.

— Именно по этой причине я здесь, — кивнула девушка. — Мне там нечего делать. Так или иначе, мама всё равно будет радикально против.

Парень хрипловато рассмеялся, словно пытался придумать отговорку её глупому заявлению, а после легонько обнял сестру за плечи, утыкаясь носом в её каштановые вьющиеся волосы.

Она всегда казалась ему чем-то слишком далёким от трусихи. Может быть, конечно, в чём-то Рэй и ошибался, но точно не в этом. В Эрле не было той поразительной трусости, что часто встречалась в принцессах других государств.

Не то чтобы Рэй хорошо знал хотя бы одну, кроме родной сестрёнки — и Марты, но о той вспоминать почему-то совершенно не хотелось, — но по крайней мере Эрлу он изучил достаточно хорошо.

— Чего ты ждёшь от завтрашнего дня? — наконец-то спросил он. — Что проторчишь тут, пока не превратишься в сосульку, и Эльм поплачет на твоей могилке?

— Я вернусь, — отозвалась она. — К тому времени мама, пожалуй, успеет выставить его из государства, но мне кажется, что это к лучшему. По крайней мере...

— Ты боишься?

Эрла кивнула. Слабо, едва заметно, но кивнула.

— Мне кажется, что если я позволю себе поверить в то, что у нас может что-то получиться, мама не позволит. Она тут же придёт, попытается растоптать те остатки чувств, что ещё могут у него быть. Мы столько времени вели себя, будто бы самонадеянные идиоты, что теперь нет смысла верить во взаимность.

— Я бы с тобой согласился, конечно, — хмыкнул Рэй, — если б моя любимая не осталась со мной после каждой глупости, что я в своей жизни совершил.

— Мон?

— А ты знаешь другую мою возлюбленную?

— Мало ли. У папы их знаешь сколько было?

— Любовницы и возлюбленные, позволь заметить, это совершенно разные вещи, — возразил Шэйран. — И мы сейчас вроде бы разговариваем не об отце, а о том, что ты делаешь со своей жизнью. Зачем всё старательно ломаешь, пытаешься убедить весь мир в том, что так будет лучше. Ты не пленница прошлого, Эрла. И совершенно никому ничего не обязана.

Она кивнула. Разумеется, нет — но хотелось повторить в очередной раз, что мама ни за

что не простит ей случившегося. А ещё — что Эльм никогда не сможет вновь что-то почувствовать к ней.

— Скажи мне, — он повернул сестру к себе, — этот шрам — так и не сойдёт, правда?

Она кивнула. Протянула руку, провела рукой по коже — шрам был едва заметной тонкой полосой и почти не портил её лица. Казалось, даже добавлял необычности, может быть, превращал её во что-то уникальное.

— Я не хочу от него избавляться, — покачала головой Эрла.

— Как он чуть не погиб?

Ей хотелось промолчать.

— Защитил тебя, правда?

— А ты знаешь, где поселились Анио и Реза? — она попыталась рассмеяться, но смешок прозвучал глухо и очень устало. — Они решили, что за домик отшельника вполне сойдёт тот, внутри сада... Что они там смогут счастливо жить, подальше от цивилизации, в десяти метрах от дворца! А знаешь... — она запнулась. — Меня пытались разрубить, а он выступил вперёд, чтобы принять на себя удар. Его едва ли пополам не перерезало, и так удивительно, что... Просто всё вовремя закончилось, наверное, и потому у Эльма ещё был шанс. И до сердца тогда меч не дошёл.

— И ты, наверное, в тот момент надеялась, что он выживет. Что его сердце будет цело. А теперь своими же руками собираешься его разбить, только потому, что боишься своей же матери, согласен, чуточку склонной к некоторой тирании. Но не более того! Мама, в конце концов, всегда будет твоим лучшим другом, но это не повод отмахиваться от любви.

— Я даже не знаю, как так вышло, — вздохнула Эрла. — Полюбить врага... Я ж егс терпеть не могла, когда мама описывала... Описывала, насколько противен герцог Ламады. А сейчас я бы так хотела просто уехать куда-то с ним... Будь он хоть сто раз простолудином, теперь, с новыми законами. Мы бы нашли, как жить. Но мать никогда не позволит нам быть вместе.

Она сейчас казалась такой расстроенной, такой грустной — будто бы поздняя осень. Эрла родилась, когда земли коснулся последний алый лист — дочь огненной королевы.

Сколько себя помнил Рэй, рядом была его младшая сестричка. Разница всего в два года — он помнил, как радовался папа, как он сам, мальчишка, бормотавший что-то непонятное — не выговаривал половину букв, — заглядывал в колыбель.

Как обнимал тогда маму, как прижимался к отцовской ноге — они и тогда уже внешне были похожи. Как бабушка по вечерам рассказывала ему сказки и зажигала пламенные огоньки на кончиках пальцев.

Как отец вращивал растения из-под земли, а ещё — не проходило и недели, чтобы он не притащил им во дворец какого-то кота, и папа каждый раз улыбался и соглашался, а мама злилась — у Эрлы может быть аллергия. А вдруг это чудовище с хвостом посмеет её оцарапать?

Помнил, как один кот даже остался, тот, что не блохастый. И они вдвоём — пятилетний Рэй, трёхлетняя Эрла, — возились с ним повсюду.

Кот куда-то делся, когда Шэйран стал старше. Ему было четырнадцать, их пушистый друг сбежал, или, может быть, и вовсе погиб, а Рэй собрал вещи и отправился в Вархвскую академию, впервые делая самостоятельные шаги на этом пути.

Он уже тогда видел — необязательно быть слабым, если ты мужчина. Можно, как отец, завоёвывать страны, расправив гордо плечи, драться не на жизнь, а на смерть, но одинаково

каждый раз побеждать.

Его маленькая Эрла так и осталась крохотной сестрёнкой — даже когда вытянулась, когда стала привлекательной девушкой, лишённой всякого кокетства. Одно слово — матриархат; такая прямая, такая искренняя, такая родная. Он никогда в своей жизни не переставал её любить, она, наверное, единственная верила в него от начала и до конца.

Теперь, когда они выросли, всё было совсем иначе. И больше Эрлу не сдерживали оковы, навешанные мамой, и он тоже расправил плечи и уверенно шагнул вперёд, не давая себе ни на секунду остановиться — так было нужно.

И она, его маленькая Эрла, хотела сдаться?

— Плевать на мать. Просто оставайтесь вдвоём — и пусть она делает всё, что хочет. Разве важно то, что будет думать мама, если вы любите друг друга? — Шэйран усмехнулся. — Между мною и Мон всегда стояла религия. И каждый раз мы наталкивались на эту тень — на богиню, на Первого. Они, словно те паразиты, разъедали чувства, разъедали мысли, и сколько должно было миновать бессонных ночей, чтобы увидеть их настоящих? Чтобы понять, что в выдуманных религиях нет ни капли правды?

— Даже если я рискну, — покачала головой Эрла, — он со мной быть не захочет.

— Почему?

— Я — дочь Лиары. Я отобрала у него его герцогство — ну, не лично, конечно же. Но всё равно, мама всё это делала, чтобы потом передать мне. И он это прекрасно понимает. Думаешь, он сможет быть спокоен, пока не отвоюет Ламаду? И не отвоюет. Мама не позволит ему стать герцогом. Никогда. Мы так и останемся с разбитыми сердцами на обочине большой дороги.

Рэй усмехнулся. Ему не хотелось об этом говорить — он думал, что, может быть, Эрла хотела бы и сама занять трон.

Но сейчас — слишком уж это казалось нереальным.

— Кем бы ты хотела быть больше, герцогиней или королевой? — спросил он.

— Любимой, Рэй. Любимой.

Он облегчённо выдохнул воздух, словно признавая, что украсть у сестры её по закону место было труднее всего на свете — труднее, чем править державой, чем наконец-то занять родительское место на престоле — место, о котором он никогда и не мечтал.

— Тогда не волнуйся, — вздохнул он. — Можешь сказать своему Эльму, что Ламада его. В пределах державы, конечно же.

— Мама никогда не позволит ему занять это место.

— Не имеет значение то, что позволит мама.

— В любой стране всё решает правитель.

— Да, Эрла. И, если хочешь, первым делом послезавтра я издам указ, чтобы твоего Марсана вернули на его место. Не могу ж я позволить сестре, в конце концов, страдать.

Она подняла на него взгляд, ошеломлённый, но отчего-то такой счастливый, что глаза будто бы светились.

— Тебя коронуют? В Эрроке?

— Я не знаю, как теперь назвать эту страну. В Эрроке, в Эльвенте, в Торрессе... — парень вздохнул. — Они отказались. Отреклись от трона, понимаешь?

— Папа? Мама?

— Да. Оба.

Эрла мотнула головой — и засмеялась, так легко, так весело, будто бы впервые в жизни

смогла наконец-то почувствовать себя счастливой.

— Обещай мне, — промолвила наконец-то она, — что перед всеми этими герцогскими статусами ты женишься сам. И... — в глазах заплясали забытые давно уже счастливые искринки, — вы с Мон немедленно заведёте достойного пушистого кота!

===== Глава восемьдесят восьмая =====

Остывающие алые лучи эрроканского солнца осветили длинную дорогу тонкой полосой, придавая ей кровавый оттенок. И будто бы замерли, повинувшись высшей боли.

Не было ни ветра, ни туч на безграничных небесах, и ни один звук не нарушал холодную, мрачную, торжественную тишину.

Они все — и эрроканцы, местные или прибывшие на битву, и эльвентцы, по-военному торжественные, в парадных мундирах или давно уже изрезанной мечами воинской форме, пережившей не одну битву, и торрессы, пленённые сбежавшим магом, опустившие теперь голову низко-низко, словно признавая, что успели натворить за долгое время сражений, — замерли в вечном молчании, будто бы статуи, будто бы вновь подчинённые тем сумасшедшим потоком магической силы, что сбил их с ног почти неделю назад.

Никто из них — и молодой наследник престола, наверное, тоже, — не был готов к этому. Никто не ожидал, что всё случится так быстро. Никто не думал, что это возможно.

Обычно на каждой коронации толпа роптала, перешёптывались между собой знакомые, люди тихо пытались выяснить, видел ли кто будущего правителя, разговаривал ли с ним, достоин ли этот мужчина — или эта женщина, — занять трон...

Сегодня они не смели проронить ни единого слова.

...Молча опустили на колени, изъявляя своё подчинение, когда уверенным, может, слишком быстрым шагом прошли мимо них король и королева.

Солнце словно обагрило белое платье королевы, чёрными пятнами отразилось на алом камзоле короля — и странным сиянием скользнуло по коронам.

Взметнулись в воздух флаги — алый и небесно-голубой, по две стороны дороги. Отсалютовали шпагами воины своему правителю, тонкими вспышками пламени отозвались ведьмы Её Величества.

И мир будто бы замер — только ветер трепал тяжёлые ткани флагов, и рядами вспыхивали фамильные гербы.

Их могли короновать боги — словно весть из далёкого неизвестного мира, праведные духи прошлого.

Могли сойти к ним из высоких королевских палат и возложить на голову нового правителя новую корону.

Но хотел ли народ увидеть свидетельство существования древних эльфов, творцов этого мира?

Нет.

Сколько б они не молились в храмах, сколько б не опускались на колени пред древними иконами, всё это — шепоток прошлого. А нация, новая, объединённая, собранная из осколков, не мечтала о прошлом. Каждого из них интересовало только то, что впереди, то, что ждало в следующем дне. И кому б они ни молились, важны были живые — не мёртвые — пред которыми они склоняли колени.

— Отрекаешься ли ты, — голос Лиары не дрожал, звучал твёрдо и уверенно, — от престола Эльвенты и Торрессы, сдавшейся на милость, ради мира и единства, ради континента, на котором не будет больше места границам?



Дарнаэл поднял на неё взгляд, суровый и уверенный.

— Отрекаюсь.

Флаги Эрроки будто бы увереннее затрепетали на ветру — поникли головы эльвентцев, вспыхнули ярче пульсары ведьм.

— Отрекаешься ли ты, — он не повернулся к толпе, не посмотрел на тех, что шёл за ним столько лет, — от престола Эрроки и Торрессы, сдавшейся на милость, ради мира и единства, ради равных прав каждого, кто готов верой и правдой служить своему государству?

Лиара умолкла на мгновение, будто бы сомневалась, позволила на мгновение возликовать своим подданным — но пауза не продлилась больше секунды.

— Отрекаюсь.

Он коснулся кончиками пальцев чужой уже короны, снимая её с головы без всякой жалости, возложив её на ритуальный камень — где они только нашли этот высокий постамент? — и в последний раз провёл по рубинам. Она — без жалости возложила рядом сверкающую сапфирами диадему, словно прощаясь навеки с правительством, со своим статусом королевы, с тем, что было ей дорого все эти лета.

— Отрекаюсь, — прошептали почти одновременно, будто бы совершая личную клятву, и кожа соприкоснулась, словно случайно — это тепло для двоих значило в разы больше, чем каждый драгоценный камень этого мира.

— Во имя единства, — почти в унисон прошептали они, — во имя мира. Во имя славы. Во имя континента.

Лучи солнца будто бы утонули в сапфирах и рубинах корон, на мгновение ослепляя толпу, и казалось, будто бы в этот миг — когда за горами Эрроки скрылось последнее солнце старого века, — два духа, две тонких линии света взмыли в небеса откуда-то из дворца.

Они здесь больше не нужны — ни вдвоём, ни один из них.

Боги приходят только тогда, когда ни короли, ни королевы не способны заставить мир жить дальше.

Боги вмешиваются в течение дел, когда слишком много злобы собирается вокруг тонких линий мироздания, когда источник вновь тянется своими грязными руками к их творению — тому, что они любили всю свою жизнь, тому, что создали своими же руками.

Боги куют любовь из ненависти только тогда, когда больше этого сделать некому.

...А когда вместо зашедшего за горы солнца вспыхнули ряды факелов, двух корон больше не было. Только одна, сияющая всеми оттенками рассвета и заката, ночи и ясного дня, тонкая и величественная, возвышалась она на постаменте — ничья и всего этого государства одновременно.

Дарнаэл и Лиара отступили к рядам людей, по обе стороны, и только огонь взмывал всё выше и выше к небу.

Вместо осколков древних корон — тех, что не превратились в новую, единую, тех, что знаменовали вражду и разность между двумя огромными странами, объединившимися в одну, — сверкали на запястьях тонкие венчальные браслеты.

Огненная, яркая стена факелов, казалось, ослепляла всех — пока не умерила пыл, не заставила отступить, делая дорогу ещё шире, ещё яснее.

Пока огненными языками не обрисовала силуэт нового короля.

На нём не было ни короны, ни камзола, свидетельствующего бы о стране. Не было фамильных драгоценностей — просто черная ткань одежды.

Но каждый из них признавал в нём своего короля.

Они сдались ему на милость тогда — они и сейчас, когда он проходил мимо, покорно склоняли головы, шепча короткое “Ваше Величество” в приступе собственной покорности, преданности новому королю.

Он поднялся на высокий постамент, опустился на колени перед своей новой короной — будто признавал верховность закона, и права, и мира.

Шептал тихо ритуальные слова — пока они, отрёкшиеся мгновение назад, не опустили новую корону ему на голову.

А после повернулся к народу, что ждал его слов, ждал хоть одного приказа или требования — и пламя засветилось мягче, будто бы принимая нового властителя.

— Во имя державы, — его голос звучал мягко, негромко — но слышал, наверное, каждый, такая гробовая тишина застыла на площади, — во имя веры и во имя счастья этого континента.

— Во имя державы, — эхом отозвался народ.

— Во имя единства, — он расправил плечи, — во имя долгого пути развития и во имя вашего торжества — и на войне, и в мире, и в каждом дне долгого тернистого пути жизни.

— Во имя единства, — гулом пронеслось по воздуху.

— Во имя нового солнца, что взойдёт завтра на небесах. Во имя страны, которую больше никогда не будут сотрясать междоусобные войны.

— Во имя нового солнца, что взойдёт завтра на небесах, — повторяли они неведомую, но такую правильную ритуальную фразу, — и вечного царствования Вашему Величеству!

Он должен был стоять всё так же ровно, смотреть на них всех с поразительной серьёзностью, уверенностью, молчаливо и тихо.

Ему на плечи опустили тяжёлую мантию — и скипетр бы вручили, аж целых три, если бы было откуда их взять.

Жаркий мех будто бы обжёг плечи — и новый король должен был царственно миновать своих подданных, направляясь обратно во дворец.

Он шёл вперёд, упрямо и гордо, вскинув голову — словно не имел права отступить от намеченной линии.

Замер на самом краю дороги и повернулся, посмотрев на народ — теперь уже его.

— Да здравствует Его Величество! — громко проскандировали армии.

Он обернулся — с удивительной хитрой улыбкой на губах. Теперь уже стоял к ним лицом, всё с той же дурацкой мантией на плечах, со сверкающей короной на голове.

Они были готовы вновь рухнуть на колени, поддаваясь древнему закону — но почему-то остановились. Не рискнули, а может, почувствовали, что что-то пошло не так.

Улыбка превратилась и вовсе в озорную. Он расправил плечи, опустившиеся под тяжестью огромной мантии, окружившей его ало-синим ореолом, и сдёрнул её с плеч.

— Новый король, — он говорил уже громче, чем прежде, — новые правила.

Он сбросил с плеч тяжёлую мантию, отбросил в сторону — кажется, даже оттолкнул ногой.

— Шэйран... — послышалось досадливое откуда-то со стороны отрёкшейся королевы. — Ну почему нельзя без цирка хотя бы сегодня...

Дарнаэл покосился на Лиару, перехватил её руку, словно не позволяя сделать ничего, что восстановило бы церемонию в прежнем её торжестве.

— Раз уж вы поприветствовали своего короля, — прищурившись, продолжал Рэй, — то,

думаю, найдёте достаточно радости и ликования для своей королевы?

Лиара прошипела что-то невразумительное, но с места не сдвинулась — молча наблюдала, как принц, да что принц — король уже, стоявший на пороге одного из двух своих дворцов, нагло миновал ряды факелов, выстроенных в его честь — как ограничительные линии, — поймал за локоть ведьму, не абы какую — свою, любимую, — и с нею под руку вернулся на порог замка.

— Эй, — окликнул он родителей, замерших в том конце пути, — а вы как превратили вот это, — он снял с головы корону, — превратили в браслеты? Не поделитесь секретом?

Толпа замерла, поражённая, а после эльвентская часть королевства рассмеялась внезапно. Воинство заплодировало, будто бы наконец-то узнав что-то родное.

— Вот это наш король! — громогласно прокричали они.

— О богиня! — возопила возмущённым шепотом Лиара, отворачиваясь — что-то ей подсказывало, что сын, раз уж вздумал сделать из несчастной короны венчальные браслеты, ни за что не отступится. — Я уж думала, что это будет нормальная страна... И что получается? Эльвентский балаган в лучших правилах двора его величества!

Дарнаэл весело, легко так рассмеялся, обнимая её за талию и привлекая к себе.

— Лиара, — протянул он, — это называется не балаган, а король, которого любит народ.

— Король, который пьёт с народом в кабаках — не нормальный король! — возмущённо прошипела она. — И вы все, эльвентское кодро, сумасшедшие.

— Нет больше никакого эльвентского кодро, — заулыбался Тьеррон. — И вообще, королева-мать, разве вас что-то не устраивает? Поберегите свою злость на следующую свадьбу.

— Какую следующую свадьбу? — удивилась она.

Дарнаэл не ответил, только выразительно покосился на замершую где-то в толпе дочь — найти её было довольно просто, по герцогским-то снежно-белым волосам.

Но, наверное, на его драгоценную королеву сегодня и так слишком много потрясений, чтобы говорить ещё и об отцовском благословении, правда?

И народ пусть сначала за короля порадуется...

===== Эпилог =====

Восемь лет спустя

Полыхнуло. Он, раздражённо отмахиваясь от пыли, пытаясь стряхнуть её со своего плаща, сделал несколько шагов вперёд и замер, с удовольствием вдыхая свежий морозный воздух. Открыл глаза, осмотрелся и удовлетворённо улыбнулся — не было ни яркого, почти кипевшего на небесах солнца Халлайнии, ни ненормального императора с шестью дочерьми, каждую из которых ему, мужчине женатому, пытались просватать — “Ну, милоч, у нас многоженство — в порядке вещей!” — ни стайки солдат, не понимающих, что с королём соседней державы делать. Хватать и жечь за использование магии, по правде, но силы воли их не хватило бы и на то, чтобы ступить к нему чуть ближе — видели ведь, что случилось с войском в прошлый раз? Видели.

В Лэвье было холодно — на самом деле. Так, как полагается. Вот уж за что больше всего Шэйран любил возвращение домой, так это за разнообразие. Что толку жить в пустыне? Всё время жарко. А в оазисах зелено, но всё равно душно — хоть воды напиться можно, и то хорошо. Ни леса, ни чего-нибудь ещё.

Если б у халлайнийцев не было толковых учёных, которых в последнее время активно

переманивали в их страну, то, пожалуй, он бы туда и не отправлялся. Ни с дипломатическими миссиями, ни с военными — вообще никогда.

Всё-таки, пожалуй, больше, чем империю за океаном, Шэйран ненавидел разве что наведываться в третье государство своей собственной, Объединённой.

Эррока, Эльвента и Торресса так и не стали чем-то единым по названию — Объединённая Держава так и осталась Объединённой, а Рэй был не таким уж дураком, чтобы так просто, так уверенно разрушать религиозные убеждения разных стран. В конце концов, пусть религии и слились в одну целую, а ни Эрри, и Первого никто не видал в этом государстве уже больше восьми лет, они мыслили по-разному — и по-разному приносили государству пользу.

Шэйран предпочитал не вмешиваться, по крайней мере, до той поры, пока это не станет необходимо — зачем портить жизнь собственным гражданам?

Он мотнул головой — то ли пытался вытряхнуть глупые мысли, то ли просто избавиться от песка. Следовало поспешить — хотелось вернуться домой к Восшествию Новой Звезды, ежегодному празднику, что отмечался посреди зимы во всех трёх королевствах и знаменовал наступление нового годового кольца.

Он осмотрелся — ну вот, опять вместо пустыря за дворцом или хотя бы сада, окружавшего замок, оказался посреди города. Сколько лет уже пытался нормально телепортироваться, а без направлений Мон ничего не получалось. Обычно они отправлялись на подобные миротворческие миссии вдвоём, но сейчас его супруге путешествовать, а уж тем более общаться с императорами вражеских государств строго-настрого запрещено.

Рэй вздохнул и уверенно зашагал по родным улицам столицы — сколько его не было дома? Больше месяца, наверное — проклятая жаркая Халлайнция напрочь отбила желание мечтать о лете, и Шэйран надеялся на то, что дом не будет покидать до самого конца зимы. Тем более, Мон вот-вот рожать — не оставит же он супругу одну, когда она должна привести в свет столь желанного ребёнка.

Повернув с узкого проулка на широкий проспект, мужчина улыбнулся — и вправду, Восхождение Новой Звезды — он уж было удивился, что в городе так тихо, но это просто было неудачной местностью. На главных улицах гремела музыка, светились яркие факелы, вопреки тому, что была середина дня. Играли дети, швыряя друг в друга снежками, вокруг царил смех — сплошная радость.

Шэйран ускорил шаг — домой хотелось невероятно. Повидать жену, родителей, да и, может быть, сестра с супругом уже прибыли, кузен с Анри, бабушка вот обещала прибыть.

Дворец уже виднелся впереди, когда в голову с силой ударило снегом — мужчина обернулся, по инерции вскидывая руку, нащупывая вслепую чужие нити — чтобы перехватить, остановить сердце или бросить на колени, — но вовремя остановился и со смехом взмахнул рукой, осыпая ребятшек потоками снега.

Дети расхохотались в ответ, реагируя на его выпад канонадой снежков.

Пора переставать содрогаться от каждого прикосновения, Ваше Величество, а то так можно переложить половину Лэвье из-за обыкновенной игры в снежки.

— Рэй! — послышался из ребяческой толпы радостный вопль, и из груди детишек вырвался шестилетний мальчишка. — Вернулся!

Остальные сбились кучей, восторженно глядя на короля и порицая своего товарища за смелость, но Шэйран только потрепал мальчишку по чёрным кудрям, отвечая приветливой улыбкой.

— Я ж обещал, — подмигнул он брату, а после вновь повернулся к ребяташкам. — Ну что, юноши и милые леди, лепим снеговика?

Они отозвались благоговейными смешками — мало кто из детей не слышал сказку о добром и справедливом короле, способном остановить армию врага одним только взглядом. Образ молодого мужчины с задорной улыбкой, готовящегося слепить им гиганта снежных армий, ну никак не вязался с тем грозным правителем, о котором вещали мамы.

Но снеговик и вправду удался на славу — без взрослых они вряд ли смогли бы его сделать таким высоким, а Шэйран, вместо порицать детей за мокрые рукавички и снег в волосах, помог поставить огромный снеговой шар на самую верхушку, да ещё и надеть красное ведро. И морковку наколдовал, а глаза у снеговика были — ну чисто живые, вот-вот побежит вперёд!

Дети завели хоровод вокруг своего нового произведения искусства, но Рэй потянул брата за собой.

— Пора возвращаться, — хмыкнул он. — За ночь ничего с твоим снеговиком не станется.

— А если станется? — недоверчиво поинтересовался он. — Ты смотри! Я папе пожалуюсь!

— Хэй! Кто тут из нас король, я или папа?!

— Это неважно! — мальчик упёр руки в бока, копируя сейчас, кажется, мамину позицию. — Важно не то, что на голове, а то, что в голове!

Рэй шутливо отвесил ему подзатыльник, но мальчишка только рассмеялся в ответ — уважение к старшему брату ему было столь же свойственно, как отцу — пугаться материнских возмущений.

Шэйран всегда поражался умением своих родителей растить детей. Первый никак не мог привыкнуть к короне, поэтому должен был загодя представляться пред правителями других держав или подсылать послов, мол, это не слуга, это у нас король такой чокнутый, без короны, без символов на голове, на груди и ещё боги знают где, но вы не переживайте, что молодой, на вас хватит; вторая, открестившаяся от престола, была готова спорить по какому угодно поводу; на третьего не действовал ни мамин авторитет, ни королевский, и даже сказки на ночь о страшном злом Величестве не действовали, разве только папа брался изредка за ремень, но да когда в последний раз он это делал?

— А если всё-таки снеговика разобьют? Тут на углу есть противнучие мальчишки-хулиганы!

— Слушай, Кальт, — Рэй на мгновение остановился, — ты — королевский брат. Твой отец руководит огромной армией, а мать пугает даже твоего отца. Ты серьёзно полагаешь, что мальчишки-хулиганы могут тронуть твоего снеговика?

— Ну на нём же не написано, что в Его Величестве проснулось детство, и он решил заняться детской забавой! — тут же возмутился Кальт. — Ты ж не можешь гарантировать, что они его и вправду не тронут! А научи магическим приёмчикам, а?

— Кальт, рано.

— Ну научи!

— Я сказал — рано! — по правде, ему самому и в двадцать пять было рано, и только к тридцати годам, когда дурость из головы выветрилась, Рэй научился пользоваться своей силой умеренно и целенаправленно. А то так пытаешься облагородить императора Халлайнии, а он берёт и при всём честном народе на колени и головой в пол...

Брат, кажется, обиделся. Шэйран на это внимания не обращал — он обижался по десять раз на дню, — и только быстрее зашагал в сторону дворца.

...Замок будто бы сверкал, что снаружи, что изнутри. Сотни маленьких огоньков блуждали по воздуху, воссоздавая воистину магическую атмосферу, и Рэй сам замер, удивлённо улыбаясь яркому сиянию. Когда он был маленьким, мама называла всё это глупой детской блажью и ересью, а значит, в их доме никогда ничего не светило и не походило на магическое действие.

Но сейчас — и Шэйран был рад, что застал это, — казалось, что они попали в самую настоящую сказку.

На улице уже темнело, становилось холодно, особенно в тонком плаще после Халлайнии, и Рэй ступил в замок с радостным осознанием того, насколько дома может быть тепло и уютно. Кальт запропастился уже через мгновение — его ужасно раздражало то, как слуги пытались заискивать перед королём и как в тот же миг дружелюбно с ним обращались.

Шэйран был готов поклясться, что самым страшным проклятьем для Кальта было бы занять тот самый неудобный стул и надеть на голову корону, которую Рэй так и не рискнул переплавить на венчальные браслеты. На его запястье замер другой, простой, без излишеств — и почему-то мужчине казалось, что лучшего для них с Моникой придумать было нельзя.

Ведь главное — не то, кем они являлись, а что любили друг друга, не так ли?

Из огромного зала для пиршеств уже доносились приятные ароматы. Слуги, гости дворца, придворные — каждый имел право занять место там; королевская семья обычно собиралась в малом зале, и Шэйран, заглянув на мгновение и поприветствовав их, поднялся на этаж выше.

В семейной обстановке всегда было приятнее. Не так шумели, не так мешали, можно было остаться хоть однажды наедине со своей семьёй — и, более того, раз в год они могли почувствовать себя не королями, королевами или великими полководцами, а нормальными людьми. Ну а если захочется поучаствовать в ежегодном балу, то для этого надо всего лишь спуститься вниз.

Официальное празднество, впрочем, завтра — тогда приглашают вельмож со всей страны, и звуки бала не стихают до самого утра. Но там не место ни детям, ни простому человеческому счастью, просто очередное мероприятие, такое же, как и всё остальное.

Шэйран переступил порог малого зала с уверенностью, что увидит там свою семью — и замер с улыбкой на пороге, дожидаясь, пока его заметят.

Отец так и остановился, не открыв бутылку с вином — то ли не ожидал, то ли, может быть, думал, что Рэй припозднится.

— Кальт, зараза, — нарочито медленно протянул он, наконец-то откупоривая бутылку, — ты почему сказал, что твой брат прислал послание о том, что будет только завтра?!

— Папа, прекрати, — отмахнулся Рэй. — Он же ребёнок, пошутил.

— Ребёнок! — рассмеялся Дарнаэл. — Ты, будучи ребёнком, никогда не... Кальт! Прекрати демонстрировать всем язык, не то отведу к лекарю!

Мальчишка притих — лекарь был самым страшным его ночным кошмаром, особенно зубной. Зачем они, если можно выпросить у брата маленькую дозу исцеления и навеки забыть о лишнем молочном зубе или о том, что с носа текло пару минут назад?

Шэйран сделал ещё один шаг вглубь комнаты — и остановился наконец-то напротив

жены.

Она никогда не бросалась с разбегу ему на шею, если они были не наедине, сегодня — и вправду не могла, потому что ещё месяц-другой — и рожать. Подошла настолько быстро, насколько могла, и нежно обвила шею руками.

— Я скучала, — совсем тихо прошептала Моника ему на ухо, — и я вправду прибью твоего брата когда-нибудь!

Он обнял её в ответ, прижимая к себе.

— У нас сын или дочка? — вместо ответа о брате, поинтересовался Рэй.

Моника только уклончиво улыбнулась и, вывернувшись из его объятий, поспешила к богатому столу.

...Шэйран ненавидел сидеть во главе стола — пожалуй, потому, что это лишний раз напоминало о королевской обязанности. Поэтому самый большой восторг на этом празднестве у него вызывало то, что стол был круглым, и никто не должен был выделяться из общей массы.

Так они больше чувствовали себя семьёй — одной большой, надёжной и крепкой, семьёй, которой не страшны никакие невзгоды.

Дети обычно сидели рядом с родителями — Кальт сейчас, впрочем, был изгнан за детский стол, потому что висеть на плечах у отца и дёргать его за кудри — верх неуважения. Дарнаэл то и дело срывался на обсуждение военной стратегии с Кэором — племянник был единственным, кроме младшего сына, способным ощутить истинную прелесть воинственности своего дядюшки. Ирил и Льена — дети Эрлы, — периодически донимали отца и мать, одинаково светловолосые, светлоглазые, похожие на отца — особенно дочка, — и всё выпрашивали, как и Кальт, подарки.

Лиара, отмахиваясь от свекрови — у них всегда плохо складывались отношения, — обращалась к дочери, то и дело пытаясь вовлечь её в разговор, и Рэй и сам не заметил, как заговорился с Анри и Эльмом, одинаково интересующимися относительно халлайнийской кампании.

— И как, — весело подмигнул ему Марсан, — симпатичные у него шесть дочерей?

— Особенно младшая, — фыркнул Шэйран, уворачиваясь от лёгкого удара супруги.

— Это которой десять? — оживился Дарнаэл. — Да, милое дитя. По-моему, единственное неиспорченное существо во всём том коdle. А что, он и её сватает?

Рэй усмехнулся — император Халлайнии, несчастливый обладатель шестерых дочерей, никак не мог просватать их за королей соседних держав — то тому, то тому грозил войной, но ни один почему-то от этого не хотел принимать это величайшее сокровище, одно из его чад.

— Очень жаль, что ты отказался от нашего охранного отряда, — покачала головой Сандриэтта. — Между прочим, будь я вместо твоего...

— Оторвись ты от своего полугодовалого ребёнка и рванись через всю пустыню за своим королём — о да, это сделало бы мне большую честь! — скривился Рэй. — Сами справились. Войско уже давно отбыло, вот и я теперь — нечего иметь с Халлайнией дело.

— А учёные? — Эльм вздохнул. — Прошлый разнёс уже три лаборатории.

— Этого я поселю не в Ламаде, — пообещал Шэйран, переглядываясь с женой. — Мон, что-то не так?

— Халлайния решила отобрать у меня мужа ещё и в вечер Восхождения? — фыркнула она. — Сколько можно разговаривать о политике?

— Это у них в крови, — отмахнулась Лиара, — так что, милая, тебе пора привыкнуть.

— Да ведь я не Антонио — привыкать ко всему плохому, что есть в моей второй половинке! — она весело покосилась на мужа. — Верно, Рэй?

— Достигнуть мастерства Антонио невозможно, — покачал головой он. — Отправиться в деревню, утвердить там матриархат...

— Они счастливы, — отметил Дарнаэл. — Точнее, Реза счастлива. Всё ещё мечтает о дочке...

— Так у неё три сына! — повела плечами Мон.

Рэй вновь покосился на неё, но ответа так и не получил. Знала ведь — иначе ответила бы, что пока не уверена в том, кто у них будет, — но не говорила.

— Лучше три сына, — отметила Лиара, — чем целая библиотека книг и один король в семействе.

— Два! — в один голос возмущённо возразили Дарнаэл и Шэйран — и расхохотались тоже в один голос, словно удивляясь тому, как до сих пор реагировали на её ставшую уже ежегодную шутку.

...Разговор неспешной нитью вился вокруг общих знакомых — пропавшего торресского посла, так и не вернувшегося обратно, Тэра и Нэ, поселившихся в библиотеке Лэвье — они оттуда выбирались на диво редко, будто бы всю свою долгую жизнь собирались спустить на книги, армий, достижений и проигрышей, экономики и технического развития, подскочившего в последние года — всё стараниями нового короля, — угрозу Халлайнии и неудачливого императора...

Свет во всей стране погас. Люди высыпали на улицы — казалось, весь огромный дворцовый сад был занят жителями замка. Рэй крепче обнял жену за плечи, наблюдая за тем, как медленно загоралась Новая Звезда — каждый год, раз за разом.

— Сейчас загорится, — прошептал он, — и Кальт опять перероет всю землю под ёлкой в поиске желанного подарка...

— Помнится, в прошлом году ты к нему охотно присоединился, — отметила Мон.

— А в этом — стоит? — он бросил на жену весёлый взгляд, и она только положила голову ему на плечо, устало улыбаясь.

Перехватила ладонь, положив себе на живот.

— Вот твой подарок, Тьеррон, — вздохнула она. — Двое у нас. И сын, и дочка.

===== 980 лет спустя =====

В лекционном зале не было где сесть. Студенты — народ благодарный только в самом начале обучения; огромная Вархвская академия давно не видела на занятии такого наплыва, но поток, едва ли не безмерный, как на историю, сейчас сидел здесь в полном составе.

— Почти тысячу лет назад была сотворена Объединённая держава, существующая в тех границах, в которых мы знаем её сейчас, — лектор махнул рукой, проецируя карту на стену, и студенты попытались сделать вид, что им интересно.

Риена раздражённо откинулась на спинку своего стула, вздохнула и покосилась на своего соседа по парте.

— Тебе не скучно?

— Так ведь история нашего государства, — пожал плечами он. — Надо послушать. У нас госэкзамен.

Она бросила взгляд на наручные часы, потом запрокинула голову назад и вцепилась глазами в светильники, словно пыталась заставить их расколоться на части и осыпаться



потоком осколков на головы слушателей.

— К сожалению, с той поры, — продолжал уверенно преподаватель, — сохранилось очень мало информации. Доподлинно известно, что правителем стал король Шэйран Первый, сын Лиары Эрроканской и Дарнаэла Тьеррона...

— Ну и что в этом интересного? — Риена даже не шептала. — Правда, Тэрин. “Великие Тьерроны объединили огромное государство в одно целое. При могучем Шэйране Первом страна наконец-то стала цельной и добилась наивысшего прогресса в развитии...”

— Тебя чем-то не устраивают великие Тьерроны? — Тэрин сложил руки на груди, поворачиваясь к ней. — Давай послушаем, а?

— Я не хочу слушать об этом толстяке, — она кивнула на фото, изображавшее невысокого, кривоногого, толстого мужчину со сверкающей лысиной в ореоле каких-то гадких седых прядей волос. — Великий Шэйран Первый, ха! Урод он, а не король...

— Но ведь державу-то объединил.

— Ну и что? — она мотнула головой, и тёмные волосы разлетелись по плечам. — Объединил — велико чудо, — женившись на тупой торресской принцессе. Как там её. Мона? Тоже ни одного портрета не сохранилось.

Тэрин не стал ничего говорить о королеве — фактов с того времени сохранилось поразительно мало. Ему почему-то не верилось, что этот коротышка мог быть тем самым великим королём, но спорить с преподавателем — глупо, поэтому он и молчал.

— Ведь ты тоже Тьеррон, — наконец-то промолвил он. — Должна испытывать гордость...

Риена ничего не ответила. Переглянулась с ним, а после придвинулась чуть ближе.

— И я тебе его напоминаю? — она усмехнулась. — Серьёзно? Вот этого коротышку?

— Риена...

Она едва досидела до конца занятия, со своего места сорвалась, будто обезумевшая — он шёл чуть медленнее, зная, что Ри сейчас перекипит под дверью, дожждётся его — он же должен довести её до дворца, — а потом можно будет говорить и об истории.

Преподаватель как раз выключал проектор, собирал материалы в папку, и теперь поднял недовольный взгляд на Тэрина.

— Вы, молодой человек, решили извиниться за своё непристойное поведение на моей лекции? — он скрестил руки на груди, выпрямляясь, и тряхнул головой, чтобы тёмные волосы не падали на глаза. — Или вы считаете, что ваши близкие отношения с Её Высочеством спасут её — или даже саму Риену — от экзаменационных работ.

— Но папа... — он запнулся.

— Не папа, а профессор Дэнир, — строго поправил его преподаватель. — Юноша, я вам советую всё же унять свой пыл. Вы ведь были нормальным студентом, а как это понимать? Чем вас не устраивает тема о Шэйране Первом? Выдающаяся, между прочим, личность, очень интересный человек...

— Полтора метра ростом? — он указал рукой на портрет короля, изображавшего его столь неприглядным и отвратительным, что страшно посмотреть было. — Пап... Неужели это может быть правдой?

— Равно как и то, что мой сын — редкостный лодырь, соблаздивший принцессу.

— Я не!.. — возмутился Тэрин, но запнулся, так и не закончив фразу. — Ну ведь не может быть всё... Вот так. Это ж не история, это издевательство!

— Свою двойку матери аргументируешь.

— Но папа!

Дэнир вздохнул.

— Иди, утешь принцессу. Скажи, что я всё наврал для общего государственного блага, и что в учебниках пишут всякую ерунду, а настоящий портрет Первого можно посмотреть у нас дома в папках.

— Опять лжёшь?

Мужчина только пожал плечами.

— Приводи — узнаешь.

Сын раздражённо фыркнул.

— А что я должен ещё вам рассказывать, как не утверждённое министерством? — наконец-то полюбопытствовал он.

Но Тэрин больше не слушал — вышел из лекционного зала, оставляя отца одного.

Мужчина открыл папку, то самое отделение, в которое никогда не заглядывал, и бросил портрет на стол. На него смотрел улыбающийся молодой мужчина с яркими синими глазами — как у него самого, — такими же смольными волосами и весёлым, немного хитрым взглядом.

— Ну, Шэйран Первый, — вздохнул он, — интересно, кто докопается до правды? Они? Или кто-то другой? — Дэнир покачал головой. — Знаешь, как меня достало показывать потоку студентов портрет Вирра Кэрнисса вместо твоего?

Он знал, что, конечно, Первый его не слышит. Тряхнул головой, выпрямился и вновь улыбнулся пустоте.

Трудно быть историком Дэниром, но — Эрри, его супруга, поймёт, — Дарнаэлом Первым быть намного труднее.

Он только бросил взгляд в сторону закрытой двери и вздохнул. Принцесса — вылитая королева Моника, — напоминала ему о том прошлом, когда король сжимал в руке шпагу, а не мобильный телефон, а одним только взмахом руки мог поставить на колени целую толпу.

Может, оно и хорошо, что никто из них не знает правду?

И Дэнир в последний раз посмотрел на семейный портрет Тьерронов, махнул рукой и вышел, так и не забрав с собой лист бумаги.

...В пустоту потолка улыбались короли прошлого. Смеялся Дарнаэл Второй, обнимая любимую жену за талию, гордо вскинул голову молодой Кальт... Сжимал руку супруги Шэйран Первый, Моника положила ладонь на плечо младшей дочери, рядом выстроились двойняшки — старшие дети. Герцог и герцогиня Ламадийские — четверо их детей. Статный, с поседевшими рано висками королевский племянник, супруга, их дитя...

И одинаково счастливые, радостные взгляды.

Больше книг на сайте — [Knigolub.net](http://Knigolub.net)